

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

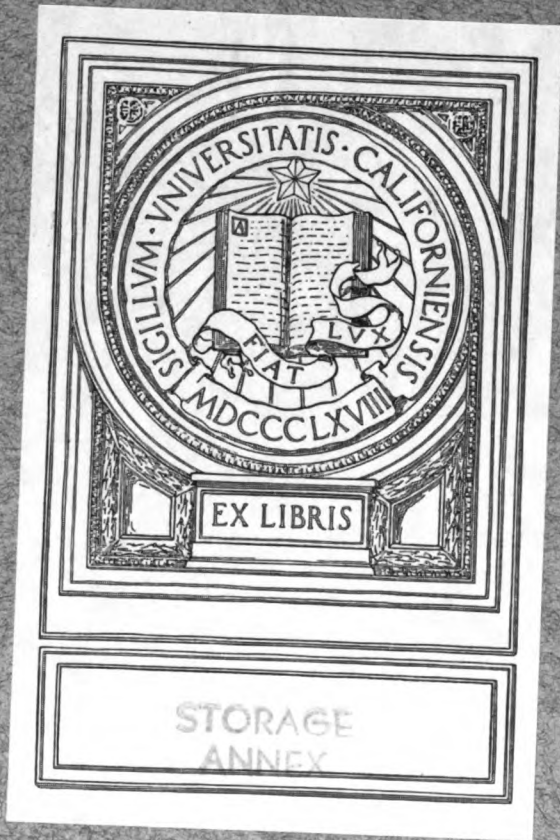
UC-NRLF

B 2 917 403

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LIBRARY

Handwritten scribble

Russia. Min. nar. pros.
ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXII

1889.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева Наб. Екатерининскаго вѣд., № 78.

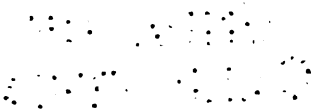
1889.

L451
A4
v. 262

Императорский кан., д. 78.
№ 2874.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (19-го декабря 1888 года). Объ ограниченіи участія нехристіанъ въ завѣдываніи начальными народными училищами.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ ограниченіи участія нехристіанъ въ завѣдываніи начальными народными училищами, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ ограниченіи участія нехристіанъ въ завѣдываніи начальными народными училищами, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе подлежащихъ статей Высочайше утвержденаго 25-го мая 1874 года положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ (втор. полн. собр. зак. т. XLIX, № 53,574), постановить:

I. Предсѣдательствовать въ училищныхъ совѣтахъ, какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ, а равно быть избираемыми въ члены оныхъ отъ земства и городовъ (полож. ст. 27), имѣють право одни только лица христіанскаго вѣроисповѣданія.

II. Въ случаѣ утвержденія въ должности губернскаго или уѣзднаго предводителя дворянства нехристіанина, предсѣдательство въ

843061

губернскомъ или уѣздномъ училищномъ совѣтѣ, по принадлежности, переходитъ къ лицу, которое, по закону, вступаетъ въ отправленіе обязанностей предводителя, за его болѣзнью, отсутствіемъ или выбитіемъ изъ службы; если же и сей замѣститель окажется принадлежащимъ къ нехристіанскому вѣроученію, то предсѣдательство въ названномъ совѣтѣ возлагается на старшаго изъ засѣдающихъ въ немъ членовъ отъ гражданскихъ вѣдомствъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

2. (22-го декабря 1888 года). Объ учрежденіи при Повѣнецкомъ городскомъ училищѣ капитала для употребленія процентовъ съ онаго въ пользу бѣдныхъ учащихся въ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 22 день декабря 1888 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Повѣнецкомъ городскомъ училищѣ капитала, въ количествѣ одной тысячи руб., для употребленія процентовъ съ онаго въ пользу бѣдныхъ учащихся въ училищѣ и съ присвоеніемъ ему наименованія: „капиталъ Повѣнецкаго городского общества при Повѣнецкомъ городскомъ училищѣ“.

3. (16-го января 1889 года). О выбитіи медали въ память открытія Томскаго университета.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 16-й день января 1889 года Высочайше соизволилъ на выбитіе медали въ память открытія Томскаго университета.

Описаніе медали въ память открытія Томскаго университета.

На лицевой сторонѣ медали изображены рельефные портреты: нинѣ благополучно царствующаго Государя Императора и въ Бозѣ почившаго Императора Александра II и съ надписью кругомъ по ободку: „Благоволеніемъ Всероссійскихъ Самодержцевъ даруется Сибири высшее просвѣщеніе“, а на оборотной—рельефъ фасада главнаго зданія Томскаго университета подъ надписью на ободкѣ: „Томскій университетъ“ и герба Томской губерніи между цифрами 1880 — 1886.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Всемилостивѣйше соизволилъ, 30-го декабря 1888 года, на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, за труды ихъ по народному образованію, серебряными медалями съ надписью „за усердіе“, на Александровской лентѣ, для ношенія на груди: губернскихъ секретарей: учителей приходскихъ училищъ: 3-го мужскаго гор. Калуги—Пиуновскаго; Донской области: Нижне-Новочеркаскаго — Альбакова, Веселовскаго—Соловьева, Кагальницкаго — Корифенкова и Багаевского—Правосудова; Черновскаго, Соликамскаго уѣзда, Пермской губерніи—Новожилова; Задонскаго 1-го городскаго—Попова и Карасубазарскаго народнаго—Демишева; коллежскихъ регистраторовъ: учителей городскихъ приходскихъ училищъ: Воронежскаго 1-го—Егорова и Соликамскаго мужскаго—Колесникова; учителя Херсонскаго начальнаго народнаго училища Варавина и учителя и содержателя Золотоношскаго, Полтавской губерніи, частнаго начальнаго народнаго училища Авадовскаго; не имѣющихъ чиновъ: учителей приходскихъ училищъ: 1-го мужскаго гор. Калуги — Семена Пшеная, Мценскаго—Евстафія Бѣлкина, Бѣлевскаго—Ивана Павшинскаго, Камышинскаго мужскаго—Петра Лепоринскаго, Хмѣльницькаго, Лытинскаго уѣзда, Подольской губерніи—Григорія Кравченко и Порховскаго, Порховскаго уѣзда — Николая Пареенова; учителя Камышинскаго лютеранскаго церковно-приходскаго училища Давида Юстуса; учителей городскихъ приходскихъ училищъ: Миргородскаго, Полтавской губерніи — Алексѣя Сукачева, Переяславскаго, той же губерніи — Антона Дуговика, Бериславскаго, Херсонскаго уѣзда—Христофора Фальмана, Егорьевскаго, Егорьевскаго уѣзда—Василія Свистова, Сапожковскаго, Сапожковскаго уѣзда—Александра Лаврова. Воронежскаго 2-го—Федора Давыдова, Воронежскаго 3-го—Алексѣя Климова, Мокшанскаго мужскаго—Андрея Карцева и Краснослободскаго мужскаго—Евгенія Коновалова; учителя приготовительнаго класса Симферопольской татарской учительской школы Степана Лосева; учителей, завѣдывающихъ училищами: Ногайскимъ начальнымъ—Семена Николаева, министерства народнаго просвѣщенія: Ряховскимъ, Ковровскаго уѣзда—Ивана Руберовскаго, Аряжскимъ сельскимъ, Осинскаго уѣзда, Пермской губерніи — Веніамина Вяткина, Мелитопольскаго уѣзда: Михайлов-

скимъ сельскимъ—Федора Музыченко и Нижне-Сѣрагозскимъ сельскимъ—Василія Баранова; заведывающихъ училищами: начальными народными: Хотѣнскимъ, министерства народнаго просвѣщенія, Козельскаго уѣзда, Калужской губерніи—Егора Лызлова, Медвѣдскимъ, Новгородскаго уѣзда—Евгенія Талызина и Каевскимъ, Брестецкаго уѣзда, Новгородской губерніи—Василія Осницкаго, Таганцкимъ народнымъ, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи—Алексѣя Бычкова; сельскими: Тальновскимъ, Уманскаго уѣзда, Кіевской губерніи—Моисея Крахмальнаго, Полтавской губерніи: Смѣлянскимъ, Роменскаго уѣзда—Григорія Протаса, Сенчанскимъ, Лохвицкаго уѣзда—Ивана Логвиненко, Лютеньскимъ, Гадачскаго уѣзда—Харлампія Дубяги; Константиноградскаго уѣзда: Петровскимъ—Константина Великохатско и Карловскимъ—Алексѣя Хлыстина и Сребнянскимъ, Прилукскаго уѣзда—Владимира Корсуна; учителей училищъ министерства народнаго просвѣщенія, Хотѣнскаго—Николая Ширскаго, Миротинскаго, Алексинскаго уѣзда—Николая Ильинскаго, Херсонскаго уѣзда: Богоявленскаго народнаго—Василія Рыбаченко и Березнеговатскаго народнаго—Ильи Александрова, Корчюдомскаго, Любимскаго уѣзда—Леонида Покровскаго, Владимірскаго народнаго, Херсонскаго уѣзда, Исидора Голоносова; сельскихъ: Воскресенскаго, Макарьевскаго уѣзда—Ивана Феликса, Саконскаго, Ардатовскаго уѣзда—Ивана Монахова, Пермской губерніи: Юрлинскаго, Чердынскаго уѣзда—Александра Устинова и Камбарскаго, Осинскаго уѣзда—Василія Серебрякова, Масловскаго, Бобровскаго уѣзда—Митрофана Михайловскаго, Троицкаго, Краснослободскаго уѣзда—Федора Ермолаева и Земетчинскаго, Моршанскаго уѣзда—Ивана Окорокова; учителей народныхъ училищъ: Подольской губерніи: Литинскаго уѣзда: Пилявскаго—Ивана Панибрата, Бабинскаго—Ипполита Трохимовича и Сальницкаго—Мартина Мельникова, Лисоводскаго, Каменецкаго уѣзда—Николая Яременко и Саввинецкаго, того же уѣзда—Феодосія Зиньковскаго; Волинской губерніи: Староконстантиновскаго уѣзда: Шибенскаго—Михаила Масловскаго, Западнецкаго—Николая Карашевича, Кульчинецкаго—Климентя Туржанскаго и Свинновскаго—Василія Сушицкаго, Заславскаго уѣзда: Малишкарковского—Алексѣя Новосадскаго и Бѣлгородскаго—Петра Суса и Песчанскаго, Ольгопольскаго уѣзда, Каменецъ-Подольской губерніи—Константина Гринштейна; Кіевской губерніи, Липовецкаго уѣзда: Жадановскаго—Степана Воловика и Андрушевскаго—Петра Яворскаго,

Байраваго, Полтавскаго уѣзда—Ивана Коломеннаго; Полтавской губерніи: Миргородскаго уѣзда: Яресьмовскаго—Николая Корніяша и Кибинскаго — Алексѣя Кривченко, Полтавскаго, Полтавскаго уѣзда—Ивана Мовчаны, Лохвицкаго уѣзда: Черпуховскаго—Василія Халецкаго и Варьинскаго земскаго—Петра Покровскаго, Черевковскаго, Переяславскаго уѣзда — Григорія Дорошенко, Прилуцкаго уѣзда: Гнилицкаго—Ивана Тилушевскаго, Кустовецкаго—Григорія Войтеховскаго и Иванковскаго — Кондрата Науменко, Песчанскаго, Золотоношскаго уѣзда — Георгія Кузьменко-Гвоздевича, Галицкаго, Кременчугскаго уѣзда—Дмитрія Гулакова, Шайковскаго, Каневскаго уѣзда, Киевской губерніи — Игнатія Самборскаго; Киевской губерніи: Шабельницкаго, Чигиринскаго уѣзда—Александра Калиновскаго и Сибѣянскаго, Черкаскаго уѣзда, Якова Хаустова; Свинарновскаго, Гадячскаго уѣзда, Полтавской губерніи, Александра Гальченке; Мелитопольскаго уѣзда: Тергѣньевскаго 1-го—Феодота Шамоты, Михайловскаго 2-го—Владимира Селиванова и Верхне-Рогачинскаго 2-го—Григорія Сергѣева; Курисо-Покровскаго, Одесскаго уѣзда, Петра Ульянова; земскяхъ: Червече-Слободскаго—Андрея Бушкованаго; Галковскаго, Ромейскаго уѣзда Митрофана Саливона; Боровинскаго, того же уѣзда, Аеамасія Шидловскаго; Гадячскаго уѣзда: Красно-Лукскаго — Петра Ковалевскаго, Гадячскаго-Подольскаго—Мееодія Ройко, Капустинскаго—Феофана Решетника, Книшовскаго—Павла Станиславскаго, Вельбовскаго—Якова Крамаровскаго, Крутьковскаго — Стенана Подгаевскаго, Подоловскаго—Павла Дручевскаго и Сергѣевскаго—Василія Тулюны; учителей начальныхъ народныхъ училищъ: Новгородскаго уѣзда: Чудовскаго—Николая Осина, Тигодскаго—Якова Христофорова и Пельгорскаго—Ивана Лебедева; Усторонскаго, Крестецкаго уѣзда—Ефима Шагина; Пошехонскаго уѣзда: Граматинскаго — Александра Яковлева, Мормушинскаго — Флегонта Добротина и Николо-Раменскаго—Николая Раменскаго; Ново-Юрьевскаго, Козловскаго уѣзда—Михаила Минерьина; Ковотопскаго желѣзнодорожнаго, Черниговской губерніи—Андрея Левицкаго; Знаменскаго, Камышловскаго уѣзда—Петра Кузовникова; Сайгатскаго, Осинскаго уѣзда—Александра Донатина; Рождественскаго, Соликамскаго уѣзда — Ивана Лапина; Усть-Кисертскаго, Кунгурскаго уѣзда — Александра Собянина; Гайнскаго, Чердынскаго уѣзда — Николая Каширина; Савинскаго, Осинскаго уѣзда — Алексѣя Ефремова; Березовскаго, Екатеринбургскаго уѣзда — Семена

Козлова; Каменскаго, Камышловскаго уѣзда—Демьяна Балакина; Чердынскаго уѣзда: Устьзулинскаго—Михаила Благовѣщенскаго, Верхъ - Боровскаго — Ѳедора Филатова и Бондюжскаго—Василія Засухина; законоучителя и учителя Примковскаго начальнаго народнаго училища, Ростовскаго уѣзда—Василія Флоридова; учителей инородческихъ начальныхъ министерства народнаго просвѣщенія училищъ: Архановскаго—Ивана Николаева и Камлевскаго—Василія Губѣева; учителей начальныхъ училищъ при Еватерининскомъ учительскомъ институтѣ въ городѣ Тамбовѣ—Ивана Староградскаго, при Бѣлгородской учительской семинаріи—Петра Лосева; Псковскаго уѣзда: Остенскаго—Дмитрія Гривскаго, Ружскаго—Ивана Меньшикова, Таладскаго—Михаила Горшечникова, Великопустынскаго—Семена Боброва, Александровскаго—Дмитрія Рѣпкина, Каменскаго—Александра Андреева и Репинскаго—Михаила Опоцкаго; Порховскаго уѣзда: Ясенскаго—Александра Трошихина, Вольшевскаго—Ѳедора Волосова, Березовскаго—Михаила Сигорскаго, Межницкаго—Виктора Свѣтлова и Ручьевскаго—Александра Опоцкаго; патаго мужскаго въ городѣ Коломвѣ—Александра Гартинскаго; Коломенскаго уѣзда: Бортниковскаго—Ивана Тараканова и Старо-Голутвенскаго—Ивана Карпова; учителей сельскихъ училищъ: Вологодскаго уѣзда: Оларевскаго—Василія Шуйскаго и Вепревскаго—Владимира Гресвицкаго, Кадниковскаго уѣзда: Васьяновскаго—Александра Бартенева, Заднесельскаго—Николая Дмитріева, Пельшемскаго—Николая Обросова и Вальгскаго—Николая Ильинскаго; Вешкурскаго, Сольвычегодскаго уѣзда—Прокопія Попова; Красавинскаго частнаго, Устюгскаго уѣзда—Платона Кузнецова; Нелѣлинскаго мужскаго, Малоарославецкаго уѣзда—Ильи Соколова; Новосельскаго, Бѣльскаго уѣзда—Николая Акулина; Перемышльскаго уѣзда: Рыченскаго—Василія Новоградскаго и Ильинскаго—Дмитрія Предтеченскаго; Солотчинскаго; Рязанскаго уѣзда—Василія Политова; Спасскаго уѣзда: Сасыкинскаго—Алексѣя Олигова и Старо-Биструсскаго—Николая Протопопова; Прудскаго, Касимовскаго уѣзда—Харитона Дворникова; Варятинскаго, Данковскаго уѣзда—Василія Соловьева; Смѣлянскаго, Роменскаго уѣзда—Ивана Шкумата; Лютенскаго, Гадячскаго уѣзда—Якова Яременко; Карловскаго, Константиноградскаго уѣзда—Ѳеодосія Марюхнича; Рокитянскаго, Васильковскаго уѣзда—Гавриила Сикачинскаго; Землянскаго уѣзда: Верховскаго—Митрофана Скрябина, Верхне-Грайворонскаго—Константина Лебедева и Старо-

вѣдугскаго—Николая Базилевскаго; Нижнедѣвицкаго уѣзда: Векетовскаго—Василія Жданова, Туровскаго—Ивана Долгополова и Хохольскаго—Михаила Аристова; народныхъ: Феодосійскаго уѣзда: Андрѣевскаго—Дмитрія Михо и Аджимушвайскаго—Герасима Галчинскаго; Бердянскаго уѣзда: Нововасильевскаго 3-го—Гордея Опары, Берестовскаго 2-го—Николая Голубева и Орловскаго—Николая Козырина; Генническаго, Мелитопольскаго уѣзда—Виктора Щербинны; Китайгородскаго, Кобелякскаго уѣзда Василія Ващинскаго и Федоровскаго, Константиноградскаго уѣзда—Михаила Снѣгуровскаго; начальныхъ народныхъ: Елецкаго уѣзда: Грунино-Воргольскаго—Василія Херсонскаго, Пушкарскаго—Федора Покровскаго, Злобино-Воргольскаго—Александра Руденскаго и Асламовскаго—Павла Гончарова; Гнилоплотскаго, Малоархангельскаго уѣзда—Петра Бунина; Студеновскаго, Ливенскаго уѣзда—Николая Гапшинова; Орловскаго уѣзда: Новополевскаго—Дмитрія Венедиктова и Гнилушенскаго—Митрофана Гедеонова; Брянскаго уѣзда: Старьскаго—Василія Воскресенскаго и Лутненскаго—Гавріила Кудрявцева; Краснослободскаго уѣзда; Урейскаго—Сергѣя Балысникова и Аксельскаго—Ивана Землемѣрова; Мокшанскаго уѣзда: Мокшанскаго—Гавріила Черноусова и Ломовскаго—Егора Кудряшева; начальныхъ: Троицкаго, Медынскаго уѣзда, Николай Бѣляева и Лихвенскаго уѣзда: Варушицкаго—Ильи Елеонскаго и Говоренскаго—Лаврентія Тимонина; учителя Гроецкихъ начального мужскаго и воскресно-ремесленнаго городскихъ училищъ Юсифа Сабока; учителей училищъ: Ефремовскаго уѣзда: въ селѣ Липяги—Михаила Коломенскаго, въ селѣ Залѣскомъ—Александра Алферова; въ деревняхъ: Хомяковой—Ивана Асанова, Моховскіе выселки—Ивана Гастева, Чебышевкѣ—Николая Георгіевскаго; въ селахъ: Законы—Сергѣя Никитскаго, Остропаты—Виталія Сахарова, Лебяжки—Михаила Троицкаго: Новаго Павшина, Алексинскаго уѣзда—Николая Русакова; Вязи, Новосильскаго уѣзда—Василія Рождественскаго; Старо-Петришева, Тульскаго уѣзда—Василія Дарскаго; Никитскомъ, Елифановскаго уѣзда—Сергѣя Сахарова и Завалья, Каширскаго уѣзда—Евдокима Максимова: младшаго учителя Смѣлянскаго частнаго училища, при рафинадномъ заводѣ графовъ Бобринскихъ, Черкаскаго уѣзда Киевской губерніи, Ивана Скачевскаго; помощника учителя Драбовскаго сельскаго училища, Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи, Петра Махорина; бывшихъ учителей училищъ: Велико-Будацскаго народнаго, Полтавской губерніи, Гордѣя Онищенко и при-

городнаго сельскаго, Сапожковскаго уѣзда, Митрофана Соборова и учителя и содержателя частнаго еврейскаго училища 3-го разряда въ гор. Мелитополѣ Давида Берга.

III. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

16-го января 1889 года. произведенъ, учитель завѣдывающій Мытскимъ двухкласснымъ училищемъ министерства народнаго просвѣщенія, Гороховецкаго уѣзда, Владимірской губерніи, Егоръ Поѣдинскій—въ коллежскіе регистраторы.

Утверждены на три года: коллежскіе ассессоры: Гаевскій и Фальцъ-Фейнъ и штабсъ-ротмистръ Штенгеръ—почетными попечителями гимназій: первый—Бердянскои, второй—Херсонскои и послѣдній—Александровскои Старобѣльскои; мануфактуръ-совѣтникъ Гарелинъ и личный почетный гражданинъ Ромеръ—почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый—Ивано-Вознесенскаго и послѣдній—Александровскаго-Орловскаго.

Продолженъ срокъ командировки за границу, съ ученою цѣлю: привать-доценту Императорскаго С.-Петербургскаго университета Батюшкову и кандидату Императорскаго Харьковскаго университета Осипову—на шесть мѣсяцевъ.

Командированы за границу, съ ученою цѣлью: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира Лешъ и привать-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета Гольдгаммеръ—на четыре мѣсяца, первый—съ 1-го мая, а второй—съ 15-го мая сего года (Выс. пов. 22-го декабря 1888 года); сверхштатный ординаторъ Императорскаго Варшавскаго университета гѣкарь Прушинскій и исправляющій должность лаборанта Императорскаго С.-Петербургскаго университета, кандидатъ Барбатенко—на шесть мѣсяцевъ: привать-доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ Опенховскій—на семь мѣсяцевъ: привать-доценты Императорскихъ университетовъ: Московскаго—Покровскій и св. Владимира—Павлуцкій—на одинъ годъ: изъ нихъ: Покровскій съ 1-го августа, а Павлуцкій съ 1-го февраля 1889 года; магистръ Императорскаго Московскаго университета Насоновъ, учитель Кіевскои 1-й гимназій Турцевичъ, привать-доценты Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Ивановскій и Казан-

скаго—Реформатскій и кандидатъ Императорскаго Варшавскаго университета Вульфъ—на два года, изъ нихъ Ивановскій—съ 1-го іюля 1889 года.

Объявлено Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе, предсѣдателю ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, члену совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику Георгіевскому—за особые труды по званію члена закрытой нынѣ особой высшей комиссіи для пересмотра дѣйствующихъ о евреяхъ въ Имперіи законовъ (Выс. пов. 29-го декабря 1888 года).

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (7-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени потомственной почетной гражданки Маріи Алексѣевны Рахмановой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ восемь тысячъ рублей учреждается одна стипендія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, имени жертвовательницы сего капитала, потомственной почетной гражданки Маріи Алексѣевны Рахмановой“.

§ 2. Размѣръ стипендіи, за вычетомъ изъ процентовъ съ капитала 5%, государственнаго налога, триста восемьдесятъ рублей въ годъ.

§ 3. Стипендія назначается одному изъ бѣдныхъ и отличныхъ по способностямъ и поведенію студентовъ медицинскаго факультета, русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія.

§ 4. Стипендія назначается вновь вступившему въ университетъ студенту перваго семестра и выдача ея продолжается непрерывно въ теченіе всего пребыванія въ университетѣ, но для такого непрерывнаго полученія стипендіи отъ стипендіата требуется а) зачетъ полугодій и б) удовлетвореніе требованіямъ конкурсныхъ на стипендію испытаній.

§ 5. Въ случаѣ неудовлетворенія условіямъ предыдущаго пункта, стипендіатъ лишается стипендіи, а равно и въ томъ случаѣ, если будетъ замѣченъ въ чемъ-либо предосудительномъ.

§ 6. Стипендія назначается, по представленію факультета, правленіемъ университета и утверждается за избраннымъ кандидатомъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа.

§ 7. Если по какому-либо случаю образуются остатки отъ процентовъ съ капитала, то таковыя причисляются къ капиталу для увеличенія вполнѣдствіи размѣра стипендіи.

2. (17-го ноября 1888 года). Положеніе о стипендіи имени „профессора и академика Василя Павловича Васильева“, при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 6,068 рублей, собраннаго въ Китаѣ по подпискѣ между бывшими студентами факультета восточныхъ языковъ, слушавшихъ китайскій языкъ и другими русскими подданными, учреждается при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ ознаменованіе пятидесятилѣтія ученой дѣятельности профессора названнаго университета академика Василя Павловича Васильева, одна стипендія имени „профессора и академика В. П. Васильева“.

§ 2. Стипендія изъ процентовъ съ капитала, за вычетомъ 5% государственнаго налога, назначается, согласно существующимъ для частныхъ стипендій общимъ правиламъ, недостаточному студенту факультета восточныхъ языковъ, православнаго исповѣданія, специально занимающемуся китайскимъ языкомъ.

§ 3. Если между соискателями стипендіи окажется лицо, отецъ котораго служилъ въ Китаѣ, Японіи и Корей, то при другихъ равныхъ условіяхъ преимущество должно быть отдано таковому.

§ 4. Для полученія и сохраненія стипендіи необходимо исполненіе условій, требуемыхъ дѣйствующими правилами о назначеніи студентамъ стипендій и пособій.

§ 5. Могущіе образоваться за время незамѣщенія стипендіи остатки обращаются, по усмотрѣнію правленія университета, или на приращеніе капитала стипендіи, или на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (26-го ноября 1888 года). Положеніе о стипендіи имени „тайнаго совѣтника Николая Антоновича Кристофари“ при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ шесть тысячъ рублей, завѣщаннаго вдовою тайнаго совѣтника Эмилией Андреевною Кристофари,

учреждается при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ стипендія имени тайнаго совѣтника Николая Антоновича Кристофари.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ билетѣ государственной комиссіи погашенія долговъ 5-го 5% займа, на шесть тысячъ рублей номинальной стоимости, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, составляя неприкосновенную собственность Императорскаго Дерптскаго университета.

§ 3. Право на полученіе сей стипендіи принадлежитъ потомкамъ доктора Карла Ватсона, членамъ семейства Ваксмуть, происходящимъ отъ Августы Ваксмуть, урожденной Ватсонъ и членамъ семейства Сози, происходящимъ отъ Федора Осиповича Сози. При появленіи одновременно нѣсколькихъ соискателей стипендіи изъ названныхъ въ семъ § семействъ, выборъ стипендіата предоставляется жребію.

§ 4. При отсутствіи стипендіатовъ изъ названныхъ въ § 3 семействъ, стипендія можетъ быть временно выдаваема, подѣ нижеизложенными въ § 5 условіями, и другимъ недостаточнымъ студентамъ, не принадлежащимъ къ названнымъ въ § 3 семействамъ, которые прилежаніемъ и безукоризненнымъ поведеніемъ окажутся того достойными. Въ такихъ случаяхъ выборъ стипендіата предоставляется совѣту Императорскаго Дерптскаго университета.

§ 5. Въ предусмотрѣнномъ въ § 4 случаѣ стипендія можетъ быть выдаваема лишь на одинъ годъ. Если же, по истеченіи года, не окажется соискателей стипендіи изъ поименованныхъ въ § 3 семействъ, стипендія можетъ быть предоставляема послѣднему пользовавшемуся ею на дальнѣйшій срокъ по семестрамъ, до тѣхъ поръ, пока не явится проситель изъ упомянутыхъ въ § 3 семействъ, или же до истеченія срока учебнаго курса того факультета, къ которому принадлежитъ пользующійся стипендіей.

§ 6. Соискатели стипендіи изъ поименованныхъ въ § 3 лицъ обязаны увѣдомить о своемъ желаніи получить стипендію совѣтъ Императорскаго Дерптскаго университета своевременно и не позже официального начала того учебнаго полугодія, съ котораго они желаютъ пользоваться стипендіею, чтобы совѣтъ университета имѣлъ возможность своевременно сдѣлать распоряженіе о выдачѣ стипендіи.

4. (11-го декабря 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени „еврея Думашевскаго“ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 36.000 рублей, завѣщан-

наго надворнимъ совѣтникомъ Арнольдомъ Борисовичемъ Дунашевскимъ Императорскому С.-Петербургскому университету, согласно волѣ завѣщателя и на указанныхъ имъ основаніяхъ, учреждается для студентовъ юридическаго факультета означеннаго университета, безъ различія исповѣданія, четыре стипендіи имени св. св. Дунаевского, каждая въ 456 рублей.

§ 2. Стипендіями этими могутъ пользоваться только лица, не имѣющія никакихъ средствъ для содержанія себя во время пребыванія въ университетѣ.

§ 3. Лица, желающія воспользоваться означенными стипендіями должны дать декану юридическаго факультета подписку въ томъ, что не будутъ брать на себя никакихъ лукративныхъ занятій, какъ-то: уроковъ, корректуры, переводовъ и т. п. кромя одного часоваго урока или иного часоваго занятія въ день, и то не иначе, какъ съ вѣдома и разрѣшенія декана юридическаго факультета. Нарушившій это условіе лишается навсегда права на стипендію.

§ 4. Стипендіи назначаются на основаніи постановленія юридическаго факультета, принятаго большинствомъ четырехъ пятыхъ голосовъ и съ соблюденіемъ общихъ правилъ, установленныхъ для стипендій.

§ 5. Юридическій факультетъ назначаетъ эти стипендіи лишь студентамъ, получившимъ не менѣе 4, 5 балловъ на составительномъ испытаніи.

§ 6. Остатки отъ процентовъ, стипендій и не выданныхъ стипендій причисляются къ капиталу, по мѣрѣ увеличенія коего имѣетъ быть увеличиваемъ и размѣръ стипендій, но не свыше 500 рублей. Въ случаѣ же дальнѣйшаго увеличенія капитала, излишніе сверхъ 2.000 руб. проценты съ него обращаются на учрежденіе пятой стипендіи.

5. (31-го декабря 1888 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Петра Ивановича Гогина при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ семь тысячъ рублей, пожертвованнаго по духовному завѣщанію вдовы статскаго совѣтника Маріи Ивановны Гогинной, учреждается при С.-Петербургскомъ университетѣ стипендіи имени „статскаго совѣтника Петра Ивановича Гогина“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя неприкосновенную собственность С.-Петербургскаго университета.

§ 3. Стипендія въ 350 рублей, за вычетомъ изъ сей суммы 5% государственнаго налога, выдается недостаточному студенту юридическаго факультета.

§ 4. Для полученія и сохраненія стипендіи необходимо выполненіе условій, требуемыхъ дѣйствующими правилами о назначеніи студентамъ стипендій и пособій.

§ 5. Могущіе образоваться остатки обращаются, по усмотрѣнію правленія университета, или на приращеніе капитала стипендіи, или на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (5-го января 1889 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Владиміра Александровича Казадаева при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ завѣщаннаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Владиміромъ Александровичемъ Казадаевымъ капитала въ шесть тысячъ рублей, составляющихъ, за вычетомъ 5% государственнаго налога, ежегодно 285 рублей, учреждается при Новороссійскомъ университетѣ стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ заключается въ облигаціяхъ 1-го и 2-го вост. займовъ и хранится въ Одесскомъ уѣздномъ казначействѣ, составляя собственность Новороссійскаго университета.

§ 3. Стипендіатами избираются недостаточные студенты юридическаго факультета Новороссійскаго университета одобрительнаго поведенія, оказавшіе хорошіе успѣхи въ наукахъ.

§ 4. Право избранія и утвержденія стипендіатовъ предоставляется правленію университета, согласно существующимъ о стипендіяхъ правиламъ.

§ 5. Въ случаѣ неизрасходованія процентовъ по какимъ-бы то ни было причинамъ, излишки выдаются въ пособія бѣднымъ студентамъ, по усмотрѣнію правленія университета.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (21-го января 1889 года).—Положеніе о стипендіи имени генераль-адъютанта барона Андрея Николаевича Корфа.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ семь тысячъ рублей, собраннаго родоначальниками и почетными бурятами всѣхъ родовъ Агинской степной думы, учреждается при Читинской мужской гимназій одна стипендія имени генераль-адъютанта барона Андрея Николаевича Корфа.

§ 2. Изъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, выдается стипендіату 300 руб. въ годъ въ стипендію, остающіяся же затѣмъ процентныя деньги употребляются: а) на выдачу стипендіату, при отправленіи въ г. Читы, прогоновъ и единовременнаго пособія, въ размѣрѣ, потребномъ на эту отправку; б) на выдачу по окончаніи гимназическаго курса прогоновъ и пособія для поступленія въ Императорскій Томскій университетъ отъ г. Читы до г. Томска; в) на обратный проѣздъ стипендіата, по окончаніи университетскаго курса и г) если и за симъ окажутся остатки въ стипендіальной суммѣ, таковыя причисляются къ капиталу стипендіи и обращаются на увеличеніе размѣра стипендіи.

§ 3. Стипендіальный капиталъ долженъ быть обращенъ въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги и храниться въ Читинскомъ областномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, составляя неотъемлемую собственность сего заведенія и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 4. Стипендіатъ долженъ быть исключительно изъ бѣдныхъ инородческихъ дѣтей Агинскаго вѣдомства съ предоставленіемъ утвержденія выбора генераль-адъютанту барону А. Н. Корфу.

§ 5. Если педагогическій совѣтъ гимназій, по окончаніи курса стипендіата, признаетъ его достойнымъ продолжать образованіе въ Императорскомъ Томскомъ университетѣ, то пользованіе стипендіей продолжается до окончанія курса въ университетѣ.

§ 6. По окончаніи стипендіатомъ курса наукъ, гимназическое начальство извѣщаетъ о замѣщеніи вакансій Агинскую степную думу, генераль-адъютанта барона Андрея Николаевича Корфа, при его жизни, а затѣмъ Пріамурскаго генераль-губернатора.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе инспектора Одесской 2-й прогимназій, И. Боровскаго: „Общедоступная бібліотека русскихъ писателей. 39 выпусковъ. Одесса. 1888“, за исключеніемъ выпусковъ 12-го и 27-го, одобрить для ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Сочиненія Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Изданіе Льва Поливанова для семьи и школы. Томъ пятый: Прозаическія сочиненія: Письма. Москва. 1888. Въ 8-ку стр. 632. Цѣна 1 р. 75 к.“ — рекомендовать какъ не обязательное учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для бібліотекъ фундаментальныхъ и ученическихъ.

— Книгу: „Учебная русская историко-литературная хрестоматія. Пособіе при изученіи образцовъ древней и новой русской литературы въ старшихъ классахъ гимназій, съ объясненіями и руководящими вопросами. Составилъ Н. И. Баталинъ. Москва. 1886. Въ 8-ку стр. 336+VII. Цѣна 2 руб.“—допустить какъ учебное пособіе при преподаваніи русской литературы въ гимназіяхъ.

— Книжку: „Т. Livii ab urbe condita, т. I. Съ объясненіями и введеніемъ, составленными И. Страховымъ. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. XVI+130. Цѣна 65 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „С. И. Шохоръ-Троцкій. Опытъ методики ариметики для преподаванія математики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ приложеніемъ рѣшеній типическихъ задачъ алгебраическаго характера. С.-Пб. 1888. Стр. VII+208. Цѣна 1 р.“—рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Основанія химіи. Составилъ И. Бокій, съ предисловіемъ Н. Н. Бекетова. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Харьковъ. 1888. Стр. 194. Цѣна 1 р. 25 к.“—одобрить какъ учебное руководство при преподаваніи химіи въ реальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Популярныя лекціи о гальваническомъ токъ и его часть сслѣхи, отд. 1.

примѣненіяхъ, съ прибавленіемъ лекціи о „вѣчномъ движеніи“ Генр. Вебера, профессора физики въ высшей технической школѣ въ Брауншвейгѣ. Переводъ съ нѣмецкаго Н. С. Дрентельна. Съ 86 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1888. Цѣна 1 р. 20 к.“ — рекомендовать для ученическихъ библиотекъ старшаго возраста гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „Учебникъ космографіи (математическая географія). По программѣ кадетскихъ корпусовъ составили полковникъ О. К. Мирецкій и А. Ф. Андрушкевичъ. С.-Пб. 1888. Стр. 115. Цѣна 1 р.“ — одобрить въ качествѣ пособія для гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книги: „Краткая грамматика нѣмецкаго языка. Составилъ Фердинандъ Мей, преподаватель I, II и IV Московскихъ кадетскихъ корпусовъ. Этимологія. Изданіе 2-е. Москва. 1885. Въ малую 8-ку стр. 67. Цѣна 35 коп.“ — „Kurzgefasste Grammatik der deutschen Sprache für russischen Schulen von Ferdinand Mey, Lehrer am I, II und IV Moskauer Kadettenkorps. Etymologie. 3 Auflage. Moskau. 1888. Въ малую 8-ку. Цѣна 30 коп.“ — одобрить въ видѣ руководства для мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Краткая грамматика нѣмецкаго языка. Часть II. Синтаксисъ. Составилъ Фердинандъ Мей преподаватель I, II, и IV Московскихъ кадетскихъ корпусовъ. Москва. 1886. Въ 8-ку. Стр. 62. Цѣна 30 к.“ — допустить какъ руководство при изученіи нѣмецкаго синтаксиса въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Гигіена голоса. Для артистовъ, учителей, учениковъ и любителей пѣнія, ораторовъ и проповѣдниковъ. Составилъ М. Н. Глубоковскій, врачъ при императорскихъ московскихъ театрахъ. Съ 10-ю рисунками въ текстѣ. Москва. 1889. Цѣна 1 р.“ — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а также для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Иліада Гомера. Книги I—IV. Издавъ съ примѣчаніями Н. Кирилловъ. Кіевъ. 1888. Въ 8-ку стр. 140. Цѣна 1 р.“ — допустить въ видѣ учебнаго пособія по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Греческая грамматика гимназическаго курса Э. Чернаго. Часть I. Этимологія по учебнику Э. Коха и другимъ. Изданіе 6-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное. Москва. 1889. Въ 8-ку

стр. 243. Цѣна 1 руб.“ — одобрить въ видѣ руководства по греческому языку для употребленія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги: 1) „Книга упражненій въ греческой этимологіи по руководству П. Везенера съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ и съ прибавленіемъ начальныхъ правилъ греческаго синтаксиса. Составилъ Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи. Изданіе 6-е, исправленное. Москва. 1888. Въ 8-ку стр. 320. Цѣна 1 р. 30 коп.“ 2) „Сборникъ матеріаловъ для устнаго и письменнаго перевода съ русскаго языка на греческій въ V—VIII классахъ гимназій. Составили Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи, и Н. Баталинъ, преподаватель русскаго языка въ Московской 6-й гимназіи. Часть II. Связныя статьи, систематически расположенныя по отдѣльнымъ главамъ синтаксиса. Съ прибавленіемъ греческихъ темъ, предложенныхъ на письменныхъ испытаніяхъ зрѣлости по всѣмъ учебнымъ округамъ Россіи. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Москва. 1888. Въ 8-ку стр. 244. Цѣна 1 р. 20 коп.“ — одобрить въ видѣ учебныхъ пособій по греческому языку для употребленія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Учебникъ общей географіи, съ таблицами. Курсъ I класса. Свѣдѣнія изъ математической, физической и политической географіи. Составилъ Г. С. Лыткинъ, преподаватель С.-Петербургской 6-й гимназіи. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. IV+63. Цѣна 40 коп.“ — одобрить какъ пособіе при преподаваніи географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— „Картинны для начального курса закона Божія. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина и торговаго дома Н. Фену и К°, по рисункамъ В. С. Крюкова. С.-Пб. 1888. Цѣна полнаго собранія (35 картинъ) 4 руб., сокращеннаго (16 картинъ) 2 р. 50 коп. Учебнымъ заведеніямъ уступка 10%. За 100 экземпляровъ полнаго со-

бранія 350 руб., сокращеннаго 200 руб.*—одобрить для употребленія въ низшихъ училищахъ въ качествѣ учебнаго пособия по закону Божію.

— Книгу: „С. И. Шохоръ-Троцкій. Сборникъ упражненій по ариаметикѣ для учащихся, съ приложеніемъ Краткаго учебника начальной ариеметики и Краткаго изложенія нѣкоторыхъ ученій геометріи. Для народныхъ школъ. Изданіе 2-е (безъ перемѣны). Москва. 1888. Въ 8-ку 106+34 страницы. Цѣна 25 коп.*—одобрить къ употребленію народныхъ училищъ.

— Книгу: „Шотландскій Песталоцци. Составилъ Н. Арепьевъ. С.-Пб. 1888 г. Въ 8-ку 19 стр. Цѣна 30 коп.*—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „П. Ершовъ. Конекъ-горбунокъ. Русская сказка. Изданіе 13-е. Въ 12-ю д. л. 128 страницъ, съ 7-ю рисунками и портретомъ. Цѣна 40 коп.*—одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

По донесеніямъ попечителей учебныхъ округовъ, открыты слѣдующія начальныя народныя училища министерства народнаго просвѣщенія: одноклассныя: въ селѣ Владимірскомъ, Смоленской губерніи и уѣзда при 35 учащихся, Тодайское, Гробинскаго уѣзда при 86 учащихся, Гроиздское, Газенпотскаго уѣзда при 90 учащихся, Старо-Жвардское двухклассное, Гольдингенскаго уѣзда при 142 учащихся; инородческія училища въ деревнѣ Новомъ Седякѣ, Белебеевского уѣзда, Уфимской губерніи при 25 учащихся и въ деревнѣ Суккуловой, той же губерніи и уѣзда, при 32 учащихся; въ поселеніи Кустанаѣ одноклассное мужское училище для дѣтей русскаго населенія при 57 учащихся, въ урочищѣ Унганъ-Карасу, Тургайскаго уѣзда, волостная школа для 21 мальчика изъ киргизъ и при центральныхъ училищахъ Кустанайскомъ, Агъ-Тюбинскомъ, Тургайскомъ и Прицскомъ открыты ремесленныя отдѣленія.

КРИТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗЪ МАССЫ И СВЯЗЪ ВЫСШИХЪ ЗАКОНОВЪ МАТЕРІИ ВЪ ЗАКОНЪ ПРОПОР- ЦІОНАЛЬНОСТИ.

Съ точки зрѣнія критической философіи матерія состоитъ изъ закономѣрной связи объектированныхъ ощущеній и ихъ перемѣнъ. Такъ каждая частица матеріи эмпирически реальна лишь въ той мѣрѣ, въ какой она могла бы стать предметомъ нашихъ чувствъ (зрѣнія, осязательнаго и т. д.), такъ что для нашего опыта она можетъ состоять только изъ того, что мы воспринимаемъ въ ней этими чувствами, другими словами—изъ ощущеній; а ея перемѣны, напримѣръ, движенія, суть перемѣны въ нашихъ ощущеніяхъ; но этотъ комплексъ ощущеній, будучи субъективнымъ, является намъ вслѣдствіе организаціи нашего сознанія не какъ состоянія послѣдняго, а какъ отдѣльно отъ насъ существующая вещь и ея перемѣны, то-есть, объектируется нами. Однако, чтобы признать какую-либо матеріальную частицу реальною, дѣйствительно существующею въ мірѣ явленій, или въ предѣлахъ опыта, вовсе еще нѣтъ надобности въ томъ, чтобы она была дѣйствительно видимою, осязаемою и т. д., то-есть, чтобы она уже составляла предметъ наличнаго ощущенія; вполне достаточно, чтобы она, будучи предметомъ одного лишь возможнаго ощущенія (то-есть, такого, котораго сейчасъ нѣтъ, но которое должно наступить при другихъ условіяхъ, именно—или въ другомъ мѣстѣ, или въ другое время, или при болѣе острыхъ чувствахъ), въ то же время свидѣтельствовала бы о своемъ существованіи прямымъ или косвеннымъ путемъ на тѣ частицы, которыя мы дѣйствительно ощущаемъ, или уже ощущали, или будемъ ощущать.

Въ нашемъ „Опытѣ построения теоріи матеріи на принципахъ критической философіи“¹⁾ нами установлены, сверхъ только-что упомянутого основнаго критическаго принципа, еще слѣдующіе. Всѣ матеріальныя пережѣны должны сопровождаться движеніями, такъ что связь матеріальныхъ частицъ между собою и законы матеріальныхъ явленій, каковы бы ни были послѣдніе, обусловлены прежде всего движущими причинами, или силами; а потому можно допускать, что матерія насквозь состоитъ только изъ силъ, взаимодѣйствія которыхъ между собою сопровождаются пережѣнами въ нашихъ ощущеніяхъ. Что же касается до силъ, то нами показано, что онѣ не могутъ быть механическими (тѣми, которыя обусловлены встрѣчей частицъ абсолютно-непроницаемаго протяженнаго субстрата, или вещества), и что нельзя допускать абсолютной непроницаемости, такъ что непроницаемость матеріи обусловлена не просто геометрическою несомѣстимостью протяженныхъ частицъ, а однимъ изъ видовъ отталкивательной силы, напримѣръ, дѣйствія которой измѣняются въ обратной зависимости отъ какой-либо степени разстояній, но быстрѣй, чѣмъ дѣйствія притягательныхъ силъ, откуда и возникаетъ возможность существованія протяженныхъ и непроницаемыхъ тѣлъ: вслѣдствіе возростанія отталкиванія съ уменьшеніемъ разстояній между отталкивающими центрами,—послѣдніе не могутъ быть доведены до совпаденія; а вслѣдствіе того, что это отталкиваніе убываетъ быстрѣй притягательныхъ силъ, послѣднія на извѣстномъ разстояніи отъ ихъ общаго центра должны взять верхъ, чѣмъ устраняется возможность безконечнаго разсѣянія тѣлъ и вносится въ нихъ устойчивость. Силы, дѣйствующія не механически, въ родѣ всемірнаго притяженія и т. п., мы назвали динамическими, каковымъ терминомъ будемъ пользоваться и здѣсь. Такимъ образомъ матерія обладаетъ только динамическими силами. Что же касается до послѣднихъ, то, хотя бы онѣ и свидѣтельствовали о существованіи матеріи какъ вещи въ себѣ (то-есть, объ ея существованіи помимо нашего сознанія и его ощущеній), или объ ея свойствахъ какъ вещи въ себѣ, въ предѣлахъ опыта, или сознаваемаго міра, силы обнаруживаютъ свое существованіе только какъ первичныя (механически не выводимыя) законы взаимнаго сближенія и удаленія частицъ. Такъ, напримѣръ, въ предѣлахъ опыта сила всемірнаго притяженія свидѣтельствуетъ о себѣ только въ видѣ не производимаго никакими механическими

¹⁾ С.-Петербургъ. 1888, ч. I.

условіями (толчками міровой среды и т. п.) взаимнаго сближенія тѣлъ по найденному Ньютономъ закону, хотя въ то же время не возможно (остается неизвѣстнымъ), что этому сближенію соотвѣтствуютъ нѣкоторыя внутреннія состоянія (дѣятельность или свойства) частицъ, какъ онѣ (можетъ быть) существуютъ помимо нашего сознанія и опыта, то-есть, разсматриваемыхъ какъ вещь въ себѣ; но эти состоянія или свойства, находясь за предѣлами опыта, остаются для насъ неизвѣстными и не могутъ войти въ составъ нашего знанія о природѣ, разсматриваемой какъ міръ явленій.

Изъ непознаваемости же того, что соотвѣтствуетъ эмпирически засвидѣтельствованнымъ силамъ (законамъ сближенія и удаленія частицъ) вытекаетъ ихъ неизмѣримость. Если силы составляютъ исключительно лишь законы движеній и не обнаруживаютъ ровно никакихъ свойствъ вещей въ себѣ (что возможно въ томъ случаѣ, если существованіе силъ обусловлено исключительно законами нашего сознанія), то понятіе величины силы утрачиваетъ всякое значеніе: сверхъ движеній, въ этомъ случаѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы быть измѣряемо инымъ путемъ чѣмъ движенія. Если же въ силахъ обнаруживаются свойства матеріи какъ вещи въ себѣ, то послѣднія, оставаясь внѣ опыта, по этому самому и неизмѣрими. Конечно, въ механикѣ и физикѣ существуетъ понятіе величины силы, но оно имѣетъ совсѣмъ иное и при томъ нереальное значеніе: то, что подразумѣвается подъ этимъ терминомъ, составляетъ только пріемъ для вычисленія движеній. Тамъ сила приравняется къ давленію, которое измѣряется вѣсовыми единицами; но въ то же время эта сила измѣряется произведеніемъ двигаемой ею массы на сообщенное ей этою силой ускореніе; это значить, что если эта сила обнаруживается какъ данное давленіе, то она вызываетъ ускореніе, которое обратно пропорціонально приведенной въ движеніе массѣ; давленіе же есть непрерывно возникающее и въ то же время задерживаемое движеніе, такъ что въ данномъ случаѣ понятіе величины силы служитъ для вычисленія скорости одного вида движенія (свободнаго) по данному другому виду (по давленію) и на оборотъ. А еслибы понадобилось вычислить работу (то-есть, движеніе, которое совершается вопреки окружающимъ препятствіямъ), то величину силы надо было бы приравнять къ произведенію массы не на первую степень скорости, а на ея квадратъ. Слѣдовательно физико-механическое понятіе величины силы устанавливаетъ зависимость не между движеніемъ и силой, а только между движеніемъ и дви-

женіемъ, то-есть, вовсе не даетъ возможности измѣрять силу по движенію, а только опредѣлять по движенію одного рода (свободное движеніе, давленіе, работа) движеніе другаго. Это подтверждается уже тѣмъ, что для нихъ существуютъ сразу двѣ мѣры (mv и mv^2); а этого не могло бы быть, еслибы измѣрялась сама сила ¹⁾.

¹⁾ О томъ, что сама сила остается неизмѣнной, свидѣлствуютъ и историческія судьбы начатаго Лейбницемъ (*Brevis demonstratio erroris metaphisicis Cartesii et aliorum. Acta eruditorum 1686*) спора — составляетъ ли истинную мѣру силъ mv или mv^2 . После продолжительныхъ несогласій всего ученаго міра и после не удавшейся попытки Канта (*Gedanken von der wahren Schätzung der lebendigen Kräfte. 1747*) раздѣлить всѣ силы на двѣ группы, изъ которыхъ одна измѣряется произведеніемъ mv , а другая — mv^2 , этотъ споръ былъ оконченъ, но не рѣшенъ. Правда, Вюльнеръ утверждаетъ, будто бы Даламберъ рѣшилъ его, указавъ на то, что онъ происходитъ изъ-за словъ и устраняется болѣе точнымъ различіемъ понятій (*Wüllner. Lehrbuch der Experimentalphysik. B. I. Leipzig. 1870, стр. 149*); но это ошибочное мнѣніе. Даламберъ (*D'Alembert. Traité de Dynamique. Paris. 1743. Préf. XVII — XXII, на что именно и ссылается Вюльнеръ*) условливается подъ именемъ силы подразумѣвать способность тѣла преодолѣвать встрѣчаемыя препятствія, и считаетъ поэтому необходимымъ измѣрять ее суммой преодоливаемыхъ препятствій: чѣмъ больше они, тѣмъ больше сила. Препятствія же бываютъ трехъ родовъ: 1) непреодолимыя — сполна уничтожающія всякое движеніе, которыя именно поэтому и не пригодны для измѣренія силы; 2) уничтожающія мгновенно и сполна не всякое, а только данное движеніе; 3) уничтожающія движеніе постепенно. Во второмъ случаѣ, говоритъ Даламберъ, всѣ согласны, что сила должна измѣряться произведеніемъ массы на ту скорость, которую тѣло приобрѣло бы, еслибы не было препятствій. Въ третьемъ же случаѣ, по мнѣнію Даламбера, надо измѣрять силу произведеніемъ массы на квадратъ скорости, хотя въ то же время онъ считаетъ возможнымъ измѣрять ее и произведеніемъ массы на скорость (mv), такъ какъ все зависитъ отъ того, что мы примемъ мѣрой препятствій, или абсолютную величину или же сумму ихъ сопротивленій. Лично для него послѣдній способъ (mv) кажется болѣе естественнымъ, потому что препятствія уничтожаютъ движенія не абсолютною величиной, а суммой своихъ сопротивленій. Какъ видимъ, вопросъ и здѣсь остается не рѣшеннымъ, такъ какъ предлагаются двѣ мѣры для одной и той же силы безъ достаточнаго объясненія, почему возможна такая двумѣрность, и безъ опредѣленныхъ указаній, когда именно нужно употреблять ту или другую мѣру; говорится только, что одна изъ нихъ болѣе естественна. Въ заключеніи же этого разсужденія недосказанность и неопредѣленность обнаруживаются еще яснѣй, ибо онъ утверждаетъ, что, такъ какъ мы не имѣемъ точной идеи о силѣ, то все дѣло сводится на ничтожныя метафизическія различія и поэтому каждому можно предоставить избрать какой угодно способъ. Итакъ, Даламберъ не рѣшилъ этого спора. Онъ и долженъ былъ остаться не рѣшеннымъ, такъ какъ дѣло шло объ измѣреніи такого элемента, который для насъ недоступенъ. По мѣрѣ же того, какъ

Допустимъ же, что матерія насквозь состоитъ изъ динамическихъ силъ; силы же въ предѣлахъ опыта существуютъ только какъ законы сближенія и удаленія частицъ, то-есть, какъ непрерывно возникающія въ зависимости отъ разстоянй частицъ сближающія и удаляющія ускоренія. Поэтому, если справедлива критико-философская точка зрѣннй, тогда въ матеріи, сверхъ объективированныхъ ощущеній, не должно быть ни одного свойства и вообще ничего такого, что не разлагалось бы на зависящія отъ разстоянй сближающія и удаляющія ускоренія (притягательныя и отталкивательныя силы) при чемъ, благодаря существованію притягательныхъ силъ, возможно существованіе тѣлъ (онѣ препятствуютъ частицамъ послѣднихъ разойтись на безконечное разстояніе), а отталкивательныя силы (или одна изъ нихъ) являются какъ непроницаемость, препятствующая частицамъ матеріи слиться между собою. Однако въ матеріи существуетъ еще свойство, называемое массой, отъ котораго зависятъ и величина силъ (онѣ пропорціональны массѣ), и возникающія въ разныхъ тѣлахъ, находящихся подъ вліяніемъ одной и той же, силы, ускоренія (послѣднія въ этомъ случаѣ обратно пропорціональны массамъ), которое, слѣдовательно, съ перваго взгляда существуетъ сверхъ силъ и движеній: матерія можетъ оставаться неподвижною, а въ ней все-таки будетъ масса. Если масса существуетъ сверхъ силъ, помимо движеній, то критическая теорія

выработывалось искусство правильно пользоваться во всѣхъ случаяхъ понятіемъ величинъ силы какъ *пріемомъ*, споръ долженъ былъ естественно прекратиться. Это-то окончаніе не разрѣшеннаго спора и подтверждаетъ нашу точку зрѣннй на понятіе величинъ силы. Впрочемъ объ его окончаніи надо упомянуть съ нѣкоторою оговоркой: Воннскій проѣссоръ Моръ готовъ возобновить его. „Понятіе силы— MC “, говоритъ онъ,—„было установлено Декартомъ и опровергнуто уже Лейбницемъ. Было бы очень желательно, чтобы такія уже болѣе 100 лѣтъ забракованныя (*ausgemergte*) понятія перестали распространяться (*fortgeführt werden*) въ нашихъ теперешнихъ компендіяхъ“ (*Fr. Mohr. Allgemeine Theorie der Bewegung und Kraft. Braunschweig. 1869, стр. 11*). Единственною мѣрой силы онъ считаетъ произведеніе массы на квадратъ скорости (MC^2) (I. с. стр. 111). Въ дѣйствительности же всякая мѣра (давленіе, mv и mv^2) вѣрна на своемъ мѣстѣ, и ни одна изъ нихъ не измѣряетъ самой силы (того, что, можетъ быть, существуетъ въ матеріи сверхъ движенія), а каждая служитъ только пріемомъ для установленія связи между разными родами дѣйствій (или движеній). Напротивъ, еслибы существовали еще новыя точки зрѣннй на движенія (сверхъ свободнаго движенія, давленія и работы), то могла бы понадобиться еще новая мѣра, которая устанавливала бы связь между новымъ родомъ движенія и уже упомянутыми.

ошибочна; если же она справедлива, хотя еще и не закончена, то масса должна разлагаться на движениа. Отсюда вытекаетъ необходимость критико-философскаго анализа понятія массы, который мы намѣрены вести, исходя изъ предположенія динамическаго атомизма, то-есть, допустивъ, что тѣла слагаются изъ атомовъ, каждый изъ которыхъ служитъ общимъ центромъ притягательныхъ и отталкивательныхъ силъ, при чемъ на ближайшихъ разстоянїяхъ преобладаютъ послѣднїя, а на болѣе удаленныхъ первыя. Впрочемъ замѣтимъ, что выводы нашего анализа могутъ быть получены и въ томъ случаѣ, если мы вмѣстѣ съ Кантомъ признаемъ сплошное динамическое строеніе матерїи: стоитъ только въ нашихъ разсужденїяхъ взаимъ атомовъ подставить частицы сплошной матерїи. Если же мы выбираемъ динамическій атомизмъ, то поступаемъ такъ не только потому, что чрезъ это наши соображенія сдѣлаются болѣе наглядными, а еще и по другому мотиву: при этомъ является лишній вопросъ. Дѣйствительно, массу часто понимаютъ какъ показателя количества содержащейся въ данномъ тѣлѣ матерїи; если же мы предполагаемъ тѣла состоящими изъ непротяженныхъ атомовъ, то должны объяснить, какое значеніе имѣетъ понятіе массы въ примѣненїи къ отдѣльно взятому атому.

Понятіе массы заслуживаетъ вниманіе также и потому, что оно понимается крайне разнообразно, при чемъ имъ иногда пользуются для возраженїй противъ теорїи динамическихъ атомовъ. Для подтвержденія позволимъ себѣ, кромѣ послѣдующихъ ссылокъ на мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, сдѣлать также рядъ выписокъ изъ книги Фехнера „Ueber die physikalische und philosophische Atomenlehre“¹⁾, гдѣ онъ приводитъ и разбираетъ тѣ возраженїя, которыя дѣлали противъ динамическаго атомизма, основываясь на понятїи массы, хотя, правда, онъ не опредѣляетъ въ точности, что же такое масса, а потому оставляетъ почву для новыхъ сомнѣнїй.

„Легко устранить“, говоритъ онъ, — „тѣ возраженїя, которыя съ разныхъ сторонъ поднимали съ физической точки зрѣнїя противъ простыхъ атомовъ. Либихъ говоритъ въ своихъ химическихъ письмахъ (1844, S. 57), что „для нашего ума окончательно не возможно мыслить абсолютно недѣлимыхъ маленькія частицы матерїи: безконечно малыя въ математическомъ смыслѣ слова—безъ всякаго протяженія онѣ не могутъ быть, потому что обладаютъ вѣсомъ“.

¹⁾ Zweite vermehrte Auflage. Leipzig. 1864.

„Съ этимъ по существу дѣла согласно и другое (сдѣланное Герге въ *Fichtes Zeitschr.* 1856) замѣчаніе, что атомы не могутъ быть непротяженными, потому что обладаютъ массой. Противъ этого нужно сказать, что протяженіе не имѣетъ никакой связи ни съ вѣсомъ, ни съ массой, по скольку подъ массой подразумѣвается то, что подразумѣваетъ подъ нею физикъ“.

„Относительно этого къ мнѣнію В. Вебера я присоединяю мнѣніе другаго основательнаго изслѣдователя вмѣстѣ съ его сужденіемъ о простой атомистикѣ вообще“¹⁾.

„Дѣло въ томъ“, говоритъ Веберъ, — „чтобы въ причинахъ движенія выдѣлать такую нѣкоторую постоянную часть, что хотя остатокъ и былъ бы переменнымъ, но его измѣненія можно было бы мыслить зависимыми только отъ измѣримыхъ пространственно-временныхъ отношеній. Такимъ путемъ достигаютъ до понятія массы, съ которою вовсе не необходимо связано представленіе пространственнаго протяженія. Тогда послѣдовательнымъ образомъ въ атомическомъ способѣ представленія величина атомовъ измѣряется отнюдь не по пространственному протяженію, а по ихъ массѣ, то-есть, по постоянному у каждаго атома отношенію, въ которомъ всегда находится у этого атома сила къ ускоренію. Понятіе массы (равно какъ и атомовъ) такимъ образомъ столь же мало грубо и матеріалистично, какъ и понятіе силы; напротивъ оно должно быть вполне приравнено къ нему по своему значеству“.

„Р. Гоппе говоритъ въ статѣ о движеніи и свойствахъ атомовъ (*Pogg. An. CIV.* 1856, S. 287): „Понятіе матеріи не можетъ быть въ теоріи атомовъ никакимъ инымъ чѣмъ въ механикѣ, такъ какъ въ первой всѣ немеханическіе элементы должны быть сведены на чисто механическіе. Въ механикѣ матерія выступаетъ въ двухъ отношеніяхъ—она имѣетъ массу и силу. Масса, какъ способность упорствовать (*verhaggen*) въ состояніи движенія или покоя, есть чистое количество и измѣряется чрезъ ту силу, которая нужна, чтобы вызвать или измѣнить въ ней движеніе, и, сверхъ того, имѣетъ своимъ признакомъ только нѣкоторое мѣсто въ пространствѣ.—Сила, какъ спо-

¹⁾ Фехнеръ подразумѣваетъ Гоппе, мнѣніе же Вебера, высказанное имъ въ его частномъ письмѣ къ Фехнеру, приводится въ *Atomenlehre* раньше—на стр. 88. Мы сперва переводимъ сполна отрывокъ изъ Вебера (Вильгельма), а потомъ продолжаемъ переводить цитируемое мѣсто со всеми приводимыми тамъ цитатами.

способность матеріи измѣнять движеніе другой—притягивая ее или отталкивая, есть количество и имѣетъ отношеніе къ двумъ мѣстамъ: къ одному, изъ котораго она дѣйствуетъ, и къ другому, на которое она дѣйствуетъ. Ни въ одномъ изъ этихъ отношеній не содержится пространственнаго протяженія. Напротивъ, только въ томъ случаѣ можно схватить названныя понятія въ необходимой ясности и простотѣ, если мыслить мѣста какъ пункты. Понятіе, которое относилось бы къ пространственно протяженному мѣсту, можетъ быть выведено изъ этого простаго понятія. Будетъ заблужденіемъ, если приводить непроницаемость (*Sperrbarkeit*) матеріи какъ доказательство ея пространственнаго протяженія. Никакая масса не можетъ встать препятствіемъ на пути другой сама по себѣ, но только посредствомъ отталкивательныхъ силъ; онѣ однѣ способны препятствовать проникновенію двухъ массъ; наполненіе пространства нисколько тому не способствуетъ“.

„Нѣкто“, прибавляетъ къ этому Фехнеръ, — „сдѣлалъ мнѣ устно возраженіе, что сопротивленіе инерціи (*der Widerstand der Trägheit*)¹⁾ несовмѣстимо съ простой атомистикой; и это возраженіе съ перваго взгляда имѣетъ за себя нѣкоторую видимость. Допустимо, что конечная масса получаетъ толчокъ отъ другой конечной массы или вообще отъ конечной силы, тогда она приобретаетъ конечную скорость. Половинная масса приобрѣла бы отъ той же самой силы двойную скорость; такимъ образомъ безконечно малая масса, простой атомъ, должна была бы приобрѣсть по этой пропорціи безконечно большую скорость; отсюда для конечной массы, какъ состоящей изъ конечнаго числа простыхъ атомовъ не вышло бы конечной, убывающей въ зависимости отъ массы, скорости; короче—не получилось бы такого сопротивленія инерціи, которое есть въ дѣйствительности. Но ошибка этого разсужденія лежитъ въ томъ, что изъ факта сопротивленія инерціи дѣлаго тѣла выводится безконечная скорость для простой частицы. Пусть, напримѣръ, конечная масса состоитъ изъ милліона

¹⁾ Подъ этимъ терминомъ въ отличіе отъ такихъ сопротивленій какъ треніе и т. д. подразумѣвается масса: для данной массы, чтобы сообщить опредѣленную скорость, нужна точно опредѣленная сила, меньшая же вызоветъ меньшую скорость, такъ что въ матеріи есть что-то *въ родѣ* сопротивленія; она не позволяетъ силѣ распоряжаться съ нею, какъ вздумается, а на ряду съ послѣдней и сама опредѣляетъ свою скорость. Такъ какъ безъ силы тѣло вслѣдствіе инерціи оставалось бы въ покоѣ, то это будто бы сопротивленіе и называется сопротивленіемъ инерціи.

простых атомовъ. По закону сопротивленія инерціи половина этой массы, подъ влияніемъ толкающей силы, получить двойную скорость, а миллионная часть массы, то-есть, одинъ простой атомъ, только миллионную часть скорости всей массы, но отнюдь не безконечную скорость. Этимъ уже устраняется все возраженіе¹⁾.

¹⁾ Atomenlehre, Ss. 160 и 161. Своимъ примѣромъ Фехнеръ разъясняетъ, какъ надо смотрѣть на дѣло, но недостаточно вскрываетъ ошибку своего невѣстнаго противника — и не можетъ ея вскрыть, потому что самъ далъ къ ней поводъ, а его противникъ строго держится его принциповъ. Фехнеръ хочетъ получить простые атомы, пройдя до конца въ идеѣ дѣленіе протяженнаго атома на его части, (1. с. стр. 150 и 151). Предѣломъ такого (безконечнаго) дѣленія служить пунктъ. Противникъ Фехнера, исходя изъ этого метода, справедливо заключаетъ, что простой атомъ, который служить предѣломъ такого дѣленія, долженъ имѣть нулевую массу, а повтому подъ влияніемъ конечной силы пріобрѣтаетъ безконечную скорость. Дѣйствительно—какъ бы ни было мало дѣлимое тѣло, оно все-таки имѣетъ и конечный объемъ, и конечную массу; чтобы дойти до пункта, нужно даже самое маленькое тѣло дѣлить на безконечно большое число, а такъ какъ въ однородныхъ тѣлахъ масса пропорціональна объему, а при дѣленіи конечнаго числа массы на безконечно большее число получится нуль, то масса пункта должна равняться нулю. А вслѣдствіе того, что эти пункты для образованія протяженныхъ тѣлъ должны имѣть отталкивательныя силы, каждое тѣло можетъ состоять только изъ конечнаго числа такихъ пунктовъ; а потому его масса должна равняться произведенію нуля (или безконечно малой) на конечное число, то-есть, безконечно малой величины, такъ что это тѣло подъ влияніемъ конечной силы должно пріобрѣтаетъ безконечную скорость. Если же къ динамическимъ атомамъ придти не дѣленіемъ тѣла до пункта, а какъ-нибудь иначе, то это возраженіе, которое представляетъ собою не что иное какъ распространеніе Кантовской антиноміи на массу (то самое, что Кантъ говорилъ про возникновеніе конечнаго протяженія изъ простыхъ элементовъ повторяется про возникновеніе конечной массы) терять всякій смыслъ, такъ что оно направлено не противъ самого динамическаго атомизма, а противъ того метода, посредствомъ котораго мы его доказывали. Къ динамическимъ атомамъ надо приходиться не путемъ дѣленія, а чрезъ изслѣдованіе условий возможности даннаго намъ опыта. При этомъ еслибы даже кто и вздумалъ приписывать атомамъ безконечно малую массу то все-таки не получалось бы противорѣчія съ опытомъ, потому что по указаніямъ послѣдняго сила пропорціональна обладающей ею массѣ (такъ по крайней мѣрѣ смотрѣть всѣ, кто хочетъ основывать свои возраженія на понятіи массы); такъ что мы имѣли бы въ опытѣ безконечно малыя массы, приводимыя въ движеніе безконечно малыя силами, отъ чего должны возникать только конечныя скорости: вѣдь скорость прямо пропорціональна силѣ и обратно пропорціональна массѣ, такъ что въ общемъ пропорціональна частному отъ дѣленія силы на массу, а частное отъ дѣленія одной безконечно малой на другую того же порядка есть величина конечная; напримѣръ, $\frac{a}{x} : \frac{a}{2x}$ при безконечномъ x , то-есть,

Веберъ, Гоппе и Фехнеръ старались указать, что понятіе массы, какъ оно дано въ опытѣ, вовсе не связано съ протяженіемъ, и они вполнѣ достигли своей цѣли. Въ опытѣ масса дана исключительно количественно,—какъ факторъ движенія. Ставить ее въ связь съ протяженіемъ не только нѣтъ никакого основанія, но даже противорѣчить непосредственному опыту: вѣдь масса пропорціональна объему только въ однородныхъ тѣлахъ и при одинаковой температурѣ. Желая во что бы то ни стало сохранить протяженность матеріи, мы строимъ гипотезу протяженныхъ атомовъ и утверждаемъ, что ихъ масса пропорціональна ихъ объему. Если сама гипотеза справедлива, то масса, можетъ быть, и будетъ пропорціональна объему вещества; но вѣрна ли она? Если она хочетъ обосновать себя, то должна ссылаться на что-нибудь иное, а не на связь массы съ протяженіемъ, потому что сама-то эта связь обусловлена справедливостію доказываемаго предположенія.

Отсутствіе необходимой связи массы съ протяженіемъ достаточно объяснено въ вышеприведенныхъ цитатахъ; но осталось неяснымъ, что же такое сама масса, особенно же въ примѣненіи къ динамическому атомизму? Сейчасъ были приведены два различныхъ взгляда на массу. По Веберу, она есть постоянное у каждаго атома отношеніе силы къ вызываемому ею ускоренію: одни атомы имѣютъ двойную массу сравнительно съ другими—это значитъ, что при равенствѣ прочихъ условій (разстояній и времени дѣйствія) подъ вліяніемъ одной и той же силы первый приобретаетъ вдвое меньшую скорость. По Гоппе и Фехнеру, она измѣняется такъ же, какъ и по Веберу, величиной силы, потребной для возбужденія данной скорости; но сверхъ того, они оба опредѣляютъ ее какъ свойство матеріи, вслѣдствіе котораго она какъ будто бы оказываетъ сопротивленіе переменамъ своихъ состояній. Гоппе прямо говоритъ, что масса есть способность упорствовать въ состояніи движенія и покоя, а Фехнеръ, разбирая возраженіе неизвѣстнаго противника, рассматриваетъ вмѣстѣ съ послѣднимъ массу какъ сопротивленіе инерцій (*Widerstand der Trägheit*), то-есть, какъ то сопротивленіе, которое производитъ матерія вслѣдствіе инерціи. Существуютъ и другіе взгляды на массу. Такъ многіе

когда эти величины безконечно малы, равно 2. Отсюда видно—равъ что правильно доказанъ динамическій атомизмъ, то никакія разсужденія о безконечной малости массы уже не имѣютъ мѣста, потому что мы не имѣемъ никакого дѣла съ абсолютной величиной ни массы, ни силы, а только съ отношеніями тѣхъ и другихъ.

физики отождествляютъ массу съ количествомъ матеріи, или же считаютъ ее пропорціональной съ количествомъ матеріи. Фрейбургскій профессоръ Мюллеръ опредѣляетъ ее и какъ количество матеріи и какъ сопротивленіе инерціи¹⁾. Гирнъ считаетъ возможнымъ отрицать массу у невѣсомыхъ жидкостей²⁾. Секки ставитъ ее въ связь съ непроницаемостью (количествомъ матеріи) и инерціей: по его мнѣнію, и инерція, и масса суть разныя стороны (какъ бы качественная и количественная) непроницаемости, а послѣдняя составляетъ основную черту матеріи, и, дѣйствуя въ ограниченномъ пространствѣ, образуетъ тѣло³⁾.

Какъ видимъ, все разнообразіе взглядовъ на массу можетъ быть сведено къ тремъ основнымъ предположеніямъ. 1) Масса считается показателемъ количества матеріи. 2) Она считается показателемъ присущаго матеріи сопротивленія инерціи, при чемъ его величина можетъ быть опредѣляема не экстенсивно (не какъ зависящая отъ объема вещества), а если нужно—интенсивно (въ смыслѣ различныхъ степеней напряженія сопротивленія). 3) Связь ея съ матеріей остав-

¹⁾ *Müller. Lehrbuch der Physik und Meteorologie. 7 Aufl. Braunschweig. 1868. §§ 7 и 10.*

²⁾ См. La notion de force dans la science moderne. *Revue Scient.* II v. 1885, стр. 139. Отрицаніе массы у невѣсомыхъ жидкостей встрѣчается не у одного Гирна. По видимому, оно вполне справедливо, потому что масса пропорціональна вѣсу, такъ что—гдѣ вѣсъ равенъ нулю, тамъ и масса равна нулю, то-есть, ея нѣтъ. Но эту формулу можно прочесть и на оборотъ, то-есть—сказать, что *вѣсъ* пропорціоналенъ массѣ. Конечно, между обоими способами чтенія не будетъ никакой разницы, если мы подразумеваемъ только пропорціональность между вѣсомъ и массой; но когда на основаніи отсутствія вѣса отрицаютъ массу, то при первомъ чтеніи подразумеваютъ и причинную зависимость массы отъ вѣса, что и устраняется указаніемъ на возможность втораго чтенія. Въ дѣйствительности же мы не имѣемъ никакого права заключать о причинной зависимости массы отъ вѣса, потому что въ прямомъ опытѣ мы не имѣемъ дѣла съ невѣсомыми тѣлами, такъ что его указанія ограничиваются только тѣмъ, что масса *осомыхъ* тѣлъ пропорціональна вѣсу (или вѣсъ *осомыхъ* тѣлъ пропорціоналенъ массѣ); поэтому опытомъ не исключена возможность тѣлъ невѣсомыхъ, но имѣющихъ массу. Въ русской литературѣ г. Ягнъ (Астро-физическія положенія. С.-Пб. 1888, стр. 46 и сл.) отрицаетъ и самое существованіе ээра, опираясь между прочимъ на тотъ выводъ, что, какъ невѣсомый, онъ не имѣетъ массы, а потому не можетъ служить проводникомъ энергіи (напримѣръ—солнечной). Не защищая гипотезы ээра, замѣтимъ, что сейчасъ изложенныя соображенія дѣлаютъ этотъ аргументъ несостоятельнымъ.

³⁾ Единство физическихъ силъ. Переводъ г. Павленкова, стр. 393.

лется въ сторонѣ, и она понимается только какъ постоянный для каждой частицы матеріи коэффициентъ, показывающій, какую надо приложить силу для сообщенія этой частицѣ определенной скорости, или на оборотъ—какова ея скорость при данной силѣ. Если матерія и должна быть считаема протяженною, то все-таки помимо фикціи переливанія движенія не было бы никакого основанія предполагать массу пропорціальною ея объему ¹⁾. Но если матерія къ тому же состоитъ изъ динамическихъ атомовъ и количество матеріи должно быть числомъ атомовъ, то какой же смыслъ получаетъ понятіе о массѣ отдѣльнаго атома? Или каждый отдѣльный атомъ не имѣетъ массы? Такимъ образомъ все вынуждаетъ насъ оставить въ сторонѣ мнимую связь массы съ количествомъ матеріи.

По второму взгляду, масса есть степень напряженія сопротивленія матеріи новымъ движеніемъ. Какое сопротивленіе—не преодолимое для силы, еще не достигшихъ до извѣстнаго *minimum'a*, или же преодолимое всякою силой? Скорость матеріальной частицы должна быть прямо пропорціональна дѣйствующей на нее силѣ, которую означимъ чрезъ X , и обратно пропорціональна массѣ, такъ что пропорціональна частному $\frac{X}{m}$. Отсюда видно, что какъ бы ни была мала сила и велика масса, если только онѣ обѣ составляютъ конечныя величины, скорость всегда будетъ конечною, то-есть, всякая даже самая незначительная сила должна вызвать движеніе во всякой массѣ. А если масса бесконечно велика, то въ ней не вызоветъ движенія никакая даже огромная, но все-таки конечная, сила. Еслибы движеніе возбуждалось только такими силами, которыя превосходятъ извѣстный *minimum*, то было бы ясно существованіе нѣкотораго препятствія или сопротивленія ²⁾; но этого нѣтъ—чѣмъ же оно заявляетъ о себѣ? Вѣдь само собою разумѣется, что для вызова въ данной частицѣ матеріи определенной скорости нужна определенная сила, и что всякая иная сила вызоветъ иную скорость; сила только потому и составляетъ иную силу, что она вызываетъ иную скорость; вѣдь измѣрима не сама сила, а ея дѣйствія.

¹⁾ См. сочиненіе автора: Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи, ч. I, стр. 168 и слѣд.

²⁾ Такъ при помощи рычага мы можемъ поднять данный грузъ, употреблявъ лишь определенную и отсюда не меньшую силу; здѣсь ясно видно сопротивленіе *тяжести* груза. А гдѣ сказывается подобное сопротивленіе *массы*? Хотя понятіе величины силы не реально, но тамъ, гдѣ дѣло касается числовыхъ формулъ мы вправѣ пользоваться имъ.

Какъ видимъ, взглядъ на массу, какъ на сопротивление, реально ничѣмъ не отличается отъ третьяго взгляда, по которому масса разсматривается только какъ коэффициентъ, указывающій отношеніе силы къ вызываемой ею скорости. Чтобы сдѣлать ихъ реально (а не по однимъ названіямъ) различными, нужно разсматривать сопротивление или какъ дѣйствительное недопущеніе новыхъ движеній, какъ препятствіе имъ, которое можетъ быть преодолено только при известной величинѣ движущей силы, или же мыслить его не интенсивно, а экстенсивно—поставить въ связь съ объемомъ вещества; тогда по третьему взгляду остается не объясненнымъ, чѣмъ именно обуславливается различіе массъ, а мы дали бы такое объясненіе, ссылаясь на различіе объемовъ. Но нельзя дѣлать ни той, ни другой поправки: каждая изъ нихъ противорѣчитъ дѣйствительности (потому что въ матеріи нѣтъ препятствій движенію), вторая же поправка, сверхъ того, можетъ достичь своей цѣли (объясненія зависимости скорости отъ объема) только при помощи фикціи. Такимъ образомъ сопротивление инерціи кромѣ названія ничего не прибавляетъ къ механическому опредѣленію массы: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ она является только нѣкоторымъ постояннымъ коэффициентомъ; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ инерція сводится къ тому, что движеніе не возникаетъ въ изолированномъ атомѣ, а разъ возникши сохраняется навсегда.

Итакъ предъ нами остается единственное опредѣленіе массы, къ которому примыкаютъ Вюльнеръ, Веберъ и др. Оно стремится ограничиться только тѣмъ, что намъ известно про нее изъ непосредственнаго опыта: она есть нѣкоторый постоянный коэффициентъ, которому всегда обратно пропорціональны приобретаемая тѣломъ ускоренія и прямо пропорціональны имѣющіяся у него силы; какія же именно свойства матеріи обуславливаютъ существованіе массы—оставляется въ сторонѣ. Въ этомъ-то и состоитъ преимущество такого опредѣленія предъ другими для эмпирическихъ наукъ—для механики, физики; и въ этомъ же его недостатокъ для философіи. Задача механики состоитъ въ томъ, чтобы вычислить движенія и условія равновѣсія тѣла. Для этой цѣли вполне достаточно знать количественное вліяніе какихъ-либо факторовъ на движеніе, при чемъ ихъ происхожденіе можетъ оставаться вполне неизвѣстнымъ. Болѣе того, если вычисления по состояніямъ нашего знанія могутъ быть основаны только на фикціи, то мы вправѣ пользоваться ею, лишь бы выводы дѣйствительно оправдывались опытомъ, то-есть, лишь бы явле-

нія совершались такъ, какъ будто бы эта фикція обладала объективной реальностью. Такъ для возможности вычисленій можно приписывать реальность понятію энергіи — разсматривать ее переносающуюся или стремящуюся перенестись съ одного атома на другой и т. д. Нѣкоторыя же понятія, какъ напримѣръ—величина силы, могутъ имѣть только условное значеніе приѣма. Но въ философскомъ изслѣдованіи насъ интересуеетъ не умѣнье предугадывать или вычислять будущія или еще неизвѣстныя намъ явленія, но тѣ реальныя (существующіе независимо отъ всякихъ приѣмовъ или фиктивныхъ и тому подобныхъ точекъ зрѣнія) элементы или принципы, изъ которыхъ слагаются всякія явленія, какъ извѣстныя, такъ и неизвѣстныя, а также связь элементовъ какъ между собою, такъ и съ нашимъ сознаниемъ. Поэтому мы не можемъ успокоиться на послѣднемъ опредѣленіи массы, а должны узнать, чему реальному соотвѣтствуетъ она.

Къ тому же и это обыденное пониманіе ¹⁾ не чуждо нѣкоторыхъ недостатковъ. Согласно съ нимъ масса, хотя и пропорціональна вѣсу, но не то же самое, что вѣсъ, такъ что послѣдній могъ бы исчезнуть, а масса осталась бы. Что же она такое? Что значить большая или меньшая, напримѣръ—двойная, масса? На оборотъ, что значуть равныя массы? Равными массами называются такія, которыя отъ равныхъ силъ или отъ одной и той же силы получаютъ равныя ускоренія. Двойною массой сравнительно съ другою называется такая масса, которая отъ равныхъ силъ получаетъ вдвое меньшее ускореніе, чѣмъ вторая, или отъ двойной силы получаетъ такое же ускореніе, какое единичная масса отъ единичной силы. А что такое равныя силы? Тѣ, которыя равнымъ массамъ сообщаютъ равныя ускоренія. Итакъ—равны тѣ силы, которыя равнымъ массамъ сообщаютъ равныя ускоренія; равны тѣ массы, которыя отъ равныхъ силъ получаютъ равныя ускоренія. Изъ этой тѣсной связи мы можемъ заключить, что оба понятія (величина массы и величина силы) должны отличаться другъ отъ друга только какъ двѣ разныя точки зрѣнія на одни и тѣ же реальныя процессы; но величина силы есть только приѣмъ вычисленія, такъ какъ мы наблюдаемъ одни лишь дѣйствія,

¹⁾ Хотя какъ мы видали, далеко не всѣ физики относятся на столько критически къ своимъ ученіямъ, чтобы не ослабить понятіе массы прихвѣстью догматическихъ мнѣній, тѣмъ не менѣе послѣднее опредѣленіе ея будемъ для краткости называть обыденнымъ.

то-есть, движенія; слѣдовательно, и величина массы есть тоже только пріемъ. Но, можетъ быть, масса имѣетъ какое-нибудь реальное значеніе, и мы должны вскрыть его.

Нереальность обиденнаго взгляда на массу оказывается еще въ томъ, что онъ долженъ придти даже къ противорѣчію съ дѣйствительностью. Подъ массой подразумѣвается такой коэффициентъ, который показываетъ, во сколько разъ скорость даннаго тѣла менѣе скорости другаго, если они оба находятся подъ вліяніемъ одной и той же или равныхъ силъ. А между тѣмъ всѣ земныя тѣла падаютъ подъ вліяніемъ одной и той же силы—земнаго притяженія, и не смотря на различіе ихъ тяжести, а слѣдовательно и массы, такъ какъ она пропорціональна вѣсу, падаютъ съ одинаковою скоростью. Какъ же устраняется такое противорѣчіе? Очень просто. Если падаютъ на землю два тѣла, изъ которыхъ у одного A двойная масса противъ другаго— B , то скорость перваго должна быть вдвое меньше скорости втораго; но, прибавляютъ при этомъ, сила притяженія пропорціональна не только притягивающей (земной) массѣ, но и притягиваемой—(массѣ тѣла), такъ что, вслѣдствіе обратной зависимости скоростей отъ массъ, A должно падать вдвое медленнѣе, чѣмъ B , а вслѣдствіе удвоенія силы притяженія, оно должно падать и вдвое скорѣй, чѣмъ B ; слѣдовательно, для опредѣленія (другими словами для вычисленія) скорости A нужно скорость B сразу и умножать и дѣлить на два, отчего, разумѣется, она въ результатѣ останется безъ перемѣны.

На это, по видимому, крайне простое, объясненіе дѣлаемъ слѣдующія замѣчанія. 1) Ясно, что обратная зависимость скорости отъ массы сохраняется только въ пониманіи массы, а не въ природѣ и не въ результатахъ вычисленій, гдѣ плоды такой зависимости тотчасъ при самомъ ихъ появленіи уничтожаются посредствомъ обратнаго умноженія. 2) Мы можемъ подвергать наши формулы какимъ угодно преобразованіямъ, на примѣръ—извлекать корень квадратный изъ величины челоуѣка, дѣлить его пополамъ и т. д.; но это не значитъ, что въ то время, когда мы продѣлываемъ эти дѣйствія на бумагѣ, они совершаются и въ природѣ съ соотвѣтственнымъ объектомъ. О фактахъ природы свидѣтельствуетъ только результатъ вычисленій, а не тѣ прѣмы и преобразованія формулъ, посредствомъ которыхъ мы доходимъ до него. Другими словами—умноженіе и дѣленіе скорости B на 2 производится только въ нашемъ научномъ умѣ, а не въ дѣйствительности: въ природѣ A сразу начинаетъ

падать съ тою же скоростью, какъ и В. 3) Это объясненіе имѣеть смыслъ только въ предположеніи, будто бы мы измѣряемъ самыя силы, будто бы мы видимъ и чувствуемъ, какъ онѣ удваиваются. Но самыя силы изъаты изъ-подъ нашего наблюденія и измѣренія: измѣряются лишь одни дѣйствія, то-есть, движенія съ разныхъ точекъ зрѣнія¹⁾. Сказать, что сила удвоилась, это реально означаетъ то же самое, что—въ двойной массѣ вызывается такая же скорость, которая прежде вызывалась въ единицѣ массы. Другими словами, наше объясненіе ничего не объясняетъ, а просто на просто указываетъ, что всѣ тѣла, легкія и тяжелыя, падаютъ съ одною скоростью. Отсюда ясно, что если мы хотимъ составить себѣ правильное понятіе массы, то должны имѣть въ виду не то, какъ зависитъ сила отъ массы, а только тѣ самыя движенія или скорости, которыя даны въ опытѣ. Онѣ одніе доступны нашему наблюденію, а поэтому всѣ понятія о природѣ должны быть въ непосредственномъ отношеніи къ нимъ.

Пока мы оставляемъ открытымъ вопросъ, чѣмъ именно возбуждается паденіе тѣлъ, только-что указанное противорѣчіе не можетъ кидаться въ глаза: можетъ быть, ихъ паденіе возбуждается толчками мировой среды, а способы дѣйствія ея намъ неизвѣстны. Но мы признали, что паденіе производится динамическимъ дѣйствіемъ земли. Одно изъ двухъ: или силу притяженія надо понимать какъ всегда равное само себѣ дѣйствіе земли, и тогда, сообразно съ обыденнымъ пониманіемъ массы, болѣе тяжелыя тѣла должны медленнѣе падать; или же, что только и правильно, силу притяженія надо понимать просто на просто какъ законъ сближенія. Но какой же смыслъ получаетъ тогда масса? Очевидно, это понятіе должно быть переработано.

Но прежде чѣмъ сдѣлать это, мы прослѣдимъ до конца всѣ слабыя стороны обыденнаго взгляда на него. Для этой цѣли рассмотримъ, какъ мы можемъ доказать, что при дѣйствіи равныхъ силъ, скорости обратны массамъ. По видимому, у насъ въ рукахъ очень простое доказательство—опыты съ атвудовой машиной. Система двухъ равныхъ грузовъ, прикрѣпленныхъ къ концамъ перекинутой черезъ блокъ нити, приводится въ движеніе однимъ и тѣмъ же привѣскомъ. Въ свободномъ состояніи привѣсокъ падалъ бы къ концу первой секунды со скоростью g . На атвудовой же машинѣ, при всякомъ разнообразіи

¹⁾ Движеніе можно измѣрять 1) со стороны скорости, 2) возможной работы, 3) давленія, которое оно произведетъ если будетъ задержано, а потомъ вычислять по одной изъ этихъ величинъ другія.

грузовъ, онъ падаетъ медленнѣе—именно во столько разъ, во сколько сумма вѣсовъ или массъ всѣхъ движущихся грузовъ (считая и его самого въ томъ числѣ) больше его собственнаго вѣса. Дѣйствующею силой здѣсь служить одинъ и тотъ же привѣсокъ, то-есть, она остается тою же самою; слѣдовательно, обратная зависимость отъ движущейся массы при равенствѣ силъ неопровержимо доказана путемъ опыта. Но это только такъ кажется. Почему привѣсокъ рассматривается какъ дѣйствующая сила? Потому что онъ приводитъ въ движеніе оба груза ¹⁾. А почему онъ ихъ двигаетъ? Потому что обладаетъ вѣсомъ. Но вѣсъ есть давленіе, а давленіе есть задержанное движеніе. Слѣдовательно, привѣсокъ потому приводитъ всю систему въ движеніе, что онъ самъ двигается. Такимъ образомъ дѣйствующею силой здѣсь считается движеніе. А это предположеніе фактивно: движеніе не сообщаетъ тѣлу силъ, которыхъ у него не было бы во время покоя, а лишь ставитъ его въ такія условія, при которыхъ обнаруживается дѣятельность силъ. Взглядъ на движеніе какъ на силу основанъ на томъ, что мы втѣхомулку рассматриваемъ движеніе растекающимся. Такъ, въ данномъ случаѣ паденіе замедляется ровно во столько разъ, на сколькихъ единицахъ массы растеклась вся скорость. Этотъ взглядъ есть фикція; а пусть кто-нибудь попробуетъ обойтись безъ него при построеніи обыденнаго понятія массы. Если же такое понятіе основано на фикціи, то оно и само можетъ оказаться фикціей, можетъ быть, и полезною, и необходимою для усвоенія механики и физики, но все-таки фикціей ²⁾.

¹⁾ Кстати сказать, привѣсокъ не можетъ привести въ движеніе *оба* груза, а только одинъ—на которомъ онъ лежитъ; а этотъ посредствомъ нити двигаетъ другой грузъ, такъ что слѣдовало бы брать въ расчетъ по крайней мѣрѣ двѣ дѣйствующія силы, а тогда утратится почва для вышеприведенныхъ соображеній.

²⁾ См. Опытъ построенія теоріи матеріи, ч. I, стр. 172 и сл. Въ дѣйствительности не трудно объяснить явленія на атвудовой машинѣ безъ помощи фикціи, исходя исключительно изъ данныхъ опыта—именно изъ того факта, что при всѣхъ известныхъ намъ взаимодействіяхъ абсолютныя величины скоростей присоединяемыхъ тѣлами къ прежнимъ движеніямъ обратны *всѣмъ* этихъ тѣлъ. Привѣсокъ вѣса p долженъ бы падать къ концу известнаго времени со скоростью g ; но во все время паденія онъ непрерывно толкаетъ грузъ, вѣсъ котораго равенъ P . Конечная скорость повтому должна быть у нихъ одинаковой напряміръ—равною x . Слѣдовательно, P прибавило къ нулевой скорости новую x , а p прибавило отрицательную скорость $= -(g-x)$. Эти абсолютныя величины должны быть обратны вѣсамъ, откуда получается $x = \frac{pg}{P+p}$. Далѣе—оба тѣла,

Итакъ, обыденное пониманіе массы или фиктивно, или въ ней мыслится только пріемъ; а мы хотимъ знать ея реальное значеніе. Для этой цѣли обратимся сперва къ происхожденію понятія массы. Масса всегда предполагалась пропорціональной вѣсу. Зачѣмъ же, спрашивается, замѣнять отношеніе вѣсовъ отношеніемъ массъ? При господствѣ механизма мотивами для этой замѣны могло еще служить то предположеніе, что самъ вѣсъ вызывается механическими толчками, такъ что послѣдніе должны быть подчинены такимъ законамъ, которые не зависятъ отъ существованія вѣса. Послѣ же того, какъ вѣсъ стали понимать динамически, должны существовать другіе мотивы. Важнѣйшимъ основаніемъ для замѣны отношеній вѣсовъ отношеніями массъ служить то обстоятельство, что вѣсъ тѣла есть величина измѣнчивая: на разныхъ пунктахъ и на разныхъ разстояніяхъ отъ поверхности земли одно и то же тѣло не одинаково тяжело; между тѣмъ намъ желательно найти законы взаимодѣйствія тѣлъ, напримѣръ, толчка, которые не зависѣли бы отъ случайной величины вѣса.

Вотъ такимъ-то путемъ мы и приходимъ къ понятію массы, какъ коэффициента, который долженъ опредѣлять результаты взаимодѣйствія тѣлъ независимо отъ случайной величины ихъ вѣса. Поэтому масса разсматривается какъ одинъ изъ опредѣляющихъ скорость тѣла факторовъ: послѣдняя прямо пропорціональна силѣ и обратно пропорціональна массѣ.

вѣсъ которыхъ $P+p$, взаимодействуютъ, какъ бы одно, посредствомъ сдвѣженія нити съ другимъ грузомъ P , такъ что одновременно съ этимъ послѣдній прибавляетъ къ своей нулевой скорости еще x_1 , а $P+p$ прибавляетъ къ x отрицательную скорость $-(x-x_1)$, при чемъ $\frac{x_1}{x-x_1} = \frac{P+p}{P}$. Все это основано на опытѣ и на предположеніи, что закону равенства дѣйствія и противоѣдствія подчинены сверхъ толчка и тѣ явленія, которыя совершаются при помощи сдвѣженія. Изъ нашего уравненія выходитъ, что $x_1 = \frac{(P+p)x}{2g+p}$ или чрезъ величину x его только что указанною величиной $x_1 = \frac{pg}{2P+p}$. Получается та самая скорость, которая дана въ опытѣ, но безъ помощи финиці, а единственно на основаніи указанного опытомъ закона равенства дѣйствія и противоѣдствія который вдобавокъ высказывается безъ всякихъ упоминаній о массѣ, понятіе которой еще не опредѣлено, а исключительно о вѣсахъ, узнанныхъ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ; и притомъ мы его беремъ въ единственно реальной формѣ, то-есть, говоримъ не о неизвестныхъ намъ, недоступныхъ для наблюденія, дѣятельностяхъ (дѣйствія и противоѣдствія), а только объ однихъ движеніяхъ.

Достигаемъ ли мы своей цѣли, то-есть, узнаемъ ли этотъ факторъ независимо отъ вѣса? Ничуть не бывало. Вѣдь когда дѣло доходить до измѣренія массы, то мы опредѣляемъ ея величину посредствомъ вѣса—или чрезъ сравненіе вѣсовъ, опредѣленныхъ при одинаковыхъ условіяхъ, то-есть, на одномъ и томъ же разстояніи отъ центра земли, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, или чрезъ дѣленіе вѣса тѣла p на его ускореніе g , которое оно пріобрѣтаетъ при этомъ вѣсѣ. Отсюда происходитъ то, что или нѣтъ никакой возможности ясно отличить массу отъ вѣса, или ее приходится считать показателемъ количества матеріи ¹⁾, что можетъ быть основано только на фикціи переливанія движенія, или же наконецъ, надо объяснять понятіе массы посредствомъ величины силы, а величину силы опредѣлить посредствомъ массы, такъ что послѣдняя получить одно лишь значеніе пріема.

Мы хотимъ узнать, на сколько реально понятіе массы и чтò оно значитъ. Попробуемъ же рѣшить этотъ вопросъ, узнавъ предварительно, какое значеніе имѣетъ масса въ примѣненіи къ динамическому атому. Сразу видно, что въ этомъ отношеніи можно сдѣлать два предположенія: или подъ вліяніемъ взгляда на массу какъ показателя количества матеріи мы будемъ допускать единство матеріи, то-есть, считать ее состоящею изъ вполне одинаковыхъ между собою атомовъ, или же мы можемъ предполагать ихъ различными. Первый путь значительно легче: при немъ масса есть не что иное, какъ число атомовъ. Всѣ атомы одинаковы; поэтому вѣсъ ^{каждаго} тѣла пропорціоналенъ числу атомовъ или, чтò то же, его массѣ. Одинаковыя у всѣхъ атомовъ силы суммируются въ одно и то же дѣйствіе; поэтому если мы имѣемъ предъ собою два тѣла, одно изъ которыхъ состоитъ изъ 3-хъ, а другое изъ 6-ти атомовъ, и первое вызываетъ во второмъ скорость v , то второе должно вызывать въ первомъ $2v$, такъ что скорости тѣлъ обратны ихъ вѣсамъ или массамъ и т. д. Словомъ, масса получаетъ въ этой теоріи самое простое и наглядное значеніе, на столько простое, котораго не въ состояніи дать никакая другая теорія. Масса есть только число атомовъ тѣла и нѣтъ различія въ массахъ отдѣльно взятыхъ атомовъ. Если же матерія состоитъ изъ разнородныхъ атомовъ, то каждый изъ нихъ можетъ обладать иною

¹⁾ Сюда же мы относимъ и тотъ взглядъ, по которому, масса считается показателемъ *сопротивленія* движенію: или нѣтъ никакого сопротивленія, или подъ нимъ надо подразумѣвать экстенсивное количество матеріи, какъ показано выше.

массой сравнительно съ другими и остается неизвѣстнымъ, какое эмпирическое, указуемое въ опытѣ, значеніе должно быть придано ей.

Къ рѣшенію этого вопроса мы и приступимъ: вѣдь прежде чѣмъ дѣлать выборъ между единствомъ и разнородностью матеріи мы должны знать то, изъ чего выбираемъ. Итакъ мы допускаемъ, что атомы отличаются другъ отъ друга и хотимъ знать, что въ этомъ случаѣ можетъ значить масса атома. При этомъ исходнымъ пунктомъ нашего разсужденія должны служить только непосредственно данныя опыта. Поэтому мы отбрасываемъ всякія предположенія о сопротивленіи матеріи движенію, потому что такого сопротивленія нигдѣ не видно. Далѣе, всѣ свойства матеріи реальны лишь по столѣу, по скольку сказываются въ явленіяхъ, такъ что наши понятія должны быть выражены исключительно въ скоростяхъ и при томъ въ такихъ, какъ онѣ даны въ опытѣ; поэтому подъ словами сила и дѣйствіе всегда будемъ подразумѣвать только возникновеніе сближающихся и удаляющихся скоростей, а подъ словами величина силы или дѣйствія только сравненіе скоростей и ничего другаго. Разумѣется, сравниваемыя величины предполагаются взятыми при равныхъ условіяхъ, то-есть, берутся скорости, возникающія при равныхъ разстояніяхъ.

Всѣ тѣла, не смотря на различіе ихъ вѣса падаютъ съ одинаковою скоростью. Это паденіе вызывается притяженіемъ, производимымъ каждымъ атомомъ земли на каждый атомъ падающаго тѣла. Отсюда мы можемъ заключить, что каждый атомъ притягиваетъ къ себѣ всѣ остальные съ одною и тою же силой, или, что то же, вызываетъ въ нихъ при равныхъ разстояніяхъ одинаковыя ускоренія. Но вѣдь притяженіе атомовъ обоюднo—А притягиваетъ къ себѣ В, и въ то же время В притягиваетъ къ себѣ А. Какъ же относятся между собою ихъ притягательныя дѣйствія, или, что то же, вызываемыя ими ускоренія? Еслибы мы могли наблюдать каждый атомъ въ отдѣльности, то нашли бы отвѣтъ въ прямомъ опытѣ; но это не возможно, а потому мы должны прибѣгнуть къ косвеннымъ заключеніямъ. Этотъ путь уже указанъ Ньютономъ ¹⁾.

¹⁾ *Newton Principia*, herausg. von *Wolfers*. Berlin. 1872, стр. 41 и слѣд. 529. За исключеніемъ специалистовъ, у насъ въ Россіи очень мало людей, которые знакомы съ самимъ этимъ сочиненіемъ Ньютона. Мы такъ привыкли связывать его имя съ закономъ тяготѣнія, что совершенно упускаемъ изъ виду его другую заслугу, безъ которой не имѣла бы никакого значенія и его догадка о тождествѣ силы, вызывающей тяжесть, съ силой, сдерживающей луну на ея орбитѣ. Необ-

Представимъ себѣ, что весь земной шаръ раздѣленъ какой-либо плоскостью на двѣ неравныя части, изъ которыхъ меньшую обозначимъ *A* и большую черезъ *B*. Каждая изъ нихъ притягиваетъ къ себѣ другую и поэтому давитъ на нее. Давленіе есть непрерывно возникающее и непрерывно уничтожаемое движеніе, то-есть, непрерывный толчокъ. При толкѣхъ же ускоренія относятся обратно вѣсамъ сталкивающихся тѣлъ, въ данномъ случаѣ *A* и *B*. Еслибы эти ускоренія не уравновѣшивались сполна такими ускореніями, которыя *A* и *B* вызываютъ другъ въ другѣ своимъ взаимнымъ притяженіемъ, то земля должна бы была непрерывно передвигаться или въ сторону *A*, или въ сторону *B*, такъ что движеніе рождалось бы изъ ничего ¹⁾. Но этого нѣтъ. Отсюда мы заключаемъ, что притягательныя дѣйствія *A* и *B* другъ на друга относятся между собою такъ же, какъ и результаты толчка послѣднихъ, то-есть, ускоренія, приобретаемыя *A* и *B* подъ вліяніемъ взаимнаго притяженія, обратны ихъ вѣсамъ. Части *A* и *B* мы можемъ снова раздѣлить другими плоскостями и примѣнить къ нимъ то же разсужденіе и т. д.

Примѣнимъ же теперь этотъ выводъ къ каждому атому въ отдѣльности. Пусть предъ нами три атома *A*, *B* и *C*, вѣса которыхъ относятся между собою какъ 1, 2, 3. Каждый изъ нихъ вызываетъ своимъ притяженіемъ въ обоихъ изъ остальныхъ одинаковыя ускоренія, разумѣется—при равныхъ разстояніяхъ. Положимъ, что атомъ *A* вызываетъ въ *B* и *C* ускореніе *f*. Тогда *B* долженъ вызвать въ *A* ускореніе $2f$, потому что ускоренія, приобретаемыя каждымъ изъ нихъ, обратны ихъ вѣсамъ. А такъ какъ каждый атомъ притягиваетъ къ себѣ всѣ одинаково, то *B* долженъ и въ *C* вызвать ускореніе $2f$. Такимъ же путемъ находимъ, что *C* вызываетъ и въ *A*, и въ *B* ускореніе $3f$. Если же *B* и *C* столкнутся между собою, то приобретаемыя

ходимо было опредѣлить также и связь этой силы съ какими-либо другими данными. Это и было сдѣлано Ньютономъ посредствомъ доказательства, что всякая сила подчиняется закону равенства дѣйствія и противодѣйствія. Въ виду всего этого мы, считаемъ далеко не лишнимъ вмѣсто простаго указанія страницъ, вложить вкратцѣ самое доказательство Ньютона, сдѣлавъ въ немъ только одно незначительное измѣненіе: Ньютонъ вездѣ говоритъ о количествѣ матеріи (или массѣ), измѣряемомъ произведеніемъ плотности на объемъ; такъ какъ это произведеніе равно вѣсу, то мы вездѣ замѣнимъ отношеніе количествъ матеріи отношеніемъ вѣсовъ.

¹⁾ Она должна была бы имѣть эти движенія *сверхъ* суточного и годичнаго движенія.

ими ускоренія обратны ихъ вѣсамъ, такъ что если B получаетъ ускореніе v_2 , а C — v_3 , то $\frac{v_2}{v_3} = \frac{3}{2}$. Но ихъ вѣса относятся также, какъ вызываемыя ихъ притягательными дѣйствіями ускоренія, такъ что имѣемъ $\frac{v_2}{v_3} = \frac{3f}{2f}$. Толчокъ атомовъ совершается посредствомъ ихъ отталкивательныхъ силъ; поэтому изъ всего сказаннаго дѣлаемъ слѣдующій выводъ. Во сколько разъ притягательное дѣйствіе (то-есть, вызываемое атомомъ ускореніе, а не вызывающая его сила), лежащее въ основѣ всемірнаго тяготѣнія атома C на всѣ другіе атомы больше одновременнаго дѣйствія атома B на C , во столько же разъ отталкивательное дѣйствіе C на B больше одновременнаго отталкивательнаго дѣйствія B на C . Такъ какъ намъ извѣстно, что законъ равенства дѣйствія и противодѣйствія (въ формулѣ котораго мы еще только разрабатываемое понятіе массы всегда можемъ замѣнить отношеніемъ вѣсовъ) распространяется и на нѣкоторыя другія дѣйствія, напримѣръ, сдѣленіе, то мы можемъ обобщить полученный выводъ слѣдующимъ образомъ. Всякое, принадлежащее къ числу извѣстныхъ намъ, дѣйствіе одного атома C на другой B во столько разъ больше такого же дѣйствія B на C , во сколько разъ всемірно-притягательное дѣйствіе перваго на всѣ атомы больше всемірно-притягательнаго дѣйствія послѣдняго на всѣ остальные.

Такимъ образомъ при всякомъ изъ извѣстныхъ намъ взаимодействій двухъ атомовъ между всѣми дѣйствіями, перваго на второй, сравниваемыми съ одновременными дѣйствіями втораго на первый, существуетъ неизмѣнная пропорціональность. Числа, указывающія эти отношенія, составляютъ то, что мы называемъ массами атомовъ. Такъ, если мы говоримъ, что массы двухъ атомовъ A и B относятся между собою какъ 1:2, то это значитъ, что при всякомъ изъ извѣстныхъ намъ взаимодействій ускореніе, приобретаемое атомомъ A , будетъ относиться къ ускоренію, приобретаемому при этомъ же взаимодействіи атомомъ B , какъ 2:1. При этомъ, конечно, возникаетъ вопросъ, — если атомы A и B вступаютъ во взаимодействіе съ третьимъ атомомъ C , такъ что массы двухъ первыхъ или, что то же, числа, указывающія соотношенія результатовъ взаимодействій, мы будемъ опредѣлять не чрезъ сравненіе ускореній A и B между собою, но чрезъ сравненія A съ C и B съ C порознь, — то получатся ли для A и B числа, которыя относились бы другъ къ другу по прежнему, то-есть, какъ 1 къ 2? Безъ сомнѣнія. Вѣдь отношеніе

массъ A и B , какъ 1 къ 2 есть въ то же время отношеніе ихъ всемірно-притягательныхъ дѣйствій на всѣ остальные атомы, въ томъ числѣ и на C . Далѣе, такое же притягательное дѣйствіе C на всѣ остальные атомы, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ на A , такъ и на B , одинаково. Обозначимъ его черезъ 3 (предполагая, что оно измѣрено при такихъ же условіяхъ какъ для A и B). Слѣдовательно, при всякомъ взаимодействіи C съ A ихъ ускоренія должны относиться какъ 1 къ 3 , а при взаимодействіи C съ B какъ 2 : 3 , такъ что дѣйствіе A на C относится къ дѣйствію B на C какъ 1:2. Еслибы всемірно-притягательное дѣйствіе C на A было бы инымъ, чѣмъ на B , то при сравненіи дѣйствій A и B на C , разумѣется, получились бы числа, которыя относились бы другъ къ другу иначе, чѣмъ тѣ, которыя получены отъ сравненія дѣйствій A и B между собой. Такъ, еслибы дѣйствіе C на A равнялось 3 , а на B — 4 , то дѣйствіе A на C выражалось бы чрезъ $\frac{1}{3}$, а B на C чрезъ $\frac{2}{4}$, что далеко не равно отношенію 1:2 ¹⁾. Но вслѣдствіе неизмѣнности всемірно-притягательнаго дѣйствія каждаго атома, отношенія частицъ, показывающія сравнительное вліяніе атома на результатъ взаимодействія, остаются неизмѣнными и независимыми отъ выбора сравниваемыхъ атомовъ.

Отмѣтимъ слѣдующее обстоятельство. Масса имѣетъ реальное значеніе закона пропорціональности между всѣми ускореніями (какъ сближающими, такъ и удаляющими), которыя данный атомъ можетъ вызвать въ другомъ, и всѣми тѣми, которыя онъ самъ долженъ одновременно съ тѣмъ получать подъ его вліяніемъ. Масса и законъ равенства дѣйствія и противодѣйствія, такимъ образомъ, не составляютъ чего-то особаго другъ отъ друга, такъ чтобы масса могла существовать безъ этого закона. Совершенно напротивъ, они оба составляютъ лишь двѣ разныя точки зрѣнія на только-что упомянутый законъ пропорціональности; поэтому ни масса не имѣетъ никакого смысла безъ закона равенства дѣйствія и противодѣйствія, ни на оборотъ. Реально существуетъ только законъ пропорціональности; число, указывающее эту пропорціональность, есть масса, которая, очевидно, не имѣла бы никакого смысла при отсутствіи пропорціональ-

¹⁾ По обыденному пониманію массы, она есть постоянная величина, а всемірно притягательная сила разсматривается какъ переменная. Въ действительности же, какъ видимъ, отъ того только и получаютъ постоянные, не зависящіе отъ выбора единицы мѣры, коэффициенты, именуемые массой, что всемірно притягательное дѣйствіе каждаго атома не зависитъ отъ переменъ притягиваемыхъ объектовъ.

ныхъ величинъ: она реальна лишь въ нихъ самихъ. Законъ же равенства дѣйствія и противоѣйствія, гласящій, что при всякомъ взаимодействіи возникающія скорости обратны массамъ, высказываетъ тотъ же законъ пропорціональности, но въ предположеніи, что отношеніе дѣйствій уже измѣрено.

Такъ механизмъ прежде всего долженъ бы объяснить, что такое масса, если матерія лишена всѣхъ силъ. Онъ хвастается, что идетъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. При отсутствіи же динамическихъ силъ относительно толчка тѣлъ у насъ останется извѣстнымъ только слѣдующій фактъ: два тѣла при толчекѣ приобретаютъ скорости, обратно пропорціональныя тѣмъ давленіямъ (вѣсамъ), которыя они производятъ вслѣдствіе получаемыхъ ими отъ міровой среды импульсовъ; къ этому надо прибавить, что въ однородныхъ тѣлахъ давленія пропорціональны ихъ объему. Далекое ли можно уйти съ такими данными? Согласно съ принципами механизма въ давленіи вѣса мы наблюдаемъ результатъ множества импульсовъ. Мы хотимъ знать, каковы законы толчка, обращаемся для этого къ опыту, и что же находимъ? Законы толчка тѣлъ выражаются въ величинѣ давленія или вѣса, который въ свою очередь есть результатъ происходящихъ по неизвѣстнымъ для насъ еще законамъ и имѣющихъ неизвѣстную форму импульсовъ, такъ что механизмъ отравляется отъ неизвѣстныхъ ему законовъ взаимодействій. Это вполне въ его духѣ, такъ какъ онъ вообще идетъ отъ неизвѣстнаго—отъ сущности матеріи къ отрицанію извѣстнаго—непосредственнаго паденія тѣлъ и планетъ ¹⁾. Пусть даже импульсы и сами производятся толчками частицъ міровой среды; все-таки мы остаемся въ неизвѣстности относительно законовъ толчка, потому что намъ приходится ставить въ связь результаты толчка тѣлъ съ результатами испытываемыхъ ими толчковъ со стороны міровой среды. Ясно, что изъ этого заколдованнаго круга нѣтъ никакого выхода, кромѣ какъ прибѣгнуть къ фиеции переливанія движенія и къ вещественному атомизму, а такъ какъ она очень груба и прозрачна, то надо въ то же время ввести и понятіе массы. Употребленіе же его въ механизмѣ есть чистѣйшая непослѣдовательность. Масса не имѣетъ смысла, если хотя часть атомовъ не имѣетъ множественности силъ. Масса прежде всего есть измѣренная пропорціональность; вѣкъ послѣдней не можетъ даже возникнуть это понятіе. Только потомъ мы можемъ условнымъ образомъ распро-

¹⁾ См. Оп. постр. теор. мат., ч. I, стр. 237 и сл.

сравнить его и на невѣсомую матерію, напримѣръ, на эфиръ, въ которомъ предполагають одні отталкивательныя силы: въ этомъ случаѣ она получаетъ слѣдующее условное значеніе — данный атомъ своею отталкивательною силою взаимодействуетъ такъ, какъ бы на его мѣстѣ взаимодействовалъ опредѣленный вѣсомый атомъ. Если мы говоримъ, что силы или дѣйствія пропорціональны массѣ, то это неправильный способъ выраженія: не величина силъ зависитъ отъ массы, а на оборотъ, потому что масса есть только измѣренная пропорціональность, а въ пропорціи не величина членовъ зависитъ отъ показателя отношеній, а на оборотъ — послѣдній и существуетъ-то только въ самихъ членахъ. Поэтому отнюдь нельзя приписывать массѣ независимое отъ силъ существованіе ¹⁾.

Отсюда ясно, что понятіе массы, а также законъ равенства дѣйствія и противодѣйствія имѣють значеніе только потому, что тѣла обладаютъ множественностью силъ и взаимодействій. Вѣдь масса есть число, получаемое отъ сравненія различныхъ подчиненныхъ закону пропорціональности дѣйствій, а для пропорціи надо имѣть

¹⁾ Махъ, который очень близко подошелъ къ правильному рѣшенію вопроса о массѣ и видитъ многіе недостатки обыденнаго пониманія ея, упустилъ изъ виду это обстоятельство. „Обыкновенно“, говоритъ онъ, — „опредѣляютъ $m = \frac{p}{g}$ и на оборотъ $p = mg$ (p сила, m масса, g ускореніе). Или это составляетъ невыносимый кругъ, или нужно понимать силу какъ давленіе. Известна предстоящая въ этомъ случаѣ трудность опредѣлить величину и направленіе силы“. Онъ предлагаетъ такое опредѣленіе. „Тѣла, сообщающія другъ другу равныя противоположныя ускоренія, называются тѣлами равной массы и т. д.“. При этомъ рѣшаетъ вопросъ—если два тѣла относятся къ третьему какъ равныя съ нимъ массы, то будутъ ли ихъ массы равны между собою, и рѣшаетъ крайне искусственно. Онъ предполагаетъ три тѣла A , B и C катающимися по кругу. Если масса A равна B , а B равна C , но масса C относится къ A не какъ равная, а какъ большая, то A передаетъ вслѣдствіе равенства массъ всю свою скорость B , B по той же причинѣ C , при чемъ скорость не измѣнится, а C сообщаетъ A вслѣдствіе предположеннаго превосходства своей массы большую скорость, чѣмъ само получило и т. д.; словомъ, должна возрастать живая сила, чего не бываетъ. Но Махъ не доказываетъ особо, что при всякихъ силахъ результаты взаимодействія будутъ пропорціональны другъ другу, а смѣшиваетъ этотъ вопросъ съ только-что изложеннымъ. Все это находится въ его *Die Geschichte und die Wurzel des Satzes von der Erhaltung der Arbeit* Prag. 1872, стр. 51 и слѣдующія; а въ изданной чрезъ 11 лѣтъ *Die Mechanik in ihrer Entwicklung historisch-kritisch dargestellt* (Leipzig. 1883) онъ уже ни однимъ словомъ не обмолвится о множественности силъ (см. стр. 202), такъ что, очевидно, придаетъ понятію массы значеніе и въ томъ случаѣ, еслибы существовалъ одинъ родъ дѣйствій.

четыре количества. Всякое дѣйствіе тѣла A на B , существующе въ немъ сверхъ всемірно-притягательнаго, относится къ однородному дѣйствію B на A также, какъ относятся и ихъ всемірно-притягательныя дѣйствія. Показатель же этого отношенія и есть масса. Еслибы тѣла обладали только какою-нибудь одною силой, напри- мѣръ, всемірно-притягательною, то и не могло бы возникнуть понятіе массы. Считать ее существующей независимо отъ разнородныхъ силъ и чѣмъ-то предшествующимъ всѣмъ силамъ вообще будетъ чистѣй- шимъ догматизмомъ: это значить считать частное существующимъ по- мимо дѣлимаго и дѣлителя. А между тѣмъ обыкновенно такъ и по- ступаютъ—говорятъ о массѣ, даже предполагая матерію лишенною всѣхъ силъ безъ исключенія, и не задаются вопросомъ, какой же смыслъ остается у этого понятія.

Мы разъяснили понятіе массы, предполагая, что всѣ силы дѣй- ствительно подчинены закону пропорціональности, но теперь неиз- бѣжно возникаетъ вопросъ, на сколько это вѣрно. Мы можемъ дать утвердительный отвѣтъ, основываясь на оправданіи опытомъ нѣко- торыхъ принциповъ механики, изъ которыхъ мы и изложимъ здѣсь одинъ, разумѣется, самымъ элементарнымъ образомъ. Это такъ называ- емый принципъ сохраненія центра тяжести.

Если законъ пропорціональности господствуетъ надъ всѣми силами безъ исключенія, то общій центръ тяжести, двухъ атомовъ будетъ всегда оставаться безъ перемѣны, если только они не имѣютъ не- одинаковыхъ, полученныхъ или получаемыхъ ими извнѣ, движеній. Дѣйствительно центръ тяжести долженъ находиться въ такой точкѣ соединяющей ихъ линіи, гдѣ послѣдняя дѣлится на части, обратно пропорціональныя вѣсу атомовъ. Если оба атома взаимодействуютъ по закону пропорціональности, то это значить, что они будутъ или приближаться къ общему центру тяжести, или удаляться отъ него съ скоростями, обратными ихъ вѣсу. Вслѣдствіе этого каждое мгно- веніе точка, раздѣляющая ихъ разстояніе на части, обратно пропор- ціональныя ихъ вѣсу, будетъ приходиться въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и прежде. Разсматривая центръ тяжести каждой пары атомовъ и по- томъ общій центръ для каждой пары центровъ тяжести и т. д., мы этотъ выводъ можемъ обобщить для любой системы, изъ сколькихъ бы атомовъ она ни состояла. Такимъ образомъ мы находимъ, что ни одно тѣло не можетъ двигаться подъ вліяніемъ однѣхъ внутрен- нихъ силъ. Но это имѣетъ значеніе только въ томъ случаѣ, если всѣ силы подчинены закону пропорціональности, или, что то же, ра-

венства дѣйствія и противодѣйствія. А еслибъ онъ распространялся только на часть силъ, а другая часть была бы исключена изъ-подъ его власти, то подъ вліяніемъ послѣднихъ система атомовъ передвигалась бы въ какую-нибудь опредѣленную сторону, такъ что движеніе рождалось бы изъ ничего. Такъ, если два атома при различныхъ вѣсахъ отталкивали бы другъ друга съ одинаковыми скоростями и болѣе тяжелый изъ нихъ находился бы съ правой стороны, то вся эта система передвигалась бы слѣва направо. Дѣйствительно, когда оба атома взаимно притягиваются, то центръ тяжести не измѣняетъ своего мѣста. Но когда они достаточно сблизятся между собой, такъ что ихъ притягательное дѣйствіе замѣнится отталкиваніемъ оба будутъ удалаться отъ центра тяжести съ равными скоростями, а такъ какъ послѣдній долженъ быть ближе къ болѣе тяжелому, то онъ и передвинется слѣва направо. Но ни одинъ фактъ опыта не говоритъ намъ, чтобы на движенія тѣлъ или ихъ системъ вліяли ихъ внутреннія взаимодействія. Ни въ одномъ тѣлѣ безъ взаимодействія съ другимъ никогда не возникаетъ новое движеніе. Правда, мы не въ состояніи наблюдать это относительно небольшихъ системъ атомовъ, молекулъ, такъ что мы можемъ подозрѣвать, не возникаетъ ли въ нихъ движеніе безъ внѣшнихъ взаимодействій—вслѣдствіе однихъ лишь внутреннихъ вліяній. Однако мы знаемъ, что при всѣхъ явленіяхъ соблюдается законъ сохранения энергіи; а еслибы движенія молекулъ возникали изъ ничего, то она постоянно увеличивалась бы.

Изъ предыдущаго становится яснымъ, во первыхъ, связь высшихъ понятій, а вовторыхъ—въ какой мѣрѣ они принадлежатъ къ числу апіорныхъ. Всѣ движенія, которыя атомъ вызываетъ въ другомъ и которыя самъ пріобрѣтаетъ въ то же время, подчинены закону пропорціональности. Эта пропорціональность, измѣренная и выраженная числомъ, составляетъ массу атома, которая всегда пропорціональна его всемірно-притягательному дѣйствію. Тотъ же самый законъ пропорціональности, высказанный въ измѣренныхъ отношеніяхъ—въ массѣ (при чемъ возможность измѣренія основана на независимости притяженія отъ его объектовъ), составляетъ законъ равенства дѣйствія и противодѣйствія. Наконецъ, еслибы закону пропорціональности подчинялись не всѣ силы атома, а только часть ихъ, а другая отступала бы отъ него, то, какъ мы сейчасъ видѣли, въ системѣ атомовъ, не соблюдался бы законъ сохранения энергіи; слѣдовательно, и этотъ повсюду дѣйствующій законъ есть не что иное, какъ

тотъ же законъ пропорціональности, но рассматриваемый со стороны работы, которая можетъ быть произведена движеніями атомовъ. Такова связь высшихъ понятій и законовъ, относящихся къ матеріальному бытію: всѣ они составляютъ только разныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же повсюду дѣйствующій законъ пропорціональности.

Послѣднимъ управляются всѣ взаимодѣйствія атомовъ, а какими законами управляются взаимодѣйствія системъ атомовъ, то-есть, тѣлъ? Не смотря на то, что атомы нисколько не сопротивляются новымъ движеніямъ, они управляются все-таки закономъ пропорціональности или, что то же, законами равенства дѣйствія съ противодѣйствіемъ и сохранения энергіи ¹⁾. Въ этомъ не трудно убѣдиться слѣдующимъ образомъ. Если мы опредѣляемъ продукты взаимодѣйствія любой пары атомовъ, то какое бы мы ни клали понятіе (массы) въ основу своихъ разсужденій—обыденное или философское, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы получимъ одинаковыя результаты; вся разница ограничивается лишь тѣмъ, что самый путь разсужденія будетъ тамъ, и здѣсь не одинаковымъ. Такъ возьмемъ два атома *A* и *B*, массы которыхъ относятся какъ 3:2. Съ философской точки зрѣнія такое отношеніе массъ есть простой перифразъ той мысли, что при всякомъ взаимодѣйствіи ускореніе, приобретаемое атомомъ *A*, относится къ ускоренію *B* какъ 2:3. Съ обыденной же точки зрѣнія мы должны разсуждать нѣсколько иначе, наприимѣръ, слѣдующимъ образомъ: масса есть показатель отношенія силы къ ускоренію, такъ что если массы атомовъ *A* и *B* относятся какъ 3:2, то при дѣйствіи одной и той же силы ихъ ускоренія должны относиться какъ 2:3; а ихъ взаимодѣйствіе можетъ быть рассматриваемо, какъ одновременное дѣйствіе на нихъ одной и той же силы (такъ, ихъ взаимное отталкиваніе можетъ быть уподоблено дѣйствію помѣщенной между ними пружины). Такимъ образомъ и въ томъ, и другомъ случаѣ мы получаемъ, что отношенія ускореній атомовъ при каждомъ изъ ихъ взаимодѣйствій должны быть обратны ихъ массамъ. Взаимодѣйствія же тѣлъ опредѣляются взаимодѣйствіемъ атомовъ; поэтому коль скоро послѣднія

¹⁾ Мы сочли не лишнимъ привести послѣдующія соображенія, чтобы не оставить никакого сомнѣнія въ возможности обойтись безъ предположеній какихъ бы то ни было сопротивленій и препятствій, оказываемыхъ со стороны матеріи возникающимъ въ ней движеніямъ. Замѣтимъ, что часть этихъ соображеній стала бы излишней—самоочевидной, еслибы мы, опредѣляя значеніе массы, предполагали сплошное строеніе матеріи, то-есть, еслибы вели наши разсужденія не объ атомахъ, а о частицахъ матеріи, иначе—о тѣлахъ.

будутъ одинаковыми какъ при обыденномъ такъ и при философскомъ воззрѣннн на массу, то и первыя въ обоихъ случаяхъ тоже будутъ одинаковыми; а при обыденномъ воззрѣннн должно получиться, что взаимодѣйствія тѣлъ подчинены закону равенства дѣйствія и противодѣйствія и закону сохраненія энергнн; слѣдовательно и при философскомъ пониманнн массы они должны подчиняться тѣмъ же самымъ законамъ.

Подобнымъ же образомъ мы можемъ получить и отвѣтъ на вопросъ, отчего зависить масса тѣлъ? Какъ и при обыденномъ пониманнн, въ однородныхъ тѣлахъ она должна быть пропорціональной числу атомовъ, въ разнородныхъ же, сверхъ того, и ихъ собственной массѣ ¹⁾; ибо какъ при обыденномъ такъ и при философскомъ воззрѣннн взаимодѣйствія тѣлъ подчинены одинаковымъ законамъ, такъ что если при обыденномъ воззрѣннн на массу ускоренія, которыя приобрѣтаются двумя тѣлами при каждомъ взаимодѣйствнн выходятъ обратно пропорціональными числу атомовъ и ихъ массамъ, то то же самое должно получаться и при философскомъ пониманнн массы. Такъ, для примѣра предположимъ, что система трехъ однородныхъ атомовъ а, b, с взаимодействуетъ посредствомъ всемирно притягательной силы съ системой однородныхъ съ ними атомовъ d и e, и допустимъ, что въ атомахъ нѣтъ никакого сопротивленія движениамъ, а что масса означаетъ только измѣренную пропорціональность ихъ взаимодействнн. На столь значительныхъ разстоянняхъ, на которыхъ дѣйствуетъ всемирное тяготѣнне, дѣйствія всѣхъ атомовъ одной системы на каждый атомъ другой будутъ суммироваться независимо отъ расположенія атомовъ первой системы, такъ что каждый атомъ второй системы (с, d) будетъ испытывать отъ всей первой системы (а, b, с) втрое большее дѣйствне, чѣмъ отъ каждаго отдѣльнаго атома ²⁾. Подоб-

¹⁾ Масса пропорціональна числу атомовъ; а такъ какъ атомы суть элементы матернн, то въ этомъ смыслѣ можно говорить, что масса есть показатель количества матернн, подразумѣвая подъ словомъ количество не объемъ вещественнаго субстрата, а число атомовъ.

²⁾ При силахъ, дѣйствующихъ на незамѣтно малыхъ разстоянняхъ процессъ взаимодействнн будетъ гораздо сложннн: сперва произойдутъ перемѣны въ движениахъ крайнихъ атомовъ, которыя отразятся на движениахъ сосѣднихъ, вслѣдствне чего произойдетъ перемѣна во взаимодействнн этихъ атомовъ съ слѣдующими за ними; а она въ свою очередь тотчасъ же отразится на предшествующихъ атомахъ и т. д. Но для поясненія нашихъ соображеннн достаточнн большаго простаго примѣра въ текстѣ.

нымъ же образомъ каждый атомъ первой системы будетъ испытывать отъ всей второй системы вдвое большее дѣйствіе, чѣмъ отъ одного атома ¹⁾. Слѣдовательно, ускореніе каждаго атома (а потому и всей) первой системы будетъ относиться къ ускоренію второй какъ 2 : 3, такъ что массы ихъ будутъ въ прямой зависимости отъ числа атомовъ. А отсюда вытекаетъ, что какъ и при обыкновенномъ пониманіи массы во всѣхъ вѣсомыхъ тѣлахъ она будетъ пропорціональна вѣсу, потому что въ такой зависимости отъ него она находится въ каждомъ отдѣльномъ вѣсомомъ атомѣ.

Наконецъ, для полноты упомянемъ еще объ одномъ вопросѣ, какъ именно слѣдуетъ критически объяснять различіе вѣса тѣлъ, коль скоро всѣ они падаютъ съ одинаковою скоростью и въ то же время не обладаютъ никакимъ сопротивленіемъ: если признавать массу сопротивленіемъ, а движеніе силой, то эта сила (а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея обнаруженіе въ видѣ вѣса или давленія къ центру земли), не смотря на равенство скоростей, будетъ пропорціональна массѣ; но мы не находимъ возможнымъ считать ни массу сопротивленіемъ, ни движеніе силой (кромѣ какъ въ смыслѣ приема для вычисленія явленій), а потому обязаны дать иной отвѣтъ—въ духѣ нашихъ воззрѣній. Онъ основанъ на томъ, что вѣсъ не составляетъ какого-либо особаго свойства тѣлъ или атомовъ, которое существовало бы въ нихъ сверхъ ихъ (сближающихъ и удаляющихъ) движеній, или силъ. Вѣсъ есть результатъ сравнительнаго измѣренія известнаго рода взаимодѣйствій, которыя имѣютъ взвѣшиваемыя тѣла съ другими тѣлами во время дѣйствія на первыя ихъ тяготѣнія къ землѣ. Помимо подобнаго (дѣйствительно производимаго или воображаемаго) взвѣшивания слово вѣсъ не имѣетъ никакого значенія. Различіе же этихъ взаимодѣйствій зависитъ отъ массы взвѣшиваемаго тѣла, чѣмъ и обуславливается различіе вѣса. Такъ обыкновенно вѣсъ опредѣляется однимъ изъ слѣдующихъ двухъ способовъ. 1) Сравняются взаимодѣйствія двухъ тѣлъ съ концами равноплечнаго рычага. Эти взаимо-

---

¹⁾ Напоминаемъ, что сила въ критической философіи можетъ значить только законъ движеній, и суммирование силъ или ихъ дѣйствій означаетъ такимъ образомъ суммирование движеній. Напримѣръ, если съ атомомъ d взаимодействуетъ посредствомъ всемірно притягательной силы только атомъ a и первый приобретаетъ ускореніе v , то при взаимодействіи d съ двумя такими же атомами, какъ a , атомъ d долженъ приобретать ускореніе $2v$, потому что съ каждымъ изъ атомовъ онъ связанъ закономъ, вслѣдствіе котораго отъ присутствія каждаго изъ нихъ въ немъ возникаетъ ускореніе v .

дѣйствія обусловливаются или взаимнымъ отталкиваніемъ конца рычага и положеннаго на него падающаго вслѣдствіе тяготѣнія тѣла, или же взаимнымъ сдѣпленіемъ, если взвѣшиваемыя тѣла привѣшены къ рычагу. И понятно, что результатъ сравненія будетъ зависѣть отъ массы взвѣшиваемыхъ тѣлъ. 2) То же самое будетъ и въ томъ случаѣ, если сравниваются взаимодѣйствія двухъ тѣлъ съ пружиною.

Такимъ образомъ дѣйствительно, въ матеріи можно не допускать ничего иного, кромѣ совершающихся по извѣстнымъ законамъ взаимныхъ сближеній и удаленій ея частицъ или атомовъ. Если въ физикѣ и механикѣ и являются понятія, въ которыхъ мыслятся какія-то особыя свойства матеріи помимо движеній, то эти понятія имѣютъ значеніе не реальнаго описанія природы, а только пріемовъ для вычисленія явленій, при чемъ ихъ пригодность обусловлена характеромъ даннаго динамическаго строенія матеріи. Таковы понятіе величины силы какъ произведенія массы на скорость, понятіе движенія какъ силы, понятіе массы какъ свойства, которое могло бы сохраниться и которое можно разсматривать помимо силъ, или же понятіе массы какъ сопротивленія и т. п. Въ матеріи нѣтъ сопротивленій, а одни лишь закономѣрно связанныя движенія; но откуда, спрашивается, берется ощущеніе сопротивленія, когда мы толкаемъ какое-нибудь тѣло? Намъ кажется, какъ будто бы мы непосредственно ощущаемъ, что матерія сопротивляется вызываемому нами движенію. Это-то обстоятельство, по видимому, сильнѣй всего поддерживаетъ увѣренность въ обладаніи матеріей свойствомъ сопротивленія, потому что, если мы это ощущеніе станемъ объяснять какъ результатъ отталкиванія передвигаемаго тѣла, то намъ кажется, что послѣднее не можетъ ничего отталкивать отъ себя, если не обладаетъ сопротивленіемъ движенію, такъ какъ безъ этого его отталкиваніе должно бы возвратиться на него самого и заставило бы его удалиться отъ отталкивающей руки, не произведя въ ней никакого дѣйствія.

Кажущееся воспріятіе сопротивленія передвигаемаго тѣла въ дѣйствительности есть не что иное какъ ощущеніе, сопровождающее приближеніе атомовъ поверхности руки къ ея болѣе глубокимъ слоямъ, приближеніе, которое возникаетъ вслѣдствіе отталкивательнаго дѣйствія приводимаго въ движеніе предмета. Что же касается до нашего предположенія, будто бы отталкиваніе послѣдняго не можетъ произвести на насъ никакого дѣйствія, а вернется на него же самого, если онъ не обладаетъ сопротивленіемъ, то въ этомъ разсужденіи мы представляемъ себѣ отталкиваніе въ видѣ шеста, ко-

торымъ хотимъ сплхнуть, напрімѣръ, берегъ, и вмѣсто того отпихи ваемъ себя вмѣстѣ съ лодкой, не произведя на берегъ, по видимому, никакого дѣйствія. Но нужно помнить, что въ дѣйствительности не существуетъ ни отпихивающихъ шестовъ, ни притягивающихъ нитей. Отталкиваніе и притяженіе суть только уподобляющія названія. Атомы не производятъ ни притяженія, ни отталкиванія, а только въ зависимости отъ разстояній одновременно обоудно сближаются или удаляются. Для насъ такое представленіе непривычно, такъ какъ мы обыкновенно разсматриваемъ только одну сторону взаимодѣйствія, поэтому мы и говоримъ, что одинъ атомъ отталкиваетъ другой и на оборотъ, и упускаемъ изъ виду, что мы имѣемъ дѣло съ взаимодѣйствіемъ, такъ что ни одинъ атомъ не отталкиваетъ другаго, а оба разомъ удаляются другъ отъ друга. Вотъ съ этой-то точки зрѣнія и нужно обсуждать всѣ возвратныя дѣйствія. Лодка отпихивается отъ берега не потому, чтобы послѣдній не получалъ никакого движенія, но потому что на берегу возникаютъ одни частичныя движенія, на которыя мы не обращаемъ никакого вниманія. Камень отталкиваетъ руку не потому, чтобы онъ самъ сопротивлялся возвращающемуся на него отталкиванію, а потому что во время приближенія къ нему нашей руки одновременно удаляются другъ отъ друга поверхностныя атомы и руки, и камня; чѣмъ быстрѣе было сближеніе, тѣмъ позднеѣе оно уравнивается возникающимъ обоуднымъ удаленіемъ и тѣмъ сильнѣе будетъ давленіе, такъ какъ поверхностныя атомы руки устремятся въ глубь съ большею скоростью, и достигнутъ большей глубины.

Законъ пропорціональности разъясняетъ, въ какой мѣрѣ законы равенства дѣйствія съ противодѣйствіемъ и сохраненія энергіи могутъ быть относимы къ числу законовъ а ргіогі. Первый (равенство дѣйствія и противодѣйствія) Кантъ и Вундтъ считаютъ закономъ а ргіогі—на томъ основаніи, что всякая субстанція должна быть во взаимодѣйствіи съ другими, такъ что въ то время, когда она дѣйствуетъ на нихъ, она должна и страдать отъ нихъ ¹⁾. Что же касается до сохраненія энергіи, то этотъ законъ также иногда считается апіорнымъ. Такъ, напрімѣръ, смотрятъ на него Моръ, Махъ и Вундтъ.

По видимому, они правы. Историческій фактъ—тотъ, что законъ

---

¹⁾ Вундтъ ограничивается только такимъ замѣчаніемъ, см. Logik. I B. Stuttgart. 1880, стр. 559, поэтому мы не будемъ говорить о немъ особо отъ Канта.

сохраненія энергiи былъ открытъ безъ помощи опыта, спекулятивнымъ путемъ. Майеръ исходилъ изъ положенiя: *causa aequat effectum*. А такъ какъ каждое дѣйствiе можетъ служить новою причиною, то посредствомъ перваго можно или возстановить ту причину, которая произвела его, или же произвести эквивалентное съ нею дѣйствiе. Сила есть причина движенiя; но и послѣднее есть причина новаго движенiя, то-есть, опять-таки сила. Слѣдовательно, если мы затрагивали нѣкоторую силу для возбужденiя движенiя, то оно служитъ источникомъ силы, которая равна затраченной и можетъ вызвать точно такое дѣйствiе, какъ и послѣдняя. Все это поясняется на примѣрѣ паденiя тѣла: если тѣло падаетъ съ нѣкоторой высоты, то подъ конецъ паденiя оно приобретаетъ какъ разъ такую же скорость, которую нужно сообщить ему для подъема на ту же высоту; слѣдовательно, измѣнилось только направленiе, а движенiе или сила сохранилась сполна. Во время же паденiя надо брать въ разчетъ не только наличное, но и возможное движенiе ¹⁾). Далѣе Гельмгольцъ также вывелъ этотъ законъ безъ помощи опыта. Онъ предположилъ матерiю, состоящую изъ атомовъ, взаимодействующихъ посредствомъ дѣйствiй на разстоянiи, убывающихъ въ нѣкоторой опредѣленной зависимости отъ послѣднихъ ²⁾). Потомъ онъ примѣнилъ къ атомамъ тѣ же соображенiя, которыя имѣютъ мѣсто относительно паденiя тѣла. Такимъ образомъ этотъ законъ, по видимому, выводимъ а priori.

Но нужно отличать открытiе или возможность открытъ что-либо безъ помощи опыта отъ самаго содержанiя. Многое мы можемъ узнать безъ помощи опыта, но это не значитъ, что оно дѣйствительно а priori. Ньютонъ, предполагая землю разсѣченною любую плоскостью, вывелъ законъ равенства дѣйствiя и противодѣйствiя тоже безъ помощи опыта. Еслибы, разсуждаетъ онъ, обѣ части вслѣдствiе взаимнаго притяженiя давили другъ на друга не съ равными силами (подразумѣвая подъ этимъ произведенiе массы на скорость), то земля передвигалась бы въ ту или другую сторону; но это нелѣпно, такъ какъ изолированное тѣло по закону инерцiи не можетъ приобрести

¹⁾ *R. Mayer* въ *Liebig's Ann.* В. XLII, 1842 Mai Heft.

²⁾ *Helmholtz*. Ueber die Erhalt d. Kraft. Berlin. 1847. Говоря подробнѣе, Гельмгольцъ исходитъ изъ слѣдующихъ положенiй: 1) Дѣйствiя тѣла состоятъ въ дѣйствiяхъ, исходящихъ изъ пунктовъ массы тѣла. 2) Дѣйствiе равно противодѣйствiю. 3) Дѣйствiе каждаго пункта массы не измѣняется отъ присутствiя другихъ и отъ своего движенiя.

низкихъ новыхъ движеній ¹⁾. Этотъ выводъ безъ помощи опыта указываетъ ли на апіорность закона равенства дѣйствія и противо-дѣйствія? Онъ основанъ на томъ, что въ изолированномъ тѣлѣ не могутъ возникать новыя движенія. Это, по видимому, достовѣрно извѣстно, такъ какъ иначе нарушился бы законъ причинности. Да, если въ тѣлѣ нѣтъ внутреннихъ взаимодействій, или если они подчинены закону пропорціональности, такъ какъ въ противномъ случаѣ тѣло можетъ придти въ движеніе ²⁾, а и то, и другое можетъ ли быть узнано не изъ опыта? Въ подобномъ же положеніи оказываются и оба, по видимому, независимые отъ опыта вывода закона сохранения энергіи: они основаны на томъ, что внутреннія взаимодействія не вліяютъ на внѣшнія движенія, то-есть, на существованіи закона пропорціональности; слѣдовательно, сохраненіе энергіи можетъ принадлежать къ числу законовъ а ріогіі только въ томъ случаѣ, если къ нимъ принадлежитъ и законъ пропорціональности. А можно ли отнести его къ числу а ріогіі выводимыхъ? Ни про число, ни про зависимость силъ отъ разстояній мы еще ничего не знаемъ безъ помощи опыта; столь же мало пока мы можемъ знать а ріогіі, что отношеніе отталкивательныхъ дѣйствій двухъ атомовъ другъ на друга будетъ такое же, какъ и между и тѣ всемірно-притягательными дѣйствіями. О существованіи такой связи при теперешнемъ состояніи метафизики могутъ свидѣтельствовать исключительно данныя опыта. Если внутреннія силы не вліяютъ на внѣшнія движенія, то значитъ соблюдается законъ пропорціональности; а отсюда, построивъ понятіе кинетической и потенциальной энергіи, можно заключить, что ихъ общая сумма никогда не измѣняется, подобно тому, какъ Ньютонъ изъ этого же отсутствія внутреннихъ вліяній на внѣшнія движенія сдѣлалъ выводъ о повсюдномъ равенствѣ дѣйствія и противо-дѣйствія ³⁾. Такимъ

¹⁾ I. с. 43.

²⁾ См. выше.

³⁾ Мы не случайно сопоставляемъ выводъ Майера и Гельмгольца съ Ньютонскимъ: оба они по существу однородны. Ньютонъ тѣ законы, которые управляютъ явленіями на поверхности земли (равенство дѣйствія и противо-дѣйствія и притяженія) распространилъ далеко за ея предѣлы—на всю планетную систему и даже вселенную. Майеръ же и Гельмгольдъ распространили тѣ же законы движеній, оцѣненныхъ со стороны возможной работы, во внутрь тѣлъ вплоть до ихъ послѣднихъ элементовъ, то-есть, указали, что паденіе тѣлъ на землю и взаимодействія тѣлъ подчинены тѣмъ же законамъ, какъ и внутреннія движенія въ тѣлахъ. Такимъ образомъ ихъ труды составляютъ логическое про-

образомъ оба заключенія были построены не независимо отъ всякаго опыта, а только безъ помощи новаго опыта. Внутреннія взаимодѣйствія не вызываютъ внѣшнихъ движеній—это известно изъ опыта; имѣя въ рукахъ понятіе (не терминъ, а понятіе—и Майеръ, и Гельмгольцъ пользовались другими терминами) потенциальной и кинетической энергіи, то-есть, рассматривая движеніе со стороны производимой посредствомъ него работы и принимая въ расчетъ не только реальное, но и возможное движеніе, мы безъ всякой помощи новыхъ экспериментовъ и наблюденій можемъ вывести законъ сохранения энергіи. Все дѣло въ понятіи потенциальной энергіи. Лейбницъ тоже высказалъ законъ сохранения силъ—именно живыхъ силъ; но онъ не обладалъ понятіемъ потенциальной энергіи или напряженныхъ силъ—возможныхъ, а потому его законъ не могъ имѣть того значенія, какъ Майеро-Гельмгольцевскій. Априорность послѣдняго ограничивается, слѣдовательно, только тѣмъ, что безъ помощи опыта было установлено и примѣнено къ опыту новое понятіе,—данныя опыта рассматривались съ новой точки зрѣнія. Это-то и составляетъ важнѣйшую заслугу Майера и Гельмгольца: еслибы экспериментальныя изслѣдованія не оправдали ихъ закона, то примѣненіе къ движенію на ряду съ понятіемъ кинетической энергіи, также и понятія потенциальной дало бы свои полезные плоды, потому что мы узнали бы или то, что законъ равенства дѣйствія и противодѣйствія соблюдается не повсюду, и что такимъ образомъ понятіе массы не имѣетъ того значенія, которое мы ему придаемъ, такъ какъ не всѣ силы пропорціональны ей, или же—то, что динамическія силы подчинены не тѣмъ законамъ, какъ мы предполагаемъ, и т. п.

Въ чемъ же заблужденіе тѣхъ, кто считаетъ законъ энергіи уже априорнымъ? Въ ошибочномъ взглядѣ на понятіе причины и вообще на принципы внѣшней природы. „Положеніе сохранения силы“, говоритъ Моръ,—не высказываетъ ничего другаго, какъ то, что дѣйствіе равно причинѣ. Оно есть положеніе чистаго разума (*reiner Vernunftsatz*) и поэтому можетъ быть столь же мало доказываемо, какъ и то, что 3 и 1 составляютъ 4¹⁾.

долженіе Ньютоновской работы—ислѣдовать законы взаимодѣйствія во все вселенной, какъ на безконечно большихъ, такъ и на безконечно малыхъ разстояніяхъ.

¹⁾ *Fr. Mohr. Allgemeine Theorie der Bewegung und Kraft. Braunschweig. 1869, стр. 40.*

Причина равна дѣйствию, но причина есть сила, и какъ же сказать, что та внутренняя дѣятельность, которая, можетъ быть, совершается въ атомѣ, когда онъ притягиваетъ къ себѣ другой, равна движенію послѣдняго? Вѣдь оба процесса, можетъ быть, разнородны и не соизмѣрны между собою. Если и можно говорить, что причина равна дѣйствию, то не относительно элементарныхъ причинъ, а только по отношенію къ сложнымъ явленіямъ. Если всякое явленіе складается изъ движеній, то движенія, входящія въ составъ наличнаго явленія обусловлены движеніями предшествующаго, которое служитъ причиной наличнаго. Вотъ здѣсь можно сказать, что причина равна дѣйствию, такъ какъ оба явленія соизмѣрны, оба состоятъ въ движеніяхъ. Но можно ли знать а priori объ этомъ равенствѣ? Вѣдь его даже не существуетъ, такъ какъ сохраняются не сами движенія: они непрерывно накаплиются и складываются съ предшествующими, и равнодѣйствующая ихъ непрерывно измѣняется; сохраняется же только энергія, то-есть, число, полученное отъ особаго способа измѣренія какъ дѣйствительныхъ движеній, такъ и тѣхъ, которыя могли бы возникнуть вслѣдствіе того, что динамическія силы подчинены такимъ, а не инымъ законамъ ¹⁾. Послѣдніе, теперь по крайней мѣрѣ, не априорны, поэтому не априоренъ и законъ сохранения энергіи.

Махъ ²⁾ утверждаетъ, что этимъ закономъ издавна пользовались при построеніи всѣхъ важнѣйшихъ положеній механики—но не въ томъ видѣ, какъ мы имъ теперь пользуемся, а въ смыслъ принципа невозможности *perpetuum mobile*, и что въ видѣ этого принципа онъ составляетъ только другую форму закона причинности. Онъ указываетъ, что принципомъ невозможности *perpetuum mobile* руководился Галилей при изслѣдованіи законовъ паденія тѣлъ: каждое тѣло должно упасть не съ большею скоростью, чѣмъ та, съ которою оно было подброшено, такъ какъ иначе можно было бы получить вѣчное движеніе. Подобнымъ же образомъ рассуждалъ Торичелли, утверждая, что вытекающая изъ сосуда струя не можетъ подняться выше уровня всей жидкости и т. д. Что же касается до тождества принципа невоз-

¹⁾ См. Опытъ построения теоріи матеріи, ч. I, стр. 192.

²⁾ Махъ и Вундтъ разсматриваютъ сохраненіе энергіи, какъ логическія слѣдствія понятій причины и субстанціи, хотя послѣднихъ не считаютъ вполне априорными. Но если такая связь справедлива, то критическій философъ долженъ признать сохраненіе энергіи столь же априорнымъ, какъ причину, субстанцію и т. д.

возможности *regretuum mobile* и закона причинности, то это для Маха кажется само собою очевидным¹⁾.

Однако человечество не мало ломало голову надъ построениемъ *regretuum mobile*.—Почему же такъ? Потому что его невозможность вытекаетъ изъ закона причинности только въ томъ случаѣ, если рассматриваемая нами система тѣлъ (напримѣръ, та машина, изъ которой должно возникать вѣчное движеніе), или совсѣмъ не имѣетъ внутреннихъ взаимодействій, или же они должны подчиняться закону пропорціональности; а о томъ и другомъ можетъ пока дать рѣшеніе только опытъ. Еслибы, напримѣръ, скорости, приобретаемыя тѣлами во время толчка, были бы обратны ихъ вѣсамъ, какъ это и есть въ дѣйствительности, а результаты сдѣлания, не смотря на различіе вѣса, были бы для каждой частицы матеріи одинаковыми, то не составило бы большого труда построить *regretuum mobile*²⁾.

Все сказанное здѣсь имѣетъ значеніе и относительно мнѣнія Вундта, который полагаетъ, что законъ энергіи вытекаетъ изъ понятія субстанціи. Дѣеспособность послѣдней, рассуждаетъ онъ, не можетъ измѣниться, такъ какъ сама субстанція образуетъ неизмѣнный субъектъ всѣхъ явленій: поэтому при данныхъ условіяхъ она всегда производитъ одинаковое дѣйствіе, такъ что сумма ея возможной и дѣйствительной дѣятельности или энергіи остается неизмѣнною³⁾. Все это вѣрно, но для сохраненія энергіи необходимъ еще не вытекающій изъ понятія субстанціи законъ пропорціональности.

Послѣдній мало отличается отъ закона равенства дѣйствія и противодѣйствія. По нашему пониманію, масса не есть ничто такое, что могло бы существовать даже и въ томъ случаѣ, еслибы у матеріи не было никакихъ силъ: масса лишь существуетъ въ подчиненныхъ закону пропорціональности силахъ, а внѣ ихъ она столь же мало реальна, какъ и всякое частное безъ существованія дѣлимаго и дѣлителя. По обыденному же пониманію масса существуетъ и сама по себѣ,—помимо силъ, отождествляется съ веществомъ. Но если отбросить эту примѣсь догматизма, то законъ равенства дѣйствія и про-

¹⁾ Die Geschichte und die Wurzel des Satzes von der Erhaltung der Arbeit. Vortrag gehalten in der K. Böhm Gesellschaft der Wissensch. am 15 Nov. 1871. von *Mach Prag* 1872, стр. 4 и слѣд., 42 и слѣд.

²⁾ Въ этомъ легко убѣдиться, примѣняя сюда указанные выше рассужденія о сохраненіи центра тяжести.

³⁾ Logik, I B. Stuttgart, 1880, стр. 557.

твѣодѣйствія будетъ только иною точкой зрѣнія на законъ пропорціональности и независимости притяженія отъ притягиваемыхъ объектовъ. А законъ равенства дѣйствія и противодѣйствія Кантъ считалъ апіориннымъ; если это вѣрно, то апіорентъ и законъ сохраненія энергіи. Но въ этомъ случаѣ Кантъ, очевидно, заблуждается. Онъ смотритъ на массу съ обыденной точки зрѣнія, какъ на какое-то не зависящее отъ силъ таинственное свойство, вслѣдствіе котораго въ каждомъ тѣлѣ скорость обратна нѣкоторому опредѣленному коэффициенту. Признавъ массу чѣмъ-то предшествующимъ сравнительно съ силами, онъ, разумѣется, вывелъ отсюда требуемый законъ, такъ какъ уже предположилъ его своимъ пониманіемъ массы, что тотчасъ же видно изъ его разсужденія.

Каждое дѣйствіе есть взаимодѣйствіе; поэтому каждое движеніе должно быть взаимнымъ, такъ что если тѣло А приближается хотя бы и къ покоящемуся тѣлу В, то и послѣднее все-таки должно быть разсматриваемо какъ движущееся на встрѣчу первому. Какъ же это сдѣлать? Такъ какъ понятіе движенія относительно, то все равно, будемъ ли мы разсматривать В дѣйствительно покоящимся или же скажемъ, что оно двигается со всѣмъ окружающимъ его частнымъ или относительнымъ пространствомъ (и разумѣется, со всѣми находящимися въ послѣднемъ тѣлами) въ другомъ болѣе обширномъ— въ абсолютномъ пространствѣ: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ тѣло В, въ своемъ частномъ или относительномъ пространствѣ будетъ являться покоящимся ¹⁾. По той же причинѣ безразлично—двигается ли тѣло А (напримѣръ, слѣва на право) внутри относительнаго пространства на встрѣчу покоящагося В, или же и само А, и все окружающее В относительное пространство, оба сразу, двигаются на встрѣчу другъ другу внутри абсолютнаго пространства: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ явленія будутъ одинаковыми ²⁾. Поэтому когда А приближается къ покоящемуся В, то имъ вправѣ, а по предыдущему заключенію (всякое дѣйствіе есть взаимодѣйствіе) и должны, разсматривать дѣло такъ, что они оба взаимно сближаются внутри абсо-

¹⁾ Такъ строенія для земнаго жителя являются покоящимися, хотя участвуютъ въ обонхъ движеніяхъ земли.

²⁾ Такъ явленія на столѣ будутъ одинаковыми, приближается ли на немъ только шаръ къ книгѣ, или же относительно всей комнаты (которая въ этомъ случаѣ играетъ роль абсолютнаго пространства) одновременно двигаются на встрѣчу другъ къ другу и столъ вмѣстѣ съ книгой, и самъ шаръ: книга все-таки будетъ казаться покоящеюся на столѣ, а шаръ двигающимся на неѣ.

лютнаго пространства, но В двигается одинаково со всѣмъ окружающимъ его относительнымъ пространствомъ. Въ этомъ сближеніи они должны участвовать въ равной мѣрѣ; поэтому скорости каждаго изъ нихъ внутри абсолютнаго пространства должны получаться отъ раздѣленія наблюдаемой (внутри относительнаго пространства) скорости сближенія на части обратныя ихъ массамъ. Когда оба тѣла столкнутся, то вслѣдствіе равнаго, но противоположнаго участія въ сближеніи они внутри абсолютнаго пространства останутся въ покоѣ. Но отъ этого не можетъ превратиться движеніе окружающаго тѣла В относительнаго пространства, и послѣднее будетъ двигаться съ тою же скоростью, какъ и прежде (которая пришлась на долю В) и въ томъ же направленіи, то-есть, въ нашемъ примѣрѣ справа на лѣво ¹⁾; а это все равно, какъ еслибы и А, и В внутри этого относительнаго пространства двигались съ такою же скоростью, какъ и оно,—но слѣва на право. Разсматривая же количественныя перемѣны А и В, не трудно видѣть, что онѣ удовлетворяютъ закону равенства дѣйствія и противодѣйствія ²⁾.

О помѣщеніи одного движущагося пространства внутри другаго неподвижнаго не будемъ говорить. Существеннымъ основаніемъ вывода служить нѣчто иное—именно вполне произвольное заключеніе, что при взаимномъ сближеніи двухъ тѣлъ скорости должны быть обратны ихъ вѣсамъ. Но этого еще мало, и для полученія своего вывода Кантъ долженъ былъ предположить, что если два тѣла двигаются на встрѣчу другъ другу съ скоростями, обратными ихъ массамъ, то они взаимно уравновѣшиваются, то-есть, прибавляютъ къ своимъ прежнимъ движеніямъ равныя и противоположныя имъ. Такимъ образомъ выводимый законъ уже предположенъ существующимъ; а вслѣдствіе этого онъ естественнымъ образомъ снова является въ концѣ вывода.

Чтобъ окончательно убѣдиться въ невозможности теперь вывести а priori законъ пропорціональности, а вмѣстѣ съ нимъ и равенство

¹⁾ Если и шаръ, и книга, которая двигалась на встрѣчу ему одинаково со столомъ, придуть въ покой относительно комнаты, то столъ-то будетъ продолжать свое движеніе, такъ что какъ будто бы и шаръ, и книга двигались на немъ въ ту же сторону, въ какую прежде двигался шаръ.

²⁾ *Metaphysische Anfangsgründe d. Naturwissensch. Mechan. Lehrs 4. Въ Zusatz 2.* Кантъ обобщаетъ этотъ выводъ и на притягательныя силы. Впервые такой взглядъ изложенъ Кантомъ въ одномъ изъ до-притягательныхъ сочиненій: *Neuer Lehrbegriff der Bewegung und Ruhe. 1758.*

дѣйствія съ противодѣйствіемъ, а также сохраненіе энергіи, изъ понятій причины и субстанціи, допустимъ, что мы ничего не можемъ совнать иначе, какъ посредствомъ формъ, вопервыхъ, причинной связи (такъ что она должна проникать весь опытъ насъвозъ), а вторыхъ, субстанціи и accidens (то-есть, всякій предметъ нашего сознанія или опыта долженъ являться какъ нѣчто неизмѣнное, остающееся такимъ при всякихъ происходящихъ въ немъ перемѣнахъ); другими словами допустимъ апіорность понятій причины, субстанціи и accidens. Законъ причинности можетъ быть реализованъ для нашего опыта только въ событіяхъ; а ихъ неизмѣннымъ субъектомъ должна быть субстанція. Какъ же они возникаютъ? Одно изъ двухъ — или изъ единичной субстанціи, или изъ ея общности (взаимодѣйствія) съ какою-нибудь другою. Изъ единичной субстанціи не могутъ возникать никакія перемѣны, а слѣдовательно и событія. Дѣйствительно, субстанція должна быть неизмѣннымъ субъектомъ всѣхъ ея accidentia. Противоположеніе ея съ послѣдними, или ихъ обособленіе можетъ быть только логическимъ, а не реальнымъ: будь иначе, — каждый accidens долженъ былъ бы имѣть снова свой субъектъ. Отсюда слѣдуетъ, что сама субстанція реально существуетъ только въ ея перемѣнахъ; а потому ея неизмѣнность должна для нашего сознанія ограничиваться только неизмѣнностью закона совершающихся въ ней событий, то-есть, закономѣрною смѣной ея различныхъ состояній. Если субстанція предполагается вѣ въ связи со всѣми другими, то ея состоянія для соблюденія закона причинности должны возникать другъ изъ друга, потому что субстанція, какъ неизмѣнное, не можетъ сама по себѣ замѣнить даннаго состоянія другимъ, такъ какъ этотъ актъ внесъ бы въ нее перемѣну, такъ что каждое ея состояніе должно быть производимо другимъ — именно предшествующимъ. Но тогда причина должна предшествовать своему дѣйствию, а это упраздняетъ законъ причинности¹⁾; слѣдовательно, понятіе субстанціи и accidens можетъ быть реализовано на ряду съ закономъ причинности только посредствомъ взаимодѣйствія субстанцій, то-есть, одна субстанція должна дѣйствовать на другую и въ то же время испытывать дѣйствіе отъ нея. И такъ какъ дѣйствія первичныхъ причинъ должны состоять и въ такихъ явленіяхъ, которыя содержатъ въ себѣ вѣчную однообразную перемѣну (движеніе или ихъ аналоги)²⁾, то

¹⁾ См. Оп. постр. теор. мат., ч. I, стр. 151.

²⁾ Ibid.

взаимодѣйствіе субстанціи должно происходить такимъ образомъ, чтобы въ каждой субстанціи непрерывно возникали такія явленія (аналоги движеній по инерціи) и суммировались со всѣми ея предшествующими состояніями. Такимъ образомъ каждая субстанція должна подвергаться непрерывнымъ перемѣнамъ. Въ чемъ же выразится ея субстанціальность? чѣмъ она заявитъ о себѣ, какъ о неизмѣнномъ субъектѣ? Очевидно, только тѣмъ, что хотя при разныхъ отношеніяхъ къ другой субстанціи въ ней будутъ возникать разные явленія, но при наступленіи однихъ и тѣхъ же условій всегда будетъ возникать одно и то же явленіе, хотя при наступленіи этихъ же условій во время взаимодѣйствія съ третьей субстанціей, это явленіе можетъ замѣниться совершенно инымъ, но опять-таки строго опредѣленнымъ для этихъ условій. Если это требованіе не соблюдено, то понятіе субстанціи остается не реализованнымъ, потому что не было бы въ ней ничего постояннаго. Но слѣдуетъ ли отсюда, что если въ субстанціи А во время ея взаимодѣйствія съ субстанціей В при условіяхъ у возникаетъ явленіе α , то уже a priori видно, какое явленіе α_1 возникнетъ при замѣнѣ у чрезъ u_1 , такъ что зная α , мы могли бы опредѣлить и α_1 ? Ничуть не бывало, потому что этого вовсе не содержится въ понятіи субстанціи: по послѣднему требуется только одно—при условіяхъ у въ субстанціи А во время ея взаимодѣйствія съ В должно всегда возникать только α и отнюдь никакое другое явленіе, а при u_1 всегда только α_1 . То же самое относится и къ субстанціи В, въ которой при у должно возникать (во время взаимодѣйствія А, а не съ С и съ D и т. д.) только β , а при u_1 только β_1 . Каковы же будутъ α , α_1 , β и β_1 и какъ они будутъ относиться другъ къ другу, остается не опредѣленнымъ, такъ что узнается только изъ опыта. Однакоже неизвѣстно, какое явленіе возникнетъ въ субстанціи А, если она вмѣсто В вступитъ во взаимодѣйствіе съ третьей субстанціей, напримѣръ, при тѣхъ же условіяхъ у; требуется только, чтобы при этихъ условіяхъ оно всегда было однимъ и тѣмъ же; но будетъ ли оно опять α или β и въ какомъ отношеніи оно будетъ находиться къ α и α_1 , остается не опредѣленнымъ ¹⁾. Вотъ эта-то неопредѣленность взаимоотношенія явленій, возникающихъ въ одной и той же субстанціи, и дѣлаетъ невозможнымъ выводъ a priori изъ понятій субстанціи и причины закона пропорціональности и связан-

¹⁾ Изъ этого заключенія видно также, что такъ-называемое единство матеріи или одинаковость всѣхъ атомовъ не есть требованіе a priori.

ныхъ съ нимъ понятій и законовъ, какъ это тотчасъ же становится еще болѣе замѣтнымъ чрезъ примѣненіе предшествующихъ разсужденій къ динамическимъ атомамъ.

Послѣдніе должны быть мыслимы, какъ субстанціи. Но они реальны только въ своихъ взаимодѣйствіяхъ, потому что еслибы какой-нибудь изъ нихъ не взаимодействовалъ съ другими, то онъ не существовалъ бы для нашего опыта. А вслѣдствіе этого каждый атомъ долженъ быть въ непрерывномъ движеніи и въ то же время непрерывно вліять на движенія другихъ. Въ чемъ же сказывается его субстанціальность? Будь онъ вещественнымъ, то вещество, по видимому ¹⁾, и составило бы его субстанцію; но вещество не возможно, и все, что мы знаемъ въ атомѣ, сводится на одни лишь движенія, какъ производимыя, такъ и получаемыя имъ. Очевидно, субстанціальность его должна состоять въ томъ, чтобы при одинаковыхъ условіяхъ въ немъ всегда возникали одни и тѣ же движенія: безъ этого нельзя было бы признать атома однимъ и тѣмъ же, такъ что въ немъ не было бы ничего постояннаго, и онъ не могъ бы быть подведенъ подъ понятіе субстанціи. Но для такого постоянства, то-есть, для его субстанціальности, вовсе не требуется, чтобы между его движеніями, возникшими при разныхъ условіяхъ существовало такое, а не иное отношеніе. Все сказанное про одинъ атомъ имѣетъ мѣсто и относительно всякаго другаго, съ которымъ онъ взаимодействуетъ, такъ что понятіемъ субстанціальности атомовъ вовсе не требуется, чтобы ихъ отталкивательныя и всякія другія дѣйствія относились между собою такъ же, какъ и ихъ всемірно-притягательныя, и чтобы послѣднія въ каждомъ атомѣ оставались неизмѣнными, не смотря на смѣну притягиваемыхъ объектовъ ²⁾.

Очевидно, что законъ равенства дѣйствія и производѣствія, если и можетъ быть теперь выведенъ безъ помощи опыта, то не всякаго, а только новаго; и если онъ апіорнаго происхожденія, то уже во

¹⁾ Говоримъ—*по видимому*, потому что и само-то вещество, еслибы оно существовало, было бы реально лишь постольку, по скольку оно вліяло бы на движеніе, то-есть, по скольку препятствовало бы атомамъ проникать другъ друга, такъ что все-таки внѣ взаимодействій было бы пустымъ словомъ.

²⁾ Отсюда еще разъ видно, на сколько ошибочно придавать реальность обыкновенному взгляду на массу: она есть число, получаемое чрезъ сравненіе еще а priori не опредѣленныхъ, а эмпирически данныхъ скоростей; между тѣмъ при этомъ игнорируется эмпирическое равенство скоростей при паденія для того, чтобы придать массѣ такое, а не другое значеніе.

всякомъ случаѣ долженъ быть выводимъ болѣе сложнымъ путемъ, чѣмъ простой логическій анализъ понятій причины, субстанціи и взаимодѣйствія. Теперь же для его вывода необходимо имѣть въ рукахъ слѣдующія данныя, о которыхъ мы узнаемъ пока только путемъ опыта: 1) результаты толчка (или какого-нибудь инаго взаимодѣйствія) обратно пропорціональны ихъ вѣсамъ; 2) всѣ тѣла падаютъ съ одинаковою скоростью; 3) инерція покоя (отсутствие новыхъ внѣшнихъ движеній въ изолированной матеріи) распространяется не только на атомы, но и на ихъ системы. Отсюда уже путемъ вышеизложенныхъ разсужденій; безъ помощи новаго опыта, мы получимъ законъ пропорціональности и, какъ особую точку зрѣнія на него, законъ равенства дѣйствія съ противодѣйствіемъ: первая данная служитъ исходнымъ пунктомъ для заключенія о пропорціональности результатовъ различныхъ взаимодѣйствій; вторая свидѣтельствуетъ о томъ, что измѣряющее эту пропорціональность число (отношеніе массъ) не зависитъ отъ порядка тѣлъ, въ которомъ мы поведемъ свои измѣренія; третья доказываетъ, что полученные такимъ путемъ выводы имѣютъ значеніе для всѣхъ силъ. Черезъ примѣненіе же къ этимъ выводамъ понятій кинетической и потенциальной энергіи получается законъ сохраненія энергіи. Но весь этотъ путь не есть чисто апіорный. Чистое а priori есть то, безъ чего не можетъ быть нашего опыта (то-есть, неизбѣжная форма сознанія), и то, что вытекаетъ отсюда. Все же, что основано хотя бы на одной данной а posteriori (на томъ, что неизбѣжно для нашего сознанія), есть только относительное а priori.

Постоянство субстанціи стоитъ въ тѣсной связи съ принципомъ сохраненія матеріи. Моръ, признающій чистую апіорность закона сохраненія энергіи, утверждаетъ, что сохраненіе матеріи есть чисто эмпирическое понятіе¹⁾, хотя нужно замѣтить, что при обыденномъ возвращеніи на атомы, какъ на частицы вещества, не можетъ существовать никакой возможности эмпирически доказывать сохраненіе матеріи. Подъ послѣднемъ тогда подразумѣвается вещество, и сохраненіе матеріи должно быть сохраненіемъ вещества; а въ этомъ никакъ нельзя убѣдиться, не доустивъ предварительно его пропорціональности съ вѣсомъ, потому что въ опытѣ дано не сохраненіе объема, который измѣняется при химическихъ и при многихъ физическихъ явленіяхъ, а сохраненіе вѣса. Что же до послѣдняго, то до извѣст-

¹⁾ I. с. стр. 31.

ной степени его неизмѣнность составляетъ а priori необходимое слѣдствие субстанціальности динамическихъ атомовъ. Она должна состоять именно въ томъ, чтобы при равныхъ условіяхъ атомы производили одни и тѣ же дѣйствія; слѣдовательно, при неизмѣнности земли каждый атомъ долженъ сохранять одинъ и тотъ же вѣсъ. Но въ свою очередь и это достоверно только въ томъ случаѣ, если взаимодѣйствіе двухъ атомовъ нисколько не зависитъ отъ большей или меньшей близости третьяго, другими словами—если на взаимодѣйствіе двухъ атомовъ не вліяютъ ихъ одновременно происходящія взаимодѣйствія съ другими, что можетъ быть узнано пока только изъ опыта. Поэтому сохраненіе вѣса есть слѣдствие не субстанціальности вообще, а того способа, какъ она реализована въ динамическихъ атомахъ. Понятіе субстанции требуетъ чего-то неизмѣннаго или одинаковости явленій при одинаковости условій, но въ чемъ состоитъ послѣдняя, въ равенствѣ ли разстояній только двухъ атомовъ или же въ равенствѣ разстояній ихъ какъ другъ отъ друга, такъ и отъ другихъ, остается не опредѣленнымъ; столь же неопредѣленно понятіемъ субстанции, могутъ ли вліять на возникающія ускоренія наличныя скорости атомовъ, какъ это предполагаетъ Вильгельмъ Веберъ, или нѣтъ.

Итакъ, анализъ массы не только не упраздняетъ, а напротивъ подтверждаетъ критико-философское пониманіе матеріи. Масса не есть что-либо существующее въ матеріи помимо силъ, напротивъ она существуетъ въ самихъ силахъ, другими словами—въ зависящихъ отъ разстояній матеріальныхъ частицъ сближающихъ и удаляющихъ ускореніяхъ. Мало того—при обыденномъ пониманіи матеріи масса, законъ равенства дѣйствія съ противодѣйствіемъ, законъ сохраненія энергіи остаются безъ всякой связи между собою: масса есть какое-то особое свойство; законъ равенства дѣйствія съ противодѣйствіемъ нисколько не связанъ съ этимъ свойствомъ и могъ бы отсутствовать, хотя масса осталась бы; энергію же Тетъ описываетъ какъ какую-то таинственную сущность, которая обладаетъ такою же объективною реальностью, какъ и матерія. Съ критико-философской же точки зрѣнія все это стоитъ въ тѣснѣйшей, какъ бы органической, связи другъ съ другомъ. Конечно, существованіе такой связи еще не ручается за справедливость теоріи; но имѣетъ ли механизмъ послѣ этого право упрекать динамическое воззрѣніе въ томъ, что оно, будто бы, нарушаетъ научную стройность и единство принциповъ?

А. Введенскій.

РУССКОЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.

I.

Провинціальное общество, въ томъ приближительно смыслѣ, какъ понимаемъ мы это слово теперь, образовалось въ Россіи только во второй половинѣ XVIII вѣка; только въ эту пору явилось въ провинціи довольно значительное число дворянъ, людей по тогдашнему интеллигентныхъ, проводившихъ тутъ всю свою жизнь, а не только годы старости послѣ тяжелой службы; только въ эту пору дана была и дворянамъ, и городскому сословію извѣстная, даже довольно большая доля участія въ мѣстной администраціи, указаны общіе интересы дворянству, общіе интересы купечеству, указаны извѣстныя цѣли, извѣстныя обязанности сословію, какъ цѣлому, а не отдѣльнымъ только лицамъ, какъ прежде; все это мало по малу сплотило въ общество прежнее населеніе; къ концу вѣка мы видимъ въ провинціи дѣйствительно довольно развитую жизнь и большую часть дворянства; къ концу вѣка тутъ главная масса тогдашней нашей интеллигенціи, отъ которой ведетъ свое происхожденіе и большинство современной намъ. Исслѣдованіе быта, нравовъ этого общества, его развитія съ самыхъ первыхъ моментовъ его возникновенія въ провинціи, конечно, представляетъ значительный интересъ и важность для изученія, можно сказать, всѣхъ сторонъ исторіи Россіи въ XVIII вѣкѣ; этого не нужно будетъ разъяснять далѣе, если мы повторимъ, что къ концу вѣка тутъ сосредоточивалась главная масса тогдашней интеллигенціи. И изученіе именно провинціальной жизни представляетъ интересъ, быть можетъ, еще болѣшій, чѣмъ изученіе

жизни столичной—вопервыхъ, потому, что въ провинціи развитіе шло несравненно медленнѣе и менѣе поддавалось вліянію разныхъ временныхъ причинъ, вовторыхъ, потому, что жизнь тутъ въ общемъ однообразнѣе, такъ что яснѣе можно разсмотрѣть и главные пути ея движенія, и наиболѣе общія подробности; замѣтное отличіе общества провинціального отъ столичнаго указывали часто и сами современники, такъ что жизнь дворянства провинціального можно изучать отдѣльно отъ жизни въ столицахъ, тѣмъ болѣе при первыхъ почти шагахъ такого изученія, чтобы, разобравъ сначала подробно и всесторонне ту и другую, потомъ уже нарисовать общую картину всего тогдашняго общества, всего внутренняго положенія Россіи. Но на сколько важно подобное изслѣдованіе, на столько же оно и трудно требуетъ многихъ подготовительныхъ работъ и прежде всего многихъ еще матеріаловъ, хотя ихъ извѣстно уже и теперь не мало—и официальнаго, и частнаго характера; для полной исторіи общественной жизни въ XVIII в., быть можетъ, еще не пришло и время, но извѣстный уже матеріалъ представляетъ все-таки достаточно данныхъ, для того, чтобы нарисовать картину тогдашняго общества приблизительно вѣрную, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ; и вамъ кажется, что подобная работа исполнѣе своевременна и желательна, потому что многіе, писавшіе по исторіи XVIII вѣка, касались тогдашняго общества, сдѣлали уже нѣсколько характеристикъ его, къ сожалѣнію, не исполнѣе удовлетворительныхъ. Правда, главнѣйшая причина этой неудовлетворительности заключается прежде всего въ самыхъ свойствахъ задачи, въ обилии и разнообразіи матеріаловъ и въ отсутствіи критической обработки ихъ, въ невыработанности методовъ ихъ изученія; но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что характеристики эти часто предпринимались съ какими-нибудь заранѣе поставленными цѣлями, находившимися внѣ задачи изученія самаго быта дворянъ XVIII вѣка: или хотѣли указать причину сатирическаго направленія журналовъ того времени, или ярче освѣтить положеніе крѣпостныхъ, или указать причины и поводы Пугачевского бунта и т. п. Конечно, никакъ нельзя возставать противъ стремленія объяснять что-либо историческимъ изученіемъ, и должно, напротивъ, признать положительную обязательность такого направленія; но нельзя не замѣтить, что при этомъ весьма легко впасть въ крайность, перейти законные предѣлы его приложенія, что мы дѣйствительно нерѣдко и видимъ: изслѣдователи, коснувшись вопросовъ, недостаточно еще изслѣдованныхъ, обыкно-

венно уклоняются отъ строгой объективности и вмѣсто того, чтобы изслѣдовать и раскрыть тогдашнія, своеобразныя условія и отыскивать связь и зависимость между ними и вліяніе извѣстныхъ факторовъ, навязываютъ прошлому эту связь; вмѣсто того, чтобы объективно изучить тогдашнее отношеніе разныхъ факторовъ и признать ихъ самостоятельную жизнь, самостоятельныя и своеобразныя ихъ отношенія, отличныя отъ обычныхъ для насъ теперь, въ нашихъ условіяхъ,—изслѣдователи придаютъ силу только такимъ указаніямъ, которыя, при обычной намъ обстановкѣ, при условіяхъ современныхъ, а не тогдашнихъ, могутъ дать основаніе для того вывода, который видѣнъ иногда уже какъ рамѣ готовый у автора, и для котораго только подыскиваетъ онъ объясненіе.

Въ нашей ученой литературѣ представили въ послѣднее время характеристики русскаго общества XVIII в. гг. Незеленовъ, В. Семеновскій, Дубровинъ и Гольцевъ. Взгляды г. Незеленова сводятся къ слѣдующему ¹⁾: „Это“, говоритъ онъ,—„былъ вѣкъ поразительнаго невѣжества и замѣчательно низкаго уровня нравственности“. Авторъ разъясняетъ, что уровень нравственности нужно опредѣлять прежде всего тѣмъ, какіе нравственные идеалы живутъ въ данное время въ обществѣ, и находить, что въ нашемъ обществѣ XVIII в. замѣтно „отсутствіе нравственныхъ идеаловъ, что его нравственные очи были слѣпы, и зло не казалось ему зломъ“; затѣмъ онъ нападаетъ на роскошь, на продажность и недобросовѣстность судей и особенно на жестокое отношеніе къ крестьянамъ, при чемъ считаетъ даже, что было не мало людей „подобныхъ“ Салтычихѣ; младшую сестру ея онъ видитъ въ г-жѣ Простаковой. „Въ обществѣ“, говоритъ г. Незеленовъ,—„картина будетъ весьма непривлекательная; предъ нами поразительно невѣжественное и грубое общество, лишенное руководящаго свѣта нравственныхъ идеаловъ, предается разгулу животныхъ страстей. Вишній, мишуриный блескъ принимаетъ оно за блескъ красоты и увлекается имъ. Для утоленія жажды чувственныхъ наслажденій оно приноситъ въ жертву честь и совѣсть; казнокрадство, взяточничество и безумное угнетеніе народа служатъ обильнымъ источникомъ средствъ для разгульной жизни; изъ этихъ источниковъ черпаютъ совершенно легкомысленно, не думая, что они могутъ иссякнуть. Въ противоположность

¹⁾ Незеленовъ. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785. С.-Пб. 1875, 1, 16, 68, 77, 119.

веселому разгулу общества, народъ изнемогаетъ подъ тяжестью гнета и доходитъ порой до отчаянья, до пугачевщины, грозящей цѣлости государства“. Немного далѣе авторъ находитъ челоуѣка XVIII вѣка „сорвавшимся со всякихъ нравственныхъ основъ, отувѣвшимъ въ развратъ“; въ тогдашнемъ обществѣ г. Незеленовъ видитъ сходство съ обществомъ времени паденія Римской имперіи, но почему-то заключаетъ, что „развратъ русскаго общества екатерининскаго вѣка не имѣлъ такого грознаго значенія“. Г. Семевскій, въ своемъ изслѣдованіи „Крестьяне въ царствованіи Екатерины II“, коснувшись дворянства весьма слегка и говоря только объ отношеніяхъ его къ крестьянамъ, и то преимущественно по уголовнымъ дѣламъ архивовъ, высказываетъ такое обобщеніе ¹⁾: „Мы невольно поражаемся умственнымъ и нравственнымъ убожествомъ господствующаго сословія. Въ нравственномъ отношеніи они гораздо ниже тѣхъ, надъ кѣмъ имъ приходится властвовать, въ умственномъ—нисколько не выше ихъ.... Въ этой атмосферѣ, пронитанной невѣжествомъ, самодурствомъ и развратомъ, росли и дѣти“. Болѣе подробно останавливается на томъ же вопросѣ г. Дубровинъ. Въ четырехъ главахъ перваго тома своего труда „Пугачевъ и его сообщники“, посвященныхъ характеристикѣ тогдашняго общества ²⁾, онъ рисуетъ всѣ недостатки, иногда даже уродливости тогдашняго воспитанія, увлеченіе наружнымъ лоскомъ и пристрастіе ко всему французскому, яркими красками описываетъ паденіе семейнаго начала. „Сластолюбіе разливалось повсюду и волокитство было общимъ развлеченіемъ и цѣлью жизни“, говоритъ онъ.— „Молодой челоуѣкъ погрязалъ въ пустотѣ празднои и безцѣльной жизни. Онъ жилъ минутой, изо дня въ день и ничѣмъ, кромѣ чувственныхъ наслажденій, не увлекался. Хорошо поѣсть, разсѣять скуку шатаніемъ изъ дома въ домъ, поиграть въ карты, посплетничать—вотъ вся цѣль, которую суждено было ему преслѣдовать“. Затѣмъ г. Дубровинъ подробно, говоря преимущественно о Потемкинѣ, Безбородкѣ, Орловыхъ, Зубовѣ и другихъ, занимавшихъ первыя мѣста въ тогдашней аристократіи, разказываетъ о роскоши жизни того времени: „Вино и званые обѣды заполняли пустую и праздную жизнь испорченнаго вѣка“, унаемъ мы; не мало страницъ удѣ-

¹⁾ В. Семевскій. Крестьяне въ царствованіи императрицы Екатерины II, С.-Пб. 1881, 159—212, особ. 188—189.

²⁾ Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники. С.-Пб. 1884, т. I, 273—369; особ. 286, 288, 295.

лено и тутъ описанію взяточничества, безпорядковъ въ дѣлахъ и жестокаго отношенія къ крестьянамъ. Наконецъ, въ книгѣ г. Гольцева: „Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка“ 18 страницъ отведено характеристикѣ нравовъ въ царствованіе Екатерины II ¹⁾. Упомянувъ, что „пр. Градовскій говоритъ, что созданіе нашей общественности справедливо приписывается Екатеринѣ, а г. Кобеко настаиваетъ на темной сторонѣ царствованія“, г. Гольцевъ указываетъ на испорченность двора, на его роскошь, на паденіе семейнаго начала и пустоту общественной жизни, при чемъ повторяются указанныя выше слова гг. Семейскаго и Дубровина; авторъ находитъ также, что дворъ „отличался жестокостью и цинизмомъ“, и что „присвѣщенія придворный людъ не долюблявалъ“.

Вотъ какимъ изображается намъ русское общество всего какихъ-нибудь сто лѣтъ тому назадъ. Я привелъ только общіе отзывы, обобщенія упомянутыхъ авторовъ, не касаясь многихъ отдѣльныхъ, частныхъ случаевъ, указываемыхъ ими какъ основанія для тѣхъ заключеній; если же собрать вмѣстѣ всѣ эти случаи, то предъ нами явилось бы общество не людей, а какихъ-то особенныхъ существъ, соединяющихъ грубость и умственную тупость животнаго со всѣми видами разврата, существъ, вся дѣль жизни которыхъ сдѣлать какъ можно больше зла и другимъ, и самимъ себѣ, и современникамъ, и потомкамъ; и еслибы мы повѣрили, что большинство, масса тогдашняго общества были таковы, какими ихъ намъ рисуютъ указанные писатели, то не нашли бы въ своихъ предѣлахъ ни одной положительной черты, ничего, что могло бы дать хоть надежду на возможность улучшенія, движенія впередъ, не нашли бы ничего, изъ чего могло бы развиться что-либо хорошее, живннное; мы невольно остановились бы предъ вопросомъ: когда же, въ какую эпоху и какимъ образомъ въ теченіе ста только лѣтъ явились у насъ въ Россіи хоть порядочные люди—не говоря уже о замѣчательныхъ—изъ этого стада животныхъ? Что составляло содержаніе тогдашней умственной жизни, чѣмъ жили тогдашніе русскіе люди, и неужели государство можетъ существовать, если все интеллигентное общество живетъ лишь званными обѣдами и волокитствомъ? А вѣдь были же у насъ потомъ и великіе писатели, и знаменитые ученые, и замѣчательные общественные и государственные дѣятели. Откуда же

¹⁾ В. Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII. М. 1886; 55—73, особ. 55, 61, 122.

они взялись, какъ выросли, кѣмъ и на чемъ воспитаны? Если только не вернуться къ такому научному анахронизму, какъ культъ героевъ, если только признавать, что исторію создаютъ не одни выдающіеся личности, что общественныя явленія въ жизни каждаго народа тѣсно связаны между собою, то можно заранѣе утверждать, что безъ какого-нибудь чуда изъ того общества, изъ той обстановки, при томъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ, какія намъ рисуютъ въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка, ничего хорошаго, не только замѣчательнаго, великаго выйти не могло. Однако, и государство существуетъ, и общество проявляло много разъ замѣчательныя силы, и было въ немъ не мало замѣчательныхъ людей на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Отсюда прямой выводъ: намъ невѣрно рисуютъ русское общество XVIII вѣка. И дѣйствительно, были уже и у насъ высказаны взгляды на общество и общественную жизнь конца XVIII вѣка, совершенно расходящіяся съ приведенными выше, такъ что, слѣдовательно, тѣ взгляды никакъ не должно считать за установленныя въ наукѣ, и авторы ихъ не доказали невозможности, несосновательности много взгляда. Наиболѣе авторитетно тутъ замѣчаніе графа Л. Н. Толстого, который, какъ самъ онъ пишетъ, изучалъ конецъ XVIII и начало XIX вѣка весьма тщательно по первымъ источникамъ, и объ исторической вѣрности великой эпохи котораго, кромѣ ея жизненной правды, свидѣтельствуетъ еще и извѣстный ученый специалистъ Ал. Н. Поковъ, говорившій, что постоянно справлялся съ книгой „Война и Миръ“, когда писалъ свое изслѣдованіе о 1812 годѣ. Вотъ что говоритъ гр. Толстой, отвѣчая на нѣкоторыя замѣчанія критикъ въ статьѣ: „Нѣсколько словъ по поводу книги „Война и Миръ“¹⁾: „Характеръ времени, какъ мнѣ выражали нѣкоторые читатели при появленіи въ печати первой части, не достаточно опредѣленъ въ моемъ сочиненіи. На этотъ упрекъ я имѣю возразить слѣдующее: Я знаю, въ чемъ состоитъ тотъ характеръ времени, котораго не находятъ въ моемъ романѣ,—это ужасы крѣпостнаго права, закладываніе женъ въ стѣны, сѣченіе взрослыхъ сыновей, Салтычиха и т. п.; и этотъ характеръ того времени, который живетъ въ нашемъ представленіи,—я не считалъ вѣрнымъ и не желалъ выразить. Изучая письма, дневники, преданія, я не находилъ всѣхъ ужасовъ этого буйства въ болѣе степеней, чѣмъ нахожу ихъ теперь или когда-либо. Въ тѣ времена также

¹⁾ *Русскій Архивъ*, 1868 г., ст. 516; статья эта пропущена въ собраніи сочиненій гр. Л. Н. Толстого.

любили, завидовали, искали истины, добродѣтели, увлекались страстями, та же была сложная, умственно-правственная жизнь, даже иногда болѣе утонченная, чѣмъ теперь въ высшемъ сословіи. Ежели въ понятіи нашемъ составилось мнѣніе о характерѣ своевольства и грубой силѣ того времени, то только оттого, что въ преданіяхъ, запискахъ, повѣстяхъ и романахъ до насъ доходили только выступающіе случаи насилія и буйства. Заключать о томъ, что преобладающій характеръ того времени было буйство — также несправедливо, какъ несправедливо заключилъ бы человекъ, изъ-за горы видящій однѣ макушки деревъ, что въ мѣстности этой ничего нѣтъ, кромѣ деревьевъ. Есть характеръ того времени (какъ и характеръ каждой эпохи), вытекающій изъ болѣе отчужденности высшаго круга отъ другихъ сословій, изъ царствовавшей философіи, изъ особенностей воспитанія, изъ привычки употреблять французскій языкъ и т. п. и этотъ характеръ я старался, сколько умѣлъ, выразить⁵. Затѣмъ, Лонгиновъ, не говоря въ подробностяхъ объ обществѣ XVIII вѣка, прекрасно очерчиваетъ его въ своемъ замѣчательномъ трудѣ: „Новиковъ и московскіе мартинисты“¹⁾, когда рисуетъ всю дѣятельность Новикова не какъ какую-то получудесную, исключительную, стоящую въ противорѣчій съ жизнью, не какъ борьбу одного человека среди господствующаго разврата, нечѣстнаго, жестокости, цинизма, а можно сказать, какъ общественную эпопею. Разказывая просто, безъ всякихъ подчеркиваній, описывая факты во всей подробности, онъ даетъ читателю ясное представленіе, что это была общественная дѣятельность, въ которой принимала участіе масса лицъ, притомъ не сосредоточивавшихся исключительно въ Москвѣ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Новикова и Шварца, а жившихъ по разнымъ мѣстамъ и городамъ Россіи; Новиковъ, этотъ человекъ, дѣйствительно, необыкновенно высокой нравственности, честный, талантливый и энергичный двигатель истиннаго просвѣщенія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, человекъ, по истинѣ достойный быть предметомъ народной гордости, Новиковъ, какъ ясно видно изъ книги Лонгинова, не стоялъ совершенно особнякомъ, а находилъ массу лицъ, ему сочувствовавшихъ, его поддерживавшихъ очень дѣятельно, даже самоотверженно, лицъ, которыхъ онъ самъ глубоко уважалъ; одна сумма долговъ Новикова — приблизительно до четырехъ

¹⁾ Новиковъ и московскіе мартинисты. Исследование М. Н. Лонгинова. М. 1867.

или пяти миллионѣвъ рублей на наши деньги — доказываетъ, что въ его дѣятельности принимало участіе множество другихъ лицъ. Наконецъ, не касаясь прямо общества XVIII вѣка заключительныя замѣчанія кн. П. А. Вяземскаго, въ его чрезвычайно интересной книгѣ „Фонъ-Вивинъ“, но ихъ очень не мѣшаетъ вспомнить послѣ того, какъ мы указали изображеніе нравовъ XVIII вѣка въ трудахъ гг. Невеленова, В. Семевскаго, Дубровина и Гольцева. Вотъ что говоритъ кн. Вяземскій, постоянно обращаясь въ своимъ противникамъ даже во второмъ лицѣ, начиная полемику съ молодыми, слишкомъ падкими на новое въ литературѣ и мало цѣнящими великія созданія прошлаго, а затѣмъ обращаясь и вообще къ людямъ, слишкомъ жаждущимъ новаго, слишкомъ гордящимся умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ настоящаго и слишкомъ отрицательно относящимся къ прошлому ¹⁾: „Избави Боже отказываться отъ прошлаго, отрывать отъ преданій, отъ наслѣдства, завѣщаннаго предшественниками. Напротивъ, въ нихъ видятъ они („истинные просвѣтители и двигатели“) пособіе для нынѣшняго дня, на нихъ основываютъ надежды завтрашняго... Разумѣется, время идетъ; но если оно идетъ нынѣ, то оно шло и прежде. Или предполагать, что оно получило способность ходить только съ той поры, какъ вы стали на ноги? Идетъ оно, можетъ быть, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ вѣкомъ скорѣе и успѣшнѣе, не спорю, но именно оттого, что заимствуетъ себѣ вспомогательныя, переносныя силы отъ прошедшаго, которое сводится и сосредоточивается въ немъ. Отнимите эти наслѣдственные силы, разорвите цѣпь послѣдствій и преданій, и время, или успѣхи его, то-есть, время въ духовномъ значеніи своемъ, законсѣетъ и придетъ въ совершенный застой. Только у необразованныхъ, дикихъ людей нѣтъ прошедшаго. Для нихъ вѣкъ мой, день мой. Ниспровергая, ломая все прошедшее на свозъ, какъ уже отжившее и ненужное, вы сами, не догадываясь о томъ, обращаетесь къ первобытной дикости... Не только въ области наукъ и искусства, но и въ самой политикѣ, только тѣ перевороты благонадежны и плодотворны, которые постепенны и необходимы. Главное условіе прочности ихъ есть то, чтобъ они развивались изъ вѣдръ прошедшаго, изъ святыни народной, изъ хранилища исторіи и опыта. Не говорятъ вамъ: сидите на мѣстѣ, но говорятъ: не пускайтесь въ путь безъ запасовъ, не сооб-

¹⁾ Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. V. С.-Пб. 1880, 192—194.

ражаясь съ путемъ, который перешли до васъ трудолюбивые и усердные подвижники. Разумѣется, время идетъ, разумѣется, просвѣщеніе продирается нетерпѣливо все впередъ и впередъ; но изъ этого не слѣдуетъ, что необходимо каждые десять лѣтъ выбрасывать все старое и до-чиста заводитьъ новыми понятіями, новымъ языкомъ, новыми великими людьми... Никакое поколѣніе не подвидытъ, или случайный выскочка на распутіи человѣческаго рода. Какъ ни значительны, какъ ни велики дѣянія котораго-нибудь изъ нихъ, какъ съ перваго впечатлѣнія ни ослѣплай они своею изумительною нечаянностью—а опытный и зоркій взглядъ отыщетъ въ нихъ непримѣтную для толпы связь, соотвѣтствіе, родство съ предыдущимъ. Каждое поколѣніе, каждый вѣкъ есть сынъ и внукъ своихъ предшественниковъ. Святая заповѣдь: „чти отца своего и матеръ и долголѣтенъ будешь на землѣ“ можетъ примѣняема быть и къ народамъ, и къ представителямъ ихъ на разныхъ поприщахъ гражданственности и просвѣщенія. Горе народу, не почитающему старины своей! Горе поколѣнію, отвергающему завѣты родоначальника своего! Горе писателямъ, которые самонадѣянно предають забвенію и поруганію дѣла доблестныхъ отцовъ. Ни тѣмъ, ни другимъ не бывать долголѣтними на землѣ!“

Вотъ что высказано, съ другой стороны, о нашемъ обществѣ XVIII вѣка и по поводу отрицательнаго къ нему отношенія. Въ свою очередь мы не можемъ не сказать, что, по нашему глубокому убѣжденію, истина если не прямо совпадаетъ со словами гр. Толстаго, то всего ближе къ нимъ. Въ слѣдующихъ главахъ, при изложеніи того, что представлялось намъ какъ общее въ ту эпоху, какъ характеризующее ее, на основаніи изученія всѣхъ источниковъ для избраннаго вопроса, намъ вовсе не придется отмѣчать особыхъ фактовъ разврата, жестокости и т. п., потому что мы встрѣчали ихъ слишкомъ рѣдко и особнякомъ, чтобы признать ихъ господствующими; они выступали предъ нами на общемъ фонѣ рисуемаго тѣмъ или другимъ свидѣтелемъ общества, какъ факты исключительные единичные, рѣдкіе, самими современниками отмѣчаемые именно потому, что они необыкновенны, иногда даже какъ преступленія, подобно тому какъ и теперь, по любой большой газетѣ за десять, пятнадцать лѣтъ можно указать не мало возмутительныхъ фактовъ и грубости, и жестокости, и безчестности, которыми, однако, никакой безпристрастный человѣкъ не станетъ характеризовать наше время, потому что они вовсе не господствуютъ теперь, а указываютъ лишь

отрицательныя стороны, тогда какъ характеристика непременно должна изобразить стороны положительныя. Что же даетъ намъ право дѣлать такую жестокую несправедливость относительно людей, давно уже умершихъ?

Но разсмотримъ ближе, откуда и какъ явилось это, сколько мрачное, почти столько же и невѣрное изображение русскаго общества XVIII вѣка.

Изъ обнародованныхъ доселѣ матеріаловъ для изученія общества XVIII вѣка первое мѣсто, по количеству сообщаемыхъ свѣдѣній и по важности ихъ, занимаютъ мемуары, записки и воспоминанія современниковъ; затѣмъ, чрезвычайно важные выводы для характеристики общества можно, конечно, извлечь изъ изученія нашей тогдашней литературы; но намъ кажется, что доселѣ при изученіи и того, и другаго источника въ нашей ученой литературѣ шли не тѣмъ путемъ, какимъ можно придти къ болѣе правильнымъ выводамъ; съ своей стороны мы попытаемся указать, какъ, по нашему мнѣнію, надобно пользоваться мемуарами и другими подобными памятниками и данными изъ литературы XVIII вѣка, чтобы воспроизвести болѣе вѣрную картину тогдашняго общества.

Первою и главною ошибкою большинства изображеній общественной жизни въ XVIII вѣкѣ слѣдуетъ признать невѣрное опредѣленіе того, что должно быть принимаемо за характерное для той эпохи. Въ нашей исторической наукѣ примѣняется обыкновенно совершенно невѣрный методъ изученія исторіи общества. Еще такъ недавно привелось намъ встрѣтиться со слѣдующею формулировкой его въ сочиненіи г. Гольцева „Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка“: „Характеризуя нравы даннаго общества, можно приять случайное за обычное, а иной разъ впасть въ противоположную ошибку. Число собранныхъ фактовъ подобной ошибки устранить не возможно, потому что въ такомъ случаѣ необходимо было бы сосчитать всѣ факты и опредѣлять, за какимъ явленіемъ стоятъ ихъ большинство. Такой приемъ не возможенъ и теперь, при сильномъ распространеніи и точныхъ способахъ метода статистическаго; про времена давно прошедшія, стало быть, нечего и говорить. Вывести изъ затрудненія при этихъ условіяхъ могутъ лишь косвенныя соображенія и доказательства отъ противнаго: если какое-либо явленіе отмѣчается современникомъ, какъ необычное, то это свидѣтельство драгоцѣннѣе тысячи фактовъ, о которыхъ мы не имѣемъ никакого своевременнаго отзыва. Само собою разумѣется, что требуется провѣрка показаній самого со-

временника и ихъ сопоставленіе съ другими источниками¹⁾. Примѣненіе этого метода въ формахъ болѣе или менѣе рѣзкихъ создало тотъ слишкомъ мрачный образъ XVIII в., который до сихъ поръ почти господствуетъ у насъ. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ почти трудахъ по исторіи того времени на все общество распространяется значеніе отдѣльных, отмѣчаемыхъ современниками темныхъ, иногда даже ужасныхъ и возмутительныхъ фактовъ; провѣрка этихъ фактовъ бываетъ часто или не возможна, или даже и излишня: фактъ, дѣйствительно, едва ли былъ выдуманъ свидѣтелемъ. Сопоставленіе съ другими источниками состоитъ обыкновенно въ томъ, что изъ другаго источника приводятъ факты подобныя же, и при этомъ совершенно не останавливаются своего вниманія на томъ фонѣ, на которомъ сами современники рисуютъ эти факты. Но притомъ забываютъ, что пока мы собираемъ лишь отдѣльные факты, хотя бы и въ очень большомъ количествѣ, а не обратимся къ изученію тѣхъ современныхъ свидѣтельствъ, которыя въ немногихъ словахъ сообщаютъ намъ результаты и впечатлѣнія массы наблюдений, и которыя, высказываемыя совершенно спокойно, хладнокровно, иногда даже мимоходомъ, рисуютъ намъ именно то, что преимущественно окружало автора, что было для него совершенно обычно,—до тѣхъ поръ никакого вывода научнаго, близкаго къ истинѣ сдѣлать нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же обществѣ встрѣчаются совершенно противоположныя факты, самими современниками отмѣчаемые, какъ особенныя, выдающіеся, такъ что на всякій фактъ дурной можно привести и противоположный ему хорошій; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ разныя времена повторяются одинаковыя въ общихъ чертахъ факты грубости, разврата, неумѣренной роскоши, продажности и т. д., такъ что если ими характеризовать эпохи, то не только характеристика одной и той же эпохи будетъ всегда заключать много несогласныхъ противорѣчій, но и характеристики эпохъ совершенно различныхъ будутъ имѣть очень много общаго, сходнаго, и въ теченіе длиннаго періода времени въ общественной жизни окажется столь незначительное движеніе къ лучшему, что рѣшительно не будетъ возможности указать, когда же образовалась та огромная разница, которая ясна между обществомъ нашего времени и тѣмъ обществомъ XVIII, напримѣръ, вѣка, какое рисуютъ намъ, идя въ изученіи источниковъ такимъ путемъ. Затѣмъ, едва ли можно оспаривать, что

¹⁾ В. Голмеевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в. 8—9.

отдѣльные рѣзкіе факты могутъ быть вѣрно поняты и правильно оцѣнены лишь на общемъ фонѣ своей эпохи, что одинъ и тотъ же фактъ можетъ въ исторіи одной эпохи являться признакомъ грубости, испорченности, даже косяности, а въ другую эпоху или у другаго народа указывать замѣтное, можетъ быть, даже очень большое, движеніе впередъ,—тогда, конечно, оцѣнка такого факта не можетъ быть въ обоихъ случаяхъ одинакова; такое замѣчаніе, конечно, не нуждается въ примѣрахъ или доказательствахъ и не можетъ быть даже названо парадоксомъ; оно также подтверждаетъ мысль о необходимости изучать самый фонъ, рисуемый въ томъ или другомъ источникѣ; характеристика же эпохи по однимъ выдающимся рѣзкимъ фактамъ, только распространяя главную черту этого факта на все остальное общество, есть способъ на столько очевидно неправильный, что съ трудомъ вѣрится въ возможность широкаго его приложенія; но какъ это ни покажется страннымъ, нельзя не отмѣтить, что, напримѣръ, г. Невзеновъ въ своей характеристикѣ нравовъ XVIII вѣка только разъ, и то по самому частному случаю, цитуетъ записки Болотова, этотъ фундаментальнѣйшій источникъ для исторіи русскаго общества XVIII в. ¹⁾, а наибольшее число своихъ заключеній основываетъ на письмахъ посланниковъ, на анекдотахъ Карабанова и т. п., а соответственно этому и изъ записокъ Державина, Добрынина, Энгельгардта и другихъ, которыми пользуется, онъ заимствуетъ не то, о чемъ авторы разказываютъ и что списываютъ совершенно хладнокровно, какъ обычное для нихъ, слѣдовательно, окружавшее ихъ въ большинствѣ случаевъ, а лишь отдѣльные факты, наиболѣе рѣзкіе, при чемъ вовсе не обращаетъ вниманія на отношеніе автора къ нимъ, хотя это отношеніе можетъ гораздо вѣрнѣе охарактеризовать понятія и взгляды того времени, чѣмъ отдѣльный рѣзкій фактъ. Г. Невзеновъ, напримѣръ, указываетъ на значеніе епископомъ Аванасія Вальховскаго и поведеніе епископа Кирилла Флоринскаго (о чемъ и мы скажемъ нѣсколько ниже), но онъ совершенно не обращаетъ вниманія на то, что Добрынинъ, разказывающій объ этомъ какъ замѣчательный юмористъ, едва ли безъ нѣкоторыхъ прикрасъ, притомъ говорить: „Тутъ рождается вопросъ: какъ это могло статься, чтобъ въ царствованіе Екатерины Великой былъ архіерей безграмотный?“ А изъ этихъ словъ ясно видно, что прочіе іерархи, масса ихъ не были такъ

¹⁾ Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ, 39.

невѣжественны. Точно также и разказы о Кириллѣ Флѣоринскомъ, приведенные отдѣльно, даютъ совершенно не то представление о тогдашнемъ духовенствѣ вообще, какое получается, если остановить вниманіе на отношеніи къ Кириллу другихъ духовныхъ лицъ. Ясно, кажется, какъ надо пользоваться этими указаніями для исторіи, а не для собранія анекдотовъ. Между тѣмъ у г. Незеленова они взяты именно отдѣльно, и по такому же методу построены всѣ его выводы ¹⁾. Особенно ярко выступаетъ недостатокъ этотъ у г. Гольцева, который всѣ свои характеристики сплошь строитъ именно такимъ путемъ; кромѣ того, что онъ заимствуетъ и указанная сейчасъ ошибки г. Незеленова, онъ изъ записокъ Волотова (которыми тоже пользуется очень мало, потому что Волотовъ сравнительно рѣдко разказываетъ факты выдающіеся, а предоставляетъ самимъ исследователямъ дѣлать выводы изъ его простыхъ и подробныхъ повѣствованій о всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ) приводитъ, какъ характеристику дворянскихъ сѣздовъ, слѣдующія слова: „нѣянство, буянство, собраніе бабъ, скачка, пляска и всякія гадости и безпутства“; между тѣмъ тутъ Волотовъ разказываетъ случай совершенно исключительный и именно какъ таковой. Нельзя не удивляться, какъ г. Гольцевъ, замѣтившій въ запискахъ Волотова это мѣсто, едва ли не единственное у него въ этомъ родѣ, просмотрѣлъ десятки, даже можно сказать, сотни мѣстъ, гдѣ Волотовъ рисуетъ намъ дворянскіе сѣзды, занятія и интересы помѣщиковъ совершенно въ другомъ свѣтѣ ²⁾. В. И. Семеvскій приводитъ довольно много (около двадцати пяти или тридцати) фактовъ для подтвержденія своей мысли о жестокости отношеній къ крестьянамъ и о низкомъ вообще уровнѣ нравственнаго и умственнаго развитія дворянъ, но, повторяю еще разъ, что во всѣхъ наметкахъ XVIII вѣка, кромѣ уголовныхъ дѣлъ, указанія на такую жестокость и буйство мы встрѣчаемъ очень рѣдко, помимо даже того, что каждыя записки, мемуары, которые мы прочитываемъ въ недѣлю, рисуютъ намъ то, что видѣлъ и узналъ авторъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ жизни

¹⁾ Новиковъ, издатель журналовъ, 4—5; Аванасій Вальховскій получалъ епископскую кассету потому, что мать графа А. А. Бешбородо требовала у епископа кассеты для этого Аванасія, своего бывшего духовника, угрожая иначе даже проклятіемъ; *Добрыймиръ*, Истинное повѣствованіе, *Р. Старина*, т. IV, 308; т. III, 150 и др.

²⁾ В. Гольцевъ. Законодательство и нравы, 64; *Волотовъ*. Жизнь и приключенія. С.-Пб. 1870—1873, IV, 61.

и въ сношеніяхъ съ сотнями людей; я положительно утверждаю, что рядомъ со взглядомъ, что крестьянъ можно и даже должно наказывать, если они провинятся, въ умахъ тогдашнихъ людей никогда не было представленія, что мучить крестьянъ ничего не значить, что они почти не люди; напомнимъ здѣсь, что еще профессоръ Романовичъ-Славатинскій, поставившій даже эниграфомъ своей исторіи дворянства, которой все-таки нельзя отказать въ значительной объективности, слѣдующія слова: „ненадобно взводить на древнихъ русскихъ людей обвиненія почти бездоказательныя; и безъ того въ нихъ было много жестокости и варварства“, говорить однако: „Вѣдствія положенія крѣпостныхъ крестьянъ не могутъ быть вмѣнены цѣлому сословію. Кто не знаетъ тѣхъ помѣщиковъ, которые радѣли о своихъ крѣпостныхъ какъ о собственной семьѣ, для которыхъ продовольствіе крѣпостныхъ было святою обязанностью, самымъ честнымъ образомъ ими исполняемой? Народъ, по крайней мѣрѣ, зналъ такихъ помѣщиковъ и сложилъ про нихъ поговорку: „не станетъ хлѣба—баринъ дастъ“. Народъ любилъ такихъ помѣщиковъ и не радъ былъ даже отиѣнѣ крѣпостнаго права, прекращавшаго исконную связь съ батюшкой-бариномъ. Такіе помѣщики особенно часто встрѣчались въ Великой Россіи; менѣе знала ихъ Малороссія, помѣщичій классъ которой подлежалъ въ своемъ историческомъ образованіи вліянію польскихъ шляхетскихъ началъ“¹⁾. Главный источникъ, говорящій о такихъ дѣлахъ,—уголовныя дѣла; злоупотребленія, конечно, были, и при существовавшемъ тогда порядкѣ даже не могло ихъ не быть; но едва ли можетъ быть по два отвѣта на каждый изъ двухъ слѣдующихъ вопросовъ: 1) чѣмъ надо характеризовать тогдашнее общество—Салтычихой ли и княгиней Ковловскою, или тѣмъ, что подобныя и даже гораздо болѣе слабыя ужасы были преслѣдуемы закономъ и правительствомъ и вызывали общее негодованіе всѣхъ, кто слышалъ о нихъ; и 2) можно ли дѣлать характеристику сословія по уголовнымъ дѣламъ вообще, а особенно для сравненія его съ другими, когда эти другія сословія не изучаются съ этой новой точки зрѣнія?

Повторяю, совершенно невѣрное въ большинствѣ случаевъ опредѣленіе того, что должно быть считаемо господствовавшимъ и характернымъ, было первою причиною невѣрнаго, слышномъ

¹⁾ Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отиѣны крѣпостнаго права. С.-Пб. 1870, 331.

мрачнаго изображенія тогдашняго русскаго общества. Поэтому я считаю особенно нужнымъ указать, что наибольшее вниманіе при изученіи исторіи общества надо обращать на тотъ фонъ, на которомъ выступаютъ выдающіеся факты, обыкновенно останавливающіе вниманіе изслѣдователей, потому что именно этотъ-то фонъ и будетъ изображать наиболѣе обычное, то-есть, именно то, что и нужно изучать и изслѣдовать преимущественно, если изучать жизнь общества, ставить себѣ цѣли болѣе общія, широкія; вѣдь не все то характеризуетъ эпоху, что поразительно, необыкновенно; характеризуетъ ее то, что повторялось въ теченіе ея наиболѣе часто или очень часто при самомъ обычномъ теченіи жизни, что было въ свое время совершенно естественнымъ, нормальнымъ, но потомъ, въ силу измѣненія обстоятельствъ, стало встрѣчаться рѣже, или вовсе не встрѣчается болѣе, или встрѣчается въ измѣненныхъ формахъ. Я вовсе не отрицаю, что можно приводить для характеристики и отдѣльныя, рѣзкіе факты, но—лишь тогда, когда тщательное изученіе общаго характера явленій избранной эпохи дастъ возможность съ увѣренностью сказать, что именно приводимый фактъ выражаетъ съ наибольшою яркостью то, что было господствующимъ, подобно тому, какъ близкое знакомство съ современною жизнью своего отечества даетъ намъ возможность отмѣчать отдѣльные характерные факты, а напримѣръ, отдѣльные факты, отмѣчаемые иными путешественниками относительно странъ, мало имъ извѣстныхъ, часто указываютъ не существенныя стороны и невѣрно освѣщаютъ описываемую землю. Чтобы правильно изобразить общій, господствующій и отличительный характеръ эпохи, необходимо придавать наибольшее значеніе описаніямъ, а не восклицаніямъ современниковъ: описанія, повѣствованія гораздо чаще бываютъ безпристрастны; въ нихъ иногда, даже противъ воли и безъ сознанія автора, прорываются интересныя указанія на современное общество, его понятія, а всякія восклицанія, особенныя указанія и отмѣтки очень часто бываютъ сдѣланы подъ вліяніемъ возбужденія. Можно еще при этомъ замѣтить, что, по самому свойству человѣческой природы, естественно ожидать больше восклицаній и яркихъ характеристикъ, усиливающихъ дурныя, темныя стороны, чѣмъ хорошія, похвальныя, потому что, исключая случаи, гдѣ замѣшанъ—въ ту или другую сторону—личный интересъ свидѣтеля, человѣкъ гораздо легче можетъ быть доведенъ гнѣвомъ или неудовольствіемъ до пристрастно строгаго приговора, нежели чѣмъ-нибудь пріятнымъ—до приговора пристрастно благосклоннаго;

Кромѣ того, если гдѣ-либо, то конечно, тутъ имѣеть значеніе замѣчаніе, что голоса нужно не считать, а взвѣшивать, именно потому, что сосчитать всѣ факты не возможно, а взвѣшиванія-то голосовъ почти и не дѣлалось, и въ существующихъ характеристикахъ общественнаго быта въ XVIII в. гораздо болѣе основываются на свидѣтеляхъ, заслуживающихъ меньшаго довѣрія, но давшихъ много яркихъ фактовъ и рѣзкихъ отзывовъ, чѣмъ на свидѣтеляхъ весьма добросовѣстныхъ, но давшихъ болѣе спокойное изображеніе своего времени.

Второю, не менѣе важною причиною невѣрнаго изображенія общества въ XVIII вѣкѣ должно считать неправильное отношеніе къ даннымъ, представляемымъ тогдашнею литературою, которыми обыкновенно пользуются весьма широко ¹⁾. О русской литературѣ XVIII вѣка, особенно журнальной, можно сказать такъ: если мы станемъ разсматривать ее какъ бытоописательный матеріалъ, то она заслуживаетъ совершенно не той оцѣнки, не той степени довѣрія, какой стоить въ томъ случаѣ, если мы станемъ разсматривать ее, какъ выраженіе тогдашняго міросозерцанія, тогдашнихъ идеаловъ. Мы разъяснимъ это замѣчаніе съ первой стороны сейчасъ, съ другой — ниже, говоря объ умственномъ и нравственномъ уровнѣ тогдашняго русскаго общества.

Когда говорятъ о трагедіяхъ, одахъ XVIII вѣка, о личностяхъ въ родѣ, напримѣръ, Дмитрія Самозванца, Стародума, Софьи, то всегда помнятъ, что тогдашняя наша литература была въ значительной степени подвержена вліянію псевдоклассицизма; сущность же этого направленія совершенно вѣрно опредѣлить, какъ преувеличеніе, крайность, какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону; въ ложноклассическихъ произведеніяхъ нѣтъ людей просто хорошихъ и просто дурныхъ, а есть лишь герои и злодѣи; жизнь рисуется не въ простомъ, естественномъ своемъ теченіи, а непременно въ моменты исключительные, въ полномъ развитіи какой-нибудь страсти, поборавшей все остальное. Можно спорить, пожалуй, о томъ, въ какой степени такой способъ изложенія мыслей былъ естественнымъ для тогдашнихъ людей, и нѣтъ ли тутъ известной доли дѣланности; но мнѣ кажется, вѣрнѣе признать, что на известной степени развитія и въ извест-

¹⁾ Считаю пріятнымъ долгомъ заявить здѣсь искреннюю благодарность Е. И. Якушкину, въ Ярославлѣ, за любезное разрѣшеніе пользоваться его прекраснымъ собраніемъ журналовъ XVIII вѣка, доставать которые вообще такъ трудно.

ныхъ обстоятельствахъ люди совершенно искренно склонны къ чрезвычайнымъ преувеличеніямъ, что чрезвычайно рѣзкія изображенія для нихъ совершенно естественны и даже необходимы. Мысль, что псевдо-классическій характеръ нашей литературы отражалъ господствующій характеръ общественной мысли вообще, уже давно высказывалась въ нашей литературѣ. Н. Н. Страховъ приводитъ очень хорошія соображенія въ доказательство того, что русская лирика XVIII вѣка не была чѣмъ-то дѣланннмъ, а находилась въ тѣснѣйшей, естественной связи съ тогдашнимъ состояніемъ Россіи; съ тѣми сказочными почти уснѣхами, которые тогда у насъ были достигнуты во многихъ отношеніяхъ ¹⁾. Князь П. А. Вяземскій еще раньше писалъ: „Если захотѣтъ найти непремѣнно господствующую черту нашей литературы, то должно остановиться на поэзіи лирической.... Нѣтъ ничего общаго въ нравственныхъ свойствахъ, въ образованіи, въ частныя обстоятельствахъ жизни трехъ нашихъ лириковъ (Ломоносова, Петрова, Державина), но лира ихъ настроена почти на одинъ ладъ. Кажется, слышишь одинъ и тѣ же звуки, за исключеніемъ особенныхъ переливовъ и оттѣнковъ, которые обрадуютъ неминуемую принадлежность каждаго самостоятельнаго дарованія.... Царствованіе Екатерины Великой или Великаго, но счастливому выраженію принца де-Линя, должно было служить новымъ и сильнымъ побужденіемъ къ направленію поэзіи нашей, замѣченному выше. Сіе царствованіе громкое, великолѣпное, восторженное, имѣло въ себѣ много лирическаго“ ²⁾. Проф. Буличъ тоже совершенно основательно указываетъ, что для тогдашней публики нужна была въ большинствѣ случаевъ вывѣска, надпись надъ лицомъ, чтобы лицо это было понято; такую надпись служило часто самое прозвище, а всегда—крайность въ изображеніи избраннаго характера ³⁾; изъ тогдашней же литературы можно привести дѣйствительно доказательства, что безъ такой надписи иные еще не умѣли разглядѣть типа ⁴⁾. Этими замѣчаніями мы хотимъ указать, что и въ тогдашней бытоописательной, сатирической литературѣ, въ зави-

¹⁾ Н. Н. Страховъ. Борьба съ западомъ въ русской литературѣ. С.-Пб. 1883, II, статья „Ходъ русской литературы начиная съ Ломоносова“, стр. 12—17.

²⁾ Кн. П. А. Вяземскій. Полн. собр. сочин. 1880 г., т. V, 5, 6.

³⁾ Н. Буличъ. Сумароковъ и современная ему критика. С.-Пб. 1854, стр. 161.

⁴⁾ *Свободные часы* 1763 г., 215—216; тутъ разказывается, что петиметръ и красавица были сначала довольно какою-то статьей, а потомъ нѣкто разъяснилъ имъ, что тутъ осмѣяны они сами.

симости отъ общихъ литературныхъ идей вѣка, была значительная доля преувеличенія. Если даже полагать, что такой методъ изложенія есть методъ совершенно искусственно созданный, то странно же въ самомъ дѣлѣ было бы думать, что тогдашніе писатели, принимаясь за оды или трагедіи, настраивали свою мысль, свой слогъ на псевдоклассическій ладъ, а все остальное писали совершенно просто, естественно, независимо отъ псевдоклассическихъ приѣмовъ, и что читатели могли съ одинаковымъ интересомъ относиться къ написанному и такъ, и эдакъ; что, напримеръ, мы сказали бы, еслибы намъ теперь стали писать нѣчто въ родѣ монологовъ Дмитрія Самозванца (у Сумарокова) или пастушескія идилліи, такъ часто встрѣчающіяся въ тогдашнихъ журналахъ? Сами тогдашніе писатели, ни мало не скрываясь, говорили, что нельзя писать просто того, что видишь: „иные писатели, что видятъ, то и бредятъ; иногда ихъ читають, но никто имъ не отвѣтствуетъ“, говоритъ Живописецъ, перечисляя неудачныхъ писателей ¹⁾. Тогда чувства и характеры обыденные, простые считались совершенно не стоящими вниманія; всѣ гѣсенки Сумарокова, пользовавшіяся такимъ успѣхомъ въ свое время, представляютъ для насъ нѣчто чрезвычайно скучное, потому что вполне неестественны, потому что въ нихъ описываются чувства именно приторныя, какъ говоритъ проф. Буличъ ²⁾; но эта приторность чувствъ есть лишь другой конецъ того направленія, которое даетъ намъ чрезвычайно мрачную картину, какъ только коснется чего-либо дурнаго. Всѣ журналы единодушно ополчились на Лукина, когда онъ сталъ высказывать требованіе, чтобы театральныя пьесы непременно выражали наши нравы ³⁾; тогдашняя литература вообще, а также и журналы, сами не задавались цѣлью рисовать современные нравы и современную жизнь вполне соответственно дѣйствительности; г. Незеленовъ замѣчаетъ между прочимъ: „Вѣрность произведенія нравамъ изображаемой жизни не была, кажется, въ глазахъ Новикова особеннымъ достоинствомъ“ ⁴⁾. Замѣчаніе это совершенно

¹⁾ Живописецъ. Ежедневное сатирическое сочиненіе на 1774 г. Въ изд. 1793 г., 8. „Подражаніе естъ лучшая добродѣтель стихотворцевъ“, пишетъ *Курьеръ изъ ада съ письмами, Ф. Эмина*. С.-Пб. 1788, въ статьѣ, гдѣ сравниваются Ломоносовъ съ Сумароковымъ, 200—230.

²⁾ Н. Буличъ. Сумароковъ и современная ему критика, 103, 104, 118.

³⁾ Сочиненія В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова. С.-Пб. 1868 г.,—статья А. Н. Пыпина „В. И. Лукинъ“.

⁴⁾ Незеленовъ. Новиковъ, издатель журналовъ, 175.

основательно, и его слѣдуетъ распространить не только на журналы Новикова, но и на всю тогдашнюю литературу; къ сожалѣнію, этого не дѣлаетъ и самъ г. Незеленовъ, цѣликомъ заимствуя изъ литературныхъ произведеній самыя мрачныя картины, будто бы воплотившія нравы общества. Тогда не считалось не только необходимымъ, но даже возможнымъ, вынискать актеровъ на сцену въ русскихъ костюмахъ ¹⁾; извѣстно, какія странныя—греческія, латинскія—имена постоянно переимѣшивались тогда съ русскими. Въ тогдашнихъ литературныхъ произведеніяхъ не описывали, не рисовали общественной жизни, а восхваляли или порицали ее, и вообще картины ихъ, несомнѣнно, чрезвычайно преувеличены какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, а потому для изображенія нравовъ должно пользоваться не только тѣмъ, что выставляютъ на первый планъ сами авторы,—это непремѣнно преувеличено согласно тогдашнимъ литературнымъ требованіямъ,—а еще болѣе тѣмъ, что говорится мимоходомъ, на чемъ авторы не сосредоточивали особенно своего вниманія; что у нихъ, такъ сказать, проскальзывало, прорывалось: это скорѣе укажетъ намъ факты дѣйствительной жизни. Трутень прямо заявилъ, что хулить все и всѣхъ только вредные люди ²⁾; слѣдовательно, онъ вовсе не желалъ, чтобы рисуемыя имъ мрачныя картины были распространяемы на все общество; онъ, однако, не всѣми былъ понятъ: И то и сѣ находило, что онъ изображаетъ дѣйствительность уже слишкомъ черно и подкрашивая такъ, что если ему повѣрить, то нужно будетъ всѣхъ людей возненавидѣть ³⁾. Поэтому Живописецъ постоянно отгвѣняетъ, что порицанія его относятся лишь къ людямъ худымъ, порочнымъ, а не къ хорошимъ, которыхъ у насъ тоже не мало ⁴⁾. Курьеръ изъ ада съ письмами и Собесѣдникъ любителей руссійскаго слова также прямо признаютъ, что не мало у насъ есть и хорошаго, но что нужно все-таки постоянно нападать на худое, потому что этимъ похвалится хорошее ⁵⁾. Изъ Собесѣдника же можно узнать ясно, какъ сильно са-

¹⁾ Письма Пикара къ гг. А. Б. Куракину, *Р. Сж.*, т. II, 131.

²⁾ *Трутень* 1769—1770, изд. 3-е, 1865, 18—25.

³⁾ *И то и сѣ* 1769, XXVIII л.

⁴⁾ *Живописецъ* 1774 г., по изд. 1793, I, 73, 49—61; II, 34—35 и др.

⁵⁾ *Собесѣдникъ* 1783 г., ч. II; стр. 10: „когда слабости и пороки не будутъ порицаемы, тогда и добродѣтель похвалема быть не можетъ; черезъ познаніе первыхъ послѣдняя познается“. *Курьеръ* 1788 г., стр. 240: „я на то согласенъ, что въ послѣднее счастливое время больше есть справедливыхъ судей, нежели

тира преувеличивала свои картины ¹⁾. Тогдашніе журналы были колебались между двумя крайностями — либо изображениями близкими къ портретамъ, либо изображениями недостатковъ и пороковъ самихъ по себѣ, со всѣми ихъ и возможными, а не только дѣйствительно существующими, проявлениями и слѣдствіями; первое исповѣдуютъ Трутень и Смѣсь, второе — Всякая всячина и потому Зритель ²⁾. Кроме того, чуть не у всѣхъ издателей тогдашнихъ журналовъ мы встрѣчаемъ искренній восторгъ предъ своимъ временемъ, сознательную гордость своими успѣхами. Такъ, Новиковъ во „вступленіи“ къ своимъ С.-Петербургскимъ ученымъ вѣдомостямъ 1777 г. пишетъ: „Къ чему Августъ въ Римѣ и къ чему Людовики во Франціи приближались вѣками, къ тому премудрая Самодержица наша достигла полутормя десятилѣтіями. Чѣмъ славилась древній Египеть, чѣмъ Греція хвалилась, то все въ Россіи водворится.... наступили въ Россіи дни златые: цвѣтутъ науки и художества: появляются російскіе Орфеи, Архимеды, Птоломен, Плинии, Ливіи, Аппелесы и Праксители“. Въ Академическихъ извѣстіяхъ 1779 г. читаемъ: „Давно было примѣчено и сказано, что люди настоящимъ недовольны, почему? Потому, что воображеніе превзойдетъ всегда существованность. Понятіе о совершенствѣ и сравненіе сего понятія съ дѣйствительнымъ состояніемъ, каково бы оно выгодно ни было, оставить всегда свѣтъ въ неудовольствіи и роптаніи; но къ заключенію сему не пристанутъ люди, управляемые разсудкомъ, сравненіе вещей дѣлающіе на обѣ стороны и съ тѣмъ, что бы онѣ быть могли и съ тѣмъ, что онѣ суть и были. Если сіе правило приложить къ

несправедливыхъ“ — но все-таки дурныхъ надо порицать; *Авантисетъ* въ своей книгѣ: Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. М. 1859 приводитъ (стр. 242, слѣдующія слова изъ *Всякой всячины* 1769 г.: „Человѣкъ, который съ молодыхъ лѣтъ привыкъ слышать и читать похвалу добродѣтелей и поношеніе пороковъ, несомнѣнно болѣе воздержанія имѣетъ отъ послѣднихъ, и болѣе почтенія къ первымъ, нежели тотъ, который почти различія не знаетъ между пороками и добродѣтелями“.

¹⁾ *Собесѣдникъ* 1783 г., ч. II,—24, говоритъ, что число бывшихъ въ Парижѣ относится къ числу не бывшихъ какъ тысяча къ одному.

²⁾ Полемика по этому вопросу между тремя первыми изданіями изложена у *Авантисета* „Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. Зритель 1792 г.: Несправедливо ты (читатель) судить станешь, обидишь меня ежели подумаешь, что я списываю лица, а не пороки. Тотъ медикъ худо знаетъ свою должность, который по одному страждущему горячкомъ судить, что весь міръ боленъ“ и т. д., 51—52.

нѣмѣшнему состоянію наукъ и всего общества, то тихій гласъ разума разсыплетъ и уничтожитъ шумный ропотъ на все негодующихъ, и не столько желающихъ лучшаго, сколько не любящихъ настоящаго и тужащихъ о прошедшемъ". Зритель въ 1792 году напечаталъ большую статью, исполненную патріотической гордости, гдѣ между прочимъ говорить: „Вся Европа, столица учености и вкуса, противу воли своей во многомъ отдастъ справедливость Россіи, восхищается добродѣтелями ея, которыхъ въ Россіи нѣтъ.... можетъ быть нѣтъ народа, которому уступили бы мы въ дѣяніяхъ славныхъ и нѣтъ народа, который бы менѣ насъ разглашалъ о дѣлахъ своихъ... Россіяне ищутъ добродѣтелей великихъ, а обыкновенныя добродѣтели почитаютъ только долгомъ“. Въ такомъ же духѣ не разъ высказывались и другіе журналы ¹⁾; такъ выражались авторы журналовъ, изъ которыхъ считаютъ нужнымъ заимствовать лишь мрачныя картины,— не говорю уже объ одахъ и другихъ подобныхъ произведеніяхъ. Можно ли же согласить подобныя рѣчи съ мрачными и рѣзкими отзывами и встрѣчающимися въ тѣхъ же журналахъ картинами, не предполагая двуличности авторовъ, а этого дѣлать мы не имѣемъ ни малѣйшаго права, потому что среди ихъ стоитъ и Н. И. Новиковъ, и не имѣя въ виду господства въ тогдашней литературѣ—и не сатирической, и сатирической—ложно-классическаго направленія?

Наконецъ, помимо сознательнаго восторга предъ своимъ временемъ и помимо нескрываемаго преувеличенія темныхъ картинъ, мы легко можемъ замѣтить, что часто въ журнальныхъ статьяхъ рисуется фонъ, совершенно отличный отъ тѣхъ отдѣльныхъ фактовъ, которые, къ сожалѣнію, обыкновенно останавливаютъ на себѣ наибольшее вниманіе изслѣдователей, пользующихся этими журналами. Такъ, часто и много говорится тамъ о петимтрахъ, ихъ смѣшномъ поведеніи и пустой жизни; изъ этого торопятся сдѣлать выводъ о господствѣ этого типа въ обществѣ, а между тѣмъ не разъ, вслѣдъ за изображеніемъ какого-нибудь петимтра, авторъ немедленно говоритъ, что не всѣ таковы, какъ онъ, что всѣ надъ нимъ смѣются, его прези-

¹⁾ С.-Петербургскія ученныя ведомости на 1777 г., Н. И. Новикова; изд. 2-е, А. Неустроева. С.-Пб. 1873, 9—12; Академическія извѣстія. 1779 г. С.-Пб., 1—3 и далье д. 47. Зритель. Ежемѣсячное изданіе 1792 г. С.-Пб., 9—26, 163—181, особ. 10, 21, 23. См. также Вечера, ежемѣсячное изданіе на 1772 г. Изд. 2-е. М. 1788, 21, 47; Живописецъ. Ежедн. сатирич. сочиненіе. Изд. 5-е. С.-Пб. 1793, II, 34—35, I, 71—73; Трудолюбивая пчела 1759. С.-Пб., 101—111,—и др.

рактъ ¹⁾. Берутъ часто изъ Трутня отдѣльные его „портреты“, „Безразсудъ“, напримѣръ, достаточно извѣстенъ, а описаніе его заканчивается такими словами: „Прочіе ихъ братья (крестьянѣ) у помѣщиковъ отцовъ наслаждаются вождѣннымъ спокойствіемъ, не завидуя никакому въ свѣтѣ счастью, ради того, что они въ своемъ званіи благополучны; то подумай, какъ должны гнушаться тобою истинные человѣки, человѣки господа, господа отцы своихъ дѣтей, а не тираны своихъ, какъ ты, рабовъ. Они гнушаются тобою яко извергомъ чело-вѣчества, преобразующимъ нужное подчиненіе въ несносное иго рабства“. Какъ фонъ одной изъ темныхъ картинъ рисуетъ Трутень именно хорошее общество ²⁾. Какія только дурныя качества ни приписывались знатымъ господамъ со словъ нѣкоторыхъ недовольныхъ ими современниковъ и со словъ журналовъ, а Трутень именно отъ своего лица доказываетъ, что средь нихъ много и очень хорошихъ людей, и что только благодаря очень видному ихъ положенію виднѣе и ихъ недостатки. То же повторяютъ и другіе журналы. Въ Живописцѣ также говорится, что его нападки касаются лишь дворянъ дурныхъ и ни мало не могутъ оскорблять дворянъ истинныхъ сыновъ отечества ³⁾. Сколько саркастическихъ отзывовъ и потѣшныхъ каррикатуръ на тогдашнее воспитаніе приводится изъ тогдашнихъ журналовъ, а есть изображенія и воспитанія очень хорошаго, и письма отъ разныхъ лицъ (дѣйствительно писанныя разными лицами, а не изложенныя только въ видѣ писемъ, какъ нерѣдко тогда дѣлалось), со здоровыми идеями о воспитаніи. Въ одномъ журналѣ говорится, что общество презираетъ того, кто мало заботится о воспитаніи дѣтей ⁴⁾; журналъ Вечера упоминаетъ послѣ насмѣшекъ надъ времяпрепровожденіемъ отставныхъ и живущихъ въ деревняхъ дворянъ, что, впрочемъ, многіе изъ нихъ занимаются дѣломъ и приносятъ пользу и честь отечеству ⁵⁾. Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень много; они ясно, кажется, доказываютъ, особенно вмѣстѣ съ восторженными отзывами о своемъ времени,

¹⁾ *Полезное съ пріятнымъ*. Полуѣсячное упражненіе на 1769 г. С.-Пб., 28—33; *Дѣло отъ бездѣля*, 1792, I, 19; *Трутень* 1769, 200.

²⁾ *Трутень* 1769, 148—149, 42.

³⁾ *Трутень* 1769, 194—197; *Живописецъ* 1774, по изд. 1793 г., I, 70—77, 88—89; *Зритель* 1792, 19—202.

⁴⁾ *Полезное съ пріятнымъ* 1769, л. II, 23—28. *Академическія извѣстія* на 1779 г., 161—173. *Собесѣдникъ* 1783, ч. II, 8—10; *Живописецъ*, 49—61.

⁵⁾ *Вечера* 1772 г., I, 59—60.

что нѣкто изъ тогдашнихъ журнальныхъ сатириковъ не относился къ своему времени вполне отрицательно, хотя всѣ видѣли, конечно, разные недостатки въ обществѣ; писали часто вообще о томъ или другомъ недостаткѣ, безъ ближайшаго отношенія къ дѣйствительности и силу господствовавшаго тогда ложноклассическаго направленія обыкновенно преувеличивали.

Такой характеръ изображеній быта въ тогдашней литературѣ нельзя не имѣть въ виду, пользуясь картинками журналовъ для изображенія жизни общества; при правильномъ отношеніи къ нимъ мы получаемъ изображенія, весьма близкія къ тому, что намъ даютъ мемуары и записки современниковъ. Но лица, писавшія по исторіи XVIII вѣка, никогда почти не дѣлаютъ ни малѣйшаго различія между фактами жизни, то-есть, находящимися въ мемуарахъ и другихъ подобныхъ источникахъ, и между фактами исторіи литературы, то-есть, словами Трутня, Живописца, сочиненій фонъ-Визина и т. п., совершенно не видѣлая въ нихъ преувеличенія. Г. Незеленовъ, напримѣръ, какъ будто считаетъ Простакову, Скотинина лицами дѣйствительно существовавшими; онъ по крайней мѣрѣ, не дѣлаетъ различія между тѣмъ, что разказываютъ Добрынинъ, Державинъ, Энгельгардтъ, какъ факты, и тѣмъ, что влагаетъ фонъ-Визинъ въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ¹⁾. Г. Дубровинъ особенно много заимствуетъ изъ статьи Аванасьева „Черты нравовъ XVIII вѣка“, а статья эта представляетъ почти сплошь дословныя выписки изъ сатирическихъ журналовъ. На ряду съ фактами изъ мемуаровъ и безъ малѣйшихъ оговорокъ о происхожденіи выписокъ изъ журнальной сатиры, г. Дубровинъ приводитъ, между прочимъ слѣдующее: „Матушка моя, пишетъ современникъ, пришедши изъ конюшни, въ которой обыкновенно ежедневно дѣлала расправу крестьянамъ и крестьянкамъ, читаетъ бывало французскую любовную книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго пола по русски ясно пересказываетъ“. „Отецъ мой дворянинъ, говоритъ современникъ, живучи съ малыхъ лѣтъ въ деревнѣ, былъ человекъ простаго нрава и сообразовался со всемъ древнимъ обычаемъ; а жена его, моя мать, была сложена тому совсѣмъ противнаго, отчего нерѣдко происходили между ними несогласія и всегда другъ друга не только всякими бранными словами, какія вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня,

¹⁾ См., напримѣръ, Новиковъ, издатель журналовъ, 3, 6, 18.

чтобъ они между собою не дрались, или людей въ конюшнѣхъ плетью не сѣкли. Я, будучи въ домѣ ихъ воспитанъ, и имѣя въ глазахъ такіе поступки моихъ родителей, чрезмѣрную возмѣлъ къ нимъ склонность и положилъ за правило себѣ во всемъ онымъ слѣдовать. Намѣреніе мое гораздо было удачно, ибо я въ скорое время къ удивленію всѣхъ домашнихъ, уже совершенно выражалъ всѣ бранныя слова, которыя бывало отъ родителей своихъ слышу¹⁾. Цѣликомъ изъ журналовъ взято описаніе двухъ или трехчасоваго туалета „русскаго дворянина прошлаго вѣка“; а „окончивъ туалетъ“,— читаемъ далѣе— „франтъ сѣдился въ маленькую карету, рыскалъ по городу, бѣгалъ изъ дома въ домъ, въ одной гостиной онъ самъ собиралъ новости, въ другой разказывалъ ихъ, въ одномъ домѣ онъ насмѣхался надъ тѣмъ, что видѣлъ въ другомъ, а въ третьемъ предлагалъ и разказывалъ даже и то, чего не видалъ. Онъ говорилъ всегда важно съ достоинствомъ, имѣя въ карманѣ на всякій случай нѣсколько дешевыхъ эпиграммъ и пересыпая свою рѣчь иностранными словами“. Г. Дубровинъ пишетъ даже: „По свидѣтельству Новикова, дамы, занимавшія почетное мѣсто въ обществѣ, и притомъ богатая, не считали предосудительнымъ продавать свою любовь за деньги и въ одно и то же время принадлежать нѣсколькимъ“²⁾. Мнѣ кажется, надо быть весьма невысокаго мнѣнія о нравственномъ достоинствѣ Новикова, чтобы предположить, что онъ могъ сказать это не какъ сатирикъ, въ зависимости отъ тогдашнихъ литературныхъ формъ, а какъ лично Новиковъ, и въ то же время писать то вступленіе къ Ученымъ Вѣдомостямъ, которое мы выше указывали. Наконецъ, если ужъ брать факты изъ литературныхъ произведеній, какъ факты дѣйствительно существовавшіе, то надо брать факты разнообразныя, всякаго рода: приводя, напримѣръ, изъ „Разговора у княгини Халдиной“ слова судьи, будто онъ такъ заспался во время чтенія дѣла, что очнуться не можетъ, и будто дѣлъ вообще не понимаетъ (эти слова приводитъ г. Незеленовъ)³⁾, слѣдовало бы замѣтить и изъ комедіи „О время!“, такъ расхваленной Новиковымъ, и считать за фактъ, что служанка читаетъ Ежемѣсячныя сочиненія

¹⁾ Пугачевъ и его сообщники, I, 282, 284; смысловъ не сдѣлано,—а это дословно изъ статьи „Слѣдствія худого воспитанія“, изложенной въ видѣ письма отъ этого самаго дворянина, въ *Жизнисья*, по изданію *Ефремова*, 109.

²⁾ Изъ *Трутня*, по изд. *Ефремова*, 227.

³⁾ *Незеленовъ*. Н. И. Новиковъ, издатель журнала, 3.

и „Клевеланда“¹⁾ и выставить положеніе: „Вообще тогдашняя прислуга отличалась удивительнымъ развитіемъ и была несравненно выше теперешней прислуги и своихъ господъ“. По крайней мѣрѣ, въ массѣ комедій мы видимъ именно такое изображеніе²⁾, и трудно даже сказать, что мы встрѣчаемъ въ литературѣ чаще—изображенія ли несчастнаго положенія крѣпостныхъ, или изображенія такой умной прислуги.

Наконецъ, есть еще третья, уже болѣе частная причина невѣрнаго и слишкомъ мрачнаго изображенія общества XVIII вѣка у нашихъ историковъ: часто придаютъ общее значеніе фактамъ мѣстнымъ. Жители провинціи, особенно захолустья, тогда, какъ и теперь, отличались, конечно, болѣшимъ сравнительно невѣжествомъ, большею грубостью; жители столицы, напротивъ, болѣе увлекались виѣшнимъ блескомъ, дѣйствительно слишкомъ поддавались французскому вліянію; въ большихъ городахъ, какъ всегда бываетъ, замѣчались чаще и безумная роскошь и болѣе легкіе нравы; въ столицѣ, дѣйствительно, нужно признать сильное паденіе семейной жизни, въ указаніяхъ на что сходятся и мемуары современниковъ, и журналы, съ теченіемъ времени все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе направляющіе свое порицаніе именно на это явленіе³⁾. Точно также и по журналамъ, и по мемуарамъ совершенно ясно, что сами современники замѣчали въ деревняхъ, въ захолустьяхъ большую грубость, дикость; но обыкновенно такого различія въ этомъ не дѣлается, и спеціальныя недостатки каждаго общества приписываются и тому, и другому.

Вотъ тѣ замѣчанія, которыя я считалъ необходимымъ представить противъ обыкновенно рисуемой картины нравовъ XVIII вѣка со стороны метода ея составленія.

Кромѣ того, надо отмѣтить еще, что въ изслѣдованіяхъ по исторіи XVIII вѣка обыкновенно ставится задачей только характеристика, а не описаніе быта тогдашняго общества или извѣстнаго класса, и притомъ въ извѣстный лишь моментъ; попытки же прослѣдить постепенныя измѣненія, ходъ развитія этого общества со стороны быта и со стороны нравовъ—между тѣмъ какъ особенно важно изслѣдовать вмѣстѣ то и другое—до сихъ поръ еще не сдѣлано. Въ книгѣ г. Гольцева, который имѣлъ это, по видимому, въ виду, характеристики эпохъ Петра Великаго, затѣмъ его преемни-

¹⁾ Сочиненія Екатерины II, С.-Пб., 1849, т. II, 10.

²⁾ Постоянно встрѣчается это въ комедіяхъ императрицы Екатерины и Лужина.

³⁾ Особенно *Курьеръ изъ ада съ письмами* 1788 г. и *Почта духовъ* 1789 г.

ковъ до Екатерины II и наконецъ—эпохи Екатерины ¹⁾, во первыхъ, слишкомъ коротки, вовторыхъ, далеко не выдержаны: г. Гольцевъ почти не обратилъ вниманія на то, чтобы прослѣдить постепенность и направленіе въ измѣненіяхъ однихъ и тѣхъ же факторовъ и сторонъ быта въ эти установленныя имъ эпохи, а просто приводитъ для каждой эпохи по нѣскольку выдающихся, самими современниками отмѣчаемыхъ, фактовъ; такимъ образомъ иногда одна эпоха оказывается обрисованною съ однихъ сторонъ, а другая—совершенно съ другихъ. Изъ существующихъ у насъ характеристикъ не получается никакого понятія, никакого даже представленія о постепенныхъ измѣненіяхъ общества, о постепенности и характерѣ его развитія; но если взять людей, уровень ихъ образованности, состояніе литературы, всю общественную жизнь 40-хъ—50-хъ годовъ XVIII вѣка и сравнить эти явленія съ людьми, съ состояніемъ образованности и литературы и со всею общественною жизнью конца XVIII вѣка, то огромная разница сразу бьется въ глаза; сильное движеніе впередъ произошло не только въ теченіе всей второй половины XVIII вѣка, но даже въ теченіе одной послѣдней четверти его, послѣ областной реформы. Все это обыкновенно совершенно не указывается въ „характеристикахъ“ общества XVIII вѣка, не смотря на то, что происшедшія перемены весьма крупны и чрезвычайно важны. Отмѣтить эти различія, указать ихъ возникновеніе и причины и прослѣдить путь ихъ движенія, въ общихъ хотя бы чертахъ, составить предметъ настоящей статьи. Конечно, полный разборъ постепенности прогрессивнаго движенія общественной жизни могло бы быть задачею и цѣлаго большаго изслѣдованія; но мы рѣшаемся предложить здѣсь попытку такой работы въ виду указанныхъ выше причинъ. Не претендуя ни на какіе широкіе выводы, мы стараемся изобразить общественную жизнь въ провинціи въ половинѣ прошлаго вѣка и затѣмъ прослѣдимъ ее до конца столѣтія; мы остановимся при этомъ преимущественно на изображеніи провинціального общества предъ манифестомъ 1762 г. и потомъ—послѣ введенія областной реформы; въ промежуткѣ же времени между 1762 г. и концомъ 70-хъ годовъ отмѣтимъ лишь въ общихъ чертахъ начало и характеръ совершавшагося общественнаго движенія. Мы будемъ говорить о бытѣ дворянъ только въ центральныхъ, великорусскихъ,

¹⁾ Законодательство и нравы, гл. II—IV, стр. 14—73.

по преимуществу дворянскихъ губерніяхъ: быть на окраинахъ всегда отличался большею грубостью, какъ бы отставалъ въ движеніи, а быть губерній малороссійскихъ имѣлъ свой особый характеръ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Кромѣ того, говоря о провинціальномъ только дворянствѣ, мы, въ зависимости отъ самыхъ фактовъ, будемъ говорить лишь о дворянахъ средняго состоянія и болѣе бѣдныхъ: дворяне богатые не жили въ провинціи, первоначально вслѣдствіе обязательной службы, а потомъ—привлекаемые дворомъ и недовольные тѣмъ, что при дарованіи дворянамъ правъ, они остались предъ закономъ совершенно равными съ родовымъ, небогатымъ дворянствомъ и не получили никакого особаго значенія въ мѣстномъ самоуправленіи; аристократическія стремленія и отношенія аристократіи къ рядовому дворянству ясно указаны профессоромъ Романовичемъ-Славатинскимъ ¹⁾.

Н. Чечулинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи, 26, 69—70, 492 и др.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ¹⁾.

II.

Не изданный протоколъ суда 1075 года.

Извѣстный философъ и государственный дѣятель XI вѣка Михаилъ Пселлъ былъ однимъ изъ самыхъ плодovitыхъ византійскихъ энциклопедистовъ. Въ 1503 году Альдъ въ первый разъ напечаталъ его комментарий на книгу Аристотеля „объ истолкованіи“ (*peri êrmetheias*), и съ тѣхъ поръ въ теченіе XVI, XVII и XVIII вѣковъ неоднократно издавались разные философскіе, юридическіе и филологическіе трактаты этого ученаго. Но личность самого Пселла оставалась совершенно неизвѣстною до 1874 года, когда Сава напечаталъ впервые его мемуары и рѣчи въ четвертомъ томѣ *Bibliotheca graeca medii aevi*. Не менѣе интереснымъ оказался и пятый томъ той же Библиотеки, заключающій въ себѣ похвальныя и надгробныя рѣчи, а также обширную переписку Пселла.

Въ этихъ двухъ томахъ Греческой Библиотеки много еще не разработаннаго матеріала для характеристики византійскаго общества и для біографіи Михаила Пселла, игравшаго не маловажную роль въ исторіи XI вѣка (съ 1042 по 1078 годъ). Но Сава, также какъ Буассонадъ ²⁾, напечатавшій еще раньше нѣсколько мелкихъ сочиненій Пселла, ограничился рукописями Парижской національной библиотеки и даже не заглядывалъ въ печатные каталоги другихъ библиотекъ.

---

¹⁾ См. ноябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1887 годъ.

²⁾ *Voisvonade. Michael Pselus de operatione daemonum. Accedunt inedita opuscula Pselli. Norimbergae. 1838.*

Между тѣмъ въ Оксфордѣ и Венеціи, во Флоренціи и Ватиканѣ хранится еще много не изданныхъ и чрезвычайно любопытныхъ произведеній Пселла. Нельзя ставить въ вину Саеѣ, что онъ не предпринялъ для своего изданія путешествія по всей Европѣ, но изъ каталоговъ онъ могъ бы извлечь нѣсколько данныхъ, которыя несомнѣнно улучшили бы его изданіе. Такъ, напримѣръ, заглянувъ въ каталоги Кокса (Бодлеевой библиотеки въ Оксфордѣ) и Бандини (библиотеки Laurentiana во Флоренціи), онъ замѣтилъ бы, что нѣкоторыя напечатанныя имъ письма имѣютъ иной адресъ въ другихъ спискахъ, и что нѣсколько писемъ, не имѣющихъ адреса въ парижскомъ кодексѣ, имѣютъ его во флорентійскомъ. Онъ замѣтилъ бы также, что рѣчь, напечатанная имъ безъ конца, „ὅτε παρτήσατο τὴν τοῦ πρωταρχηρίτις ἀξίαν“ (Bibl. Gr. V, 171), потому что конецъ не сохранился въ парижскомъ спискѣ, имѣется въ Оксфордѣ. Въ Бодлеевой библиотекѣ, въ одномъ codex Vaticanus произведеніе это сохранилось вполне, я списалъ его конецъ, представляющій несомнѣнный интересъ, потому что Пселлъ говоритъ тутъ о своихъ сочиненіяхъ. Между тѣмъ, занимаясь этимъ ученымъ энциклопедистомъ, я убѣдился, что подъ его именемъ напечатано не мало произведеній, ему не принадлежащихъ. Такъ, не принадлежать ему четыре компендія, изданные Ксиландромъ ¹⁾, философскій трактатъ „δὲτα περὶ φύξης“, сочиненіе „ἐπιλόγεις φυσικῶν ζητημάτων“. Поэтому особенно важно знать отъ самого Пселла, чтѣ онъ написалъ.

Изъ многочисленныхъ кодексовъ, просмотрѣнныхъ мною въ Парижѣ, Оксфордѣ, Венеціи, Базелѣ, Мюнхенѣ, Флоренціи, Римѣ, Неаполѣ, Вѣнѣ и Константинополѣ, особенно интересны два, всецѣло посвященные сочиненіямъ Пселла. Это, во первыхъ, Лаврентіевскій кодексъ (во Флоренціи) Plut. LVII cod. 40. Въ немъ, кромѣ двухъ рѣчей къ императору Мономаху, напечатанныхъ Саею, имѣется 230 писемъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ 150 адресованныхъ остаются до сихъ поръ не изданными. Но чтѣ самое важное, въ этомъ кодексѣ сохранился хрисовулъ, посланный императоромъ Михаиломъ Дукою Роберту Гвискарю. Съ этимъ хрисовуломъ, представляющимъ не что иное какъ брачный договоръ, заключенный Византійскимъ императоромъ съ герцогомъ Апулійскимъ, я познакомлю читателя въ слѣдующей статьѣ.

¹⁾ Это учебники арифметики, геометрии, музыки и астрономіи, ed. Xylander. Basil. 1554.

Восторыхъ, интересенъ ватиканскій кодексъ 672 на бомбиницкѣ XIII вѣка. Содержаніе его слѣдующее:

1) fol. I. Τοῦ φιλοσοφωτάτου καὶ ὑπερτίμου Ψελλοῦ λόγος ἐπιτάγιος εἰς τὴν ἁγιοῦ μητέρα. Напечатано Sathas, Bibl. Gr. V, 3.

2) f. 30. Μονωδία εἰς Ἰωάννην πατρίκιον καὶ ὁμιλητὴν αὐτοῦ ὄντα. Напечатано по очень неисправному списку въ Jahn's Archiv 1845, Bd. 11.

3) f. 34. Τί τὸ κατ' εἰκόνα καὶ τί τὸ καθ' ὁμοίωσιν. Не издано.

4) f. 35 v. Λόγος ἐπὶ τῷ ἐν Βλαχέραις γενομένῳ θαύματι. Не изданное сочинение, содержаніе котораго составляетъ предметъ настоящей статьи.

5) f. 46 v. Εἰς τὰ θαύματα. Не издано.

6) f. 57 v. Εἰς τὸν αὐτοῦ ἔχρονον ἐτι νήπιον ὄντα. Не издано.

7) f. 59. Πρὸς τινα κάπηλον μεγάλαιον καὶ φιλοσοφοῦντα διάκενα. Напечатано въ Bibl. Gr., V, 502.

8) f. 60 v. Ἐπιστολή. Inc.: „ὁ μέγας Ἀμασσίας“. Напечатано въ Bibl. Gr., V, 269.

9) f. 61. Ἐγκώμιον εἰς τὸν μοναχὸν Ἰωάννην τὸν Κροοστουλᾶν ἀναγρόντα ἐν τῇ ἀγίᾳ σοφῇ. Не издано.

10) f. 68 v. Λόγος ὑποθήκην φιλίας εἰςηγούμενος τοῖς ἀνεψίοις τοῦ πατριάρχου κῦρ Μιχαήλ. Напечатано въ Bibl. Gr., V, 513.

11) f. 73. Πρὸς τὸν πατριάρχην κῦρ Μιχαήλ περὶ τοῦ ὅπως ποιητέον χρυσόν. Напечатано только въ латинскомъ переводѣ Pizzimenti въ Падуѣ 1573 года.

12) f. 76. Письмо къ кесарю не изданное.

13) f. 77. Ἐγκώμιον εἰς Νικόλαον μοναχὸν γενόμενον ἡγούμενον τῆς ἐν Ολόμπῳ μονῆς τῆς ὁραίας πηγῆς. Не издано. У меня имѣется копія этой интересной рѣчи, изъ которой узнаемъ новый фактъ, что монахъ Николай, родственникъ императора Константина Мономаха, построилъ въ царствование Василія II монастырь Красиваго источника на малоазіатскомъ Олимпѣ, и что это тотъ самый монастырь, гдѣ жилъ нѣкоторое время Пселль.

14) f. 96 v. Εἰς τινα κάπηλον γενόμενον νομικόν. Не издано.

15) f. 100 v. Εἰς τὸν οἶνον. Не изданная похвала вину. Въ парижскомъ кодексѣ № 1182 это сочинение сохранилось безъ начала. Я снялъ его въ Оксфордѣ по кодексу Бодлеевой библіотеки.

16) f. 104. Εἰς τὴν χοριακὴν τῆς ἀγίας Ἀγάθης καὶ εἰς τὰς μαθητριάς αὐτῆς. Напечатано въ Bibl. Gr., V, 527.

17) f. 107 v. Βίος τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Αὔξεντίου. Не изданное

житіе преподобнаго Авксентія, жившаго въ царствованіе Θεοδοσία Младшаго.

18) f. 142. Ἐπιστολὴ πρὸς τὸν μέγαν δρουγγάριον. Напечатано въ Bibl. Gr., V, 85.

19) f. 143 v. Πρὸς τοὺς βασκαίνοντας αὐτῷ. Начало рѣчи къ завистникамъ, но всего нѣсколько строкъ. Далѣе безъ всякаго заглавія слѣдуетъ конецъ житія Авксентія.

20) f. 157. Ἐπιστολὴ. Inc.: Πυνθάνη μου τί δήποτε τῶν κλινῶν τὰ διάφορα. Не издано.

21) f. 158. Inc.: ἔχουσι δὲ ἤγησιν ἐξηρημένην. Не изданные стихи.

22) f. 158. Inc.: καὶ βάτραχοι φωνοῦσι. Стихи, напечатанные Fabricii, Bibl. Gr., X, 94, и Sathas, Bibl. Gr., IV, p. LVIII.

23) f. 159. Inc.: τὸν κώνωπά φασιν ὡς ἐλέφαντα. Ἐτο ἐγκώμιον εἰς τὴν ψόλλαν, напечатанное Boissonade, p. 78.

24) f. 161. Ἐγκώμιον εἰς τὴν φθειρᾶ. Напечатано Boissonade, p. 85.

25) f. 164 v. Ἐγκώμιον εἰς τοὺς κόρυς. Напечатано Boissonade, p. 91.

26) f. 166 v. Πρὸς τοὺς μαθητὰς ἀπολειφθέντας τῆς ἐρμηνείας τοῦ περὶ ἐρμηνείας. Напечатано подъ другимъ заглавіемъ Boissonade, p. 144.

27) f. 168. Εἰς τὴν ἑορτὴν τῆς ἀναλήψεως Χριστοῦ. Не издано.

28) f. 170. Περὶ τῶν παραδόξων ἀναγνωσμάτων. Напечатано Westerman въ Παραδοξογράφοι.

29) f. 173. Ἀλληγορία περὶ τῆς σφίγγος. Напечаталъ Геснеръ въ концѣ Heraclidis Pontici Allegoriae in Homeri fabulas. Bas. 1544.

30) f. 175. Περὶ θουτικῆς. Не издано.

31) f. 176. Ὅτε ἐμβράδονον οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ τῇ τῆς σχολῆς συνελεύσει. Напечатано Boissonade, p. 140.

32) f. 178. Inc. Ἄλλ' ἐκαῖ μὲν τὰ μίθρου καίζειν. Не издано.

33) f. 182. Τῷ Βούρτζη βεστάρχη. Напечатано въ Bibl. Gr., V, 347.

34) f. 184. Μονοδία εἰς τὸν τοῦ Ἀκτουαρίου ἀδελφόν. Напечатано въ Bibl. Gr., V, 96.

35) f. 194. Εἰς Στουλιανὴν πρὸ ὄρας τοῦ γάμου τελευτήσασαν. Напечатано въ Bibl. Gr., V, 62.

36) f. 209. Ἐπιτάφιος εἰς τινα φίλον αὐτοῦ καὶ συμμαθητὴν. Напечатано подъ заглавіемъ ἐπιτάφιος εἰς Νικήταν μαίστωρα τῆς σχολῆς τοῦ ἀγίου Πέτρου въ Bibl. Gr., V, 87.

37) f. 214. Ἐπιτάφιος εἰς Εἰρήνην Καισαρίσσαν. Не издано.

38) f. 233. Μονοδία εἰς τὸν πρόεδρον κῆρ Μιχαὴλ τὸν Ῥαδηνόν. Не издано.

39) f. 243. Μονοδία εἰς Ῥωμανὸν ραιφερενδάριον. Не издано.

- 40) f. 346. Πρὸς τοὺς βασκαίνοντας αὐτοῦ. Напечатано въ Bibl. Gr., V, 168.
- 41) f. 247 v. Πρὸς τὸν αὐτοῦ πατᾶν. Не изданный памфлетъ на священника, копія имѣется у меня.
- 42) f. 249. Πρὸς τοὺς μαθητάς. Ἔτο ἐχώμιον εἰς τὴν φύλλαν. Напечатано Boissonade, p. 73.
- 43) f. 251 v. Ἐπαινος τοῦ Ἰταλοῦ. Не изданный панегирикъ ученику Пселла, философу Іоанну Италу; копія имѣется у меня.
- 44) f. 253 v. Πρὸς τοὺς μαθητάς. Напечатано Boissonade, p. 131.
- 45) f. 255 v. Πρὸς τὸν οἰκεῖον γραμματικόν. Не издано.
- 46) f. 257 v. Πρὸς τὸν πρωτοσύγγελον περὶ τοῦ ἀγίου Γρηγορίου θαυματοῦργου. Не издано.
- 47) f. 261 v. Ἐπιστολή. Не изданное письмо.
- 48) f. 262. Не изданные стихи.
- 49) f. 262 v. Εἰς τὴν ἐν Νικομηδείᾳ λεγομένην ἀκοήν. Напечатано Boissonade, p. 58.
- 50) f. 264 v. Εἰς τὸ δι' ἔφθασα. Напечатано въ Bibl. Gr., V, 537.
- 51) Нѣсколько мелкихъ сочиненій.
- 52) f. 270 v. Εἰς τὴν δέσποιναν. Не изданный панегирикъ императрицѣ Θεодорѣ; списанъ мною въ Оксфордѣ по кодексу Бодлеевой библиотеки.
- 53) f. 272 v. Σελέντιον δημηγορηθὲν παρὰ βασιλέως κοροῦ Μιχαήλ τοῦ Δούχα. Не изданная рѣчь, произнесенная императоромъ Михаиломъ Дукою; копія имѣется у меня.
- 54) f. 274 v. Δόγος προσφωνηματικὸς πρὸς τὸν κορίον Μιχαήλ τὸν Δούχαν. Не изданная рѣчь, списанная мною въ Венеціи по cod. Marcianus 445 и свѣренная съ ватиканскимъ кодексомъ.
- 55) f. 275 v. Σελέντιον ἀκφωνηθὲν ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τῆς βασιλείας κοροῦ Θεοδώρου. Не изданная рѣчь, произнесенная императрицею Θεодорою; копія имѣется у меня.
- 56) f. 277 v. Δημηγορία εἰς τὸν Βασιλέα τὸν Δούχαν. Не изданный панегирикъ императору Дукѣ; копія имѣется у меня.
- 57) f. 279. Ὡς ἀπὸ προσώπου τοῦ Βασιλέως. Не издано.
- 58) f. 281. Χρισοβυλὴ πρωτасκриту Епифανію. Напечатано въ Bibl. Gr., V, 213.
- 59) f. 283. Не изданное письмо къ императору Дукѣ.
- 60) f. 283 v. Πисьмо къ императору Роману Διογѣну. Напечатано въ Bibl. Gr., V, 228.
- 61) f. 284. Стихотворенія.

Если судить только по заглавию, „слово на свершившееся во Вла-хернахъ чудо“ можетъ показаться наименѣе интересною вещью изъ всѣхъ сочиненій, находящихся въ указанномъ кодексѣ. На самомъ же дѣлѣ это слово представляетъ любопытный византійскій документъ, потому что это не проповѣдь, а протоколъ суда, и притомъ суда весьма своеобразнаго, гдѣ судьей явилась сама Богородица. По счастью для насъ, въ византійскихъ протоколахъ излагался не только ходъ дѣла на судѣ, но и предшествовавшія обстоятельства. Поэтому, передавъ содержаніе помянутаго документа, я могу познакомить читателя съ тяжбой о мельницѣ, происходившей въ XI вѣкѣ между стратигомъ Мандагомъ и Каллійскимъ монастыремъ.

Начинается слово на свершившееся во Влахернахъ чудо такъ: Настоящій судъ — судъ не человѣческій по человѣческому дѣлу (ὁ πολιτικὸν τοῦ πολιτικοῦ ζητήματος ¹⁾), справедливо разрѣшенному Божіею Матерію Дѣвою. Приговоръ произнесенъ не устами судьи, а сверхъестественными явленіями.

Далѣе идетъ прославленіе Богородицы, сходящей съ неба на землю, чтобы направлять наши дѣла къ лучшему. Повсюду являетъ она чудеса, во всѣхъ городахъ и у всѣхъ народовъ. Къ такимъ великимъ чудесамъ принадлежитъ и то, которое обстоятельно будетъ изложено ниже.

Никто изъ насъ не знаетъ, какова истинная природа нашей Спасительницы и Заступницы, и никто изъ земныхъ жителей не можетъ познать и видѣть Ее. Познать Ее могла бы только душа сверхъестественная, стоящая наравнѣ съ херувимами. Мы знаемъ Богородицу только такою, какою представляемъ ее на иконахъ. У нея много храмовъ въ столицѣ, и всѣ они преисполнены божественной благодати, и во всѣхъ служатъ Ей іереи и другіе церковнослужители. Въ однихъ храмахъ ликъ Божіей Матери нарисованъ на потолкѣ алтаря, въ другихъ она изображается на стѣнахъ, чтобы можно было подходить къ ней и прикладываться. Иконы дѣлаются изъ разнаго матеріала, въ однихъ храмахъ изъ золота, въ другихъ изъ серебра, а въ нѣкоторыхъ ликъ просто нарисованъ на доскѣ, и Божія Матерь не пренебрегаетъ этимъ послѣднимъ самымъ ничтожнымъ матеріаломъ. Во всѣхъ своихъ священныхъ храмахъ Богородица присутствуетъ и является (обнаруживаетъ свое присутствіе), но считается, что она

¹⁾ Здѣсь πολιτικὸς противопоставляется θεῖος или οὐράνιος божественному, небесному.

преимущественно обитаетъ въ преславномъ храмѣ Влахернскомъ (μά-
 λιστα δὲ ἐν τῇ περιουσίῳ τῇ ἐν Βλαχέρναις ναφ οἰκεῖν νομίζεται). Тутъ
 является она чудеса, одни въ неопредѣленное время, другія же въ
 опредѣленное время, чрезъ опредѣленные промежутки времени, кото-
 рыхъ она не въ правѣ преступить (τὰς δὲ ἐν ταῦταις περιόδοις, ἃς ὑπερ-
 βάλλειν οὐ θέμις αὐτῇ). На правой сторонѣ храма — по отношенію къ
 входящимъ съ запада на востокъ — виситъ красивая и чудотворная
 икона Божіей Матери; вокругъ нея виситъ искусно сотканная завѣса.
 Отъ нея идетъ рядъ иконъ. Въ этой сторонѣ алтарь и служатъ Ей
 какъ полагается по закону, поютъ разныя пѣснопѣнія, умиловати-
 тельныя молитвы, курятъ ошміамъ. Излюбленная Ею служба изъ всѣхъ
 дней недѣли, та которая служится въ пятницу послѣ захода солнца.
 Тогда всѣ выходятъ изъ храма (то-есть, изъ каеоликона) не только
 народъ, но и священнослужители, и служба начинается въ нартексѣ.
 Народъ же стоитъ въ преддверіи храма близъ дверей. Когда же
 отслужать чтò полагается по чину, открываются двери (ведущія изъ
 нартекса въ каеоликонъ), и народъ входитъ въ храмъ, преисполнен-
 ный радости и страха. А ткань, находящаяся вокругъ иконы, вне-
 запно поднимается, какъ будто ее привелъ въ движеніе какой-то
 духъ, и для не видѣвшихъ это дѣло невѣроятное, а для видѣвшихъ
 чудесное и не что иное, какъ нисхождение Святаго Духа. Въ то же
 время молящійся замѣчаетъ, что на иконѣ измѣняется и ликъ Сына
 Божія отъ духовнаго ея присутствія, обнаруживая такимъ образомъ
 невидимое (то-есть, невидимое ея присутствіе) ¹⁾. Чудо это свер-
 шается въ опредѣленное время, точно также какъ солнечное затмѣ-
 ніе. Но астрономы знаютъ причину этого явленія, причину же чу-

¹⁾ Cod. Vat. 672, f. 37. Εἰκὼν τις αὐτῇ ἐν δεξιᾷ τοῦ νεῶ τοῖς πρὸς ἀνατολὴν
 εἰσιούσιν ἐκπρέμαται τε ἅμα καὶ ἐνήρμοσται ἀκριβῶς, τὴν ἰδέαν ἀμίμητος, τὴν χάριν
 ἀσύγκριτος, τὴν δύναμιν ἀπαράμιλλος. καταπέτασμα δὲ αὐτῆς ἐξ ὑφαντικῆς τέχνης
 ἡώρητα, ὃ δὴ ὀρθοῦς εἰκόνων παραλαμβάνει τὴν ὕλην πολυτελῶν. καὶ ἔστι κατ' ἐκεῖνο
 μέρος θυσιαστήριον καὶ ἐπιθειάζεται αὐτῇ ὅσα τοῖς τελοῦσι καὶ τελουμένοις νενόμισται,
 ὕμνοι παντοδαποί, εὐχαὶ ἱλαστήριοι, θυμιάματα ἱεροπρεπῆ. Ἐξαιρετὸν δὲ ταύτῃ τῆς
 εβδομάδος τῶν ἡμερῶν τὸ κατὰ τὴν ἕκτην ἡμέραν τελούμενον μετὰ τὴν τοῦ ἡλίου κα-
 τὰδυσιν, ἐξίσαι δὲ τρικαῦτα τοῦ νεῶ σὺμπαντες, οὐχ ὅσον ἐν δῆμοις καὶ πληθεσιν,
 ἀλλὰ καὶ εἰ τινες θύται καὶ τελεσται.... τὸ δὲ πλῆθος ἐστήκασιν ἐν τοῖς προτεμενιάσμασι
 τοῦ νεῶ τῶν προθύρων ἐγγύς.... ὃ δὲ περὶ τὴν εἰκὼνα πέπλος ἀθρόον μετεωρίζεται,
 ὡσπερ τινὸς αὐτὸν ὑποκινήσαντος πνεύματος καὶ ἔστι το πρᾶγμα τοῖς μὲν μὴ ἰδοῦσιν
 ἄπιστον, τοῖς δὲ ἰδοῦσι παράδοξον καὶ τοῦ θεοῦ πνεύματος ἀντικρυς κάθοδος. Συνεξα-
 λάσσεται δὲ τῷ τελουμένῳ καὶ ἡ μορφή τοῦ θεόπαιδος, οἶμαι δεχομένη τὴν ἔμφυχον
 ἐπιδημίαν αὐτῆς καὶ τὸ ἀφανὲς τῷ φαινομένῳ ἐπισημαίνουσα.

десъ, совершаемыхъ Богородицею, никто объяснить не можетъ, и она не можетъ быть сведена къ физическимъ причинамъ.

Изъ сказаннаго видно, что чудотворная икона Божіей Матери составляла одну изъ иконъ правой стороны иконостаса, можетъ быть, какъ и у насъ теперь, первую отъ царскихъ вратъ. Она была задрапирована кускомъ матеріи, какъ до сихъ поръ, по древнему обычаю, драпируются иконы въ Греціи ¹⁾. По всей вѣроятности, драпировка вполне закрывала ликъ Богородицы, а во время утрени въ субботу драпировка внезапно раскрывалась или поднималась къ верху, какъ говорится въ нашемъ документѣ, и молящимся являлся въ обыкновенное время скрытый ликъ Божіей Матери. По крайней мѣрѣ, такъ описано это чудо въ одномъ западномъ источникѣ, въ *liber Virginialis*, приведенномъ у Дюканжа ²⁾. По словамъ анонимнаго автора, въ Влахернскомъ храмѣ, названномъ по ошибкѣ *Lucegna*, есть икона Божіей Матери, прикрытая шелковою пеленою. Шесть дней въ недѣлю ликъ Богородицы закрытъ, пелена раскрывается въ пятницу за всенощной, и икона остается открытою цѣлый день, до всенощной въ субботу, когда завѣса вновь опускается. Изъ сказаннаго выше видно, что Пселлъ разумѣетъ также утреню въ субботу; утреня, какъ видно изъ Симеона Солунскаго *de precatone* (cap. 349 и 350), дѣйствительно начиналась въ нартексѣ.

¹⁾ „Въ древнее время и у насъ, по подобію грековъ, былъ обычай подвѣшивать подъ иконы пелены и предполы. И до настоящаго времени есть у насъ обычай вѣшать на иконы уброемъ нар полотенца. Въ настоящее время у грековъ находящіяся на боковыхъ стѣнахъ иконы, а иногда и иѣстныя, драпируются разными матеріями, и преимущественно бѣлыми кружевными, совершенно такъ, какъ у насъ драпируются у богатыхъ людей окна. У грековъ этотъ обычай несомнѣнно относится къ древнему времени, ибо эту именно драпировку иконъ должно разумѣть подъ *θεῖα πέπλα*, о которомъ говорятъ писатели (Симеонъ Солунскій, *De sacro Templo* с. 141)“. *Голубинскій*. Исторія русской церкви, т. I, 2-я половина, стр. 243—244. Пселлъ въ нашемъ документѣ называетъ эту драпировку *πέπλος*, *καταπέτασμα* или *ἐνδομα* и говорить, что она *μεταφέρεται*—поднимается на воздухъ.

²⁾ *Constantinopolitana urbs habet basilicam, quae Mariae in honore clarum profert fabricam, hanc qui dicunt, hoc et sciunt Lucernam cognominant. Graeco more hic decore Virginis iconia Natum gestat, sindone stat velata serica, nec videtur, donec detur Sabato vigilia. At cum hora vespertina matris festa incipit, se expansum et repansum velum sursum recipit, atque vultum venerandum Virginis operit. Tunc thesaurus diva clarus revelatur imagine, sic ad nonam usque horam stat diei crastinae.... Perstat sursum dum sol cursum sabbati persequitur... Sed ut dictis noris hootis laus diei canitur, velum sursum mittens, rursus caelitus deponitur.* *Ducangii*, Constantinopolis Christiana, l. IV, p. 84—86.

То же чудо упоминается въ Алексіадѣ Анны Комнины. Она разказываетъ, что императоръ Алексій Комнинъ 1-го ноября 1-го индикта (1107 г.) рѣшилъ выступить въ походъ противъ Бозмунда Тарентскаго, но испугался, потому что Влахернская Божія Матерь не явила обычнаго чуда, когда онъ выходилъ изъ храма. Онъ принялъ это за худое предзнаменованіе и рѣшилъ подождать четыре дня; затѣмъ онъ отправился вновь во Влахернскій храмъ, послѣ его усердной молитвы чудо свершилось, и онъ вышелъ изъ церкви увѣренный въ побѣдѣ ¹⁾. Рѣчь идетъ, вѣроятно, о той самой чудотворной иконѣ Влахернской Божіей Матери, которую по словамъ Атталиата, Византійскіе императоры брали съ собою въ походъ (стр. 154 боннскаго изданія).

Разказанное мною до сихъ поръ представляетъ введеніе разбираемаго документа, далѣе идетъ изложеніе тяжбы о мельницѣ.

Люди, живущіе въ деревняхъ, очень цѣнятъ обиліе воды, потому что, когда есть рѣка, можно поставить на ней мельницу и такимъ образомъ молоть зерно у себя на мѣстѣ. Поэтому сосѣди нерѣдко возбуждаютъ дѣла о томъ, кому владѣть тою или иною мельницею. Недавно было возбуждено подобное дѣло. Обѣ стороны, какъ спаарій и стратигъ Левъ по прозванію Мандалъ (Μάνδαλος), такъ и монастырь Каллійскій (ἡ τοῦ Καλλιῶν μονή), старались доказать, что они имѣютъ право владѣть мельницею, лежащею въ Фракійской оемѣ (κατὰ τὸ Φρακῶν μέρος) и очень хорошо работающею. Они судились нѣсколько разъ, и судьи присуждали спорную мельницу то одной, то другой сторонѣ. Наконецъ, они перенесли дѣло въ судъ дясипата Гавріила Цирнеона, бывшаго тогда судьей Фракійской оемы (ἀλλὰ μετὰ πολλοὺς ἐτάρους δικαστὰς καὶ εἰς τὸν διούπατον Γαβριὴλ τὸν Τζιρίθωνα τὰς κρίσεις τότε πιστευθέντα τοῦ θρακικοῦ θέματος ἢ δίκῃ καθῆκεν). Судья постановилъ владѣть имъ мельницею сообща, такъ какъ обѣ стороны имѣли, по его мнѣнію, одинаковое право на нее. Этимъ рѣшеніемъ и стратигъ, и монахи остались недовольны. Можно сказать, что ихъ дѣло нисколько не подвинулось; стратигъ не хотѣлъ признать судебного приговора и по прежнему изъяслялъ притязанія на всю мельницу. Между стратигомъ и монастыремъ продолжался все тотъ же споръ.

Тогда они рѣшили прибѣгнуть къ третейскому суду, признававшемуся византійскими законами (καὶ συγχροτοῦσιν ἑαυτοῖς αἰρετὸν δικα-

¹⁾ Annae Comnenae Alexius, II, p. 174 (ed. Reifferscheid): ἐδεδειε δὲ, ὅτι ἐξερχομένη τὸ σύνθημα θαῦμα ἢ Θεομήτωρ ἐν βλαχέρναις οὐκ ἐπέδειξато.

στῆριον ἐκ γόμων μὲν πολιτικῶν δεξιόμενον τὴν ἀρχήν). Но въ судьи они выбираютъ не свѣтское лицо, а Божию Матерь. Какимъ же это образомъ? Сами они не поднимаются на небо, потому что это не возможно, и Ее не сводятъ съ неба на землю, потому что и это не возможно, но все дѣло они доверяютъ рѣшенію чуда, свершаемаго иконою ¹⁾. Поэтому они соглашаются сдѣлать такъ: рано поутру стать обвинить сторонамъ противъ иконы Богородицы, держа въ рукахъ документы (δικαιώματα), на которыхъ они основывали свои права на мельницу; затѣмъ призывать (ἐπικαλέσασθαι) Дѣву, изображенную на иконѣ, и съ рыданіемъ молить Ее (θρηνώτως ἀναβοᾶσθαι) быть судьей въ ихъ дѣлѣ. А дѣло рѣшить такъ: если завѣса останется неподвижною, признать, что дѣло выиграла монахи; если же она задвигается, признать, что побѣдилъ (τὰ νικητήρια λήψασθαι) стратигъ. Такъ согласились они, и каждый со своей стороны записалъ тѣ пункты, по которымъ они договаривались, какъ это принято дѣлать, когда обращаются къ третьей-скому суду (καὶ ἔγγραφα ἰσοτόκα ἐπὶ τοῖς ἀρέσασι γέγονεν, ὥσπερ εἶσθαι ἐπὶ τοῖς αἰρητοῖς γίνεσθαι δικασταῖς).

Такъ и сдѣлали, какъ условились. Обѣ стороны пришли во Влачерскій храмъ, стали противъ иконы, молились со слезами и ожидали рѣшенія своей участи отъ того, придетъ ли въ движеніе или нѣтъ завѣса на иконѣ. Прождали нѣкоторое время, завѣса оставалась неподвижною. Это было сочтено за рѣшеніе и окончаніе дѣла. Монахи радовались своей побѣдѣ; а стратигъ стоялъ опечаленный, осужденный судомъ Божиимъ. Стратигъ собрался уже передать монахамъ письменное удостовѣреніе, что признаетъ себя осужденнымъ и отказывается отъ права владѣть половиною мельницы, какъ вдругъ завѣса на иконѣ Божіей матери поднялась на воздухъ, дѣло приняло иной оборотъ: радовавшіеся опечалились, а опечаленный преисполнился радости и удовольствія. Монахи стали говорить, что чудо свершилось слишкомъ поздно; въ послѣдствіи однако они признали свое поражение и побѣду стратига. Нѣкоторые монахи утверждали, что завѣса пришла въ движеніе не скоро, что чудо свершилось не въ то время, когда молились стороны, а тогда, когда стратигъ призналъ монастырь владѣльцемъ мельницы; они говорили, что чудо указываетъ на

¹⁾ f. 39: 'Ἀλλὰ τὴν Θεομήτορα ποιοῦντα: διαιρέτιν τῆς ὑποθέσεως. τίνα τρόπον; οὐτα αὐτοὶ πρὸς οὐρανὸν ἀνιπτάμενοι ἐπεὶ μηδὲ δυνατόν, οὐτ' ἐκκλίην κατάγοντες, ἐπὶ καὶ τοῦτο τῶν ἀδυνάτων, ἀλλὰ τῇ κρίσει τοῦ πρὸς τὴν εἰκόνα θαύματος τὸ πᾶν ἀναθέμενοι.

ихъ правоту и явилось какъ знакъ согласія на то, что дѣлалъ стратигъ (собиравшійся въ эту минуту отказаться отъ своихъ правъ на мельницу). Но подобнаго рода разсужденіе не нуждается даже въ возраженіи, ибо во взаимномъ условіи сторонъ рѣчи не было о томъ, сейчасъ ли свершится чудо, или по прошествіи нѣкотораго времени, а сказано было только, что въ случаѣ неподвижности завѣсы правы монахи,—въ случаѣ же, если она заколеблется, правъ стратигъ. Дѣло другое, еслибы чудо совершилось тогда, когда обѣ стороны уже ушли изъ церкви, и прошло бы много времени. Судившая Богородица имѣла полное право постановить приговоръ, когда ей было угодно (*ἐξῆν γὰρ τῇ δικαιοσύνῃ καρτένφ τὸν χαρὸν ἑαυτῇ ὀρίζειν τῆς ἀποφάσεως*). Вѣдь и земные судьи постановляютъ приговоръ не тотчасъ же, а когда захотятъ. Чудо совершилось немного спустя послѣ того, какъ стороны вошли въ храмъ, когда они еще стояли на священномъ полу, когда собирались передать другъ другу документы; не они же распоряжались чудомъ, а Богородица явила его, когда захотѣла. Да, говорятъ монахи,—но чудо совершилось во время передачи документовъ, тѣмъ свидѣтельствуя, что справедливо должны были быть переданы документы, и стратигъ отказывался отъ своихъ правъ на мельницу. На это имъ можно возразить: главное то, что вы признали, что неподвижность завѣсы будетъ свидѣтельствовать о вашей правотѣ, движеніе же завѣсы — о правотѣ стратига; еслибы завѣса не пришла въ движеніе, вы были бы правы, но чудо совершилось,—слѣдовательно, побѣда на сторонѣ стратига. По моему, движеніе завѣсы не только приговоръ, но и знакъ негодованія. Одежда Богородицы потряслась (*τὸ ἔνδομα σέσωσταί*) тогда, когда вы осмѣливались принять документы на право владѣть мельницей. Богородица пришла въ движеніе для того, чтобы вы наконецъ устыдились, и знакъ движенія (*τὸ σύμβολον τῆς κινήσεως*) былъ не только приговоромъ, доказывающимъ правоту стратига, но и знакомъ гнѣва на ваше безстыдство. Такъ обыкновенно судить Богъ (*οὐτὼ καὶ Θεὸς δικάζειν εἴθε*) и произносить приговоръ не тогда, когда кто имѣетъ намѣреніе поступить незаконно, а тогда, когда онъ уже совершаетъ или совершилъ незаконіе.

Вотъ какое чудо явила Божія Матерь, и это чудо гораздо поразительнѣе и чудеснѣе того обычнаго чуда (совершавшагося по субботамъ). Оно указываетъ на новое явленіе Духа Святаго, на новое присутствіе Божіей Матери. Мы удивляемся Иисусу Навину, остановившему солнце, удивляемся чуду, совершившемуся при распятіи Христа

именно потому, что тутъ произошли явленія необычныя. Такое чудо явила Божія Матерь, и она разрѣшила дѣло, котораго не въ силахъ были разсудить человѣческіе суды.

Такъ какъ споръ между стратигомъ и монастыремъ продолжался, ихъ дѣло было доведено до свѣдѣнія императора Михаила Дуки, и послѣдній приказалъ Пселлу разобрать тяжбу и написать протоколъ и судебный приговоръ. Послѣдняя часть „слова на свершившееся въ Влахернахъ чудо“ представляетъ окончательное постановленіе по гражданскому процессу о мельницѣ и юридическое объясненіе всего дѣла.

Дѣло это, говоритъ Пселлъ,—по существу принадлежитъ къ обыкновеннымъ гражданскимъ дѣламъ, предусмотрѣннымъ законами и разрѣшаемымъ въ судахъ; но способъ рѣшенія иной, стоящей выше законовъ, сверхъестественный. Разрѣшеніе тяжбы о владѣніи какимъ-нибудь предметомъ относится къ обычной практикѣ судовъ; рѣшать же тяжбу способомъ, котораго не знаетъ законъ, это уже нѣчто совершающееся не по закону, а стоящее выше закона. Въмѣстѣ съ тѣмъ все дѣло имѣетъ подъ собою законную почву. Ибо о судьяхъ, о судопроизводствѣ и о третейскихъ судьяхъ въ законахъ имѣются слѣдующія главы: „Третейскій судъ подобенъ обыкновенному суду и имѣетъ цѣлью разрѣшать судебныя дѣла“, и далѣе: „третейскій судья тотъ, кто занялъ мѣсто судьи“; и далѣе: „справедливъ или несправедливъ приговоръ, слѣдуетъ подчиняться ему (буквально: остаться при немъ, то-есть, апеллировать на приговоръ третейскаго судьи нельзя); и что самое удивительное: „хотя бы третейскій судья ошибся въ своемъ приговорѣ, онъ не можетъ быть исправленъ (даже ошибочный приговоръ третейскаго судьи не можетъ быть измѣненъ), ибо, постановивъ приговоръ, онъ перестаетъ быть судьей“¹⁾. Пись-

¹⁾ fol. 43. Τα γὰρ περὶ δικαστῶν καὶ δικαιοδοσίας αὐτῶν καὶ περὶ παρέδρων καὶ αἰρετῶν δικαστῶν νομικὰ ἐπιγράμματα καὶ ἐπὶ τούτοις κεφάλαια ταῦτα: τὸ αἰρετὸν δικαστήριον εἶχε προσφῶρον δικαστηρίῳ καὶ ἀνήκει πρὸς τὸ περατοῦσθαι τὰς δίκας, καὶ αὐθις αἰρετὸς δικαστὴς ἐστὶν ὁ δικαστοῦ τάξιν ἀναδεξάμενος καὶ πάλιν εἴτε δικαία εἴτε ἄδικο· ἐστὶν ἢ τοῦ αἰρετοῦ ψῆφος ἐμμένειν αὐτῇ δεῖ. καὶ τὸ γε θαυμασιώτερον, ὅτι καὶ πλανηθῆ τις ἐν τῷ ψηφίζεσθαι δικάζων που πάντως ὡς αἰρετὸς οὐ διορθοῦται ψηφισάμενος γὰρ πέπυται εἶναι δικαστὴς. Пселлъ ссылается на Synopsis Basilicorum, а не на самыя Василики, что видно изъ заглавія, титула XXXIII буквы Δ сннопсиса: Περί δικαστῶν καὶ δικαιοδοσίας αὐτῶν καὶ τάξεως καὶ παρέδρων αὐτῶν καὶ περὶ αἰρετῶν δικαστῶν (*Zachariä, Jus Gr.-Romanum, V, 250*). Въ Василикахъ такого заглавія нѣтъ. Текстъ Пселла вполне совпадаетъ съ текстомъ сннопсиса, какъ онъ напечатанъ у Цахаріа (см. §§ 7, 8, 11 и 9 указанного ти-

менныя документы (соглашенію), написанныя сторонами, доказываютъ, что они согласились судиться у Божіей Матери, какъ у третейскаго судьи (ὅτι μὲν εἶλοντο οἱ ἀντίθετοι παρὰ τῇ Θεοτόκῃ ὡς αἰρετῆ συνδικασσάθαι δικαστῆ, δηλοῖ τὰ παρ' ἐκατέρων ἰσότοπα ἔγγραφα).

Разница въ томъ, что по закону можетъ быть выбранъ въ третейскіе судьи юристъ (νομικὸς ἀνὴρ, то-есть, занимающій какую-нибудь судебную должность) или частный человѣкъ (ιδιωτικὸς), а стратигъ и монахи Каллійскаго монастыря обратились не къ человѣку, а къ одной только Божіей Матери. Они ждали рѣшенія не отъ разсужденій и законовъ и не ожидали устнаго или письменнаго приговора, но постановили, что символическая неподвижность или движеніе (συμβολικὴ ἀκίνησις ἢ κίνησις) рѣшатъ ихъ дѣло. Такимъ образомъ, судъ этотъ какъ будто смѣшанный и состоитъ изъ земной части (ἐκ πολιτικῆς μέρους) и небесной (τὸ δὲ ἀπὸ κρείττονος).

Еслибы стороны, отступивъ отъ здраваго смысла, согласились рѣшить спорное дѣло какимъ-нибудь бессмысленнымъ образомъ, напримеръ, игрою въ кости (кто броситъ больше), или по полету птвца, или по тому, удастся ли бросить дискъ подъ облака и на разстояніе 50 стадій, такого суда нельзя было бы признать и подвести его подъ третейскій судъ, признаваемый законами. Такъ какъ, съ одной стороны, можно сдѣлать выборъ, лучший выбора признаваемого законами (то-есть, выбрать въ судьи не человѣка, а Бога), съ другой стороны—худшій (рѣшить дѣло вышеуказаннымъ бессмысленнымъ образомъ), то худшій выборъ я считаю противозаконнымъ, а лучший законнымъ и сверхзаконнымъ (ὑπερνομον, стоящимъ выше закона), законнымъ—потому, что соглашеніе состоялось на законномъ основаніи, сверхзаконнымъ—потому что оно основано на духовномъ явленіи. Поэтому нельзя ничего возразить противъ подобнаго суда. Судъ этотъ выше обыкновеннаго суда, потому что государственные судьи, хотя и изучили въ совершенствѣ науку права, ошибаются иногда и судятъ пристрастно. Кто же рѣшится сказать, что Богородица расудила дѣло неправильно или пристрастно?

Если же данная тяжба не вполне можетъ быть подведена подъ статью закона, въ этомъ нѣтъ ничего новаго (особеннаго), такъ какъ и *condictio ex lege* нельзя подвести подъ опредѣленный искъ, а при-

---

тула), исключая послѣдняго постановленія, гдѣ Пселломъ вставлено вѣскольکو словъ для ясности. Synops. Basil. A, XXXIII, § 9: *κἂν πλανητῆ ἐν τῷ ψηφίζεσθαι, οὐ διορθοῦται. ψηφισάμενος γὰρ πέπαυται: εἶναι δικαστῆς.*

мѣняется онъ (искъ по закону, *condictio ex lege*), когда законъ вводитъ новое обязательство и искъ ¹⁾.

Такимъ образомъ эта тяжба, если угодно, ведется на основаніи закона и вѣстѣ съ тѣмъ сверхзаконно (*αὐτὸ δὲ τὸ πεπραγμένον καὶ νόμῳ εἴ τις βούλοιο τελειοῦται καὶ ὑπέρνομον περαίνεται*), и съ обѣихъ сторонъ (закона и сверхзаконнаго) подвергшіяся суду Пречистой Богородицы получаетъ не нарушимый приговоръ.

Не во всѣхъ искахъ опредѣлено одной изъ сторонъ только обвинять, другой защищаться, но бывають такіе случаи, когда тѣмъ же самымъ лицамъ предоставлено противоположное, и тѣ же самыя лица являются обвинителями (истцами) и обвиненными (отвѣтчиками), какъ, напримѣръ, при такъ-называемыхъ двойныхъ искахъ, каковы

¹⁾ fol. 44. Εἰ δὲ μὴ εἰς νόμον τις ἀναγαγεῖν ἔχοι πάντῃ ἐνταῦθα τὸ πεπραγμένον, καὶ τὸν οὐδέν, ἐπεὶ καὶ τὸν ἐξ λέγε κοδικτικίον οὐκ ἂν τις εἰς ὀρισμένην ἐξῆρξαιεν ἀγωγὴν, ἀρμόζει γὰρ οὗτος, ἥντινα ὁ νόμος καιρὴν μὲν ἐνοχὴν εἰσάγει καὶ ἀπαίτησιν. Это взято изъ Василія. Basil. I. XXIV, tit. 8, § 6 (ed. *Heimbach*, III, p. 43): *ὁσίκις νέος νόμος ἐνοχὴν εἰσάγων μὴ εἴπη τὴν ἀγωγὴν, ὁ ἐκ νόμου ἀρμόζει, quoties nova lex obligationem introducens actionem non nominavit, condictio ex lege competit.* Въ данномъ мѣстѣ *condictio ex lege* переведено на греческій языкъ словами *ὁ ἐκ νόμου*, но въ другихъ мѣстахъ Василія и въ схолияхъ къ нимъ пишется, какъ у Пселла, *ἐξ λέγε κοδικτικίος*. *Condictio ex lege*—терминъ римскаго права, означающій личный искъ. „Выраженіе *condictio* (имѣвшее первоначально иной смыслъ) сохранилось для известнаго рода обязательственныхъ исковъ, удержавшихъ за собою нѣкоторыя особенныя черты. Вотъ почему *condictiones*, въ этомъ болѣе тѣсномъ смыслѣ,—только особый видъ личныхъ исковъ. Особенность ихъ состоитъ въ томъ, что чрезъ нихъ объявлялось притязаніе на вещи, перешедшія въ имущество другаго или по крайней мѣрѣ принимаемыя за перешедшія въ его имущество (*Миреполль. Учебникъ римскаго-гражданскаго права*, стр. 115). „Le mot *condictio* vient de *condicere* (*sommer ou dénoncer*). Le demandeur devant le tribunal du préteur sommais l'autre partie de se représenter trente jours après devant le même magistrat pour recevoir un juge. Ce terme fut ensuite employé pour désigner toute action *in personam stricti juris* et spécialement celle par laquelle on demandait que le défendeur fut condamné à donner. Enfin dans le droit de Justinien il désigne toute action personnelle que couque“ (*Natur. Cours d' Institutes*, v. II, p. 304).

Смыслъ этого мѣста, если не ошибаюсь слѣдующій: Законъ не предвидѣлъ, чтобы можно было обратиться вѣсто третейскаго судья къ чудотворной иконѣ, но на этою основаніи нельзя считать незаконнымъ соглашеніе, состоявшееся между стратигомъ и монахами. Не всѣ обстоятельства предумотрѣны закономъ. Напримѣръ, сказано, что если вслѣдствіе какого-нибудь новаго закона возникнуть новыя обязательственныя отношенія и тяжба, которая не можетъ быть сведена къ установленнымъ закономъ искамъ, то такого рода дѣло должно быть отнесено къ личнымъ искамъ къ *condictio ex lege*.

иски, вчиняемые между сонаслѣдниками или по завѣщанію или безъ завѣщанія, которые суть и называются *in rem* и *personallium*, то-есть, вещными и личными исками, а также иски на размежеваніе и другіе, которые не зачѣмъ перечислять всѣ. Если въ такихъ случаяхъ стороны условливаются въ томъ, кто первый будетъ говорить на судѣ (то-есть, кто будетъ истцомъ)—ибо обѣ стороны не могутъ явиться обвинителями (истцами)—и обыкновенно рѣшаютъ это по жребію, развѣ тотъ, кто вынетъ жребій говорить первому, не первый обвиняетъ (не является истцомъ), хотя это не опредѣлено закономъ ¹⁾.

¹⁾ fol. 44. Ἐπει δὲ οὐκ ἐπὶ πασῶν τῶν ἀγωγῶν, τῷ μὲν τῶν ἀντιθέτων τὸ κατηγορεῖν μόνον, τῷ δὲ τὸ ἀπολογεῖσθαι: διήρηται, ἀλλ' ἔστιν οὖ τοῖς αὐτοῖς ταναντία ἔστι καὶ οἱ αὐτοὶ διώκοντές τε εἰσὶ καὶ φεύγοντες, ὡσπερ ἐπὶ τῶν λεγομένων διπλῶν δικαστηρίων, ὁποῖόν ἐστι τὸ μεταξὺ τῶν συγκληρονόμων κινούμενον εἴτε ἀπὸ διαθήκης εἴτε ἐξ ἀπὸ ἀδιαθέτου ὃ δὴ καὶ ἰν ῥεμ καὶ πέρσονάλιον ἐστὶ καὶ ὀνομάζεται τοῦτ' ἐστὶ πραγματικὸν καὶ προσωπικόν, καὶ τὸ περὶ ὄρων ἰθυντέων καὶ ὅποσα ἕτερα—τί γάρ δεῖ σύμπαντα^α καταλέγειν. εἰ ἐπὶ τῇ πρωτολογίᾳ τῆς ἀγωγῆς ζύνθοντο ἀλλήλοις οἱ ἀντικείμενοι, τίς ἄρα πρότερος εἰσελθοῖ τὸ δικαστήριον — οὐ γάρ δύνανται ἀμφότεροι ἐπίσης κατηγορεῖν—καὶ τοῦτο δὴ τὸ κοινὸν λάχοιεν, ἄρ' οὐκ ἂν εἴτις ἀπὸ τοῦ λαχοῦ τὸ πρῶτον εἰπεῖν πορίσαιο, οὐκ αὐτὸς πρῶτος κατηγορήσειε, καίτοι γε οὐκ ἀπὸ νόμου τοῦτο διώριστα.

Здѣсь рѣчь идетъ о такъ-называемыхъ смѣшанныхъ искахъ (*mixtae actiones*) или двойныхъ искахъ (*duplex iudicium*), въ которыхъ каждый изъ тяжущихся являлся въ то же время истцомъ и отвѣтчикомъ. *Basilico*, l. LII, tit. I, § 36 (ed. *Heimbach*, V, 103): *Mixtae actiones sunt, in quibus unusquisque actor est et reus*. Искъ о дѣлѣжѣ между сонаслѣдниками доставшагося имъ общаго наслѣдія) *et communi dividendo* (искъ о всякомъ дѣлѣжѣ вообще), *per omnium conditio est. Actor autem esse videtur, qui ad iudicium provocat*.

О сонаслѣдникахъ говорится въ *Василикахъ*: ἐκάτερος κληρονόμος καὶ ἐνάγων καὶ ἐναγόμενος ἐστὶν, каждый сонаслѣдникъ—истецъ и отвѣтчикъ (l. XLII, tit. III, § 2, ed. *Heimbach*, IV, 253). Искъ о дѣлѣжѣ наслѣдства считался вещнымъ и личнымъ. *Basil. l. XLII, tit. III, § 22* (ed. *Heimbach*, IV, 263): τὸ διαροῦν τῇ φαρμίᾳ τὸν κληρὸν δικαστήριον ἀπὸ δύο συνίσταται, τοῦτέστι πραγμάτων καὶ δαπανημάτων ἡγουν προσωπικῶν ἀγωγῶν. *Схολія* къ этому мѣсту: τοῦτο τὸ δικαστήριον ἐκ δύο συνίστηκεν, ἀπὸ τε τῶν πραγμάτων τῶν διαρουμένων καὶ ἀπὸ τῶν λεγομένων πραεστατιόνων... διὰ τοῦτο γάρ καὶ ἰν ῥεμ καὶ πέρσονάλια καλεῖται τὸ φαρμίᾳ ἐρκισκούνδας, ἐπειδὴ καὶ πραγμάτων διανέμησιν καὶ τὴν κατὰ τῶν προσώπων μέψιν δι' αὐτοῦ ποιούμεθα.

Итакъ, было бы нелѣпо, еслибы случайное обстоятельство имѣло силу при рѣшеніи вопроса, кому быть истцомъ, и соглашеніе сторовъ считалось какъ бы закономъ, а въ настоящемъ дѣлѣ, когда выбрано было божественное знаменіе и составлено похвальное соглашеніе, это соглашеніе имѣло бы другое значеніе, чѣмъ послѣдствіе случая (то-есть, еслибъ это соглашеніе не было признано наравнѣ съ соглашеніемъ рѣшить дѣло по жребію) ¹⁾. Итакъ, самое важное то, что соглашеніе тяжущихся рѣшить дѣло по виду священной одежды Божіей Матери (ἐπί τῆ σὺήματι τοῦ ἱεροῦ πέπλου τῆς Θεομήτορος) не представляетъ ничего нелѣпаго, и что совершившееся чудо не можетъ имѣть меньшей силы, чѣмъ судебный приговоръ.

Осужденные не имѣютъ никакого основанія возражать на приговоръ, потому что при составленіи соглашенія стратигу была удѣлена не одинаковая съ ними часть будущаго знаменія; ибо ему отвели необычное или болѣе рѣдкое явленіе, а себѣ взяли, такъ-сказать, отсутствіе знаменія (ἀσμβολον), ибо колебаніе завѣсы составляетъ чудо, а неподвижность ея представляетъ естественное состояніе. Такимъ образомъ монахи осуждены собственнымъ своимъ соглашеніемъ и приговоромъ Богородицы.

Другое чудо подтвердило правоту стратига. Онъ вышелъ побѣдителемъ изъ состязанія, и императорскій чиновникъ, протопроедръ Константинъ, передалъ ему письменный документъ (τὰ ἔγγραφα δικάσια), данный ему властію Богородицы и властію императора (παρά τε τῆς παρθενικῆς δυνάμεως καὶ τῆς τοῦ κρατοῦντος ἰσχύος), по которому онъ былъ признанъ правымъ и, слѣдовательно, имѣющимъ право вла-

---

Пселлъ считалъ, по видимому, что когда въ такъ-называемыхъ двойныхъ искахъ (то-есть, во всѣхъ искахъ о дѣлѣжъ, *divisorium iudicium*) тяжущіеся рѣшали по жребію, кому быть истцомъ и кому отвѣтчикомъ, это было только обычаемъ, признававшимся судебною практикою, но не узаконеннымъ; между тѣмъ въ одной статьѣ Василіа прямо сказано, что въ искахъ о дѣлѣжъ на свидѣтва истцомъ считается тотъ сонаслѣдникъ, который призываетъ другаго въ судъ (вчяняетъ искъ); если же окажется, что два сонаслѣдника вчяняютъ искъ, то дѣло о томъ, кому быть истцомъ, кому отвѣтчикомъ, рѣшается по жребію. Basil. I. VII, tit. V, § 13: ἐν τῷ περὶ ὀρθοθεσιῶν καὶ τῷ διαιροῦντι τὰ κοινὰ καὶ τῷ διαιροῦντι τῇ φαρμίᾳ τὴν κληρονομίαν δικαστηρίῳ ἴση μὲν ἐστὶ πάντων ἢ αἴρεσις· ἐνάγων δὲ δοκεῖ εἶναι ὁ προκαλούμενος εἰς τὸ δικαστήριον (qui ad iudicium provocat). § 14. Εἰ δὲ οἱ δύο προκαλέσονται, κλήρῳ τὸ πρᾶγμα διακρίνεται.

¹⁾ fol. 44. οὐκοῦν ἄτοπον, εἰ τυχαῖον μὲν τι πρᾶγμα εἰς πρωτολογίαν ἰσχύσεια καὶ ὡσπερ πρὸ νόμου λογισθεῖι το διομολογηθὲν ἀμφοτέροις τοῖς μέρεσιν, ἐπὶ δὲ τοῦ παρόντος ζητήματος θεῖον εἰληφότος τὸ σύνθημα καὶ τὴν ὁμολογίαν ἐπαινετήν, ἄλλο τί ἔξει τὸ συμφωνηθὲν παρὰ τὴν ἀπὸ τῆς τύχης ἔκβασιιν.

дѣтъ мельницѣй. Стратигъ не ушелъ, не изъявивъ признательности Богородицѣ, отъ которой получили приговоръ (οὐ μὲν ἀπῆλθεν ἀγνωμονῶν τῇ παρθένῳ, παρ' ἧ τὴν δικαίωσιν εἴληφεν), но, держа въ рукахъ полученный документъ, обращается съ благодарностью къ Божіей Матери (ἀλλ' αὐτὰ δὴ τὰ δεδομένα ἐν χερσὶ φέρων τῇ Θεομήτορι πρόσσιαι) и, подойдя къ иконѣ, бросается передъ нею на колѣни, принося ей всяческое благодареніе (καὶ ἀρχοῦ τῆς εἰκόνης γενόμενος καταρρίπτει εἰς ἔδαφος ἑαυτὸν ποιῶς οὐκ ἀνθορολογούμενος χάριτος). Она же, чудеснымъ образомъ разобравшая дѣло, вновь еще болѣе чудеснымъ образомъ скрѣпляетъ печатью (подтверждаетъ) приговоръ (ἡ δὲ θαυμασιῶς τῷ πράγματι διατήσασα θαυμασιώτερον αὐθις τὴν ψῆφον ἐπισφραγίζεται), а печатью служитъ слѣдующее: вновь поднимается покровъ иконы и колеблется священная одежда (ἡ δὲ σφραγίς· αἶρεται· καὶ πάλιν τῆς εἰκόνης τὸ περιβόλαιον καὶ τὸ ἱερόν ἀνακουφίζεται καταπέτασμα). Такимъ образомъ два одинаковыя чуда бесспорно доказываютъ правоту стратига.

Слово на свершившееся во Влахернахъ чудо кончается слѣдующими словами: Этотъ документъ подписанъ лицами духовными и свѣтскими и скрѣпленъ печатами (ταῦτα γραφέντα πνευματικῶς ὁμοῦ καὶ πολιτικῶς ὑπογράφεται καὶ ἐσφράγισται) и врученъ стратигу, выигравшему тяжбу по рѣшенію Божіей Матери (καὶ τῷ Θεομητρόθεν τῆς δίκης κρατήσαντι στρατηγῷ ἐπίδεδόται) въ мѣсяцѣ июлѣ 13-го индикта, когда свершилось и было провозглашено чудо (εἰς μῆνα ἰουλίου τρισκαίδεκάτης ἰνδικτιῶνος ὀπηνίκα καὶ τὸ συμβῆν θαῦμα τετέλεσται καὶ κητήροικται), въ царствованіе господина Михаила Дуки (τοῦ βασιλεύοντος τηλικαῦτα κῆρ Μιχαὴλ τοῦ Δούκα), приказавшаго мнѣ монаху Михаилу ипертиму написать документъ (ἐμοὶ τῷ μοναχῷ Μιχαὴλ τῷ ὑπερτίμῳ τὴν γραφὴν ἐπιτρέψαντος), имѣющій значеніе судебного протокола и панигирика, въ 6583 году (ὑπομνήματος ὁμοῦ νομικοῦ καὶ πανηγυρικοῦ εἶδους λόγον ἔχουσαν, ἔτους ἡδὴ διαρρέοντος ςφπγ).

Изъ послѣднихъ строкъ слова видно, что оно имѣло значеніе официального документа, протокола суда (ὑπόμνημα), выдававшася по желанію судившимся и подписаннаго духовными и свѣтскими властями. Подписи, несомнѣнно существовавшія на подлинномъ документѣ, не сохранились въ ватиканской копіи.

Разказанный мною процессъ тѣмъ болѣе интересенъ, что ничего подобнаго не было намъ извѣстно изъ другихъ напечатанныхъ источниковъ. Съ нашей точки зрѣнія, соглашеніе стратига и монастыря рѣшить споръ о мельницѣ по тому, совершится ли чудо или нѣтъ, представляется частнымъ соглашеніемъ, которое никоимъ образомъ

не могло бы быть принято во внимание судомъ. На основаніи чуда, стратигъ или монастырь могли бы, конечно, отказаться отъ правъ на мельницу, но судебная власть едва ли сочла бы возможнымъ входить въ разбирательство, въ чью пользу клонилось чудо, явленное Влазернской Божіей Матерью. Въ Византіи разсудили иначе. Ни та, ни другая сторона не могла доказать своихъ правъ на мельницу. Поэтому судьей Фракійской епархіи и былъ постановленъ приговоръ владѣть имъ мельницей сообща. Но такъ какъ такое общее владѣніе вело, вѣроятно, къ разнымъ недоразумѣніямъ, стратигъ и монастырь рѣшили прибѣгнуть къ суду Божію. Тутъ опять возникъ споръ, и за разрѣшеніемъ его обратились къ высшему судѣ, императору. Императоръ Михаилъ Дука рѣшилъ дѣло въ пользу стратига и приказалъ Пселлу составить документъ, который служилъ бы оправданіемъ такому рѣшенію. Пселлу, какъ искусному ритору и діалектику, удалось поставить все дѣло на юридическую почву. Прежде всего желательно было рѣшить эту тяжбу окончательно и устранить всякій поводъ къ новому ея пересмотру. Поэтому Пселла доказываетъ, что стороны прибѣгли къ третейскому суду, признававшемуся законами и къ тому же безапелляціонному, а третейскій судья постановилъ приговоръ въ пользу стратига. Правда, законъ не предвидѣлъ того случая, чтобы въ третейскіе судьи была избрана чудотворная икона; но законъ вообще не можетъ предвидѣть всѣхъ частныхъ случаевъ. Если можно обращаться къ человѣку, тѣмъ болѣе можно обращаться къ величепріятному суду Богородицы. Монахи не могутъ апеллировать на приговоръ, потому что согласились — и письменно это подтвердили, — выбрать въ судьи Божію Матерь. Законъ признаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшеніе дѣла по жребію; тѣмъ болѣе надо признать рѣшеніе спора судомъ Божіимъ.

Въ разбираемомъ документѣ помимо указанной стороны есть еще любопытный матеріалъ для характеристики византійскихъ понятій. Желая передать общій ходъ дѣла о мельницѣ, я выпустилъ нѣсколько мѣстъ, гдѣ Пселла уклоняется въ сторону и дѣлаетъ вставки, которыя легко могли бы быть выпущены безъ ущерба для документа. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Богородица имѣетъ даръ предвидѣнія и можетъ предсказывать будущее и сравниваетъ ее съ древними прорицательницами, стараясь доказать, на сколько она выше Пифіи и другихъ. „Еллинскіе оракулы“, говоритъ онъ, — какъ напримѣръ, Додонскій, Пифіа и другіе, даютъ отвѣты загадочные, темные и двусмысленные, какъ напримѣръ, двусмысленный отвѣтъ о дере-

ванной стѣнѣ (τὸ ξύλιον τεῖχος ἀμφήριστον) или предсказаніе, что Крезъ покоритъ большое царство, перейдя черезъ рѣку Алисъ; а оракулъ Богородицы, если такъ можно выразиться (τὸ δὲ τῆς Παρθένου ἐν οὐτῶς εἶπω χρηστήριον), даетъ отвѣты прямые, а не загадочныя, которые можно истолковать въ ту и другую сторону. Такъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ былъ ясный отвѣтъ, завѣса могла только подняться или нѣтъ, не могло быть ничего средняго. Даръ предвидѣнія древнихъ прорицательницъ основывался на ихъ безуміи (μανία), а пророческій даръ Богородицы—на Ея здравомысліи (σωφροσύνη), ибо Богородица превышаетъ всякаго здравомыслія и цѣломудрія. Еллины могли предсказывать будущее по движенію жертвенныхъ животныхъ, потому что это дѣлалось не безъ участія божества; понятно, что Богородица можетъ предсказывать намъ совершенную истину (πῶς οὐχὶ τὴν πᾶσαν ἡμῖν ἀλήθειαν ἢ Θεοτόκος προαγορεύσει). Богородица предрекаетъ будущее (προαναφανεῖ τὰ ἐσομένα), потому что находится въ тѣсномъ единеніи съ Богомъ и отъ Бога получаетъ пророческій даръ.

Вѣра въ чудеса и въ то, что Богъ разными чудесными явленіями даетъ знать о будущемъ (θεοσημεία) и предостерегаетъ человѣчество, была сильно распространена въ Византіи. Пселлъ разказываетъ въ „словѣ на свершившееся во Влахернахъ чудо“, что часто появляются на землѣ слѣды невидимыхъ ногъ и рукъ (ἴχνη πολλὰκις ἀφανῶν ποδῶν ἢ χειρῶν καὶ ἔδαφος ἐνήρμωστα), слышатся голоса иногда въ воздухѣ, иногда исходятъ они изъ колодезѣй и другихъ источниковъ (ἦχοι τινές ἐξακαούονται, αἱ μὲν ἐξ ἀέρος, αἱ δὲ ἐκ φρεάτων, αἱ ἐξ ἀτέρων πηγῶν). Истинную причину подобныхъ божественныхъ знаменій можетъ знать только Богъ, мы же, говоритъ Пселлъ,—можемъ сообщить только то, что почерпнули изъ тайной философіи (ἃ δ' οὖν ἡμεῖς ἐκ τῆς ἀπορητοτέρας φιλοσοφίας ἐσχήκαμεν). Прежде всего надо знать, что все существующее дѣлится на сущее, божественное и сверхчувственное, и на низшее (матеріальный міръ) (τῶν ὄντων τὰ μὲν ὄντα εἰσὶ καὶ θεῖα καὶ ὑπερφυσῆ, τὰ δ' ἐλάττω τούτων). Матеріальныя тѣла получаютъ нѣкоторое отраженіе (ἐμφάσεις) лучшаго міра (τῶν κρείττωνων), ибо низшій міръ сопричастенъ высшему (μέτοχα γὰρ τὰ ἐλάττω τῶν κρείττωνων). Низшій міръ принимаетъ отраженіе высшаго не таковымъ, какъ онъ есть, а какъ можетъ принять; божественное неподвижно (τὸ μὲν οὖν θεῖον ἀκίνητον)— какъ и вообще оно неизмѣнно и безпристрастно; когда же въ матеріальномъ тѣлѣ является его отраженіе (все матеріальное измѣнчиво и подвержено страстямъ), тѣло приходитъ въ движеніе, ибо оно не можетъ принять отраженія безстрастно (ἀπα-

θῶς). Творящее безформенно (τὸ μὲν ποιοῦν ἄμορφον), а воспринимающее принимает какой-нибудь видъ и измѣняется. Цвѣта служатъ предзнаменованіемъ будущаго: бѣлый цвѣтъ указываетъ на свѣтлое будущее, черный—на печаль, сѣрый цвѣтъ, средній между чернымъ и бѣлымъ, предвѣщаетъ событія среднія, не худыя и не хорошія. Слѣды рукъ предсказываютъ лучшее будущее, слѣды ногъ—важныя измѣненія въ будущемъ; точно также въ воздухѣ и въ водѣ можетъ являться божество, и не удивительно, что слышатся голоса изъ колодезь. По понятію Пселла, во время молитвы Божество могло отражаться матеріальнымъ образомъ въ иконѣ, и нарисованный ликъ могъ принимать разные цвѣта и выраженія. Прилагая къ христіанской религіи Платоновское ученіе объ отображеніи вѣчнаго неизмѣннаго сущаго—идеи въ матеріальномъ мірѣ, ученые византіицы старались объяснить общепринятую вѣру въ то, что иконы могутъ видоизмѣняться, становясь какъ бы живыми существами, и что по этимъ видоизмѣненіямъ можно судить о будущемъ.

Тотъ же Пселлъ разказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что императрица Зоя особенно любила икону Христа Поручника, помѣщавшуюся надъ воротами въ Халкѣ. Когда съ нею случалось что-нибудь грустное, она падала ницъ предъ этою иконою, орошала землю слезами, разговаривала съ нею какъ бы съ живымъ существомъ, называла ее самыми ласковыми именами; и по цвѣтамъ, какіе принималъ ликъ Спасителя во время ея молитвы, она предугадывала будущее. Когда Божественный ликъ блѣднѣлъ, она уходила опечаленная, зная что съ нею случится что-нибудь дурное; когда же онъ свѣтился яркимъ блескомъ, она радовалась, потому что видѣла въ этомъ предзнаменованіе радостнаго событія ¹⁾.

Нѣчто подобное или, если угодно, еще болѣе удивительное разказываетъ Пселлъ въ не изданной похвальной рѣчи монаху Николаю. У послѣдняго была любимая икона Богородицы; однажды онъ обратился къ ней, какъ нерѣдко дѣлалъ это со словами архангела. „Радуйся“ (χαῖρε), сказалъ онъ ей,—и вдругъ видитъ, что икона облекается во плоть (ὁρᾷ τὴν θεῖαν εἰκόνα μεταβαλοῦσαν ἀδρώς εἰς φύσιν σαρκός), обращаетъ взоръ на него и съ милостивымъ взглядомъ говоритъ ему едва шевеля губами: „Радуйся (χαῖρε) и ты, отецъ“. Онъ отвѣчаетъ, нисколько не смутившись: „Я радуюсь, потому что вижу тебѣ причину (подательницу) радости“.

II. Безобразовъ.

¹⁾ *Sathas. Bibliotheca graeca, IV, 133.*

СВЯЗЪ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ СЪ ЗАКОНАМИ ЭНЕРГІИ.

Едва ли найдется въ настоящее время наува, которой предъявляли бы столько практическихъ, жизненныхъ вопросовъ, отъ которой требовали бы рѣшенія столькожъ серьезныхъ, важныхъ, общечеловѣческихъ задачъ, какъ политическая экономія. Правительства руководствуются болѣе или менѣе выводами политико-экономовъ въ своей финансовой и фискальной практикѣ. Къ политико-экономамъ различныхъ школъ обращается интеллигенція, молодежь, вступающая въ жизнь. Они часто требуютъ отъ нея отвѣта на запросы чисто нравственные. Большинство изъ насъ, вспомнивъ свои молодые годы, вспомнить также, какъ при выборѣ рода дѣятельности онъ задавалъ себѣ вопросы, будетъ ли эта дѣятельность выгодна для него? Есть ли въ данное время спросъ на избранную работу, могущій достаточно оплачивать ее? Многіе изъ насъ вспомнятъ, какъ, кромѣ заботы о личныхъ денежныхъ средствахъ, являлись заботы другого рода: являлось стремленіе принести пользу обществу, выбрать наиболѣе подходящее для этого занятіе. Многіе мечтали всецѣло посвятить себя служенію наиболѣе нуждающейся части общества, жертвуя для этой цѣли личными видами, а иногда и средствами. И какъ часто эти прекрасные порывы любви къ ближнему и состраданія къ неимущему искали путь къ помощи въ политико-экономическихъ трактатахъ. Какъ часто умы наши и нашихъ товарищей терялись въ путаницѣ взаимно противорѣчащихъ экономическихъ теорій, какъ часто драгоценныя силы получали неожиданное, неправильное примѣненіе. Какъ часто къ труженикамъ промышлен-

ности, къ работодателямъ, къ предпринимателямъ, и проч., прилага-лись эпитеты, высказанные самымъ презрительнымъ, а порой и озлоб-леннымъ тономъ: „капиталисты“, „эксплуататоры“, и т. п.

И какъ несовершенно до сихъ поръ отвѣчала политическая эконо-мія всѣмъ этимъ требованіямъ и запросамъ! Какъ неполны и ма-лообщи оказывались до сихъ поръ ея теоріи. Принципы фритредер-овъ и протекціонистовъ, теоріи денежнаго обращенія и кредита, вопросы экономического прогресса, уравнительности распределенія и проч., всѣ эти задачи до сихъ поръ находили отвѣты, или со-вершенно опровергавшіеся практикой, или требовавшіе такую массу отступленій и поправокъ, что становились похожими на пресловутую французскую грамматику, въ которой „les exceptions font la règle“ (исключенія дѣлаютъ правило). Экономическія теоріи строились на чисто субъективныхъ основаніяхъ, и потому постоянно противорѣ-чили одна другой, и труды ученыхъ, вмѣсто новыхъ вкладовъ въ науку, наполнялись утомительною и безплодною полемикой. Ученые наконецъ отвернулись отъ теоріи и перешли къ исторической и те-кущей статистикѣ. Но статистика можетъ дать результаты только тогда, когда цифры собираютъ съ теоретически опредѣленною цѣлью, а въ этомъ-то и грѣшила наука. До сихъ поръ уживаются въ по-литической экономіи рядомъ теоріи Адама Смита, который всѣ свои логическіе выводы основываетъ на „врожденномъ въ человѣкѣ стремле-ніи къ наживѣ и къ мѣнѣ“, и теоріи социалистовъ, которые видятъ идеалъ экономической жизни въ имущественномъ равенствѣ и пол-номъ отсутствіи эгоистическихъ стремленій отдѣльныхъ лицъ. До сихъ поръ уживаются рядомъ масса видоизмѣненій и оттѣнковъ теорій, изъ которыхъ одни основаны на чисто эгоистическихъ, другія— на чисто альтруистическихъ свойствахъ человѣческой природы. До сихъ поръ всякій, изучающій политическую экономію, терзается въ массѣ равнообразныхъ опредѣленій однихъ и тѣхъ же словъ и по-нятій, какъ, напримѣръ, словъ: „дѣнность“, „капиталъ“,—въ огром-ной полемикѣ, вызванной этимъ разнообразіемъ.

Между тѣмъ, для уясненія законовъ, управляющихъ экономиче-скою жизнью человѣчества, слѣдуетъ прежде всего отвѣститься отъ субъективной точки зрѣнія, отъ личныхъ симпатій и разчетовъ. Для этого стоитъ только взглянуть на человѣчество и на его работу съ точки зрѣнія общихъ законовъ природы. Для этого стоитъ только вспомнить условія работы человѣчества на земномъ шарѣ, вспомнить тѣ препятствія и тѣ ресурсы, которые случайно бросила природа

на пути людей. Тогда выяснятся и законы, управляющіе производительною работою человѣка, его шансы на дальнѣйшіе успѣхи. Выяснится вліяніе распредѣленія богатства на успѣхи людей, и на оборотъ, выяснится вліяніе успѣховъ человѣчества на поприщѣ богатства на равномѣрность распредѣленія. Наконецъ, что важнѣе всего этимъ способомъ можно получить строгое и точное мѣрило для того, чтобы судить о правильности данныхъ теорій и опредѣленій; явится возможность избѣгать ненужной и утомительной полемики.

Для того, чтобы взглянуть на экономическую жизнь человѣчества съ точки зрѣнія общихъ законовъ природы, придется припомнить нѣсколько общеизвѣстныхъ законовъ механики и біологіи. Законы эти на столько популяризованы, что ихъ нужно только перечислить, не вдаваясь въ излишнія разъясненія и доказательства.

I.

Источникъ энергіи на земномъ шарѣ.

Механика учитъ, что сумма энергіи во всей вселенной есть величина неизмѣнная. Всѣ, видимыя нами, явленія представляютъ собою только различныя формы проявленія энергіи. При этомъ энергія можетъ представляться намъ въ двоякомъ видѣ: во первыхъ, въ видѣ явномъ, дѣятельномъ, и во вторыхъ, въ видѣ скрытомъ, потенциальномъ. Быстро несущійся поѣздъ желѣзной дороги представляетъ намъ примѣръ явнаго, дѣятельнаго проявленія силы. Источникъ силы, увлекающій поѣздъ, заключенъ въ каменномъ углѣ, которымъ отапливается паровозъ. Тотъ же каменный уголь, когда онъ еще находится въ складѣ, представляетъ намъ примѣръ энергіи въ видѣ скрытомъ, потенциальномъ. Сила въ немъ скрыта, хранится и ждетъ только благоприятныхъ условій, чтобы выказать себя. Этотъ уголь изъ склада, можетъ быть, когда-нибудь попадетъ подъ котель паровоза, скрытая въ немъ сила выйдетъ наружу, увлечетъ поѣздъ. Но пока уголь въ складѣ, сила въ немъ скрыта, хранится про запасъ, находится въ состояніи потенциальномъ. Энергія лучей солнца, посредствомъ извѣстнаго прибора Мушо и Эриксона, способна доставить непосредственно механическую работу и такимъ образомъ принять видъ дѣятельный, явный. Она же взростила миллионы лѣтъ тому назадъ деревья, которыя превратились въ каменный уголь, и каменно-угольныя залежи изображаютъ собою энергію солнечныхъ

лучей въ скрытомъ потенціальномъ видѣ, родъ солнечныхъ консервовъ, которые мы теперь усиленно раскупориваемъ и употребляемъ.

Энергія въ природѣ постоянно переходитъ изъ одного состоянія въ другое, изъ потенціальнаго въ дѣятельное, и на оборотъ. Жизнь во вселенной есть не что иное, какъ рядъ круговыхъ процессовъ, состоящихъ изъ постоянного освобожденія и возобновленія энергіи. Такъ какъ запасъ послѣдней остается постояннымъ, то можно было бы ожидать, что и жизнь вселенной продолжится вѣчно. Однако это не такъ и вотъ почему.

Всѣ виды энергіи—теплоту, свѣтъ, электричество, механическое движеніе, химическое сродство, частичныя силы, и даже есть вѣроятность, что къ тому же приведутъ и силу тяготѣнія, — всѣ виды энергіи можно считать лишь за различные виды движенія, способные превращаться другъ въ друга. Но замѣчено, что это превращеніе различныхъ видовъ энергіи другъ въ друга не совершается одинаково легко или, вѣрнѣе, одинаково полно. Такъ, механическое движеніе легко и сполна можетъ перейти въ теплоту, — обратный же переходъ гораздо затруднительнѣе. Онъ совершается при нѣкоторыхъ, особенно благоприятныхъ условіяхъ, и притомъ никогда не совершается сполна. Часть теплоты непремѣнно остается въ прежнемъ состояніи, разсѣваясь въ пространствѣ посредствомъ лучеиспусканія. Извѣстно, что тепловая машина превращаетъ въ движеніе отъ $\frac{1}{7}$ до $\frac{1}{8}$ доли энергіи топлива. То же самое можно замѣтить и относительно электричества, химическаго сродства и т. д.

Вслѣдствіе того, энергія всего мірового пространства постепенно принимаетъ самый низшій относительно превратимости видъ, именно—теплоты. Разсѣяніе энергіи будетъ полное тогда, когда установится повсемѣстная равномерная температура. Теплота окажется тогда неспособною превращаться въ другіе виды энергіи, — это возможно только при разницѣ температуръ, — и слѣдовательно, всякое движеніе, всякое проявленіе жизни или какого бы то ни было разнообразія въ состояніи вселенной будетъ не возможно (законъ Клаузіуса). Разумѣется, намъ нечего опасаться близкаго наступленія такого порядка вещей. Состояніе это — предѣльное, міръ будетъ къ нему приближаться до безконечности и никогда его не достигнетъ вполне, подобно тому, какъ несократимая дробь въ десятичной формѣ можетъ до безконечности приближаться къ своему предѣлу, и никогда его не достигнетъ.

Нашъ, обитателей земли, эти круговые процессы и разсѣяніе энер-

гін во вселенной интересуютъ главнымъ образомъ на столько, на сколько они относятся къ нашей планетной системѣ. Въ настоящую минуту, разсѣяніе энергія доставляетъ большія выгоды земному шару. Земля пользуется даровымъ притокомъ энергіи въ видѣ лучей солнца. Извѣстно, что энергія лучей солнца представляетъ собою единственный почти источникъ силы на земной поверхности. Во всякомъ случаѣ это единственный источникъ силы, доступный человѣку, такъ какъ другіе источники — сила приливовъ, сила вулканическихъ изверженій — не имѣютъ практическихъ приложений въ работѣ человѣчества.

Энергія лучей солнца возбуждаетъ на землѣ рядъ явленій крайне разнообразныхъ. Не смотря на разнообразіе, всѣ эти явленія имѣютъ одинъ общій характеръ, именно каждое сопровождается или скрптіемъ, или освобожденіемъ энергіи лучей солнца. Первый разрядъ явленій возбуждается непосредственно лучами солнца, переводитъ энергію солнечныхъ лучей въ высшій по превратимости видъ и удерживаетъ ее въ видѣ запаса, въ видѣ потенціального. Затѣмъ въ явленіяхъ втораго разряда эта запасная энергія снова освобождается, переходитъ въ состояніе явное, расходуется на землѣ въ видѣ движенія, тепла, механической работы. Такъ, напримѣръ, солнце нагрѣваетъ воздухъ, заставляетъ его разрѣжаться и подниматься къ верху въ тѣхъ мѣстахъ земного шара, которыя обращены въ данную эпоху времени къ солнцу. Поднявшійся вверхъ нагрѣтый воздухъ заключаетъ въ себѣ запасъ энергіи.

Вслѣдъ за этимъ подъемомъ воздуха въ одномъ мѣстѣ земнаго шара, начинается притокъ болѣе холоднаго и болѣе тяжелаго воздуха изъ другихъ мѣстъ. Являются воздушныя теченія, вѣтры. Эти вѣтры используютъ люди, превращаютъ силу ихъ въ механическую работу передвиженія парусныхъ судовъ, вращенія крыльевъ мельницъ и т. п. Такимъ образомъ, производя перемену температуры воздуха, энергія лучей солнца въ концѣ концовъ произвела движеніе, которое превратилось въ механическую работу. Другой примѣръ: Лучи солнца нагрѣваютъ воду. Водяные пары поднимаются и заключаютъ въ себѣ запасъ энергіи лучей солнца въ потенціальномъ видѣ. Затѣмъ пары эти падаютъ на землю въ видѣ атмосферныхъ осадковъ. Образуются рѣки, теченіе которыхъ сплавляетъ суда, приводитъ въ движеніе мельницы. Опять въ результатѣ является движеніе, механическая работа. Энергія, запасенная водяными парами, перешла въ явный, дѣятельный видъ. Еще примѣръ: Энергія лучей солнца пре-

вращается въ ненасыщенное химическое сродство. Это превращеніе совершается въ листьяхъ растений и состоитъ въ раскисленіи угольной кислоты атмосферы. Кислородъ возвращается въ атмосферу въ свободномъ состояніи, а углеродъ диссоціированной углекислоты остается въ растеніи и образуетъ въ немъ соединеніе, извѣстное подъ именемъ углеводовъ. Опять новый видъ солнечныхъ консервовъ, новый видъ энергіи лучей солнца въ потенціальномъ состояніи. Въ видѣ растеній, запасы энергіи лучей солнца очень устойчивы и могутъ сохранять свою потенціальную форму долгіе годы. Но рано или поздно растенія поѣдаются животными, которыя расходуютъ эти запасы въ видѣ движенія, механической работы. Дрова и каменный уголь попадаютъ подъ котлы нашихъ локомотивовъ. Такимъ образомъ и этотъ видъ запаса энергіи лучей солнца въ результатѣ все-таки освобождается, переходитъ въ дѣятельное состояніе, въ тепло, движеніе, механическую работу.

Итакъ, на землѣ происходитъ такой же рядъ круговыхъ процессовъ освобожденія и восстановленія энергіи, какъ и во всей вселенной, но съ нѣсколько одностороннимъ оттѣнкомъ. Во вселенной количество энергіи есть величина неизмѣнная. Она ниоткуда не прибываетъ и никуда не убываетъ. На землѣ же имѣется притокъ энергіи совершенно даровой—лучи солнца.

И странное дѣло, земля не расходуетъ зря этого дароваго притока энергіи по мѣрѣ полученія. Она не поступаетъ, какъ молодой, богатый юноша, который получаетъ готовые доходы съ крупнаго наслѣдства и заботится только о томъ, чтобы тратить эти доходы по мѣрѣ полученія ихъ. Земля поступаетъ съ лучами солнца, какъ разчетливый хозяинъ, который съ сожалѣніемъ тратитъ свои доходы и старается при первой возможности пускать свои наличныя средства въ оборотъ, съ цѣлью вернуть ихъ снова съ барышемъ. Стоитъ при-смотреться поближе къ явленіямъ освобожденія энергіи на землѣ, и нашимъ изумленнымъ взорамъ представляется стройная, вполне осмысленная картина. Кажется, будто какой-то невидимый хозяинъ разчетливою, мощною рукой распоряжается всѣмъ расходомъ энергіи на землѣ и производитъ его съ такимъ разчетомъ, чтобы увеличить валовой доходъ энергіи земнаго шара. Наличныя запасы энергіи расходуются, по видимому, такъ, чтобы механическою перестановкой неорганическихъ матеріаловъ и организмовъ подготовить поверхность земли, привести ее къ такому виду, чтобы изъ новаго годоваго притока энергіи лучей солнца, удержать на землѣ возможно

большую долю въ потенциальномъ видѣ. Невидимый хозяинъ совершаетъ на землѣ будто бы цѣлый рядъ коммерческихъ операций, состоящихъ въ расходѣ и новомъ полученіи энергіи, результатомъ которыхъ является увеличеніе ежегодной суммы энергіи лучей солнца, задерживаемой на землѣ въ потенциальномъ видѣ, и ежегодное возрастаніе запасовъ превратимой энергіи на земномъ шарѣ.

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, обратимъ вниманіе на превращеніе энергіи лучей солнца въ ненасыщенное химическое сродство. Раскисленіе углекислоты атмосферы и образованіе углеводовъ съ помощью растений далеко еще не достигло своего предѣла на земномъ шарѣ. Вопервыхъ, не вся земная поверхность покрыта растениями. Даже суша, которая составляетъ всего $\frac{1}{5}$ земной поверхности, не вся покрыта растениями. Въ вторыхъ, не всѣ растения одинаково используютъ энергію лучей солнца, падающихъ на данную площадь¹⁾. Наибольшій ежегодный приростъ лѣса заключаетъ въ себѣ около $\frac{1}{700}$ всего количества тепла, посылаемаго на соответствующую площадь земли за шестимѣсячный періодъ растительности. Земляная группа утилизируетъ такимъ образомъ $\frac{1}{180}$ долю всей, получаемой отъ солнца, энергіи. Органическое вещество сѣна райграсса и корневыхъ остатковъ, при самомъ большомъ сборѣ, представляетъ въ видѣ запаса $\frac{1}{135}$ получаемой солнечной энергіи. Наконецъ, самые большіе сборы овса и ржи (зерно, солома и корневые остатки) представляютъ $\frac{1}{60}$ всей полученной энергіи. Эта разница зависитъ отъ различнаго устройства листовой поверхности и стебля растений. Чѣмъ меньше стебель и чѣмъ больше листовая поверхность, тѣмъ лучше растеніе используетъ энергію лучей солнца. Тимирязевъ считаетъ, что предѣломъ физиологической производительности листа можно принять употребленіе $\frac{1}{55}$ доли энергіи солнечныхъ лучей на разкисленіе угольной кислоты.

Такъ какъ до сихъ поръ растенія используютъ отъ $\frac{1}{1000}$ до $\frac{1}{100}$ доли энергіи лучей солнца, то мы можемъ предполагать, что этотъ видъ поглощенія энергіи увеличится интензивно не болѣе, чѣмъ въ 20 разъ. Такъ какъ растенія занимаютъ не полную пятую часть земной поверхности, то мы можемъ предполагать, что этотъ видъ поглощенія энергіи лучей солнца увеличится экстензивно приблизительно не болѣе, чѣмъ въ 5 разъ. Итакъ, поглощеніе энергіи лучей солнца растениями на землѣ не достигло своего предѣла и можетъ возрасти приблизительно не болѣе чѣмъ въ 100 разъ.

¹⁾ Тимирязевъ. Растеніе какъ источникъ силъ.

Не трудно замѣтить, что животныя имѣютъ большое вліяніе на возростаніе. Энергію лучей солнца лучше всего используютъ растенія тонкія, нѣжныя, съ небольшимъ стеблемъ и широкимъ листомъ. Эти растенія требуютъ себѣ лучшей почвы, болѣе рыхлой, болѣе богатой перегноемъ. И мы видимъ, что появленію этихъ болѣе тонкихъ сортовъ растеній предшествуютъ многія поколѣнія болѣе грубыхъ видовъ. Мы видимъ, что лѣса и мхи вѣками удобряютъ почву своими гниющими остатками. Мы видимъ, что масса разнообразнѣйшихъ животныхъ поѣдаетъ растенія и затѣмъ своими изверженіями и трупами удобряетъ почву и подготавливаетъ ее для болѣе тонкихъ сортовъ. Но самый крупный шагъ въ этомъ смыслѣ принадлежитъ безспорно человеку. Земледѣліе служитъ именно къ распространенію наиболѣе выгодныхъ сортовъ растеній. Замѣна лѣсной площади ржанымъ или овсянымъ полемъ на основаніи вышеприведенныхъ цифръ увеличиваетъ поглощеніе энергіи лучей солнца приблизительно въ десять разъ.

Такимъ образомъ, человекъ-хлѣбопашецъ въ рукахъ нашего невидимаго хозяина земнаго шара является наилучшимъ орудіемъ увеличенія ежегоднаго запаса превратимой энергіи на землѣ. Человекъ-хлѣбопашецъ употребляетъ свой наличный запасъ энергіи на то, чтобы обработкой, унавоживаніемъ подготовить почву къ наибольшему урожаю, къ наибольшему валовому сбору энергіи лучей солнца. Съ увеличеніемъ запасовъ пищи, человечество размножается, число хлѣбопашцевъ растетъ, а съ нимъ растетъ и площадь посѣвовъ, растетъ валовой сборъ энергіи. Строго говоря, вся полезная работа человечества прямо или косвенно имѣетъ цѣлью земледѣліе. Работа, затраченная человекомъ на одежду и жилища, имѣетъ цѣлью сохранить здоровье и жизнь полезныхъ работниковъ; затрата энергіи на войска и оружіе имѣетъ цѣлью охраненіе безопасности земледѣльца. Желѣзныя дороги служатъ для распредѣленія продуктовъ земледѣлія и другихъ товаровъ, косвенно къ нему относящихся. Расходъ энергіи на добычу угля, на машины и орудія имѣетъ всегда цѣлью сбереженіе работы человека и доставляетъ ему возможность располагать большею свободой для земледѣлія. Каждый выигрышъ въ этомъ смыслѣ даетъ возростаніе запасовъ пищи. Послѣднее въ свою очередь даетъ возможность численнаго роста человечества и, слѣдовательно, новаго увеличенія ежегоднаго сбора энергіи солнца и т. д. Однимъ словомъ, происходитъ настоящій рядъ коммерческихъ оборотовъ энергіи, изъ которыхъ каждый оканчивается болѣе или ме-

нѣе крупнымъ барышемъ. Результатами же является ежегодное возростаніе запасовъ превратимой энергіи на землѣ.

Чтобы объяснить себѣ эту кажущуюся осмысленность въ распоряженіи расходомъ энергіи на землѣ, присмотримся поближе къ характеру описанныхъ явленій.

II.

Порядокъ возростанія запасовъ превратимой энергіи на землѣ.

Рациональная механика учитъ, что точка, движущаяся подъ вліяніемъ нѣсколькихъ разнообразныхъ силъ, движется по кратчайшему пути, допускаемому вліяющими на нее силами. Это чисто логическое положеніе. Оно называется „началомъ наименьшаго дѣйствія“ (principe de la moindre action) и доказывается логическимъ путемъ. Примѣняя это начало къ данному случаю, мы въ правѣ предположить, что возростаніе запаса превратимой энергіи на землѣ будетъ идти тоже кратчайшимъ, то-есть, быстрѣйшимъ и выгоднѣйшимъ путемъ. Въ этомъ мы сейчасъ и убѣдимся.

Три главные пути возведенія энергіи лучей солнца въ высшій по превратимости видъ на землѣ не мѣшаютъ другъ другу. Нагрѣваніе воздуха, испареніе воды и раскисленіе углекислоты могутъ всегда существовать параллельно. Первые два вида потенціализаціи даже могутъ помогать третьему: дождь даетъ урожай хлѣбопашцу, вѣтеръ мелеть его зерно на муку.

Но раскисленіе углекислоты совершается самыми разнообразными путями. Организмы сталкиваются другъ съ другомъ на одной и той же площади. Между ними возникаетъ борьба за существованіе. Если наше предположеніе правильно, то окажется, что тѣ растенія, которыя лучше другихъ используютъ энергію лучей солнца, будутъ больше распространяться. Будутъ, слѣдовательно, больше распространяться и организмы, питающіеся именно этими растеніями. Быстрѣе же всѣхъ, очевидно, распространятся организмы, не только потребляющіе эти лучшія растенія, но еще способствующіе своею работой къ распространенію ихъ. Если это дѣйствительно такъ, если именно послѣдніе организмы одерживаютъ побѣду въ борьбѣ за существованіе, то мы смѣло можемъ утверждать, что прогрессъ въ мірѣ организмовъ измѣряется ежегоднымъ увеличеніемъ раскисленія углекислоты атмосферы.

Прослѣдимъ же за прогрессомъ въ мѣрѣ организмовъ въ указанномъ смыслѣ.

Каждый организмъ обязательно расходуетъ нѣкоторое количество энергіи. Растеніе, даже самое простое, расходуетъ энергію. Оно расходуетъ ее двояко: 1) на свое собственное строеніе, 2) на нѣкоторую работу, на первоначальное развитіе зерна, на подъемъ воды, и пр.

Точно также и животныя расходуютъ энергію, получаемую ими въ видѣ пищи, двояко: 1) на свое собственное строеніе, 2) на нѣкоторую работу, на распредѣленіе пищи въ тѣлѣ и новое добываніе ея.

Извѣстно, что машина дѣйствуетъ двоякаго рода силой. Одна—сила двигательная, приводитъ машину въ дѣйствіе, какъ каменный уголь подѣ котломъ паровоза. Другая сила была затрачена строителемъ машины на ея постройку—трудъ рабочихъ и инженеровъ на постройку локомотива. Эту вторую силу называютъ въ механикѣ силой связей. Она несомнѣнно затрачена въ каждой машинѣ, остается въ ней въ скрытомъ видѣ и служитъ для направленія силы двигателя. Назовемъ эту силу связей для удобства силою направляющею.

Такъ какъ организмы суть машины, то для того, чтобы судить о достоинствѣ ихъ, обратимся къ механикѣ. Первое, конечно, достоинство машины есть степень цѣлесообразности ея работы. Пароходъ несомнѣнно лучше паруснаго корабля, телеграфъ лучше конной почты, машины, готовящія камвольныя ткани лучше, приборовъ нашихъ мужичковъ-сукновальщиковъ. Второе достоинство машины—это выгодность ея работы. Извѣстно, что полезная работа машины обратно пропорціональна силѣ тренія и потерѣ живой силы ($\frac{mv^2}{2}$), теряющейся при перемѣнѣ направленія и скорости движенія, при остановкѣ и при началіи работы. Для начала работы необходимо употребить нѣкоторую силу на преодоленіе инерціи частей машины. Эта сила уже потеряна для полезной работы. Такую же силу приходится терять для остановки, для ускоренія или замедленія работы, для перемѣны направленія движенія частей машины. Такъ что, когда цѣлесообразность работы требуетъ движенія съ различною быстротой, направлениемъ и усилениемъ, выгодно дѣлать машину болѣе сложною. Фабрики никогда не работаютъ однимъ большимъ паровымъ молотомъ. Онѣ имѣютъ, кромѣ того, цѣлую коллекцію различныхъ инструментовъ и приспособленій,—пилокъ, стругалокъ, долотъ и другихъ. Иные изъ этихъ инструментовъ работаютъ съ силой, можетъ быть, въ тысячу разъ меньшею, чѣмъ большой молотъ, но за то болѣе чѣмъ въ тысячу разъ быстрѣе и дешевле, въ смыслѣ расхода двигателя.

Для того, чтобы работа организма была цѣлесообразна, она должна быть крайне разнообразна, въ виду разнообразія обстановки. Разнообразіе работы будетъ выгодно и до нѣкоторой степени возможно только при разнообразіи специальныхъ органовъ. Работа организмовъ бесконечно разнообразнѣе и цѣлесообразнѣе работы машинъ, созданныхъ человѣкомъ.

Отсюда мы можемъ вывести такое заключеніе: чѣмъ сложнѣе организмъ, чѣмъ большимъ количествомъ специальныхъ органовъ онъ обладаетъ, тѣмъ цѣлесообразнѣе и выгоднѣе будетъ его расходъ энергіи, и тѣмъ больше шансовъ будетъ онъ имѣть въ борьбѣ за существованіе. Всѣмъ намъ болѣе или менѣе извѣстно, какъ Дарвинъ пришелъ къ такому заключенію, и какъ онъ подтвердилъ его цѣлымъ рядомъ наблюденій и фактовъ.

Далѣе. Энергія лучей солнца создаетъ каждый организмъ изъ окружающихъ его неорганическихъ матеріаловъ. Конечно, прежде всего являются организмы простѣйшіе, микроскопическіе и одноформенные или, скорѣе, совсѣмъ безформенные. Организмы эти растутъ до извѣстнаго предѣла. Растенія, начиная съ гриба и кончая величавымъ дубомъ, растутъ до тѣхъ поръ, пока приходъ энергіи у нихъ не превыситъ расходъ ея на подъемъ соковъ изъ земли и распредѣленія ихъ внутри растенія. Ростъ животныхъ тоже имѣетъ предѣлъ. Спенсеръ полагаетъ, что предѣлъ этотъ наступаетъ, когда приходъ энергіи въ видѣ пищи дѣлается равнымъ расходу на ея добываніе + расходу энергіи на распредѣленіе пищи въ тѣлѣ животнаго. Величина необходимаго расхода, по мнѣнію Спенсера, растетъ пропорціонально массѣ организма, между тѣмъ какъ величина расхода, доступнаго данному строенію организма, растетъ только пропорціонально объему. Извѣстно, что масса шара относится къ объему шара, какъ третья степень радіуса ко второй степени. Распространяя этотъ законъ на организмы, Спенсеръ указываетъ на то, что въ каждомъ данномъ случаѣ предѣлъ роста необходимо долженъ быть. Кромѣ того, предѣлъ роста зависитъ отъ типа организма, отъ условій его жизни, требующихъ болѣе или менѣе напряженной работы и др.

Какъ только организмъ приближается къ доступному ему предѣлу роста, онъ начинаетъ размножаться. Организмы низшіе просто падаются на нѣсколько частей. Каждая изъ этихъ частей начинаетъ снова тотъ же процессъ жизни, смыслъ котораго есть приходо-расходъ энергіи, сопровождающійся ростомъ и т. д.

Для человѣческаго ума до сихъ поръ неуловимо стеченіе обстоятельствъ, обуславливающихъ возникновеніе изъ неорганическаго вещества перваго организма. Неуловима и причина, заставляющая организмъ, достигнувъ извѣстнаго предѣла роста, обратить дальнѣйшій расходъ энергіи на размноженіе. Неуловима и та случайность, которая заставляеть одного изъ потомковъ перваго организма получить нѣкоторое усложненіе въ своемъ строеніи. Но стоить такому усложненію явиться, какъ счастливый обладатель его немедленно получаетъ нѣкоторое преимущество передъ своими родичами, которое открываетъ ему большій просторъ для добыванія пищи или притягиванія соковъ изъ земли. Затѣмъ это преимущество закрѣпляется наслѣдственностью въ потомствѣ такого болѣе сложнаго индивидуума.

Болѣе сложное строеніе организма требуетъ, очевидно, и большей затраты энергіи на свое строеніе. Мы сравнивали организмъ съ машиной. Доза энергіи, затраченная на строеніе организма, есть именно та работа, которая затрачена на постройку машины, на силу связей, на силу направляющую. Такъ что можно сказать, что прогрессъ въ мірѣ организмовъ измѣряется постепеннымъ возрастаніемъ суммы энергіи, затраченной на эту силу направляющую, на строеніе организмовъ.

Мы знаемъ, что раскисленіе углекислоты атмосферы происходитъ съ помощью растений, а послѣдствіемъ появленія растений являются животныя. Поэтому увеличеніе суммы органической жизни на землѣ является прямымъ признакомъ увеличенія процесса раскисленія. Быстротой превращенія неорганической матеріи на землѣ въ органическую можно измѣрять также бытrotу раскисленія, бытrotу возрастанія этого способа потенціализаціи энергіи лучей солнца.

Превращеніе неорганической матеріи въ органическую начнется, разумѣется, съ простѣйшихъ организмовъ. Но этимъ простѣйшимъ организмамъ доступна будетъ далеко не вся поверхность земли. Они могутъ жить въ средѣ сравнительно однообразной, которая имѣеть нѣкоторые предѣлы. Слѣдовательно, и численность этого простѣйшаго вида организмовъ будетъ имѣть предѣлъ. Появленіе же организмовъ болѣе сложныхъ раздвинетъ предѣлы среды, въ которыхъ они могутъ существовать. Слѣдовательно, раздвинется и предѣлъ, до котораго можетъ дойти превращеніе неорганической матеріи въ органическую на землѣ. Но, съ другой стороны, замедлится бытrotа этого превращенія, такъ какъ чѣмъ сложнѣе организмъ, тѣмъ болѣе энергіи затрачивается на его строеніе, тѣмъ медленнѣе достигается

онъ, въ большинствѣ случаевъ, доступнаго ему предѣла роста и тѣмъ малочисленнѣе бываетъ, въ большинствѣ случаевъ, его потомство. Спенсеръ, въ своихъ „Основаніяхъ Біологіи“, группируетъ цѣлый рядъ наблюдений и фактовъ, подтверждающихъ этотъ законъ, и весьма остроумно указываетъ на тѣ силы, которыя вліяютъ на измѣненія этого закона, на появленіе кажущихся исключеній изъ него. Впрочемъ, намъ нѣтъ особенной надобности доказывать вѣрность этого закона. Онъ служитъ намъ не доказательствомъ, а объяснительнымъ признакомъ, и мы не можемъ игнорировать его въ виду большей вѣроятности его сравнительно съ другими. Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что превращеніе неорганической матеріи на землѣ въ органическую идетъ прогрессивно, благодаря возникновенію и распространенію болѣе сложныхъ организмовъ. Такъ что по мѣрѣ того, какъ увеличивается процентъ энергіи, употребляемой на строеніе организма, на силу направляющую, тѣмъ болѣе расширяются предѣлы возможности превращенія неорганической матеріи въ органическую на землѣ. И затѣмъ, если вышесказанный законъ вѣренъ, то превращеніе это постепенно замедляется. Очевидно, что въ концѣ концовъ существуетъ предѣлъ этому превращенію, но пока свѣтитъ солнце, мы въ правѣ предполагать, что она будетъ расти ежегодно, и въ концѣ концовъ приметъ видъ сходящагося ряда, но никогда не дойдетъ до своего предѣла, какъ несократимая дробь въ десятичной формѣ никогда не доходитъ до своего.

Теперь мы можемъ утвердительно отвѣтить на вопросъ, который мы задали себѣ въ началѣ главы. Потенціализація энергіи посредствомъ расщепленія углекислоты дѣйствительно ежегодно растетъ, такъ какъ растетъ превращеніе неорганической матеріи въ органическую. Это превращеніе дѣйствительно выбираетъ кратчайшій путь, такъ какъ ежегодное возростаніе организмовъ матеріи возможно только при условіи увеличенія процента энергіи, затрачиваемой на строеніе организма, на силу направляющую, на усложненіе строенія организма, а это усложненіе ведетъ за собою индивидуальныя преимущества организма новаго типа, побѣду его въ борьбѣ за существованіе. Наконецъ, мы видимъ, что высшій типъ организмовъ, человѣкъ, получаетъ несомнѣнно преобладающее значеніе, и что земледѣліе, культура растений, наилучше пользующихъ энергію лучей солнца, съ каждымъ годомъ все болѣе развивается. Кромѣ того, изъ вышесказаннаго мы видимъ, что организація матеріи сопровождается, во-

первыхъ, увеличеніемъ процента затраты энергіи на силу связей, и вторыхъ, вѣроятно, постепеннымъ замедленіемъ всего процесса по мѣрѣ приближенія къ предѣлу.

Изъ этого мы можемъ вывести слѣдующее:

Возростаніе запасовъ превратимой энергіи на землѣ въ видѣ организмовъ идетъ прогрессивно, при чемъ ежегодно увеличивается процентъ энергіи, затрачиваемой на силу направляющую, иными словами—ежегодно растетъ отношеніе суммы энергіи, затраченной въ видѣ силы направляющей, къ суммѣ энергіи, затраченной въ видѣ силы двигательной. Возростаніе это постепенно замедляется и будетъ, вѣроятно, до безконечности приближаться къ своему предѣлу, обусловленному геометрическими размѣрами нашей планеты.

III.

Рѣшеніе задачъ политической экономіи сводится къ анализу установленной людьми системы взаимной помощи въ работѣ.

Мы видѣли, что усовершенствованіе организма имѣетъ цѣлью увеличеніе разнообразія возможныхъ для него движеній, не увеличивая потерю живой силы, которая должна бы сопровождать это увеличеніе разнообразія. Мы видѣли, что эта цѣль достигается созданіемъ специальныхъ органовъ. Человѣкъ употребляетъ еще другой способъ для этой цѣли, именно: онъ пользуется непосредственно неорганическими матеріалами; приведемъ два примѣра:

1) Человѣку нужно сперва передвинуть тяжесть, превышающую его силы, затѣмъ передвинуть легкій предметъ, но съ недоступною для него быстротой. Человѣкъ беретъ рычагъ и, дѣйствуя по очереди на короткое и длинное плечо его, получаетъ работу болѣе разнообразную, чѣмъ допускаетъ человѣческій организмъ, и притомъ безъ увеличенія расхода живой силы.

2) Человѣку нужно нанести сильный ударъ на разстояніи—скажемъ—тридцати шаговъ на небольшую площадь. Человѣкъ не можетъ броситься, прыгнуть на 30 шаговъ. Онъ можетъ удариться съ разбѣга, но скорость его будетъ не особенно велика. Онъ беретъ камень и бросаетъ его. Камень можетъ быть въ сто разъ легче человѣческаго тѣла. Но если быстрота его будетъ только въ 20 разъ

больше быстроты разбѣга, то ударъ получится въ 4 раза болѣе сильный, и притомъ безъ увеличенія расхода живой силы человѣка ¹⁾).

Человѣкъ изобрѣлъ еще массу средствъ для увеличенія производительности своего труда. Онъ сдѣлалъ себѣ дома и одежды для сбереженія своего тѣла отъ потери энергіи черезъ лучеиспусканіе. Онъ приручилъ рабочій скотъ, воспользовался механическою силой солнца, благодаря прибору Мушо и Эриксона. Наконецъ, онъ достигъ уменьшенія потери живой силы и увеличенія возможнаго разнообразія своей работы еще помощью одного приема, именно раздѣленія труда, на которое первый указалъ Адамъ Смитъ.

Говорятъ, что іудеи какъ-то разъ пришли къ царю Давиду жаловаться, что они очень обѣднѣли. „Помогайте другъ другу“, отвѣчалъ имъ царь Давидъ. Но іудеи возразили, что яму не наполнить землю, изъ нея же вынутаю. Тогда, видя бѣдствія своего народа, царь Давидъ предпринялъ войну съ сосѣдями, чтобы дать возможность іудеямъ разжиться.

Что еслибы какой-нибудь современный намъ народъ обратился къ своему государю съ подобною просьбой? Едва ли государь этотъ употребитъ способъ царя Давида. Франко-прусская война не обогатила Пруссію, не смотря на пачимилліардную контрибуцію. Не подастъ ли мудрый правитель первый совѣтъ царя Давида: „Помогайте другъ другу“, и не будетъ ли это самый настоящій и дѣйствительный способъ помочь дѣлу?

Дѣйствительно, эта взаимная помощь является однимъ изъ важнѣйшихъ приемовъ человѣка въ борьбѣ съ природою. Но подъ помощью я разумѣю не благотворительность, которую, по видимому, совѣтовалъ царь Давидъ своимъ подданнымъ. Іудеи очень мѣтко охарактеризовали этотъ родъ помощи. Если яму не наполнять землей сверху, а только перекаладывать и уравнивать землю, которая въ ней лежитъ, то яма все-таки не наполнится. Если, люди богатые, которыхъ очень и очень немного, станутъ помогать бѣднымъ или раздѣлять все свое имущество между бѣдными, то это на столько же увеличитъ сумму богатства всего человѣчества, на сколько перекадка земли наполнить яму, а производительность работы человѣчества навѣрное умень-

---

¹⁾ Примемъ скорость разбѣга человѣка за 1. Примемъ массу камня за единицу. Тогда сила удара при разбѣгѣ ($\frac{mv^2}{2}$) будетъ равна $\frac{100 \cdot 1^2}{2}$ сила же удара при бросаніи камня будетъ равна $\frac{1 \cdot (20)^2}{2}$, или будетъ въ четыре раза больше.

шить, какъ мы увидимъ ниже. По этому поводу одинъ изъ моихъ знакомыхъ г. Б., бесѣдовалъ въ Лондонѣ съ Карломъ Марксомъ еще до изданія послѣднимъ его „Капитала“. К. Марксъ все настаивалъ на важности распредѣленія; Б. ему возражалъ, что все это прекрасно, если двумъ человѣкамъ приходится распредѣлять два куска. Но если на два рта приходится одинъ кусокъ, то на первый планъ выступить уже другая задача: какъ добиться этого втораго куска?

Советъ царя Давида давно примѣняется людьми въ другомъ смыслѣ, и люди давно организовали цѣлую систему взаимной помощи въ работѣ.

Эта взаимная помощь даетъ такіе блестящіе результаты, что во многихъ частныхъ случаяхъ увеличиваетъ въ десятки, сотни, даже тысячи разъ производительность труда человѣка (примѣръ булавочной фабрики у Адама Смита). Система взаимной помощи на столько вошла въ привычки народовъ, что результатомъ ея является цѣлая сѣть весьма прочно установленныхъ взаимныхъ сношеній между людьми. Всѣ виды общественной организаціи, всѣ виды имущественныхъ отношеній, всѣ виды взаимныхъ сношеній людей другъ съ другомъ—торговыхъ, научныхъ, политическихъ—всѣ учрежденія, законы, права и обязанности, крупныя промышленныя предпріятія, даже нравственный складъ людей суть лишь частныя явленія системы взаимной помощи въ работѣ. Въ сущности всѣ задачи политической экономіи сводятся къ изученію этой системы.

Политическую экономію опредѣляютъ обыкновенно какъ науку, изучающую производство и распредѣленіе богатствъ. При этомъ ученые оговариваются (напримѣръ, Милль), что политико-экономъ интересуется только частью задачи. Техническая сторона производства, очевидно, его не касается. Онъ изучаетъ только вліяніе экономическихъ обычаевъ, приѣмовъ, экономического строя общества на его обдѣленіе или обогащеніе.

Задачи, касающіяся болѣе или менѣе сложныхъ явленій распредѣленія богатства и мѣнъ, всецѣло принадлежать къ тѣмъ, которыя могутъ быть рѣшены благодаря анализу системы взаимной помощи въ работѣ, такъ какъ онѣ возникаютъ, какъ мы увидимъ ниже, изъ различныхъ комбинацій, къ которымъ приводитъ эта система.

Задачи, касающіяся вліянія экономического строя на обогащеніе или обдѣленіе, тоже разрѣшаются при изученіи той же системы, такъ какъ мы сейчасъ увидимъ, что единственная причина существованія какого бы то ни было экономического строя, какой бы то

ни было связи между людьми есть именно возможность пользоваться выгодами раздѣленія труда.

Прежде чѣмъ приступить къ изученію этой системы, условимся въ значеніи слова, которое очень часто придется намъ употреблять, слова цѣнность.

Мы видѣли, что всякій шагъ, всякое усиліе и работа человѣка сопровождается тратой энергіи. Такъ что всякій предметъ, результатъ работы человѣка, изображаетъ собою нѣкоторый расходъ энергіи человѣка. Условимся называть абсолютною цѣнностью или стоимостью предмета — количество энергіи человѣка, употребленной на его добычу и выдѣлку. Это будетъ именно то понятіе, которое Адамъ Смитъ называетъ „цѣнностью въ работѣ“. Это будетъ именно то, что Рикардо называетъ *grain naturel*, Кэри — просто „цѣнностью“ предмета, а Карлъ Марксъ — „стоимостью“. Рассматриваемые какъ стоимость, товары суть не что иное, какъ кристаллизованный трудъ, говоритъ Марксъ.

Работа человѣка имѣетъ цѣлью получить нѣкоторое количество энергіи лучей солнца въ превратимомъ видѣ. Условимся называть это количество потребительною цѣнностью или полезностью предмета. Это будетъ именно то понятіе, которое А. Смитъ подразумеваетъ подъ словами „цѣнность въ употребленіи“ (*valour in use*), Карлъ Марксъ — „потребительною стоимостью“, а Рикардо, Ж. Б. Сэй и Кэри — просто „полезностью“ предмета.

Съ перваго взгляда кажется страннымъ, что предметъ, для добычи котораго человѣкъ затратилъ извѣстное количество энергіи, заключаетъ въ себѣ большее количество превратимой энергіи въ потенциальномъ видѣ, чѣмъ то, которое затрачено на его полученіе. Мы привыкли всегда ожидать эквивалентности между дѣйствіями и результатомъ. Мы рассуждаемъ такъ: Если человѣкъ поднялъ тяжесть, скажемъ — 1 пудъ на 1 футъ — и напримѣръ, подвѣсилъ ее, то въ этой тяжести заключенъ 1 пудо-футъ работы человѣка въ потенциальномъ видѣ. Откуда же возьмется излишекъ? Между тѣмъ, на землѣ такой излишекъ является. Онъ получается изъ постоянного дароваго притока энергіи на землѣ, лучей солнца.

Возьмемъ примѣръ. Пусть земледѣлецъ посѣялъ десятину ржи и получилъ съ нея урожай въ 60 пудовъ. Допустимъ, что продажная цѣна ржи есть 50 коп. пудъ ¹⁾, а стоимость обработки десятины ржи, включая

¹⁾ Допустимъ, что земледѣлецъ этотъ работалъ въ одной изъ русскихъ губерній, гдѣ встрѣчаются подобныя цѣны.

сѣмяна и прочее,—20 рублей. Такимъ образомъ расходъ энергіи, произведенный хлѣбопашцемъ на посѣвъ, обработку, уборку и проч. десятины ржи измѣряется сорока пудами ржи, такъ какъ сорокъ пудовъ по 50 коп. стоятъ двадцать рублей. Въ этомъ случаѣ, количество превратимой энергіи, затраченной на производство, будетъ то количество, которое заключается въ 40 пудахъ ржи. Это будетъ абсолютная цѣнность или стоимость урожая. Потребительная же цѣнность или полезность урожая будетъ измѣряться количествомъ превратимой энергіи, заключающейся въ 60 пудахъ ржи.

Стоимость и полезность предмета находятся обыкновенно въ известной зависимости между собою, но зависимость эта далеко не постоянна. Земледѣлецъ, затративъ, количество энергіи, измѣряемое 40 пудами ржи, на посѣвъ десятины, можетъ получить самый разнообразный результатъ. При достаточномъ дождѣ и другихъ благоприятныхъ атмосферическихъ условіяхъ, отъ хлѣбопашца совершенно независимыхъ, онъ можетъ получить урожай въ 140 пудовъ. Между тѣмъ сосѣдъ его, который тоже засѣялъ—допустимъ—1 десятину и тоже затратилъ на нее количество энергіи, измѣряемое 40 пудами ржи, можетъ потерять 76% своего урожая отъ градобитія и получить только 35 пудовъ изъ 140. Стоимость обоихъ урожаевъ совершенно одинакова, полезность же послѣдняго въ четыре разъ меньше полезности перваго. Полезность втораго урожая даже на $\frac{1}{3}$ меньше его стоимости. Человѣкъ расходуетъ свой наличный запасъ энергіи всегда съ такимъ расчетомъ, чтобы пользоваться этою даровою прибавкою энергіи солнца. Онъ дѣлаетъ постоянные коммерческіе обороты энергіи, дѣлаетъ затрату, съ цѣлью вернуть ее съ барышемъ, такъ что выгодность всякой подобной операціи, всякаго человѣческаго производства будетъ измѣряться отношеніемъ потребительной цѣнности товара—результата производства—къ абсолютной его цѣнности.

$$\text{Выгодность} = \frac{\text{потребительная цѣнность количества превр. энергіи товара.}}{\text{абсолютная цѣнность количества затрач. энергіи человѣка.}}$$

Есть еще одно понятіе цѣнности—цѣнность мѣновая. О ней мы будемъ говорить ниже.

IV.

Необходимое условіе возможности раздѣленія работы.

Займемся изученіемъ системы взаимной помощи въ работѣ, созданной человѣчествомъ. Прежде всего опредѣлимъ ея механическія выгоды и условія возможности ими пользоваться.

Говоря языкомъ механики, человѣкъ представляетъ собою систему точекъ, обладающихъ извѣстнымъ количествомъ возможныхъ перемѣщеній. Количество возможныхъ перемѣщеній обуславливается многими связями, которыя и держатъ точки въ одной системѣ, составляющей человѣческое тѣло. Такимъ образомъ, количество возможныхъ перемѣщеній не бесконечно, а ограничено взаимными связями точекъ. Но возможныя перемѣщенія все-таки довольно разнообразны. Также разнообразны и цѣли для движенія. Сила же двигательная, которую человѣкъ можетъ расходовать, и которую онъ получаетъ въ видѣ пищи, ограничена.

Представимъ себѣ теперь, что два человѣка нашли возможность установить новое условіе, новую связь, которая неразрывно соединила бы ихъ работу. Пусть условіе это было бы такое, что каждый изъ нихъ ограничиваетъ свою работу половиной тѣхъ цѣлей, которыя онъ ставилъ себѣ до соединенія съ товарищемъ. Теперь вмѣсто двухъ системъ точекъ, двухъ машинъ, которыя представляютъ два человѣческихкія организма, мы получаемъ одну. Новое условіе создаетъ новую систему, возможныя перемѣщенія которой тѣ же, что у каждой изъ прежнихъ, цѣли для работы тѣ же, что у двухъ прежнихъ, необходимое разнообразіе работы то же, что у двухъ прежнихъ,—сила же удвоена. Иными словами, новое условіе ограничиваетъ возможныя перемѣщенія каждаго человѣка и необходимость въ нихъ половиной прежняго. Слѣдовательно, при той же силѣ, разнообразіе работы каждаго уменьшилось на половину. Пропорціонально этому должна уменьшиться и потеря живой силы на перемѣны работы. При соединеніи трехъ человѣкъ можетъ быть поставлено два лишнія условія дѣятельности каждаго, и получится такимъ образомъ новая система съ $(2 \times 3 = 6)$ шестью новыми условіями. Количество возможныхъ перемѣщеній новой системы осталось то же, что было для каждаго отдѣльнаго человѣка до соединенія и цѣли остались тѣ же; но возможныя перемѣщенія каждаго отдѣльнаго человѣка послѣ соединенія, вслѣдствіе двухъ вновь поставленныхъ условій, составляютъ уже $\frac{1}{3}$ прежнихъ, и необходимость въ нихъ тоже равна $\frac{1}{3}$. Уменьшеніе разнообразія работъ на $\frac{2}{3}$ уменьшить пропорціонально потерю живой силы на переходы отъ одной работы къ другой. Даже можно утверждать, что экономія въ расходѣ живой силы будетъ болѣе, чѣмъ на $\frac{2}{3}$, такъ какъ вѣроятно, раздѣлятся тѣ роды работъ, чередованіе которыхъ было наиболѣе невыгодно.

Мы уже видѣли раньше, что предѣлъ способности къ разнообраз-

ной работѣ зависить у организмовъ отъ того, на сколько организація, строеніе, допускаютъ экономію живой силы при перемѣнѣ движеній. Мы уже говорили, что увеличеніе способности къ разнообразной работѣ увеличиваетъ районъ достижимыхъ цѣлей для организма, расширяетъ предѣлы среды, въ которой онъ можетъ существовать. То же самое будетъ и для взятой нами группы изъ трехъ человѣкъ. Соединеніе ихъ не только увеличитъ выгодность ихъ работы, но дастъ имъ еще возможность разнообразить ее, расширить районъ ихъ дѣятельности и дастъ имъ возможность добиться немислимыхъ до раздѣленія работы результатовъ. Произойдетъ нѣчто въ родѣ того, какъ еслибы появился новый организмъ, имѣющій силу трехъ человѣкъ и при этомъ шесть рукъ, шесть ногъ и т. д.

Ясно, что чѣмъ больше участниковъ въ группѣ, раздѣлившей работу, тѣмъ больше выгодъ и тѣмъ еще ощутительнѣе результатъ. Взирая на картину спеціализаціи производства въ Англіи, Уэвфильдъ восклицаетъ: „Когда производство каждой особенной вещи становится главнымъ занятіемъ разныхъ людей, то мало сказать, что тутъ количество продукта только возрастаетъ. Нѣтъ! Безъ раздѣленія занятій, ровно никакой почти вещи нельзя было бы произвести!“ Разумѣется, подъ спеціализаціей слѣдуетъ подразумѣвать также спеціализацію обязанностей административныхъ, судебныхъ, полицейскихъ, военныхъ и проч. Еслибы четыре человѣка раздѣлили между собою работу на четыре части, то установленіе связи между ними потребовало бы трехъ условій для каждаго человѣка, а слѣдовательно, $4 \times 3 = 12$ условій для всѣхъ. Еслибы a человѣкъ раздѣлили свою работу на n частей, то установленіе связи между ними потребовало бы $(n-1)$ условіе для каждаго, а слѣдовательно $n(n-1)$ условій для всѣхъ.

Теперь посмотримъ, въ чемъ состоятъ эти условія, каковы ихъ, такъ-сказать, житейскій смыслъ?

Для этого представимъ себѣ, какъ можетъ произойти раздѣленіе работы. Вначалѣ, каждый отдѣльный человѣкъ дѣлаетъ для себя все, что ему нужно, и, конечно, весьма грубо и первобытно. Затѣмъ изъ всѣхъ операцій, продѣлываемыхъ въ цѣлости каждымъ человѣкомъ въ нѣкоторомъ количествѣ людей, — нѣкоторая часть оказывается легко отдѣлимой. Одинъ человѣкъ оказывается обладающимъ особенною способностью къ выполненію именно этой части. Допустимъ для удобства разсужденія, что эта часть есть половина полной работы одного человѣка. Онъ начнетъ выполнять эту половину, притомъ въ двой-

номъ количествѣ и съ результатомъ, конечно, болѣе нежели двойнымъ, а до другой половины не коснется. Другой же человекъ начнетъ выполнять другую половину работы, тоже въ двойномъ количествѣ и тоже, конечно, съ результатомъ болѣе нежели двойнымъ, а до первой половины не будетъ касаться. Ясно, что это возможно только тогда, когда оба вмѣстѣ будутъ пользоваться результатами своихъ трудовъ, ибо результатъ работы каждаго годится для удовлетворенія только половины его нуждъ, и притомъ болѣе нежели въ двойномъ количествѣ. Такимъ образомъ, оба эти человека должны будутъ постоянно поддерживать связь, сношенія между собою на столько, чтобы всегда имѣть возможность вмѣстѣ пользоваться продуктами раздѣленной работы. Отсюда ясно, что въ группѣ изъ нѣсколькихъ человекъ раздѣленіе работы возможно только въ томъ случаѣ, если въ группѣ людей, раздѣлившихъ работу, каждая отдѣльная личность пользуется совместно съ прочими результатами общаго труда.

Необходимое условіе раздѣленія работы есть возможность потребленія каждымъ изъ участниковъ пропорціональной доли полнаго труда всей группы.

Безъ увѣренности въ соблюденіи этого условія, никто, очевидно, не будетъ исполнять работу, результатъ которой удовлетворитъ только одну половину или одну десятую долю его потребностей, хотя бы количество продукта превышало болѣе, чѣмъ въ двадцать разъ, ту долю, которая нужна производителю для удовлетворенія этой десятой части его потребностей. Шляпочникъ сдѣлаетъ сто шляпъ, если онъ рассчитываетъ за 99 изъ нихъ достать себѣ платье, квартиру и столъ. Но лишите шляпочника этой увѣренности, и онъ сдѣлаетъ для себя только одну шляпу, а остальное время свое и трудъ употребитъ на добычу пищи, крова и одежды прямо отъ природы.

Увѣренность удовлетворить своимъ потребностямъ благодаря работѣ другаго лица должна имѣть основаніе. Откуда могло явиться такое основаніе? Вслѣдствіе ли взаимной оцѣнки нравственныхъ достоинствъ лицъ, раздѣляющихъ работу? Вслѣдствіе ли договора между ними? Или вслѣдствіе врожденной человеку любви къ мѣнѣ своихъ произведеній на имущество другихъ лицъ, какъ предполагаетъ А. Смитъ?

Основаніемъ такой увѣренности долженъ служить цѣлый рядъ психологическихъ особенностей. Два человека или десять человекъ, раздѣлившіе работу и совместно потребляющіе результатъ,

должны, вопервыхъ, сознать выгоды такого образа дѣйствій. Вторыхъ, инстинкты враждебныя, разбойничьи должны уступать въ нихъ инстинктамъ миролюбивымъ, дружелюбнымъ; стремленіе ограбить должно уступить стремленію дѣлиться. Третьихъ, необходимо убѣжденіе каждаго отдѣльнаго члена группы въ томъ, что и остальные раздѣляютъ его сознаніе выгодности раздѣла работы и стремленіе имъ воспользоваться. Короче, необходимы обмѣнъ мыслей, дружелюбіе, сознаніе выгодъ совмѣстной работы и потребления, и на оборотъ, необходимо ослабленіе инстинктовъ несообщительности, хищничества и презрѣнія къ матеріальнымъ выгодамъ.

Пока раздѣленіе труда ограничивалось небольшими группами въ 3, 4, ... 10 человекъ или около этого, распредѣленіе между потребителями могло совершаться посредствомъ совмѣстнаго потребления. Но въ болѣе многочисленныхъ группахъ этотъ способъ распредѣленія, конечно, крайне неудобенъ, а послѣ нѣкотораго предѣльнаго числа раздѣленныхъ занятій, и совсѣмъ не возможенъ. Квартирой, одеждой, пищей легко пользоваться совмѣстно 5—10 человекамъ. Но при современномъ состояніи промышленности, легко набрать 1000 человекъ, изъ которыхъ каждый занимается самостоятельно спеціальностью, и притомъ эти 1000 человекъ можно набрать на огромномъ разстояніи другъ отъ друга. Возьмемъ китайца, воздѣлывающаго чай, московскаго ситцеваго фабриканта, англійскаго машиностроителя, перчаточника-француза, гаванскаго табаковода и 995 другихъ, и попробуйте предложить имъ совмѣстное потребление! Между тѣмъ эти сто спеціалистовъ могутъ пользоваться взаимно произведеніями одинъ другаго. Для того, чтобы довести раздѣленіе занятій до современнаго состоянія промышленности, люди пользовались другимъ способомъ распредѣленія. Они стали мѣняться своими произведеніями.

Этотъ новый способъ распредѣленія полнаго труда человека посредствомъ взаимныхъ обмѣновъ между спеціалистами различныхъ отдѣловъ этого труда сильно двинулъ впередъ расширеніе приложенія раздѣленія работы. Совмѣстное пользованіе, дѣлежъ, сохранился только въ самыхъ элементарныхъ экономическихъ группахъ людей — въ семьѣ, общинѣ, артели. Возможность мѣны — вотъ необходимое условіе возможности болѣе широкаго раздѣленія работы.

Для того, чтобы работникъ въ группѣ другихъ людей принялся исполнять одну какую-нибудь спеціальность, ему мало сознать общую выгодность такого образа дѣйствій. Онъ долженъ получить

убѣжденіе, что работа для мѣны есть самый выгодный и притомъ самый легкій изъ всѣхъ другихъ доступныхъ ему способовъ удовлетворять своимъ нуждамъ. Стремленіе искать легчайшаго способа для достиженія желаемаго есть одна изъ плодотворнѣйшихъ сторонъ человѣческаго характера. Но это стремленіе можетъ побудить его употребить свои силы не на работу, а на то, чтобы отнять или украсть у другихъ людей то, что ему нужно.

Очевидно, что въ человѣчествѣ постепенно развивалось внутреннее предпочтеніе къ мирному труду, къ мирному средству полученія желаемаго предмета посредствомъ мѣны на продукты собственнаго труда. Такое предпочтеніе могло явиться послѣ долгихъ и разнообразныхъ опытовъ, наблюденій, попытокъ, размышленій, разговоровъ. Но какъ только оно явилось, оно должно было необходимо выжить и распространиться, такъ какъ оно давало въ руки той группѣ людей, въ которой оно укоренялось, огромное преимущество для борьбы за существованіе и для выживанія, именно, возможность пользоваться выгодами раздѣленія работы. Признаніе права собственности каждаго надъ результатами его труда, побѣда признанія права собственности надъ правомъ отнятія, побѣда инстинктовъ мирныхъ надъ хищническими, предпочтеніе мѣны отнятію, привычка свято выполнять договоры и признавать мѣновныя сдѣлки — вотъ, слѣдовательно, условіе возможности мѣны и раздѣленія работы.

Итакъ, для человѣчества огромная экономическая выгода связана съ ослабленіемъ вредныхъ враждебныхъ инстинктовъ и съ развитіемъ альтруистическихъ чувствъ. Кромѣ своего чисто нравственнаго значенія, альтруистическія чувства являются источникомъ матеріальныхъ выгодъ. Ослабленіе вражды между людьми замѣнялось въ теченіе времени все большимъ развитіемъ любви къ ближнему. Пресловутое воровство дикарей въ цивилизованныхъ народахъ замѣняется многочисленными примѣрами высокой честности. И эти прекрасныя достоинства совершенно необходимы съ чисто матеріальной точки зрѣнія. Уничтожьте выгоды раздѣленія работъ, и взаимная любовь и честность потеряютъ свой *raison d'être*. Они будутъ также возможны и рациональны, какъ любовь ягненка къ волку или честное отношеніе крокодила къ тигру. Но выгода раздѣленія работъ создаетъ солидарность между членами той группы людей, гдѣ она практикуется. Любовь другъ къ другу и честность даютъ могучее экономическое орудіе въ руки этой группѣ, даютъ ей громадное преимущество въ борьбѣ за существованіе, въ выживаніи. И мы видимъ, какъ любовь къ

ближнему и честность крѣпнуть и развиваются въ человѣчествѣ. Мы видимъ, какъ евангельское слово любви облетѣло народы, какъ оно устояло противъ всѣхъ гоненій и сдѣлалось въ концѣ концовъ господствующимъ правиломъ нравственности, открыто признаннымъ.

Мѣновыя сдѣлки не мыслимы безъ честности. И вотъ мы видимъ, какъ въ обществѣ постепенно все больше одерживаетъ верхъ идея права надъ идеей силы. Мы видимъ, какъ создаются учрежденія, оберегающія исполненіе договоровъ, карающія отступленія отъ нихъ. Мы видимъ, что эти карательныя мѣры постепенно теряютъ свой страховой характеръ и стремятся получить характеръ все болѣе воспитательный, что выражается современною заботливостью о тюрьмахъ, колоніями для малолѣтнихъ преступниковъ и т. д. До какой степени дошло развитіе альтруистическихъ чувствъ въ современномъ обществѣ, можно судить уже по тому обстоятельству, что въ послѣднее время появилась теорія, приписывающая уголовныя преступленія противъ личности умственному разстройству преступника. Слѣдовательно, альтруистическія чувства развивались и воспитывались въ цѣломъ рядѣ поколѣній силою вещей, силою экономической выгоды ихъ, и на столько укрѣпились, на столько сдѣлались нормальными, что всякое отступленіе отъ нихъ считается явленіемъ исключительнымъ, болѣзненнымъ.

Основываясь на томъ, что выгода раздѣленія работъ требуетъ честности и даетъ въ руки группѣ людей, пользующейся имъ, огромное преимущество въ борьбѣ за существованіе, въ выживаніи, мы въ правѣ ожидать, что со временемъ она точно также укрѣпится и разовьется, что настанетъ время, когда воровство или обманъ будутъ также рѣдки, какъ теперь убійство, и будутъ также считаться явленіями болѣзненными, требующими лѣченія вмѣсто кары.

Ниже мы увидимъ, что раздѣленіе работы является постояннымъ источникомъ колебаній въ равномѣрности заработковъ, постояннымъ источникомъ совершенно неожиданныхъ увеличеній вознагражденія за трудъ однихъ и пропорціональнаго уменьшенія вознагражденія за трудъ другихъ. Мы увидимъ также, что хотя эти колебанія выгодны для тѣхъ, въ чью пользу они совершаются, но что устойчивая неравномѣрность заработковъ понижаетъ выгодность работы всей группы. Какъ естественное послѣдствіе, мы можемъ ожидать, что вся группа, взятая въ цѣломъ, будетъ заботиться о скорѣйшемъ устраненіи причинъ, обуславливающихъ устойчивое нарушеніе равновѣсія заработковъ между своими членами. По крайней мѣрѣ, мы можемъ утвер-

ждать, что именно подобныя группы получаютъ преимущество въ борьбѣ за существованіе вслѣдствіе большей выгодности ихъ работы.

Итакъ, сила вещей, естественный ходъ экономическаго развитія ведетъ человѣчество къ царству любви, правды, честности, взаимной заботливости, направленной къ тому, чтобы устранять причины, ведущія за собою устойчивое неравновѣсіе заработковъ, монополію, несправедливыя юридическіе обычаи, какъ рабство, и т. п. Послѣдствіемъ всего этого должно явиться еще и экономическое процвѣтаніе.

Скоро ли это будетъ? Какія средства въ рукахъ у человѣчества для достиженія этого идеальнаго состоянія? Какія препятствія мѣшаютъ ему достигъ его сейчасъ или очень скоро?

На первый вопросъ можно смѣло отвѣтить. Это идеальное состояніе будетъ именно то предѣльное состояніе, къ которому человѣчество будетъ стремиться, но стремиться... вѣчно. Человѣчество достигнетъ этого состоянія, но, увы, въ безконечности, если солнце не потухнетъ раньше. Человѣчество будетъ постепенно приближаться къ этому состоянію точно также, какъ несократимая дробь въ десятичной формѣ постепенно приближается къ своему предѣлу, и оба предѣла будутъ достигнуты одновременно, то-есть, въ безконечности. Въ правильности подобнаго отвѣта мы можемъ убѣдиться, рассматривая два другіе вопроса: средства и препятствія къ достиженію также идеальнаго состоянія. Мы можемъ это сдѣлать, анализируя систему взаимной помощи въ работѣ и указывая на различныя комбинаціи и усложненія, которыя производитъ въ ней общій ходъ экономическаго развитія человѣчества. Въ настоящемъ случаѣ мы предполагаемъ заняться анализомъ системы взаимной помощи въ работѣ именно съ этой точки зрѣнія, не касаясь другихъ задачъ политической экономіи.

Прежде, чѣмъ приступить къ этому анализу, мы не можемъ не указать на главное препятствіе къ быстрому, а тѣмъ болѣе немедленному достиженію „царства правды“ на землѣ.

Бесѣдуя съ К. Марксомъ въ Лондонѣ, знакомый мой Б. доказывалъ послѣднему, что въ данную минуту уравненіе заработковъ богатыхъ и бѣдныхъ людей не приведетъ къ какому-нибудь ощутительному результату въ смыслѣ подъема благосостоянія массы немущихъ. Для этой цѣли Б. бралъ отчетность какого-нибудь крупнаго промышленнаго предпріятія, бралъ сумму заработковъ всѣхъ лицъ, участвующихъ въ производствѣ, не исключая капиталиста-предпри-

нимателя, исключалъ изъ этой суммы ходячій процентъ на капиталъ, затраченный въ предпріятіи, и дѣлилъ остатокъ на число участниковъ производства. Въ результатъ оказывалось среднимъ числомъ, что такой дѣлежъ увеличивалъ всего на 10%, заработокъ самаго бѣднаго, самаго дешеваго работника. Доходы прочихъ увеличивались еще менѣе замѣтнымъ образомъ. Терялъ только предприниматель и тѣ спеціалисты и администраторы, которые получали большее вознагражденіе. Мы не приводимъ здѣсь подробнаго разчета: онъ былъ бы слишкомъ сложенъ и не умѣстился бы въ рамки настоящей статьи. Всякій, знакомый съ отчетностью какого бы то ни было промышленнаго предпріятія, легко можетъ провѣрить этотъ разчетъ на дѣлѣ.

Какъ мы увидимъ ниже, возможность возвращенія величины заработковъ, уменьшившихся отъ случайныхъ причинъ, къ прежнему уровню и даже къ высшему, чѣмъ прежній общій уровень, возможность эта неразрывно связана съ обиліемъ свободныхъ капиталовъ и высокими умственнымъ развитіемъ массъ. Вотъ, слѣдовательно, главное пренятствіе, мѣшающее быстрому торжеству „царства правды“, и возможности общаго подъема заработковъ. Человѣчество еще слишкомъ бѣдно, ваятое въ цѣломъ. Работа его еще недостаточно выгодна, чтобъ обезпечить довольство и достатокъ всѣхъ людей поголовно. Людямъ предстоятъ еще вѣка, а можетъ быть, тысячелѣтія упорной и настойчивой работы прежде, чѣмъ годовой приходъ превратимой энергіи въ его распоряженіи окажется достаточнымъ для полнаго возмѣщенія тратъ энергіи всѣхъ людей поголовно, и притомъ съ такимъ избыткомъ, который обезпечитъ имъ сравнительное довольство и комфортъ.

Итакъ, мы пришли къ заключенію, что сколько-нибудь широкое раздѣленіе работы возможно только при распредѣленіи посредствомъ мѣнъ, а мѣны возможны только при признаніи права личной собственности и соблюденіи договоровъ.

Займемся же изученіемъ системы взаимной помощи въ работѣ съ вышеизложенной точки зрѣнія. Постараемся указать на причины колебанія заработковъ и на средства и препятствія къ восстановленію равновѣсія ихъ.

V.

Мѣновая цѣнность произведеній человѣка.

Представимъ себѣ группу изъ трехъ человѣкъ, раздѣлившихъ полную работу, необходимую для удовлетворенія потребностей одного

человѣка на три части. Представимъ себѣ, для удобства разсужденія что, не смотря на свою малочисленность, группа эта не дѣлитъ свои произведенія, а мѣняется ими. Далѣе, представимъ себѣ, что мы какимъ-нибудь способомъ нашли возможность измѣрить количество превратимой энергіи, заключенной въ результатѣ труда каждаго изъ нашихъ трехъ работниковъ, измѣрить полезность результатовъ ихъ работы. Примемъ для удобства полезность произведеній каждаго изъ нашихъ трехъ работниковъ за единицу. Тогда, очевидно, къ обмѣну будутъ представлены слѣдующія количества превратимой энергіи въ потенциальномъ видѣ, воплощенной въ товарахъ нашими тремя работниками. Первый специалистъ сдѣлаетъ 1, изъ которой $\frac{1}{3}$ будетъ для собственнаго употребленія, $\frac{1}{3}$ для мѣны на произведенія второго специалиста и $\frac{1}{3}$ для мѣны на произведенія третьяго специалиста. Точно также поступятъ и два другіе. Рынокъ мы можемъ изобразить въ слѣдующемъ видѣ: для мѣны будутъ предложены товары трехъ специальностей, по $\frac{2}{3}$ каждаго сорта. Послѣ обмѣна, каждый работникъ получитъ, кромѣ той $\frac{1}{3}$, которую онъ самъ оставилъ для себя, еще $\frac{2}{3}$, которыя онъ вымѣнялъ на свои $\frac{2}{3}$. Заработокъ каждаго будетъ 1, единица полезности.

Теперь представимъ себѣ, что къ взятой группѣ изъ трехъ человѣкъ захочетъ примкнуть четвертый, прельщенный ея выводами. Допустимъ, кромѣ того, что этотъ четвертый не устроитъ предварительно раздѣленіе труда на четыре части, а просто сработаетъ ту же работу, что и одинъ изъ трехъ первыхъ, на примѣръ, сработаетъ тѣ же товары, что и рабочій въ третьей специальности, и затѣмъ авится съ своимъ товаромъ на общій рынокъ для обмѣна. Очевидно, онъ при мѣнѣ сдѣлаетъ подрывъ, какъ своему собрату по специальности, такъ и себѣ. Предложеніе ихъ товаровъ будетъ вдвое больше спроса на нихъ, а спросъ на товаръ двухъ другихъ специальностей окажется вдвое больше предложенія. Изобразимъ это такъ:

Въ моментъ появленія на рынокѣ мы будемъ имѣть слѣдующее положеніе вещей. Сдѣлано будетъ:

въ 1-й специальности	для себя	$\frac{1}{3}$	для мѣны	$\frac{2}{3}$	
" 2-й	" "	$\frac{1}{3}$	" "	$\frac{2}{3}$	
" 3-й	" "	$\frac{1}{3}$	" "	$\frac{2}{3}$	
			$\frac{1}{3}$	" "	$+\frac{2}{3}$
					$\left. \right\} \frac{4}{3}$

Послѣ обмѣна, въ идеальномъ коммерческомъ народѣ, гдѣ чуткость къ отношенію между спросомъ и предложеніемъ въ мѣновныхъ сдѣл-

какъ была бы доведена до совершенства, послѣ обмѣна получится слѣдующій результатъ (товаровъ)

1-й специальности.	2-й специальности.	3-й специальности.	ИТОГО.
1-й специальность получить: $\frac{1}{3}$ (свою)	$+\frac{1}{3}$	$+\frac{2}{3}$	$= \frac{4}{3}$
2-й " " $\frac{1}{3}$	$+\frac{1}{3}$ (свою)	$+\frac{2}{3}$	$= \frac{4}{3}$
3-й " " $\frac{1}{6}$	$+\frac{1}{6}$	$+\frac{1}{3}$ (свою)	$= \frac{2}{3}$
4-й " " $\frac{1}{6}$	$+\frac{1}{6}$	$+\frac{1}{3}$ (свою)	$= \frac{2}{3}$
1	+1	+2	= 4

Изъ этого схематическаго примѣра мы можемъ вывести нѣсколько важныхъ слѣдствій.

Прежде всего мы видимъ, что, кромѣ цѣнности абсолютной и потребительной, въ промышленномъ народѣ является еще третье мѣрило цѣнности предмета работы человѣка, результатъ пропорціи спроса къ предложенію при обмѣнѣ. Условимся называть это новое мѣрило мѣрною цѣнностью продукта. Это мѣрило цѣнности, очевидно, совершенно отлично отъ мѣрила цѣнности абсолютной и потребительной. Всѣ эти величины могутъ измѣняться независимо одна отъ другой, и потому ихъ нельзя смѣшивать другъ съ другомъ. Между тѣмъ, только А. Смитъ и Рикардо указали на три вида цѣнности. Сэй, К. Марксъ, Кэри, Милль не дѣлаютъ никакого различія между абсолютною и мѣрною цѣнностью. Они просто игнорируютъ это различіе. К. Марксъ ни однимъ словомъ даже не обмолвился о немъ, и этотъ пробѣлъ, какъ легко замѣтить его читателямъ-является одною изъ причинъ массы оговорокъ, длинноты и запутанности его опредѣленій. Бастіа идетъ еще дальше, доходить до абсурда. Онъ утверждаетъ, что „абсолютной“ цѣнности совсѣмъ не можетъ быть, какъ не можетъ-де быть абсолютной длины, вѣса, величины. Всѣ эти понятія познаются измѣрениемъ, сравненіемъ, а потому относительны. Очевидно, Бастіа наткнулся на пустую игру словъ. Можно не называть цѣнность „абсолютною“, какъ ее назвалъ А. Смитъ. Можно, по примѣру Рикардо, назвать ее „натуральною“. Понятіе отъ этого не измѣнится.

Но оставимъ полемику. Вернемся къ нашему схематическому примѣру.

Изъ разсмотрѣнія его мы можемъ вывести еще второе слѣдствіе. Мы знаемъ уже, что выгодность производства = $\frac{\text{количество полезности}}{\text{количество стоимости}}$. Это отношеніе, по видимому, нисколько не измѣнилось отъ присоединенія

четвертаго работника группы. Если предположить, что стоимость производства товаровъ равна была $\frac{1}{2}$ ихъ полезности, что количество превратимой энергіи, заключенной въ товарѣ каждаго изъ нашихъ трехъ первыхъ рабочихъ, было вдвое больше количества превратимой энергіи человѣка, израсходованной на ея получение, то выгодность будетъ $=\frac{1}{2}=\frac{2}{1}$, по присоединеніи четвертаго рабочаго, отношеніе это, взятое для группы въ цѣломъ составѣ, по видимому, не измѣнилось.

За то при слѣдующемъ оборотѣ энергіи производительность работы всей группы, взятой въ цѣломъ, непременно понизится. Дѣйствительно, изъ четырехъ рабочихъ два получили по $\frac{4}{3}$, а два по $\frac{2}{3}$ произведеній труда своего и товарищей. Вспомнимъ, что такое эти произведенія. Работа нашихъ четырехъ товарищей была не что иное, какъ расходъ энергіи, сдѣланный съ цѣлю получить новый запасъ превратимой энергіи въ потенциальномъ видѣ, и притомъ въ количествѣ большемъ, нежели сколько ея было израсходовано. Это имъ удалось, группа вернула свой расходъ энергіи съ барышемъ. Но условія распредѣленія сдѣлали то, что два человѣка получили на $\frac{1}{3}$ больше, чѣмъ они ожидали, а два человѣка на $\frac{1}{3}$ меньше. Новый оборотъ, новый расходъ энергіи начнется уже при новыхъ условіяхъ. Предположимъ, что наши два счастливица не растратятъ ничего изъ полученнаго ими излишка, что каждый цѣликомъ снова пуститъ въ оборотъ свою $1\frac{1}{3}$ энергіи. Можно ли ожидать, что результатъ работы ихъ, барышъ ихъ операций, увеличится также на $\frac{1}{3}$? Никонимъ образомъ. Человѣкъ—машина, съ прекрасною, но и весьма опредѣленною организациею, и доступная ему работа имѣетъ опредѣленные предѣлы. Увеличеніе работы человѣческаго организма на $\frac{1}{3}$ весьма затруднительно. Нельзя ожидать, что работникъ, который на $\frac{1}{3}$ получилъ больше пищи, одежды и проч., — въ состояніи сработать на $\frac{1}{3}$ больше. Съ другой стороны, работникъ, который не дополучилъ $\frac{1}{3}$ энергіи въ видѣ пищи, одежды и проч., можетъ на столько ослабѣть, что рабочая способность его уменьшится болѣе чѣмъ на $\frac{1}{3}$. Возьмите пару лошадей, давайте имъ по шести гарнцевъ овса въ сутки, а другой 10 гарнцевъ. Расходъ овса будетъ тотъ же; но въ которомъ случаѣ будетъ выгоднѣе работать парой?

Итакъ, измѣненіе равновѣсія мѣншой цѣнности произведеній ведетъ за собою обиліе нѣкоторыхъ счастливицевъ, нужду другихъ работниковъ, и затѣмъ, при новомъ оборотѣ энергіи, пониженіе потребительности труда всей группы, пониженіе потребительной цѣн-

ности произведеній труда всей группы, пониженіе суммы превратимой энергіи, заключающейся въ произведеніяхъ труда группы.

Такое положеніе вещей выгодно для счастливыхъ членовъ группы. Исторія человѣчества указываетъ на массу примѣровъ, какъ подобные счастливыя старались всячески удержать свое привилегированное положеніе. Права цѣховъ клонились исключительно къ тому, чтобъ ограничить число лицъ, занимающихся ихъ ремесломъ, искусственно удержать высокую монопольную цѣну ихъ произведеній.

Но такое положеніе вещей невыгодно для всей группы въ совокупности. Оно задерживаетъ быстроту возрастанія запасовъ превратимой энергіи лучей солнца на землѣ черезъ посредство этой группы. Этими, въ свою очередь, уменьшаются шансы на побѣду въ борьбѣ за существованіе группы, на выживаніе ея. Подъ давленіемъ этихъ двухъ причинъ рушатся привилегія, и исторія и ежедневныя наблюденія даютъ намъ рядъ примѣровъ того, что мѣновая цѣнность произведеній стремится уравниваться.

Теперь является вопросъ, какимъ путемъ возстановится равновѣсіе заработковъ.

Есть двѣ экономическія школы, имѣющія готовый отвѣтъ на этотъ вопросъ. Школа социалистовъ даетъ весьма простой рецептъ: равномѣрное распредѣленіе имуществъ. Но имущество — понятіе статическое. Оно до сихъ вовсе не входило, какъ элементъ, въ наши разсужденія. Заработокъ же — понятіе динамическое. Неравномѣрность является результатомъ каждаго дня работы. Ежедневно можно повторять в передѣлѣ. Но нѣтъ ли средства менѣе искусственнаго?

Послѣдователи Мальтуса даютъ другой рецептъ. Они видятъ причину пониженія заработка въ „излишкѣ предложенія труда“. Если прибавить къ этому „излишекъ предложенія труда въ той отрасли, гдѣ заработка упали“, мы получимъ вполне правильное изложеніе дѣла. Рецептъ, который Мальтусъ логически предлагаетъ, — сокращеніе предложенія. То-есть, въ нашемъ примѣрѣ четвертый сотрудникъ долженъ сократиться, умереть. По совѣту же Мальтуса, оба работника третьей отрасли, третьей спеціальности должны имѣть дѣтей вдвое меньше, чѣмъ рабочіе первыхъ двухъ спеціальностей. Тогда равновѣсіе трехъ заработковъ возстановится хоть въ ихъ потомствѣ.

Таково было бы рѣшеніе задачи въ духѣ ученія Мальтуса, хотя, конечно, Мальтусъ и его послѣдователи никогда не занимались рѣшеніемъ задачи въ такой постановкѣ.

Задача рѣшается обыкновенно человѣчествомъ двумя приемами, на видъ весьма простыми и легкими, но въ сущности эта легкость только кажущаяся.

Для удобства разсужденія возьмемъ группу болѣе многочисленную. Положимъ, напримѣръ, что въ каждой изъ трехъ специальностей былъ не одинъ работникъ, а хоть бы полторы тысячи работниковъ. Положимъ, что къ третьей специальности пристало еще $1\frac{1}{2}$ тысячи работниковъ, такъ что группа будетъ такой имѣть видъ:

1-й отрасли	2-й отрасли	3-й отрасли
1500	1500	3000

Первый выходъ изъ этого положенія—раздѣленіе работы на четыре отрасли, созданіе четвертой специальности, куда могли бы пристать излишніе 1500 работниковъ. Второй приемъ, болѣе простой,—переходъ рабочихъ изъ третьей специальности въ двѣ первыя. Если изъ третьей специальности по 500 человѣкъ перейдутъ въ первую и вторую, то мѣновая цѣнность товаровъ уравнивается, а съ нею уравниваются и заработки.

Первый приемъ, созданіе новой специальности, является необходимымъ спутникомъ экономического прогресса. Но онъ имѣетъ самостоятельный интересъ въ развитіи человѣчества, онъ труденъ и сложенъ, требуетъ особенно счастливыхъ условий и творческихъ способностей. Безъ сомнѣнія, онъ непремѣнно будетъ служить уравненію мѣновой цѣнности произведеній, но такая служебная роль выпадетъ ему только развѣ случайно, и уравненіе заработковъ едва ли послужитъ тѣмъ стимуломъ, который вызоветъ къ жизни созданіе самостоятельной специальности.

Второй же приемъ—чисто служебный. Переходъ рабочихъ изъ одной специальности въ другую имѣетъ цѣлью исключительно уравненіе заработковъ, и стимуломъ для него служить единственно эта самая неравномерность вознагражденія отдѣльныхъ лицъ. Это прямой способъ рѣшенія задачи, самый легкій и доступный.

Но какъ ни простъ этотъ способъ, въ дѣйствительной жизни онъ усложняется такою массой побочныхъ условий, что становится очень затруднительнымъ. Каждая специальность требуетъ навыка, подготовки. Портному не легко превратиться въ кузнеца, чиновникъ рѣдко сумѣетъ сдѣлаться хорошимъ купцомъ, хлѣбопашецъ едва ли легко можетъ превратиться въ учителя латинскаго языка. Подготовка къ извѣстнымъ специальностямъ требуетъ долгой пред-

варительной работы. Между тѣмъ необходимость имѣть достаточное количество специалистовъ затрогиваетъ интересы всей группы, раздѣлившей работу. И вотъ этотъ солидарный интересъ всей группы побуждаетъ правительство принимать на свой счетъ общее, специальное техническое образованіе, приспособлять число учащихся и предметы обученія въроатному требованію на тѣхъ или другихъ специалистовъ.

Огромное большинство человѣчества занято трудомъ мускульнымъ. Этотъ трудъ имѣетъ массу различій и оттѣнковъ, судя по роду производства. Подъ влияніемъ экономическаго прогресса, по причинамъ, которыя мы будемъ разбирать ниже, производительность работъ въ различныхъ специальностяхъ постоянно мѣняется и притомъ неравномѣрно, а скачками—то въ одной, то въ другой.

Вслѣдъ за внезапнымъ усиленіемъ производительности падаетъ мѣновая цѣнность произведеній этой специальности и падаютъ заработки людей, ею занятыхъ. Политико-экономы обратили особое вниманіе на то, какъ введеніе машинъ и лучшихъ способовъ производства вдругъ оставляетъ тысячи людей безъ работы и понижаетъ заработки тѣхъ, которымъ посчастливилось удержать за собою занятія. Политико-экономы указываютъ и на соответственный подъемъ заработковъ въ другихъ производствахъ и на переходъ рабочихъ въ эти другія производства. Карлъ Марксъ подробно разбираетъ влияние современной крупной промышленности съ паровыми машинами и на это явленіе. Онъ очень мѣтко указываетъ на то, во первыхъ, что чѣмъ больше развиваются техническія усовершенствованія, тѣмъ чаще происходятъ подобныя толчки. Въ вторыхъ, онъ указываетъ на то, что работа машинами сдѣлала во многихъ случаяхъ безполезнымъ тотъ навыкъ въ ручной работѣ и ту необходимую сметку, которая прежде требовалась отъ мастеровъ. Они замѣнились почти автоматическимъ повтореніемъ одной какой-либо простой операціи, составляющей какую-нибудь тысячную долю производства, гдѣ примѣнено раздѣленіе труда. Или же оно замѣнилось такимъ же автоматическимъ уходомъ за какою-нибудь частью машины, отрываніемъ и закрываніемъ клапана, подготовкой матеріала, и т. п. Такъ что первое слѣдствіе техническихъ усовершенствованій, по мнѣнію Маркса, состояло въ томъ, что они обобванили рабочаго, которому сметка и искусство оказались безъ надобности. Такой оглуцѣвшій рабочий терялся, когда толчекъ промышленности выбрасывалъ его на мостовую, не умѣлъ легко подыскивать себѣ другое дѣло. Но это же

обстоятельство и помогло дѣлу. По замѣчанію К. Маркса, частіе толчки пріучили рабочихъ легче ориентироваться, не придерживаясь одного занятія по традиціонной косности отъ отца къ сыну, быстрѣе отзываться на требованія работодателей. Упраздненіе специальной подготовки и упражненій чисто мускульныхъ въ мастерствахъ помогли обратить вниманіе и силы на общее образованіе рабочихъ, которое въ свою очередь облегчило имъ возможность примѣняться къ измѣнчивымъ требованіямъ на работу. Машинная же работа или мануфактурное раздѣленіе труда такъ упростило работу, что чрезвычайно облегчило переѣмъ работы, избавляя отъ необходимости специального навыка, и требуя только общей сметки и быстроты соображенія, которыя именно и развиваются помощью общаго образованія, хоть бы самаго элементарнаго, и въ свою очередь служатъ успѣху этого самаго общаго образованія. Это общее образованіе дѣлается постепенно все болѣе предметомъ заботы правительствъ, и расходы на него несетъ вся страна, такъ какъ интересн ея, взятыя въ цѣломъ, зависятъ отъ распространенія общаго образованія массъ.

Не останавливаясь болѣе на практическихъ приемахъ человѣчества въ этомъ направленіи, отмѣтимъ общіе законы:

1) Неравномѣрность заработковъ можетъ произойти отъ неправильнаго распредѣленія рабочихъ силъ по различнымъ отраслямъ работы.

2) Эта неравномѣрность исправляется переходомъ рабочихъ силъ, и правильнымъ направленіемъ вновь прибывающихъ молодыхъ силъ. Оба эти приема чисто динамическіе.

3) Въ нашемъ примѣрѣ мы подразумѣваемъ, что потребительная цѣнность произведеній каждаго работника была пропорціональна ихъ абсолютной цѣнности.

При правильномъ размѣщеніи работниковъ, мѣновая цѣнность ихъ произведеній была также въ совершенно одинаковой пропорціи для всѣхъ трехъ къ абсолютной цѣнности ихъ. Съ приходомъ четвертаго рабочаго, пропорція эта измѣнилась, а съ нею и величина заработка. Мы можемъ изъ этого примѣра вывести еще два слѣдующія заключенія:

1) Нарушеніе равновѣсія пропорціи мѣновой цѣнности произведеній къ абсолютной ихъ цѣнности производитъ неравномѣрность заработковъ.

2) Уравновѣшеніе мѣновой цѣнности произведеній ведетъ за собою уравновѣшеніе заработковъ.

Н. Батюшковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЪ ВОПРОСУ О РЕДАКЦІЯХЪ ДОМОСТРОЯ, ЕГО СОСТАВѢ И ПРОИСХОЖДЕНІИ ¹⁾).

III.

Отсутствіе въ Коншинскомъ спискѣ тѣхъ дополненій, какія встрѣчаются въ спискѣ Общества исторіи и древностей Россійскихъ, г. Некрасовъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: Признавая изводъ Домостроя по списку Общества первоначальною редакціей памятника, появившагося въ Новгородѣ, г. Некрасовъ говоритъ: „Сильвестръ дѣлалъ Домострой памятникомъ Московскимъ, только сокращая его, выбрасывая изъ него то, что шло къ Новгороду, а не шло къ Москвѣ“ ²⁾. Итакъ, неполный видъ Коншинскаго списка, сравнительно съ спискомъ Общества, г. Некрасовъ объясняетъ сокращеніями, которыя будто бы сдѣлалъ Сильвестръ въ первоначальной редакціи Домостроя, съ цѣлью приурочить послѣдній къ московскимъ обычаямъ. Но тутъ является вопросъ: если „священникъ Сильвестръ старался“ — какъ увѣряетъ авторъ Опыта—, отуземить (акклиматизировать) Домострой въ Москвѣ“ ³⁾, то обязанъ ли онъ былъ, въ виду такой цѣли, выпускать въ своей редакціи памятника тѣ именно мѣста первоначальнаго Домостроя, на которыя указываетъ г. Некрасовъ? Была ли въ томъ какая-нибудь нужда, и правда ли, что все выпущенное Сильвестромъ, какъ думаетъ авторъ „Опыта“, „не шло къ Москвѣ“, а могло принадлежать лишь новгородскому быту? Если это дѣйстви-

---

¹⁾ *Окончаніе*. См. есвральскую кн. *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ *Опытъ*, стр. 178.

³⁾ *Ibidem*, стр. 184.

тельно правда, то г. Некрасовъ вѣрно объясняетъ исторію происхожденія Коншинской редакціи изъ редакціи списка Общества; если же— нѣтъ, то вопросъ о московской „акклиматизаціи“ долженъ рушиться, а вмѣстѣ съ нимъ и увѣренность, будто Домострой могъ явиться только въ новгородскомъ быту; въ послѣднемъ случаѣ, конечно, на Сильвестра ужъ не придется смотрѣть, какъ на передѣлывателя, акклиматизатора Домостроя. Итакъ, какія мѣста въ Домостроѣ должны быть стереть Сильвестръ, чтобы его редакція памятника подходила къ московскому быту? Прежде всего г. Некрасовъ указываетъ на статью: „Како подобаѣ крестити і покланати,“ отсутствіе которой въ Коншинскомъ спискѣ онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Судя по списку Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Новгородъ въ борьбѣ съ Москвою, въ числѣ другихъ своихъ знаменъ и внѣшнихъ отличій представлялъ и то перстосложеніе креста, которое до сихъ поръ сохраняется у старообрядцевъ. Москва же представляла иное, общепризнанное нашею церковью. Въ такомъ же точно отношеніи Псковъ стоялъ къ Москвѣ относительно пѣнія аллилуйя... Но еслибы даже Сильвестръ и раздѣлялъ Новгородское мнѣніе о перстосложеніи, чего нельзя допустить, потому что тогда Макарій не взялъ бы его изъ Новгорода и не приблизилъ бы къ Ивану IV, то уже онъ не могъ бы не измѣнить статьи о немъ въ Домостроѣ. Но Сильвестръ дѣлалъ Домострой памятникомъ Московскимъ, только сокращая его, выбрасывая изъ него то, что шло къ Новгороду, а не шло къ Москвѣ. А потому въ спискѣ Коншина мы и не встрѣчаемъ статьи о перстосложеніи“ ¹⁾). Всякій, кто прочитаетъ эти строки „Опыта“, непременно скажетъ, что г. Некрасовъ не принялъ во вниманіе ни исторіи происхожденія раскола въ Русской церкви, ни въ частности вопроса о крестномъ знаменіи въ его двуперстномъ и троеперстномъ сложеніяхъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что былъ расколъ и явился при этомъ впервые въ Москвѣ, ужъ одно это обстоятельство, какъ нельзя лучше опровергаетъ голословное увѣреніе автора „Опыта“, будто Москва „представляла“ во времена Сильвестра „иное общепризнанное нашею церковью“ перстосложеніе. Вѣдь до патріарха Никона и собора 1667 г. были двуперстники? Были, ибо въ противномъ случаѣ не было бы раскола въ отношеніи крестнаго знаменія. Но мы не станемъ ограничиваться однимъ лишь общимъ указаніемъ на появленіе

¹⁾ Опытъ, стр. 177—178.

раскола, а постараемся привести нѣкоторыя подробности по вопросу о двуперстїи. Способъ правильно изображать на себѣ крестъ къ концу XV и началу XVI вѣка, какъ извѣстно, до того извратился, что вызвалъ со стороны книжниковъ того времени самыя сильныя протесты ¹⁾. Извращеніе это заключалось, во первыхъ, въ томъ, что владѣ крестное знаменіе и благословляли не „крестообразно и по чину“, а кое-какъ, и ввторыхъ, въ томъ, что крестились либо двумя, либо тремя перстами ²⁾. Одни изъ лучшихъ русскихъ людей конца XV и начала XVI вв. ограничивались въ своемъ протестѣ лишь неопредѣленнымъ требованіемъ изображать крестъ „по чину, по существу“ ³⁾, другіе же шли дальше и указывали, кромѣ того, способъ, какъ складывать персты для крестнаго знаменія: троеперстїе или двуперстїе. Изъ этихъ двухъ способовъ предпочтеніе въ большинствѣ случаевъ оказывалось послѣднему. Такъ уже въ концѣ XV в. въ церковно-каноническихъ памятникахъ мы находимъ такую фразу: „иже не крестится двѣма ⁴⁾ перстома, а коже и Христось, да будетъ проклятъ“; подобное же проклятїе встрѣчается и въ Сборникѣ XV в. Московской синодальной бібліотеки ⁵⁾. Такая энергическая защита двуперстнаго крестнаго знаменія не мѣшала, впрочемъ, по прежнему существовать и троеперстїю, хотя—слѣдуетъ сказать—памятниковъ, написанныхъ въ пользу послѣдняго, мы встрѣчаемъ сравнительно гораздо меньше. Первый, кто освящаетъ высшимъ церковнымъ авторитетомъ двуперстїе, былъ Давидъ, Московскій митрополитъ, управлявшій паствою въ малолѣтство Іоанна IV, авторъ многихъ словъ, посланій и поученій. Въ одномъ изъ словъ своего „Сборника“, а именно четвертомъ, митрополитъ Давидъ останавливается, между прочимъ, на вопросѣ о крестномъ знаменіи и самымъ правильнымъ способомъ перстосложенія признаетъ двуперстїе, основываясь въ данномъ случаѣ, какъ и Домо-

¹⁾ См., напримѣръ: 1) Посланіе Филоея старца Елизарова монастыря къ великому князю Василю Ивановичу: „О исправленіи крестнаго знаменія“ *Праг. Соб.* 1863 г., № 3, стр. 337—339. 2) „Разсужденіе Вассіана (Патрикѣева) о несправильности монастырѣмъ владѣть вотчинами“ въ *Чт. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1859 г., кн. III, отд. III, стр. 13 и пр. 3) Статью: „О вкрестящихся“ въ рукописи Моск. дух. эк., № 197, л. 97.

²⁾ *Ист. Русск. церкви Макарія*, т. VIII, 115—116.

³⁾ См. примѣч. первое, а также „Посланіе къ царю Ивану Васильевичу“ въ *Чт. Общ. Ист. и Др.* 1874 г., статья „Благовѣщенскій іерей Сильвестръ“, стр. 86—87.

⁴⁾ См. рук. Кирил.-бѣлоз. библ. XV в., № 1088, лл. 263—265.

⁵⁾ См. Опис. рук. синод. б., отд. II, кн. 3, стр. 571. См. также *Ист. церкви Макарія*, т. VIII, 120—125; *Виноградова*: О Теодоритовомъ словѣ, стр. 58.

строй по списку Общества Исторіи и Древностей ¹⁾, на Θεодоритовомъ словѣ и свидѣтельствѣ Петра Дамаскина. Такой способъ Даниилъ называетъ „преданіемъ апостольскимъ неписаннымъ“ ²⁾. Итакъ, глава русской іерархіи, самъ митрополитъ, открыто поучаетъ свою паству, москвичей, креститься двумя перстами! Вслѣдъ за митрополитомъ Данииломъ, или одновременно съ нимъ, по вопросу о крестномъ знаменіи высказался и знаменитый Максимъ Грекъ. И что же? Подобно Даниилу, онъ тоже признаетъ двуперстіе ³⁾.

¹⁾ См. *Чт. Общ. Ист. и Др.* 1881 г., кн. II, стр. 38, 39.

²⁾ Статья В. Жмакина: „Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія“ въ *Чт. Общ. Ист. и Др.*, кн. II, стр. 442 и слѣд.; а также *Макарія*: *Ист. Русск. церкви*, т. VII, стр. 327.

³⁾ *Ист. Русск. церкви Макарія*, т. VIII, стр. 115—116. Послѣ собора 1667 г., осудившаго патріарха Никона и раскольниковъ мѣвѣи, въ литературѣ не разъ выражалось сомнѣніе въ принадлежности слова о двуперстіи, какъ и о сугубомъ аллилуіа, Максиму Греку (см. *Словарь истор. пис. дух. чина*, т. II, изд. 2-е, стр. 40 митр. Евгения и статьи: „Максимъ Грекъ“ преосв. Филарета въ *Москвит.* 1842 г., №№ 11 и 12), но сомнѣніе это—при необъятности доводовъ—вполнѣ понятно: наши нѣкоторые церковники не могутъ примириться съ мыслью, чтобы Максимъ Грекъ, этотъ знаменитый поборникъ православія, признанный нашею церковью преподобнымъ, могъ одобрять раскольниковъ двуперстіе и сугубое аллилуіа. Словомъ, здѣсь повторилось то же, что въ вопросѣ о подлинности Стоглавника, неканоническое происхожденіе котораго старались такъ ревностно доказать митрополитъ Платонъ (II, 35) и архіепископъ Черниговскій Филаретъ (III, 193, 2-е изд.). Но на сколько каноничны постановленія собора 1551 года, на столько же подлинны и тѣ двѣ статьи Максима Грека, которыя трактуютъ о двуперстіи и сугубомъ аллилуіа. Въ этомъ насъ прежде всего убѣждаютъ древніе списки сочиненій Максима Грека, составленные задолго до собора 1667 года, когда раскольниковъ, которымъ обыкновенно приписываютъ внесеніе статей о сугубомъ аллилуіа и о двуперстіи въ сборники трудовъ, несомнѣнно принадлежащихъ преподобному, еще не было. Таковы списки: Ундольскаго 1587 года (см. *Опис.* № 487, гл. 32, л. 128), Синодальный конца XVI вѣка (см. *Опис.* II, 2, № 191, л. 64², гл. 15). Самымъ древнимъ спискомъ сочиненій Максима Грека считается, какъ извѣстно, рукопись Хлудовской бібліотеки, писанная въ 1567 году. Къ сожалѣнію, рукопись эта, при полномъ оглавленіи, заключаетъ въ себѣ только половину статей Максима Грека, первую часть полнаго собранія сочиненій преподобнаго; что же касается второй половины, составлявшей, по всей вѣроятности, отдѣльный сборникъ, то ея въ Хлудовскомъ собраніи нѣтъ (см. *Опис. Хлуд. рук. А. Попова*, № 70). Просмотрѣвая сочиненія Максима Грека въ Румянцовскомъ музеѣ, мы случайно натолкнулись на сборникъ (XVI вѣка), который, по видимому, представляетъ непосредственное продолженіе Хлудовской рукописи, такъ сказать вторую и послѣднюю часть ея. Хотя почерки обоихъ сборниковъ, Хлудовскаго и Румянцовскаго, мы не сравнивали (это, впрочемъ, и не особенно важно: вѣдь переписчикъ могъ быть и

Конечно, авторитеты этихъ двухъ лицъ не могли остаться безъ вліянія на современниковъ, изъ которыхъ, какъ извѣстно, многіе обращались за совѣтами и наставленіями, какъ къ митрополиту Данилу, такъ и къ Максиму Греку, и особенно къ послѣднему. Въ 1551 г. вопросъ о крестномъ знаменіи сильно занимаетъ отцовъ Стоглаваго собора, который въ 31-ой главѣ своихъ постановленій рѣшительно—мы знаемъ—сталъ на сторону двуперстія: „иже кто не знаменуется двема персты якоже и Христось, да есть проклятъ“¹⁾. Наказные списки Соборнаго уложенія 1551 г., отправленные въ 1551—1558 гг. митрополитомъ Макаріемъ, этимъ дорогимъ для раскольниковъ іерархомъ, въ Владиміръ и Каргополь, повторяютъ цѣликомъ рѣшеніе Стоглава о двуперстіи²⁾.

Мы не станемъ здѣсь касаться вопроса о подлинности Стоглавника: что постановленія послѣдняго достовѣрны и носятъ каноническій характеръ, это съ наглядною убѣдительностью доказано преосв. Макаріемъ въ его Исторіи Русской церкви, т. VII, стр. 95, и Бѣллевымъ въ Предисловіи къ наказнымъ спискамъ Стоглаваго собора, изданнымъ въ 1863 году.

Этихъ трехъ указаній на Максима Грека, митрополита Данила³⁾ и Стоглавый соборъ, намъ кажется, вполне достаточно, чтобъ убѣ-

---

не одна), но связь и близость этихъ сборниковъ другъ къ другу видны изъ того, что составъ, порядокъ статей и ихъ нумерація въ Румянцовскомъ буквально совпадаютъ со второю частью оглавленія Хлудовскаго, а это чрезвычайно важно: сборниковъ сочиненій Максима Грека очень много, но всѣ они не похожи другъ на друга, не только порядкомъ, или нумераціей, но даже составомъ статей: и то, и другое бываетъ разное. Поэтому, странное совпаденіе Румянцовской рукописи съ оглавленіемъ Хлудовскаго сборника заставляетъ думать, что первая была продолженіемъ втораго и составлена, конечно, въ томъ же году, что и второй, то-есть, въ 1567 г. Статьи о крестномъ знаменіи и аллилуйя въ Румянцовской рукописи были, но онѣ вырваны. Какого она были содержанія, раскольничьяго или православнаго,—не знаемъ; предполагаемъ—перваго. Не стоитъ ли вырзка эта въ связи съ какими-нибудь соображеніями Т. Ф. Большакова, отъ котораго сборникъ былъ купленъ: старовѣры, говорятъ, не любятъ выпускать изъ своихъ рукъ то, что соотвѣтствуетъ ихъ мыслямъ и убѣжденіямъ?

¹⁾ См. изданіе *Кожанчикова*.

²⁾ См. Наказные списки Стоглаваго собора, изд. *Бѣллева*.

³⁾ Частыя ссылки на двуперстіе м. Данила и Максима Грека находятъ, напримѣръ, и въ нашей рукописи (конца XVIII вѣка), озаглавленной: „Древнерусская црковная історія“. Авторъ этой „исторіи“, по видимому, болѣе склонный къ расколу, чѣмъ къ православію, приводитъ множество доказательствъ, опровергающихъ, по его мнѣнію, „самоиѣнное мѣдрованіе

даться въ невозможности предположенія г. Некрасова, будто Москва, въ противоположность Новгороду, признавала лишь православное крестное знаменіе. Ясно, что большинство, если не всѣхъ, то по

Патріархвъ Паусіа Константинопольскаго и Нікѡна Москѡвскаго* (л. 65²) и между прочимъ говоритъ слѣдующее: „Княженіе великаго князя Василя Іванновича. При немъ быше Даніилъ митрополітъ Московскій ѥже быше оучникъ прѣпбнаго ѥ премъраго Іѡсифа Волоколамскаго, оукрашавше прѣтоль русскіа митрополіа. Той собра книгѣ именѡемѡ Соборникъ ѡ многихъ сщєнны^х писани въ словѣ Дѣѣ тоя книги пишеть какѡ достѡитъ креститися. Во свидѣтельство приводитъ греческаго оучителя сѣаго Петра Дамаскина и сщєнника, ещє же и блженнаго Феодорита Кира града еѣкопа и прѡ. сими тожде сщєнное знаменованіе по старопечатнѣи книгѣ зѣлѡ согласнѡ доказуется. § 47: При семъ кнѣзѣ бѣ прѣпбныи и многоученныи мѡжѣ Маѣимъ Грекъ... той оубо Маѣимъ Грекъ къ нѣкоемѣ вопросившемѣ егѡ написа посланіе, которое в собраннои нѣкѣими по смерти егѡ кнѣзѣ по ложенное почислѡ Мѣ и во ѡнѡ сказѡеть къ вопросившемѣ егѡ о сложеніи перстѡвъ на крѣтое знаменованіе, согласна во всемѣ древнимѣ русскіимъ книгѣ, двѣма перстѡма“ (л. 58 и 58²). Не лишены также значенія слѣдующія доказательства автора въ пользу двуперстнаго крестнаго знаменія: „Равнымѣ Образомъ“ — говоритъ онъ — „ѥ стѣшїи Іѡвѣ патріархъ Московскій, въ посланіи своемѣ въ Грузинскую землю, въ коемѣ повелѣваетъ двѣма перстѡма знаменоватися. Паки тои же стѣшїи патріархъ Іѡвѣ ѡдаде въ патріаршѡ рїзницѣ древле писанныи потребникъ, въ немѣ же во главѣ мѣ написано сщє: ѥже не креститися двѣма перстѡма, якоже ѥ Христосѣ, да будетъ проклятъ. Сѣ же двуперстное сложеніе паки подтѣржденіе оучинилъ Стѣшїи Патріархъ Филаретъ Никитичъ въ кнѣзѣ именѡемой попростѣ Великіи Катихизисѣ, за блгословеніемѣ Его, тѡпомѣ въ свѣтѣ ѥданной въ лѣ зрлѣ. во главѣ в. блженнаго Феодорита оученіемѣ. Потомѣ по прошествїи шестинадесяти лѣтъ: Стѣшїи Патріархъ Іѡсифъ паки двуперстнаго сложенія избѡбилѣе раумноживъ по твердилъ: а въ кнѣзѣ названнои Кириловой вѣ во псалтірехѣ великѣи со вослѣдованіемѣ и малыхъ, оучебнѣи въ трехъ выходахъ. г. въ кнѣзѣ ѡ правой вѣрѣ, во главѣ в. д. въ катихизисѣ малѡмѣ и во всѣхъ шнѣхъ согласное подтѣржденіе оучинилъ ѡпредѣленію выше обѡвленномѣ Стоглавнаго Москѡвскаго Собѡра“ (л. 62).

крайней мѣрѣ лучшихъ книжныхъ людей крестилось въ Москвѣ во время Домостроя по раскольничьи ¹⁾.

Къ такимъ лучшимъ людямъ принадлежать, несомнѣнно, и знаменитый исповѣдникъ Иоанна Грознаго, Благовѣщенскій іерей Сильвестръ, другъ Максима Грека, другъ и единомысленникъ митрополита Макарія ²⁾, предсѣдателя собора 1551 года. Есть, значить, основаніе предполагать, что и Сильвестръ былъ двуперстникомъ. Подобное предположеніе перейдетъ въ полную увѣренность, когда мы вспомнимъ, что Сильвестръ участвовалъ въ Стоглавомъ Соборѣ ³⁾ и рекомендовалъ въ назиданіе его правила ⁴⁾.

¹⁾ Указаніе на двуперстіе находимъ мы, между прочимъ, въ очень распространенномъ въ XVI и XVII вв. (судя по числу дошедшихъ до насъ рукописей) сочиненіи, подъ названіемъ „Сынъ Церковный“, приписываемомъ Иоанну Философу. Содержаніе этого любопытнаго памятника—рядъ правилъ и наставленій, касающихся религіозно-нравственной жизни всякаго христіанина. Посвящая свой трудъ „шѣлкому вопросившу“, авторъ даетъ совѣты, на примѣръ, о томъ, какъ нужно молиться дома, какъ слѣдуетъ стоять въ церкви и когда приходитъ, или выходить изъ нея, какъ необходимо имѣть отца духовнаго, какъ относиться къ послѣднему и т. п. Среди разныхъ наставленій въ „Церковномъ Сынѣ“ мы находимъ также и правило, какъ слѣдуетъ слагать персты для крестнаго знаменія. Въ главѣ: „О крестѣ имже рукою своею ограждаемся“ сочинитель книги говоритъ слѣдующее: „Егда сложиши большой перстъ, рекомый палець, со двѣма меншими, е послѣдними, то знаменуетъ образъ таинства пребезначальнаго существа нераздѣлимыя Трѣцы Оца и Сѣна и Стаго Дѣа и егда сложивъ преклони средній перстъ съ прѣбольшимъ перстомъ, то знаменуетъ два естества во единомъ составѣ, бжство и члство, сего ради полагается начало главы, сводится до перси и до пупа (см. печ. экз. Рум. Муз. № 1185, № 31). Наввать „Сына Церковнаго“ раскольничью книгой нельзя, потому что, во первыхъ, есть списки XVI вѣка, когда самаго названія „расколъ“ еще не было и, во вторыхъ, предлагая двуперстіе, и считаеаго „совершеннымъ крестомъ“, авторъ въ то же время призываетъ молиться за Царя, патріарха (ясно, что „Сынъ Церковный“ составленъ не ранѣе конца XVI вѣка), требуетъ послушанія и уваженія церковнаго чина, посѣщенія церкви и т. п. „Сынъ Церковный“ своими правилами во многомъ напоминаетъ Домострой, но вопроса о взаимномъ отношеніи этихъ двухъ памятниковъ мы пока касаться не станемъ.

²⁾ Статья: „Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія“ архим. Леониды (въ *Чт. Общ. Ист. и Др.* 1874 г., кн. I, стр. 30 и др.).

³⁾ См. Матеріалы для Исторіи Стоглава, ст. *Жданова* въ *Ж. М. Н. Пр.* 1876 г., августъ 211—212.

⁴⁾ Въ посланіи къ князю Александру Борисовичу Шуйскому-Горбатову, въ Казань, Сильвестръ, между прочимъ, совѣтуетъ князю надзирать за духовенствомъ

Все сказанное нами о распространенности двуперстія въ Москвѣ, объ отношеніи къ этому способу крестнаго знаменія Сильвестра, приводитъ къ мысли, что для Благовѣщенскаго попа — если только допустить его передѣлку на „московскій ладъ“ Домостроя — не представлялось ни малѣйшей надобности уничтожать главу о двуперстіи: не было этой нужды и въ томъ случаѣ, когда Сильвестръ приноровливалъ новгородскій Домострой не только для общаго назиданія всѣхъ москвичей, но даже для наставленія своего „единочадаго сына“ Анфима: лично Сильвестръ — слѣдуетъ думать — признавалъ двуперстіе. Впрочемъ, съ послѣднимъ согласенъ и самъ авторъ „Опыта“¹⁾. Но какъ же, въ этомъ случаѣ, объяснить отсутствіе главы о двуперстномъ крестномъ знаменіи въ Коншинскомъ спискѣ, который по справедливости — долженъ быть названъ Сильвестровскою редакціей Домостроя? Принять объясненіе г. Некрасова, какъ мы видѣли, нельзя: Сильвестръ въ данномъ случаѣ не могъ быть акклиматизаторомъ Домостроя на московскій ладъ. Остается предположить одно изъ двухъ: либо глава о двуперстіи была выпущена переписчикомъ Коншинскаго списка, либо ея вовсе не было въ оригиналѣ Сильвестровской редакціи памятника. Последнее предположеніе заслуживаетъ большаго довѣрія, ибо если допустить, что въ оригиналѣ Коншинскаго списка была глава о двуперстіи, то авторъ этого списка, во первыхъ, не выпустилъ бы ее, еслибы былъ раскольникъ и, во вторыхъ, замѣнилъ бы ее православнымъ вѣроученіемъ (какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, авторъ Погодинскаго Домостроя; см. Временикъ 1849 г., кн. I, стр. 19), еслибы придерживался троеперстія. Съ другой стороны, Коншинскій списокъ, за самыми мелкими отступленіями, какъ доказываетъ г. Некрасовъ²⁾, сохранилъ видъ Сильвестровскаго Домостроя, то-есть, того списка, который непосредственно вышелъ изъ-подъ пера самого Сильвестра. Сопоставляя все это, авторъ „Опыта“, намъ кажется, долженъ бы придти къ мысли, что въ до-Сильвестровскомъ Домостроѣ (если таковой дѣйствительно существовалъ) главы о двуперстіи не было. Конечно, этотъ выводъ будетъ обязателенъ для г. Некрасова въ томъ случаѣ, когда онъ откажется отъ совершенно ложнаго предположенія, будто Москва

и заставляя послѣднее „Христіане поучатя... по правиломъ святыхъ апостолъ.. и по соборному Уложенію (то-есть, Стоглавику); а та книжка соборная есть списана въ новомъ городѣ въ Свіяжскомъ, у Протопопа“ (Ут. Общ. Ист. и Др. 1874 г., кн. I, стр. 94).

¹⁾ Опытъ, стр. 178.

²⁾ Ibid., стр. 176.

крестилась по православному, а Новгородъ—по раскольниковъ. Отъ этого вывода г. Некрасовъ естественно долженъ придти и къ дальнѣйшему заключенію, а именно: не въ Коншинскомъ спискѣ глава о двуперстіи была выпущена, а въ спискѣ Общества она позднѣе прибавлена. Что послѣднее вѣроятно, это подтверждается и мѣстомъ главы о двуперстіи въ Домострой: разбираемая статья представляетъ не то отдѣльную главу, не то какое-то приложение, подъ особымъ заглавіемъ, къ главѣ: „Како в' цркви мѣжѣ и женѣ молити, чѣтоа хранити, и всакого зла не творити“ (13 г. сп. Общ.), хотя приложение это—на нашъ взглядъ—болѣе бы шло, напримѣръ, ко главѣ 3-й (по списку Общества) Домостроя, или вообще къ началу послѣдняго, гдѣ авторъ совѣтуетъ креститься, въ увѣренности, что способъ сложенія креста читателю уже извѣстенъ. Впрочемъ, о мѣстѣ мы не споримъ: мы высказываемъ лишь свое личное впечатлѣніе.

До сихъ поръ отсутствіе главы о крестномъ знаменіи въ Коншинскомъ спискѣ намъ приходилось объяснять такъ сказать съ точки зрѣнія г. Некрасова, то-есть, мы предполагали, какъ это дѣлаетъ авторъ „Опыта“, что Сильвестръ былъ не сочинителемъ Домостроя, а только лишь редакторомъ его. При такомъ взглядѣ на Сильвестра—мы видѣли—г. Некрасовъ долженъ въ силу необходимости признать, что отсутствіе статьи о двуперстіи въ Коншинскомъ спискѣ положительно не объяснимо. Но если мы посмотримъ на Благовѣщенскаго попа, какъ на самого автора Домостроя, а на списокъ Общества—какъ на передѣлку памятника, приноровленнаго для всеобщаго употребленія православныхъ христіанъ, тогда отсутствіе статьи о двуперстіи въ Коншинской редакціи станетъ понятно. Тутъ для насъ ужъ безразличенъ вопросъ, какъ крестился Сильвестръ, по раскольничьи, или по православному; намъ гораздо важнѣе то, что Домострой написанъ имъ для своего „единочадаго“ сына. Анфимъ съ младенчества росъ и получалъ религіозно-нравственное воспитаніе подъ надзоромъ Сильвестра, отъ котораго научился, конечно, и какъ слѣдуетъ креститься. Домострой написанъ для Анфима, когда послѣдній былъ женатъ и на столько уже, само собою разумѣется, привыкъ къ обычному перенятому отъ образованнаго отца способу перстосложенія, что не представлялось вовсе надобности поучать его, какъ нужно креститься. Другія правила религіозно-нравственной жизни могли или забываться, или просто, по нерадѣнію, не исполняться Анфимомъ, чего нельзя сказать про механической способъ сложенія креста, обычный и крѣпко усвоенный съ самыхъ юныхъ лѣтъ отъ

родного отца и матери. Такъ нужно ли было Сильвестру писать въ Домостроѣ, назначенномъ для сына, еще особую статью о перстосложеніи? Полагаемъ, нѣтъ. Что Сильвестръ не считалъ необходимымъ наставлять своего сына въ крестномъ знаменіи, это мы видимъ и изъ 64-й главы Коншинскаго списка (такъ-называемаго Малаго Домостроя), гдѣ, среди самыхъ мелкихъ правилъ обрядовой религіозной жизни, о перстосложеніи для креста не говорится ни слова. Совсѣмъ въ другія условія поставленъ былъ передѣлыватель Домостроя. Приноровливая памятникъ для всеобщаго употребленія православныхъ христіанъ, которые, конечно, крестились по-разному, редакторъ естественно пожелалъ познакомить поучаемыхъ читателей и съ тѣмъ способомъ перстосложенія, который, по его мнѣнію, слѣдуетъ считать самымъ правильнымъ и лучшимъ. Такъ, намъ кажется, должно объяснить присутствіе статьи о крестномъ знаменіи въ списокѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Последнее предположеніе станетъ если не обязательнымъ, то весьма вѣроятнымъ, когда, вслѣдъ за этимъ, перейдемъ къ разбору другихъ доказательствъ „Опыта“ въ пользу того, что списокъ Коншина—не болѣе, какъ московская передѣлка новгородскаго Домостроя. Стараясь доказать эту мысль, г. Некрасовъ выставляетъ на видъ, кромѣ крестнаго знаменія, еще разницу редакцій въ двухъ древнѣйшихъ спискахъ Домостроя главы: „како дочери воспитати сѣ надѣякомъ і замѣ выдати“ (по списку Общ. XX-я, Коншина—XVI-я). Различіе редакцій этой главы объясняется въ „Опытѣ“ слѣдующимъ образомъ. „Если этотъ богатый властелинъ по идеалу сихъ главъ (XVI - XXIX)“, говоритъ г. Некрасовъ,—„разбирая „наказъ отъ нѣкоего“—„подходить къ новгородскому идеалу, то дочь его и жена несомнѣнно новгородки. Если у него „дочи родитца, ино разсудный отецъ, которымъ торгомъ себя питаетъ, во градѣ ли куплю дѣветъ, или по морю, или деревню пашеть, и онъ ис торгу еѣ выть какову паменить“. Изъ этихъ словъ“, продолжаетъ г. Некрасовъ,—„очень ясно, въ какомъ городѣ родится и воспитывается дочь, когда сочинитель пишетъ объ ней въ XV вѣкѣ (?). Едва ли исторія найдеть объясненіе подобной окраски въ бытѣ Москвы XV вѣка. Даже во второй половинѣ XVI вѣка, отъ которой сохранился Сильвестровскій списокъ Домостроя, именно въ этой главѣ оказалось нужнымъ стереть всю окраску быта торговаго города, потому что списокъ этотъ принадлежалъ къ передѣлкѣ московской. Подобная передѣлка этой главы была бы невозможна, еслибы торговое дѣло и между боярами Московскими въ XVI вѣкѣ было въ такомъ же ходу, какъ и въ Нов-

городѣ¹⁾. Прочитавъ это мѣсто въ „Опытѣ“, мы прежде всего ставимъ г. Некрасову такой вопросъ: если Сильвестръ стиралъ въ своей передѣлкѣ памятника черты торговаго быта, какъ чуждаго боярской московской жизни XVI вѣка, то почему же въ этомъ случаѣ онъ ограничивается лишь одною XVI-ю главой? Почему онъ не уничтожилъ такихъ же чертъ торговаго быта, напримѣръ, въ главахъ 60-й, 61-й, 62-й и др. (Конш. сп.), которыя, по предположенію г. Некрасова, тоже, кажется, не должны бы подходить къ Москвѣ XVI вѣка²⁾. Вѣдь нельзя же допустить, что Сильвестръ, приноровливая Домострой къ быту Москвы XVI вѣка, ту часть этого памятника, которая въ Предисловіи къ списку Общества названа „Наказомъ“, предназначалъ лишь для однихъ московскихъ бояръ, а остальные главы, начиная съ 26-й (по списку Коншина),—для всѣхъ вообще москвичей, въ томъ числѣ и купцовъ. Такое разграниченіе не мыслимо, о чемъ мы и раньше уже говорили. Но если согласиться и съ невозможнымъ, то и здѣсь предстоитъ не разрѣшимый для г. Некрасова вопросъ: почему Сильвестръ, стирая черты торговаго быта въ 16-й главѣ, оставляетъ ихъ въ 22-й (Конш. сп.), которая тоже, по мнѣнію автора „Опыта“, описываетъ жизнь московскаго боярина (=26-й главѣ по списку Общества): „А чѣмъ государь пожалуетъ: платьемъ, или лошедь... или пашенькою, или какою торговлею“ и т. д.? Мы не знаемъ, какъ объяснить разницу редакцій главы: „како дочи воспитати съ надѣлкою замужъ выдати“ въ двухъ древнѣйшихъ изводахъ Домостроя, но думаемъ что Сильвестру вовсе не представлялось надобности (чтобы не быть непослѣдовательнымъ) стирать въ своей передѣлкѣ Домостроя (если—повторяемъ—таковая когда-либо существовала) тѣ черты, которыя, такъ или иначе, могли указывать на торговый бытъ среды, гдѣ впервые явился памятникъ. Эта увѣренность оправдывается историческими фактами.

Что въ Новгородѣ бояре занимались торговлей, въ этомъ никто

¹⁾ Опытъ, стр. 151—152.

²⁾ Заглавіе 60-й статьи такое: „О торговыхъ и о лавочныхъ людехъ потому же счетъ съ ними часто держати“. Здѣсь говорится о томъ, какъ государю „надобеть смечатися“, то-есть, провѣрять людей, „которые въ лавкахъ торгуютъ“. Глава 61-я названа: „Какъ дворъ строити, или лавки, или деревни или амбаръ“. Заглавіе 62-й главы: „Какъ дворовое тягло платити, или съ лавки повесть или съ деревни и должникомъ долгъ всякой платити“. Указанія на то, что „государь“, кромѣ другихъ занятій, часто также и ведетъ торговое дѣло, держитъ лавки, мы находимъ и въ другихъ главахъ Коншинскаго списка, напримѣръ, 26-й, 51-й.

не сомнѣвается ¹⁾; но нѣтъ также сомнѣнія и въ томъ, что торговое дѣло было хорошо извѣстно и московскимъ боярамъ XVI вѣка. Торговали всѣ русскіе. „По свидѣтельству иностранцевъ“, говоритъ г. Костомаровъ,—„русскіе, отъ большихъ до малыхъ, очень любили торговлю. Европейцы, бывавшіе у насъ посланниками, удивлялись, что въ Россіи всѣ важныя лица, безъ изъятія и сами посланники, отправляемые къ иностраннымъ дворамъ, занимаются торговлей“ ²⁾. Торговое дѣло было такъ любезно москвичамъ XIV—XVII вѣковъ, что имъ занимались не только бояре, начиная съ самыхъ знатныхъ, но даже самъ царь. Такъ, подъ 1567 г. въ лѣтописи мы находимъ такое извѣстіе: „Отпустилъ государь со своею бологодѣтію (то-есть, товарами) отъ своей казны своихъ гостей и купцовъ въ Поморскія государства: въ Антропъ (Антверпенъ) къ бурмистрамъ и ратманамъ-посламъ гостя Ивана Аеонасьева, да купца Тимоея Смывалова; во Гурмызъ (въ Ормуздъ) — купцовъ Дмитрія Ивашева, да Феодора Першина; въ Англійскую землю къ Елизаветѣ королевѣ купцовъ Степана Твординова да Феодота Погорѣлова“. Это были, какъ мы видимъ, въ одно и то же время, и царскіе купцы, и государственные посланники, ѣздившіе съ товарами изъ царской казны, съ цѣлью продать ихъ въ чужихъ земляхъ и купить тамъ для царя другихъ товаровъ. Что Московскіе государи не гнушались заниматься черезъ своихъ посредниковъ торговлю, это подтверждается словами Мейерберга. „Не мало также онъ (то-есть, Алексѣй Михайловичъ) ³⁾ получаетъ отъ торговли, которую ведетъ покупкой и продажей товаровъ черезъ своихъ повѣренныхъ и прикащиковъ, по стародавнему обычаю великихъ князей. Въ казнѣ его выставлены открыто въ продажу разные драгоценныя мѣха, которые ежегодно приносятъ ему сѣверныя области... На народной площади мясники продаютъ говядину, баранину и свинину, а торговки—яблоки, грецкіе орѣхи и по-

¹⁾ *Костомаровъ*, Свѣ.-русск. народоправства, т. II, стр. 22.

²⁾ *Костомаровъ*, Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII вѣкѣ, стр. 136. Мейербергъ, посѣтившій Россію въ царствованіе Алексѣя Михайловича, говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Всѣ бояре, даже сами великокняжескіе послы у иностранныхъ государей, вездѣ открыто занимаются торговлей: продаютъ, покупаютъ, промѣниваютъ безъ личныя и прикрытія; сами продавцы, сами маклеры заставляютъ почетный посольскій санъ служить своему промыслу“ (см. Путешествіе въ Московію, въ *Чт. Общ. Исторіи и Др. Р.* 1873 г., кн. 3, стр. 92).

³⁾ См. *Чт. Общ. Исторіи и Др.* 1873 г., кн. 3, стр. 174 „Путешествіе въ Московію“.

лотна, и громко выкрикиваютъ, что этотъ явный торгъ для прибыли великаго князя, чтобы заманить такимъ припѣвомъ купить царскаго мяса, яблокъ, царскаго полотна. А при продажѣ великій князь пользуется гораздо высшею цѣной противъ дешевой цѣны другихъ продавцевъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что эта характерная картинка правовъ XVII вѣка имѣла своихъ предшественницъ въ XVI (какъ мы видимъ изъ примѣра Ивана Грознаго) и въ XV столѣтіяхъ. Итакъ, напрасны увѣренія г. Некрасова, будто московскіе бояре XVI вѣка не занимались торговлей. Не только бояре, но царь, духовенство, да наконецъ, самъ Сильвестръ торговалъ, и сынъ его Анфимъ также.

Въ 64-й главѣ Коншинскаго списка мы читаемъ такія фразы: „А кому што продаывалъ“, говоритъ Сильвестръ,— „все въ любовь, а не въ обманъ; не полюбитъ кто моего товару, и азъ назадъ возму, а денги отдамъ; а о купли и о продажи ни съ кемъ брань и тяжба не бывала; ино добрые люди во всемъ вѣрили, и здѣ (то-есть, въ Москвѣ), и иноземцы. Никому ни въ чемъ не сълыгивано, ни манено, ни пересрочено, ни въ руководѣльи, ни въ торговлѣ“; или: „А иныхъ (то-есть, „пустошныхъ сиротъ и работныхъ и убогихъ“) всякими многими торговли изучихъ торговать“...; .. „а въ торговлѣ прямую розласку чини“, поучаетъ Сильвестръ Анфима; или: „Послушай отца своего наказаніе... промыслу доброму во всякихъ торговлехъ и во всякихъ товарехъ наказану; и святительское благословеніе на себѣ имѣешь... и съ добрыми людьми водишися; и со многими иноземцы великая торговля и дружба есть“ и т. д.. Эти строки показываютъ, что и лично Сильвестръ не имѣлъ нужды стирать въ своей передѣлкѣ Домостроя (если она была только) черты торговаго быта.

Кромѣ ссылки на 20-ю главу (по списку Общества) и указанія на двуперстіе, г. Некрасовъ приводитъ еще одно доказательство въ пользу новгородскаго происхожденія Домостроя. „Для указанія на бытъ Новгорода“, говоритъ онъ,— „въ третьей части Домостроя мы находимъ то, что эта часть Домостроя литературно возникла тамъ, гдѣ были каменные постройки у частныхъ лицъ. Такъ въ 61-й гл. о томъ, „какъ дворъ строити, или лавка, или амбаръ и деревня“, говорится: „всякому челоуѣку домовитому доброму, у кого Богъ послалъ свое подворьице, или деревеньку, или лавку въ торгу, или амбаръ, или каменные“... Ясно, что здѣсь говорится о домахъ частныхъ людей, что эта глава выработалась тамъ, гдѣ каменные дома не составляли рѣшительнаго исключенія и были если не всеобщі, то очень обыкновенны. Какъ извѣстно, того нельзя сказать не только о Москвѣ

XV вѣка, первой половины XVI вѣка, но вообще о цѣломъ XVI вѣкѣ Москвы. Въ 1473 г. въ Москвѣ былъ Контарини и замѣтилъ, что „городъ Москва расположенъ на небольшомъ холмѣ и всѣ строенія въ немъ, не исключая и самой крѣпости, деревянныя“. Изъ письма Кампензе, писаннаго въ 1524 году, извѣстно, что „Москва замѣчательна по своей обширности, но строенія въ ней деревянныя, кромѣ одной крѣпости“. Павелъ Іовій въ первой половинѣ XVI вѣка говорилъ о городѣ Москвѣ: „Домы въ немъ вообще деревянные, не очень огромны“. Напротивъ того продолжаетъ г. Некрасовъ, — „извѣстно, что каменные постройки, принадлежавшія частнымъ лицамъ, были очень обыкновеннымъ явленіемъ въ Псковѣ въ XV вѣкѣ и въ Новгородѣ. Ясно отсюда, гдѣ выработалась эта глава, а слѣдовательно, и вся третья часть Домостроя“ (см. Опытъ, стр. 167—168). Если „каменные дома“—черта новгородскаго быта, то почему Сильвестръ, московскій акклиматизаторъ Домостроя, не стеръ ее? Вѣдь въ Москвѣ, во время Сильвестра, не было каменныхъ построекъ, а въ Коншинскомъ спискѣ тѣмъ не менѣе выраженіе „каменные дома“ осталось? (гл. 61). Съ другой стороны, г. Некрасову можно предложить и такой вопросъ: увѣренъ ли онъ, что въ Новгородѣ „каменные постройки были очень обыкновеннымъ явленіемъ“, и если—да, то на какихъ историческихъ свидѣтельствахъ основываетъ онъ свою увѣренность? Такихъ свидѣтельствъ, въ родѣ показаній иностранцевъ, у насъ нѣтъ; въ противномъ случаѣ г. Костомаровъ, описывая бытъ Новгорода, не преминулъ бы воспользоваться ими и не сказалъ бы, что „дома новгородскіе строились деревянные, на подклѣткахъ, иногда каменныхъ, въ которыхъ были службы“ (см. Сѣв.-русс. народопр., II, 150). Что же касается Пскова, то тотъ же историкъ могъ высказать про его внѣшній видъ лишь слѣдующее предположеніе: „Въ Псковѣ, должно быть, каменныхъ зданій было больше, чѣмъ въ Новгородѣ, потому что изобиліе плитняка вблизи способствовало ихъ построенію“ (ibid.). Вотъ все, что мы знаемъ о домахъ Новгорода и Пскова: считать каменные дома въ Новгородѣ „самымъ обыкновеннымъ явленіемъ“ мы не имѣемъ права. Но если даже допустить и это предположеніе, то вѣдь указанное мѣсто въ 61-й главѣ Домостроя не даетъ права думать, что на каменные дома здѣсь смотреть, какъ на обыкновенное явленіе.

Это видно изъ того, что, прибавляя къ слову „дома“ опредѣленіе—„каменные“, авторъ какъ бы выдѣляетъ ихъ изъ рода другихъ домовъ, деревянныхъ, которые, со всѣми хозяйскими пристройками, на-

зываетъ вообще „подворьяцами“. Ясно, что дѣло происходитъ въ мѣстности, гдѣ каменные дома — рѣдкое явленіе, а это, съ точки зрѣнія г. Некрасова, скорѣе указываетъ на Москву, чѣмъ на Новгородъ; для насъ же лично, какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Москвѣ, дома въ описываемую эпоху, за самыми рѣдкими исключеніями, были вообще деревянные. Здѣсь кстати замѣтимъ, что подъ словомъ „дома каменные“ авторъ Домостроя разумѣетъ, по видимому, не обыкновенный домъ, въ которомъ жилъ хозяинъ, и который назывался то избой, то подворьемъ, то хоромами, а нѣчто особенное. Чтò это такое — мы не знаемъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что ссылками своими въ доказательство новгородскаго происхожденія Домостроя г. Некрасовъ лишь еще болѣе подорвалъ довѣріе къ списку Общества въ первоначальной близости послѣдняго. Къ этому еще прибавимъ, что въ Домостроѣ домъ, въ которомъ живетъ хозяинъ, всегда подразумѣвается деревянный, какъ на примѣръ, можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста въ 38-й гл. по списку Коншина: „Изба, и стѣны и лавки, и скѣмьи, а полъ, и окна, и двѣри, въ сенехъ, и на крыльцы,—вымыть и вытереть и вымести и выскрестъ“ и т. д. Гдѣ могутъ стѣны, тамъ—само собою разумѣется—домъ не можетъ быть каменнымъ. Въ деревенскихъ избахъ, по нѣкоторымъ мѣстностямъ, до сихъ поръ крестьяне могутъ стѣны и потолокъ.

Вслѣдъ за этимъ мы приступаемъ къ разбору доводовъ г. Некрасова, касающихся времени происхожденія Домостроя. Итакъ, когда приблизительно могъ появиться въ древне-русской литературѣ разбираемый памятникъ? „Къ концу XV, или первой половинѣ XVI вѣка, но никакъ не позже 1533 года“¹⁾, категорически отвѣчаетъ г. Некрасовъ, говоря о томъ времени, когда, на его взглядъ, былъ составленъ полный сводъ Домостроя, а для насъ—самый памятникъ. Такое мнѣніе г. Некрасовъ, понятно, основываетъ прежде всего на древности списка, принадлежащаго Обществу Исторіи и Древностей, на соотношеніи предполагаемыхъ, но ничѣмъ, какъ мы видѣли, не оправдываемыхъ отдѣльныхъ (трехъ) частей Домостроя; что же касается доказательствъ, взятыхъ изъ текста памятника, то такихъ въ „Опытѣ“ очень мало: всего на всего одно. „Домострой“, объясняетъ авторъ „Опыта“,— „ничего не говоритъ о домовыхъ церквахъ, о священникахъ, принадлежащихъ этимъ церквамъ, и о богослуженіи, совершаемомъ въ сихъ церквахъ каждодневно... А извѣстно, что въ XVI вѣкѣ въ

¹⁾ Опытъ, стр. 145.

Москвѣ, у бояръ бывали свои домовныя церкви и свои священники. По свидѣтельству Поссевина, знатныя женщины и дѣвицы почти никогда не являлись въ приходскія церкви, кромѣ праздника Пасхи, когда онѣ приобщались. А отъ начала XVII вѣка извѣстно, что у князей было по двѣ, по три такихъ церкви. Въ указанномъ случаѣ Домострой никакъ не могъ бы умолчать объ этомъ, еслибъ онъ имѣлъ подъ руками такія бытовныя черты... Если же въ этой части Домостроя (то-есть, въ главахъ отъ 1-й—15-й по списку Общества) и говорится о „храминѣ“ въ домѣ, гдѣ должны собираться мужъ съ женою и дѣтьми, чтобы молиться каждадневно, то это еще не московскій домовый храмъ XVI вѣка, это еще что-то предшествующее ему... Итакъ, сличеніе этихъ мѣстъ Домостроя (то-есть, гдѣ говорится о „храминѣ“, гл. 11-я по списку Общества) съ тѣмъ, что извѣстно о распространеніи домовыхъ церквей въ Москвѣ XVI вѣка, показываетъ, что Домострой описываетъ быть болѣе ранній, предшествующій быту домовыхъ церквей, зарожденіе и начатки которыхъ онъ и представляетъ¹⁾. Авторъ „Опыта“ говоритъ, что въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ было очень много домовыхъ церквей у бояръ и богатыхъ людей; эта увѣренность, какъ дальше замѣчаетъ, основана исключительно на показаніяхъ иностранцевъ, и преимущественно іезуита Антонія Поссевина. Но можно ли въ этомъ случаѣ—спрашиваемъ г. Некрасова—такъ слѣпо довѣрять свидѣтельствамъ иностранцевъ? Полагаемъ—нѣтъ. „Безъ сомнѣнія, иностранцы не могли знать хорошо внутренняго быта русскаго народа и часто говорили о немъ много невѣрнаго, даже нелѣпаго; сами они могли быть свидѣтелями очень немногихъ, и притомъ извѣстныхъ дѣлъ русскихъ, иногда только вращаясь въ кругу придворной московской жизни, и проводя большее время въ Нѣмецкой Слободѣ“²⁾. Особенно, прибавимъ къ этому, осторожно слѣдуетъ относиться къ тѣмъ показаніямъ иноземцевъ, которыя касались религіозной жизни русскихъ. Вѣдь извѣстно, что наши предки смотрѣли на всѣхъ иностранцевъ, являвшихся съ запада, какъ на еретиковъ-латынянъ, а потому, при исполненіи религіозныхъ обрядовъ, вообще всего, относящагося къ религіи, старались держаться отъ нихъ вдали, боясь оскверненія латынской ересью. Сами иностранцы въ этомъ сознавались. „Вотъ мы попросили“, го-

¹⁾ Опытъ, стр. 140.

²⁾ Русская проповѣдь въ XV—XVI вв. Ж. М. Н. Пр. 1868 г., апрѣль, стр. 319, ст. *Николаевскаго*.

ворить Мейербергъ,—пристава позволить намъ войти въ церковь. На словахъ онъ позволилъ, а на дѣлѣ отказалъ. Потому онъ послалъ напередъ предупредить ключаря, чтобы отнюдь намъ не давалъ этого позволенія... Послѣ уже мы узнали, что москвитяне запрещаютъ людямъ иноземной вѣры входить въ свои церкви („что дѣлали въ старину, то и впредь будемъ дѣлать“—говорили они“¹⁾). Признавая латынянъ еретиками, относясь къ нимъ съ крайнимъ предубѣжденіемъ, москвитяне едва ли были съ ними откровенны, когда заходила рѣчь о религіи, религіозныхъ обычаяхъ и обрядахъ.

Не оспаривая того факта, что XVI вѣкѣ были у нѣкоторыхъ богатыхъ и знатныхъ бояръ свои домовыя церкви и священники, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что число такихъ церквей, даже въ XVII вѣкѣ, въ Москвѣ было крайне ограничено. Въ этомъ случаѣ мы ссылаемся не на иностранца, а на природно-русскаго православнаго человѣка, которому московскіе религіозные обычаи были, понятно, гораздо лучше извѣстны, чѣмъ какому-нибудь іезуиту Поссевину, или Маскевичу, увѣрявшему, что въ Москвѣ каждый бояринъ, владѣвшій домомъ, имѣлъ будто бы для своей жены церковь²⁾. Мы говоримъ о Котошихинѣ, который въ главѣ „О житіи бояръ“ передаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Да у нихъ (то-есть, бояръ) большихъ, не у многихъ бояръ учинены во дворехъ своихъ церкви, а у которыхъ церквей нѣтъ, а они большіе и середнихъ статей бояре, которымъ позволено держать поповъ въ домѣхъ своихъ, заутреню и часы и молебень и вечерню отправляютъ у себѣ въ своихъ хоромѣхъ, а у обѣдни бывають въ церквахъ, кто гдѣ прихождъ, или гдѣ похочеть; а въ домѣхъ у нихъ, окромѣ церквей, обѣдни не бываетъ ни у кого; и даютъ они бояре и ближніе люди попомъ своимъ жалованье, по стовору погодно, и дается попомъ женатымъ кормъ помѣсячный и ѣствы и питье; а вдовныя попы ѣдятъ з боярами своими вмѣстѣ за столомъ, у кого что прилучилось“³⁾. Ясно, что обычай имѣть свои домовыя церкви

¹⁾ См. Путешествіе барона Мейерберга въ *Чт. Общ. Ист. и Др.*, III, 1873 г., стр. 40.

²⁾ *Рушинскій*. Религіозный бытъ русскіихъ по свидѣніямъ иностр. писателей XVI—XVII вв. въ *Чт. Общ. Ист. и Др. Р.* 1871 г., кн. III, стр. 62.

³⁾ Сочиненіе Котошихина, изд. 3-е 1884 г., гл. XII, стр. 168. Вотъ отзывъ о трудѣ Котошихина П. М. Строева: „Чтеніе сочиненія Котошихина доставило мнѣ несказанное удовольствіе... Могу, не обинуясь, сказать, что эта книга сколько любопытно, столь же и вѣрна, и даже очень вѣрна... Трудъ Котошихина очень добросовѣстенъ и вѣренъ; я прочтала его два раза и черезъ годъ еще прочитаю“, см. Живны и Труды П. М. Строева, соч. *Н. Барсукова*, стр. 360.

былъ у бояръ очень мало распространёнъ даже въ XVII вѣкѣ, къ которому относятся записки дьяка Котошикина. Но, съ другой стороны, какъ бы мало ни довѣряли иностранцамъ, все-таки ихъ показанія нельзя считать полнымъ вымысломъ: послѣднія, вѣроятно, основывались на какой-нибудь бытовой чертѣ московской жизни. Примирить свидѣтельства иноземцевъ (особенно Маскевича) съ тѣмъ, что говорить о домовыхъ церквахъ Котошкинъ, намъ кажется, не особенно трудно: стоитъ только обратить вниманіе на одну сторону религиозной жизни москвичей XVI — XVIII вв. на такъ-называемыя „крестовныя комнаты“. Что такое „крестовая комната“? „Въ домѣ зажиточнаго ховяина“, говоритъ Костомаровъ,—„кромѣ множества образовъ во всѣхъ покояхъ, жилыхъ и глухихъ, была одна комната, гдѣ стояли исключительно образа во всю стѣну, на подобіе церковнаго иконостаса („по чину“); тамъ происходило домашнее моленіе. Тамъ подъ образами стоялъ аналой съ книгами, просфора пр. Богородицы, которой приписывали благодатную силу и ставили во время трапезы на столъ, а по бокамъ подсвѣчники съ восковыми свѣчами. Такія комнаты назывались крестовыми; у богатыхъ людей, державшихъ въ домѣ домовыхъ священниковъ, тамъ священники отправляли каждодневно служеніе: заутреню, часы и вечерню. Въ комнатѣ, назначенной для моленія, крестовой, собиралась вся семья и прислуга: зажигались свѣчи и лампы, курили ладаномъ... У знатныхъ особъ, у которыхъ были домовныя церкви и домовые священнослужители, семья сходилась въ церковь, гдѣ молитвы, заутреню и часы служилъ священникъ, а пѣлъ дьячекъ“. Если же не было домовой церкви, то семья собиралась въ крестовой комнатѣ. „Хозяинъ, какъ домовладыка, читалъ передъ всѣми вслухъ утреннія молитвы; и иногда читались такимъ образомъ заутреня и часы“¹⁾. Вотъ въ какомъ видѣ представлялся религиозный домашній бытъ всякаго мало-мальскаго зажиточнаго русскаго человѣка. Эти „крестовныя комнаты“ составляли домашнюю святыню, куда едва ли могъ заглядывать любопытный глазъ какого-нибудь латынянина. Не удивительно, поэтому, что иностранцы, слыша про домашнихъ наемныхъ священниковъ, про крестовныя комнаты, во всемъ почти похожія на церкви, стали считать эти молебни за настоящіе домовые храмы. Вотъ, кажется, причина, почему иностранцы въ своихъ извѣстіяхъ о домовыхъ церк-

¹⁾ *Костомаровъ*: Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII в., стр. 51.

вахъ расходятся съ указаніями болѣе свѣдущаго въ этомъ случаѣ дьяка Котошкина. Но не настаивая на подобномъ предположеніи, мы тѣмъ не менѣе должны отмѣтить лишь одинъ, несомнѣнно существовавшій въ дѣйствительности, фактъ: домовныя церкви строились на ряду съ крестовыми комнатами („храминой“, какъ называетъ Домострой), и послѣднія вовсе не были „начатками и зарожденіемъ“ первыхъ, не служили „зерномъ“, изъ котораго, какъ это думаетъ г. Некрасовъ, впослѣдствіи развились домовныя церкви. Такого перерожденія крестовой комнаты, домашней моленной, въ домовую церковь вовсе не было: „храмина“ и домовая церковь представляли въ жизни нашихъ предковъ два совершенно самостоятельныя, не вытекающія одно изъ другаго явленія. Если это такъ, то г. Некрасовъ, не находя въ Домостроѣ указаній на домовую церковь, не въ правѣ тѣмъ не менѣе утверждать, будто этотъ памятникъ „изображаетъ бытъ болѣе ранній, предшествующій быту домовныхъ церквей“. Повторяемъ: Домострой описываетъ лишь крестовую комнату, которая вовсе не исключала существованія въ жизни москвичей и домовой церкви. Если г. Некрасовъ допускаетъ, что Домострой описываетъ „бытъ болѣе ранній, предшествующій быту домовныхъ церквей“, то выходитъ, что послѣднія появляются въ Россіи лишь съ XVI вѣка. Но это не вѣрно. Появленіе домовныхъ церквей въ Россіи ведетъ свое начало чуть ли не со временъ Владиміра Святаго, „какъ это, на примѣръ, видно на примѣрѣ одного курскаго властелина“, говоритъ преосв. Макарій ¹⁾.— „Кромѣ церквей, предназначавшихся для всѣхъ православныхъ христіанъ, нѣкоторые устраивали для себя церкви частныя—домовныя. Въ житіи преп. Алексія († 1114 г.) повѣствуется, какъ „нѣкто христоробецъ отъ града Кіева церковь себѣ постави“, и иконы для нея заказалъ преп. Алексію. Лѣтопись подъ 1146 г. упоминаетъ о двухъ домовныхъ церквахъ: церкви св. Георгія, находившейся во дворцѣ князя Игоря въ какомъ-то селеніи и церкви Вознесенія Господня, бывшей во дворцѣ князя Святослава въ Путивлѣ ²⁾. Новгородскіе владыки Алексѣй и Евфимій II воздвигаютъ также домовныя церкви: первый въ 1362 г. Христорождественскую въ архіерейскомъ домѣ на сѣняхъ, второй въ 1447 г.—во имя св. Евфимія ³⁾. Эти примѣры въ достаточной степени опровергаютъ предположеніе

¹⁾ „Ист. Русск. церкви“, т. I, стр. 60.

²⁾ Ibid., т. II, стр. 216 .

³⁾ Ibid., т. IV, стр. 232—233, 235.

г. Некрасова, будто домовыя церкви появляются въ Россіи лишь съ XVI вѣка, и что описанная въ Домостроѣ „храмина“ или крестовая комната служитъ будто бы ихъ прототипомъ, чѣмъ-то предшествующимъ домовою церкви. Но, съ другой стороны, имѣть у себя во дворѣ домовую церковь составляло, какъ мы видимъ изъ показаній Котошихина, удѣлъ немногихъ, было исключеніемъ, роскошью, которую могли себѣ позволить, кромѣ великаго князя, лишь самые знатные бояре и богатые купцы ¹⁾). Не удивительно поэтому, что авторъ Домостроя, предназначеннаго не для князя и не для боярина „большихъ статей“, а только для зажиточнаго челоуѣка, умалчиваетъ о домовыхъ церквяхъ, указывая въ то же время на такую бытовую черту религіозной жизни нашихъ предковъ, которая была свойственна людямъ всѣхъ званій и состояній: онъ описываетъ крестовую комнату, которую можно было найти во всякомъ домѣ. Вотъ, намъ кажется, одна изъ причинъ, почему въ Домостроѣ ничего не сказано о домовыхъ церквяхъ, хотя авторъ памятника и зналъ о ихъ существованіи въ жизни: примѣры — быть можетъ, и очень рѣдкіе — все-таки были. Далѣе. На описанія и правила Домостроя, при всей его исторической правдѣ, нельзя тѣмъ не менѣе смотрѣть, какъ на живую картину современности. Это — не фотографія, снятая искусною рукой съ домашняго быта XVI вѣка, это — та идеализированная картина семейной среды, ея отношеній и порядковъ, которая рисовалась въ воображеніи всѣхъ вообще лучшихъ людей стараго закала описываемой эпохи. Только при такомъ взглядѣ на Домострой, для насъ станетъ вполне понятно отсутствіе въ немъ и тѣхъ чертъ современнаго быта, которыя, не заключая въ себѣ ничего предосудительнаго, тѣмъ не менѣе не оправдывались этими лучшими людьми. Что такой взглядъ на Домострой справедливъ, это доказывается, между прочимъ, до нѣльзя замкнутымъ, порабощеннымъ положеніемъ женщины. „Если судить о жизни древне-русской женщины по Домострою“, говоритъ г. Некрасовъ, — „то выйдетъ, что она дѣйствительно ничего не говорила съ родными и знакомыми, кромѣ того, что ей приказывалъ мужъ; что она никогда не пѣла пѣсни, не ласкала, не играла съ дѣтьми“ и т. д. Но правда ли это? Если судить по Домострою о древне-русской дѣ-

¹⁾ Павелъ діаконъ приводитъ случай изъ времени Алексѣя Михайловича, какъ одинъ московскій купецъ выстроилъ себѣ домовую церковь, съ которою по богатству могла сравняться только царская: ея постройка обошлась купцу болѣе 50000 руб. (см. *Русинскій*: Религ. бытъ русскихъ по свидѣт. иностранцевъ въ XVI—XVII вв., стр. 62).

вущей, то выйдетъ, что она никогда не бывала на богомольѣ; что не было и такихъ мужскихъ монастырей въ древней Руси, которые дѣлали запрещеніе женщинамъ являться въ нихъ; что всѣ дѣвушки безропотно покорялись... и т. д. ¹⁾ Авторъ этихъ словъ вполне справедливо утверждаетъ, что, по положенію женщины, обрисованному въ Домостроѣ, нельзя вѣрно судить объ ея истинномъ положеніи: абсолютное отсутствіе свободы не соотвѣтствовало дѣйствительности (что мы видимъ, напримѣръ, по другимъ памятникамъ древней русской литературы ²⁾ и являлось лишь патриархальнымъ требованіемъ самого автора. Но если это такъ, то зачѣмъ же послѣ того довѣрчиво полагаться на отсутствіе другихъ бытовыхъ чертъ въ Домостроѣ и по этому отсутствію заключать, что и самыхъ чертъ въ эпоху появленія памятника вовсе не существовало на Руси? Домовнія церкви — мы знаемъ—какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ были, но авторъ Домостроя не упомянулъ про нихъ по той же, кажется, причинѣ, по которой ничего не сказалъ и объ истинномъ положеніи современной женщины, то-есть, умалчивая о нихъ, онъ тѣмъ самымъ не оправдывалъ и самое ихъ существованіе. Идеализируя замкнутость женщины, авторъ Домостроя не простираалъ однакожь въ этомъ случаѣ своихъ требованій до такой степени, чтобы рѣшительно запретить ей хотя изрѣдка („елико виѣстимо“) ходить въ общественный храмъ и исполнять, такимъ образомъ испоконъ вѣка ведущійся и освященный церковью обычай присутствовать на общей молитвѣ православныхъ христіанъ. Во всѣхъ мірскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ авторъ требовалъ отъ женщины полнаго затворничества, но въ дѣлѣ вѣры онъ, какъ лучший человекъ, долженъ былъ уступить, быть можетъ, даже противъ обычая большинства, если признать, что въ XVI вѣкѣ было много домовыхъ церквей: послѣднія, вполне изолируя русскую женщину отъ всего міра, лежащаго за порогомъ ея дома, лишали ее въ то же время возможности исполнять святой обычай — являться къ общественному богослуженію. Что духовенство и лучшіе изъ мірянъ древней Россіи были противъ обычая совершать молитву исключительно дома и рѣдко вслѣдствіе этого посѣщать приходскій храмъ, это, между прочимъ, видно изъ словъ св. Алексѣя, Московскаго митрополита (1283 — 1377 г.), который въ одномъ поученіи

¹⁾ Опытъ, стр. 175.

²⁾ Напримѣръ, по словамъ и поученіямъ м. Даніила, см. статью В. Жмакина: „Митрополитъ Даніилъ“... въ *Чтен. Общ. Ист. и Др.* 1881 года, кн. II. часть сслхп, отд. 2.

говорить слѣдующее: „Князья, бояре и купцы и всякій православный христіанинъ! Оставьте всѣ дѣла свои, стекайтесь на церковную молитву безъ лѣности и не говорите: отпоемъ дома. Не можетъ та молитва нисколько успѣть безъ церковной молитвы. Какъ хранина безъ огня дымомъ не можетъ согрѣться, такъ и домашняя молитва безъ церковной“¹⁾. Такъ смотрѣлъ „на силу общественной молитвы и авторъ Домостроя. Вотъ вторая причина, почему онъ ничего не сказалъ о домовыхъ церквахъ въ своемъ трудѣ.

Такимъ образомъ, изъ всего предыдущаго мы видимъ, что отсутствіе въ Домостроѣ указаній на домовныя церкви не даетъ г. Некрасову права относить составленіе этого памятника обязательно къ концу XV или къ первой четверти XVI вѣка. Другихъ доказательствъ въ пользу своего предположенія, что Домострой явился въ литературѣ не позже 1533 года, г. Некрасовъ не приводитъ. Что же касается его объясненія слова „самодержецъ“, то оно, такъ бездоказательно и такъ странно, что мы позволимъ себѣ привести его цѣликомъ. „Въ томъ мѣстѣ Домостроя, гдѣ дѣлается предписаніе о томъ, что нужно молиться за царя, это является въ такой формѣ: „за царя и великаго князя ийрк всея Руси самодержца и за его царьцу великую княгиню ийрк и за ихъ благородная чада и за братью его и за бояре“. Всѣ извѣстные списки согласно передаютъ это мѣсто XIV главы. Можно предпологать только, что въ древнѣйшихъ спискахъ могло быть иначе изложено это мѣсто Домостроя, но въ этомъ изводѣ оно замерло, сохраняясь въ спискахъ XVII и XVIII вѣковъ. Сильвестръ, повторяя это мѣсто въ своемъ М. Домостроѣ, включаетъ названіе „самодержца“. Объ Василіи Ивановичѣ сказать такъ было ужъ очень возможно“ (то-есть, что возможно: лишить его титула самодержца, или назвать самодержцемъ?) Далѣе названіе „самодержца“ указываетъ на этого именно великаго князя, потому что, какъ извѣстно, Иванъ III съ такимъ титуломъ провозгласилъ Василія Ивановича еще при своей жизни; что извѣстно сочувствіе къ этому князю Іосифа Полоцкаго и, слѣдовательно, всей его школы, у которой уже, конечно, и названіе „царь“ было давно на языкѣ. Если строго (*sic*) принимать эти данныя, то общій изводъ Домостроя

¹⁾ Окружное посланіе Алексѣя, написанное имъ по вступленіи на епископскій престолъ во Владимірѣ см. Древн. Пам. Русск. языка и письма *Срезневскаго*, стр. 311; также *Приб. къ Тв. свв. Отц.* 1840 г. Противъ рѣдкаго посѣщенія церквей возставалъ и митрополитъ Даниилъ.

долженъ относиться ко времени до 1533 года, когда умеръ Василій Ивановичъ. Конечно, все это могло бы относиться и къ Ивану III. Такимъ образомъ, и это соображеніе отодвигаетъ общій составъ отъ времени Ивана IV къ концу XV вѣка, или къ первой половинѣ XVI, но никакъ не позже 1533 года. Кто былъ составителемъ, пока рѣшить еще не возможно. Замѣтимъ только, что на основаніи древнѣйшаго списка Домостроя и приведенныхъ соображеній приходится отодвигать взадъ появленіе полного извода его, чѣмъ придвигать ко времени Сильвестра¹⁾.

Всѣ эти „строгія соображенія“ имѣли бы свою цѣнность, еслибы г. Некрасовъ велъ ихъ въ томъ смыслѣ, что дескать фраза: „за царя и великаго князя имѣр всея Руси самодержца“ и т. д. могла относиться и къ Василю III, а не только къ Ивану IV; но при этомъ слѣдовало бы привести какой-нибудь еще другой фактъ въ пользу предположенія, что Домострой явился въ литературѣ не позже 1533 года. Къ сожалѣнію, г. Некрасовъ этого не сдѣлалъ: онъ рѣшительно отвергаетъ, что „названіе Самодержца указываетъ на этого именно князя“ (то-есть, Василя III).. Такая рѣшительность, не допускаемая въ серьезномъ изслѣдованіи, доказываетъ лишь одно, а именно: автору „Опыта“ очень захотѣлось отнести составленіе полного извода Домостроя „ко времени до 1533 года“. Но это страстное желаніе могло бы осуществиться лишь въ томъ случаѣ, еслибы г. Некрасовъ указалъ читателю въ исторіи царствованія Грознаго и слѣдовавшихъ за нимъ государей такое свидѣтельство или, лучше сказать, законъ, который гласилъ бы, что, со смертію де Василя Ивановича († 1533 г.) титулъ Московскаго государя: „царь и всея Руси самодержецъ“ и т. д. запрещается всѣмъ россійскимъ подданнымъ, подъ страхомъ смертной казни или церковнаго отлученія. Лишь только въ этомъ случаѣ можно было бы такъ рѣшительно увѣрять читателя, что Домострой долженъ относиться „ко времени до 1533 года“. Но такъ какъ такого невѣроятнаго закона въ Россіи никогда не было и быть не могло, то всѣ „строгія“ соображенія“ г. Некрасова по поводу слова „самодержецъ“, при отсутствіи прямыхъ доказательствъ въ пользу происхожденія Домостроя до 1533 года, не имѣютъ никакого значенія. Развѣ титулъ: „царь и всея Руси самодержецъ“ не могъ относиться къ Ивану Грозному, и притомъ скорѣе, чѣмъ къ его предшественнику Василю Ивановичу? Мы говоримъ: „скорѣе“ по-

¹⁾ Опытъ, стр. 145.

тому что окончательное установление титула въ той формѣ, въ какой онъ встрѣчается въ Домостроѣ, случилось именно въ царствованіе Іоанна IV. „Іоаннъ III“, говоритъ Соловьевъ, — „послѣ смерти Казимира, впервые употребилъ въ сношеніяхъ съ Александромъ Литовскимъ выраженіе: „Іоаннъ, Божіею милостію Государь всея Руси и великій князь Владимірскій, Новгородскій и т. д. Въ сношеніяхъ съ Ливоніей и мелкими владѣніями нѣмецкими Іоаннъ употреблялъ названіе „царя всея Руси“. Въ грамотѣ къ крымскому хану Захарію Іоаннъ называетъ себя царемъ всея Руси, также великимъ государемъ Русской земли. Митрополитъ въ рѣчи своей во время вѣщанія внука Димитрія называетъ Іоанна царемъ и самодержцемъ; лѣтописецъ говоритъ, что Іоаннъ благословилъ сына своего Василя „самодержцемъ всея Руси“. Бояре и другіе служилые люди, въ своихъ отношеніяхъ къ великому князю, употребляютъ такое выраженіе: „государю великому князю Ивану Васильевичу холопъ такой-то бьетъ челомъ“¹⁾; но нѣкоторые лица, какъ это, напримѣръ, видно изъ духовной князя Ивана Юрьевича Патрикеѣва и клятвенной записи князя Данила Холмскаго, называли Іоанна III „господиномъ и осподаремъ“²⁾. Не смотря на то, что Іоаннъ III благословилъ своего сына „самодержцемъ“, обыкновенный и постоянный титулъ Василя Ивановича былъ все-таки слѣдующій: „великій государь Василій, Божіею милостію, государь всея Руси и великій князь Владимірскій, Московскій и иныхъ“ и т. д. Титулъ „царь“ употреблялся въ тѣхъ же случаяхъ, что и при Іоаннѣ III³⁾. Нѣкоторые лица, въ обращеніяхъ къ Василю III, называли его царемъ и самодержцемъ, какъ, напримѣръ, старецъ Филоеѣй⁴⁾ и Іосифъ Волоцкій⁵⁾; но съ другой стороны, тотъ же Іосифъ называетъ Василя III и „господиномъ“. Изъ всего этого мы видимъ, что титулъ „царь и самодержецъ всея Руси“ хотя и примѣнялся иногда къ Іоанну III и его сыну, не былъ еще пока узаконенъ и окончательно упроченъ за этими двумя Московскими государями. Первый, кто вводитъ въ постоянное употребленіе титулъ „Царь и всея Русіи

¹⁾ Исторія Россіи *Соловьева*, т. V, стр. 207—308.

²⁾ Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. I, стр. 249 и 301.

³⁾ *Соловьевъ*, Ист. Р., т. V, стр. 437.

⁴⁾ См. *Праз. Соб.* 1863 г. кн. I, стр. 345 и др. (посланіе Филоеѣя къ Василю III).

⁵⁾ См. его Посланіе Благородному и Христолюбивому самодержцу царю и государю всея Русіи“.

Самодержецъ“, какъ внутри государства, такъ и въ сношеніяхъ съ иностранными владѣтелями, былъ Іоаннъ IV, который, желая придать титулу большую торжественность, сталъ прибавлять въ началѣ его такъ называемое богословіе: „Троице Пресущественная и Пребожественная и Прелюбимая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ Хрестьяномъ; дателью Премудрости, Преневѣдомый и Пресвѣтлый Крайній Верхъ, направи насъ на истину Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людехъ (Твоихъ по волѣ Твоей, Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ Славнаго, милостію и хотѣніемъ удръжахомъ Скипетръ Россійскаго Царствія, мы, великій государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всея Руси самодержецъ, Владимірскій“ и т. д. ¹⁾. Со времени Грознаго названіе: „царь и всея Руси самодержецъ“ окончательно упрочивается за Московскимъ государемъ, какъ во всѣхъ грамотахъ ²⁾, такъ и вообще въ литературѣ. Этотъ титулъ мы, напримѣръ, находимъ въ Стоглавникѣ, въ Посланіи Максима Грека къ Іоанну IV и къ попу Сильвестру, въ посланіяхъ послѣдняго къ казанскому воеводѣ Александру Шуйскому и къ Іоанну Грозному и мн. др. ³⁾ Принявъ все это во вниманіе, мы можемъ съ большею увѣренностью сказать, что титулъ „царь и всея Руси самодержецъ“, встрѣчающійся въ Домостроѣ, скорѣе долженъ относиться къ Іоанну Грозному, нежели къ его предшественнику Василию Ивановичу. Впрочемъ, мы вовсе не думаемъ придавать этому факту какое-нибудь особенное значеніе; мы не стали бы и упоминать объ этихъ титулахъ, еслибы г. Некрасовъ не вздумалъ такъ настойчиво увѣрять, что названіе „царь и самодержецъ, всея Руси“ должно обязательно относиться къ отцу Іоанна Грознаго, и что, поэтому, „скорѣе приходится отодвигать взадъ появленіе полнаго извода Домостроя, чѣмъ придвигать ко времени Сильвестра“. Всѣмъ сказаннымъ мы желали лишь выяснить съ одной стороны то, что названіе „царь и всея Руси самодержецъ“ не можетъ служить доказательствомъ времени происхожденія Домостроя, съ другой, то—до какихъ странностей доходятъ иногда выводы г. Некрасова. А такихъ выводовъ въ „Опытѣ“ найдется не мало. Стоитъ только припомнить, какъ г. Некрасовъ умолчалъ о ссылкѣ въ 26-й главѣ по списку Общества и, не

¹⁾ *Соловьевъ*, т. VII, стр. 5—6.

²⁾ См. Собраніе Госуд. Грам. и Догов., т. I и др.

³⁾ См. Стогл., изд. Каванское, стр. 18 и др.; см. *Чт. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1874 г., кн. I, стр. 32, 69 и 88.

указавъ на нее, рѣшилъ, что „первый устроитель Домостроя не тронулъ, а цѣликомъ внесъ въ свой изводъ то, что было написано отъ нѣкоего“; ¹⁾ какъ онъ увѣрялъ, что „наказъ“ написанъ только для богатаго боярина, ²⁾ хотя въ той же главѣ, на которую онъ ссылается (гл. XXIX сп. Общ.) есть указанія, рѣшительно опровергающія такую мысль; какъ онъ настаивалъ, что Москва во время Сильвестра крестилась по православному, ³⁾ а Новгородъ—по раскольничьи; что женщина по „наказу“ представляется болѣе свободною, чѣмъ въ другихъ частяхъ Домостроя ⁴⁾ и т. д. Словомъ, куда ни взглянешь, всюду найдешь либо черезчуръ смѣлое обращеніе съ текстомъ памятника, либо голословныя увѣренія, либо, наконецъ, нежеланіе знать исторію. Произошло это, повторяемъ, вслѣдствіе того, что г. Некрасову захотѣлось, по видимому, во что бы то ни стало доказать, что Домострой явился въ Новгородъ, и притомъ не ранѣе 1533 года, что Сильвестръ—не авторъ его, а простой передѣльватель или, какъ выражается г. Некрасовъ, „акклиматизаторъ на московской почвѣ“.

Мы видѣли, что указанія г. Некрасова на домовыя церкви и слово „самодержецъ“ не даютъ возможности даже приблизительно опредѣлить время появленія Домостроя. Въ этомъ случаѣ автору „опыта“ слѣдовало бы обратить вниманіе на другое мѣсто въ памятникѣ, а именно на 8-ю главу (въ сп. Коншина 23), которая довольно точно опредѣляетъ, раньше какого времени не могъ быть составленъ Домострой. Глава эта, на которую въ свое время указывалъ уже Н. С. Тихонравовъ ⁵⁾, объясняя, въ чемъ должно состоять религіозно-нравственное поведеніе человѣка, приказываетъ, между прочимъ, избѣгать: „чарованія и волхвованія: и паузы, звѣздо-четье, рафли, алманахи, чернокнижье, вирограи (воронограи), шестокрыль, стрѣлки громныя, топорки, усовники, дна каменіе, кости волшебныя и иныя всякія козни бѣсовскія. Мы видимъ, что, за перечисленіемъ отреченныхъ книгъ, Домострой осуждаетъ здѣсь еще: „стрѣлки громныя и топорки“, смѣшивая, такимъ образомъ, названія запрещенныхъ книгъ съ названіями суевѣрій. Этимъ вы-

¹⁾ Опытъ, стр. 150—160.

²⁾ Ibidem, стр. 150—152 и 184.

³⁾ Ibidem, стр. 177.

⁴⁾ Ibidem, стр. 152, сравн. съ стр. 175.

⁵⁾ *Лѣтописи Русск. Литературы и Древности*, т. I, отд. II, стр. 56, 57.

раженіемъ: „стрѣлки громныя и топорки“ авторъ Домостроя обнаруживаетъ свое знакомство съ Луцидаріусомъ, „потому что именно въ этомъ памятникѣ“, говоритъ г. Тихонравовъ, — „находится осуждаемое Домостроемъ толкованіе о стрѣлкахъ громныхъ и топоркахъ“¹⁾. Когда же появился въ русской литературѣ переводъ Луцидаріуса, подлинникъ котораго—извѣстно—западнаго происхожденія? Отвѣтъ на это даетъ намъ одно полемическое сочиненіе Максима Грека, названное имъ: „Посланіе къ нѣкому мужу на одѣты нѣкоего Латынянина мудреца“. Это посланіе написано было Максимомъ Грекомъ по поводу недавно появившагося въ русскомъ переводѣ Луцидаріуса. Переводъ былъ сдѣланъ какимъ-то Георгіемъ и посланъ, по видимому, для просмотра къ Максиму Греку. Кто былъ этотъ Георгій, и въ какомъ году перевелъ онъ Луцидаріусъ,—не извѣстно; ясно только одно, а именно: переводъ могъ быть сдѣланъ не раньше 1518 года, когда впервые прибылъ въ Москву Максимъ Грекъ. Если это такъ, значитъ—авторъ Домостроя, пользовавшійся Луцидаріусомъ, безъ сомнѣнія въ русскомъ переводѣ, составилъ свой трудъ гораздо позднѣе 1518 года.

IV.

Окончивъ разборъ выводовъ г. Некрасова, мы приступимъ теперь къ сравненію двухъ древнихъ списковъ Домостроя,—сравненію, которое намъ покажетъ, что, по многимъ признакамъ, редакція, заключающаяся въ спискѣ Коншина, должна быть древнѣе редакціи по списку Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Первымъ доказательствомъ въ пользу этой древности служить по, рядокъ главъ или статей Коншинскаго списка. Называемъ мы это доказательство первымъ и главнымъ по тому элементарному соображенію, что всякій человѣкъ, передавая устно тѣ или другія мысли старается высказывать ихъ въ извѣстной послѣдовательности, логическомъ порядкѣ; тѣмъ болѣе необходимо это требованіе, когда приходится излагать свои мысли письменно. Подобная послѣдовательность въ изложеніи фактовъ, присущая всякому мало-мальски развитому человѣку, является особенно важною для такого сочиненія, какъ

¹⁾ Ibid.: „Бываетъ же въ то время“, объясняетъ Луцидаріусъ,—„молнія и исходить на землю падающе стрѣлки громныя и топорки, и сіе бываетъ на устрашеніе демономъ, за нѣ бо дѣмони наблюдаютъ тогда на кую страну Богъ казнь напуститъ“.

Домострой, и истинный авторъ послѣдняго едва ли позволилъ бы себѣ такое размѣщеніе статей, какое мы находимъ въ Домостроѣ по списку Общества Исторіи и Древностей и во всѣхъ однородныхъ съ нимъ по изводу рукописяхъ. Чтобы нагляднѣе убѣдить читателя въ нашемъ предположеніи, мы позволяемъ себѣ выписать параллельно оглавленія обоихъ списковъ Домостроя, и пусть онъ, по порядку статей, по степени послѣдовательной важности излагаемыхъ авторомъ предметовъ, самъ увидитъ, на чьей сторонѣ должна быть правда, то-есть, какой изъ двухъ списковъ Домостроя ближе подходитъ къ первоначальному виду памятника.

Списокъ Общества Исторіи и Древностей.

Предисловіе сей книги. амѣ.

I. Наказаніе ѿ оца къ сѣж.

II. Како хриѣанѣ вѣровати во стѣхю трѣхъ, і прѣхю бѣхъ, і крѣхъ хвѣж, і стѣмъ нбѣнѣмъ бесплѣтнѣмъ силѣ і всемъ чѣнѣмъ і стѣмъ мѣщѣ і поклонати имѣ.

III. Како тайнѣ бжѣимъ причащати. і вѣровати воскресѣнію мртвѣхъ. і страшнаго сѣда чаяти. і како касатиса всякѣа стѣни.

IV. Како любити Гда ѿ всеа дша. тако і брата своего, и стрѣ бжѣи имѣти і памѣ смртѣхю.

V. Како цѣа, или кѣза чѣтити и повиноватиса во все имѣ, і всякому властедю покаратиса і правдою служити и во все, і к болши, и к срѣни и скорѣнѣ, и маломѣжнѣ, і ко всякомѣ чѣкѣ каковѣ бѣти і себѣ ѿ все внимати.

VI. Како чѣтити дѣтѣ ѿцѣхъ своей дхѣнѣ і повиноватиса во все.

Списокъ Коншина.

Его нѣтъ.

I. Наказаніе отъ отца къ сыну.

II. Како христіаномъ вѣровати во святую Троицу, и пречистую Богородицу, и святымъ небеснымъ бесплѣтнымъ силамъ и святымъ и честнымъ и святымъ мощамъ, и поклонатися имѣ.

III. Како тайнамъ Божиимъ причащатися, и вѣровати воскресенію мертвыхъ, и страшнаго суда чаяти и касатися всякой святини.

IV. Како любити Бога отъ всеа души; такоже брата своего и страхъ Божій имѣти и память смертнѣю.

V. Како святительскій чинъ почитати; тако же и священническій чинъ, и мнишескій.

VI. Како посѣщати въ монастырѣхъ и въ болницахъ и въ темницахъ, и всякаго скорбна.

VII. Како стѣльскій чинъ почи-
тати, тако ѿ сщѣнничскіѿ ѿ мни-
шески, ѿ ползовати ѿ нѣ о вса-
кѣ дшвнѣ и телеснѣ извѣщати.

VIII. Како врачевати хртїан-
нѣ ѿ болѣзней і ѿ всакѣ скор-
бей, і црѣмъ, ѿ князѣ і всакѣ
чиновникѣ, ѿ стѣльскомѣ чинѣ, і
сщѣнническомѣ ѿ мнишескомѣ, ѿ
всѣ хртїанѣ.

IX. Како посѣщати в мона-
стырѣ, і в болницѣ і в темни-
цѣ і всакого скорбна.

X. Како к прквѣ бжїи і в мо-
настыри с приношенї прихв-
дпти.

XI. Како дѣ свои оукрасити
стѣмнѣ ѿбразы ѿ храмѣ чтѣ
имѣти.

XII. Како мужѣ с женою і с
домочадци в домѣ своѣ молитиса
бгѣ.

XIII. Како в прквѣ мужоу ѿ
женѣ молитис, чтѣта хранити і
всакого зла не творити.

XIV. Како сщѣнникѣ, инокѣ в
дѣ свои призывати і молитиса.

XV. Како кормити приходящї
въ домѣ своѣ с блгодаренїем, с
домочадци.

XVI. Како мужѣ с женою со-
вѣтовати, ключника призывати,
ѿ столомѣ обиходѣ і о поварнѣ
і ѿ хлѣбнѣ.

VII. Како царя и князя чтити
и повиноватися во всемъ и вся-
кому (властелю) покарятися и
правдою служити имъ во всемъ и
къ большимъ и къ меньшимъ и
скорбнымъ и маломощнымъ, ко
всякому человеку какому быти, и
себѣ о семъ внимати.

VIII. Како домъ свои украсити
святными образы; домъ чистѣ
имѣти.

IX. Како къ церквамъ Божиимъ
и въ монастыри съ приношенїемъ
приходити.

X. Како священниковъ и ино-
ковъ въ домъ свои призывать мо-
литися.

XI. Како кормити приходя-
щихъ въ дому съ благодаренїемъ.

XII. Како мужу съ женою и
съ домочадцы въ дому своемъ мо-
литися.

XIII. Како въ церкви мужу и
женѣ молитися, чистота хранити
и всякого зла не творити.

XIV. Како чтити дѣтемъ отцовъ
своихъ духовныхъ и повиноватися
имъ.

XV. Како дѣтей своихъ вос-
питати во всякомъ наказанїи и
страсѣ божїи.

XVI. Како чадѣ воспитати, съ
надѣлкомъ замужъ выдати.

XVII. Ключникъ приказъ каков прилѣчьца.

XVIII. Наказъ ѿ гдѣа ключникъ, каѣ ѣства поѣнаѣ и мѣнаа варити, і кормити семѣа в ма-совѣдѣ і в цѣтѣ.

XIX. Како дѣтей свой воспитати во всякомъ наказаніи и страсе бжїи.

XX. Каѣ дѣри воспитати сѣ на-дѣкѣ і самъ выдати.

XXI. Како дѣтей оучити и страхомъ спѣти.

XXII. Како дѣтѣ ѿбѣа и мѣръ любити и беречи, и повиноватиса имъ и покоити ихъ во всеѣ.

XXIII. Похвала мужемъ (въ К: „женамъ“).

XXIV. Како всякомъ члѣкѣ рѣ-кодѣлничати і всякое дѣло дѣ-лати блгѣсловѣа.

XXV. Наказъ мѣжѣ и женѣ, і дѣтѣ, и людѣ како лѣпо быти.

XXVI. Каковы люди держати, і каѣ ѿ нихъ промыслати во вся-кѣ оученіи і в бжтвеннѣи запо-вѣдѣ і домовнѣи строеніи.

XXVII. Аще мѣжѣ самъ не оу-чить на добро і но сѣ ѿ бѣа прїимѣ. аще сѣ творїи добро і женѣ і домочѣцевъ оучїи, мѣтѣ ѿ бѣа прїимѣ.

XXVIII. Ѡ неправномъ житїи.

XXIX. Ѡ правномъ житїи.

XVII. Како дѣти учити и стра-хомъ спасати.

XVIII. Како дѣтемъ отца и матери любить, и беречи, и пови-новатиса имъ и покоити ихъ во всемъ.

XIX. Како всякому челоуѣку рукодѣлничати, и всякое дѣло дѣлати, благословяся.

XX. Похвала женамъ.

XXI. Наказъ мужу и женѣ и людемъ и дѣтемъ: како лѣпо быти имъ.

XXII. Каковы люди держати и какъ о нихъ промыслати: во всякомъ ученіи и въ божествен-ныхъ заповѣдѣхъ и въ домовномъ строеніи.

XXIII. Како врачеватиса о бо-лѣзни и отъ всякихъ скорбей.

XXIV. О неправномъ житїи.

XXV. О правномъ житїи.

XXVI. Како жити челоуѣку смѣтѣи свой животъ.

XXVII. Аще кто не расудя себя живеть.

XXVIII. Аще кто слугъ дер-жить безъ строя.

XXIX. Поучати мужу своя же-на, какъ Богу угодити и мужу

XXX. Како жити члѣкѣ смѣта свой животь.

XXXI. Аще кто не расуда се живеть.

XXXII. Аще кто слугъ держитъ бѣ дому.

XXXIII. Како побчати мужу своя жена бѣжъ ѹгодити а мѣжъ своемъ уноровити, како дѣлѣ свои добрѣ устроить, и всакаа домашнаа порѣна и рѣкодѣе всакое знати и слѣ оучити и само дѣлати.

XXXIV. Добрыѣ жены рѣкодѣльные платио и брѣженіе всему и что кроити и останки и обрѣски беречи.

XXXV. Ка всакое платие кроити и останки и обрѣски беречи.

XXXVI. Всакаа порѣна домашнаа держати или чѣ лѣчитца въ людѣ попросити или своѣ в люди дати.

XXXVII. Ка по вса дни гдѣри дозирати оу слугѣ всего и домашніе порѣни, и рѣкодѣю и о самой ей всакѣ брѣженіи и строеніи.

своему уноровити; и како домъ свои строити, и вся домашняя порядна, и рѣкодѣлье всякое знати, и слугѣ учить, и само дѣлати.

XXX. Добрыѣ жены рѣкодѣльные плоды и брѣженіе всему, и что кроити, и останки и обрѣски беречи.

XXXI. Какъ всякое платие кроити и останки и обрѣски беречи.

XXXII. Како порядна домашная держати.

XXXIII. По вса дни государыни дозирати у слугѣ всего: и домашней порядки и рѣкодѣлья, и о самой ей и о всякомъ брѣженіи и строеніи.

XXXIV. По вса дни жене съ мужемъ о всемъ спрашиватися, и совѣтовати о всемъ; и какъ въ люди ходити, и къ себѣ призывати и съ гостями что бесѣдовати.

XXXV. Слугѣ наказывати, какъ въ люди посылати съ чимъ.

XXXVI. Женамъ наказъ о пьянствѣ и о пьяномъ питіи и слугамъ такоже; и опотаи не держати ничево ни гдѣ; и слугѣ лжи и клеветы не слушати безъ исправы, какъ ихъ наказывати грозою, и жену такоже и какъ въ гостехъ быти и дома себя устроивати во всемъ.

XXXVII. Какъ платие всякое женѣ носити и устроити.

XXXVIII. Какъ слугъ наказывати в люди посылати с чѣмъ и не переговаривати ничего.

XXXIX. По вса дни женѣ с мѣжѣмъ о все спрашивати и совѣтовати о все, и ка въ люди ходити, и к себѣ призывать, и с гостыями что бесѣдовати.

XL. Женамъ нака о пьянствѣ и о пьянѣ питіи и слѣга тако и потай не держати ничѣ нигдѣ и оу слугъ лжи и клеветы не слѣшати бѣ оуправы, и ка ѣ наказывати гробою, женѣ тако, ка въ госте быти и дома себа оустроить вати во все.

XLI. Какъ платиѣ всакой женѣ носити и оустроити.

XLII. Какъ сѣды всакіе во всакѡмъ стрѡн держати и какъ избна порѡна оустроити, и все хоромы хоро и чисто, гдрни слѡ оучити, а мѣжѣмъ на женою тѡ надзирати и оучити и страхѡ спасти.

XLIII. Самѡмъ гдрю или комѡ прикажет, годовѡ запѡ и всакѡ товарѣ кѡпити.

XLIV. Ка себѣ на обихѡмъ кѡпити всакой товарѣ заморской из даннѣ земли.

XLV. Ѡ тѡ же коли что кѡпити оу кѡмъ сѣлѣ нѣтъ, и всакой домашней обохѡмъ и лѣтѣ и зимѣ, и какъ запѡ в гѡмъ и дома живѡтина всакаа водити и ѣства и питіе держати всегды.

XLVI. А тѡке моѡмъ припасѣ в

XXXVIII. Какъ избная паряднѣ устроити хорошо и чисто.

XXXIX. Аще мужѣ самѣ не учитѣ, ино судѣ отъ Бога приемятъ; аще самѣ творитѣ (добро) и жену и домочатцовѣ учитѣ, милость отъ Бога приметѣ.

XL. Самѡму государю, или кому прикажетѣ, годовѡй запасѣ и всякой товарѣ купити.

XLI. (Какъ) Себѣ на обихѡмъ купити всякой товарѣ заморской и изъ дальнихъ земель.

XLII. О томѣ же: коли что купитѣ, у кого сѣлѣ нѣтъ; и всякой домашней обихѡмъ, и лѣте и зимѣ; и какъ запасати въ годѣ, и дома живѡтина водити всякая; и ества и питіе держати всегды.

XLIII. А тѡлко мужѣ припасетѣ въ годѣ всякого запаса и постаго и тому устрой:

XLIV. О запасной прибыли впередѣ.

XLV. Огородѣ и садѣ какъ водитѣ.

XLVI. Какѡ человекѣу запасное

гѣмъ всакѣмъ запасу постного і по-
томъ оустроити.

XLVII. О запасной прибыли
вперѣ.

XLVIII. Какъ огорѣ і сады
водити.

LXIX. Какъ члѣкѣ запанѣе питие
держати про соба і про гость і
ка оустроити то при людѣ.

L. Потому поваренно мака,
ка пиво варити и мѣ сытити і
вино кбрити.

LI. Оу повару бы і оу хлѣб-
никовъ і вездѣ всакой порадни
ключникѣ дозирати.

питье держати про себя и про
гость, и какъ оустроити то при
людехъ.

XLVII. Тому же пивовареннымъ
наказъ: какъ пиво варити и какъ
медъ сытити и вино курити.

XLVIII. У поваровъ и у хлѣб-
никовъ, и везде, всакой порядки
ключнику дозирати.

XLIX. Како мужу съ женою
совѣтовати, какъ ключнику при-
казати о столовомъ обиходе, о
поварѣ и о хлѣбнѣ.

L. Ключнику приказъ, какъ
пиръ лучити.

LI. Наказъ отъ государя ключ-
нику: какъ ѣства постная и мяс-
ная варити, и кормити семья въ
мясоедъ и въ постъ.

Съ 52-й до 64-й главы порядке статей, какъ и самыя статьи, въ обоихъ спискахъ совпадаютъ, а потому для нашей цѣли нѣтъ надобности выписывать параллельныя оглавленія. Коншинскій списокъ оканчивается 64-ю главой, несомнѣнно составленною попомъ Сильвестромъ. Этого „Посланія и наказанія отъ отца къ спну“, какъ было выше сказано, нѣтъ въ списокѣ Общества; но вмѣсто ея тамъ находятся другія четыре главы, которыя писаны позднѣе и, по мнѣнію г. Некрасова, „не принадлежать къ Домострою“ (Опытъ, стр. 74).

Если мы сравнимъ теперь съ точки зрѣнія логической послѣдовательности и важности описываемыхъ предметовъ порядки главъ обоихъ списковъ Домостроя, то увидимъ, что предпочтеніе въ этомъ случаѣ должно быть отдано списку Коншинскому. Авторъ этого списка излагаетъ свои мысли и наставленія въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ должны слѣдовать по степени ихъ значенія для всякаго человѣка. По Коншинскому изводу Домостроя, весь памятникъ цѣлесообразно дѣлится на двѣ главныя части: въ первой мы находимъ статьи исключительно съ религіозно-нравственными наставленіями, во второй — сгруппированы практическіе, житейскіе совѣты автора. Между нравственнымъ (отъ I главы до XXV включительно)

и практическимъ Домостроемъ (отъ XXVI до конца) проведена, какъ и слѣдовало ожидать, рѣзкая грань: духовное не смѣшивается съ житейскимъ, ни одна глава изъ первой части не перешла во вторую, и на оборотъ. Мало того: желая нагляднѣе разграничить эти двѣ части, авторъ въ концѣ первой помѣщаетъ заключеніе (гл. XXIV: „О неправедномъ житіи“ и гл. XXV: „О праведномъ житіи“), въ которыхъ сдѣланъ общій выводъ изъ всего прежде сказаннаго, а въ началѣ второй—вступленіе, гдѣ авторъ, не касаясь еще частныхъ домашняго хозяйства, даетъ предварительно общій необходимый совѣтъ, жить всегда по средствамъ—„по силѣ, и по промыслу, и по смѣтѣ, и по добыткѣ, своею правою силою“ (главы XXVI, XXVII и XXVIII); а затѣмъ уже идутъ подробныя наставленія, затрогивающія тѣ или другія стороны внутренняго домостроительства. Обращаясь затѣмъ въ списку Общества Исторіи и Древностей, мы видимъ, что этотъ систематическій порядокъ, это строгое разграниченіе частей здѣсь грубо нарушены, и первое, что намъ рѣзко бросается въ глаза, это три главы (XVI, XVII и XVIII) съ чисто будничнымъ, житейскимъ содержаніемъ, зашедшія какими-то судьбами въ отдѣлъ религиозно-нравственнаго Домостроя. Мѣсто этихъ главъ во второй части памятника, тамъ, гдѣ онѣ помѣщены въ спискѣ Кошмина (XLIX, L и LI). Появленіе этихъ главъ въ первой части Домостроя можно объяснить (если то ужъ нужно объяснять) либо случайною ошибкой автора списка (но никакъ не памятника), либо его неумѣлымъ мудрствованіемъ, и послѣднее, кажется, вѣрнѣе, такъ какъ указанныя главы въ спискѣ Общества слѣдуютъ тотчасъ за главой (XV-й), заключающей въ себѣ наставленія, какъ нужно вести себя за трапезой. Но глава XV: „Какъ кормити приходящихъ въ домъ зъ благодареніемъ“, принадлежитъ несомнѣнно религиозно-нравственному Домострою, потому что „угощеніе священниковъ всегда относилось къ дѣламъ духовнымъ и строго отличалось отъ пировъ и угощеній мірскихъ, о которыхъ потому говорится въ иномъ своемъ мѣстѣ¹⁾. Если самъ г. Некрасовъ говоритъ, что главы XVI, XVII и XVIII, въ которыхъ авторъ даетъ совѣты о пирахъ и мірскихъ угощеніяхъ, относятся къ практическому Домострою, то нѣтъ, кажется, послѣ того никакого основанія оправдывать постановку этихъ главъ въ первой части памятника, ссылаясь лишь на то, что ихъ де помѣщено не одна, а цѣлыхъ три: значить, не случайно.). Истинный

¹⁾ Опытъ, стр. 139.

²⁾ Ibid., стр. 147.

авторъ Домостроя не могъ допустить такого размѣщенія статей, не могъ послѣ главы: „Какъ кормити приходящихъ зъ благодареніемъ“ тотчасъ же говорить „О столовомъ обиходѣ, о поварнѣ и хлѣбнѣ“ (гл. XVI), „О привазѣ ключнику на случай пира (гл. XVII), о томъ, „какъ ѣства постная и мясная варити“ (гл. XVIII), затѣмъ непосредственно перейти къ вопросу о религіозно-нравственномъ воспитаніи дѣтей (XIX), ихъ любви къ родителямъ, а потомъ давать введеніе въ практической Домострой. Такой порядокъ не мыслимъ для автора памятника: говорить о поварняхъ, хлѣбняхъ прежде вопросовъ болѣе существенныхъ и важныхъ—о взаимныхъ религіозно-нравственныхъ отношеніяхъ родителей, дѣтей и домочадцевъ, умный и благочестивый авторъ Домостроя никогда не позволилъ бы себѣ. Поэтому, повторяемъ, если мы въ какомъ-либо спискѣ Домостроя находимъ такое размѣщеніе статей, то въ этомъ слѣдуетъ винить не автора, а повдѣйшаго переписчика памятника. Съ другой стороны, если въ Домостроѣ мы встрѣчаемъ строгую послѣдовательность въ передачѣ тѣхъ или другихъ наставленій, по степени важности и значенія послѣднихъ, то можемъ смѣло утверждать, что такой изводъ въ основѣ сохранилъ форму оригинала: переписчикъ можетъ удержать первоначальный порядокъ главъ, но можетъ и легко нарушить его, чего отъ самого автора памятника ожидать ужь никакъ нельзя. Сохраненіе первоначальной формы Домостроя мы находимъ въ спискѣ Коншина, отступленіе же этой формы—въ спискѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Итакъ, даже при первомъ поверхностномъ взглядѣ на оглавленія двухъ списковъ мы должны отдать преимущество Коншинскому изводу, который послѣдовательнымъ размѣщеніемъ статей гораздо ближе къ оригиналу Домостроя, чѣмъ редакція списка Общества Защищая общій порядокъ главъ Коншинскаго списка, мы тѣмъ не менѣе не думаемъ настаивать на томъ, что и въ частностяхъ этотъ порядокъ сохраняетъ первоначальный видъ: списокъ Коншина—не оригиналъ Домостроя, а лишь копія, болѣе или менѣе близкая къ этому оригиналу; потому, при общемъ первоначальномъ строѣ частей, внутри каждой части могутъ быть перестановки статей. Не смотря однакоже на это, мы все-таки мало убѣждены и въ томъ, чтобы порядокъ главъ Коншинскаго списка, даже внутри главныхъ частей Домостроя, былъ хуже того же порядка въ спискѣ Общества; напротивъ, мы скорѣе склонны думать, что и въ этомъ случаѣ Домострой Коншина ближе къ оригиналу, чѣмъ Домострой,

принадлежащій Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ. И вотъ почему. Въ ряду отличій между порядками главъ того и другаго списка, указываемъ прежде всего на статью: „Како врачеватися христіаномъ“, которая въ списокѣ Общества, подъ болѣе полнымъ заглавіемъ, довольно — встати сказать — нелѣпо составленнымъ, занимаетъ 8-е, а въ списокѣ Коншина 23-е мѣсто. На какомъ мѣстѣ стояла эта глава въ оригиналѣ памятника: на 8-мъ или на 23-мъ? По нѣкоторымъ соображеніямъ, мы думаемъ, что на 23-мъ, то-есть, тамъ, гдѣ и въ Коншинскомъ списокѣ. Въ этой главѣ, по списку Общества, мы, между прочимъ, читаемъ такое мѣсто: „всякому христіанину... жити по заповѣди Господни и по отеческому преданію, и по христіанскому закону, яко же въ началѣ писано ꙗкоже сея отъ первыя главы вся 15 главъ и прочая главы книги сея такожь прочести и 29 глава“. Допустимъ на время, что глава „како врачеватися и т. д.“ занимаетъ 8-е мѣсто въ первоначальномъ списокѣ Домостроя, и посмотримъ, могъ ли авторъ памятника, не нарушая логической послѣдовательности, помѣстить въ ней указанную ссылку? Изъ сдѣланной выписки мы видимъ, что авторъ, говоря въ 8-й главѣ о религіозно-нравственной жизни человѣка, совѣтуетъ прежде всего прочесть первыя 15 главъ. Это понятно, потому что ссылка производится на однородныя главы, съ такимъ же религіозно-нравственнымъ содержаніемъ, какъ и 8-я; хотя, съ другой стороны, не особенно ловко упоминать въ числѣ 15 и ту главу, въ которой дѣлается ссылка: вѣдь и 8-я въ числѣ 15, на которыя указываетъ авторъ? Было бы гораздо правильнѣе, еслибы глава: „Како врачеватися...“ со своею ссылкой стояла гдѣ-нибудь за 15-ю главой. Но пойдемъ далѣе. Указавъ на первыя 15 главъ, авторъ совѣтуетъ читателю прочесть также „и прочая глава книги сея“. Какія это „прочая глава“? Ужь не о томъ ли: „Како мужу съ женою совѣтовати, ключнику приказывати о столовомъ обиходѣ“, или: „Ключнику приказъ, какъ пирь прилучитца“, или: „Наказъ отъ государя ключнику, какъ ѣства постная и мясная варити“ (гл. XVI, XVII и XVIII)? Не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ словами „и прочая глава“ ссылается на статьи тоже съ религіозно-нравственнымъ содержаніемъ, и притомъ стоящія въ опредѣленномъ и извѣстномъ для читателя мѣстѣ. Между тѣмъ по списку Общества подобная ссылка въ 8-й главѣ не достигаетъ своего назначенія: читатель недоумѣваетъ, какія это „прочая глава“ совѣтуетъ ему еще прочесть авторъ въ дополненіе къ первымъ 15? Далѣе, въ приведенной цитатѣ мы на-

ходимъ еще ссылку на 29-ю главу, тоже какъ на дополненіе къ первымъ 15. Дѣйствительно, эта глава („О праведномъ житіи“), какъ и первая 15, предлагаетъ религіозно-нравственныя наставленія. Итакъ, на одну дополнительную и слѣдующую за 15-ю главами статью авторъ точно указалъ, на другія же сослался вполне неопредѣленно: „и прочая глава“. Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ по списку Общества, и если послѣдній—первоначальный, то-есть, сохранилъ порядокъ оригинала, то автора Домостроя слѣдуетъ упрекнуть въ непослѣдовательности, отъ коей читатель приходилъ въ недоумѣніе ¹⁾. Но обвинять самого автора въ такомъ недостаткѣ не приходится, поэтому мы постараемся иначе объяснить всю неопредѣленность и сбивчивость ссылки: „и прочая глава“. При какомъ условіи эта ссылка перестанетъ быть неясною и неопредѣленною? Только при одномъ, а именно, когда читатель уже самъ знаетъ, какія ему рекомендуются главы, подъ неопредѣленнымъ указаніемъ: „и прочая“. А какой долженъ быть порядокъ статей Домостроя, чтобы могло сохраниться подобное условіе? Намъ кажется, слѣдующій. Въ то время, когда читатель знакомился съ главою: „Какъ врачеваться христіаномъ“, эти „прочая глава“, какъ и первая 15, были уже имъ прочитаны, а глава „О праведномъ житіи“—еще нѣтъ; потому и нужно было указать на нее точнѣе. Такой долженъ быть порядокъ статей Домостроя по отношенію къ приведенной ссылкѣ: только при немъ смыслъ выраженія: „и прочая глава“ станетъ вполне яснымъ, и всякая неопредѣленность сама собою уничтожается. Обращаемся къ списку Коншина.

Глава „Какъ врачеваться христіанамъ“ стоитъ здѣсь на 23-мъ мѣстѣ, а разбираемая нами ссылка автора читается слѣдующимъ образомъ: „Жити по заповѣдямъ Господнимъ и по отеческому преданію и по христіанскому закону: якоже въ началѣ писано книги сея, отъ первыхъ главы вся пятнадцать главъ и прочая главы книги сея, также и 25 главу внимати и достойтъ творити“. Посмотримъ, будетъ ли эта ссылка стоять на своемъ мѣстѣ, и сохранить ли она

¹⁾ Что дѣйствительно читатель недоумѣвалъ передъ ссылкой „и прочая глава“, это видно изъ списковъ, родственныхъ со спискомъ Домостроя Общества. Такъ, въ Большаковскомъ, Архивскомъ, Царскомъ и Погодинскомъ спискахъ эта ссылка совсѣмъ выпущена и замѣнена болѣе точнымъ указаніемъ на главы: въ Больш.: „всѣ 15 главъ. и 10 и 29“; въ Архивск.: „всѣ 15 главъ и 29“; въ Царск.: „15 главъ, а также 10 и 29“; въ Погод.: „Также прочести и 29 глава“. (*Врем. Общ. Ист. и Др.* 1849 г., кн. I, стр. 37 примѣч.).

свой истинный смыслъ, если мы признаемъ порядокъ Коншинскаго списка первоначальнымъ? Передъ этою 23-ю главой стоятъ прежде всего первыя 15 статей, которыя въ списокѣ Коншина, какъ мы видимъ изъ оглавленія, тѣ же, что и въ списокѣ Общества, за исключеніемъ, конечно, главы: „Како врачеватися“, которую въ списокѣ Коншина замѣняетъ статья съ религиозно-нравственнымъ содержаниемъ: „Како дѣтей воспитати во всякомъ наказаніи и страхѣ Божіи“ (15-я по списку Коншина, и 19-я въ списокѣ Общества). За этими 15-ю главами слѣдуютъ непосредственно тѣ единственныя 7 главъ, на которыя и могъ только указать авторъ въ параллель съ главой: „Како врачеватися“... Эти семь главъ (XVI—XXII включительно) мы называемъ „единственными“ въ томъ смыслѣ, что, кромѣ нихъ, не считая, конечно, первыхъ 15, 23-й и 25-й, всѣ остальныя статьи Домостроя трактуютъ исключительно о дѣлахъ житейскихъ, относятся къ практическому Домострою, а потому ни въ какомъ случаѣ не могутъ дополнять религиозно-нравственное содержаніе главы: „Како врачеватися христіаномъ“. Вотъ эти-то семь главъ и имѣлъ въ виду авторъ, когда сказалъ: прочти также „и прочая глава“. Употребивъ выраженіе: „прочая глава“, авторъ не нуждался въ болѣе опредѣленной и точной ссылкѣ, такъ какъ эти „прочая глава“ слѣдуютъ непосредственно за первыми 15 и идутъ вплоть до 23-й, и читатель, имѣя въ распоряженіи Коншинскій списокъ Домостроя, сразу догадывался, о какихъ тутъ „прочихъ“ главахъ идетъ рѣчь, въ параллель съ 23-ю главой. Такимъ образомъ, мы видимъ что ссылка лишь тогда будетъ имѣть вполне опредѣленное и ясное значеніе, когда глава: „Како врачеватися“ займетъ 23-е мѣсто въ Домостроѣ. Хотя эти два отступленія (то-есть, переносъ трехъ главъ изъ пракческаго Домостроя въ духовный и не подходящее мѣсто 8-й главы „Како врачеватися...“) и заставляютъ подозрѣвать, что и другія главы въ списокѣ Общества, вѣроятно, не слѣдуютъ порядку оригинала памятника, но во первыхъ, для такого подозрѣнія у насъ нѣтъ болѣе или менѣе точныхъ доводовъ; что же касается степени важности излагаемыхъ предметовъ, то она можетъ быть убѣдительно только при рѣзкомъ нарушеніи первоначальнаго строя памятника¹⁾, на-примѣръ, переносъ статей пракческаго Домостроя въ религиозно-

¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ, на-примѣръ, можно доказать, что глава „Како царя чтити“ должна стоять не на пятомъ (какъ въ списокѣ Общества), а на седьмомъ мѣстѣ, какъ въ списокѣ Коншина, и т. п.

нравственный и т. п., и ввоторыхъ, Коншинскій списокъ—повторяемъ—мы вовсе не думаемъ считать за оригиналъ Домостроя, значить—и въ немъ могутъ быть отступленія отъ первоначальнаго порядка статей. Но какъ бы то ни было, два факта говорятъ намъ въ пользу того, что въ размѣщеніи статей Коншинскій списокъ стоитъ къ оригиналу памятника вообще ближе, чѣмъ списокъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Доказывая древность Коншинской редакціи, мы отъ формы, отъ внѣшняго вида памятника, сохранившагося въ этой редакціи, должны бы перейти теперь, какъ того требуетъ порядокъ изложенія, къ содержанію отдѣльныхъ главъ и статей и постараться по мѣрѣ возможности объяснить, почему тѣ или другія дополненія, находящіяся въ этихъ главахъ по списку Общества, не могли быть въ оригиналѣ Домостроя. Къ сожалѣнію, сдѣлать этого мы, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, не можемъ, и мѣшаетъ намъ въ этомъ случаѣ слѣдующее:

1) Въ срединѣ Коншинскаго списка нѣсколько листовъ утрачено: такъ недостаетъ листовъ въ главахъ 2-й и 10-й; намъ важенъ особенно пропускъ въ 10-й главѣ, потому что въ соотвѣтствующей статьѣ списка Общества тутъ большое дополненіе.

2) Коншинскій списокъ, не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше списка Общества, мы все-таки не думаемъ считать оригинальною редакціей памятника; отъ первоначальнаго вида Домостроя здѣсь много, вѣроятно, отступленій, въ числѣ коихъ мы можемъ прежде всего указать на почти полное (кромя двухъ-трехъ мѣстъ) отсутствіе личныхъ чертъ. Въ этомъ отношеніи, списокъ Имп. Публ. Библіотеки, № 1137, ближе къ подлиннику: въ немъ по крайней мѣрѣ сохранились имена Сильвестра, Анфима и жены его Пелагеи, чего въ списокѣ Коншина мы уже не видимъ; но списокомъ этимъ мы, къ сожалѣнію, не могли пользоваться, а потому не знаемъ, на сколько онъ, при своей близости къ Коншинской редакціи, отличается отъ послѣдней ¹⁾.

3) Литературная критика для Домостроя, какъ и вообще для многихъ памятниковъ нашей древней словесности, не примѣнима. Утверждать, что вотъ такое-то мѣсто въ списокѣ Общества, по своему содержанію, духу, слогу и т. п. не должно быть въ перво-

¹⁾ Г. Некрасовъ, указывая на эту близость, не сдѣлалъ все-таки подробнаго сличенія обѣихъ списковъ.

чальной редакціи той или другой главы Домостроя, значить—говорить почти бездоказательно, по личному впечатлѣнію.

Но не смотря на все это, мы считаемъ себя въ правѣ о дополненіяхъ списка Общества отъ Коншинскаго сказать вообще слѣдующее. Литературная исторія Домостроя, судя по спискамъ обѣихъ редакцій, знаетъ перестановки главъ, дополненія къ нимъ, переносъ отдѣльных мѣстъ одной главы въ другую, раздѣленіе большой статьи на нѣсколько маленькихъ, съ особыми заглавіями, наконецъ — даже пропуски цѣлыхъ главъ, а иногда и частей Домостроя; не знаетъ же она только сокращеній внутри главъ. Послѣднее вполне понятно: правила Домостроя таковы, что въ урѣзваніи ихъ не представлялось никакой надобности, когда вся вообще глава переписывается. Подобныя сокращенія пришлось бы объяснять только лѣнью или недосугомъ переписчика, но такое объясненіе малоубѣдительно. Другое дѣло—дополнить или пропустить всю главу цѣликомъ: тутъ могла быть опредѣленная цѣль. Такъ, для одного переписчика были особенно дороги религіозно-нравственныя наставленія Домостроя, и онъ пропускаетъ весь хозяйственный отдѣлъ памятника (таковъ, напримѣръ, списокъ А. Попова № 2522); другому, напримѣръ, былъ интересенъ вопросъ объ отношеніяхъ мужа къ женѣ, и онъ отъ себя дѣлаетъ дополненія по этому вопросу; третій, будучи двуперстникомъ и приноврвливая Домострой для всеобщаго употребленія, вводитъ главу о двуперстии; наконецъ, четвертый, не признавая двуперстія, либо совсѣмъ не переписываетъ главы о немъ, либо учитъ православному крестному знаменію и т. д. Словомъ, повторяемъ, всюду видна какая-нибудь цѣль; не было только цѣли для переписчика дѣлать пропуски внутри той или другой главы, если послѣдняя сохраняется въ списокѣ. Наше предположеніе основано, съ одной стороны, помимо соображеній общаго характера, на сравненіи списковъ каждой редакціи порознь, съ другой—еще на слѣдующемъ фактѣ. Въ Домостройѣ есть, между прочимъ, глава: „Како дѣти учити и страхомъ спасти“. Источникъ для нея найденъ въ Златоустѣ по рукописи Оружейной Палаты № 3 XVI вѣка, въ словѣ на пятокъ 5-й недѣли послѣ Всѣхъ Святыхъ ¹⁾. Это „Слово отъ притчей къ родителямъ и къ чадамъ“ цѣликомъ, отъ первой до послѣдней строки, совпадаетъ съ главой: „Како дѣти учити“ по списку Коншина,

¹⁾ См. Архивъ истор.-юр. свѣд. *Калачова* 1854 г., кн. II, полов. 2-я, отд. VI, стр. 43—50: „Извлеченіе изъ книги Златоустъ“ *И. Забѣлина*.

тогда какъ въ спискѣ Общества въ соотвѣтствующей статьѣ есть противъ указаннаго „Слова“ дополненіе, которое мы должны признать позднѣйшимъ, ибо, еслибъ оно было въ первоначальной редакціи Домостроя, то переписчику не представлялось никакой надобности и цѣли пропускать его: въ немъ мы видимъ только развитіе предшествующихъ мыслей. Но въ другихъ мѣстахъ вставки позднѣйшаго перечисчика до того очевидны, что не можетъ быть въ нихъ никакого сомнѣнія. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ въ виду 4-ю главу, которая въ обѣихъ редакціяхъ Домостроя названа: „Како любить Господа отъ всея душа; такожь и брата своего; и страхъ Божій имѣти и память смертнѹю“. Такъ какъ эта статья небольшая, то мы позволимъ себѣ для сравненія привести ее цѣликомъ.

„По семь же возлюбиши Господа Бога твоего отъ всея душа своя, и отъ всея крѣпости своея; и подвижни вся твоя дѣла и обычая и нравы — угодная творити по заповѣди Его. Паки же искренняго си возлюби: всякаго человѣка, по образу Божию созданна, рекше: всякаго христіанина. Страхъ Божій всегда имѣй въ сердци своемъ и память смертнѹю: всегда волю Божию творити и по заповѣдемъ Его ходи. Рече Господь: въ чемъ ты застану, въ томъ и сужу: ино достоитъ всякому христіанину готову быти въ добрыхъ дѣлѣхъ, въ чистотѣ и въ покаяніи, и во всякомъ исповѣданіи, всегда чающе часа смертнаго“. Этими словами и оканчивается 4-я глава по списку Коншина (далѣе идетъ 5-я); но въ Домостроѣ по списку Общества къ этому прибавлено еще слѣдующее дополненіе подъ заглавіемъ: „О томъ же бо“: „Возлюбиши Господа отъ всея душа, и страхъ его да будетъ въ сердци твоємъ. Праведенъ буди и истиненъ и смиренъ, очи долу понияая, умъ же къ небеси простирая, умиленъ къ Богу и человѣкомъ привѣтливъ. Печальнаго утѣши; терпѣливъ въ напастехъ и недосадителъ всякому человѣку, щедръ и милостивъ, нищекормецъ, страннопримникъ, скорбенъ грѣха ради, веселъ о Бозѣ; алченъ буди отъ пьянства и жаденъ отъ объяденія; кротокъ, неславохотенъ, незлатолюбецъ, но друголюбецъ; не гордъ, боязливъ предъ царемъ, готовъ въ повелѣніи его, во отвѣтѣхъ сладокъ; часто молитвеникъ, разуменъ трудникъ къ Богу и неосудникъ всякому человѣку; поборникъ обидимыхъ, нелицерѣнъ, чядо евангелія, сынъ воскресенія, наслѣдникъ будущія жизни о Христѣ Иисусѣ Господѣ Нашемъ. Ему же слава во вѣки“¹⁾). Если мы взглянемъ на это

¹⁾ Кстати указываемъ и книжный источникъ этого дополненія; мы видимъ его въ 100-мъ словѣ Стословца Геннадія, патріарха Константинопольскаго, гдѣ это

мѣсто съ точки зрѣнія литературной обработки всей вообще 4-й главы, то очевидно, это не болѣе, какъ позднѣйшая вставка: переписчику хотѣлось, по видимому, развить мысли 4-й главы, и это дополненіе онъ не даромъ назвалъ: „о томъ же бо“. Авторъ оригинальнаго Домостроя не могъ выпустить 4-ю главу въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась въ спискѣ Общества: удовлетворивъ вполне заглавію („Како любити“ и т. д.) Коншинской редакціей этой главы, онъ не могъ, очевидно, опять возвращаться къ высказаннымъ мыслямъ, развивать ихъ и говорить „о томъ же“. Сдѣлать это могъ не авторъ, а позднѣйшій редакторъ или переписчикъ памятника. О другихъ отличіяхъ списка Общества отъ Коншинскаго мы пока ничего не можемъ сказать, хотя и ихъ а ргіогі приходится счесть за позднѣйшія вставки и измѣненія переписчика. Впрочемъ, на одно изъ такихъ измѣненій, отличающихъ въ авторѣ списка Общества позднѣйшаго передѣлывателя Домостроя, можно сдѣлать указаніе. Имѣемъ въ виду названіе 20-й главы, которая почти вся составлена изъ слова Іоанна Златоуста: „О женахъ добрыхъ“ ¹⁾. Въ Коншинскомъ спискѣ эта глава, какъ и слѣдуетъ ожидать, названа „Похвала женамъ“ (20-я), а въ Домостроѣ по списку Общества—„Похвала мужемъ“ (23-я по порядку). Заглавіе въ Коншинскомъ спискѣ вполне соответствуетъ, какъ содержанію статьи, такъ и тому первоначальному источнику, по которому она составлена; заглавіе же въ спискѣ Общества, не удовлетворяя ни тому, ни другому, отличаетъ лишь въ авторѣ списка передѣлывателя и большаго ненавистника женскаго пола, противъ котораго онъ, на примѣръ, такъ сильно ратуетъ въ 26-й главѣ (эпизодъ „о потворенныхъ бабахъ“), чего,

слово читается такъ: „Конецъ же всѣмъ реченнымъ его. Прежде всего вълюби Господа отъ всея души, и страхъ его будеть въ сердци твоємъ; и правъ буди и истиненъ; (очв?) долу пониче, умъ же къ Богу простирая; и умилень къ Богу, и чловѣкомъ правѣтливъ; печальнаго утѣшитель; трѣпелавъ въ напастехъ; В нищетѣ щедръ, милостивъ и нищѣкоривникъ, страннопріятель; скорбенъ грѣхъ ради; весель о Бозѣ; алченъ буди и жадеиъ; кротокъ; не славохотенъ; не златолюбецъ, не гордъ; боязливъ предъ Царемъ и готовъ въ повелѣніи его и въ Ѡвѣтѣ сладокъ; часто молитвенникъ, разумень трудникъ и обидимому буди не осудникъ и нелицемѣренъ; чадо евангелія; Снѣ въскресенія и наследникъ будущая жизни; гражданинъ горнаго іерусалима, о Хѣ Ісѣ Гѣ нашемъ емоуже по добаеъ всякая слава честь и поклоненіе (см. Коричую Рум. Муз. XVI вѣка № 233 и др.).

¹⁾ См. Арх. ист.-юрид. свѣд. *Калачова*, 1854 г., кн. II, пол. 2-е, отд. VI, стр. 43—50.

разумѣтся, отъ настоящаго автора Домостроя ожидать никакъ нельзя: послѣдній, какъ это видно вообще изъ всѣхъ главъ памятника, хотя и раздѣляетъ убѣжденія своего вѣка во взглядахъ на женщину, которая должна безусловно вести замкнутую жизнь, не былъ все-таки такимъ злобнымъ женоненавистникомъ и аскетомъ, какимъ является передѣльватель Домостроя по списку Общества. Женатый человѣкъ, домовладыка, который любитъ свою жену, заботится о ней, авторъ Домостроя, едва ли могъ произнести такую фразу, какую съ злобой и какимъ-то отчаяніемъ выкрикиваетъ, по видимому, пострадавшій въ своихъ супружескихъ отношеніяхъ авторъ эпизода „о потворенныхъ бабахъ“: „Горе мѣ! вси есмы прельщаемы отъ общаго врага діавола: нашимъ оружіемъ побежени бываемъ. Дерзну рещи: Блаженная Теодора Александрійская не отъ жены ли прельщена, ложе мужа своего не сохрани; но покаяніемъ и терпѣніемъ многимъ велику сподобися отъ Бога сосуду избранну быти“ (гл. 26-я).

Не могъ также истинный авторъ Домостроя, не противорѣча общему духу своего сочиненія назвать и 23-ю главу (по списку Конщина 20) якобы „въ угоду мужьямъ“¹⁾: „Похвала мужамъ“ вмѣсто „Похвала женамъ“. Это—дѣло рукъ позднѣйшаго переписчика²⁾.

¹⁾ Опытъ, стр. 155.

²⁾ Къ дополненіямъ, сдѣланнымъ авторомъ списка Общества Исторіи и Древностей, намъ кажется, слѣдуетъ отнести и то мѣсто въ 13-й главѣ Домостроя (по сп. Общества), гдѣ говорится о томъ, что всегда нужно носить съ собою четки и говорить: „Господи помилуй“, отъ чего послѣ перваго года вселяется въ чловѣка Христеъ, послѣ втораго—Духъ Святый, послѣ третьяго—Самъ Богъ Савасеъ. Такое черническое требованіе и наивная въра противорѣчатъ общему серьезному тону Домостроя и едва ли вышли изъ-подъ пера умнаго, образованнаго автора этого памятника. Источникъ или, по крайней мѣрѣ, сходное мѣсто для этой части 13-й главы мы находимъ въ рукописи Соловецк. библи. № 309 (нынѣ Казанской д. академіи), заключающей въ себѣ сочиненія Максима Грека. Тутъ помѣщена: „Молитва Св. Іоанна Златоуста: истолкована ѿ апла: Хошу глти оумомъ своимъ, нежели тму мязкомъ (?). а Гї. б Гсе. г. Хсе. д. Спѣ. е Божию. А се приложи со смиреніемъ: помилуй мя грѣшнаго. Аще кто сію молитву требуя глти яко изъ носдріи дыханіе, по первомъ лѣте вселится въ него Хї Сбѣ Бжій; по второмъ лѣте видетъ в него Дхъ Стыи; по третіемъ лѣте-придетъ къ нему Оцъ і вшедъ внего, і обитель в немъ себѣ сотворитъ Стая Трця; і пожретъ млтва срѣдце, і срѣдце пожретъ млтву и начнетъ клицати безпрестани сію млтву и днѣ и ночь дхвнѣ срѣдчнѣ і будетъ свободъ всѣхъ сѣтей вражіихъ (см. Опис. рукоп. Солов. библи., I, стр. 485).

Доказывая большую древность и чистоту текста Коншинской редакціи Домостроя, сравнительно съ текстомъ Общества, мы въ заключеніе отмѣтимъ еще одинъ фактъ, самъ по себѣ не важный, но въ ряду другихъ не лишенный все-таки значенія. Въ главѣ „Како врачеватися христіаномъ“, между другими болѣзнями, посылаемыми Богомъ за грѣхи людей, упоминается въ спискѣ Общества еще „тайнымъ удомъ отгниitie“, то-есть, сифились, о которомъ авторъ Коншинской редакціи Домостроя не говоритъ ни слова. Если это не сознательный пропускъ, то такое молчаніе объ „отгниitie тайнымъ удомъ“, при очень подробномъ перечисленіи другихъ болѣзней, заставляетъ думать, что эта страшная болѣзнь не была еще извѣстна автору Коншинской редакціи памятника. Дѣло въ томъ, что „слухъ о французской болѣзни дошелъ до Москвы въ первый разъ въ 1499 году. Великій князь Іоаннъ III, посылая въ Литву боярскаго сына Ивана Мамонова, велѣлъ ему разузнать въ Вильнѣ: „есть ли еще та болѣзнь, или нѣтъ, что болячки мечются, а слово въ французскѣ“. „Такъ что“, заключаетъ г. Терещенко,—„эта болѣзнь была извѣстна въ концѣ XV вѣка лишь по слуху: она была вывезена въ Европу вмѣстѣ съ Американскимъ золотомъ въ 1493 году“¹⁾. „Въ XVI вѣкѣ“, говоритъ Костомаровъ,—„занесена была въ Россію сифилитическая болѣзнь (тайнымъ удомъ согниitie), а въ слѣдующемъ столѣтіи она довольно распространилась и наносила опустошенія въ черномъ народѣ“²⁾.

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, гдѣ впервые могъ появиться Домострой—въ Новгородѣ или Москвѣ? Выше мы видѣли, что всѣ доводы г. Некрасова въ пользу новгородскаго происхожденія памятника не могутъ быть приняты; но если по тѣмъ даннымъ, на которыя ссылается авторъ „Опыта“ (и которыя, какъ было доказано, могутъ въ равной мѣрѣ относиться и къ быту Новгорода, и къ жизни москвичей XVI вѣка), нельзя опредѣлить родину Домостроя, за то по другимъ указаніямъ текста можно довольно смѣло утверждать, что въ памятникѣ преобладаетъ элементъ московскій.

Этотъ московскій элементъ въ Домостроѣ мы видимъ въ слѣдующемъ: во-первыхъ, въ теремной, вполне безправной жизни женщины, что, какъ извѣстно, не идетъ къ новгородскому быту XV—XVI вв.; во-вторыхъ, въ постоянномъ названіи хозяина „государемъ“, а хо-

¹⁾ См. Бытъ Русскаго народа *Терещенки*, т. I, стр. 413.

²⁾ См. Очеркъ домашн. жизни и нравовъ великорусск. народа, стр. 101.

зайки „государыней“, что, въ свою очередь, указываетъ на московскій, а не на новгородскій обычай величавій. Желая хоть какъ-нибудь объяснить присутствіе этихъ словъ московскаго происхожденія, г. Некрасовъ увѣряетъ, что „въ чисто новгородскомъ спискѣ Домостроя этого не было“, и что „не одинъ списокъ, относящійся къ очень полному, много разъ употребилъ названіе „господинъ“ вмѣсто „государь“¹⁾. Противъ голословнаго утвержденія г. Некрасова, что въ чисто новгородскомъ спискѣ Домостроя этого не было, сказать мы ничего не можемъ: трудно оспаривать личное мнѣніе. Что же касается втораго довода г. Некрасова, будто „не одинъ списокъ, относящійся къ очень полному, много разъ употребляетъ названіе „господинъ“ вмѣсто „государь“,—то и онъ также нисколько не убѣдительнъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ списковъ Домостроя, названія „господинъ“ и „госпожа“ употребляются собственно лишь въ одномъ Погодинскомъ, да и то не постоянно²⁾; списокъ же г. Саввантова, какъ „совершенно тождественный“ съ спискомъ Погодина³⁾, мы не беремъ въ разчетъ. Но съ другой стороны, есть основаніе думать, что въ оригиналѣ этихъ двухъ „тождественныхъ“ списковъ хозяева назывались исключительно „государь и государыня“: наше мнѣніе въ данномъ случаѣ поддерживается тѣмъ, что въ текстѣ этихъ двухъ списковъ Домостроя названія „государь и государыня“ встрѣчаются очень часто, а въ оглавленіи, судя по Саввантовской рукописи, постоянно⁴⁾. Но всѣ эти соображенія не такъ важны, какъ важенъ фактъ, что въ самомъ древнемъ спискѣ Домостроя, принадлежащемъ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, хозяева вездѣ, безъ исключенія, названы „государь“ и „государыня“. Какъ величались хозяева въ первоначальномъ Домостроѣ, котораго у насъ нѣтъ въ распоряженіи, г. Некрасовъ рѣшительно связать не можетъ: онъ долженъ лишь считаться съ тѣмъ, что даетъ ему самый древній списокъ и самая равняя, по его мнѣнію, редакція памятника. Это постоянное и безошибочное употребленіе словъ: „государь“ и „государыня“ въ спискѣ Общества Исторіи и Древностей не можетъ не убѣдить безпристрастнаго изслѣдователя въ томъ, что и въ первоначальномъ Домостроѣ хозяева именовались также:

1) Опытъ, стр. 144.

2) См. *Временникъ* 1849 г., кн. I, стр. 1.

3) Опытъ, стр. 80.

4) *Ibid.*, стр. 81, 82 и 83.

такой строгой выдержанности нельзя было бы ожидать отъ переписчика, который, будь онъ даже природный москвичъ, вѣроятно, не разъ ошибся и назвалъ бы домохозяина „господиномъ“, а хозяйку „госпожей“, какъ мы это видимъ, напримѣръ, въ Саввантовскомъ Домостроѣ, вышедшемъ, по мнѣнію г. Некрасова, даже „изъ-подъ пера хорошаго и исправнаго писца“ ¹⁾. Такимъ образомъ, на основаніи всего сказаннаго мы можемъ утверждать, что въ первоначальной редакціи Домостроя хозяинъ назывался „государемъ“, а хозяйка „государыней“, а это, мы знаемъ, московскій обычай. Вторыхъ, третій признакъ московскаго происхожденія Домостроя мы видимъ въ частыхъ упоминаніяхъ автора о приказахъ и приказныхъ людяхъ ²⁾. Уже самое названіе „приказный человекъ“, понимаемъ ли мы его въ смыслѣ officialнаго чиновника, или довѣреннаго слуги какого-нибудь богатаго боярина,—слово московскаго происхожденія, потому что въ Новгородѣ довѣренные слуги, управлявшіе имѣніями богатыхъ и знатныхъ лицъ, назывались не „приказными“, а либо „ключниками“, либо „посельскими“ ³⁾. Но этого мало: въ Домостроѣ мы находимъ указанія на приказы, какъ извѣстныя административныя учрежденія, и на приказныхъ людей, какъ государственныхъ чиновниковъ ⁴⁾, что не только въ Новгородѣ, но даже въ самой Москвѣ появилось не ранѣе царствованія Василя III ⁵⁾.

Кромѣ перечисленныхъ признаковъ, въ пользу московскаго происхожденія Домостроя говоритъ, намъ кажется, также довольно частое употребленіе авторомъ турецко-татарскихъ словъ, чего отъ новгородскаго памятника ожидать, по видимому, не слѣдовало бы. Кромѣ такихъ употребительныхъ словъ, какъ „кафтанъ“, „деньга“, въ Домостроѣ, по обимъ древнѣйшимъ спискамъ его, мы находимъ еще слѣдующія турецко-татарскія слова: алтынъ (73, 74), армякъ ⁶⁾,

¹⁾ Ibid., стр. 80.

²⁾ См. главы XXIV, XXV, XXVII, XL, LVIII, LIX и др. по Конш. списку.

³⁾ См. Сѣверно-русскаго народоправства *Костомарова*, т. II, стр. 32.

⁴⁾ См. гл. 25, 26 и 27 по сп. Коншина.

⁵⁾ См. Исторію Россіи *Соловьева*, т. V, стр. 218.

⁶⁾ „Названія одежды, которыя мы знаемъ изъ московской жизни“, говоритъ Н. Костомаровъ (Сѣв. русск. народ., т. II, стр. 154),—въ Новгородѣ и Псковѣ не были извѣстны вовсе: едва ли могли быть тамъ въ употребленіи татарскія названія, какъ кафтанъ, армякъ и пр., потому что татарскіе нравы не проникали въ эти города, жившіе старою славянскою жизнью. Напротивъ, упоминаются одежды древнія, какъ опашень (верхній плащъ), мятель (родъ зипуна). Въ Домостроѣ, въ ряду названій многихъ одеждъ (какъ, напримѣръ, армякъ, терлики, кафтанъ, сара-

копакъ (60), казна (48), кирпичъ (100), ковшъ, саадакъ (чехоль на лукъ: 54), сундукъ (57, 103), терлигъ (=родъ длиннаго кафтана съ перехватомъ и короткими рукавицами: 54), таганъ (82), чюмичъ (82), тафта, фата (въ Домостроѣ употребляется въ значеніи скатерти: 93), катана (или „коштана“ =родъ кареты отъ татар. кетанъ=холстъ, то-есть, возъ, покрытый холстомъ: 93), зуфъ или изуфъ (шерстяная ткань, отсюда — зуфрянъ или изуфрянъ: 54), камка (цвѣтная шелковая ткань съ разными узорами: 54), сарафанъ (53), топоръ (92) тебенекъ (четвероугольный кусокъ кожи у сѣдла: 93)¹⁾ и др. Впрочемъ, этому присутствію турецко-татарскихъ словъ мы придаемъ значеніе только въ ряду другихъ признаковъ московскаго происхожденія Домостроя.

Окаячивая свой разборъ, мы скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ, кто былъ авторомъ Домостроя: духовное или свѣтское лицо? Г. Некрасовъ придерживается послѣдняго предположенія²⁾; но это, намъ кажется, несовсѣмъ справедливо: нѣтъ основаній. Но, съ другой стороны, если принять во вниманіе постоянныя ссылки на Священное Писаніе (стр. 5 въ IV главѣ, 9—IX, 10—X, 11—X, 14—XI, 18—XIII 41—XXIII, 61—XXXV и другіе), а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже на церковныя уставы (напримѣръ, въ главѣ X), то можно съ большою вѣроятностью предположить, что авторъ Домостроя былъ духовнымъ лицомъ, и притомъ не монашествующимъ, для котораго, конечно, были чужды предписанія и совѣты, затрагивающіе въ Домостроѣ разныя семейныя и хозяйственныя стороны жизни. Сказать что-либо болѣе про личность автора Домостроя мы пока ничего не можемъ,

---

санъ, лѣтничъ, однорядка, кортель, копакъ и др.), опышна и мятели совсѣмъ нѣтъ; не находимъ мы также здѣсь и такихъ словъ, употребляющихся въ Новгородѣ, какъ кателюгъ, орица (то и другое—названіе шерстяной матеріи), хотя матеріи упоминаются въ Домостроѣ разныя: тафта, камка, изуфъ, кумачъ, венценное платье и др. То же самое слѣдуетъ сказать и про разныя мѣры, которыя „въ Новгородской землѣ были своеобразны, и, даже послѣ паденія независимости, долго оставались особенныя, отличныя отъ обычаевъ другихъ земель“ (см. *ibid.* стр. 157); а между тѣмъ такихъ характерныхъ мѣръ, какъ коробья, вобня, ползобня, пузы, пошевы (всѣ сыпучихъ тѣлъ), оковы (тоже), капы (вѣсовая мѣра), штука, терляжъ (мѣры матерій), куски (сухна) въ Домостроѣ мы не находимъ; вместо этого здѣсь мы встрѣчаемъ: четверть, рѣшето, косякъ (тафты), поставъ (сухна) и др.

¹⁾ Страницы мы указываемъ по Кошшинскому Домострою, напечатанному во *Временникъ* 1849 г., кн. I.

²⁾ Опытъ, стр. 158.

не считая развѣ того, что онъ писалъ свое сочиненіе для такого человѣка, который жилъ съ нимъ въ одномъ городѣ и былъ ему знакомъ. Это подтверждается слѣдующимъ мѣстомъ 40-й главы Коцшинскаго списка Домостроя: „а купить у кого-нибудь, много или мало, у пріѣзжаго гостя, и у крестьянина, и у здешнево человѣка“. Выраженіе „здешнево человѣка“, указывая, съ одной стороны, на то мѣсто ¹⁾, гдѣ впервые появился Домострой, съ другою—заставляетъ предполагать, что авторъ памятника имѣлъ въ виду только тѣхъ лицъ (или лицо), которыя жили съ нимъ въ одномъ городѣ. Еслибъ авторъ Домостроя посвятилъ свой трудъ всѣмъ вообще русскимъ людямъ, то такого выраженія онъ, конечно, не употребилъ бы, что мы дѣйствительно и видимъ въ спискѣ Общества и въ однородныхъ съ нимъ редакціяхъ, которыя, какъ и Домострой, принадлежащій Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, посвящены всѣмъ вообще православнымъ христіанамъ (проживающимъ—прибавимъ, конечно, въ разныхъ мѣстахъ); а потому, выраженіе „здешнево человѣка“ тутъ, какъ непонятное, замѣнено выраженіемъ „домашняго торговаго“ ²⁾).

Въ заключеніе, сдѣлаемъ теперь общіе выводы, къ которымъ мы по мѣрѣ возможности должны были придти въ нашей статьѣ, написанной по поводу сочиненія г. Некрасова.

1) Домострой, во всѣхъ своихъ частяхъ, принадлежитъ перу одного и того же автора.

2) Коцшинскій списокъ Домостроя, по составу и расположенію главъ, стоитъ къ оригиналу памятника несравненно ближе списка, принадлежащаго Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ: изводъ Общества представляетъ, хотя болѣе полную, но все-таки позднѣйшую и притомъ неумѣлую передѣлку Домостроя, приноровленнаго для общаго употребленія, „имѣеть характеръ общаго для всѣхъ руководства“, какъ выразился авторъ статьи: „Домострой Сильвестра“ ³⁾. Съ этою цѣлью, къ Домострою въ спискѣ Общества придѣлано „Предисловіе“ и внесена, между прочимъ, глава: „Како подобаетъ креститися и поклонятися“.

3) Въ литературѣ Домострой появился въ половинѣ XVI вѣка;

¹⁾ Не имѣеть ли слово „здѣшнево“ такого же значенія, какъ выраженіе Сильвестра: „здѣ на Москвѣ“ (см. *Временникъ* 1849 г., кн. I, стр. 109)?

²⁾ См. списокъ Общ. Ист. и Др. Росс., гл. 43, стр. 110.

³⁾ См. *Правосл. Собесѣдникъ* 1860 г., кн. III, стр. 326 и слѣд.

по крайней мѣрѣ нѣтъ причины относить происхождение его къ болѣе раннему времени.

4) Нѣтъ никакихъ также оснований считать Домострой новгородскимъ памятникомъ; напротивъ того, въ немъ мы находимъ указанія, подтверждающія его московское происхождение.

5) Такъ какъ Благовѣщенскій попъ Сильвестръ не былъ передѣльвателемъ Домостроя въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понимаетъ г. Некрасовъ, то нѣтъ, кажется, надобности отрицать, что знаменитый исповѣдникъ Іоанна Грознаго былъ авторомъ памятника „Акклиматизаторомъ“ Домостроя „на московской почвѣ“ Сильвестръ быть не могъ, а съ другой стороны, имя его тѣсно связано съ памятникомъ, на чтѣ указываетъ „Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну“, или такъ-называемый малый Домострой, и первая глава списка Императорской Публичной Библіотеки подъ № 1137, гдѣ прямо сказано: „Благословляю я, грѣшныи Силивестръ, и поучаю, и вразумляю единочадаго сына своего Анфима, и его жену Пелагею, и ихъ домоладцовъ, быти во всякомъ христіанскомъ законѣ и во всякой чистой совѣсти, въ правдѣ“¹⁾. Если составителемъ Домостроя былъ не Сильвестръ, а другое лицо, то вмѣсто выраженія „имѣрк“ (въ первой главѣ), хотя въ одномъ изъ многочисленныхъ списковъ Домостроя стояли бы какія-нибудь собственныя имена, не Сильвестровыхъ родныхъ; но такой подстановки мы нигдѣ не замѣчаемъ. Отсюда ясно: ни одинъ изъ позднѣйшихъ переписчиковъ и передѣльвателей Домостроя не рѣшился присвоить себѣ чужую литературную собственность, чего, конечно, еще менѣе слѣдуетъ ожидать отъ такого человека, какимъ былъ знаменитый современникъ Іоанна Грознаго; нельзя думать, какъ предполагаетъ авторъ „Опыта“²⁾, чтобы „Сильвестръ считалъ себя въ правѣ написать, вмѣсто имѣркъ, имена какъ свое, такъ и тѣхъ лицъ, для которыхъ онъ дѣлалъ свое соращеніе“. Почему никто другой „не считалъ себя въ правѣ“ дѣлать подобной замѣны? Передѣльвателей, а не только переписчиковъ, вѣдь было много, а между тѣмъ никто изъ нихъ не подставилъ на мѣсто „имѣркъ“ именъ своего и родственниковъ? Это мнѣніе г. Некрасова несправедливо, такъ какъ основано на его неправильномъ взглядѣ на Коншинскую редакцію Домостроя; съ другой стороны, заподозрить Силь-

¹⁾ Мы придерживаемся русской ореографіи.

²⁾ Стр. 117.

вѣстра въ присвоеніи чужой собственности, безъ всякихъ передѣлокъ, еще менѣе вѣроатно.

Вотъ все, что мы можемъ сказать въ защиту авторства Благовѣщенскаго поиа Сильвестра ¹⁾).

П Р И Л О Ж Е Н І Е:

Два списка Домостроя изъ библіотеки Андр. Н. Попова (нынѣ въ Румянцовскомъ музеѣ).

Первый изъ этихъ списковъ, № 2522, находится—какъ мы выше сказали—въ одномъ сборникѣ XVII вѣка и содержитъ къ себѣ лишь 15 начальныхъ главъ Домостроя, за исключеніемъ первой. Редакція этого списка, какъ по оглавленію, такъ и по составу статей, совпадаетъ буквально съ редакціей Домостроя, принадлежащею Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ; даже въ заглавіяхъ нѣтъ никакой разницы. Предисловія нѣтъ.

Другой списокъ Домостроя, подъ № 2430, принадлежитъ, по размѣщенію главъ и ихъ составу, къ Коншинской редакціи, съ которою у него тѣмъ не менѣе есть нѣкоторыя отличія. Названія главъ и ихъ порядокъ въ этомъ спискѣ таковы:

Гл. 1: Поученіе отца къ сыну.

2: Како христіанномъ вѣровати во Св. Троицу.

3: Безъ заглавія.

4: Како любити Господа отъ всея душа и брата своего и страхъ Божій имѣти и память смертнующу.

5: Како святительскій чинъ почитати, такожь и священническій и мншескій.

Первыя четыре главы описываемаго списка, за самыми мелкими различеніями, буквально совпадаютъ съ тѣми же главами Коншинскаго списка. Что касается 5-й главы, то она въ спискѣ А. Попова представляетъ соединеніе частей двухъ главъ Коншинскаго списка, а именно: начала 5-й (кончая словами: „велию вѣру и любовь“), и второй половины (большей) 7-й, начиная со словъ: „въ зазоръ слодѣемъ“ (вм. „въ отмщеніе злодѣемъ“ К.) въ похвалу

¹⁾ Авторъ Домостроя, въ ряду другихъ наставленій, требуетъ особенно настойчиво хорошаго и ласковаго отношенія къ слугамъ; требованіе это высказывается не разъ, по многимъ главамъ; такъ, напримѣръ, въ гл. 21 (по списку Коншина) авторъ съ силою упираетъ на то, чтобы не обижать наемниковъ: „но наипаче: наймита наймомъ не илюбидѣти“. Не стоитъ ли эта характерная черта въ связи съ тѣмъ великодушнымъ, гуманнымъ отношеніемъ, какимъ отличался къ своимъ слугамъ Сильвестръ, какъ это видно по 64-й главѣ Коншинскаго списка, „Посланію и наказанію отъ отца къ сыну“? А глава эта, несомнѣнно, принадлежитъ знаменитому исповѣднику Іоанна Грознаго.

зюдѣемъ“ (вм. „добродѣемъ“) вплоть до конца... „и самъ такоужъ твори“. Такимъ образомъ, отдѣльной главы: „Какъ царя и князя чтити“ въ спискѣ А. Попова нѣтъ, она составляетъ часть 5-й главы.

Гл. 6: Какъ домъ свой украсити и како посѣщати въ монастырѣхъ и въ больницахъ скорбна.

Гл. 7: Какъ къ церквамъ божіимъ и монастыри съ приношеніемъ приходити.

8: Какъ приходити (кормити?) кормящихъ (приходящихъ?) въ дому своемъ съ благодареніемъ.

Глава 6-я совпадаетъ цѣликомъ съ 8-й Коншинскаго списка, 7-я—съ 9-й, 8-я соответствуетъ 11-й, хотя и нѣсколько короче послѣдней: она оканчивается словами: „ясти и пити во славу Божію, а не обядатись, ни упиватись, ни пустошныхъ не творити“; что же касается мѣста отъ словъ: „И аще предъ кого поставляеши ѣству, или питіе“ и т. д. до конца Коншинской ред. 11-й главы, то въ спискѣ А. Попова его совсѣмъ нѣтъ.

Гл. 9-я: Какъ священниковъ и иноковъ призывать въ домъ свой молитися.

Эта глава, соответствующая по названію 10-й главѣ Коншинскаго списка, сбита здѣсь изъ двухъ главъ: 10-й и 11-й упомянутаго списка. Она начинается словами: „Егда званъ будеши кимъ на брзкъ, не садись на переднемъ мѣстѣ“ и т. д., какъ это идетъ въ 10-й главѣ Коншинскаго Домостроя (стр. 11. Времени. 1849, кн. 1) отъ тѣхъ же словъ до конца; но словами: будетъ и самъ поруганъ и посмѣенъ отъ Бога и человекъ 9-я глава списка Попова, въ противоположность 10-й главѣ Коншинскаго, еще не оканчивается, ибо за этими словами тотчасъ же слѣдуетъ: „А подати кому ясти и пити, государю дому, или отъ предстоящихъ ему въ столъ, или послати куды разсуждая по достоинству, и по чину, и по совѣту, вся сія отъ Большаго бываетъ, а отъ прочихъ не бываетъ. Аще за любовь или за нѣкое посланіе: искусно да содѣлаются, и о семъ прощаются отъ Настоящаго. А отъ стола и отъ трапезы ѣства или питіе тайно не износити, или выслати не по повелѣнію Настоящаго и безъ благословенья, святотатство суть и самочиніе: таковыхъ вельчески безчинствуютъ. И аще предъ кого поставляеши ѣству, или питіе, и всякое брашно, не подобаетъ похулити: гнило, или кисло, или прѣсно, или солоно, или горько, или затхло, или сыро, или переварено, или какую хулу воздавати не подобаетъ,—даръ божій и всякое брашно похвалити и съ благодареніемъ вкушати. Ино: Богъ обяеетъ воеку благоуханія, и въ сладость претворити; и аще которая ѣства и питіе непотребно—ино о томъ наказывати домочадцовъ, кто дѣлаетъ, чтобъ впредъ таково не было.“ Этимъ оканчивается 9-я глава по списку А. Попова. Такимъ образомъ, она состоитъ: и 1) изъ второй половины (съ перестановкой) 10-й главы и 2) конца 11-й главы Коншинскаго списка.

10: Какъ мужу съ женою и съ домочадцы своими въ дому своемъ молитися.

11: И въ церкви мужу и женѣ молитися и чистота хранити и всякаго зла не творити.

12: Какъ чтити дѣтемъ отцевъ своихъ духовныхъ и повиноватися имъ во всемъ.

13: Какъ дѣтей своихъ воспитати во всякомъ наказаніи и страсѣ Божіи.

14: Какъ дочь воспитати, съ надѣломъ замужъ выдати.

- 15: Како дѣтей учити и страхомъ ихъ спасати.
 16: Како дѣтямъ отца и матеръ любити и беречи и повиноватися имъ во всемъ.
 17: Всякому человѣку рукодѣльничати и всякоз дѣло дѣлати благословяся
 18: Похвала женамъ.
 19: Наказъ мужу и женѣ и дѣтямъ ихъ, како дѣло быти имъ.
 20: Каковы люди держати и како о нихъ промышляти во всякомъ ученіи и въ божественныхъ заповѣдехъ.
 21: Како врачеватися христіаномъ отъ болѣзней и отъ всякихъ скорбей.
 22: О томъ же.
 23: О неправедномъ имѣніи (житіи?)
 24: О праведномъ житіи.
 25: Како жити человѣку смѣтя своей животъ.
 26: Аще кто не разсудя живеть.
 27: Аще кто слугъ держитъ безъ устроа.
 28: (Како) Поучати мужу своя жена, како Богу угодити и мужу своему уворовити, и како домъ свой добре строити и всякая домашняя порядня и рукодѣліе всякое знати и слугъ учити и самой дѣлати.
 29: Добрыя жены рукодѣльные плоды и бреженъе всему п что скронтити и остатки и обрѣзки беречи.

Статьи отъ 10-й до 20-й включительно совпадаютъ послѣдовательно съ главами отъ 12-й—22-й Коншинскаго списка: разница лишь въ отдѣльныхъ словахъ и немногихъ выраженіяхъ. Глава 21-я по списку А. Попова составляетъ лишь первую часть 23-й главы Коншинскаго списка (до словъ: „душевная и телесная болѣзнь исцѣлѣна и Бога милостива сотворити“), другая же половина послѣдней въ списокѣ А. Попова выдѣлена нъ отдѣльную 22-ю главу, подъ заглавіемъ: „О томъ же“. Совпаденіе 21-й и 22-й главы съ Коншинскою 23-ю—полное, разница лишь въ немногихъ словахъ и выраженіяхъ. То же самое нужно сказать и про остальныя главы Домостроя А. Попова: начиная съ 24-й и до 60-й включительно, то-есть, до конца списка, онѣ совпадаютъ съ соотвѣствующими главами Коншинскаго списка, то-есть, съ 25-й—61-й. Такъ какъ разницы даже въ названіяхъ главъ нѣтъ, то мы не будемъ приводить дальше оглавленія; впрочемъ, названіе 35-й главы (=36 К.) одинаково съ названіемъ соотвѣствующей главы (40-й) Домостроя по списку Общества, а не Кляшныа, то-есть, оно полнѣе. Этотъ списокъ Домостроя Коншинской редакціи интересенъ для насъ особенно въ томъ отношеніи, что онъ какъ нельзя лучше опровергаетъ увѣренія г. Некрасова, будто „ни одинъ изъ заказчиковъ, ни одинъ изъ писцовъ“ почему-то „не налагалъ своей руки, а списывалъ его то-есть, Коншинскій изводъ) въ одномъ и томъ же порядкѣ, съ буквальнойю точностью“ (см. Опытъ, стр. 176—177). Сязокъ А. Попова опровергаетъ по добное предположеніе.

А. Михайловъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. П. Лихачевъ. Разрядные дьяки XVI вѣка. Опыт историческаго изслѣдованія. С.-Пб. 1888.

Ученый трудъ г. Лихачева „является результатомъ нѣсколькихъ лѣтъ постоянной и исключительной работы“, посвященной изученію „обильнаго историческаго матеріала“, который относится къ исторіи одного изъ важнѣйшихъ учреждений до-Петровской Руси—Разряднаго приказа. „Въ настоящее время“, говоритъ изслѣдователь,—„нѣтъ государственнаго учрежденія съ такимъ широкимъ объемомъ дѣятельности. Основнымъ предметомъ вѣдѣнія Разряда было воинское дѣло во всѣхъ его подробностяхъ и все служилое дворянство, какъ составлявшее главный контингентъ войска въ до-Петровской Руси, значеніе же разряднаго приказа вообще было еще шире. Разрядъ былъ „общимъ средоточіемъ царскихъ распоряженій“. „Сверхъ военно-административнаго значенія, Разрядъ имѣлъ еще значеніе канцеляріи, стоявшей посредницей между высшимъ правительствомъ и прочими приказами. Онъ сообщалъ по принадлежности распоряженія государю, касавшіяся всѣхъ приказовъ; чрезъ него восходили въ думу справки, которыхъ она требовала отъ всѣхъ приказовъ... Наконецъ, Разрядъ сообщалъ членамъ самой думы указы государя, касавшіяся порядка ихъ думныхъ занятій“ (73—74; взято у В. О. Ключевскаго: Боярская дума древней Руси). Не смотря на столь важное значеніе Разряднаго приказа, исторіи этого учрежденія нѣтъ еще въ русской исторической литературѣ, а потому изслѣдованіе г. Лихачева должно привлечь вниманіе историковъ, изучающихъ до-Петровскую Русь.

Въ своемъ изслѣдованіи г. Лихачевъ ограничился лишь „очеркомъ вѣйшей исторіи Разряда въ XVI столѣтіи“; онъ дѣлаетъ попытку собрать отрывочныя свѣдѣнія, съ помощью которыхъ можно было бы опредѣлить самое время возникновенія Разряднаго приказа, и для того, главнымъ образомъ, останавливается на разрядныхъ дьякахъ за періодъ до воцаренія дома Романовыхъ, „извлекая указанія изъ разнаго рода документовъ и частныхъ сборниковъ XVI и XVII вѣковъ“ (X). „Излагать исторію Разряднаго приказа, какъ учрежденія, съ нашей стороны“, говоритъ г. Лихачевъ, — „было бы неразумною смѣлостью“ (457). „Чтобы рисовать картину, надо заготовить холстъ, а для картины дѣятельности приказовъ въ эпоху Ивана Грознаго полотно еще не соткано, и можетъ быть не одному, а многимъ изслѣдователямъ придется поработать надъ нимъ“ (229).

Толстая книга г. Лихачева, имѣющая болѣе 840 страницъ съ приложениями и указателемъ, представляетъ весьма цѣнный сводъ матеріаловъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, относящихся къ исторіи московскихъ приказовъ. Это изслѣдованіе служитъ подготовительнымъ или, какъ самъ изслѣдователь называетъ, наброскомъ будущаго изслѣдованія. Считаемо не лишнимъ изложить содержаніе и указать главнѣйшіе выводы этого перваго труда г. Лихачева.

Изслѣдованіе г. Лихачева раздѣляется на четыре главы. Первая глава, служащая какъ бы вступленіемъ, имѣетъ заглавіемъ: „Приказы и время ихъ образованія“ (1—70). На первыхъ страницахъ своей книги изслѣдователь касается общаго для всѣхъ приказовъ вопроса о самомъ возникновеніи этихъ учреждений и времени образованія московскихъ приказовъ, какъ учреждений съ дьяками и письмоводствомъ. При отсутствіи фактическихъ данныхъ, вопросъ о времени возникновенія приказовъ является спорнымъ въ русской исторической литературѣ и „лица, одинаково высоко авторитетныя, расходятся въ данномъ случаѣ въ своихъ сужденіяхъ“ (26). По мнѣнію г. Лихачева, только окольными путями можно подойти къ разрѣшенію этого вопроса (26—32): всякій приказъ изъ личныхъ порученій сдѣлался учрежденіемъ, когда сталъ коллегіальнымъ. Подпись одного дьяка можетъ относиться и къ періоду личнаго приказа, и ко времени коллегіальныхъ приказовъ, скрѣпа же двухъ дьяковъ свидѣтельствуешь о существованіи въ данное время приказа, какъ учрежденія. „Въ XV столѣтіи появляются грамоты съ дьячьею приписью, въ XVI это становится необходимою нормою“. „Еслибы мы“, говоритъ изслѣдователь, — „свели въ хронологическомъ порядкѣ документы

ХV и ХVI вѣковъ и раздѣлили бы ихъ по содержанію и по скрѣпамъ дьяковъ, то весьма возможно, что при помощи и немногихъ сохранившихся опредѣлительныхъ фактовъ, намъ удалось бы восстановить исторію приказовъ съ самаго ихъ основанія" (28). Есть также и документальное свидѣтельство о существованіи приказовъ около 1512 г. (А. Э., I, 125). Сюда же относятся лѣтописные разказы объ организаціи помѣстной службы и системы кормленій 1556 г. „При отсутствіи другихъ данныхъ можно было бы приурочивать основаніе такихъ приказовъ, какъ Разрядный и Помѣстный, именно къ этому времени" (31). На страницахъ 32—61 приводятся сохранившіяся въ разнаго рода памятникахъ указанія на приказныхъ дьяковъ и приказы, которые относятся къ первой половинѣ ХVI вѣка. Собранные изслѣдователемъ факты дали ему возможность сдѣлать слѣдующіе выводы о времени образованія приказовъ: „Приказная система корнями своими уходитъ глубоко въ ХV вѣкъ, но образованіе приказовъ, какъ учрежденій съ дьяками и дѣлопроизводствомъ, должно быть отнесено только къ концу этого столѣтія. Надо думать, что всѣ важнѣйшіе дворцовые и не дворцовые приказы уже существовали въ концѣ княженія Іоанна III" (61 — 70, 548). Не могъ обойти изслѣдователь и вопроса о томъ, какое начало преобладало въ приказной системѣ—бюрократическое и единовластія или коллегіальности. „Во внутреннемъ устройствѣ приказовъ“, по мнѣнію изслѣдователя,—„преобладало, какъ и вообще въ Московской Руси, товарищеское начало, которое надо или приравнять къ началу коллегіальному, или признать самостоятельнымъ“. Приводя цѣлый рядъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія и возражая К. Д. Кавелину и О. М. Дмитріеву, отрицающимъ коллегіальность, г. Лихачевъ говоритъ: „Важный вопросъ о коллегіальномъ началѣ въ до-Петровской Руси ждетъ спеціальнаго и подробнаго изслѣдованія (21). Съ появленіемъ его мнѣ, можетъ быть, придется признать неосновательнымъ высказываемое теперь мною мнѣніе“. Относительно вліяній, подъ которыми создались приказы, г. Лихачевъ ограничивается возраженіемъ профессору Леонтовичу, выдающему въ приказахъ „точные копіи монгольскихъ дивановъ“. „Сомнительно, чтобы такое учрежденіе, какъ приказы—палаты, было скопировано съ монгольскихъ дивановъ какъ разъ въ моментъ окончательнаго и безусловнаго сверженія монгольского ига, такъ какъ нѣтъ и слѣда существованія приказовъ раньше второй половины княженія Ивана III" (9). Первую главу г. Лихачевъ заканчиваетъ общимъ отзывомъ объ исторіи приказовъ: „Эта исторія

мало разработана и ждетъ еще труженниковъ, которые, не задаваясь громкими фразами, должны будутъ систематически слѣпить въ одно цѣлое страшную массу мелкихъ фактовъ“ (70).

Вторая глава: „Разрядный приказъ и первыя объ немъ свѣдѣнія. Дьяки и ихъ значеніе“ (71—226). Время основанія этого приказа, не смотря на всѣ попытки ученыхъ, до сихъ поръ точно не извѣстно. Г. Лихачевъ пытается выяснитъ „большую или меньшую древность“ Разряднаго приказа на основаніи общихъ соображеній. Учрежденіе разряда, говоритъ онъ,—можно объяснить такимъ образомъ. Когда служебныя военныя, гражданскія и дипломатическія назначенія сдѣлались на столько многочисленны, что для веденія имъ списковъ потребовалась при думѣ особая канцелярія—тогда основанъ былъ Разрядъ“ (79). Но „нѣтъ сомнѣній, что образованіе Разряда, какъ думской канцеляріи, и учрежденіе Разряднаго приказа съ цѣлымъ строемъ дьяковъ и подъячихъ—явленія разновременныя и отдѣлены другъ отъ друга нѣсколькими десятками лѣтъ“ (80). Исслѣдователю удалось найдти въ рукописныхъ разрядныхъ книгахъ извѣстіе о разрядѣ 7043—7045 г., которое указываетъ полный обычный составъ этого приказа, какъ учрежденія, состоявшаго изъ думнаго дьяка и двухъ дьяковъ, его товарищей. Это извѣстіе подтверждается и другими источниками (80). Съ помощью біографическихъ данныхъ о дьякахъ (89—91) Елизарѣ Ивановичѣ Цыплетевѣ, Аванасіѣ Ѳедоровичѣ Курицынѣ и Григоріѣ Дмитріевичѣ Загрязскомъ, упомянутыхъ въ извѣстіи о Разрядѣ 7043—7045 г., исслѣдователь заключаетъ о достовѣрности самаго извѣстія о составѣ Разряда въ 7043—7045 гг. „Окинувъ жизнь указанныхъ въ разрядной книгѣ трехъ дьяковъ, мы теперь“, говоритъ г. Лихачевъ,—„легко можемъ убѣдиться, что годы извѣстія о составѣ Разряда 7043—7045 гг. совершенно сходятся съ показаніемъ документовъ“ (91). Самый фактъ существованія Разряда въ 7043—7045 гг. даетъ поводъ исслѣдователю предполагать о возможности существованія Разряднаго приказа и ранѣе 7043 года: „Самая полнота состава Разряда 7043—7045 гг. говоритъ за то, что въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ дѣла съ основаніемъ Разряда“ (92). Это предположеніе исслѣдователя подтверждается древнѣйшими правыми грамотами и мѣстническими дѣлами—документами, въ которыхъ находятся также указанія на Разрядъ, а эти документы наводятъ на мысль о дѣятельности Разряда въ началѣ XVI столѣтія (93). „По лицамъ, участвовавшимъ въ мѣстническомъ судѣ, по способу доказательствъ, по документамъ и фактамъ, на которые

дѣлаются ссылки, по скрѣпамъ дьяковъ, наконецъ, могли бы мы точно опредѣлить время образованія Разряднаго приказа, еслибы правыхъ грамотъ сохранилось достаточное количество" (94). „Къ сожалѣнію“, говоритъ изслѣдователь, — „правыхъ грамотъ дошло до насъ очень немного, хотя нельзя сомнѣваться въ томъ, что уже въ первой половинѣ XVI вѣка онѣ представляли обычное явленіе и давались по извѣстному типу, что мѣстническій счетъ уже былъ твердо установленъ, мѣстническое значеніе полковъ выяснено и даже, можетъ быть, выдача головою точно формулирована" (95)¹⁾. Особеннаго вниманія заслуживаетъ сохранившаяся правая грамота 1504 г. (101—115); изъ нея можно видѣть и процессъ мѣстническаго суда и способъ доказательствъ, который употреблялся для мѣстнической высоты спорившихъ лицъ (115). Но въ этой грамотѣ, какъ и въ древнѣйшей правой грамотѣ В. Ѳ. Сабурова (101), нѣтъ еще и намекъ на справку по разрядамъ, по росписямъ служебныхъ лицъ, нѣтъ ссылки и на „государевъ родословецъ“. „Можно съ увѣренностью говорить“, заключаетъ изслѣдователь, — „объ отсутствіи обычной разрядной дѣятельности въ началѣ княженія Ивана III; но обращаясь къ 1504 г., мы должны обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ дѣлѣ Плещеева съ Заболоцкимъ три грамоты, сейчасъ же предъявленныя, оказались совершенно достаточнымъ доказательствомъ. Отрицать рѣшительно существованіе разрядныхъ дьяковъ этой эпохи не позволяютъ указанія нѣкоторыхъ источниковъ" (116). Вообще же извѣстія о разрядныхъ дьякахъ до 1535 года, по изысканію г. Лихачева, очень скудны и смутны (123). Указанія документовъ конца XVI столѣтія даютъ возможность заключать о дѣленіи разрядныхъ дьяковъ, а равно и подъячихъ, на статьи по ихъ значенію, которое выражалось также и во вліяніи ихъ на государственныя дѣла. „Съ половины XV столѣтія, чрезъ весь XVI и весь XVII вѣкъ, мы можемъ прослѣдить рядъ дьяковъ, пользовавшихся огромнымъ вліяніемъ на государственныя дѣла" (124).

¹⁾ Г. Лихачевъ, пользовавшійся изслѣдованіемъ Ал. И. Маркевича „О мѣстничествѣ" (Кіевъ. 1879), не могъ, вѣроятно, воспользоваться весьма любопытнымъ новымъ трудомъ того же автора, вышедшимъ въ Одессѣ весною 1888 г.: „Исторію мѣстничества въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII вѣкѣ“. Въ этомъ сочиненіи, имѣющемъ характеръ частью историческаго, частью догматическаго изложенія вопроса о мѣстничествѣ, посвящено во второмъ отдѣлѣ четыре главы, имѣющія ближайшее отношеніе къ вопросамъ, возбуждаемымъ г. Лихачевымъ въ его книгѣ относительно мѣстничества.

„Но прежде чѣмъ приступить къ выдѣленію дьяковъ Разряда, вамъ“ говоритъ изслѣдователь, — „необходимо сказать нѣсколько словъ о дьякахъ вообще, о ихъ значеніи и той роли, какую они играли въ современномъ обществѣ“. Остальныя страницы II главы (124—227), посвящены характеристикѣ московскаго дьячества XVI вѣка, при чемъ затронуты самые разнообразныя вопросы, касающіеся значенія дьяковъ „государевыхъ“ и „разрядныхъ“, ихъ вліянія на государственныя дѣла, происхожденія и наслѣдственности дьяковъ, отношенія дьяческой службы къ службамъ специально дворянскимъ, значенія „думныхъ“ дьяковъ, самовольства разрядныхъ дьяковъ и роли братьевъ Шелкаловыхъ. Здѣсь также изслѣдователь замѣчаетъ: „Подробныя біографіи посольскихъ и разрядныхъ дьяковъ были бы далеко не лишни въ русской исторической литературѣ, которая вообще страдаетъ недостаткомъ справочныхъ книгъ“ (226). Всѣ собранныя изслѣдователемъ данныя относительно значенія московскихъ приказныхъ государевыхъ дьяковъ привели его къ слѣдующимъ выводамъ: „Еще въ XV столѣтіи дьячество стало чиномъ. Появленіе дьяковъ съ значеніемъ государственныхъ чиновниковъ должно быть поставлено въ связь съ образованіемъ приказовъ. Приказные дьяки XVI вѣка имѣли на государственныя дѣла вліяніе, которое обуславливалось ихъ опытностью и сравнительно высокимъ уровнемъ образованія. Думные дьяки, особенно разрядный и посольскій, были важными и вліятельными государственными дѣятелями, думный разрядный дьякъ имѣлъ возможность оказывать давленіе на государственный распорядокъ въ росписяхъ чиновныхъ лицъ и въ служебныхъ назначеніяхъ. При злоупотребленіяхъ нѣкоторыхъ дьяковъ это вліяніе доходило до рѣзкаго самовольства“ (548—560). Однимъ словомъ изученіе изслѣдователемъ Московскаго приказнаго дьячества привело его къ убѣжденію, что приказные дьяки XVI вѣка „видные общественныя и политическія дѣятели, а не только „плутишки“ и „страдничьи дѣти, окруженныя ореоломъ всевозможныхъ продѣлокъ, соединенныхъ, съ одной стороны, съ чрезвычайною раболѣпностью, и съ наглою волокитой—съ другой“ (XII).

Глава III—„Разрядный приказъ въ половинѣ XVI вѣка“ (227—452). Изслѣдователь прежде всего отмѣчаетъ тѣ источники, изъ которыхъ могутъ быть почерпнуты указанія на разрядныхъ дьяковъ.

1) „Основнымъ“ источникомъ изслѣдователь признаетъ точныя упоминанія посольскихъ книгъ, мѣстическихъ дѣлъ, разнаго рода

актовъ и частныхъ, рукописныхъ и напечатанныхъ, разрядныхъ книгъ (227).

2) Рядъ мѣстническихъ дѣлъ, „книги Разрядныя и дворцовыя Разряды“, обнимающіе весь XVII вѣкъ, а также книгу Московскаго стола № 19, въ которой сохранилась перепись всѣхъ документовъ Разряда, спасенныхъ въ пожаръ 1626 года.

3) Книги десятень, дошедшія до насъ и хранящіяся въ архивѣ министерства юстиціи въ Москвѣ.

4) Писцовыя книги XVI в.; изъ нихъ нѣсколько (по Новгороду) относятся даже къ концу XV вѣка.

5) Наконенъ, вся совокупность извѣстныхъ намъ актовъ: „обращая вниманіе на внутреннее содержаніе одновременныхъ документовъ и на имена дьяковъ, ихъ подписавшихъ, возможно раздѣлить ихъ по приказамъ съ вѣроятностью, которая перейдетъ въ достовѣрность при подрѣпленіи изъ другихъ источниковъ“ (233 и 550). Но на основаніи всѣхъ указанныхъ источниковъ весьма трудно возстановить преемственный рядъ дьяковъ, а за тридцатилѣтній періодъ времени, съ 1535 по 1565 годъ, „мы“, говоритъ изслѣдователь, — „найдемъ не болѣе двухъ, трехъ указаній на разрядныхъ дьяковъ“ (234). Весьма важнымъ источникомъ, дающимъ эти указанія представляется указъ о разрядствѣ воеводъ 1550 года; такъ изъ этого документа видно, что въ концѣ 1549 г. разряднымъ дьякомъ былъ Андрей Васильевъ, актъ же самый, надо думать, былъ скрѣпленъ печатникомъ и полнымъ составомъ Разряда (235—242),

Не мало важное значеніе имѣетъ „Новгородская записная книга государевыхъ грамотъ“. Большая часть изъ общаго числа 234 грамотъ адресована новгородскимъ дьякамъ за періодъ времени 1554—1556 гг. Эти грамоты указываютъ на то значеніе, которое имѣли дьяки въ Новгородѣ. „Новгородскіе и псковскіе дьяки занимали исключительное мѣсто въ тогдашней администраціи. Большею частью они совсѣмъ не были подчинены намѣстнику, иногда въ важныхъ случаяхъ подчинялись воеводамъ, чаще становились ихъ младшими товарищами. Въ разсматриваемый нами періодъ дьяки новгородскіе не только слѣдили за государевыми доходами, но завѣдывали судомъ и даже принимали участіе въ намѣстничьемъ управленіи. Дьяки представляются намъ ядромъ новгородскаго правительства: въ этомъ убѣждаетъ рядъ свидѣтельствъ, находящихся въ книгѣ грамотъ 1554—56 года, и становится понятно, почему въ Новгородѣ и Псковѣ большею частью назначались выдающіяся приказныя силы“ (255).

На основаніи всей совокупности данныхъ, извлекаемыхъ изъ сборника новгородскихъ грамотъ 1554—1556 годовъ, изслѣдователь старается выяснитъ, какіе именно московскіе приказы сносились съ Новгородомъ въ 1554—1556 гг. Ему помогаетъ то обстоятельство, что при копіяхъ грамотъ въ записной книгѣ въ большинствѣ случаевъ отмѣчены и дьяки, ихъ скрѣпившіе. Имена дьяковъ (14 дьяковъ) съ помощью проверки ихъ другими актами позволяютъ видѣть, что грамоты въ 1554—56 гг. шли въ Новгородъ изъ приказовъ Посольскаго, Ямскаго, Помѣстнаго и Разряднаго. Вся же совокупность данныхъ изъ сохранившихся документовъ позволяетъ изслѣдователю опредѣлить „конечно, не съ достовѣрностью, но съ большою вѣроятностью“ составъ Разряда въ 1555—1556 годахъ: 1) думный разрядный дьякъ Иванъ Елизаровъ сынъ Цыплетевъ; 2) первый разрядный дьякъ Иванъ Григорьевъ сынъ Выродковъ и 3) второй разрядный дьякъ Андрей Васильевъ (284).

Опредѣливъ составъ Разряда 1555—1556 гг., изслѣдователь пытается подтвердить существованіе Разряднаго приказа въ первой половинѣ XVI вѣка на основаніи существованія въ это время документовъ, для него характеристичныхъ. Такими документами являются книги разрядныя, боярскія, государевъ родословець и десятины. Что касается оригиналовъ разрядныхъ книгъ XVI столѣтія, то ихъ, по мнѣнію изслѣдователя, „надо считать навсегда утраченными“. Время ихъ возникновенія, объемъ и содержаніе могутъ быть лишь предположительно опредѣляемы по частнымъ спискамъ разрядовъ и косвеннымъ указаніямъ разнаго рода“ (284). При вопросѣ о времени составленія древнѣйшей разрядной книги изслѣдователь посвящаетъ нѣсколько страницъ разбору и обсужденію мнѣній П. Н. Милюкова, изложенныхъ имъ въ его изслѣдованіи: „Официальныя и частныя редакціи древнѣйшей разрядной книги“. Считаая важнымъ и близкимъ къ истинѣ выводъ г. Милюкова о томъ, „что первая разрядная книга была составлена заднимъ числомъ за много лѣтъ сразу“, г. Дихачевъ соглашается съ этимъ выводомъ, но другія объясненія г. Милюкова говоритъ онъ, — „требуютъ болѣе точныхъ доказательствъ“ (285—329). Приводя съ своей стороны цѣлый рядъ данныхъ, изслѣдователь утверждаетъ, „что разрядныя росписи составлялись въ Москвѣ по крайней мѣрѣ съ конца XV столѣтія. Въ первой половинѣ XVI вѣка по нимъ уже велись разнаго рода книги“ (319). „Существованіе разрядныхъ подлинниковъ особенно рельефно выдѣляется въ свидѣтельствахъ о свадебныхъ разрядахъ“ (320). Единственный въ своемъ

родѣ, драгоценный разрядный памятникъ представляетъ собою разрядный подлинникъ Полоцкаго похода 1563 г. Въ этомъ документѣ находятся подробныя росписи дѣтей боярскихъ, и наказы, и перемены въ разрядныхъ росписяхъ, записанныя въ формѣ дневника. Схожимъ по своему характеру съ дневникомъ Полоцкаго похода представляется также замѣчательный разрядный подлинникъ Ливонскаго похода 1577 года. „Нельзя сомнѣваться“, замѣчаетъ изслѣдователь,—„что подобный же разрядный дневникъ былъ веденъ и въ Казанскій походъ 1552 г., но онъ, рано былъ утраченъ, и во второй половинѣ XVII столѣтія появились его поддѣлки“ (324). Не останавливаясь на опредѣленіи степени древности разрядныхъ росписей, изслѣдователь отмѣчаетъ то неясное показаніе, которое связываетъ древнѣйшіе разряды съ лѣтописью и при этомъ замѣчаетъ, что „тщательное изслѣдованіе вопроса о государственныхъ лѣтописяхъ, можетъ быть, дало бы неожиданные результаты“ (325). По нѣкоторымъ лѣтописнымъ записямъ можно думать о прикосновенности государевыхъ дьяковъ къ лѣтописному дѣлу, на примѣръ: запись подъ 6998 годомъ (П. С. Р. Л., VI, 239). Рядъ мелкихъ фактовъ и упоминаній, которые можно извлечь изъ родословцевъ и синодиковъ, позволяетъ думать даже о существованіи подробной росписи войскъ, участвовавшихъ въ Куликовской битвѣ (328).

„Вопросъ о частныхъ редакціяхъ разрядныхъ“, по мнѣнію изслѣдователя—„можетъ быть рѣшенъ на основаніи лишь внимательнѣйшаго осмотра по возможности всѣхъ, находящихся въ разныхъ общественныхъ и частныхъ книгохранилищахъ, разрядныхъ рукописей“ (332). Изученіе этого рода матеріаловъ привело изслѣдователя къ слѣдующимъ выводамъ: „Дошедшія до насъ разрядныя книги частныхъ лицъ представляютъ въ большинствѣ случаевъ компіляціи, съ трудомъ поддающіяся дѣленію на основныя редакціи. Боярство XVI вѣка записывало современныя росписи служебныхъ назначеній на память („памятью“), а старыя разряды пополняло изъ официальныхъ и не официальныхъ источниковъ, какими только могло воспользоваться. Частная компілятивная редакція разрядныхъ книгъ, начинающаяся выписками лѣтописнаго характера, касающимися событій XIV—XV вв. представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что содержитъ нѣсколько такихъ данныхъ, которыя не могли быть заимствованы и сокращены изъ извѣстныхъ намъ лѣтописей“ (551).

Изученіе различныхъ документовъ, для дѣятельности Разряднаго приказа характеристичныхъ, даетъ возможность изслѣдователю за-

ключать, что „предположеніе о существованіи разрядныхъ записей половины XV столѣтія само по себѣ не представляетъ ничего невѣроятнаго. О разрядной дѣятельности ранняго времени мы можемъ только гадать, изрѣдка натываясь въ источникахъ на мелкіе факты, которыхъ не найдемъ въ дошедшихъ до насъ разрядныхъ книгахъ. Если по существованію разрядныхъ росписей и списковъ судить о существованіи Разряднаго приказа, то оно является несомнѣннымъ не только для половины, но и для половины начала XVI столѣтія“ (349). Установивъ фактъ относительно существованія Разряда для начала XVI в., изслѣдователь пытается объяснить составъ и отношеніе къ такъ-называемой Бархатной книгѣ „государева родословца“, существовавшего рядомъ съ „государевыми разрядами“. Извѣстіе описи дѣлъ, вынесенныхъ изъ Разряда въ великій пожаръ 1626 г., даетъ важныя указанія относительно состава и объема „государева родословца“; „содержаніе государева родословца“, говоритъ изслѣдователь, — „можетъ быть восстановлено съ полною достоверностію“ (358). Достигнуть этого могъ изслѣдователь путемъ сравненія оглавленія Бархатной книги, содержащей въ себѣ „остовъ“ древняго „государева“ родословца (362), съ оглавленіями частныхъ списковъ родословныхъ книгъ той редакціи (изъ 42—44 главъ), которая оканчивается родомъ Адашевыхъ“ (363). На стр. 366 — 374 находится сопоставленіе оглавленія Бархатной книги съ родословными книгами по шести спискамъ. Это сопоставленіе всѣхъ шести списковъ свидѣтельствуетъ о томъ, что по расположенію главъ, отличныхъ другъ отъ друга, содержаніе одинаково почти до тождества (374).

Весьма важнымъ внутреннимъ отличіемъ государева родословца, говоритъ изслѣдователь, — отъ частныхъ сборниковъ является почти полное отсутствіе родословныхъ легендъ объ иностранномъ происхожденіи боярскихъ родовъ: нѣтъ ни одного выѣзда изъ Прусь и только одинъ „изъ Нѣмцевъ“ — знаменитаго Радши (376). На стр. 377—399 изслѣдователь приводитъ изложеніе Бархатной книги параллельно съ разказами частныхъ родословныхъ. И это сопоставленіе свидѣтельствуетъ о томъ же, что въ Бархатной книгѣ нѣтъ извѣстій о многочисленныхъ выѣздахъ, которыми полны частныя родословцы и родословныя росписи, а этотъ фактъ помогаетъ разрѣшить вопросъ о времени составленія „государева“ родословца (399). Г. Лихачевъ останавливаетъ вниманіе на томъ странномъ явленіи въ Московской Руси, „что почти всѣ важнѣйшіе роды служилаго дворянства, не происходящіе отъ Рюрика, по ихъ заявленію, непременно

потомки какого-нибудь выѣхавшаго на Русь знатнаго иностранца. Русское происхожденіе было для служилаго человѣка XVII столѣтія почти-что обиднымъ" (399). Этотъ обычай, по мнѣнію Д. Θ. Кобеко, начался со времени появленія на свѣтъ легенды при царѣ Иванѣ Грозномъ о происхожденіи династіи Рюрика отъ Августова брата Пруса. Знатнѣйшіе московскіе роды стали также выводить себя изъ Прусь, то-есть, изъ подданныхъ того же мненческаго Пруса, отъ котораго вель свое происхожденіе царствовавшій домъ. Присоединяясь къ этому мнѣнію г. Кобеко безъ колебанія, г. Лихачевъ говоритъ: „Фактъ отсутствія въ государевомъ родословцѣ боярскихъ выѣздовъ „изъ Прусь“, указываетъ, по нашему убѣжденію, на сравнительно раннюю эпоху его составленія“ (404). Отыскивая болѣе точныя указанія и болѣе опредѣленныя данныя въ текстѣ Бархатной книги для рѣшенія вопроса о времени составленія государева родословца, изслѣдователь находитъ въ главѣ, содержащей въ себѣ роды царей Астраханскихъ, Крымскихъ и Казанскихъ, доказательство того, что „государевъ“ родословець, изъ 43 главъ, хранившійся въ Разрядномъ приказѣ, составленъ былъ въ 1555 г., то-есть, послѣ завоеванія Казани и до окончательнаго покоренія Астрахани. Этотъ выводъ подтверждается еще и тѣмъ, что приписи частныхъ родословныхъ книгъ, называютъ подлинныя „государевъ“ родословець и государеву разрядную Елизаровскими, а дьякъ Иванъ Елизаровъ былъ думнымъ разряднымъ дьякомъ съ 1550 по 1556 г. (414—415); поэтому изслѣдователь прибавляетъ еще, что „государевъ“ родословець былъ написанъ въ 1555 г. „при думномъ разрядномъ дьякѣ Иванѣ Елизаровичѣ Цыплетевѣ“ (551). Вопросъ о времени составленія „государева“ родословца возбуждаетъ также вопросъ о времени образованія родословныхъ книгъ вообще. „Нельзя думать“, говоритъ изслѣдователь,—„чтобы государственный родословець былъ первымъ починомъ въ этомъ направленіи. Въ частныхъ родословныхъ встрѣчаются изрѣдка записи, по видимому, первой половины XVI столѣтія (421). Разрѣшеніе этого вопроса находится въ связи съ постепеннымъ образованіемъ фамильныхъ именъ“. Въ XVI в. все рѣже и рѣже становится опредѣленіе личности только посредствомъ имени и отчества, характерное указаніе именъ дѣда, иногда даже прадѣда, смѣняется настоящей фамиліей. До второй половины XVI в. роды, особенно неродословные, выдѣляли новыя и новыя фамиліи съ чрезвычайною быстротой. Акты же XIV и начала XV вв. характерны отсутствіемъ родословныхъ опредѣленій“ (423). Есть указанія на то,

что кромѣ родословца въ Разрядѣ хранилась еще „государева книга прѣѣзжихъ родовъ“, составленная, по мнѣнію изслѣдователя, также заднимъ числомъ (425).

Въ концѣ XVII в. нѣкоторыя фамиліи ссылались на „выѣзжую“ книгу, подавая росписи въ Разрядѣ. „Трудно предполагать“, говорить изслѣдователь,— „чтобы при подачѣ родословныхъ росписей возможны были ссылки на никогда не существовавшіе документы по-сольскаго приказа, и мы должны допустить существованіе „выѣзжей книги“, но нельзя не поднять по поводу подобныхъ указаній и ссылокъ общаго вопроса о степени достовѣрности такихъ генеалогическихъ источниковъ, какъ родословныя росписи, поданныя въ концѣ XVII ст.“ (428). Есть цѣлый рядъ подложныхъ грамотъ, нѣкоторыя изъ нихъ цѣликомъ сочинены и имѣютъ тѣсную связь съ вымышленными разрядными книгами, а нѣкоторыя имѣютъ вставку словъ или цѣлыхъ выраженій, касавшихся означенія выѣзда прародителя или чина лица: это было необходимо для подачи въ Разрядѣ. „Такіе документы“, говорить изслѣдователь,— „крайне важны при рѣшеніи вопросовъ о выѣздахъ, о происхожденіи многихъ дворянскихъ родовъ, о составѣ московскаго служилаго класса вообще“ (430).

Отлагая до другой своей работы разборъ памятниковъ этого рода и желая выслушать мнѣніе специалистовъ относительно возбуждаемаго имъ вопроса, изслѣдователь приводитъ (431) одну изъ наиболѣе характерныхъ подобныхъ грамотъ съ позднѣйшими вставками.

Третья глава заканчивается замѣчаніями изслѣдователя о книгахъ боярскихъ, боярскихъ спискахъ и десятняхъ. Хотя древнѣйшею сохранившеюся является боярская книга 1627 г., но, по словамъ изслѣдователя, фактъ несомнѣннаго веденія всѣхъ этихъ документовъ еще во второй половинѣ XVI столѣтія не требуетъ доказательствъ (441). „Можно“, говорить онъ,— „предположить, что въ XVI столѣтіи боярскія книги составлялись приблизительно каждыя пять, шесть лѣтъ, боярскіе же списки, какъ въ XVII вѣкѣ, каждый годъ“ (442). Около 1537 г. была составлена какая-то „боярская дворовая книга“ (444). Древнѣйшими десятнями являются: Коломенская 1577, Рязская 1579 и Епифанская 1585 г.; но, говорить изслѣдователь,— есть указанія на десятины болѣе раннихъ лѣтъ; можно бы думать даже на основаніи свидѣтельствъ, что веденіе десятиней явилось слѣдствіемъ реформъ 1556 года, свидѣтельство же Герберштейна указываетъ на веденіе десятиней въ княженіе Василя Ивановича (451).

„Припомнимъ все вышесказанное, мы“, говорить изслѣдователь, за-

канчивая III главу, — можем смѣло утверждать, что существованіе Разряднаго приказа въ половинѣ XVI ст. несомнѣнно свидѣлствуется и существованіемъ въ эту эпоху тѣхъ документовъ, которые характеризуютъ разрядную дѣятельность позднѣйшаго времени.... Все вмѣстѣ взятое позволяетъ говорить не только о дѣятельности Разряднаго приказа въ половинѣ XVI в., но побуждаетъ насъ высказать и убѣжденіе, что Разрядъ въ это время былъ учрежденіемъ уже далеко не новымъ (452, 552).

Глава IV — „Разрядные дѣяніи второй половины XVI и начала XVII столѣтія“ (453 — 547). Можно было бы ожидать въ послѣдней главѣ изслѣдованія г. Лихачева изложенія дальнѣйшей исторіи Разряднаго приказа, „учрежденія уже далеко не новаго, принимающаго осязательный болѣе или менѣе опредѣленный образъ“ (455). Изслѣдователь однако, считая неразумною смѣлостію излагать исторію Разряднаго приказа, какъ учрежденія, такъ объясняетъ это: „Безъ спеціальныхъ и долговременныхъ изысканій, которыхъ я не имѣлъ возможности сдѣлать, мнѣ, пожалуй пришлось бы перефразировать тѣ немногія замѣчанія и извѣстія, которыя собраны и изслѣдованы В. Θ. Ключевскимъ въ его сочиненіи Боярская дума древней Руси“ (XIII). Онъ поэтому ограничивается сводомъ хронологическихъ указаній на разрядныхъ дѣяковъ второй половины XVI и начала XVII вв., при чемъ еще предупреждаетъ: „Этотъ сводъ, какъ первая попытка, конечно будетъ отличаться неполнотою, а весьма вѣроятно, и ошибками“ (457). Дальнѣйшее изслѣдованіе дѣятельности Разряднаго приказа не возможно еще при „неточности существующихъ архивныхъ описей“, „безъ научной описи тысячъ документовъ“, говоритъ изслѣдователь, — „труднымъ представляется изложеніе внутренней исторіи Разряда“ (456). Сводъ хронологическихъ данныхъ для опредѣленія именъ разрядныхъ дѣяковъ касается времени царей Ивана IV, Θεодора Іоанновича. Здѣсь особенное вниманіе посвящается роли, которую играли братья Щелкаловы. Далѣе говорится о составѣ Разряднаго приказа при Борисѣ Годуновѣ, Дмитріи Самозванцѣ, Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ и о дѣятельности Разряда въ эпоху междоцарствія. „Съ воцареніемъ Михаила Θεодоровича составъ приказовъ и ихъ дѣятельность входятъ въ обычную норму. Съ этого времени внѣшняя исторія Разряднаго приказа можетъ быть восстановлена до мельчайшихъ подробностей по документамъ, сохранившимся въ архивѣ министерства юстиціи въ Москвѣ“ (547).

Исслѣдованіе г. Лихачева заканчивается 37 выводами, вытекающими изъ изученія собранныхъ исслѣдователемъ фактовъ. Вслѣдъ за положеніями (552—559) приведена хронологическая таблица разрядныхъ дѣяковъ съ 1535 по 1612 годъ. За этою таблицею слѣдуютъ приложения: I) Составъ подъячихъ Разряднаго приказа въ 7172 году изъ архива министерства юстиціи въ Москвѣ (3—7). II) Челобитная Ждана Ивановича Квашнина на Лобана Андреевича Бутурлина мѣстническая о счетѣ въ отечествѣ; прислана изъ похода въ декабрѣ 7074 (1575) года (7—12). III) Отрывокъ изъ мѣстническаго дѣла Эомн Аван. Бутурлина съ Вас. Андр. Квашнинимъ, производившагося 14-го іюля 7097 (1589) года (12—30). IV. Книга Московскаго стола № 19, содержащая въ себѣ перепись дѣламъ, вынесеннымъ изъ Разряда въ 1626 году (30—12). За приложениями указатель личныхъ именъ (1—94), среди которыхъ особенно часто повторяется фамилія Лихачевыхъ (44—46 стр.).

Таково въ общемъ содержаніе книги г. Лихачева. Къ сказанному необходимо прибавить, что въ книгѣ г. Лихачева, въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ, разбросано множество отдѣльныхъ и часто весьма цѣнныхъ замѣчаній въ родѣ слѣдующаго: „Необходимо издать текстъ (рукописи) Арх. (М. И. Д.) № $\frac{395}{317}$ и параллельно съ нимъ всѣ выписки изъ „государевыхъ разрядовъ“ въ хронологическомъ порядкѣ. Не менѣе важно издать въ системѣ и всѣ разрядные случаи, не найденные въ официальныхъ книгахъ. Ранѣе этого рѣшеніе вопроса (о „госуд. разрядѣ“) не можетъ быть точнымъ. Самые незначительные факты имѣютъ въ данномъ случаѣ значеніе“ и дал. (297 пр. 2).

Исслѣдованіе г. Лихачева свидѣтельствуетъ, какъ мало еще изучено и восстановлено въ наукѣ внутреннее устройство Московскаго государства. Г. Лихачевъ, возбуждая множество новыхъ вопросовъ, изъ коихъ нѣкоторые могутъ послужить предметомъ отдѣльныхъ новыхъ исслѣдованій, помогаетъ будущимъ исслѣдователямъ и положительными и отрицательными сторонами своего труда указываетъ путь для достиженія новыхъ научныхъ результатовъ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что еще много труда предстоитъ будущимъ исслѣдователямъ для восстановленія картины дѣятельности Разряднаго приказа и послѣ исслѣдованія г. Лихачева. Нельзя не сказать и того, что г. Лихачевъ, ознакомившись съ богатымъ и разнообразнымъ историческимъ матеріаломъ, сдѣлавъ такъ много изъ него извлеченій, узко ограничилъ основную задачу своего исслѣдованія и пожелалъ всѣ факты, имъ собранные, втиснуть въ тѣсную рамку. Не обработавъ настоящимъ образомъ обильнаго матеріала, находивша-

гося въ его распоряженіи, онъ по мѣстамъ предложилъ его въ сыромъ видѣ, дѣлая выписки въ текстъ и примѣчаніяхъ. Нельзя умолчать, что изслѣдователь оправдываетъ это тѣмъ, что онъ „обращалъ главное вниманіе на сводъ матеріала, доказательность и возможность немедленной провѣрки cadaго факта, сообщаемого имъ“ (VIII). Можно было бы и научные результаты изслѣдованія привести въ болѣе строгую систему, еслибъ изслѣдователь не помѣшалъ въ текстъ тѣ данныя, которымъ мѣсто въ примѣчаніяхъ, напримѣръ, на стр. 332: „Отмѣчу здѣсь одну краткую редакцію (разр. рукописи), оставшуюся неизвѣстною П. Н. Милюкову“... и за этимъ слѣдуетъ описаніе сборника, принадлежавшаго Ѳ. Ѳ. Мазурину, и въ текстъ, и примѣчаніи. На стр. 336—341: „Кромѣ разрядной Барсова можно указать на цѣлый рядъ подобныхъ же рукописей. Напримѣръ“... и затѣмъ въ текстъ перечисленіе рукописей, а въ примѣчаніяхъ описаніе. Многое изъ текста и примѣчаній можно было бы помѣстить въ приложеніяхъ, тѣмъ болѣе, что изслѣдователь имѣлъ въ виду сдѣлать приложенія. Напримѣръ, на стр. 366—374: „Напишемъ параллельно нѣсколько такихъ оглавленій (частныхъ списковъ родословныхъ книгъ)“, и затѣмъ идетъ параллельное сопоставленіе оглавленія. То же самое на стр. 377—398 и др. Безъ ущерба научному значенію труда, казалось бы также, многое изъ напечатаннаго можно было бы оставить въ своихъ черновыхъ тетрадяхъ до того времени, когда изслѣдователь начнетъ печатать свои отдѣльныя статьи, имѣющія отношеніе къ настоящему изслѣдованію. Всякій согласится съ тѣмъ, что г. Лихачеву, многіе годы занимавшемуся въ различныхъ правительственныхъ архивахъ, библіотекахъ и частныхъ хранилищахъ, изъ которыхъ онъ могъ даже получать рукописи десятками (XV), легко было сдѣлать хоть краткій, но цѣлостный обзоръ разнообразнаго историческаго матеріала, послужившаго основаніемъ для изслѣдованія. Самъ изслѣдователь говоритъ, что онъ старался „не оставлять ни одного рукописнаго источника безъ описанія, которое давало бы возможность судить о его содержанія, значенія и степени критической достовѣрности“ (VIII). Въмѣсто такого цѣлостнаго обзора мы находимъ болѣе 50 описаній отдѣльныхъ рукописей, но эти описанія разбросаны по всей книгѣ въ текстъ и въ примѣчаніяхъ. Кромѣ того, на стр. 97 можно прочесть слѣдующія строки: „Прошу извиненія у читателей, что даю краткое описаніе каждой рукописи при первой ссылкѣ на нее. Я не рѣшился выступить съ описаніемъ и попыткой классификаціи обширнаго рукописнаго разряднаго матеріала, находившагося въ част-

ныхъ рукахъ, изъ боязни, что такая работа, можетъ быть сочтена не подходящею для труда на ученую степень“. Эти слова, вѣроятно, находятся въ связи съ другими, на стр. 457: „На настоящій очеркъ мы смотримъ лишь, какъ на набросокъ будущаго изслѣдованія, но думаемъ, что читатели наши, которые сами писали диссертации, не спросятъ насъ, почему оставляемъ его не вполне отдѣланнымъ“. Но оттого, что изслѣдователь не собралъ въ отдѣльный очеркъ всѣхъ данныхъ о рукописномъ матеріалѣ, у него описанія явились и въ текстѣ, и въ примѣчаніяхъ, какъ было выше указано, и эти описанія заняли цѣлыя страницы, а кромѣ того, оказались и частыя повторенія, чему могутъ служить слѣдующіе примѣры: на стр. 7 въ примѣчаніи: „Арх. Мин. Иностран. Дѣлъ. Писцовая книга Бѣжецкой пятины 1551 года (на корешкѣ ошибочно „Новгородъ, 1581 г., № 10“; рукопись на 516 лл. in 4°, по листамъ идутъ двѣ скрѣпы: 1) „Сытникъ Сенка Нестеровъ“, 2) подъячей Микулка (и Микула) Пахомовъ“; а на стр. 150 въ прим. 1: „Писцовая книга четверти Бѣжецкой пятины (Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, на корешкѣ рукописи: „Новгородъ, 1581, № 10“) лѣта 7059 (1551 „писма Ѳедора Иванова сына Нелединскаго съ товарищи“ (рукопись in 4° на 516 лл.; по листамъ идутъ двѣ скрѣпы: 1) „сытникъ Сенка Нестеровъ“, 2) подъячей Микулка (и Микула) Пахомовъ“). На стр. 38 въ примѣчаніе: „Разрядная книга Е. В. Барсова.—Рукопись XVII столѣтія скорописью на 699 лл. въ листъ, охватываетъ 6883 (1375)—7111 (1603) годы“, а на стр. 92, прим. 1: „Разрядная книга Е. В. Барсова представляетъ одинъ изъ наиболѣе полныхъ экземпляровъ той поздней редакціи, отличительнымъ признакомъ которой служатъ помѣщенные въ началѣ краткія выписи о походахъ XIV вѣка. Я уже отмѣтилъ три такихъ рукописи П. Ѳ. Лихачева; Имп. Публ. Библ. IV, 181 и М. О. И. и Д. Р. № 182; мнѣ извѣстно и еще нѣсколько—всѣ онѣ весьма любопытны по составу, и надо замѣтить, всѣ списки представляютъ отличія другъ отъ друга въ содержаніи. Рукопись Е. В. Барсова охватываетъ періодъ съ 6883 (1375) по 7111 1603) годъ включительно, на 660 листахъ (in folio); на л. 663 приписанъ разрядный случай 7137 (1629) года, лл. 664—699 заняты хронографомъ, имѣющимъ, по видимому, сходство со хронографомъ Сергѣя Кубасова“. Много также есть повтореній въ текстѣ, которыхъ слѣдовало бы избѣгать, и тогда, конечно, не было бы той утомительной „мозаичности и отрывочности въ изложеніи“, которая самъ изслѣдователь оправдываетъ,

съ одной стороны, „мелочностью и отрывочностью тѣхъ, почерпнутыхъ въ разнообразныхъ источникахъ фактовъ и указаній, изъ которыхъ изслѣдователю приходилось составлять связное цѣлое“ (VIII), а съ другой — „необходимостью, заставившею его спѣшить печатаніемъ“ (VII). Въ заключеніе нельзя не указать на цѣлый рядъ обѣщаній г. Лихачева о выясненіи нѣкоторыхъ вопросовъ, „включившихъ когда-то, какъ отдѣльныя части, въ общій планъ обширнаго изслѣдованія, и которые пока пришлось лишь упомянуть въ примѣчаніяхъ“ (VIII). Г. Лихачевъ обѣщаетъ на стр. XIII: „посвятить особую статью генеалогическимъ вопросамъ, соприкасающимся съ вопросами о различныхъ редакціяхъ родословныхъ книгъ; на стр. 33: „приготовить особую работу о редакціяхъ, дошедшихъ до насъ списковъ частныхъ разрядныхъ книгъ“ (о томъ же и 91); на стр. 93: дать подробное описаніе разрядной книги Е. В. Барсова съ оцѣнкой содержанія ея, когда-нибудь въ другой работѣ; на стр. 97: „напечатать мѣстн. сборн. князей Ромодановскихъ, рук. Имп. Ав. Наукъ № 42 (въ виду его исключительности) при одной изъ слѣдующихъ моихъ статей“; на стр. 109: со временемъ составить описаніе сохранившихся редакцій разрядныхъ книгъ и здѣсь по возможности указать на составъ любопытной книги, принадлежавшей семьѣ Плещеевыхъ; на стр. 126: издать всѣ редакціи вымышленныхъ „книгъ чиновныхъ“ съ приложеніемъ ряда составныхъ и искаженныхъ грамотъ и тамъ же разобрать вопросъ о происхожденіи и времени ихъ поддѣлки, отмѣтивъ при этомъ всѣ заимствованія нашихъ генеалогистовъ отъ кн. М. М. Щербатова до В. В. Руммеля и В. В. Голубцова; на стр. 147: издать рукопись гр. Уварова № 800—разрядно-родословный сборникъ, обѣ редакціи подобныхъ рукописей (213); на стр. 323: „при слѣдующемъ моемъ трудѣ (если буду имѣть возможность) въ сборникѣ разрядныхъ матеріаловъ надѣюсь переиздать и этотъ чрезвычайно важный памятникъ“—разрядную книгу Полоцкаго похода 1563 г.; на стр. 362: въ другомъ трудѣ заняться вопросомъ о различныхъ редакціяхъ частныхъ родословныхъ книгъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ образованія; на стр. 429 мы читаемъ въ текстѣ: „со временемъ я буду имѣть честь представить на судъ изслѣдователей разборъ цѣлаго ряда подложныхъ грамотъ“; на стр. 446: издать оба списка „боарской дворовой книги, на которую ссылаются родословныя росписи, „надѣюсь издать ихъ, если буду имѣть къ тому возможность, въ предполагаемомъ мною сборникѣ разрядно-родословныхъ матеріаловъ“. Таковы обѣщанія г. Лихачева, „которыя“,

часть сслхц, отд. 2.

говоритъ онъ, — „Богъ вѣсть когда еще мнѣ удастся исполнить“. Всякій, кто познакомится съ изслѣдованіемъ г. Лихачева, пожелаетъ скорѣйшаго осуществленія перечисленныхъ выше общацій.

Ив. Козмо.

М. Винаверъ. Изслѣдованіе памятника польскаго обычнаго права XIII вѣка, написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ. Вопросъ о происхожденіи и систематическое изложеніе содержанія. Варшава. 1888.

Трудъ г. Винавера представляетъ собою конкурсное сочиненіе' удостоенное золотой медали Варшавскимъ университетомъ; самый же вопросъ, на который дается отвѣтъ въ этомъ трудѣ, былъ поставленъ, какъ тема для конкурснаго сочиненія, профессоромъ исторіи славянскихъ законодательствъ *Ө. Ө. Зигелемъ*. Въ пользу того, что авторъ успѣшно справился со своею задачей, говоритъ первоначальное помѣщеніе его работы цѣликомъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ, не смотря на ея довольно значительный объемъ (16 печатныхъ листовъ). Г. Винаверъ теперь выпустилъ въ свѣтъ свое изслѣдованіе и отдѣльною книгой.

Скажемъ сначала нѣсколько словъ о самомъ изслѣдуемомъ памятникѣ, пользуясь данными книги г. Винавера. Въ эльбингенской библиотекѣ, въ отдѣлѣ рукописей, находится нѣмецкій сборникъ, заключающій въ себѣ четыре важныхъ историческихъ памятника. Заглавія эта книга первоначально не имѣла, и только впоследствии кто-то написалъ на первой страницѣ красными чернилами слѣдующія слова: „Buch Darin der Lubeschen Rechte beschrieben“. Первое мѣсто между четырьмя памятниками, входящими въ составъ книги, занимаетъ любекское право для города Эльбингена (къ нему, какъ видно, и относится заглавная надпись); за нимъ слѣдуетъ прусское земское право; четвертое мѣсто занимаетъ древне-прусскій словарь съ переводомъ на древне-нѣмецкій языкъ, а между прусскимъ правомъ и словаремъ, на третьемъ мѣстѣ, помѣщенъ сборникъ польскаго обычнаго права, который занимаетъ свыше 48 страницъ. Памятникъ этотъ, прежде чѣмъ попалъ въ эльбингенскую библиотечку, принадлежалъ нѣкому Ф. Нейману, городскому совѣтнику въ Эльбингенѣ. Нейманъ приобрѣлъ его въ 1826 году на публичномъ аукціонѣ по смерти одного библіофила 42 года хранилъ Нейманъ рукопись, не давая къ ней никому доступа. Польскіе ученые, услышавъ о драгоцѣнной находкѣ, стали и лично, и письменно обращаться къ Нейману съ просьбою пова-

затѣ имъ памятникъ, но всегда въ отвѣтъ получали категорическій отказъ. Только въ 1867 году удалось гр. Сѣраковскому добиться того, чего никто раньше не могъ добиться: Нейманъ показалъ ему сборникъ и позволилъ сдѣлать съ него копію. Уже въ началѣ 1868 г. копія съ третьей части сборника, заключающей въ себѣ польское обычное право, была снята и послана извѣстному краковскому юристу Гельцелю для помѣщенія въ издаваемыхъ имъ „Stagodawnych prawa polskiego roznikach“. Копія была два раза исправляема и посылаема въ Краковъ, а съ нѣкоторыхъ мѣстъ, въ которыхъ Гельцель находилъ сомнѣнія, были сняты и facsimilia. Въ маѣ мѣсяцѣ 1868 года сборникъ польскаго обычнаго права былъ уже напечатанъ Гельцелемъ въ Краковѣ, подъ заглавіемъ: „Księga prawa zwyczajowego polskiego z wieku XIII, spisana przez bezimiennego Niemca“. Къ сборнику присоединенъ подстрочный польскій переводъ и предпослано вступленіе, въ которомъ разобраны вопросы о мѣстѣ и времени составленія сборника. По плану Гельцеля, напечатанный имъ сборникъ долженъ былъ войти въ составъ II-го тома издававшихся имъ памятниковъ польскаго права. Такъ какъ въ 1868 году матеріалъ для II-го тома не былъ еще вполне готовъ, то и сборникъ не могъ явиться въ свѣтъ. Между тѣмъ въ судьбѣ самой рукописи произошла перемѣна. Нейманъ подарилъ рукопись эльбингенской городской библіотекѣ съ условіемъ, чтобъ она никогда не была вынесена за порогъ библіотеки. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, учитель мѣстной гимназіи, др. Эдвинъ Фолькманъ снялъ вторично копію съ рукописи и въ мартѣ 1869 г. напечаталъ сборникъ польскаго права въ учебной программѣ гимназіи. Только черезъ годъ послѣ этого явился второй томъ „Rozników“ Гельцеля, заключающій въ себѣ и „Księgę praw“. Такимъ образомъ есть два изданія этого памятника: одно, эльбингенское 1869 г., другое краковское, явившееся позже, хотя напечатанное раньше перваго.

Г. Винаверъ, къ сожалѣнію, пользовался однимъ польскимъ изданіемъ и не лишенъ былъ случая познакомиться съ рукописью. Зная объ изданіи Фолькмана изъ чужихъ отзывовъ, онъ имѣлъ, однако, возможность говорить объ обоихъ изданіяхъ, которыя онъ считаетъ оба не особенно удовлетворительными. Текстъ памятника окончательно не установленъ. Оба издателя не согласны въ пониманіи нѣкоторыхъ довольно важныхъ мѣстъ. Памятникъ раздѣленъ на отрывки, но дѣленіе это не сдѣлано по какому-нибудь опредѣленному плану. Авторъ или переписчикъ отдѣлялъ ихъ другъ отъ друга совершенно

произвольно. Оба издателя занялись раздѣленіемъ всего матеріала на статьи, которыхъ у Гельцеля имѣется 29, у Фольмана—21. Изданіе памятника, написанное на древнемъ языкѣ, должно было бы быть снабжено возможно-точнымъ переводомъ на одинъ изъ современныхъ языковъ. Такого перевода у Фольмана вовсе нѣтъ; переводъ же Гельцеля авторъ признаетъ во многихъ случаяхъ неудовлетворительнымъ. Такіе недостатки, конечно, вызываютъ необходимость появленія новаго, точнаго перевода. Очень жаль, что г. Винаверъ, не имѣвъ возможности самъ сдѣлать новое изданіе, не сличилъ, по крайней мѣрѣ, обоихъ существующихъ. Равнымъ образомъ ему слѣдовало бы, хотя бы даже по изданію Гельцеля, дать текстъ и свой переводъ. Относительно послѣдняго онъ ограничивается только исправленіемъ нѣкоторыхъ, по его мнѣнію, въ общемъ справедливому, промаховъ въ переводѣ Гельцеля (въ особомъ приложеніи).

Переходимъ къ содержанію памятника. „Онъ“—приводимъ слова г. Винавера—, состоитъ изъ рѣчюваннаго предисловія и собственно—изложенія. Содержаніе перваго болѣе всего напоминаетъ предисловіе къ Саксонскому зеркалу (Sachsenspiegel). Оно заключаетъ въ себѣ краткую исторію права, начиная чуть ли не съ сотворенія міра до момента, когда авторъ писалъ свое произведеніе. Сказавши нѣсколько словъ о первоначальномъ возникновеніи судовъ и усмиреніи общественныхъ безпорядковъ, авторъ переходитъ къ праву у евреевъ и выставляетъ на первый планъ дѣятельность Моисея и Соломона. Съ теченіемъ времени, разказываетъ онъ далѣе, право было забыто, и только римляне его воскресили. И у нихъ нарушенія общественнаго порядка вызвали появленіе права. Сначала „по совѣту мудрецовъ“ была установлена царская власть, и всякій гражданинъ, кто бы онъ ни былъ—рыцарь, ремесленникъ, или слуга—подлежалъ „суду римлянъ“. Услышавши о такихъ порядкахъ, греки обратились къ римскому сенату съ просьбой „прислать имъ право“ (in recht zenden). Римляне охотно согласились и „послали грекамъ свое право, установленное по совѣту мудрецовъ“. Съ теченіемъ времени римляне покорили германцевъ и у нихъ тоже ввели римское право. По сосѣдству съ германцами живетъ народъ суровый, никому не подчиненный въ своихъ правахъ. „Его мудрецы“ говоритъ памятникъ, — издревле придумали ему право, которымъ онъ пользуется. Народъ этотъ называется поляками, а право его я вамъ здѣсь объявляю“. Этими словами кончается предисловіе. Собственно изложеніе памятника составлено по извѣстному опредѣленному плану, по которому все его содержаніе рас-

падаетъ на шесть частей: 1) судоустройство (ст. I—II); 2) судопроизводство (IV—VI); 3) уголовное право (VII—XX); 4) наследственное право (XXI и XXII); 5) ордалин (XXIII—XXV); 6) отношенія вытекающія изъ публичнаго права (XXVIII—и XXIX). Между предпослѣднею и послѣднею частью вставлены двѣ статьи (XXVI и XXVII), относящіяся собственно къ уголовному праву (преступленія пастуха и преступленія, вытекающія изъ сосѣдскихъ отношеній). „Для того“, говоритъ далѣе г. Вианверъ,—„кто знакомъ съ источниками польскаго права первыхъ вѣковъ, достаточно одного поверхностнаго взгляда на заголовки отдѣльныхъ частей, чтобы понять все значеніе нашего памятника. Дѣло въ томъ, что до его открытія главнымъ и почти единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о польскомъ юридическомъ бытѣ были грамоты. Значеніе грамотъ безспорно велико; для историка онѣ несомнѣнно важнѣе даже писанныхъ законовъ (*jus scriptum*). Законъ часто изображаетъ только *prim desiderium* законодателя; грамота всегда показываетъ, какія нормы дѣйствовали въ жизни, а норма, дѣйствовавшая въ жизни, для исторіи права безусловно важнѣе благихъ пожеланій законодателя, остававшихся часто только мертвою буквою. Но именно исходя изъ этого положенія, на-врядъ ли кто-нибудь станетъ отрицать, что сборникъ обычнаго права имѣетъ для насъ еще болѣе значенія, чѣмъ самыя грамоты. Обычное право не есть *prim desiderium* законодателя; живя и развиваясь вмѣстѣ съ народомъ, оно именно въ жизни, а не на бумагѣ регулируетъ человѣческія отношенія. Авторъ сборника не создаетъ чего-либо новаго, а рисуетъ лишь отношенія, существовавшія въ дѣйствительной жизни. Мало того. Грамота изображаетъ отдѣльный случай; изъ этого отдѣльнаго случая мы извлекаемъ общеобязательныя правовыя нормы. Но весьма возможно, что данный случай исключительный, а у насъ часто нѣтъ другихъ фактовъ для его провѣрки. Обычное право излагаетъ не исключительные случаи, а нормы, безусловно общеобязательныя. Далѣе, изъ грамотъ извлекаются главнымъ образомъ положенія изъ области гражданскаго и отчасти публичнаго права; то, что мы изъ нихъ извлекаемъ для уголовного и судебного права, крайне недостаточно. Нашъ сборникъ обычнаго права заключаетъ, на оборотъ, почти полную систему уголовного и судебного права, на ряду съ указаніями на публичныя и гражданскія отношенія. Если мы ко всему этому прибавимъ, что разсматриваемый нами памятникъ—единственный въ первыхъ вѣкахъ польской исторіи, что до него и долгое время послѣ него ничего

подобнаго не явилось, то для насъ станетъ ясно значеніе памяника для исторіи польскаго права^а. Въ этихъ словахъ совершенно вѣрно и точно выяснено значеніе разбираемаго въ книгѣ памятника.

Понятно, что онъ долженъ былъ бы сильно заинтересовать историковъ права, но на дѣлѣ этого не было. Разсмотрѣвъ литературу предмета (на стр. 10—22), г. Винаверъ говоритъ слѣдующее: „Ученые, занимавшіеся нашимъ памятникомъ, большею частью касались одной стороны его, оставляя безъ надлежащаго вниманія другую, болѣе важную. Всѣ они, почти безъ исключенія, задаются вопросомъ о происхожденіи памятника, а нѣтъ до сихъ поръ ни одного вполне удовлетворительнаго труда, посвященнаго разработкѣ его содержанія“. Въ виду этого, работа г. Винавера состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой, меньшей части — о происхожденіи памятника — только собраны и пополнены тѣ данныя, которыя приведены различными учеными для разъясненія вопроса, и на ихъ основаніи построена гипотеза, которая держится въ наукѣ. Во второй, большей части всесторонне разсмотрѣвъ самый памятникъ и извлечено изъ него все, что можетъ служить иллюстраціей юридической и бытовой жизни общества.

„Выполняя эту задачу“, говоритъ г. Винаверъ, — „мы не будемъ ограничиваться однимъ систематическимъ представленіемъ того, что прямо указано памятникомъ. Мы не желаемъ дѣлать нашего изложенія простой парафразой памятника, перемѣщеніемъ статей въ нѣсколько иномъ порядкѣ; на оборотъ, мы постараемся извлечь изъ памятника тѣ скрытыя юридическія нормы, которыя несомнѣнно сознавались обществомъ, хотя не нашли себѣ ясной формулировки“. Это и составляетъ главный интересъ работы, къ которой авторъ приступилъ съ знаніемъ исторической литературы по эпохѣ памятника. Въ первой части (стр. 25—56) г. Винаверъ даетъ прежде всего обстоятельный обзоръ мнѣній, господствующихъ въ наукѣ по вопросу о происхожденіи памятника. Собственное рѣшеніе вопроса авторъ раздѣляетъ на четыре части: 1) мѣсто и поводъ возникновенія памятника, 2) время его написанія, 3) личность автора, 4) способъ составленія. Г. Винаверъ по первому пункту доказываетъ, что „крестоносцы, съ момента ихъ появленія, имѣли самостоятельное право суда надъ народами, жившими на ихъ земляхъ; что судъ исполнялся чиновниками нѣмецкаго происхожденія, и что во все время существованія ордена и въ Хелминской, и въ Прусской землѣ дѣйствовало польское право. При такихъ условіяхъ“, оворить

онъ,—„вполнѣ понятно, что крестоносцы нуждались въ сборникѣ польскаго права, написанномъ на нѣмецкомъ языкѣ“. Далѣе, онъ думаетъ, что памятникъ не могъ явиться ни позже, ни ранѣе, а непременно въ теченіе XIII вѣка. Мало того: нѣкоторыя данныя позволяютъ ему еще болѣе сузить эти предѣлы—указать, въ какое приблизительно десятилѣтіе XIII вѣка памятникъ явился. „Мы“, говоритъ онъ,—„не ошибемся, кажется, если за крайніе предѣлы этой ступени примемъ 1240 и 1260 годы. Эти годы почти точно совпадаютъ съ годами развитія нѣмецкой колонизаціи по городамъ, и потому мы съ тѣмъ большимъ правомъ можемъ считать промежутокъ между ними за время возникновенія нашего памятника“. Автора памятника г. Винаверъ считаетъ нѣмцемъ и притомъ человѣкомъ образованнымъ. „Какъ авторъ составлялъ свой трудъ?“ спрашиваетъ, наконецъ, г. Винаверъ,—„основывался ли онъ на своихъ личныхъ наблюденіяхъ, или спрашивалъ польскихъ старожилонъ и вносилъ ихъ отвѣты въ свое сочиненіе? Рѣшеніе этого вопроса отчасти намъ укажетъ, какое значеніе можно приписать памятнику“. Онъ думаетъ, что памятникъ составленъ именно по вопросамъ, предлагавшимся польскимъ старожиламъ. „Въ самомъ памятникѣ“, говоритъ онъ,—„нѣтъ ни прямого, ни косвеннаго указанія на какой бы то ни было способъ составленія, но по аналогіи можно судить, что онъ составленъ именно такъ: въ одной книгѣ съ нашимъ памятникомъ помѣщенъ и сборникъ прусскихъ законовъ. Во вступленіи къ этому сборнику сказано, что были призваны пруссы, и имъ предлагались вопросы относительно ихъ судовъ; отвѣты записывались и составили именно упомянутый сборникъ прусскихъ законовъ. Такъ какъ оба памятника были составлены тѣми же крестоносцами, въ одно время и съ одинаковою цѣлью, то очень вѣроятно, что приемъ, употреблявшійся при составленіи одного, употреблялся и при составленіи другаго“.

Гораздо обширнѣе вторая часть, заключающая въ себѣ систематическое изложеніе содержанія (стр 57—238). Это и наиболѣе интересная часть работы. Г. Винаверъ разсматриваетъ здѣсь государственное право (территорія, верховная власть, общество, управление и финансы), судебное право (судоустройство и судопроизводство), уголовное право и гражданское въ Польшѣ той эпохи. Главное содержаніе памятника составляетъ уголовное и судебное право; гораздо меньше вниманія обращено на гражданское, а всего меньше на публичное. Тѣмъ не менѣе послѣднему авторъ посвящаетъ около 50 стр. (61—109), при чемъ главнымъ образомъ въ отдѣлѣ объ обще-

ствѣ онъ коснулся и бытовой стороны, хотя данныя, относящіяся къ послѣдней, находятся и въ другихъ главахъ. Исслѣдователямъ польскаго и вообще славянскаго права г. Винаверъ оказалъ услугу своимъ анализомъ изслѣдованнаго имъ памятника.

Въ концѣ книги приложенъ списокъ поправокъ къ переводу Гельцеля.

Н. Карѣевъ.

I. Ohs. UNTERSUCHUNGEN UEBER DEN SUBSTANZBEGRIFF VON LEIBNITZ. Dorpat. 1888.

Книга эта есть магистерская диссертация, недавно защищенная авторомъ въ Дерптскомъ университетѣ. Заглавіе книги не соотвѣтствуетъ ея изложенію. Работа распадается на двѣ совершенно обособленныя и ничего общаго между собою не имѣющія части: I) „Замѣтки о методѣ Лейбница“ и II) „О вліяніи Аристотеля на Лейбница“. При чемъ же тутъ понятіе субстанціи? Положимъ, что адачей всей метафизики вообще является познаніе сущаго, субстанціи. Но вѣдь въ такомъ случаѣ всякое изслѣдованіе о Лейбницѣ можно будетъ озаглавить „Untersuchungen über den Substanzbegriff“. Субстанція, какъ матерія, или какъ духъ, лежитъ въ корнѣ всѣхъ вещей; такъ и всѣ изслѣдованія въ области метафизики, въ концѣ концовъ, можно свести къ познанію сущаго; но было бы странно, трактую о Сократѣ, утверждать, будто толкуешь о человѣкѣ вообще—лишь потому, что въ Socratitis уже заключается *humanitas*; было бы неумѣстно, составляя, напримѣръ, трактатъ о наилучшемъ способѣ откармливанія домашнихъ животныхъ, озаглавливать диссертацию „объ организованныхъ тѣлахъ“. Заглавіе должно точно и ясно выражать собою содержаніе работы; въ данномъ же случаѣ, имѣя на лицо два совершенно не связанныя между собою изслѣдованія, всего лучше было бы озаглавить книгу нѣсколько поскромнѣе: „Beiträge zur Erklärung der Monadologie“.

Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что предлагаемый трудъ его есть еще только начало чего-то гораздо большаго. Онъ задумалъ-де написать работу о понятіи субстанціи въ новой философіи. Затѣмъ авторъ заявляетъ, что онъ, согласно мнѣнію своего учителя Тэйхмюллера, понимаетъ подъ исторіей философіи—исторію понятій. Подобное, не критическое отношеніе къ дѣлу не прилично для философа. Намъ кажется, что толковать такимъ образомъ объ исторіи философіи значить—не понимать, что такое философія. Въмѣсто того, чтобы пи-

сать о субстанціи, автору не мѣшало бы вдуматься хорошенько, что такое его наука, по которой онъ написалъ книжечку и получилъ степень магистра; но онъ, видимо, не уяснилъ еще себѣ этого. Дѣло въ томъ, что философія не есть система понятій, не есть только наука, и ея исторія не есть исторія понятій; наука и понятія суть только элементъ философіи. Философія не ограничивается одною только познавательною способностью духа, не исчерпывается одною какою-либо философскою наукою—логикой, метафизикой, этикой, гносеологіей; философія охватываетъ собою всю личность человѣка, всѣ проявленія его духа, она есть процессъ отождествленія истинной мысли, художественнаго чувства и нравственной воли; философія есть внесеніе идеальнаго единства въ сущее, гармоническое совмѣщеніе функций всѣхъ способностей духа, регулированіе отношеній субъекта къ внѣшнему міру, примиреніе я и не я, противопоставившихъ себя другъ другу. Все это понимается въ общей формулѣ: философія есть міровоззрѣніе, и исторія философіи есть исторія міровоззрѣній. Такое пониманіе философіи было, въ сущности, у всѣхъ великихъ философовъ, что доказывается ихъ твореніями и ихъ жизнью; но въ послѣднее время какое-то новое опредѣленіе философіи все болѣе и болѣе входитъ въ силу, и между „философствующими“ можно сотнями насчитывать защитниковъ этого новаго пониманія. Но обратимся къ самой работѣ г. Озе. Авторъ хочетъ вести работу „an der Hand der Quellen“. Дѣйствительно, его работа представляетъ собою очень странный видъ. Каждая страница ея болѣе чѣмъ на половину занята выписками изъ Лейбница, и цитаты эти не менѣе, какъ въ строкъ 7—8, а иногда и въ 15; притомъ на каждой страницѣ 5—9 цитатъ. При такомъ разчетѣ на долю авторскаго текста остается не болѣе 35 страницъ крупнаго шрифта въ обѣихъ частяхъ: размѣръ для двухъ изслѣдованій черезчуръ скромный.

Во введеніи къ первому изслѣдованію г. Озе толкуетъ о томъ, что съ XVI вѣка стали мечтать о созданіи новой научной методы; были-де попытки Бэкона и Декарта, но Лейбницъ ими не удовольствовался и захотѣлъ создать свою. Все это не особенно ново. Затѣмъ г. Озе начертываетъ себѣ задачу опредѣлить методу Лейбница и „открываетъ“, что его метода есть „гипотеза“. Мало того: г. Озе общается доказывать читателю свое мнѣніе анализомъ дѣйствительнаго развитія „Монадологии“ и серьезно смотритъ на свое назначеніе повѣдать ученому міру, что Лейбницева метода есть „гипотеза“; этому онъ посвящаетъ остальные 30 (то-есть, менѣе чѣмъ 15) страницъ первой части.

Способъ изложенія г. Озе не лишень своего рода оригинальности: диссертация, какъ сказано выше, болѣе чѣмъ на половину занята подлинными словами Лейбница; а то, что г. Озе выдаетъ за свой текстъ, представляетъ собою опять-таки слова Лейбница, только въ пересказѣ и въ передачѣ словами автора, иногда въ ущербъ ясности оригинала. Г. Озе очень искусно заставляеть все время говорить Лейбница, сшивая различныя мѣста и отдѣльныя предложенія, на удачу выбранныя изъ него. Лишь кое-гдѣ авторъ разсвѣяеть перлы своей собственной мысли; но за то они-то представляютъ собою „соль“. Съ большимъ самодовольствомъ г. Озе показываетъ на стр. 18, что онъ успѣлъ, ухватившись за неосторожное выраженіе, протянуть Лейбница къ протестантской теологіи и ея интересамъ: доказать это было-де единственною цѣлью метафизической „спекуляціи“ Лейбница. Нашъ авторъ не видитъ, а быть можетъ, и не хочетъ видѣть, что вниманіе Лейбница къ теологіи было съ его стороны только личиною, надѣтою въ угоду пасторамъ и сильнымъ міра сего; но вѣдь извѣстно всѣмъ, что эти его занятія того же рода, какъ занятія исторіей Ганноверской династіи. Сколько намъ извѣстно, всѣ единогласно сходятся въ томъ, что Лейбницъ былъ человѣкъ очень себѣ на умѣ, великій мастеръ обдѣлывать свои дѣла; даже отъ нашего великаго Петра онъ сумѣлъ вытянуть себѣ пожизненный пенсіонъ.

Кромѣ того, нашъ авторъ, по видимому, и не подозрѣваетъ, что сдѣлали изъ „спекуляціи“ Лейбница монисты. Вмѣсто того, чтобы давать намъ обѣщаніе изложить со временемъ вліаніе Лейбница на Гербарта, Лотце и даже Тэйхмюллера (прекраснаго изслѣдователя по древней философіи, но очень посредственнаго метафизика), для автора было бы гораздо поучительнѣе прослѣдить измѣненіе Лейбницевои теоріи въ монизмѣ.

Но объ исторической связи Лейбница ни съ предшествовавшими (исключая Аристотеля), ни съ послѣдующими философами въ работѣ г. Озе нѣтъ ни полслова, хотя въ предисловіи онъ и выдаетъ себя за специалиста по „понятію субстанціи“ въ новой философіи.

Въ Лейбницевои методѣ онъ различаетъ три момента: анализъ опыта, „дедукторный“ синтезъ и подтвержденіе теоріи фактами опыта. Все это прекрасно. Но вѣдь въ своемъ общемъ предисловіи г. Озе обѣщаль представить намъ методу, какую употреблялъ самъ Лейбницъ при созданіи и доказательствѣ своей монадологіи. Неужели же г. Озе въ самомъ дѣлѣ полагаетъ, что Лейбницъ, задумывая и

создавая свою гениальную монадологию, сначала сталъ анализировать опытъ, потомъ производилъ „дедукторный“ синтезъ, потомъ искалъ случая подтвердить существованіе монадъ опытомъ? Въ такомъ случаѣ г. Озе слѣдовало бы шагъ за шагомъ, не отступая отъ хронологическаго изданія Гергардта, изслѣдовать постепенное развитіе понятія монады и доказательствъ въ защиту этой теоріи. Несомнѣнно, что возсоздать эту исторію развитія было бы трудомъ важнымъ, но достаточно тяжелымъ, ибо пришлось бы изучить всѣ философскіе труды Лейбница. Но г. Озе „благуя часть избра“: онъ нахваталъ различныхъ цитатъ изъ сочиненій Лейбница, принадлежащихъ къ различнымъ эпохамъ его развитія, перемѣшалъ ихъ и начерталъ методу, какою Лейбницъ не пользовался.

Въ концѣ концовъ, г. Озе съ побѣднымъ торжествомъ (стр. 31) заявляетъ, что Лейбницева метода есть именно „гипотеза“, то-есть, форма методическаго развитія мысли. Последнее измышленіе принадлежитъ уже не Лейбницу, а всецѣло самому изслѣдователю. Но неужели же г. Озе не знаетъ, что гипотеза не есть метода, а уже готовая теорія, система, не подтвержденная еще пока достаточнымъ количествомъ убѣдительныхъ фактовъ? Вѣдь это азбука въ логикѣ! Для писанія философскаго трактата необходимо же хотя бы слегка познакомиться и съ философскою терминологіей. Н г. Озе вводитъ свою терминологію, и это крайне невыгодно отзывается на его, по истинѣ, варварскомъ стилѣ. Однако не можетъ же онъ не знать, что разница между методомъ и гипотезой такая же, какъ между средствомъ и цѣлью, какъ между топоромъ и дровами, и т. д., и безъ сомнѣнія, понимаетъ, что такое гипотеза. По крайней мѣрѣ, на стр. 31—34 онъ излагаетъ теорію гипотезы со словъ Лейбница, гдѣ послѣдній совершенно правильно дѣлаетъ различіе между гипотезой и обоснованною теоріей. На стр. 10 г. Озе обѣщаетъ показать, что Лейбницъ и самъ-де называетъ свою методу „гипотезой“, а все его доказательство на стр. 34 сводится къ тому, что Лейбницъ, трактуетъ о гипотезѣ, для которой найдены апіорныя основанія, изъ коихъ она вытекала бы, какъ слѣдствіе, замѣчаетъ: „C'est quelque chose de plus qu' une hypothèse“, то-есть, гипотеза превращается въ обоснованную теорію; по плохому ли знанію французскаго языка, или вообще Богъ вѣсть почему, г. Озе сейчасъ же поясняетъ отъ себя, что здѣсь Лейбницъ понимаетъ подъ гипотезой уже не теорію, а „форму методическаго развитія мысли“. По истинѣ, медвѣжья услуга Лейбницу! Весьма также неприятно поражаетъ безцеремонно-

развязное обращеніе г. Озе съ такимъ почтеннымъ и опытнымъ изыскателемъ въ области исторіи новой философіи, какъ Куно Фишеръ.

Итакъ, первое изслѣдованіе имѣло тотъ результатъ, что метода, какою самъ Лейбницъ не пользовался, есть „гипотеза“. Посмотримъ, на сколько богаче и удачнѣе второе изслѣдованіе.

Во второмъ изслѣдованіи авторъ задается цѣлью (стр. 43) опредѣлить истинную мѣру вліянія Аристотеля на Лейбница и защитить его „невинность“, то-есть, творческую философскую оригинальность. Но странное дѣло, если уже рѣчь зашла, о „невинности“ Лейбница, то почему же авторъ такъ легкомысленно обходитъ въ прим. 2 на стр. 41 грозное обвиненіе Дюринга, уличающаго Лейбница въ плагиатъ изъ Бруно? Вѣдь вопросъ этотъ до сихъ поръ остается открытымъ.

Прежде всего, г. Озе счелъ нужнымъ сдѣлать очеркъ Аристотелевой философіи. Главную разницу между Аристотелемъ и Лейбницемъ онъ видитъ въ томъ, что первый былъ аналитикъ и останавливается на противоположностяхъ, а второй — мастеръ примирять противоположное и „совмѣщать несомвѣстимое“. Затѣмъ, идутъ длинныя разглагольствованія о матеріи и формѣ, о дѣйствительности и возможности. Все это изложено варварскимъ языкомъ и изобилуетъ тѣми же достоинствами, какъ и предыдущее изслѣдованіе.

Слѣдуетъ глава объ измѣненіяхъ, какія претерпѣли аристотелевскія мысли у Лейбница, и о слѣдствіяхъ, какія истекаютъ изъ его основнаго принципа; тутъ г. Озе смѣло толкуетъ веривъ и вкось о materia prima, о прирожденныхъ идеяхъ, детерминизмѣ, прогрессѣ и о чемъ душѣ угодно. Опровергать эти разсужденія систематически, шагъ за шагомъ, какъ мы это сдѣлали съ первымъ изслѣдованіемъ, нѣтъ никакой возможности. Все это отвлекло бы насъ черезчуръ далеко и потребовало бы книги вдвое толще, чѣмъ самая диссертация. Позволимъ себѣ отмѣтить лишь то удовольствіе, съ какимъ г. пасторъ на стр. 59 замѣчаетъ, что „Лейбницъ проводитъ всѣ свои воззрѣнія съ теологической точки зрѣнія“. Можно себѣ представить, что сдѣлалъ съ бѣднымъ Лейбницемъ подобный безпристрастный „изслѣдователь“ въ своей главѣ: „Слѣдствія, вытекающія изъ основнаго принципа Лейбница“! А еще г. Озе собирается со временемъ (стр. 69) изобразить Лейбницево ученіе о Богѣ и значеніи дѣятельности Бога и едва замѣтныхъ представленій для предустановленной гармоніи.

Эта вторая часть „Изслѣдованій о понятіи субстанціи у Лейб-

ница", представляющая собою какой-то винегретъ цитатъ въ передачѣ г. Озе въ той связи и въ томъ порядкѣ, какой онъ заблагодарсудилъ придать имъ, есть въ сущности изложеніе Лейбницевои системы въ ея цѣломъ, хотя авторъ въ своемъ общемъ предисловіи, отказывается отъ подобной задачи и увѣряетъ, что онъ только займетса „понятіемъ субстанціи“.

Достойна удивленія та безпечность, та развязность, съ какою г. Озе приступаетъ къ дѣлу, та неподготовленность, съ какою онъ беретса за философскій трудъ. Мы удивляемся незнанію почтеннымъ пасторомъ даже и начатковъ философіи; дивимся, какъ человекъ, рѣшающійся трактовать о методѣ Лейбница, самъ не имѣетъ понятія о научныхъ методахъ, необходимыхъ въ историческомъ изслѣдованіи. Не упоминаемъ уже о „безпристрастіи“, о постоянномъ стараніи во что бы то ни стало, хотя бы за волосы, привлечь Лейбница къ исповѣданію протестантизма, втянуть его въ теологическую колею.

Но высшую мѣру философской премудрости г. Озе представляютъ его тезисы, приложенные къ диссертациі, напимѣрь: „Развитіе человеческого рода не можетъ быть принципомъ соціально-этической теоріи“; „Платонъ одновременно признаетъ и отрицаетъ безсмертіе души“ (не играетъ ли тутъ авторъ двусмысленностью значенія слово душа — родовая и индивидуальная?). Попадаются тезисы, гдѣ авторъ, видимо, бьетъ на оригинальность, и которые тѣмъ не менѣе несообразны со здравымъ смысломъ, напимѣрь: „Память нельзя упражнять“, или: „Главною цѣлью въ гимназическомъ преподаваніи древнихъ языковъ должно быть усвоеніе грамматики“. Есть тезисы, появленіе коихъ въ качествѣ „философскихъ“ положеній объясняется лишь пасторскимъ званіемъ г. Озе: „Теологія Ригля содержитъ въ себѣ три конститутивныхъ элемента: а) рациональный морализмъ, б) позитивный эмпиризмъ и с) произвольное измѣненіе эмпирически воспринятаго религіознаго пониманія“. Прочитавъ подобную тираду, по неволѣ скажешь: еств ли человеческая возможность понять этотъ бессмысленный наборъ словъ, а главное, что же тутъ философскаго? Наконецъ, есть въ тезисахъ и совершенная бессмыслица: „Аристотелевская матерія“ и „вѣчныя истины“ у Лейбница суть по понятію (*begrifflich*) одно и то же“.

Съ тяжелымъ чувствомъ закрываемъ мы книгу г. Озе. Какъ отъ самой работы, такъ особенно и отъ тезисовъ его, вѣетъ незнаніемъ, недостаткомъ начитанности, непродуманностью идеи, дѣтскою наивностью въ предначертаніи себѣ великихъ задачъ и крайнею

слабостью мысли и бѣдностью средствъ въ сооруженію „воздушныхъ замковъ“ на дѣлѣ. Крайне прискорбно, что эта диссертація защищалась въ такомъ уважаемомъ учрежденіи, какъ Дерптскій университетъ.

А.

Изъ записокъ по русской грамматикѣ. I. Введеніе. II. Составные члены предложенія и ихъ замѣны. Составилъ А. Потебня. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Харьковъ. 1889.

Болѣе двусотъ лѣтъ прошло со времени написанія Юріемъ Крижаничемъ „Грамматичнаго изказанья объ рускомъ языкѣ“ (1666 г.), которое было не только первою общеславянскою грамматикой, но и первымъ опытомъ научнаго анализа звуковъ и формъ русскаго языка, сравнительно съ прочими славянскими. Съ тѣхъ поръ не мало уже сдѣлано по разработкѣ русской фонетики и морфологій, особенно въ трудахъ Ломоносова, Востокова, Павскаго, Срезневскаго и Буслаева: первый установилъ грамматическія нормы нашего литературнаго языка; второй представилъ самый полный изъ существующихъ сводъ этимологическихъ его формъ; третій разъяснилъ не одну характерную особенность русской семасіологій; Срезневскій углубилъ историческія основы нашей грамматики, особенно въ звуковой и морфологической областяхъ; Буслаевъ, наконецъ, составилъ довольно стройную, хотя и неравномѣрно обработанную систему русской исторической этимологій. Для фонетики и морфологій русскаго языка кое-что прибавлено было Катковымъ, П. Лавровскимъ, Колосовымъ, Соболевскимъ, Брантомъ, особенно же Миклошичемъ, въ его Сравнительной Грамматикѣ. Но по синтаксису весьма мало было сдѣлано и Ломоносовымъ, и Востоковымъ, и даже Буслаевымъ, котораго „Опытъ исторической грамматики русскаго языка“ имѣетъ во второй части значеніе лишь сыраго матеріала, сгруппированнаго и обработаннаго по принципу логическому, а не грамматическому. Четвертый томъ „Сравнительной грамматики“ Миклошича тоже остановился на поверхности синтаксическихъ явленій, не сдѣлавъ даже попытки ближе опредѣлить разные типы предложенія, взаимное отношеніе и значеніе отдѣльныхъ его членовъ. Задача эта впервые и блистательно разрѣшена профессоромъ Потебнею въ его скромномъ по заглавію, но весьма почтенномъ сочиненіи: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ (Харьковъ. 1874). Отправляясь отъ установлен-

ныхъ В. Гумбольдтомъ и его учениками (особенно Гейзе и Штейнтадемъ, отчасти М. Мюллеромъ и Курціусомъ) положеній о строеніи и развитіи языковъ, профессоръ Потебня разобралъ по косточкамъ господствовавшую у насъ тогда, да и теперь, логическую систему синтаксиса, какъ она изложена въ „Опытѣ“ Буслаева, и доказалъ полное несогласіе этой искусственной системы ни съ законами логики, ни съ эмпирическими данными сравнительнаго языковѣдѣнія. На развалинахъ этого логическаго, или лучше сказать, нелогическаго синтаксиса, основаннаго на ошибочномъ предположеніи о тождествѣ сужденія съ предложеніемъ, а умозаключенія съ періодомъ, профессоръ Потебня успѣлъ заложить основы новаго грамматическаго, такъ-сказать, синтаксиса, который отправляется отъ формъ даннаго языка, а провѣряется данными историческаго и сравнительнаго языковѣдѣнія. Чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній въ преимуществахъ новой, грамматической системы синтаксиса передъ старою, логическою, профессоръ Потебня провѣрилъ эту новую систему на одномъ, хотя и частномъ, но весьма обширномъ и серединномъ вопросѣ: о составныхъ членахъ предложенія и ихъ замѣнахъ въ русскомъ языкѣ. Вопросъ этотъ избранъ не случайно, а потому что, на немъ всего нагляднѣе могли быть доказаны преимущества новаго метода и новой системы изложенія синтаксическихъ вопросовъ. Разсматривая различныя формы сказуемаго, его отношенія къ атрибуту и оппозиціи схемы согласованія въ объектахъ, переходъ ихъ въ схемы управления и т. п., профессоръ Потебня имѣлъ много случаевъ доказать и то руководящее положеніе, что въ синтаксисѣ, какъ въ фонологіи и этимологіи, *πάντα ῥεῖ*, выражаясь словами древне-греческаго философа,—что въ этой области нѣтъ мертвой точки и въ славяно-русскомъ языкѣ, а на оборотъ, всюду пробивается бодрая жизнь и непрерывное движеніе отъ простѣйшаго къ сложному, отъ смутнаго и предразсвѣтнаго къ опредѣленному и ясному. Коснувшись магическимъ жезломъ правильнаго метода различныхъ формъ церковной, лѣтописной актовой, престонародной русской рѣчи, за разные періоды ея развитія, Потебня открылъ въ этой средѣ такое стройное движеніе, такую тонкую и изящную систему синтаксическихъ схемъ и значеній, которая ни мало не уступаетъ по богатству и разнообразію ни латинскому, ни даже греческому предложенію и его членамъ.

Въ движеніи язычныхъ формъ обрисовалась мало по малу и конечная цѣль его: постепенное торжество духа надъ матеріей, мысли надъ формами, выраженія разчлененнаго и прозрачнаго надъ сплош-

нымъ и утробнымъ. Сравненіе же формъ русскихъ съ инославянскими, на второмъ же планѣ съ литовскими и на третьемъ съ прочими арійскими доказало законмѣрность развитія этихъ формъ и существованіе подъ ними древняго общеплеменнаго субстрата или фона.

Легко было предвидѣть, что трудъ харьковскаго профессора, награжденный при появленіи Ломоносовскою преміей, оставить глубокий слѣдъ въ нашей грамматической литературѣ. Дѣйствительно, ея вліяніе замѣтно въ большей или меньшей мѣрѣ на всѣхъ синтаксическихъ изслѣдованіяхъ въ Россіи за послѣднія 15 лѣтъ. Если тѣмъ не менѣе въ школьныхъ учебникахъ и теперь еще держится у насъ опровергнутая профессоромъ Потебнею система „логическаго синтаксиса“, то это объясняется консерватизмомъ жизни и общею слабостью взаимодѣйствія между литературою ученою и спеціальною. Но пройдетъ еще десятокъ лѣтъ, и сбивчивый „логическій синтаксисъ“ отойдетъ въ область преданій, смѣнившись болѣе простымъ, стройнымъ, яснымъ, а главное — единственно научнымъ синтаксисомъ Потебни. Возрастающій успѣхъ этой системы отражается и въ томъ, что книга его вышла нынѣ вторымъ изданіемъ. Очевидно, она оцѣнена не одними спеціалистами, для которыхъ предостаточно бы и одного изданія, а и тѣмъ болѣе широкимъ кругомъ образованныхъ читателей, которые обезпечиваютъ сбытъ не сотенъ лишь, но и тысячъ экземпляровъ подходящаго къ ихъ вкусамъ и требованіямъ сочиненія.

Новое изданіе книги профессора Потебни не есть простая перепечатка прежняго: она „исправлена и дополнена“ не на словахъ лишь, но и на дѣлѣ. Удержавъ прежнюю систему, а также и вообще основной текстъ, авторъ внесъ въ него столько поправокъ и дополненій, что второе изданіе необходимо имѣть въ виду при научномъ пользованіи и тѣмъ, кто имѣетъ первое изданіе. Такъ, во введеніи дана новая постановка вопросу объ отношеніяхъ членовъ предложенія и сужденія (стр. 61), значительно развитъ взглядъ автора на различіе глагола отъ имени (стр. 76—84), на синтаксическое отношеніе звательнаго падежа къ именительному (стр. 94—97), не считая еще дюжины мелкихъ поправокъ и вставокъ въ прежній текстъ. Во II-й части также находимъ нѣсколько новыхъ экскурсовъ, въ дополненіе и развитіе разныхъ частныхъ вопросовъ (напримѣръ, на стр. 167 сл., 169—172, 180 сл., 190, 195, 201—205 и т. д.), а сверхъ того, число примѣровъ на многія синтаксическія формулы значительно увеличено въ новомъ изданіи (напримѣръ, на стр. 132,

134 сл., 143, 150, 166, 178, 190 сл., 192, 193, 196, 198 сл., 207 сл. и т. д.).

Въ одномъ лишь могли бы мы упрекнуть автора: онъ ничего не сдѣлалъ для увеличенія понятности и ясности своего изложенія. Особенно желательно бы это въ первыхъ восьми главахъ введенія, гдѣ трансцендентальное ученіе о языкѣ въ духѣ В. Гумбольдта и Штейнталя излагается еще туманнѣе, чѣмъ у этихъ „метаяггосологовъ“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта „апокалиптическая“ темнота происходитъ, быть можетъ, отъ высоты и глубины мыслей, но въ другихъ она объясняется неудачнымъ подборомъ терминовъ. Такъ въ главѣ II-й, разсуждая о внутреннемъ содержаніи словъ въ разныя фазы ихъ развитія, авторъ часто употребляетъ терминъ „представленіе“, но со слѣдующею оговоркой: „Этого значенія слова представленіе.. не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ, болѣе извѣстнымъ и менѣе определеннымъ, по которому представленіе есть то же, что воспріятіе или чувственный образъ, во всякомъ случаѣ — совокупность признаковъ“. (стр. 7). Если не слѣдуетъ смѣшивать читателю, то почему же смѣшиваетъ ихъ авторъ, подражая плохому примѣру Штейнталя, который тоже употребляетъ слово *Vorstellung* въ подобномъ произвольномъ смыслѣ? Въ дальнѣйшемъ изложеніи самъ профессоръ Потебня оставляетъ этотъ двусмысленный терминъ и подставляетъ вмѣсто него слово „признакъ“ (84, 87, 90 сл., 92, 93, 99). Отчего не остановился на немъ авторъ сначала и не оставилъ слова „представленіе“ при его обычномъ психологическомъ значеніи?

Такого же, кажется, „номиналистическаго“ происхожденія туманность, окружающая въ изложеніи профессора Потебни ученіе о сущности слова (стр. 8, 9), о самостоятельности отдѣльныхъ флексивныхъ формъ слова (стр. 4 сл.), объ отношеніяхъ этимологіи къ синтаксису (стр. 38 сл.) и нѣкот. друг. Впрочемъ, въ послѣднемъ вопросѣ неясность могла произойти и отъ того, что авторъ не желаетъ знать того отдѣла этимологіи, который разсматриваетъ слово со стороны его внутреннихъ функцій и во многихъ новѣйшихъ сочиненіяхъ по этимологіи выдѣляется подъ названіемъ то семантики, то сематіологіи. Этимъ путемъ дѣйствительно упрощается наша искусственная грамматическая система и приближается къ естественной. Фактическое доказательство того представлено и въ нашемъ „Начертаніи церковно-славянскаго грамматики“, которое въ синтаксическомъ своемъ отдѣлѣ тѣсно примыкаетъ къ книгѣ профессора Потебни.

Но, съ другой стороны, мы должны признать, что взглядъ автора

на задачи, методы и систему русскаго синтаксиса отличается такою цѣльностью и выдержанностью, что, быть можетъ, развитіе его потеряло бы въ архитектурномъ отношеніи, еслибы авторъ рѣшился видоизмѣнить ту или другую частность въ направленіи къ другимъ, хотя бы и не менѣе законнымъ системамъ грамматики.

Пожелаемъ лучше, чтобы авторъ достроилъ на заложенномъ имъ фундаментѣ все зданіе русскаго синтаксиса, которое затѣмъ послужило бы образцомъ для дальнѣйшихъ специальныхъ работъ въ этой области, а вмѣстѣ основой для переработки соответственнаго отдѣла учебниковъ русской грамматики. Пора освободить и нашихъ школьниковъ отъ запутанныхъ, произвольныхъ и бесплодныхъ схемъ схоластическаго синтаксиса и освѣжить эту сухую область ключами подпочвенной язычной влаги.

А. Бушловичъ.

Язычество и иудейство во времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. Свящ. Т. Буткевича. Харьковъ. 1888.

Книга очень интересная и важная по своей задачѣ: изобразить политическое, религіозное, умственное и нравственное состояніе древняго міра, языческаго и іудейскаго, предъ рождествомъ Христовымъ, другими словами — объяснить историческія условія, среди которыхъ появилось христіанство. Еще многіе изъ древнѣйшихъ отцовъ церкви выражали ту мысль, что, съ одной стороны, объединеніе тогдашней вселенной подъ одною державою Рима и Августа было дѣломъ божественнаго домостроительства, предуготовлявшаго пути къ безпрепятственному распространенію единой истинной религіи, и что, съ другой стороны, на ряду съ ветхозавѣтнымъ откровеніемъ приготовляла къ христіанству сама языческая философія, ведущая свое начало отъ Сократа и Платона. Въ новѣйшей и иностранной литературѣ на тему, избранную о. Буткевичемъ, написано не мало обширныхъ, многотомныхъ и прекрасныхъ сочиненій. Русская ученая литература, какъ свѣтская, такъ и духовная (къ сожалѣнію, у насъ ихъ нужно отличать, такъ какъ идутъ онѣ большею частію разнo, а не рука объ руку, какъ бы слѣдовало), обѣ остаются далеко позади, и въ сравненіи съ тѣмъ, что есть на западѣ, представляютъ жалкое и постыдное зрѣлище. Небольшая книжка отца Буткевича, очевидно, не можетъ восполнить пробѣла уже по одному своему объему. Сознавалъ ли указываемый пробѣлъ самъ почтенный авторъ, и въ какой именно степени думалъ

помочь горю, мы не знаемъ, потому что онъ не нашелъ нужнымъ предпослать хотя бы нѣсколько словъ предисловія. Въмѣсто того мы находимъ только страницу съ перечисленіемъ источниковъ и пособій. Ничего отраднаго сіе перечисленіе намъ не говоритъ относительно прежняго наличнаго достоянія русской литературы по данному предмету, да мало общаетъ и относительно будущаго. Можетъ быть, оно даже представляетъ дѣло въ томъ и другомъ отношеніи гораздо хуже, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Какихъ предшественниковъ могъ указать о. Буткевичъ въ русской литературѣ? Ничего, кромѣ академическихъ лекцій давно умершаго, но незабвеннаго Горскаго объ исторіи евангельской и церкви апостольской. Старинное сочиненіе о. Смирнова (1802 г.) „Предъизображеніе Господа нашего Иисуса Христа и церкви его въ ветхомъ завѣтѣ“, судя по заглавію, мало относится къ предмету, избранному о. Буткевичемъ. Ужели это все? Къ счастью, нѣтъ. Хотя не много, но все же есть и еще кое-что. Чтобы не ходить далеко, припомнимъ хотя бы проф. Ешевскаго „Очерки язычества и христіанства“, для своего времени прекрасно составленные, да и теперь не утратившіе своего достоинства. Почему ими не пользовался о. Буткевичъ? Затѣмъ мы встрѣчаемъ указаніе на одно переводное сочиненіе Фаррара „Жизнь Иисуса Христа“. Но если уже обращаться къ переводнымъ сочиненіямъ, то есть и другія, которыя въ равной почти мѣрѣ нужно было бы имѣть въ виду; напримѣръ, для языческаго отдѣла труды Фридендера, Моммсена. На первомъ мѣстѣ въ качествѣ пособій стоятъ сочиненія нѣмецкія — Зейделя, Газе, Кейма: послѣдняго, однако, только популярная обработка его болѣе обширнаго труда о жизни Христа. Отчего же нѣтъ именъ Гаусрата, Шюрера (Schürer, Lehrbuch der neutestamentlichen Zeitgeschichte. Leipzig. 1874; одна часть появилась уже въ новомъ изданіи въ прошломъ году)? Отчего обойденъ трудъ того же Кейма „Rom und Christenthum“, прямо касающійся избранной о. Буткевичемъ темы? На счетъ источниковъ, все-таки отличаемихъ отъ пособій, дѣло обстоитъ еще плачевнѣе. „Иосифа Флавія о войнѣ іудейской, переводъ Алексѣева. 1786 г.“ (именно 1786, а не 1886 г.); „Его же. Древности іудейскія, переводъ Самуилова, 1796 г.“ — и больше ничего! Мы не думаемъ упрекать почтеннаго автора за то, что онъ предполагаетъ пользоваться Иосифомъ Флавіемъ только въ русскомъ переводѣ, что, вѣроятно, и на самомъ дѣлѣ исполнилъ. Если бы вмѣсто того онъ помѣстилъ греческое или латинское заглавіе, то онъ скрылъ бы отъ насъ еще одинъ любопытный фактъ. Сто лѣтъ

прошло, какъ появился на русскомъ языкѣ переводъ сочиненія Флавія—и съ тѣхъ поръ не повторялся. Если это правда, то это ужасно. Если это такъ, то зачѣмъ же заноситься въ высокія научныя области, зачѣмъ писать книги съ притязательными заглавіями? Подражая изреченію одного русскаго іерарха, оказавшаго большія услуги исторической наукѣ, позволимъ себѣ сказать: „хороша ученая духовная литература!“ Но поручится ли намъ кто-нибудь: если среди читателей книги о Буткевича окажется какой-либо неученый человекъ — учившіеся въ академіяхъ и семинаріяхъ, вѣроятно, всѣ свободно читаютъ по гречески—и пожелаетъ поближе познакомиться съ сочиненіемъ Іосифа Флавія, чтó благочестію не повредило бы, то найдетъ ли онъ въ продажѣ книгу, напечатанную сто одинъ годъ тому назадъ?

Чтó сказать собственно о сочиненіи о Буткевича? Несомнѣнно, что почтенный авторъ обладалъ всѣми главными условіями, чтобы написать прекрасную книгу по исторіи новозавѣтнаго времени, даже и гораздо болѣе обширныхъ размѣровъ, всѣми, кромѣ одного. Онъ обладаетъ столь высокимъ умственнымъ развитіемъ, что ему доступны всякія научныя истины и всякія общія идеи. Если чужія мысли онъ выражаетъ съ такою ясностію и легкостію, столь хорошимъ литературнымъ языкомъ, то свои собственные излагалъ бы, вѣроятно, еще лучше. Чего же недоставало? Недоставало дѣйствительно серьезнаго собственнаго изученія, недоставало знакомства съ источниками, которые писаны на греческомъ и латинскомъ языкахъ. Всему дѣлу повредило ложное и пагубное убѣжденіе, что можно писать о какомъ-нибудь историческомъ вопросѣ только съ чужихъ словъ, полагаясь на пособія и не справляясь съ источниками. Писать, пожалуй, и можно, потому что въ дѣйствительности это дѣлается, но только тщетною была бы надежда избѣжать при этомъ различныхъ промаховъ и самыхъ досадныхъ ошибокъ: забытые греки и римляне отместятъ за себя. Еслибы почтенный авторъ „Язычества и іудейства“ сколько-нибудь обращался съ латинскими текстами, на которые онъ по мѣстамъ ссылается, то конечно, онъ не сталъ бы говорить о римскихъ колоніяхъ, заселенныхъ инвалидами (стр. 3), какъ проводникахъ латинскаго языка въ провинціяхъ. По латыни всегда говорится о колоніяхъ ветерановъ, а это далеко не одно и то же, чтó инвалиды. Инвалидовъ даже какъ-то забавно представлять въ роли представителей римской колонизаціи и распространя-

телей римской цивилизаціи. Ниже (стр. 8) рѣчь идетъ о римскихъ колоніяхъ, насаждавшихъ въ завоеванныхъ странахъ вмѣстѣ съ римскимъ устройствомъ также и римскую цивилизацію, и въ примѣръ приводятся воинскіе станы въ Британіи или на Дунаѣ, на Рейнѣ или въ Сиріи. „Таковы, напримѣръ, воинскіе станы въ Британіи“ и т. д. Но чтó же это за колонія, которая въ то же самое время суть воинскіе станы? Подразумѣваются тутъ сапабае, слободы или посады, возникшія позади римскихъ лагерей и превращавшіяся мало по малу въ города, въ городскія общины съ полнымъ самоуправленіемъ: по нѣмецки они называются *Lagerstädte*, лагерными городами; если выраженіе воинскіе станы взято отсюда, то переводъ вышелъ неудачный и послужилъ только къ затемненію смысла. На стр. 20 идетъ рѣчь о культѣ императоровъ; но опять весьма неясно, въ выраженіяхъ, обличающихъ отсутствіе точныхъ представленій о предметѣ рѣчи. Римскіе императоры „еще при жизни своей... являлись во главѣ цѣлой толпы римскихъ боговъ. Такимъ образомъ..... древнее римское язычество здѣсь уже буквально закончилось обоготвореніемъ человѣка“. Но если при жизни обоготворялись императоры, то зачѣмъ же приводимые примѣры, между прочимъ о Веспасіанѣ, съ цитатою внизу *Svet. Vesp.*, — говорятъ другое? Почтенный авторъ нерѣдко ссылается на Тацита, но съ какого языка онъ переводитъ его слова, мы не знаемъ. Вотъ (на стр. 37) мы читаемъ: „Тацитъ, въ укоръ и противоположность Риму восхваляетъ Германію за то, что пороки тамъ никому не доставляютъ удовольствія, а соблазненіе чужихъ женъ не принадлежитъ духу времени“. Подразумѣваются знаменитыя слова: „*Nemo enim illic vitia ridet, nec cogitare et cogitari saeculum vocatur*“ (пороки не служатъ тамъ для кого бы то ни было предметомъ шутокъ, а соблазнять или быть соблазненною не называется свѣтскостію или хорошимъ тономъ). Кто не въ состояніи перевести ихъ надлежащимъ образомъ, тому не слѣдуетъ писать ученныя сочиненія о нравственномъ состояніи римскаго міра въ первый вѣкъ имперіи. Вообще первая часть сочиненія, относящаяся къ язычеству, кажется намъ неудовлетворительною во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ изложенія или собственно языка. Не на счетъ неумѣнья правильно выражаться слѣдуетъ, намъ кажется, отнести такія странности, каковыя представляютъ нѣсколько строкъ въ самомъ началѣ книги, на первой страницѣ. „Древній міръ рухнулъ;

вмѣстѣ съ нимъ пали и восточныя царства — Ассирія, Вавилонія, Персія, Египетъ“ и т. д. Рѣчь идетъ о подчиненіи міра римскому владычеству: но павшій тогда древній міръ былъ уже давно таковъ, что въ немъ не было ни Ассиріи, ни Вавилона, которыя, слѣдовательно, и не могли рухнуть вмѣстѣ съ нимъ. И здѣсь дѣло объясняется тѣмъ, что авторъ мало думалъ самъ о томъ, что онъ пишетъ.

Замѣчанія наши относятся преимущественно къ первому отдѣлу — объ язычествѣ. Второй — болѣе обширный отдѣлъ, касающійся христіанства, производитъ болѣе благопріятное впечатлѣніе, можетъ быть, потому, что область, соприкасающаяся съ ветхозавѣтною священою исторіей, точнѣе и ближе знакома сочинителю. Встрѣчаются и здѣсь по мѣстамъ сомнительные пункты, и къ сожалѣнію, довѣріе къ нашему автору въ такихъ случаяхъ уже подрывается знакомствомъ съ его способомъ трактовать языческій міръ. Сомнительно, напри- мѣръ, сообщеніе (на стр. 60), что въ царствованіе Тиберія большую часть жителей Галилеи составляли именно греки. Весьма характерно разсужденіе русскаго духовнаго и ученаго писателя объ есеяхъ и терапевтахъ, вопросъ, столь глубоко важномъ въ отношеніи къ происхожденію христіанскаго монашества. О. Буткевичъ указываетъ на нѣмецкія изслѣдованія новѣйшаго времени, по которымъ разказъ Филона о терапевтахъ оказывается позднѣйшею вставкою христіанскаго писателя, а слѣдовательно, и самое существованіе терапевтовъ сомнительнымъ, и затѣмъ спокойно прибавляетъ (стр. 187): „Само собою понятно, что, если такіе результаты новѣйшихъ изслѣдованій не будутъ съ несомнѣнностію опровергнуты, то не можетъ быть и рѣчи о связи терапевтовъ съ іудейскою партіею ессеевъ“. Правильное заключеніе! Но зачѣмъ же православный русскій богословъ принимаетъ на себя въ такомъ важномъ для него дѣлѣ видъ посторонняго и безучастнаго наблюдателя? Отчего бы ему самому не провѣрить эти результаты новѣйшихъ изслѣдованій? Какъ будто предполагается, что всякія ученныя самостоятельныя разысканія въ данной области — дѣло нѣмцевъ, нѣмецкихъ ученыхъ, а наше дѣло ждать, что они скажутъ и принимать къ свѣдѣнію готовые результаты ихъ изслѣдованій.

В. В.

ОТВѢТЪ МОИМЪ КРИТИКАМЪ.

Въ № 2-мъ Русскаго Архива за текущій годъ Д. И. Иловайскій напечаталъ двѣ историко-критическія замѣтки, подъ заглавіемъ: „Нѣкоторыя сужденія о тиранствѣ Ивана Грознаго“ и „По поводу розыска о смерти царевича Дмитрія.“

Въ первой замѣткѣ г. Иловайскій, слегка напавъ на защитниковъ Грознаго, начиная съ К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева и кончая К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на мнѣ. Онъ говоритъ: „Но всѣ указанныя попытки обълить Грознаго передъ судомъ исторіи и отыскать глубокой исторической смыслъ въ его казняхъ и опричинѣ блѣднѣютъ передъ апологіей г. Бѣлова, которую мы находимъ въ его монографіи „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конца XVII столѣтія“. На другой страницѣ, г. Иловайскій, по поводу моего объясненія новгородскаго погрома, восклицаетъ: „Далѣе едва ли можетъ идти отрицаніе всякихъ нравственныхъ принциповъ въ исторіи“. Во второй замѣткѣ еще лучше: „Самымъ усерднымъ сторонникомъ Бориса Годунова явился тотъ же Е. А. Бѣловъ, который оправдываетъ и злодѣянія Ивана Грознаго“.

Всякій, не читавшій моихъ статей или бѣгло пробѣжавшій ихъ, можетъ дѣйствительно подумать, что я задался дикою мыслью оправдывать безсмысленныя злодѣянія. Изъ двухъ-трехъ сопоставленій моихъ словъ и сужденій г. Иловайскаго читатель ясно увидитъ, какъ пишутся инныя ученые критическія замѣтки, и потому мой отвѣтъ будетъ кратокъ.

Прежде означенныхъ сопоставленій я приведу мнѣніе о Грозномъ человѣкѣ, имя котораго небезызвѣстно занимающимся русскою исторіей, именно профессора Дерптскаго университета Эверса, высказанное въ первой четверти текущаго столѣтія. Эверсъ, издавая письма Таубе и Крузе къ Кетлеру и называя этихъ перебѣжчиковъ, клеветавшихъ на Грознаго, негодяями, высказываетъ слѣдующее сужденіе объ Іоаннѣ IV: „Разумѣется, во всѣхъ дошедшихъ до насъ источникахъ, какъ русскіе, такъ и иностранцы, вполнѣ согласны, что Іоаннъ справедливо заслужилъ имя Грознаго. Но вопросъ въ томъ: былъ ли онъ вслѣдствіе справедливости строгъ до жестокости, или отъ чрезмѣрной склонности къ гнѣву предавался до самозабвенія грубимъ, безчувственнымъ жестокостямъ? Послѣднее сомнительно.

Извѣстно, что между всѣми государями, появившимися испорченность государственной машины и потребности народа и стремившимися править своимъ государствомъ согласно такому пониманію, этому государю, то-есть, Іоанну, принадлежитъ весьма высокое мѣсто“. Это мнѣніе высказано въ 1816 году; слѣдовательно, вопросъ о характерѣ Грознаго не новъ. Слова Эверса приведены у меня на страницахъ 85, 86. Жаль, что г. Иловайскій не замѣтилъ ихъ; какъ человѣкъ смѣлый, онъ, конечно, и Эверса обвинилъ бы въ отрицаніи нравственныхъ принциповъ. Кстати сказать, что на страницахъ 97 и 98 у меня разбираются и извѣстія Таубе и Крузе.

Теперь сдѣлаемъ нѣсколько сопоставленій. „Адашевъ и Сильвестръ“, говоритъ г. Иловайскій,—„возвышенные изъ незнатныхъ людей, вдругъ являются у него (то-есть, у меня) чуть не вожаками боярской партіи въ ея борьбѣ съ царемъ, причѣмъ властолюбіе Сильвестра и самообожаніе не знало границъ“. Все это взято г. Иловайскимъ изъ разныхъ мѣстъ моей статьи съ опущеніемъ доказательствъ и лѣтописныхъ свидѣтельствъ. О властолюбіи Сильвестра у меня, на стр. 83, приведено свидѣтельство Царственной Книги, которое заканчивается слѣдующими многозначительными словами: „всѣми владѣяше, обѣма властью и святительскими и царскими; якоже царь и святитель, точію имени и сѣдалища не имѣяше; но токмо чтимъ добръ всѣми и владѣяше всѣмъ съ своими совѣтниками“. Г. Иловайскій забываетъ даже, какую нехорошую роль игралъ отецъ Адашева во время болѣзни Іоанна; какъ онъ не только самъ, но и другихъ приводилъ къ присягѣ Владиміру, минуя сына Іоанна, говоря: „не хотимъ де служить Романовымъ“. Самъ Іоаннъ свидѣтельствуетъ о властолюбіи Сильвестра, и его свидѣтельство буквально подтверждается Царственною Книгою. Что Сильвестръ и Адашевъ были люди незнатные, это всѣ знаютъ; всѣ знаютъ, что Іоаннъ за это и возвысилъ ихъ; но что они перешли на сторону бояръ, это тоже фактъ, думаю, всѣмъ извѣстный. Причину приближенія ихъ я объясняю, на основаніи анализа фактовъ, раздорами между родными Іоанна со стороны матери—Гляскими и родными со стороны жены—Романовыми, на стр. 77 и 78. Іоаннъ видѣлъ партійный духъ въ тѣхъ и въ другихъ, а ему нуженъ былъ человѣкъ, стоявшій внѣ партій, и выборъ его палъ на Сильвестра. Пр. Ключевскій говоритъ, что за это приближеніе ихъ Іоаннъ долженъ былъ винить самого себя,—онъ и винилъ за это себя; но не нужно забы-

зять, что Іоанну было только семнадцать лѣтъ, когда онъ приблизилъ къ себѣ Сильвестра и Адашева.

Далѣе г. Иловайскій такъ говоритъ о моемъ изложеніи дѣла митрополита Филиппа: „Митрополитъ Филиппъ Колычевъ будто бы баслужилъ свою гибель, ибо вздумалъ мѣшаться не въ свое дѣло, то-есть, въ опричину и вообще въ гражданскія отношенія“. По важности предмета я долженъ сдѣлать болѣе длинныя выписки, чѣмъ вы желаете. Сказавъ о впечатлѣніяхъ, среди которыхъ Филиппъ возросъ, я говорю: „Нравственная чистота помысловъ Филиппа вѣдъ всякаго сомнѣнія; но время, въ которое онъ вступилъ на митрополитскій престолъ, было неблагопріятно для его нравственнаго вліянія“. (стр. 111). О вѣдъшательствѣ въ опричину вотъ что мною сказано: „Филиппъ прінялъ митрополію и далъ записку ему въ опришину и въ царскій домовый обиходъ на вступаться, за опришину и за царскій домовый обиходъ митрополіи не оставлять. Соловьевъ говоритъ, что, отказавшись отъ вѣдъшательства въ опричину, Филиппъ не отказался отъ права печаловаться; но это замѣчаніе—игра словъ, въ данномъ случаѣ печалованіе и обозначало вѣдъшательство въ дѣла опричины. Филиппъ далъ слово не вступаться не только въ опричину, но и въ домашній обиходъ царя и не выдержалъ. Его публичное обличеніе Іоанна въ церкви, можетъ быть, и высоконравственный подвигъ, но какъ политическій актъ—большая и грустная ошибка при томъ возбужденномъ состояніи общества, въ которомъ оно тогда находилось. Петръ Великій и при менѣе щекотливыхъ обстоятельствахъ замѣтилъ Стефану Яворскому, что если обличать, то слѣдуетъ обличать наединѣ, а потомъ уже при всѣхъ. Для Іоанна (sic) Филиппъ явился нарушителемъ даннаго обѣщанія, которое должно было связать его. Паденіе Филиппа было естественнымъ слѣдствіемъ противорѣчія, въ которое онъ впалъ“. Гдѣ же у меня сказано, что Филиппъ заслужилъ свою гибель? Г. Иловайскій добавляетъ свою тираду словами: „а относительно его, то-есть, Филиппа умерщвленіе Малютою Скуратовымъ—это еще вопросъ“. Это, должно быть, иронія у г. Иловайскаго. У меня было сказано: „Малюта по своему характеру могъ совершить такое преступленіе, но совершилъ ли онъ его, это еще вопросъ“. Далѣе у меня идутъ замѣчанія объ источникѣ, откуда взято это извѣстіе, объ источникѣ, въ которомъ еще Карамзинъ замѣтилъ невѣрную передачу историческихъ фактовъ.

Точно также нѣтъ и не было у меня желанія обвинять новгородцевъ и оправдывать Іоанна за погромъ Новгорода въ 1571 году, за погромъ, о которомъ мы имѣемъ очень смутное понятіе. На страницѣ 115 у меня сказано: „Трудность объясненія новгородскаго погрома увеличивается потерей главнаго источника—слѣдственнаго дѣла о винахъ архіепископа Пимена и другихъ“. Слово объясненіе, казалось бы, не слѣдовало замѣнять словомъ обвиненіе; но для г. Иловайскаго и это возможно. Естественно, что вслѣдствіе пропажи слѣдственнаго дѣла, важнѣйшаго официальнаго документа изъ эпохи опричины, приходится иногда дѣлать предположенія, чтобы такъ или иначе попасть на торную дорогу. Но если читатель захочетъ провѣрить, въ чемъ дѣло, то отсылаю его къ моему сочиненію, цитируемому г. Иловайскимъ, отъ стр. 114 по 122. У меня сказано: „Какъ ни тяжелъ новгородскій погромъ по производимому имъ впечатлѣнію, но постараемся къ нему отнестись объективнѣе и посмотримъ, что его подготовило и какія обстоятельства ему предшествовали“. (стр. 116). Говоря новгородскій погромъ, я выразился не точно, слѣдовало бы сказать: дошедшій до насъ разказъ о погромѣ, потому что—опять повторяю—достовернаго ничего мы не знаемъ. Кстати позволю себѣ поставить еще вопросъ: жестокости, приписываемыя Іоанну при разгромѣ, не спутаны ли съ страшными мѣрами, которыя Іоаннъ принялъ для прекращенія моровой язвы въ Новгородѣ? Тогда велѣно было жечь живыхъ священниковъ, которые хоронили мертвыхъ не на указанномъ мѣстѣ; язва быстро была прекращена. Чѣмъ вызвана была эта мѣра—предоставляемъ судить г. Иловайскому. Вопросу о разгромѣ Новгорода посвящены у меня почти десять страницъ, въ которыхъ нѣтъ и слова для оправданія погрома. Что же за отрицаніе всѣхъ нравственныхъ принциповъ въ объясненіи историческаго факта? Нѣтъ ли такого отрицанія въ завѣдомомъ искаженіи чужихъ словъ? Въ разборѣ новгородскаго дѣла есть у меня и предположенія, смѣю думать, небезосновательныя. Вотъ если бы я о живыхъ людяхъ сталъ дѣлать предположенія, и притомъ фантастичныя, это было бы уже не отрицаніе нравственныхъ принциповъ, а фактическое преступленіе противъ нравственности. Г. Иловайскій часто упоминаетъ то синодики, то опричину. На стр. 95 и 96 у меня объяснена полнѣйшая недостовѣрность синодиковъ, между прочимъ я привелъ такой фактъ: „Въ послужномъ спискѣ старыхъ бояръ сказано, что Никита Шереметевъ, князь Д. И. Оболенскій-Овчина, Юрій Ивановичъ Кашинъ, М. П. Рѣпинъ, Василій Глинскій, умерли въ 1565 году, а въ синодикѣ Кашинъ,

Шереметевъ и Рѣпинъ записаны казненными въ 1561 году“ (стр. 95). Тутъ и достовѣрность официальнаго акта отброшена. Мнимую достовѣрность синодиковъ признали, основываясь на темныхъ словахъ Вкладной книги Кириллова монастыря, что Іоаннъ далъ 900 руб. по опальнымъ людямъ, которыхъ имена вписаны въ синодидѣ. Но тутъ нѣтъ ни слова, что всѣ опальные казнены, сверху вполослѣдствіи при-сочинены надписи (см. стр. 96). Что касается до вопроса объ опричинѣ, то онъ у меня взятъ иначе, чѣмъ у другихъ изслѣдователей. У меня указано, что слово опричина отнюдь не въ первый разъ явилось на свѣтъ при Грозномъ: оприщинами, между, прочимъ назывались имѣнія вдовствующихъ великихъ княгинь. Опричиною, названною потомъ царскою отчиною, Іоаннъ отдѣлялъ царскія имѣнія отъ земскихъ, такимъ образомъ и сюда внесъ взглядъ государственный. Опричиною Іоаннъ уничтожилъ связи потомства князей Владимірова дома съ ихъ прежними удѣлами, что вполослѣдствіи старались передѣ-лать. Онъ расселилъ вотчинниковъ и помѣщиковъ изъ бывшихъ кня-жествъ въ разныя стороны, чѣмъ навсегда сокрушилъ мечты удѣльныхъ князей. Опричина въ представленіи большинства читателей отоже-ствляется съ опричниками, личною стражею царя. Вотъ что у меня сказано объ нихъ: „Опричники, взятые изъ всѣхъ слоевъ общества, при-грѣтые милостью Іоанна, конечно, дозволяли себѣ надменное и жесто-кое обращеніе со всѣмъ, что принадлежало къ земщинѣ“ (стр. 108). Но изъ-за опричниковъ не слѣдуетъ забывать важное историческое значеніе опричины (см. объ опричинѣ стр. 107—111).

Точно также г. Иловайскій безирерывно ссылается на Курбскаго, опозитивированная личность котораго представляетъ въ дѣйствитель-ности вѣчто весьма некрасивое. Бѣгство Курбскаго въ Литву при-писываютъ страху вслѣдствіе пораженія, понесеннаго имъ при Невлѣ. Въ дѣйствительности же, безъ сомнѣнія, была другая причина. Задолго до невельскаго пораженія, онъ завелъ сношенія съ литов-скими панями: Радзивиль и Воловичъ приглашали его въ Литву. Только на второй зовъ онъ поѣхалъ, когда ему даны были положи-тельныя обѣщанія, сенаторы прислали опасную грамоту и присягнули исполнить обѣщанія. Вотъ эти-то переговоры, вѣроятно, были узнаны и заставили его бѣжать. Пораженіе же подъ Невлемъ, гдѣ Курбскій, имѣя 15 тысячъ человекъ, былъ разбитъ польскимъ отрядомъ въ 5 тысячъ, было, конечно, слѣдствіемъ переговоровъ съ литовскими панями, а не причиной ихъ. Въ Литвѣ онъ получилъ богатныя маентно-сти, между прочимъ Ковельскій замокъ на ленномъ правѣ. Тогда

онъ сталъ писаться: князь Андрей Курбскій и Ярославскій. Надменностью, властолюбіемъ и жестокостью онъ нажилъ много враговъ; королевскихъ повелѣній не слушалъ и не исполнялъ, если находилъ ихъ несогласными съ своими видами. Волынскіе магнаты жаловались на него на Лвблинскомъ сеймѣ, въ 1569 г., требуя отобрать у него имѣнія. Сигизмундъ-Августъ отвѣчалъ, что имѣнія даны Курбскому по важнымъ государственнымъ соображеніямъ. Можетъ быть, г. Иловайскій и догадается, каковы были эти соображенія? Жалобы владимірскихъ жидовъ на Курбскаго свидѣтельствуютъ о его избрѣтательной жестокости. Управляющій Курбскаго, по повелѣнію послѣдняго, выжимая долгъ, посадилъ трехъ жидовъ въ яму съ водой, наполненную шивками, и мучилъ ихъ до тѣхъ поръ, пока Курбскій, по просьбѣ канцлера, не освободилъ ихъ. Исторія Іоанна, написанная Курбскимъ, полна лжи; такъ онъ говоритъ, что „17-тилѣтній царь убилъ храбраго и великороднаго стратита князя Ивана Бѣльскаго, изъ рода князятъ литовскихъ, единокольннаго королю Польскому Ягайлу“. На самомъ же дѣлѣ было такъ: кн. Иванъ Шуйскій внезапно захватилъ Ивана Бѣльскаго и сослалъ его на Бѣлоозеро. Русскій лѣтописецъ прямо говоритъ—за то, что Ивана Бѣльскаго царь держалъ въ приближеніи. Это было 3-го января 1542 г., а въ маѣ его убили боярскимъ самовольствомъ, какъ выражается лѣтописецъ. Такъ этотъ фактъ передаютъ и Карамзинъ, и всѣ историки. Курбскій говоритъ о казни какого-то Трубецкаго; но Іоаннъ держалъ въ почетѣ Трубецкихъ, какъ Гедиминовичей. Кстати сказать: ни одинъ Гедиминовичъ не былъ казненъ при Грозномъ. Понятенъ ли г. Иловайскому этотъ фактъ? Если вникнуть въ этотъ фактъ и сопоставить его съ уваженіемъ, которое Іоаннъ питалъ къ памяти Ивана Бѣльскаго, тоже Гедиминовича, и съ притязаніями Шуйскихъ, всѣми мѣрами стремившихся къ престолу, опираясь на то обстоятельство, что ихъ линия старше линии Калиты, ибо происходила отъ старшаго сына Невскаго, равно какъ и съ притязаніемъ Курбскаго на титулъ Ярославскаго,—то станетъ ясно, противъ притязаній какой части боярства боролся Грозный. Къ Шуйскимъ, Курбскимъ примыкали, по личнымъ отношеніямъ, и потомки старыхъ московскихъ боярскихъ родовъ, потерявшихъ почву.

Не нравится г. Иловайскому сравненіе Іоанна съ Петромъ; но что дѣлать! Это сравненіе принадлежитъ самому Петру. Г. же Иловайскій, противопоставляя Іоанна Петру, указываетъ на то обстоятельство, что Іоаннъ несчастливо кончилъ Ливонскую войну; но онъ не

взялъ въ расчетъ, что несчастливое окончаніе войны вызвано было страшнымъ возстаніемъ инородцевъ на Волгѣ.

Говоря во второй замѣткѣ по поводу розыска о смерти царевича Дмитрія, г. Иловайскій приписываетъ мнѣ намѣреніе облить Бориса Годунова. Если Борисъ обліяется въ моемъ изслѣдованіи, то обліяется фактами. Я же считаю постыднымъ преднамѣренно кого-нибудь обліять или чернить. Г. Иловайскій говоритъ, что Костомаровъ сдѣлалъ нѣсколько вѣскихъ замѣчаній на мои статьи „О смерти царевича Дмитрія“ (Жур. Мин. Нар. Просв., іюль и августъ 1872 года). Но, къ сожалѣнію, должно сказать, что всѣ замѣчанія покойнаго историка основаны на странной ошибкѣ: онъ написалъ мнѣ мысль, что я говорю о самоубійствѣ отрока Дмитрія. Въ самомъ же розыскѣ говорится, что царевичъ набрушился на ножъ. Откуда же я могъ взять мысль о самоубійствѣ? Всякому извѣстна разница между словами наткнуться на ножъ и заколоть себя ножомъ, или утонуть и утопиться. Замѣчанія, сдѣланныя на такомъ шаткомъ фундаментѣ, цѣны не имѣютъ. Моимъ оппонентамъ по поводу послѣдняго вопроса не худо было бы припомнить себѣ исторію съ канонизаціей Анны Кашинской, совершенною тоже при В. И. Шуйскомъ.

Но будетъ. Г. Иловайскій справедливость мнѣнній считаетъ только по мѣрѣ приближенія къ его мнѣніямъ; такъ, сдѣлавъ нѣсколько возраженій К. Н. Бестужеву-Рюмину, онъ замѣчаетъ: историческая оцѣнка Грознаго — это одинъ изъ немногихъ пунктовъ моего разногласія съ почтеннымъ К. Н. Выходитъ какъ будто у К. Н. Бестужева-Рюмина оцѣнка Грознаго — случайность, обмолвка! Хорошо почтеніе!

Г. Иловайскій не въ первый разъ выступаетъ противъ меня. Вслѣдъ за напечатаніемъ первой статьи объ историческомъ значеніи русскаго боярства, въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1886 г., въ январьской книгѣ, онъ издалъ полемическую книжку. Я ему отвѣчалъ, отвѣтъ помѣщенъ въ томъ же журналѣ, въ маѣ того же года. Объ этомъ отвѣтѣ г. Иловайскій умалчиваетъ въ послѣдней своей статейкѣ.

Но будетъ объ г. Иловайскомъ. Разъ взявшись за полемику, обрацусь къ г. Кояловичу, котораго я думалъ оставить безъ отвѣта; но, отвѣчая г. Иловайскому, оставить г. Кояловича безъ отвѣта, значитъ оскорбить послѣдняго.

Обрушился на меня г. Кояловичъ въ № 48 газеты Правда

по слѣдующему новоду. Подъ редакціей профессора Карѣева вышелъ переводъ съ польскаго „Очерка польской исторіи“ Бобржинскаго. Г. Кояловичъ увидѣлъ въ этомъ переводѣ какое-то бревно, которое профессоръ Карѣевъ подкатилъ русскому дѣлу въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ. Этотъ необычный для ученаго профессора критическій приемъ и вызвалъ мою замѣтку въ 268 № Новостей за прошлый 1888 годъ.

Для всякаго безпристрастнаго человѣка покажется удивительнымъ, какимъ образомъ „Очеркъ исторіи Польши“ на русскомъ языкѣ можетъ подкатывать бревна русскому дѣлу въ Польшѣ. Поляки, конечно, прочли книгу по польски, а для русскихъ она можетъ имѣть интересъ только научный. Если бы въ „Очеркѣ“ и встрѣтились факты, пристрастно изложенные, то та часть русскаго общества, которая читаетъ историческія книги, конечно, сумѣетъ разобрать дѣло; притомъ же и въ журналахъ явились бы разборы книги, которые, конечно, не оставили бы безъ вниманія пристрастія польскаго историка, если бы оно оказалось. Нѣтъ сомнѣнія, что крики о бревнахъ гораздо вреднѣе какой бы то ни было книги, особенно еслибы этой книгѣ не дали хода послѣ этихъ криковъ: сейчасъ бы поднялись толки, какъ мы боимся польскихъ книгъ, значитъ—въ нихъ все правда. Поворотъ въ разработкѣ польской исторіи, съ которымъ познакомилъ русскую публику г. Карѣевъ, весьма знаменательное явленіе: до послѣдняго времени поляки только чувствовали свою исторію, а чувство—плохой судья. Поляки начали нынѣ критически относиться къ своей исторіи; это направленіе встрѣтило и среди поляковъ сильное противодѣйствіе, ибо оно грозитъ положить конецъ мечтамъ, замѣнивъ ихъ холоднымъ разсужденіемъ. Г. Кояловичъ и въ этомъ направленіи узрѣлъ лукавство и усиливался уже на самомъ дѣлѣ подкатить этому направленію бревно. Благоразумно ли это, можно видѣть изъ того факта, что новая школа польскихъ историковъ перестаетъ винить Екатерину II въ раздѣлахъ Польши, а винить самихъ поляковъ. Это важный шагъ, не повятый г. Кояловичемъ. Разсужденіе—лучшее лѣкарство отъ увлеченій, и ему-то ставятъ препятствія вслѣдствіе фанатическаго увлеченія одностороннею идеей. Вотъ эта сторона дѣла и заставила меня написать замѣтку, подъ заглавіемъ „Удивительная полемика“ (Новости 1888 г., № 268). Самое заглавіе даетъ понять, что главная цѣль замѣтки не книга Бобржинскаго, не переводъ г. Карѣева, а полемическіе приемы г. Кояловича. А г. Кояловичъ далъ такой оборотъ дѣлу, какъ будто я только защищаю названную книгу, хотя я даже заявилъ, что книги Бобржинскаго

не читалъ, а только просмотрѣлъ, особенно то мѣсто, гдѣ говорится о соединеніи Литвы и Польши при Ягайлѣ, ибо г. Кояловичъ видѣлъ въ книгѣ Бобржинскаго проповѣдь ягеллоновской идеи. Увы, я этой проповѣди не нашелъ, а нашелъ сознаніе, что Польша добивалась соединенія съ Литвою для спасенія себя отъ тевтонства. Но чтобы придать дѣлу видъ, что я защищаю Бобржинскаго, г. Кояловичъ какъ бы удивляется, что я добродушно заявилъ, что книги Бобржинскаго не читалъ. Какъ бы забывъ заглавіе моей замѣтки, г. Кояловичъ говорить: „Вѣдь онъ и статью эту сталъ писать, чтобы рѣшить споръ о качествѣ этого произведенія“. Нельзя сказать, чтобы это было добродушіе со стороны моего критика.

Выписки, которыя г. Кояловичъ дѣлаетъ изъ моего труда объ историческомъ значеніи русскаго боярства, а равно и изъ замѣтки „Удивительная полемика“, своею манерою поразительно схожи съ выписками г. Иловайскаго. Вотъ для примѣра эти выписки и толкованія. Г. Кояловичъ говорить, будто у меня написано: „Русская исторія подъ перомъ Карамзина и его школы явилась въ формѣ исторіи чисто восточнаго, азіатскаго народа“. Г. Кояловичъ ставитъ точку, гдѣ у меня запятая, и пропускаетъ конецъ предложенія: „исторіей безъ всякаго измѣненія внутренняго строя общественнаго быта“. Безъ этого окончанія мысль моя не только затуманена, а просто искажена: Карамзинъ дѣйствительно сосредоточилъ свое вниманіе преимущественно на территоріальныхъ измѣненіяхъ. Притомъ же эта выдержка даетъ невѣрное понятіе и объ отношеніи моемъ къ великому труду Карамзина. Вотъ что у меня сказано о Карамзинѣ въ другомъ мѣстѣ моего труда: „Онъ вывелъ изъ хаотическаго состоянія русскую исторію, привелъ въ стройный порядокъ массу сырого матеріала и громадностью своихъ примѣчаній завѣщалъ потомству цѣлый архивъ свѣдѣній о Россіи. Но недостатковъ трудовъ предшественниковъ помѣшалъ ему глубже взглянуть на ходъ русской исторіи, однако только на плечахъ Карамзина можно было идти далѣе“

Но есть у г. Кояловича выраженіе еще лучше: „Выводится и ставится на высокій пьедесталъ разившійся у западно-европейцевъ русскій боярскій человѣкъ, видный дѣятель самозваннической смуты Болотниковъ“. Изъ этихъ словъ читатель можетъ подумать, что я ставлю на какой-то пьедесталъ Болотникова, какъ предводителя мятежной черни, какъ предшественника Разина, Пугачева. Вотъ что у меня сказано о Болотниковѣ: „Наши историки не замѣтили одной существенной черты въ характерѣ этого человѣка—искренняго и глу-

бокаго убѣжденія, что онъ сражается за сына Іоанна“. (Въ Литвѣ Молчановъ или кто-то другой, въ точности не извѣстно, разыгралъ передъ нимъ роль царя). „Болотниковъ далъ клятву служить мнимому Димитрію и не измѣнялъ этой клятвѣ въ такое время, когда знатные люди по очереди измѣняли Борису, Лжедмитрію, Шуйскому и перебѣгали изъ лагеря въ лагерь. Не Болотникова вина, что онъ не зналъ московскихъ событій и, вмѣсто живого человѣка, служилъ призраку, имени, съ которымъ связано было много завѣтныхъ крестьянскихъ думъ“ (стр. 151). Далѣе: „Шуйскій звалъ его къ себѣ, но Болотниковъ отвѣчалъ: я далъ душу свою Димитрію и сдержу клятву, буду въ Москвѣ не измѣнникомъ, а побѣдителемъ“. Изъ историковъ нашихъ только С. М. Соловьевъ высказалъ предположеніе, что Болотниковъ былъ обманутъ, что онъ искренно вѣрилъ въ Димитрія, то-есть, считалъ его живымъ. Въ военныхъ же талантахъ и Карамзинъ не отказываетъ ему. Прочтите у Карамзина защиту Калуги Болотниковымъ.

Г. Кояловичъ обвиняетъ меня, что я бралъ у Костомарова заряды для пораженія русскаго боярства. Гдѣ Костомаровъ, особенно въ эпоху Грознаго, поражалъ русское боярство, это знаетъ только одинъ г. Кояловичъ. На стр. 58 моего труда г. Кояловичъ могъ бы видѣть, какъ расходятся мои взгляды со взглядами г. Костомарова на всѣ дѣла Грознаго (цитую страницы по отдѣльному изданію; считаю нужнымъ это сказать, ибо г. Кояловичъ цитуетъ страницы моего труда по Журн. Мин. Нар. Пр., но это все равно, ибо въ отдѣльномъ изданіи перемѣнъ нѣтъ). Кстати, для читателей моей отвѣдки гг. Иловайскому и Кояловичу, укажу на мою статью „Казань“ въ Энциклопедіи военныхъ и морскихъ наукъ, т. IV, вып. 1, въ которой, смѣю надѣяться, радикально опровергнута клевета на Грознаго въ трусости подъ Казанью, и показано, какъ Іоаннъ остановилъ бѣгущихъ.

Еще два курьёза по поводу замѣтки „Удивительная полемика“.

У меня было сказано: „Въ характерѣ каждаго народа должно отличать тѣ черты, которыя составляютъ его сущность, черты, можетъ быть, выработанныя въ ту отдаленную пору, когда формировались племена, не стѣсняемыя предвзятыми понятіями,—отъ тѣхъ качествъ, которыя были результатомъ чисто случайныхъ обстоятельствъ, иногда очень тяжелыхъ“.

„Все это“, восклицаетъ г. Кояловичъ, — „можетъ быть, и прекрасно; можетъ быть, даже г. Евгенийъ Бѣловъ откопалъ гдѣ-либо и имѣетъ передъ глазами экземпляръ такого красавца — первобытнаго

человѣка, что совершенно ясно усматриваетъ черты его склада ума, способна обезпечить написаніе наилучшей исторіи; но бѣда въ томъ, что иные не имѣютъ передъ глазами этого красавца⁴ и прочее.

Вѣроятно, все это вѣжется г. Кояловичу очень забавнымъ и остроумнымъ; но неужели г. профессоръ русской исторіи не слыжалъ, что пѣсни, сказки русскаго народа, его повѣрья—драгоценный матеріалъ для изученія его типа въ доисторическую эпоху, хотя въ нихъ встрѣчаются и позднѣйшія наслоенія? А норманскіе викинги развѣ не типичные представители скандинавскихъ народовъ, не поясняютъ ихъ настоящаго характера?

Другой курьезъ, это увѣренность г. Кояловича, что Чаадаевъ былъ ученикомъ Де-Местра! Это такая же правда, какъ изобрѣтенный имъ походъ Генриха Птицелова въ Италію.

За симъ, возвращая г. Кояловичу продукты его остроумія—сравненіе меня съ Шехеразадою и измышленныя имъ хлопушки, скажу ему на прощанье, что не всякому званію прилично шутить публично серьезными вещами.

Евгеній Бѣловъ.

По поводу рецензій А. Н. Щукарева.

Въ февральской книжкѣ Журнала Мин. Нар. Пр. за нынѣшній годъ А. Н. Щукаревъ почтилъ 2-е изданіе 1-й части моего „Очерка греческихъ древностей“ пространною рецензійей, весьма для меня лестною и изобилующею дѣльными и цѣнными замѣчаніями, за которыя авторъ можетъ быть только благодаренъ рецензенту. Если я берусь за перо по поводу этой рецензійи, то дѣлаю это не съ цѣлью возражать противъ замѣчаній г. рецензента, а для того, чтобы выяснить взгляды, которыми я руководствовался при составленіи и переработкѣ книжки, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ г. рецензентъ смотритъ на нее, мнѣ кажется, не совсѣмъ такъ, какъ бы слѣдовало. Дѣло въ томъ, что первоначально мой „Очеркъ“ предназначался только для гимназистовъ старшихъ классовъ (и семинаристовъ) въ качествѣ пособія для усвоенія классныхъ объясненій преподавателей, а также и справочной книги при самостоятельномъ чтеніи древнихъ авторовъ (см. предисловіе къ 1-му изданію). Въ предисловіи ко 2-му изданію я выразилъ надежду, что „Очеркъ“, послѣ внесенныхъ въ него измѣненій и дополненій, „не измѣняя своей главной цѣли, часть сслыи, отд. 2.

можетъ быть пригоденъ и для студентовъ филологовъ, если не въ качествѣ пособія, то въ качествѣ конспекта при слушаніи университетскаго курса древностей или изученіи ихъ по иностраннымъ руководствамъ¹⁾. Мнѣ кажется, что въ приведенныхъ строкахъ назначеніе моей книги указано совершенно ясно. Однако г. рецензентъ разсматриваетъ ее преимущественно съ точки зрѣнія требованій, которыя могутъ быть предъявлены къ учебному руководству для студентовъ филологовъ¹⁾, и находитъ въ ней не мало недостатковъ: одно оказывается излишнимъ, другое представляется изложеннымъ не съ достаточною точностью, кое-гдѣ изложеніе „страдаетъ отсутствіемъ критическаго разбора различныхъ мнѣній“ и является чересчуръ догматическимъ и т. д. Вотъ по поводу этихъ-то требованій г. рецензента я и хочу сказать нѣсколько словъ. Если г. рецензентъ говорить, что мой „Очеркъ“, какъ „единственный учебникъ древностей на русскомъ языкѣ, и притомъ не переводъ и не компиляцію“, можно „разсматривать, какъ въ нѣкоторомъ смыслѣ общее благо, и потому общими силами радѣть объ его возможномъ усовершенствованіи въ будущихъ изданіяхъ“, то, мнѣ кжется, голосъ автора, обязаннаго строго обдумывать выборъ матеріала и взвѣшивать каждую фразу прежде, чѣмъ внести ее въ книгу, можетъ и долженъ быть прежде всего принимаемъ въ расчетъ при такихъ работахъ объ усовершенствованіи книги. Итакъ, обратимся къ desiderata многоуважаемаго рецензента.

Прежде всего г. Щукаревъ возстаетъ противъ даннаго мною въ

---

¹⁾ Ср., напримѣръ, стр. 416—417: „Хотѣлось бы побольше ссылокъ, потому что за ними, и только за ними, при настоящемъ положеніи дѣла приходится по неволѣ обращаться къ нѣмецкимъ учебникамъ, пользуясь книгою г. Латышева. Что касается самаго текста, то онъ волюнѣ достаточноенъ для приготовленія къ государственному экзамену“. На стр. 422 г. Щукаревъ желаетъ мнѣ „поскорѣе дожидаться необходимости выпустить „Очеркъ“ третьимъ изданіемъ и въ этомъ изданіи, по возможности, уже позабытъ о гимназистахъ старшихъ классовъ, а имѣть въ виду только начинающихъ филологовъ, которымъ теперь такой учебникъ дѣйствительно необходимъ въ виду обязательнаго экзамена по древностямъ“. Считаю долгомъ заранее предупредить г. рецензента, что его желаніе врядъ ли будетъ исполнено: возвратившись въ прошломъ году, послѣ семилѣтняго перерыва, къ преподавательской дѣятельности въ гимназіи, я снова убѣдился въ необходимости для учениковъ старшихъ классовъ пособій для изученія разныхъ сторонъ жизни древнихъ народовъ и, разъ давъ имъ одно изъ такихъ пособій, какъ кажется, не совсѣмъ непригодное, не вижу причины снова отнимать его и отдавать въ безраздѣльное владѣніе студентамъ-филологамъ.

самомъ началѣ книги опредѣленія древностей, не понимая, „какъ исторія, обнимающая собою всю жизнь народа, можетъ фигурировать на одномъ планѣ съ философiей, литературой, географiей, и какъ потому древности въ какомъ-то болѣе тѣсномъ смыслѣ уже будутъ составлять часть исторiи, той исторiи, которая только-что, стоя рядомъ съ частными дисциплинами, составляла часть древностей“. Здѣсь все дѣло заключается въ томъ, что я, пригибнаясь къ пониманiю своихъ юныхъ читателей—гимназистовъ, знакомыхъ только въ краткихъ чертахъ съ политической исторiей древнихъ и новыхъ народовъ, разумѣлъ исторiю въ этомъ узкомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ „народнаго самосознанiя“.

Далѣе г. рецензентъ находитъ излишними данныя въ моей книгѣ географическіе обзоры: а) Еллады и б) важнѣйшихъ греческихъ колонiй. Я прекрасно знаю, что такіе обзоры обыкновенно не даются въ учебникахъ государственныхъ древностей, и, еслибы писалъ университетское руководство, то вѣроятно не внесъ бы ихъ въ книгу. Но, составляя пособіе для гимназистовъ, я счелъ нелишнимъ дать эти обзоры на основанiи слѣдующихъ соображенiй. Въ нашихъ гимназiяхъ курсъ исторiи древняго міра проходитъ въ V классѣ и притомъ въ довольно краткомъ видѣ отчасти по недостатку времени (при 2 урокахъ въ недѣлю), а отчасти потому, что болѣе подробный курсъ былъ бы и затруднителенъ для 14—15-лѣтнихъ мальчиковъ; затѣмъ этотъ курсъ повторяется съ нѣкоторыми дополненiями въ VIII классѣ. Такимъ образомъ ученики VI и VII классовъ при чтенiи древнихъ авторовъ остаются съ тѣми свѣдѣнiями изъ древней исторiи и географiи, которыя получили въ V классѣ; легко можетъ статься, что съ теченiемъ времени ясность представленiя о географическомъ положенiи Еллады, устройствѣ ея поверхности и пр. нѣсколько пострадаетъ у нихъ, равно какъ и въ номенклатурѣ древнихъ названiй областей, острововъ, городовъ, рѣкъ и пр. могутъ образоваться пробѣлы, а между тѣмъ такихъ названiй встрѣчается очень много какъ въ первой части моей книги, такъ и во второй, которая въ настоящее время оканчивается печатанiемъ. Встрѣчая забытыя (или и совсѣмъ не попадавшiяся раньше) имена при чтенiи „Очерка“, юный читатель или принужденъ былъ бы обращаться за справками къ своему учебнику исторiи (который не у всякаго ученика VI—VII класса можетъ остаться подъ руками), или пропускать ихъ безъ вниманiя. Чтобъ избавить читателей отъ необходимости тратить время на такія справки, я и счелъ нужнымъ внести въ мою книгу краткiй обзоръ географiи

Еллады. Въ томъ, что онъ не даетъ ничего новаго читателю, основательно съ нею знакомому, я не вижу никакой бѣды,—такой читатель и не будетъ къ нему обращаться. Что же касается до обзора важнѣйшихъ колоній, то онъ казался мнѣ тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ употребительныхъ у насъ учебникахъ исторіи (гг. Иловайскаго, Гуревича, Белларминова и др.) онъ дается въ гораздо болѣе узкихъ размѣрахъ, такъ что гимназистъ, встрѣчая въ моей книгѣ какое-либо неизвѣстное ему названіе колоніи, могъ бы быть совсѣмъ лишенъ возможности узнать, гдѣ она находилась или кѣмъ и когда основана. При этомъ я вовсе не имѣлъ въ виду разсматривать ихъ государственныя устройства по причинѣ, вполне вѣрно понятой г. рецензентомъ (см. стр. 415 вверху). Я хотѣлъ только по примѣру К. Ф. Германа (*Staatsalterth.*⁵, §§ 76—86) указать, гдѣ стояла каждая изъ важнѣйшихъ колоній, и чѣмъ она замѣчательна въ исторіи; упоминанія о важнѣйшихъ культахъ и храмахъ нѣкоторыхъ колоній я вставлялъ при этомъ въ тѣхъ видахъ, что во 2-й части „Очерка“ мнѣ предстояло говорить о нихъ подробнѣе и предварительное ознакомленіе съ ними казалось излишнимъ. Съ такою же точно цѣлью я далъ въ своей книгѣ географическій очеркъ Аттики и обзоръ топографіи Аеинъ. Съ точки зрѣнія г. Щукарева они также должны были казаться излишними, а между тѣмъ онъ не говоритъ объ этомъ ни слова и даже отмѣчаетъ нѣсколько мелкихъ неточностей ¹⁾ съ цѣлью способствовать улучшенію этихъ отдѣловъ въ будущихъ изданіяхъ. Чѣмъ объяснить такую непослѣдовательность, не знаю ²⁾.

Что касается до „отсутствія критическаго обзора различныхъ мнѣній“, то г. рецензентъ совершенно вѣрно предположилъ, что оно является слѣдствіемъ назначенія учебника для гимназистовъ; г. Щукаревъ называетъ это назначеніе „первоначальнымъ“, но я повторяю, что оно осталось главнымъ и во 2-мъ изданіи. Едва ли самъ г. рецензентъ будетъ спорить съ тѣмъ, что учебникъ, предназначенный

¹⁾ Я могъ бы сказать нѣсколько словъ и по поводу этихъ замѣчаній; но боюсь, что моя замѣтка приметъ слишкомъ широкіе размѣры.

²⁾ Кстати замѣчу здѣсь, что анонимный рецензентъ въ *Русской Мысли* (августъ 1888 г., стр. 400) въ заключеніи своего лестнаго отзыва о моей книгѣ упрекаетъ меня въ томъ, что я не счелъ нужнымъ снабдить ее картами, которыя были бы далеко не лишніи для читателей, не имѣющихъ историческаго атласа. Сопоставляя этотъ упрекъ съ только-что разсмотрѣннымъ замѣчаніемъ г. Щукарева, по неволѣ вспомнишь лишній разъ вѣчную истину, что *πᾶσιν ἀδείν χαλεπόν*.

для перваго ознакомленія съ предметомъ, долженъ давать только болѣе или менѣе твердо установленные факты, общепризнанныя теоріи или прочно обоснованные взгляды, а не личныя мнѣнія отдѣльных ученыхъ, хотя бы и авторитетныхъ. Поэтому-то я не внесъ ни „соблазнительнаго по своей ясности“ примиренія противорѣчій между Эуclidомъ и Ксенофонтомъ, предложеннаго Бузольтомъ, ни „въ высшей степени оригинальнаго, хотя и страннаго“ взгляда Дункера на Перикла и Ефѣальта, ни даже предложеннаго Кёлеромъ объясненія монетной реформы Солона ¹⁾. Если я иногда и позволялъ себѣ приводить личные взгляды (напримѣръ, на стр. 142 взглядъ Ланге на ефетовъ и совѣтъ до Солона, на стр. 243 взглядъ Фрэнкеля на гелію), то только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти взгляды оказывали сильное вліяніе въ наукѣ и раздѣлялись если не всѣми, то большинствомъ послѣдующихъ ученыхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ г. Щукаревъ, находя желательнымъ измѣненіе моего изложенія, не предлагаетъ взамѣнъ ничего кромѣ шаткихъ предположеній; таковы, напримѣръ, его замѣчанія о распредѣленіи демовъ по филамъ ²⁾, объ ефебіи и пр.

Самый крупный, по мнѣнію г. Щукарева, недостатокъ моего учебника, „подлежащій непремѣнному устраненію въ слѣдующемъ его изданіи“, состоитъ въ томъ, что я при изложеніи государственнаго устройства Крита не пользовался знаменитымъ Гортинскимъ кодексомъ. Это упущеніе тѣмъ болѣе непонятно г. рецензенту, что

¹⁾ Г. Щукаревъ вполнѣ увѣренно говоритъ, что послѣ объясненія Кёлера другое мнѣніе объ этой реформѣ не возможно. Но кто можетъ поручиться, что Кёлеръ дѣйствительно проникъ, такъ сказать, въ самую душу Солона, и что у великаго законодателя не было никакой другой цѣли, кромѣ указанной Кёлеромъ?

²⁾ Замѣтимъ кстати, что у меня вовсе не сказано, чтобы дѣмы каждой филы лежали *непрямью* разбросанно. Здѣсь же отмѣтимъ еще одинъ случай, гдѣ г. рецензентъ, быть можетъ невольно, вводитъ на меня напраслину, указывая крупную историческую ошибку тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ. На стр. 419 онъ говоритъ: „Птолемаида была введена, вѣроятно, вскорѣ послѣ освобожденія отъ македонскаго гарнизона, послѣдовавшаго послѣ смерти Димитрія II (а не Антигона Говаты, какъ говоритъ г. Латышевъ на стр. 190) въ 229 году“. Между тѣмъ я, говоря объ Антигонѣ, сказалъ, что онъ „гарнизоны оставилъ вездѣ кромѣ Мусея, и только спусти нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти начальникъ гарнизоновъ Диогенъ сдалъ аоніянцамъ занятыя укрѣпленія (229 г.)“. Значитъ, все дѣло въ томъ, что я, раньше не встрѣтивъ надобности упоминать Димитрія II, и въ данномъ мѣстѣ не вставилъ его имени, но изъ этого не слѣдуетъ, что я отнесъ смерть Антигона къ 229 г., какъ можетъ подумать всякій, прочитавъ сразу г. Щукарева.

въ библиографическомъ примѣчаніи я упоминаю всѣ главныя обработки кодекса и тѣмъ доказываю свое знакомство съ нимъ (впрочемъ, и безъ этого доказательства г. Шукаревъ, конечно, ни на минуту не усомнился бы въ томъ, что этотъ перлъ греческой эпиграфики хорошо знакомъ лицу, специально ею занимающемуся). Признаюсь, что при обработкѣ отдѣла о Критѣ для втораго изданія я много думалъ надъ вопросомъ, какъ воспользоваться данными этого кодекса, и въ концѣ концовъ рѣшилъ оставить этотъ отдѣлъ почти въ томъ же видѣ, какой онъ имѣлъ въ первомъ изданіи. Дѣло въ томъ, что для ознакомленія съ важнѣйшими, существеннѣйшими чертами устройства критскихъ городовъ (напримѣръ, съ властію космовъ, совѣта и народнаго собранія, общественнымъ воспитаніемъ и т. п.), изложенными у меня въ сжатомъ очеркѣ, Гортинскій кодексъ не даетъ почти ничего новаго, а подробное изложеніе тѣхъ постановленій частнаго права, которыя въ немъ заключаются, чрезчуръ расширило бы рамки отдѣла о Критѣ и нарушило бы равновѣсіе книги, тѣмъ болѣе, что даже при обобраніи государственнаго устройства Афинъ и Спарты я не удѣлялъ много мѣста гражданскому праву.

Г. рецензентъ нѣсколько разъ касается прибавленныхъ во 2-мъ изданіи библиографическихъ указателей, цѣль которыхъ прямо и ясно указана мною въ предисловіи. По поводу относящихся сюда замѣчаній также позволю себѣ сказать нѣсколько словъ. Если г. Шукаревъ находитъ, что въ первомъ указателѣ (стр. 3) слѣдовало прибавить *Delectus Кауера*, то я не знаю, чѣмъ объяснить предпочтеніе, оказанное этому сборнику предъ сборниками Коллица и К°, Ньютона, Гикса, Кайбеля, Ларфельда, Леви и мн. др., которые у меня тоже не названы, конечно не потому, что были имъ не извѣстны, а потому, что я считалъ нужнымъ указать только самые большіе сборники, на которые чаще всего приходится встрѣчать ссылки въ руководствахъ по древностямъ или такіе, которые изданы именно въ качествѣ подручныхъ пособій при изученіи исторіи и древностей, какъ *Sylloge* Диттенбергера, тогда какъ сборникъ Кауера представляетъ собою пособіе для изученія діалектологіи. Далѣе г. Шукаревъ пишетъ, что начинающій филологъ врядъ ли разберется въ указателѣ къ главѣ о бытѣ героическаго періода, такъ какъ самая важная, новая и интересная книга стоитъ въ концѣ указателя, а книги совершенно устарѣвшія или сухія и неудобочитаемыя поставлены выше. То же самое замѣчаніе г. рецензентъ могъ бы сдѣлать и относительно другихъ указателей, въ которыхъ сгруппированно по нѣсколькѣ сочиненій: „устарѣвшія вещи“

вездѣ поставлены у меня выше новыхъ по той простой причинѣ, что я, слѣдуя примѣру Бувольта, размѣщала книги не по достоинству ихъ, а въ хронологическомъ порядкѣ появленія ихъ въ свѣтъ. У меня была мысль размѣщать книги по достоинству и давать краткую оцѣнку каждой, но потомъ пришлось отказаться отъ этой мысли въ виду того, что характеризовать цѣлое сочиненіе въ двухъ-трехъ словахъ было бы очень трудно и часто даже не возможно, а при болѣе подробной оцѣнкѣ указатели разрослись бы до слишкомъ широкихъ размѣровъ. Отступленія отъ этого плана указателей встрѣчаются лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и всегда обуславливаются тѣми или другими причинами. Что касается до указателя на стр. 136, то „Karten von Attika“ прусскаго генеральнаго штаба не отмѣчены въ немъ дѣйствительно по недосмотру, а статья Мильхгёфера („Antikenbericht aus Attika“) — потому, что для пользованія ими необходимо предварительное обширное знакомство съ топографіей и эпиграфикой Аттики, такъ что, имѣя большую важность для спеціалиста, онѣ рѣшительно не пригодны для начинающаго филолога. Я вообще избѣгалъ указаній на монографіи и статьи черезчуръ спеціальнаго характера, и „пропусковъ“, подобныхъ этому, не мало можно было бы отмѣтить въ разныхъ мѣстахъ моей книги.

Внимательно разсмотрѣвъ, страница за страницей, всю мою книгу, многоуважаемый рецензентъ дѣлаетъ еще три заключительныхъ замѣчанія. Одного изъ нихъ, именно пожеланія, чтобы я въ слѣдующемъ изданіи „Очерка“ по возможности позабылъ уже о гимназистахъ старшихъ классовъ и имѣлъ въ виду только начинающихъ филологовъ, мнѣ уже случилось коснуться выше, другаго (о моей мнимой любви къ эпитетамъ) не стану оспаривать потому, что оно представляется мнѣ чисто субъективнымъ (*de gustibus non disputandum*), но на третьемъ не могу не остановиться. Г. Щукаревъ отмѣчаетъ, что я „въ новомъ изданіи рѣшительно сталъ на сторону эразмовскаго произношенія въ транскрипціи греческихъ собственныхъ именъ“, и находитъ, что мнѣ „слѣдовало бы объяснить въ предисловіи, почему я избралъ и провожу такъ твердо эту чуждую намъ транскрипцію“. Признаюсь, я совершенно не ждалъ такого упрека и нахожу его очень страннымъ. Правда, что многіе русскіе ученые (преимущественно петербургской школы) придерживаются рейхлиновскаго произношенія въ транскрипціи собственныхъ именъ, находя его болѣе соответствующимъ духу русскаго языка и допускающимъ возможность болѣе послѣдовательности при передачѣ греческихъ

именъ, такъ какъ многія изъ нихъ приобрѣли у насъ полное право гражданства именно въ этой транскрипціи, и я самъ провожу ее въ своихъ научныхъ трудахъ; но есть среди ученыхъ не мало и приверженцевъ произношенія эразмовскаго (укажемъ въ видѣ примѣра на Ѡ. Г. Миценка, которому г. Щукаревъ въ своей рецензиіи на переводъ Геродота почему-то не сдѣлалъ такого упрека, какой обращаетъ ко мнѣ), не говоря уже о литературѣ учебной или нефилологической, въ которой оно пользуется рѣшительнымъ преобладаніемъ. Въ виду этого едва ли можно признать за рецензентомъ право называть эразмовскую транскрипцію „чуждою намъ“ и требовать отъ меня оговорки въ томъ, что я ей слѣдовалъ въ учебникѣ. Оговорка нужна была бы въ такомъ только случаѣ, еслибы я вводилъ нѣчто новое, необычное въ учебной литературѣ. Съ моей стороны здѣсь не было никакой измѣны Рейхлину, никакого перехода на сторону эразмовскаго произношенія, такъ какъ эта транскрипція была принята уже въ 1-мъ изданіи „Очерка“, предшествовавшемъ всѣмъ другимъ моимъ научнымъ работамъ. Причина, почему я избралъ тогда именно это произношеніе, очень просто объясняется назначеніемъ моей книги служить пособіемъ для гимназистовъ: въ нашихъ гимназіяхъ и университетахъ теперь вездѣ царитъ эразмовское произношеніе, и весьма легко можетъ статься, что нѣкоторые гимназисты и не слыхивали о рейхлиновскомъ; такимъ читателямъ формы въ родѣ „Иродотъ“, „Омиръ“, „Авдиры“, „Врились“ и т. п. показались бы очень странными и могли бы быть приняты просто за опечатки; поэтому-то я, стараясь, чтобы въ книгѣ не было формъ черезчуръ непривычныхъ для глаза и уха читателей, писалъ большинство именъ по эразмовскому произношенію, оставляя въ рейхлиновской формѣ только тѣ, которыя, такъ сказать, обрусѣли въ ней (Аѳины, Оивы, Димитрій и т. п.). Другое дѣло научная работа: тамъ можно, не стѣсняясь подобными соображеніями, выбирать любую транскрипцію и послѣдовательно проводить ее.

Вотъ чтó я счелъ не лишнимъ высказать по поводу отдѣльных замѣчавій многоуважаемаго рецензента. То обстоятельство, что я не могъ съ нимъ согласиться по всѣмъ пунктамъ, конечно, ни сколько не умаляетъ во мнѣ чувства благодарности за лестную и безпристрастную оцѣнку моего скромнаго труда и за многія цѣнныя указанія, которыми я не премину воспользоваться при слѣдующемъ изданіи книги, если таковое потребуется.

В. Латышевъ.

БЛИЖНЯЯ НОВОСТИ.

Антропология. Э. Ю. Петри. Выпускъ I. С.-Пб. — Г. Петри не захотѣлъ усвоить за своимъ трудомъ то драгоценное право, которое, по мнѣнію Абель Ремюза, принадлежитъ всякому научному сочиненію, право быть скучнымъ. Онъ желалъ придать своей книгѣ и литературный характеръ; поэтому и критика можетъ отнестись къ нему двояко — какъ къ ученому и какъ къ писателю. Сначала нѣсколько словъ о писателѣ. Г. Петри очень любитъ эпитеты, долженствующіе характеризовать предметъ, напримѣръ: „Но эти ничтожные остатки получаютъ дивную жизнь при магическомъ прикосновеніи науки. Они слабаются, они сдѣлаются въ странныя картины“ и пр. (стр. 30). Этотъ однообразный приемъ становится особенно неприятенъ, когда онъ примѣняется къ ученымъ; всякаго ученаго г. Петри характеризуетъ однимъ или двумя эпитетами. Бэконъ оказывается „смѣлымъ и сильнымъ“ (стр. 13,—почему же однако сильнымъ?), Спиноза—„симпатичнымъ и скромнымъ рационалистомъ“ (стр. 15), Бюффонъ—„талантливымъ ученымъ и блестящимъ стилистомъ“. Вѣдь въ сущности говоря, всѣ эти эпитеты можно перемѣстять: Бэкона назвать талантливымъ ученымъ, Спинозу—блестящимъ стилистомъ и т. д., и выйдетъ также хорошо. Этотъ приемъ придаетъ рѣчи нѣкоторую высокопарность, а вишетъ съ тѣмъ возрастаетъ и наша требовательность. Если въ высокопарной рѣчи встрѣчается ошибка, она производитъ комическій эффектъ, напримѣръ, если говорить: „Для гордаго и великаго зданія современной антропологии требовалось снести немало камней“ (стр. 2), то эта ошибка напоминаетъ извѣстную оплошность въ одномъ изъ изданій Гетева „Фауста“, гдѣ въ „König in Thule“, напечатано:

Die Augen gingen ihm über—
So oft trank er daraus,

вмѣсто so oft er trank daraus. На той же второй страницѣ спрашивается о человѣкѣ, что онъ такое, хотя антропологии извѣстно, что онъ — живое существо, и слѣдовательно, о немъ ужъ нечего спрашивать, кто онъ такой. Впрочемъ нужно сказать, что слогъ г. Петри становится на послѣдующихъ страницахъ лучше, и нужно ему пожелать только большей простоты; недурно также избѣгать выраженій въ родѣ „географическаго застоя“ (стр. 19) ¹⁾. Перейдемъ къ г. Петри какъ ученому. Мы привыкли въ началѣ изложенія какой-либо науки требовать опредѣленія предмета; это не пустое требованіе, и особенно важно оно въ такомъ предметѣ, какъ антропология, которая называется то антропологіей, то этнологіей, то народною психологіей и т. д. (стр. 33), и о которой самъ авторъ, на стр. 34, говоритъ: „Такимъ образомъ наша наука представляетъ въ настоящее время зданіе, выяснившееся въ главныхъ оормахъ своихъ“, а на стр. 36: „Многие вопросы антропологии до сихъ поръ не выяснены“. Отчего же авторъ въ первой главѣ не показалъ намъ этихъ главныхъ формъ и

¹⁾ Замѣтимъ еще, что обогатить географическую и антропологическую литературу путешествіями (хотя бы даже по сѣверу своего отечества) нельзя (стр. 24), и что выраженіе „возвращеніе вспять“ не литературно (стр. 27).

предостеречь отъ „многихъ не выяснившихся вопросовъ“? Въѣсто того онъ удовольствовался краткимъ, но неяснымъ опредѣленіемъ: „Антропология—наука о человѣкѣ; антропология—естественная исторія человѣка“. Нужно было выяснить отношеніе антропологии къ анатоміи, физиологіи, психологіи, географіи и т. п. Это трудно, но за то получилось бы въ результатѣ нѣчто опредѣленное и полезное. За этимъ простымъ опредѣленіемъ слѣдуетъ обзоръ исторіи развитія тѣхъ наукъ, изъ коихъ заимствуетъ свой матеріалъ антропология, а такъ какъ она руководствуется Мольеровымъ правиломъ: „je prends mon bien partout où je le trouve“ то въ этотъ обзоръ, написанный въ своемъ родѣ блестяще, вошло все: и метафизика, и социология, и анатомія, и исторія путешествій, даже боганика, все, кромѣ антропологии, относительно которой мы такъ и остаемся въ неведѣніи, что она такое. Вотъ что представляетъ собою первый выпускъ сочиненія г. Петри. Будемъ надѣяться, что слѣдующіе окажутся удачнѣе. (Э. Р.).

Рукописныя Евангелія кievскихъ книгохранилищъ. Исслѣдованіе языка и сравнительная характеристика текста. *Г. Крыжановскаго*. Кіевъ. — Г. Крыжановскій во второй только разъ выступаетъ со своими учеными трудами. Въ 1886 году напечатана была въ Почаевѣ его брошюра „Каменецъ-Стромилловское Тетроевангеліе 1411 года и волинское нарѣчіе въ XIV—XV вв.“ Въ настоящей же книгѣ рассматривается то же Каменецъ-Стромилловское Евангеліе и, кромѣ того, еще 13 рукописныхъ Евангелій, хранящихся въ кievскихъ книгохранилищахъ, преимущественно въ бібліотекѣ церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи. Не слѣдуетъ, однако думать, что всѣ эти Евангелія обязаны происхожденіемъ своимъ Кіеву. Изъ нихъ могли быть написаны въ Кіевѣ только три: лаврское пергаменное XIV вѣка и два бумажныя XVI вѣка, принадлежащія Кіевско-Михайловскому монастырю. Остальные 11 Евангелій писаны въ разное время въ разныхъ мѣстахъ Россіи и даже у южныхъ славянъ и только въ позднѣйшее время поступили въ церковно-археологическій музей. Разнообразіе происхожденія и характера Евангелій заставило автора коснуться всей широкой области древней письменности восточныхъ славянъ. Столь широкая задача исслѣдованія неблагопріятно отразилась на нѣкоторыхъ сторонахъ и отдѣлахъ труда автора. Не извѣстно почему, совершенно не упомянуто г. Крыжановскимъ рукописное Евангеліе Кіевско-Никольскаго монастыря, 1411 года, не смотря на то, что оно уже давно извѣстно ученому міру по „Свѣдѣніямъ и замѣткамъ“ покойнаго Изм. Ив. Срезневскаго и несомнѣнно написано въ Кіевѣ. Затѣмъ, относительно всѣхъ почти рассматриваемыхъ Евангелій авторъ весьма мало интересовался ихъ внѣшней исторіей или изътописью, то-есть, откуда оно получено и въ какой мѣстности написано или могло быть написано, пренебрегая даже тѣми данными, какія печатаются въ ежегодныхъ „Извѣстіяхъ Церковно-археологическаго Общества при Кіевской духовной академіи“ о поступающихъ въ него предметахъ и рукописяхъ. Особенно чувствуется недостатокъ изложенія и обследованія внѣшней исторіи важнѣйшаго изъ исслѣдуемыхъ Евангелій—Оршанскаго пергаменнаго, XIII вѣка. По словамъ бывшаго владѣльца этого Евангелія, оно выброшено было французами въ 1812 году, въ числѣ хлама, изъ одного изъ Оршанскихъ Кутельскихъ монастырей. А такъ какъ монастыри эти основаны только въ 30-хъ годахъ

XVII вѣка, то очевидно, — утверждаетъ г. Крыжановскій — Евангеліе писано было не здѣсь, а въ другомъ мѣстѣ. Въ ямыѣ Евангеліа авторъ замѣчаетъ сѣвернорусскія и бѣлорусскія особенности и на основаніи ихъ полагаетъ, что Евангеліе это написано въ Новгородѣ и только въ XVII вѣкѣ перенесено въ Оршу. На это прежде всего нужно замѣтить, что указываемыя авторомъ особенности и вообще лингвистическія и палеографическія признаки довольно субъективны, случайны и шатки и сами по себѣ не даютъ твердаго основанія для опредѣленныхъ выводовъ, какъ сознается въ этомъ и самъ авторъ (стр. 391). Сѣвернорусскія, точнѣе новгородско-исковскія особенности въ Оршанскомъ Евангеліи не могутъ быть признаны таковыми уже потому, что и въ Новгородѣ, и въ Псковѣ, и въ Смоленскѣ, и въ Оршѣ, жило въ древности одно и то же племя кривичей, которыми всѣмъ одинаково могли принадлежать эти указываемыя авторомъ особенности. Богѣе рѣшающее значеніе имѣютъ бѣлорусскія особенности Евангеліа, указывающія именно на бѣлорусское происхожденіе его, то-есть, такія особенности, которыя явились уже по раздѣленіи кривскаго племени на особыя вѣтви. На бѣлорусское же происхожденіе Евангеліа указываетъ и виѣшняя его исторія. Дѣйствительно, Оршанскіе Кутенскіе монастыри основаны только въ первой половинѣ XVII вѣка. Но городъ Орша становится извѣстнымъ еще съ XII вѣка и въ немъ были древнѣйшіе православные храмы Никольскій, Георгіевскій, Ильинскій и другіе, при одномъ изъ которыхъ и могло быть написано Оршанское Евангеліе и оттуда перенесено въ Оршанскій монастырь въ разгаръ уніи. Въ VIII выпускѣ „Историко-юридическихъ матеріаловъ“ г. Сазонова, издаваемыхъ въ Витебскѣ, напечатанъ протестъ уніатскаго епископа Антонія Селямъ. 1627 года, противъ построенія православнаго мужскаго Оршанскаго Кутенскаго монастыря и противъ отобранія изъ могилевскихъ церквей въ этотъ монастырь утвари, къ которой относятся и на престольныя Евангелія. Тѣмъ богѣе въ Оршанскій монастырь могли бытъ взяты Евангелія изъ оршанскихъ церквей, обращаемыхъ въ унію. Другой въ трудѣ г. Крыжановскаго недостатокъ состоитъ въ томъ, что авторъ не воспользовался нѣкоторыми капитальными изслѣдованіями, имѣющими прямое и непосредственное отношеніе къ его труду. Правда, г. Крыжановскій въ концѣ своей книги оговаривается, что, по независимымъ отъ него обстоятельствамъ, онъ не могъ въ послѣднее время слѣдить за филологическою наукою, и при этомъ указываетъ нѣкоторые, допущенныя имъ пробѣлы и несообразности (стр. 391 и 392), но далеко не всѣ. Такъ, на примѣръ, г. Крыжановскій неоднократно и съ уваженіемъ упоминаетъ имя профессора Воскресенскаго, какъ изслѣдователя Апостола, но, по видимому, вовсе не знаетъ о позднѣйшихъ трудахъ этого ученаго по сравнительному изученію славянскаго текста Евангелій, каковы: „Характеристическія черты главныхъ редакцій славянскаго перевода Евангеліа“ въ 1-мъ томѣ „Трудовъ VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ“, вышедшемъ еще въ 1886 году, и „Древнерусская редакція славянскаго перевода Евангеліа“ въ журналѣ Страникъ за іюнь—іюль 1888 года; а между тѣмъ эти труды должны бы лечь въ основу изслѣдованія г. Крыжановскаго. Во всякомъ случаѣ, трудъ г. Крыжановскаго доказываетъ, что онъ способенъ къ упорному и серьезному труду, приобрѣлъ уже значительную эрудицію въ обширной и все еще мало разработанной области славянорусской филологіи и подаетъ большія надежды въ будущемъ. (Н. П.)

Скоморохи на Руси. Исследование *А. С. Фаминцына*. С.-Пб. — Скоморохи, не смотря на презрительный отгѣнокъ, связанный съ этимъ прозвищемъ, имѣли широкое значеніе на Руси и въ свое время исполнили не маловажную службу для дальнѣйшаго развитія національнаго искусства. „Представителями свѣтской музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ, въ теченіе многихъ столѣтій, служили искусники или потѣшники, издавна носившіе названіе скомороховъ. Весь продолжительный періодъ исторіи свѣтской музыки въ Россіи съ XI вѣка до середины XVII столѣтія можетъ, по справедливости, быть названъ эпохою (періодомъ?) скомороховъ“. Такъ опредѣляетъ авторъ значеніе скомороховъ. Указавъ далѣе, въ своемъ вступленіи, на скоморошество, какъ на явленіе, общее всѣмъ европейскимъ народамъ въ средніе вѣка, г. Фаминцынъ говоритъ: „Откуда бы ни пришло въ Россію искусство скомороховъ, съ юга ли (изъ Византіи), или съ запада,—но уже (еще?) въ XI вѣкѣ оно оказывается привитымъ и укоренившимся въ обиходахъ народной жизни русской; съ этой поры оно можетъ быть рассматриваемо какъ явленіе, на русской почвѣ вполнѣ акклиматизировавшееся и принявшее здѣсь самостоятельное развитіе, сообразное съ мѣстными условіями и характеромъ русскаго народа. Скоморохи—древнѣйшіе представители народнаго эпоса, народной сцены, народнаго музыкальнаго искусства“. Авторъ поставилъ себѣ задачею исследовать: въ чемъ именно заключалось искусство скомороховъ, „гудцовъ“ или „игрецовъ“, рассмотреть характеръ ихъ, равносторонность потѣшной ихъ дѣятельности, отношеніе къ нимъ народа, наконецъ—гибель и замѣщеніе ихъ иными представителями музыкальнаго искусства. Эту задачу и выполняетъ онъ въ шести главахъ своего сочиненія, обосновывая свои выводы на данныхъ, тщательно и обильно извлеченныхъ изъ разнообразныхъ источниковъ—историческихъ, бытовыхъ и литературныхъ, изъ былинъ, пѣсенъ и современныхъ остатковъ тѣхъ или иныхъ проявленій былаго скоморошества. Въ 1-й главѣ авторъ устанавливаетъ понятіе: скоморохи—„веселые люди“; во 2-й главѣ широко и подробно характеризуетъ разностороннее „искусство скомороховъ“; въ главѣ 3-й рисуется особый видъ скомороховъ — „люди прохожіе, голыши, пьяницы; скоморохъ побѣждаетъ жидо-философа; скоморохи — проказники, воры, грабители“. Въ противоположность къ этому, въ главѣ 4-й выставляются на видъ „скоморохи осѣдлые“. Объ отношеніи народа къ скоморохамъ говоритъ 5-я глава: „Награжденіе скомороховъ и презрѣніе къ нимъ, какъ въ слугамъ антихристовымъ“. Въ 6-й главѣ весьма подробно и обстоятельно излагается „конецъ скоморохамъ“. Трудъ г. Фаминцына весьма интересенъ и заслуживаетъ вниманія. (Ф. И.)

Кавказскіе еврей-горцы. Илья Шеребетовича *Анисимова*. Изъ „Сборника матеріаловъ по этнографіи“, издаваемого при Дашковскомъ этнографическомъ Музеѣ. М. 1888. — Этотъ трудъ составляетъ результатъ путешествія автора въ 1886 году, по порученію Московскаго Общества любителей естествознанія, при чемъ имъ были обследованы, на протяженіи отъ Петровска до Владикавказа, округа Темиръ-хъвъ-Шурунскій, Кайтакъ-Табасаранскій и Кюринскій Дагестанской области, Шемахинскій и Кубинскій уезды Бакинской губерніи, Нухинскій уездъ и Бумское приставство Елизаветпольской губерніи, Хасавъ-Юртовскій и Грозненскій округи Терской области. Указавъ во введеніи на поверхностное и отчасти невѣрное изображеніе быта горскихъ евреевъ, сдѣланное его предшественниками („Воинствующій израиль“ г. Немировича-Данченка, и

статья Луи Чернаго, путешественника 60-х годов), авторъ даетъ обстоятельныя предварительныя свѣдѣнія объ изслѣдуемой народности и между прочимъ характеризуетъ свои работы; кромѣ внимательнаго собиранія точныхъ статистическихъ данныхъ, „я распрашивалъ“, говорить онъ, — „отдѣльно горскихъ евреевъ и мусульманъ, не существуютъ ли преданія о времени ихъ поселенія въ данномъ аулѣ, гдѣ и какіе памятники находятся въ окрестностяхъ, и записывалъ всё сообщаемыя свѣдѣнія. Потомъ я шелъ вмѣстѣ со стариками муллами и раввинами на кладбища и списывалъ надписи на древнихъ памятникахъ для того, чтобы такимъ образомъ узнать о времени поселенія мусульманъ и главнымъ образомъ евреевъ въ той или другой мѣстности. Наконецъ, вездѣ я старался также собирать старыя письменныя документы, разспрашивалъ о бытѣ, занятіяхъ, обрядахъ, обычномъ правѣ и произведеніяхъ народнаго творчества. Вездѣ смотрѣли на меня какъ на своего, съ довѣреніемъ, такъ какъ я говорилъ на мѣстныхъ языкахъ, татскомъ или такъ-называемомъ горско-еврейскомъ и татарскомъ (адербейжанскомъ), и не скрывали отъ меня никакихъ сторонъ своей жизни“ (стр. 9). О богатствѣ собранныхъ такимъ путемъ матеріаловъ можетъ свидѣтельствовать перечень содержанія четырехъ главъ, составляющихъ трудъ г. Анисимова: Глава 1-я: Объ осѣлости горскихъ евреевъ. Отношеніе другихъ горцевъ къ нимъ. Статистическія свѣдѣнія объ евреяхъ-горцахъ. Занятія горскихъ евреевъ. Религія и вѣрованія. Праздники народные и религіозныя. Образование. Училища. Раввины. Синагоги. Религіозныя обязанности женщинъ и ихъ основанія.—Глава 2-я: Типъ и характеръ. Праздность и любознательность горскихъ евреевъ. Женщина—грудница семьи. Склонности женщинъ къ сплетнямъ и дракамъ. Многоженство. Жилища и гостепримство. Пища и напитки. Одежда. Домашній бытъ горскихъ евреевъ. Бузка. Сугумъ. Обряды при рожденіи и образаніи.—Глава 3-я: Женидьба. Положеніе женщины, какъ причина различныхъ несчастій. Обряды горцевъ евреевъ при помовѣхъ дѣтей и обрученіи. Женихъ и невѣста. Приглашеніе жениха родителями невѣсты. „Гечеленъ“ (ночныя свиданія). О разводѣ. Взгляды общества на гечеленъ. „Табакъ“. Пресѣченіе пути жениху и невѣстѣ. Повѣрья. Свадьба.—Глава 4-я: Сидѣлки у большого горца-еврея. Господствующія болѣзни и способы ихъ лѣченія. Мѣстные врачи и отношеніе горцевъ-евреевъ къ медицинѣ. Причины заразительныхъ болѣзней. Похороны. Женщины-плакальщицы. Трауръ по умершимъ молодымъ и старикамъ. Дѣвушка-невѣста по смерти жениха. Повѣрья относительно явленія смерти, относительно носилокъ, могилъ и воя собакъ. Кровная месть. Суды и управленіе у городскихъ и сельскихъ жителей. Случай убійства. Справленіе поминковъ. Повѣрья о безсмертіи души и загробной жизни. Высшій верховный судъ. Троны Бога. Гелгелъ (вращеніе). Адъ. Рай.—Къ сказанному можно лишь добавить, что г. Анисимовъ самъ уроженецъ горскихъ-еврейскихъ ауловъ и многое выясняетъ и бытописуетъ на основаніи личнаго пребыванія въ изслѣдуемой средѣ во время своего дѣтства и отрочества. (Ф. И.)

Основы библиографіи по исторіи римской литературы. Пособіе для студентовъ филологовъ. Д. И. Науескаю. Казань. — Библиографія по исторіи римской литературы въ Россіи съ 1709 по 1889 годъ. Съ введеніемъ и указателями издавалъ Д. И. Науескій. Казань.—Въ виду спеціальнаго назначенія этихъ книжекъ, нельзя не признать, что онѣ, дѣйствительно, принесутъ пользу изучаю-

дому исторію римской литературы университетскому юношеству; кромѣ того, онѣ сэберегутъ не мало времени при чтеніи лекцій по этому предмету, освободивъ профессора отъ обязанности дѣлать литературу вопроса, нередко записываемую слушателями съ множествомъ ошибокъ. Въ нѣмецкой литературѣ уже давно существуетъ книга Гюбнера; Grundriss zu Vorlesungen über die römische Literaturgeschichte, выдержавшая нѣсколько изданій и принесшая большую пользу не только для начинающихъ филологовъ, но и для ученыхъ, облегчая ихъ справки. Книга г. Нагуевского распадается на два отдѣла: въ первомъ изложены указанія на общія сочиненія по исторіи римской литературы, на главные, сюда относящіеся сборники, періодическія изданія, коллекціи авторовъ и переводовъ, на литературную хронологію и библиографію и на сочиненія, относящіеся къ характеристикѣ римскаго народа и италійскихъ языковъ; второй отдѣлъ содержитъ въ себѣ библиографическія указанія, распредѣленные соотвѣтственно пяти періодамъ исторіи римской словесности. Каждому періоду и его главнымъ подраздѣленіямъ предпосланы указанія на общую литературу, а затѣмъ слѣдуютъ данныя для библиографіи отдѣльныхъ писателей, ихъ рукописей, скопій, изданій, источниковъ, критики и интерпретаціи. Въ общемъ, указанія достаточно обстоятельны и надлежаще проверены; естественно, что въ трудѣ такого рода могутъ и должны найдтись пропуски, неточности, многое помѣщено напрасно, такъ какъ не имѣетъ надлежащихъ научныхъ достоинствъ; тѣмъ не менѣе для студентовъ филологовъ книжка г. Нагуевского будетъ не бесполезна. (М. П.).

QUESTIONES SAPPHICAE. Scripsit phil. mag. *Ioannes Luniák*. Accedit corollarium criticum atque exegeticum ad Ovidianam Sapphus epistolam. Kazaniae. 1888.—Въ этой монографіи г. Луньякъ, извѣстный въ нашей ученой литературѣ нѣсколькими изслѣдованіями изъ области классической филологіи, представилъ попытку дополнить тотъ матеріалъ, которымъ до сихъ поръ располагала наука для выясненія образа и значенія Сафо. Какъ извѣстно, свѣдѣнія о личности и судьбѣ лесбосской поэтессы скудны и не лишены баснословной окраски; еще скуднѣе дошедшіе до насъ отрывки изъ ея произведеній: этимъ матеріаломъ уже давно воспользовались многочисленныя изслѣдователи, и чего-нибудь неожиданнаго и существенно важнаго извлечь изъ него, послѣ нихъ, не представляется возможности. Между тѣмъ, въ ряду произведеній Овидія есть цѣлый рядъ посланій, извѣстный подъ названіемъ „Героидъ“ и состоящій изъ любовной переписки полумножескихъ героинь съ своими возлюбленными. Новая наука большинство этихъ посланій не признаетъ за принадлежащія Овидію. Въ числѣ ихъ находится посланіе Сафо къ ея возлюбленному Фаону. Г. Луньякъ поставилъ себѣ задачу прежде всего изслѣдовать источники этого посланія и при изслѣдованіи пришелъ къ выводу о томъ, что однимъ изъ главныхъ служили для Овидія—въ принадлежности ему посланія авторъ не сомнѣвается—произведенія самой Сафо. Другимъ источникомъ посланія служила, по мнѣнію автора, біографія поэтессы, составленная какимъ-то александрійскимъ грамматикомъ, можетъ быть, Каллимахомъ. Уяснивъ вопросъ объ источникахъ Овидіева посланія, г. Луньякъ признаетъ возможнымъ разсматривать его, какъ матеріалъ для біографіи Сафо, и въ отдѣльной главѣ своей монографіи представляетъ попытку дополнить и исправить эту біографію. Дополненія и исправленія касаются отдѣльныхъ деталей изъ жизни Сафо и лицъ, къ ней близкихъ: такъ, авторъ говоритъ о Фаонѣ, о бѣг-

ствѣ его и Сафо въ Сицилію, объ имени и родинѣ Керколы, мужа Сафо, объ ихъ дочери и т. д. Въ заключеніе, г. Луньякъ представляетъ нѣсколько попытокъ изъ области критики и экзегезы по отношенію къ Овидіеву посланію. Все изслѣдованіе обнаруживаетъ въ авторѣ большую начитанность, трезвое сужденіе и ведено методически. Оно прочтется съ удовольствіемъ всѣми, кто интересуется исторіей античной лирики. (М. П.).

— Въ теченіе февраля мѣсяца въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили слѣдующія, вновь вышедшія въ свѣтъ книги:

Н. Я. Дамилевскій. Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія Славянскаго міра къ Германско-Романскому. Изданіе четвертое (Изданіе Н. Страхова). С.-Пб.

Рейнгольда Гейденштейна Записки о Московской войнѣ. Переводъ съ латинскаго. Изданіе Археографической Коммиссіи. С.-Пб.

Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе *В. Г. Дружинина*. С.-Пб.

Жизнь и труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова*. Книга вторая. С.-Пб.

С. Трубочевъ. Пушкинъ въ русской критикѣ (1820—1880). С.-Пб.

Двадцатипятилѣтіе педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній (1864—1889 гг.).

Ө. Троицкій. Забытыя и заброшенныя, но крайне необходимыя нужды нашей школы, особенно духовной. Казань.

Справочникъ по русскому правописанію. Составленъ по „Руководству“ Академіи Наукъ *В. Зелинскимъ*. Изданіе третье. М.

Опытъ исторіи развитія флоры южной части восточнаго Тянь-Шаня. Съ картою и 7-ю таблицами рисунковъ. Изслѣдованіе *А. Н. Красова* (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по общей географіи, т. XIX). С.-Пб.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Dr. *Passel Garre*. Учебникъ латинскаго синтаксиса съ приложеніемъ подбора фразъ. Приспособилъ къ курсу русскихъ гимназій *А. Головачевскій*. Варшава. 1868. Ц. 40 коп.

Небольшая книжка П. Гарре „*Hauptregeln der lateinischen Syntax*“ ользается въ Германіи значительнымъ распространеніемъ и уже выдержала 11 изданій, что, при огромной конкуренціи въ учебникахъ и пособіяхъ по древнимъ языкамъ у нѣмцевъ, служитъ ей самою краснорѣчивою рекомендаціей. Наиболюе выдающимися достоинствами труда Гарре слѣдуетъ признать строгій выборъ матеріала, ограниченный почти исключительно рѣчью Цицерона и Цезаря, систематическую почти исключительную рѣчью Цицерона и Цезаря, систематическую его группировку и сжатость и опредѣленность изложенія, сохраняющую вмѣстѣ съ тѣмъ полную ясность. Поэтому нельзя не одобрить выборъ г. Головачевского, рѣшившагося сдѣлать учебникъ Гарре доступнымъ для русской школы. Свой трудъ переводчикъ исполнилъ добросовѣстно и внимательно, такъ что онъ въ общемъ долженъ быть признанъ удовлетворительнымъ; переводчикъ не упустилъ изъ виду и особенностей русской рѣчи и, гдѣ было нужно, исправлялъ, видоизмѣнялъ и дополнялъ нѣмецкій подлинникъ, руководясь ея требованіями. Два-три замѣчанія относительно частностей: на стр. 20, прил. 3, выраженіе: *consul vitio creatus* переведено нехорошо черезъ: „избранный не смотря на неблагопріятныя предзнаменованія“; въ римскомъ авгуральномъ языкѣ *vitium* обозначало не неблагопріятныя

---

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

предназначенія, а несоблюденіе формальностей, предписывавшихся авгурскимъ ритуаломъ. На стр. 32 извѣстное выраженіе *Virgiliā: fuius Troes* безъ нужды передѣлано въ *fuius Troianī*; на стр. 27 читаемъ неловкую фразу: *Coniunctivus* будущихъ временъ заступается сослагательнымъ наклоненіемъ другихъ временъ, если предстояніе дѣйствія очевидно изъ связи рѣчи; стр. 46, фраза: *nunquam accedo quin abs te abeam doctior* я никогда не прихожу къ тебѣ безъ того, чтобы уйдти отъ тебя ученѣе; вѣроятно слѣдуетъ читать: не уйдти, и т. д.

Въ той же книжкѣ, въ видѣ приложенія, находится подборъ наиболѣе ,потребительныхъ и характерныхъ фразъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ изложеннымъ въ текстѣ правиламъ; подборъ этотъ составленъ весьма умѣло, и изученіе его принесетъ большую пользу, потому что обогатитъ учащихся большимъ запасомъ словъ и оборотовъ.

Посовіи для первоначальнаго обученія греческому языку. Курсъ третьяго класса. Составилъ А. *Присѣлковъ*, преподаватель Тифлисской гимназіи. Тифлисъ. 1888. Въ 8-ву 54 стр. Цѣна 45 коп.

Означенный трудъ представляетъ собою сборникъ фразъ и статей, раздѣленный на два полугодія. Для перваго полугодія отдѣльныя фразы, то греческія, то русскія, подведены подъ слѣдующія грамматическія категоріи: I) Единственное число именъ 2-го склоненія; II) Множественное и двойственное число именъ 2-го склоненія; III) и IV) Первое склоненіе; V) и VI) Третье склоненіе; VII) *Encliticae*. Прирощеніе. Личныя мѣстоименія. VIII) и IX) Образованіе аориста перваго дѣйств. залога; X) Окончанія средняго залога. *Verba contracta*. Temp. historic. medii et passivi. Activ. verba contracta на *έω*; Med. et pass. verba contracta на *άω*; Aorist. verba на *έω* и *άω*. Во главѣ почти каждаго отдѣла помѣщено по одной изъ болѣе краткихъ басенъ Эзопа, изъ словъ и формъ которой составлены слѣдующія за нею русскія и греческія фразы. Для втораго полугодія сборникъ (на 14 страницахъ) содержитъ въ себѣ 10 греческихъ отрывковъ изъ Анабазиса Ксенофонта и 14 русскихъ метафразъ, изъ которыхъ каждая, начиная съ девятой, дѣлится на двѣ группы а) и б). Къ нимъ присовокупляется „заключеніе“, состоящее изъ пяти строкъ греческаго текста, а въ концѣ труда приложенъ греко-русскій словарь, въ которомъ по отдѣльнымъ статьямъ книги подобраны неизвѣстныя ученикамъ слова греческаго текста. О какой-либо системѣ въ прохожденіи греческой этимологіи и помину нѣтъ. По словамъ предисловія, г. *Присѣлковъ*

въ основу своего труда положилъ тѣ же самыя принципы, на которыхъ построенъ учебникъ І. Ѳ. Дрбоглава, изъ чего слѣдуетъ, что составитель руководствовался такъ-называемымъ эвристическимъ способомъ преподаванія, который, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, еще не успѣлъ пустить корни въ почву гимназій по изученію классическихъ языковъ. Притомъ г. Присѣлковъ указываетъ на свою еще имѣющую явиться брошюру, въ которой помѣщены будутъ „восемь первыхъ методическихъ уроковъ и подробный планъ“ для разучиванія матеріала въ первое полугодіе. Поэтому не извѣстно, какъ г. составитель книги предполагаетъ сообщить своимъ ученикамъ назначенный по учебнымъ планамъ грамматическій матеріалъ III класса по греческому языку; какъ онъ намѣренъ преодолѣть дидактическія трудности, возникающія изъ того обстоятельства, что въ группахъ фразъ и притомъ въ разбивку встрѣчаются этимологическія формы, нигдѣ и ничѣмъ не объясненныя, и какимъ путемъ онъ надѣется довести своихъ учениковъ до основательнаго знанія этимологической части грамматики, безъ котораго не мыслимо изученіе какого-либо языка, тѣмъ болѣе классическаго. Но во всякомъ случаѣ для любителей эвристическаго метода и этотъ опытъ, можетъ быть не лишень интереса.

Основанія метрики у древнихъ грековъ и римлянъ. *Я. Денисова.* М. 1888. Въ 8-ву стр. II—198. Ц. 1 р. 50 к.

Въ предисловіи къ своему труду авторъ заявляетъ, что при его обработкѣ онъ руководился слѣдующими соображеніями: во первыхъ, одною изъ главныхъ задачъ онъ поставилъ себѣ дать возможно точныя опредѣленія основныхъ понятій, встрѣчающихся въ метрикѣ, такъ, чтобы въ головѣ учащагося могло составиться отчетливое представленіе о нихъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Въ вторыхъ, при изложеніи авторъ постоянно имѣлъ въ виду и по возможности рѣзко проводилъ разницу стилей и эпохъ, которые играютъ такую важную роль въ метрикѣ какъ грековъ, такъ и римлянъ. Въ третьихъ, онъ обратилъ особенное вниманіе на то, что въ метрикѣ, какъ части ритмики, весьма важную роль играетъ ритмическое удареніе, такъ какъ весьма многія явленія находятъ себѣ объясненіе въ зависимости отъ этого послѣдняго.

Изъ разсмотрѣнія книги оказывается, что авторъ довольно успѣшно удовлетворилъ заявленнымъ имъ требованіямъ и представилъ въ своемъ трудѣ хорошую попытку уяснить главнѣйшія явленія и за-

коны античной метрики. Этому особенно помогло то обстоятельство, что известный ея знатокъ, профессоръ О. Е. Коршъ, предвзвительно ознакомился съ трудомъ г. Денисова, указавъ его недостатки и сообщилъ автору нѣкоторыя изъ своихъ собственныхъ наблюдений.

Послѣ общихъ понятій о ритмѣ и матеріи, въ которой онъ проявляется, и, въ частности, языкѣ, г. Денисовъ даетъ понятіе о *χρόνος πρῶτος*, о стопѣ и диподіи, о метрическомъ членѣ, о періодѣ, о системѣ и строфѣ, и переходитъ къ обзорѣ частныхъ метровъ: трохея, ямба, дактиля, анапеста, пѣона, іониковъ и хоріямба, дохміевъ и размѣровъ смѣшанныхъ и составныхъ. Въ приложеніи говорится вкратцѣ о сатурновомъ стихѣ, который авторъ почему-то зоветъ сатурнійскимъ и о музыкѣ и оркестрѣ у грековъ и римлянъ. Изъ этого обзорѣнія содержанія книги видно, что ничто существенно важное въ ней не опущено; скорѣе можно укорить автора въ излишней подробности, подѣ-часъ дѣлающей его изложеніе черезъ мѣру дробнымъ и трудноусвояемымъ. Въ особую заслугу слѣдуетъ ему вѣнчать то, что онъ сумѣлъ поставить въ строгое, гармоническое соотвѣтствіе области метрики и ритмики и не увлекся, подобно нѣкоторымъ, преимущественно нѣмецкимъ ученымъ, этою послѣднею; хотя и у него въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напримѣръ, на стр. 148, 164 и др.) встрѣчаются нотныя транскрипціи древнихъ метровъ, однако онѣ не составляютъ чего-либо существенно важнаго и могутъ быть безъ вреда для дѣла опущены читателемъ, не имѣющимъ достаточныхъ свѣдѣній въ музыкѣ.

Само собою разумѣется, что въ такой темной и до сихъ поръ мало выясненной области, какова древняя метрика, многія мѣста въ трудѣ г. Денисова могутъ вызвать возраженія, сомнѣнія, недоумѣнія; но всѣ они касаются болѣе существа дѣла, чѣмъ его вѣрности, и объясняются различіемъ взглядовъ и точекъ зрѣнія. Такъ, напримѣръ, можно спорить съ авторомъ при объясненіи значенія гиперкаталектического члена (стр. 47), не соглашаться съ его ученіемъ о предѣлахъ метрическаго члена (стр. 43), возражать противъ опредѣленія имъ понятія цезуры (стр. 59), и т. д., но нельзя сказать, чтобы въ его изложеніи заключались фактическія неточности или ошибки. Автора можно укорить только за его цитаты изъ древнихъ авторовъ: во первыхъ, многія изъ нихъ до того неопредѣленны, что трудно подчиняются контролю, какъ, напримѣръ, на стр. 50 цитата изъ Никомаха, на стр. 58—изъ Еннія, на стр. 38 латинская

цитата без обозначенія имени автора, и т. д.; г. Денисовъ не указываетъ тѣхъ изданій, изъ которыхъ онъ бралъ цитаты, и не объясняетъ, почему изъ различныхъ вариантовъ онъ предпочелъ тотъ, а не другой. Изъ многихъ примѣровъ приведемъ одинъ: извѣстные анапесты въ Софокловомъ Аяксѣ (134 и сл.) г. Денисовъ приводитъ въ слѣдующемъ видѣ:

Τελαμώνιε παῖ, τῆς ἀμφιρότου
 Σαλαμῖνος ἔχων βάθρον ἀγγιάλου
 σὲ μὲν εὖ πρᾶσσοντ' ἐπιχαίρω.
 Σὲ δ' ὅταν πληγῇ Ζαμενῆς Διὸς ἢ
 λόγος ἐκ Δαναῶν κακῶθρους ἐπιβῆ,
 μέγαν ὄκνον ἔχω καὶ πεφόβημαι
 πτηνῆς ὡς ὄμμα πελείας.
 Ὅς καὶ τῆς νῦν φθιμένης νοκτὸς
 μεγάλοι θόρυβοι κατέχουσι ἡμᾶς
 ἐπὶ δυσκλείᾳ, σὲ τὸν ἵππομανῆ
 λειμῶν' ἐπιβάντ' ὀλέσαι Δαναῶν
 βοτὰ καὶ λείαν,
 ἤπερ δορίληπτος ἔτ' ἦν λοιπῆ,
 χτείνοντ' αἰθῶνι σιδήρῳ.

Между тѣмъ въ изданіи Наука (1882) эти анапесты читаются и распределяются слѣдующимъ образомъ:

Τελαμώνιε παῖ, τῆς ἀμφιρότου
 Σαλαμῖνος ἔχων βάθρον ἀγγιάλου
 σὲ μὲν εὖ πρᾶσσοντ' ἐπιχαίρω
 σὲ δ' ὅταν πληγῇ Διὸς ἢ Ζαμενῆς
 λόγος ἐκ Δαναῶν κακῶθρους ἐπιβῆ,
 μέγαν ὄκνον ἔχω καὶ πεφόβημαι
 πτηνῆς ὡς ὄμμα πελείας.
 ὡς καὶ τῆς νῦν φθιμένης νοκτὸς
 μεγάλοι θόρυβοι κατέχουσι ἡμᾶς
 ἐπὶ δυσκλείᾳ,
 σὲ τὸν ἵππομανῆ λειμῶν' ἐπιβάντ'
 ὀλέσαι Δαναῶν βοτὰ καὶ λείαν,
 ἤπερ δορίληπτος ἔτ' ἦν λοιπῆ,
 χτείνοντ' αἰθῶνι σιδήρῳ.

Почему г. Денисовъ счелъ нужнымъ уклониться отъ чтенія и распредѣленія Наука—остается неизвѣстнымъ. Еще одно, мелочное замѣчаніе: авторъ употребляетъ странную орфографію слова мѣстоименіе, пиша „Ѣ“ въ обѣихъ слогахъ.

Въ заключеніи, предстоитъ отвѣтить на вопросъ: на сколько книга г. Денисова пригодна для нашей средней классической школы?

Судя по нѣкоторымъ выраженіямъ въ предисловіи, авторъ, кажется, смотритъ на свой трудъ, какъ на учебникъ, могущій употребляться въ гимназіяхъ. Но относительно его пригодности для означенной цѣли позволительно высказать нѣкоторыя сомнѣнія: нисколько не умаляя того значенія, которое должно имѣть правильное чтеніе и до извѣстной степени пониманіе внѣшней оболочки древнихъ стихотвореній, мы не рѣшаемся рекомендовать гг. преподавателямъ требовать отъ гимназистовъ, хотя бы VII и VIII классовъ знакомства съ книгою въ 200 страницъ убористой печати, добрая половина которой (книги) наполнена правилами, въ родѣ слѣдующихъ: „Каждая стопа тетраметра можетъ являться въ ирраціональной формѣ, однако стихи съ тремя ирраціональными стопами (рѣчь идетъ о бакхіяхъ) очень рѣдки (въ такихъ стихахъ вторая стопа никогда не бываетъ ирраціональной), чаще мы находимъ стихи съ двумя ирраціональными стопами. Что касается распушенія, то есть одинъ только несомнѣнный примѣръ стиха, въ которомъ подвергнуты распушенію три долгихъ слога, рѣдки распушенія даже въ двухъ стопахъ. Ирраціональный долгій слогъ можетъ быть подвергнутъ распушенію. Діэрезисъ между второй и третьей стопой наблюдается рѣже, чѣмъ можно было бы ожидать“ (стр. 133) и т. д. Знакомство съ подобными тонкостями врядъ ли доступно даже для студента-филолога, отъ гимназиста же, хотя бы и старшихъ классовъ, его ожидать не возможно, да и не нужно: съ него будетъ вполне достаточно, если онъ усвоитъ лишь главнѣйшіе законы метрики, умѣщающіеся на 15—20 страницъ, и сосредоточитъ свое вниманіе на чтеніи древнихъ авторовъ.

СИНЕКТОМАТНА БУАЕСА. Избранныя изъ греческихъ авторовъ статьи для школьнаго чтенія. *М. Григоровскаю*. Харьковъ. 1888. Въ 8-ку 409 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Вышеозначенный весьма толково составленный сборникъ доступныхъ для учениковъ среднихъ классовъ гимназій отрывковъ изъ греческихъ авторовъ содержитъ въ себѣ: 1) Эвоповы басни (16 стр.). *Fabulae Aesopicae ex recensione C. Halmi* (14 сас.); 2) Миеологическія сказанія грековъ (26 стр.). *Apollodori bibliotheca ex recognitione Imm. Bekkeri* (27 отрывковъ); 3) Разказы, повѣствованія и разсужденія, извлеченныя изъ различныхъ греческихъ авторовъ (всего 60 стр.): а) *Claudii Aeliani varia historia ex recensione R. Hercheri* (15 отрывковъ); б) *Polyaeni strategematon libri octo. Ex recensione Eduardi*

Woeflin (14 отрывковъ); c) Diogenis Laertii de clarorum philosophorum vitis, dogmatibus et apophthegmatibus libri decem. Recensuit C. Gabriel Cobet. Ed. Firmin Didot. Parisiis (10 отрывковъ); d) Dionysi Halicarnassensis antiquitates Romanae. Edit. stereotypa Otto Holtze (6 отрывковъ); e) Diodori Siculi bibliotheca historica. Ex recensione et cum annotationibus I. Dindorfi (6 отрывковъ); f) Xenophontis institutio Cyri. Recensuit Ludov. Dindorfi; de Socrate commentarii. ed. Raphael Kühner (6 отрывковъ); g) Platonis dialogi secundum Thrasylli tetralogias dispositi. Ex recognitione C. F. Hermannii et W. Wohlhabi (3 отрывка); 4) Жизнь описанія Плутарха (46 стр.); Plutarchi vitae parallelae. Recognovit Sintenis (25 отрывковъ); 5) Діодора Сицилійскаго походъ въ Грецію (17 стр.). Diodori Siculi bibl. hist. ex recognit. et c. annot. L. Dindorfi (5 отрывковъ); 6) Посланіе Исократы Демонику (11 стр.). Ἰσοκράτους πρὸς Δημόνικον. Isocrates. Ausgewählte Reden. Für den Schulgebrauch erklärt von Dr. Otto Schneider; 7) Сновидѣніе и нѣсколько діалоговъ Лукіана Самосатскаго (14 стр.). Ausgewählte Schriften des Lucian. Für den Schulgebrauch erklärt von Dr. Carl Jacobitz: a) Παρὶ τοῦ ἐνοπιίου ἢ τοῦ βίου Δουκιάνου; b) Νεχρικοί διάλογοι (12 діалоговъ); c) Θεῶν διάλογοι (3 діалога); 8) Одиссея Гомера (38 стр.). Flores Homerici sive loci memoriales ex Homeri carminibus selecti. In usum scholarum ed. Dr. Lasarewicz (отрывки различнаго объема и изъ различныхъ книгъ); 9) Война лягушекъ и мышей, приписанная Гомеру (12 стр.). Βατραχομομαχία Ὀμηρική. Editio stereotypa C. Tauchnitiana, rec. Chr. Holtze; 10) Религиозно-нравственный сборникъ (49 стр.): a) Избранныя молитвы и церковныя пѣснопѣнія (Учебная книжка древнаго греческаго языка Каченовскаго. Изданіе Московской синодальной типографіи (13 стр.); b) Священное писаніе Ветхаго и Новаго Заветъа. По изданію Московской синодальной типографіи. Τὰ βιβλία τούτέστιν Θεία γραφή τῆς παλαιῆς τε καὶ καινῆς διαθήκης κ. τ. λ. (26 статей).

Изъ приведеннаго перечня отрывковъ усматривается богатый матеріалъ хрестоматіи, отличающийся какъ содержательностью, такъ и разнообразіемъ. Греческій текстъ статей перепечатанъ изъ наилучшихъ изданій вышеуказанныхъ авторовъ. Составитель, какъ сказано въ предисловіи, предназначилъ свой трудъ „для среднихъ (4-го, 5-го и 6-го) классовъ въ дополненіе къ читаемымъ въ этихъ классахъ авторамъ“ и собралъ подходящій матеріалъ для домашняго чтенія греческихъ писателей учащимися, для классныхъ упражненій въ письменныхъ переводахъ съ греческаго языка на русскій и для устныхъ и пись-

менныхъ работъ, задаваемыхъ учащимся на каникулярное время. Подъ руководствомъ дѣльнаго преподавателя книга г. Григоровскаго непремѣнно принесетъ пользу, тѣмъ болѣе, что почтенный составитель, руководствуясь здравымъ взглядомъ на необходимость полнаго словаря при изученіи древнихъ языковъ, снабдилъ греческій текстъ лишь объясненіемъ словъ, не имѣющихся по плану въ известномъ словарѣ Вейсмана, и довольствовался приложеніемъ одного только словаря собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ текстѣ сборника, чтобы не затруднить безъ мѣры занятій учениковъ, пользующихся разбираемымъ сборникомъ. Шрифтъ изданія весьма отчетливъ; опечатокъ очень немного; бумага отличная.

Илиада Гомера. Книга I—IV. Издавъ съ примѣчаніями Н. Кирилловъ. Кіевъ. 1888. Въ 8-ку стр. 149. Цѣна 1 руб.

Означенная книга вышла въ свѣтъ безъ предисловія, въ которомъ авторъ обыкновенно знакомитъ читателя, какую цѣль онъ имѣлъ въ виду при составленіи своего труда; поэтому и не известно, какою мыслью заданъ г. Кирилловъ, приступивъ къ изданію первыхъ четырехъ книгъ Гомеровою Илиады: предназначилъ ли онъ его для учащагося юношества, хотѣлъ ли содѣйствовать школьному дѣлу или рѣшился подвинуть впередъ науку? Эти вопросы поневолѣ возникаютъ по разсмотрѣніи примѣчаній составителя, сопровождающихъ греческій текстъ, который впрочемъ нисколько не отстаетъ отъ редакціи В. Диндорфа. Общій способъ изложенія и отчасти содержаніе этихъ примѣчаній указываютъ на намѣреніе г. Кириллова—на основаніи иностранныхъ учебниковъ того же рода предлагать учащимся учебное пособіе при чтеніи главнаго творенія эпической поэзіи, древнихъ грековъ какъ, напримѣръ, I. 8, 15, 18, 83, 160, 176, II. 201 („почему *οἱ* и не *οὐο*“?), 120 („какое значеніе имѣетъ здѣсь приставка *δε*“?), 131 („*πολλέων*—*συνίζ.*“), 264, 791 III, 2967, 161. IV, 108 („*ἄπτιος*—навзничъ“) и др. Но за то огромное количество смылокъ на ученые труды, совершенно недоступные для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, имена древнихъ и новыхъ ученыхъ и писателей, известныхъ лишь лицамъ, подробно познакомившимся съ исторіей древней и новой литературъ, испещреніе комментарія многочисленными выдержками изъ древнихъ схолій для восстановленія первобытнаго текста, не имѣющими никакого мѣста въ школѣ, въ которой, по закону здоровой дидактики, дѣло идетъ не о критикѣ читаемаго слова, но объ изученіи языка на основаніи установленнаго пока на-

увою текста,—все это заставляет предполагать, что г. Кирилловъ, кромя учебной дѣли, пожелалъ дать своему труду и какой-то ученый характеръ. И дѣйствительно, если въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ мы читаемъ имена: Buttmann, Ameis, Doederlein, Nägelsbach, Richter, Schmidt, Duntzer, La Roche, Pierron, Wolf, Curtius, Freytag, Bentley, Heune, Bothe, Axt, Spitzer, Bekker, Dindorf, Lange, а изъ древнихъ: Аполлонія, Зоила, Хризаппа, Аристофана Византійскаго, Аристарха Ценодота, Аристотеля, Квинтилиана, Страбона, Евстаѳія и др., а притомъ примемъ въ соображеніе помѣщенные чуть не на каждой страницѣ тексты древнихъ схолий разныхъ рукописей, предполагающіе знакомство съ памятниками александрійской учености, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что г. Кирилловъ съ своею книгой обращается къ представителямъ классической филологии. Но, въ такомъ случаѣ, нельзя обойти молчаніемъ то обстоятельство, что для знатока дѣла, желающаго обогатить свои свѣдѣнія, книга г. Кириллова не представляетъ ничего новаго и является не въ томъ видѣ, котораго требуетъ строгая научность; такъ, напримѣръ, за немногими исключеніями, приводятся голыя имена ученыхъ безъ какого-либо обозначенія того сочиненія и того мѣста, на которыя сдѣланы ссылки; см. I, 468, II, 117, 237, 289 и т. д. или I, 39 и 567, гдѣ цитируется какой-то Аполлоній, причемъ упущено изъ виду, что въ исторіи древней литературы встрѣчается по крайней мѣрѣ около шести Аполлоніевъ. Не менѣе непротистительно сокращать заглавія приводимыхъ сочиненій въ столь сжатый видъ, что даже филологъ, въ составъ специальности котораго не входятъ приведенные составителемъ источники, не будетъ въ состояніи тотчасъ понять, напримѣръ, въ II, 177, какое сочиненіе г. Кирилловъ разумѣетъ подъ „Curtius GZ“; равномѣрно загадочны: II, 153, схолии DZ 289; Hart. I. pg 90 и т. д. Такія монограмматическія сокращенія оправдались бы развѣ въ такомъ только случаѣ, когда въ комментаріи то же самое сочиненіе раньше уже было цитировано подъ полнымъ своимъ заглавіемъ. Цитаты, представляющія собою предметъ однихъ догадокъ, не имѣютъ научнаго значенія. Съ точки зрѣнія научности г. Кирилловъ былъ бы обязанъ, во крайней мѣрѣ, своимъ примѣчаніямъ предпослать списокъ тѣхъ трудовъ, которыми онъ руководствовался. Затѣмъ и самое количество предлагаемаго матеріала оказывается далеко недостаточнымъ для того, чтобы разсматриваемая книга имѣла значеніе ученаго труда. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что г. Кирилловъ недостаточно разъяснилъ себѣ планъ своего предпріятія, не сознавъ, что нельзя составить книгу, равно-

мѣрно пригодную какъ для учащагося, такъ для ученаго. Для сборника матеріаловъ по критикѣ Гомеровскаго текста г. Кирилловъ могъ бы взять въ примѣръ: *Homeri Iliadis primi duo libri. Recognovit et delectis veterum grammaticorum scholiis suisque commentariis instructos edidit Theodorus Fridericus Freytag, Phil. D. etc. Petropoli. MDCCCXXXVII*, трудъ, который уже находился подъ руками г. Кириллова; а для школьнаго изданія Гомера—учебное пособие, появившееся подъ заглавіемъ: *Одиссея Гомера съ примѣчаніями. С.-Пб. 1878 г.* (составленное Е. Шмидомъ и удостоенное малой Петровской преміи). Въ двойственности плана заключается главный изъ недостатковъ разбираемаго труда; за исключеніемъ неудачной ученой роскоши, прочія примѣчанія г. Кириллова, по образцу изданій Фэзи, Коха и другихъ, толково составлены и могутъ принести пользу учащимся въ гимназіяхъ.

Σοφοκλέους Οἰδίπους ἐπὶ Κολώνῳ. Эдипъ въ Колонѣ, трагедія Софокла. Текстъ съ примѣчаніями, составленными *О. Петрученко*, преподавателемъ Московской 2-й гимназіи. Москва. 1888. Въ 8-ку страницъ 131. Цѣна 90 коп.

Г. Петрученко уже неоднократно съ успѣхомъ является на поприщѣ школьной литературы по греческой словесности: нынѣ же онъ предлагаетъ учащемуся юношеству изданіе Софокловой трагедіи, известной подъ заглавіемъ: *Οἰδίπους ἐπὶ Κολώνῳ*. Въ концѣ введенія (стр. 8), предпосланнаго разсматриваемому труду, составитель говоритъ, что онъ, взявъ текстъ и размѣръ лирическихъ частей трагедіи изъ изданія Наука (1884 г.), при составленіи объяснительныхъ примѣчаній, пользовался лучшими нѣмецкими комментаріями къ Софоклу, въ особенности Наука (1884 г.), Беллермана (1888 г.), Веллейна (1880 г.) и Вундера (1868 г.). Изъ всѣхъ находящихся нынѣ въ употребленіи нѣмецкихъ изданій Софокловой трагедіи: „Эдипъ въ Колонѣ“ самостоятельностью взгляда, знаніемъ литературныхъ особенностей греческихъ трагиковъ по языку и творческой индивидуальности, тщательностью обработки, остроуміемъ и осторожностью критики особенно выдается нѣмецкое изданіе: *Sophocles, erklärt von F. W. Schneidewin. Oedipus auf Kolonos, besorgt von August Nauck 1884 (Sammlung griechischer und lateinischer Schriftsteller mit deutschen Anmerkungen, herausgegeben von M. Haupt und H. Sauppe. Berlin. Weidmannsche Buchhandlung)*. По этой причинѣ нельзя не благодарить г. Петрученко за то, что

онъ сдѣлалъ столь прекрасную книгу доступною и для русской школы, тѣмъ болѣе, что онъ какъ основательный знатокъ греческаго и нѣмецкаго языковъ, представляетъ въ своемъ лицѣ самаго благонадежнаго посредника въ этомъ дѣлѣ. Примѣчанія Шнейдевина-Наука почти цѣликомъ перешли въ русское изданіе посредствомъ то дословнаго, то парафразическаго перевода съ нѣкоторыми и притомъ неважными перестановками, сокращеніями или дополненіями по другимъ выше означеннымъ источникамъ. Тѣмъ болѣе странно и ничѣмъ не мотивировано то обстоятельство, что въ примѣчаніяхъ г. Петрученка, какъ къ стихамъ 540, 1081, 1172, 1751 и т. д. вдругъ приводится авторитетъ Наука, какъ будто бы за нѣкоторыми исключеніями не весь комментарий заимствованъ отъ того же Наука. Имя Наука развѣ только оправдывается, можетъ быть, въ ст. 446, гдѣ его мнѣнію противопоставляется другое соображеніе посредствомъ словъ: „я думаю“. Прочія отступленія отъ труда Наука состоятъ въ томъ, что г. Петрученко подѣ-часъ по намекамъ подлинника болѣе подробно излагалъ трудныя синтаксическія явленія, замѣнялъ грамматическія ссылки Наука указаніями на русскіе учебники Чернаго и Канскаго или излагалъ самое правило, вставлялъ иногда болѣе обширныя замѣтки мѣологическаго или историческаго содержанія и въ немногихъ случаяхъ приводилъ цитаты, не встрѣчающіяся у Науки. Введеніе въ разсматриваемый трудъ заключаетъ въ себѣ совершенно удовлетворительное извлеченіе изъ драматургической статьи, предпосланной изданію Шнейдевина-Наука; изъ этой же статьи кое-что перешло и въ комментарий русскаго изданія. Напрасно г. Петрученко не передалъ сообщеннаго въ ней обстоятельства, что въ виду неровности слога, непослѣдовательности поэтическаго взгляда и противорѣчія между упомянутыми въ разныхъ мѣстахъ обстоятельствами, новѣйшая критика въ дошедшемъ до насъ текстѣ находитъ много слѣдовъ переработки драмы, произведенной, можетъ быть, съ тою цѣлью, чтобъ изгладить политическіе намеки первобытнаго текста, не соответствовавшіе въ позднѣйшее время политическимъ отношеніямъ между Аѳинами и Оивами. Указаніе на этотъ результатъ критики непрѣмнно способствовало бы разъясненію многихъ мѣстъ, не согласующихся ни съ поэтической личностью Софокла, ни съ политической обстановкою того времени, когда создана была одна изъ самыхъ величественныхъ драмъ классической древности. Но и безъ того изданіе г. Петрученка

представляетъ собою весьма отрадное приращеніе учебной нашей литературы и поэтому заслуживаетъ полнаго сочувствія всѣхъ тѣхъ, кто интересуется успѣшнымъ ходомъ дѣла по изученію древне-греческаго языка въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Отечественная исторія (курсъ систематическій). Выпускъ первый (отъ начала Руси до Петра Великаго). Составилъ Г. Преображенскій. Ярославль. 1883. Въ 8-ву стр. III+272. Цѣна 80 коп.

Авторъ этой книги три года тому назадъ издалъ „Эпизодическій курсъ отечественной исторіи“, отличававшійся важными педагогическими достоинствами и заслужившій одобреніе. Нынѣ изданный г. Преображенскимъ 1-й выпускъ систематическаго курса отечественной исторіи находится въ весьма тѣсной связи съ этимъ „Эпизодическимъ курсомъ“, такъ какъ въ немъ многія страницы цѣликомъ (или съ весьма небольшими измѣненіями) заимствованы изъ этого послѣдняго (такихъ страницъ приблизительно немного меньше 100). Подобный приѣмъ автора представляется намъ весьма сомнительнымъ съ дидактической точки зрѣнія: то, что хорошо для дѣтей, можетъ быть уже непригоднымъ для юношей; вѣдь изученіе систематическаго курса исторіи (какъ всеобщей, такъ и отечественной) въ гимназіяхъ начинается послѣ эпизодическаго курса¹⁾, когда и общее развитіе учащихся, и степень ихъ историческаго пониманія сдѣлали значительный прогрессъ сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ положеніи было то и другое тогда, когда они находились въ III—IV классахъ, въ которыхъ проходитъ курсъ эпизодическій. Неужели можно считать для учениковъ VI—VII классовъ достаточнымъ то, что имъ сообщалось о тѣхъ или другихъ историческихъ событіяхъ и личностяхъ тогда, когда они были учениками III—IV классовъ? Какъ по формѣ изложенія, такъ и по содержанию, историческіе разказы, предназначенные для старшаго возраста, должны отличаться отъ тѣхъ, которые даются для изученія дѣтямъ младшаго возраста. Нарушеніе этого основнаго дидактическаго требованія неприятно поражаетъ съ первыхъ же страницъ новой книги г. Преображенскаго. Ученикамъ, изучившимъ (или еще изучающимъ) средне-вѣковую исторію и, слѣдовательно, знакомымъ уже съ византійскою

¹⁾ По учебнымъ планамъ 1877 г., систематическій курсъ отечественной исторіи въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ вложенъ въ книгу г. Преображенскаго, проходитъ въ VI и частью въ VII классъ.

исторіей, предлагаются слѣдующія сообщенія о томъ, что такое Византія: „Византіей называлось царство греческое, православное и, по тому времени, первое въ свѣтѣ. Столицей этого царства былъ городъ Константинополь. Онъ основанъ былъ императоромъ Римскимъ Константиномъ Великимъ и украшенъ изящными постройками. Въ Византію собирались лучшіе ученые и художники. Нигдѣ въ мірѣ не было такихъ прекрасныхъ зданій, какія были построены тамъ“ и т. д. (стр. 10). Объясненіе, которое находимъ у автора относительно причинъ войны императора Никифора Фоки (въ книгѣ „Фока“) съ болгарами, для учениковъ старшихъ классовъ будетъ тоже нѣсколько наивно и мало научно: на Византію, говоритъ авторъ,—нападали венгры; болгары могли ее защитить, но этого не дѣлали; по этой причинѣ „Никифоръ Фока былъ очень недоволенъ болгарами и искалъ себѣ союзниковъ для борьбы съ ними. Ему сказали, что русскій князь Святославъ успѣшно поражаетъ враговъ. Тогда Никифоръ Фока обратился къ Святославу съ просьбой о томъ, чтобы онъ объявилъ болгарамъ войну и завоевалъ Болгарское царство себѣ“ (стр. 14). Еще одно мѣсто: на стр. 3, гдѣ идетъ рѣчь о разселеніи славянъ, читаемъ слѣдующія строки: „Около этого времени (V в. по Р. X.) становится извѣстнымъ, что они (славяне) обитали на Дунаѣ и потомъ съ береговъ этой рѣки расселились въ разныя стороны. Одна часть ихъ осталась на правомъ, южномъ берегу Дуная, другая ушла на западъ отъ Карпатскихъ горъ, а третья на востокъ отъ нихъ. Первая образовала группу славянъ южныхъ (болгары и сербы)“ и т. д. Ученикамъ VI класса не можетъ не быть извѣстнымъ, что ни сербы, ни болгары не были исконнымъ населеніемъ сѣверной части Балканскаго полуострова, какъ выходитъ изъ приведенныхъ словъ автора сербы поселились тамъ только въ VII вѣкѣ (при императорѣ Иракліѣ); что же касается болгаръ, то и къ этой части такъ-называемыхъ южныхъ славянъ не применимы слова нашего автора, будто она при расселеніи славянъ „осталась на правомъ, южномъ берегу рѣки Дуная“: и она была пришлою, хотя и раньше сербовъ, а имя болгаръ усвоено было ею отъ той орды, которая покорила этихъ славянъ во второй половинѣ VII вѣка. Ученикамъ VII класса; знакомымъ уже съ исторіей развитія реформаціи и католической реакціи, говорится объ Игнатіи Лойолѣ: „Здѣсь-то (въ Іерусалимѣ) ему и пришла мысль образовать общество братьевъ (sic!) Іисуса (іезуитовъ), которое бы взяло на себя обязанность служить всеми

силами католической церкви“, и дальше: „Католическая церковь—тоже христіанская церковь, но только не православная. Она отдѣлилась отъ православной восточной церкви въ XI вѣкѣ“ (стр. 211).

Не останавливаясь на другихъ заимствованіяхъ г. Преображенскаго изъ его „Эпизодическаго курса отечественной исторіи“, посоветуемъ ему при изданіи слѣдующихъ выпусковъ систематическаго курса отступить отъ этого пріема, а въ настоящемъ выпускѣ передѣлать заимствованныя страницы примѣнительно къ задачѣ и требованіямъ систематическаго курса.

Помимо этого достоинству книги г. Преображенскаго много вредятъ встрѣчающіяся мѣстами ошибки и неточности, а также крайне небрежная корректура, оставившая множество типографскихъ недосмотровъ, изъ которыхъ далеко не всѣ помѣщены въ приложенномъ къ концу книги указателѣ „опечатокъ“.

Отмѣтимъ главнѣйшіе изъ замѣченныхъ нами недостатковъ въ книгѣ г. Преображенскаго.

На стр. 1 — 2, занятыхъ „Описаніемъ страны“, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія фразы, не отличающіяся особенною ясностью: „Восточная Россія въ настоящее время отличается главнымъ образомъ минеральными богатствами, а западная—населенностью“; „горы (выше названы горы Уральскія, Кавказскія и Карпатскія) служатъ защитой ея (русской равнины) отъ вторженія народовъ враждебныхъ“ „почти вся западная Россія—подчиняется вліянію вѣтровъ зимой—сѣверовосточныхъ, которые приносятъ холодъ, а лѣтомъ—югозападныхъ, которые въ Россію приносятъ тепло“.

Стр. 2. „Первыя свѣдѣнія о населеніи этой равнины можно встрѣчать у грековъ и римлянъ, но и тѣ большею частью похожи на басни“. Называть „баснями“ тѣ свѣдѣнія о древнихъ обитателяхъ русской равнины, которыя сообщаютъ древніе греческіе и римскіе писатели, не приходится, въ виду того, что между этими бытописателями были не только „купцы, которые для торговли ѣздили на берега Понта и, какъ дѣти, вѣрили тамъ разнымъ слухамъ“, но и Геродотъ, который лично посѣтилъ мѣста жительства скивовъ; извѣстія его, какъ очевидца, никакъ не могутъ быть отнесены къ разряду „басенъ“.

Ibid. „Между такими обитателями видное мѣсто занимали, такъ называемые, сарматы и скивы“. Имена этихъ народовъ слѣдовало бы, для соблюденія хронологической послѣдовательности, передать въ обратномъ порядкѣ.

Ibid. „У нихъ были лица происхожденія царскаго, которыя уважали просвѣщеніе, ѣздили къ грекамъ учиться... сарматы и скиены умѣли строить дворцы даже изъ мрамора“... Эти слова напоминаютъ намъ слѣдующія строки у Соловьева: „Исторія показываеъ между скинами людей царскаго происхожденія, обольщенныхъ красотою греческихъ женщинъ и прелестями греческой цивилизаціи: они строятъ себѣ великолѣпные мраморные дворцы въ греческихъ колоніяхъ, даже ѣздятъ учиться въ Грецію; но гибнутъ отъ рукъ единородцевъ своихъ, какъ отступники отеческаго обычая“ (Ист. Росс., т. I, стр. 43 — 44, по 4 изд.). Сопоставленіе этого отрывка съ приведенными выше словами нашего автора показываеъ, что говорить о постройкѣ скинами дворцовъ изъ мрамора еще не значить дать понятіе о степени культурнаго развитія скиеновъ.

Стр. 3 — 5. Перечисленіе восточно-славянскихъ племенъ далеко не полное, а бытовныя свѣдѣнія крайне скудны, особенно относительно языческой религіи славянъ.

Стр. 6. „Они (литовцы) жили въ нынѣшней (Восточной) Пруссіи, Курляндіи и отчасти Лифляндіи. Область ихъ обнимала собою губерніи — Ковенскую, часть Виленской, Гродненской, Минской“. По всей вѣроятности, недосмотромъ слѣдуетъ объяснить опущеніе въ началѣ послѣдняго предложенія словъ: „сверхъ того“; только съ прибавкой этихъ словъ можно составить понятіе о мѣстѣ жительства литовцевъ, которые, впрочемъ, помимо указанныхъ областей и губерній, занимали еще часть губерніи Сувалкской.

Ibid. Къ числу литовскихъ племенъ ошибочно отнесено финское племя — „ливъ“.

Ibid. „Богамъ у нихъ (литовцевъ) служили жрецы, которые назывались криве“. Такъ назывался, сколько извѣстно, только верховный жрецъ литовцевъ.

Стр. 7. „Важнѣйшій городъ у нихъ (хозарь) былъ Бѣлая Вѣжа или Саркель“, и дальше, на стр. 14, онъ названъ „столичнымъ городомъ“ хозарь. Это сообщеніе автора положительно не вѣрно: главный городъ хозарь находился недалеко отъ нынѣшней Астрахани и назывался Итиль.

Ibid. (въ мелкомъ шрифтѣ). О варягахъ-руси авторъ говоритъ: „Норманны, обитавшіе на Скандинавскомъ полуостровѣ, дѣлились на племена, между которыми было племя варяги; а русь — одно изъ племенъ варяжскихъ“. Ближе къ смыслу лѣтописи, а также научнѣе и яснѣе можно было бы сказать такъ: Норманны, обитавшіе на

Скандинавскомъ полуостровѣ, назывались варягами, а русь—одно изъ племенъ варяжскихъ.

Стр. 8. Участниками въ призваніи князей показаны только славяне (ильменскіе) и финскія племена—чудь и весь; не сказано объ участіи въ этомъ дѣлѣ кривичей (сѣверныхъ), у которыхъ былъ городъ Изборскъ, почему-то названный у автора городомъ финскаго племени чудь („третій Труворъ (сталъ жить) въ Изборскѣ—у чуди“).

Ibid. (въ мелкомъ шрифтѣ). Описаніе великаго воднаго пути не совсѣмъ точно: „Между рѣкой Ловатью и Западною Двиной—водораздѣлъ, чрезъ который суда и товары перетаскивали на себѣ и затѣмъ поднимались вверхъ по р. Западной Двинѣ“. Въ лѣтописи, правда, нѣтъ подробнаго описанія пути въ этомъ мѣстѣ, почему Соловьевъ дѣлаетъ предположеніе, что, по окончаніи волока, рѣкою Торопоею вступали въ Двину, а затѣмъ спускались по ней до впаденія въ нее р. Каспли (т. I, стр. 22).

Стр. 10. „Но болѣе всего Олегъ прославился въ исторіи своими походами на Византію“. Изъ лѣтописи мы знаемъ только объ одномъ походѣ Олега въ Византію (907 г.); другихъ походовъ, сколько намъ извѣстно, не было.

Стр. 11. Разказъ о походахъ Игоря на Византію изложенъ такъ, что не возможно понять, послѣ перваго или послѣ втораго похода „Игорь принужденъ былъ заключить съ греками миръ“.

Стр. 14. „Святославъ) поразилъ ихъ (хозарь)—и наложилъ на нихъ дань“. Въ лѣтописи нѣтъ указанія на то, будто Святославъ „наложилъ дань“ на хозарь. То же самое приходится сказать и о томъ, что авторъ сообщаетъ о войнѣ Владиміра съ камскими болгарями: „Съ нихъ взята была дань и заключенъ вѣчный миръ“ (стр. 18).

Стр. 15. „Онъ (Святославъ) взялъ Переяславецъ, столицу Болгарскаго царства“. Это ошибка: столицей Болгарскаго царства былъ городъ Великій Прѣславъ (у римл. *Magicianopolis*), близъ Шумлы (нынѣ дер. Прѣслава, по турецки Эски-Стамбуль).

Стр. 19. „Мостъ подломился; Олегъ упалъ въ воду и утонулъ. Ярополкъ жалѣлъ брата и горько плакалъ, когда изъ рѣки выняли (sic) трупъ его“. Въ лѣтописи сказано, что мостъ, съ котораго Олегъ упалъ во время бѣгства, былъ устроенъ черезъ ровъ, а не чрезъ рѣку и Олегъ не утонулъ, а былъ задавленъ падавшими на него людьми и лошадьми.

Стр. 26. „Святополкъ увидѣлъ, что Борисъ еще дышалъ и, го-

ворять, самъ вонзилъ въ грудь его ножъ⁴. По словамъ лѣтописца, сдѣлалъ это не самъ Святополкъ, а одинъ изъ посланныхъ имъ для этой цѣли варяговъ.

Стр. 27. „Какъ только рѣка Днѣпръ покрылась льдомъ, Ярославъ переправился черезъ рѣку ночью... Внезапность нападенія сдѣлала то, что не могли дать помощи Святополку и печенѣги⁴. Хотя, по свидѣтельству лѣтописца, тогда уже начинались морозы, но рѣка еще не покрылась льдомъ: Ярославъ съ дружиною своею переправился на лодкахъ, которыя послѣ переправы были отброшены отъ берега, и не „внезапность нападенія“ помѣшала печенѣгамъ помочь Святополку, а то обстоятельство, что они стояли за озеромъ.

Ibid. Едва ли можно категорично утверждать, что Святополкъ „умеръ въ Богеміи“ (въ лѣтописи: „прибѣжа въ пустыню межю ляхи и чехы, испроверже здѣ животь свой“).

Стр. 27—28. Княженіе Ярослава Мудраго изложено на 12-ти строчкахъ, и то, что о немъ разказано, нельзя признать достаточнымъ для систематическаго курса.

Стр. 30. Нельзя сказать, чтобы особенною ясностью отличались слѣдующія слова автора, въ которыхъ онъ говоритъ о распаденіи княжескаго рода на отдѣльныя „линіи“: „родъ Ярослава сталъ распадаться на отдѣльныя (княжескія) лініи съ самой семьи (Святаго) Владиміра“.

Стр. 34. „Давать войско и ему (императору Генриху IV) было нельзя, потому что самъ велъ борьбу съ папою Римскимъ (Григоріемъ VII)“⁴. Это не совсѣмъ такъ: въ 1073 г., когда у Генриха IV искалъ помощи великій князь Изяславъ, императоръ былъ занятъ борьбою съ мятежными вассалами, а борьба съ папою Григоріемъ VII, который въ этомъ году только вступилъ на престолъ, началась нѣсколько позже.

Стр. 35. „Святославичи—ихъ было пять человекъ—скрылись на югъ, чтобы въ степяхъ тамъ составить дружину и съ ней поискать себѣ княжествъ“. На югъ ушелъ только Олегъ Святославичъ къ брату своему Роману, который княжилъ въ Тмутарокани; другихъ братьевъ тамъ не было. Ошибка автора впрочемъ объясняется тѣмъ, что онъ къ сыновьямъ Святослава относитъ и Бориса, который приходилъ съ Олегомъ на Черниговъ и погибъ въ битвѣ на Нѣжатиной Нивѣ („и вотъ двое изъ нихъ (Олегъ и Борисъ), набравши дружину, явились въ землѣ Всеволода...“); но Борисъ этотъ былъ сынъ Вячеслава Ярославича.

Ibid. „Всеволодъ (послѣ гибели Изяслава) продолжилъ войну (правильнѣе сказать— битву), побѣдилъ и вернулся на кievскій столъ“. Последнее выраженіе, вѣроятно, надо понимать такъ: вернулся въ Кіевъ и занялъ кievскій столъ; вѣдь раньше этотъ столъ занималъ Изяславъ, а Всеволодъ сидѣлъ въ Черниговѣ.

Стр. 43. „Изяславъ (Мстиславичъ, внукъ Мономаха) вступилъ въ союзъ съ сыновьями Давида (Игоревича)“. Это положительно не вѣрно: Давидовичи, союзники Изяслава II, были сыновья одного изъ Черниговскихъ князей, Давида Святославича.

Стр. 44. „Изъ такихъ городовъ особенно замѣчательны были— Ростовъ на оз. Неро, Переяславль на оз. Клещино и Суздаль на р. Малой Нерли“. Сопоставивъ эти слова съ предыдущими, въ которыхъ авторъ говоритъ о томъ, какъ жило финское племя меря, мы должны признать, что онъ считаетъ эти славянскія поселенія городами финскими!

Стр. 46. „Андрей Боголюбскій долженъ былъ снять осаду (Новгорода) и отступить отъ города“. Эти слова даютъ поводъ думать, что Андрей Боголюбскій принималъ личное участіе въ этомъ походѣ на Новгородъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этого не было. То же придется сказать и по поводу разказа о борьбѣ этого князя съ южнорусскими князьями (Ростиславичами), разказанной на стр. 51 („Андрей здѣсь (въ Вышгородѣ) его (Мстислава Храбраго) осадилъ... Андрей долженъ былъ простоять подъ Вышгородомъ долго и отступить безъ успѣха“).

Стр. 48. „Враждовали между собою братья Андрея (Михаилъ и Всеволодъ); принимали участіе въ этой враждѣ и племянники, сыновья Ростислава. Наконецъ, верхъ надъ всѣми взялъ Всеволодъ (Юревичъ)“. Въ такихъ словахъ, съ извращеніемъ истины, изображаетъ нашъ авторъ событія, происходившія въ Суздальской землѣ послѣ смерти Андрея Боголюбскаго!

Стр. 49. Рѣчка Влена, на которой въ 1181 г. сошлись Всеволодъ III и Святославъ Всеволодовичъ, князь Кіевскій, названа „притокомъ р. Дубны, впадающей въ Оку“, хотя въ примѣчаніи и прибавлено, что „мѣсто это въ 40 верстахъ отъ Переяславля Залѣскаго“.

Стр. 50. Не мѣшало бы автору справиться съ родословными таблицами, чтобы правильнѣе опредѣлить родственныя отношенія Мстислава Храбраго къ Мономаху: онъ называетъ перваго „внукомъ“ послѣдняго, хотя вслѣдъ затѣмъ заявляетъ (и на этотъ разъ правильно), что онъ былъ „племянникомъ“ Андрея Боголюбскаго.

Стр. 55. Здѣсь мы встрѣчаемся съ не совсѣмъ яснымъ сообщеніемъ автора о взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ элементовъ населенія Новгородской земли: „Славяно-русское племя было господствующимъ, а финны составляли племена подчиненныя“, но въ то же время „они имѣли права такія же, какими владѣли славяне: какъ и славяне, они выбирались на разныя должности общественной жизни“. Какая же тутъ „подчиненность“? Очевидно, авторъ имѣлъ въ виду указать племенное различіе обитателей Новгородской земли, а повелъ рѣчь о какой-то подчиненности однихъ другимъ и чрезъ это впалъ въ явное противорѣчіе, которое не изглаживается даже послѣдующимъ утвержденіемъ автора о политическомъ безразличіи всѣхъ элементовъ населенія Новгородской земли, объединявшихся общимъ званіемъ новгородскихъ гражданъ.

Стр. 56. О Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ правильнѣе было бы сказать, что онъ былъ „построенъ при Ярославѣ I (сыномъ его Владиміромъ, который княжилъ въ Новгородѣ)“, чѣмъ „построенъ Ярославомъ I“, какъ сказано въ книгѣ (мелкій шрифтъ).

Ibid. Къ „пригородамъ“ Новгорода отнесены, не извѣстно, на какомъ основаніи, и Орѣшекъ, и Копорье, а Торжокъ, Великіе Луки не названы.

Стр. 57. Значеніе „посадника“ и „тысяцкаго“ въ Новгородѣ недостаточно выяснено, особенно послѣдняго: тысяцкій не былъ только „начальникомъ“ такъ-называемыхъ „черныхъ людей“, какъ утверждаетъ авторъ, но имѣлъ также важное и судебное, и военное значеніе.

Ibid. Говоря о положеніи князя въ Новгородѣ, авторъ сперва называетъ его „верховнымъ представителемъ власти гражданской“, а нѣсколько ниже, какъ бы противорѣча самому себѣ, прибавляетъ: „но въ дѣлахъ управленія онъ не вполне былъ свободенъ“.

Стр. 59. Говоря о возникновеніи въ началѣ XIII вѣка ордена меченосцевъ въ Ливоніи, сдѣлавшагося опаснымъ сосѣдомъ для Пскова, авторъ совершенно невѣрно утверждаетъ, что къ этому времени „чудь, летгола, литва имъ (псковичамъ) уже подчинялись“.

Стр. 63. „Ослѣпленіе Василья повело къ тому, что княжество это (Волинское) перешло въ родъ Мономаха“. Между этими событіями былъ промежутокъ въ 27 лѣтъ: только въ 1117 г. былъ посаженъ тамъ Владиміромъ Мономахомъ сынъ его Андрей, а до этого года Волинское княжество было во владѣніи Ярослава Святополковича, который получилъ его по опредѣленію Витичевскаго съѣзда князей.

Ibid. Смерть Галицкаго князя Владиміра отнесена къ 1153 году, а начало княженія его сына, Ярослава Осмомысла, обозначено 1152 г.

Стр. 65. Отвѣтъ, данный посламъ папы Инновентія III Романомъ Мстиславичемъ, въ той редакціи, въ какой онъ приведенъ въ мелкомъ шрифтѣ, не совсѣмъ ясенъ („говорять, въ мѣсто (sic!) отвѣта онъ вынулъ (sic!) изъ ноженъ свой мечъ и, показавъ папскимъ посламъ, спросилъ ихъ: „а есть такой мечъ у папы?“).

Стр. 72. „Вслѣдъ за крещеніемъ Руси онъ (Владиміръ) основалъ школу для 300 мальчиковъ; Ярославъ II тоже“. Здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о Ярославі Мудромъ, сынѣ Владиміра Святаго, но называть его II-мъ нѣтъ никакого основанія.

Стр. 74. На совѣтѣ, собравшемся въ Кіевѣ по поводу извѣстія о татарахъ, присутствовалъ изъ старшихъ князей, кромѣ Мстислава Кіевскаго и Мстислава Черниговскаго, еще Мстиславъ Удалой, князь Галицкій, авторомъ не указанный, а вмѣсто него названъ „Мстиславъ (Нѣмой) Волинскій“ (то-есть, собственно Луцкій); но присутствіе его на совѣтѣ можно только предполагать, такъ какъ онъ участвовалъ потомъ въ битвѣ на р. Калкѣ. Кстати замѣтимъ, что описаніе этой битвы страдаетъ неточностями (половцы находились не „на другой сторонѣ рѣчки Калки“, какъ утверждаетъ авторъ, а перешли эту рѣчку вмѣстѣ съ полками Мстислава Галицкаго).

Стр. 76. (Князья Рязанскіе) „вышли татарамъ навстрѣчу къ городу Воронежу“. Это ошибка: въ XIII вѣкѣ этотъ городъ еще не существовалъ.

Стр. 79. Конецъ похода Батыя изложенъ и слишкомъ кратко, и невѣрно: „Послѣ этого (то-есть, послѣ взятія Кіева) Батый повелъ свои войска въ предѣлы Венгріи, но тамъ онъ былъ отбитъ моравскими рыцарями и скоро вернулся опять въ Русскую землю“.

Стр. 82. Сомнительно, чтобы могли быть отнесены къ Сѣверо-Восточной Руси всѣ тѣ княжества, которыя поименованы авторомъ: княжества Кіевское, Черниговское и Сѣверское, по самому своему положенію, относятся къ Юго-Западной Руси, не говоря уже о ихъ политической судьбѣ; въ послѣднемъ отношеніи къ этой же Юго-Западной Руси должно быть отнесено и княжество Смоленское. Да и самъ авторъ, говоря дальше о томъ состояніи, въ какомъ находилась Юго-Западная Русь послѣ татарскаго разгрома, упоминаетъ о печальномъ состояніи Кіева, очевидно, включая его въ составъ Юго-Западной Руси (стр. 94: „Кіевъ сталъ городомъ очень бѣднымъ“

и т. д.). Называть же княжествами Новгородъ и Псковъ, въ виду особенностей ихъ политическаго быта, не представляется основаній.

Стр. 88. Слова митрополита Кирилла, сказанныя по поводу извѣстія о кончинѣ Александра Невскаго, были обращены не къ одному духовенству, какъ полагаетъ авторъ („собралъ духовенство и объявилъ“), а къ находившемуся въ храмѣ народу, который и завопилъ въ отвѣтъ: „уже погибаетъ!“ Самъ авторъ дальше говоритъ: „отвѣтомъ ему были тоже горькіе вопли народа“.

Стр. 89. „Слово „Москва“ значитъ мутная вода“. На какомъ языкѣ это слово имѣетъ такое значеніе—не сказано.

Стр. 98. Сынъ Гедимина, Любарть, былъ женатъ на дочери послѣдняго князя Волынскаго (Льва Юрьевича); называя ее княжною „Владимірскою“, авторъ даетъ поводъ къ недоразумѣнію. Далѣе, о какомъ „тестѣ“ Гедимина говоритъ авторъ, утверждая, что „по смерти теста своего, онъ наслѣдовалъ всю его землю?“

Стр. 99. „Завоевалъ бы онъ (Ольгердъ), можетъ, и болѣе, если бы ему не пришлось отбиваться отъ татаръ, которые стали нападать на его владѣнія“. Правильнѣе было бы, вмѣсто татаръ, назвать нѣмцевъ, которые безпокоили Литву съ сѣвера и запада.

Стр. 114. „Въ Коломиѣ войска русскаго собралось тысячь двѣсти“. Это число увеличено на 50 тысячь противъ дѣйствительной численности русскаго войска, сражавшагося съ татарами на Куликовомъ полѣ.

Стр. 117. „Новаго войска, чтобы окончательно свергнуть съ себя татарское иго, она (Россія) собрать не могла и принуждена была продолжать платить хану дань“. О нашествіи Тохтамыша на Москву, послѣдовавшемъ два года спустя послѣ Куликовской битвы, авторъ не упоминаетъ вовсе, а безъ этого приведеннаго слова автора не со всѣмъ понятны.

Стр. 127. Послѣ перваго похода на Новгородъ Іоаннъ III взялъ съ новгородцевъ не 15000, а 15500 рублей.

Стр. 130. Вятская община, хотя и была основана новгородскими выходцами, но весьма рано отдѣлилась и стала независимой отъ Новгорода; въ виду этого сомнительно утвержденіе автора, что „съ подчиненіемъ Новгорода Москвѣ должна была подчиниться ей и она (Вятская община)“.

Стр. 135 (въ мелкомъ шрифтѣ). Іоаннъ III „женилъ своего сына Василія на дочери его (Молдавскаго господаря) Еленѣ“. Странная ошибка: не Василій, а старшій сынъ Іоанна III, Іоаннъ Молодой,

умершій въ 1490 г., былъ женатъ на Еленѣ, дочери Молдавскаго господара.

Стр. 138 (въ мелкомъ шрифтѣ). „Дивили народъ и стѣнной машина...“; должно быть, къ числу типографскихъ недосмотровъ слѣдуетъ отнести слово: стѣнная.

Стр. 155. Утвержденіе автора, что Судебникъ Іоанна IV „касался главнымъ образомъ судопроизводства гражданскаго“, не согласно съ содержаніемъ этого законодательнаго памятника, изъ котораго выдержки приводятся у нашего автора.

Стр. 157. Изъ разказа автора о томъ, что происходило въ Казани до воцаренія Іоанна Грознаго, выходитъ, что тамъ, съ согласія Василя III, царствовалъ Сафа-Гирей, а послѣ его смерти въ Казани сѣлъ, по волѣ Московскаго царя, Шигъ-Алей. Авторомъ совершенно упущено изъ виду, что въ первый разъ Сафа-Гирей недолго оставался въ Казани, и что еще Василій III посадилъ тамъ Еналея, который былъ убитъ въ 1535 г., и только тогда въ Казань вернулся Сафа-Гирей, послѣ смерти котораго (въ 1548 г.) казанцы присягнули его малолѣтнему сыну (Утемышъ-Гирей); но начатая Іоанномъ Грознымъ въ 1550 г. война поставила казанцевъ въ такое стѣнное положеніе (г. Свияжскъ, отпаденіе Горной стороны), что они просили Іоанна посадить у нихъ царемъ бывшаго уже раньше въ Казани Шигъ-Алея.

Стр. 158. Передъ паденіемъ Казани царемъ тамъ былъ не Крымскій ханъ („послали даже (казанцы)—говорить авторъ—звать въ ханы съ себѣ изъ Крыма“), а ногайскій царевичъ Эдигеръ-Махметъ.

Стр. 161. Перешеекъ, соединяющій Крымъ съ материкомъ, не называется „Таврическимъ“.

Стр. 162. „Ханъ Крымскій два раза (въ 1571 и 1572 гг.) подступалъ къ стѣнамъ самой Москви“; но дальше самъ же авторъ говоритъ, что въ 1572 г. крымцы дошли только до р. Лопасни.

Стр. 163. „Это обстоятельство (неудача миссіи Шлитте) ужасно раздражило Іоанна, и онъ объявилъ ливонцамъ войну“. Между началомъ Ливонской войны и „этимъ обстоятельствомъ“ прошло слишкомъ много времени, чтобы можно было принимать его за поводъ къ войнѣ.

Стр. 164. Говоря о раздѣленіи земель Ливонскаго ордена, авторъ ничего не говоритъ объ образованіи герцогства Курляндскаго, которое осталось за Кетлеромъ, въ вассальной зависимости отъ Польши.

Стр. 175. Ченслеръ съ своимъ кораблемъ присталъ не къ „Мур-

манскому берегу* (здѣсь были затерты льдами остальные корабли экспедиціи), а къ устью Сѣверной Двины.

Стр. 186. Съ этой страницы авторъ начинаетъ вторую половину своей книги и озаглавливаетъ ее такъ: „Исторія Россіи отъ смерти царевича Дмитрія до Петра Великаго“; между тѣмъ изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что за начальный фактъ этого періода авторъ принимаетъ 1598 г., то-есть, смерть цзя Θεодора Іоанновича. Необходимо измѣнить заглавіе, тѣмъ болѣе, что первая половина книги озаглавлена такъ: „Исторія Россіи до прекращенія династіи Рюриковичей“ (стр. 1).

Стр. 188. Говоря, что царь Борисъ „возвышалъ положеніе женщины“, авторъ ничѣмъ не подтверждаетъ своихъ словъ.

Стр. 190. „Первый самозванецъ былъ бѣглый монахъ (іеродіаконъ) Московскаго Чудова монастыря, Григорій Отрепьевъ“. Едва ли возможно даже въ учебникѣ такое категорическое заявленіе о личности перваго лже-Дмитрія.

Стр. 194. „Шуйскій (Василій Ивановичъ) былъ схваченъ, уличенъ и приговоренъ къ смертной казни“. Слѣдовало бы прибавить, кому лже-Дмитрій отдалъ на судъ дѣло Шуйскаго.

Стр. 196 (мелкій шрифтъ). „Самозванецъ, вступивъ на престолъ, свергнулъ Іова (патріарха) и поставилъ Исидора“. Это положительно не вѣрно: патріархомъ былъ въ это время не Исидоръ, а Игнатій, бывший до того Рязанскимъ архіепископомъ.

Стр. 197. Не понятно, о какой Украинѣ говоритъ авторъ по поводу возстанія, поднятаго противъ Шуйскаго: оно „охватило Украину по Волгѣ“.

Ibid. Указывая несходство въ лицѣ между первымъ и вторымъ самозванцами, авторъ, между прочимъ, прибавляетъ (въ мелкомъ шрифтѣ)? „бородовка (sic!) у него были на щекѣ“.

Стр. 199. Причина, вызвавшая походъ Сигизмунда III, была не та, которая указана въ книгѣ: „не видя успѣха отъ тушинскаго вора,—Сигизмундъ не хотѣлъ себя выдерживать долѣе: онъ самъ объявилъ Россіи войну; но эту войну онъ объявлялъ не за самозванца уже (а когда же это было?), а за себя“...

Стр. 199—200. Смерть кн. Скопина-Шуйскаго, заболѣвшаго на крестинномъ пиру у князя Воротынскаго, случилась двѣ недѣли спустя послѣ пира; а авторъ утверждаетъ, что онъ и одной ночи не пережилъ послѣ того.

Стр. 203. Возможно ли въ томъ крестномъ знаменіи, которое со-

творилъ Гермогенъ, когда Салтыковъ ему грозилъ ножомъ, видѣть „благословеніе бунтовщика“?

Стр. 204. Первое ополченіе, двинувшееся на освобожденіе Москвы, осадило поляковъ не въ Кремль, какъ говорятъ авторъ: въ ихъ рукахъ былъ тогда и Китай-городъ.

Ibid. Ни Прокопій Ляпуновъ, ни Сумбуловъ, ни Болотниковъ никогда не служили второму самозванцу, какъ утверждаетъ авторъ: „Когда появился второй самозванецъ, Прокопій Ляпуновъ присталъ къ нему вмѣстѣ съ Сумбуловымъ и съ Болотниковымъ“ и т. д.

Ibid. „Въ сверженіи Шуйскаго съ престола дѣятельное участіе принималъ“ не Прокопій Ляпуновъ, а его братъ Захаръ, о чемъ и сказано въ книгѣ на стр. 200.

Стр. 205. Троицкая лавра выступила съ воззваніями къ русскому народу не по смерти патріарха Гермогена, какъ утверждаетъ авторъ, а тогда, когда патріархъ, подвергнутый тяжкому заключенію, не могъ продолжать своей роли руководителя дѣломъ освобожденія (патріархъ Гермогенъ скончался 17-го февраля 1612 г.).

Стр. 207. Выступленіе князя Пожарскаго изъ Ярославля произошло въ концѣ іюля мѣсяца, а не „20-го августа 1612 г.“, какъ сказано въ книгѣ: 14-го августа ополченіе было уже у Троицкой лавры.

Ibid. Когда Пожарскій подошелъ къ Москвѣ, начальникомъ поляковъ, засѣвшихъ въ ней, былъ Струсь одинъ, безъ Ходѣвича, который не „вышелъ изъ Кремля добывать провіантъ“, какъ говорятъ нашъ авторъ, а велъ къ Москвѣ на помощь полякамъ и ратныхъ людей, и припасы.

Стр. 210. „Хотя и былъ изданъ (въ 1588 г.) на русскомъ языкѣ такъ-называемый „Литовскій Статутъ“, но съ теченіемъ времени и въ него стали вкрадываться статьи изъ польскаго права“... Это мѣсто не совсѣмъ ясно: вѣдь Литовскій Статутъ и представлялъ соединеніе мѣстныхъ (русскихъ) законовъ съ статьями изъ польскаго права; къ чему же эти слова: „съ теченіемъ времени и въ него стали вкрадываться статьи изъ польскаго права“?

Стр. 213. Соборъ 1590 г. вовсе не касался вопроса объ уніи, какъ утверждаетъ авторъ; по всей вѣроятности, здѣсь идетъ рѣчь о соборѣ 1591 г., на которомъ, дѣйствительно, четыре православныхъ епископа, съ Кирилломъ Терлецкимъ, епископомъ Луцкимъ, во главѣ, подписали грамоту въ смыслѣ уніи.

Стр. 216. Говора о Петрѣ Могилѣ, авторъ не упоминаетъ вовсе о томъ, что онъ былъ Кіевскимъ митрополитомъ.

Стр. 225. Гетманъ Сагайдачный названъ, вѣроятно, по недосмотру, „гетманомъ запорожскихъ казаковъ“.

Стр. 239. Исправленіе церковныхъ книгъ началось раньше патріаршества Филарета; поэтому нельзя согласиться съ словами автора: „По недостатку просвѣщенія долго всего этого не замѣчали; но потомъ стали обращать вниманіе, и при патріархахъ Филаретѣ и Іосифѣ, которые были передъ Никономъ, рѣшились приняться за исправленіе ошибокъ въ священныхъ (?) книгахъ“.

Стр. 241. Въ изложеніи вопроса объ исправленіи церковныхъ книгъ при Никонѣ авторомъ перемѣшаны соборы, созывавшіеся по этому случаю въ Москвѣ, и допущены нѣкоторыя хронологическія ошибки: 1) первый соборъ, на которомъ былъ возбужденъ вопросъ объ исправленіи нашихъ церковныхъ книгъ и обрядовъ, происходилъ въ Москвѣ въ мартѣ или апрѣлѣ 1654 г.; но на немъ не присутствовалъ ни патріархъ Антиохійскій Макарій, ни Сербскій Гавріилъ: первый прибылъ въ Москву только 28-го мая 1654 г., а второй — 2-го февраля 1655 г.; притомъ этотъ соборъ былъ созванъ Никономъ не только до полученія отвѣтнаго посланія отъ патріарха Константинопольскаго Памсіа, но даже до отправленія къ послѣднему грамоты съ вопросами о церковныхъ непорядкахъ, подписанной 12-го іюня 1654 г. (отвѣтъ Памсіа подписанъ былъ 20-го декабря 1654 г., а въ Москву доставленъ только 15-го мая 1655 г.); 2) проклятiе на придерживающихся двуперстія въ крестномъ знаменіи произнесено было патріархомъ Макаріемъ и повторено Гавріиломъ Сербскимъ въ Успенскомъ соборѣ въ недѣлю православія 24-го февраля 1656 г., а соборъ, созванный послѣ этого Никономъ (23-го апрѣля 1656 г.), состоялъ изъ однихъ русскихъ іерарховъ, а епископомъ Коломенскимъ былъ тогда Александръ, а не Павелъ, лишенный сана и сосланный въ заточеніе послѣ собора 1654 г.

Стр. 254. Бояринъ Матвѣевъ былъ начальникомъ посольскаго приказа не „послѣ Морозова“, какъ сказано въ книгѣ, а послѣ Ордына-Нащокина.

Стр. 255. „По смерти царя Алексѣя Михайловича, когда ближе ко двору сталъ родъ Милославскихъ“ и т. д. О приближеніи этого рода, о бракѣ Алексѣя Михайловича съ Марьей Ильинишною Милославскою раньше не было сказано ни слова, и потому эти слова не могутъ быть понятны ученикамъ.

Стр. 262. Составъ земскихъ соборовъ Московскаго государства

указанъ авторомъ неправильно: „Они, по повелѣнію царя, составлялись изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ людей“.

Стр. 263 (въ мелкоѣ прифтѣ). Не въ 1556 г. созванъ былъ второй земскій соборъ „по случаю предстоявшей (происходившей?) войны съ Польшей по вопросу литовскому (ливонскому?)“, а въ 1566.

Стр. 271. Не „ферезря“ называлась верхняя одежда русскихъ людей того времени (плащъ съ рукавами), а „ферезья“...

Вотъ главнѣйшіе изъ замѣченныхъ нами ошибокъ и недосмотровъ въ книгѣ г. Преображенскаго.

Не безукоризнена она и въ литературномъ отношеніи: встрѣчаются слова и обороты, которые не терпимы въ книгѣ, предназначенной для учащихся (напримѣръ, употребленіе мѣстоименія „ихній“, часто попадающееся на страницахъ книги г. Преображенскаго; глаголъ „устроить“, „вынять“, а на стр. 46 попадаетъ такой оборотъ: „которыхъ (князей) будетъ желать дать имъ онъ“); а инныя выраженія, при всей ихъ, такъ сказать, высокопарности, должны быть отнесены къ числу малопонятныхъ и потому неумѣстныхъ въ учебной книгѣ (напримѣръ, на стр. 67: „Первымъ условіемъ политическаго быта удѣловъ является князь“, или на стр. 155 (въ примѣчаніи) „Эта обстоятельство, съ которою въ немъ (въ Судебникѣ Іоанна IV) разработанъ вопросъ о судопроизводствѣ гражданскомъ, могла уже легко повести къ составленію и дальнѣйшихъ законовъ, которые бы касались гражданского и уголовного права“).

Въ общемъ книга г. Преображенскаго не оправдываетъ тѣхъ надеждъ, какія долженъ былъ возбуждать его первый весьма удачный опытъ. Она, конечно, не чужда тѣхъ хорошихъ качествъ, которыя особенно рекомендовали его „эпизодической курсъ“,—разумѣемъ теплоту патріотическаго чувства и живость изложенія,—но значительное количество отмѣченныхъ нами частныхъ ошибокъ, промаховъ, обмолвокъ и недосмотровъ, явно обличаетъ излишнюю торопливость работы.

Н. А. Шапошниковъ. Краткое руководство ариметики, соединенное съ методикою и систематическимъ сборникомъ тиическихъ задачъ. Для учащихся и учащихся въ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Часть I. Ариметика цѣлыхъ чиселъ. Цѣна 40 коп.—Часть II. Ариметика дробныхъ чиселъ. Цѣна 40 коп.—Часть III. Общія способы рѣшенія ариметическихъ задачъ. Москва. 1888. Стр. 124+152+58. Цѣна 20 коп.

Названная книга представляетъ, какъ свидѣтельствуемъ ея главіе, соединеніе учебника ариметики съ методикою. Такого рода

руководство может быть весьма полезно для учащихся в учительских институтах, на педагогических курсах и т. под., то-есть, для таких учеников, которые уже обладают достаточным знанием арифметики и способны отнестись критически к методам ее изложения; но вообще для учеников средних учебных заведений, и в особенности для изучающих систематический курс арифметики в первый раз, всякое углубление в методику несвоевременно: оно только усложняет предмет и препятствует его пониманию и усвоению учениками. Рассматриваемая книга может служить подтверждением вышесказанного относительно соединения методики с учебником. А именно, книга эта имеет много замечательных достоинств, и если бы из нее исключить все излишнее для элементарного курса, то она могла бы служить руководством для учеников средних учебных заведений. Между тем, уже на первой ее странице встречаем такое определение величины: „Величиною называется всякое свойство предмета или явления, которое обладает следующими признаками: это свойство может быть представлено изменяющеюся Изменение его состоит в увеличении и в уменьшении. Такое изменение может быть отчетливо выяснено“. Для выяснения этого определения автор говорит: „Но, например, цвет предмета не есть величина потому что хотя цвет предмета может изменяться, но это изменение не состоит в увеличении, или в уменьшении, и различие цветов не может быть точно определено.—На таком же основании форма предмета не есть величина.—Многие свойства явлений суть величины. Такова, например, продолжительность какого-нибудь действия, скорость движения, яркость света и так далее. Но, например, красота какого-нибудь явления, или полезность его, не суть величины“. Ученик, еще не знающий физики, едва ли согласится признать за величину яркость света; вообще можно сказать, что приведенные автором примеры ясны только тому, кто уже имеет отчетливое понятие о том, что такое величина.

На первых же страницах учебника автор выясняет, что называется изменением, единицами меры, отношением, затем дает определение числа, как результата измерения: „Число выражает отношение величины к единице меры“ и говорит: „Понятие о числе не следует смешивать с понятием об отношении. Отношение между величинами существует само по себе, независимо от того, рассматриваем ли мы эти величины, или нет. Понятие же о числе возникает в нашем уме тогда, когда мы стремимся представить себе

мысленно рассматриваемое отношеніе“. Не смотря на такое предостереженіе, не только начинающій, но и всякій ученикъ, вѣроятно, будетъ смѣшивать число съ отношеніемъ величинъ: возможность различенія этихъ понятій требуетъ уже весьма развитой способности наблюдать процессы собственнаго мышленія и не соответствуетъ силамъ только-что начинающихъ систематическое изученіе ариѳметики.

Послѣ такого опредѣленія числа, авторъ переходитъ къ уясненію отличія отвлеченнаго числа отъ именованнаго, а вслѣдъ затѣмъ — къ опредѣленію того, чтѣ слѣдуетъ разумѣть подѣ названіями: число цѣлое, дробное, несоизмѣримое. Эта несвоевременная и не вызванная необходимостью экскурсія въ область теоріи величинъ влечетъ за собою, не говоря уже о другихъ неудобствахъ, неизбежныя противорѣчія. Такъ, на примѣрѣ, на стр. 3, авторъ говоритъ: „Измѣреніемъ величины называется точное сравненіе размѣра данной величины съ размѣромъ другой, которая считается извѣстной“, а на стр. 6, уясняя происхожденіе несоизмѣримыхъ чиселъ, онъ замѣчаетъ: „Наконецъ можетъ оказаться такой случай измѣренія, когда выбранная единица мѣры ни сама по себѣ, ни частями своими, какими бы то ни было, не можетъ служить для точнаго измѣренія, потому что ни одна изъ частей единицы, какъ бы онѣ не были малы, не можетъ уложиться безъ остатка въ измѣряемой величинѣ“.

Всѣ приведенныя выписки относятся къ „введенію“, которое оканчивается слѣдующимъ разъясненіемъ сущности ариѳметики: „Разнообразные практическіе вопросы весьма часто наталкиваютъ нашъ умъ на изслѣдованіе величинъ. Всякое такое изслѣдованіе ихъ приводится къ измѣренію. Послѣ же измѣренія всѣ величины выражаются именованными числами. Поэтому изученіе разнообразныхъ практическихъ дѣйствій съ величинами приводится къ изученію дѣйствій съ именованными числами. Но въ свою очередь разсмотрѣніе именованныхъ чиселъ приводится къ разсмотрѣнію отвлеченныхъ. Такимъ образомъ возникаетъ наука ариѳметика“.

Этимъ взглядомъ автора на исторію ариѳметики обуславливается порядокъ его изложенія предмета. Происхожденію чиселъ, какъ результату счета, предшествуетъ разсужденіе о раздѣльныхъ величинахъ; счетомъ названо измѣреніе однообразно-раздѣльныхъ величинъ. Такимъ опредѣленіемъ счета оканчивается метафизическая часть труда г. Шапошникова.

Слѣдующее затѣмъ изложеніе системы счисленія и теоріи четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій можно, за немногими исключеніями,

признать образцовымъ, и по глубинѣ мысли, и по простотѣ метода. Напримѣръ, на стр. 9 весьма полно и кратко выяснено слѣдующее важнѣйшее свойство числа, служащее основой системы счисления: „Цѣлое число не измѣнится при всякомъ перемѣщеніи и измѣненіи группировки составляющихъ его единицъ“. Въ общей теоріи сложения обращаетъ на себя вниманіе простое и ясное изложеніе свойствъ перемѣстительности и сочетательности; затѣмъ статьи: измѣненія суммы и разности (стр. 36), дѣйствія съ суммой и разностью (39), употребленіе скобокъ при сложеніи и вычитаніи (42) и многія другія не только содѣйствуютъ твердому и вполне сознательному усвоенію сущности и правилъ ариметическихъ дѣйствій, но и служатъ превосходною подготовкою къ изученію алгебры. Можно сдѣлать только то замѣчаніе, что не всѣ параграфы съ одинаковою тщательностью обработаны; напримѣръ, при томъ же методѣ и не увеличивая объема, система нашего счисления могла бы быть изложена съ большею наглядностью,—перечисленія всѣхъ видовъ суммъ трехъ и четырехъ чиселъ (стр. 23—24), всѣхъ видовъ сложныхъ выраженій со столькими же числами (стр. 42—43), всѣхъ перемѣщеній въ произведеніи (стр. 51) и т. п. излишни и могутъ даже весьма затруднить учениковъ, а потому эти перечисленія удобнѣе было бы значительно сократить.

Послѣ теоріи четырехъ дѣйствій помѣщено примѣненіе ихъ къ рѣшенію задачъ, которымъ дано такое подраздѣленіе: „По роду чиселъ, указываемыхъ въ задачахъ, всѣ задачи раздѣляются на вещественныя или конкретныя и отвлеченныя или абстрактныя. Вещественная задача есть та, которая относится къ именованнымъ числамъ. Отвлеченная задача есть та, которая касается однихъ только отвлеченныхъ чиселъ... По свойству условій, задачи раздѣляются на выводныя или синтетическія и разборныя или аналитическія“. Далѣе онъ замѣчаетъ: „Въ ариметикѣ преимущественно разсматриваются синтетическія задачи, если же встрѣчаются аналитическія, то ихъ приводятъ къ синтетическимъ“ (стр. 84). Вполнѣ соглашаясь съ послѣднимъ замѣчаніемъ автора и съ дѣленіемъ задачъ на синтетическія и аналитическія, нельзя однако признать какихъ-либо преимуществъ за его подраздѣленіемъ задачъ на вещественныя и отвлеченныя.

Послѣ рѣшенія типическихъ задачъ помѣщены именованныя числа и дѣйствія надъ ними.

Во второй части („арифметика дробныхъ чиселъ“) заслуживаетъ

преимущественнаго вниманія порядокъ изложенія, а въ особенности теорія простыхъ дробей. Преподавателямъ ариметики извѣстно, что приведеніе дробей къ одному знаменателю затрудняетъ учениковъ, если имъ приходится приступать къ этому дѣйствию прежде, чѣмъ они вполне усвоили себѣ понятіе о дробномъ числѣ, такъ сказать, свыклись съ этимъ понятіемъ. Упомянутое неудобство устранено въ ариметикѣ г. Шапошникова. Дробы, имѣющія одинаковыхъ знаменателей, онъ называетъ дробями одного разряда; сложеніе и вычитаніе такого рода дробей изложены непосредственно вслѣдъ за опредѣленіемъ дробы и разясненіемъ ея происхожденія, а затѣмъ слѣдуютъ умноженіе и дѣленіе дробы на цѣлое число. Дѣлимость чиселъ, представляющая вводную главу въ ариметикѣ, помѣщена послѣ этой, такъ-сказать, элементарной теоріи дробей. Если во время изученія дѣлимости чиселъ ученики будутъ упражняемы въ дѣйствіяхъ надъ одноразрядными дробями, то теорія обобщенныхъ дѣйствій съ дробными числами, которая въ ариметикѣ г. Шапошникова слѣдуетъ непосредственно за статью о дѣлимости чиселъ, уже не представитъ никакого затрудненія.

Вторая часть труда г. Шапошникова отличается такимъ же смѣшаннымъ характеромъ, какъ и его первая часть: за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ авторъ вдается въ методику и касается происхожденія понятій, изложеніе доступно, по своей простотѣ и ясности, даже ученикамъ младшихъ классовъ. Какъ на образецъ, заслуживающій подражанія, можно указать, напримѣръ, на § 4 (стр. 10—11), то-есть, на слѣдующее объясненіе выраженія частнаго дробью: „Можно доказать, что введеніе дробей въ науку устраняетъ разницу между полнымъ дѣленіемъ и неполнымъ и позволяетъ точно дѣлить любое цѣлое число на другое цѣлое. Дѣйствительно, положимъ, что мы хотѣли бы раздѣлить какое-нибудь число, напримѣръ, 3, на число его большее, напримѣръ, на 5, искомое частное обозначимъ, какъ всегда прежде, въ видѣ 3:5. Чтобы выполнить требуемое дѣйствіе, нужно выразить дѣлимое въ дробной формѣ, раздробивъ его въ пятая доли. Замѣтимъ, что единица содержитъ 5 пятыхъ долей и потому она, будучи преобразована въ дробную форму, принимаетъ видъ числа $\frac{5}{\text{пятыхъ}}$ или $\frac{1+1+1+1+1}{\text{пятыхъ}}$. Слѣдовательно, все дѣлимое, какъ состоящее изъ трехъ единицъ, равно совокупности долей

$\frac{1+1+1+1+1}{\text{пятыхъ}} + \frac{1+1+1+1+1}{\text{пятыхъ}} + \frac{1+1+1+1+1}{\text{пятыхъ}}$, или числу $\frac{15}{\text{пятыхъ}}$. Въ

предыдущемъ числѣ можно сгруппировать всѣ его доли иначе, такъ: взять сначала по одной единицѣ изъ каждой изъ трехъ группъ и ихъ сгруппировать вмѣстѣ, потомъ сдѣлать тоже со вторыми единицами всѣхъ группъ, затѣмъ съ третьими и наконецъ съ пятыми. Тогда тоже дѣлимое 3 приведется къ новому виду

$$\frac{1+1+1}{\text{пятьхъ}} + \frac{1+1+1}{\text{пятьхъ}} + \frac{1+1+1}{\text{пятьхъ}} + \frac{1+1+1}{\text{пятьхъ}} + \frac{1+1+1}{\text{пятьхъ}}$$

Но въ этомъ новомъ видѣ оно разложено на 5 равныхъ частей и его пятая часть есть $\frac{1+1+1}{\text{пятьхъ}}$ или $\frac{3}{5}$. Слѣдовательно, имѣемъ $3 : 5 = \frac{3}{\text{пятьхъ}}$, то-есть, искомое частное выражено дробью и потому, значить, найдено". Языкъ, которымъ написано это объясненіе, именно такой, къ какому желательно приучать учениковъ съ самыхъ младшихъ классовъ.

Примѣромъ неудачнаго объясненія можетъ служить § 43 (стр. 62), въ которомъ авторъ, объясняя умноженіе на дробь, указываетъ на условность тамъ, гдѣ ея въ сущности нѣтъ, и которой онъ легко могъ бы избѣжать, еслибъ оставался послѣдовательнымъ и воспользовался тѣми же подготовительными выводами, какіе уже были имъ получены ранѣе. А именно, онъ говоритъ: „Умноженіе на дробь еще не разсматривалось и какъ дѣйствіе совершенно новое, оно подлежить новому опредѣленію, которое мы можемъ выбрать сами, потому что отъ насъ зависитъ условиться, что мы будемъ понимать подъ умноженіемъ на дробь. Выберемъ сначала опредѣленіе для умноженія какого-нибудь числа на долю единицы. Понятно, что такое новое умноженіе должно быть дѣйствіемъ, совершенно отличнымъ отъ прежняго умноженія, и отличие дѣйствій должно быть связано съ отличіемъ доли отъ цѣлаго числа. Примемъ условно, что умноженіе на $\frac{1}{2}$ есть составленіе половины множимаго, умноженіе на $\frac{1}{3}$ есть составленіе одной трети множимаго и т. д.“—Разсужденіе такого рода легко можетъ внушить ученику мысль, что умноженіе дробей есть не болѣе какъ выдумка.

Эти примѣры достаточно выясняютъ главные достоинства и недостатки книги г. Шапошникова; но въ ней не мало другихъ особенностей, заслуживающихъ указанія. Напримѣръ, совершенно устранена теорія арифметическихъ и геометрическихъ пропорцій, а только въ третьей части, посвященной рѣшенію типическихъ задачъ, говорится о прямой и обратной пропорціональности величинъ. При рѣшеніи задачъ, относящихся до простаго и сложнаго тройнаго правила, авторъ даетъ два способа: приведеніе къ единицѣ и способъ измѣне-

нія въ кратномъ отношеніи; послѣдній вполне соотвѣтствуетъ рѣшенію задачъ при помощи составленія пропорцій.

Третья часть учебника („общіе способы рѣшенія арифметическихъ задачъ“) можетъ оказать большую пользу ученикамъ при подготовкѣ къ экзамену, потому что въ ней находится подробное рѣшеніе тѣхъ задачъ, которыя требовались Московскимъ учебнымъ округомъ на испытаніяхъ зрѣлости. Къ нѣкоторымъ рѣшеніямъ присоединены образцы расположенія вычисленій вчернѣ. Такую предусмотрительность автора оцѣнить каждый опытный учитель, а неопытнаго эти образцы наведутъ на мысль о важности хорошаго расположенія вычисленій не только для успѣшнаго рѣшенія задачъ, но и вообще для успѣха въ дѣлѣ математическаго образованія.

Во второй части, въ отдѣлѣ о десятичныхъ дробяхъ, авторъ замѣняетъ запятую, отдѣляющую цѣлое отъ дробной части, горизонтальною подстрочною чертою. Нововведеніе это, не вызванное никакою теоретическою необходимостью и представляющее затрудненія на практикѣ, нельзя не признать неудачнымъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что рассматриваемая книга, не смотря на нѣкоторые недостатки, заслуживаетъ особаго вниманія учителей математики и, какъ можно надѣяться, останется не безъ вліянія на улучшеніе обычныхъ методовъ преподаванія этой науки.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПЕРВОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІИ **Ө. Ө. ШУБЕРТА** ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Въ столѣтнюю годовщину дня рожденія почетнаго члена Императорской Академіи Наукъ и бывшаго начальника военно-топографическаго депо генерала отъ инфантеріи **Өеодора Өеодоровича Шуберта**, 12-го февраля, состоялось публичное торжественное засѣданіе Академіи подъ предсѣдательствомъ вице-президента дѣйствительнаго тайнаго совѣтника **В. Я. Буяковскаго** и въ присутствіи многихъ почетныхъ лицъ.

По открытіи засѣданія, академикъ **В. Г. Имшенецкій** прочелъ отчетъ о присужденіи преміи имени **Ө. Ө. Шуберта**, учрежденной въ его память по мысли его дочери **Софіи Өеодоровны Шубертъ**. Желая навсегда продлить въ ученomъ мѣрѣ воспоминаніе о его научныхъ трудахъ и заслугахъ по организаціи и дѣятельному направленію геодезическихъ работъ въ Россіи, **С. Ө. Шубертъ** предложила пожертвовать Академіи 10,550 рублей съ тѣмъ, чтобъ изъ процентовъ съ этой суммы назначались, черезъ каждые два года, преміи за выдающіяся научныя произведенія и работы въ той области знаній, въ которой труды **Ө. Ө. Шуберта** заняли столь почетное мѣсто. 29-го февраля 1887 года послѣдовало Высочайшее Государя Императора соизволеніе на принятіе Академіей Наукъ означеннаго пожертвованія для учрежденія, согласно волѣ жертвовательницы, преміи имени генерала **Шуберта**, выдаваемой на основаніи правилъ, утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія.

Настоящее первое присужденіе этой премии состоялось въ физико-математическомъ отдѣленіи Академіи, на основаніи отзыва ординарнаго академика по теоретической астрономіи О. А. Баклунда о сочиненіи Гюльдена: „*Untersuchungen über die Convergenz der Reihen, welche zur Darstellung der Coordinaten der Planeten angewendet werden*“. Г. Гюльденъ поставилъ себѣ главною задачею рѣшить вопросъ: „будутъ ли разстоянія между планетами всегда заключаться между конечными и опредѣленными предѣлами, насколько это зависитъ отъ взаимнаго отношенія среднихъ движеній“. До Гюльдена вопросъ объ устойчивости планетной системы въ зависимости отъ соизмѣримости среднихъ движеній не былъ еще рѣшенъ. Онъ же показалъ, что разстоянія въ нашей планетной системѣ не могутъ возрасти далѣе извѣстныхъ предѣловъ, даже въ томъ случаѣ, когда среднія движенія планетъ будутъ точно или приблизительно соизмѣримы между собою. Кромѣ того, онъ доказалъ, что вѣроятность случая либраціи приблизительно такая же, какъ и противоположнаго случая. Кромѣ означеннаго труда г. Гюльдена, на соисканіе преміи было представлено русскими и иностранными авторами четыре сочиненія, относящіяся къ теоретической астрономіи. По разсмотрѣніи ихъ, коммиссія присудила премію $\Theta.$ $\Theta.$ Шуберта въ 1,000 рублей члену академіи наукъ въ Стокгольмѣ и члену-корреспонденту нашей Академіи Наукъ, доктору Г. Н. Гюльдену, за его изслѣдованія о сходимости рядовъ, примѣняемыхъ къ выраженію планетныхъ координатъ, изслѣдованія, имѣющія несомнѣнно самое важное значеніе въ рядѣ трудовъ по теоретической астрономіи, которые были изданы въ періодъ времени, указанный правилами о преміи имени Шуберта.

Въ прочтенной затѣмъ рѣчи генералъ-лейтенантъ I. И. Стебницкій обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на заслуги $\Theta.$ $\Theta.$ Шуберта на поприщѣ науки и административной дѣятельности. Чтобы рельефнѣе очертить труды $\Theta.$ $\Theta.$ Шуберта въ отношеніи развитія геодезическихъ и картографическихъ работъ въ нашемъ отечествѣ, I. И. Стебницкій бросилъ бѣглый взглядъ на состояніе у насъ картографіи до 1820 года, когда $\Theta.$ $\Theta.$ Шубертъ сталъ во главѣ этого дѣла.

Научное начало русской картографіи было положено академическимъ изданіемъ 1745 года подъ заглавіемъ: „Атласъ російской, состоящей изъ 19 специальныхъ картъ, представляющихъ Всероссійскую имперію съ пограничными землями, сочиненной по правиламъ географическимъ и новѣйшимъ обсерваціямъ, съ приложенною притомъ генеральною картою великія имперіи, стараніемъ и трудами Импе-

раторской Академіи Наукъ“. Этотъ атласъ соотвѣтствовалъ тогда всеобщей самой настоятельной потребности въ сколько-нибудь удовлетворительномъ изображеніи нашей обширной территоріи. Съ учрежденіемъ депо картъ собственнаго Его Императорскаго Величества кабинета въ царствованіе императора Павла I, въ 1797 году, заботы о преуспѣяніи картографіи въ нашемъ отечествѣ перешли отъ Академіи Наукъ въ военное вѣдомство. „Столиковая карта Россіи“ въ 20-ти-верстномъ масштабѣ была первымъ замѣчательнымъ въ свое время изданіемъ депо картъ. Къ ея недостаткамъ слѣдуетъ отнести малое количество опорныхъ пунктовъ, для сводки крайне разнообразнаго по качеству топографическаго матеріала, по которому была составлена эта карта. Поэтому вскорѣ послѣ возвращенія О. О. Шуберта изъ Франціи, гдѣ онъ, между прочимъ, на ряду съ своими товарищами, офицерами генеральнаго штаба, производилъ съѣмку въ департаментахъ Арденны и Марны, когда состоялось назначеніе его начальникомъ депо, было обращено особенное вниманіе на покрытіе Россіи тригонометрическою сѣтью. Въ то же время и съѣмочныя работы получили такое развитіе, что оказался недостатокъ въ офицерахъ генеральнаго штаба и колонновожатыхъ, выдѣляемыхъ для сей цѣли. Поэтому, по ходатайству О. О. Шуберта, въ 1822 году состоялось Высочайшее повелѣніе объ образованіи особаго корпуса топографовъ, предназначеннаго специально для производства геодезическихъ работъ въ имперіи. Первымъ начальникомъ корпуса былъ назначенъ О. О. Шубертъ. Изданное имъ „Руководство для исчисленія тригонометрической съѣмки и работъ военно-топографическаго депо, съ таблицами“ объединило всѣ геодезическія работы, производившіяся тогда въ генеральномъ штабѣ.

Въ 1828 году О. О. Шубертъ былъ назначенъ директоромъ гидрографическаго депо и начальникомъ съѣмки Балтійскаго моря, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ, то-есть, непремѣннаго члена военно-ученаго комитета по квартирмейстерской части, директора корпуса топографовъ и управляющаго военно-топографическимъ депо. По его почину состоялась первая большая хронометрическая экспедиція въ Европѣ; въ ея составъ вошли знаменитые астрономы—В. Струве, Бессель, Аргеландеръ, Шумахеръ и др. При О. О. Шубертѣ составлена и издана первая „Спеціальная карта западной части Россіи“, въ масштабѣ 10 верстъ въ дюймѣ, извѣстная подъ названіемъ „карты Шуберта“. Послѣ академическаго атласа Россіи и столиковой карты генерала Опермана, карта Шуберта была третьею стадіей въ развитіи русской картографіи.

Съ назначеніемъ членомъ военнаго совѣта въ 1843 году, *Э. Э. Шубертъ* не переставалъ трудиться для геодезіи. Имѣя уже 70 лѣтъ отъ роду, онъ издалъ въ 1858 году капитальное сочиненіе: „*Exposé des travaux astronomiques et géodésiques, exécutés en Russie dans un but géographique jusqu'à l'année 1855*“; а въ 1859 году появилось его изслѣдованіе: „*Essai d'une détermination de la véritable figure de la terre*“. Независимо отъ того, свои идеи о фигурѣ земли *Э. Э. Шубертъ* изложилъ въ болѣе популярной статьѣ: „О работахъ, произведенныхъ для опредѣленія вида и величины земли“. Глубокій знатокъ геодезіи и топографіи, *Э. Э. Шубертъ* въ статьѣ: „О картографическомъ примѣненіи астрономическихъ опредѣленій“, съ свойственною ему критикою и ясностью, указалъ, при какой точности и подробности стѣмокъ эти послѣднія могутъ основываться, безъ тригонометрическаго измѣренія, на пунктахъ, опредѣленныхъ чисто астрономическимъ путемъ. Въ заключеніе *И. И. Стебницкій* указалъ, что на ряду съ изложенными занятіями по геодезіи, *Э. Э. Шубертъ* посвящалъ свое время нумизматикѣ, музыкѣ и живописи; и въ этихъ отношеніяхъ онъ былъ болѣе чѣмъ диллетантъ. Онъ организовалъ и десять лѣтъ управлялъ симфоническимъ обществомъ, давшимъ первый толчекъ къ развитію у насъ вкуса къ классической музыкѣ. Онъ издалъ: 1) подробный каталогъ лично имъ собранныхъ русскихъ монетъ и медалей и 2) весьма замѣчательное сочиненіе по этому поводу: „*Types des monnaies russes depuis Jean IV jusqu'à l'Empereur Alexandre II*“. Онъ доказалъ заботливость свою объ успѣхѣ у насъ художествъ участіемъ въ основаніи общества для поощренія художествъ. *Э. Э. Шубертъ* родился въ С.-Петербургѣ 12-го февраля 1789 года, а скончался въ Штутгартѣ 3-го ноября 1865 года, послѣ 62-лѣтъ службы.

Засѣданіе въ память *Э. Э. Шуберта* сопровождалось выставкой географическихъ картъ, отъ древнѣйшихъ до современныхъ, могущихъ служить наглядною исторіей постепеннаго усовершенствованія картографической части въ нашемъ отечествѣ. Въ составъ выставки вошла коллекція весьма рѣдкихъ картъ, изъ коихъ не мало и уника, принадлежащая сенатору *Д. А. Ровинскому*. Въ коллекціи этой находились слѣдующія карты:

1. Карта Россіи, *Балтиста Анъези*, 1525 года. Происхожденіе ея слѣдующее: въ 1525 году папа *Климентъ VII* отправилъ къ великому князю *Василію Иоанновичу* посла *Павла Центуріона*, для переговоровъ о соединеніи Восточной церкви съ Западною; великій князь одарилъ *Центуріона* разными подарками и отправилъ съ нимъ къ папѣ своего

посла Дмитрія Герасимова съ грамотой и дарами; въ Римѣ Герасимову были оказаны всевозможныя почести: къ нему былъ приставленъ, въ качествѣ проводника, особый епископъ и римскій литераторъ Павелъ Іовій (Paulo Giovio); этотъ послѣдній особенно сошелся съ Дмитріемъ, получилъ отъ него портретъ великаго князя, слушалъ по—часту его разказы о Московіи и Тартаріи, записалъ ихъ, собралъ и напечаталъ особою книжкой въ 1525 году. Въ текстѣ этой книжки Іовій говоритъ, что къ ней приложена гравированная карта Московіи; но таковой карты ни къ первому (весьма рѣдкому), ни къ послѣдующимъ изданіямъ книги Іовія приложено не было. Въ 1884 году докторъ Миховъ розыскалъ эту карту въ венеціанской библіотекѣ св. Марка, въ атласѣ генуэзскаго географа Бапטיста Анъези.

2. Карты Россіи: а) составленная между 1537 и 1544 гг. данцигскимъ сенаторомъ литвиномъ Антономъ Видомъ, и б) Мюнстера 1544 года; первая изъ нихъ особенно замѣчательна по своимъ подробностямъ; на ней въ первый разъ изображена „золотая баба“ съ русскою надъ нею надписью, съ поклоняющимися ей „Абдорами“.

3. Карта Россіи изъ Записокъ о Московіи С. Герберштейна, 1549 г.

4. Копія съ части огромной карты Россіи и прилежащихъ къ ней странъ, гравированной на трехъ доскахъ и составленной по маршрутамъ Дженкинсона и Герберштейна; карта эта, относящаяся къ концу XVI вѣка или къ началу слѣдующаго, очень замѣчательна по своимъ подробностямъ.

5. Карта Россіи, изданная въ 1614 году Гесселемъ Герардомъ и составленная Федоромъ Борисовичемъ Годуновымъ, сыномъ царя Бориса. Эта карта есть такъ-называемый „Большой Чертежъ“, который былъ изготовленъ еще до 1599 года и остался не обнародованнымъ за происходившими въ то время смутами. Какими судьбами этотъ чертежъ попалъ въ руки Гесселя Герарда—не извѣстно. Эта карта по своей вѣрности составляетъ эпоху въ области русской картографіи; она сдѣлана исправно и раздѣлена на градусы по 87 верстѣ въ каждомъ. Въ первый разъ она помѣщена въ атласѣ Blaeu, а вслѣдъ затѣмъ въ изданіи *Les Etats, Empires, Royaumes... du Monde, par le Sieur D. V. T. Y.* Существуютъ точная копія съ нея, сдѣланная въ наше столѣтіе, съ русскою надписью вверху, и еще другая копія, въ которой всѣ латинскія надписи замѣнены русскими.

6. Карта сѣверной, южной Россіи и *Novissima Russiae Tabula*, Исаака Массы, 1609—1612 гг. Карта Большаго Чертежа непре-

мѣнно была въ рукахъ Исаака Массы, извѣстнаго голландца, жившаго долгое время въ Москвѣ въ XVI—XVII столѣтіяхъ. Масса воспользовался ею прежде Гесселя Герарда и въ 1609 и 1612 годахъ издалъ три карты Россіи: сѣверной, южной и Tabula Novissima, которыя цѣликомъ заимствовалъ изъ Большаго Чертежа, изданнаго въ 1614 году Гесселемъ Герардомъ.

7. Карты Персіи и Татаріи изъ путешествіи Олеарія, 1647 года.

8. Карта сѣверной Россіи, составленная Делилемъ и посвященная имъ барону Андрею Артамоновичу Матвѣеву.

За картами Д. А. Ровинскаго были расположены карты, планы и съѣмки военно-топографическаго отдѣла главнаго штаба.

Во главѣ геодезическихъ матеріаловъ, выставленныхъ названнымъ отдѣломъ, лежалъ „Атласъ російскій“, изданный Академіей Наукъ въ 1745 году. Изъ числа 19 специальныхъ картъ этого атласа 13 изображаютъ Европейскую Россію, со включеніемъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ, въ масштабѣ 34 версты въ дюймѣ, а 6 — Азіатскую Россію, въ меньшемъ масштабѣ. Генеральная карта, въ масштабѣ около 206¹/₂ версты въ дюймѣ, обнимаетъ обѣ половины имперіи. Атласъ 1745 года, не смотря на свои недостатки, происшедшіе отъ малаго числа хорошо опредѣленныхъ пунктовъ и неполноты съѣмокъ, представлялъ трудъ замѣчательный для своего времени. Составленіе этого атласа потребовало астрономическаго опредѣленія географическаго положенія важнѣйшихъ пунктовъ Россіи и съѣмки многихъ мѣстностей, причемъ установленный методъ съѣмки былъ принятъ при межеваніи и удержался до сихъ поръ въ межевомъ вѣдомствѣ.

За атласомъ 1745 года слѣдовали работы второй половины прошлаго столѣтія, давшія, какъ извѣстно, богатый матеріалъ къ изученію отечественной географіи. Изъ этихъ работъ заслуживаетъ особаго вниманія генеральное межеваніе, провведенное по повелѣнію императрицы Екатерины II; почти исключительно по межевымъ матеріаламъ составлена „Столистая карта“, въ двадцативерстномъ масштабѣ.

Изъ болѣе мелкихъ работъ XVIII вѣка и начала XIX вѣка должно упомянуть слѣдующія: 1) планъ города С.-Петербурга съ подлинными на немъ резолюціями императора Петра: а) „Подрячиъ дѣлать по сему чертежу“ и б) „дѣлать по сему чертежу, а около маленькой рѣчки шире не дѣлать, какъ четыре или по нуждѣ пять сажень; газоны и каналы противъ сего же; сред-

ней улицѣ не быть, однако на ней кромѣ перегорода не строить"; 2) планъ мѣстоположенія между деревнею Лѣсною и мѣстечкомъ Прохойскомъ, гдѣ шведскія войска, подъ командою генерала Левенгаупта, были разбиты Его Величествомъ Петромъ I. На этомъ планѣ тоже рукою императора Петра I написано: „Карта для показанія послѣдняго лагернаго мѣста русскихъ войскъ передъ встрѣчей съ шведскими и гдѣ сіи послѣдніе прогнаны были за р. Сожь“. Всѣ карты разсматриваемой эпохи носятъ на себѣ характеръ полунструментальныхъ и нерѣдко даже глазомѣрныхъ съѣмокъ.

Почти одновременно съ учрежденіемъ депо картъ, вмѣсто прежнихъ отдѣльныхъ работъ, не имѣющихъ между собою связи, стали производиться сплошныя съѣмки, а старыя разнородныя инструменты—замѣняются мензулою; въ основаніе съѣмокъ положена была триангуляція; техника работъ замѣтно улучшилась. Чтобы съѣмки служили точными оригиналами для составленія картъ въ разныхъ масштабахъ и въ то же время удовлетворяли строгимъ тактическимъ требованіямъ, сначала производили ихъ въ крупномъ масштабѣ, преимущественно въ двухсотъ-саженномъ. Съ 1844 года однако перешли къ верстовому масштабѣ, чтобы ускорить полученіе надежной военной пограничной карты Россіи. Образчиками таковыхъ работъ были съѣмки Харьковской, Новгородской, Костромской и другихъ губерній. Онѣ основаны на тригонометрическихъ данныхъ. Рельефъ въ нихъ выраженъ глазомѣрно штрихами. Давали только по 3, 4 тригонометрическія точки на планшетъ, обнимающій 400 кв. верстъ, отчего точность этихъ съѣмокъ и по горизонтальному разстоянію была небольшая.

Затѣмъ слѣдовали съѣмки Тверской, Нижегородской и другихъ губерній, составленныя по межевымъ съѣмкамъ, на основаніи тригонометрической сѣти, проложенной военнымъ вѣдомствомъ.

Образчиками работъ, исполненныхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіатской Турціи 1877—1878 годахъ, явились верстовыя съѣмки Западной Болгаріи и Эрзерумской области; хотя онѣ дѣлались въ военное время, тѣмъ не менѣе въ основу ихъ положена тригонометрическая сѣть и для выраженія рельефа горизонталями определено достаточно точекъ по высотѣ.

Наконецъ, съѣмки Финляндіи, сѣверо-западнаго и юго-западнаго пограничнаго пространства представляли образцы съѣмокъ, нынѣ производимыхъ, въ 250-саженномъ масштабѣ, съ болѣе точными данными для выраженія мѣстности, какъ по вертикальному, такъ

и по горизонтальному разстоянію. Для увеличенія точности по горизонтальному разстоянію дается отъ 12 до 15 тригонометрическихъ пунктовъ на планшетъ около 85 кв. верстъ; точность же узнанія абсолютной высоты снимаемой мѣстности достигается тѣмъ, что тригонометрическіе пункты связываются по высотѣ съ заблаговременно опредѣленными пунктами путемъ топографическаго нивелированія; а для выраженія рельефа горизонталями опредѣляется 5 или 6 точекъ по высотѣ на квадратный дюймъ съемочнаго брульона.

Переходъ къ 250-саженному масштабу и успѣхи, сдѣланные фотографіей и ея безконечными приложеніями, позволили издавать съемочные брульоны гелиографіей, безъ содѣйствія ручнаго труда по составленію оригинала карты въ уменьшенномъ масштабѣ и безъ ручнаго гравированія для изданія ея. Образчики такихъ работъ тоже были выставлены отдѣломъ.

За указанными рукописными картами, планами и съемками слѣдовали картографическія изданія, изъ коихъ каждое въ свое время имѣло, или имѣетъ нынѣ, громадное значеніе. Назовемъ болѣе выдающіяся изъ нихъ: 1) Подробная карта Россійской имперіи и близъ лежащихъ пограничныхъ владѣній генерала Опермана, изданная въ началѣ XIX столѣтія, въ 20-верстномъ масштабѣ; 2) Спеціальная карта, 10-верстнаго масштаба, изданная съ 1826 по 1840 годъ и извѣстная подъ названіемъ „Шубертовской карты“; 3) Семитопографическія карты разныхъ губерній, изданныя тоже Шубертомъ, въ пятиверстномъ масштабѣ; 4) Подробный планъ столичнаго города С.-Петербурга, сдѣланный въ 1828 году въ 50-саженномъ масштабѣ на основаніи заблаговременно проложенной триангуляціи, и т. д. Вторая изъ названныхъ картъ нынѣ замѣнена „Новою спеціальною картою“, десятиверстнаго масштаба, составленною подъ редакціей генералъ-маіора Стрѣльбицкаго. Въ картѣ болѣе 170 листовъ. Это самое обширное хромофотографическое изданіе военно-топографическаго отдѣла главнаго штаба.

Вмѣсто третьей группы картъ весьма распространена нынѣ „Военно-топографическая карта Европейской Россіи“, издаваемая съ 1846 года по настоящее время, въ трехверстномъ масштабѣ. Этой карты уже болѣе 520 листовъ.

Наконецъ, изъ картъ нашей территоріи въ Азіи должно указать единственную, вполне состоятельную карту въ настоящее время: это — „Карта Азіатской Россіи“, изданная военно-топографическимъ отдѣломъ главнаго штаба съ 1884 по 1889 годъ, въ 100-верстномъ мас-

штабѣ. Это изданіе представляетъ весьма удачную сводку новѣйшихъ данныхъ объ Азіи.

Съ упраздненіемъ въ 1827 году государственнаго адмиралтейскаго департамента и съ одновременнымъ образованіемъ управленія генераль-гидрографа, въ составѣ котораго были канцелярія генераль-гидрографа и гидрографическое депо, директоромъ сего послѣдняго, именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату 22-го декабря 1827 года, былъ назначенъ генераль-маіоръ Э. Э. Шубертъ. Занимая этотъ постъ—важный и отвѣтственный—до 1837 года, генераль Шубертъ обнаружилъ свои обширныя познанія, соединенныя съ громадною опытностію, съ неослабною энергіей и съ рѣдкимъ умѣньемъ выбирать себѣ способныхъ и достойныхъ помощниковъ.

До выхода новыхъ картъ, изданныхъ при Э. Э. Шубертѣ, моряки наши руководствовались для плаванія по Балтійскому морю атласомъ вице-адмирала Сарычева (1808 г.), а въ Нѣмецкое и Средиземное моря ходили съ атласомъ генераль-лейтенанта Голенищева-Кутузова (1799—1800 гг.); въ переходахъ изъ Балтійскаго моря въ Бѣлое море руководствовались атласомъ Сѣвернаго океана, тоже генераль-лейтенанта Голенищева-Кутузова (1799 г.), и генеральною картою Бѣлаго моря, составленною имъ же. Насколько безопасно было плавать, пользуясь этими картами, видно изъ того, что на всемъ пространствѣ Балтійскаго моря было два пункта, опредѣленные астрономически—Петербургъ и Кенигсбергъ; остальные связывались съ ними только на основаніи счисленія пути корабля. Съ назначеніемъ Э. Э. Шуберта начальникомъ работъ тригонометрической съѣмки береговъ Финскаго залива и Балтійскаго моря, работа въ семъ послѣднемъ закипѣла. Первый жезлъ ревелскаго базиса на льду былъ положенъ 15-го февраля 1830 года, и начатая такимъ образомъ триангуляція продолжалась безостановочно до 1838 года. Всѣ гидрографическія работы ведутся до сихъ поръ на основаніяхъ, изложенныхъ въ „Тригонометрической съѣмкѣ береговъ Балтійскаго моря“ Э. Э. Шуберта.

Въ 1833 году, на пароходѣ „Геркулесъ“, въ теченіе 115 дней плаванія, Э. Э. Шубертъ опредѣлилъ 18 точекъ изъ хронометрическихъ рейсовъ. Придавая къ нимъ 22 пункта тригонометрическихъ, которые были связаны съ хронометрическими, Э. Э. Шубертъ далъ 40 вполне надежныхъ точекъ, послужившихъ основаніемъ для примѣровъ и съѣмки береговъ. Въ теченіе десяти лѣтъ завѣдыванія гидрографическимъ депо Э. Э. Шубертомъ, топографически снято все

пространство Финскаго залива отъ Петербурга до меридіана Роченсальма, изслѣдованы многіе шхерные фарватеры, описаны входы въ шхеры и задѣланы промѣромъ пространство около 3,500 кв. верстъ. Кромѣ того, велись описныя и промѣрныя работы по берегамъ другихъ морей, а также въ Ледовитомъ и Тихомъ океанахъ; чертежная, гравировальная и типографія гидрографическаго депо тоже усердно работали по изданію картъ и атласовъ; печатались морскіе мѣсяцесловы, таблицы Вестфала, вспомогательныя таблицы для астрономическихъ вычисленій барона Врангеля и Записки гидрографическаго депо. 14-го апрѣля 1837 г. послѣдовало преобразование гидрографической части морскаго министерства, а указомъ отъ 17-го апрѣля того же года 1837 года *Ф. Ф. Шубертъ* былъ назначенъ непремѣннымъ членомъ ученаго комитета морскаго министерства. Не смотря на столь краткій періодъ дѣятельности, *Ф. Ф. Шубертъ* успѣлъ покрыть себя славой перваго русскаго гидрографа, не уступающему славъ боевыхъ подвиговъ русскихъ моряковъ; онъ поднялъ дѣло описи отечественныхъ морей на строго ученую почву и оставилъ по себѣ благодарную память въ сердцахъ своихъ учениковъ-гидрографовъ. Слѣдующее засимъ описаніе картъ, выставленныхъ главнымъ гидрографическимъ управленіемъ, указываетъ, какъ сочувственно отнеслись моряки къ столѣтней годовщинѣ дня рожденія *Ф. Ф. Шуберта*.

Отъ главнаго гидрографическаго управленія морскаго министерства было выставлено 10 атласовъ и 57 картъ Каспійскаго, Чернаго, Азовскаго, Балтійскаго и Бѣлаго морей и русскихъ владѣній на берегахъ Ледовитаго и Тихаго океановъ, при чемъ изъ коллекціи картъ каждаго моря, хранящихся въ архивѣ управленія, были выбраны такія, по которымъ возможно было бы прослѣдить постепенное развитіе дѣла описи отечественныхъ морей. Между этими картами нѣкоторыя заслуживали особеннаго интереса.

Въ числѣ картъ Каспійскаго моря находились: 1) „Сравнительная карта очертаній береговъ Каспійскаго моря“, на которой означены контуры: по *Птоломею* (половины II в. по Р. Хр.), *Абуль-Феди* (начала XIII в.) и *Стрѣйсу* (второй половины XVII в.), 2) Первая морская карта Каспійскаго моря, составленная на основаніи описей, произведенныхъ по повелѣнію *Петра Великаго* разными лицами, съ 1716 по 1720 годъ, гравированная на мѣди и изданная въ Петербургѣ въ 1720 году, подъ заглавіемъ „Картина плоская моря Каспійскаго отъ устья *Ярковскаго* до залива *Астрабадскаго*, по меридіану возвышается въ градусахъ и минутахъ, глубина въ сажняхъ и футахъ“. Эта карта плоская,

масштаба $3\frac{1}{2}$ дюйма въ градусѣ; долготъ на ней не означено, всё подписи сдѣланы наоборотъ, сѣверо-восточная часть протанута слишкомъ на $1\frac{1}{2}^\circ$ къ сѣверу, а берегъ между Кендерли и Хивинскимъ заливомъ вовсе не сведенъ. Въ 1722 году она была представлена императоромъ Петромъ I въ Парижскую академію наукъ и перегравирована въ Парижѣ Делилемъ (Guillaume Delisle), причемъ долгота Астрахани уже была показана 47° отъ парижскаго меридіана. Между другими картами Каспійскаго моря нельзя не упомянуть объ „Атласѣ Каспійскаго моря“ Колодкина, 1826 г., который служилъ для моряковъ болѣе тридцати лѣтъ, пока не явился новый и послѣдній атласъ того же моря, составленный экспедиціей 1856—1874 году, бывшею подъ начальствомъ контръ-адмирала Ивашинцова, а затѣмъ капитанъ-лейтенанта Пуцина. Этою экспедиціей было вполне закончено гидрографическое изслѣдованіе Каспійскаго моря, и если остается еще сдѣлать что-либо здѣсь, то развѣ изслѣдовать Карабугазскій заливъ для выясненія вопроса о солености Каспійскаго моря.

По Азовскому морю была выставлена рукописная карта Азовскаго моря, подъ заглавіемъ: „Новую карту отъ всего моря Палъсъ Мѣотъсъ отъ Азова до Кѣрчи зделанъ наворониже 1702 году“..., и роскошно изданный въ Амстердамѣ въ 1704 году, на русскомъ и голландскомъ языкахъ, атласъ рѣки Дона: „Прилѣжное описаніе рѣки Дону или Тананса“ и проч., въ концѣ котораго приложены „Зѣло любопытные чертежи Азовскаго моря или озера Меотскаго, понта Эуксинскаго или Чернаго моря“...

По Балтійскому морю были выставлены: рукописная „Самая окуртвая карта Балтійскаго моря“, составленная полковникомъ-инженеромъ Луберасомъ въ 1724 году; гравированная „Карта морская окуртвая, содержащая въ себѣ часть синуса Финскаго“ 1751 года, и „Атласъ всего Балтійскаго моря“ 1757 года, сочиненные флота капитаномъ Нагаевымъ, которому, „яко доброму зейману“, поручено было „приведеніе всѣхъ картъ въ самую акуртвую“. Этотъ атласъ служилъ русскимъ морякамъ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ и, не смотря на его недостатки, заслуживаетъ полнаго вниманія. На всѣхъ картахъ, заключающихся въ немъ, очертанія береговъ нанесены настолько вѣрно, на сколько этого можно было требовать отъ гидрографовъ того времени, если припомнить, что тогда всё описи производились или съ моря, на основанія счисленія пути корабля, или же, при береговыхъ работахъ, „на астролябію“ и „на компасъ“, такъ какъ октанъ Гадлея, изобрѣтенный въ 1731 году, появился у насъ

только въ 1757 году, а секстантъ и въ 1799 году былъ еще въ маломъ употребленіи. Далѣе—„Атласъ картъ Финскаго залива и Балтійскаго моря“ капитанъ-командора Сарычева, 1812 года, представляющій уже значительный шагъ впередъ, и наконецъ, современная „Генеральная карта Финскаго залива“, исправляемая и издаваемая ежегодно. Труды для составленія этой послѣдней карты были начаты въ 1828 году, годъ спустя послѣ назначенія генераль-маіора *О. О. Шуберта* директоромъ гидрографическаго депо. Тогда только впервые гидрографическія работы на Балтійскомъ морѣ получили строго научный характеръ: въ основаніе ихъ легли точныя триангуляціонныя работы, покрывшія весь районъ съѣтъю треугольниковъ, многіе пункты опредѣлены астрономически, съѣмка начала производиться мензулою, промѣръ—систематически, параллельными линиями

Изъ картъ Бѣлаго моря особенно выдѣлялся на выставкѣ „Чертежъ река Двина или Архангельска“, гравированный Шхонбекомъ въ 1701 году съ голландской карты, и затѣмъ трудъ громадный, почтенный и удивительный по быстротѣ выполненія—„Карта Бѣлаго моря“, составленная незабвеннымъ дѣятелемъ по части гидрографіи отечественныхъ морей, капитанъ-лейтенантомъ *М. Ф. Рейниче*, за время отъ 1827 по 1832 годъ.

Изъ картъ Сѣвернаго океана нельзя не упомянуть о „Картѣ Новой Земли, употребляемой русскими промышленниками“, доставленной въ 1821 году капитанъ-лейтенантомъ *Литке*, на которой очертанія острова такъ невѣрны, что безъ надписи нельзя было бы и признать ее за карту Новой Земли. Интересны также „Карта острова Новой Земли“ по описаніямъ голландцевъ *Баренца* и *Ная*, 1594—1597 годовъ, на которой нанесенъ только западный берегъ, и затѣмъ „Меркаторская карта части сѣвернаго океана съ показаніемъ путей брига *Новая Земля*“, составленная капитанъ-лейтенантомъ *Литке* на основаніи его слишкомъ хорошо извѣстныхъ трудовъ съ 1821 по 1824 годъ.

Изъ атласовъ и картъ русскихъ побережій Восточнаго океана самое видное мѣсто на выставкѣ занимали „Атласъ къ путешествію вокругъ свѣта шлюпа *Сенявина*“, 1826—1829 годовъ, флота капитана *Литке*, и „Атласъ къ путешествію флота капитана *Сарычева*“, съ 1789 по 1793 годъ, въ которомъ помѣщены карты Охотскаго моря, сочиненныя во время этого путешествія, и много прекрасныхъ рисунковъ, изображающихъ тины и бытъ жителей тѣхъ далекихъ окраинъ нашего отечества.

Книга третія.

380. Если по поводу эфемерныхъ существъ, о безмертная муза,
Ты благоволила недавно вдохновить мою мысль,
Помоги мнѣ, просящему теперь вновь, о Калліопѣ,
О счастливыхъ богахъ провзнести хорошее слово.
. . . . .
Счастливы тотъ, который приобрѣлъ богатство божественнаго ума,
385. Несчастливъ тотъ, кто о богахъ имѣетъ только темное понятіе.
. . . . .
Намъ не дано приблизиться къ нимъ, созерцать ихъ глазами,
Осязая ихъ руками, что представляетъ лучшій
Путь къ тому, чтобы убѣжденіе вошло въ сердце человѣка.
Ибо оно [божество] не имѣетъ человѣческой головы, укра-
шающей туловище,
390. И изъ спины не выходятъ двѣ руки, —
У него нѣтъ ни ногъ, ни быстрыхъ колѣнъ, ни волосатаго члена,
Онъ только духъ святой и чудесный (безпредѣльный),
Объгающій быстрою мыслью весь міръ.

Изъ „Очищеній“.

- Друзья, обитающіе большой городъ Сѣлокурато Агрѣнта,
395. Обитайте Акрополь, ревностные къ добрымъ дѣламъ,
Чуткіе къ гостепрѣмству иностранцевъ, не знающіе зла.
Привѣтъ вамъ! Я уже для васъ болѣе не человѣкъ, а без-
смертный богъ,
Я шествую среди всѣхъ, почтенный какъ это подобаетъ,
Опоясанный перевязями и зелеными вѣнками.
400. И входя въ ваши цвѣтущіе города,
Я принимаю почетъ отъ мужчинъ и женщинъ; они слѣдуютъ за
мною
Тысячами, спрашивая о пути ко спасенію;
Одни, вуждающіеся въ предсказаніяхъ, другіе въ разныхъ бо-
лѣзняхъ
(Давно они тяжкими страданіями терзаемы)
405. Желаютъ услышать слова утѣшенія.
Но въ чему мнѣ настаивать на этомъ?—точно великая важность,

- Что я превосхожу смертныхъ и многострадальныхъ людей.
 Друзья, я знаю, что истина въ словахъ,
 Которыя я произнесу; но тяжело людямъ
 410. И ненавистно видѣреніе вѣры въ умы.
 . . . . .
 Природа, облачивъ ихъ чуждою одеждою мускуловъ
 . . . . .
 . . . . . Одѣвъ ихъ землею
 Изъ живыхъ сдѣлала мертвыми, измѣнивъ ихъ видъ,
 . . . . .
 Все было ласково и любезно къ людямъ:
 415. И звѣри, и птицы; царила благосклонность;
 Постоянно съ листвою и постоянно съ плодами цвѣли деревья
 И весь годъ были покрыты излишкомъ плодовъ.
 . . . . .
 И не былъ у нихъ богомъ ни Аресъ, ни Битва,
 Ни царь Зевесъ, ни Хроносъ, ни Посейдонъ,
 420. Но царица Киприда.
 Ее они чтили благочестивыми украшеніями,
 Изображеніями живыхъ существъ, искусно сдѣланными пахучими благовоніями,
 Чистымъ мирромъ, куреніемъ пахучаго ладана;
 Дѣлая возліанія желтаго меда на землю;
 425. Не обагряли алтарь чистою кровью быковъ,
 Но величайшемъ ужасомъ для людей было,
 Исторгнувъ душу, поѣдать мирные члены.
 Между ними былъ человекъ необычайнаго знанія,
 Который пріобрѣлъ величайшія богатства
 430. И обладалъ самыми разнообразными мудрыми искусствами.
 Къ чему бы онъ ни стремился своимъ умомъ,
 Онъ легко открывалъ каждую существующую вещь
 И [производилъ работу] десяти людей или двадцати поколѣній.
 . . . . .
 Нѣтъ ничего дозволеннаго однимъ, запрещеннаго другимъ,
 435. Но положенъ общій законъ для всѣхъ подъ обширнымъ пространствомъ
 Ээира и безпредѣльнымъ сіяніемъ [свѣта].
 . . . . .
 Неужели вы не кончите страшныя убійства? Развѣ вы не видите

Что въ своемъ безуміи вы пожираете одинъ другаго?

Отецъ, схвативъ сына, измѣнившаго образъ,

440. Убиваетъ его съ молитвой, великій безумецъ! Жертва кричитъ
И умоляетъ своего палача, а онъ не слушаетъ кричащаго,
Но убивъ его, приготовляетъ въ жилищѣ преступный пиръ,
Равнымъ образомъ сынъ, схвативъ отца, и дѣти мать,
И исторгнувъ жизнь, пожираютъ собственное мясо.

445. Увы! отчего не уничтожилъ меня жестокій день раньше,
Чѣмъ познали мои губы преступную пищу.

Они между звѣрыми становятся львомъ, лежащимъ въ горахъ
на землѣ,

Или же лаврами промежъ деревьевъ съ прекрасною листвою.

Воздерживайтесь же отъ зеленыхъ листьевъ лавра.

450. Несчастныя, несчастныя! пусть ваши руки не касаются бобовъ.

Черная изъ пяти ключей прочною мѣдью
Слѣдуетъ очищаться...

Воздерживаться отъ зла.

Но такъ какъ вы предаетесь тяжелой злости,

455. То никогда не освободите сердце отъ жгучихъ заботъ

Подъ конецъ гадатели, и поэты, и медики,

И вожди появляются у земныхъ людей,

Оттуда они возносятся до почестей боговъ,

Раздѣляютъ жилище и столъ съ другими безсмертными,

460. Освобожденные отъ людскихъ заботъ, року не подчиненные, без-
смертныя.

Изъ лѣчебныхъ пѣсень.

Сколько ни есть лѣкарствъ, защита отъ болѣзней и старости,

Ты ихъ узнаешь, тебѣ одному открою я ихъ;

Ты будешь сдерживать силу неутомимыхъ вѣтровъ, которые на
землѣ,

- Подняаясь вихрями, опустошаютъ поля,
 465. И вновь, когда захочешь, ты вызовешь противный вѣтеръ;
 Изъ мрачнаго дождя ты людямъ дашь благодатное ведро,
 А въ лѣтнія жары ты вернешь дожди,
 Питающіе травы, орошая ихъ, и дающіе хорошую жатву;
 Ты вернешь изъ ада умершаго мужа.

Эпиграммы.

470. Большой курганъ скрываетъ великаго врача Акрона изъ Акра-
 ганта,

Сына великаго отца, [гражданина] величайшаго отечества.
 Гела родила Павзанія врача, вскормила его, прозваннаго
 Сыномъ Анхита, внука Эскулапа,
 Который многихъ мужей, пораженныхъ тяжкими болѣзнями,

475. Отвратилъ отъ жилища Персефоны.

. . . . .
 (Къ Телавгу какъ говорятъ) . . . . .
 . . . . . Знаменитый сынъ Таона и Пиеагора.
 . . . . . (Эмпедокла или другаго поэта),
 . . . . .

Ирида же несетъ съ моря вѣтеръ или тяжелую тучу.

(Окончаніе слѣдуетъ).

САТИРЫ ПЕРСИЯ.

Читателю.

Для людей, требующих от поэта прямолинейности и непрерывно логической последовательности, чтение Персия или представляет наилучшую школу, приучающую по полуданеку следовать за неожиданными капризами поэта, или же становится совершенно невозможным, и им придется воскликнуть со старым филологом: „*si non vis intelligi, non debes legi*“ — „если ты не хочешь, чтоб тебя понимали, то не следуешь тебя и читать“.

Прилагая самое необходимое для понимания текста Персия, не можем не указать желающим болѣе широкаго съ нимъ знакомства на почтенный и серьезный трудъ Н. М. Благовѣщенскаго: Сатиры Персия. С.-Пб. 1873.

Прологъ.

Въ ключѣ я конскомъ губъ своихъ не омывалъ
И на двухглавомъ тожъ Царнасъ сновъ такихъ
Не помню, чтобы такъ поэтомъ выйдти вдругъ,

Содержаніе: Я не пилъ вдохновительныхъ струй Иппокрены и (ст. 5) предоставляю названіе поэта тѣмъ, которыхъ бюсты увиты поэтическимъ плющомъ; а самъ (ст. 6) „шолгуягою“ далъ поэзіи въ качествѣ сатирика, дидактика, являясь со своею пенью. Слѣдующаго (ст. 8) нѣтъ причинъ относить къ самому поэту; онъ хочетъ только сказать: мало ли бываетъ побужденій къ не нравившемуся сюжетворству, являясь съ самыхъ знаменитыхъ, напримѣръ, требовавшей желудка.

Ст. 1. Предварительно поименное опредѣленіе Иппокрены съ прямымъ намекомъ на Эмія, который, подобно Гезіоду, хвалился тѣмъ, что пилъ изъ ключа,

- И Геликонянокъ съ Пиреной блѣдною
5. Предоставляю тѣмъ, которыхъ лики плющъ
Ласкаясь обогнулъ; а самъ получужой
Въ святилище пѣвцовъ я пѣснь свою вношу.
Кто попугая вызвалъ хаіре говорить?
Кто нашу рѣчь пытать сороку научилъ?
10. Искусства мастеръ, возбудитель силъ ума,
Желудокъ дошлый чуждыхъ звуковъ намъ искать.
Коварныхъ денегъ лишъ надежда проблеснеть,—
Поэтовъ-вороновъ и поэтессъ-сорокъ
За нектаръ Пегазейскій пѣнье ты сочтешь.

Сатира первая.

О вы заботы людей! О сколько въ дѣлахъ ихъ пустаго!
„Кто жь это станеть читать?“ „Меня-то? Никто“. „Ни
единный?“

вышлебеннаго копытомъ Пегаса, и затѣмъ, заснувъ на горѣ Музъ—Парнасъ, видѣлъ во снѣ Гомера, посвятившаго его воспѣть величіе римскаго народа. Подобное же мѣсто у Проперція, кн. III, влгг. 3, ст. 1—2:

Мнѣ привидѣлось, что лежу я въ тѣни Геликона.

Тамъ гдѣ добыта вода Беллероонта конемъ....

4. *Геликонянки*—музы. *Пирена*—ключъ въ Коринтской крѣпости въ Пелопоннесѣ, истекшій по преданію, изъ слезъ, пролитыхъ Пиреною, дочьрью Ахелоя, надъ сыномъ ея Кенхріемъ, нечаянно убитымъ Діанор на охотѣ. Такъ какъ на этомъ мѣстѣ Беллероонтъ укротилъ Пегаса, то самый источникъ былъ посвященъ музамъ. Пирена названа *блѣдною* въ смыслѣ водянаго отблеска, и излишне съ нѣкоторыми толкователями понимать этотъ эпитетъ въ отдаленномъ значеніи: заставляющая блѣднѣть поэтовъ надъ усидчивымъ трудомъ.

5. *Плющъ* (см. Горация, Оды I, 1, 29) былъ посвященъ Вакху и Аполлону и потому считался украшеніемъ пѣвцовъ. Въ императорское время лириіи современнхъ модныхъ поетовъ стояли въ общественнхъ и частнхъ библіотекахъ увеличанные плющемъ, что въ особенности льстило малымъ литературнымъ дарованіямъ.

8. Попугай и сороки скорѣ всего научаются твердить обычное привѣтствіе: „здравствуй“ (хаіре),—„хотя звуки этого привѣтствія для нихъ на столько же чужіе, на сколько стихи, порожденные въ устахъ писателя не призваніемъ, а подражаніемъ.“

Содержаніе: Въ подражаніе сатиранъ Горация, поэтъ выводитъ воображаемаго оппонента, съ которымъ завязываетъ разговоръ о современномъ положеніи стихотворства, когда (ст. 2) никто не станеть читать чего-либо серьезнаго, а всѣ хлопочуть (ст. 3) изъ-за первенства въ общественномъ мнѣніи, хотя (ст. 7)

„Двое лишь или никто. Позорно и жаль“. „Почему же?
Какъ бы Полидамантъ и Троянки мнѣ Лабеопа

5. Не предпочли? Пустяки!—Коль смутный чѣ Римъ превозносить,
Ты за тѣмъ не ходи, не справляй невѣрную стрѣлку

знають его неосновательность, такъ какъ сама гражданская жизнь (ст. 10), при серьезномъ взглядѣ на нее (ст. 12) возбуждаетъ только хохотъ своею уродливостью (ст. 13). Каждый претендуетъ на созданіе чего-либо гениальнаго, чтобы (ст. 15), одѣвшись щеголемъ, прочесть свое произведеніе публично; и дѣйствительно, набалованное общество, неспособное идти глубже вѣшняго лоска стиховъ, по видимому, трогается ихъ гармоніей (ст. 22). Такимъ образомъ самъ дряблый стихотворецъ надеется овладѣть вниманіемъ слушателей (ст. 24). На это оппонентъ возражаетъ, что и учинимъ мы для того, чтобы похвастать передъ другими. Поэтъ (ст. 30) отвѣчаетъ изображеніемъ модно сюсюкающего пресмыченія современныхъ богачей (ст. 40). Оппонентъ замѣчаетъ поэту, что онъ и самъ не прочь отъ желанія написать бессмертное произведеніе. Соглашаясь съ этимъ (ст. 45), поэтъ указываетъ на бессодержательность современной похвалы, такъ какъ она исходитъ отъ влиятельныхъ патриціевъ, занятыхъ (ст. 53) роскошью стола и низкою цѣною своихъ бѣдныхъ клиентовъ, хотя и кричатъ, что любятъ слышать правду. Такія набалованные люди въ самолюбивомъ своемъ (ст. 62) проживаютъ вѣкъ слѣпыми и не замѣчаютъ, что даже уличные мальчишки за ихъ спиной передразниваютъ ихъ. Что касается до общаго народнаго приговора, то послѣдній ограничивается одною одышкой вѣщней отдачи. Одностороннее увлеченіе риторическими тонкостями доходитъ до того, что даже на судѣ защита сѣдаго старика (ст. 83) сама по себѣ становится дѣломъ второстепеннымъ въ сравненіи съ своею формою, и (ст. 85) вору за ученые антиквы защиты публично кричитъ: „славно!“ (ст. 87). Нельзя трогать сердца неискреннимъ пѣснопѣніемъ. Вслѣдъ за примѣрами (ст. 93 и 99) бессодержательно напыщенныхъ стиховъ, оппонентъ (ст. 108) замѣчаетъ поэту, какъ бы своею правдой онъ не преградилъ себя доступа къ знатымъ. На это поэтъ говоритъ, что согласенъ (ст. 111) считать вѣкъ совершенными и дѣломъ созданія, и пускай только (ст. 112) укажутъ на то, чего не слѣдуетъ касаться, то онъ готовъ этого не трогать. Если прежніе (ст. 115) сатирики невозбранно выводили недостатки даже друзей, то почему же ему не посягнуть надъ недостатками современниковъ? Этотъ смѣхъ своей (ст. 122) поэтъ цѣнитъ выше всего. Пусть (ст. 126) дѣйствительно устыдится своихъ недостатковъ читатель, но не такой, который считаетъ себя компетентнымъ судьей только потому, что былъ когда то въ провинціи мелкимъ полицейскимъ чиновникомъ. Для подобныхъ читателей (ст. 134) есть своя литература.

1. Поэтъ декламируетъ предполагаемому собесѣднику стихъ, заимствованный изъ сатиры Луциліа: „О, вы, заботы“ и т. д., на что тотъ спрашиваетъ: кто же станетъ читать подобныя жалобы?

4. Въ чувствѣ собственнаго достоинства поэтъ считаетъ пустяками общественное мнѣніе, выражаемое какиъ-нибудь Полидамантомъ или болтливыми женщинами, пересуда которыхъ страшился когда-то самъ Гекторъ (Ил., XXII,

Этихъ вѣсовъ и себя помню себя не ищи ты.

Ибо кто жь въ Римѣ? увы, еслибъ можно сказать! но вѣдь можно;
Тутъ, какъ на сѣдины, на жизнь печальную нашу

10. Глянешь, что дѣлаемъ мы такое, повинувъ орѣхи,
Скорчивъ дядошекъ; тутъ простите, ужъ тутъ—не желаю.
Что же мнѣ дѣлать? зоветь своевольная печень на хохоть:
Пишемъ мы, этотъ—тѣснясь въ размѣрахъ, тотъ—вольною прозою
Нѣчто великое, чѣмъ задыхается легкое, ширясь;
15. Вѣдь же ты это прочтешь, причесавшись, народу и въ новой
Тогѣ, своимъ наконецъ именнымъ блестя сардониксомъ,
На возвышеннѣ сидя и подвижное горло промывши
Жидкимъ бальзамомъ, томясь похотливо взирающимъ окомъ.
Тутъ и по нравамъ плохихъ и съ голосомъ хриплымъ увидишь
20. Тита могучихъ дѣтей дрожащими, только что въ чресла
Пѣсня пройдетъ, и нутро стихи задрожавшіе тронуть.
Ты ль, старикашка, тутъ снѣдь для чужихъ ушей собираешь?
Для ушей, воинъ, самъ весь пропаций, воскликнешь ты: полно!
„Что и учиться, когда завсаска иль скрыто врожденный

99—107). Напрасно схоластика считаетъ Лабеопа, которому подставляетъ имя
Ланія или Атвіа, тѣмъ влохкимъ переводчикомъ Илиады, о которомъ говорится
ниже (ст. 50), такъ какъ о такомъ переводчикѣ Илиады нигдѣ не упоминается,
и Персій тщательно избегаетъ всякихъ указаній на личности. Поэтому вѣроят-
нѣе предположить, что имя Лабеопа заимствовано у Горациа (Сат., I, 3, 82), гдѣ
подъ нимъ выставленъ пустой человекъ. На такомъ же основаніи нельзя подъ
тупымъ критикомъ Полидамантомъ подражывать Перона.

7. Вѣсовъ общественного мнѣнія.

8. *Ибо кто онъ въ Римѣ?* На этихъ словахъ поэтъ обрываетъ свою мысль,
которую окончательно высказываетъ ниже въ стихѣ 121.

11. Дядя у древнихъ считался представителемъ строгости (Горациа Оды, III,
11, 3. Сат., II, 2, 97; 3, 88).

15. Для публичнаго чтенія стихотворецъ не забываетъ никакихъ внуши-
тельныхъ подробностей, начиная съ прически и новой тоги.

16. *Сардоникс*—камень, родственныи ониксу и сердолику, украшенный рѣз-
бою, высоко цѣнился въ перстняхъ; стихотворецъ, красовавшійся въ немъ
только въ день своихъ именинъ, не забываетъ его при публичномъ чтеніи.

20. *Тита могучихъ дѣтей*. Этими именами поэтъ обызываетъ Римлянъ по
сабинскому царю Титу Тацію, который некогда царствовалъ совместно съ Ро-
муломъ.

24. Противникъ, говоря, что не стоитъ учиться только для себя, уподобляетъ
стремленіе къ публичности, съ одной стороны, завсаскѣ, постоянно овлаждаю-
щей жидкостью, а съ другой—дикой смоковницѣ, которая, засѣвъ въ трещинѣ
стѣны или подъ каменною плитою, со временемъ вырывается наружу, разрушая
самую стѣну или камень.

25. Дикой смоковницы стволъ не выскочить, печень прорвавши?
 Блѣдность и старость-то вотъ! О, нравы! Ужели и въ правду
 Знанье твое ни во что, коль другой, что ты знаешь, не знаетъ?—
 „Но хорошо, какъ перстомъ насъ уважутъ и вымолвятъ: вотъ онъ!
 Или же быть образцомъ для сотни мудравыхъ считаешь.
30. Ты ни во что?“ Посмотри за бокалами смѣные внуки
 Ромула ищутъ узнать, что въ божественныхъ связано пѣсняхъ.
 Тутъ въ навидѣхъ иной на плечахъ подѣ цвѣтъ гиацента
 Что-то провислое въ носъ говоритъ, про Филлиду картава,
 Про Гисифилу, про все, что грустнаго есть у поэтовъ,
35. Цѣдить, уродуя самъ слова измѣненнымъ нѣбомъ.
 Мужи воздали хвалу—или пепелъ поэта несчастливъ
 Нынѣ? Не легче ль теперь глететь его кости и камень?
 Хвалать всѣ за столомъ, ужели изъ манъ его нынѣ,
 Изъ могилы его и блаженнаго праха фіалки
40. Не родятся? „Вотъ ты, говорить, смѣнешся и слишкомъ
 Носъ задирать свой готовъ; а кто жь отказаться захочетъ
 Говоръ толпы заслужитъ и, изрекши достойное кедръ,
 Пѣсни оставитъ, чтобъ ихъ ни макрель не страшила, ни ладонъ?“

29. Для сотни кудравыхъ—стать образцомъ для школьниковъ.

32. Отступая отъ обычной блѣдой тоги изъ некрашеной шерсти, модники
 времямъ имперіи въ торжественныхъ случаяхъ носили пурпуровыя навидки даже
 съ голубоватымъ оттѣнкомъ подѣ цвѣтъ гиацента. Такой модникъ старается вос-
 производить грустныя греческія преданія, наприкладъ, про *Филлиду*, дочь Фракій-
 ского царя Ситона или Дикурга, которая влюбилась въ Демеоонта, сына Тезея,
 когда тотъ при возвращеніи въ Трою былъ занесенъ въ ихъ городъ. Демеоонтъ
 обещалъ взять ее съ собою въ назначенный день, но по обстоятельствамъ не
 могъ сдержать слово. Считая его измѣнникомъ, Филлида повѣсилась, но боги
 превратили ее въ миндальное дерево, которое, когда возвратившійся Демеоонтъ
 его обнялъ, пустило листья.

34. *Гисифила*, дочь Тоаса, царица Лемносская, влюбилась въ Язона, когда
 онъ съ Аргонавтами присталъ къ берегу острова, и родила ему двухъ сыновей.
 При отъѣздѣ измѣнника она сокрушалась и послѣ многихъ трагическихъ при-
 ключеній продана была морскими разбойниками Фиванскому царю Лику, который
 приставилъ ее нянькою къ сыну своему Оселту.

41. Кедровые ящики и масло предохраняли книжные свертки отъ разруши-
 тельной моли.

43. Рыба *макрель* и *ладонъ* здѣсь вообще вмѣсто мелочнаго товара, который
 обыкновенно завертываютъ въ негодныя рукописи. Такъ Гораций (Посланія, II
 1, 269—270) говорить:

Не попасть мнѣ на улицу, гдѣ духи продаются,
 Ладонъ, перецъ и все, что дрянной облакаютъ бумагой.

- Кто бы ты ни былъ, кого я поставилъ противникомъ въ спорѣ,
 45. Я вѣдь, когда напишу, и если что дѣльное выйдетъ—
 Птица хоть рѣдкая-то,—но если что дѣльное выйдетъ,
 Не испугаюсь похвалъ, у меня не изъ рога же фибры;
 Но за конечную дѣль не приму я дѣла прямого
 „Славно“ и „чудно“ твое. Повытряся все это „чудно“:
 50. Что въ серединѣ въ немъ есть? Не Аттия ль тутъ Иліонка,
 Что отъ чемерки пьяна? Не элегія ль тощія сытныхъ
 Проввѣденіе вельможъ? Не то ль, что на ложѣ изъ цитра
 Пишется часто? Подать горячее вина ты ловокъ,
 Ловокъ истертый хитонъ подарить дрожащему другу,
 55. И „я правду люблю“, кричишь,—„говорите мнѣ правду“
 Точно ли? хочешь—скажу? ребячишься только ты, лисей,
 Какъ животъ у тебя въ полтора поднимается фута.
 О, ты, Янусъ, за кѣмъ не защелкаетъ аистъ съ затылка,
 И бѣлесыхъ ушей не представитъ рука подвижная,
 60. Нѣтъ и такихъ языковъ, какъ въ зной у апульской собаки!
 Вы жъ, о, патриціевъ кровь, которымъ прилично съ затылка
 Такъ слѣпыми и жить, страшитесь кривлянія сзади!
 Что же народъ говорить? Что жъ, кромѣ того, что вотъ пѣсни
 Плавно и мѣрно теперь потекли, что лоскъ ихъ сліянья
 65. Строгимъ не слается ногтемъ? Умѣть-де вытянуть стихъ онъ,

46. *Рѣдкая птица*—поговорка. См. Ювенала VI, 165. УП, 202.

51. *Чемерка* считалась средствомъ противъ сумасшествія.

52. Послѣ обильной трапезы, вельможа, возлегши на ложе изъ выписнаго цитроваго дерева (см. Проперція III, 7, 49—50:

А на кровати изъ цитра или терпентина, что выросъ

Въ Орякѣ, онъ бы чело пухомъ цвѣтнымъ подпиралъ),

— диктуетъ своему рабу стихотвореніе.

53. Твое дѣло задобрить поклошниковъ вкуснымъ блюдомъ да старымъ платьемъ.

55. Хотя ты и кричишь, что любишь правду.

56. Лисина и большой животъ здѣсь вывѣска тупоумія.

57. Обращенія къ Янусу, властвующему передъ подобнымъ знатнымъ преимуществомъ быть съ двумя лицами, такъ что не возможно спереди имъ восхитаться, а съ затылка строить кривлянія, какъ это дѣлаютъ мальчишки, подражая щелканью аиста, или изображая руками ослиныя уши, или (ст. 60) высывая языкъ на столько, на сколько не высунуть его въ зной и апульская собака.

65. Сравненіе, заимствованное отъ приема ваятеля, который проводитъ ногтемъ по готовому мрамору, чтобы удостовѣриться въ оконченной гладкости изваянія, здѣсь переносится на стихи.

Словно бы, глазъ оный одинъ прищуря, вель красную мѣтку;
Нужно ль о нравахъ сказать, о роскоши, царскихъ трапезахъ,
Великолѣпныхъ вещей поэту дастъ нашему муза.

Вотъ мы видимъ, что вдругъ за геройскія чувства берутся

70. Тѣ, что привычны болтать по гречески, но не умѣютъ
Роци представить, воспѣть благодатныхъ полей, гдѣ кошницы
И очагъ со свиньей, и Палиліи въ дымѣ отъ сѣна,
Ремъ отколъ и въ браздѣ сошники отирающій Квинктій,
Перець волами кого къ дидактурѣ одѣла супруга,

75. Ликторъ же въ домъ твой плугъ возвратилъ;—превосходно,
поэтъ мой!

Есть ли такой, чтобъ его Бривендой жилистой Атгій,
Есть ли, чтобъ тронулъ его Пакувій и вся въ бородавкахъ
Антіона, „плачевное сердце простерто на скорби“?
Этихъ подслѣпныхъ отцовъ, вливающихъ дѣтямъ уроки,

80. Видѣвши,—спросишь ли ты—откуда пустое болтанье
На языки забралось, откуда та гадость, при коей
Гладенбій щеголь тебѣ на скамейкѣ восторженно скачетъ?

72. Ежегодно двадцать-перваго апрѣля, въ день основанія Рима, управлялся Палиліи въ честь сельской богини Палесы. Зажигались куча сѣна, и земледѣльцы въ символъ очищенія отъ заразы прыгали черезъ огонь.

73. *Квинктій*—Цинцианъ, исходящій со всею первобитвою мощью римскаго духа изъ простой земледѣльческой среды, которую современный модный поэтъ и описать не умѣетъ.

76. *Бривсида*—вѣроятно, заглавіе одной изъ не удавшихся трагедій римскаго поэта Акція. Ничтожный поэтъ не умѣетъ даже одѣнить мощной, хотя и устарѣлой (жилистой) книги Акція.

77. Трагедія Пакувія—*Антіона*, по мнзнію Тейсселя, представлена съ бородавками для обозначенія слабыхъ и невзыщныхъ мѣсть.

78. „*Плачевное сердце простерто на скорби*“—относится къ горестной судьбѣ Антіоны, дочери Фиванскаго царя Никтея, въ которую влюбился самъ Юпитеръ. Чтобы скрыть отъ грознаго отца послѣдствія своихъ отношеній къ богу, она бѣжала къ царю Сиціонскому Эпопею. Никтей, считая послѣдствіе соблазна телемъ дочери, пошелъ на него войною, и сраженный завязалъ передъ смертью брату своему Ляку отомстить за оскверненіе рода. Поэтому Сиціонъ былъ взятъ, и Антіона уведена въ рабство. Дорогой въ жилищъ у горы Цитерона между Беотіей и Аттикой у ключа Авона она родила двухъ близнецовъ: Цета и Амсіона (будущихъ строителей Фиванской вѣрности), которыхъ принялъ и воспиталъ пастухъ. Тѣмъ временемъ Лякъ влюбился въ Антіону, вследствие чего ревнивая его супруга Дирва жестоко мучила несчастную, принудивъ ее наконецъ бѣжать на Цитеронъ. Сначала дѣти не признали своей матери, но убѣжденные доводами пастуха они дали быку растрѣпать жестокую Дирву. Цетъ привелъ казнь въ исполненіе, а Амсіонъ, сидя на скалѣ, воспѣлъ побѣдную пѣснь.

- Или не стыдно, что гнать отъ сѣдой головы ты не въ силахъ
 Вѣдъ, пова не пришлось тепловатаго слышать: прекрасно?
85. Педій, ты воръ, кричишь; что жь Педій? Вину въ антитезахъ
 Чистыхъ онъ взвѣшивать сталъ, его за ученые тропы
 Хвалить: вотъ славно! Уже ль это славно? Выдаешь, мой Ромулъ?
 Тронеть ли пѣсню меня претерпѣвшій крушенье, чтобъ далъ я
 Ассъ? Ты поешь, а себя написаннымъ съ баркой разбитой
- 90.носишь ты на плечахъ? Конечно, не вымысли ночи
 Тотъ оплачетъ, кому преклонить меня хочется просьбой.
 „Но въ размѣрахъ краса, на сырѣй появилась отдѣлка.
 Такъ научился онъ стихъ заключать: „съ Берецинтія Аттисъ“;
 И „дельфинъ, что тогда разсѣкалъ голубаго Нереея“;
95. Или: „у длиннаго мы ребро извлекли Аппеница“.
 „Битвы и мужа“, уже ль то не пѣна и вздутая корка,
 Будто бы старая вѣтвь, увядшая въ пробѣ нарощой?“
 Нѣжное что же прочесть и шею склоняя возможно?
 „Мималлонскимъ рога кривые наполнили гуломъ,

87. *Мой Ромулъ*—мой римлянинъ.

89—90. Претерпѣвшіе крушеніе изображали оное и вѣшали эти картины въ храмахъ богамъ-избавителямъ или же, надѣвая ихъ на себя, просили милостивую (см. ниже, сатира VI, 32; Горациа Оды, I, 5, 13—16; Ювенала, XII, 27, XIV, 302). Персій хочетъ сказать, что такой нищій не могъ бы разжалобить его немстанною пѣсней, свидѣтельствующею объ искусственности.

93. Предоставая записнымъ египтологамъ разборъ этого темнаго и спорнаго мѣста, придерживая простаго толкованія Виндера, при которомъ получается совершенно удовлетворительный смыслъ. Защищая передъ повтомъ новѣйшую пышность вѣшной отдѣлки стиховъ, воображаемый противникъ приводитъ всѣмъ памятные своею безсодержательною пышностью стихи Нерона и спрашиваетъ, не является ли знаменитое начало Энеиды—*„Битвы и мужа“*—какою-то пѣной и безжизненною вѣтвью на пробовомъ деревѣ въ сравненіи съ ихъ великолѣпнѣемъ? И тогда опять спрашиваетъ, что можно прочесть нѣжнаго, склоняя шею, противникъ снова цитуетъ ему округные, но безсодержательные стихи того же Нерона. *Аттисъ*—одинъ изъ жрецовъ Цибелы на горѣ *Берецинтіа*. Катудъ (63) представляеть судьбу этого Аттиса. Такого же рода стихотвореніе Аттисъ было сочинено Нерономъ, который публично плакъ его подъ звуки цитры.

94. *Нерей*—одно изъ старшихъ морскихъ божествъ, супругъ Дориды и отецъ Нерейды. Здѣсь—вѣсто самого моря.

95. Аппенинскій хребтъ тянется черезъ всю Италію. При хребтѣ не трудно представить себѣ и ребро, а при вычурномъ выраженіи, вѣсто того чтобы сказать: мы переѣхали черезъ Аппенинскій хребтъ, выразиться: мы извлекли (дунитовалл) одно изъ реберъ Аппенинскаго хребта.

96. *Мималлонскимъ*...—въ этихъ четырехъ стихахъ изображаются подробности вальческаго шествія. Мималлонами назывались вакханки по имени Иони-

100. И похитивъ тельца надменнаго голову, носить
 Бассарида и, рысь управляя плуцями, менада
 Эвѣ кличетъ; и ей отвѣчаетъ возвратное эхо?
 Было ль бы это; когда бь хотъ жылка отцовскаго духа
 Въ насъ проживала? Слюной покрытое сверху бѣвильно,
 105. Плаваешь это въ устахъ, влажна и менада, и Аттисъ,
 По столу онъ не стучитъ и не знаетъ, какъ ногти кусаютъ.
 „Но чтъ пользы задѣтъ угрызавшей правдою уши
 Нѣжныя? Ты погляди, чтобы знатныхъ дверь не застыла
 Передъ тобой; тамъ рычитъ собачья буква изъ ноу“.
 110. А по мнѣ, такъ впередъ пусть все окажется бѣлымъ;
 Что мнѣ! Чудесны вы всѣ! Всѣ будьте вы дивомъ созданыя.
 Такъ ли? Вотъ здѣсь—говоришь—запрещаю я всѣмъ испраж-
 вляться.
 Двухъ ты змѣй нарисуй: ребята, священное мѣсто,
 Тутъ не мочитесь!—уйду. Треналъ Луцилій столицу

ческой горы Мимаса, какъ онѣ же назывались бассаридами и менадами. *Эвѣ*—одно изъ именъ Вахха.

100. Намеки на выведенное Еврипидомъ преданіе о Фиванскомъ царѣ Пен-теѣ: за свое пренебреженіе къ Вахху онъ былъ растерзанъ своею матерью Агавою и ея сестрами Иною и Антоной, которыя въ вакхическомъ безумствѣ преслѣдовали его какъ дичину и въ триумфъ разносили оторванную его голову (Горация Оды, II, 19, 14—16; Проперція, III, 17, 24).

101. У поетовъ колесница Вахха попеременно запряжена рысами или тиграми—

105. Такой плавный наборъ словъ произносится съ тѣмъ противнымъ къ сею съюваньемъ, которымъ до сихъ поръ щеголяютъ богатые люди дурнаго тона, и при составленіи такихъ стиховъ не встрѣчается затрудненій, при которыхъ приходится стучать по столу и грызть ногти.

109. Подъ собачьею буквою здѣсь подразумѣвается *p*, слышное въ собачьемъ рычаніи. Собесѣдникъ говоритъ о высокоумномъ отзывѣ знатнаго о смущившемъ его спокойствіе сатирикѣ.

113. *Двухъ ты змѣй нарисуй*—какъ геніевъ и охранителей мѣста. Змѣи или драконы часто въ подобномъ качествѣ являюся у древнихъ; наприкладъ, драконъ, охраняющій золотое руно, змѣи въ могилѣ (Анхиза—Энеида V, 84—98). Подъ защитой такого генія мѣсто дѣлалось священнымъ и неприкосновеннымъ для оскверненія.

114. Гай *Луцилій*— римскій всадникъ, родился въ 148 г. до Р. Хр. въ Суевѣ въ Кампаніи и умеръ 46 лѣтъ отъ роду въ 102 г. до Р. Х. въ Неаполѣ. Онъ считается основателемъ римской сатиры (Горация Сат. I, 10, 48). Другъ Сципіона Африканскаго младшаго и Лэлія, онъ былъ деревенскимъ ихъ собесѣдникомъ (Горация Сат. II, 1, 71—74). До какой степени онъ былъ безпощаденъ даже по отношенію къ высоко стоящимъ людямъ своего времени, можно видѣть по многимъ уцѣлѣвшимъ отрывкамъ изъ его тридцати книгъ.

115. Съ Лупомъ, о Муцій, тебя, и зубъ надъ ними сломилъ онъ;
Трогаетъ всякій взявъ у друга, въ немъ смѣхъ возбуждая,
Хитрый Флаккъ, и допущенный около сердца играетъ;
Ловокъ, вадергнувши носъ, надъ народомъ онъ издѣваться:
Мнѣ-то и пивнуть не смѣть? ни явно, ни въ ямку, ни разу?
120. Здѣсь варю межъ тѣмъ: я видѣлъ, самъ видѣлъ, о, книжка.
Кто же ослиныхъ ушей не имѣеть? и эту я тайну,
Этотъ мой смѣхъ, хоть такой ничтожный, тебѣ не продамъ я
За Иліаду. О, ты, овѣянный деракимъ Кратиномъ,
Надъ Евполисомъ крутымъ и старцемъ могучимъ ты блѣдный,
125. Вотъ загляни и сюда, чего подѣльнѣй не найдешь ли.
Пусть у читателя тутъ моего разгорается ухо:
Не у того, кто готовъ посмѣяться сандаліямъ грековъ,
Грязный самъ, и сказать косому кто можетъ: раскосый,
Чѣмъ-то считая себя, потому что въ чинахъ италійскихъ,
130. Бывши эдиломъ, крушилъ онъ невѣрныя мѣрки въ Арретѣ;

115. Корнелій Лентулъ *Луиз* былъ консуломъ въ 157 г. до Р. X., а Публий *Муцій* Сцевола въ 133 г. Лупъ и Муцій были оба врагами Сципіона, и это могло быть одною изъ причинъ озлобленія Луцилія противъ нихъ: тѣмъ не менѣе послѣдній сломилъ надъ ними свой зубъ, то-есть, не въ силахъ былъ уцѣпить ихъ достоинства.

119. *Ни въ ямку....* За подробностями, на которыя здѣсь намекаетъ поэтъ, слѣдуетъ обратиться къ Овидію (Превращ. XI, 96—193), гдѣ разказано, какъ царицѣмъ царя Мидаса, увидавъ ослиныя уши послѣдняго и чувствуя потребность разказать объ этомъ, изъ боязни опасныхъ для него сплетенъ вымыслъ ямку и тихо прошептавъ въ нее: „у царя Мидаса ослиныя уши“, вновь ее зарылъ, но весною выросшій изъ ямки камышъ, шатаясь отъ вѣтра, разгласилъ эти слова по всему свѣту.

123. *За Иліаду*—Акція или другаго моднаго поета. *Кратимъ*—афинянинъ; умершій въ 423 г. до Р. X. комикъ, доказывавъ свою отвагу многими дерзкими нападеніями на Перикла.

124. *Евполисъ*—тоже афинянинъ, процвѣтавшій съ 446 г. до 411 г. до Р. X.; отъ обоихъ остались только отрывки. *Старецъ могучій*, сопоставляемый Горациемъ (Сат., I, 4, 1) съ Евполисомъ и Кратиномъ,—очевидно Аристофанъ (444 г. до 380 г. до Р. X.), прозванный старцемъ не за преклонныя лѣта, а какъ поэтъ стараго времени.

126. Поэтъ нашъ желаетъ дѣйствовать своею сатирою на читателя, но не на того не отесаннаго грязнаго патриота, который готовъ смѣяться надъ опрятнымъ костюмомъ грековъ и вообще грубо относиться къ людямъ.

129. Которые чванятся тѣмъ, что нѣкогда служили въ низкихъ полицейскихъ чинахъ.

130. *Арретъ*, нынѣ Аррецо, муниципальный городъ въ Этруріи. Эдилы обязаны были наблюдать за вѣрностью мѣръ и вѣсовъ и разбивали невѣрныя глиняныя мѣрки.

Ни кто числа доски и на мелкой пыли помѣтки
 Ловокъ на смѣхъ поднимать, на радость большую готовый,
 Коль девятичасовая рветъ цинику бороду дерзко.
 Утромъ дарю имъ эдиктъ, а послѣ стола—Каллирою.

Сатира вторая.

Этотъ день, о, Макринъ, помѣть ты камешкомъ лучшимъ,
 Тотъ, что свѣтель тебѣ умножаетъ текущiе годы;

131. Поэтъ не жаждетъ имѣть дѣла и съ тупыми противниками науки, представляемой здѣсь арифметикою и геометріей. Доски и столы для арифметическихъ цифръ и геометрическихъ фигуръ посыпаны пескомъ или пепломъ для черченія на нихъ.

133. До трехъ часовъ пополудни, то-есть, до девятаго часа по римскому исчисленію, публичнымъ женщинамъ воспрещалось появляться на улицѣ. Циническіе эммососы ходили съ небритыми бородами, и конечно, противнику науки доставляло великую радость, когда девятичасовая вцѣплялась въ бороду циника.

134. Такимъ людямъ поэтъ предлагаетъ знакомиться по утру съ эдиктомъ претора, по нашему съ полицейскіи объявленіями, которые прибывали на Форумъ гдѣ всякій правдошатающійся могъ перечитывать ихъ, а послѣ стола, съ Каллирою, вѣроятно, извѣстною въ то время общедоступною красавицей. Последніи любилъ принимать благозвучныи мнѣологическіи имена.

Содержаніе: Луциліевское стремленіе къ издѣвательству и насмѣшкѣ, столь ярко выступающее въ первой сатирѣ, отступаетъ въ этой второй и вслѣдующихъ окончательно на задній планъ, и напротивъ обнаруживается настоящій характеръ сатиры Персія, преимущественно обращенной на релігіозные и нравственные вопросы. Таково было вліяніе стоической школы на нашего поэта. Съ легкой руки Сократа стоики тоже задавались вопросами и отвѣтами объ отношеніяхъ человѣка къ божеству вообще и о молитвѣ въ особенности. Въ предлежащей сатирѣ Персій избралъ послѣднюю предметомъ обсужденія. Исходомъ къ нему онъ принимаетъ день рожденія своего друга Платія Макрина и приносимыя по этому случаю жертвы богамъ. Человѣкъ—такова главная послѣдовательность мыслей—представляетъ себѣ божество по собственному образу мыслей и поступковъ, и признакомъ безнравственности и безвѣрія съ давнихъ лѣтъ была увѣренность, что божество до того близоруко и слабо, что ради внѣшнихъ знаменъ благочестія станетъ благосклонно смотрѣть на проступки и лицемеріе своихъ почитателей. Съ восьмага стиха до семьдесятъ-третьяго выводится рядъ недобросовѣстныхъ и въ сущности нелѣпныхъ прошеній, а затѣмъ указывается на то, съ чѣмъ слѣдуетъ отправляться въ храмъ, то-есть, съ чувствомъ правды и съ честнымъ сердцемъ.

1. Фракійскіе народы, о которыхъ часто упоминаютъ древніе поэты (Гораціи Оды, I, 27, 2; Эп., V, 13; Вергилія Эп, VI, 120, XI, 659; Ювенала, VI, 404.), отличали бѣлыми или черными камешками, бросаемыми въ урну, счастливые и несчастные дни. И Горацій (Оды, I, 36, 10) отмѣчаетъ день возвращенія

- Генія чествуй виномъ. Вѣдь молишься ты не торгуясь
И не просишь о томъ, что богамъ повѣряють лишь тайно;
5. Часть же большая вельможъ молчаливо своей ладонь.
Вѣдь не всѣмъ же легко бурчанье и шепотъ невнятный
Вовсе изъ храмовъ изгнать и жить откровенной молитвой,
Здраваго смысла, мольбы и чести,—вотъ вслухъ для сосѣда;
А про себя онъ бурчить и подъ самый языкъ: О, когда бы
10. Дядя убрался, нанимъ погребеніемъ! или: О, еслибъ
Звякнулъ мнѣ котелокъ серебра подъ граблями, волей
Геркулеса! когда бь сироту мнѣ пришлось, за которымъ
Ближнимъ наследникомъ я, зачеркнуть! въ паршѣ преклоненъ
Онъ желтухой. У Нерія вотъ уже третья супруга!
15. Такъ чтобъ молился ты святъ, погружаешь въ пучину ты Тибра
Голову дважды съ утра или трижды, ночь влагой смывая.
Вотъ отвѣчай мнѣ скорѣй—по крайности знать бы хотѣлась—
Мыслишь о Зевсѣ ты какъ? Вѣдь ты предпочесть его вѣрно
Склоненъ кому? Да кому? Хоть Стаю? Ты развѣ въ сомнѣнны?
20. Кто же властнѣйшій судья, кто мальчикамъ сирымъ полезнѣй?
То, что хочешь ты самъ трубить Юпитеру въ уши,

Плотія Нумиды *критскою*, то-есть, мѣловою чертою. По замѣчанію схоластика, Плотій Макринъ былъ ученый другъ Персія, съ которымъ онъ познакомился въ домѣ Сервілія Ноніана и у котораго дешево купилъ небольшой клочекъ земли.

3. Древніе представляли себѣ генія жизни—юношей, вѣнчаннымъ цвѣтами, который рождался и умиралъ вмѣстѣ съ каждымъ человекомъ. Въ день рожденія ему воздвигали алтарь изъ свѣжаго дерева и ублажали ширшествомъ.

8. Иной, провознося вслухъ стоическую молитву, бурчатъ про себя самыя вазорныя прошенія.

11. *Волей Геркулеса*... Персій, очевидно, имѣлъ въ виду Горація (Сат., II, 6, 13). Обрѣтеніе кладовъ приписывалось благодети Меркурія, но въ то же время и Геркулесу, какъ богу богатителя.

12. По римскимъ законамъ, ближайшій родственникъ становился опекуномъ осиротѣвшаго наследника, по смерти котораго наследовалъ опекунъ.

14. Приводимый и Гораціемъ (Сат., II, 3, 69) ростовщикъ Нерій беретъ изъ-за приданаго третью жену.

19. *Стай*, по мнѣнію схоластика, Казавбона, Доннера, Вебера и другихъ,—безсовѣстный опекунъ. Настоящее мѣсто представляетъ не мало затрудненій при истолкованіи. Мы понимаемъ его согласно объясненію Тойееля такъ: напрасно ты думаешь, взирая на пораженіе громомъ священнаго дуба при сохранности твоего дома, что Юпитеръ введенъ въ обманъ твоими лживыми молитвами. Поручи благочестивому Стаю громко воскликнуть за тебя къ Юпитеру, а Юпитеръ не станетъ самъ къ себѣ восклицать такіа лживыя молитвы.

- Это ты Став скажи, пусть вопить: о Юпитеръ! о щедрый Ты, Юпитеръ! А самъ-то Юпитеръ къ себѣ не воскликнетъ? Думаешь, что онъ простилъ, хотъ гремитъ, потому что сворѣе
25. Дубъ священнымъ огнемъ раздробленъ, чѣмъ ты да и домъ твой?
Иль потому, что ни фибръ у овецъ не спросяся, ни Эргенни Ты, какъ печальный заказъ, обѣгаемый въ роцѣ, простерся, Такъ за это тебѣ Юпитеръ дастъ бороду дергать Глупую? Иль есть у тебя, цѣною чего закупаешь
30. Уши боговъ? Неужели легкимъ да потрохомъ жирнымъ? Бабушка мальчика вотъ, иль въ страхѣ божіемъ тетка Изъ колнбели беретъ, и лобъ, и влажныя губки Везыманнымъ перстомъ и слюной очистительной прежде Освящаетъ, хранить отъ жгучаго глаза досужа;
35. Пѣстуетъ тутъ на рукахъ и крошку надежду съ мольбою Жаркой къ Лицинію шлеть въ поля иль къ Крассу въ чертоги: Пусть пожелаютъ его въ зятя и царь, и царица; Дѣвы пускай его рвутъ; куда онъ ни ступить, пусть розы! Но кормилицѣ я не вручаю молитвъ; откажи ей

26. Или ты полагаешь, что, не справившись съ указаніемъ жертвенныхъ внутренностей на благопріятный исходъ приношенія и съ нареченіями главнаго жреца *Эргенни* (этруское имя, составленное по аналогіи съ Порсенной, Сивенной, Перпенной) только за то, что ты (ст. 27) растянулся по землѣ, какъ печальный заказъ (мы не нашли болѣе подходящаго слова для обозначенія *videntia*, мѣста, на которомъ человекъ былъ убитъ громомъ, и на которомъ въ жертву приносились овцы, такъ какъ оно считалось священнымъ и потому огораживалось),—Юпитеръ дозволить тебѣ дергать у него бороду.

33. *Digitus infamis* (*impudicus*, Марціалъ VI, 70, 5) назывался не безыманный палецъ, а средній, такъ какъ чрезъ вытягиваніе его при сокращеніи остальныхъ поднесеніе его въ такомъ видѣ кому-либо считалось оскорбительнымъ. Слюнамъ, по свидѣтельству Плинія (Натуральная Исторія), приписывались особенныя силы и преимущественно предохранительныя отъ глазу и порчи; см. Табулла I, 2, 59, 96.

35. *Крошку надежду...* въ томъ смыслѣ, какъ и теперь говорятъ: этотъ ребенокъ—наша надежда.

36. *Лициній* былъ первоначально рабомъ Юлія Цезаря и въ этомъ качествѣ по наслѣдству перешелъ къ Августу. Последний отпустилъ его на волю и сдѣлалъ правителемъ Галліи, гдѣ, награбивъ несмѣтное богатство, онъ накупилъ множество земель, такъ что имя его сдѣлалось поговоркой богатства, подобно какъ имя *Красса*.

38. *Куда онъ ни ступить, пусть розы,*—слыч. Гомера Иліада, XIV, 347.

40. Въ нихъ, Юпитерь, хотя бѣ она и молилася въ бѣломъ.
Мышцамъ молишь ты силъ и къ страсти здраваго тѣла:
Пусть будетъ такъ; но огромное блюдо и тучныя яства
Дать согласье на то возбраняють богамъ и Зевесу.
Ты богатства скопить умоляешь, быковъ убивая,
45. И зазываешь Меркурія фиброй: дай счастья Пенатамъ,
Дай скота и стадамъ приплода! откуда же, глупый,
Ежели стальныхъ телицъ во пламени топилъ ты сало?
Все же старается онъ кишками и жирнымъ печеньемъ
Взять: ужъ поле растеть, уже размножаются овцы;
50. Вотъ мнѣ пошлется, вотъ, вотъ! пока безнадеженъ и грустенъ
Тщетно онъ не вздохнетъ: на днѣ копѣйка на самомъ!
Если серебряныхъ чашъ и золотомъ густо покрытыхъ
Въ даръ я тебѣ принесу, вспотѣешь и грудю слѣва
Капли начнешь выжимать, отъ радости сердце забьется.
55. Вотъ откуда ты взялъ, что золотомъ ты обѣту
Лики наводишь святыхъ, чтобъ тѣ средь мѣдныхъ собратій,
Что посылають намъ сны, отъ слюнь оставаясь всѣхъ чище,
Главными были, и ихъ борода была бѣ золотая.
Золото Нумы горшки и Сатурнову мѣдъ устранило,

40. Въ бѣломъ, чистомъ одѣвнѣ, какъ требуетъ молитва.

45. Сообразно ли поступаешь ты, глупецъ, моли Меркурія объ умноженіи твоихъ стадъ, когда ты въ то же время на алтарѣ его возлагаешь тулъ несмысленнаго количества коровъ.

49. Тѣмъ не менѣе безумецъ продолжаетъ мечтать о размноженіи стада, пока не придется вздохнуть надъ послѣдней копѣйкой въ кошелькѣ.

52. Если я подарю тебѣ драгоценныхъ вещей, то тебя броситъ въ потъ, и радостное сердце твое выжметъ изъ глазъ твоихъ слезы удовольствія.

55. Вотъ почему ты полагаешь, что золото пріятно и богамъ.

56. Схолиастъ говоритъ, что Августъ въ портикѣ на холмѣ Палатинскомъ поставилъ съ одной стороны мѣдныя статуи пятидесяти Данандъ, а съ другой напротивъ нихъ ковыня статуи пятидесяти ихъ жениховъ, сыновей Египта. О нихъ говорилось, что они проспавшему ночь во храмѣ посылали пророческіе сны, и быть можетъ, въ благодарность за ихъ исполненіе вѣрующіе золотили статую, отъ которой ожидали пророчества. Поэтому Перейфъ называетъ сыновей Египта *собратами*, хотя Тейсель относятъ это прозваніе ко всѣмъ изваяніямъ боговъ.

59. Второй римскій царь Нума Помпилій не допускалъ при богослуженіи золотыхъ или серебряныхъ сосудовъ, а предписывалъ употребленіе глиняныхъ. Въ древности (въ вѣкъ Сатурна) въ Италіи не было другой монеты кромѣ мѣдной. Поэтому и самое казнохранилище получило отъ мѣди свое названіе *aearium*.

60. Урны весталокъ оно замѣнило и тусскую глину.
О согбенныя въ земь и небснаго чуждыя души!
Что за польза вносить намъ въ храмы подобныя нравы
И благое богамъ выводить изъ плоти грѣховной?
Это корицу она распустила въ прогорклой сливѣ,
65. Также калабрскую шерсть сварила въ пурпурѣ ложномъ,
Жемчугъ изъ раковинъ скрестъ она же и изъ горячихъ
Жилъ металлъ отдѣлять отъ грубаго праха велѣла.
Вотъ и грѣшить да грѣшить: по порокъ ей на пользу, а вы-то
Мнѣ скажите, жрецы, что золоту дѣлать въ святынѣ?
70. То не куклы ли тѣ жь, что жертвуютъ дѣвы Венерѣ?
Что жь не песемъ мы богамъ, чего на блюдѣ огромномъ
Дать не можетъ слѣпой, Мессалы великаго отприскъ? —
Чувство правды въ душѣ и долга, святое сознанье
Духа, и сердце, куда благородная честность запала.
75. Этого дай, чтобы въ храмъ отнести, и муки посвящу я.

Сатира третья.

Вотъ постоянно все такъ! Ужь ясное утро въ окошки
Проникаетъ и свѣтомъ врывается въ узкия щели,
Мы же хранимъ, чтобы могъ непокорный Фалернъ остудиться

60. Прв Нумъ и весталки носили воду въ храмъ въ сосудахъ изъ тусской (этрускской) глины.

68. Вся эта индустрія, вымываемая плотскими и грѣховными побужденіями, по крайней мѣрѣ приноситъ вещественную пользу, тогда какъ золото для боговъ бесполезно. Роскошь требуетъ и благовонной мезы, и калабревой шерсти, окрашенной поддѣльною пурпурною краской.

70. Дѣвушки по выходѣ замужъ посвящали Венерѣ своихъ куколъ.

72. М. Валерій Корвинъ Мессала, консулъ въ 32 г. до Р. Х., былъ приближеннымъ Августа и высокимъ покровителемъ науки (см. Тибулла 1 (I, 7) и 4 (I, 3). Здѣсь предполагается вообще вырожденъ почтеннаго семейства, который не въ состояніи приносить богамъ въ храмъ тѣхъ душевныхъ качествъ, о коихъ здѣсь говорится.

75. Поэтъ говоритъ, что съ подобными дарами готовъ идти въ храмъ, хотя бы по бѣдности пришлось ограничить жертвоприношеніе простою мукою.

Содержаніе: Въ этой сатирѣ говорящимъ выведенъ одинъ изъ окружающихъ юношу, до полудня лежащаго въ постели послѣ ночи, проведенной въ кутежѣ. Этотъ нѣкто, вѣроятно, судя по рѣвности тона, стоическій философъ, руководящій воспитаніемъ юноши.

8. *Непокорный Фалернъ*. Въ Кампаніи на границѣ Лаціума близъ Синусессы находились холмы Фалерскіе. Здѣсь производилось знаменитое фалерское вино,

- Въ самое время, какъ тѣнь касается черточки пятой.
5. Что же дѣлаешь ты?— „Давно ужъ каникула ярость
Жатву сухую печетъ и скоть весь подъ ильмомъ ши-
рокимъ“,
Молвить изъ близкихъ какой.— „Дѣйствительно? такъ ли? скорѣе
Кто-нибудь шелъ бы сюда! никого?“— и желчь поднялася:
„Лопну!“— подумаешь ты, реветъ аркадское стадо.
10. Вотъ и книга, и шерсть сронившій двухцвѣтный пергаментъ
Въ руки онъ взялъ и тростникъ колѣнчатый съ хартией вмѣстѣ.
Тутъ застономъ, что густъ на трости растворъ нависаетъ,
Что съ подлитой водой чернота у сени блекнетъ,
Что при разбавкѣ вдвойнѣ испускаетъ будылина капли.
15. О несчастный, и все что ни день несчастнѣйшій, или
Мы дошли до того? чего жъ ты ужъ лучше какъ голубъ
Нѣжный, иль царскій сынокъ не запросишь кашки покушать,
И не противишься ты въ сердцахъ, чтобъ баякала нянька?—
„Съ тростью ль учиться такой?— Кому говоришь? Огговорки
20. Что ворчишь? Надуваешь себя, течешь ты, безумецъ;
Будешь въ презрѣннѣ! Звенить при ударѣ изъяномъ и глухо

уступавшее только *Цекубу*. Фалерское вино было до того горячо, что Плиній (Нат. Ист. XIV, 8, 2) преувеличенно говоритъ, будто бы оно воспламеняло. Чтобъ укротить этотъ пылъ, прибавляли сладкаго и нѣжнаго Хюсскаго; см. Горациѣ Саг. I, 10, 24: „Также пріятнѣй, какъ если въ Хюсъ примѣшаютъ Фалерна“.

4. *Тѣнь касается черточки пятой*. Тѣнь указателя солнечныхъ часовъ, единственно извѣстныхъ римлянамъ. Пятый часъ дня соответствовалъ нашему одиннадцатому утра.

5. *Каникула ярость*. Каникулъ или Сириусъ—блестящая звезда въ пасти Большаго Пса, съ появленіемъ коего (въ концѣ іюля) начинаются такъ называемые каникулы. И такъ какъ онъ доводитъ скоть до бѣшенства, то самъ названъ *ярмъ*.

10. При выдѣлѣ пергамента съ кожи первоначально счищались шерсть и затѣмъ верхъ ея выдѣлывался въ желтый или красный цвѣтъ, а мѣздра — въ бѣлый.

11. *Тростникъ колѣнчатый*, употреблявшійся для письма, подобно перу.

13. *У сени*; здѣсь каракатица, доставляющая сомненную краску, употреблялась вообще вмѣсто чернилъ.

17. *Царскій сынокъ* можно съ одинаковымъ правомъ перевести: „сынъ богача“, такъ какъ *гедит* можетъ здѣсь означать и то, и другое.

20. Мы переводимъ буквально *effluis*—„течешь“, въ смыслѣ худаго, негоднаго горшка. Тебя ожидаетъ презрѣніе, такъ какъ всякій будетъ чувствовать твою неблаговосптанность и неблагонадежность, подобно тому, какъ по глухому звуку узнается не обожженный или худой горшокъ.

- Не обожженный горшокъ отъзывается глиной зеленой.
 Мокрая мягкая персть ты, — вотъ постарайся на быстромъ
 Безъ конца колесѣ изъясняться. Но въ полѣ отцовскомъ
25. Хватить зерна на тебя, блеснить безупречно солонка, —
 Какъ тутъ бояться? — Для жертвъ безопасна алтарная чаша.
 Будетъ съ тебя? но прилично ли грудь надрывать, раздуваясь,
 Что отъ древа взялся ты тусскаго тысячной вѣткой,
 Или что въ пурпурѣ самъ ты цензору кланяться можешь?
30. Къ черни всю пышность! Тебя узналъ я снутри и снаружи.
 Развѣ не совѣстно жить во нравахъ безпутнаго Натты?
 Но отъ пороковъ онъ глупъ и выросилъ тучностью жирной
 Тѣло, невиненъ онъ въ томъ, не вѣдаетъ, что онъ теряетъ,
 И, погрузившись на дно, не пойдетъ пузырями онъ кверху.

24. *Но въ полѣ отцовскомъ*; таково обычное возрѣженіе глѣни дѣтей обезпеченныхъ родителей.

25. *Блеснить безупречно солонка; безопасна алтарная чаша*; соль составляла принадлежность жертвы и считалась освящающею домашнюю трапезу, каковое значеніе сохранилось еще въ русскомъ народѣ наравнѣ съ хлѣбомъ. Вотъ почему солонка служила у римлянъ представительницей утвари достаточнаго человека; см. Горация Оды, II, 16, 13:

Счастливъ и малымъ, предъ кѣмъ родовая
 Блещетъ солонка за ужиномъ скуднымъ.

Поэтому при малѣйшей возможности солонка и жертвенная чаша были серебряныя, и солонка могла безупречно сіять, а такъ какъ въ случаѣ крайности не только серебряная солонка, но и алтарная чаша могли поступить въ продажу, то сказать, что послѣдняя *безопасна*, то же, что сказать: хозяйство такого-то благонадежно.

28. *Тысячной вѣткой отъ тусскаго древа*; Геродотъ (I, 94) передаетъ, что тусски (тосканцы) подъ предводительствомъ Тиррена, Лидійскаго царскаго сына, отправились въ Италію и поселились въ Умбрию подъ именемъ тирренцевъ, ранѣе основанія Рима. И вотъ отъ нихъ то вели свою родословную многіе знатные римляне; между прочимъ Меценатъ (Горация Сат., I, 6, 1; Оды, I, 1, 1 и III, 29, 1).

29. *Или что въ пурпурѣ*; здѣсь намекается на званіе „всадника“ упоминаемъ о ежегодномъ конномъ парадѣ всадниковъ передъ цензоромъ. При этомъ всадники появлялись въ такъ-называемой трабей (trabea), бѣлой тогѣ съ широкими пурпурными каймами, первобытной одеждѣ царей, позднѣе консуловъ, авгуровъ и всадниковъ. Тейель тонко замѣчаетъ, что невысокое значеніе, придаваемое всѣмъ этимъ преимуществамъ, тѣмъ прекраснѣе въ устахъ Персія, что онъ самъ всѣми ими владѣлъ.

30. *Къ черни всю пышность*; отбрось и предоставь все высокомузрію.

31. *Безпутнаго Натты*; вліяніе прославленнаго Горация такъ сильно на молодого Персія, что онъ безпрестанно какъ бы натывается на его образы. Такъ

35. Мощный родитель боговъ, ничѣмъ жестокихъ тиранновъ
 Не наказывай ты, когда возбуждаетъ ихъ сердце
 Ожесточенный порывъ, пропитанный ядомъ горючимъ:
 Лишь бы при видѣ добра, что они его бросили, сохли.
 Развѣ мѣдъ у быка сицилійскаго больше стонала
40. И сильнѣй устрашала съ потолка золотого висящій
 Мечъ покрытую пурпуромъ шею, чѣмъ ежели скажетъ
 Самъ себѣ: глубоко, глубоко ты упала, и несчастный
 Втайнѣ блѣднѣетъ предъ тѣмъ, что ближайшей супругѣ без-
 вѣстно.
- Часто, я помню, глаза и въ ребачествѣ мазала олифой,
45. Ежели пышныхъ рѣчей повторять предсмертныхъ Катона
 Я не хотѣлъ, при большой похвалѣ учителя дурня,
 Какъ, подозвавши друзей, отецъ меня слушалъ потѣя.
 Дѣльно; но главное вѣдъ узнать, что при счастьѣ шестерка
 Дастъ,—вотъ что на душѣ; проклятая много ль собака
50. Вычеркнетъ; какъ у горшка намѣтитъ въ узкое горло;

(Горація Сат., I, 6, 124)—Натта отъявленный скряга, а у Персія—отъявленный бездѣльникъ.

35. Указавши на сравнительную безамтежность окончательно нравственно погибшаго человѣка, поэтъ выставляетъ мученіе тѣхъ, которые сами чувствуютъ глубину своего паденія. Такой человѣкъ блѣднѣетъ передъ мыслью о своемъ преступлѣннѣ, котораго не откроетъ даже своей женѣ.

39. *Мѣдъ у быка сицилійскаго.* Афинянинъ Периллъ отлѣлъ для тирана Фалариса Агригентскаго въ Сициліи (550 г. до Р. Х.) мѣднаго быка, въ чреватѣ котораго на подложенномъ огнѣ жарились живые преступники. Всадствіе искуснаго устройства, крикъ несчастныхъ подражалъ реву настоящаго быка. По Ибису Овидія (ст. 439), Фаларисъ самъ первый изжаренъ былъ въ этомъ быкѣ.

40. Извѣстный Дамонловъ мечъ.

44. Школьникъ въ древности, какъ видно, желая избавиться отъ ученія подъ предлогомъ больныхъ глазъ, мазала послѣдніе олифой.

47. *Потѣя*, отъ напряженнаго вниманія къ блестящей декламациі сына.

48. *Шестерка*; у школьниковъ на умѣ не изреченія Катона, а игры, изъ коихъ упоминаются три главныхъ: въ кости, въ орѣхи и въ вубарь. При игрѣ въ кости лучшимъ швыркомъ или ударомъ Венеры считалось, когда на всѣхъ костяхъ сверху выкидывались все равныя цѣры. Хорошимъ ударомъ считалась и шестерка, то-есть, когда на всѣхъ оказывалось число шесть. Самымъ дурнымъ ударомъ, называвшимся *собакой*, считалось то, когда наверху всѣхъ костей оказывалась единица.

50. Въ землю по самое узкое горло зарывали горшокъ, въ который надо было попасть орѣхомъ или камешкомъ, и накидавшій ихъ наибольшее число считался побѣдителемъ.

- Или кнутаомъ покрутить кубарь изо всѣхъ половчѣе.
 Не доступно тебѣ укорять извращенные нравы,
 Или чему научаешь премудрый портикъ, расписанъ
 Медами въ брюхахъ, надѣ чѣмъ молодежь, острижена гладко,
 55. Бодрствуетъ ночи, сыта стручками и грубой полентой;
 Да и буква самосская та, что вѣтви пускаетъ,
 Восходящую вправо тебѣ указала тропинку.
 Ты все хранишь; голова, потерявшая связь, опустилась
 И со вчерашняго все зѣваетъ,—такъ челюсти слабы!
 60. Есть ли гдѣ цѣль у тебя, на которую лукъ направляешь?
 Или же въ вороновъ зря черепками и грязью ты мечешь,
 Не заботясь, куда забредешь, и живешь на удачу?
 Можешь видѣть вотще просящихъ чемерки, когда ужъ
 Кожу раздула болѣзнь; идущій недугъ предваряйте!
 65. Что и пользы сулить Кратеру великія горы?
 Научайтесь, несчастные! сущность вещей познавайте!—
 Кто мы, къ чему рождены, какой установленъ порядокъ,
 Иль какъ должно мету слегка огибать и откуда;
 Въ чемъ смыслъ денегъ, чего подобаешь желать, сколько пользы

52. *Не доступно*, ты способенъ указывать на извращенные нравы и понимать, чему учить Аенискій портикъ (столки), гдѣ между прочимъ въ картинахъ, изображающихъ победы надъ персами, послѣдніе представлены *медами* въ ихъ національныхъ шальварахъ. Въ этомъ портикъ (*стой похилѣ*) повиднѣ училъ философовъ Зеновъ и его послѣдователи, получившіе поэтому прозваніе *столковъ*.

54—55. *Молодежь острижена . . . . полентой*. Столки старались закалить свое тѣло. Поэтому все одѣяніе ихъ заключалось въ грубой накидѣ на голое тѣло. Для большей свободы мысли они коротко стригли волосы и отпускали бороды. Дешевые стручки и грубая ячменная каша составляли ихъ пищу. Такая кашница и по сіе время называется у италіанцевъ полентой, хотя приготавливается изъ маиса, тогда еще неизвѣстнаго.

56. *Буква самосская*. Философъ Пнеагоръ, родившійся на о. Самосѣ около 580 г. до Р. Х., сравнилъ жизнь человѣческую съ греческою буквою Υ. Буква эта, на подобіе дѣтскаго возраста, подымается прямою дорогою, когда человѣкъ еще не можетъ различить праваго отъ лѣваго, но далѣе, какъ и самая жизнь, буква эта раздѣляется на двѣ дороги, изъ коихъ узкая вправо ведетъ къ мудрости и добродѣтели, а широкая влево—къ заблужденію и порокамъ.

61. Изображеніе безтолковаго и безцѣльнаго дѣйствія.

63. *Чемерки*—здѣсь вообще виѣсто лѣкарства.

65. *Кратеру*, знаменитому врачу, виѣсто вообще врачу. Какая польза, не предвваривши болѣзни своевременно, сулить врачу золотыя горы?

66. Образъ заимствованный отъ ристалища.

70. Новой монеты въ себѣ; отчизнѣ и милымъ ближайшимъ
 Много ль прилично давать; какимъ тебѣ повелѣло
 Быть божество, и гдѣ мѣсто твое въ человѣческомъ родѣ;
 Научись не завидовать, что такъ много сосудовъ
 Въ складѣ богатомъ гнѣютъ, за защиту развѣвшихся умбровъ,
75. Перець и окорока, кліента памятникъ марса,
 Да что сардинка не вся исчерпана въ первой-то кадѣ.
 Тутъ изъ люда вонючаго центуріоновъ пожалуй
 Скажетъ иной: „Знаю я, что мнѣ слѣдуетъ знать, не желаю
 Быть я, чѣмъ Аркезилай да скорбіи были Солонъ
80. Тѣ, что, склонясь головой и въ землю уставивши взоры,
 Все бормочуть съ собой и молчанье безумное гложутъ
 И на отвислой губѣ развѣшивать рѣчи готовы.
 Старца недужнаго сны разбирать,—родиться не можетъ
 Изъ ничего—ничего, и ничто въ ничто возвратиться.
85. Вотъ ты блѣднѣешь надъ чѣмъ? Не завтракалъ кто, вотъ за это?“
 Это народу смѣшно, и толпа молодцевъ здоровенныхъ,
 Задирая носы, испускаетъ раскатистый хохоть.
 „Посмотри-ка, невѣсть почему моя грудь такъ тре-
 пещеть,
 Дышется горломъ больнымъ тяжело; посмотри-ка, лю-
 безный!“

70. *Новой монеты*, въ смыслѣ вновь приобретенной.

74—75. *За защиту развѣвшихся умбровъ... и кліента... марса*. Закономъ, проведеннымъ въ 205 г. до Р. X. народнымъ трибуномъ Цициемъ Алиментомъ, воспрещалось публичнымъ защитникамъ брать за свою услугу деньги, каковой законъ былъ подтвержденъ и Августомъ, но защитникамъ не запрещалось принимать подарки и приношенія всякаго рода съѣтными припасами. Развѣвшиея, разбогатѣвшіе умбры поставлены здѣсь въ противоположность марсамъ, сохранившимъ еще первобытную простоту даже въ своихъ приношеніяхъ.

77. *Изъ люда вонючаго центуріоновъ*—военные сотники, благонадежные на своихъ мѣстахъ, но вышедшіе изъ самыхъ низкихъ народныхъ слоевъ, и потому не слишкомъ чистоплотные, являются здѣсь представителями неотесанности.

79. *Аркезилай*, ученикъ Теофраста и Полемона и противникъ Зенона, основатель новой академіи; *скорбіи* относятся ко всѣмъ философамъ, а не къ Солону лично.

83. *Старца недужнаго*. Подразумывается родившійся около 470 г. до Р. X. во еракійскомъ городѣ Абдерѣ греческій философъ Демовритъ, отправившійся по смерти отца своего учиться въ Египетъ и въ Азію и занявшій одно изъ первыхъ мѣстъ между естествоиспытателями древности и развившій атомистическую теорію своего предшественника Левкиппа.

88. Аллегорическое изображеніе физическихъ недуговъ вмѣсто духовныхъ.

90. Такъ говорить онъ врачу, велить успокоиться этотъ.
Только третья лишь ночь увидала спокойнѣе вены,
Изъ дому, что пополнилѣй, небольшую велить онъ бутылку
Суррептива просить для себя предъ купаньемъ помагче.
„Ты поблѣднѣлъ, дорогой?“— „Ничего“.— „Но замѣть же хоть
это,
95. Что тамъ ни будь: у тебя желтѣя вздувается кожа“.
Ты гораздо блѣднѣй; опекушь у меня ты напрасный;
Прежде того схоронилъ: твой чередъ.— „Продолжай, я умолкну“.
Моется, помонъ онъ аствъ, и съ животомъ поблѣвншимъ,
Испаренія сѣрныя тихо пуская изъ горла;
100. Но за виномъ появляется дрожь, и нагрѣтую чашу
Выбиваетъ изъ рукъ, стучать раскрытые зубы.
И изъ слабѣющихъ губъ утучненный кусокъ выпадаетъ.
Туть-то трубы и факелы, и наконецъ-то покойникъ
Въ ложѣ высокомъ простертъ, густо измазанъ амомомъ,
105. Окоченѣлыя въ дверь обращаетъ пятки; взялись же
Нестъ, что головы лишь на кануиъ покрыли квириты.
Вены пощупай, бѣднякъ, и руку на грудь положи ты.
„Жару тутъ нѣтъ“.—Оконечности ногъ и рукъ ты пощупай.

93. На холмахъ Суррепта, приморскаго города въ Кампаніи, произрастало драгоцѣнное вино, которое въ старости получало особую мягкость и, по словамъ Плинія, имѣло цѣлебную силу.

98. *Животомъ поблѣвншимъ*, признакомъ водяной (см. Горація Оды, II, 2, 15). Римляне считали митье въ банѣ съ полнымъ желудкомъ убійственнымъ.

100. *Триенталъ*, сосудъ, въ который помѣщалась третья часть секотарія (sextarius). Мы хотя бы и могли оставить какъ въ подлинникѣ: нагрѣтый триенталъ,—перевести, чтобы не задерживать читателя: „нагрѣтую чашу“. Чаша въ рукахъ больного нагрѣта лихорадочнымъ жаромъ руки.

103. *Туть-то*,—слѣдуетъ описаніе богатыхъ похоронъ.

104. *Амомъ* былъ нынѣ невѣроятный вустарникъ, изъ соку котораго извлекался драгоцѣннѣйшій благовонный бальзамъ.

106. *Что головы лишь на кануиъ покрыли квириты*. Вновь испеченные римскіе граждане, которыхъ поэтъ преднамѣренно именуетъ квиритами, чтобы выставить ихъ гражданскую полноправность. Это вольноотпущенные духовнымъ завѣщаніемъ покойнаго, бывшіе еще на кануиъ рабами и носящіе въ отличіе отъ рабовъ шляпу (pileus), которую рабамъ дозволялось носить только въ сатурналіи, когда они играли роль свободныхъ людей.

107. Въ дальнѣйшемъ изображеніи рѣчь идетъ уже не о тѣлесныхъ недугахъ, а о нравственныхъ, изъ числа коихъ приводится (109) *алянность къ деньгамъ*; (110)—*сладогстрастіе*; (111—114)—*чревоугодіе*; (115) *трусовость*; (116)—*итье*.

- „Холоду нѣтъ“.—Но когда случайно увидишь ты деньги,
 110. Или прелестная дочь сосѣда слегка улыбнется,
 Сердце обычно ль твое трепещеть? На блюдѣ остывшемъ
 Овощъ твердый съ мукой просѣянной въ грубое сито.
 Горло попробуемъ мы! Во рту-то нѣжномъ таятся
 Гнойный нарывъ, не должно обдирать его свеклой плебейской.
115. Стынешь ты, если страхъ тебѣ блѣдный волосы поднимаетъ;
 Вотъ будто факель подсунули, кровь закипаетъ и блещутъ
 Гнѣвомъ глаза, говоришь и дѣлаешь то, что и самъ бы
 Дѣломъ не здраваго счелъ человека Орестъ нездоровый.

Сатира четвертая.

- „Дѣло народа ведешь?“ Представь, что брадатый учитель
 То говорить, глоткомъ изведенный жестокой цикуты.—
 „Ждешь ты чего? Говори, питомецъ витіи Перикла,
 Подлинно разумъ къ тебѣ и предметовъ проворная сметка
 5. Раньше пришли бороды, сказать и смолчать ты умѣешь.
 Вотъ какъ народишка то закипитъ взволнованный желчью,
 Духъ твой влечетъ водворить въ толпѣ возбужденной молчанье—
 Мановеньемъ руки. Но что же ты скажешь? Квириты,

118. *Орестъ нездоровый*; Орестъ, сынъ Агамемнона и Клитемнестры, откинулъ смерть отца убійствомъ своей матери и ея любовника Эгиста. Преслѣдуемый еуріями, онъ по совѣту дельфійскаго оракула отправился за помощью къ таврической Дианѣ. Здѣсь узанный сестрою Менгенией, жрицей Дианы, онъ видѣсто того чтобы быть принесеннымъ въ жертву, бѣжалъ съ сестрою, унося статую богини и исцѣлился отъ безумія.

Содержаніе: Известное Грѣбѣ: σιζόν („познай самого себя“) составляетъ тему подлежащей сатиры. Сатира эта тѣмъ болѣе кстати слѣдуетъ за предшествовавшей, что, подобно ей, выставляетъ на глаза слѣдствіе неосновательнаго и не оконченнаго образованія, которое такимъ образомъ не можетъ привести человека къ самопознанію. Обращаясь въ настоящей сатирѣ къ человеку, записывающему увлечь чернь своими рѣчами для достиженія собственныхъ плотскихъ цѣлей, поэтъ для оживленія рѣчи обмываетъ такого оратора Алкивиадомъ и приглашаетъ его представить себя, что завѣщанія онъ слышитъ не отъ Персія, а отъ самаго Сократа.

1. *Брадатый учитель, глоткомъ изведенный жестокой цикуты*,—Сократъ, отравленный цикутой. *Брадатый*—въ смыслѣ почтенный.

3. *Питомецъ витіи Перикла*; Алкивиадъ, сынъ Клинія, ученикъ Сократа. Периклъ былъ назначенъ опекуномъ Алкивиада отцомъ послѣдняго.

8. *Мановеньемъ руки*, всѣ желающіе возбудить вниманіе народа, приглашали толпу къ таинствѣ поднятіемъ руки.

- Это не право, я чай, то дурно, а то справедливѣй.
10. Правду умѣешь вѣдь ты на двойныхъ вывѣшивать чашахъ
Шаткихъ вѣсовъ: разберешь ты правду, когда она между
Кривды, или вводитъ въ обманъ угольникъ, утративши точность
И преступленье ентоу ты мрачной умѣешь отмѣтить?
Что же поэтому ты, понапрасну лишь кожей нарядный,
15. Не бросаешь съ утра вилять хвостомъ предъ народцемъ
Ласковымъ, лучше тебѣ Антикиръ испить бы чистѣйшихъ!
Благомъ что вышнимъ тебѣ? прожить всегда при роскошномъ
Блюдѣ и кожу свою непрестанно на солнцѣ дѣлѣять?
Вишь, не иначе и та старуха отвѣтитъ. Начни же:
20. Я Диномахой рожденъ, кичись, я прекрасенъ—допустимъ;
Вѣдь не хуже того понимаетъ въ лохмотьяхъ Бавкида,
Какъ нараспѣвъ продаетъ разбитному дворовому овощъ.
Вотъ никто-то въ себя, никто углубиться не хочетъ,

13. *Онтоу мрачной.* Онта—начальная буква греческаго *θάνατος*; (смерть); ее ставили судьи передъ именами приговоренныхъ къ смертной казни.

14. *Понапрасну лишь кожей нарядный;* съ этимъ слѣдуетъ сравнить Го-
рація Сат., II, 1, 62:

. . . . . какъ Лудилій

Первый дернулъ въ этомъ родѣ стихи сочинять, совлекая

Шкури съ тѣхъ, что, сияя, ходили покрытые ими,

А въ серединѣ порочные....

и Посланія, I, 16, 44—45:

Но за то весь домъ и сосѣдство видитъ, какъ гнусенъ
Внутренній онъ, хотя представителемъ шкуркой красивой.

16. *Лучше тебя Антикиръ испить бы.* Было два города, носящихъ названіе *Антикира*. Одинъ у горы Эты въ Тессалии, въ окрестностяхъ коей произрастала бѣлая чемерка (антикира), а другой въ Фокидѣ, гдѣ росла черная. Такии образомъ Антикиръ было двѣ, и кромѣ испѣленія отъ различныхъ болѣзней, какъ очистительное средство, чемерка считалась цѣлительною отъ сумасшествія. Здѣсь слѣдуетъ разумѣть въ послѣднемъ смыслѣ.

19. *Та старуха отвѣтитъ.* Эти слова какъ бы указываютъ на рынокъ, гдѣ старухи продаютъ овощи, и если въ немъ обратиться съ вопросомъ о вышемъ благѣ, то онѣ скажутъ, что разумѣютъ его въ угожденіи своею плотію.

20. *Диномахой рожденъ.* Имя матери Алквивиада, по которой онъ принадлежалъ къ древнему роду Алкмеонидовъ.

21. *Бавкида*, одно изъ употребительнѣйшихъ греческихъ именъ для подобныхъ женщинъ, продающихъ овощи. Мы перевели слово *τετρα* словомъ *дворовой*, такъ какъ *τετρα* былъ не купленный, а въ домѣ выросшій рабъ, а потому и болѣе избалованный и разбитной.

А на плечахъ у передняго только смотреть на сумку.

25. Спросишь: „Не знаешь земель Веттидія?“— Чьихъ?— Богача-то?—

Въ Курахъ которѣй вспахалъ, что и коршунъ всего не окружить.—

Ты о томъ говоришь богомерзкомъ и генію гнусномъ,
Что, какъ повѣситъ ярмо близъ утоптаннаго перекрестка,
Отскребая съ кадушки со страхомъ старую тину.

30. Стонеть: во здравье бы пить! въ рубашкѣ лукъ съ солью
кусая,

Какъ надъ горшкомъ съ размазней зарукопещуть ребята,
Онъ подонья въ плевахъ умершаго ужсуса тянеть?—

Коль умащенъ возлежишь и выставишь кожу на солнцѣ,
Незнакомецъ ужъ тутъ, что локтемъ толкнеть и жестоко

35. Обругаетъ: за нравъ и что, тайное все оцципавши,
Ты разверзаетъ затѣмъ увядшее лоно народу.

На подбородкѣ когда благовонную бороду чешешь,
Отчего жъ у тебя червякъ остриженный видѣнъ?

Пять гимнастовъ пускай щипали бы этотъ расадникъ,

40. И припекаемый задъ обрывали кривыми щипцами,

24. А на плечахъ у передняго только смотреть на сумку. Намекъ на известную Эвопову басню, по которой у каждого человѣка два мѣшка. Одинъ съ пороками ближняго спереди на груди, другой съ собственными за плечами. Такое представленіе Эвопа Персіи нѣсколько измѣняетъ, предполагая, что у каждого человѣка мѣшокъ съ его пороками за плечами, и всѣ люди, слѣдуя въ рядъ одинъ за другимъ, могутъ видѣть только пороки своихъ предшественниковъ.

25—26. Подобно тому какъ имя *Веттидія* произвольно выбрано для обозначенія богатаго землевладѣльца, такъ точно и сабинскій городъ *Куры*, произвольно поставленъ вмѣсто всякаго другаго.

27. *Богомерзкомъ* и *генію гнусномъ*; отвратительномъ не только богачъ, но и собственному генію.

28. *Повѣситъ ярмо близъ перекрестка*. Дважды въ году осенью по окончаніи полевыхъ работъ и весной праздновались на перекресткахъ лары, въ честь которыхъ у открытыхъ алтарей вывѣшивалось ярмо, какъ знакъ окончанія работъ. На этихъ праздникахъ пировали господа и рабы и отказывать себѣ въ такіе праздники въ хорошемъ угощеніи считалось величайшей скупостью.

33. Здѣсь переходимъ къ дальнѣйшимъ мыслямъ слѣдуетъ подразумевать: Подобно тому какъ ты осуждаешь Веттидія за гнусную скупость, первый сторонній можетъ осудить тебя самого за стремленіе къ утонченной извѣженности.

35—40. Молодые щеголи отращали длинные волосы на головѣ, но удаляли остальные волосы на всемъ тѣлѣ, частію посредствомъ щипцовъ, а частію посредствомъ липкой смолы, которою ихъ вырывали.

- Все никакому межъ тѣмъ этотъ папортникъ плугу не слается.
 Бьемъ мы и сами, за то выставаемъ ноги подъ стрѣлы.
 Такъ-то живется. И то мы знаемъ: тайная рана
 Подъ животомъ у тебя; но золотомъ поясъ широкій
45. Все прикрылъ. Ты болтай и плоть обманывай даже,
 Ежели можешь.—, Когда называютъ прекраснымъ сосѣди,
 Иль миѣ не вѣришь?—“Коль ты блѣдишь, негодный, завидя
 Деньги, коль дѣлаешь то, что взбредетъ твоей похоти скорбной,
 Если до сильныхъ рубцевъ, пройдоха, ты биржу бичуешь,—
50. То вотще обратишь къ народу слухменныя уши.
 Плюнь ты на то, что не ты, пусть чернъ емиамъ свой уносить;
 Самъ съ собою живи: узнаешь, какъ малъ твой достатокъ.

Сатира пятая.

Это обычай пѣвцовъ голосовъ просить себѣ сотню,
 Сотню устъ и желать языковъ для пѣнія сотню,

42. *Содержаніе этого стиха:* въ обыденной жизни при войнѣ всѣхъ протѣвъ каждаго, мы, напададъ сами, выставаемъ себя подъ удары; но въ то же время стараемся пышною и нарядною виѣшностью прикрывать собственные недостатки. Самообольщеніе въ этомъ отношеніи доходитъ до того, что когда сосѣди называютъ насъ прекрасными, мы готовы принять это за правду. Можно ли назвать прекраснымъ человека, который исполненъ порочныхъ вожделѣній? Только отрезвившійся и духовно уединившійся человекъ можетъ понять всю свою нравственную недостаточность.

49. *Puteal* мы для ясности переводимъ словомъ биржа, хотя оно означало крышу или ограду извѣстнаго мѣста. Такихъ путеалей въ Римѣ на рынкѣ было два: одно у Комиціи, а другое — при *arcis Fabianus*—было по приказу сената сооружено Сярибоніемъ Либонемъ. Здѣсь согласно схоластику Акрону, мѣняли устранивали свои ланки и производили дѣла. Поэтому выраженіе — биржу бичуетъ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ: быть безопаснымъ ростовщикомъ.

50. Стихъ этотъ мы понимаемъ въ томъ смыслѣ, что при такихъ порочныхъ наклонностяхъ бесполезно прислушиваться къ народному мнѣнію, хотя бы оно приписывало человеку достоинства, которыхъ онъ не имѣетъ.

51. Когда чернъ уйдетъ съ подносимымъ тебѣ емиамомъ, ты узнаешь свою бѣдность.

Содержаніе: Эта и слѣдующая сатира отличаются отъ предыдущихъ по формѣ—различнымъ характеромъ. Если въ первыхъ четырехъ сатирахъ Персіи какъ бы обращается къ цѣлому свѣту вообще,—такъ во второй сатирѣ нѣя Макрина поминается случайно,—то для пятой и шестой онъ избралъ форму писемъ, при помощи которой онъ ставитъ ихъ рядомъ съ посланіями Горациа и, знакомя насъ съ выдающимися личностями, превращаетъ ихъ въ историческіе документы. Проявляя такимъ образомъ усовершенствованіе въ дѣлѣ иску-

Повѣсть слагается ли, чтобы трагикъ вопилъ ее грустный,
Или о ранѣ, какъ парѣ изъ бедра извлекаетъ желѣзо.

5. „Это на что? или что за куски ты громоздкой нѣсни
Вводишь, что въ пору затѣмъ на сотни горлъ опираться?
Важно хотящій вѣщать, тумановъ собирай съ Геликона,
Ежели Прогны предъ кѣмъ горшокъ, предъ кѣмъ ли Тіеста
Будетъ кипѣть, чтобъ не разъ поѣлъ Гликонъ несоленый;

ства, объ послѣднія сатиры дѣйствительно выше прочихъ, а настоящая—пятая—является вѣдцемъ вещей Въ ней Персій обращается къ своему учителю и другу отца *стоику Корнуту*. Многократное и любовное обращеніе Персія въ настоящей сатирѣ къ Корнуту представляетъ намъ благородно признательную душу поэта въ самомъ отрадномъ свѣтѣ. Съ 73-го стиха Персій приступаетъ къ своему главному тезису, который выводилъ и Цицеронъ (Парадоксы, V), и Гораций (Сат., II, 7). Это стоическій тезисъ, что одинъ мудрый свободенъ (бт: *μόνος ὁ εὐφρόδελούδωρος*). Читатель убѣдится, до какой степени Персій старается разсмотрѣть условия настоящей стоической свободы.

1. *Голосовъ просите себѣ сотню*. Желаніе, весьма часто встрѣчающееся у поэтовъ, начиная съ Гомера (Ил. II, 489): „Еслибы десять имѣлъ язычниковъ я и десять гортаней“.....

3. *Потѣтъ слагается ли*—въ трагической или эпической формѣ.

4. *Парѣ*, какъ обращикъ самого грознаго протливника.

5. *Смыслъ*: на что тебѣ, скромному сатирику, сотню голоево? Или же ты въ самомъ дѣлѣ берешься за *громоздкое пѣнопѣаніе*, которому нужно сотни горлъ?

8. *Ежели Прогны...* Здѣсь упоминаются два мифа, преимущественно представлявшие содержание современныхъ Персію трагедій. *Проина*, дочь Аенискаго царя Пандіона, просила своего мужа Фразіійскаго царя Терей, отъ котораго родила сына Итиса, съѣздить въ Аены за меньшою сестрою Филомелой. Терей, надругавшись дорогою надъ Филомелой и боясь быть уличеннымъ ею, отрывалъ ей языкъ и заперъ въ пустынномъ мѣстѣ. Филомела, вытѣвъ разказъ о своемъ несчастіи, послала холстъ сестрѣ своей Прогнѣ, а та во время вакхическаго торжества освободила сестру и увлекла къ себѣ. Здѣсь обѣ сестры убили Итиса и изжорили имъ отца Терей, и когда послѣдній, узнавъ про злодѣйство, бросился съ мечемъ на виновницъ, боги превратили всѣхъ ихъ: Прогну—въ ласточку, Филомелу—въ соловья, Терей—въ удода и Итиса—въ еазана. *Тіестъ* сынъ Фригіцскаго царя Пелопса и братъ Атрея, ставши владыкою Микенъ, соблазнилъ Эропу, жену брата своего Атрея. Вслѣдствіе того Атрей, убивши дѣтей Тіеста, накормилъ ихъ тлѣми отца. Эгистъ, сынъ Тіеста, убилъ Атрея, Агамемнонъ, внукъ Атрея, умерщвленъ женой своею—Клитемистрой, убитой въ свою очередь Орестомъ, сыномъ Агамемнона. Оба мифа подвергались у поэтовъ большимъ измѣненіямъ.

9. *Гликонъ несоленый*, весьма любимый народомъ актеръ, во времена Нерона, игравшій по схоластику приведенныя здѣсь роли. Здѣсь (*insulsus*) несоленый употреблено въ смыслѣ: несуразный, объ актерѣ, переигрывающемъ до каррикатур-

10. Вѣдь не душимъ же, какъ плавится масса въ горнилѣ,
 Мѣхомъ ты вѣтеръ тѣснишь, не тихимъ ворчаніемъ хрипло
 Невѣсть что про себя, глупецъ, ты каркаешь важно
 И шленкомъ осадить не собираешься щекъ ты раздутыхъ.
 Мѣткій придать оборотъ искусенъ ты словомъ народнымъ,
15. Въ сдержанной рѣчи округль, умѣешь поблекшіе нравы
 Зацѣпить и вину уколоть самобытной игрою.
 Тутъ находи, что сказать, и оставь съ головой и съ ногами
 Ты въ Микенахъ столы и довольствуйся пищей плебейской".
 Я же на то и не бью, чтобы ребяческимъ вздоромъ
20. Листъ у меня распухалъ, лишь вѣсу способный дать дыму.
 Тайно скажу: предъ тобой я теперь, по внушенью Камены,
 Грудь желаю раскрыть и частью, какою владѣешь
 Ты души у меня, Корнуть, показать тебѣ, милый
 Другъ мой, отрадно: вѣдь ты распознать ударяя искусенъ,
25. Гдѣ тугое звенить, гдѣ пестрыхъ реченій покрывка.
 Къ этому сто голосовъ испрашивать я бы рѣшился,
 Чтобы, на сколько тебя въ извивахъ души впечатлѣль я,
 Высказать ясно я могъ и то все выразить словомъ,
 Что таятся въ тиши незримо въ сердцѣ.
30. Какъ боязливо впервой я хранительный пурпуръ оставилъ,

ности свою роль. Мы уже разъ перевели у Катупла (17, 12) „insulsissimus est homo“—словами: „несоленѣйшій онъ человекъ“,—въ смыслѣ несообразительный, глупый, ибо слышала это слово въ лѣсу на охотѣ отъ человека, не имѣвшего понятія объ insulsus.

10. Смыслъ: Вѣдь не желаешь же ты, испуская безсодержательную рѣчь, уподобиться кузнечному мѣху.

15. Содержаніе: обладая творческимъ талантомъ, оставь трагическій элементъ (трапезы въ Микенахъ,—см. выше ст. 8) и довольствуйся *пищей плебейской* (будничнымъ содержаніемъ) въ противоположность царской пищѣ Тисета.

19. „Я же на то и не бью“, говоритъ Персій своему собесѣднику, „чтобы увеличивать объемъ безсодержательнаго писанія“.

21. *Камены*,—первоначально вдохновительныя лѣсныя нимфы древне-итальянскаго культа, позднѣе отождествлены латинскими поэтами съ греческими музами.

25. Корнуть представляется знатокомъ, умѣющимъ по одному звуку распознать полный горшокъ отъ безсодержательной оболочки цветистой рѣчи.

30. Признательный Персій описываетъ воспитательное на него вліяніе Корнута. *Хранительный пурпуръ*; когда изъ отроческихъ лѣтъ поступилъ въ юношескія. *Пурпуръ* здѣсь вѣсто ребяческой бѣлой тоги, обшитою пурпурною каймою (toга praetexta).

- И препоясаннымъ въ даръ я ларамъ буллу повѣсилъ;
 Какъ провожатыхъ привѣтъ и тоги подогу уже бѣлый
 Дозволяли глазамъ по всей разбѣгаться Субурѣ;
 Гдѣ такъ сомнителенъ путь и въ невѣдѣнныя жизни ошибка
35. По развѣтвленнымъ путямъ пугливыя души уводитъ,
 Я пріютился къ тебѣ: и вѣжные годы пріемлешь
 Ты, Корнута, какъ Сократъ на груди; тутъ ловко и тихо
 Приложенное правило сгладило права неровность,
 И укрощается разумомъ духъ и старается сдаться,
40. И подъ твоимъ онъ перстомъ получаетъ обликъ изящный:
 Помню вѣдь я, какъ съ тобою мы долгіе дни проводили,
 И съ тобой за столомъ коротали мы съ вечера ночи;
 Дѣло одно и покой сообща дѣлили мы оба,
 И за важнымъ столомъ на распашку пускали мы скромность.
45. Не сомнѣвайся и въ томъ, что обоихъ въ надежномъ союзѣ
 Наши сочувственны дни и одной предводимы звѣздой:
 Хоть и правду хранящая парка намъ взвѣсила время
 На уравненныхъ Вѣсахъ иль часъ рожденія вѣрныхъ
 Межъ Близнецовъ подѣлили двоихъ одинаковый жребій

31. *Лары* названы *препоясанными*, потому что по большей части они были одѣты по габински со вздернутою подъ поясъ тогю, какъ изображалась Діана и оправлялись охотники и путники. *Буллу*; у богатыхъ золотой и серебряный, а у бѣдныхъ кожаный медальонъ вѣшался какъ спасительный амулетъ мальчишамъ на шею, а въ день совершеннолѣтія посвящался ими ларамъ, подобно тому какъ куклы посвящались дѣвками Венерѣ.

32. *Какъ провожатыхъ пріютитъ*, какъ строгій надзоръ провожатыхъ, окружавшихъ мальчика, вдругъ превратился въ привѣтъ, когда онъ надѣлъ окончательно бѣлую мужскую тогу (*toga virilis*).

33. *Субура* одна изъ самыхъ оживленныхъ и шумныхъ улицъ Рима (см. Ювенала III, 5).

41—42. Слич. эти стихи съ Горациемъ, Оды, II, 7, 6:

Съ кѣмъ часто долгій день виномъ мы коротали.

47. Согласно ученію стоиковъ, неизмѣнныя въ своихъ приговорахъ паркя названы *правду хранящими*. Кроме того, что изъ трехъ сестеръ старшая *Клото* зачинала жизненную нить человѣка, *Лакзисъ* продолжала ее пріять, а *Атропосъ* перерывала ее ножницами въ минуту смерти человѣка, — отъ парокъ зависѣло рожденіе человѣка подъ тѣмъ или другимъ созвѣздіемъ.

48 — 50. *Васы* вмѣстѣ съ *Выгомъ*, по мнѣнію древнихъ астрономовъ, въ союзѣ съ Венерою, слыли добрымъ предназначеніемъ. Созвѣздіе Близнецовъ *Кастора* и *Поллукса* вмѣстѣ съ *Дѣвою* считалось мѣстопробываніемъ звезды обманчиваго Меркурія. *Юпитеръ* въ своемъ дому у *Стрѣльца* и *Рыбъ* — съ добрымъ, а *Сатурнъ* у *Козерога* и *Водеоя* — съ дурнымъ предназначеніемъ.

50. И Сатурна грозу сокрушаемъ мы общимъ Зевесомъ;
 Что съ тобой за звѣзда меня сочтаетъ, не знаю.
 Тысячи видовъ людей и пестро потребленье предметовъ;
 Каждому нужно свое, не живется съ единымъ желаньемъ.
 Тотъ въ промѣнъ за товаръ италійскій подъ солнцемъ восточнымъ
55. Перець морщялый беретъ и зерна блѣсаго тмина,
 Этоть вотъ сытъ предпочтеть въ освѣжительномъ свѣ утуч-
 няться;
 Марсову полю тотъ радъ, тотъ въ восты игрой разорился;
 Тотъ съ любострастья разслабъ; когда жь въ костяницей хи-
 рагрѣ
 Члены разрушатся ихъ, какъ вѣтви стараго буза,
60. Тутъ лѣнныя дни и свѣтъ, что сокрылся въ болотѣ,
 И что жизнь въ нихъ одна осталась, ужь повдно вздыхаютъ.
 Ты же любишь блѣднѣть надъ страницами сидя ночными,
 Ибо, уча молодежь, въ очищенный слухъ ей влагаешь
 Ты Клеанта посѣвъ: и старый, и малый ищите
65. Вѣрную цѣль для души и напутствіе блѣднымъ сѣдинамъ!
 „Завтра возьмусь“. — „Но вѣдь тожь будетъ завтра“. — „Не
 важное дѣло,
 День-то ты дашь мнѣ одинъ?“—Но свѣтъ лишь явится новый,
 Уже вчерашнимъ питается завтра; вотъ новое завтра
 Годы погонить впередъ, и будетъ все дальше немножко.
70. Ибо хотя близъ тебя, хотя подъ дышломъ единымъ
 Все же вертящуюся преслѣдуешь шину напрасно,
 Ежели заднимъ бѣжишь колесомъ на оси лишь второй ты.

52. *Тысячи видовъ людей*, слич. Гораціи Сат., II, 1, 27—28:

. . . . . „и сколько на свѣтъ головъ, столько тысячъ

Есть умовъ. . . . .

пестро потребленье предметовъ. Мы сохранили буквальность „*rerum discolor usus*“, такъ какъ всякій другой переводъ отклонялся бы отъ мысли поэта: пестры, то-есть, различны не самые предметы и не ихъ назначенія, а образы ихъ употребленія, вслѣдствіе чего одинъ и тотъ же предметъ служитъ различнымъ потребностямъ.

55. *Блѣсаго тмина*. Высокій сортъ этой приности (*cuminum sativum*) считался производящимъ при частомъ употребленіи блѣдность лица.

64. *Клеантъ* изъ Асса въ Мидіи, ученикъ и послѣдователь Зенона и учитель Хривяппа, былъ однимъ изъ выдающихся наставниковъ и опорой стои.

66—72. Смыслъ: ты, лѣнвецъ, откладывающій постоянно на завтрашній день начало своего усовершенствованія, никогда его не достигнешь, подобно аднему колесу, тщетно догоняющему переднее.

- Нужно свободы не той, которой всякій Велинскій
 Публій добился и смогъ прогорклой муки по табличкѣ
75. Взять. Для правды, увь! бесплодны тѣ, коихъ въ кзириты
 Ставить одинъ поворотъ! Вотъ конюхъ Дама, не стоятъ
 Трынки, подслѣпный, дрянной и лгунъ ради рѣзки ничтожной:
 Но повернулъ лишь его господинъ, онъ въ мигъ поворота
 Выйдетъ Маркъ—Дама: о, о! при ручательствѣ Марка откажешь
80. Денегъ повѣрить? Иль ты передъ Маркомъ судьей блѣднѣешь?
 Маркъ такъ сказалъ: такъ и есть; скрѣпи вотъ, Маркъ, ты
 таблицы.

- Вотъ свобода вполнѣ, какую намъ шляпы даруютъ! —
 Кто же свободнѣй того, кто жизнь проводить въ состояннѣ,
 Какъ захотѣлъ? Какъ хочу, могу я жить: не свободнѣй
85. Развѣ я Брута?—Твое заключеніе ложно, сказалъ тутъ
 Стоикъ, который промылъ забористымъ укусомъ уши:

73. *Велинскій Публій*, то-есть, человекъ принадлежащій къ Велинской трибѣ. Персій, говоря вообще о поступленіи вольноотпущеннаго въ одну изъ трибъ, очевидно, имѣлъ въ виду Горація; см. Послavia, I, 6, 52:

..... Тотъ въ Фабіевой, а зтотъ въ Велинской
 Трибѣ силенъ. . . .

Имя *Публій* — произвольное; вольноотпущенные принимали имена своихъ бывшихъ господъ—Луцій, Публій, Маркъ и т. д.

74. *Прогорклой муки*. Въ Римѣ для раздачи бѣднѣйшимъ гражданамъ муки по удешевленной цѣнѣ существовали магазины, откуда нуждающіеся граждане могли получить свою дачу согнившей муки по табличкѣ. На такое преимущество свободного гражданина здѣсь указывается, а ниже (79, 80, 81) указываются и на другія.

76. *Ставить одинъ поворотъ*; при освобожденіи раба при помощи хлыста или жезла (*festuca, vindicta, rude*) преторъ произносилъ знаменитыя слова: „*aiō te liberum moге Quiritium*“,—послѣ чего поворачивалъ его кругомъ, а прежній господинъ въ видимый знакъ прекращенія господскаго произвола наносилъ ему ударъ въ лице. *Дама*, одно изъ употребительнѣйшихъ именъ рабовъ, встречающееся и у Горація (Сат., II, 5, 18; II, 7, 54).

79—81. *Маркъ Дама* ручается; является судьей, скрѣпляетъ своею печатью бумаги. Бывшій рабъ Марка, Дама, сталъ, какъ мы сказали (пр. 73), Маркомъ Дамою. Ставши римскимъ гражданиномъ, онъ можетъ исполнять все вышесказанное и скрѣплять своею печатью завѣщанія.

82. Право появляться съ покрытою шляпою головою, см. выше III, 106.

85. Л. Юнія Бруга старшаго, изгнавшаго Тарквинія Гордаго и основавшаго республику.

86. *Забористымъ укусомъ уши*, то-есть, очистилъ и изощрилъ свой критическій слухъ.

- Прочее радъ я принять; но могу, какъ хочу, это выкинь. —
 Какъ своимъ отошелъ уже я отъ преторской палки,
 То почему мнѣ нельзя, чего бъ не велѣла мнѣ воля,
90. За исключеньемъ того, что Мазурій въ главѣ запрещаетъ? —
 Слушай, но гнѣвъ свой уйми и носъ въ морщинахъ насмѣшки,
 Какъ я съ легкихъ твоихъ рвать старья глупости стану.
 Дѣло не претора вѣдь глупцамъ подавать наставленья
 Тонкія и объяснять управленіе быстрою жизнью:
95. Ты на самбугѣ скорѣй рабочаго дыду обучишь.
 Здравый противится смыслъ и тайно шепчетъ въ ухо,
 Дѣлать не должно того, что, дѣлая, самъ же и портишь.
 Общій законъ у людей и природа тому прекословить,
 Чтобы незнанье бессильное дѣлъ запрещенныхъ касалось.
100. Хочешь чемерку мѣшать, а стрѣлки на точкѣ извѣстной
 Ты не умѣешь держать: то суть запрещаетъ лѣченья:
 Если попроситъ себѣ корабля въ сапожищахъ оратай,
 Съ Люциферомъ незнакомъ, Мелицертъ воскликнетъ, что въ
 мірѣ

88. На замѣчаніе мудреца касательно тщеты выраженіи: *могу какъ хочу*, на что и Шопенгауэръ указываетъ въ своей этикѣ, — вольноотпущенный спрашиваетъ со свойственною ему грубостью пониманія, почему онъ не можетъ поступать, какъ хочетъ за исключеніемъ запрещеннаго въ трехъ книжкахъ Мазурія Сабина, знаменитаго юриста временъ Тиверія. Книги эти о правахъ и обязанностяхъ римскаго гражданина по простотѣ и ясности изложенія были весьма популярны. Мы переводимъ буквально слово *теби* словомъ *своимъ*, то-есть, принадлежащимъ самому себѣ, вмѣсто того чтобы сказать: *какъ свободенъ отшелъ*.

91. На это стоишь, приглашая вольноотпущеннаго ко вниманію, совѣтуешь ему насмѣшливо не задирать носа, въ то время какъ мудрецъ своимъ поученіемъ будетъ снимать съ его души застарѣлые предрасудки.

95. Пословица вродѣ: *бво; про; лѣрав, асіпвс ad lугam* (оселъ у лиры).

100. Слѣч. Горациіи Посланія, II, 1, 114:

Не корабельщикъ бѣится вести корабль; божьей травки
 Кто не учился, больному не дастъ, лѣкарствомъ снабжаетъ
 Лѣкаръ одинъ; своимъ мастерствомъ занимается мастеръ.

Чемерку; здѣсь вообще вмѣсто лѣкарства какъ и III, 63 (см. прим. IV, 16). Въ древности врачи, за отсутствіемъ аптекъ, приготовляли лѣкарство сами. *На точкѣ извѣстной*—безвѣна, гдѣ извѣстный вѣсъ отмѣченъ.

101. *Суть лмченя* требуетъ опредѣленнаго вѣса лѣкарства, а ты желаешь врачевать, не умѣя взвѣшивать.

103. Утренняя звезда *Люциферъ* здѣсь вообще вмѣсто звѣзднаго неба, знаменство съ которымъ для коричаго необходимо. Ино, супруга Фиванскаго царя Атаманта, бросилась преслѣдуемая безумнымъ супругомъ вмѣстѣ съ юнымъ сы-

- Стыдъ весь погибъ. На ногѣ прожить прямой получилъ ли
105. Ты искусство, и видѣ распознать ты ловокъ ли правды,
Не завенѣло бы какъ обманчиво золото съ мѣдью?
То чему слѣдовать долгъ, чего опасаться напротивъ,
Мѣломъ первое ты отмѣтилъ ли, это вотъ углемъ?
Скромны ль желанья твоя? При скудности милъ ли съ друзьями?
110. Ты, какъ запрешь закрома, ихъ вдругъ открываешь ли снова?
Можешь ли мимо пройти ты въ грязь засѣвшей монеты
И при этомъ слюны не глотать изъ желанья корысти?
Это мое, я могу, коль скажешь по правдѣ, то будь ты
И свободенъ, и мудръ у преторовъ и предъ Зевесомъ.
115. Если же ты, какъ и былъ недавно, изъ нашего жъ тѣста,
Старую шкурку свою сберегъ и при лоскѣ наружномъ
Хитрую все же хранишь въ испорченной груди лисицу,
Что я выше призналъ, отниму, подтяну и веревку:
Разумъ тебѣ не принесъ ничего; палецъ вытянешь, грѣшенъ,
120. А на что ужъ пустакъ? Но и ладонь ничей не умолить,
Чтобъ прилипла къ глупцу разсудка хоть самая малость.
Этого не совмѣстить; и если ты пентюхъ взаправду,
То и трехъ ты колѣвъ не пройдешь, какъ сатиръ за Ваэилломъ.

номъ своимъ Мелицертомъ въ море. Оба по просьбѣ Венеры приняты Нептуномъ въ число морскихъ божествъ и были почитаемы: Ино у грековъ подъ именемъ Девкотои, а у римлянъ какъ Mater Matuta; а Мелицертъ у первыхъ какъ Палемонъ, а у послѣднихъ какъ Портумъ. *Мелицертъ* здѣсь вмѣсто всякаго другаго морскаго божества.

104. *На коихъ*; отсюда стоить дѣлаетъ научаемому вопросы, на которые только утвердительные отвѣты представляютъ условія истинной свободы.

108. *Мѣломъ... углемъ*. Поговорочно, согласно обычаю отмѣчать благопріятное мѣломъ, а неблагопріятное—углемъ. Сходное мѣсто у Горация (Сат., II, 3, 246):
Какъ ихъ счесть? за здоровыхъ мѣломъ отмѣтишь или углемъ?

110. Для вспомошествованія немущимъ.

115. Говорящій не кичится собственной нравственною высотой и причисляетъ себя къ людямъ самой обычной заправки.

118. Большинство толкователей считаютъ этотъ образъ заимствованнымъ у ребяческой игры, въ которой два лагера натягиваютъ и отпускаютъ два противоположныхъ конца веревки.

119. Человѣкъ порочный, грѣшный, чтобы ни дѣлалъ, все выйдетъ грѣховнымъ, хотя бы такая безразличная вещь какъ вытягиваніе пальца.

123. *Какъ сатиръ за Ваэилломъ*. Ваэилъ вольноотпущенникъ и любимецъ Мецената, знаменитый танцовщикъ въ пантомимахъ при Августѣ, коего главными родими, вѣроятно, были пляски сатиръ.

- Я свободенъ.—Гдѣ взялъ это ты, рабъ столькихъ вліяній?
125. Иль господишь для тебя лишь тотъ, что дозую отпущенъ?
 „Малый, ступай и скребокъ снеситы въ баню Криспина“.
 Если раздастся: „Что сталъ, негодяй?“ жестокое рабство
 Не подготавливаетъ тебя, и ничто извнѣ не приходитъ
 Нервы будить; но когда въ серединѣ печени хворой
130. Провойдутъ господа, ужель безнаказанный выйдешь
 Тѣхъ, коихъ шлютъ во серебку и кнутъ, и страхъ господина?
 Утромъ, лѣнивцевъ, хранишь. — „Встань“, крикнетъ алчность,
 живѣе
 „Встань“!— Не всраешъ; да встань, повторяетъ. — Не хочется.—
 Встань же.
- Дѣлать-то что?—Хочешь знать? Вывози-ка ты рыбу изъ Понта,
135. Паклю, эбень, касторей и ладонъ и Коссъ мягковатый;
 Перецъ сперва ты сними съ истощеннаго жаждой верблюда;
 Вымѣняй что; разбожись.—Но Юпитеръ услышитъ.—Эхъ глупый!
 Будь доволенъ лизать и пальцемъ вертя по солоникъ
 Въѣзъ проводить, коль жить съ Юпитеромъ только намѣренъ!
140. Ужь на рабовъ, подсучась, бутыль ты вычлупишь да кожи:
 Поскорѣй на корабли! Ничто не мѣшаетъ Эгейской
 Влаги килемъ бороздить: когда бѣ сластолюбіе раньше
 Ловко не стало твердить: Куда жь ты, безумецъ? Куда ты?

125. Смыслъ: ужели только формально вольноотпущенный можетъ тебѣ какъ рабу приказывать?

126. Публичныя бани, посѣщаемыя въ Римѣ преимущественно среднимъ и бѣднымъ классами (такъ какъ у знати были домашнія бани), назывались именами своихъ учредителей. Такъ и здѣсь баня носитъ названіе *Криспина*, упоминаемаго Ювеналомъ (I, 27; IV, 1). Онъ былъ египетскій рабъ изъ Камопа и, получивши свободу при Неронѣ, при богатствѣ дослужился до *magister equitum*. Мѣдный скребокъ—для соскребанія пота и елей.

129. *Въ серединѣ печени хворой*; печень считалась у древнихъ мѣстопробываніемъ страстей (Эсхилъ, Агам., 444, 801; Еврипидъ Иппол., 1070; Горация Сат., I, 9, 66; Оды I, 13, 4; Ювен. I, 45; VI, 647). Развѣ голоса страстей, возникающихъ въ душѣ, не такіе же господа?

135. *Касторей*—бобровая струя. *Коссъ мягковатый*; надо здѣсь подразумевать бѣлое и нѣжное вино съ острова Косса, а не прозрачныя шелковыя ткани, высоко цѣнными легкими римскими красавицами.

137. Алчность, заставляющая торговца живо бояться, поясняетъ ему, что отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ.

138. *Пальцемъ вертя по солоникъ*—пустой.

140. *Подсучась*, см. выше прим. 31.

- Что затѣвашь? Въ груди горячей твоей закипаетъ
 145. Мощная желчь, что залить не въ силахъ и урна цвекуты?
 Ты ль черезъ море шагнешь? Прислонясь къ витому канату,
 Станешь ли ѣсть на скамьѣ, и красненькимъ будетъ Вейенскимъ,
 Запахъ смолы получа, отзывать плохая кубышка?
 Хочешь чего? Чтобы здѣсь добывавшія деньги лишь скромно
 150. Пять, приносили въ поту одиннадцать роста скупому?
 Генія ты ублажи, насытимся сладостью! Наше
 Вотъ, что живешь ты; золой и тѣнью и сказкою станешь.
 Помня о смерти, живи! Проносится часъ, какъ и слово.
 Ахъ, что съ тобой? Два врючка тебя въ двѣ стороны тянуть.
 155. За однимъ ли пойдешь или другимъ? Придется колеблясь
 Часомъ служить господамъ и часомъ опять обѣгать ихъ.
 Также коль разъ устоялъ, отказавшись настойчивой власти
 Слушаться, не говори: уже я расторгнулъ оковы;
 Ибо съ усиліемъ рветъ и собака привязь; однако
 160. Какъ побѣдить, волочить часть длинную цѣпи на шеѣ.
 Давъ, а сейчасъ, ты повѣрь, повончить муки была
 Думаю,—такъ говоритъ Херестратъ, огрызая свой грубый
 Ноготь,—ужель предъ сухой роденькою такъ неприглядно
 Все мнѣ стоять? Достоянье отцовъ при говорѣ мрачномъ
 165. Стану ль на грѣшномъ губить порогъ, покуда у мокрой

147. *Красненькимъ Вейенскимъ.* Въ области древняго этрускаго города *Вей* выдѣлывалось красноватое и весьма плохое вино, которое пили матросы и, по свидѣтельству Горация (Сат., II, 3, 143) и Марціала (I, 104. 9), — пирующіе скупцы.

151. *Генія ты ублажи:*—собственного, то-есть, доставь самому себѣ отраду, см. выше, прим. II, 3. Сличи Горация (Сат., II, 6, 96):

Когда пришлось, живи въ пріятныхъ условіяхъ, живи ты
 Не забывая, что кратокъ твой вѣкъ....

161. Здѣсь Персій воспроизводитъ сцену изъ *Евнуха*, комедія Менандра.

163. Влюбленный Херестратъ обывааетъ укоризненно на него смотрящую родню *сухую*, то-есть, не влюбленную.

165. *На грѣшномъ пороѣ.* Ночное ожиданіе передъ дверью возлюбленной, не смотря на вѣтеръ и непогоду, представляетъ вѣчное содержаніе древнихъ лириковъ и элегиковъ. Помимо многихъ соответственныхъ мѣстъ у Теокрыта, Тибулла, Овидія и другихъ, приведемъ Горация (Оды, III, 10, 1—4):

Хотя бы, Дниа . . . . .
 Ты пожалѣла бы, что легъ я за порогомъ,
 Гдѣ свищетъ Аявилонъ.

Двери Хризиды пою съ потушимъ я факеломъ пьяный?
Славно, дружекъ, будь уменъ, богамъ спасительнымъ агнца
Ты заколи.—Чай, она станетъ, Давъ, бывъ покинута, плакать?
Шутишь; она башмакомъ тебя, милый, отшлепаеть краснымъ.

170. Только не думай дрожать, прогрызи ты тѣсныя сѣти!
Вотъ ты сердить и свирѣпъ; но кликнетъ — „сейчасъ!“ — ты
отвѣтишь.

„Что же мнѣ дѣлать? Ужель и теперь, когда зазываетъ
И умоляетъ, — нейдти? — Коль цѣль и свободенъ отгуда
Вышелъ, то не ходи. — Вотъ, вотъ что мы ищемъ, тутъ
скрыто,

175. А не въ этой лозѣ, что подѣмлетъ ликторъ нелѣпный.
Властенъ ли самъ надъ собой искатель, котораго въ бѣломъ
Честолюбіе мчитъ? Не спи и побольше гороху
Черни драчливой давай, чтобъ наши Флораліа помнить,
Грѣясь, могли старики, чего жъ красивѣй? Но только

в Оды, I, 25, 7—8:

Лидіа, спишь ли, какъ ночь всю я мукою
Страсти объять.

Проперцій I, XVI, 17—22:

Дверь, зная больше самой госпожи, что внутри, ты жестока.
Что жъ предо мной заперта ты въ половникахъ молчишь?
Отчего никогда ты любви моей вскрывшись не вступишь?
И не увидишь моей скрытой мольбы передать?
Иль не дано мнѣ конца своей дождаться печали
И, согрѣвая порогъ грустью, придется мнѣ спать?

167. *Славно дружекъ*, говоритъ наставникъ, поощряя доброе намѣреніе желающаго окончателно исправиться. Но въ ту же минуту пациентъ доказываетъ замѣчаніемъ свое участіе къ предмету обожанія. На это наставникъ возражаетъ; что влюбленный будетъ не оплаканъ, а отшлепанъ башмакомъ, почему и советуется окончателно вырваться изъ сѣтей. Въ оправданіе свое влюбленный спрашиваетъ: неужели не идти ему даже на зовъ? Отвѣтъ: „если ты ушелъ отъ нея, овладѣвъ собою вполне, то не ходи“. Затѣмъ рисуется другія властительныя страсти: предразсудки и честолюбіе.

176. До крайности смѣлое выраженіе: *Cretata ambitio* — намѣленное честолюбіе въ смыслѣ появленія искателей передъ знатными покровителями въ блестящей бѣлой тогѣ, откуда и самое названіе кандидата мы рѣшились перевести ближе къ дѣйствительному смыслу.

178. Честолюбецъ въ весенній праздникъ Флоралій нарочно угощаетъ чернь дешевымъ лакомствомъ: горохомъ, о каковомъ угощеніи со временемъ будутъ даже вспоминать на солнцѣ грѣющіеся старики (говорится иронически).

180. Ирода дни пойдутъ и на окошкѣ прилитомъ
 Жирный дымъ испускать начнутъ размѣщенные лампы
 Подъ фіалками всѣ и, на блюдѣ раскинувшись красномъ,
 Хвостъ тунца поплыветъ и виномъ запѣнится чапа,
 Губы молчкомъ шевелишь предъ субботой обрѣзаннымъ блѣдный.
185. Тутъ-то лемуры въ ночи и съ яйцомъ, что треснуло, бѣды,
 Галлы огромные тутъ и съ сестромъ раскосая жрица
 Пучащихъ тѣло боговъ въ тебя посылаютъ, коль только
 Ты по закону съ утра не сжуешь чесноку трехъ головокъ.
 Это скажи посреди неуклюжихъ ты центуріоновъ,
190. Раскохочется вдоволь надолго Вульфенній огромный,
 И сто грековъ продать за сотню мельчайшей монеты.

180. По мѣрѣ охлажденія къ національному культу, римляне все болѣе увлечались чужеземными, а именно іудействомъ и поклоненіемъ Изидѣ и Кибелѣ. Іудейскія празднества обозначены днями *Ирода*.

182. *На блюдѣ красномъ*, какъ вообще вся посуда, приготовлявшаяся въ Ареспубликѣ въ Этруріи. Вся обстановка религіознаго шабаша внушаетъ наладушному суевѣрному страхъ.

185. *Лемуры*, у римлянъ то же, что наши привидѣнія. Въ числѣ гаданій было такое: за положеннымъ въ жаръ яйцомъ наблюдали, начнетъ ли оно выкапать сверху или снизу, но совершенный его разрывъ предвѣщалъ бѣду.

186. *Галлами* назывались исказченные жрецы Кибелы. Во Фригіи на горѣ Идѣ почитали Кибелу подъ именемъ *великой матери* или *матери боговъ*. Въ Римѣ—съ 204 года до Р. Х. ей посвященъ былъ храмъ на Палатинскомъ холмѣ. *Раскосая жрица*—египетской богини Изиды. *Систры*—жѣдная трещетка культа Изиды. *Раскосая*—постоянный эпитетъ жрицы Изиды, такъ какъ, по видимому, въ эту должность избирались старыя и безобразныя женщины.

188. Жевать чеснокъ, служившій вмѣстѣ съ лукомъ обычною пищею египтянъ, заставляетъ суевѣрныхъ жрица Изиды въ искупленіе какого-либо религіознаго проступка.

188. *Это скажи*, то-есть, коснись болѣе тонкаго обсужденія свободы чело-вѣка. *Неуклюжихъ центуріоновъ*, см. выше прим. III, 77, гдѣ проводится та же мысль.

190. Гейярхъ предполагаетъ, что *Вульфенній* есть латинизированное иѣмецкое имя *Вульфъ*, какого-нибудь здороваго парня изъ германской гвардіи, каковая при Римскихъ императорахъ состояла со времени Тиверія и передана здѣсь центуріонамъ какъ представителямъ разряда людей, презирающихъ все высшее и благородное.

191. Ювеналъ жалуется на всякаго рода греческихъ проходимцевъ, которыхъ народъ вообще обывалъ гречатами (*graculus*). Подъ это же презрительное имя попадали въ устахъ какого-нибудь Вульфеннія и греческіе философы стоики, за которыхъ онъ не даетъ ни копѣйки.

Сатира шестая.

Ужь привлекла ль тебя, Бассъ, къ очагу сабинскому служба?
 Важный плектръ ужь тебѣ оживляетъ ли лиру и струны?
 Дивный искусникъ въ стихахъ основы старинныхъ реченій
 Съ мужественнымъ возвѣщать бряцаньемъ струною латинской,

Содержаніе: Съ наступленіемъ суроваго времени года, когда зажиточные римляне отправлялись къ морскимъ берегамъ чтобы провести зиму въ болѣе мягкомъ климатѣ, и болѣзненный Персій перебрался въ свое отцовское имѣніе близъ Луны и обратился съ настоящею сатирою отсюда къ другу своему Цезію Бассу, равнымъ образомъ избравшему для зимняго пробыванія деревню въ Сабинской области, столь прославленной Гораціемъ. Деревенская тишина вдали отъ свѣтскаго шума, вѣроятно, невольно навела нашего стонка на размышленія о надлежащемъ отношеніи къ жизненнымъ благамъ. Такое, по мнѣнію его, состоитъ въ благородномъ общительномъ пользованіи безъ излишнихъ мукъ и заботъ о будущемъ, при чемъ онъ весьма кротно осуждаетъ отступавшихъ отъ его принциповъ. Выказанное въ ст. 18—23 мнѣніе важно для насъ еще и потому, что представляетъ доказательство неоконченности сатиры, такъ какъ только часть ея, именно скупецъ выведенъ: смолна, о расточителѣ же далѣе ничего не говорится.

1. *Ужь привлекла ль тебя, Бассъ.* Вступленіе въ эту сатиру весьма живо напоминаетъ два мѣста у Горація: именно Посланія, 4, 1—5:

Альбій, нашихъ ты сатиръ судія безпристрастный,
 Чѣмъ, скажу я, ты занятъ теперь въ окрестности Педа?

Пшпешь ли, Бассія Пармеаго ты стинги затѣвая,
 Или въ освѣдительныхъ рощахъ ты молчаливо гуляешь,

5. Размышляя о томъ, что мудрыхъ и добрыхъ достойно.

и I, 7, 10—12:

А какъ снѣгомъ зима албанскія нивы покроетъ,
 Твой поэтъ отправится къ морю, займется собою
 И поджавшись станетъ читать....

Цезій Бассъ сердечный другъ Персія и вѣстѣ съ Корнутомъ издатель его сатиръ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ лирическихъ поэтовъ при Августѣ о которомъ Евнтиліанъ (X, 1, 96) говоритъ какъ о единственномъ послѣ Горація поэтѣ замѣчательномъ въ этомъ родѣ. Но изъ его стихотвореній до насъ ничего не дошло. По свидѣтельству схоластика, онъ, подобно Плинію, погибъ въ 79 г. по Р. X. при изверженіи Везувія. По примѣру другихъ и Бассъ на зиму удалился въ свое Сабинское имѣніе.

3. Мы придерживаемся редакціи Германна *vetutum primordia vocat*, а не *regum*, и переводимъ древнихъ реченій *основы* въ смыслѣ этимологическихъ изысканій происхожденія старинныхъ римскихъ словъ. Но если придержаться чтенія *rerum* въ смыслѣ Лукреціева *de rerum natura*, то слѣдуетъ перевести „древнѣйш изъ вещей проявленія.“

Да утыкать свой носъ въ печать прокислой бутылки.
 Думай иначе другой: близнецовъ ты, родное созвѣздье,
 Съ разнымъ стремленьемъ родишь. Иной въ день только рожденья

30. Льетъ къ капустѣ сухой разсолъ изъ купленной банки,
 Перцемъ священнымъ онъ самъ носипааетъ блюдо; тотъ малый
 Великодушный, большой достатокъ проводить лишь на зубъ.
 Жизнь я намѣренъ вкушать; но ужъ камбалы я отщепенцамъ
 Пышно не предложу и въ дроздахъ не развѣдаю вкуса.
25. Собственной жатвой живи и изъ закрома, такъ подобаешь,
 Черпай; въ чемъ страхъ твой? Паши, и хлѣбъ уже въ зелени
 новой.

Долгъ призываетъ межъ тѣмъ: въ крушеньи бруттійскія скалы

17. Утыкать свой носъ въ печать. Дѣло въ томъ, что у скупца въ бутылкѣ дрянное прокислое вино, котораго никто не станетъ запечатывать; а онъ еще разсматриваетъ, цѣла ли печать.

18. Даже близнецы рождаются съ противоположными стремлениями.

19. Иной—скупой и въ день своего рожденія.

20. Разсолъ изъ купленной банки. Римляне приготовляли отваръ изъ воды съ медомъ и солью и наливали его на морскую рыбу, вслѣдствіе чего, получивши острый вкусъ, онъ сливался въ видѣ приправы къ разнымъ кушаньямъ. Въ то время какъ въ каждомъ порядочномъ хозяйствѣ такой отваръ приготовлялся дома, скупецъ, употребляющій его въ рѣдкихъ случаяхъ, посылаетъ за нимъ въ лавочку.

21. На перецъ смотреть онъ какъ на святыню.

23. Я буду пользоваться жизнью, на камбалы (rhombus) своимъ вольноотпущенникамъ не предложу. Камбала, см. Ювенала Сат., I, 4, 39 и Горація Сат., II, 2, 95:

Въ Адриатикѣ камбала дивная ростомъ попалась.

и себя не доволю узнать вкуса въ дроздахъ. Дрозды считались тоже у римлянъ лакомствомъ (см. Горація Сат., I, 5, 72; II, 5, 10; Посл., I, 15, 41) и откармливались въ клѣткахъ. Опытные лакомки даже отличали самокъ, считавшихся болѣе нѣжными. Поэтому, быть можетъ, въ оригиналѣ сказано: turdagum—въ дроздахъ.

25. Мудрое наставленіе проживать проценты, а не капиталъ здѣсь прилагается спеціально къ землевладѣльцу.

26. При этомъ разсуждающій наивно спрашиваетъ: „въ чемъ страхъ твой?—такъ какъ пока ты расходуешь изъ закрома, новый хлѣбъ уже зеленѣетъ въ полѣ. Будто это то же, какъ еслибъ онъ уже находился въ закромѣ.

27. Но могутъ быть случаи, когда долгъ велитъ и „отъ связаго дерна часть отхватить“, то-есть, продать часть земли, какъ напримѣръ, для матеріальной помощи другу, потерпѣвшему въ Іовійскомъ морѣ кораблекрушеніе.

- Другъ беззащитный обнялъ; волвамъ іонійскимъ онъ предаль,
Тщетно молясь, все добро; лежитъ онъ самъ на прибрежьи
30. Средь огромныхъ боговъ съ кормы, ужъ разбитыя ребра
Судна встрѣчаютъ гагарь: тутъ даже отъ свѣжаго дерна
Часть отхвати, бѣднаку помочь, чтобы онъ не скитался,
Списанъ на синей доскѣ.—Но пиромъ надгробнымъ наслѣдникъ
Пренебрежетъ, раздраженъ, что добро уменьшишь, сложить
кости
35. Въ урну онъ безъ духовъ, не слабо ли пахнетъ корица,
Казія замѣнена ль вишнявомъ, готовъ не дознаться.—
Ты ли добро уменьшать безнаказанно можешь?—И Бестій
Грековъ ученыхъ тѣснить: „Вѣдь вотъ же какъ наша наука
Съ ярецемъ да съ финиками въ столицу зашла черезъ
море.
40. Жирно намасливъ, косцы свою испортили кашу“.
Этимъ ли ты утрашенъ за гробомъ? А ты, мой наслѣдникъ,
Кто бы ты ни былъ, внемли, отъ толпы немного отшедши:
Развѣ не знаешь, дружекъ? Былъ лавръ отъ Цезаря посланъ

30. Онъ самъ лежитъ *среди огромныхъ боговъ съ кормы*. На корабельныхъ кормахъ ставились огромныя изваянія боговъ покровителей. Такъ у Горация (Оды, I, 3, 1), покровительницей корабля является Венера, а у того же Горация (Оды, III, 29, 64) и у Проперція (I, XVII, 18)—Диоскуры (Касторъ и Поллукъ).

33. *Списанъ на синей доскѣ*, см. I, 89—90.

36. *Казія*. Благородная казія вѣроятно та же корица, въ которую продавцы изъ за корысти примѣшивали вишневою коры, почему она становилась дешевле и хуже; на что озлобленный наслѣдникъ готовъ не обратить вниманіе.

37. Упоминаемый здѣсь Бестій появляется и у Горация (Посл. I, 15, 37) въ качествѣ напыщеннаго резонера. Здѣсь онъ выставленъ представителемъ крайне суроваго древне-римскаго образа мыслей. Онъ быть можетъ не безъ основанія вваливаетъ распространеніе расслабляющей роскоши на ученыхъ грековъ, прибывшихъ въ Римъ вмѣстѣ съ привоестями. Дѣло дошло до того, что косцы, по мнѣнію Бестія, испортили свою кашу масломъ, вопреки русской пословицѣ: „кашу масломъ не испортишь“.

43. Смыслъ: на вопросъ наслѣдника, имѣетъ ли право владѣлецъ безнаказанно уменьшать оставленное имъ наслѣдство, владѣлецъ, отводя въ сторону наслѣдника, праводитъ ему съ глазу на глазъ примѣръ, при которомъ непоправимый расходъ становится обязательнымъ даже для частнаго лица. При этомъ онъ упоминаетъ приводимое Тацитомъ (Герм., 37), и Светоніемъ (Калиг., 47), известное дурацкое зрѣлище, коимъ въ 40 г. по Р. Х. Калигула угощалъ Римъ подъ видомъ триумфа. Дѣло въ томъ, что Калигула, приказавъ собственнымъ германцамъ произвести маневръ нападенія. Отбивши оное, послалъ къ супругѣ

- Ради побѣды большой надъ германской юностью, пепель
45. Хладный смели съ алтарей, уже по столбамъ и оружье,
Уже и царскихъ хламидъ, ужь пльннымъ волосъ красноватыхъ
И колесницъ, и громадныхъ Цезонія Рейновъ готовить.
Такъ богамъ и вождя я генію ради высобихъ
Дѣлъ совершенныхъ сто паръ подведу; кто мѣшаетъ? осмѣлся!
50. Горе, воль глазъ не смежишь! пирогами и масломъ народецъ
Я угощу; или ты воспретишь? Такъ скажи! Нѣтъ не смѣю,
Молвишь ты. Поле вотъ тутъ расчищено подлѣ. А если
Тетки моей ни одной не осталось, двоюроднымъ также,
Дядинныхъ правнучесъ нѣтъ, бесплодной скончалася тетка,
55. И никого уже нѣтъ отъ бабки, отравлюсь въ Бовиллы
Къ Вирбію прямо на холмъ, и Маній сейчасъ мой наслѣдникъ.—
Этотъ-то вѣстный мужикъ?—Спроси у меня, кто четвертымъ

своей Цезоніи вѣсть о предстоящемъ триумфѣ, и она (ст. 45), сменя хладный за давностью приношеній пепель съ жертвенниковъ, приготовила, за отсутствіемъ дѣйствительныхъ троееевъ, все принадлежности триумфа дома: царскихъ одеждъ, еальшивыхъ красныхъ волосъ—людимъ, наряженнымъ пльнными германцами, и громадныхъ статуй Рейна, который тоже какъ покоренное божество, долженъ былъ украшать триумфъ.

48. По этому случаю и говорящему приходится съ своей стороны вывести сто паръ гладиаторовъ для торжественныхъ игръ. И на такую расточительность наслѣднику придется закрыть глаза, если онъ не хочетъ попасть въ бѣду.

50. *Пирогами*. Дальнѣйшій ходъ мыслей мы понимаемъ въ слѣдующей связи: собственникъ, говоря о дальнѣйшей своей щедрости, спрашиваетъ, запрещаетъ ли ему это наслѣдникъ. А тотъ говоря: „кѣтъ“ — объясняетъ такой отвѣтъ тѣмъ, что у него у самаго хорошо расчищено отъ камней и приготовлено къ посяванъ поле, и ему слѣдовательно нечего зариться на наслѣдство. На это собственникъ (ст. 53) говорить, что была бы охота, такъ у него любой мужикъ Маній изъ Бовиллы явится наслѣдникомъ.

55. Между ищенскимъ городишкой Бовиллой, дежащимъ на одиннадцатой милѣ отъ Рима по Анпіевой дорогѣ, и *Арицией* въ роцъ Діаны находился холмъ Вирбія, получившій это название въ память ищенческаго героя этого имени, смѣшываемаго позднѣе съ Ипполитомъ, сыномъ Тезея.—Имя *Маній* было весьма употребительно въ Бовиллахъ. Повтому даже существовала латинская пословица: *Multii Manii Ariciae*.

57. На изумленіе дѣйствительнаго наслѣдника передъ такимъ мужицимъ наслѣдникомъ, собственникъ признается, что онъ съ полною ясностью можетъ говорить только о своемъ правдѣ, а затѣмъ, отодвинувшись еще на два поколѣнія, онъ ватынается на мужиковъ, между которыми найдутся и родственники Манія.

- Мнѣ по отцу: хоть не вдругъ, а скажу; прибавь одного ты,
 Да еще одного: землешапецъ ужь онъ, а по праву
60. Маній въ породѣ такой по дядѣ мнѣ явится дѣдомъ.
 Ближній ко мнѣ на бѣгу у меня что ты факела просишь?
 Я Меркурій тебѣ; прихожу я богомъ, какимъ онъ
 Пишется; или ты прочь? Иль радъ ты тому, что осталось?
 „Въ общемъ есть недочетъ“: я свое уменьшилъ, для тебя же
65. Цѣлое, что тамъ ни будь. Не спрашивай, гдѣ то, что Тадій
 Нѣкогда мнѣ завѣщаль, и оставь отцовскія рѣчи:
 Прибылью множь ты доходъ; оттуда и черпай расходъ!—
 Что же осталось затѣмъ?—Осталось? Эй, живо, щедрѣе
 Масла въ капусту, слуга! иль въ праздничный день мнѣ
 крапиву
70. Станутъ варить съ головой копченой, висящей за ухо,
 Чтобъ этотъ внучъ твой потомъ, потрохами гусиными сытый,
 Какъ заклопочетъ ужь въ немъ жестоко бродячая похоть,
 Къ патриціанкѣ пошелъ? чтобъ я остовомъ лишь остался,
 А у того бы тряслось поповское брюхо отъ жиру?
75. Душу наживѣ продай, торгуй и хитро обыщи ты

61. *Ближній ко мнѣ на бѣгу.* Картина заимствована отъ обычая при Панахеняхъ и другихъ бѣгахъ съ факелами, во время которыхъ прибывшій съ конечной точки ристалища передній передавалъ свой пылающій факелъ за нимъ слѣдующему. Въ этомъ смыслѣ говорящій спрашиваетъ: какъ же ты, будучи передовымъ, противу всякаго порядка, требуешь отъ меня, за тобою слѣдующаго, факела и къ тому же до прибытія къ цѣли, то-есть, разоблачая смыслъ метафоры,—какъ же ты не дождавшись моей смерти спрашиваешь у меня при жизни моей отчета въ твоемъ наслѣдствѣ?“

62. *Я Меркурій,* см. прим. II, 11.

65. Тадій—произвольное имя для давнишняго предка нѣпѣшняго владѣльца.

66. *Отцовскія,* то-есть, наставительныя рѣчи.

68. *Что же осталось затѣмъ?* спрашиваетъ наслѣдникъ, и этии наглѣмъ вопросомъ выводитъ собственника изъ терпѣнія.

70. *Съ головой копченой, висящей за ухо*—съ копченою свиною головою, надъ которою въ этомъ видѣ мало поживы.

71. *Потрохами гусиными сытый,* лакомствомъ, о комъ Гораций (Сат., II, 8, 88) говорить:

Печень бѣлаго гуся, который на омагахъ откормленъ.

73. *Къ патриціанкѣ*—что требовало огромныхъ расходовъ.

75. Въ противоположность благоразумному воззрѣнію на жизнь повѣтъ исторически предлагаетъ послѣдовать образу дѣйствій ненасытнаго корыстолюбца.

Всѣ предѣлы земли, чтобъ не былъ другой кто искуснѣй
 Каппадокійцевъ дебелихъ на твердыхъ шлепать подметкахъ;
 Ты достойнее удвой.—Это сдѣлалъ я; въ три, ужъ въ четыре,
 Въ десять ужъ разъ возвратилось въ кису: отмѣть, гдѣ мнѣ
 кончить.

80. Размыскался, Хризиппъ, твоей и кучи разгадчикъ.

А. Фетъ.

---

77. *Каппадокійцевъ дебелихъ шлепать.* Рабы, предлагавшіеся къ продажѣ, выставились на деревянныхъ подмосткахъ съ голыми ногами, которыя у нихъ для обозначенія продажности бѣлились мѣломъ. При этомъ покупатели щупали у нихъ мускулы. *Доннеръ* полагаетъ, что шлепали ихъ сами продавцы, чтобы обратить вниманіе на дебелисть товара. *Каппадокійскіе* рабы считались самыми дебелими и выносливыми.

79. *Отмѣтитъ, гдѣ мнѣ кончить.* Выраженіе, заимствованное у цирка, гдѣ ставилась мета.

80. *Размыскался, Хризиппъ...* Одинаково не возможно поставить предѣлъ алчности, какъ и выдти изъ известнаго круга умозаключеній (sorites) Хризиппа. Выставивши вопросъ, много ли зеренъ счетовъ составляютъ кучу, этотъ знаменитый стоическій философъ написалъ четыре книги, но тѣмъ не менѣе разрѣшеніемъ задачи остался въ долгу и понынь. Довкимъ оборотомъ поэтъ представляетъ не исполнимое какъ бы исполненнымъ. Я, говоритъ онъ, тотъ человекъ, который способенъ алчности крикнуть: „досюда и не далѣе“. Равнымъ образомъ я въ состояніи поставить предѣлъ безконечному сориту Хризиппа.

О томъ, что эта сатира не доведена до конца, смотри содержаніе ея по поводу 18-го стиха.

† 8-го іюня 1794) и баронессы Анны Николаевны Строгановой (р. 2-го іюня 1731 г., † 1-го марта 1813 г.), супруга Василя Лаврентьевича Седецкого. — 1) Стихи, писанные въ жестокой и опасной болѣзни, въ Иппокренѣ 1799 г., ч. 4, стр. 128, съ полною ея подписью; 2) Элегія на кончину сестры, гр. А. М. Ефимовской, *ib.*, стр. 231; 3) Эпитафія, *ib.*, стр. 239.

Свѣдѣнія о ея литературной дѣятельности, въ Дамск. Журналѣ 1831 г., ч. 35, № 37.

Сенковская, Аделаида Александровна, р. баронесса Ралль, род. 1806 года, † 18-го мая 1859 г., въ С.-Петербургѣ, дочь придворнаго банкира, супруга ученаго ориенталиста, критика и беллетриста, Осипа Ивановича Сенковского († 4-го марта 1858 г., въ С.-Петербургѣ). — 1) Повѣсти, въ Библ. для Чтенія 1850-хъ годовъ; 2) Осипъ Ивановичъ Сенковский, біограф. очеркъ. С.-Пб. 1859, 12°.

Рец. а) Р. Слово 1859 г., № 5; б) Моск. Обзорѣніе 1859 г., № 2, отд. 3.

3) Издала сочиненія своего покойнаго мужа. С.-Пб. 1859, 12°, 9 частей; 4) Музыкальныя воспоминанія, повѣсть, въ рукописи (см. О. И. Сенковский, стр. 199).

О ней: а) некрологъ, въ Мѣсяцсловѣ на 1860 г., стр. 352; б) Г. Н. Геннади, въ Библіогр. Запискахъ 1861 г., № 4; в) Толь: Справочный Словарь, 3, 429.

Сентимерь, Елизавета, дочь доктора медицины въ Кіевѣ. — 1) Стихотворенія дѣвицы Е. С. Кіевъ. 1850, 12°.

Рец. а) Отеч. Записки 1851 г., ч. 79, отд. 7; б) Современникъ 1850 г., т. 24, отд. 5; в) Москвитянинъ 1850 г., № 23, кн. 2.

2) Достопамятныя событія Кіева въ 1853 году. Кіевъ. 1855, 8°; 3) Голось патриотки. Кіевъ. 1854.

ед. а) Москвитянинъ 1854 г., IV, 76; б) С.-Пб. Вѣдомости 1855 г., № 115.

4) Поэмы и мелкія стихотворенія дѣвицы Е. С. Кіевъ. 1851, 8°; изд. 2-е. Кіевъ. 1852, 16°; изд. 3-е. Кіевъ. 1859, 8°; 5) Элегія Франціи или французско-прусская война, въ стихахъ. Кіевъ. 1871, 12°; 6) Стихотвореніе на возвращеніе Государя Императора въ столицу съ поля брани (1878). Объявлена ей Высочайшая благодарность (Голось 1878 г., № 171); 7) Разстрѣль, рассказъ дѣвицы Е. С. Кіевъ. 1864, 8°.

Рец. а) въ Книжн. Вѣстникѣ 1864 г., стр. 336 и 402; б) въ Кіевскомъ Телеграфѣ 1864 г.

8) Отзывъ женщины женщинѣ. Кіевъ. 1870, 16°; 9) Сочиненія, въ прозѣ и въ стихахъ, т. 1. Кіевъ. 1887, 8°.

Сербина, Александра Михайловна, подъ псевдонимомъ „П—цъ“. — Заблужденіе любви и ума, или мужъ о двухъ женахъ, переводъ съ

французскаго. М. 1802, 12° (см. Руск. Вѣстникъ 1785 г., кн. 11, стр. 62; Росс. Библіографія 1881 г., № 77, стр. 6).

Сергѣева, А. П. — 1) Яблоко раздора, ориг. комедія-шутка, въ 1 д.; дозволена въ 1874 г. на сценѣ, съ исключеніями (Указ. по д. печати 1874 г., стр. 217); 2) Жирофле-Жирофла, опера-буффъ, въ 3 д., пер. съ нѣм.; разрѣшено въ 1874 г. къ постановкѣ на сцену, съ исключеніями (ibid. 1875 г., стр. 40); 3) Подъ лаптемъ, картинка съ натуры; дозволена въ 1875 г. къ постановкѣ на сцену безусловно (ib. 1876 г., стр. 37).

Серебрянова, Марья. — Клара или награжденная добродѣтель, соч. Клаурена, пер. съ нѣм. С.-Пб. 1828, 12°.

Ред. Сѣв. Пчела 1828 г., № 78.

Смиллина, М. Н. — Сотрудница журнала Русская Хозяйка 1861 г.

Симонова, Людмила. — 1) Нѣсколько словъ о пользѣ введенія ремеслъ въ нашихъ уѣздныхъ училищахъ, въ Современномъ Листкѣ 1864 г., № 30 и 31; 2) На яву (разказъ изъ современныхъ событій), въ Церковно-Обществ. Вѣстникѣ 1878 г., № 45—46; 3) Эзе. Очерки изъ быта Остяковъ. С.-Пб. 1884, 8°; изд. 2-е, С.-Пб. 1887, 8°; 4) Ильдія. Очерки изъ быта Остяковъ. С.-Пб. 1886, 8°; 5) Спутница, повѣсть. С.-Пб. 1886, 8°.

Симоновичъ, А. Я. — 1) Редактировала и издавала журналъ Дѣтскій Садъ, 1866 — 1868 г. (перешедшій на 1869 годъ, подъ редакцію Е. Бороздиной); 2) Практическія замѣтки объ индивидуальномъ и общественномъ воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей, въ Дѣтск. Садѣ, 1866—1868 года; отд. оттискъ: С.-Пб. 1874. Изд. 2-е. С.-Пб. 1884.

Ред. а) Вѣстн. Европы 1874 г., № 2; б) Влржевыя Вѣдомости 1874 г., № 25; в) С.-Пб. Вѣдомости 1874 г., № 97.

О ней: въ польской газетѣ *Kaliszanin* 1870 г., № 90, стр. 358.

С—ина, Е. — По поводу учрежденія Екаторинославской женской гимназіи, въ Соврем. Лѣтописи Русскаго Вѣстника 1861 г., № 35.

Синцова, Ю. А. — Исторія открытія Америки, Ламе-Флѣри, переводъ съ франц. Вятка. 1873, 8°.

Ред. а) Педагогич. Лист. при Дѣтск. Читеніи 1873 г., № 4; б) Дѣтскій Садъ 1873 г., № 11—12.

Ситникова, Анна Ивановна. — 1) *Réflexions suggérées à une Russe, par un article de la Revue Encyclopédique du mois d'avril, 1829.* S.-Pbg. 1831, 8°; 2) Честные люди, г-жи Мидфордъ, пер. съ англ., изъ *New Monthly Magazin*, въ Библ. для Читенія 1834 г., т. 7, отд. 3; 3) Два мужа, переводъ, повѣсть въ Библ. для Читенія 1835 г.,

т. 6, отд. 2; 4) Думаю я самъ про себя, романъ, переводъ съ англ. С.-Пб. 1833—1834, 8°. 2 части.

Рец. Библ. для Чтенія 1834 г., т. 2, отд. 6.

5) Любимыя собачки, соч. Жанъ-Жана, переводъ съ франц., въ Библ. для Чтенія 1834 г., т. 4, отд. 2; 6) Сказаніе о поединкѣ, *ibid.* 1834 г., т. 1, отд. 2; 7) О томъ какъ англичане учили Буламовъ брать взятки, въ Библ. для Чтенія, т. 5, отд. 7; 8) Письма Виктора Жакмона, въ Библ. для Чтенія 1836 г., т. 15, ч. 2, апрѣль, смѣсь.

Сюнская, Марья (псевдонимъ?), галичанка, писала на малорускомъ нарѣчій.—О ея стихотвореніяхъ, см. Courgière: *Histoire de la littérature contemporaine chez les Slaves.* Paris. 1879.

Рец. въ газетѣ Новое Время 1879 г., № 1160.

Снабичевская, Е.—Нравы животныхъ, А. Туссенела; перев. съ французскаго. С.-Пб. 1873, 8°.

Рец. а) Природа 1874 г., № 1; б) Дѣло 1873 г., № 11.

Сначкова, А.—Осенніе вечера. Приятное и полезное чтеніе для дѣтей. С.-Пб. 1856, 8°.

Снорино, Марья.—1) О кончинѣ въ Бозѣ почившей государыни императрицы Александры Теодоровны. С.-Пб. 1860, 4°; 2) На вѣздѣ и пребываніе въ Старой Руссѣ великихъ князей Владимира и Алексѣя Александровичей, въ 1865 г. С.-Пб. 1865, 8°; изд. 2-е. С.-Пб. 1866, 8°; 3) Впечатлѣнія по случаю небывалаго и неслыханнаго въ Россіи событія и спасенія драгоценной жизни Государя Императора 4-го апрѣля 1865 г. С.-Пб. 1866, 8°; 4) Бесѣда наставницы съ дѣтми. С.-Пб. 1866, 12°; С.-Пб. 1867, 16°; 5) Вдохновенные досуги русской патриотки. Достопамятные 1877—1878 годы. С.-Пб. 1880, 8°.

Словцова, Екатерина Александровна (род. въ ноябрѣ 1838 г., въ Перми, † въ Ревелѣ, 25-го августа 1866 г.); писала подъ псевдонимомъ: М. Камская.—1) Любовь или дружба? въ Русск. Вѣстникѣ 1859 г., августъ, т. 22, кн. 1; 2) Моя судьба (посвящено И. С. Аксакову); М. 1863, 8°, печаталось въ Р. Вѣстникѣ 1863 г., т. 47 и 48.

Рец. Современникъ 1864 г., № 4.

3) Статьи въ журналѣ День, неподписанныя ея именемъ; 4) Остались въ рукописи: „О славянофильствѣ въ Россіи“, „Трактатъ о народности“, „Права женщинъ“, двѣ большія повѣсти: „Любовь и право“ и „Наташа Ринева“; 5) Женщина въ семьѣ и обществѣ, посмертная статья, въ Историч. Вѣстникѣ 1881 г., т. 5.

О ней: а) свѣдѣнія Геннади, въ Русск. Архивѣ 1868 г., с. 2019; б) *Θ. Л—нова*, въ *Голосѣ* 1866 г., № 298, подъ заглавіемъ: писательница г-жа *Бамская*; в) биографическій и литерат. очеркъ о ней *П. В. Бькова*, въ *Др. и Нов. Россіи* 1877 г., № 10; г) вела переписку съ *И. С. Аксаковымъ* и *М. Н. Катковымъ*.

Смирная, Ева-Александра Васильевна, рожд. кн. *Вяземская* (р. 1771 † послѣ 1850 г.) — *Данила Яковлевичъ Земской*, одинъ изъ птенцевъ *Петра Великаго*. Мемуары, написанные въ 1850 году (*Рус. Старина* 1883 г., т. XI).

Смирнова, Александра Осиповна, (р. 6-го марта 1810 † 7-го іюня 1882 г.), рожд. *Россети*, супруга тайнаго совѣтника, бывшаго *калужскаго*, а потомъ *петербургскаго* губернатора. — 1) Воспоминанія о *Жуковскомъ* и *Пушкинѣ*, въ *Русск. Архивѣ* 1871 г., № 11, ст. 1869 г.; 2) Письма ея къ кн. *П. А. Вяземскому*, отъ 1836 г., въ брошюрѣ кн. *П. П. Вяземскаго*: *А. С. Пушкинъ 1826—1837 гг.* По документамъ *Остафьевскаго* архива и личнымъ воспоминаніямъ. *С.-Пб.* 1880; 3) Изъ записокъ знатной дамы: 1845 г. (*Р. Архивъ* 1882 г., т. I, кн. 1); 4) Письма къ *Н. В. Гоголю*, въ *Р. Старинѣ* 1888 г.; 5) *Дневникъ*. Рукопись.

О ней: а) *Русь* 1882 г., № 37; б) *Свѣтъ* 1882 г., № 157; в) *Истор. Вѣстникъ* 1882 г., т. X; г) *Русск. Архивъ* 1884 г., т. II, кн. 4, стр. 433 — 434; д) *В. И. Шеврокъ*: *А. О. Смирнова* и *Н. В. Гоголь* (*Русск. Старина* 1888 г., № 4 и 6); е) *Полн. собр. соч.* кн. *П. А. Вяземскаго*, т. VIII и IX; ж) *И. С. Аксаковъ* въ его письмахъ. Ч. 1. М. 1888. *Калужскія* письма; з) Воспоминаніе о милой женщинѣ, стих. гр. *Е. П. Ростопчиной*, въ *Современникѣ* 1839 г., т. 15.

Смирнова, Анна. — Собраніе различныхъ стихотвореній. *С.-Пб.* 1837, 8°.

Рец. а) *Литерат. Приб.* къ *Русск. Инвалиду* 1838 г., № 1; б) *Библиот. для Чтенія*, т. 25, отд. 6.

Смирнова, Наталья. — *Розамондъ и Браминтъ*, или наказанная клевета, пер. съ англ., въ *Дамск. Журналѣ* 1833 г., ч. 42, № 21 и 22.

Смирнова, С. И. — 1) *Огонекъ*, романъ, въ *Отеч. Запискахъ* 1871 г., №№ 5, 6, 7 и отдѣльно: *С.-Пб.* 1875, 8°. 2) *Соль земли*, въ *Отеч. Запискахъ* 1872 г., №№ 1, 2, 3, 4 и 5; отдѣльно въ 2-хъ частяхъ, *С.-Пб.* 1875, 8°.

Рец. а) *Одесскій Вѣстникъ* 1872 г., № 139; б) *Отеч. Записки* 1873 г., № 11 и 12 (ст. „*Беллетристы — фотографы*“); в) *Петерб. Листокъ* 1872 г., № 127; г) *Русск. Міръ* 1872 г., № 57; д) *С.-Пб. Вѣдомости* 1872 г., № 87 и 113; е) *Библиотека дешева и общедоступная* 1875 г., № 4 (въ ст. *Его*: „*Новые типы безтеденціозной беллетристики*“); ж) *Дѣло* 1875 г., № 3 и 5 (ст. „*Беллетристы-эмпирики и беллетристы-метафизики*“); з) *Сіяніе* 1872 г., т. 1, № 7.

3) Попечитель учебнаго округа, романъ въ 3-хъ частяхъ. С.-Пб. 1874, 8°, первоначально въ Отеч. Запискахъ 1873 г., №№ 10—12.

Рец. а) Новое Время 1874 г., № 11 (отзывъ П. Вейнберга, въ фельетонѣ); б) С.-Пб. Вѣдомости 1873 г., № 357; в) Одессъ. Вѣстникъ 1875 г., № 246; г) Сынъ Отечества 1873 г., № 254 и 1874 г., № 24; д) Ремесленная Газета 1873 г., № 23.

4) Сила характера, романъ, въ Отеч. Запискахъ 1876 г., № 2, 3, 4 и отдѣльно; 5) Смайлъсъ: Исторія шотландскаго натуралиста Томаса Эдварда; перев. съ англ. С.-Пб. 1877, 8°; 6) Сообщники, оригинальная драма, представленная въ 1877 г. (Хроника Петербургскихъ театровъ, т. III), 7) сотрудница Дѣтскаго Чтенія; 8) У пристани, романъ въ 3-хъ частяхъ. С.-Пб. 1880, 8°.

Смородинова (псевдонимъ?), Марина Антоновна.—Хозяйственная книга. Руководство молодымъ хозяйкамъ для приготовления кушаній, съ присовокупленіемъ искусства приготовления кievскихъ вареній и сухихъ конфектъ. Кіевъ. 1869, 8°.

Смѣловская, Ольга. — Богъ есть любовь, статья, въ Странникѣ 1871 г., № 2.

Снесорова, Софья.—1) Народныя сказки, собранныя братьями Гриммъ, переводъ съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1870, т. 1-й. С.-Пб. 1885, двѣ части.

Рец. а) Дѣтск. Чтеніе 1870 г., № 8; б) Всем. Иллюстрація 1870 г., № 71.

2) Въ двѣнадцатомъ часу, романъ Фр. Шпилъгагена; перев. съ нѣмецк. С.-Пб. 1873, 8°. 3) Русская странница Дарьюшка, рассказъ съ ея словъ. С.-Пб. 1886, 8°; 4) С.-Петербургскій Воскресенскій перво-классный общежительный женскій монастырь. Въ 3-хъ частяхъ. С.-Пб. 1887, 8°.

Соболева, Софья Павловна (ум. 27-го октября 1881 г., въ Петербургѣ). Писала подъ псевдонимомъ: „В. Самойловичъ“.—1) Еще разбитое сердце, повѣсть, въ Библ. для чтенія 1862 г., №№ 10 и 11; 2) И рго и сонга. Мечты и думы надворной совѣтницы Лисициной, въ Отеч. Запискахъ 1863 г., № 6; 3) Безвыходное положеніе, повѣсть, въ Русск. Словѣ 1864 г., №№ 2 и 3; 4) Доброе старое время, повѣсть, *ibid.*, 1865 г., №№ 4 и 5; 5) Исторія Поли, повѣсть, въ Современникѣ 1866 г., № 3; 6) Очерки современнаго Египта. Передѣлано для юношества изъ романа Э. Абу: „Феллахъ-Ахметъ“. Изд. С. Самойловичъ и В. Сорокина. С.-Пб. 1874, 8°; 7) На память стараго года, повѣсти и рассказы для дѣтей. С.-Пб. 1874, 8°; 8) Сотрудница Моднаго Магазина, Дѣтскаго Чтенія, Семейныхъ Вечеровъ,

Родника и Задушевнаго Слова; 9) Какъ поживешь, такъ и прослывешь (повѣсти и рассказы, собранные изъ дѣтскихъ журналовъ). С.-Пб. 1885.

О ней. а) Истор. Вѣстникъ 1884 г., т. 18; б) Женское образованіе 1885 г., № 1; в) Еженедѣльное Обзорѣніе 1885 г., № 64; г) Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, выпускъ IV. С.-Пб. 1888.

Соковинна, Л. Л.—1) Образцы рисованія по клѣткамъ, для дѣтей отъ 3 до 10 лѣтъ. Два выпуска. М. 1873, 8°; 2) Въ помощь матерямъ, собраніе рассказовъ для дѣтей отъ 4 до 8 лѣтъ. М. 1874, 8°; изд. 2-е. М. 1877; изд. 3-е. М. 1880; изд. 4-е. М. 1884, 4°; 3) Дѣти, школа и учитель, рассказъ; изд. 2-е. М. 1871; изд. 3-е. М. 1873, 12°; изд. 4-е. М. 1880, 12°.

Соколова, Александра.—Въ 1875—76 гг., издавала въ Москвѣ газету Русскій Листокъ.

Соколова, Е.—1) Всемирная исторія. Уроки и отдыхъ домашней наставницы. М. 1858—1859, 8°.

Рец. а) Сѣверн. Пчела 1858 г., № 19; б) Современникъ 1858 г., т. 69, отд. 2.

2) Бабушкинъ золотой орѣхъ. Азбука въ подарокъ дѣтямъ на ёлку. Первые элементы чтенія. М. 1859, 8°; 3) Недѣля въ гостяхъ у бабушки; 9 веселыхъ игръ для дѣтей, съ нотами и карт. М. 1872, 8°.

Соколовская, Екатерина.—Зірка (въ стихахъ, на малоросс. нарѣчїи). С.-Пб. 1871, 8°.

Соколова, Таисія.—Стихотворенія, 2 части. М. 1841, 12°.

Рец. Отеч. Записки, т. 17, отд. 6.

Соловьева, В. А.—Издала: Руководство къ химическому, физиологическому и патологическому анализамъ, соч. Ф. Гоппе-Зейлера; пер. съ нѣмецк. подъ редакц. профессора А. Я. Данилевскаго. Казань. 1867, 8°.

Соловьева, М. А. (вмѣстѣ съ М. Т. Мамонтовою).—Дѣтскія игры и пѣсни. М. 1872, 8°.

Солодовникова, Л.—1) Фру-фру, комедія въ 5 д., соч. Генриха Мельяка и Людовика Галеви, пер. съ фр. С.-Пб. 1871, 8°.

Рец. Одесск. Вѣстникъ 1870 г., № 10.

2) Шпіонъ, романъ Буагобей, пер. съ фр. С.-Пб. 1874, 8°; 3) Вторая женитьба, Эд. Стивенсъ, пер. съ англ. (въ одномъ томѣ съ романомъ: Ожерелье королевы Марїи Антуанеты, А. Дюма, пер. Н. Лачинова). С.-Пб. 1874, 8°; 3) Птичка вылетѣла изъ клѣтки, романъ Джулія Кавэна, пер. съ англ. С.-Пб. 1874, 8°; 5) Сильвія, романъ

Джулія Кавэна, пер. съ англ. С.-Пб. 1873, 8°; 6) Свадебный визитъ, комедія въ 1 д., А. Дюма—сына. С.-Пб. 1873, 8°.

Сомова, Анна, р. Нечаева, супруга Самарскаго губернскаго предводителя дворянства.—Корреспонденціи изъ Кульджи, въ газетѣ Новое Время 1877 г. и Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ 1876 г.

Сомова, Ольга.—Царское Село, разсказъ для дѣтей. С.-Пб. 1869, 8°.

Сопова, А.—Животные и ихъ жизнь, сборникъ статей по зоологіи. М. 1878, 8°.

Рец. а) Голось 1878 г., № 73; б) Женское Образованіе 1878 г., № 1.

Сосногорова, М. — 1) Путеводитель по Крыму. Одесса. 1871, 8° изд. 2-е, испр. Одесса. 1874, 8°; изд. 3-е. Одесса. 1880; изд. 4-е Одесса. 1883.

Рец. а) Бесѣда 1871 г., № 7; б) Одесскій Вѣстникъ 1871 г., № 106; в) Русскій Иивалидъ 1871 г., № 133.

2) Письмо ея (по поводу Путеводителя по Крыму, составленнаго Е. Л. Марковымъ), въ Одесск. Вѣстникѣ 1872 г., № 199; 3) Ливадія. Одесса. 1872, 8°.

Сотникова, М.—Справедливая повѣсть, въ Дамск. Журналѣ 1827 г., ч. 18, № 8 и 9.

Сѣфія Аленѣевна, царевна, дочь царя Алексѣя Михайловича и сестра Петра Великаго, род. 5-го сентября 1658 г., въ Москвѣ, сопрavitельствовала съ 29-го мая 1682 по 12-е сентября 1689 г.; съ 21-го октября 1698 г. приняла монашество съ именемъ Сусанны и скончалась (схимовахиною) 3-го іюля 1704 г., въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ и погребена 4-го іюля 1704 г.—1) Стихи подъ гравированнымъ портретомъ князя Василя Васильевича Голицына, по всей вѣроятности принадлежащіе ея перу: „На пречестный клейноть гербовный князей Голицыновъ“. Описаніе этого портрета см. у А. Васильчикова: *Liste alphabétique de portraits russes*. S.-Pbg. 1875, t 2, pg. 383 и у Ровинскаго: *Словарь русск. гравир. портретовъ*. С.-Пб. 1872. О сочиненіи этой надписи самою царевною упоминаютъ: а) А. Ѳ. Малиновскій, въ Трудахъ и Лѣтописяхъ Общ. Ист. и Древностей, т. 7, стр. 84, б) Н. Полевой: *Обозрѣніе Русской Исторіи до единодержавія Петра Великаго*. С.-Пб. 1846, примѣчанія, стр. 34. 2) Этимъ однако не ограничивалась литературная дѣятельность царевны, по свѣдѣніямъ и преданіямъ, существовавшимъ въ русской наукѣ до послѣдняго времени. Ей приписывали драматическія произведенія, переводы, живое участіе въ основаніи русскаго театра и значительную степень образованности. Все это основано на источни-

кахъ не вполнѣ русскихъ, именно главнымъ образомъ на свѣдѣніяхъ въ статьѣ Штелина: *Zur Geschichte des Theaters in Russland* (въ *Haigold's*, то-есть Шлепера: *Beilagen zum Veränderten Russland; Riga und Mittau; 1769, vol. 1, pg. 397—431*; ср. П. Пекарскій, *Наука и литература при П. В.*, ч. 1, стр. 421), которая долго служила почти единственнымъ матеріаломъ для исторіи начала русскаго театра. Онъ говоритъ, между прочимъ, что „*Le médecin malgré lui*“, Мольера игрался въ Москвѣ еще въ дѣтствѣ Петра, и что царевна Софія участвовала въ театральныхъ представленіяхъ. Въ послѣдствіи появилось въ русскомъ переводѣ (С.-Пб. Вѣстникъ 1779 г., августъ) этой статьи неизвѣстно откуда взятое извѣстіе, что сама царевна написала какую то драму. Ей приписываютъ: а) драму въ стихахъ: „Екатерина Мученица“ (Араповъ. Лѣт. р. театра, стр. 19); б) Карамзинъ (Пантеонъ російскихъ авторовъ. М. 1801) прямо включилъ ее въ число русскихъ авторовъ, при чемъ замѣтилъ: „Софія... писала трагедіи... мы читали въ рукописи одну изъ ея драмъ, и думаемъ, что царевна могла бы сравниться съ лучшими писательницами всѣхъ временъ, если бы просвѣщенный вкусъ управлялъ ея воображеніемъ“; в) по показанію Руссова, она сочинила трагедію „Навуходоносоръ“, рукопись которой онъ будто видѣлъ въ Парижской королевской библіотекѣ; г) Макаровъ приписываетъ ей еще слѣдующія сочиненія, по выпискѣ сдѣланной имъ въ 1809 г. изъ одной рукописи библіотеки Д. П. Бутурлива (сгорѣвшей въ 1812 г.): Мнѣніе объ устройствѣ стрѣлкомъ и пушкарскомъ (съ отмѣткою: весьма рѣдко), Духовныя пѣсни, Переложеніе псалмовъ, драмы: Грѣшникъ, переводъ съ нѣмецкаго, Судъ Соломоновъ, пер. съ нѣм. и переводъ Мольеровой, комедіи „*Le médecin malgré lui*“. Всѣ эти показанія въ настоящее время утратили свою силу, и личность царевны представляется теперь въ нашихъ глазахъ не обладавшею даже достаточною образованностью, чтобы заниматься и интересоваться литературными занятіями, а тѣмъ болѣе драматическою литературою, даже заграничною, явившеюся при московскомъ дворѣ въ видѣ „новшества“ и сатиры, а слѣдовательно, въ противорѣчій съ стариною, на защитѣ которой стояла царевна и ея партія. Все, что говорилось и писалось о литературной дѣятельности царевны Софіи Алексѣвны, слѣдуетъ, по всей вѣроятности, перенести на сестру ея, великую княжну Наталю Алексѣвну (см. это имя), державшуюся партіи и дѣятельности Петра. Для царевны Софіи Алексѣвны, слѣдуетъ, кажется, ограничиться однимъ

лишь стихами: „На пречестный клейноть гербовный князей Голицыновъ“.

а) Объ ея литературной дѣятельности, см. также слѣдующія статьи: Макарова, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 29 и ч. 30; б) его же, въ Сѣверн. Пчелѣ 1831 г., № 604; в) Галаховъ, Исторія рус. словесности. С.-Пб. 1868, т. 1, стр. 314; г) Забѣлинъ, Домашн. бытъ русск. царицъ. М. 1869, стр. 490—492; д) Will. Coxe, Reisen durch Polen, Russland, Schweden und Dänemark. Zürich. 1785, t. I, pg. 307; е) Русская Старина, А. Мартынова. М. 1849, стр. 7; ж) Отечество. Записки 1822 г., № 32, стр. 295; з) Современные портреты Софіи Алексѣевны и кн. В. В. Голицына, 1689 г., ст. М. И. Семеновскаго, Русское Слово 1859 г. Есть оттиски.

Софроновичъ, Варвара. — Семь сказокъ для дѣтей. С.-Пб. 1878, 8°, съ силуэтами работы Елизаветы Бѣмъ.

Рец. а) Вѣстн. Европы 1878 г., май; б) Отеч. Записки 1878 г., июль.

Соханская, Надежда Степановна (род. 17-го февраля 1825 г., † 3-го декабря 1884 г., на хуторѣ Макаровкѣ, Изюмскаго уѣзда Харьковской губерніи), дочь Степана Павловича и Варвары Григорьевны, рожд. Лохвицкой. Воспитаніе получила въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Писала подъ псевдонимомъ: Надежда ***, Кохановская и Макаровская. — 1) Автобіографія (въ рукописи), упоминаемая Плетневымъ въ письмѣ его къ Жуковскому, въ Русск. Архивѣ 1870 г., № 7. Плетневъ первый призналъ ея талантъ, желалъ познакомиться съ нею Жуковскаго и писалъ ему, что „автобіографія г-жи Соханской есть лучшее, что только явилось у насъ оригинальнаго въ послѣднія пять лѣтъ. Тутъ исчерпаны всѣ роды красоты и всѣ оттѣнки русской жизни... Одну изъ этихъ тетрадей я препровождалъ для прочтенія къ государынѣ императрицѣ, и ея величество раздѣляетъ мое мнѣніе“. Въ письмѣ Плетнева упоминаются еще ея предыдущія повѣсти, которыхъ онъ не печаталъ, потому что замѣчалъ въ нихъ приемы новой французской школы. Автобіографія была первымъ шагомъ самостоятельнаго развитія ея таланта; 2) Графиня Д***, въ Отеч. Запискахъ 1848 г., т. 61, № 12, смѣсь, стр. 333, подписано: „Надежда*** (о ней Дружининъ, Сочиненія его, т. VI, стр. 17 — 18); 3) Сосѣди, въ Современникѣ 1850 г., т. 24, № 12; подпись: Надежда...; 4) Первый шифръ, въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1852 г.; 5) Корреспонденціи въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1854—1855 гг., о слухахъ и легендахъ, слагавшихся о войнѣ и ходившихъ въ народѣ, подъ псевдонимомъ: Макаровская; 6) Гайка, ч. 1-я, въ Пантеонѣ 1856 г., № 6; обѣ части, въ Русск. Словѣ 1860 г., № 4.

Рец. а) Дамск. Вѣстникъ 1860 г., № 2; б) Свѣточъ 1860 г., № 6 (ст. Н. Соколовскаго).

7) Сцены мира (игранныя на домашнемъ театрѣ), драматизированный рассказъ, въ Сынѣ Отечества 1857 г., № 1; 8) Любила, повѣсть, въ Библ. для Чтенія 1858 г., № 7; 9) Послѣ обѣда въ гостяхъ, въ Русск. Вѣстникѣ 1858 г., № 16. С.-Пб. 1885, 8°. Изд. А. С. Суворина.

Рец. а) Разсвѣтъ 1859 г., № 5, библиографія, ст. Д. И. Писарева; б) Русск. Бесѣда 1858 г., № 4; в) Русск. Слово 1859 г., № 12, ст. М. Ф. Де-Пуле.

10) Изъ провинціальной галереи портретовъ, въ Русск. Вѣстникѣ 1859 г., № 5.

Рец. а) Н. Гилярова, въ Русск. Бесѣдѣ 1859 г., № 3; б) С.-Пб. Вѣдомости 1859 г., № 220.

11) Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина, въ Русск. Бесѣдѣ 1859 г., № 5. При этомъ—письмо къ одному изъ редакторовъ петербургскаго журнала (Современника); оттиски: М. 1859, 8°; 12) Отвѣтъ г. Г — ву (Гилярову), на критическій отзывъ о повѣсти: „Изъ провинціальной галереи портретовъ“ (см. § 10), въ Русск. Бесѣдѣ 1859 г., кн. 6; 13) Нѣсколько русскихъ пѣсень, записанныхъ въ Старооскольскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, въ Русск. Бесѣдѣ 1860 г., кн. 19, № 1, съ примѣчаніями Хомякова (см. его сочиненія, т. 1, стр. 490); 14) Остатки боярскихъ пѣсень, въ Русск. Бесѣдѣ 1860 г., кн. 20. Отзывъ въ журналѣ Время 1861 г., № 4; 15) Сличеніе нѣсколькихъ русскихъ пѣсень, въ Воронежск. Бесѣдѣ 1861 г.

Рец. Л. М. Жемчужникова, въ Основѣ 1862 г., № 2.

16) Черты изъ нашей народности (записано въ 1850 году): Холера, Каменные бабы, въ Русской Рѣчи 1861 г., № 41; 17) Кирилла Петровъ и Настасья Дмитрова, повѣсть въ газетѣ День 1862 г., №№ 1—9. С.-Пб. 1885, 8°. Изд. А. С. Суворина.

Рец. Отеч. Записки 1862 г., № 1 (ст. В. Порѣбникова: Византійскій паеосъ или повѣсть г-жи Кохановской: Кирилла Петровъ и Настасья Дмитрова). Переведено на франц. языкъ (см. Русск. Архивъ 1866 г., № 2, стр. 260).

18) Старина. Семейная память, въ Отеч. Запискахъ 1861 г., № 3 и 4 и отдѣльно, изд. А. С. Суворина. С.-Пб. 1885, 8°; 19) Письма съ хутора, изъ Малороссіи, I и II, въ газетѣ День 1861 г., № 3; 1862 г., № 13; 20) Давняя встрѣча, маленькое воспоминаніе, *ibid.* 1862 г., №№ 20 и 21; 21) Замѣтка объ Ольридѣ, *ibid.*, № 39; 22) Повѣсти. М. 1863 Двѣ части.

Рец. а) С.-Пб. Вѣдомости 1863 г., № 172 и 173 (ст. П. Анненкова); б) Современникъ 1863 г., № 9; в) Библ. для Чтенія 1863 г., № 7, ст. В. О—скаго; г) *Ibid.* 1864 г., № 4 и 5, ст. Е. Эдельсона; д) Голось 1863 г., № 60; е) Русск.

Слово 1859 г., № 12 (ст. М. Де-Пуле); ж) Время 1861 г., № 9 (ст. А. А. Григорьева, подь заглавіемъ: Явленія современной литературы, пропущенныя нашею критикою); з) Иллюстрація 1863 г., №№ 256—258; и) Бѣжн. Вѣстникъ 1863 г., № 9; i) Русск. Слово 1863 г., № 3 (подь заглавіемъ: Одинъ изъ цвѣтковъ на славянофильской почвѣ); к) Отеч. Записки 1863 г., № 7; л) Семейн. Вечера, старш. возрастъ, 1864 г., № 6 (ст. Е. Л—Я).

23) Изъ хутора, День 1863 г., № 22; 24) Рой Феодосій Савичъ на спокоѣ, День 1864 г., №№ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 15.

а) День 1864 г., № 23—26: письмо Н. Б. по поводу этой повѣсти; б) „Наше переходное время“, Н. М. Павлова. М. 1888.

25) Письма съ хутора, День 1864 г., № 30; 26) Слава Богу, замѣтки о Бѣловодскихъ старообрядцахъ, День 1864 г., № 38; на эту статью: Возраженіе Субботина, въ Русск. Вѣстникѣ 1864 г., № 9; 27) Съ хутора, письмо о Святыхъ горахъ, День 1864 г., № 41; 28) Вѣсти съ хутора, День 1865 г., № 36; 29) Просьба (о сборѣ денегъ для борьбы народа съ еврействомъ въ юго-западномъ краѣ), День 1865 г., № 52; перепечатано въ сборникѣ „Утро“, М. Погодина, 1866 г.; 30) Письмо изъ Волынской губерніи (отъ 30-го октября 1865 г.), въ брошюрѣ: Извѣстіе о Кирилло-Миеодіевскомъ братствѣ въ Острогѣ. М. 1866; 31) Поѣздка на Волынь, въ газетѣ Москва 1867 г., №№ 67, 68 и 70; 32) Бѣ дѣлу о еврейскихъ привиллегіяхъ, въ Москвитнѣ 1867 г., № 5; 33) Письмо къ предсѣдателю Рижскаго русскаго благотворительнаго общества, въ Московск. Вѣдомостяхъ 1870 г., 7-го октября, № 214; 34) Слава Богу, что мужъ лапотъ сплелъ, комедія въ 3 д., въ Зарѣ 1871 г., № 1.

Рец. Московск. Вѣдомости 1873 г., № 321 (ст. М. П.). Дозволена для сцены съ исключеніями (Указ. по дѣл. печати 1874 г., стр. 35).

35) Кража невѣсты, драма въ 5 д. Дозволена для сцены съ исключеніями (Указ. по дѣл. печати 1874 г., стр. 35); 36) О русской пѣснѣ. Письмо къ И. С. Аксакову, въ Гражданинѣ (Сборникѣ) 1872 г., кн. 1; 37) Крохи словеснаго хлѣба, въ Сладчинѣ. С.-Пб. 1874; 38) Севастопольскіе очерки, въ Русск. Мірѣ 1877 г.; 39) Письма къ редактору Руси, *ibid.*, 1881 г., №№ 21, 24; 40) По вопросу о волостныхъ судахъ (съ хутора Макаровка), Русь 1881 г., № 39; 41) Посланиѣ къ гр. Л. Н. Толстому, въ Гражданинѣ 1884 г.; 42) Степная барышня сороковыхъ годовъ, романъ, Русь 1885 г., №№ 3—6; 43) Сумеречные рассказы (*ibid.*, № 7).

О ней: а) Смыѣ Отчества 1856 г., ст. В. Зотова; б) Моск. Вѣдомости 1870 г., № 230; в) А. N (?) Kochanowska, съ портретомъ, въ Kvetu (Praga) 1868 г., № 24; г) Утро 1859 г., въ ст. Алмазова; д) П. В. Анненковъ. Воспоминанія. Отдѣлъ 2-й. С.-Пб. 1879; е) Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и тру-

довъ повойныхъ русскихъ писателей, вып. IV. С.-Пб. 1888; ж) Русск. Архивъ 1885 г., т. I, кн. 4; з) Соч. и переписка П. А. Плетнева, т. I, стр. 490—491, 622; и) Харьковскій Сборникъ. Прилож. къ Харьк. календарю на 1887 г. 1) Россія 1884 г., № 48.

Соць, Надежда Ивановна.—Сотрудница—переводчица Русскаго Вѣстника и Московскихъ Вѣдомостей 1860—1870 годовъ.

Спасская, А. Л. — Руководство къ изученію элементарной теоріи музыки. Вильна. 1878, 4^о.

Спиридонова, Маргарита. — Историческое преданіе объ основаніи города Москвы, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 32, № 42.

С—ская, М.— 1) Охота на крокодиловъ, въ Лучахъ 1858 г., № 1, стр. 63 — 72; 2) Аббатъ де Л'Эпе, перев. съ франц., *ibid.* 1858 г., № 7, стр. 52 — 58; 3) Орлиное гвѣздо, *ibid.* 1858 г., № 11, стр. 290 — 307.

С—та, Елизавета. — 1) Изъ дальнихъ странъ. Разказы изъ жизни и охоты на сушѣ и на морѣ, по нѣмецк., франц. и англійск. источникамъ, составила Елизавета С—та. М. 1875, 8^о; 2) Сцены изъ жизни дикихъ племенъ Азии и Америки, сост. по нѣмецк. источникамъ Елизаветою С—та. М. 1875, 8^о.

Станиславская, Анастасія Яковлевна. — 1) Видѣніе ангела, въ Странникѣ 1864 г., сентябрь, отд. 5; 2) О религіозномъ воспитаніи, *ibid.* 1865 г., май, отд. 2 и июнь, отд. 2; 3) Рождество — Богородицкая женская община, *ibid.* 1869 г., сентябрь; 4) Учители человѣчества, *ibid.* 1870 г., апрѣль; 5) Перенесеніе скорбей, *ibid.* 1870 г., июнь.

Станицкій, П.—псевдонимъ А. Я. Панаевой (см. это имя).

Станова, Софья (псевдонимъ?). — Пробужденіе къ жизни, дневникъ молодой дѣвицы, въ Разсвѣтѣ 1861 г., № 12.

Старова, Наталья Ивановна; см. о ней въ статьѣ объ Анастасіи Петровнѣ Свиньиной.

Старынкевичъ, Екатерина Соломоновна, писала подъ псевдонимомъ: Сальянова, Елена. — 1) Евгения, психологическій разсказъ, въ Отеч. Запискахъ 1863 г., № 1 (см. замѣтку: „По поводу одной повѣсти“, въ Современной Лѣтописи 1863 г., № 22); 2) Не они виноваты, повѣсть, въ Вѣстникѣ Европы 1871 г., № 1 и 2.

Псевдонимъ указанъ въ Книжн. Вѣстникѣ 1865 г., № 20, стр. 379.

Стасова, Надежда Васильевна, постоянная сотрудница М. В. Трубниковой (см. это имя).

Стацевичъ, Анна. — Идеалистка, повѣсть, въ Словѣ 1878 г., апрѣль и май.

Рец. а) Въ Голосѣ 1878 г., № 149 и 193-й; б) Новое Время 1878 г., №№ 757 и 790, фельетонъ Буренина; в) Отеч. Записки 1878 г., № 5, Литер. Забѣтки Н. Михайловскаго; г) Виржевыя Вѣдомости, №№ 103, 123; д) Недѣля, № 22, е) Новор. Телеграфъ, №№ 962, 979; ж) Обзоръ, № 109; з) Одесск. Вѣстникъ, № 102; и) Новости, № 97; 1) Вечерн. Газета, №№ 105, 125; л) Кроншт. Вѣстникъ, № 55.

Степанова, Александра Григорьевна, дочь Григорія Григорьевича Перетца, род. 25-го октября 1845 г., супруга Сергѣя Николаевича Степанова; во второмъ бракѣ за профессоромъ И. П. Бородинымъ; писала иногда подъ псевдонимомъ Гюрикъ, или подписывалась буквами А. П. — 1) Сотрудница газеты Современное Слово, въ 1862 г. (статьи по женскому вопросу); 2) Статьи по женскому вопросу, въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1864, 1865 и 1869 гг.; 3) Сотрудница Будильника, 1868—1870 гг. 4) Переводы съ нѣмецкаго, въ политическомъ отдѣлѣ Сѣверной Почты 1868 г.; 5) Сентиментальное воспитаніе, романъ Флобера, перев. съ франц. (виѣстѣ съ А. Н. Энгельгардтъ), въ изданіи: „Иностранные Беллетристы“, и отдѣльно: С.-Пб. 1870.

Рец. а) С.-Пб. Вѣдомости 1870 г., № 152; б) Заря 1870 г., июль; (ст. Буренина); в) Дѣло 1870 г., июль (ст. Страхова); г) Отеч. Записки 1870 г., августъ, отд. 2; д) Русск. Вѣстникъ 1870 г., июль (ст. Л. Нелюбова).

б) Исповѣдь сына вѣка, романъ А. Мюссе. Фредерика и Бюренеретта, новелла, его же. Двѣ исторіи, романъ Андрея Лео; перев. съ франц. (2-й выпускъ изданія: „Иностранные Беллетристы“. С.-Пб. 1870 г., январь).

Рец. С.-Пб. Вѣдомости 1871 г., № 13.

7) Рецензія на книгу М. Манасеиной: О воспитаніи дѣтей (С.-Пб. 1870), въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1870 г., № 358; 8) Вавилонское столпотвореніе, романъ А. Мейснера, перев. съ нѣмецкаго, въ журналѣ Дѣло 1871 г., №№ 1—5.

Степанова, Елизавета Григорьевна, рожд. Константинова, супруга бывшаго Архангельскаго губернатора.—Стихи на всеобщее ополченіе Россіи, въ Русск. Инвалидѣ 1855 г., № 132.

Степановская, Вѣра.—1) Изъ прошлаго, рассказъ, въ Семейномъ Кругѣ 1859 г., т. III; 2) Всякому свое, повѣсть, въ Разсвѣтѣ 1861 г., № 1 и 2; 3) Германская Швейцарія, по сочиненію графини Доры д'Истрія, въ Разсвѣтѣ 1861 г., № 1, 2 и 3.

Стефановичъ, Анна П.—1) Малороссійскій холодецъ, въ журналѣ Русская Хозяйка 1861 г., № 11; 2) Сушеніе чернослива, *ibid.*; 3) Помада для рукъ, замѣняющая миндальную помаду, *ibid.*; 4) Наставленіе для приготовленія настоящаго сыра „бри“, *ibid.*

Страница—псевдонимъ Хрипковой Е. (см. это имя).

Стр—ва (вмѣстѣ съ докторомъ Пановымъ).—Экономъ, совѣтникъ и врачъ, для дома, въ городѣ и деревнѣ. Новые испытанные совѣты и секреты по всѣмъ частямъ домашняго хозяйства. М. 1866, 8°; изд. 2-е. М. 1876, 8°.

Стреналова, Александра Николаевна, рожд. княжна Касаткина-Ростовская, супруга тайн. сов. Степана Степановича Стрекалова. Предсѣдательница Общества распространенія полезныхъ книгъ въ Москвѣ (основаннаго въ 1861 г.) и дѣятельная участница въ его высшей степени полезной литературной дѣятельности. Издавала въ 1875 году иллюстрированные листки для народа и дѣтей, подъ названіемъ: „Воскресные рассказы“.

Строева, Е.—Дѣтская книга, правоучительные рассказы, М. Бланшара, перев. съ французскаго. М. 1858, 16°, два изданія. М. 1870, 16°.

Струйская, Маргарита Николаевна, дѣвица, † 1859 г., въ преклонныхъ лѣтахъ, дочь извѣстнаго Владимірскаго губернатора Николая Еремѣевича Струйскаго († 1796 г.), помѣщика села Рузаевки, Пензенской губерніи, Инсарскаго уѣзда, своеобразнаго литератора и сельскаго типографа, въ которомъ роскошно печаталъ свои (лишенные иногда всякаго смысла) напыщенные произведенія, составляющія высокую библиографическую рѣдкость.—Завѣщаніе нѣкотораго отца своимъ дочерямъ, изданное покойнымъ докторомъ Григорьемъ въ Эдинбургѣ и переведенное Маргаритою Стр***. Во градѣ Св. Петра. 1791, 12°.

О ней: Макаровъ, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 29, № 13.

Студзинская, А. П.—пишетъ подъ псевдонимомъ: Кобякова, А. П.—

- 1) Последняя казнь, романъ, въ Современникѣ 1858 г., № 3 и 4;
- 2) Автобіографія, въ Русск. Словѣ 1860 г., № 7;
- 3) Другъ—пріятель, въ Русск. Словѣ 1861 г., №№ 11 и 12;
- 4) Приказчикъ, повѣсть, *ibid.*, 1860 г., № 12 и 1861 г., № 1;
- 5) Неожиданное богатство, *ibid.*, № 5 и 6.

Незаконно перепечатано въ Народномъ Читеніи 1861 г., подъ заглавіемъ: „Легкое богатство“, по поводу чего появился въ нѣсколькихъ журналахъ 1862 г. протестъ противъ издателя Народнаго Читенія, книгопродавца Лермонтова (см. Кн. Вѣстникъ 1862 г., стр. 75—76, 127—128, 175 и Русскій Міръ 1862 г., № 14; возраженіе г. Лермонтова въ Русск. Міръ 1862 г., № 8; отвѣтъ г. Кобяковой, тамъ же, № 14).

- 6) Казенная квартира, повѣсть, въ Зарѣ 1870 г., №№ 5 и 7;
- 7) Пряники, повѣсть, въ Зарѣ 1871 г., № 7;
- 8) Сотрудница журвала Нивы, въ 1871 г.;
- 9) Семейство Подошвинныхъ, повѣсть, Рус-

ское Слово 1860 г., № 1, 2 и 3; 10) Женщина въ купеческомъ быту, повѣсть, Русское Слово 1863 г., № 10, 11, 12; 11) Сообщила пѣснь о взятіи Казани, въ Современникѣ 1850 г., № 7.

О ея романахъ, ст. Де-Пуле, въ Русск. Рѣчи 1861 г., № 61: Литература и общественный бытъ.

Ступина, Александра.—1) Отечественныя бесѣды русскихъ женщ. С.-Пб. 1854, 12°; 2) Думы современной Россіи, стихотворенія. С.-Пб. 1855, 8°.

Ст—х—ва, Л. К.—Дѣтскій театръ, оригинальныя сцены и комедійки изъ дѣтской жизни. С.-Пб. 1876; изд. 2-е, дополн. С.-Пб. 1879, 8°.

Суворина, Анна Ивановна, † въ 1874 году, въ С.-Петербургѣ, супруга Алексѣя Сергѣевича Суворина.

Совмѣстный авторъ и переводчикъ почти всѣхъ изданій Е. Лихачевой (см. это имя).

Суворова, Е.—Огонь и мечъ, истор. романъ Ксавье де Монтенанъ, пер. съ франц. М. 1875, 8°.

Сумарокова, Екатерина Александровна, дочь Александра Петровича Сумарокова (род. 14-го ноября 1717 г., † 1-го октября 1777 г., въ Москвѣ) и Юліаны Христіановны, р. Валкъ; супруга драматурга Якова Борисовича Княжнина (род. 3-го октября 1742 г., въ Псковѣ, † 14-го января 1791 г., въ С.-Петербургѣ).—Пѣсни въ Трудлюбивой Пчелѣ 1759 года, издававшейся А. П. Сумароковымъ; помѣщала ихъ безъ подписи и безъ вѣдома отца своего, при содѣйствіи Княжнина (музыка къ нимъ сочинена Раупакомъ). По словамъ М. Н. Макарова, перепечатаны отцомъ ея во 2-мъ изданіи Трудлюбивой Пчелы, подъ своимъ именемъ. У Неустроева показана въ Трудлюбивой Пчелѣ только одна ея Элегія (мартъ 1759 г., стр. 191).

О ней: а) Литературныя свѣдѣнія Макарова, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 29, № 1; ч. 31, № 7; б) Мордовцевъ: Русскія женщины второй половины XVIII вѣка. С.-Пб. 1874; в) Новиковъ: Опытъ словаря; г) упоминается въ числѣ 9 русск. писательницъ, въ Joh. Bernouilli's Reisen etc., Leipzig. 1780, ч. 5, стр. 124; д) Буличъ: Сумароковъ и современная ему критика. С.-Пб. 1854; е) комедія Крылова: Проказники написана на семейство Княжнина, въ томъ числѣ и на нее (Дмитріевъ: Мелочи. М. 1869, стр. 293); ж) у Неустроева, она ошибочно названа Екатериною Петровною; з) Руссовъ, стр. 23—27; и) Геннади, Словарь, 2, 143—144 (смѣшана съ В. А. Княжниной, рожд. Бардуловой).

Сумарокова, Наталья Платоновна, сестра Панкратія Платоновича Сумарокова (род. 14-го окт. 1765 г. † 1-го марта 1814 г.), извѣстнаго стихотворца и издателя въ Тобольскѣ журнала: Иртышъ,

превращающійся въ Ипокрену, 1789—1791 г. (Памятная книжка Тобольской губерніи на 1884 годъ, стр. 299).—1) Пѣсня: „Утомится ль рокъ жестокой“, въ журналѣ Иртышъ 1790 г., январь, стр. 57; 2) Пѣсня: „Во всемъ пространствѣ“, *ibid.*, стр. 59; 3) Стихи на смерть, *ibid.*, стр. 62; 4) Эпитафія: „Лежащій здѣсь судья“, *ibid.* 1791 г., май, стр. 24; 5) Басня: Лягушка и тростникъ, *ibid.* іюнь, стр. 22.

Сумаронова, Софья.—1) Сотрудница журнала Звѣздочка 1860-хъ годовъ.

Суражевская, Леонида, монахиня.—Келейныя чувства и думы, опытъ стихотвореній. С.-Пб. 1877, 8°.

Сурикова, И.—Сотрудница педагогическаго журнала Воспитаніе и обученіе, въ 1877 году.

Суслова, Аполлинарія Прокофьевна.—1) Жизнь Франклина, М. Минье; переводъ съ послѣдняго французскаго изданія. М. 1870, 16°.

Суслова-Эрисманъ, Надежда Прокофьевна, род. 1842 г., докторъ медицины Цюрихскаго университета; съ 1869 г. (въ Вѣнѣ), супруга доктора Э. Эрисмана, швейцарскаго подданнаго. Подписывалась иногда Н. С. и Н. П. С.; первая, по времени, русская женщина-медикъ.—1) Чудная, въ Современникѣ 1864 г., № 9; 2) Разсказъ въ письмахъ, повѣсть, въ Современникѣ 1864 г., № 8; 3) Прибавленіе къ физиологіи лимфатическихъ сердецъ, диссертация на степень доктора медицины, хирургіи и акушерства, представленная медицинскому факультету цюрихскаго университета (оригиналъ на нѣмецкомъ языкѣ). С.-Пб. 1868, 8°.

Рец. С.-Пб. Вѣдомости 1868 г., № 42.

4) Рец. на книгу М. Манассеиной: О воспитаніи дѣтей (С.-Пб. 1870), въ Архивѣ Суд. Медицины 1870 г., № 4.

а) Первая русская женщина—медикъ Н. П. Суслова, въ Женск. Вѣстникѣ 1867 г., № 8; б) Рѣчь, произнесенная профессоромъ Цюрихскаго университета Эдмундомъ Розе въ день полученія докторской степени г-жею Надеждой Сусловой, въ журналѣ Моды и Новости 1868 г., № 14; в) Л. Э. Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели. С.-Пб. 1868.

Сухарева, А.—Минуты досуга. С.-Пб. 1876, 8°.

Сухаревъ, псевдонимъ гр. Е. В. Сальясъ-Турнемиръ (см. это имя).

Сухова-Нобылина, Софья.—Воспоминаніе о послѣднихъ дняхъ жизни архимандрита Порфирія, настоятеля російской посольской церкви, въ Римѣ, въ Странникѣ 1867 г., май, и отдѣльно.

Сухомлинъ, Ольга, супруга статскаго совѣтника.—Издавала до мая мѣсяца 1875 г. журналъ: Переводы отдѣльныхъ романовъ, право

на который передала супругѣ колл. совѣтн. Натальѣ Львовой (Указ. по дѣл. печати 1875 г., стр. 179).

Сухотина, А. Г.—Матеріалы для исторіи религіи и философіи въ Германіи, пер. изъ Гейне, въ Сочиненіяхъ Генриха Гейне, въ переводѣ русскихъ писателей (изд. П. Вейнберга), т. 5 (С.-Пб. 1865).

Сушкова, Анастасія Павловна, рожд. княжна Долгорукова, дочь генераль-маіора князя Павла Васильевича (род. 1755 г. † 1837 г.) и княгини Генріетты Адольфовны, рожд. Бандре дю-Плесси, супруга Александра Васильевича Сушкова (р. 1790 † 1831), мать писательницы Е. А. Хвостовой (см. это имя) и Е. А. Лодыженской; † 14-го мая 1828 г.—1) Переводы въ стихахъ, изъ Томаса Мура, изъ Юнга и Байрона. Все въ рукописи.

О ней: а) Записки Е. А. Хвостовой. С.-Пб. 1871, стр. 3; б) Поправка къ нимъ и къ Р. Родосл. Книгѣ кн. П. Долгорукова, въ Русск. Архивѣ 1866 г., № 8—9, ст. 1340—1348.

Сушкова, Марья Васильевна, рожд. Храповицкая дочь лейб-кампанца (впослѣдствіи генераль-аншефа) Василя Михайловича, сестра писателя и статсъ-секретаря Екатерины II, Александра Васильевича, мать литератора Н. В. Сушкова (род. 15-го августа 1796 г., ум. 7-го іюля 1871 г.) и бабка гр. Евд. Петр. Ростопчиной; супруга Симбирскаго губернатора Василя Михайловича Сушкова (р. 1746 † 1819). Она родилась 2-го марта 1752 г., † 23-го декабря 1803 г., въ Москвѣ.—1) Инки или разрушеніе Перуанской имперіи, соч. Мармонтеля. Пер. съ франц., 2 части. М. 1778, 8°; изд. 2-е. М. 1782, 24°. изд. 3-е. М. 1801; изд. 4-е, сына ея, Петра Вас. Сушкова (отца граф. Е. П. Ростопчиной). М. 1819; 2) Щастливое похищеніе, повѣсть гишпанская, пер. съ фр. С.-Пб. 1777, 8°.Посвященіе: „Ея благородію, милостивой моей государынѣ В. Ц. М. Въ знакъ моего усердія посвящаю М. С.“ По мнѣнію ея сына, покойнаго Н. В. Сушкова, просматривавшаго въ 1860 году наши матеріалы о его матери, требуется еще подтвержденіе о принадлежности этого перевода ея перу; 3) Земира и Азоръ, опера въ 4 д., сочиненная Мармонтедемъ, положенная на музыку г. Гретри. М. 1783, 12°. Изданіе 2-е. С.-Пб; 1784, 12°.

О ней: Гротъ, Соч. Державина, 6, 611; Араповъ, Лѣтонисъ русск. театра, стр. 130; Генвади, Списокъ русск. анон. книгъ. С.-Пб. 1874, стр. 10.

4) Бѣглець, драма въ 5 дѣйств., г. Мерсиера, перевела съ фр. на русск. языкъ М. С. М. 1784, 32°.

Тутъ стихи (переводъ ея брата): „Ахъ, новый мой кафтанъ!“ В. Левшинъ, оспаривая поздыѣ подлинность этого перевода; см. у Макарова, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 29, стр. 147.

5) Стансы на учрежденіе Россійской Академіи, въ Собесѣдн. Любит. Русск. Слова 1783 г., ч. 9, стр. 19: „Среди веселья“... 6) Гваделупскій житель, комедія, въ рукописи; 7) Роза и Колась, опера стихами и прозой, въ рукописи; 8) Идилліи Дезульеръ; 9) Юговы „Ночи“; 10) монологъ Катона изъ Адиссоновой трагедіи: Катонъ. переводы эти помѣщались въ журналѣ Вечера 1772—1773 г. (Л. Н. Майковъ, Нѣсколько данныхъ для исторіи русск. журналистики. С.-Пб. 1876) стр. 30); 11) Сонеты и стансы Петрарки, переводъ съ италіанскаго, въ рукописи; 12) *Le combat de Tzesme, poème, avec un discours sur la poésie russe; traduit du russe en français, de Khégaskoff.; sine loco, 1772, 8°*; 13) Въ трагедіи ея брата, А. В. Храповицкаго, „Идамантъ“ многіе стихи сочинены ею; 14) Эрисія или весталка, драма въ 3 д., пер. съ франц. М. 1783, 8°; 15) Письмо китайца къ татарскому мурзѣ (Державину), въ Собесѣдн. Любит. Русск. Слова 1783 г., ч. 5, стр. 3 (см. Лонгинова: Библиограф. Записки, въ Современникѣ 1857 г., № 5, стр. 69); 16) Статья, начинающаяся словами: „Прошу покорно приложенные здѣсь письма сообщить“..., въ Живописцѣ 1772 г., ч. 1, стр. 81; 17) „Листочки ваши съ великимъ удовольствіемъ я читаю“, *ibid.*, стр. 82; 18) Письмо къ издателю, Собесѣдн. Люб. Русск. Слова 1783 г., ч. 9, стр. 18.

О ней: а) Макаровъ, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 29 и 30, б) Драматич. Альбомъ, Арапова и Сушкова. М. 1854; в) Новиковъ, въ Опытѣ Словаря; упоминается въ числѣ 9 русскихъ писателей въ *Bernouilli's, Reisen, etc. Leipzig. 1780, стр. 124*; д) *Leclerc: Hist. de la Russie moderne. Paris. 1783, t. 1, pag. 86*, е) въ статьѣ ея сына, Н. В. Сушкова: М. В. Храповицкій и М. П. Сердюковъ, въ Раутѣ, 1852 г., стр. 204 и слѣд.; въ Раутѣ, 1854 г., стр. 128; ж) Мордовцевъ: Русск. женщ. второй пол. XVIII вѣка. М. 1874; з) Руссовъ, стр. 41—42 и 45; и) Араповъ: Лѣтоп. русск. театра, стр. 130; i) А. Е. Викторовъ: Бумаги Н. В. Сушкова въ Московскомъ публичномъ музеѣ. М. 1872.

Сысоева, В.—Дѣти-фермеры, Ю. Гюро, пер. съ фр. С.-Пб. 1874, 12°.

Сысоева, Е. А.—1) Астрономическій атласъ Брунса, пер. съ нѣмц., подъ ред. Н. Черукина. С.-Пб. 1874, 4°; изд. 2-е. С.-Пб. 1875, 4°.

Ред. а) Знаніе 1874 г., № 2, стр. 68—69 (ст. Н. Вакуловскаго); б) Новое Время 1874 г., № 31.

2) Похожденія Робина Дэвиджера, бывшаго 17 лѣтъ въ плѣну у Даяковъ, на островѣ Борнео, соч. Дмемса Гринвуда, пер. съ англ. С.-Пб. 1872, 8°; 3) Смайльсъ Самуиль: Бережливость, пер. съ англій-

скаго С.-Пб. 1876, 8°; 4) Амарія Бриггэмъ: О вліаніи умственныхъ упражненій на здоровье дѣтей; книга для родителей, воспитателей и наставниковъ, пер. съ англійскаго. С.-Пб. 1876, 8°; 5) Очерки и рассказы (для юношества). С.-Пб. 1877, 8°.

Рец. Женское Образованіе 1878 г., апрѣль.

6) Неутомимый труженикъ. Жизнь шотландскаго натуралиста, Томаса Эдварда, пер. съ англійскаго. С.-Пб. 1879; 7) Последнія сказки Андерсена, съ нѣмецкаго перевода. С.-Пб. 1876, 8°.

Съверцова.—Отвѣтъ „Незнакомцу“ по поводу представленія „Дмитрія Самозванца“, Островскаго (фельетонисту С.-Пб. Вѣдомостей), въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1872 г., № 53.

Сѣрова, Валентина Семеновна.—1) Россіини, изъ соч. Рала: „Музыкальныя характеристики“, въ журналѣ Русская Сцена 1865 г., №№ 1 и 2; 2) Виченцо Беллини и Гаэтано Доницетти, *ibid.*, №№ 6 и 7.

С—я, М—В—а.—Чувства любящаго сердца, въ Пріятн. и полезн. препр. времени 1797 г., ч. 13, стр. 186.

Тальцева, псевдонимъ А. А. Зубовой (см. это имя).

Тапилина, Анна.—Благодатное исцѣленіе, въ Странникѣ 1867 г., мартъ.

Татищева, А.—Пустынникъ таинственной гробницы или привидѣніе стараго замка. Анекдотъ изъ лѣтописей тринадцатаго вѣка, соч. Анны Радклифъ, пер. съ фр., 3 ч. М. 1818, 24°.

Не Александра-ли это Ивановна рожд. княжна Гагарина, дочь кн. Ив. Сергѣевича и княгини Маріи Алексѣевны, р. кн. Волконской; въ первомъ бракѣ за Ростиславомъ Евграфовичемъ Татищевымъ и во второмъ бракѣ за Доброклонскимъ (см. Рассказы бабушки. С.-Пб. 1885, стр. 48—50; Росс. родосл. книга, 2, 227, № 96). Или же Анна Ивановна, супруга секундъ-майора Алексѣя Прокофьевича Татищева, р. Карабанова (*ib.*, № 91)?

Т—ва, Екатерина.—Последняя пѣснь, стихотвореніе, въ Моск. Телеграфѣ 1829 г., № 2, стр. 177.

Т—ва, Елена Сергѣевна, см. Телепнева.

Т—ва, Ольга.—1) Два свиданья, повѣсть, въ Русск. Вѣстникѣ 1865 г., № 3; 2) Врагъ горами качаетъ, въ Русск. Вѣстникѣ 1865 г., №№ 10 и 11.

Т—ва, Софья С.—Рецензія на книгу; „Очерки женскаго труда“, соч. Бесси Паркесъ, въ Женскомъ Вѣстникѣ 1867 г., № 1.

Тверская, Н. (псевдонимъ?).—Свадьба, рассказъ, въ Смиѣ Отечества 1858 г., № 47 и 48.

Тейльсъ (дю-), Наталья.—Подарокъ вѣжному родителю, поднесенный въ новый годъ или сочиненія и переводы. М. 1810, 24°.

Телепнева, Елена Сергѣевна, † 18-го августа 1828 г., въ Прагѣ, на 20-мъ году. Дочь Сергѣя Стахѣвича и Александры Васильевны Телепневыхъ.—Ежедневныя записки русской путешественницы въ 1827 и 1828 годахъ, въ Сынѣ Отечества 1831 г., ч. 139, 142, 143.

О ней: а) Моск. Вѣдомости 1827 г., стр. 1976 г.; б) Сынъ Отечества 1831 г., ч. 139, стр. 61—62.

Темризова, псевдонимъ А. М. Кириаковой (см. это имя).

Телова, Надежда Сергѣевна, въ замужствѣ—Терюхина (подписывалась и тѣмъ, и другимъ именемъ); род. 19-го марта 1814 г., † 16-го юня 1848 г.—1) Стихотворенія. М. 1833, 16°. Изд. 2-е, умноженное. М. 1838, 24°. Изд. 3-е, дополненное. М. 1860.

Рец. а) Сѣв. Пчела 1834 г., № 175 (ст. М. М—ской); б) Литер. прибавл. къ Русск. Инвалиду 1838 г., № 47; в) Русск. Вѣстникъ 1861 г., № 2 (ст. М. Лонгинова).

2) Идиллія, въ Дамск. Журналѣ 1827 г., № 20; 3) Русская пѣсни, стихотв., въ Москов. Телеграфѣ 1830 г., № 3; 4) Къ дѣвицѣ-поэту, въ Библ. для Читенія 1838 г., т. 28; 5) Спокойствіе, стихотв., въ альманахъ: Подарокъ бѣднымъ на 1834 г. Одесса. 1834; 6) Жажда молитвы, стихотв., въ Сынѣ Отечества 1833 г., т. 2, отд. 1; 7) Забытѣ, Юноша два стихотворенія, въ Кіевлянинѣ, Максимовича, на 1840 г., стр. 78 и 230; 8) Безнадежность, стихотвореніе, въ альманахъ Денница 1830 г.; 9) Къ присланной лампадѣ, въ Москов. Телеграфѣ 1829 г., ч. 1; 10) Русская пѣсня, *ibid.* 1830 г., ч. 1; 11) Къ чародѣю, *ibid.*, ч. 1; 12) Послѣдняя пѣснь, *ibid.* 1829 г., ч. 1; 13) На смерть А. П. Эссена, стихотв., *ibid.* 1829 г., ч. 2.

14) Два стихотворенія. Изъ альбома М. А. Максимовича, въ Кіевской Старинѣ 1882 г., т. 1, стр. 162, 164.

О ней: а) М. Лонгиновъ, въ Соврем. Лѣтописи Русск. Вѣстникъ 1861 г., № 20; б) Моск. Телеграфъ 1833 г., № 16, стр. 583; в) письмо къ ней вн. П. А. Вяземскаго, въ Сочиненіяхъ его, т. 3.

Телова, Серафима Сергѣевна, сестра предыдущей, † 1861 г.—

1) Писала и печатала стихотворенія въ различныхъ журналахъ 1830-хъ годовъ; 2) Къ ***, стихотвореніе, начинающееся такъ:

Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена.

Пѣса эта, напечатанная въ „Денницѣ“ 1830 г., послужила поводомъ къ аресту цензора, С. Н. Глинки (М. А. Дмитріевъ. Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869, стр. 109); 3) Ех ungue leonem, стихотвореніе изъ альбома М. А. Максимовича, въ Кіевской Старинѣ 1882 г., т. I, стр. 160.

а) О ней въ статьѣ М. Лонгинова, въ *Соврем. Лѣтописи Русск. Вѣстникѣ* 1861 г., № 20; б) въ *Книжн. Вѣстникѣ* 1865 г., № 20, стр. 379.

Терюхина, Надежда Сергѣевна, рожд. Теплова (см. это имя).

Тетна Настасья, псевдонимъ Анастасіи Θεодоровны Ауэрбахъ (см. это имя).

Тимашева, Екатерина Александровна.—1) Стихотвореніе въ *Сѣверн. Цвѣтахъ*, 1831 г. (Отвѣтъ на святочную шутку); 2) „То безъ рѣчей, то говорлива“, извѣстный цыганскій романсъ, съ припѣвомъ: „Ты не повѣришь, ты не повѣришь—какъ ты мила“, въ *Литер. Газетѣ* 1831 г., № 12.

а) Пушкинъ написалъ ей въ 1826 г. стихотвореніе (*Соч. изд.* 1887 г., подъ ред. П. О. Морозова, т. 2, стр. 3); б) стихи ей Баратынскаго (*Соч.*, изд. 1884 г., стр. 219); в) ей стихи граф. Ростовчиной, въ *Стихотвореніяхъ*, изд. 1857 г., I, 67; г) Стихотворенія Языкова (изд. 1858 г.), II, 47.

Тимирева, А.—Артельныя сыроварни или факторіи въ Англии. С.-Пб. 1876, 8^о.

Тимирязева, Софья Θεодоровна, рожд. Вадковская, въ первомъ бракѣ Безобразова.—Воспоминанія, въ *Русск. Архивѣ* 1873 г., книга II, ст. 01321—01329.

Тинькова, Ольга Ивановна, рожд. Соцъ, сестра Надежды Ивановны Соцъ (см. это имя). — Переводчица Русскаго Вѣстника и Московскихъ Вѣдомостей.

Титова, Елизавета Ивановна, супруга Сергѣя Николаевича Титова.—1) *Слѣпая въ Спа*, комедія въ 1 д., соч. Жанлисъ, пер. съ фр. М. 1797, 24^о; посвящено кн. Н. Б. Юсупову; 2) *Отрывокъ изъ китайской исторіи Хао-Кангъ*, переводъ, въ *Пріятн. и полезн. препр.* времени 1798 г., т. 17, стр. 289; 3) *Густавъ Ваза или торжествующая невинность*, драма въ 5 дѣйствіяхъ, съ хорами, представленная въ 1 разъ на придворномъ С.-Петербургскомъ театрѣ, іюня 27-го дня 1809 г. С.-Пб. 1810, 24^о (Араповъ: *Лѣтоп. р. театра*, стр. 143); 4) *Крестыанскій театръ*, комедія въ 1 д.; дана на сценѣ 23-го августа 1811 г. (*ibid.*, стр. 210); 5) *Аделаида и Вольмеръ*, драма въ 5 д., поставлена на сценѣ 5-го февраля 1811 г. (по мнѣнію Арапова, *ibid.*, стр. 209, давшая Титовой наиболѣе извѣстности какъ драматической писательницы); 6) *Ольга или торжество вѣры*, поэма въ 4 пѣсняхъ, руссійское сочиненіе. С.-Пб. 1813, 12^о.

О ней: а) *Макаровъ*, въ *Дамск. Журналѣ* 1830 г., ч. 29, 30, 31; б) *Новиковъ: Опытъ Словаря*; в) *Галаховъ, Исторія русск. словесности*. С.-Пб. 1868, т. 2, стр. 130; г) *Кабинетъ Аспазіи*, 1815 г.; д) *Leclerc: Histoire de la Russie moderne*. Paris. 1783, t. 1, pg. 86; е) упоминается въ числѣ 9 рус-

скихъ писательницъ въ Joh. Bernouilli's, Reisen etc., Leipzig. 1780, стр. 124: ж) Руссовъ, стр. 42.

Титова, Наталья Ивановна, супруга полковника Николая Сергѣевича Титова.—1) Стихотворенія въ журналахъ: Всякая Всячина, Трутень, Парнасскій Щепетильникъ; 2) Бокъ и Зюльба, повѣсть аллегорическая. Пер. съ франц. 2 части. М. 1774, 8°.

О ней: а) Новиковъ: Опытъ Словаря; б) Дамск. Журналъ 1830 г., ч. 22. № 7; ч. 30, № 21.

Тихановичъ, М.—псевдонимъ М. И. Юргенсонъ (см. это имя).

Тихомирова, Е. (вмѣстѣ съ Богдановой Н.).—Чтеніе въѣ класса. Вып. 1: Обезьяны, попугай и слоны. Сост. по Брему, Фогту, Жаколю и другимъ источникамъ. М. 1878, 16°.

Тихомирова, Марья.—Любезная горбунья или Жюльета Бельфуръ. 2 части, пер. съ англ. М. 1823, 12°. Посвящено княгинѣ Аннѣ Александровнѣ Голицыной, рожденной княжнѣ Грузинской.

Ткачева, С. Н.—1) Письмо о стенографіи, въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1870 г., № 343; 2) Замячательныя уголовныя дѣла, стенографическіе отчеты С. Н. Ткачевой. С.-Пб. 1870, 8°.

Токмакова, Е.—Разказы изъ искусствъ и промышленности; книга для дѣтскаго чтенія съ 7 литогр. картинками, перев. съ 6-го фр. изданія. М. 1864, 8°.

Ред. Книжн. Вѣстникъ 1864 г., № 1.

Толстая, Прасковья Михайловна (р. 11-го января 1777 г., ум. 2-го января 1844 г.) супруга тайнаго совѣтника и сенатора Матвѣя Ѳеодоровича (мать писателя и музыкальнаго критика Ѳеофила Матвѣевича Толстого), дочь фельдмаршала, князя Михаила Илларионовича Кутузова-Смоленскаго.—По показанію Руссова (стр. 42), „легкими и счастливыми произведеніями пера своего украшала наши журналы“.

Толузанова, Александра Сергѣевна.—1) Матеріалы для исторіи обороны Севастополя, въ Русск. Инвалидѣ 1858 г., № 174; есть отъиски; изд. 2-е. С.-Пб. 1860; 2) Подвиги благотворительности. С.-Пб. 1867. Воронежъ. 1871. 8°.

Толычева, псевдонимъ Е. В. Новосильцевой (см. это имя).

Травлинская, З.; см. Мамышева, Агнія.

Тригорскій—псевдонимъ Ермоловой (см. это имя), указанный въ Древн. и Нов. Россіи 1877 г., № 10, стр. 160.

Трубссна, княжна (?) Елизавета Александровна, кратка (?), сестра А. А. Безниной (см. это имя); часто подписывалась Трубецкою, но не слѣдуетъ смѣшивать ее съ одноименною ей писательницею того же времени, писавшей въ одномъ и томъ же журналѣ,

Московскомъ Курьерѣ.— 1) Выѣстѣ съ сестрою, завѣдывала критикою въ Журналѣ для милыхъ, Макарова, 1804 года; 2) Объявила объ выходѣ (на 1807 годѣ) журнала Амурь, подписавъ программу: „Княжна Елисавета Трубецкая“. Княжна такого имени и фамиліи была извѣстна въ Москвѣ, въ большомъ свѣтѣ. Это надѣлало много хлопотъ М. Н. Макарову, издателю предполагавшагося журнала, который впрочемъ не состоялся (М. А. Дмитріевъ: Мелочи изъ запаса моей памяти, 2-е изд. М. 1869, стр. 79—80); 3) Отрывокъ, изъ разговора въ бесѣдѣ, въ Журн. для милыхъ 1804 г., ч. 1, стр. 358—362; 4) О театральныхъ переводахъ, въ Моск. Курьерѣ 1805 г., ч. 2, стр. 33—36; 5) Отрывки изъ наставленій для меня Эраты, *ibid.* 1805 г., стр. 251—252; 6) Письмо Юлія Кесаря о несовершенствѣ людей, *ibid.*, ч. 2, стр. 269—270; въ концѣ помѣчено: 6 часовъ утра, 1805 года, сентября 5-го, Муромъ; 7) Благородный и чувствительный поступокъ неизвѣстнаго, *ibid.* 1805 г., ч. 2, стр. 326—329; 8) Разныя мысли изъ польскаго журнала, въ Моск. Курьерѣ 1805 г., ч. 1, стр. 31—32 и 267—269; 9) Анекдоты, *ibid.*, ч. 1, стр. 65—70; 10) Еще отрывки для моей Софьи, переводъ, *ibid.* 1806 г., ч. 4, стр. 74—79; 11) Моя молитва, стихотвореніе переводное, *ibid.* 1806 г., ч. 4, стр. 74—79 (изъ книги: *Caroline Stiwers ou les effets de l'impression*).

О ней: а) Библиографическое замѣчаніе М. А. Дмитріева, въ Москов. Вѣдомостяхъ 1857 г., № 130, стр. 577, столб. 2—3; б) его же: Мелочи. М. 1869, стр. 79—80; в) ея имя часто упоминается въ выносахъ къ Московск. Курьеру: она приказывала печатать статьи, посылала ихъ и рекомендовала; г) другія свѣдѣнія о ней, см. въ матеріалахъ объ А. А. Безиной (см. выше, это имя); д) была въ спискѣ подписчиковъ на Журналъ для милыхъ, 1804 года; е) можно бы, при всѣхъ противорѣчащихъ свѣдѣніяхъ о трехъ писательницахъ: Аннѣ Безиной, княжнѣ Е. А. Трубецка и княжнѣ Е. А. Трубецкой, прийти къ заключенію, что Безинна была сестра княжны Трубецкой, и что княжна Елисавета Трубецка ограничилась только временнымъ участіемъ въ Журналѣ для милыхъ, и изданіемъ программы несостоявшагося журнала Амурь, послѣ чего литературная дѣятельность ея прекратилась, и она уѣхала на родину. Всѣ же прочія статьи, упомянутыя мною при этихъ трехъ писательницахъ, принадлежать А. А. Безиной (р. княжнѣ Трубецкой) и сестрѣ ея, княжнѣ Елизаветѣ Александровнѣ Трубецкой? Но въ извѣстныхъ намъ родословныхъ кв. Трубецкихъ вѣтъ ни Безиной, ни княжны Елены, ни Елизаветы Александровны (того времени); ж) не стоитъ-ли въ связи съ ея литературною дѣятельностью псевдонимъ Муриновъ Муриновъ, встрѣчающійся въ Моск. Курьерѣ 1805 г., ч. 1, стр. 234—237: Отрывокъ изъ письма къ издателямъ, помѣченный Муромъ, 1805 г., февраль 28? з) сестра ея, А. А. Безинна скончалась немного ранѣе, 12-го января 1805 года; и) по нашей просьбѣ,

въ 1870 г., кроатскій землевладѣлецъ, гр. Карлъ Ламбергъ наводилъ справки о кроатской фамилиі „Трубескиихъ“, по которымъ оказалось, что такой фамилиі прежде вовсе не существовало въ Кроаціи (въ письмѣ къ мнѣ, отъ 18-го (30) ноября 1870 г., изъ Граца: „Ich habe mich zur Erforschung dieser Angelegenheit, an den besten Historiographen in Agram gewendet, der mir nun folgendes mittheilte: Fürsten dieses Namens waren in Croatien niemals ansässig; ebenso wenig weiss man von zwei Damen, welche Ende vorigen Jahrhunderts von hier aus nach Russland übersiedelt wären...“); к) С. П. Жихаревъ, въ своей книгѣ „Записки Современника“. С.-Пб. 1859, записывая свои впечатлѣнія 25-го февраля 1806 г., говоритъ: „Вчера вечеромъ, у князя Сибирскаго

Я познакомился съ одною
Распрепочтенною княжною
Елисаветой Трубецкою,

которая съ будущаго года намѣрена издавать модный журналъ для женщинъ, подъ заглавіемъ: Амуръ. Не знаю, кто могъ надумать снѣтельную издательницу просить у меня совѣта на счетъ эпиграфа къ будущему ея журналу, только она выбрала совѣтника невольна. Я сказалъ ей, что къ такому журналу, который называется Амуръ и будетъ издаваться дамою, принскать эпиграфъ очень нелегко, и что, по мнѣнію моему, для полного успѣха въ столь важномъ дѣлѣ, ей слѣдуетъ обратиться за совѣтомъ къ князю Шаликову, какъ лучшему специалисту въ столицѣ по части эпиграфовъ, мадригаловъ и всего, что касается до амурной литературы. Княжна осталась очень довольна моимъ указаніемъ на князя Шаликова и хотѣла непременно посоветоваться съ нимъ при первой встрѣчѣ—на Прѣсенскихъ Прудахъ! Въ добрый часъ!

При семь случаѣхъ я узналъ, что кн. Юрій Трубецкой, переводчикъ съ французскаго небольшой комедіи, подъ заглавіемъ „Плате безъ галуновъ.“ — близкій родственникъ будущей издательницѣ Амура. Видно, таланты наслѣдственны въ этой фамилиі“ (стр. 317—318).

Напротивъ того, Вигель въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (т. 2, ч. 3, стр. 138), говоритъ: „Вдругъ вздумалось затѣйнику Макарову 2-му объявить объ изданіи Амура подъ вымышленнымъ именемъ небывалой княжны Елисаветы Трубецкой. Дорого было пришлось ему расплатиться за эту совѣтъ неумную проказу; всѣ Трубецкіе возстали, и начальство архивское едва могло дѣло сіе утешить“.

Трубецкая, Анна Петровна, рожд. Левашова, супруга князя Александра Юрьевича (р. 1765 † 1805 г.), во второмъ бракѣ за графомъ де-Броль. — 1) Разговоръ о множествѣ міровъ, соч. Фонте-неля. М. 1802, 8°. Съ посвященіемъ императору Александру. 2) Эдуардъ и Эмма, драма, представленная на домашнемъ театрѣ.

О ней: Кн. И. М. Долгорукой. Книжке моего сердца. М. 1874, стр. 286—287; тоже въ перепискѣ Кристина съ кн. Туркестановою (М. 18-3).

Трубецкая, княжна Варвара Александровна, рожд. княжна Черкасская (дочь генераль-поручика и гофмаршала, князя Александра Андреевича), супруга дѣйств. тайн. сов. князя Николая Никитича

(р. 6 ноября 1744 † 1821 г.), родственница писательницы Ел. В. Херасковой и княжны Е. С. Урусовой. Писала стихотворения; некоторые из них напечатаны в собрании сочинений кн. И. М. Долгорукого (см. изд. Смирдина, т. I, стр. 297—310 г.).

а) Биографическая свѣдѣнія, в примѣчаніяхъ, къ „Запискамъ“ Державина (изд. Русской Бесѣды), стр. 122; б) Лопгпновъ: Новиковъ и московскіе мартинисты, стр. 125, 350 и 364; в) на нее, вѣроятно, указывал редакторъ Московскаго Курьера (1805 г., ч. 2, стр. 353), говоря какъ о „великой любительницѣ русскаго слова“ (см. подробнѣе, ниже, въ статьѣ о Трубецкой, княжѣ Елизаветѣ Александровнѣ); г) Кн. И. М. Долгорукій. Капище моего сердца. М. 1874, стр. 272—274.

Трубецкая, княжна Елизавета Александровна. — Ея мы не нашли въ извѣстныхъ намъ родословныхъ князей Трубецкихъ. Можетъ быть она сестра княжны Елены Александровны (Росс. Родосл. книга кн. П. В. Долгорукова, 1, 324, дочь N 49), бывшей за княземъ Иваномъ Сергѣевичемъ Мещерскимъ? Ее не слѣдуетъ смѣшивать съ княжною Е. А. Трубѣсска (см. это имя), подписывавшея иногда Трубецкою. — 1) Скупость, Моск. Курьеръ 1805 г., стр. 363—366 (подпись Кн. Ел. Т—ая). 2) Письмо къ издателю, *ibid.*, стр. 241—244. 3) Журналы, сказки, исторіи и басни, въ Моск. Курьерѣ 1805 г., ч. 2, стр. 345—347.

а) М. А. Дмитріевъ, Библиографическое замѣчаніе, въ Моск. Вѣдомостяхъ 1857 г., № 130; б) мош „Два слова въ отвѣтъ“, въ Моляѣ 1857 г., стр. 375; в) смотри подробности о путаницѣ, существующей въ библиографическихъ матеріалахъ относительно ея, княжны Елизаветы Трубѣсска и сестры послѣдней, Анны Безинной при этихъ именахъ; г) въ Моск. Курьерѣ 1805 г., ч. 2, стр. 353, въ выносѣхъ, означено: „Бабушка княжны Трубецкой была великая любительница русскаго слова“. Если признать, что княжна Трубецкая была сестрою кн. Мещерской, то бабушкою ея была Анна Даниловна, въ первомъ бракѣ Хераскова, рожд. кн. Друцкая. Эти Херасковы были сродни съ кн. Николаемъ Никитичемъ Трубецкимъ и женою его, кн. Варварою Александровною (см. это имя), рожд. кн. Черкасскою. Можетъ быть, редакторъ Московскаго Курьера, не отличавшійся вѣрностью своихъ показаній (онъ желалъ выдать иностранку-авантюристку Трубѣсску за московскую княжну Елизавету Александровну Трубецкую) и въ данномъ случаѣ спуталъ, и желалъ упомянуть о кн. Варварѣ Александровнѣ Трубецкой, которая приходилась бы не бабушкою кн. Елизаветѣ Александровнѣ, ибо послѣдняя была дочерью кн. Александра Никитича (Росс. родосл. книга, 1, 323, № 49), но только теткою (женою роднаго дяди); д) въ Журналѣ для Милыхъ, 1804 г., ч. 1, стр. 239—239, напечатано стихотвореніе: С. I. Pépin de Bourgès, L'inconstance de l'amour, съ выноскою: „Піеса сія помѣщена въ удовольствіе и по приказанію кн. Е. А. Т—я“. Оказывается, что кн. Е. А. Трубецкая княжна Е. А. Трубѣсска распорядилась и въ Журналѣ для милыхъ и въ Московскомъ Курьерѣ: е) нельзя ли допустить, что А. А. Безинна была

русскою княжною Трубецкою и сестрою княжны Елизаветы Александровны, и что занятія русскою литературою княжны Е. А. Трубесска были временныя, а что всё подписи „Трубецкой“ принадлежать не ей, а княжнѣ Елизаветѣ Александровнѣ Трубецкой; ж) не состоитъ ли въ связи съ ея литературною дѣятельностью псевдонимъ Муринонъ Муриновъ, встрѣчающійся въ Моск. Курьерѣ 1805 г., ч. 1, стр. 234—237: Отрывокъ изъ письма къ издателю, помѣченный: Муромъ, 1805 г., февраля 28-го?; з) по показанію Жихарева (Записки Современника) она была родственницею, и даже близкою „князя Юрія“ (Никитича, р. 1736 † 1811 г.). Не племянница ли его, то-есть, дочь кн. Александра Никитича? Ея нѣтъ у Долгорукаго (Росс. родосл. книга, 1,325).

Трубникова, Марья Васильевна дочь декабриста В. П. Ивашева, супруга бывшего редактора Биржевыхъ Вѣдомостей К. В. Трубникова.— 1) Полное собраніе сказокъ Андерсена. С.-Пб. 1863. Изданіе переводчицъ. Изд. 2-е. С.-Пб. 1868.

Рец. на 1-е изданіе: а) Русск. Слово 1863 г., № 11 — 12; б) Книжн. Вѣстникъ 1863 г., № 23; в) Современникъ 1864 г., № 1; г) Учитель 1864 г., № 13 — 14 (Е. Кемница); д) Русск. Инвалидъ 1864 г., № 159.

Рец. на 2-е изданіе: а) Новое Время 1868 г., № 38 и 1872 г., № 51 и 53 (письмо М. Вовчка); б) С.-Пб. Вѣдомости 1872 г., № 35 (письмо М. Трубниковой и Н. Стасовой), 1872 г., № 322 (заявленіе 18 лицъ о дѣлѣ г-жи М. Вовчка, М. Трубниковой и Н. Стасовой и письма послѣднихъ).

2) Новыя сказки Андерсена (47 рассказовъ, не вошедшихъ въ предыдущее изданіе). С.-Пб. 1868, 8°.

Рец. а) Голосъ 1868 г., № 89; б) Вѣсть 1868 г., № 55; в) Отвѣтъ Малышева на ст. Вѣсти (1868 г., № 55): Литературная критика газеты Вѣсть, въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1868 г., № 159; г) его же, рец. въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1868 г., № 112; д) Народн. Школа 1869 г., № 2.

3) Изъ природы, рассказы для дѣтей по Г. Вагнеру, перев. съ нѣмецкаго, изданіе переводчицъ. С.-Пб. 1864, 16°.

Рец. а) Отеч. Записки 1865 г., ноябрь, кн. 2; б) Русск. Инвалидъ 1865 г., № 22 и 67; в) Современникъ 1865 г., № 3.

4) Рассказы о старинныхъ людяхъ, 4 выпуска. С.-Пб. 1864 — 1865, 16°.

Рец. а) Русск. Инвалидъ 1864 г., № 159; б) Книжн. Вѣстникъ 1864 и 1865 гг.

5) Почему и потому, Отто Улэ, съ 87 рис.; перев. подъ ред. А. Н. Шульговской; изд. Трубниковой и Стасовой. С.-Пб. 1869, 8°; 6) Женскій трудъ въ примѣненіи къ различнымъ отраслямъ промышленной дѣятельности, перев. подъ ред. П. Н. Ткачева. С.-Пб. 1868; изд. Трубниковой и Стасовой; 7) Сборникъ рассказовъ изъ путешествій и быта народовъ; съ нѣмецкаго, по Дилицу, переводъ и изданіе Трубниковой и Стасовой. С.-Пб. 1868, 8°; 8) Олькотъ, Луиза: Маленькія женщины или дѣтство четырехъ сестеръ, повѣсть для дѣтей, перев. съ англ., изд. Трубниковой и Стасовой. С.-Пб. 1875, 8°;

9) *Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ*, рассказъ о путевыхъ приключеніяхъ автора, о нравахъ животныхъ, очерки жизни бразильцевъ и индѣйцевъ, и картины природы подъ экваторомъ, изъ 11-го путешествія Генриха Вальтера Бэтса. С.-Пб. 1865, 8°, изданіе переводчицы.

Рец. а) Водовозова, въ *Отеч. Запискахъ* 1870 г., т. 189, отд. 2, мартъ; б) *Современникъ* 1865 г., № 9; в) *Книжн. Вѣстникъ* 1866 г., № 2; г) *Отеч. Записки* 1866 г., январь, кн. 2; д) *Книжничекъ* 1866 г., № 1; е) *Голосъ* 1866 г., № 193; ж) *Русск. Слово* 1865 г., № 9 (ст. В. Зайцева).

10) *Рассказы о временахъ Меровинговъ*, соч. Тьерри. С.-Пб. 1864, 8°.

Рец. а) *Книжн. Вѣстникъ* 1864 г.; б) *Русск. Инвалидъ* 1864 г., № 159.

11) *Датскія народныя сказки*. Собралъ Свендъ Грундвигъ. Пер. съ нѣмецкаго перевода ихъ Видлибальда Лео. С.-Пб. 1878, 8°;

12) *сотрудница Журнала для акціонеровъ* 1858 г., *Биржевыхъ Вѣдомостей* 1863—1869 гг. (редакція литературнаго отдѣла, библиографія и переводы), Петерб. Вѣдомостей 1869 г. (полемика съ Лѣсковымъ), *Вѣстника Европы* 1871—1884 гг., (корреспонденціи изъ Лондона и нѣкоторыя Парижскія письма Зола), *Новаго Времени*, съ 1876 г. (переводы франц., нѣмецк. и англійскихъ политическихъ извѣстій, переводные романы, обзоры иностранной журналистики), переводовъ отдѣльныхъ иностранныхъ романовъ, изд. Е. Лебедевой, 1879—1880 гг.; 13) *Развалины Трои*, ст. Р. Вирхова (*Истор. Вѣстникъ* 1880 г., № 2); 14) *сотрудничала въ англійскомъ еженедѣльникѣ Now a day*.

Туловская, Елена Сергѣевна. — *Женская рабочая школа въ Одессѣ*. Одесса. 1869, 16°.

Тулубьева, А. — *Пожаръ въ Муромѣ*, истинное происшествіе, случившееся въ 1806 г., въ *Москвитянинѣ* 1853 г., № 21, смѣсь.

Туманская, Θεодосья. — *Ея Императорскому Высочеству государынѣ великой княгинѣ Маріи Θεодоровнѣ*, на день рожденія Ея Императорскаго Высочества государыни великой княгини Екатерины Павловны, мая 10-го, 1791 г. С.-Пб., 4°, стихотвореніе (Отчетъ Имп. Публ. Библиотеки за 1875 г., стр. 87).

Тупалова, Александра Васильевна. — 1) *Гимнъ*, стихотв., въ *Странникѣ* 1866 г., октябрь; 2) *Казацкія шапки, или подвиги нѣжинскихъ казачекъ въ 1709 году*, драматическое представленіе. С.-Пб. 1860, 12°; изд. 2-е. С.-Пб. 1867, 12°. Для сцены, разрѣшена въ 1873 году подъ названіемъ: „Геройскій подвигъ нѣжинскихъ казачекъ временъ императора Петра Великаго, въ 1709 г.“, съ исключеніями (Указ. по дѣл. печати 1873 г., стр. 128), а въ 1874 г., по исправленному изданію, безъ исключеній (*ibid.* 1874 г., стр. 107).

Турчанинова, Анна Александровна, дѣвица. — 1) Человѣколюбію, стихотв., въ Пріятн. и полн. препров. времени 1798 г., ч. 18, стр. 267; 2) Къ малюткѣ Сашѣ, *ibid.*, стр. 269; 3) Въ моемъ садикѣ, *ibid.*, стр. 271; 4) Утѣхи добродѣтели, *ibid.*, стр. 271; 5) Достоинства смерти, *ibid.*, стр. 298; 6) Гласъ смертнаго къ Богу, *ibid.*, стр. 299; 7) Уединеніе, стих., *ibid.*, стр. 301; 8) Воздыханіе о помощи, *ibid.*, стр. 302; 9) Къ суетѣ, *ibid.*, стр. 303; 10) Себѣ эпитафія, *ibid.*, стр. 304; 11) Отвѣтъ, *ibid.*, ч. 19, стр. 16; 12) Стихотворенія, въ Читеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русск. слова; 13) Отрывки изъ сочиненій (въ стихахъ). С.-Пб. 1803, 8°; 14) Натуральная этика или законы нравственности, отъ созерданія природы непосредственно проистекающіе, перев. съ латинскаго, стихами. С.-Пб. 1803, 8°; 15) *Lettres philosophiques de Mr. Fontaine et de m-lle Tourtchaninoff*. Paris, 1817, 8°.

О ней: а) Ghennady: *Les écriv. fr.-russes*. Dresde. 1874, pg. 76; б) Руссовъ, стр. 42; в) у Неустроева (Указатель, стр. LXIV), неправильно пояснено, что она рожденная графиня Эльмитъ; очевидно, смѣшана съ С. П. Турчаниновой (см. это имя, въ приложеніи о писательницахъ франко-русскихъ); г) Кн. И. М. Долгорукій: *Капище моего сердца*. М. 1874, стр. 67; д) его же: *Славны бубны за горами*. М. 1870, стр. 135—435.

Туръ, Евгенія, псевдонимъ гр. Е. В. Сальясъ-Турнемиръ (см. это имя).

Тушанова, казачка. — Стихотворенія, въ „Сборникѣ“ 1862 года. Уральскъ.

Тамъ же свѣдѣнія о ней.

Т. Ч., подпись А. Я. Кириаковой (см. это имя).

Тютчева, Елена. — Дѣтскіе гимны и стихотворенія, переведенныя съ англійск., доктора Вуастъ. М. 1834, 12°

Рец. въ Вибл. для Читенія 1836 г., т. 6, отд. 6.

Т—я. — „Долго ли же будешь, сердце, ты томиться“, романсъ, аранжированный Гурилевымъ (1858 г.).

Т—я, А—а. — Мои чувствованія при воспоминаніи о праведникѣ, въ Сынѣ Отечества 1814 г., ч. 13.

У—ва. — Кое-что. Альбомъ для дѣтей на 1850 годъ. М. 1850, 8°.

Рец. Отеч. Записки 1850 г., т. 68, отд. 6.

Уг—ва, Надежда. — Вѣрное супружество, драма въ 2 дѣйств., истинное происшествіе. М. 1812, 8°; посвящено графу Сергію Михайловичу Каменскому.

Улитина, Пелагея Яковлевна, содержательница книжнаго магазина въ Москвѣ. — 1) Издавала въ 1857 году „Библиотеку рома-

новъ, повѣстей, путешествій и записокъ"; изданіе это было начато И. Глазуновымъ въ 1836 г., потомъ продолжаемо Улитинымъ, а по смерти его — г-жей Улитиной. Емъ изданъ восьмой выпускъ, томы 8 — 12. Въ 12 томѣ, былъ помѣщенъ „Новый сборникъ русск. по-словницъ и притчей“.

Рец. Отеч. Записки 1857 г., № 8.

2) Печатала росписи своихъ книгъ и прибавленія къ нимъ.

Улыбышева, Елизавета Дмитриевна, дѣвица, сестра музыкальнаго критика и меломана, Александра Дмитриевича († 24-го января 1858 г. — 1) *Étincelles et cendres*. Moscou. 1842, 8°. Посвящено: *A mon frère Wladimir* (въ томъ числѣ 2 русскихъ стихотворенія).

Рец. а) Въ Библ. для Чтенія 1842 г.; б) Отеч. Записки 1842 г.

2) *Pensées et soucis, suivies de La Sylphide-poète, précédés d'une critique de Mr. Senkowsky et d'un éloge de M. de Kraiewsky sur l'ouvrage: „Etincelles et cendres“, avec les réponses, en vers et en prose de l'auteur aux journalistes*. M. 1843 г. Въ началѣ: Письмо à mon frère Alexandre.

Рец. Современникъ 1844 г., № 6.

3) *Epines et lauriers, suivis du „Juif Errant“, de „La Nonne sanglante“ et de quelques essais de vers russes*. M. 1845, 8°. Посвящено: *A ma Soeur*; 4) *Journal d'une solitaire*. M. 1853, 8; вышла одна 1-я часть; 5) Последняя пѣснь лебедя. Русскія и французскія стихотворенія. С.-Пб. 1864, 8°.

Рец. а) Современникъ 1864 г., т. 44; б) Книжн. Вѣстникъ 1868 г.

Уманова, К. (Екатерина?).— Стихи другу, въ Благонамѣренномъ 1820 г., № 4.

Умнова, Александра Васильевна. — Временно редактировала изданіе своего мужа: „Справочный листокъ района Моршанско-Сызранской желѣзной дороги“, въ 1876 году (Указ. по дѣл. печати 1876 г., стр. 38).

Урусова, княжна А. Д. — Разказъ сосны. М. 1866, 8°.

Рец. Книжн. Вѣстникъ 1866 г., № 4.

Урусова, княжна В. Д. — Маленькія души, фантастическая сказка для дѣтей, изд. Г. Н. Геннади и А. и Ф. Ушаковыхъ и К^о. М. 1865; первоначально въ журналѣ Дѣтское Чтеніе 1865 г.

Рец. а) Книжн. Вѣстникъ 1866 г., № 4; б) Библиогр. Указатель при Дѣтск. Чтеніи 1866 г., № 4.

Урусова, княжна Елизавета Петровна (род. 1845 г.), въ замужствѣ Платонова, дочь тайнаго совѣтника князя Петра Александровича (род. 30-го мая 1810 г.) и княгини Екатерины Николаевны, рожд. Си-

пагиной (род. 19-го іюля 1820 г.). Иногда (подписывалась: Raptésilée. — 1) Перевела, вмѣстѣ съ сестрами (княжною Софьею Петровной и кв. Марьею Петровной): „Забытый вопросъ“, Б. Маркевича, на англійскій языкъ: *The neglected question*. London. 1874. Подписано инициалами. Посвящено Маріи Александровнѣ, герцогинѣ Эдинбургской; 2) Исторія благотворительныхъ учрежденій въ Вильнѣ, въ литературномъ сборникѣ: „Между нами“. Вильно. 1876, 8°, за подписью: Raptésilée; 3) *One education*, тамъ же.

Подпись ея не слѣдуетъ смѣшивать съ подобною же подписью драматурга, князя Евгенія Петровича Урусова (+ 30-го сентября 1878 г.).

Урусова, княжна Екатерина Сергѣевна, род. 13-го февраля 1747 г., дочь Вологодскаго губернатора князя Сергія Васильевича и княгини Ирины Даниловны (рожд. княжны Друцкой); съ 1811 года — почетный членъ Бесѣды любителей русскаго слова. Двоюродная сестра М. М. Хераскова. — 1) Письмо Петру Дмитріевичу Еропкину. М. 1772, 4°; 2) Поліонъ или просвѣтившійся нелюдимъ, поэма. С.-Пб. 1774, 4°; 3) Иронды, музамъ посвященныя. С.-Пб. 1777, 12° (см. Геннади: Списокъ русск. анон. книгъ. С.-Пб. 1874, стр. 11).

Рец. въ С.-Петербургскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ 1777 г. № 22;

4) Стихотворенія, въ Аонідахъ 1796 г., ч. 1: Весна (стр. 67), Чувство дружбы на чужбинѣ (стр. 122), Ручей (стр. 131), Уединенные часы (стр. 135); ч. 3 (1798—1799 гг.), стр. 27: Степная пѣснь; 5) Стихи на девъ Высочайшаго коронованія и священнаго миропомазанія государя императора Александра I. М. 1801, 4°; 6) Стихи Его Величеству, Императору Александру I, 1801 г., марта 17-го дня. С.-Пб. 1801, 4°; 7) Надпись къ портрету Е. Я. Державиной, въ Памятникѣ Отеч. Музъ, 1827 г., стр. 194; 8) Къ Вальминѣ, стихотв., въ Патріотѣ 1804 г. 9) Стихи Ея Императорскому Величеству, Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. М. 1801, 4°; 10) Сердечныя чувства благодарствія, изливаемые предъ престоломъ императора Павла I-го. С.-Пб. 1798, 4°; 11) Стихи Ея Величеству, Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ по случаю молебствія въ С.-Пб. Казанскомъ соборѣ, 22-го іюля 1815 г. (подписано: С. Шеметово, 4-го августа 1815 г.), въ Сынѣ Отечества 1815 г., ч. 24, стр. 56; 12) Мой семидесятый годъ, въ Сынѣ Отечества 1816 г., ч. 31, стр. 160—161; 13) Къ творцу Кадма, стихотв.; напечатано при второмъ изданіи сочиненій Хераскова; 14) Стихи Ея Императорскому Величеству Екктеринѣ II, на заключеніе мира съ Оттоманскою Портою, въ Новыхъ ежемѣс. сочиненіяхъ 1792 г., ч. 68, стр. 58; 15) Пастушка и Эхо,

стихотв., въ журналѣ Новости 1799 г., августъ, стр. 323; 16) Отъ сочинительницы „Ручья“, отвѣтъ на отвѣтъ, въ Иппокреві 1799 г., ч. 3, стр. 303 (Неустроевъ, стр. 819, но не указано, что это кн. Урусовой).

Въ отвѣтъ на стихотвореніе: „Къ сочинительницѣ Ручья, стихи тою же мѣрою писанные“ (въ Иппокреві 1799 г., ч. 3, стр. 145—147);

17) Стихи. С.-Пб. 1817, 8°.

О ней: а) Литературныя свѣдѣнія Макарова, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 29, ч. 30, ч. 31; б) Новиковъ: Опытъ Словаря; в) Упоминается въ числѣ 9 русскихъ писательницъ, въ Joh. Bernoulli's, Reisen etc. Leipzig. 1780, pg. 124; г) Исторія царствъ Александра I, Богдановича. С.-Пб. 1869, ч. 3, стр. 63; г) О родствѣ ея съ кн. Вяземскими и Херасковыми, въ примѣчаніи П. Бартевева къ „Запискамъ“ Державина, стр. 122 и слѣд.; д) Leclerc: Histoire de la Russie moderne. Paris. 1783, f. 1, pg. 86; е) Соч. Державина, изд. Я. К. Грота, т. V, 308, 516—517, 549; т. VI, 196, 539; т. VIII, 237, 241, 907; т. IX, 235. ж) Упоминается въ журналѣ Кабинетъ Аспазіи, 1815 г. (см. Галаховъ: Исторія Русск. Словесности. С.-Пб. 1866, т. 2, стр. 130; з) Dupré de St.-Maur, Anthologie russe. Paris. 1823, pg. XXV; и) Толь: Настольный Словарь; і) Руссовъ, стр. 43; к) Русск. Старина 1873 г., т. VIII, стр. 336—337.

Урусова, Марія Петровна, род. 7-го января 1852 г., дочь т. с. князя Петра Александровича (род. 30-го мая 1810 г.) и княгини Екатерины Николаевны, рожд. Сипягиной (род. 19-го іюля 1820 г.): писала иногда подъ псевдонимомъ: „Basileia“. — 1) Письма изъ Англіи, въ литературномъ сборникѣ: „Между нами“. Вильна. 1876, за подписью: Basileia; 2) Участвовала въ переводѣ: The neglected question, Маркевича (см. Урусова, княжна Елизавета Петровна); 3) Le culte des arts, въ сборникѣ: „Между нами“. Вильна. 1876 г.

Урусова, княжна Софья Петровна, въ замужествѣ Вѣрманъ, род. 13-го апрѣля 1856 г., дочь князя Петра Александровича и княгини Екатерины Николаевны, рожд. Сипягиной; писала подъ псевдонимомъ: Meminia. — 1) Участвовала въ переводѣ: The neglected question, Маркевича (см. Урусова, княжна Елизавета Петровна); 2) Не говори, что разлюбила, стихотв., въ сборникѣ: „Между нами“. Вильна. 1876; 3) Qu'êtes vous fait à ma place?, *ibid.*; 4) La charité, allégorie, *ibid.*; 5) Перев. на англ. Соловки, Немировича Данченко, въ рксп.; 6) Бунтъ Стеньки Разина, Костомарова, въ рксп.; 7) Сказки Кота-мурлыки, Вагнера, въ рксп.

Успенская, А. — Кладель, Л. Очерки и рассказы изъ жизни простаго народа, перев. съ франц., съ отзвонкомъ И. С. Тургенева. С.-Пб. 1877, 8°.

Уткина, Лидія, супруга капитана. — Съ 1876 г. (2-го октября)

издательница сатирическаго журнала Будильникъ, право на изда-
ніе котораго приобрѣтено ею отъ статск. сов. Николая Степанова
(Указ. по дѣл. печати 1876 г., стр. 375).

Ушанова, В. Д.—Бубликъ и кнышъ. Разсказъ изъ малороссійскаго
быта. М. 1872, 16^о; ея изданіе.

Ушанова, Е. А., рожд. В—ръ (?); см. В—ръ, Е. А. рожд. Ушанова.

Ушанова, Е. В.—1) Быль. М. 1876, 12^о; 2) Разсказъ дѣдушки о
пирогѣ, повѣсть. М. 1877, 16^о; 3) Браткій историческій очеркъ
Московскаго Алексѣевскаго дѣвичьяго монастыря. М. 1877, 8^о.

Ф—а, М.—На смерть Лизы, стихотвореніе, въ Иппокренѣ 1799 г.,
ч. 1, стр. 191—192.

Фадѣева, Елена Павловна (род. 11-го ноября 1788 г., † 12-го
августа 1860 г.), рожд. кн. Долгорукова, супруга тайн. сов. Андрея
Михайловича Фадѣева, мать писательницъ: Н. А. Фадѣевой и Еле-
ны Андреевны, въ замужествѣ Ганъ. Извѣстна (по показаніямъ ея
некрологовъ) учеными трудами по естественнымъ наукамъ, въ особен-
ности по ботаникѣ. Была въ перепискѣ съ извѣстными естество-
испытателями: Мурчисономъ, Вернелемъ и Гомеромъ де-Гель. Она
занималась также исторіей, археологіей и нумизматикой.

Биографическій очеркъ ея, въ газетѣ Кавказъ 1860 г., № 72.

Фадѣева, Надежда Андреевна, дочь тайнаго совѣтника Ан-
дрея Михайловича Фадѣева и Елены Павловны, сестра писательницы
Е. А. Ганъ (см. это имя), писавшей подъ псевдонимомъ Зенаида
Р—ва), и военнаго писателя, генераль-маіора Ростислава Андреевича
Фадѣева.—1) Замѣтки и поправки къ родословію князей Долгоруко-
выхъ, въ Русск. Архивѣ 1866 г., № 8—9, ст. 1340—1348; 2) По по-
воду Записокъ Е. А. Хвостовой, въ Современ. Лѣтописи Русск. Вѣст-
ника 1869 г., № 46 и 1871 г., № 41; 3) Письмо въ редакцію Истор.
Вѣстника, напечатано въ XXVI т. этого журнала (1886 г.), стр.
456—462.

Фанъ-Димъ, Ѳ.—псевдонимъ Е. В. Кологривовой (см. это имя).

Филибертъ, Анна.—Нѣсколько словъ о молоканахъ въ Таври-
ческой губерніи, въ Отеч. Запискахъ 1870 г., июнь.—Краткій отзывъ
въ книгѣ В. Андреева: Расколъ и его значеніе въ народной русской
исторіи. С.-Пб. 1870, стр. 403.

Филомела (Philomele), псевдонимъ баронессы Е. К. Остенъ-Сакенъ
(см. это имя).

Флорова, Екатерина, вдова коллежскаго секретаря.—Съ 1876 года
(14-го октября) издательница газеты Самарскій Справочный Листокъ,

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXII.

1889.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева Наб. Екатерининскаго кан., № 78.
1889.

Емътерининекій кал., д. 78:
№ 2880.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

4. (23-го декабря 1888 года). Объ учрежденіи при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ общества естествоиспытателей.

Комитетъ министровъ, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ общества естествоиспытателей, полагалъ: учрежденіе вышеупомянутаго общества разрѣшить, повергнувъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовозрѣніе представленный министромъ народнаго просвѣщенія и исправленный по замѣчаніямъ комитета проектъ устава означеннаго общества.

Государь Императоръ на положеніе комитета Высочайше соизволилъ, а проектъ устава удостоенъ рассмотрѣнія и утвержденія Его Величества, въ Гатчинѣ, въ 23-й день декабря 1888 года.

На подлинномъ написано: «Государь Императоръ уставъ сей разсматривать и Высочайше утвердить соизволилъ, въ Гатчинѣ, въ 23-й день декабря 1888 года.

Подписаль: Управляющій дѣлами комитета министровъ, статсъ-секретарь А. Куломзинъ.

Уставъ общества естествоиспытателей при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ.

І. Цѣль и права общества.

§ 1. При Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ состоитъ общество естествоиспытателей, имѣющее цѣлю:

- а) Способствовать развитію естествознанія посредствомъ производства ученыхъ наблюденій и изслѣдованій;
- б) Распространять естественно-историческія знанія въ Россіи;
- в) Содѣйствовать изслѣдованію природы Россіи, преимущественно въ губерніяхъ Варшавскаго учебнаго округа.

§ 2. Для достиженія предположенной цѣли обществу предоставляется:

- а) Устраивать собранія для научныхъ сообщеній;
- б) Устраивать публичныя лекціи по программамъ, утвержденнымъ совѣтомъ общества, съ соблюденіемъ существующихъ на сей предметъ правилъ;
- в) Снаряжать экспедиціи и экскурсіи для ученыхъ изслѣдованій и собиранія естественно-историческихъ предметовъ;
- г) Печатать, съ соблюденіемъ дѣйствующихъ узаконеній о печати, протоколы своихъ засѣданій и ученые труды подъ цензурою совѣта общества;
- д) Выдавать пособия специалистамъ для окончанія предпринятыхъ ими изслѣдованій и сочиненій;
- е) Входить въ сношенія съ русскими и иностранными обществами и учеными, занимающимися разработкой естественныхъ наукъ;
- ж) Предлагать задачи и за рѣшеніе ихъ выдавать денежныя преміи и медали.

Примѣчаніе I. Правила о выдачѣ премій и медалей представляются на утвержденіе подлежащаго начальства.

Примѣчаніе II. Въ устныхъ сообщеніяхъ, дѣлопроизводствѣ и печатаніи ученыхъ трудовъ общества употребляется русскій языкъ.

§ 3. Общество имѣетъ печать съ надписью: „Варшавское общество естествоиспытателей“.

§ 4. Общество выдаетъ членамъ дипломы за подписью предсѣдателя и секретаря и съ приложеніемъ печати общества.

II. Составъ общества, права и обязанности его членовъ.

§ 5. Общество состоитъ изъ двухъ отдѣленій:

- а) Отдѣленіе біологіи;
- б) Отдѣленіе физики и химіи.

Въ случаѣ надобности, могутъ образоваться новыя отдѣленія.

§ 6. Общество состоитъ изъ дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ. Число ихъ не ограничено.

§ 7. Въ дѣйствительные члены избираются ученые, напечатавшіе самостоятельныя сочиненія или изслѣдованія по какой-нибудь отрасли естествознанія и состоящіе въ русскомъ подданствѣ, или на русской государственной службѣ. Преподаватели Варшавскаго университета по физико-математическому и медицинскому факультетамъ не подлежатъ избранію, а прямо зачисляются въ число членовъ, если изъявятъ на то желаніе.

§ 8. Каждый дѣйствительный членъ вноситъ въ кассу общества ежегодно плату въ три рубля, или одновременно 30 р. Не внесеннаго членской платы въ теченіи года общество считаетъ сложившимъ съ себя добровольно званіе члена.

§ 9. Дѣйствительные члены участвуютъ во всѣхъ занятіяхъ общества, получаютъ бесплатно всѣ изданія общества и имѣютъ рѣшающій голосъ въ засѣданіяхъ своихъ отдѣленій, равно какъ и въ общемъ собраніи.

§ 10. Въ члены-сотрудники избираются лица, содѣйствующія цѣлямъ общества или изъявившія на то свою готовность доставленіемъ свѣдѣній, собраніемъ для общества коллекцій, или инымъ какимъ-либо способомъ.

Они не вносятъ членской платы и не пользуются правомъ голоса при рѣшеніи дѣлъ общества, но могутъ присутствовать въ собраніяхъ и имѣютъ совѣщательный голосъ.

§ 11. Кандидаты въ члены общества предлагаются письменно крайней мѣрѣ тремя дѣйствительными членами въ отдѣленіяхъ, которыя сообщаютъ о томъ совѣту для заявленія о предложенныхъ кандидатахъ и для баллотировки ихъ въ ближайшемъ общемъ собраніи.

§ 12. Всѣ члены имѣютъ право пользоваться естественно-историческими коллекціями университета и находящимися при нихъ библіотеками, на основаніи правилъ, утвержденныхъ совѣтомъ университета.

§ 13. Всѣ члены имѣютъ право, съ разрѣшенія предсѣдателя, вводить гостей въ засѣданія общества.

III. Управление дѣлами общества.

§ 14. Дѣлами общества завѣдываютъ: совѣтъ общества, общія собранія и собранія отдѣленій.

§ 15. Совѣтъ общества состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: пред-

сѣдателя и секретаря общества, предсѣдателей отдѣленій, членовъ совѣта отъ отдѣленій (по одному отъ каждаго) и казначей.

§ 16. Предсѣдателемъ общества состоитъ попечитель Варшавскаго учебнаго округа.

§ 17. Секретарь и казначей избираются общимъ собраніемъ на два года. Предсѣдатели отдѣленій и члены совѣта отъ отдѣленій избираются своими отдѣленіями на одинъ годъ.

Примѣчаніе. Предсѣдатели отдѣленій избираются изъ числа преподавателей университета и одинъ изъ предсѣдателей, по выбору предсѣдателя, исполняетъ должность вице-предсѣдателя.

§ 18. Выборъ должностныхъ лицъ, какъ въ общемъ собраніи, такъ и въ отдѣленіяхъ, производится слѣдующимъ порядкомъ. Для выбора на каждую должность всѣ присутствующіе въ засѣданіи и имѣющіе рѣшающій голосъ члены получаютъ по одному экземпляру списка дѣйствительныхъ членовъ общества, для отмѣтки въ немъ тѣхъ лицъ, въ пользу которыхъ желаютъ подать свой голосъ.

По возвращеніи списковъ съ отмѣтками предсѣдательствующему и послѣ счета голосовъ, избраннымъ считается лицо, получившее наибольшее число голосовъ, если оно превосходитъ половину числа голосовавшихъ; въ противномъ случаѣ, между получившими наибольшее число голосовъ производится перебаллотировка.

§ 19. На совѣтъ общества возлагаются слѣдующія обязанности:

а) разсмотрѣніе представляемыхъ отдѣленіями на утвержденіе общаго собранія предположеній и проектовъ;

б) разрѣшеніе текущихъ дѣлъ и переписка по онимъ;

в) составленіе ежегодной смѣты, которая представляется на утвержденіе общаго собранія въ концѣ каждаго года;

г) разрѣшеніе единовременныхъ сверхсмѣтныхъ расходовъ, не превышающихъ 50 р. на одинъ предметъ, при чемъ о каждомъ подобномъ расходѣ докладывается ближайшему общему собранію;

д) распоряженіе о денежныхъ суммахъ, разрѣшенныхъ общимъ собраніемъ и вообще наблюденіе за правильнымъ расходованіемъ суммъ общества;

е) Завѣдываніе изданіями общества и назначеніе для нихъ редакторовъ;

ж) выдача шнуровыхъ книгъ казначею, скрѣпленныхъ подписью секретаря общества;

з) утвержденіе программъ публичныхъ лекцій;

и) распоряженія по созыву общихъ собраній;

в) разсмотрѣніе составленнаго секретаремъ годичнаго отчета о дѣятельности общества и представленіе его на утвержденіе общаго собранія.

Примѣчаніе. По утвержденіи отчета сего общимъ собраніемъ экземпляръ отчета представляется въ совѣтъ университета, для приобщенія его къ отчету по университету; кромѣ того, экземпляръ отчета представляется и варшавскому генералъ-губернатору.

§ 20. Засѣданія совѣта считаются состоявшимися, если въ нихъ присутствовало не менѣе двухъ третей членовъ. Члены совѣта содержанія по этому званію не получаютъ.

§ 21. Общія собранія происходятъ по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ и притомъ въ концѣ каждаго года, частныя собранія по отдѣленіямъ не менѣе одного раза въ мѣсяцъ. Въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, могутъ быть назначаемы чрезвычайныя собранія. Чрезвычайныя собранія могутъ быть созываемы какъ совѣтомъ общества, такъ и по заявленію 5 членовъ общества. Въ теченіе лѣтнаго времени, съ 1-го іюня по 1-е сентября, общество не имѣетъ собраній.

Примѣчаніе. Въ общемъ собраніи предсѣдательствуетъ предсѣдатель, или, за его отсутствіемъ, вице-предсѣдатель; въ собраніяхъ отдѣленій, въ отсутствіи предсѣдателей, предсѣдательствуютъ члены совѣта отъ отдѣленій.

§ 22. Въ каждомъ отдѣленіи избирается секретарь, срокомъ на одинъ годъ.

§ 23. Собранія общества имѣютъ мѣсто въ зданіи университета. О времени и предметахъ занятій всѣхъ собраній общества доводится заблаговременно до свѣдѣнія варшавскаго оберъ-полиціймейстера.

§ 24. Всѣ спорные вопросы рѣшаются въ собраніяхъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 25. Въ общихъ и частныхъ собраніяхъ предсѣдатели оныхъ открываютъ и закрываютъ засѣданія, руководятъ занятіями и наблюдаютъ за порядкомъ. Секретарь докладываетъ о дѣлахъ общества, ведетъ журналъ засѣданія и читаетъ протоколъ прошедшаго засѣданія.

§ 26. Рѣшенія общихъ и частныхъ собраній считаются дѣйствительными, независимо отъ числа присутствовавшихъ въ нихъ съ правомъ рѣшающаго голоса дѣйствительныхъ членовъ.

§ 27. Общему собранію предоставляется ходатайствовать объ измѣненіяхъ въ уставѣ общества, если за таковыя выскажутся двѣ трети всѣхъ голосовъ дѣйствительныхъ членовъ общества.

VI. Средства общества.

§ 28. На покрытие расходовъ общество имѣетъ слѣдующія средства:

- а) единовременные и годовые членскіе взносы;
- б) взносы за дипломы, въ размѣрѣ пяти рублей.

Примѣчаніе. Приобрѣтеніе дипломовъ необязательно.

в) единовременныя пособія изъ специальныхъ средствъ Императорскаго Варшавскаго университета, если таковыя будутъ ассигнованы съ надлежащаго разрѣшенія:

- г) вырученныя отъ продажи изданій деньги;
- д) добровольныя пожертвованія членовъ, постороннихъ лицъ и учреждений, которыя расходуются сообразно указаніямъ жертвователей, если таковыя не противорѣчатъ цѣлямъ и задачамъ общества.

§ 29. Всѣ единовременные членскіе взносы, одна треть годовыхъ и остатки отъ прежнихъ лѣтъ отчисляются въ запасныя суммы, которыя не употребляются на текущіе расходы и назначаются на покрытие издержекъ при большихъ предпріятіяхъ общества, какъ-то снаряженіе отдаленныхъ экспедицій, печатаніе дорогихъ изданій и проч.

§ 30. Общество не имѣетъ коллекцій; всѣ поступающіе предметы и книги передаетъ университету.

§ 31. Ревизія расходовъ и суммъ общества производится ревизіонной комиссіей, состоящей изъ трехъ членовъ, по выбору общаго собранія, которому сообщаются и результаты ревизіи; въ составъ ревизіонной комиссіи не могутъ быть избираемы лица, занимающія какія-либо должности по управленію дѣлами общества.

V. Общія постановленія.

§ 32. Въ случаѣ прекращенія дѣятельности общества, все его имущество и денежные средства получаютъ новое назначеніе съ утвержденія министерства народнаго просвѣщенія.

§ 33. Во всѣхъ случаяхъ, не поименованныхъ въ семъ уставѣ, общество руководствуется общими узаконеніями, относящимися къ предмету дѣйствій общества, и тѣми, кои будутъ впоследствии изданы.

Подписалъ: министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь графъ Деляновъ.

5. (31-го января 1889 года). О расходѣ на содержаніе двухкласснаго училища въ г. Мервѣ и о служебныхъ правахъ преподавателей начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія въ Закаспійской области.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о расходѣ на содержаніе двухкласснаго училища въ г. Мервѣ и о служебныхъ правахъ преподавателей начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія въ Закаспійской области, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о расходѣ на содержаніе двухкласснаго училища въ г. Мервѣ и о служебныхъ правахъ преподавателей начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія въ Закаспійской области, мнѣніемъ положилъ:

I. На содержаніе учреждаемаго въ г. Мервѣ, Закаспійской области, двухкласснаго начальнаго училища министерства народнаго просвѣщенія отпускать ежегодно, начиная съ 1-го января 1889 года, по одной тысячѣ рублей, со внесеніемъ сего расхода въ подлежащія подраздѣленія смѣты названнаго министерства.

II. Должностнымъ лицамъ начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія въ гг. Мервѣ и Асхабадѣ и въ фортѣ Александровскомъ предоставить слѣдующія права и преимущества; а) учителю-смотрителю—X классъ по чинопроводству, IX разрядъ по шитью на мундирѣ и окладъ жалованья 400 р; б) помощнику его—XII классъ по должности, X разрядъ по шитью на мундирѣ и окладъ жалованья 300 р., и в) законоучителю двухкласснаго училища окладъ жалованья 200 р. и однокласнаго—100 р., съ присвоеніемъ всѣмъ означеннымъ лицамъ правъ на пенсію по учебной службѣ на основаніи п. 19 ст. 362 уст. о ценс. (св. зак. т. III, по прод. 1886 года).

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

13-го февраля 1889 года. Назначень, директоръ Пинскаго реального училища, статскій совѣтникъ Морозовъ—окружнымъ инспекторомъ Виленскаго учебнаго округа.

Утверждены: помощникъ директора Императорской публичной библіотеки, членъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, редакторъ журнала сего министерства и членъ статистическаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Майковъ—адъютантомъ Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности съ 7-го января 1889 года, съ оставленіемъ въ занимаемыхъ имъ должностяхъ; статскій совѣтникъ Пазухинъ и надворный совѣтникъ Заленскій—почетными попечителями гимназій на три года: первый—Симбирской и послѣдній—Лубенской; старшій помощникъ начальника Кубанской области, генералъ-майоръ Малама, и харьковскій уѣздный предводитель дворянства, въ званіи камеръ-юнкера, князь Голицынъ, почетными попечителями реальныхъ училищъ на три года: первый—Кубанскаго-Александровскаго и послѣдній—Харьковскаго.

Командированы: за границу, съ ученою цѣлью: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Янжулъ, съ 1-го іюня по 20-е августа 1889 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета Маліевъ, съ 20-го мая по 7-е сентября 1889 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Остроумовъ и кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Петровъ на одинъ годъ, послѣдній съ 1-го іюля 1889 года; кандидатъ Императорскаго университета св. Владиміра Гребенниковъ, на два года.

Продолженъ четырехмѣсячный отпускъ за границу, сверхштатному учителю Порховскаго уѣзднаго училища Моренгольцу—еще на одиннадцать мѣсяцевъ, для излѣченія болѣзни.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

8. (16-го февраля 1889 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ ограниченіи участія не-христіанъ въ завѣдываніи начальными народными училищами.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ ограниченіи участія не-христіанъ въ завѣдываніи начальными народными училищами, мнѣніемъ положилъ.

Въ дополненіе подлежащихъ статей Высочайше утвержденнаго 25-го мая 1874 года, положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ (втор. полн. собр. зак. т. XLIX, № 53574) постановить:

1) Предсѣдательствовать въ училищныхъ совѣтахъ, какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ, а равно быть избираемыми въ члены оныхъ отъ земства и городовъ (полож. ст. 28), имѣютъ право одни только лица христіанскаго вѣроисповѣданія.

2) Въ случаѣ утвержденія въ должности губернскаго или уѣзднаго предводителя дворянства не-христіанина, предсѣдательство въ губернскомъ или уѣздномъ училищномъ совѣтѣ, по принадлежности, переходитъ къ лицу, которое, по закону, вступаетъ въ отправленіе обязанностей предводителя, за его болѣзнию, отсутствіемъ или выбытіемъ изъ службы; если же и сей замѣститель окажется принадлежащимъ къ нехристіанскому вѣроученію, то предсѣдательство въ названномъ совѣтѣ возлагается на старшаго изъ засѣдающихъ въ немъ членовъ отъ гражданскихъ вѣдомствъ.

Государь Императоръ означенное мнѣніе государственнаго совѣта, въ 19-й день декабря минувшаго года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство для соотвѣтственнаго распоряженія по ввѣренному Вамъ учебному округу.

9. (22-го февраля 1889 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ испытаніяхъ студентовъ университетовъ въ особыхъ комиссіяхъ.

Съ окончательнымъ нынѣ введеніемъ въ дѣйствіе правилъ Высо-

чайше утвержденного 23-го августа 1884 года устава Императорскихъ университетовъ, касающихся историко-филологическаго, физико-математическаго и юридическаго факультетовъ, окончательныя испытанія по предметамъ сихъ факультетовъ, должны производиться только въ особо назначаемыхъ для того при университетахъ комиссияхъ; при чемъ къ такимъ испытаніямъ допускаются лишь тѣ изъ студентовъ, которымъ по опредѣленію факультетовъ зачтено восемь полугодій и которые представляютъ въ комиссію выданное имъ въ томъ выпускное свидѣтельство (ст. 84 и 77 уст.). Исключеніе изъ этого общаго правила допускается, на основаніи п. VIII Высочайше утвержденного 15-го августа 1884 года мнѣнія государственнаго совѣта, только для студентовъ, поступившихъ въ университетъ до введенія въ дѣйствіе устава 1884 года. Эти послѣднія лица, по окончаніи ими курса, подвергаются испытаніямъ на основаніи постановленій устава 1868 года, то-есть, при факультетахъ на степень кандидата или на званіе дѣйствительнаго студента. Кромѣ сихъ лицъ, никто не можетъ быть допускаемъ къ испытаніямъ при факультетахъ на степень кандидата или на званіе дѣйствительнаго студента, тѣмъ болѣе, что право на предоставленіе означенной степени и званія нынѣ, за введеніемъ въ дѣйствіе устава 1884 года, въ университетахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Св. Владиміра, Казанскомъ, Харьковскомъ и Новороссійскомъ упразднено и сохраняется лишь временно по отношенію къ студентамъ, поступившимъ въ университетъ до 1885 года.

Вслѣдствіе сего и въ виду полученныхъ въ министерствѣ свѣдѣній, что нѣкоторые изъ студентовъ, поступившихъ въ университетъ, по введеніи въ дѣйствіе устава 1884 года, предполагаютъ выйти изъ числа студентовъ и затѣмъ держать экзаменъ при факультетахъ въ качествѣ постороннихъ лицъ, я имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство предложить начальству ввѣреннаго Вамъ университета неуклонно слѣдовать приведенному мною выше разъясненію постановленій устава объ окончательныхъ испытаніяхъ и не допускать никого, кромѣ лицъ указанныхъ въ п. VIII Высочайше утвержденного 15-го августа 1884 года мнѣнія государственнаго совѣта, а равно и тѣхъ, кои прежде получили на то особня отъ министерства разрѣшенія къ испытаніямъ на степень кандидата и на званіе дѣйствительнаго студента.

10. (23-го февраля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Ивана Стефановича Осипова при Якутской женской прогимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на счетъ процентовъ съ капитала въ пятьсотъ руб., пожертвованнаго разными лицами, ведущими торговлю по рѣкѣ Ленѣ, учреждается при Якутской женской прогимназіи стипендія имени Ивана Стефановича Осипова, въ память его пятидесятилѣтней неукоризненной и высококачественной дѣятельности въ званіи прикащика и довѣреннаго отъ разныхъ лицъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% бумагахъ государственнаго банка, составляетъ собственность Якутской женской прогимназіи, а въ случаѣ закрытія ея или преобразованія въ другой типъ, переходитъ въ собственность того же учебнаго заведенія въ г. Якутскѣ, которое замѣнитъ собой прогимназію.

§ 3. Проценты съ капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, поступленію въ казну, употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіатки, а могущій быть затѣмъ остатокъ выдается стипендіаткѣ на приобрѣтеніе учебныхъ пособій или одежды.

§ 4. Въ случаѣ, если стипендіатка, за свои успѣхи и поведеніе будетъ освобождена отъ взноса платы за ученіе, то вся стипендія обращается на другія нужды стипендіатки.

§ 5. Въ стипендіатки избираются воспитанницы прогимназіи изъ дочерей бѣдныхъ прикащиковъ или сиротъ того же званія, отличающіяся, хорошими успѣхами и поведеніемъ.

§ 6. Выборъ стипендіатки принадлежитъ попечительному совѣту заведенія.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 8. При отсутствіи въ средѣ ученицъ бѣдной дѣвицы прикащяго званія, остающаяся, по тому случаю не выданной сумма причисляется къ основному капиталу стипендіи.

11. (28-го февраля 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ Имени Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Княженъ Ксеніи Александровны и Ольги Александровны при Жиздринской женской прогимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ ознаменованіе чудеснаго спасенія Препоблгимъ Провидѣніемъ Августѣйшаго Семейства обожаемаго Монарха нашего 17-го минувшаго октября, при Жиздринской Маринской женской прогимназіи учреждаются двѣ стипендіи Имени Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Княженъ Ксеніи Александровны и Ольги Александровны, на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣсти руб., пожертвованнаго членами попечительнаго и педагогическаго совѣтовъ и посторонними лицами.

§ 2. Стипендіальный капиталъ обращается въ государственныя процентныя бумаги и хранится въ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ прогимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ пользу государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе избранныхъ стипендіатовъ, каковая плата для нихъ ограничивается лишь размѣромъ получаемыхъ ими ежегодныхъ процентовъ со стипендіального капитала.

§ 4. Кандидатки на стипендіи избираются изъ бѣднѣйшихъ и лучшихъ по успѣхамъ и поведенію воспитанницъ прогимназіи педагогическимъ совѣтомъ и утверждаются попечительнымъ совѣтомъ прогимназіи.

§ 5. Стипендіатки пользуются стипендіею до полнаго окончанія курса въ прогимназіи. Въ случаѣ неудовлетворительныхъ успѣховъ въ наукахъ или неодобрительнаго ихъ поведенія, стипендіатки лишаются стипендій, которыя тогда передаются другимъ, болѣе достойнымъ кандидаткамъ; если же неудовлетворительность успѣховъ произошла отъ болѣзни или другихъ какихъ-либо причинъ, признанныхъ педагогическимъ совѣтомъ уважительными, то стипендіатка не лишается стипендіи.

§ 6. Въ случаѣ упраздненія Жиздринской женской прогимназіи, стипендіальный капиталъ долженъ быть переданъ, по распоряженію начальства Московскаго учебнаго округа, въ ближайшее женское учебное заведеніе съ сохраненіемъ его назначенія.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатокаъ никакихъ обязательствъ.

12. (15-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени дамъ Нарвскаго общества Малой гильдіи, учреждаемой при Нарвскомъ городскомъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. при Нарвскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ учреждается стипендія имени „дамъ Нарвскаго общества Малой гильдіи“ на счетъ процентовъ съ капитала въ триста руб., собраннаго дамами общества Малой гильдіи за проданныя свои руководѣлія.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ 1-го восточнаго займа, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность училища и хранится въ Ямбургскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго заведенія.

§ 3. Изъ процентовъ съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., удерживается вполугодно сумма, причитающаяся на уплату за ученіе стипендіата, остающіяся же деньги ежегодно присоединяются къ стипендіальному капиталу.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ сиротъ и дѣтей бѣднѣйшихъ родителей, принадлежащихъ къ обществу Малой гильдіи, или, по усмотрѣнію избирательницъ, и изъ другихъ сословій.

§ 5. Выборъ стипендіата принадлежитъ дамскому обществу Малой гильдіи, а съ прекращеніемъ существованія этого общества, — тому учрежденію, которое будетъ преемникомъ его.

§ 6. Могущій произойти вслѣдствіе временнаго незамѣненія стипендіи остатокъ присоединяется къ стипендіальному капиталу.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

13. (15-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени жены профессора Кіевской духовной академіи Евгеніи Ковальницкой (урожденной Захарьевской) при Кіевской женской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу руб., пожертвованнаго женою профессора Кіевской духовной академіи Евгеніей

Ковальницкою, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, учреждается при Киевской женской гимназіи стипендія имени Евгени Ковальницкой.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 10 облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, по 100 руб. каждая, хранится въ Киевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Киевской женской гимназіи, составляя неотъемлемую ея собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

Въ случаѣ выхода процентныхъ бумагъ въ тиражъ погашенія, онѣ должны быть обмѣнены гимназіей на другія такія же бумаги.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала назначаются въ уплату пополугодно за право ученія одной изъ бѣднѣйшихъ ученицъ этой гимназіи, по выбору педагогическаго совѣта гимназіи.

§ 4. Стипендіатка пользуется стипендіей до окончанія курса, или выбитія ея по какимъ-либо причинамъ изъ гимназіи, но въ случаѣ недобрительнаго поведенія стипендіатки или безуспѣшности въ наукахъ, она, по постановленію педагогическаго совѣта, лишается стипендіи, если причины безуспѣшности не будутъ признаны совѣтомъ уважительными.

§ 5. Могушіе образоваться вслѣдствіе временнаго незамѣщенія стипендіи или по другимъ причинамъ остатки отъ процентныхъ денегъ причисляются къ основному капиталу для его приращенія.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

14. (15-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника графа Константина Петровича Клейнмихела при дворянскомъ пансіонѣ-пріютѣ императора Александра II въ г. Курскѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ семь тысячъ четыреста р., пожертвованнаго статскимъ совѣтникомъ графомъ К. П. Клейнмихелемъ, учреждается при Александровскомъ дворянскомъ Курскомъ пансіонѣ-пріютѣ одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Право пользованія стипендіею предоставляется дѣтямъ недостаточныхъ дворянскихъ семействъ уѣздовъ Обоянскаго, Суджанскаго или Тимскаго, Курской губерніи, отдавая при этомъ преимущество уѣзду Обоянскому, затѣмъ Тимскому и наконецъ Суджанскому.

§ 3. Выборъ стипендіата предоставляется губернскому предводителю дворянства Курской губерніи по соглашенію съ жертвователемъ, а по смерти послѣдняго—губернскому предводителю дворянства.

§ 4. Обеспечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ закладныхъ листахъ государственнаго дворянскаго земельного банка, хранится въ государственномъ банкѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 5. Проценты со стипендіальнаго капитала, за вычетомъ государственнаго 5% налога, употребляются на взносъ платы за содержаніе стипендіата въ пансіонѣ-пріютѣ.

§ 6. Право пользованія стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

15. (17-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ѳедора Алексѣевича Предтеченскаго при Воронежской мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ тысячу руб., завѣщаннаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Предтеченскимъ, учреждается при Воронежской мужской гимназій одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% билетѣ Воронежскаго отдѣленія государственнаго банка за № 33798, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназій, составляя неотъемлемую собственность этой гимназій и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., назначаются на стипендію сыновьямъ бѣднѣйшихъ родителей, преимущественно дѣтямъ врачей, православнаго исповѣданія, отличнымъ по поведенію и усилвающимъ въ наукахъ.

§ 4. Стипендія выдается на руки родителямъ, опекунамъ или попечителямъ стипендіата.

§ 5. Право выбора стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Воронежской гимназій.

§ 6. Стипендіатъ лишается стипендіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта, за лѣность и дурное поведеніе и на мѣсто его назначается другой, заслуживающій стипендію по своей бѣдности, успѣхамъ и поведенію.

§ 7. Могущій образоваться почему-либо остатокъ отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала выдается на руки стипендіату по окончаніи имъ курса.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

10-го февраля 1888 г. утверждены: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Цингеръ; св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ващенко-Захарченко и С.-Петербургскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Петрушевскій—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора: Цингеръ—съ 29-го ноября 1888 г., Ващенко-Захарченко—съ 24-го декабря 1888 г. и Петрушевскій—съ 1-го января 1889 г.; сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, тайный совѣтникъ Мейковъ—штатнымъ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ римскаго права, съ 21-го іюля 1888 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, коллежскій совѣтникъ Мансуровъ—въ званіи заслуженнаго экстраординарнаго профессора, съ 5-го ноября 1888 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій со-Бейраухъ—деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, съ 1-го января 1889 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, коллежскій совѣтникъ Меликовъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ химіи, съ 21-го декабря 1888 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ химіи, надворный совѣтникъ Вагнеръ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ химіи, съ 16-го января 1889 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій совѣтникъ Сергѣевскій—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ уголовного права, съ 20-го января 1889 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, статскій совѣтникъ Сякорскій—ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ

каедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, съ 24-го января 1889 г., сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Тихоміровъ — штатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каедрѣ зоологіи, съ 22-го декабря 1888 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, коллежскій совѣтникъ Зографъ — сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каедрѣ зоологіи, съ 22-го декабря 1888 г.; доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ сельскаго хозяйства, коллежскій ассессоръ Будринъ — профессоромъ сего института по занимаемой имъ каедрѣ сельскаго хозяйства, съ 17-го декабря 1888 г.; исправляющій должность инспектора Варшавской пятой мужской гимназіи, преподаватель этой гимназіи, статскій совѣтникъ Геевскій — директоромъ Маріампольской мужской гимназіи, съ 1-го января 1889 г.; окружный инспекторъ Харьковскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Григоровскій — директоромъ Воронежской гимназіи съ 15-го января 1889 г.; директоръ Мозырской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Яхонтовъ — директоромъ Шавельской гимназіи, съ 19-го января 1889 г.; коллежскій совѣтникъ Орловъ — наставникомъ-руководителемъ по русскому языку и словесности гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, съ 31-го октября 1888 г.; статскіе совѣтники: Пушешниковъ и Лутковскій — почетными попечителями прогимназій на три года: первый — Егорьевской и послѣдній — Бѣльской; исправляющій должность директора народныхъ училищъ Уфимской губерніи, статскій совѣтникъ Семигановскій — въ сей должности, съ 1-го января 1889 г.; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Владимірскій, инспекторъ народныхъ училищъ Черниговской губерніи, коллежскій совѣтникъ Бондаренко и учитель приготовительнаго класса Кіевской первой мужской гимназіи, губернский секретарь Лубенецъ — инспекторами народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевского учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волинской, съ 1-го января 1889 года; изъ нихъ Владимірскій — съ отчисленіемъ отъ министерства народнаго просвѣщенія.

Назначены: заслуженный экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дорнъ — исправляющимъ должность ординарнаго профессора сего университета по занимаемой имъ каедрѣ римскаго права;

съ 16-го января 1889 г.; привать-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ-медицины Оболонскій—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго университета св. Владимира по кафедрѣ судебной медицины, съ 10-го января 1889 г.; привать-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета Маркевичъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ русской исторіи, съ 26-го января 1889 г.; привать-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета Нефедьевъ—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора сего университета по кафедрѣ гражданского права, съ 22-го декабря 1888 г.; инженеръ-технологъ Зубашевъ и технологъ Лидовъ—адъюнкты-профессорами Харьковскаго технологическаго института по химической технологіи, оба съ 1-го января 1889 года.

Опредѣлены: инспекторъ С.-Петербургскаго перваго реальнаго училища коллежскій совѣтникъ Вилибинъ—членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, съ 1-го января 1889 г., съ оставленіемъ въ настоящей должности; дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ Лезвицъ—дѣлопроизводителемъ VII класса сего департамента, съ 1-го января 1889 г.; изъ отставныхъ: тайный совѣтникъ Галаховъ и статскіе совѣтники: Сербуловъ и Беттихеръ—вновь на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленными къ оному, Галаховъ—съ 22-го декабря 1888 года, Сербуловъ—съ 24-го декабря 1888 г. и Беттихеръ—съ откомандированіемъ въ распоряженіе попечителя Варшавскаго учебнаго округа, съ 5-го января 1889 г.; кандидаты Императорскаго С.-Петербургскаго университета: Константинъ Хворостанскій, Сергій Ишерскій, Сергій Муратовъ и Хрисанъ Лопаревъ, окончившій курсъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ, съ званіемъ дѣйствительнаго студента, князь Валентинъ Волконскій и членъ-сотрудникъ археологическаго института въ С.-Петербургѣ графъ Николай Ланской—на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленными къ оному, первый—съ 24-го декабря 1888 г., второй—съ 9-го января 1889 г., третій—съ откомандированіемъ для занятій въ Императорскую публичную бібліотеку, съ 23-го января 1889 г., четвертый—съ 29-го января 1889 г., пятый—съ 21-го января 1889 г. и послѣдній съ 22-го декабря 1888 года.

Переведенъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія, состоящій въ распоряженіи Варшавскаго генераль-губер-

натора, надворный совѣтникъ Краузе—съ назначеніемъ чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министерствѣ народнаго просвѣщенія, съ 31-го января 1889 года.

Оставлены на службѣ: на два года, директоръ Шуйской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рогозинниковъ, съ 19-го декабря 1888 г.; по 1-е іюля 1891 года, директоръ Николаевского реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тарапыгинъ, съ 29-го мая 1888 г.; по 1-е іюля 1893 года, инспекторъ татарскаго отдѣленія при Закавказской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Черняевскій; на пять лѣтъ: заслуженный экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, коллежскій совѣтникъ Мансуровъ, съ 5-го ноября 1888 г., директоръ Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шапошниковъ, съ 18-го ноября 1888 г., директоръ Могилевской дирекціи народныхъ училищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ, съ 28-го декабря 1888 г., директоръ Александровской-Сумской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сибилевъ, директоръ народныхъ училищъ Курской губерніи, статскій совѣтникъ Котларовъ, оба—съ 8-го января 1889 г. и директоръ Кіевского реальнаго училища дѣйствительный статскій совѣтникъ Лагоріо, съ 15-го января 1889 г.; по выслугѣ 30 лѣтъ по учебной части: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стояновъ, съ 31-го декабря 1888 г. и ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фаминцынъ, съ 15-го 1888 г., послѣдній—съ утвержденіемъ, съ 1-го января 1889 г., въ званіи заслуженнаго профессора.

Командированъ, съ ученою цѣлью, ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Якобій—на полтора года, въ Харьковъ, Одессу и С.-Петербургъ.

Уволены въ отпускъ въ Россіи: помощникъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сидорскій и ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ Сонинъ—на два мѣсяца по болѣзни.

Отчисленъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, причисленный къ сему министерству, кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Свѣнцицкій, съ 1-го января 1889 г.,

по случаю назначенія его преподавателемъ механики и математики въ Великолукское реальное училище.

Уволены, согласно прошеніямъ, отъ службы: директоры гимназій: Маріампольской мужской, статскій совѣтникъ Соловьевичъ, съ 1-го января 1889 г., съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, настоящей должности присвоенный, и Воронежской, статскій совѣтникъ Гаекъ, съ 15-го января 1889 года.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: директору общества франко-русскихъ заводовъ (бывшихъ Берда), инженеру Дю-Бюи, директору С.-Петербургскаго металлическаго завода, почетному инженеръ-технологу Крелю, флагманскому инженеръ-механику, исправляющему должность начальника адмиралтейскихъ Ижорскихъ заводовъ Геймбруку, бывшему директору рельсоваго и механическаго завода общества Путиловскихъ заводовъ, инженеръ-технологу Ясюковичу, директору с.-петербурго-варшавской желѣзной дороги, инженеру путей сообщенія, титулярному совѣтнику Сумарокову, начальнику тяги и подвижнаго состава той же дороги, инженеру, коллежскому секретарю Макарову, начальнику мастерскихъ сей же дороги, инженеръ-технологу Риццони, владѣльцу крупчато-пшенично-вальцовой мельницы, рыльскому купцу Рыловникову, владѣльцу кожевеннаго завода въ С.-Петербургѣ, коммерціи-совѣтнику Брусницыну, владѣльцу такого же завода въ С.-Петербургѣ, потомственному почетному гражданину Звѣркову, владѣльцу писчебумажной фабрики въ Красномъ Селѣ, инженеръ-технологу, потомственному почетному гражданину Печаткину, владѣльцу маслособнаго завода въ С.-Петербургѣ подъ фирмою „Торговый домъ А. М. Жукова“, потомственному почетному гражданину Жукову, директору правленія Высочайше утвержденнаго товарищества картонно-тольнаго производства А. Науманъ и К^о, провизору Мазингу, управляющему главнымъ заводомъ общества столичнаго освѣщенія, инженеръ-технологу Скиндеру, владѣльцу ситцевой и ткацкой фабрики, коммерціи-совѣтнику Палю, и исправляющему должность инженеръ-техника на заводѣ общества освѣщенія газомъ города С.-Петербурга, въ 1835 г. учрежденнаго, Кебе—за содѣйствіе ихъ успѣхамъ учебнаго дѣла въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ; содержательницѣ частнаго начальнаго училища въ С.-Петербургѣ Клавдіи Прокофьевой—за свыше 45-ти-лѣтнюю усердную и полезную педагогическую дѣятельность и за глубоко-религіозное христіанское направленіе, вселяемое

ею въ учащихся; состоявшему почетнымъ попечителемъ упраздненной нынѣ Каменской прогимназіи, есаулу Жеребкову—за пожертвованіе его въ пользу сей прогимназіи; почетному блюстителю Старорусскаго 2-го приходскаго училища, члену старорусскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, поручику Полянскому—за его полезныя, соединенныя съ пожертвованіями, труды на пользу народнаго образованія.

Исключены изъ списковъ умершіе: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія съ откомандированіемъ въ распоряженіе попечителя Дерптскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гафнеръ, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Ульянинъ и директоръ Шавельской гимназіи, статскій совѣтникъ Шолковичъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюру: „Полный конспектъ латинскаго синтаксиса. Составленъ П. В. Ѳедоровскимъ. Симбирскъ. 1888. Цѣна 40 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Римское государственное право. Сочиненіе П. Вилемса. Переводъ съ французскаго членовъ Кіевскаго отдѣленія Общества классической филологіи и педагогики, подъ редакціей П. Н. Бодянскаго. Выпускъ I. Кіевъ. 1888. Въ 8-ву стр. XV+434“—одобрить для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки (послѣднія для старшаго возраста) гимназій министерства.

— Книгу: „С. И. Шохоръ-Троцкій. Учебникъ ариметики съ приложеніемъ дополнительныхъ статей. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1888. Стр. 130. Цѣна 75 коп.“—одобрить въ качествѣ весьма полезнаго учебнаго пособія при повтореніи ариметики.

— Книгу: „С. И. Шохоръ-Троцкій. Методическій сборникъ арифметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Двѣ части. Москва. 1885. Стр. 79—228. Цѣна 70 коп.“—одобрить какъ весьма

полезное учебное пособие при прохожденіи ариметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: „Краткій курсъ геометріи съ практическими примѣненіями. Составилъ М. А. Страховъ. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. II +172. Цѣна 70 коп.“—одобрить какъ весьма полезное учебное пособие для ремесленныхъ и низшихъ техническихъ школъ, а также для городскихъ училищъ и двухклассныхъ сельскихъ школъ.

— Книгу: „Н. Карѣевъ. Паденіе Польши въ исторической литературѣ. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. X—407. Цѣна 2 р. 50 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ (для старшаго возраста) библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Первый выпускъ „Альбома снимковъ въ картинѣ Зимняго дворца“, изображающихъ подвиги русскихъ войскъ, изданіе генералъ-лейтенанта Зыкова. Подписная цѣна за выпускъ 5 руб. 50 к. безъ пересылки и 6 р. 50 к. съ пересылкою. Учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія уплачиваютъ 5 р. 50 к. съ пересылкою,—одобрить для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданія Общества Любителей Россійской Словесности: 1) „Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ А. С. Пушкина, подъ редакціей Б. Якушкина. Москва. 1887. Въ 8-ку стр. 306. Цѣна 25 коп.“; 2) „Борисъ Годуновъ. Сочиненіе А. С. Пушкина. М. 1887. Въ 8-ку стр. 102. Цѣна 10 коп.“; 3) „Полтава. Поэма А. С. Пушкина. М. 1887. Въ 8-ку стр. 64. Цѣна 5 коп.“—рекомендовать какъ учебныя пособия для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Пантеонъ литературы. Калевала. Финская народная эпопея. Полный стихотворный переводъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями Л. П. Бѣльскаго. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. 614. Цѣна 3 руб.“—рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Н. А. Борисовъ. Калевала. Финскія народныя былинны, для юношества. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку стр. 120. Цѣна 50 к.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ средняго и старшаго возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе профессора Варшавскаго университета А. Смирнова, подъ заглавіемъ: „Русскій филологическій Вѣстникъ за 1887 и 1888 годы“, въ семи книгахъ,—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— „Альбомъ Московской Пушкинской выставки 1880 года. Второе

изданіе Общества Любителей Россійской Словесности, подъ редакціей дѣйствительнаго члена Льва Поливанова. Москва. 1887. Въ 4-ку стр. VI+171—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и для награды учащихъ за успѣхи въ наукахъ.

— Атласъ: „Географическіе чертежи Россіи для класснаго черченія, съ указаніемъ приема класснаго черченія на память картъ Европейской и Азіатской Россіи, Туркестанскаго и Кавказскаго края. Изданіе второе, значительно передѣланное и дополненное. Составилъ И. Н. Михайловъ, преподаватель географіи въ С.-Петербургскомъ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. С.-Пб. 1888—1889 учебнаго года. Цѣна 60 к.“—одобрить въ видѣ учебнаго пособия при преподаваніи географіи Россіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги изданія Девріена. С.-Пб. 1888 г., въ 8-ку, а именно: 1) „Учебникъ частнаго растеніеводства. Полеводство. (Ученіе о полевой культурѣ)“. Составилъ И. А. Стебуть, бывшій профессоръ земледѣлія Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи. Выпускъ I-й. Введеніе и паровой клинъ въ пару. Стр. 72. 2) „Винодѣліе и погребное хозяйство“ А. Соломона, химика - винодѣла Императорскаго Никитскаго Сада. Съ 30 политипажами въ текстѣ, стр. 109. 3) „Общее животноводство“ Н. Р. Чирвинскаго, профессора Петровской Земледѣльческой Академіи, съ 5 политипажами въ текстѣ, стр. 260. 4) П. Кулешова, доцента Петровской Земледѣльческой Академіи, магистранта сельскаго хозяйства и ветеринарнаго врача, подъ общимъ заглавіемъ „Учебникъ частнаго животноводства и скотоврачеванія“: а) Выпускъ I. „Коневодство“ съ 106 политипажами въ текстѣ, стр. 176. б) Выпускъ II. „Свиноводство“. Съ 34 политипажами въ текстѣ, стр. 126 и в) Выпускъ III. „Овцеводство“. Съ 63 рисунками въ текстѣ и 3-мя раскрашенными таблицами, стр. 156—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ (старшаго возраста) библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній а также городскихъ учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій.

— Книги: 1) „Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Θ. Буслаевъ. Изданіе 7-е, исправленное и дополненное. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. 235. Цѣна 1 руб.“ и 2) „Русская хрестоматія. Памятники русской древней литературы и народной словесности, съ историческими,

литературными и грамматическими объясненіями и съ словаремъ. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Е. Буслаевъ. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. М. 1888. Въ 8-ку стр. 478. Цѣна 1 руб. 75 коп.—рекомендовать первую (Учебникъ) въ 7-мъ ея изданіи, какъ руководство для изученія церковно-славянскаго и русскаго языковъ, а вторую (Хрестоматію), какъ учебное пособие для употребленія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, учительскихъ институтахъ и учительскихъ семинаріяхъ.

— Брошюру: „Сборникъ тригонометрическихъ задачъ (съ измѣненіемъ многихъ методовъ рѣшенія ихъ). Составилъ П. В. Преображенскій, преподаватель Московской 4-й классической гимназіи. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. М. 1888. Въ 8-ку стр. 40. Цѣна 20 коп.“—одобрить, какъ весьма полезное учебное пособие для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданіе: „Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ составилъ Ф. Мартенсъ, профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета: Трактаты съ Австріей (т. I—IV; т. IV въ 2-хъ частяхъ) и трактаты съ Германіей (т. V—VIII). Цѣна за каждую книгу 4 руб.; для фундаментальныхъ библиотекъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія уступка 20% съ цѣны каждой книги“—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Кіевъ теперь и прежде. Составилъ инспекторъ Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ М. М. Захарченко. Издалъ С. В. Куляженко. Кіевъ. 1888. Въ 4-ку стр. 290. Съ 100 типажамъ въ текстѣ и 35 изображеніями святыхъ и достопримѣчательностей кіевскихъ. Цѣна въ переплетѣ 10 руб., роскошное изданіе 12 руб.; удешевленное 5 руб. 50 коп., въ переплетѣ 6 руб. 50 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: „Краткій учебникъ географіи. Составилъ Янчинъ, преподаватель Московскаго реального училища: 1) Курсъ I для учениковъ перваго класса среднихъ учебныхъ заведеній и для уѣздныхъ училищъ. Изданіе 11-е, исправленное. М. 1888. Въ 8-ку стр. 90. Цѣна 60 коп.; 2) Курсъ II (Австралія, Африка, Азія и Америка) для учениковъ втораго класса среднихъ учебныхъ заведеній, съ картами въ текстѣ, съ рисунками въ приложеніи. Изданіе 11-е, исправленное. М. 1888. Въ 8-ку стр. 126. Цѣна 60 коп.; 3) Курсъ III

(Европа) для учениковъ третьяго класса среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ картъ въ текстѣ. Изданіе 9-е, исправленное. М. 1888. Въ 8-ку стр. 114. Цѣна 60 коп.; 4) Курсъ IV. Географія Россійской имперіи, для учениковъ четвертаго класса среднеучебныхъ заведеній. Изданіе 2-е, вновь переработанное. М. 1888. Въ 8-ку стр. 149. Цѣна 60 коп.“—одобрить первыя три книжки въ видѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній, а послѣднюю книжку допустить въ видѣ руководства при преподаваніи географіи въ среднихъ, мужскихъ и женскихъ, учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книжку: „Учебникъ всеобщей географіи (Азія, Африка, Америка и Австралія). Съ приложеніемъ 7-ми картъ. Составилъ Т. Будиновъ. Изданіе 2-е, исправленное. М. 1889. Въ 8-ку стр. 76. Цѣна 40 коп.“—допустить въ видѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній вѣдства министерства народнаго просвѣщенія, но съ тѣмъ однако же условіемъ, чтобы въ будущемъ изданіи новая транскрипція словъ, могущая затруднить учениковъ, была устранена.

— Книгу: „Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія. Ив. Яв. Акинфіева. Часть I. Екатеринославъ. 1889. Стр. 238. Цѣна 2 руб. безъ пересылки“—рекомендовать для фундаментальныхъ ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „Новый элементарный учебникъ французскаго языка, состоящій изъ трехъ частей. Составилъ П. Мозеръ. Часть III. Изданіе 2-е, исправленное. М. 1888. Въ 8-ку стр. 197—12. Цѣна 70 коп.“—допустить къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія въ качествѣ необязательнаго учебнаго пособия.

— Книгу: „Précis d'histoire de la littérature française depuis les origines jusqu'à la révolution française, par A. Nalis. (Краткій очеркъ французской литературы отъ ея начала до французской революціи, сочиненіе А. Налисъ). Одесса. 1888. Въ 8-ку стр. 330—VI. Цѣна 1 руб.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается исторія французской литературы, и въ качествѣ учебнаго пособия для старшихъ классовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Біографіи и характеристики изъ исторіи нѣмецкой литературы. Сборникъ статей для чтенія и перевода въ старшихъ клас-

сахъ гимназій, реальныхъ училищъ и женскихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Н. Струве, преподаватель реального училища св. Павла въ Одессѣ. Одесса. 1888. Въ 8-ку VII+217" — допустить въ качествѣ учебнаго пособія при изученіи нѣмецкаго языка въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.

— Книжку: „Дѣтское чтеніе и игры. Ихъ связь и значеніе. Педагогическій этюдъ. Составилъ А. Словинскій. Тифлисъ. 1888. Стр. 79. Цѣна 40 коп.“ — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „С. Julii Caesaris Commentarii de bello gallico. Текстъ съ объяснительнымъ словаремъ и приложеніемъ карты Галліи. Издавъ для употребленія въ гимназіяхъ М. Блюсъ. Изданіе 3-е, вновь просмотрѣнное. М. 1888. Цѣна 1 руб. 40 коп.“ — допустить въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Греческая грамматика для гимназій. Составилъ О. Клеменчичъ, преподаватель С.-Петербургской 2-й гимназій. Часть II. Синтаксисъ. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку стр. 144. Цѣна 80 коп.“ — одобрить для употребленія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія въ качествѣ руководства по греческому языку.

— Книгу: „Жизнь и удивительныя приключенія Робинсона Крузо Юркскаго моряка. Сочиненіе Даніэля Де-Фо. Переводъ съ англійскаго Петра Кончаловскаго. Со многими рисунками въ текстѣ. М. 1888. Стр. 256+244. Цѣна 4 руб., въ переплетѣ 5 руб.“ — допустить въ библиотекы среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній, средняго и старшаго возраста.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) взимать плату за ученіе въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Приамурскаго края въ размѣрѣ до двадцати пяти руб., въ годъ съ cadaго ученика, и 2) возвысить съ начала 1889—90 учебнаго года плату за ученіе во всѣхъ классахъ Ревельской женской гимназій до пятидесяти руб. въ годъ съ каждой ученицы.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— Министерствомъ народнаго просвѣщенія вновь разрѣшено открыть съ начала 1889—1890 учебнаго года Ново-Оскольскую (Курской губерніи) женскую прогимназію, замѣненную — было женскимъ приходскимъ училищемъ.

— Серпуховская Николаевская женская прогимназія преобразуется изъ четырехклассной въ шестиклассную съ тѣмъ, чтобы пятый классъ былъ открытъ съ начала 1889—1890 учебнаго года, а шестой классъ съ начала будущаго 1890—1891 учебнаго года.

РУССКОЕ ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА ¹⁾.

II.

До манифеста о вольности дворянства въ русской провинціи не было, можно сказать, никакого общества: провинціальные города были совершенно незначительны, население ихъ—весьма немногочисленно и принадлежало почти сплошь къ низшему классу; административныхъ органовъ было очень мало, и дворяне почти не принимали въ нихъ участія,—дворянство почти все было на службѣ, то-есть, въ столицахъ, или гдѣ-нибудь у границъ въ войскахъ. Большинство тогдашнихъ городовъ, особенно по окраинамъ государства, почти не отличались отъ деревень: иные, даже обращенные потомъ въ губернскіе, состояли всего изъ одной улицы и имѣли по одной церкви; случалось, что городъ стоялъ на болотѣ—и ничего не предпринималось для его осушенія; встрѣчались въ городахъ такіе буераки, мимо которыхъ опасно было проѣзжать, или мосты, по которымъ нужно было отдѣльно переходить и переводить лошадей и экипажи; улицы, конечно, не были мощены, и лишь иногда главная устилалась бревнами; вѣжется, вслѣдствіе распространеннаго убѣжденія, будто каменные дома вредны для здоровья, жители неохотно строили ихъ, не смотря на побужденіе и даже поддержку со стороны правительства, — и большинство строеній составляли жалкія лачуги, въ малолѣсныхъ мѣстахъ крытыя соломой; подъ соломенной крышею помѣщался иногда даже магистратъ; во многихъ городахъ не было ни рынка, ни лавокъ, такъ что не въ базар-

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. мартовскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.
часть ССЛХІІ, отд. 2.

ный день было очень трудно что-либо купить; вмѣсто гостиницъ были лишь жалкіе постоялыя дворы; ни аптекъ, ни докторовъ нигдѣ, кромѣ Петербурга и Москвы, не было, почтовыхъ конторъ въ большинствѣ городовъ — тоже. Вообще внѣшній видъ большей части тогдашнихъ городовъ напоминалъ, мнѣ кажется, окраины теперешнихъ маленъкихъ уѣздныхъ; и можно, кажется, сказать, что каково теперь населеніе окраинъ въ уѣздныхъ городахъ, таково приблизительно было и все тогдашнее городское населеніе. Крайне немногочисленное — во Псковѣ, напримѣръ, было едва 450 горожанъ, въ Островѣ всего 150 домовъ съ 240 жителями и т. д., — оно состояло почти сплошь только изъ мелкихъ купцовъ, мѣщанъ и небольшого числа низшихъ приказныхъ. Городское сословіе, предназначенное быть классомъ торговымъ и промышленнымъ, находилось еще въ очень жалкомъ положеніи: торговля и промышленность были еще въ зачаточномъ состояніи, и во многихъ мѣстностяхъ горожане занимались главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ¹⁾; вмѣстѣ съ крестьянами они были сословіемъ, которому почти вовсе былъ закрытъ доступъ къ образованію, такъ какъ спеціально для нихъ школъ не было, а всѣ существовавшія школы предназначены были каждая исключительно для опредѣленнаго сословія²⁾, и общій уровень ихъ знаній и развитія былъ почти таковъ же, какъ у крестьянъ: очень не многіе изъ нихъ умѣли читать, писать и механически считать на счетахъ; въ Красномъ Холмѣ, напримѣръ, въ числѣ мѣщанъ былъ лишь одинъ грамотный; ихъ жизнь, обычай въ это время и долго еще послѣ казались тогдашнему дворянству слишкомъ грубыми, грязными³⁾. Такова была масса город-

¹⁾ Вышеприведенный очеркъ составленъ по описаніямъ многихъ городовъ въ слѣдующихъ источникахъ: 1) *Вакмейстеръ*, Топографическія извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Россійской имперіи. С.-Пб. 1771; 2) Дневныя записки *Лепехина*, т. I, 2-е изд., 70, 84 — 85, 104, 233, 360 — 361; 3) Путешествіе *П. С. Палласа*, т. I, 2-е изд., 42, 73; 4) Путешествіе *С. И. Гмелина*, ч. I, изд. 2-е, 18, 30, 32, 35, 137; 5) Записки *Болотова*, т. II, 565—581, 839, 863, 974, 1014—1017; III, 73, 321, 627; IV, 971, 980 и друг.; 6) Записки *Фонъ-Штрандмана* — *Р. Ст.*, т. XXXIV, 291—292; 7) Записки *Добрынина*. С.-Пб., 1872, 41; 8) Путешествіе *Кокса* — *Р. Ст.*, т. XVIII, 314—315. См. также статью *Д. И. Иловайскаго* — *Графъ Яковъ Сиверсъ*, *Р. В.* 1865 г., т. I, 640—647.

²⁾ *М. Владимірскій-Будановъ*. Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в. Ярославль. 1874, 32—33, 141—142.

³⁾ Путешествіе *Кокса*, *Р. Ст.* XIX, 46; *Гр. Яковъ Сиверсъ*, *Р. В.* 1865, I, 644; *Болотовъ*, Памятникъ временъ протекшихъ. М. 1875, ст. 161.

скаго населенія; представители администраціи, весьма немногочисленные, были также очень плохи; единственные административные органы, находившіеся въ провинціи до 1770-хъ годовъ—воеводскія или провинціальныя канцеляріи—не сосредоточивали въ себѣ людей даже по тогдашнему сколько-нибудь интеллигентныхъ: только воеводы были изъ дворянъ, да и то преимущественно изъ мелкихъ и не пользовавшихся уваженіемъ своихъ собратій; приказные долгое время были всѣми презираемы за свою алчность, недобросовѣстность и грубость. Такимъ образомъ ничто не привлекало дворянъ въ города, ничто ихъ тутъ не сосредоточивало; кромѣ того, дворяне вообще не охотно сходились съ лицами другихъ сословій; между тѣмъ своя деревня представляла возможность и ближе смотрѣть за хозяйствомъ, и повеселиться охотою, такъ что дворяне, получивъ отставку, немедленно разѣзжались по своимъ деревнямъ; тамъ собирались такимъ образомъ отставленные уже отъ службы старики, да семейства служившихъ, не имѣвшія почему-либо возможности жить вмѣстѣ со служащими своими членами; большею частью причиною этого былъ недостатокъ средствъ¹⁾; съ описанія быта этого общества мы и начнемъ изученіе провинціального дворянскаго общества второй половины XVIII вѣка.

И безъ того немногочисленное дворянское населеніе разиѣщалось по уѣзду далеко не равномерно: мелкіе помѣщики—а такихъ было большинство—жили преимущественно, такъ-сказать, гнѣздами²⁾, потому что обыкновенно дѣти-наслѣдники, раздѣливъ между собою имѣніе отца, оставались на прежнемъ мѣстѣ, только выстраивали себѣ новые дома, и случалось нерѣдко, что въ одномъ сельцѣ было три-четыре дворянскія усадьбы, шагахъ въ полторастахъ одна отъ другой³⁾. Тогдашнія усадьбы—совсѣмъ не то, что привыкли мы представлять себѣ подъ этимъ именемъ въ позднѣйшее и нынѣшнее время. Дома помѣщиковъ ставились не на открытомъ мѣстѣ, съ красивымъ по возможности видомъ, а такъ, чтобы побольше было видно хозяйственныхъ построекъ⁴⁾; по устройству эти дома были почти таковы, каковы теперь крестьянскія избы въ сѣверныхъ губерніяхъ: многіе состояли изъ двухъ только комнатъ, раздѣленныхъ сѣнями, при чемъ

¹⁾ *Болотовъ*, Жизнь и приключенія, I, 147.

²⁾ *Болотовъ*, I, 148.

³⁾ *Болотовъ*, I, 147—148; *Даниловъ*, Записки, 10—11.

⁴⁾ *Болотовъ*, I, 155; II, 329, 801.

одна служила зимнимъ, другая лѣтнимъ жильемъ и могла временно служить для помѣщенія гостей ¹⁾; если и было въ домѣ больше комнатъ, то все-таки зимой многія семьи помѣщались въ одной; большая часть дома обыкновенно занята была огромными сѣнями, кладовыми, дѣвичью и большою, такъ-называемою переднею комнатою, почти сплошь уставленною образами, такъ что она походила на часовню ²⁾. Комнаты были чрезвычайно малы, тѣсны, низки и мрачны; не въ самомъ даже маленькомъ домищѣ можно было изъ окна рукою достать до земли ³⁾; полы, потолки, конечно, были не крашены, — полы иногда столь грязны, что почти не возможно было ихъ и отмыть, и притомъ съ огромными дырами отъ крысъ; крысъ и мышей всегда бывало множество, такъ что онѣ не только поднимали страшную возню и бѣготню, едва погашены были свѣчи, но иногда вскакивали на постели и даже кусали спящихъ ⁴⁾; стѣны домовъ у дворянъ небогатыхъ не были обыкновенно ничѣмъ обиты, въ маленькихъ окнахъ вставлены потускнѣвшія, темныя стекла; иногда не было зимнихъ рамъ, и на ночь окна жилой комнаты заставлялись для сохраненія тепла досками ⁵⁾. Тѣ старинныя помѣщичьи дома, которые еще до сихъ поръ можно видѣть кое-гдѣ, были выстроены уже впоследствии, въ 70—80-хъ годахъ несравненно больше, и огромнѣе, и лучше хоромъ старинныхъ ⁶⁾, а мы знаемъ, какія и въ нихъ маленькія и низенькія комнаты. Не говоря уже о зеркалахъ и картинахъ, мебель и хозяйственная утварь имѣлись въ этихъ домахъ обыкновенно въ весьма ограниченномъ количествѣ. Во многихъ домахъ скамейки вдоль стѣнъ замѣняли всю мебель: нѣсколько стульевъ, столъ въ углу, какой-нибудь шкапчикъ, огромный кіотъ и полки для образовъ по стѣнамъ составляли убранство лучшей комнаты: у помѣщиковъ болѣе нерадивыхъ или долго бывшихъ въ отлучкѣ, въ домѣ часто не было ни единой почти посуды, кромѣ немногой старинной и изломанной оловянной и нѣсколькихъ стакановъ и рюмочекъ, а изъ мебели ни единого почти стульца, ни единого столика, ни единыхъ креселъ и канапе, а о комодахъ и о прочемъ и говорить нечего ⁶⁾; въ рѣдкомъ домѣ можно было встрѣтить подъ самымъ

¹⁾ *Болотовъ*, II, 514; *Даниловъ*, 9—10.

²⁾ *Болотовъ*, I, 151—154.

³⁾ *Болотовъ*, II, 316.

⁴⁾ *Аксаковъ*, Семейная хроника и воспоминанія, 139—140; *Болотовъ*, II, 307.

⁵⁾ *Аксаковъ*, 139; *Разказы бабушки*, Р. В. 1878, № 3, 348.

⁶⁾ *Болотовъ*, II, 797.

потолкомъ какія-нибудь закоптѣлыя и запачканныя мухами картинки съ изображеніями событій изъ священной исторіи; огромная израсцовая печь, часто съ какою-нибудь затѣйливою топкой и отставленная нѣсколько отъ стѣны, занимала чуть не половину постоянно обитаемой комнаты; рядомъ съ нею помѣщались кровати ¹⁾).

У помѣщиковъ болѣе зажиточныхъ бывало, какъ сказано, и болѣе комнаты, но устройство и убранство ихъ было также до крайности просто; главнѣйшее отличіе ихъ отъ комнатъ въ домахъ помѣщиковъ небогатыхъ состояло въ томъ, что въ нихъ стѣны обивались холстомъ, по которому были написаны масляными красками разныя колонны или фигуры солдатъ и т. п.; роскошью уже было, если стѣны въ залѣ были росписаны, напримѣръ, охотсѣй, въ гостиной—ландшафтами, въ другихъ комнатахъ—драпировками и т. п.; сами хозяева при этомъ видѣли, что это работа вовсе не особенно изящная, но довольны были тѣмъ все-таки, что писали это ихъ собственные крѣпостные ²⁾).

Внѣшній видъ домовъ соотвѣтствовалъ внутреннему устройству и обстановкѣ: сохранившіяся изображенія ихъ представляютъ намъ совершенныя подобія крестьянскихъ избъ; крыша изъ потемнѣвшихъ и поросшихъ мохомъ досокъ, безъ всякихъ украшеній; покосившееся крылечко, у котораго безцеремонно выбрасывались и выливались всякіе объѣдки и остатки отъ обѣда; если домъ былъ въ два этажа, то въ верхній лѣстница иногда устраивалась только съ улицы, внутри же ея не было; не при каждомъ домѣ былъ садъ, а если и былъ, то большею частью самый маленькій, ничтожный, но такъ почитался, что лѣтомъ калитка въ него запечатывалась воскомъ, чтобъ дворовые не могли туда ходить ³⁾).

Образъ жизни дворянъ по своей простотѣ соотвѣтствовалъ простотѣ ихъ жилищъ. День тогдашнихъ помѣщиковъ распредѣлялся приблизительно такъ: вставали они рано, часовъ въ пять, въ шесть, и утромъ завтракали; часовъ въ 12 обѣдали, потомъ, послѣ отдыха полдничали, потомъ иногда подавался чай, и, наконецъ, слѣдовалъ ужинъ; часовъ въ 10 уже спали; таковъ же былъ порядокъ и въ домахъ болѣе зажиточныхъ, съ тою только разницею, что тамъ все

¹⁾ *Болотовъ*, I, 153; II, 330; I, 235.

²⁾ *Болотовъ*, I, 228; *Разказы бабушки*, Р. В. 1878, № 3, 348.

³⁾ *Болотовъ*, II, 514; *Аксаковъ* 19; *Даниловъ* 9—10; *Болотовъ*, II, 318; *русунокъ дома*—у него же, I, 154.

шло часомъ позже ¹⁾). Кушанья были обыкновенно самая простая: щи, окрошка, ветчина, солонина, каша и т. п., но подавалось всего очень много; о какихъ-нибудь приправахъ, даже о салатѣ, и не слыхивали; полдниги, а тѣмъ болѣе ужины, почти всегда приготавливались вновь и были не менѣе сытны, чѣмъ обѣды; былъ обычай сразу ставить на столъ всѣ кушанья, а не подавать ихъ постепенно; за зваными обѣдами бывало однако кушанье до восьми и сидѣли часа три; лѣтомъ во время обѣда ставили иногда особаго человѣка съ вѣникомъ отгонять мухъ ²⁾); кромѣ завтрака, обѣда, полдника и ужина, при гостяхъ подавались еще разныя закуски, заѣдки, и кромѣ того, еще довольно часто выпивали по рюмочкѣ ³⁾).

Свободное отъ ѣды и немногочисленныхъ хозяйственныхъ заботъ время помѣщики употребляли преимущественно на разныя дворовыя игры, въ родѣ, напримѣръ, нашихъ городковъ, на качели, или отправлялись на рыбную ловлю, охоту, хотя охота тогда далеко еще не была такъ развита, какъ впоследствии; встрѣчались тогда часто страстные охотники до собакъ, до голубей и т. п., такъ что у нихъ въ домѣ просто не возможно было бывать отъ шума и запаха разныхъ животныхъ ⁴⁾). Помѣщики вели жизнь почти уединенную, выдались между собою очень рѣдко; не малою причиною этого было то, что владѣльцы, жившіе въ одной усадьбѣ, рѣдко находились между собою въ мирѣ, а чаще между ними были большіе нелады ⁵⁾); первый поводъ къ этому подавали обыкновенно самые раздѣлы, неопредѣленные точно закономъ и потому рѣдко обходившіеся безъ ссоръ, неудовольствій и иногда даже прямыхъ и грубыхъ столкновеній, да кромѣ того, и въ дальнѣйшихъ отношеніяхъ не могло быть недостатка въ поводахъ къ неудовольствіямъ, уже хотя бы по одному тому, что тогда земли не были размежеваны, а большія дачи, пустоши находились въ общемъ владѣніи многихъ лицъ, и пользованіе общими лѣсами и покосами вызывало постоянныя недоразумѣнія и

¹⁾ *Болотовъ*, I, 157, 256; *Аксаковъ*, 137, 216; Разказы бабушки, Р. В. 1878. № 3, 356.

²⁾ *Болотовъ*, I, 256; *М. А. Дмитриевъ*, Мелочи изъ запаса моей памяти, 2-е изд. М. 1869, 17; Разказы бабушки, 356; *Аксаковъ*, 153; *Болотовъ*, II, 541; Разказы бабушки, 332; *Аксаковъ*, 27.

³⁾ *Болотовъ*, I, 157; *Винскій*, Мое время, Р. А. 1877, т. I, 90.

⁴⁾ *Болотовъ*, I, 238, 209, 255; 890—891.

⁵⁾ *Болотовъ*, I, 148; *Даниловъ*, 10—11.

неудовольствія ¹⁾; часто ихъ старались поддерживать въ господахъ наиболѣе ловкіе изъ слугъ,—находя, вѣроятно, въ этомъ способѣ играть нѣкоторую роль въ домѣ и хозяйствѣ ²⁾. Съ другими, болѣе отдаленными своими сосѣдями дворяне выдались рѣдко; они съѣзжались обыкновенно на Рождество, на масляницу, на Святую, на храмовые и другіе большіе праздники, и тогда уже жили вмѣстѣ дня по три, по четыре и больше. Предки наши отличались вообще гостеприимствомъ; иные на воротахъ дома дѣлали надписи въ родѣ, на примѣръ, слѣдующей: „Д. Л. (добро—люди, то-есть, добрые—люди) милости просимъ“, многіе сердились и считали за обиду, если гость пріѣзжалъ къ нимъ не къ обѣду, или мало ѣлъ за столомъ. Времяпрепровожденіе въ гостяхъ почти ничѣмъ не отличалось отъ обыкновеннаго; только еще немного болѣе ѣли и пили; никакихъ дальнихъ церемоній не полагалось; спали часто всѣ въ одной комнатѣ, на полу въ повалку ³⁾.

Содержаніе и характеръ бесѣдъ при этихъ съѣздахъ даютъ намъ довольно полное и въ общемъ совершенно вѣрное понятіе объ умственномъ кругозорѣ и объ интересахъ этихъ дворянъ. Обыкновенно разговоръ вертѣлся около хозяйства, около охоты, около какихъ-нибудь отдаленныхъ поѣздокъ; иногда вниманіе собравшихся занималъ своими разказами о приказныхъ дѣлахъ какой-нибудь „превеликій юристъ“ или шутникъ потѣшалъ прибаутками всю компанію; у очень многихъ тогда въ ходу были разныя особенныя поговорки, часто ничего не значущія, иногда даже непристойныя, отъ которыхъ разказчикъ не умѣлъ, однако, удерживаться даже въ чужомъ домѣ, и рѣчь нѣкоторыхъ была по привычкѣ на столько вольна, что стѣсняла женщинъ; интересно также замѣчаніе одного современника, что тогда (въ Казанской гимназіи) особенное вниманіе обращали на то, чтобы научить „говорить по грамматикѣ“, и слова другаго, который, вспоминая свою молодость, прошедшую въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, говоритъ, что тогда мало гдѣ умѣли правильно говорить и правильно мыслить; часто разговоры сосредото-

¹⁾ Много жалобъ на это въ наказахъ депутатамъ отъ дворянъ,—*Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, томы 4, 8, 14; *Болотовъ*, 650—651, 949; *Собесѣдникъ люб. рос. слова* 1783, ч. IV, 111—137.

²⁾ *Болотовъ*, I, 148.

³⁾ *Болотовъ*, I, 157, 161; *Аксаковъ*, 209; *Разказы бабушки*, Р. В., 1878, № 4, 733; *Собесѣдникъ*, 1783, ч. IV, 111—137; *Болотовъ*, I, 157.

вались на прїѣздѣ какого-нибудь богатаго сосѣда, на чьихъ-нибудь похоронахъ, свадьбѣ¹⁾; по вечерамъ во многихъ домахъ сказки собирали всѣхъ; на Рождествѣ, на масляницѣ устраивались наряжанья игры, которыя, правда, принимали иногда характеръ не совсѣмъ благопристойный, но все-таки не всегда: С. Т. Аксаковъ и нѣкоторые другіе вспоминаютъ о нихъ чрезвычайно тепло и съ большимъ удовольствіемъ²⁾.

Не многимъ отличался отъ описаннаго сейчасъ и образъ жизни помѣщиковъ болѣе достаточныхъ; главная разница была въ томъ, что они чаще видались между собою, собравшись заставляли дѣтей танцовать, дамы сажались играть въ карты, мужчины же, сидя за столомъ съ закусками и винами, кое о чемъ разговаривали, но, конечно, не о высокихъ предметахъ — о томъ же, о чемъ и помѣщики менѣе достаточные — и попивали, а подпивши, призывали дворовыхъ, заставляли ихъ пѣть, плясать, иногда и сами къ нимъ присоединялись; и среди этихъ помѣщиковъ попадались еще не имѣвшіе никакой склонности къ наукамъ, едва умѣвшіе читать и писать, и пользовавшиеся общимъ уваженіемъ и любовью³⁾.

Указанное выше содержаніе бесѣды рисуетъ намъ умственный уровень провинціальныхъ дворянъ того времени. Дѣйствительно, среди ихъ, и не только среди мелкихъ, но и владѣльцевъ душъ до 200, не было еще, можно сказать, почти никакихъ умственныхъ, отвлеченныхъ интересовъ; хозяйство было главнымъ, у многихъ единственнымъ; интересы большинства не шли далѣе ихъ крайней рощи и послѣдняго поля; отчасти въ силу отсутствія опредѣленныхъ поземельныхъ границъ и столкновеній по хозяйству, многіе были большими охотниками судиться, тягаться, очень интересовались тяжбыными дѣлами, находили, что знать приказныя дѣла да законы всего необходимѣе и даже на грамоту иные смотрѣли лишь, какъ на средство самому не попасть въ дѣлѣ въ просакъ, а дру-

¹⁾ *Винскій*, 189—190; *Болотовъ*, I, 155—156; *Лунинъ*, Жизнь стариннаго русскаго дворянина, Р. А., 1865, 470; *Даниловъ*, 10; Разказы бабушки, 731; *Державинъ*, Записки, Полн. собр. т. VI, С.-Пб., 1876, 407; *Добрынинъ*, Истинное повѣствованіе, 64; *Праздное время*, 1759, I, 9; *Полезное съ приятнымъ*, 1769, л. I, 28—33, лл. III, IV, V, VI—статья „объ обхожденіи“; *Собесѣдникъ*, 1783, IV, 111—137.

²⁾ *Батенковъ*, Данья, повесть о собственной жизни, Р. А. 1881, т. II, 259, 260; *Болотовъ*, I, 240, 241; *Аксаковъ*, 267—268; *Винскій*, 91.

³⁾ *Болотовъ*, I, 216—217; 212.

гаго провести. Людей, съ знаніями кромѣ необходимыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ было еще очень не много; не рѣдкость было встрѣтить не грамотныхъ дворянъ ¹⁾ и если, напримѣръ, въ своихъ запискахъ Болотовъ не упоминаетъ, въ числѣ своихъ знакомыхъ, людей, прямо возстававшихъ противъ образованія, то въ одномъ изъ другихъ своихъ сочиненій, въ которомъ довольно ясно видны портреты его знакомыхъ, выводитъ одну старушку, которая оспариваетъ пользу и необходимость ученія далѣе грамоты и говоритъ, что узнать приказныя дѣла—всего полезнѣе и важнѣе ²⁾; у многихъ вся ученость не шла далѣе четырехъ правилъ ариѳметики; знаніе ихъ, немного геометріи и фортификаціи, а также и приказныхъ дѣлъ, давало славу „ученаго человѣка и чуть не философа“ ³⁾; въ рѣдкомъ домѣ можно было найти какую-нибудь книгу, и то преимущественно духовнаго содержанія; большинство дворянъ почти ничего не читало; иные думали даже, что слишкомъ прилежное чтеніе книгъ, въ томъ числѣ и Библии, сводитъ человѣка съ ума ⁴⁾; нечего и говорить, что не было никакихъ понятій объ изящныхъ искусствахъ, что къ природѣ относились тогдашніе помѣщики почти такъ, какъ теперь большинство крестьянъ, и что люди, выросшіе въ это время, впоследствии изъ книгъ учились понимать красоты природы ⁵⁾.

Люди того времени отличались чрезвычайнымъ почтеніемъ ко всему старинному, сдѣланному предками и какою-то боязвью перемѣнъ, нововведеній, измѣнять что-либо въ своемъ домѣ и хозяйствѣ, „священныхъ отъ древности“ казалось тогда большинству „смертнымъ грѣхомъ и невиданнымъ, отважнымъ предпріятіемъ“; старики и вообще старшіе пользовались чрезвычайнымъ почтеніемъ, очень не высокій чинъ—капитанскій, напримѣръ—дѣлалъ обладателя его человѣкомъ, увѣреннымъ въ себѣ, давалъ ему вѣсть и право на общее уваженіе въ околотѣ; лица начальствующія представлялись

¹⁾ *М. А. Дмитриевъ*, 15—16; *Винскій*, 91; *Лукинъ*, 434; Первое ученіе отрокомъ, 1782, стр. 5; *Болотовъ*, I, 155—157 и др.; указаній на неграмотность нѣкоторыхъ дворянъ довольно много въ наказахъ депутатамъ, *Сборн. Русск. Ист. Общ.*, т. 4, 8, 14; *Болотовъ*, I, 212; *Парнасскій Щепетильникъ*, 1770, 16—17.

²⁾ *Дятская философія* М., 1774, I, 120—130, II, 370—385.

³⁾ *Аксаковъ*, 213; *Болотовъ*, I, 156.

⁴⁾ *Болотовъ*, I, 232; *Аксаковъ*, 92; *Лонкиновъ*, Новиковъ и московскіе мартисты, 192.

⁵⁾ Путешествіе *Кокса*, XIX, 47—48; *М. А. Дмитриевъ*, 15—17; *Болотовъ*, I, 960.

нерушимымъ авторитетомъ ¹⁾). Здѣсь же кстати упомянуть объ интересномъ взглядѣ на службу, проходящемъ почти черезъ весь XVIII вѣкъ и почти одними и тѣми же словами выраженномъ чуть ли не у десяти свидѣтелей; вотъ эти слова: „Ни на что въ службѣ не набиваться и ни отъ чего не отбиваться“ ²⁾), — а служба дворянства была иногда не легче крѣпостной зависимости ³⁾); приведенныя слова указываютъ, на сколько въ тогдашнемъ русскомъ дворянствѣ распространено было, съ одной стороны, сознание обязанности дворянина служить своему отечеству, а съ другой—чувство благородной гордости, запрещавшее какія бы то ни было въ этомъ дѣлѣ заботы о своихъ личныхъ выгодахъ и удобствахъ.

Переданное предками благочестіе, конечно, хранилось свято; благочестіе тогдашнихъ помѣщиковъ и особенно помѣщицъ при отсутствіи образованія соединено было съ не менѣе искреннимъ суевѣріемъ: часто ходили въ церковь, служили всенощныя на дому, „поднимали“ на домъ образа, предпринимали пѣздки и хожденія въ отдаленные монастыри ⁴⁾) — и вмѣстѣ съ тѣмъ боялись лѣшихъ, буквъ, вѣрили всякимъ примѣтамъ, снамъ, гаданьямъ, иные носили съ собою разные корешки, камешки, обходили бумажки, попадавшіяся на полу или на землѣ, опасаясь, что, быть можетъ, это нарочно кѣмъ-нибудь подброшенная бумажка съ наговоромъ, а тогда наступить на нее считалось опаснымъ; ходило множество самыхъ нелѣпныхъ, но всѣми почти принимаемыхъ за истину, разказовъ о сестрахъ лихорадкахъ, о чудесныхъ силахъ разныхъ травъ, о коровьей смерти, то есть, чумѣ рогатаго скота, бѣгающей по полю въ видѣ бѣлой жен-

¹⁾ *Болотовъ*, II, 400, 513; *Батенковъ*, 254—256; *Добрынинъ* — Истинное повѣствованіе, 286; *Лукинъ*, 457; *Болотовъ*, III, 1115, 1118.

²⁾ *Н. Потовъ*, Татищевъ и его время, М. 1861, 13—14; *Татищевъ*, Духовная по изданію 1885 г., Казань, 13; *Болотовъ*, I, 694, 743; *Державинъ*, Полн. собр. сочин. VI, 637 — тамъ же приведены въ примѣчаніи подобныя слова А. И. Бибикова и кн. Репянина; *Эмелгардтъ*, Записки, М. 1868, 69; *Тимковскій*, Записки, *Русск. Архивъ* 1874, 1427; то же въ „Быляхъ и небылицахъ“, *Собесѣдникъ*, 1783, ч. IV, также у *Пушкина*, въ повѣсти „Капитанская дочка“, Полн. собр. соч. т. IV, изд. 3-е, 207 и у графа *Л. Н. Толстаго*, въ *Войнѣ и мирѣ*, Полн. собр. соч. 1885, т. VIII, 24—25.

³⁾ *Романовичъ-Славатинскій*, Дворянство въ Россіи: „оно (дворянство) находилось почти въ такой же крѣпостной зависимости отъ правительства, какъ отъ него крѣпостные“, 147; см. 143—148.

⁴⁾ *Болотовъ*, много разъ; *Фонъ-Визинъ*, Чистосердечное признаніе — Сочиненія. С.-Пб. 1866, 533.

щины и т. и. ¹⁾); повторяю, въ умѣ тогдашнихъ людей вѣра въ Бога и въ злую сверхъестественную силу была одинаково и очень искренна, и тверда; въ отношеніи суевѣрій тогдашніе мелкіе помѣщики очень еще не далеко ушли отъ своихъ крестьянъ и уже далеко отстали отъ своей молодежи.

Особенно религіозны и суевѣрны были, конечно, женщины; онѣ, впрочемъ, вообще мало выступаютъ предъ нами въ памятникахъ того времени; образованы онѣ были еще менѣе мужчинъ; очень многія изъ нихъ были еще неграмотны, даже въ домахъ богатыхъ; подыскивать себѣ въ невѣсты дѣвушку, которая была бы любознательна, охотница читать—оказывалось почти невозможнымъ ²⁾); встрѣчаемъ также много упоминаній о женщинахъ сварливыхъ, мелочныхъ, любившихъ все пересуживать, во все мѣшаться, всѣмъ недовольныхъ; крайне вспыльчивыхъ, или привѣтливыхъ съ гостями, и своенравныхъ и жестокыхъ съ домашними ³⁾); но это недостатки болѣе или менѣе всегда свойственные женщинамъ и неизбѣжныя при томъ отсутствіи всякой, мало мальски общественной жизни, которое тогда окружало женщину и которое у мужчинъ отчасти парализовалось вліяніемъ военной службы; но было бы, впрочемъ, совершенно невѣрно представлять себѣ всѣхъ тогдашнихъ женщинъ именно такими—много среди нихъ было и очень не глупыхъ и безъ образованія, отличныхъ матерей и хозяекъ, которыхъ лучшіе мужчины очень уважали и почитали.

Однимъ изъ наиболѣе частыхъ и уважаемыхъ гостей у помѣщиковъ средней руки былъ ихъ сельскій священникъ; онъ былъ обыкновенно и избираемъ приходомъ и находился въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ прихожанами, былъ своимъ во всѣхъ домахъ и пользовался нерѣдко не только уваженіемъ, но даже и вліяніемъ; онъ зналъ, все-таки, многое и кромѣ необходимаго въ домашнемъ обиходѣ, могъ поговорить и о чемъ-нибудь божественномъ, какъ грамотѣй могъ иногда подать совѣтъ и относительно приказныхъ дѣлъ—тѣмъ болѣе, что часто священники, особенно одного села, не ладили между собою

¹⁾ *Винскій*, 91; Разказы бабушки, 364; *Трудолюбивая Пчела* 1759, стр. 37; ком. „О время!“ Сочиненія *Екатерины II*, ч. II, стр. 5—57, г-жа Чудижина; *Лепехинъ*, Дневныя записки, I, 72—76; *Болотовъ*, II, 689, 786—789, III, 48.

²⁾ *М. А. Дмитріевъ*, 17; Разказы бабушки, *Русск. Вѣстникъ*, 1878, № 4, 719; *Болотовъ*, II, 478 и 554: см. такъ же—*Вяземскій*. Очерки и воспоминанія, *Русск. Архивъ* 1877, I, 307 и кн. *Дашкова*, Записки, Лондонъ, 1859, 14.

³⁾ *Болотовъ*, II, 532; Разказы бабушки, 369; *Винскій*, 181.

и среди духовныхъ встрѣчались большіе охотники судиться¹⁾; въ общемъ по развитію и знаніямъ они были очень близки къ тогдашнимъ помѣщикамъ: встрѣчаемъ еще жалобы, что священники были еле грамотны, евангеліе и проповѣди читали, сами плохо понимая содержаніе ихъ, въ сороковыхъ еще годахъ предполагалось требовать отъ желающихъ быть священниками не только умѣнья читать и писать; изъ приходскихъ училищъ, гдѣ получали образованіе священники до царствованія Екатерины, выходили люди не съ богословскимъ образованіемъ, а преимущественно лишь вачетчики, то-есть, люди, сколько-нибудь знакомые со Священнымъ Писаніемъ²⁾ и священникъ, который былъ „умнѣ сотни другихъ сельскихъ поповъ“, удивлялся богословскимъ знаніямъ мальчика, разъ прочитавшаго Камень вѣри и Четыи Минеи, и придерживался множества предразсудковъ и суевѣрій; даже въ семидесятыхъ годахъ встрѣчаемъ еще отзывы о сельскихъ священникахъ, сходящіеся съ отзывами о нихъ Посошкова и Татищева, что отъ нихъ „несетъ навозомъ“, и что они совсѣмъ отъ пахотныхъ мужиковъ неотмѣнны³⁾; впрочемъ, иначе и быть не могло при тогдашнемъ состояніи духовныхъ школъ и при томъ условіи, что деревенскіе священники поставлены были въ весьма невыгодныя матеріальныя условія; они получали весьма небольшую плату отъ прихода и то не всегда, за требы собирали иногда еще менѣе, чѣмъ установлено было синодомъ, хотя и синодская такса была очень не высока, часто сами должны были обрабатывать свой участокъ земли и иногда пополнять свои, слишкомъ скудные даже для удовлетворенія необходимыхъ расходовъ, достатки какою-нибудь постороннею работою, напримѣръ, переплетомъ книгъ, обученіемъ крестьянскихъ дѣтей грамотѣ⁴⁾ и т. п.; внослѣдствіи, при большемъ развитіи помѣщичьей

¹⁾ *Знаменскій*, Приходское духовенство со времени реформы Петра. Казань. 1873, 18—31; *Болотовъ*, III, 47, IV, 1080; *Батенковъ*, 255; *Болотовъ* I, 149, 150; *Добрынинъ*, 4, 6.

²⁾ Путешествіе *Кокса*, *Русск. Стар.*, XIX, 46; *Шаховской*, Записки. С.-Пб. 1872, 262—263; *Знаменскій*, Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г. Казань. 1881, вступленіе.

³⁾ *Болотовъ*, I, 148, 233; II, 794—795; Путешествіе *Кокса*, 46; *Татищевъ*, Духовная, по изданію 1773, 48—50; по изданію 1885 г. оказывается, однако, что это есть вставка самого Друковцева; но и она для насъ интересна, какъ отзывъ чловѣка XVIII же столѣтія.

⁴⁾ *Знаменскій*, Приходское духовенство, 669—695; *В. Семейскій*—Сельскій священникъ во второй половинѣ XVIII вѣка, *Русск. Стар.* т. XIX, 501—538; статья

жизни въ деревняхъ, священники, хотя тоже въ общемъ улучшившіеся, утратили свое вліяніе и стали сами смотрѣть на дворянъ скорѣе какъ на господъ, чѣмъ какъ на равныхъ, ѣздили къ нимъ не въ гости уже, а на поклонъ; дворяне, съ своей стороны, стали относиться къ духовенству какъ къ низшимъ, а не какъ къ равнымъ¹⁾; но и относительно духовенства должно имѣть въ виду то же, что и относительно дворянства—и тутъ, какъ тамъ, грубость жизни несомнѣнна, но эта грубость есть отсутствіе всякой цивилизаціи, а не развращенность, не испорченность; ничего, что заставляло бы признать какъ господствующій фактъ испорченность духовенства—нѣтъ въ матеріалахъ, рисующихъ намъ жизнь его достаточно ясно.

Такова была тогда жизнь небогатыхъ помѣщиковъ; она отличалась, какъ видимъ, крайнею простотою; всѣ, которые ее помнили и имѣли случай сравнить съ создавшеюся потомъ жизнью,—такъ именно и вспоминали ее, какъ очень простую, почти патриархальную, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень твердую; семейныя начала тогда имѣли большую силу; иноземцы отмѣчали какъ общій фактъ чрезвычайно сильную и искреннюю любовь русскихъ къ женамъ и дѣтямъ; старшіе пользовались большимъ почетомъ и уваженіемъ, семейныя связи были очень прочны и если родные не были между собою въ ссорѣ, то жили чрезвычайно дружно, чрезвычайно близко принимали къ сердцу интересы другъ друга²⁾—индифферентность, холодность

эта заключаетъ въ себѣ извлеченіе и пересказъ записокъ священника Іоанна Матусевича и скорѣе всего она есть именно матеріалъ; тѣмъ непонятнѣе восклицаніе: „Вотъ во что обходилось крестьянину спасеніе души!“—то-есть, содержаніе церкви и причта, дѣлаемое г. Семеновскимъ послѣ разчета, что крестьянинъ платилъ на это въ годъ по 45 к. съ души, слѣдовательно съ семьи въ четыре души м. п. 1 р. 80 к.; г. Семеновскій самъ же долженъ въ этой статьѣ отмѣчать, что священникъ жилъ очень бѣдно, бралъ за требы иногда даже ниже синодской таксы, что каждое приношеніе было вполнѣ добровольнымъ, не вымогалось священникомъ, который былъ всегда въ хорошихъ отношеніяхъ съ крестьянами; положительно недоумѣваешь: что значить это восклицаніе и къ чему или къ кому оно относится: къ священнику ли, къ крестьянамъ ли, или еще къ чему-нибудь другому?

¹⁾ *Болотовъ*, III, 47; *Добрынинъ*, *Р. Стар.* IV, 214.

²⁾ *И. И. Дмитриевъ*, *Взглядъ на мою жизнь*, М. 1866. 20—21; *Батенковъ*, *Р. А.* 1881, т. II, 254—255: „Старая жизнь! я помню ее еще во всей ея цѣлости. Простота, безденежье, дешевизна, трудъ,—могучая, характерная жизнь“; „что представляетъ мнѣ сравненіе новой жизни со старой? одна была тверда, покойна; другая двательна, безпрестанно стремится въ даль, безконечность; одна была ясна, другая сѣтлѣе..., тогда были города, въ нихъ семьи; теперь государство,

въ отношеніяхъ были рѣдкостью; чувства непремѣнно опредѣленно выражались въ ту или другую сторону; типы вообще опредѣлялись тогда очень рѣзко, иногда можетъ быть, даже съ излишнею рѣзкостью и потому-то недостатки такъ рѣзко бросаются въ глаза при ознакомленіи съ источниками исторіи того времени; малая привычка въ обществу и общественной жизни содѣйствовала развитію типа людей или очень угрюмыхъ, нелюдимыхъ, или очень горячихъ, вспыльчивыхъ ¹⁾; простота обстановки выработывала много людей скупныхъ, особенно часто встрѣчавшихся тогда въ средѣ дворянъ мелкихъ; случалось, напримѣръ, что хозяинъ самъ на столѣ солилъ кушанья, опасаясь довѣрить соль слугамъ, или что у человѣка очень не бѣднаго—едва набирали въ домѣ, чѣмъ накормить заѣзжаго ²⁾, хотя въ общемъ, какъ я уже говорилъ, было распространено гостепріимство; вообще, мы не можемъ не видѣть, что это жизнь, конечно, грубая, чуть не первобытная, но грубая она лишь въ смыслѣ отсутствія цивилизациі; въ смыслѣ отсутствія малѣйшаго внѣшняго лоска, но никакъ не въ смыслѣ испорченности, развращенности—положительно, и Даниловъ, и Болотовъ, и Державинъ, и Добрынинъ, и Винскій и другіе, оставлявшіе свои мемуары—упоминаютъ о людяхъ развратныхъ или жестокихъ не чаще, чѣмъ и мы ихъ теперь видимъ; не вѣрно было бы предположеніе, что названные авторы были индифферентны къ такимъ фактамъ и не отмѣчали ихъ, если и встрѣчали—это доказывается тѣмъ, что они упоминаютъ о нихъ, хотя и рѣдко,

---

въ которомъ личность дышетъ какъ въ обширной средѣ, почти отрекаясь отъ себя самой.... Тогда нужно было на все позволеніе главы семейства, теперь начальства*. Батенковъ былъ впоследствии въ числѣ декабристовъ; онъ родился въ 1793 г., но въ Сибири—и по всемъ описаніямъ его видно, что тогдашняя жизнь тамъ была ближе всего къ жизни въ великорусскихъ губерніяхъ въ годахъ 60—70-хъ; иначе онъ не такъ бы и удивлялся разницѣ.—*Дримельманъ*, *Русск. Арх.* 1881, I, 37: „Самый простой русскій питааетъ живное чувство къ своей женѣ, и кому же неизвѣстно, какъ страстно любятъ они дѣтей своихъ?“ *Кн. Шаховской*, 174—175; *Романовичъ-Славатинскій*, *Дворянство*, 481 „Въ запискѣ о Малой Россіи“ конца XVIII в. авторъ говоритъ: „Въ Малой Россіи такого дружелюбія и сюза между родными нѣтъ, каковы у великорусскихъ дворянъ есть“. *Примѣры—Фомъ-Визинъ*, Чистосердечное признаніе, Сочиненія, изд. 1866, 529—530 и *В. Хвостовъ*, Описаніе жизни, *Р. Арх.* 1870, 554.

¹⁾ *Татищевъ*, *Духовная*, по изд. 1885 г., 15, *Болотовъ*, II, 649 и др., „*Ничто, ни се*“, 1769, 85—95.

²⁾ *Винскій*, 90—91; *Болотовъ* I, 256; *Добрынинъ*, 200; довольно часто типъ скупого выводится и въ литературѣ XVIII в.

и еще болѣе самымъ тономъ ихъ разказа о подобныхъ фактахъ. Винскій, напримѣръ, говоритъ, что выпивать, даже довольно много, считалось тогда ни за что, но прибавляетъ, что тѣмъ не менѣе настоящіе пьяницы попадались между дворянами рѣдко и были всѣми презираемы ¹⁾; Болотовъ, который, правда, считалъ не только вполне возможнымъ, но даже необходимымъ ударить и даже подвергнуть продолжительному строгому наказанію крѣпостного при нуждѣ ²⁾— только два раза ³⁾ говоритъ о постоянно жестокомъ обращеніи господъ со слугами, и изъ его разказа ясно, что такіе факты и тогда представлялись современникамъ фактами исключительными; и читая разказы, или чаще, — уголовныя дѣла, о подобныхъ жестокостяхъ, надо помнить, что современники „содрагались, услышавъ исторію сію и гнушались такимъ звѣрствомъ и семействомъ сихъ изверговъ, такъ что не хотѣли даже съ симъ домомъ имѣть знакомства никогда“; „на то ль“, говорили они, — „даны намъ люди и подданные, чтобъ поступать съ ними столь безчеловѣчно!“ ⁴⁾; надо помнить, что „явное распутство (молодыхъ людей) было строго наказываемо родителями“, что „злодѣй, порочникъ, даже своевольникъ были у всѣхъ и каждаго въ омерзѣніи; начинающаго сочлена безпутствовать каждый отецъ семейства считалъ своимъ долгомъ уговаривать, оговаривать, стыдить, унимать и въ случаѣ неуспѣха въ томъ по крайней мѣрѣ искренно отвергать“ ⁵⁾; особенно отмѣчаю, что и Болотовъ и Винскій говорятъ здѣсь не о себѣ лично, а безъ всякаго подчеркиванья, вполне просто и естественно, описываютъ окружающее ихъ общество, высказываютъ тутъ не свое только отношеніе къ такимъ фактамъ, а отношеніе всего общества; чтò же важнѣе и чтò характеризуетъ большинство тогдашняго дворянства? нѣсколько ли единичныхъ случаевъ, или такія общія характеристики?

Къ этому времени относится и знаменитое, ужасное дѣло Салтычихи ⁶⁾; я не считаю нужнымъ повторять общезвѣстные факты его—

¹⁾ Винскій, 90; Аксаковъ, 33.

²⁾ Болотовъ, III, 434, 476; Путеводитель въ истинному человеческому счастью (Болотова). М. 1789, III, 228—240.

³⁾ Болотовъ, II, 746, 858.

⁴⁾ Болотовъ, II, 746; почти дословно эти слова повторяются въ „Трутень“— мѣсто это было уже нами выше приведено— Трутень, 1769 г., 148—149.

⁵⁾ Винскій, 91.

⁶⁾ Оно подробно и по полнѣнному дѣлу разказано въ статьѣ г. Студенкина „Салтычиха. 1730—1801“. Р. Ст. X, 497—546.

они слишкомъ возмутительны; но мнѣ кажется, что Салтычиху должно считать не жестокою, или развратною женщиной—а просто женщиной безумною, одержимою особаго рода сумасшествіемъ или припадками умопомраченія; ея поведеніе представляетъ столько странностей, неровностей, столько прямыхъ противорѣчій, что такое заключеніе представляется мнѣ необходимымъ; она убивала большею частью за дурное мытье половъ или бѣлья—а когда подошелъ одинъ крѣпостной и смотрѣлъ, какъ она была кнутомъ дѣвку, загнавши ее позднѣю осенью въ прудъ, когда, слѣдовательно, можно бы предположить, она была очень раздражена—она просто говоритъ ему: уходи, тебѣ это не пригоже смотрѣть; когда крестьяне, посланные ею убить ея бывшего любовника, возвращались нѣсколько разъ ничего не сдѣлавши—она опять-таки вовсе ихъ не наказываетъ и снова посылаетъ ихъ же; самый способъ убійствъ, примѣнявшійся ею—заколачиваніе до смерти палкой или полѣномъ притомъ, вовсе не въ минуту сильнаго гнѣва, а медленно, иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней,—столь ужасенъ, столь тягостное, просто уже по медленности своей, не можетъ не произвести впечатлѣніе на человѣка даже звѣрски злого, но сохраняющаго хоть каплю человѣческаго разсудка—что сумасшествіе Салтычихи кажется мнѣ положительно несомнѣннымъ; наконецъ, самое поведеніе ея въ ея ужасномъ заключеніи—не есть ли это поведеніе совершенно животнаго? Гораздо ужаснѣе даже многихъ убійствъ, произведенныхъ сумасшедшимъ, это то, что находились люди, по видимому, знавшіе, что творила Салтычиха, но покрывавшіе ея убійства; вотъ это дѣйствительно ужасно—если только допустить, что они знали точно, а не по какимъ-то неопредѣленнымъ слухамъ, казавшимся имъ совершенно невѣроятными; что Салтычихѣ возможность творить ея звѣрства дало крѣпостное право—это несомнѣнно; но намъ кажется, что въ наше время излишне и странно даже по такому поводу распространяться о его вредѣ и несправедливости. Какъ ни ужасны подробности исторіи Салтычихи, онѣ, несомнѣнно, рисуютъ фактъ совершенно исключительный, совершенно выходящій изъ ряду вонъ и единственный въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и среди миллионныхъ людей; столь же исключительны были и другіе факты большой жестокости и разврата—на сколько можно безпристрастно понять тогдашнихъ людей изъ многочисленныхъ ихъ записокъ, писанныхъ почти всегда и не для печати, считать такихъ ужасныхъ людей, а тѣмъ болѣе—людей, почти несомнѣнно, умалишенныхъ—сколько-ни-

будь типичными представителями того вѣка — это самый несправедливый поклепъ на общество, ни мало не заслужившее такого оскорбленія; съ такимъ точно правомъ могъ бы, напримѣръ, какой-нибудь иностранецъ считать каждаго изъ насъ способнымъ на тѣ самые ужасныя поступки, которые мы разказывали бы ему съ негодованіемъ и возмущаясь....

Какъ я уже упоминалъ выше, тогда свадьба, похороны были дѣльнымъ событіемъ для окружающаго населенія, привлекавшимъ надолго общее вниманіе и общіе разговоры; сейчасъ же являлось множество лицъ, желавшихъ такъ или иначе принять хоть какое-нибудь участіе въ этихъ событіяхъ, и этимъ, мнѣ кажется, надо объяснять тотъ фактъ, что и равьше, и въ это время, и даже еще лѣтъ 25 спустя, случалось, что совершенно постороннее лицо вдругъ мѣшается въ чье-нибудь сватовство и старается его „разбить“, какъ тогда говорили, иногда совершенно безкорыстно, на основаніи однихъ, такъ сказать, фантазій; точно также общее вниманіе привлекала и смерть кого-нибудь, и потому точно также существовалъ обычай пышныхъ похоронъ; впрочемъ, подробнаго описанія ихъ я не встрѣчалъ; можно отмѣтить, что тогда помѣщиковъ и членовъ ихъ семейства обыкновенно хоронили въ самой церкви ¹⁾; обряды же сватовства и женидбы описаны довольно подробно и заслуживаютъ нѣкотораго вниманія.

Сватовство начиналось обыкновенно черезъ свахъ; женихъ имѣлъ большею частью лѣтъ около 25, а невѣсты бывали иногда четырнадцати, и даже тринадцати лѣтъ, такъ что даже по выходѣ замужъ играли еще въ куклы; женились часто вовсе не знакомые, но я не видалъ ни разу упоминанія о выдачѣ замужъ противъ воли. Послѣ неофициальнаго согласія обѣихъ сторонъ устраивались смотрины, то-есть, пріѣзжалъ женихъ и нѣсколько времени видѣлъ невѣсту, которая почти всегда „по обыкновенію невѣстъ“ ничего не говорила, у общихъ знакомыхъ или въ церкви; затѣмъ слѣдовалъ формальный сговоръ, съ молебномъ и обѣдомъ, въ домѣ невѣсты: женихъ, въ сопровожденіи почетныхъ гостей, пріѣзжалъ въ домъ невѣсты, его старшій слутникъ дѣлалъ формальное предложеніе, и ему давали отвѣтъ „по обыкновенной формѣ“, но самыхъ формальныхъ словъ я не встрѣчалъ; затѣмъ вводили невѣсту, священникъ совершалъ обрядъ обрученія, обру-

¹⁾ *Татищевъ*, *Духовная*, въ самомъ началѣ; *Разказы бабушки*, *Р. В.*, 1877 года, № 4, 718.

ченныя затѣмъ поздравляли, съ поцѣлуями, и шли за обѣдъ. Отказаться послѣ сговора значило опозорить себя; жениться безъ соблюденія указанныхъ обрядовъ тоже считалось предосудительнымъ и неприличнымъ; впоследствии, на то и другое стали смотрѣть уже гораздо легче. Въ описываемое время свадьбы справлялись еще очень просто, сравнительно съ тою роскошью, какую начали обставлять ихъ въ концѣ XVIII вѣка; приданое подробно опредѣлялось такъ-называемою „рядною записью“; на канунѣ вѣнчанія приданое, въ томъ числѣ и брачную постель, привозили въ домъ жениха и вносили въ комнаты съ особыми обрядами, на коврахъ; церемонія эта всѣхъ очень интересовала. Обрядъ вѣнчанія совершался въ церкви ближайшей къ домамъ жениха и невѣсты; невѣсты надѣвали тогда вѣнокъ не изъ флердоранжа, а изъ красныхъ розъ. По совершеніи обряда ѣхали въ домъ жениха, при чемъ дорогу для болѣе состоятельныхъ людей освѣщали горящими смоляными бочками. Въ то время въ деревняхъ кареты были еще рѣдкостью, но сколько-нибудь порядочный женихъ старался непременно достать карету, также какую-нибудь музыку, которая тогда тоже бывала еще въ очень немногихъ домахъ и состояла изъ двухъ, трехъ человѣкъ, кое-какъ игравшихъ на „скрипочкахъ“. Музыка встрѣчала свадебный поѣздъ и играла во все время вечера и ужина, за исключеніемъ только того момента, когда молодые прикладывались къ образамъ при входѣ въ домъ. Свадебный ужинъ всегда былъ по возможности изобиленъ и вкусенъ, но ѣли мало, а все больше пили здоровье молодыхъ; у небогатыхъ людей въ то время лакеевъ еще не было, и раздавалъ кушанья, заранѣе уже поставленные на столъ, младшій изъ гостей. Послѣ ужина шли за такъ-называемые „сахары“, то-есть, къ столу, уставленному вареньями, конфектами, фруктами, преимущественно же ягодами и орѣхами. Послѣ того, „по извѣстному древнему и глупѣйшему обыновенію“, гости, ночевавшіе у жениха, а такихъ было не мало, ложились спать только уже послѣ поздравленія новобрачной „съ опорожниваніями всѣми покаяньми и изъявленіями радости“; этотъ обычай отчасти сохранялся и впоследствии; родителей невѣсты, не бывавшихъ ни въ церкви, ни на свадебномъ ужинѣ, немедленно извѣщали о „благополучномъ окончаніи“, и у нихъ сейчасъ же пили здоровье молодыхъ; на другой день мужъ пріѣзжалъ къ нимъ благодарить за содержаніе и воспитаніе его молодой жены и пригласить на такъ-называемый „княжой пиръ“; затѣмъ бывалъ пиръ у родителей

невѣсты, и молодые объѣзжали всѣхъ знакомыхъ, бывшихъ на ихъ свадьбѣ ¹⁾).

Когда рождались дочери, то очень многіе были имъ не рады: что въ нихъ, говорили они, вѣдь онѣ смотрятъ не въ домъ, а изъ дому. Для сохраненія жизни слабыхъ новорожденныхъ иногда принимались какія-то странныя мѣры; такъ, напримѣръ, Державинъ разказываетъ, что его вскорѣ послѣ рожденія какъ-то „запекали въ хлѣбъ, чтобы придать хоть сколько-нибудь живности“ ²⁾, такъ какъ онъ былъ чрезвычайно слабъ. До середины XVIII вѣка еще встрѣчался иногда обычай, столь распространенный въ Московской Руси, звать человека не тѣмъ именемъ, какимъ крестили, а совершенно другимъ; такъ, напримѣръ, Энгельгардта крестили Харлампіемъ, а звали потомъ Львомъ; есть и другіе такіе примѣры ³⁾; въ обычаяхъ также было, что одно и то же лицо крестило всѣхъ дѣтей у какого-нибудь хорошаго своего знакомаго; обычай этотъ мѣстами удерживался сравнительно еще очень недавно; крестины обыкновенно сопровождались большимъ пиромъ; часто также бывало у одного ребенка по два отца крестныхъ и по двѣ матери крестныхъ ⁴⁾. Нужно еще также отмѣтить, что болѣею частью родители тогда относились почти равнодушно къ смерти своихъ малолѣтнихъ дѣтей, считая, что это Богъ беретъ ихъ къ Себѣ, пока они еще не нагрѣшили,—а тогда дѣти умирали въ младенчествѣ гораздо болѣе, чѣмъ теперь: тогда ежегодно осенью и весной съ большою силою повсемѣстно свирѣпствовали заразные болѣзни—лихорадки, горячки, особенно оспа, и противъ нихъ почти не знали средствъ ⁵⁾.

По многимъ описаніямъ и разказамъ мы можемъ съ достаточною полнотою воспроизвести тогдашнее воспитаніе и обученіе дѣтей. Можно сказать, что тогда какихъ-либо теоретическихъ, болѣе или менѣе общепринятыхъ способовъ воспитанія не было еще выработано,—различія же, всюду неизбѣжныя вслѣдствіе различія взглядовъ роди-

¹⁾ *Болотовъ*, I, 38, 204; II, 310, 491, 522, 537—554; IV, 380, 1061; Памятникъ времени протекшихъ, 86; Дуловная, по изд. 1885, 10—12; Разказы бабушки, *Р. В.* 1878, № 3, 369, № 4, 718, 724; *Аксаковъ*, 37, 154; Ком. „О время“, Сочиненія *Екатерины II*, т. II, 48.

²⁾ *Болотовъ*, II, 648; *Аксаковъ*, 3, *Державинъ*, 402.

³⁾ *Энгельгардтъ*, 8; *Мордчиновъ*, Записки, С.-Пб. 1868, 6; *Даниловъ*, 7.

⁴⁾ *Болотовъ*, II, 348, 649; IV, 233; I, 31.

⁵⁾ *Болотовъ*, III, 197, 763, 1065; II, 649. Датская Философія, I, 266—272; *Аксаковъ*, 183.

телей, проявлялись въ очень рѣзкой формѣ. Такъ, въ однихъ домахъ дѣтямъ „давалось слишкомъ много вольности, не употреблялось противъ нихъ ни малѣйшей строгости“, и даже за явную дурную шалость наказывали не своего ребенка, а мальчика, взятаго ему въ товарищи, приговаривая своему сыну или внуку: не бойся, другъ мой, тебя я сѣчь никогда не буду ¹⁾; или ужъ родители придерживались того взгляда, что „дѣти, воспитанныя въ строгости, болѣе склонны будутъ къ добру“, и держали ихъ въ строжайшемъ повиновеніи и страхѣ, за всякія шалости и проказы „наказанія розгами случались ежедневно, не рѣдко съ повтореніями и не обходя праздниковъ“: иной день родители, „полѣннвшись“ сѣчь, поручали это кому-нибудь другому ²⁾; въ однихъ домахъ дѣтей ни мало не отучали отъ грубыхъ манеръ, грубыхъ отвѣтовъ, которыми научались они частью у дворни, частью же у родныхъ или знакомыхъ, а въ другихъ дѣти не смѣли сѣсть при родителяхъ безъ позволенія, отвѣчали старшимъ не иначе, какъ вставши, и т. п. ³⁾. Та и другая крайность имѣла одинаковый результатъ: дѣти привыкали или не слушаться родителей, или не бояться и не стыдиться наказаній, привыкали къ лжи, упрямству, капризамъ, сами начинали бить прислугу, ничему не желали учиться, всѣхъ пересмѣивали; съ дѣтства, конечно, пугали ихъ Богомъ и буюкой, заставляли и молиться, но часто все религіозное воспитаніе ограничивалось тѣмъ, что ребенокъ „помогаеъ рукою да наболмошь прочтеть молитвы“. Затѣмъ, подростки, дѣвушки цѣлые дни ничего не дѣлали, только смотрѣлись въ зеркало, думая о женихахъ, а мальчики все время проводили въ шалостяхъ, нерѣдко дикихъ и опасныхъ чуть не для жизни, играли въ чехарду и т. п.; игры съ ребятами, „рѣзвились съ людьми“, бѣгали постоянно къ нимъ въ людскую, лазили на голубятню, крали лакомства, допивали тихонько изъ рюмочекъ; подобныя занятія и общество крѣпостной прислуги имѣли слѣдствіемъ то, что въ такихъ домахъ парни лѣтъ 15—16, ничему не учившіеся, ничего не знавшіе, едва умѣвшіе читать, но здраво разсуждавшіе о свойствахъ лошади или борзой собаки, „отъ простыхъ шалостей посягали уже на дальнѣйшее и худшее“.

¹⁾ *Болотовъ*, I, 33, 226; *Даниловъ*, 42—44.

²⁾ *Жизнь А. С. Пушкинчика*, имъ самимъ описанная, М. 1885, 12; *Винскій*, 82, 83.

³⁾ *Эмелгардтъ*, 6; *Дѣтская Философія*, I, 29, 98—120; *Разказы бабушки*, 350, 351, 362.

„предавались порокамъ, свойственнымъ такому возрасту“, какъ находили тогда, но какъ, конечно, нельзя находить въ наше время, устраивали „разныя глупѣйшія игральщи съ отвратительнымъ сквернословіемъ“, носились по деревнѣ на лошадяхъ, угнанныхъ у работавшихъ на гумнѣ мужиковъ, и „орали во все горло глупѣйшія и вздорнѣйшія деревенскія пѣсни“, собирали зимою по ночамъ дворовыхъ и катались съ ними съ горъ, соединяя это съ разными непристойными шутками и т. п.; инымъ уже въ 13 лѣтъ происходилъ „большой вредъ касательно нравственности“. И такъ было еще при живыхъ родителяхъ, если они не умѣли съ самаго начала держать дѣтей въ послушаніи и внушать имъ добрыя правила, а у какихъ-нибудь старухъ-бабушекъ выросали и такіе молодчики, что били ихъ самихъ полбнями, когда тѣ уговаривали ихъ оставить безобразія¹⁾. Воспитаніе при полномъ почти отсутствіи общества, на полной свободѣ, въ средѣ крѣпостныхъ, оказывалось вреднымъ еще въ одномъ отношеніи: дѣти становились или слишкомъ дикими, нелюдимыми, или еще чаще вырастали крайне несдержанными, были „корыстолюбивы, рьяны, горячи, вспыльчивы и неуступчивы, завидливы, безъ малѣйшаго образованія душъ и просвѣщенія и потому не имѣющіе никакихъ благородныхъ склонностей и правилъ“; недостатокъ сдержанности въ молодыхъ людяхъ и, какъ причину его, недостатокъ общества при воспитаніи указывалъ еще Татищевъ; но долго еще существовала та же причина и производила то же слѣдствіе. Отъ излишней горячности, впрочемъ, молодые люди въ значительной степени отучались во время военной службы, которую они проходили непремѣнно въ строгомъ подчиненіи у многихъ; такое значеніе службы многіе совнавали тогда и выставляли его какъ доказательство неудобства отмѣнить обязательную службу, и въ этомъ отношеніи они были правы²⁾. Вообще, какъ мы видимъ, тогдашнее воспитаніе представляло картину часто чрезвычайно печальную; это—то воспитаніе, которое вывелъ Фонъ-Визинъ

¹⁾ *Энелмартъ*, 6; *Болотовъ*, I, 243—244; *Дѣтская Философія*, I, 28—29, 130—135, 98, 21, *Болотовъ*, I, 244—249; *Пушкинъ*, IV, 205—207, *Болотовъ*, I, 226, 249, 240—241; *Энелмартъ*, 10; *Дѣтская Философія*, I, 98.

²⁾ *Болотовъ*, I, 242—243; *Инструкція о воспитаніи*, *Р. Ст.* XXXI, 660; *Болотовъ*, II, 649; *Татищевъ*, *Духовная*, 15; слова объ этомъ же А. П. Волинскаго у *Романовича-Славатинскаго*, *Дворянство*, 187—188: „и недоученнаго меня по всемъ наукамъ, даже и по русской грамотѣ, родители рѣшили скорѣе отдать въ военную службу, приговаривая, какъ сейчасъ помню: „военная служба всему душа, тамъ всему выучать“. *Левшинъ*, *Домашній памятникъ*. *Р. Ст.*, т. VIII. 839.

въ „Недорослѣ“; только во время сочиненія „Недоросля“ Митрофанъ былъ уже, такъ-сказать, идеализаціей дурнаго воспитанія; но отъ середины XVIII вѣка мы имѣемъ прямыя свидѣтельства о томъ современниковъ, и по самому ихъ разказу видно, что они описываютъ не единичные случаи, а часто повторявшіеся, хотя уже и ненормальные въ ихъ глазахъ, и хотя люди, воспитанные такимъ образомъ, въ слѣдствіи были далеко не въ числѣ лучшихъ изъ тогдашняго общества; надо, кромѣ того, не забывать, что дурное воспитаніе не было безусловно господствующимъ, но, такъ какъ вообще люди оставались съ большею подробностью, съ большею полнотою на томъ, что поражаетъ ихъ съ дурной стороны, — то мы не можемъ изобразить тогдашнее хорошее воспитаніе съ такою же полнотою, какъ дурное; и при всемъ томъ, мы можемъ положительно утверждать, что встрѣчалось не мало домовъ не только дворянъ состоятельныхъ, но и очень не богатыхъ, въ которыхъ умные родители умѣли вырастить дѣтей не повѣсами, а внушая имъ добрыя правила и истинную, теплую религіозность, такъ что потомъ изъ нихъ выходили если и не очень развитые, то во всякомъ случаѣ очень честные, очень нравственные и искренно вѣрующіе люди, и религіозность сдерживала ихъ на долго отъ дурнаго. Такъ, не малый вѣсъ можетъ имѣть и слѣдующій, хотя бы и единичный, примѣръ: Н. И. Новиковъ, человѣкъ, дѣйстви-тельно достойный быть предметомъ народной гордости, получилъ самое простое, домашнее воспитаніе и до конца жизни не зналъ ни одного иностраннаго языка; многие и другіе, несомнѣнно хорошіе и развитые люди, хотя и не столь замѣчательные, какъ Новиковъ, съ благодарностью вспоминаютъ дѣтскія впечатлѣнія и родительскія наставленія ¹⁾; кромѣ того, нельзя не признать вѣрнымъ и слѣдующаго замѣчанія: при всѣхъ своихъ важныхъ недостаткахъ такое воспитаніе вблизи народа, жизнь съ народомъ въ раннемъ дѣтствѣ оказывали благотворное вліяніе въ томъ смыслѣ, что твердо и живо оставалось въ человѣкѣ чувство народности; внѣшнюю грубость въ слѣдствіи смывало дальнѣйшее ученіе или жизнь и служба, но глубокія впечатлѣнія дѣтства сохранялись, и они были народныя по преимуществу ²⁾.

¹⁾ Ломоносовъ, Новиковъ и московскіе мартиансты, 9; Лопухинъ, Записки, Р. А. 1884, № 1, 3; В. Хвостовъ—Р. Арх. 1870, 552; Фонъ-Визинъ, 530—533; Болотовъ, I, 118—119.

²⁾ Кн. П. А. Вяземскій—„Фонъ-Визинъ“, Полн. собр. сочиненій, т. V, 17.

Рядомъ съ воспитаніемъ должно идти и ученіе дѣтей; до манифеста о вольности дворянства дѣло это было подѣ ближайшимъ надзоромъ правительства, и собственно говоря, всѣ дворяне должны были учить своихъ дѣтей въ учрежденныхъ правительствомъ гарнизонныхъ училищахъ и затѣмъ въ корпусахъ; учить же дѣтей дома дозволялось только тѣмъ, которые имѣли опредѣленное количество душъ и которые поэтому считались въ состояніи нанять учителей, и тѣмъ, дѣти которыхъ обнаруживали особенно хорошія познанія; но все-таки и для учившихся дома дѣтей обязательны были явки на смотры къ лицамъ администраціи, смотря по мѣсту жительства—въ сенатъ, или къ губернаторамъ и воеводамъ—въ 7, 12, 16 и наконецъ 20 лѣтъ—для опредѣленія на службу; въ первую явку дѣти только записывались; затѣмъ, было опредѣлено, чему должно научиться между каждымъ двумя явками, и слѣдующую отсрочку на домашнее образованіе получали только тѣ, которые на смотре удовлетворяли узаконненнымъ требованіямъ; за уклоненіе же отъ ученія и смотровъ грозила каторжная работа или ссылка въ Оренбургъ; были даже и случаи примѣненія этихъ наказаній ¹⁾. Профессоръ Владимірскій-Будановъ справедливо замѣчаетъ, что дворянство бѣжало собственно не отъ ученья, а отъ этого рода службы, далеко не легкаго, не отъ школъ, а именно отъ этихъ смотровъ. Съ уничтоженіемъ этой обязательности образованія и съ улучшеніемъ, при Екатеринѣ II, учебныхъ заведеній сразу замѣчается переполненіе школъ, прежде, при принудительной системѣ, почти никогда не набравшихъ установленнаго минимума ²⁾. И конечно, странно было бы обвинять тогдашнихъ людей, которые сами еще не были образованы, что они сразу не поняли всей пользы самого образованія, самого ученія, совершенно отдѣляя эту пользу отъ тѣхъ тяжелыхъ служебныхъ условий, съ которыми оно было тогда соединено; совершенно естественно, что среди людей вовсе не образованныхъ, иногда даже не грамотныхъ, образованіе не стало сразу потребностью, и было бы даже неестественно, еслибы было иначе. Нечего также

¹⁾ *Владимірскій-Будановъ*, Государство и народное образованіе, 204—214; *Ромамовичъ-Славатинскій*, Дворянство, 125—127.

²⁾ *Владимірскій-Будановъ*, Государство и нар. образованіе, 240—242; „Ходачая мысль“, говоритъ авторъ, — „о противоестественномъ отвращеніи отъ образованія въ цѣломъ народѣ, эта мысль (плодъ нашего подчиненія чужимъ мнѣніямъ) должна быть отброшена, какъ совершенно негодная и неоголасная ни съ самыми общезвѣстными законами психологій, ни съ фактами“, 240.

удивляться и ничтожнымъ почти размѣрамъ тогдашнихъ требованій: тогда такъ трудно было найти учителей, что и имъ удовлетворять было очень не легко.

Учить мальчиковъ начинали обыкновенно лѣтъ съ семи, но иногда и съ пяти и даже съ четырехъ; первоначально ученіемъ завѣдывалъ или кто-нибудь изъ домашнихъ, или дядька крѣпостной; тутъ дальше грамоты не шло, иногда и на нее употреблялось времени до двухъ лѣтъ; обыкновенно, съ множествомъ всевозможныхъ праздниковъ, въ году было едва ли болѣе ста учебныхъ дней ¹⁾; затѣмъ нанимали какого-нибудь священника, дьячка или пономаря, иногда, наконецъ, отдавали въ женскій монастырь; тутъ учили дѣтей сначала еще тоже по букварю, потомъ по псалтыри и часослову, начинали и писать— у иныхъ учителей сначала мѣломъ на обожженной дощечкѣ, а потомъ уже на бумагѣ; нѣкоторые учились и церковному пѣнію; случилось, что дѣти же должны были исполнять для своего учителя разные мелкія порученія—ловить рыбу, собирать ягоды, грибы и т. п. ²⁾. Обыкновенно такіе наставники, сами прошедшіе суровую школу въ духовныхъ училищахъ, считали розги вѣрнѣйшимъ и даже необходимымъ средствомъ возбуждать охоту къ ученію и сѣкли своихъ учениковъ, иные постоянно, за малѣйшую ошибку въ урокѣ, другіе по субботамъ, меньше—тѣхъ, родители которыхъ догадывались имъ что нибудь прислать, больше—тѣхъ, матери которыхъ не понимали, что нужны приношенія или были бѣдны, или, наконецъ, сами сочувствовали примѣненію розогъ ³⁾.

Но у духовныхъ можно было выучиться обыкновенно только грамотѣ: въ духовныхъ школахъ больше ничего изъ тѣхъ знаній, которыя были по тогдашнимъ требованіямъ обязательны для дворянина, то-есть, не только геометрія, геодезія и фортификація, но даже ариѳметика, не преподавалось, такъ что семинаристы считали чуть не по пальцамъ ⁴⁾; поэтому, родители, желавшіе держать дѣтей при себѣ и послѣ втораго смотра, то-есть, отъ 12 до 16 лѣтъ, старались подыскать дальше какого-нибудь учителя. Разныхъ пансіоновъ по городамъ, которые завелись позже въ довольно большомъ числѣ, тогда

¹⁾ *Фонъ-Визинъ*, 530; *Державинъ*, 402; *Долухинъ*, 3; *Эмелгардтъ*, 5; *Шевыревъ*, *Исторія Московскаго Университета*, М. 1855, 60—61.

²⁾ *Даниловъ*, 40—42; *В. Хвостовъ*, 562; *Эмелгардтъ*, 5; *Державинъ*, 402; *Винскій*, 81; *Тимковскій*, 1383—1387.

³⁾ *Даниловъ*, 40—42; *Батенковъ*, 265; *Винскій*, 81—82.

⁴⁾ *Знаменскій*, *Духовныя школы*, 436—454; *Винскій*, 85.

еще не было вовсе, и добыть учителя было очень не легко; найти возможность учиться арифметикѣ, геометріи и черченію у какого-нибудь артиллеріи штыкъ-юнкера, гарнизоннаго школьника (то-есть, ученика гарнизонной школы) было уже удачею, хотя часто они учили безъ всякихъ объясненій и правилъ, не могли растолковать ученику ни одной задачи, такъ что ученикъ писалъ наугадъ разныя цифры и робко подавалъ свое писаніе, а тогда такой учитель осыпалъ ребенка бранью, стиралъ съ доски его цифры, ставилъ свои и приказывалъ переписать это въ тетрадь, которая показывалась отцу и т. п. ¹⁾; въ домашніе учителя попадали, напримѣръ, или старичекъ дворянинъ, горькій пьяница, знавшій, да забывшій, арифметику и языки, или какой-нибудь человекъ „крайне злой“, который дѣтей „сѣкалъ безъ милости“; болѣе уже достаточные нанимали какого-нибудь отставнаго поручика ²⁾. Для обученія дѣтей языкамъ родители должны были нести большіе расходы, и это стоило многихъ хлопотъ: иные за сравнительно очень дорогую для себя цѣну — рублей до 300 въ годъ, что составляло чуть не весь доходъ ихъ съ имѣнія деньгами, нанимали въ Москвѣ какого-нибудь нѣмца или француза, которому приходилось, вмѣстѣ съ ученьемъ дѣтей, помогать отцу въ присмотрѣ за хозяйствомъ, чтобы вознаграждать за издерживаемыя на него деньги; часто приходилось довольствоваться даже очень плохими наставниками: напримѣръ, въ Оренбургѣ учителемъ былъ ссыльный каторжникъ, который училъ очень плохо, безалаберно и притомъ наказывалъ дѣтей „самыми мучительными и даже неблагопристойными штрафами“, или попадалъ въ учителя какой-нибудь нѣмецъ унтеръ-офицеръ, который даже сына своего полковника сѣкъ чуть не до безпамятства и не за дѣйствительную вину, а лишь по подозрѣнію, что онъ списалъ, а не рѣшилъ задачу, а затѣмъ, опомнившись, самымъ униженнымъ образомъ просилъ у ребенка прощенія и обѣщанія не жаловаться ³⁾. Съ трудомъ вѣрится, что такъ было какихъ-нибудь 130 лѣтъ тому назадъ, и глядя на эти способы обученія, почти не возможно ожидать, что чрезъ какія-нибудь 30 лѣтъ произойдутъ такія замѣтныя улучшенія, и дѣйствительно удивляешься, но не тому, что мало и плохо учились и знали, а тому, что все-таки учились и даже развивали въ себѣ любовь къ ученію и стремленіе къ знаніямъ...

¹⁾ *Державинъ*, 406; *И. И. Дмитріевъ*, 13.

²⁾ *Болотовъ*, I, 258—260; *Винскій*, 82; *Энгельгардтъ*, 6.

³⁾ *В. Хвостовъ*, 552; *Державинъ*, 403; *Болотовъ*, I, 61, 65—68, 71—72.

Описанные способы ученія примѣнялись и въ домахъ довольно богатыхъ помѣщиковъ, за невозможностью почти добыть лучшихъ учителей; только тамъ иногда нанимали за большія по тогдашнему деньги—рублей за 300, даже 500,—иностранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ, иногда заключая съ ними письменныя условія; однако, и среди этихъ гувернеровъ попадались иногда люди не лучше описанныхъ выше ¹⁾.

По окончаніи домашняго ученія молодые дворяне поступали почти всѣ въ дѣйствительную службу; это была очень тяжелая обязанность, и дѣйствительно, съ небольшимъ преувеличеніемъ можно сказать, что дворянство находилось тогда въ такихъ же отношеніяхъ и обязательствахъ къ правительству, какъ къ нему самому—крѣпостные; только мало по малу облегчали дворянамъ эту тягость, ограничивъ сначала службу двадцатипятилѣтнимъ срокомъ, потомъ позволивъ имъ оставлять одного изъ нѣсколькихъ сыновей совсѣмъ дома. Молодые дворяне, не имѣвшіе большой протекціи, въ это время начинали и дѣйствительную службу съ солдатскаго чина и подвергались всѣмъ тяжестямъ и строгостямъ ея; отношенія начальниковъ къ подчиненнымъ опредѣлялись тогда, конечно, почти исключительно личностью высшаго, и не говоря уже о томъ, что въ тѣ времена всякій начальникъ могъ бранить нижнихъ чиновъ и даже офицеровъ, какъ ему было угодно, случалось, генераль-нѣмецъ говорилъ русскому офицеру, что скорѣе повѣритъ одному лифляндскому крестьянину, чѣмъ всѣмъ русскимъ офицерамъ нога, или нѣмецъ же генераль, за то, что нѣсколько молодыхъ офицеровъ пѣли, проходя мимо дома, гдѣ на домашней всенощной онъ присутствовалъ получали, по его приказанію, въ комнатѣ сосѣдней съ тою, гдѣ шла служба, по 300 ударовъ палками, а генераль говорилъ, что офицеры должны подавать низшимъ чинамъ примѣръ благоговѣнія, не смотря на то, что по закону офицеры не подлежали тѣлесному наказанію безъ суда. Управление въ войскахъ шло тогда въ большой зависимости отъ ближайшаго начальства; не только генераль, но даже и полковники имѣли право производить до опредѣленнаго чина; очень часто службу облегчала благосклонность полковничьей метрессы и ея мужа, которую легко

¹⁾ Хроника недавней старины, С.-Пб. 1876, 5; *Дубровинъ*, Пугачевъ и его сообщники, т. I, 277; къ этому времени должно отнести разсказываемый Порошинымъ извѣстный анекдотъ, какъ въ Москвѣ начался за француза чухонецъ и выучилъ дѣтей чухонскому языку—*Порошина*, Записки по изд. 1882, стр. 237—238.

можно было заслужить подарками ¹⁾). Жизнь офицеровъ была очень скучна, и именно скучна, а даже неразгульна, какъ жизнь гвардейцевъ въ столицѣ; мало все-таки образованные, офицеры проводили время свое преимущественно за попойками и за картами, а если иногда, уже отъ нечего дѣлать, готовы были и почитать; то книгъ ни у кого не находили, и потому привезенныя какимъ-нибудь офицеромъ „Аргенида“ или „Жилблазъ“ читались всѣми офицерами полка по очереди; довольно много занимались также офицеры волокитствомъ, заводили часто любовныя связи, подыскивая себѣ соответственное знакомство иногда даже въ семействахъ своихъ товарищей ²⁾); но вообще вся эта жизнь была очень безпокойная отъ частыхъ передвиженій, бивуачная, крайне безпорядочная и вмѣстѣ скучная; ни у кого изъ прошедшихъ ее не сохранилось о ней пріятныхъ воспоминаній; всякій, протянувъ свой срокъ, торопился выйдти или къ статскимъ дѣламъ, или совсѣмъ въ отставку и уѣхать въ свою деревню; туда они являлись уже утомленными, очень уже пожилыми и поселялись въ вышеописанной обстановкѣ.

Мы еще не имѣемъ данныхъ представить въ такихъ же размѣрахъ описаніе жизни служившихъ людей XVII вѣка, но можно думать, что значительнаго различія между тѣмъ временемъ и XVIII столѣтіемъ мы не нашли бы: современники не отмѣчаютъ ничего для нихъ новаго въ жизни дворянъ до манифеста 1762 года, напротивъ, даже свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ почтеніи къ старинѣ и о строгомъ ея сохраненіи; новы были, конечно, постоянная служба и обязательное ученіе дѣтей, въ другихъ отношеніяхъ въ жизни средняго дворянства слѣдствія реформы были еще почти не замѣтны или еще не проникли глубоко въ жизнь большинства; они были замѣтнѣе въ большихъ центрахъ, въ столицахъ; не вдаваясь въ подробное описаніе жизни тамъ, замѣтимъ только, что современники, имѣвшіе случай сравнить бытъ въ столицѣ и въ провинціи, находили, что въ столицахъ еще въ 40-хъ—50-хъ годахъ входили въ обыкновеніе та „свѣтская жизнь“ и тотъ „тонкій вкусъ во всемъ“, которые потомъ распространились по всей Россіи ³⁾); главное отличіе жизни въ столицахъ

¹⁾ *Болотовъ*, I, II, рассказы о ген. Коревъ; I, 295, 274—275; *Аксаковъ*, 68.

²⁾ *Болотовъ*, I, 330, 772 и др.; *Лукинъ*, 451.

³⁾ „Все, что хорошо жизнью нынѣ называется, тогда только-что заводилось,

составляли лучшая внѣшняя обстановка, интересы не только хозяйственные, распространяющаяся любовь къ чтенію, лучшее воспитаніе дѣтей, бѣлая общественность, большее разнообразіе жизни; тутъ встрѣчаемъ рядомъ, въ пестромъ смѣшеніи, и крайнее уже увлеченіе новымя, и упорную еще защиту стараго; новое общество формируется тутъ въ борьбѣ противоположныхъ крайностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе быстро, и стремленіе къ новому, измѣненія стараго все болѣе и болѣе одерживаютъ верхъ; вскорѣ въ ту же сторону стала измѣняться жизнь и провинціального дворянства знаменитый манифестъ о вольности дворянства сразу далъ провинціи множество новыхъ членовъ, множество новаго элемента, и притомъ при особыхъ условіяхъ, именно тогда, когда появленіе этихъ новыхъ элементовъ должно было отовдаться особенно благопріятно на улучшеніи общественной жизни. Къ разсмотрѣнію этихъ условій и начавшихся перемѣнъ мы теперь и обратимся.

И. Чечулинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

равно какъ входилъ въ народъ и тонкій вкусъ во всемъ“ пишетъ Болотовъ (I, 179) въ 1789 г. въ деревнѣ, разгазывая о своемъ пребываніи въ 1752 г. въ Петербургѣ.

СВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ СЪ ЗАКОНАМИ ЭНЕРГІИ ¹⁾.

VI.

Вліяніе возростанія производительности труда на мѣновую цѣнность и заработки.

Уравновѣшеніе мѣновой цѣнности произведеній далеко не всегда однако ведетъ за собою уравненіе заработковъ. Приведенный нами выше схематическій разчетъ, очевидно, не вполне представляетъ дѣйствительный ходъ событій въ экономической жизни народовъ. Чтобы представить болѣе полную картину въ избранномъ нами схематическомъ видѣ, надо прибавить еще одинъ элементъ къ нашимъ разчетамъ.

Возьмемъ группу людей, напримѣръ, въ 36 человѣкъ. Допустимъ, что полный трудъ ея раздѣленъ на 3 отрасли, по 12 человѣкъ въ каждой. Пусть между работающими въ первой отрасли оказался такой выдающійся человѣкъ, который сумѣлъ увеличить производительность своего труда въ четыре раза. Предположимъ, что онъ изобрѣлъ такое орудіе, такую машину, устройство которой заняло бы у него скажемъ, 1 день; за то съ помощью ея онъ въ слѣдующіе 4 дня получилъ каждый день въ 5 разъ больше продукта, чѣмъ прежде. Затѣмъ, черезъ 4 дня ему пришлось употребить снова одинъ день на ремонтъ или на смазку или на выдѣлку вновь орудія, которое могло за четыре дня износиться, придти въ негодность. Однимъ словомъ, онъ этимъ способомъ сумѣлъ добиться за свой трудъ вчет-

---

¹⁾ Окончаніе. См. мартовскую кн. *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

веро больше произведеній, чѣмъ прочіе его товарищи. Тогда къ обмѣну будутъ представлены слѣдующія количества:

Отрасли:	1-я.	2-я.	3-я.
	15	12	12

Цѣна произведеній и заработокъ рабочихъ второй и третьей отраслей поднимется, а въ первой падетъ. Нашъ изобрѣтатель останется въ выгодѣ, а также большинство общества, но онъ понизитъ заработокъ товарищей своихъ по ремеслу. Поэтому цеховые мастера не только противились приему новыхъ членовъ въ свой цехъ, но также сильно возставали противъ всякаго улучшения или удешевленія производства въ своей же средѣ.

Равновѣсіе въ цѣнѣ произведеній можетъ легко восстановиться. Стоитъ двумъ рабочимъ первой отрасли перемѣнить занятіе, перейти одному во вторую, другому въ третью отрасль, и къ обмѣну будетъ представляться по 13 въ каждой отрасли. По видимому, даже возрастетъ при этомъ сумма полезности работы всей группы, такъ какъ количество продукта будетъ изображено цифрой 39 вмѣсто 36.

Тѣмъ не менѣе выигрышъ этотъ достанется не на долю всей группы, а на долю только одного человѣка. Далѣе, этотъ изобрѣтатель можетъ предложить тремъ другимъ рабочимъ поступить къ нему на жалованье. Онъ можетъ предложить имъ вмѣсто 1 единицы продукта, который они прежде вырабатывали собственными силами, — $\frac{1}{2}$ единицы. Легко себѣ представить, что человѣкъ, который зарабатываетъ 200 руб., согласится наняться, если ему предложить 300. Подъ руководствомъ хозяина, эти рабочіе будутъ тоже каждый выдѣлывать по 4 единицы продукта вмѣсто одной, принося $2\frac{1}{2}$ единицы хозяину и получая себѣ по $1\frac{1}{2}$. Остальные рабочіе первой отрасли принуждены будутъ уйти изъ нея вслѣдствіе паденія цѣнъ на ихъ товары и подъема цѣнъ на товары двухъ другихъ отраслей. Дѣйствительно, если они останутся, то въ первой отрасли предъявлено будетъ къ обмѣну товаровъ уже не 13, какъ раньше, а $4 \cdot 4 + 6 = 22$.

Рынокъ будетъ имѣть такой видъ:

Товаровъ	1-й отрасли	2-й	3-й
	22 единицы	18	13

Если изъ первой отрасли уйдетъ 6 человѣкъ, 3 во вторую и 3 въ третью отрасль, то мѣновая цѣнность продуктовъ уравнивается, но заработки будутъ все-таки неравномѣрны. Тогда въ каждой отрасли

будетъ представлено по 16 единицъ товара къ обмѣну, и производительность труда группы, взятой въ цѣломъ, выразится уже не цифрой 36, а цифрой 48. На долю каждаго изъ рабочихъ второй и третьей отраслей достанется та же одна единица продуктовъ, на долю рабочихъ первой отрасли достанется по $1\frac{1}{2}$ единицы, а на долю изобрѣтателя $11\frac{1}{2}$ единиць.

Этотъ новый примѣръ даетъ намъ возможность сдѣлать еще новый выводъ. Мы можемъ сказать:

Когда одинъ изъ участниковъ группы, раздѣлившей трудъ, сумѣетъ увеличить производительность своего труда, то первымъ слѣдствіемъ этого явится паденіе мѣнновой цѣнности произведеній его отрасли, по нашему условному обозначенію, ниже единицы. Такое же колебаніе произойдетъ и въ заработкахъ. Переходъ рабочихъ силъ снова приведетъ мѣнновую цѣнность всѣхъ продуктовъ къ прежнему уровню, то-есть, по нашему условному обозначенію, къ единиць, а это въ свою очередь приведетъ и заработки къ прежней величинѣ, къ единиць, кромѣ тѣхъ, которые получаютъ больше единицы. Въ прямомъ убыткѣ все-таки никто не будетъ.

Короче: Увеличеніе производительности труда одного изъ участниковъ группы, раздѣлившей трудъ, производитъ пертурбацію въ мѣнновой цѣнности произведеній и заработкахъ всѣхъ отраслей. Уравновѣшеніе мѣнновой цѣнности продуктовъ ведетъ за собою возвращеніе минимальной величины заработковъ къ прежнему уровню (къ единиць).

Теперь задача представляется намъ уже нѣсколько иная. Наша группа потеряла, по видимому, равновѣсіе въ заработкахъ своихъ членовъ. Эта потеря равновѣсія не принесла никому вреда, а инымъ принесла пользу. Нельзя ли сдѣлать еще лучше? Нельзя ли весь излишекъ барыша предпринимателя распределить между всѣми участниками группы, и притомъ не статическимъ приемомъ, не простымъ раздѣломъ, а приемомъ динамическимъ? Нѣтъ ли такой комбинаціи, такого условія работы, которое дало бы возможность уравновѣсить производительность труда всѣхъ участниковъ группы?

Задача эта весьма интересная, тѣмъ болѣе, что вопросъ, который приходится рѣшать, отчасти обоюдоострый. Съ одной стороны, мы уже знаемъ, что способность человѣка доставлять полезную работу ограничена, и потому можемъ ожидать, что такая экстренная прибавка превратимой энергіи, какая досталась на долю одного изобрѣтателя, принесетъ меньше прибыли, чѣмъ еслибъ она распредѣлилась между

всѣми 36-ю участниками. Слѣдовательно, уравновѣшеніе заработковъ должно, по видимому, вести за собою болѣе быстрое возрастаніе запасовъ превратимой энергіи въ рукахъ группы. Съ другой стороны, экстренное увеличеніе заработка изобрѣтателя можетъ казаться даже справедливымъ, какъ премія за его догадливость, и желательнымъ, какъ стимулъ для его товарищей по работѣ, который вызоветъ ихъ на подражаніе. Можетъ явиться другой такой же изобрѣтатель во второй отрасли, можетъ явиться еще одинъ въ третьей. Всѣ они могутъ навять своихъ товарищей по профессіи, заплативъ имъ $1\frac{1}{2}$ единицы товара вмѣсто 1, которую тѣ зарабатывали. Наконецъ, въ первой отрасли можетъ явиться изъ числа наемныхъ рабочихъ, или откуда бы то ни было, еще четвертый предприниматель, который сумѣетъ перенять у перваго его способъ работы. Такъ какъ расширеніе операціи приноситъ несомнѣнную выгоду предпринимателю въ нашемъ схематическомъ примѣрѣ, $2\frac{2}{4}$ единицы барыша отъ каждаго наемнаго рабочаго, то между предпринимателями легко можетъ возникнуть соперничество, которое повыситъ наемную плату. То же можетъ произойти во второй и третьей отрасли.

Формулируемъ нашу задачу. Мы спрашиваемъ себя:

1) Окончательна ли вышеуказанная форма распредѣленія? Желательно ли, съ точки зрѣнія наиболѣе быстрога возрастанія запасовъ энергіи въ рукахъ человѣка,—желательно ли въ данномъ случаѣ уравненіе заработковъ? Выгодно ли оно, все съ той же точки зрѣнія? и 2) возможно ли оно?

Для того, чтобы отвѣтить на оба эти вопроса, введемъ новый элементъ въ наши разсужденія.

VII.

Производительность труда человѣка можетъ увеличиться только благодаря затратѣ на силу направляющую.

Прежде всего уяснимъ себѣ, какимъ образомъ можетъ увеличиться производительность труда работника? Какимъ путемъ можетъ работникъ учетверить результатъ своего труда, какъ мы выше предположили?

Человѣческой организмъ—машина, рабочая способность, которая имѣетъ довольно тѣсный предѣлъ. Такой же предѣлъ имѣетъ, конечно, и результатъ этой работы.

Исходъ однако есть у человѣка.

Вопервыхъ, онъ можетъ значительно увеличить цѣлесообразность своей работы, съ помощью какого-нибудь орудія. Это орудіе дастъ ему возможность значительно увеличить результатъ своей работы, не усиливая расходъ двигательной силы въ своемъ организмѣ. Съ помощью косы можно наготовить сѣна въ нѣсколько сотъ разъ больше, чѣмъ съ голыми руками, безъ всякой лишней усталости. Топоромъ можно срубить дерево, которое совершенно не возможно сломать руками. Орудіе можетъ значительно увеличить не только производительность, но и районъ дѣятельности человѣка. Но всякое орудіе, прежде чѣмъ имъ пользоваться, надо сперва выдумать и сдѣлать. Это орудіе будетъ имѣть навѣстную абсолютную цѣнность. Оно будетъ изображать собою результатъ расхода энергіи человѣческаго организма. Расходъ превратимой энергіи на выдѣлку орудія дастъ въ результатѣ тоже превратимую энергію. Но такъ какъ орудіе не увеличиваетъ двигательной силы человѣческаго организма, такъ какъ оно только дѣлаетъ движенія человѣка болѣе цѣлесообразными, направляетъ ихъ вѣрнѣе и легче къ цѣли,—то превратимая энергія, заключенная въ орудіи, будетъ играть роль не силы двигательной, а силы направляющей.

Вовторыхъ, для увеличенія результата своей работы человѣкъ можетъ воспользоваться еще другими видами явной двигательной силы на землѣ, направить ее сообразно своимъ желаніямъ и такимъ образомъ присоединить ее къ силѣ своихъ мускуловъ. Человѣкъ приручилъ вола и лошадь, и пользуется ихъ работой. Посредствомъ водяной мельницы онъ пользуется огромною прибавкой двигательной силы падающей воды. Парусъ даетъ громадную прибавку, используя двигательную силу вѣтра; паровикъ — используя двигательную силу дровъ, каменнаго угля, нефтяныхъ остатковъ.

Этотъ второй исходъ нѣсколько сложнѣе перваго. Онъ требуетъ не только предварительнаго расхода на силу направляющую, а на воспитаніе вола и лошади, на постройку мельницы, корабля, паровика. Кромѣ того, требуется въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямой расходъ на добычу двигательной силы для работы, сѣна и овса для воловъ и лошадей, дровъ и каменнаго угля для машинъ. Во всякомъ случаѣ, человѣкъ долженъ начать съ того, чтобы сдѣлать затрату на силу направляющую. Это первое и необходимое условіе всякаго увеличенія производительности его работы. Совершенно часть сслхп, отд. 2.

очевидно, что безъ такой предварительной затраты на силу направляющую, никакой прогрессъ не возможенъ.

Для того, чтобы яснѣе представить себѣ это условіе, надо понимать затрату на силу направляющую въ самомъ широкомъ смыслѣ. Надо имѣть въ виду, какъ мы видѣли выше, что всякій полезный расходъ энергіи человѣкомъ имѣетъ цѣлью добываніе новаго запаса энергіи, при чемъ этотъ новый запасъ можетъ имѣть только два вида: видъ силы двигательной въ потенциальномъ состояніи и видъ силы направляющей. Къ послѣднему виду надо причислить не только всѣ орудія, машины, домашнихъ животныхъ, не только изоляторы человеческого тѣла въ видѣ жилищъ, одеждъ и проч., къ ней надо причислить также весь результатъ умственной работы человечества, всѣ научные выводы, весь навыкъ въ ремеслахъ и искусствахъ, всѣ полезныя учрежденія, законы, торговые обычаи и т. д. Всѣ эти невещественныя, по видимому, приобрѣтенія человѣка являются, во-первыхъ, результатомъ расхода энергіи на мозговую работу, расходъ весьма вещественный и ощутительный, во-вторыхъ, служатъ для направленія мускульной работы, сберегаютъ ее отъ неправильностей, отъ потерь живой силы, содѣйствуютъ установленію и прочности обычаевъ, необходимыхъ для возможности раздѣленія труда и проч.

Итакъ, вотъ условіе, которое долженъ выполнить нашъ изобрѣтатель во взятой выше схемѣ, чтобы сработать 4 единицы полезности вмѣсто одной. Онъ долженъ придумать какое-нибудь орудіе или машину, которыя увеличили бы производительность его работы, или присоединили бы къ мускуламъ его какой-нибудь посторонній двигатель. Онъ долженъ сдѣлать предварительную затрату на силу направляющую.

Эта затрата, въ свою очередь, обставлена извѣстными условіями. Чтобы опредѣлить ихъ, сдѣлаемъ слѣдующія замѣчанія:

Во-первыхъ, мы можемъ утверждать, что при данномъ количествѣ и формѣ энергіи въ видѣ силы направляющей въ распоряженіи человѣка, количество силы двигательной, которую онъ можетъ съ пользою расходовать, колеблется въ извѣстныхъ предѣлахъ. Извѣстно, что всякая машина имѣетъ опредѣленный максимумъ работы, превысить который она не можетъ, не смотря ни на какое увеличеніе силы двигателя. Четырехконная молотилка можетъ обмолотить 60 — 80 копенъ хлѣба. Но затѣмъ запрагите въ нее хоть 80 лошадей, и она все-таки обмолотитъ не болѣе 100 копенъ. Точно также имѣетъ

предѣлъ и минимумъ двигательной силы. Запрягите въ восьмиконную молотилку одну лошадь, и она совсѣмъ не будетъ работать.

Въ вторыхъ, надо имѣть въ виду, что всякая затрата на силу направляющую является операціей болѣе или менѣе сложною, которая временно отрываетъ человѣка отъ непосредственной его работы, требуетъ болѣе или менѣе крупной единовременной затраты энергіи на предметъ, только косвенно способствующій производству. Затрата эта можетъ окупиться, выказать свое значеніе не сразу, а въ теченіи извѣстнаго періода времени.

Изъ сказаннаго можно вывести слѣдующія основныя положенія:

1) Необходимое условіе увеличенія производительности работы человѣка—предварительная затрата на силу направляющую.

2) Такая затрата возможна только въ томъ случаѣ, если у человѣка имѣется извѣстный запасъ энергіи въ потенциальномъ видѣ, который ему нѣтъ необходимости непосредственно расходовать.

3) Такъ какъ затрата на силу направляющую требуетъ опредѣленнаго единовременнаго расхода, то запасъ энергіи долженъ быть на столько великъ, чтобы его хватило на эту единовременную затрату, и кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ осталось бы достаточно энергіи на расходъ въ видѣ силы двигательной, или на добываніе двигателя.

Спрашивается, откуда можетъ вѣяться такой запасъ энергіи?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужитъ намъ четвертое основное положеніе:

4) При данномъ количествѣ и формѣ энергіи въ видѣ силы направляющей въ распоряженіи человѣка, количество силы двигательной, которую онъ можетъ съ пользой расходовать, колеблется въ извѣстныхъ предѣлахъ (примѣръ молотилки).

Мы уже говорили, что каждый расходъ энергіи въ видѣ силы двигательной напоминаетъ собою коммерческой оборотъ энергіи. Расходъ имѣетъ цѣлю и почти всегда результатомъ возвращеніе запаса превратимой энергіи въ количествѣ, превышающемъ израсходованное (благодаря даровому притоку энергіи лучей солнца). Получившійся излишекъ можетъ быть употребленъ самымъ разнообразнымъ образомъ. Онъ можетъ вновь быть пущенъ въ работу въ добавокъ къ прежней двигательной силѣ при нѣкоторомъ форсированномъ пользованіи имѣющейся въ рукахъ силы направляющей, то-есть, машиной, орудіемъ и т. п. Такое форсированіе имѣетъ предѣлъ и кончится тѣмъ,

что работа не будетъ давать никакой прибавки, результатъ ея остановится на опредѣленной величинѣ, какъ четырехконная молотилка на 100 копнахъ. Вмѣсто того, чтобы такъ бесплодно хлопотать, человѣкъ можетъ просто растратить этотъ излишекъ, который и этимъ образомъ безслѣдно исчезнетъ. Излишекъ дохода надъ расходами можно проиграть въ карты, пропить, и вообще расходамъ въ этомъ смыслѣ представляется столько способовъ и удобствъ, что имъ нѣсть числа.

Наконецъ, этотъ излишекъ можетъ откладываться, сберегаться, сохраняться въ потенциальномъ видѣ, и послужить тѣмъ запасомъ, который со временемъ дастъ возможность сдѣлать новую затрату на силу направляющую и расширить предѣлы двигательной силы, которую можно раскодовать съ пользой.

Итакъ, условіе, необходимое человѣку для того, чтобы увеличить производительность своего труда, — затрата на силу направляющую, а условіе возможности подобной затраты, — наличность извѣстной суммы энергіи въ потенциальномъ видѣ.

Легко убѣдиться, что запасъ превратимой энергіи, находящійся въ распоряженіи человѣка, въ видѣ ли силы направляющей, въ видѣ ли силы двигательной, есть именно то, что принято въ наукѣ и обществѣ называть капиталомъ, богатствомъ человѣчества.

Возьмемъ, наприимѣръ, опредѣленіе капитала у Джона Стюарта Милля: „Сверхъ труда, сверхъ матеріаловъ и силъ, доставляемыхъ природою, нуженъ для производства предварительно накопленный запасъ продуктовъ прежняго труда“, говоритъ Милль. Очевидно, что предварительно накопленный запасъ продуктовъ можетъ на столько принимать участіе въ производствѣ, на сколько въ немъ заключается сила направляющая, или сила двигательная въ потенциальномъ видѣ. „Этотъ накопленный запасъ“, говоритъ далѣе Милль, — „безъ котораго не возможны никакіе производительные процессы, кромѣ развѣ самыхъ грубыхъ и скудныхъ начатковъ первобытной промышленности, называется капиталомъ“. Далѣе Милль говоритъ, что „капиталъ есть результатъ сбереженія“, но онъ спѣшитъ оговориться, боясь, чтобы читатели не придали слишкомъ буквального смысла слову „сбереженіе“. „Еслибы каждый расходовалъ на личныя надобности и удовольствія все, что онъ производитъ... то капиталъ не могъ бы возрастать... Капиталъ поддерживается изъ поколѣнія въ поколѣніе не тѣмъ, что сохраняется, а тѣмъ, что постоянно воспроизводится. Всѣ

составныя его части разрушаются употребленіемъ и вообще разрушаются вскорѣ послѣ того, какъ произведены. Но люди, потребляющіе ихъ, занимаются между тѣмъ производствомъ другаго капитала, имѣющаго болѣебшій размѣръ“.

Это опредѣленіе Милля довольно вѣрно соотвѣтствуетъ той картинѣ экономической жизни человѣчества въ зависимости отъ энергіи лучей солнца, которую мы раньше набросали. Всю превратимую энергію, находящуюся въ данное время въ распоряженіи человѣчества, оно тратитъ въ видѣ силы направляющей или двигательной съ такимъ расчетомъ, чтобы получить новый запасъ энергіи, превосходящій прежній. Источникъ, откуда черпаетъ энергію человѣчество, — солнце. Валовой доходъ энергіи получается исключительно отъ земледѣлія, если не считать каменноугольныхъ копей.

Полезная работа человѣчества, не спеціально земледѣльческая, имѣетъ конечною цѣлью лишь уменьшеніе издержекъ энергіи при работѣ земледѣльческой. Такимъ образомъ, придерживаясь опредѣленія Милля, мы имѣемъ право сказать, что капиталъ всего человѣчества, взятаго въ цѣломъ, будетъ состоять изъ всего матеріальнаго имущества, изъ всѣхъ тѣхъ знаній человѣчества, которыя способны играть роль въ работѣ человѣка, которыя имѣютъ потребительную стоимость. Другими словами, капиталъ человѣчества, взятаго въ цѣломъ, равенъ всей суммѣ превратимой энергіи въ потенціальномъ видѣ, которая въ формѣ силы направляющей (силы связей) или двигательной находится въ данную эпоху времени въ распоряженіи человѣчества.

Курсель-Сенель очень мѣтко опредѣляетъ капиталъ. Онъ замѣчаетъ, что имущество каждаго отдѣльнаго человѣка не состоитъ изъ даннаго количества матеріальныхъ предметовъ, а изъ той суммы цѣнности и полезности, которая въ нихъ заключена, то-есть, по нашему, изъ количества превратимой энергіи, которое было затрачено на добычу этихъ предметовъ и количества превратимой энергіи, заключенной въ этихъ предметахъ въ потенціальномъ состояніи въ видѣ силы направляющей или двигательной. Эта сумма цѣнности и полезности (по нашему — превратимой энергіи) можетъ расти въ рукахъ владѣльца или оставаться неизмѣнною, совершенно независимо отъ матеріальныхъ предметовъ его имущества, которые могутъ, независимо отъ того, изнашиваться, потребляться, замѣняться новыми, промѣниваться и т. п.: „Отвлеченная сумма полезности и цѣнности, су-

ществованіе которой всегда связано съ существованіемъ матеріальнаго богатства, и которая, однако, сохраняется, уменьшается или растетъ по законамъ, совершенно не зависящимъ отъ тѣхъ, которымъ подчиненъ тотъ или другой матеріальный предметъ,—получилъ имя: это то, что называютъ капиталомъ“. И дальше: „Капиталъ націи есть не что иное, какъ сумма полезности всего, чѣмъ обладаетъ нація“.

Въ этихъ опредѣленіяхъ такъ и сквозить догадка, что капиталъ частнаго лица или націи измѣряется ничѣмъ инымъ какъ суммой потенциальной энергіи, которою онъ обладаетъ (Генри Джорджъ, во 2-й главѣ 1-й книги своей *Progress and Poverty*, приводитъ цѣлый рядъ эмпирическихъ опредѣленій капитала различными авторами, указываетъ на ихъ недостатки и самъ все-таки принужденъ удовольствоваться такимъ же эмпирическимъ опредѣленіемъ. Довольно любопытно прослѣдить, какъ во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ сквозить понятіе о потенциальной энергіи). Итакъ, въ нашемъ схематическомъ разчетѣ является еще элементъ. Возростаніе производительности труда требуетъ наличности капитала, придавая этому понятію самое общее, высказанное выше, значеніе. Мы брали случай, когда капиталъ оказывался въ рукахъ одного изъ участниковъ производства. Мы видѣли, что въ сущности такое вмѣшательство капитала въ производство даетъ только прибавку его обладателю и, можетъ быть, еще кое-кому,—заработокъ же прочихъ участниковъ труда не повышается и не понижается.

До сихъ поръ, по видимому, вмѣшательство капитала имѣетъ только благотворное вліаніе на прогрессъ взятой нами группы. Но при этомъ же легко замѣтить, что вмѣшательство капитала въ производство, можетъ привести къ цѣлому ряду весьма разнообразныхъ комбинацій въ распредѣленіи, въ мѣнновой цѣнности продуктовъ и въ равновѣсіи заработковъ. Капиталъ не есть величина неизмѣнная, постоянная. Онъ можетъ возникать, расти, уменьшаться, переходить изъ одной отрасли производства въ другую подъ вліаніемъ причинъ и законовъ, которыхъ мы до сихъ поръ не касались, и производить пертурбаціи въ мѣнновой цѣнности произведеній и равновѣсіи заработковъ, которыя мы не будемъ въ состояніи ни объяснить, ни предвидѣть, ни исправить, пока мы не узнаемъ причины возникновенія и роста капитала въ рукахъ человѣчества.

VIII.

Валовой доходъ человечества можетъ расти только путемъ постепенныхъ фиксацій капитала.

Чтобъ изучить законы роста капитала, надо не терять изъ виду наше механическое опредѣленіе его — потенциальная превратимая энергія.

Ростъ энергіи на земномъ шарѣ въ видѣ органической жизни происходитъ по довольно опредѣленному закону, о которомъ мы уже говорили. Мы въ правѣ предполагать, что порядокъ роста энергіи въ рукахъ человѣка аналогиченъ общему порядку роста энергіи въ видѣ органической жизни на землѣ. Ростъ запаса солнечной энергіи въ видѣ организмовъ зависитъ, очевидно, отъ роста организмовъ и роста ихъ численности. При этомъ подъ возрастаніемъ численности надо подразумѣвать, конечно, не степень плодовитости, а возрастаніе количества взрослыхъ особъ. Организмъ до тѣхъ поръ только можетъ расти, пока получаемая имъ извнѣ энергія превышаетъ его собственный расходъ для добыванія энергіи въ видѣ пищи и для распредѣленія ея по своему тѣлу. Съ возрастаніемъ массы организма возрастаетъ и его расходъ энергіи, и притомъ не пропорціонально доходу, а быстрѣе. На извѣстной величинѣ ростъ совершенно останавливается. Этотъ предѣлъ роста для животныхъ можетъ отодвигаться измѣненіями, имѣющими результатомъ уменьшеніе вредныхъ тратъ въ работѣ организма, потерь живой силы и т. п. Численность организмовъ даннаго типа есть также величина ограниченная. Такъ какъ каждый типъ обладаетъ ограниченной способностью къ разнообразной работѣ, а слѣдовательно, ограниченной способностью къ цѣлесообразной работѣ, то онъ не можетъ перейти за предѣлы среды, обладающей данною степенью разнообразія въ обстановкѣ и въ дѣятельности силъ, внѣшнихъ организму. Организмъ даннаго типа можетъ существовать только тогда, когда его собственныя силы находятся въ равновѣсіи съ окружающими. Если равновѣсіе нарушается въ пользу организма, если вся сумма его тратъ на самозащиту и добываніе пищи меньше суммы его дохода превратимой энергіи, то организмъ размножается до тѣхъ поръ, пока не населитъ все доступное ему пространство. По мѣрѣ возрастанія въ численности, трудность добыванія пищи увеличивается и равновѣсіе начинаетъ восстанавливаться.

Когда оно возстановится вполне, численное возрастание организмовъ этого типа должно остановиться,

Но тогда начинается глухая работа прогресса. Строение организмовъ начинаетъ измѣняться, усложняться. Предѣлъ возможнаго разнообразія работы отодвигается. Вслѣдствіе того увеличивается выгодность работы въ занятой средѣ, и возрастание цѣлесообразности работы раздвигаетъ предѣлы среды, доступной населенію.

Поэтому-то мы и видимъ, что чѣмъ элементарнѣе строеніе давнаго типа организмовъ, тѣмъ однообразнѣе доступная ему среда и тѣмъ опредѣленнѣе предѣлъ его численности. По мѣрѣ же возрастанія сложности строенія раздвигаются предѣлы численности населяющихъ землю организмовъ, уменьшается число не населенныхъ на землѣ мѣстъ, и увеличивается ежегодный оборотъ, обмѣнъ превратимой энергіи на земномъ шарѣ въ видѣ раскисленія углекислоты атмосферы, сопровождающейся новымъ окисленіемъ, и т. д. Поэтому-то постоянно возрастаетъ численность самаго сложнаго и удачнаго типа организмовъ — человѣка.

Мы можемъ представить себѣ этотъ ходъ развитія слѣдующимъ образомъ. У первыхъ элементарныхъ организмовъ количество энергіи, затраченное на строеніе организма, на силу направляющую, не велико. Эти элементарные организмы размножаются дѣленіемъ, распаденіемъ на части, слѣдовательно, по геометрической прогрессіи. Они быстро достигаютъ доступнаго имъ предѣла численности. Тогда внутренняя работа самоусовершенствованія выдвигаетъ организмы, въ которыхъ количество силы направляющей, затраченной въ строеніи, оказывается все больше. Съ усложненіемъ, правда, замедляется размноженіе, но за то раздвигаются предѣлы превращенія неорганической матеріи въ органическую. Всякій шагъ въ смыслѣ расширенія района существованія организмовъ есть шагъ, увеличивающій количество энергіи, скрытой въ строеніи организма, въ силѣ направляющей.

Этимъ замѣчаніемъ мы воспользуемся для того, чтобы понять ходъ возрастанія капитала въ рукахъ человѣчества. Такъ какъ подъ капиталомъ мы подразумѣваемъ всю превратимую энергію въ потенциальномъ видѣ, находящуюся въ рукахъ человѣчества, то мы можемъ заранѣе предполагать, что возрастаніе ея произойдетъ по тому же закону, то-есть, мы можемъ предполагать, что, при данной пропорціи капитала въ видѣ силы направляющей къ капиталу въ видѣ силы двигательной, возрастаніе его непрѣнно должно имѣть предѣлъ, и что предѣлъ этотъ можетъ раздвигаться увеличеніемъ этой

пропорціи, увеличеніемъ количества энергіи, затрачиваемой на силу направляющую.

Чтобы убѣдиться въ этомъ изъ разсмотрѣнія явленій экономической жизни, намъ надо будетъ перейти къ номенклатурѣ, употребляемой политико-экономами, именно къ опредѣленію понятій основнаго и оборотнаго капитала.

Въ коммерческомъ быту принято дѣлить капиталъ на основной и оборотный (*fixe et circulant*). Это дѣленіе жизненное, практическое, и пояснять его нѣтъ необходимости. Слѣдуетъ только упомянуть главную черту отличія. Промышленное предпріятіе затѣвается обыкновенно съ разчетами на цѣлый рядъ періодическихъ операцій. При началѣ предпріятія дѣлается болѣе или менѣе крупная единовременная затрата, такъ-называемая основная. Каждая періодическая операція требуетъ текущихъ расходовъ, такъ-называемыхъ оборотныхъ. Въ концѣ каждой періодической операціи является продуктъ производства, товаръ, который продается. Выручка возвращаетъ предпринимателю, вопервыхъ, текущіе расходы, сдѣланные во время операціи, воторыхъ, барышъ, который всегда почти пропорціоналенъ всей затратѣ, составляетъ извѣстный процентъ всей затраты, взятой вмѣстѣ—основной и оборотной. Къ числу текущихъ расходовъ обыкновенно присоединяютъ расходы на ремонтъ и погашеніе основнаго капитала предпріятія.

Если примѣнить этотъ коммерческій взглядъ на расходъ энергіи человѣчествомъ, то ясно бросается въ глаза, что затрата энергіи на силу направляющую есть затрата основная, а затрата на силу двигательную есть затрата оборотная. Съ этой коммерческой точки зрѣнія мы можемъ сказать, что главный оборотъ энергіи человѣчества ведется земледѣіемъ, и періодъ оборота равенъ солнечному году. Добыча каменнаго угля является все-таки операціей служебною, главною же цѣлью работы человѣчества, безъ сомнѣнія, пища, а главная добыча энергіи—растительная пища для себя и своихъ домашнихъ животныхъ.

Оборотнымъ ежегоднымъ расходомъ человѣчества является такимъ образомъ расходъ силы двигательной, почерпнутый изъ предшествующаго урожая и изъ угольныхъ копей и направленный вновь на земледѣіе и новую добычу угля. Всѣ же машины, зданія, и проч., имущество человѣка, играющіе роль силы направляющей, составляютъ, очевидно, его основной капиталъ, и всѣ работы, не участвующія не-

посредственно въ земледѣліи, являются расходомъ энергіи на ремонтъ, возобновленіе и увеличеніе этого основнаго капитала.

Такъ какъ вся работа человѣчества, не только въ общемъ его составѣ, но и въ каждомъ частномъ дѣлѣ, есть не что иное, какъ прихода-расходъ энергіи, то мы въ правѣ ожидать, что и въ каждомъ самомъ мелкомъ производствѣ расходъ основной есть расходъ на силу направляющую, а расходъ оборотный есть расходъ на силу двигателя.

Въ сущности оно такъ и есть. Основной капиталъ, на примѣръ, мастераго—его искусство и инструменты, его изба; оборотный его капиталъ, текуція издержки—пища, топка и т. п. Но въ практикѣ, вслѣдствіе массы различныхъ комбинацій, происшедшихъ отъ спеціализацій производства, понятія эти часто бывають весьма различны. Подъ основнымъ капиталомъ часто подразумѣвають, кромѣ силы направляющей, запасъ силы двигательной въ потенциальномъ видѣ, въ сущности запасный капиталъ. Подъ оборотными расходами подразумѣвають часто покупку мелкихъ орудій, которыя должны изнашиваться къ концу главнаго періодическаго оборота производства, плату за наемъ машинъ, аренду земли и другіе краткосрочные расходы на силу направляющую. Подразумеваютъ также расходы на покупку обрабатываемаго матеріала отъ другаго предпринимателя. Этотъ расходъ сложнѣе, онъ служитъ платой за участіе въ производствѣ силы направляющей и двигательной, но чтобы выяснитъ участіе той и другой, пришлось бы прослѣдить за матеріаломъ черезъ всѣ промежуточные звенья обработки.

Но если взять отдѣльную группу людей, отдѣльный народъ, предположить его вполне изолированнымъ и посмотрѣть на его хозяйство, взятое въ цѣломъ, то всегда легко убѣдиться въ томъ, что основнымъ капиталомъ его будетъ энергія въ видѣ силы направляющей, а оборотнымъ—энергія въ видѣ силы двигательной. Запасный же капиталъ такого народа будетъ состоять безразлично изъ силы направляющей и двигательной въ потенциальномъ видѣ, не участвующихъ въ текущей работѣ народа.

Итакъ, условимся, для удобства, называть основнымъ капиталомъ человѣчества, или данной изолированной группы людей, всю энергію, находящуюся въ его распоряженіи въ видѣ силы направляющей. Условимся точно также называть оборотнымъ капиталомъ человѣчества, или даннаго изолированнаго народа, находящуюся въ его распоряженіи энергію въ видѣ силы двигательной. Условимся

называть запаснымъ капиталомъ долю энергіи, не участвующую въ текущей работѣ. Наконецъ, условимся для краткости называть два первыхъ вышеназванныхъ условныя понятія просто основнымъ и оборотнымъ капиталомъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда будетъ рѣчь объ основномъ и оборотномъ капиталѣ частнаго предпріятія, будемъ каждый разъ дѣлать соотвѣтствующую оговорку.

У.

Мы приступаемъ теперь къ самой трудной и сложной части нашей задачи. Намъ предстоитъ изучить порядокъ роста энергіи въ рукахъ человѣка. Чтобы легче изучить этотъ порядокъ и яснѣе представить себѣ ходъ экономическаго прогресса, изучимъ прежде всего нѣкоторыя свойства основныхъ затратъ человѣчества.

Мы не забываемъ, что названіе затратъ „основными“ или „оборотными“—чисто условное. Мы взяли эти слова изъ обыденной рѣчи, такъ какъ они всего короче и ближе передаютъ указанные нами два вида пользованія энергіи человѣкомъ, въ видѣ силы направляющей и двигательной. Такимъ образомъ, все то, что мы говорили объ условіяхъ пользованія энергіей въ этихъ двухъ видахъ, вполне применимо къ условіямъ пользованія капиталомъ въ видѣ затратъ основныхъ и оборотныхъ. Прежде всего обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что основная затрата требуетъ болѣе или менѣе крупнаго, вполне опредѣленнаго одновременнаго расхода энергіи. Вы не можете пустить въ работу полтопора или 10% корабля,—это само собою очевидно. Такимъ образомъ, первое различіе, которое мы можемъ дѣлать между основными затратами, независимыми отъ другихъ свойствъ ихъ, есть величина одновременнаго расхода. Обозначимъ для краткости этотъ одновременный расходъ черезъ K . Тогда первое свойство основныхъ затратъ будетъ состоять въ томъ, что онѣ разнятся по величинѣ K .

Каждая основная затрата представляетъ собою извѣстный типъ и допускаетъ пользованіе двигателемъ въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ. Два рабочихъ не могутъ работать одновременно однимъ топоромъ. Паровикъ всегда разчитанъ на извѣстное количество лошадиныхъ силъ. Болѣе того, каждый типъ машины, орудія, однимъ словомъ—основной затраты на столько бываетъ опредѣленнымъ, что ему всегда соотвѣтствуетъ опредѣленная величина двигателя, которая даетъ максимумъ полезной работы. Это вещь извѣстная. Мо-

лотьбу восьмиконной молотилкой выгоднѣе всего производить не четырьмя и не двадцатью лошадьми, а именно восемью, и т. п. Если мы обозначимъ черезъ k величину оборотнаго расхода, величину силы двигателя, то второе свойство основныхъ затратъ будетъ состоять въ томъ, что для каждаго даннаго типа основной затраты существуетъ опредѣленная наивыгоднѣйшая величина отношенія $\frac{k}{K}$.

Теперь пойдемъ дальше.

Представимъ себѣ, что человѣчество работаетъ безъ всякихъ основныхъ затратъ. Представимъ себѣ, что оно пускаетъ въ оборотъ весь свой капиталъ. Послѣ каждаго оборота оборотный капиталъ возвращается обратно съ извѣстнымъ процентомъ прибыли. Если этотъ процентъ будетъ оставаться постояннымъ, не будетъ уменьшаться, то капиталъ человѣчества будетъ расти по правилу сложныхъ процентовъ, и предѣлъ его будетъ безконечность.

Но тутъ мы наталкиваемся на первое препятствіе. Капиталъ человѣчества, сумма энергіи въ его распоряженіи, не можетъ расти до безконечности. Онъ стѣсненъ въ этомъ отношеніи геометрическими размѣрами земнаго шара. На землю падаетъ ежегодно опредѣленная сумма энергіи въ видѣ лучей солнца, и слѣдовательно, размѣръ оборотовъ энергіи имѣетъ предѣломъ именно эту величину. Человѣчество далеко не доходить въ своихъ оборотахъ даже и до этой предѣльной величины.

Но человѣчество никогда не работаетъ одними оборотами. На самой низкой, первобытной степени культуры оно тѣмъ не менѣе имѣетъ основной капиталъ. Собственное строеніе человѣческаго организма, сношенія съ подобными себѣ, хоть бы самыя первобытныя, какой-нибудь каменный топоръ или, наконецъ, просто палка, все это—основной капиталъ.

Какова же, въ сущности, роль его въ работѣ человѣчества?

Мы не теряемъ изъ виду все время, что мы разсматриваемъ исключительно только полезную работу человѣчества, и полезную съ чисто объективной точки зрѣнія возростанія запасовъ энергіи, направленную къ задержанію на землѣ солнечной энергіи. Не будемъ разбирать работу человѣка въ періодъ охоты и скотоводства, а перейдемъ прямо къ эпохѣ земледѣльской.

Мы знаемъ уже, что земледѣліемъ человѣкъ разводитъ самыя выгодныя въ смыслѣ поглощенія энергіи растенія. Замѣна лѣсной площади ржанымъ, овсянымъ или клевернымъ полемъ увеличиваетъ приблизительно въ десять разъ валовой сборъ энергіи,

такъ что возрастаніемъ площади посѣвовъ хлѣбныхъ и кормовыхъ растеній, возрастаніемъ урожаявъ, въ сущности измѣняется возрастаніе суммы солнечной энергіи, ежегодно задерживаемой человекомъ на землѣ. Всякій, знакомый хоть слегка съ сельскимъ хозяйствомъ, легко пойметъ, что чѣмъ интенсивнѣе культура, тѣмъ большій процентъ энергіи лучей солнца, падающихъ на данную площадь, задерживается растеніями. Переложное хозяйство съ его просторными ковыльными степями, очевидно, уступаетъ многопольному, гдѣ зерновые хлѣба смѣняются широколистными и клеверомъ, густолистной люцерной; съ ними не поспорятъ въ этомъ отношеніи рѣдкіе тонкіе султанчики ковыля или деревянистые бурьяны. Лядинное хозяйство точно также уступаетъ даже трехполью.

Но интенсивная культура требуетъ большаго напряженія силъ отъ хлѣбопашца. Не только напряженіе это растетъ съ интенсивностью, но и самая возможность извѣстной степени культуры прямо зависитъ отъ общаго состоянія техническихъ производствъ страны. Только страны съ высокоразвитою промышленностью въ состояніи найти средства для интенсивной культуры, доставить ихъ на столько дешево, чтобы они оправдались относительною цѣнностью урожая.

Вотъ это и разъясняетъ намъ роль основныхъ затратъ въ работѣ человечества. Валовой сборъ энергіи земледѣліемъ достигается послѣ цѣлаго ряда предварительныхъ работъ. Для него необходимы механическія передвиженія частицъ почвы, навоза, зерна и проч. Чѣмъ интенсивнѣе культура, тѣмъ больше сумма предшествующей механической работы; за то тѣмъ больше процентъ задержанной энергіи. При этомъ основныя затраты играютъ двоякую роль. Онѣ, во первыхъ, увеличиваютъ цѣлесообразность работы, въ смыслѣ полученія наибольшаго процента задержанной энергіи. Для этого служатъ такія орудія, какъ плуги, бороны, лопаты, почвоуглубители, катки, наука агрономія и проч. Вторыхъ, основныя затраты служатъ для того, чтобы по возможности сберечь расходъ силы двигателя въ подготовительныхъ или вообще служебныхъ операціяхъ. Для этого служатъ жнейки, молотилки, заводы желѣзныхъ орудій, желѣзныя дороги, законы, охраняющіе безопасность личности хлѣбопашца и поля его отъ потравъ, производство одеждъ, жилищъ, регулирующихъ расходъ пищи производительнаго работника на возмѣщеніе потерь тѣла отъ лучеиспусканія, медицина и проч. Связь между степенью развитія техническихъ искусствъ и возможною интенсивностью хлѣбопашества на столько разработана и изучена, что о ней не зачѣмъ

распространяться. Мы можем воспользоваться этимъ, чтобы сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

1) Данной интенсивности культуры соответствуетъ болѣе или менѣе опредѣленный предѣлъ валоваго сбора энергіи.

2) Увеличеніе интенсивности культуры возможно только при увеличеніи цѣлесообразности работы и при увеличеніи экономіи въ расходѣ силы двигательной, съ помощью расходовъ основныхъ.

Итакъ, человѣчество не можетъ увеличивать свой доходъ энергіи одними оборотами. Еслибы это было возможно, то это былъ бы самый быстрый путь къ увеличенію суммы энергіи въ нашихъ рукахъ. Ростъ энергіи имѣлъ бы видъ расходящагося ряда. Приходится останавливаться и дѣлать расходы основные.

Возьмемъ группу людей на какомъ-нибудь ограниченномъ пространствѣ земли, напримѣръ, на островѣ среди океана. Представимъ себѣ, что одинъ изъ этой группы обладаетъ основнымъ капиталомъ, абсолютная цѣнность котораго измѣряется хоть 100 единицами энергіи. Представимъ себѣ дальше, что наивыгоднѣйшій размѣръ оборотнаго капитала, который допускаетъ нашъ воображаемый основной капиталъ, равенъ, скажемъ, 10 единицамъ энергіи. Пусть онъ даетъ при этомъ 10% барыша. Пусть 10 единицъ для оборотныхъ расходовъ находятся въ рукахъ нашего капиталиста въ тотъ моментъ, когда мы обратили на него вниманіе. Онъ приступаетъ къ производству. Наличныя средства его: $K = 100$ и $k = 10$. Послѣ перваго оборота, онъ получить нѣкоторый товаръ, потребительная цѣнность котораго будетъ такая-то, другими словами: товаръ, въ которомъ будетъ заключаться такое-то количество единицъ превращенной энергіи въ потенциальномъ видѣ. Назовемъ этотъ товаръ, продуктъ производства, черезъ R ; окажется, очевидно, что

$$\begin{aligned} R &= 10\% K + k + 10\% k \\ &= k + 10\% \{ K + k \} \end{aligned}$$

то-есть, въ нашемъ арифметическомъ примѣрѣ

$$\begin{aligned} R &= 10 + 10\% \{ 100 + 10 \} = \\ &= 10 + 11 = 21 \end{aligned}$$

Нашъ капиталистъ за свои 10 единицъ получилъ 21 единицу. Что же сдѣлаетъ онъ съ излишкомъ въ 11 единицъ?

- 1) Онъ можетъ ихъ выбросить въ окно; это насъ не касается.
- 2) Онъ можетъ ихъ вновь пустить въ оборотъ. Разумѣется отношеніе $\frac{K}{k}$ будетъ въ этомъ случаѣ менѣе выгодно, такъ какъ мы

предположили, что наивыгоднѣйшая величина этого отношенія есть $\frac{K}{k} = 10$, а теперь, оно будетъ $= \frac{100}{21}$, то-есть, около 5. Но что за бѣда, лишь бы получить больше! Всякій изъ насъ гораздо больше заботится о валовомъ доходѣ, чѣмъ о величинѣ % прибыли. Пріятнѣе получать сто тысячъ рублей годоваго дохода, даже если они составляютъ только 1% на капиталъ, чѣмъ сто рублей, если даже эти сто рублей составляютъ 25% на капиталъ.

При второмъ оборотѣ, процентъ барыша нашего капиталиста будетъ уже ниже 10; скажемъ, хоть бы 6. Оборотъ будетъ такой

$$\begin{aligned}
 K &= 100 & k &= 21 \\
 R &= k + 6\% \{ K + k \} = 21 + \frac{121 \cdot 6}{100} \\
 &= 21 + 7,26
 \end{aligned}$$

Цифры эти, конечно, взяты на угадъ, но нѣчто въ этомъ родѣ всегда происходитъ въ дѣйствительности. Подложите двойное противъ обычнаго количество угля подъ паровикъ,—и онъ даже въ половину не прибавитъ работы. Дайте лошади двѣ мѣры овса въ сутки вмѣсто одной,—она, конечно, не доставитъ двойной работы.

Если нашъ капиталистъ, не смотря на паденіе барышей, будетъ все-таки продолжать усиливать свои обороты, то, очевидно, дѣло кончится тѣмъ, что основной капиталъ дойдетъ до доступнаго ему предѣла работы и дальше не пойдетъ. Возможный валовой доходъ дойдетъ до своего предѣла.

Но, втретийхъ, вмѣсто того, чтобы форсировать такимъ образомъ свои обороты, нашъ капиталистъ могъ бы найти способъ сохранить излишекъ въ 11 единицъ, и пуская въ ходъ ежегодно не болѣе 10 единицъ, черезъ десять лѣтъ скопилъ бы достаточно капитала, чтобы сдѣлать новую одновременную затрату въ 100 единицъ. Тогда уже онъ можетъ смѣло пускать въ ходъ обороты въ 20 единицъ, ему придется ждать всего пять лѣтъ, или вообще пять періодовъ производства вмѣсто 10.

Мы взяли одного капиталиста въ нашей воображаемой изолированной группѣ. Разумѣется, такой же образъ дѣйствія можетъ пустить въ ходъ и другой, и третій изъ производительныхъ работниковъ группы, лишь бы онъ сумѣлъ взяться за дѣло и имѣлъ бы достаточный капиталъ для первой основной затраты, напримѣръ, для устройства фабрики, или для покупки машины, или для покупки вѣтоловнаго суда и т. п., при чемъ результатъ получится, вообще говоря,

одинаковый. Поэтому ограничимся разборомъ хода дѣлъ одного капиталиста и условимся, для краткости, называть обращеніе излишка, образовавшагося отъ накопленія остатковъ барышей послѣ оборотовъ, на новую основную затрату фиксаціей.

Когда въ распоряженіи нашего капиталиста окажется 3 основные капитала по 100 единицъ каждый, напримѣръ, три машины, три фабрики, три вѣтоловныя судна, и т. п.,—доходы его начнутъ расти еще быстрѣе. Если онъ будетъ придерживаться наиболѣе выгодной пропорціи $\frac{K}{k}$, основнаго капитала къ оборотному, а весь излишекъ отъ оборотовъ будетъ по прежнему откладывать въ запасъ для накопленія новыхъ 100 единицъ, то уже черезъ четыре оборота у него будетъ возможность сдѣлать четвертую фиксацію въ 100 единицъ.

Эта фиксація излишковъ оборотнаго капитала можетъ, по видимому, продолжаться безъ конца. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Мы взяли опредѣленное количество работниковъ на опредѣленномъ пространствѣ земли. Ясно, что данному типу основнаго капитала соотвѣтствуетъ опредѣленный предѣлъ валоваго дохода. Изобрѣтеніе топора, напримѣръ, дало въ руки человѣка отличное орудіе. Употребленіе топора дало ему возможность добиваться немислимыхъ раньше результатовъ, подвинуло впередъ производство другихъ орудій, но, на островѣ, количество топоровъ, которое можно употреблять съ пользой, очевидно, не можетъ быть безконечно, а должно имѣть предѣлъ. Если мы, вмѣсто острова, возьмемъ весь земной шаръ, то все-таки количество топоровъ, которое можно употребить съ пользой, имѣетъ предѣлъ. Это ясно само собою.

Предположимъ въ нашемъ численномъ примѣрѣ, что предѣлъ валоваго производства, при данномъ типѣ основнаго капитала въ 100 единицъ, на нашемъ необитаемомъ островѣ будетъ равенъ хотъ 105 единицамъ. Предположимъ, что фиксація постепенно довела цифру основнаго капитала до 500 единицъ при оборотномъ капиталѣ въ 50 единицъ. Тогда всякая дальнѣйшая попытка увеличить основной или оборотный капиталъ не приведетъ рѣшительно ни къ какому возрастанію дохода. Экономическая дѣятельность настоящаго капитала достигнетъ предѣла, дальше котораго, по видимому, некуда идти. Ежегодному остатку въ 55 единицъ не будетъ, по видимому, никакого уже примѣненія.

Если такая же постепенная фиксація излишковъ производилась и другими работниками группы, и если каждый довелъ фиксацію до

той предѣльной величины, которая обусловлена величиной и типомъ основной затраты, съ одной стороны, и геометрическими размѣрами острова—съ другой, то и вся дѣятельность группы остановится.

Но во взятой нами воображаемой группѣ можетъ явиться кто-нибудь догадливѣе другихъ, который придумаетъ новый способъ фиксаціи, новый типъ основной затраты, болѣе крупной и болѣе сложной, чѣмъ тѣ, которыя были до тѣхъ поръ въ ходу. Этотъ новый типъ основной затраты можетъ дать въ результатѣ новое улучшение въ работѣ, новую экономію двигателя, которыя позволятъ большому количеству свободныхъ силъ и съ большимъ успѣхомъ, съ большею интенсивностью заняться земледѣліемъ. Эта новая фиксація, высшаго порядка противъ прежнихъ, даетъ возможность группѣ снова достигнуть увеличенія валоваго дохода; задержанный—было экономическій прогрессъ ея снова двинется впередъ такимъ же путемъ, какъ и раньше.

Человѣческая изобрѣтательность постоянно занята возможностью улучшить и облегчить, удешевить производство. Почти всегда является по мѣрѣ требованія, въ видѣ проектовъ и изобрѣтеній, масса способовъ фиксаціи. Эти способы, эти типы основныхъ затратъ, конечно, весьма разнообразны, какъ по проценту приносимой ими прибыли, такъ по району и предѣльной величинѣ допускаемаго съ помощью ихъ валоваго дохода, такъ и по величинѣ единовременной основной затраты, которая требуется для постройки, организаціи, вообще созданія обстановки и орудій производства. Затѣвая фиксацію, предприниматель дѣлаетъ предварительный расчетъ. Онъ соображаетъ, во-первыхъ, величину единовременной затраты и необходимый оборотный капиталъ до первой выручки, соображаетъ, по силамъ ли ему эти расходы; во-вторыхъ, онъ соображаетъ величину барыша, % чистаго дохода. При этомъ въ предпринимчивомъ народѣ можетъ быть масса комбинацій. Очевидно, прежде всего будутъ дѣлаться фиксаціи мелкія, какъ болѣе доступныя по цифрѣ единовременной затраты, и притомъ такія, польза которыхъ выразится въ наиболѣе короткій періодъ времени. Топоръ и коса были въ употребленіи гораздо раньше желѣзныхъ дорогъ. Самыя выгодныя въ смыслѣ быстроты роста валоваго дохода, очевидно, фиксаціи мелкія. Чѣмъ мельче фиксація, чѣмъ меньше единовременная основная затрата, тѣмъ меньше времени нужно на то, чтобы собрать излишки отъ оборотовъ, тѣмъ меньше отступаетъ порядокъ роста капитала отъ правила сложныхъ процентовъ. Очевидно, что если основная затрата составляетъ какую-

нибудь десятую долю оборотныхъ расходовъ, то ростъ капитала оборотами будетъ значительно ближе къ правилу сложныхъ процентовъ, чѣмъ если основная затрата въ сто разъ больше оборотнаго капитала.

Но когда исчерпываются доступныя, мелкія фиксаціи, у чело-вѣка является поневолѣ необходимость прибѣгнуть къ фиксаціямъ болѣе крупнымъ. Выбѣстъ съ необходимостью является возможность болѣе крупныхъ фиксацій, такъ какъ онѣ нужны собственно для увеличенія возможнаго валоваго сбора, а необходимость въ болѣе крупныхъ фиксаціяхъ для увеличенія валоваго сбора является только тогда, когда фиксаціи болѣе мелкія довели предѣлъ этого валоваго сбора до довольно крупной величины. Въ нашемъ примѣрѣ, когда типы фиксацій въ 100 единицъ оказались исчерпанными, предприниматели могли приступить къ фиксаціи въ 1000 единицъ, такъ какъ валовой доходъ предпріятія давалъ остатокъ ежегодно уже не въ 11, а въ 55 единицъ. Разумѣется, невыгодно приступать къ фиксаціи въ 1000 единицъ, пока есть возможность дѣлать таковыя въ 100 единицъ. Это совершенно ясно. Если предприниматель съ основнымъ капиталомъ въ 100 единицъ и съ оборотнымъ въ 10, получая 10% барыша, захочетъ сразу перейти къ фиксаціи въ 1000 единицъ, то онъ достигнетъ цѣли гораздо медленнѣе, чѣмъ если онъ будетъ продолжать исчерпывать фиксацію въ 100 единицъ. Если предприниматель съ основнымъ капиталомъ въ 100 единицъ будетъ откладывать ежегодно по 11 единицъ барыша до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ 1000 единицъ, то ему надо выждать 100 оборотовъ. Если же онъ будетъ по мѣрѣ накопленія излишковъ дѣлать фиксаціи въ 100 единицъ до доступнаго предѣла, въ нашемъ примѣрѣ всего 5 фиксацій, то 1000 единицъ онъ получитъ черезъ 42 оборота. Это легко про-вѣрить ариѳметическимъ счетомъ. Отсюда мы можемъ указать еще на одно свойство основныхъ затратъ, третье по счету, а именно:

Чѣмъ больше отношеніе $\frac{K}{k}$, величины единовременной затраты къ валовому доходу, тѣмъ медленнѣе ростъ капитала.

Является вопросъ: почему же увеличеніе основной затраты увеличить валовой доходъ?

Мы знаемъ уже роль основнаго капитала, затраты на силу связей, на силу направляющую, на результатъ работы. Она увеличиваетъ цѣлесообразность работы посредствомъ специальныхъ приспособленій и уменьшаетъ вредныя траты въ работѣ отъ потерь живой силы. Чѣмъ крупнѣе затрата, тѣмъ больше простора для соблюденія

такой экономіи. Поэтому съ увеличеніемъ размѣра основной затраты почти всегда увеличивается отношеніе ея къ оборотному капиталу, и увеличивается пропорція продукта къ текущимъ расходамъ двигательной силы; простая крестьянская повозка стоитъ пять рублей и можетъ свезти двадцать, двадцать-пять пудовъ клади одною лошадыю, а двѣ повозки парой лошадей свезутъ 40—50 пудовъ. Повозка на желѣзныхъ осяхъ съ шинными колесами позволитъ свезти по крайней мѣрѣ на $\frac{1}{2}$ больше клади той же парой лошадей; по рельсамъ конножелѣзной дороги опять-таки та же пара лошадей свезетъ еще гораздо больше. Во всѣхъ трехъ случаяхъ двигательная сила оставалась та же, прибавка же результата работы получилась отъ увеличенія основнаго капитала, отъ улучшенія и большей затраты на обстановку работы. Эта зависимость впрочемъ до такой степени очевидна сама собою, что ее незначѣмъ болѣе пояснять. Она составляетъ четвертое свойство основныхъ работъ. Основная работа имѣетъ вообще цѣлью увеличеніе цѣлесообразности работы и экономію силы двигателя. Чѣмъ крупнѣе единовременная основная затрата, тѣмъ больше простора для экономіи силы двигателя, и слѣдовательно, тѣмъ больше отношеніе валоваго дохода къ оборотнымъ расходамъ. При этомъ мы не должны забывать, что говоримъ не о частномъ предпріятіи, гдѣ отношеніе это можетъ затемниться условіями раздѣленія работы, а объ изолированной группѣ или о всемъ человѣчествѣ, вмѣстѣ взятомъ, и подъ основною затратой разумѣмъ расходъ на силу направляющую, а подъ оборотною—расходъ на двигателя.

IX.

Причина стремленія человѣчества къ увеличенію своего валоваго дохода.

Является вопросъ: съ какой стати будетъ наша группа людей, изолированная на островѣ среди океана, хлопотать объ увеличеніи своего валоваго дохода? Не предпочтутъ ли рабочіе, составляющіе ее, остаться при валовомъ доходѣ въ 105 единицъ каждый, какъ мы высчитали въ ариѳметическомъ примѣрѣ? Зачѣмъ имъ добиваться иного? Вѣдь такой доходъ означаетъ, что они съ помощью 50 единицъ совершенно удовлетворяютъ всѣмъ своимъ текущимъ потребностямъ и, кромѣ того, получаютъ еще 55 единицъ барыша,

они могутъ тратить на что имъ вздумается, на роскошь, удовольствія, на все, кромѣ работы. Положимъ, при новой фиксаціи новаго типа въ 1000 единицъ раздвигается предѣлъ возможнаго для нихъ валоваго сбора. Положимъ, въ этомъ случаѣ вмѣсто 55 единицъ на роскошь каждый изъ нихъ получить гораздо больше. Но вѣдь для того, чтобы достигнуть этой прибавки, необходимо нести въ теченіе довольно долгаго времени весьма скромный образъ жизни, отказываться себѣ во всякомъ расходѣ энергіи, кромѣ того, который нуженъ для оборота. Вѣдь въ томъ случаѣ, если предполагаемая нами группа окажется весьма жадною и корыстолюбивою, члены ея будутъ всѣ откладывать барышъ въ 55 единицъ послѣ каждаго оборота (а такъ какъ главный оборотъ энергіи—солнечный, то каждый оборотъ будетъ равенъ солнечному году), и каждому цѣлыхъ двадцать оборотовъ, цѣлыхъ двадцать лѣтъ придется жадничать и копить.

А между тѣмъ мы можемъ все-таки утверждать, что накопленіе излишковъ оборотнаго капитала въ потенциальномъ видѣ будетъ все-таки происходить, и затѣмъ будетъ исеать возможности фиксаціи. Что оно дѣйствительно такъ происходитъ, въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться. Это мы видимъ ежечасно. На этомъ основана вся экономическая жизнь человѣчества. Но независимо даже отъ того факта, который у насъ передъ глазами, мы можемъ утверждать а priori, что оно непремѣнно такъ произойдетъ.

Вспомнимъ начало наименьшаго дѣйствія. Основываясь на немъ, мы въ правѣ ожидать, что возростаніе запаса превратимой энергіи на землѣ, почерпаемой изъ того количества, которое ежегодно посылается солнцемъ, будетъ происходить по возможности кратчайшимъ и быстрѣйшимъ путемъ. Очевидно, въ данномъ случаѣ этой цѣли будетъ самымъ выгоднымъ образомъ служить та группа людей, которая будетъ менѣе растрчивать избытокъ получаемой ею энергіи, лучше другихъ сумѣетъ сберечь этотъ избытокъ и, по накопленіи достаточнаго количества, найдетъ наивыгоднѣйшій способъ фиксаціи. Прибавимъ еще, что эта группа должна также лучше другихъ сумѣть оградить себя отъ уничтоженія вооруженною рукой, сумѣть посредствомъ изоляторовъ и медицинской помощи оградить себя отъ неравностей климата и пр. Это умѣнье, конечно, относится къ числу фиксацій, составляетъ извѣстный общій основной капиталъ группы.

Но какимъ образомъ это наивыгоднѣйшее съ точки зрѣнія быстрой возростанія запасовъ превратимой энергіи поведеніе группы послужитъ къ распространенію ея образа дѣйствій? Будетъ ли она

служить примѣромъ, идеаломъ для другихъ людей? Будетъ ли она силой навязывать другимъ свой образъ дѣйствій? Избытокъ энергіи въ потенціальномъ видѣ въ рукахъ группы будетъ ли въ этомъ случаѣ лишнимъ шансомъ и заручкой побѣды?

Ничего подобнаго! У природы есть въ этомъ случаѣ приемъ, который гораздо проще и дѣйствительнѣе указанныхъ выше. Выѣстъ съ тѣмъ, этотъ приемъ сразу объясняетъ необходимость увеличенія валоваго дохода съ чисто человѣческой точки зрѣнія. Группа будетъ размножаться, и потомство ея, вслѣдствіе болѣе выгодныхъ условій для выживанія, вытѣснитъ поколѣнія тѣхъ группъ, въ рукахъ которыхъ возрастаніе запасовъ энергіи будетъ идти болѣе медленно. Извѣстно, какъ происходитъ естественный подборъ. Выживаютъ и размножаются организмы болѣе сложные. Въ борьбѣ за существованіе именно эта сравнительная сложность иныхъ организмовъ и составляетъ причину ихъ превосходства. Эта сложность есть результатъ фиксаціи, затраты энергіи на силу направляющую, на силу связей, на строеніе организма. Такое же явленіе произойдетъ и относительно группы людей. Чѣмъ больше въ группѣ отношеніе фиксированнаго капитала къ оборотному, чѣмъ больше ея запасный капиталъ, чѣмъ крупнѣе, сравнительно, ея валовой доходъ, чѣмъ больше отношеніе этого валоваго дохода къ расходамъ оборотнымъ, къ двигательной силѣ,—тѣмъ, значитъ, больше силы въ рукахъ группы, тѣмъ цѣлесообразнѣе способы пользованія этою силой, и тѣмъ болѣе является у нея и у ея потомства шансовъ къ выживанію въ борьбѣ за существованіе.

Что дѣйствительно оно такъ,—на то не требуется почти доказательствъ. Это мы знаемъ изъ исторіи предыдущей жизни человѣчества, изъ наблюденія современныхъ явленій, происходящихъ у насъ на глазахъ. Фактъ до такой степени очевиденъ, что нѣтъ никакой нужды о немъ распространяться.

Итакъ, человѣкъ стремится къ увеличенію своего валоваго дохода энергіи. Къ этому его побуждаетъ, во первыхъ, природа, которая подбираетъ и предоставляетъ преимущество типамъ, стремящимся къ увеличенію валоваго дохода энергіи; во вторыхъ, его потомство.

Представимъ себѣ, что наша воображаемая группа людей изолирована на островѣ среди океана. Представимъ себѣ, что изъ числа лицъ, составляющихъ ее, часть занимается земледѣліемъ, положимъ — хоть 10 человѣкъ. Предѣлъ валоваго дохода каждаго пусть будетъ такой же, какой мы принимали раньше, 105 единицъ. Скажемъ, на-

примѣръ, что 10 землепашцевъ группы получаютъ предѣльный сборъ въ 1050 четвертей ржи. Остальные же члены группы занимались выдѣлкой орудій, одежды, постройками и т. п. Если группа переженится, если число дѣтей будетъ превышать вдвое число родителей, то явится настоятельная необходимость либо получать 2100 четвертей ржи, либо голодать. И вотъ начнется на островѣ переходъ къ болѣе интенсивной культурѣ. Залежная распашка, на примѣръ, замѣнится трехпольною съ удобреніемъ, или трехпольная — многопольною съ посѣвомъ кормовыхъ травъ. Хлѣбопашество болѣе интенсивное потребуетъ болѣе дорогихъ построекъ, орудій, скота. Земледѣліе потребуетъ большаго напряженія силъ, которое окажется возможнымъ только тогда, когда прочія отрасли производства до известной степени удешевятъ свои продукты улучшеніемъ прежнихъ орудій, машинъ, приемовъ работы. Однимъ словомъ, неизбѣжная прибавка валоваго сбора получится не иначе, какъ съ помощью соотвѣтствующихъ болѣе или менѣе крупныхъ фиксацій.

Х.

Отличительный признакъ экономическаго прогресса есть возростаніе отношенія основнаго капитала человѣчества къ оборотному.

Какъ ни необходимъ для человѣчества ростъ валоваго дохода, онъ однако имѣетъ предѣлъ, обусловленный геометрическими размѣрами земли. Человѣчество рано или поздно дойдетъ до этого предѣла. Оно приближается къ нему постепенно, при чемъ ростъ энергіи въ рукахъ людей постепенно замедляется подъ влияніемъ двухъ причинъ. Вопервыхъ, онъ замедляется вслѣдствіе періодической необходимости приступать къ болѣе и болѣе крупнымъ фиксаціямъ, вовторыхъ, вслѣдствіе постепеннаго пониженія процента прибыли отъ энергійныхъ оборотовъ.

Всякому изъ насъ извѣстенъ фактъ общаго постепеннаго пониженія процента доходности. Это грустная истина, съ которою нельзя не мириться. Всякій знаетъ, что прибыли современныхъ промышленныхъ предпріятій ниже прибылей, получавшихся нашими предками. Это легко прослѣдить по такой простой примѣтѣ, какъ процентъ учета торговыхъ векселей. Тотъ, кто знакомъ съ сельскимъ хозяйствомъ, знаетъ также, что система хозяйства экстенсивная даетъ

большій процентъ прибыли на капиталъ, чѣмъ интенсивная. Болѣе интенсивное хозяйство даетъ большій валовой сборъ, большій десятичный доходъ, но за то даетъ меньшій процентъ на затрачиваемый въ хозяйство капиталъ.

Это пониженіе процента барышей составляетъ вѣчное препятствіе, на которое постоянно наталкивается человѣческая предприимчивость. Еслибы люди могли работать исключительно одними оборотами, безъ всякой помощи основнаго капитала, то обороты эти непремѣнно давали бы постепенное пониженіе процента барыша. Но люди не могутъ работать одними оборотами. Всякій человѣкъ болѣе или менѣе капиталистъ. Работая съ основною затратой, предприниматель пускаетъ въ оборотъ часть капитала, напримѣръ, 10 при 100 единицъ основной затраты. Если онъ вздумаетъ его увеличить, пустить 20 вмѣсто 10, онъ наталкивается опять на постепенное пониженіе процента. Предприниматель находитъ исходъ. Онъ перестаетъ форсировать обороты и работаетъ, дѣлая постепенныя фиксаціи. До извѣстнаго предѣла капиталъ можетъ расти въ его рукахъ этимъ способомъ. Но, перейдя этотъ предѣлъ, прибыли его не сразу дѣлаются равными нулю, какъ мы для удобства выше предположили. Онъ начинаютъ падать постепенно, процентъ барыша все понижается. Если предприниматель будетъ форсировать, продолжать работать, не измѣняя приѣма, то процентъ можетъ упасть до нуля, можетъ перейти въ величину отрицательную, барышъ превратится въ убытокъ. Въ этомъ случаѣ является на помощь человѣческая изобрѣтательность, затѣвается фиксація болѣе крупная и сложная, прибыли опять появляются до новаго предѣла работы, когда новое паденіе прибыли вынудитъ предпринимателей искать опять новаго типа фиксаціи.

Такимъ образомъ процентъ прибыли постоянно колеблется, никогда не обращаясь сразу въ нуль, а постепенными паденіями побуждаетъ людей пускаться въ болѣе крупныя фиксаціи, которыя его снова временно поднимаютъ. Помимо же этихъ частныхъ колебаній, общій процентъ прибыли медленно, но вѣрно понижается, и предѣлъ пониженія его на землѣ, очевидно, нуль.

Разумѣется, величина эта предѣльная, величина процента прибыли будетъ вѣчно къ ней стремиться и достигнетъ ее только въ безконечности, точно также какъ несократимая дробь въ десятичной формѣ только въ безконечности достигаетъ своего предѣла.

Процентъ прибыли на землѣ подвергается колебаніямъ еще отъ одного условія, связаннаго съ постепеннымъ ростомъ энергіи въ ру-

какъ людей. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе географическихъ условій, развитіе цивилизаціи не могло совершиться правильно и безпрепятственно, какъ бы постепенно разливаясь по земному шару. Культура доходила до высокой степени въ какомъ-нибудь уголкѣ, и процентъ барышей въ немъ падалъ по общему закону. Затѣмъ открытіе новыхъ земель вдругъ давало неожиданный просторъ для роста валоваго дохода, и процентъ прибыли сразу поднимался колонизаціей. Вотъ, слѣдовательно, еще причина, усложняющая общій ходъ постепеннаго пониженія процента прибылей.

Это постепенное пониженіе процента прибыли должно быть, по видимому, весьма неприятно человѣчеству. Предпріятія наши даютъ все меньшій барышъ,—слѣдовательно, мы съ каждымъ шагомъ впередъ становимся бѣднѣе. По видимому, экономическій прогрессъ ведетъ не къ земному счастью, а совсѣмъ на оборотъ.

Между тѣмъ, если присмотрѣться внимательнѣе къ условіямъ роста капитала, можно указать на обстоятельство, которое вознаграждаетъ людей за эту потерю на процентѣ прибыли. Дѣло въ томъ, что процентъ прибыли падаетъ не только при ростѣ валоваго дохода, при чемъ я подразумѣваю общее паденіе процента, независимое отъ вышеуказанныхъ частныхъ причинъ. Валовой же доходъ можетъ расти только при ростѣ основнаго капитала, причѣмъ обычнымъ слѣдствіемъ является также ростъ отношенія основнаго капитала къ оборотному (4-е свойство). При этомъ я разумѣю, конечно, нормальный ростъ валоваго дохода, при которомъ сохраняется наивыгоднѣйшее отношеніе $\frac{K}{k}$ основнаго капитала къ оборотному, а не форсированное увеличеніе валоваго дохода, когда выгоды временно падаютъ и заставляютъ людей искать новаго исхода для своей дальнѣйшей работы. Далѣе, при увеличеніи $\frac{K}{k}$ растутъ въ извѣстныхъ случаяхъ и отношеніе $\frac{R}{k}$, отношеніе валоваго дохода къ оборотнымъ расходамъ.

Дѣйствительно, назовемъ величину прибыли черезъ S. Тогда

$$R = k + S\% \{K + k\} = k + \frac{S}{100} \{K + k\}$$

$$\text{Отсюда } \frac{R}{k} = 1 + \frac{S}{100} \frac{K}{k} + \frac{S}{100} \quad (A)$$

То-есть, отношеніе $\frac{R}{k}$ растетъ въ томъ случаѣ, если отношеніе $\frac{K}{k}$ растетъ быстрѣе, чѣмъ уменьшается отношеніе $\frac{S}{100}$.

Отношеніе валоваго дохода къ оборотному капиталу растетъ въ томъ случаѣ, если отношеніе величины основнаго капитала къ оборотному растетъ быстрѣе, чѣмъ уменьшается процентъ прибыли.

Чѣмъ же насъ интересуеетъ это отношеніе $\frac{R}{k}$?

Представимъ себѣ на минуту, что человѣчество вдругъ перестало заботиться объ увеличеніи своего валоваго дохода. Представимъ себѣ, напримѣръ, что люди вдругъ лишились способности увеличивать свое число, что число рожденій вдругъ сдѣлалось строго равнымъ числу смертей. Спрашивается, чѣмъ люди будутъ измѣрять свой достатокъ? При этомъ на время совершенно оставимъ въ сторонѣ условія распредѣленія,—предположимъ, что всѣ получаютъ по ровну.

Передъ тѣмъ какъ говорить о причинахъ, побуждающихъ людей увеличивать свой валовой доходъ, мы взяли такой примѣръ: взяли предпринимателя съ капиталомъ основнымъ въ 100 единицъ, оборотнымъ въ 10, наивыгоднѣйшее отношеніе $\frac{K}{k} = 10$, процентъ S тоже = 10; мы заставили его довести фиксацію до 500 единицъ, при оборотномъ капиталѣ въ 50 и валовомъ доходѣ въ 105 единицъ.

Мы говорили тогда, что изъ 105 единицъ валоваго дохода только 50 необходимы ему для текущей работы,—остальные же 55 онъ можетъ тратить по своему усмотрѣнію на роскошь, на удобства, на удовольствія и т. п. Очевидно, что всякій изъ насъ будетъ измѣрять свой достатокъ не тою необходимою величиною дохода въ 50 единицъ, которая нужна для текущей работы, а именно излишкомъ въ 55 единицъ. Чѣмъ больше будетъ отношеніе $\frac{R}{k}$, тѣмъ больше будетъ и излишекъ $R - k$.

Основной капиталъ есть результатъ работы предыдущей, уже оконченной, которая не играетъ уже роли въ трудахъ текущихъ. Въ счетъ оборотныхъ расходовъ мы включали также расходы на ремонтъ, поддержаніе и даже возобновленіе основнаго капитала. У насъ будетъ передъ глазами случай въ родѣ того, какъ еслибы какой-нибудь труженикъ копилъ себѣ состояніе, приобрѣлъ бы, наконецъ, имѣніе, сталъ бы вести въ немъ хозяйство и пересталъ бы отлаживать. Чѣмъ бы онъ сталъ измѣрять свой достатокъ? Вѣдь не процентомъ прибыли, а величиною чистаго дохода. Приятнѣе получать 100,000, если они составляютъ только одинъ процентъ на капиталъ, чѣмъ 100 руб., если они даже составляютъ 25% на капиталъ.

Нашу формулу $R = k + \frac{S}{100} \{K + k\}$ можно написать еще такъ

$$R - k = \frac{S}{100} \{K + k\} \quad (B).$$

„ $R - k$ “ есть, очевидно, чистый доходъ человѣчества, такъ какъ въ k мы включили всѣ расходы текущія, даже расходы на ремонтъ и на возобновленіе основнаго капитала.

Въ уравненіи нашемъ величина $R - k$, очевидно, можетъ расти только въ случаѣ роста второй части равенства. Но величина S , какъ мы знаемъ, не растетъ, а падаетъ. Слѣдовательно второй множитель $\{K + k\}$ долженъ расти быстрѣе, чѣмъ будетъ падать S . Въ этомъ второмъ множителѣ могутъ расти двѣ величины: K и k . Но опять-таки ростъ k уменьшаетъ величину первой части равенства $R - k$, и притомъ больше, чѣмъ увеличиваетъ вторую часть, ибо во второй части k является умноженнымъ на $\frac{S}{100}$, $S < 100$. Слѣдовательно, ростъ $R - k$ зависитъ исключительно отъ роста K , и притомъ K должно расти быстрѣе, чѣмъ падаетъ S . При ростѣ K долженъ, очевидно, расти и k , а съ ростомъ k будетъ падать $R - k$, если отношеніе $\frac{R}{k}$ уменьшится. Но изъ уравненія (A)

$$\frac{R}{k} = 1 + \frac{S}{100} \frac{K}{k} + \frac{S}{100}$$

мы видимъ, что величина $\frac{R}{k}$ не упадетъ, если $\frac{K}{k}$ будетъ расти быстрѣе, чѣмъ упадетъ $\frac{S}{100}$.

Чистый доходъ человѣчества можетъ расти при ростѣ оборотовъ, не сматривая на паденіе процента прибыли, если отношеніе основнаго капитала къ оборотному растетъ быстрѣе, чѣмъ падаетъ процентъ прибыли.

Ростетъ ли дѣйствительно чистый доходъ человѣчества или по крайней мѣрѣ такъ-называемыхъ цивилизованныхъ націй? На это можно точно отвѣтить только съ цифрами въ рукахъ. Но и по простымъ соображеніямъ можно предполагать, что онъ дѣйствительно растетъ. Процентъ прибыли понизился почти нечувствительно за наше вѣдѣніе. Отношеніе же основнаго капитала человѣчества къ оборотному выросло значительно, поразительно. Какая громадная разница между отношеніемъ топора къ рабочему и отношеніемъ стоимости версты рельсоваго пути съ подвижнымъ составомъ къ текущимъ поверстнымъ расходамъ на движеніе, ремонтъ и погашеніе!.. Но опять-

таки повторяю, точный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать только статистика.

Мы можемъ вывести изъ нашего положенія еще одно интересное слѣдствіе, которое вытекаетъ само собою изъ вышесказаннаго. Именно, мы можемъ сказать:

Необходимое условіе возростанія экономическаго благосостоянія человѣчества есть возростаніе отношенія его основнаго капитала къ оборотному его капиталу, возростаніе отношенія запаса энергии въ видѣ силы направляющей къ необходимой цифрѣ расхода энергии въ видѣ силы двигательной.

Резюмируемъ наши выводы.

Говоря объ условіяхъ, при которыхъ человѣкъ можетъ увеличить производительность своего труда, мы установили четыре основныя положенія:

1) Необходимое условіе увеличенія производительности работцъ человѣка составляетъ предварительная затрата на силу направляющую.

2) Такая затрата возможна только въ такомъ случаѣ, если у человѣка имѣется извѣстный запасъ энергии въ потенціальномъ видѣ, который ему вѣтъ необходимости непосредственно расходовать.

3) Такъ какъ запасъ на силу направляющую требуетъ опредѣленнаго единовременнаго расхода, то запасъ энергии долженъ быть на столько великъ, чтобъ его хватило на эту единовременную затрату, и кромѣ того, въ извѣстныхъ случаяхъ осталось бы достаточно энергии на расходъ въ видѣ силы двигателя или на добываніе двигателя.

4) При данномъ количествѣ и формѣ энергии въ видѣ силы направляющей въ распоряженіи человѣка, количество силы двигательной, которую онъ можетъ съ пользою расходовать, колеблется въ извѣстныхъ предѣлахъ (примѣръ молотилки). Прибавимъ, что въ каждомъ данномъ случаѣ есть наивыгоднѣйшая величина этого количества (восемь лошадей для восьмиконной молотилки).

Навонецъ прибавимъ еще положеніе:

5) Запасъ энергии, который можетъ быть обращенъ на затрату на силу направляющую, образуется изъ излишковъ валоваго результата работы человѣка, за вычетомъ изъ него необходимой для работы силы двигательной, если эти излишки могутъ быть сохранены въ потенціальномъ видѣ.

Эти положенія мы можемъ выразить теперь другими словами такъ:

1) Необходимое условіе увеличенія производительности труда челоуѣка—предварительная основная затрата. предварительное созданіе основнаго капитала (пріемовъ, орудій, обстановки производства).

2) Такая затрата возможна только при наличности запаснаго капитала, которому нѣтъ необходимости участвовать въ текущей работѣ.

3) Этотъ запасный капиталъ долженъ быть достаточнымъ для покрытія опредѣленной, единовременной затраты, которая является величиной вполнѣ опредѣленною для cadaго даннаго типа основной затраты и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для покрытія текущихъ расходовъ до конца перваго оборота.

4) Каждый типъ основной затраты допускаетъ опредѣленную наиблагоднѣйшую величину отношенія величины затраты основной къ оборотной $\frac{K}{k}$. Величина расходовъ текущихъ, до которыхъ обороты могутъ быть доведены съ пользой для дѣла, имѣетъ предѣлъ. По достиженіи этого предѣла, предпринимателю остается откладывать излишекъ. Выгоднѣе для него откладывать этотъ излишекъ при наиблагоднѣйшей величинѣ отношенія $\frac{K}{k}$.

5) Запасъ излишковъ, если онъ можетъ быть сохраненъ въ потенціальному видѣ, является матеріаломъ для дальнѣйшихъ фиксацій.

Къ этимъ пяти положеніямъ мы можемъ добавить еще слѣдующія:

6) Въ каждый данный моментъ экономической дѣятельности какой-нибудь изолированной группы людей на ограниченномъ пространствѣ земли, возможный для нея валовой доходъ имѣетъ предѣлъ, зависящій отъ величины и вида основнаго капитала группы. Предѣлъ этотъ можетъ отодвигаться новыми фиксаціями болѣе крупнаго и сложнаго типа.

7) Самыя выгодныя въ смыслѣ быстроты роста валоваго дохода—фиксаціи мелкія. Онѣ же и самыя доступныя. Но когда онѣ болѣе или менѣе исчерпываются, у челоуѣка является и необходимость, и возможность болѣе крупныхъ затратъ, ибо необходимость эта является только на извѣстной степени величины валоваго дохода. Чѣмъ крупнѣе фиксаціи, тѣмъ большія усложненія допускаютъ онѣ въ своемъ устройствѣ и тѣмъ больше позволяютъ экономизировать силу двигателя. Такъ что чѣмъ крупнѣе фиксація, тѣмъ выгоднѣе можетъ быть въ ней отношеніе $\frac{K}{k}$ и разность $R-k$, то-есть, отношеніе затраты основной къ необходимымъ текущимъ оборотнымъ расходамъ и разность между величиной валоваго дохода и необходимыми текущими оборотными расходами.

8) Необходимое условіе экономическаго прогресса и роста благосостоянія человѣчества есть возростаніе отношенія $\frac{K}{k}$, отношенія основнаго капитала къ оборотному капиталу человѣчества, отношенія суммы энергіи въ видѣ силы направляющей въ распоряженіе человѣка къ необходимой цифрѣ расхода энергіи въ видѣ силы двигательной.

9) Валовой доходъ человѣчества имѣетъ предѣлъ, зависящій отъ геометрическихъ размѣровъ земли, и человѣчество къ нему будетъ постепенно приближаться, при чемъ процентъ прибыли будетъ, вообще говоря, постепенно падать. Поэтому достаточное условіе роста экономическаго благосостоянія человѣчества, зависящее отъ роста чистаго дохода $R - k$, будетъ то, если ростъ $\frac{K}{k}$ отношеніе основнаго капитала къ оборотному будетъ расти быстрее, чѣмъ будетъ падать процентъ прибыли.

10) Двѣ причины побуждаютъ человѣчество заботиться объ увеличеніи своего основнаго капитала. Первая—необходимость увеличить свой валовой доходъ энергіи въ виду потомства, возростанія численности. Вторая — сопряженный съ ростомъ $\frac{K}{k}$, ростъ чистаго дохода.

Теперь вамъ легко себѣ представить общій ходъ экономическаго развитія человѣчества, при чемъ мы на время совсѣмъ оставимъ въ сторонѣ условія распредѣленія. Ходъ экономическаго прогресса вполне сходенъ съ общимъ ходомъ развитія органической жизни на землѣ. Онъ идетъ путемъ постепенныхъ фиксацій. Въ началѣ, на низшей степени развитія естественно, что люди выбрали самыя мелкія фиксаціи, требующія меньшей единовременной затраты, также какъ въ мірѣ организмовъ первыми являются простѣйшія растенія и животныя. Чѣмъ мельче фиксація, тѣмъ болѣе ростъ капитала подходитъ къ росту оборотами, къ правилу сложныхъ процентовъ, тѣмъ болѣе напоминаетъ онъ ростъ численности организмовъ простѣйшихъ, которые размножаются дѣленіемъ, распаденіемъ на части. Естественно, что по мѣрѣ того, какъ достигается допускаемый ими предѣлъ валоваго дохода по мѣрѣ того, какъ форсированіе оборотовъ ведетъ только къ пониженію процента прибыли, даже къ убыткамъ,—въ человѣчествѣ или въ какой-нибудь группѣ людей начинается глухая внутренняя работа, возбуждаемая стремленіемъ къ увеличенію валоваго и чистаго дохода. Работа эта разрѣшается изобрѣтеніемъ и созданіемъ фиксацій болѣе крупныхъ и сложныхъ.

Также и въ мірѣ организмовъ, когда организмы даннаго типа достигаютъ доступнаго имъ предѣла численности, начинается глухая внутренняя работа самоусовершенствованія, которая выдвигаетъ организмы болѣе сложныя. Созданіе болѣе крупныхъ фиксацій замедляетъ ростъ капитала, ростъ энергіи въ рукахъ человѣка, и хотя цифра его оборотовъ при этомъ растетъ, но быстрота этого роста уменьшается. Быстрота роста энергіи уменьшается еще отъ общей причины, пониженія процента прибыли.

Такимъ образомъ, ростъ богатства человѣчества продолжаетъ неуклонно идти впередъ постепенными фиксаціями, постепенно увеличивая свои размѣры и постепенно замедляя свою быстроту, пока оно не достигнетъ предѣла оборотовъ энергіи, допускаемыхъ геометрическими размѣрами земнаго шара. Къ предѣлу этому человѣчество будетъ вѣчно стремиться, но такъ какъ каждый шагъ эконолическаго прогресса въ смыслѣ роста капитала сопровождается соответственнымъ возростаніемъ медленности этого роста, то мы въ правѣ предположить, что человѣчество достигнетъ этого предѣла только въ безконечности.

Въ этомъ порядкѣ роста капитала есть особенности, которыя легко освѣтить историческими примѣрами. Мы знаемъ, что когда валовой доходъ, доступный при наличности извѣстнаго типа фиксацій, близится къ своему предѣлу, это выражается временнымъ паденіемъ процента прибыли. Онъ падаетъ тогда, когда оборотный капиталъ переходитъ наиболѣе выгодную величину, допускаемую наличнымъ типомъ основнаго капитала. Но если нѣтъ иного исхода народнымъ сбереженіямъ, они все-таки пускаются снова въ оборотъ, стремясь не оставаться въ бездѣйствіи и принести хоть какую-нибудь пользу владѣльцамъ и такимъ образомъ продолжаютъ форсировать обороты и валовой доходъ. Въ это время предприимчивые люди начинаютъ все напряженнѣе искать новыя фиксаціи. Тутъ-то и начинается возникновеніе тѣхъ крупныхъ предпріятій, которыя даютъ исходъ чрезмѣрно накопившимся запасамъ капитала. Процентъ барыша этихъ новыхъ предпріятій обыкновенно ниже того процента барыша, который давали прежнія при наиболѣе выгодномъ отношеніи основнаго капитала къ оборотному. Но съ увеличеніемъ суммы этого оборотнаго капитала, съ увеличеніемъ ненормальнаго напряженія производства, это наивыгоднѣйшее отношеніе измѣнилось, процентъ барыша соответственно упалъ, и процентъ барыша новыхъ предпріятій становится все-таки выше того ходячаго процента ба-

рыша, какой оказывается въ моментъ, наиболѣе благопріятный для возникновенія этихъ новыхъ предпріятій.

Процессъ этотъ постоянно происходитъ на нашихъ глазахъ. Но бывають моменты въ исторіи, когда какой-нибудь внѣшній толчекъ, прекращеніе войны, или другое что-нибудь, даетъ вдругъ неожиданно быстрое возростаніе оборотовъ. Потребность въ новыхъ фиксаціяхъ становится тогда на столько напряженною, что вызываетъ увлеченіе, затѣвается фиксацій больше, чѣмъ сколько можно выполнить наличнымъ запаснымъ капиталомъ; для окончанія ихъ начинаютъ черпать изъ оборотнаго капитала страны, и наступаетъ торговый кризисъ. Въ обычное же время затѣваемые фиксаціи строго согласуются съ наличными средствами.

Никто изъ политико-экономовъ до сихъ поръ не указалъ на изложенный порядокъ роста капитала, никто не указалъ на роль фиксацій, какъ истока для сбереженій, остающихся внѣ оборотовъ, на роль фиксацій въ увеличеніи валоваго и чистаго дохода страны всего человѣчества. Джонъ Стюартъ Милль, кажется, — единственный писатель, который указывалъ на предѣлъ роста оборотнаго капитала. Но и онъ привалъ, собственно говоря, болѣзненное окончаніе фиксацій иногда кризисомъ за явленіе нормальное, и въ своей Политической Экономіи говоритъ, что „истоконъ для излишка накопившагося капитала являются потери во время кризисовъ“.

На правильный ходъ роста капитала имѣеть вліяніе еще другое обстоятельство, вертикальный разрѣзъ почвы земли. Развитіе цивилизаціи выбираеть наиболѣе приспособленныя къ тому по своимъ географическимъ и инымъ условіямъ страны. На извѣстной ступени развитія основнаго капитала въ такой странѣ къ интенсивной прибавкѣ валоваго дохода является возможность присоединить и экстенсивное увеличеніе оборотовъ. Явится возможность увеличить доступный районъ работы, расширить географическіе предѣлы доступной среды дѣятельности, съ помощью открытій и расчистки новыхъ земель, колонизаціи, осушки болотъ и т. п. Въ это время процентъ барыша растетъ такъ, что можетъ даже превысить процентъ барыша, который получался до экстенсивнаго расширенія оборотовъ. Открытіе новыхъ неизвѣстныхъ европейцамъ странъ имѣло результатомъ быстрое возростаніе валоваго дохода человѣчества и увеличеніе процента барыша. Такому экстенсивному увеличенію есть еще просторъ для челевѣчества. Далеко еще не вся земная площадь эксплуатируется челевѣкомъ.

Экономическое развитіе челевѣчества, какъ мы уже говорили, пе-

реживаеть по временамъ кризисы, происходящія въ большинствѣ случаевъ отъ того, что потребность въ фиксаціи, при быстромъ возрастаніи оборотнаго капитала, достигаетъ остраго, напряженнаго характера. Подобное явленіе можетъ лучше всего освѣтить характеръ того стремленія къ фиксаціи, о которомъ мы говорили. Я здѣсь приведу въ видѣ примѣра описаніе того напряженнаго состоянія поисковъ новыхъ фиксацій, которое предшествовало кризису 1824 года въ Англіи. Напряженность эта произошла отъ причинъ случайныхъ: окончаніе войны съ Франціей и отмѣна континентальной системы въ 1814 году вызвали оживленіе промышленности и дали возможность англійскому банку возстановить размѣнъ своихъ билетовъ на золото въ 1819 году. Съ этого же времени начался рядъ урожайныхъ годовъ, вслѣдствіе которыхъ, не смотря на жалобы сельскихъ хозяевъ на низкія цѣны, промышленность получила такія огромныя средства для увеличенія производства, что накопленіе капиталовъ быстрыми шагами пошло впередъ и вскорѣ достигло такихъ размѣровъ, что доставило возможность создать колоссальныя предпріятія ¹⁾. 1824 годъ—цитируетъ Максъ Виртъ миссъ Гарриетъ Мартино—, начался среди такого изобилія, что вмѣсто прежнихъ жалобъ, между капиталистами всѣхъ категорій только и слышны были выраженія радужныхъ надеждъ на возрастаніе богатства. Спросъ на всевозможные продукты сельскаго хозяйства шелъ постоянно въ гору... Но жалобъ на высокую цѣну не было слышно, такъ какъ почти всѣ классы работниковъ находили себѣ достаточно занятій. Владѣльцы желѣзныхъ заводовъ ликовали, торговля желѣзомъ шла бойко, хлопчатобумажное и шерстяное производство значительно увеличивалось⁴.

„Увеличившееся благосостояніе среднихъ классовъ такъ бросается въ глаза“—цитируетъ далѣе М. Виртъ современника кризиса,— „что мы не можемъ прогуляться по полямъ, ни зайти въ лавку, ни взглянуть въ мастерскія и магазины, не замѣтивъ поражающихъ перемѣнъ, которыя произошли въ немногіе годы. Мы видимъ, что поля лучше воздѣланы, житницы полнѣе набиты хлѣбомъ, лошади, коровы и овцы многочисленнѣе и лучше содержаны, всевозможные сельскохозяйственныя орудія и принадлежности совершеннѣе по своему матеріалу. Въ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ, лавки многочисленнѣе и красивѣе по внѣшнему своему виду, различные сорта товаровъ въ нихъ лучше отдѣлены одинъ отъ другаго,—дѣленіе, без-

¹⁾ Максъ Виртъ. Исторія торговыхъ кризисовъ, стр. 72.

спорно свидѣтельствующее о возросшемъ числѣ покупателей. Мы встрѣчаемъ товары всевозможныхъ сортовъ, предусмотрительно заготовленные въ виду различныхъ потребностей, денежныхъ средствъ и даже причудъ различнаго рода публики. Это усиленное повсемѣстно распространенное умноженіе товаровъ и всякаго добра составляетъ несомнѣнный признакъ процвѣтанія. То же явленіе можно прослѣдить и въ мануфактурахъ, какъ на массахъ сырья въ различныхъ производствахъ, такъ и на обрабатываемыхъ продуктахъ въ различныхъ стадіяхъ ихъ обработки, и въ различныхъ подраздѣленіяхъ этихъ стадій; при этомъ мы увидимъ не только возрастаніе богатства, но и тѣ пути, которыми достигается это возрастаніе. Еслибы, затѣмъ, мы могли подняться нѣсколько выше, и окинуть взглядомъ счета банковъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, какъ малыхъ, такъ и большихъ, то мы убѣдились бы, что суммы, остающіяся у нихъ свободными по заключенію счетовъ и выжидающія благоприятныхъ перемѣнъ въ цѣнахъ товаровъ, чтобы найти себѣ употребленіе или пристроиться подъ проценты, увеличились до громаднхъ размѣровъ. Это уже, впрочемъ, достаточно явствуетъ изъ низкаго уровня процентовъ текущаго государственнаго долга, изъ положенія финансоваго рынка, изъ жадности, съ какою подхватывается всякій проэктъ, отрывающій капиталамъ возможность помѣщенія, и изъ всеобщихъ жалобъ на то, что нѣтъ возможности извлекать изъ своихъ денегъ проценты. Проэктъ постройки тоннелей, желѣзныхъ дорогъ (къ которымъ въ то время, конечно, еще не помышляли примѣнять локомотивы), каналовъ и мостовъ, а также увлеченіе, съ которымъ подхватываются эти проэктъ,—все это свидѣтельствуеъ о томъ, какая масса сбереженій накопилась въ среднемъ сословіи^а.

Изъ этого описанія мы видимъ, что обороты въ Англіи достигли того предѣла, какой допускался географическими условіями района производства, съ одной стороны, и типомъ и величиной основнаго капитала страны — съ другой. Излишки отъ оборотовъ накоплялись въ рукахъ ихъ владѣльцевъ и въ банкахъ, снова пускались въ дѣло, обороты форсировались и процентъ прибыли все падалъ. Промышленность перепробовала всѣ извѣстные виды и типы фиксацій, комбинировала, разнообразила ихъ, конкуренты старались обстановкой сбыта перебить другъ у друга покупателей. Но процентъ прибыли все падалъ и потребность фиксацій все росла.

Максъ Виртъ даетъ цѣлый списокъ займовъ иностранныхъ государствъ ССЛХІІ, отд. 2.

дарствъ, которые были сдѣланы въ Англіи въ теченіе двухъ лѣтъ, благодаря обилію свободныхъ капиталовъ и низкому уровню процентовъ. Но капиталъ, помѣщенный въ процентныхъ бумагахъ, есть капиталъ на покоѣ, и процентъ, который онъ приноситъ, болѣе или менѣе проченъ, но не высокъ. Такой исходъ не удовлетворялъ требованіямъ дѣятельныхъ фиксацій. И дѣйствительно, Максъ Виртъ даетъ намъ списокъ крупныхъ акціонерныхъ обществъ, которыя возникли въ 1824 и 1825 годахъ и дали исходъ излишкамъ, требовавшимъ фиксацій. Вотъ этотъ списокъ:

Въ 1824 и 1825 годахъ—говорить Максъ Виртъ—были основаны, между прочимъ, слѣдующія общества:

до 20 обществъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ съ капиталомъ	13.500,000 ф. ст.
92 банковыхъ и страховыхъ общества съ капиталомъ въ	32.260,000 „ „
11 обществъ для приготовленія газа съ капиталомъ въ	8.000,000 „ „
8 англійскихъ и ирландскихъ обществъ для разработки копей съ капиталомъ	3.600,000 „ „
17 обществъ для разработки черноземныхъ рудъ съ капиталомъ въ	18.200,000 „ „
9 обществъ для сооруженія каналовъ, доковъ, пароходовъ съ капиталомъ въ	10.580,000 „ „
57 различныхъ обществъ для различныхъ промышленныхъ цѣлей съ капиталомъ въ	12.000,000 „ „
Итого 114 обществъ съ капиталомъ	102.040,000 ф. ст.

Эти общества, дѣйствительно, по видимому, могли бы дать странѣ то, чего она требовала,—новые по размѣру и типу виды фиксацій. Доходность этихъ новыхъ предпріятій обѣщала, по видимому, быть значительно выше ходячаго процента прибыли того времени. И дѣйствительно, между тѣмъ какъ иностранные пяти- и шестипроцентные займы реализовались по курсу 70, 80, 82, 85 за сто, акціи вышеназванныхъ обществъ стали быстро продаваться съ преміей. Извѣстно, что рыночная цѣна акціи рѣдко совпадаетъ съ ея нарицательною цѣною и опредѣляется капитализаціей дохода акціонера, дивиденда, изъ ходячаго процента. Если акція продается вдвое дороже нарицательной цѣны, это значитъ, что дивидендъ по ней выдается вдвое большій, чѣмъ ходячій процентъ на капиталъ. Максъ Виртъ даетъ намъ

способъ убѣдиться въ томъ, что доходъ новыхъ акціонерныхъ обществъ значительно превышалъ ходячій процентъ на капиталъ, именно—онъ даетъ списокъ премій, съ которыми продавались акціи. Бумаги большинства этихъ предпріятій продавались вскорѣ по своемъ выпускѣ съ высокою преміей; такъ, напримѣръ, спросъ на акціи соединенной Мексиканской компаніи для разработки золотыхъ и серебряныхъ рудъ въ Мексику былъ такъ великъ, что основной капиталъ былъ немедленно увеличенъ съ 350,000 фунтовъ стерлинговъ до милліона. Акціи Чилійской рудоконной компаніи, которыя были выпущены въ публику 13-го января 1825 года, на другой же день дали 25 ф. преміи. Подобнымъ же образомъ обстоило дѣло почти со всѣми новыми бумагами; но особенную популярностью пользовались бумаги южно-американскихъ обществъ для разработки рудъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ, относящихся къ главнѣйшимъ изъ нихъ:

	Размѣръ акцій.	Взносъ.	Состояніе премій:	
			2 дек. 1824 г.	2 янв. 1825 г.
Англо-Мексиканская ком- панія	100	10	33	150
Соединенная Мексиканская	40	10	35	155
Реаль-дэль-Монтская	400	70	550	1350
Колумбійская	100	10	10	82
Буэносъ-Айресская	100	10	15	45

Положимъ, что высота премій во многихъ отношеніяхъ была вызвана искусственно, для цѣлей биржевой игры. Тѣмъ не менѣе, вышеприведенный способъ является нагляднымъ доказательствомъ того, что фиксаціи болѣе высокаго порядка являлись искомымъ источникомъ для накопившихся, свободныхъ отъ текущей работы остатковъ. Тотъ фактъ, что акціи черезъ короткій промежутокъ времени сдѣлались въ $1\frac{1}{2}$ два и три раза дороже, доказываетъ обиліе капиталовъ и стремленіе ихъ къ фиксаціямъ независимо даже отъ биржевыхъ маневровъ. Какъ бы ни малъ былъ первоначальный взносъ, какъ бы онъ ни облегчалъ биржевыя спекуляціи,—для того, чтобы выплатить капиталъ, вдвое больше того, который предполагалось затратить, необходимо имѣть серьезный запасъ свободныхъ наличныхъ капиталовъ.

Напряженіе поисковъ фиксацій въ 1824 и 1825 годахъ было такъ велико, что въ концѣ концовъ вызвало къ жизни гораздо больше предпріятій, чѣмъ могло быть выполнено наличными средствами. Кроме того, специалисты по части пусканія въ ходъ акцій на биржѣ

стали создавать предприятия исключительно съ цѣлью биржевой игры. Такъ, „въ 1825 году было представлено до 438 ходатайствъ о концессіяхъ частнымъ обществамъ на сооруженіе пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, и выдано до 280 разрѣшеній“. Проекты иногда поражали своей наивностью. Такъ одни спекуляторы, говорятъ, послали въ Рио-Жанейро грѣлки для постелей и коньки—для народа, никогда не видавшего льда! Но самый кризисъ насъ не интересуетъ. Благодаря ему, мы можемъ ознакомиться въ описаніи историка съ процессомъ фиксаціи, который въ обыкновенное время ускользаетъ отъ вниманія наблюдателя. Будь въ 1825 году цифра затратъ нѣсколько меньшая,—будь она подъ силу наличнымъ свободнымъ капиталамъ, мы имѣли бы передъ собою картину обыкновеннаго хода вещей. Кризисъ не произошелъ бы, и мы лишились бы описанія историка.

XI.

Устойчивое равновѣсіе заработковъ и доходовъ также немнимо, какъ и устойчивое неравновѣсіе ихъ. Нормальный ходъ экономическаго прогресса поднимаетъ общую минимальную величину заработковъ и доходовъ.

Вернемся теперь къ нашей задачѣ, отъ которой мы временно отступили, чтобы ввести новый элементъ въ наши разсужденія. Этотъ элементъ мы уже разобрали. Мы познакомились съ капиталомъ, съ ролью его въ работѣ человѣка, съ законами его роста въ рукахъ людей. Посмотримъ, какое вліяніе этотъ новый элементъ имѣетъ на распредѣленіе и обратно. Вернемся же къ нашему численному примѣру. Мы взяли группу людей, состоящую изъ 36 работниковъ, которые раздѣлили полную работу на три отрасли, и въ каждой отрасли мы сперва предположили одинаковое число людей—по 12. Затѣмъ мы предположили, что одинъ изъ работающихъ въ первой группѣ нашелъ способъ учетверить результатъ своей работы. Мы видѣли, какое колебаніе это событіе произвело въ мѣнновой цѣнности произведеній и въ равновѣсіи заработковъ группы. Затѣмъ мы указали на два момента, которые явились слѣдствіемъ этой пертурбаціи. Первый моментъ, переходъ четырехъ рабочихъ изъ первой отрасли во вторую и третью, уравнилъ мѣнновую цѣнность произведеній, а съ тѣмъ вмѣстѣ привелъ снова къ единичѣ заработка всѣхъ, кромѣ

изобрѣтателя улучшенія производства. Второй моментъ: изобрѣтатель нанялъ трехъ товарищей, заплативъ имъ $1\frac{1}{2}$ единицы вмѣсто одной, которую они самостоятельно зарабатывали и расширилъ производство тѣмъ же приѣмомъ, какимъ ему удалось учетверить результаты своего труда.

Новое пониженіе мѣновой цѣнности произведеній первой отрасли заставило опять остальныхъ четырехъ человѣкъ уйдти изъ нея во вторую и третью. Тогда мѣновая цѣнность товаровъ снова уравновѣсилась, и заработки пришли снова къ единицѣ, кромѣ нѣкоторыхъ. Однимъ словомъ, изъ первоначальнаго своего состоянія

	1-й отрасли	2-й	3-й
	12	человѣкъ 12	12
дѣлаютъ	12	единиць 12	12

наша группа пришла въ такое:

1-ая отрасль

	хозяинъ себѣ	4	единицы		4
1-й рабочій	хозяину	$2\frac{1}{2}$	"	себѣ $1\frac{1}{2}$	4
2-й	"	тоже	$2\frac{1}{2}$	"	$1\frac{1}{3}$ 4
3-й	"	тоже	$2\frac{1}{2}$	"	$1\frac{1}{2}$ 4

Итого. . $11\frac{1}{2}$ единиць, себѣ $4\frac{1}{2}$ 16

Во 2-й и 3-й отрасляхъ по 16 рабочихъ сдѣлали по 16 единицъ продукта. Мѣновая цѣнность, заработки—тоже, кромѣ иныхъ.

Мы уже знаемъ, что увеличеніе производительности труда произошло не иначе, какъ предварительною затратой на силу направляющую, предварительною фиксаціей. Для того, чтобъ учетверить результатъ своего труда, предприниматель долженъ былъ выдумать и сдѣлать орудіе, которое, какъ мы предположили, стоило ему одинъ день работы и въ теченіе четырехъ дней увеличивало его работу въ 5 разъ, а затѣмъ требовало еще одного дня на свое возобновленіе.

Разбирая воображаемые случаи мѣны, когда производство велось безъ всякаго участія капитала, мы принимали потребительную стоимость произведеній одного рабочаго за единицу. Мѣновая цѣнность товара, потребительная цѣнность котораго была равна единицѣ, тоже оказывалась равною единицѣ. Абсолютная же стоимость представляла величину нѣсколько меньшую, но отношеніе потребительной и мѣновой цѣнностей къ абсолютной для всѣхъ товаровъ оставалось одинаково.

Въ нашемъ послѣднемъ примѣрѣ это обстоятельство измѣнилось;

нашъ предприниматель сумѣлъ получать больше даже за вычетомъ расхода на орудіе производства, на фиксацію. Возвращеніе расхода на фиксацію является вполне правильнымъ, но сверхъ того, является еще прибавка, чисто предпринимательскій барышъ. Есть ли у членовъ группы какіе-нибудь шансы дать возможность всѣмъ членамъ группы извлечь пользу изъ этой прибавки? Можетъ ли колебаніе величины зарботковъ опять стремиться къ равновѣсію? По крайней мѣрѣ является ли какая-нибудь польза прочимъ членамъ группы отъ улучшенія производства однимъ участникомъ.

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, мы должны оставить ограниченную по числу людей группу, которую до сихъ поръ разсматривали, и перенестись въ дѣйствительную жизнь, гдѣ миллионы людей раздѣлили полную работу на тысячи отраслей. Когда въ дѣйствительной жизни является кто-нибудь, кто нашелъ приемъ, удешевляющій производство, онъ имъ пользуется наиболее выгоднымъ способомъ, такимъ, который какъ можно быстрѣе увеличиваетъ общую сумму его чистой выручки. Очевидно, что лучшимъ приемомъ для этой цѣли будетъ усиленіе производства. Въ многочисленной группѣ усиленіе производства не будетъ ограничено такими тѣсными предѣлами, какъ въ группѣ изъ 36 человекъ, тѣмъ не менѣе усиленіе производства произведетъ извѣстное колебаніе въ мѣнновой цѣнности. Можетъ даже случиться, что не весь товаръ отрасли, усилившей производство, будетъ распроданъ. Извѣстно, что въ торговлѣ цѣны устанавливаются не сразу и не однообразныя. Иному случится продать дороже, иной продешевить, а третій захочетъ выдержать цѣну и оставить товаръ за собою. Такъ вотъ нашъ предприниматель, пользуясь уменьшеніемъ абсолютной цѣнности своего товара, можетъ продать его дешевле. Что за бѣда, если онъ уменьшитъ свой барышъ въ 10 разъ, и при этомъ увеличитъ продажу въ 20 разъ. Все-таки общая сумма его барыша будетъ вдвое больше. Въ предприимчивой, промышленной странѣ нашему предпринимателю не дадутъ расширить свои обороты дальше извѣстнаго предѣла. Рано или поздно явятся конкурренты, переймутъ его приемъ работы и не уступятъ даже въ дешевизнѣ.

Мы уже видѣли, что увеличеніе производительности труда производитъ пертурбацію въ мѣнновой цѣнности и зарботкахъ. Мы видѣли, что восстановленіе равновѣсія мѣнновой цѣнности снова приводитъ минимумъ зарботковъ къ прежней величинѣ, къ единицѣ. Но если вся первая отрасль производства перейметъ приемъ нашего перваго

изобрѣтателя и соотвѣтственно понизить мѣновую цѣнность своихъ продуктовъ, то благодаря новому приему, заработки конкурентовъ предпринимателей никакъ ужь не упадутъ ниже общей нормы, какъ было съ рабочими, которые продолжали бы работать въ первой отрасли прежнимъ приемомъ. Съ другой стороны, мѣновая цѣнность произведеній прочихъ отраслей пропорціонально повысится, а съ нею и минимальная величина заработка будетъ уже выше единицы.

Изъ всего сказаннаго мы можемъ вывести три слѣдствія:

1) Появленіе одного предпринимателя, сумѣвшаго найти приемъ, удешевляющій производство, въ группѣ раздѣлявшей трудъ, оставляетъ мѣновую цѣнность и заработки при прежней величинѣ. Вся прибавка разницы между мѣною цѣнностью продукта и удешевленною абсолютною цѣнностью его поступаетъ въ пользу этого предпринимателя.

2) Стремленіе расширить обороты, съ одной стороны, и конкуренція—съ другой, стремятся привести мѣновую и абсолютную цѣнность къ прежней пропорціи, и уменьшеніе абсолютной цѣнности, удешевленіе производства, дѣлается такимъ образомъ постепенно достояніемъ всей группы.

3) Вслѣдствіе этого возвышается минимальная величина зарплатъ во всѣхъ прочихъ отрасляхъ, такъ какъ за ту же сумму товара, абсолютная стоимость которой не поднялась, рабочіе всѣхъ другихъ отраслей получаютъ въ обмѣнъ больше товаровъ первой отрасли.

Доказывать справедливость этихъ выводовъ излишне. Каждому изъ насъ извѣстно, какъ конкуренція производителей понижаетъ цѣну товаровъ, и какъ вслѣдствіе удешевленія ихъ они дѣлаются постепенно все болѣе общедоступными. Всѣ мы видимъ, какъ дешева фабрика въ постепенно скрашиваетъ и улучшаетъ обстановку самыхъ убогихъ труженниковъ. Два вѣка тому назадъ сальная свѣчка составляла предметъ роскоши у французскихъ придворныхъ, теперь же въ крестьянской избѣ встрѣчаете керосиновую лампу. Въ этомъ состоитъ вліяніе прогресса на распредѣленіе.

Посмотримъ теперь, каково вліяніе распредѣленія на ростъ капитала.

Прежде всего, оставляя въ сторонѣ распредѣленіе, мы уже знаемъ, что необходимое условіе возможности увеличенія производительности труда есть предварительная фиксація. Никакой прогрессъ не возможенъ, если нѣтъ предварительно подготовленнаго капитала для фик-

саціи. Наличность этого впередъ заготовленнаго капитала, — вотъ первое условіе возможности прогресса.

Но такой капиталъ можетъ возникнуть, или нѣтъ. Если онъ явился, то явился не иначе, какъ въ видѣ остатка отъ оборотовъ, который не выбрасывался въ окно, не тратился зря на форсированіе оборотовъ, а сохранялся въ потенциальномъ видѣ до тѣхъ поръ, пока величина его не достигла цифры, необходимой для единовременной основной затраты. Ясно, что если изъ числа людей, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ, разчетливая бережливость иныхъ дала имъ въ руки средства для увеличенія своего достатка, — никому въ голову не придетъ оспаривать правильность владѣнія имъ. Въ группѣ же, установившей систему взаимной помощи въ работѣ, успѣхъ одного косвенно помогаетъ успѣху другихъ. Поэтому мы въ правѣ предположить, что изъ числа группъ людей, установившихъ взаимную помощь въ работѣ, первенство въ прогрессѣ и выживаніи будетъ принадлежать тѣмъ группамъ, которыя всего лучше будутъ воспитывать въ своихъ членахъ эту бережливость и всего лучше обезпечать право личной собственности каждаго на эти сбереженія.

Кромѣ бережливости, для возможности удачной основной затраты, дающей возростаніе производительности труда, необходимы другія психическія свойства — изобрѣтательность и предприимчивость. Свойства эти часто не вяжутся съ первымъ, съ бережливостію. Предприимчивый человѣкъ часто видитъ комбинаціи, можетъ разчитать и создать условія производства, которыя привели бы его въ богатству, еслибы онъ имѣлъ необходимыя средства. Человѣкъ же бережливый, скупой можетъ легко проглядѣть эту возможность. Кромѣ того, сбереженія должны копиться нѣсколько времени, пока не наберется сумма, достаточная для необходимой единовременной затраты. Между тѣмъ, въ видѣ мелкихъ суммъ въ разныхъ рукахъ можно было бы набрать необходимую цифру.

И вотъ въ группѣ людей, установившей систему взаимной помощи въ работѣ, является новый пріемъ, наемъ капитала. Благодаря ему, является возможность человѣку предприимчивому воспользоваться сбереженіями другаго лица, чтобы создать фиксацію, которая дастъ новый толчекъ болѣе быстрому росту энергіи въ рукахъ указанной группы. Этотъ пріемъ стягиванія сбереженій въ руки предпринимателя облегчитъ и появленіе ему конкурентовъ, и увеличеніе быстроты расширенія оборотовъ съ помощью кредита, что въ свою очередь послужитъ къ популяризаціи выгоды предпринимателя, къ удешевле-

нiю продажной цѣны его произведенiй и увеличенiю числа предметовъ, доступныхъ лицамъ съ минимальнымъ заработкомъ.

Оба вышеозначенныя свойства — умѣнье сберечь, скопить и умѣнье стянуть и направить капиталъ, энергiю—составляютъ свойства, весьма цѣнныя съ точки зрѣнiя природы, съ точки зрѣнiя быстроты роста сумми энергiи лучей солнца, задержанной на землѣ. Нѣтъ сомнѣнiя, что общественное устройство, которое будетъ выдвигать людей съ подобными свойствами, которое будетъ способствовать къ выживанiю ихъ и ихъ потомства, которое будетъ способствовать къ развитiю этихъ свойствъ во всѣхъ членахъ общества; нѣтъ сомнѣнiя, что подобное общественное устройство дастъ новое оружье въ руки группѣ людей въ борьбѣ за существованiе и обезпечить за ея потомствомъ успѣхъ въ выживанiи. И оба вышеупомянутыя свойства значительно выше способности къ мускульной работѣ въ человѣкѣ. Между тѣмъ какъ послѣдняя стоитъ въ предѣлахъ довольно узкихъ, способности сберегать и направлять капиталъ имѣютъ предѣлы несравненно болѣе широкiе.

Резюмируемъ:

1) При появленiи предпринимателя капиталиста въ группѣ, раздѣлившей трудъ, мѣсовая цѣнность товаровъ не падаетъ ниже единицы, и общая минимальная величина заработковъ тоже не падаетъ ниже единицы.

2) Стремленiе предпринимателя расширить обороты, съ одной стороны, и появленiе конкурентовъ — съ другой, понижаетъ цѣну его товаровъ. Въ результатѣ, потребительная цѣнность величины минимальнаго заработка будетъ уже измѣряться не единицей, а величиной болѣею.

3) Появленiе предпринимателя въ группѣ, раздѣлившей трудъ, выгодно группѣ въ смыслѣ увеличенiя быстроты роста энергiи въ ея рукахъ, и наоборотъ быстрота роста капитала въ рукахъ предпринимателя можетъ увеличиться благодаря обстоятельству, которое является слѣдствiемъ общественной связи членовъ группы и установленiю права личной собственности и ненарушимости договоровъ. Дѣйствительно, съ одной стороны, предприниматель всегда можетъ найти нужный ему капиталъ для фиксацiи или расширенiя оборота съ помощью найма его за извѣстный процентъ; съ другой стороны—этотъ заемъ представляетъ удобное помѣщенiе для сбереженiй прочихъ членовъ группы, которыя иначе по недостаточности своей для единовременной затраты при фиксацiи, должны были бы лежать въ без-

дѣйствіи, или, что еще хуже, употреблялись бы для форсированія оборотовъ своихъ владѣльцевъ.

Теперь мы можемъ отвѣтить на нашъ вопросъ желательности и возможности уравненія заработковъ даже въ случаѣ вмѣшательства капитала въ производство.

Прежде всего мы должны отвести этому вопросу подобающее ему мѣсто. Главная цѣль работы человѣчества, задержаніе энергіи лучей солнца. Съ этою главною цѣлью и должно сообразоваться рѣшеніе нашего вопроса.

Изъ уравненія

$$R = k + \frac{S}{100} \{ K + k \}$$

мы знаемъ, что величина чистаго дохода человѣчества зависитъ отъ величины K , а тѣмъ болѣе величина дохода валоваго, то-есть, R . Слѣдовательно, съ точки зрѣнія роста дохода R выгодно, чтобы какъ можно больше развивалось стремленіе къ накопленію K .

И вотъ въ человѣчествѣ являются два противоположныя теченія, которыя стремятся каждое къ той же цѣли. Съ одной стороны, чѣмъ сильнѣе умѣніе накапливать и фиксировать у извѣстнаго лица, тѣмъ болѣе онъ выдвигается, тѣмъ больше его шансы въ побѣдѣ въ борьбѣ за существованіе, а потомства его,—къ выживанію. Съ другой стороны, люди, обладающіе въ слабой степени способностью накапливать и фиксировать, оттѣсняются, бѣднѣютъ, потомство ихъ вымираетъ и уступаетъ поле работы болѣе удачнымъ типамъ. Но богатство, съ одной стороны, притупляетъ стремленіе къ накопленію, къ тяжелой предпринимательской работѣ. Бѣдность же приучаетъ къ бережливости и является стимуломъ для упорной, напряженной работы.

Подъ вліяніемъ этихъ противоположныхъ теченій, потомство людей богатыхъ бѣднѣетъ, и на оборотъ, люди, весь капиталъ которыхъ заключался въ привычкѣ къ бережливости и догадливости, наживаютъ состоянія. Вообще говоря, причины динамическія играютъ гораздо болѣе значительную роль въ колебаніяхъ величины дохода отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ причины статическія.

Экономическій прогрессъ человѣчества не можетъ идти равнымъ методичнымъ путемъ, такъ, чтобы благосостояніе и доходъ каждаго росли одинаково. Благодаря особенностямъ системы взаимно-помощи въ работѣ, установленной людьми, каждый шагъ впередъ сопровождается колебаніями, толчками. Такимъ образомъ, на статическое равновѣсіе имуществъ и заработковъ не возможно разчитывать. Но съ другой

стороны, ходъ экономическаго развитія человѣчества дѣлаетъ невозможнымъ и сохраненіе статической неравномѣрности имуществъ и заработковъ. Съ одной стороны, капиталъ людей богатыхъ можетъ дѣлиться въ ихъ потомствѣ. Съ другой стороны, каждый шагъ на пути прогресса отзывается, какъ мы видѣли (2-й выводъ), увеличеніемъ количества превратимой энергіи, приходящейся на долю минимальныхъ заработковъ. Такой результатъ увеличиваетъ для нихъ возможность сбереженій, усиливаетъ динамическую возможность увеличенія ихъ чистаго дохода. Чѣмъ больше число членовъ группы будутъ имѣть возможность къ сбереженіямъ и предпринимательской дѣятельности, тѣмъ выгоднѣе. Чѣмъ дальше идетъ экономическое развитіе группы, тѣмъ, оказывается, выше общая минимальная величина заработка, а слѣдовательно, съ каждымъ шагомъ увеличивается динамическая способность большинства къ сбереженіямъ и предпринимательской дѣятельности. Нечего говорить, что путь этотъ медлененъ и труденъ; но, хотя ежегодному притоку энергіи на землѣ есть предѣлъ, и довольно тѣсный, превращеніе этой энергіи въ силу направляющую, а слѣдовательно, увеличеніе чистаго дохода человѣчества имѣетъ предѣлъ неизмѣримо болѣе широкій. Ежегодный доходъ энергіи не перейдетъ извѣстной величины. Но если ежегодно откладывать часть этого дохода въ видѣ основныхъ затратъ, то кто можетъ предвидѣть предѣлъ величинѣ отложенной суммы? Лишь бы время!

Изъ вышесказанныхъ трехъ выводовъ о взаимномъ вліяніи порядка роста энергіи въ рукахъ людей и распредѣленія въ группѣ людей, раздѣлившихъ трудъ, вытекаютъ нѣсколько условій, которыя должна выполнить группа, чтобы достигнуть возможно болѣе выгодныхъ экономическихъ результатовъ. Условія эти: легкость перехода рабочихъ и капиталовъ изъ однихъ отраслей производства въ другія, быстрота накопленія излишковъ отъ оборотовъ, которые могли бы служить матеріаломъ для фиксаціи, и обиліе предпринимательскихъ способностей, обиліе людей, которые умѣли бы наивозможно быстро стигивать и фиксировать эти сбереженія, изобрѣтали бы приемы работы, понижающіе абсолютную стоимость товаровъ, и взаимною конкуренціей постоянно низводили мѣновую цѣнность товаровъ возможно ближе къ абсолютной ихъ цѣнности. Отмѣтимъ нѣкоторыя особенности современной экономической жизни, которыя способствуютъ выполненію этихъ условій.

Къ этимъ особенностямъ принадлежитъ возможность всегда реализировать свой капиталъ въ видѣ денегъ и затѣмъ свободно пере-

вести его изъ переполненной отрасли производства въ другую, почему-либо отставшую. Къ нимъ же принадлежитъ сосредоточеніе свободныхъ капиталовъ, освобождающихся изъ всевозможныхъ отраслей труда, тоже въ видѣ денегъ, въ банкахъ, которое позволяетъ быстро сосредоточивать эти свободные запасные капиталы, остатки отъ многихъ оборотовъ, не имѣющіе примѣненія сбереженія, и сразу получить цифру, необходимую для единовременной затраты при фиксаціи капитала въ одной какой-нибудь отрасли.

Фиксаціи постепенно приобрѣтаютъ все болѣе крупный характеръ и дѣлаются постепенно менѣе доступными отдѣльнымъ лицамъ. На помощь этому горю являются акціонерныя компаніи. Основной капиталъ ихъ образуется посредствомъ стягиванія большаго количества менѣе крупныхъ цифръ запасныхъ капиталовъ изъ кармановъ многихъ собственниковъ. Эти акціонерныя компаніи въ послѣднее время все болѣе демократизируются, размѣръ акцій уменьшается. Въ Америкѣ можно встрѣтить рабочаго, который работаетъ на фабрикѣ съ акціей этой фабрики въ карманѣ.

Народное образованіе, которое все болѣе развивается, не смотря даже на его недостаточность и крайнюю элементарность, все же способствуетъ умственному развитію массъ и подготавливаетъ ихъ къ болѣе легкому переходу изъ одной отрасли труда въ другую и даже отчасти къ самостоятельной предпринимательской дѣятельности.

Но самое главное, что можно сказать относительно настоящаго времени, самое важное, есть то, что валовой оборотъ энергіи въ рукахъ современнаго человѣчества продолжаетъ развиваться на нашихъ глазахъ. Растетъ народонаселеніе, расширяются площади посѣвовъ, растутъ крупныя промышленныя предпріятія, растетъ отношеніе основнаго капитала человѣчества къ оборотному, растетъ накопленіе запасныхъ свободныхъ капиталовъ и быстрота и размѣры фиксацій...

Для того, чтобы наглядно указать на громадныя размѣры валоваго дохода человѣчества, я приведу здѣсь нѣсколько цифръ, которыя заимствую у того же Макса Вирта (Исторія торговыхъ кризисовъ). Цифры эти относятся къ 1871—1872 годамъ, и, разумѣется, должны были еще вырости за послѣднія 16 лѣтъ. Цифры взяты Виртомъ изъ изслѣдованія, сдѣланнаго въ 1871 году по случаю всемірной выставки.

Производство хлѣба, съ точки зрѣнія задержанія энергіи, является самою интересною цифрой. Оказывается, что въ 1871 году, производство хлѣба въ Европѣ составляло 1688 милліоновъ гектолитровъ. Обороты хлѣбной торговли въ то же время доходили до

пяти миллиардовъ франковъ. Не менѣе интересны для насъ данныя о производствѣ предметовъ, косвенно только относящихся къ земледѣлю, къ непосредственному задержанію энергіи. Къ этимъ предметамъ относится, на примѣръ, производство желѣза. „Производство, а слѣдовательно, и употребленіе желѣза можно принять на всемъ земномъ шарѣ въ 24,000 милліоновъ фунтовъ. Если мы предположимъ населеніе всей земли въ 1200 милліоновъ, то на каждого человѣка придется 20 фунтовъ“. О движеніи впередъ производства желѣза можно судить по тому что, на примѣръ, въ Пруссіи производство невидѣланнаго желѣза поднялось съ 43 тысячъ тоннъ въ годъ, на которыхъ оно стояло въ 1826 году, до 987,000 тоннъ въ 1867 году“.

Разбирая далѣе различныя производства, мы наталкиваемся на усилія человѣчества, направленныя къ добычѣ спеціального вида энергіи, наслѣдія прошлыхъ вѣковъ, именно — каменнаго угля. Расходъ его есть въ сущности безвозвратная потеря запасенной когда-то энергіи, такъ какъ онъ не компенсируется новымъ приходомъ энергіи. Но съ другой стороны, работа, доставляемая каменнымъ углемъ, служить къ производству массы орудій, машинъ и проч., и вообще даетъ большую экономію въ промежуточныхъ, служебныхъ операціяхъ человѣчества, конечной цѣлью которыхъ есть все-таки задержаніе энергіи солнца помощью земледѣлія. Добыча угля такимъ образомъ косвенно содѣйствуетъ задержанію новыхъ запасовъ энергіи на землѣ, и цифра ежегодной добычи угля можетъ дать извѣстное понятіе о ростѣ валоваго дохода энергіи человѣчества. „Добыча угля во всѣхъ кояхъ земнаго шара“, пишетъ Виртъ, — „простирается до 213 милліоновъ тоннъ...“ Англія, которая въ началѣ XVIII столѣтія производила не болѣе 2¹/₂ милліоновъ тоннъ, производитъ теперь 109 милліоновъ тоннъ. Въ томъ же размѣрѣ увеличилось производство и другихъ странъ:

Франція.	1858 г.	7 мил. тоннъ	1868 г.	13 мил.
Пруссія.	1859 „	11 „ „	1869 „	30 „
Австро-Венгрія	59 „	3 „ „	69 „	7 „
		21 мил. т.		50 мил. т.

Стоимость добываемаго угля въ общей сложности для всей Европы 503 милліона гульденовъ, а для всего земнаго шара 600 милліоновъ гульденовъ. Эти цифры свидѣтельствуютъ о томъ, какое важное подспорье въ работѣ человѣчества составляетъ каменный уголь. Нельзя

не вспомнить при этомъ, что угольные залежи не пополняются вновь по мѣрѣ расходования, и что расходуя уголь, человѣчество расходуетъ не проценты, а капиталъ.

Конечно, если у людей подъ рукой есть такой запасъ, имъ остается его какъ можно скорѣе съ пользой израсходовать. Отъ лежанья въ землѣ каменнаго угля не прибудеть, а пока его еще очень много, и цѣна его не нарастаетъ. Но по мѣрѣ увеличенія цифры ежегодной добычи, все чаще начинается представляться вопросъ: что будетъ, когда весь запасъ угля на землѣ истощится? Не послѣдуетъ ли за симъ обѣдненіе человѣчества?

На этотъ вопросъ мы совершенно не можемъ отвѣтить. Съ одной стороны, оскудѣніе такого удобнаго источника потенциальной энергіи должно бы произвести обѣдненіе. Съ другой стороны, есть основаніе предполагать, что люди когда-нибудь сумѣютъ использовать энергію лучей солнца, не только раскисляя посредствомъ ея углекислоту, но непосредственно въ видѣ механической работы, въ родѣ того, какъ это сдѣлала Мушо и Уриксонъ. Очень можетъ быть, что успѣхи техники позволятъ достигнуть такой суммы двигательной силы, что пропорція работы этого вспомогательнаго двигателя къ работѣ человѣка, будетъ также велика, какъ пропорція работы паровыхъ машинъ, отапливаемыхъ углемъ, къ работѣ человѣка. По приблизительнымъ вычисленіямъ М. Вирта, вторая пропорція очень велика, почти въ полтора раза увеличиваетъ общее число производительныхъ работниковъ на земномъ шарѣ. Вотъ его расчетъ:

Въ 1860 году въ Англіи работало паровыхъ машинъ:

На горныхъ заводахъ	450,000	лошадиныхъ силъ
Мануфактурахъ	1,350,000	" "
Пароходахъ	850,000	" "
Локомотивахъ	1,000,000	" "
Итого	3,650,000	

Для возмѣщенія такой рабочей силы людьми потребовалось бы 77,000,000 работниковъ, то-есть, такое количество людей въ полной возмужалости, которое предполагаетъ общую цифру населенія въ 250 милліоновъ, а въ настоящее время высчитываютъ, что число этихъ лошадиныхъ силъ почти удвоилось.

Во всякомъ случаѣ угольныхъ залежей еще очень много, и вопросъ о замѣнѣ угля другимъ двигателемъ получить практическое значеніе еще черезъ столѣтія. Успѣхи же техники въ дѣлѣ непо-

средственнаго использования энергій лучей солнца могутъ дойти до результатовъ, которые намъ и не снятся, также какъ нашимъ предкамъ не снились локомотивы. Поэтому оставимъ въ сторонѣ угольный вопросъ и будемъ продолжать нашъ обзоръ валоваго дохода человѣчества.

Приведенныя у М. Вирта цифры добычи хлопка даютъ намъ понятіе о томъ, какая доля энергій тратится на приготовленіе изоляторовъ въ видѣ одежды. „Производство хлопка составляетъ ежегодно отъ 16 до 18 милліоновъ центнеровъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, Англія потребляла милліонъ фунтовъ, теперь она потребляетъ болѣе 1000 милліоновъ фунтовъ хлопка ежегодно. Количество рабочихъ, занятыхъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ Европы и Америки, простиралось (вѣроятно, въ 1871 году?) до $1\frac{1}{4}$ милліона, а ежегодный заработокъ ихъ составляетъ 162 милліона талеровъ“.

Между тѣмъ ситцы составляютъ, конечно, не единственную одежду нашу. Но каковы же размѣры полной работы человѣчества, если по неполнымъ вычисленіямъ статистики $1\frac{1}{4}$ милліонъ рабочихъ заняты только одною изъ операций, тваньемъ, надъ матеріаломъ, который доставляетъ только часть матерій, въ которыя мы одѣваемся.

„Денежная стоимость всей промышленности Европы оцѣнивается слѣдующими приблизительными цифрами: минеральное царство—983 милл. талеровъ, животное царство—4,331, растительности 9,627 милл. талеровъ; въ общей же сложности—14,941 милл. тал. Изъ всей цифры производимыхъ промышленныхъ цѣнностей, въ Англіи приходится на человѣка 212 флор.“

Франціи	87
Пруссія	66
Австріи	34

Міровая торговля является посредницей для обращенія продуктовъ міровой производительности. Въ ней-то именно, въ этой міровой торговлѣ и проявляется въ полномъ своемъ блескѣ колоссальная экономическая дѣятельность нашего времени. Въ разсматриваемую нами эпоху, она выражалась цифрой ежегодныхъ оборотовъ въ 23.171 милліонъ гульденовъ, изъ коихъ на долю Европы приходилось 15,965 милл. гульденовъ“.

Самыя интересныя изъ всѣхъ данныхъ, приводимыхъ М. Виртомъ, безъ сомнѣнія, тѣ, которыя относятся къ желѣзнымъ дорогамъ и телеграфу. И то, и другое было создано людьми исключительно съ цѣлью служить мѣновымъ сдѣлкамъ. Не будь у человѣчества специали-

заці въ работѣ, не создай челоѡчество системы взаимной помощи въ работѣ,—не было бы никакой цѣли для мѣновыхъ сдѣлокъ, не было бы нужды строить желѣзныя дороги, а тѣмъ болѣе телеграфы. Такъ что цифры, указывающія на величину этихъ двухъ видовъ основныхъ затратъ челоѡчества, свидѣтельствуютъ въ то же время о широкомъ значеніи, какое имѣетъ въ работѣ челоѡчества система взаимной помощи въ работѣ.

Указавъ на ростъ желѣзнодорожныхъ линій, именно

	Въ Европѣ	въ Сѣверн. Америкѣ
въ 1865 г.	42,000 англ. миль	33,850
„ 1873 г.	70,000 „ „	60,000

Максъ Виртъ говоритъ: „На всемъ земномъ шарѣ въ 1871 году имѣлось 28,300 (нѣмецкихъ) миль желѣзнодорожныхъ линій,—длина, которою можно было бы пять разъ обвести экваторъ. Стоимость этихъ желѣзныхъ дорогъ представляла 15 миллиардовъ талеровъ, и ими перевозилось въ годъ 8 миллиардовъ центнеровъ товаровъ, не считая пассажировъ и собственной тяжести поѣздовъ. Общая длина пути, совершаемая поѣздами этихъ дорогъ, далеко превышаетъ по расчетамъ, сдѣланнымъ Веберомъ въ 1867 г., длину окружности солнечной системы“.

Успѣхи послѣднихъ лѣтъ въ развитіи путей сообщенія, этой первой и важнѣйшей примѣтѣ усиленія мѣнъ и, слѣдовательно, болѣе широкаго пользованія системой взаимной помощи въ работѣ,—особенно замѣтны. Рядомъ съ желѣзными дорогами развиваются узкоколейныя линіи, возникаетъ уличное рельсовое, конное и паровое сообщеніе. Прорывается Суэзскій каналъ, прокладываются цѣлыя сѣти каналовъ внутреннихъ. Судоходство доходитъ до высокихъ цифръ.

Парусныя суда и пароходы представляютъ собою слѣдующее возростаніе:

	число судовъ	вмѣстимость
1872 г.	61,062	18,254,538 тоннъ
1873 „	61,499	18,514,029 „

Еще интереснѣе данныя М. Вирта о телеграфахъ. „Длина телеграфныхъ линій Европы составляетъ 270,000 километровъ (36,388 нѣм. м.), при длинѣ проволокъ 700,000 килом. (94,340 нѣм. м.). Эта послѣдняя цифра представляетъ слѣдовательно, протяженіе, приблизительно вдвое большее, чѣмъ разстояніе отъ земли

до луны. Для всего земнаго шара, общая длина телеграфныхъ проволокъ можетъ быть принята, приблизительно, въ 2 милліона километровъ (270,000 нѣм. миль); другими словами, этими проволоками можно было бы 59 разъ опоясать экваторъ“.

„Приблизительное понятіе о колоссальности достигнутыхъ результатовъ“, продолжаетъ М. Виртъ—„даетъ слѣдующій разчетъ, приводимый М. В. Губеромъ въ его лекціи: въ 1871 году 33,000 депешъ прошло по индоевропейскимъ линіямъ“. Принимая 45 дней за среднее время, необходимое для того, чтобы письмо, посланное изъ Индіи, Австраліи или Китая пришло въ Европу, депешѣ нужно самое большое два дня, чтобы достигнуть мѣста своего назначенія, изъ чего оказывается для каждой депеши сбереженіе времени въ 43 дня, а для 33,000 депешъ періодъ въ 40 столѣтій. Тотъ же разчетъ, примѣненный къ 240,000 депешъ, которыя ежегодно пробѣгаютъ по проволокамъ Атлантической океанъ, даетъ экономію времени въ 65 столѣтій. Такимъ образомъ, телеграфныя проволоки, пересѣкающія океанъ, сберегаютъ въ общей сложности болѣе 10,000 лѣтъ: этотъ разчетъ не праздная потѣха, замѣчаетъ М. Виртъ: „Если мы только вспомнимъ поговорку, что время деньги, то легко сообразить, что это сбереженіе времени... равняется усиленію производительности въ соотвѣтствующихъ размѣрахъ“.

Пути сообщенія и телеграфы указываютъ косвенно на развитіе спеціализаціи и мѣнѣ. Прямое же измѣреніе количества и суммы мѣновыхъ сдѣлокъ мы можемъ получить изъ цифръ денежныхъ оборотовъ. Вотъ что мы находимъ по этому поводу у М. Вирта: Въ Европѣ и Америкѣ (1872 г.) находилось въ обращеніи до 3,654 милліоновъ талеровъ звонкой монетой. Билетное обращеніе важнѣйшихъ банковъ составляло въ 1871 г. 4,233 милліона талеровъ. Обороты лондонскаго Clearing house составляли:

въ 1870 г.	3,904	милл. фунтовъ стерл.
„ 1871 „	4,787	„ „ „
„ 1872 г.	почти 6000	милл. фун. стерлинговъ.

Наименьшая убыль отъ потребленія, какая происходитъ при такихъ колоссальныхъ оборотахъ, высчитывается въ 200 слишкомъ центнеровъ золота въ годъ“.

XII.

Общія выводы.

Посмотримъ, къ чему привело насъ наше изслѣдованіе; подведемъ ему итогъ.

Самый важный результатъ, котораго мы достигли,—это примѣненіе новаго приѣма изслѣдованія экономическихъ явленій. Этотъ новый приѣмъ далъ намъ возможность разбирать экономическія явленія путемъ дедуктивнымъ, сдѣлать логическій, рациональный анализъ этихъ явленій. Онъ позволилъ намъ сдѣлать шагъ къ приведенію теоріи политической экономіи къ рациональному виду.

Основные положенія наши таковы: Экономическая жизнь человѣчества состоитъ въ работѣ. Работа есть расходъ энергіи. Единственный на земномъ шарѣ источникъ энергіи, которымъ можетъ пользоваться человѣчество, есть энергія лучей солнца. Это источникъ, откуда человѣчество черпаетъ энергію для своей работы. Цѣль и результатъ работы человѣчества — тоже добыча энергіи, которая могла бы служить для новаго расхода, для новой работы, источникъ ея—тоже солнце.

Счастливое положеніе земли во вселенной даетъ ей даровой притокъ энергіи отъ солнца. Поэтому самая плодотворная работа человѣка съ точки зрѣнія энергичной экономіи земнаго шара, если можно такъ выразиться, и самая выгодная съ личной точки зрѣнія человѣка есть та работа, которая въ результатѣ задерживаетъ на землѣ наибольшую сумму солнечной энергіи въ превратимомъ видѣ, ставитъ наибольшую сумму превратимой энергіи въ распоряженіе человѣчества.

Такимъ образомъ, экономическая жизнь человѣчества состоитъ изъ прихода-расхода энергіи, изъ ряда энергійныхъ коммерческихъ оборотовъ, цѣль которыхъ—задержаніе возможно большаго количества солнечной энергіи въ превратимомъ видѣ на землѣ.

Присматриваясь ближе къ экономической работѣ человѣчества, мы замѣчаемъ, что эти энергійные обороты ведутся до сихъ поръ довольно удачно. Валовой доходъ энергіи растетъ, и благодаря этому обстоятельству, растетъ численность человѣчества. Ростъ валоваго дохода даетъ возможность людямъ воспитать, довести до возмужалости поколѣнія дѣтей, по числу превосходяція родителей. Этотъ ростъ валоваго дохода можетъ продолжаться; онъ можетъ увеличиться

приблизительно въ сто разъ, благодаря одному только раскисленію углекислоты. Но валовой доходъ этотъ все-таки имѣетъ предѣлъ, обусловленный геометрическими размѣрами земнаго шара. Человѣчество будетъ къ нему приближаться до безконечности и никогда его не достигнетъ, какъ несократимая дробь въ десятичной формѣ приближается до безконечности къ своему предѣлу и никогда его не достигаетъ.

Разбирая приемы человѣчества для увеличенія своего валоваго дохода, мы замѣтили въ нихъ одну рѣзкую, общую характерную черту. Мы замѣтили, что расходъ энергіи можетъ быть двойкій. Энергія можетъ принять видъ силы двигательной и, кромѣ того, видъ силы, извѣстной въ механикѣ подъ названіемъ силы связей, которую мы условились для удобства назвать силой направляющею. Мы замѣтили, что никакое увеличеніе производительности труда не возможно безъ предварительной затраты энергіи на силу направляющую.

Далѣе мы нашли, что каждой данной степени производительности труда человѣка (цѣлесообразности и экономіи въ живой силѣ) соответствуетъ извѣстный районъ дѣятельности, извѣстная интенсивность хлѣбопашества, а слѣдовательно, извѣстная предѣльная величина валоваго дохода. То-есть, валовой доходъ человѣчества можетъ расти только посредствомъ примѣненія затратъ на силу направляющую, посредствомъ созданія новыхъ типовъ фиксаціи, большаго размѣра по величинѣ единовременной затраты.

Мы замѣтили, что то, что обыкновенно принято называть капиталомъ человѣчества, есть не что иное, какъ вся превратимая энергія въ потенциальномъ видѣ, которая въ давнюю эпоху находится въ его распоряженіи. Мы условились называть всю энергію въ видѣ силы направляющей въ распоряженіи человѣчества основнымъ капиталомъ его, а энергію въ видѣ силы двигательной—оборотнымъ капиталомъ.

Мы обозначили:

Результатъ работы, валовой доходъ, черезъ	R
Основной капиталъ черезъ	K
Оборотный „ „	k
Величину процента прибыли черезъ	s

Откуда

$$R = k \times \frac{s}{100} (K + k)$$

G*

Мы нашли, что ростъ валоваго дохода возможенъ только при томъ условіи, чтобы росла величина единовременной основной затраты K , и отношеніе основнаго капитала K къ оборотному k . Мы нашли, что ростъ валоваго дохода возможенъ только при условіи послѣдовательныхъ фиксацій капитала, при чемъ фиксаціи постепенно растутъ по величинѣ, отношеніе $\frac{K}{k}$ тоже, а вслѣдствіе того, а также вслѣдствіе общаго постепеннаго паденія процента прибыли, быстрота валоваго дохода постепенно замедляется. Что касается чистаго дохода человѣчества, то величина его $R - k = \frac{s}{100} \{K + k\}$ можетъ расти только при томъ условіи, если отношеніе $\frac{K}{k}$ будетъ расти быстрее, нежели будетъ падать величина s , процентовъ барыша.

Разбирая механическія условія работы человѣка, мы нашли, что одинъ изъ самыхъ выгодныхъ приемовъ удешевленія работы есть подмѣненное A . Смитомъ раздѣленіе труда. Этотъ приемъ мы взяли въ самомъ общемъ его примѣненіи и назвали „системой взаимной помощи въ работѣ“. При этомъ мы замѣтили, что послѣ установленія общихъ механическихъ и биологическихъ основаній науки, всѣ задачи политической экономіи сводятся въ сущности къ анализу этой системы. Разбирая эту систему, мы нашли, что она возможна только въ томъ случаѣ, если каждый изъ участниковъ раздѣленной работы пользуется своею долей полной работы въ группѣ, раздѣлившей трудъ. Мы нашли, что сколько-нибудь широкое примѣненіе этой системы возможно только при распредѣленіи продуктовъ труда различныхъ специальностей посредствомъ мѣны, а мѣны возможны только при признаніи права частной собственности и нерушимости договоровъ. Мы нашли, что возможность мѣновыхъ сдѣлокъ обусловлена существованіемъ связи между людьми, которая должна имѣть основаніе чисто психологическое. Основаніе это въ настоящее время выработалось въ дѣлюю сѣть торговыхъ, правовыхъ, юридическихъ обычаевъ и основано на преобладаніи альтруистическихъ чувствъ человѣка надъ эгоистическими, хищническими наклонностями. Такія отвлеченныя, возвышенныя понятія, какъ честность, любовь къ ближнему, находятъ себѣ объясненіе и оправданіе въ томъ, что необходимое условіе возможности системы взаимопомощи въ работѣ есть побѣда этихъ двухъ нравственныхъ психологическихъ началъ надъ хищничествомъ. Эти два высокія свойства человѣка выгодны для человѣче-

ства въ чисто практическомъ смыслѣ сбереженія энергіи отъ вредныхъ тратъ.

Приступая къ анализу системы взаимопомощи въ работѣ, мы условились различать три вида цѣнности, абсолютную, потребительную и мѣновую, и увидѣли, что всѣ эти три величины могутъ измѣняться независимо одна отъ другой и потому не могутъ быть смѣшиваемы. Два первые вида цѣнности измѣняются энергіей: первая — затраченною на добываніе товара, вторая — заключающеюся въ товарѣ въ потенциальномъ видѣ.

Разбирая условія распредѣленія мѣнами, мы нашли, что система взаимопомощи въ работѣ заключаетъ въ себѣ самой причины неравномѣрности въ распредѣленіи результатовъ общаго труда, причины, нарушающія равновѣсіе заработковъ. Причина ненормальная — неправильное пользованіе системой — исправляется переходомъ рабочихъ силъ изъ одной отрасли труда въ другія. Но кромѣ ненормальной причины, мы нашли еще другую, совершенно нормальную, неразрывно связанную съ общимъ ходомъ прогресса, именно: вмѣшательство капитала въ производство.

Разбирая вліяніе этой второй причины, мы нашли, что нормальный ходъ экономического прогресса, совершается путемъ послѣдовательныхъ фиксацій капитала, и что всякая фиксація вызываетъ немедленное нарушеніе равновѣсія мѣновой цѣнности и заработковъ. Мы нашли далѣе, что при условіи легкости перехода производительныхъ силъ изъ одной отрасли труда въ другія, при легкости превращенія сапожника въ пирожника и на оборотъ, — мѣновая цѣнность стремится уравниваться. Съ уравниваніемъ ея, общая минимальная величина заработковъ оказывается отнюдь не ниже прежней. Результатомъ вмѣшательства капитала въ производство является пониженіе абсолютной цѣнности товара. Стремленіе увеличить обороты, съ одной стороны, и конкуренція — съ другой, сводятъ мѣновую цѣнность капиталистическаго товара до общей пропорціи ея къ абсолютной. Вслѣдствіе того заработки предпринимателей падаютъ, а общая минимальная величина заработка растетъ на столько, на сколько упала абсолютная стоимость капиталистическаго товара.

Разбирая систему взаимопомощи въ работѣ, мы рѣшили въ настоящей статьѣ ограничиться только одною изъ задачъ политической экономіи, задачей, которая представляетъ наиболѣе общій интересъ. Мы спросили себя: возможно ли возстановленіе равновѣсія заработковъ при участіи капитала въ производствѣ, и желательно ли оно

съ точки зрѣнія быстроты возростанія запасовъ превратимой энергіи въ рукахъ людей?

Присматриваясь къ накопленію капитала въ частныхъ рукахъ (накопленію, разумѣется, только честными путями), мы нашли, что оно является результатомъ двухъ человѣческихъ свойствъ: 1) бережливости и 2) предпримчивости въ связи съ изобрѣтательностью. Два вторыя свойства создаютъ новые типы фиксаціи, даютъ ходъ дальнѣйшему пути экономического прогресса. Первое свойство подготавливаетъ матеріалъ для фиксаціи. Оба совершенно необходимы для возможности экономического прогресса, и оба въ концѣ концовъ приносятъ общую пользу, поднимаютъ уровень минимальной общей величины заработка въ группѣ, раздѣлившей трудъ. Но оба въ то же время являются немедленно источникомъ нарушенія равновѣсія заработковъ. Это нарушеніе равновѣсія идетъ цѣликомъ въ пользу тѣхъ лицъ, которыя оказались предпримчивѣе или бережливѣе другихъ, и въ этомъ смыслѣ является справедливою преміей, наградой за ихъ догадливость или выдержку, и преміей весьма полезною, такъ какъ накопленіе капитала и фиксаціи, являясь необходимыми условіями экономического прогресса, въ то же время зависятъ отъ чисто индивидуальныхъ, личныхъ свойствъ людей. Люди, обладающіе этими свойствами больше другихъ современниковъ, являются такимъ образомъ наиболѣе полезными. Поэтому мы въ правѣ предполагать, что природа будетъ выдвигать тѣ группы людей, общественное устройство которыхъ наиболѣе способствуетъ развитію вышеназванныхъ способностей, даетъ наибольшій просторъ для ихъ примѣненія и лучше другихъ застраховываетъ за людьми бережливыми или предпримчивыми безопасное пользованіе результатами ихъ труда.

Изъ этого мы можемъ заключить, что статическое устойчивое равновѣсіе заработковъ несовмѣстимо съ экономическимъ прогрессомъ. Всякій шагъ впередъ, всякое накопленіе и фиксація вызываютъ нарушеніе равновѣсія. Отъ этого нарушенія при извѣстныхъ условіяхъ никто ничего не теряетъ, а при дальнѣйшемъ совершенно нормальномъ ходѣ вещей всѣ оказываются въ результатѣ въ извѣстномъ выигрышѣ. Поэтому жалѣть о невозможности удержать статическое устойчивое равновѣсіе заработковъ и имущества нечего. Оно нарушается нормальнымъ ходомъ прогресса. Нарушеніе не дѣлаетъ никому вреда, а напротивъ того, приноситъ пользу.

Но если устойчивое равновѣсіе имущества и заработковъ несовмѣстимо съ экономическимъ прогрессомъ, то не менѣе несовмѣ-

стимо и устойчивое неравновѣсіе. Доходъ каждаго члена общества можно разложить на его собственную предпринимательскую прибыль и доходъ съ имущества, процентъ съ капитала, будь этотъ капиталъ хоть пара голыхъ рукъ, такъ какъ собственное строеніе человѣческаго организма и его болѣе или менѣе разнообразныя способности къ работѣ составляютъ силу направляющую, элементарный видъ основнаго капитала каждаго, также какъ пища составляетъ силу двигателя, элементарный видъ оборотнаго капитала каждаго работника. Изъ этихъ двухъ элементовъ дохода предпринимательская прибыль быстрѣе и рѣзче вызываетъ значительную прибавку дохода. Какъ мы видѣли, вызванное необходимостью выдерживать конкуренцію расширение оборотовъ, вмѣстѣ съ пониженіемъ продажной цѣны продуктовъ, довольно быстро стремится, съ одной стороны, вывести эту прибавку до общаго уровня, съ другой стороны—пониженіе абсолютной цѣнности товара, которое является первымъ источникомъ барыша предпринимателя,—дѣлается, благодаря конкуренціи, общимъ достояніемъ и стремится поднять общій минимальный уровень заработковъ. Эти два противоположныя стремленія должны имѣть одинъ результатъ, возвращеніе величины заработковъ къ равновѣсію. Второй элементъ дохода, процентъ съ сбереженій, растетъ не такъ рѣзко и быстро, какъ первый. За то онъ болѣе устойчивъ. Но опять-таки и онъ не абсолютно устойчивъ, или, вѣрнѣе, не абсолютно устойчиво нарушеніе равновѣсія доходовъ, которое является результатомъ сбереженій. Этому способствуютъ два обстоятельства. Вопервыхъ, стремленіе къ бережливости притупляется на известной степени богатства и, напротивъ, обостряется въ бѣдности, такъ что психологическія свойства, способствующія накопленію въ динамическомъ отношеніи, стремятся уравновѣсить сумму накопленія у отдѣльныхъ лицъ. Во вторыхъ, крупныя имущества, какъ мы постоянно видимъ, мельчаютъ въ рукахъ потомковъ людей богатыхъ вслѣдствіе дѣлежа между наследниками, такъ какъ богатые наследники, по жизненнымъ условіямъ воспитанія, рѣдко обладаютъ способностью продолжать предпринимательскую или скопидомническую дѣятельность отцовъ. Направившись по наклонному пути, этотъ элементъ дохода въ потомствѣ богатыхъ людей довольно скоро спускается до невысокаго уровня. Въ то же время накопленія и фиксаціи поднимаютъ общую производительность труда, поднимаютъ общій минимальный уровень заработковъ и все болѣе популяризируютъ наиболѣе элементарныя виды капитала основнаго. Это особенно замѣт-

но, если мы будемъ сравнивать минимальный основной капиталъ въ распоряженіи работника въ два далеко отстоящіе другъ отъ друга періода цивилизаціи, или, что почти то же самое, въ двухъ сильно разнящихся по степени цивилизаціи народахъ. Сравните количество основнаго капитала, какое есть въ распоряженіи дикаря, — лодка, лукъ, шалашъ, дубина,—съ тѣмъ, что есть у любого европейскаго поденщика. Очевидно, послѣдній далеко превосходитъ перваго относительно наличности силы направляющей въ его распоряженіи. Болѣе высокое умственное и нравственное развитіе, умѣнье работать, удобныя орудія, лучшее помѣщеніе и одежда, болѣе ровный заработокъ, бѣльшая безопасность личности и собственности, медицинская помощь, и проч. Всѣ эти преимущества бросаются въ глаза.

Такимъ образомъ, устойчивое равновѣсіе имуществъ и заработковъ является невозможнымъ и нежелательнымъ, какъ съ точки зрѣнія быстроты возростанія запасовъ превратимой энергіи въ рукахъ людей, такъ и съ чисто субъективной человѣческой точки зрѣнія. Неменѣе невозможнымъ и неменѣе нежелательнымъ является и устойчивое неравновѣсіе заработковъ и доходовъ отдѣльныхъ лицъ. Къ счастью, такой устойчивости и нѣтъ въ современномъ намъ экономическомъ строѣ. Крупныя имущества мельчаютъ, благодаря размноженію (кромя случаевъ маіоратнаго наслѣдованія), предпринимательская прибыль падаетъ, благодаря конкуренціи, и понемногу популяризируется, переходитъ въ карманы всѣхъ потребителей. Но самая важная особенность современнаго экономическаго строя, самая важная черта системы взаимной помощи въ работѣ—та, что каждый шагъ впередъ, каждое сбереженіе, каждая фиксація отражается рано или поздно на уровнѣ общихъ минимальныхъ заработковъ, поднимаетъ его, и такимъ образомъ всякій правильный шагъ къ личному благосостоянію ведетъ за собою шагъ впередъ благосостоянія общаго, при соблюденіи извѣстныхъ условій—легкости перехода производительныхъ силъ и капиталовъ изъ одной отрасли труда въ другія, и возможно большаго развитія предпримчивости, изобрѣтательности и бережливости.

Какъ ни просты на первый взглядъ эти условія, на практикѣ они часто встрѣчаютъ множество затрудненій, примѣняются часто весьма неправильно, а всякая неправильность ведетъ за собою, какъ мы уже говорили, потери и бѣдствія для частныхъ лицъ. Бѣдствія эти порою такъ значительны, неправильности такъ устойчивы, что люди начинаютъ видѣть причину ихъ въ коренныхъ основаніяхъ и усло-

віяхъ современной системы распредѣленія, а неправильности и ошибки ставить въ упрекъ тому приему, который въ сущности далъ наибольшую помощь въ подъемъ общаго достатка.

Мы уже говорили въ началѣ этой замѣтки, что къ политической экономіи часто обращаются за разрѣшеніемъ чисто нравственныхъ вопросовъ. Очень часто состраданіе, человеколюбіе заставляютъ впечатлительныхъ людей скептически смотрѣть на усилія, направленные къ наживѣ, смотрѣть на личное обогащеніе, какъ на какое-то отнятіе имущества у другихъ. Сплошь да рядомъ, про главу какого-нибудь крупнаго предпріятія говорятъ, что онъ богатѣеть на счетъ труда своихъ рабочихъ, и т. д. въ томъ же родѣ.

Одною изъ цѣлей настоящей статьи было именно указать на то, что благосостояніе массы зависитъ больше всего отъ увеличенія общей суммы богатства человѣчества въ данную эпоху времени, и притомъ отъ увеличенія пропорціи основнаго капитала человѣчества къ обратному. Такое увеличеніе достигается все болѣе и болѣе крупными фиксаціями, которыя требуютъ все бѣльшаго сосредоточенія капитала въ однихъ рукахъ. Конечнымъ результатомъ этихъ фиксацій при извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ мы говорили, является общій подъемъ минимальной величины заработковъ. По путь, который ведетъ къ этой послѣдней цѣли, — самой важной съ точки зрѣнія природы, солиднаго интереса группы и человеколюбія, — одинъ: упорная и настойчивая работа, направленная къ увеличенію общей суммы богатства человѣчества. Если есть одинъ кусокъ на два рта, то надо заботиться не о томъ, какъ дѣлить этотъ кусокъ, а о томъ, какъ добыть второй. Какъ ни выравнивай землю въ ямѣ, она не наполнится, если не насыпать земля сверху.

Строгій мыслитель можетъ относиться съ величайшею симпатіей ко всѣмъ указаніямъ на бѣдственное положеніе наиболѣе нуждающихся классовъ населенія. Онъ можетъ ставить своимъ нравственнымъ долгомъ внимательный разборъ случаевъ, когда это бѣдственное положеніе является результатомъ неправильнаго пользованія системой взаимной помощи въ работѣ, недостаточной заботливости правительства или народа о судьбѣ тѣхъ лицъ, несчастія которыхъ отзываются на общемъ, солидарномъ интересѣ всего народа. Строгій мыслитель можетъ стремиться личными усиліями помочь въ общей работѣ, направленной на приобрѣтеніе энергіи. Строгій мыслитель можетъ, пожалуй, сочувствовать тѣмъ филантропическимъ порывамъ, которые заставляютъ многихъ видѣть въ равномерномъ распредѣленіи иму-

ществу, въ личныхъ жертвахъ имущихъ въ пользу бѣдныхъ средство къ исправленію положенія дѣлъ. Но строгій мыслитель долженъ при этомъ сознаться, что не такъ легко рѣшеніе этой сложной задачи, что много вѣковъ упорнаго, настойчиваго труда предстоитъ еще человечеству, прежде чѣмъ оно пріобрѣтетъ такую сумму основнаго капитала, которая скраситъ и облегчитъ работу и жизнь большинства. Строгий мыслитель долженъ признать, что высшая филантропія состоитъ не въ томъ, чтобы пассивно жертвовать свой достатокъ, а въ томъ, чтобы тяжелою будничною, напряженною работой увеличивать свои личные средства, придерживаясь, разумѣется, исключительно честныхъ путей, и тѣмъ способствовать увеличенію общей массы энергіи въ распоряженіи человечества.

ХІІІ.

Основное положеніе К. Маркса.

Одинъ изъ самыхъ талантливыхъ противниковъ капиталистическаго производства послѣдняго времени, безспорно, Карлъ Марксъ. Нельзя не отнестись съ величайшею симпатіей къ множеству фактовъ и наблюдений, собранныхъ имъ изъ жизни рабочихъ. Нельзя не удивляться множеству остроумныхъ обобщеній, сдѣланныхъ имъ относительно многихъ частныхъ случаевъ производства. Но въ то же время нельзя не удивляться и странной логикѣ основнаго его положенія, того, на которомъ онъ строитъ свои дальнѣйшіе выводы и предсказанія относительно капиталистическаго производства. Вотъ это положеніе.

Изображая схематически капиталистическое производство, Карлъ Марксъ говоритъ, что, приступая къ какому-нибудь обороту, предприниматель дѣлаетъ извѣстную затрату. Онъ покупаетъ на рынкѣ разные матеріалы производства, и, между прочимъ, трудъ. Онъ тратитъ на это извѣстную сумму денегъ, которую Карлъ Марксъ обозначаетъ буквою k . Черезъ нѣсколько времени капиталистъ снова продаетъ на рынкѣ свой товаръ, состоящій изъ тѣхъ же элементовъ, которые онъ передъ этимъ пріобрѣлъ, но продаетъ дороже, чѣмъ купилъ ихъ. Вырученную сумму Карлъ Марксъ обозначаетъ буквой k' , при чемъ $k' > k$. Разность $k' - k = v'$, положимъ, v' , составляетъ барышъ капиталиста.

Эту величину v' , идущую въ пользу капиталиста, Карлъ Марксъ считаетъ совершенно неправильно захваченною капиталистомъ. Доказываетъ это онъ такъ: Всѣ неодушевленные элементы производ-

ства, всё сырые материалы и орудія, безъ помощи труда человѣка не могутъ прибавить нисколько въ цѣнности своей, сколько времени они ни находились бы въ рукахъ капиталиста. Единственный элементъ производства, могущій превратить материалъ въ товаръ болѣе цѣнный, есть трудъ человѣка. Такимъ образомъ, затраченный капиталъ k можно представить въ видѣ двухъ элементовъ: часть, затраченная на неодушевленные элементы производства, которую Карлъ Маркъсъ обозначаетъ черезъ c , и часть, затраченная на покупку труда; которую Карлъ Маркъсъ обозначаетъ черезъ v . Такимъ образомъ, затраченная сумма k принимаетъ видъ

$$k = c + v$$

Послѣ продажи товара получилась сумма

$$k' = k + v$$

Слѣдовательно,

$$k' = c + v + v'$$

Такъ какъ величина c представляетъ собою предметы неодушевленные, разсуждаетъ Карлъ Маркъсъ,—то въ нашихъ двухъ уравненіяхъ

$$\begin{aligned} k &= c + v \\ k' &= c + v + v' \end{aligned}$$

остается одна величина, способная измѣняться, именно v ,—такъ что v' можно разсматривать какъ измѣненіе v , а c можно всегда принять равнымъ величинѣ постоянной. Чтобы яснѣе представить себѣ зависимость k' отъ v , Карлъ Маркъсъ въ вышеприведенныхъ уравненіяхъ предлагаетъ $c = 0$. Тогда, очевидно, $\frac{k'}{k} = \frac{v + v'}{v}$.

Далѣе Карлъ Маркъсъ замѣчаетъ, что собственно разность между k' и k зависитъ отъ величины $\frac{v'}{v}$, такъ какъ $\frac{k'}{k} = \frac{v + v'}{v} = 1 + \frac{v'}{v}$.

Это отношеніе $\frac{v'}{v}$ Карлъ Маркъсъ считаетъ нормой прибавочною стоимости. Это отношеніе, по мнѣнію Карла Маркса, показываетъ дѣйствительную заслугу, дѣйствительный успѣхъ въ работѣ, дѣйствительный заработокъ рабочихъ, нанятыхъ капиталистомъ. Сочиненіе Карла Маркса посвящено разъясненію тѣхъ обстоятельствъ, которыя лишили рабочихъ этой законной доли ихъ v' .

Положеніе свое К. Маркъсъ поясняетъ численнымъ примѣромъ. Онъ беретъ такой случай: Пусть фабрикантъ затратилъ на постройку фабрики бумажныхъ матерій 900 фунтовъ стерлинговъ. Пусть онъ затратилъ 400 ф. на хлопчатую бумагу и 100 ф. на наемъ рабочихъ.

Пусть онъ при продажѣ бумажныхъ матерій выручилъ 640 фунтовъ стерлинговъ. Въ этомъ примѣрѣ $k=500$ ф., $v=100$ ф., $v'=140$ ф., $c=400$ ф.

$$(k) 500 \text{ ф.} = 400 \text{ ф.} (c) + 100 \text{ ф.} (v)$$

$$(k') 640 \text{ ф.} = (c) 400 \text{ ф.} + (v) 100 \text{ ф.} + v' (140 \text{ ф.}).$$

Въ этомъ примѣрѣ выходитъ, по общепринятому способу разсужденія, что капиталистъ получилъ 10% на весь свой затраченный капиталъ: $900 + 500 = 1400$ ф. дали барышъ 140 ф.

Но, по мнѣнію К. Маркса, барышъ 140 ф. полученъ всецѣло отъ участія v въ производствѣ, которое въ данномъ примѣрѣ $= 100$ ф. Что касается c , то, какъ величину постоянную, Марксъ считаетъ возможнымъ приравнять ее нулю. Тогда барышъ составляетъ не 10%, а 14% съ затраченнаго капитала и долженъ весь по справедливости идти въ карманъ тѣхъ рабочихъ, которые совершенно несправедливо получили только 100 фунтовъ наемной платы. Что же касается того капиталиста, который затратилъ 900 ф. на постройку фабрики, который затратилъ 400 ф. на покупку хлопчатой бумаги и еще 100 ф. заплатилъ рабочимъ, то онъ можетъ удовольствоваться полученіемъ обратно своихъ 400 ф. и, сверхъ того, вѣроятно, остаться при печальномъ интересѣ.

Положеніе свое К. Марксъ ничѣмъ не доказываетъ. Онъ прямо беретъ его за основаніе и дѣлаетъ изъ него всѣ дальнѣйшіе свои выводы. Въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ заключенію, что капиталистовъ неминуемо рано или поздно экспроприруютъ путемъ законодательнымъ.

Не касаясь выводовъ Маркса, разберемъ съ логической стороны это основное положеніе его, на которомъ онъ строить всю свою теорію.

К. Марксъ находитъ, что величина v' , „прибавочная стоимость“, зависитъ исключительно отъ величины v . Если v будетъ больше, то и v' увеличится, если v меньше, то и v' меньше. Если $v = 0$, то v' вовсе никакой не будетъ. Говоря языкомъ математики, К. Марксъ указываетъ, что въ уравненіяхъ

$$k = c + v$$

$$k' = c + v + v'$$

v есть независимая переменная величина, а v' ея функція

$$v' = f(v).$$

Величину c онъ полагаетъ постоянною, не вліяющею на v' , и потому считаетъ себя въ правѣ приравнять ее нулю.

Что v' есть действительно $f(v)$, что прибавочная стоимость действительно зависит от величины рабочей силы,—это несомненно. Но развѣ она зависит только от рабочей силы? Развѣ измѣненіе s не имѣетъ никакого вліянія на величину v' ?

Очевидно, что въ действительности v' зависитъ не только отъ величины v , но и отъ величины s . К. Марксъ просто игнорируетъ эту зависимость.

Очевидно, что барышъ фабриканта 140 фунтовъ зависитъ не только отъ рабочихъ его, но и отъ суммы, затраченной на постройку фабрики, и отъ 400 ф., затраченныхъ на покупку хлопчатой бумаги. Если предположить эти 400 ф., равными нулю, то это будетъ равносильно предположенію, что фабрикантъ выстроилъ фабрику, нанялъ рабочихъ, но вовсе не купилъ хлопчатой бумаги. Интересно знать, какая можетъ быть прибавочная стоимость, когда рабочіе будутъ дѣлать бумажныя ткани..... изъ ничего.

Для того, чтобы правильно изобразить зависимость между прибавочною стоимостью и работой наемныхъ рабочихъ, К. Марксъ не долженъ былъ бы игнорировать зависимость между v' и s . Онъ долженъ былъ изобразить эту зависимость такъ:

$$v' = f(s, v).$$

Затѣмъ онъ могъ дѣлать различныя частныя предположенія. Принимая $s = \text{const.}$, можно слѣдить за зависимостью v' отъ v . Но, на оборотъ, можно принять и $v = \text{const.}$, и при такомъ предположеніи v' все-таки можетъ измѣняться въ зависимости отъ измѣненія s , правда—въ предѣлахъ довольно тѣсныхъ. При данномъ числѣ рабочихъ на какой-нибудь фабрикѣ, выходъ товара, очевидно, можетъ измѣняться отъ количества обрабатываемаго продукта. Вмѣсто того, чтобы купить хлопчатой бумаги на 400 ф., англичанинъ могъ купить ея на 200 ф. Въ этомъ случаѣ, разумѣется, онъ не получилъ бы 140 фунтовъ барыша, а гораздо меньше.

Для большей полноты картины, Марксу слѣдовало бы указать зависимость v' , прибавочной стоимости, не только отъ оборотныхъ затратъ, но и отъ основныхъ, которыя онъ совсѣмъ игнорируетъ. Если мы назовемъ въ приведенномъ имъ численномъ примѣрѣ капиталъ 900 ф., затраченный на постройку фабрики, черезъ C , то v' будетъ зависѣть отъ трехъ величинъ: C , s и v

$$v' = f(C, s, v).$$

При данной величинѣ одной изъ трехъ переменныхъ C , s и v ,— v' будетъ измѣняться въ зависимости отъ измѣненія двухъ дру-

гихъ, и при каждомъ данномъ случаѣ v достигнетъ максимум'а, при совершенно опредѣленныхъ величинахъ обѣихъ переменныхъ независимыхъ. Всѣ три величины C , s и v участвуютъ въ производствѣ на столько, на сколько въ нихъ заключается энергій. Извѣстная сумма энергій скрыта въ основномъ капиталѣ C , участвуетъ въ производствѣ въ видѣ силы направляющей и, разумѣется, имѣетъ соотвѣтственное вліяніе на увеличеніе потребительной цѣнности производимаго товара.

Извѣстная сумма энергій скрыта и въ C , такъ какъ, платя за нее, капиталистъ платитъ не за вещество, а за ту работу, которой оно было подвергнуто, которая была на немъ затрачена, для добыванія, перевозки, первоначальной обработки. Въ примѣрѣ Маркса, покупаая хлопчатую бумагу, фабрикантъ платитъ плантаторамъ выростившимъ ее, судохозяевамъ, перевозившимъ ее и проч. Обѣ величины C и s , представляютъ собою результатъ работы прошлой, включаютъ въ себѣ энергію въ потенциальномъ видѣ и участвуютъ въ производствѣ также дѣятельно, какъ и величина v , трудъ рабочихъ, который является расходомъ энергій явнымъ. Только въ этомъ отношеніи и разнится участіе труда рабочихъ отъ участія остальныхъ элементовъ производства, и то не всегда, такъ какъ расходъ каменнаго угля, на примѣръ, является точно такимъ же явнымъ расходомъ энергій, какъ и трудъ рабочихъ.

Рѣшеніе практическихъ задачъ эвономической политики обыкновенно происходитъ путемъ опыта, провѣряется данными исторіи и статистики. Однако есть задачи на столько крупныя, какъ, на примѣръ, задачи денежнаго обращенія, задачи, относящіяся къ теоріямъ фритредеровъ и протекціонистовъ, которыя неразрывно связаны, съ теоріей ренты, — задачи на столько крупныя, что онѣ имѣютъ свою отвлеченную, логическую теорію. Настоящая статья даетъ возможность кратко и точно изложить эти теоріи. Для этого нужно только пользоваться тѣмъ же приемомъ, то-есть, по возможности смотрѣть на работу человѣчества съ точки зрѣнія притока энергій лучей солнца.

Н. Батюшковъ.

О ЗАПИСКАХЪ СИЛЬВЕСТРА МЕДВѢДЕВА.

Хотя о существованіи записокъ Сильвестра Медвѣдева знали еще въ первой половинѣ XVIII столѣтія ¹⁾: въ царствованіе императрицы Еватеринны II онѣ были даже напечатаны Туманскимъ въ его „Собраніи разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ государя императора Петра Великаго“ (С.-Пб. 1787), а лѣтъ 50 тому назадъ вторично въ „Сказаніяхъ русскаго народа“ Сахарова (С.-Пб. 1841); но и до сихъ поръ, можно сказать, въ нашей литературѣ нѣтъ отчетливаго представленія объ этомъ интересномъ литературномъ памятникѣ. Кромѣ упомянутыхъ издателей, рукописными записками пользовались для своихъ ученыхъ работъ, сколько извѣстно, только Устряловъ ²⁾, Соловьевъ ³⁾, Погодинъ и въ недавнее время г. Маркевичъ ⁴⁾; но первый говоритъ о нихъ всего нѣсколько словъ, второй—только ссылается на нихъ, но ни тотъ, ни другой не дали обстоятельнаго ихъ описанія. Что касается четвертаго, то собственно о запискахъ онъ говоритъ вскользь, касаясь только страницъ, посвященныхъ мѣстничеству ⁵⁾. Знакомство же Погодина съ рукописными записками до сихъ

---

¹⁾ О нихъ упоминаетъ въ своей Исторіи Татищевъ, умершій въ 1750 г. Исторія Россіи, томъ I, предисловіе, стр. XIII: „Медвѣдевъ самъ тому бунту участникомъ и тайныхъ дѣлъ съ Милославскимъ предварителемъ былъ, за что послѣ съ Щегловитовымъ и казненъ“. Тотъ же Татищевъ замѣтилъ сильный субъективизмъ изложенія и объяснялъ его близостью отношеній Медвѣдева къ описываемымъ событіямъ.

²⁾ Исторія царств. Петра Вел., т. I, стр. LIII, прим. 49.

³⁾ Исторія Россіи, XIII (изд. 3-е), стр. 372, прим. 233.

⁴⁾ О мѣстничествѣ, часть I, стр. 35—40.

⁵⁾ *Маркевичъ*, loc. cit.

поръ оставалось неизвѣстнымъ и никогда самимъ имъ не было отмѣчено въ печати ¹⁾).

Одинъ изъ біографовъ знаменитаго сторонника царевны Софьи, говоря объ изданіяхъ Туманскаго и Сахарова, выражается съ такою неопредѣленностью: „Оба изданія, кажется, неполны или напечатаны съ рукописей, въ которыхъ были перемѣшаны листы“ ²⁾). Въ то же время Строевъ, описывая одну рукопись, не догадывался, что она заключаетъ въ себѣ произведеніе Медвѣдева: въ сборникѣ библиотеки Царскаго подъ № 164 онъ нашелъ на листахъ 51—244 исторію о стрѣльцкихъ бунтахъ и говоритъ про нее: „Очень любопытная, со включеніемъ грамотъ, указовъ и другихъ документовъ того времени, частью еще не изданныхъ. Собиратель неизвѣстенъ“ ³⁾). А между тѣмъ этотъ собиратель не кто иной, какъ Сильвестръ Медвѣдевъ.

Если не ошибаемся, никѣмъ не было замѣчено, что, помимо Туманскаго и Сахарова, трудъ Медвѣдева, хотя и въ однихъ отрывкахъ, нашелъ себѣ еще одного издателя. Въ 1832 году появилась небольшая книжечка нѣкоего А. С. Θ...на: „Краткое описаніе пребыванія Петра Великаго въ Воронежѣ и Митрофанъ первый епископъ Воронежскій“ ⁴⁾). Говоря объ участіи епископа Митрофана въ извѣстномъ преніи съ раскольниками въ Грановитой Палатѣ, авторъ подробно описываетъ ходъ самаго засѣданія ⁵⁾). По ближайшемъ сличеніи, эти страницы составляютъ дословную перепечатку Медвѣдева, по изданію Туманскаго ⁶⁾).

Вообще можно сказать, что подъ печатнымъ Медвѣдевымъ обыкновенно понимаютъ текстъ въ изданіи Сахарова и кое-какіе отрывки у Туманскаго ⁷⁾). Хотя объ этихъ запискахъ давно сложилось представленіе, какъ объ изданныхъ не вполне, но едва ли мы ошибемся, заявивъ, что и до сихъ поръ подъ печатнымъ Медвѣдевымъ подразумеваютъ не совсѣмъ то, что слѣдовало бы. Начавъ сличать изданія Сахарова и Туманскаго, мы пришли къ нѣкоторымъ выводамъ,

¹⁾ См. ниже глава 4, первое примѣчаніе.

²⁾ В. Ундольскій, С. Медвѣдевъ; отецъ славяно-русской бібліографіи. *Чтенія Общ. Ист. Древи.*, годъ I, часть III, стр. IV, прим. 11.

³⁾ Рукописи... Царскаго. М. 1848, стр. 105.

⁴⁾ М. 1832. 119 стран. съ портрет. 8^о.

⁵⁾ Стран. 40—76 включит.

⁶⁾ Сравни. *Туманскій*, VI, 134—158.

⁷⁾ *Бестужевъ-Рюминъ*, Русская исторія, I, 57 (перв. пагина.); *Погодинъ*, Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни имп. Петра Вел., 22—25 (втор. пагина.).

подтверждение и дальнѣйшее развитіе которыхъ нашли при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ рукописныхъ списковъ этихъ любопытныхъ мемуаровъ. Результаты этого сличенія я предлагаются на нижеслѣдующихъ страницахъ.

I.

48 страницъ, посвященныхъ Медвѣдеву въ изданіи Сахарова ¹⁾, не содержанію, легко разбить на нѣсколько, а именно на четыре отдѣльныхъ части:

1) Майскіе дни. Стр. 1—17₂. Содержитъ въ себѣ: волненія стрѣльцовъ зимою 1681—1682 г.; избраніе Петра; дни 15—17 мая и нѣкоторыя событія, неразрывно съ этими днями связанныя (постриженіе Кирилла Нарышкина, раздача денегъ стрѣльцамъ, присвоеніе стрѣльцами названія „надворной пѣхоты“ и проч.).

2) Движеніе раскольниковъ. Стр. 17₂—30₁. Содержитъ въ себѣ: переговоры раскольниковъ съ Хованскимъ; преніе въ Грановитой Палатѣ (очень обстоятельно); упоминаніе о казни Никиты и другихъ наказаніяхъ, какимъ подверглись сообщники послѣдняго.

3) Іюльскія и августовскія насилія стрѣльцовъ. Содержаніе первой половины (стр. 30₁—33₁): царевичъ Матвѣй, Степанъ Яновъ и проч. Содержаніе второй половины (стр. 33₁—41₁): грамота отъ 6-го іюня, жалующая стрѣльцовъ названіемъ „надворной пѣхоты“, оправдывающая ихъ поведеніе въ маѣ мѣсяцѣ и утверждающая постановку столба.

4. Дѣло Хованскаго. Стр. 41₁—48₂, включительно. Содержитъ въ себѣ: событія 1-го сентября; доносъ на Хованскихъ; грамоту къ служилымъ людямъ о приходѣ подъ Троицкій монастырь. Этою грамотою и заканчиваются Записки.

Этотъ текстъ Сахаровскаго изданія полностью помѣщенъ и у Туманскаго, но кусками, въ безпорядкѣ разбитыми, въ видѣ пяти отдѣльныхъ статей и съ отдѣльными заголовками:

Первый кусокъ, подъ заглавіемъ: „Описаніе (подразумѣвается: перваго стрѣлецкаго бунта) Сильвестра Медвѣдева“ ²⁾ соотвѣтствуетъ у Сахарова стр. 1—17₂ до словъ: „7190 года видяще стрѣлецкую дерзость...“, то-есть—его первой части, „Майскимъ днямъ“.

¹⁾ Записки русскихъ людей. С.-Пб. 1841.

²⁾ Туманскій, VI, 54—84 вклучит.

Второй кусокъ, подъ заглавіемъ: „Открытие злыхъ намѣреній князя Ивана Хованскаго. Повѣсть Медвѣдева“ ¹⁾—соотвѣтствуетъ у Сахарова стр. 41₁—48₂ до конца), начиная отъ словъ: „идушу къ концу 7190 году“, то-есть—его четвертой части, „Дѣлу Хованскихъ“.

Третій кусокъ, подъ заглавіемъ: „Слѣдствіе стрѣлцаго бунта по 31 число августа“ ²⁾; не обозначено, что это отрывокъ изъ Медвѣдева, а между тѣмъ онъ дословно схожъ съ Сахаровскимъ Медвѣдевымъ, стр. 30₁—33₁ отъ словъ: „7190 года іюля въ 12 и 13 день“ до словъ: „Божіею милостію, мы...“, то-есть, его первой половинѣ третьей части, „Іюльскимъ и августовскимъ насиліямъ стрѣльцовъ“.

Четвертый кусокъ, подъ заглавіемъ: „Грамота“ ³⁾—соотвѣтствуетъ Сахарову, стр. 33₁—41₁, начиная отъ словъ: „Божіею милостію, мы“... и до словъ: „идушу къ концу 7190 году“, то-есть, его второй половинѣ третьей части. Указанной грамотѣ у Туманскаго предшествуетъ ⁴⁾ предисловіе издателя подъ заголовкомъ: „Прощеніе стрѣльцовъ въ бывшемъ ихъ бунтѣ“; въ этомъ предисловіи на стр. 119 онъ говоритъ, что упомянутую грамоту беретъ у Медвѣдева.

Пятый кусокъ, подъ заглавіемъ: „Мятежъ отъ раскольниковъ“ ⁵⁾ (источникъ—записки Медвѣдева—указанъ) соотвѣтствуетъ Сахарову, стран. 17₂—30₁, отъ словъ: „7190 года видяще стрѣлцакую“ до словъ: „7190 года іюля въ 12 и 13 день“, то-есть, его второй части, „Движенію раскольниковъ“.

Такимъ образомъ весь текстъ Сахаровскаго списка помѣщенъ и у Туманскаго, а какъ онъ здѣсь расположенъ, можно видѣть изъ нижеслѣдующей таблицы:

Сахаровъ	Туманскій
1) Стр. 1—17, до словъ: „7190 года, видяще“	= 54—84 стр.
2) Стр. 17,—30, — — „7190 года въ 12 и 13 день“	=135—158 стр.
3а) Стр. 30,—33, — — „Божею милостію, мы“	=111—117 стр.
3б) Стр. 33,—41, — — „идушу къ концу 7190 г.“	=119—133 стр.
4) Стр. 41,—48, включительно до конца	= 97—111 стр.

¹⁾ Туманскій, VI, 97—111.

²⁾ Туманскій, VI, 111—117.

³⁾ Туманскій, VI, 119—133 *включит.*

⁴⁾ На стран. 117—119.

⁵⁾ Туманскій, VI, 135—158.

Сравненіе обѣихъ текстовъ по содержанію показываетъ, что у Туманскаго не пропущено ни одной фразы Сахарова и вообще заставляетъ признать полное ихъ тождество. Можно думать, что Сахаровъ печаталъ съ того же самаго экземпляра, какимъ пользовался и Туманскій. Различія самыя ничтожныя: иная глагольная форма (неопред. наклоненіе вмѣсто прошедш. врем. 3-го лица), иныя падежныя окончанія (рублей—рублевъ, тое—ту), такія разночгенія, какъ: „злолихонмателевъ“ (Сах., 35₁) и „злолихонмѣтелевъ“ (VI, 122)—и только.

Если и есть что-либо болѣе крупное въ разночгеніи, то оно сводится къ слѣдующему:

1. Сах. 8₁ : „Семень Грибоѣдовъ?“
Тум. 66 : „Семень Грибоѣдовъ или кто иной?“¹⁾
2. Сах. 15₁ : „Фонъ-Гадепъ“.
Тум. 79 : „Фонгадь“²⁾.
3. Сах. 17₁ : „не имѣя“ (денегъ).
Тум. 85 : „не найма“.
4. Сах. 20₁ : „сѣде Никита“.
Тум. 139 : „сами Никита“ (ошибочно).
5. Сах. 22₁ : „попросите у ея милости, чтобъ она“.
Тум. 142 : вм. ея поставлено: *нея* (лучше)³⁾.
6. Сах. 22₂ : „со всеми плачущися пойдоша“.
Тум. 144 : „вси плачущися пойдоша“.
7. Сах. 29₂ : „видимо повергоша“ (Никиту).
Тум. 157 : „видѣвши поведоша“ (хуже)⁴⁾.
8. Сах. 29₂ : „іюня мѣсяца въ 20 день“ (казнь Никиты).
Тум. 157 : число не выставлено.
9. Сах. 30₁ : „въ противномъ народѣ“.
Тум. 111 : „въ простомъ народѣ“ (лучше)⁵⁾.
10. Сах. 30₂ : „Іюля“.
Тум. 112 : „Іюня“ (ошибочно).
11. Сах. 48₂ : „.... стольникъ нашъ“ (слова грамоты).
Тум. 111 : „.... стольникъ нашъ (имракъ)“⁶⁾.

¹⁾ И то, и другое чтеніе, какъ увидимъ ниже, одинаково допустимо.

²⁾ Въ донесеніи Розенбуша—von Gaden (*Устряловъ*, I, 336). Сравни. *Voltaire*, *Histoire de Russie sous Pierre le Grand* (edit. 1761), I, 79: Vongad.

³⁾ Въ рукописи Академіи Наукъ, № 46 (о ней ниже): *нея* (листь 95 об.).

⁴⁾ Въ рукоп. № 46, лист. 102 об.: *видѣвши повергоша*.

⁵⁾ Въ рукоп. № 46, лист. 103, какъ у Туманскаго.

⁶⁾ Въ рукоп. № 46, лист. 112 об. прибавлено въ скобкахъ: *имркъ*. Сравни. *Акт. Арх. Эксп.*, IV, 376, столб. 1-й: „...стольникъ нашъ (имрекъ)“.

II.

Наши историки, кажется, совсѣмъ не замѣтили, что списокъ Туманскаго, хотя и разорванъ и въ безпорядкѣ распредѣленъ по VI-й части, но все же составляетъ полное сходство—и по количеству содержания (по объему), и по изложенію—со спискомъ Сахарова ¹⁾. Говоримъ это, основываясь на слѣдующемъ:

Сахаровъ въ предисловіи къ Запискамъ Медвѣдева, стр. V, выражается такъ: „Туманскій.... помѣстилъ въ 6-й части неполныя записки Медвѣдева“. Что-нибудь одно: или Сахаровъ скрывалъ неполноту своего изданія, или не зналъ указаннаго выше сходства. Въ концѣ своего предисловія Сахаровъ даже прямо заявляетъ, что „списокъ, напечатанный Туманскимъ (онъ) имѣлъ въ виду“, но не могъ принять его за основаніе, „какъ неполный“ (стр. VI).

Устряловъ говоритъ о Созерцаніи Медвѣдева: „Значительная часть его напечатана... Туманскимъ съ неисправнаго впрочемъ списка“ ²⁾. О Сахаровѣ никакого упоминанія. Пользуясь рукописнымъ спискомъ, на который онъ смотрѣлъ, какъ на болѣе полный и лучший текстъ, сравнительно съ печатнымъ, историкъ Петра I, вѣроятно, не счелъ нужнымъ обратить вниманіе на соотношеніе этихъ послѣднихъ между собою. Ниже мы увидимъ, что списки кн. Оболенскаго и Академіи Наукъ, бывшіе въ рукахъ Устрялова, ничѣмъ между собою не отличаются; Академическій же въ свою очередь очень близко переданъ въ изданіи Туманскаго. Еслибы послѣднее было извѣстно Устрялову, едва ли бы онъ выразился, что Туманскій печаталъ съ „неисправнаго“ списка: въ такомъ случаѣ какого же достоинства былъ, по его мнѣнію, списокъ Оболенскаго?

Аристовъ, пользуясь Сахаровымъ, пользуется и Туманскимъ (къ слову сказать: не очень точно выписывая изъ него), тогда какъ въ этомъ одновременномъ пользованіи двумя изданіями не представлялось никакой надобности ³⁾.

Погодинъ. Судя по тому, что онъ пользуется почти всѣмъ Мед-

¹⁾ Можетъ быть, одинъ только библіографъ Геннади сознавалъ это, говоря, что Сахаровскій Медвѣдевъ весь былъ раньше напечатанъ Туманскимъ (Записки русскихъ людей. *Чтенія Общ. Истор. Дрзвн.* 1861, IV, стр. 76).

²⁾ I, LIII, прим. 49.

³⁾ Смуты въ правленіе царевны Софьи, стр. 4.

вѣдевымъ ¹⁾), хотя и по изданію Туманскаго, но слѣдить за событіями въ томъ порядкѣ, какъ они изложены у Сахарова ²⁾), можно было бы допустить, что сходство ему извѣстно; но о немъ онъ нигдѣ не заикается.... И разъ онъ нашелъ бы его, къ чему тогда цитировать Туманскаго, какъ мы уже видѣли, разбросаннаго, безпорядочно изданнаго, когда гораздо удобнѣе было пользоваться Сахаровымъ?...

Наконецъ, г. Соколовъ говоритъ: „Записки эти напечатаны первоначально въ 6 части сочиненій Туманскаго, затѣмъ полнѣе въ Запискахъ русскихъ людей, Сахарова“ ³⁾.

Въ запискахъ Медвѣдева по изданію Сахарова (про Туманскаго уже и не говоримъ) сильно бросается въ глаза рѣзкій переходъ отъ кровавыхъ дней 15-го—17-го мая къ движенію раскольниковъ; событія же, слѣдовавшія непосредственно за кровавымъ побоищемъ, то-есть, двадцатые дни мая, избраніе Іоанна въ цари, провозглашеніе Софьи правительницею, пропущены совершенно ⁴⁾). Невольно является вопросъ: дѣйствительно ли намѣренно опустили Медвѣдевъ эти дни и такимъ образомъ намѣренно оставилъ пробѣлъ, создалъ неполноту въ своемъ описаніи? Вѣдь если признавать, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, что рукой автора водило желаніе возвеличить Софью и оправдать ея мѣры противъ стрѣльцовъ, то содержаніе двадцатыхъ дней мая представляло для того самый благодарный матеріалъ: воцареніе единоутробнаго брата царевны, законное (при тогдашнихъ обстоятельствахъ) провозглашеніе этой послѣдней правительницею, естественно, должны были смягчить переходъ отъ кровавыхъ зрѣлищъ къ появленію новой власти. Могъ ли не воспользоваться всѣмъ этимъ Медвѣдевъ?

Рукописные списки записокъ, бывшіе въ рукахъ Устрялова и Со-

¹⁾ Кроме одной грамоты 6-го іюня, напечатанной у Туманскаго, VI, 119—133; Погодинъ даже не упоминаетъ о ней при изложеніи содержанія Записокъ Медвѣдева (Семинадцать первыхъ лѣтъ, 22—25 втор. пагин.), потому ли что Туманскій не обозначилъ откуда она? Однако, отрывокъ Медвѣдева, напечатанный у Туманскаго, VI, 111—117, тоже безъ имени автора, а между тѣмъ Погодинъ призналъ его за трудъ Сильвестра (хоть прямо объ этомъ и не говоритъ. Срав. стр. 24—25).

²⁾ Слѣч. Семнадцатъ первыхъ лѣтъ, стр. 22—25.

³⁾ П. Соколовъ, Первый придворный стихотворецъ изъ воспитанниковъ Моск. Законосп. школы. *Чтенія Общ. Люб. Духовн. Просв.* 1886, № 6, стр. 625, прим.

⁴⁾ Смотр. стр. 17.

ловьева, свидѣтельствуя, что Медвѣдевъ не пропустилъ, а описалъ эти двадцатье дни мая. Въ первомъ изъ упомянутыхъ списковъ, Академіи Наукъ, сравнительно со вторымъ, кн. Оболенскаго, недостаетъ заглавія и предисловія ¹⁾. Того же, какъ мы можемъ видѣть, нѣтъ и въ Сахаровскомъ изданіи. И Устряловъ, и Соловьевъ, какъ говорятъ они сами, пользовались спискомъ Оболенскаго, гдѣ изложены обстоятельства избранія Іоанна. На сколько эти свидѣнія цѣнны, первоклассны по значенію, видно изъ того, что, излагая исторію этого событія, равно какъ назначеніи Софьи правительницею, Устряловъ ²⁾ и Соловьевъ ³⁾ пользовались именно Медвѣдевымъ въ списокѣ кн. Оболенскаго. Вотъ почему странно, что Погодинъ, писавшій послѣ нихъ, руководился для этихъ дней менѣе точнымъ, краткимъ сообщеніемъ Матвѣева ⁴⁾. Если у него не было въ данную минуту подъ рукой рукописи, все же лучше было цитовать Устрялова (или Соловьева), какъ это и сдѣлалъ, напримѣръ, г. Брикнеръ ⁵⁾.

Но любопытнѣе здѣсь тотъ фактъ, что никто не замѣтилъ — по крайней мѣрѣ не отмѣтилъ печатно — даже Погодинъ, по видимому, всего болѣе занимавшійся сличеніемъ списковъ, что этотъ самый отдѣлъ записокъ Медвѣдева почти весь напечатанъ, и напечатанъ давно, сто лѣтъ тому назадъ, все у того же Туманскаго, только въ другой части его „Собранія“, именно V-й, на стр. 203—212, подъ заглавіемъ: „Воцареніе царя Іоанна Алексѣевича обще съ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ и начатіе правительства царевны Софіи Алексѣевны“, при чемъ въ началѣ (стр. 203) издатель прямо называетъ Медвѣдева авторомъ нижеслѣдующихъ страницъ. Здѣсь изложены событія 23-го—26-го мая, но, правда, нѣтъ ничего о 29-мъ маѣ ⁶⁾, такъ что вторая половина заголовка статейки Туманскаго могла бы быть и выкинута. Сличая разказъ Устрялова ⁷⁾ съ указанными страницами Туманскаго, видимъ, что Устряловъ почти фраза въ фразу передавалъ Медвѣдева, что еще болѣе утверждаетъ насъ въ томъ, что текстъ Туманскаго, въ ч. V, 203—212, есть произведеніе Сильвестра.

¹⁾ Устряловъ, I, LIII, прим. 49.

²⁾ I, 42—44.

³⁾ XIII, изд. 3-е, стр. 329—330 и прим. 233.

⁴⁾ Семнадцать первыхъ лѣтъ, 60—61.

⁵⁾ Исторія Петра Великаго, 34—36.

⁶⁾ Союзъ вручаютъ правленію—и что есть у Устрялова, I, 44.

⁷⁾ I, 42—44.

Но этимъ содержание разбираемыхъ нами записокъ далеко еще не исчерпывается. У Сахарова онѣ оканчиваются грамотой изъ-подъ Саввина-Сторожевскаго монастыря, созывающею служилые полки противъ Хованскаго и стрѣльцовъ. Въ списокѣ Академическомъ конецъ этой грамоты, на сколько можемъ судить пока, еще не выдавъ его, оканчивается на 112-мъ листѣ ¹⁾, а между тѣмъ въ самомъ списокѣ не менѣе 171 листа ²⁾. Устряловъ воспользовался ³⁾ этими остальными листами (112 — 171) и по нимъ изложилъ послѣдующія перипетіи борьбы Софьи съ Хованскимъ и стрѣльцами. Судя по тому, что въ дальнѣйшемъ изложеніи своей Исторіи онъ нигдѣ болѣе не ссылается на Медвѣдева, можно заключить, что приблизительно 171-мъ листомъ — окончаніемъ „второга стрѣлецкаго бунта“, оканчиваются и записки Медвѣдева,—почему и предположеніе Погодина ⁴⁾, что записки составлялись съ цѣлью оправдать Софью послѣ казни Хованскихъ и осудить поступки стрѣльцовъ, становится еще болѣе вѣроятнымъ.

Были ли гдѣ и когда напечатаны, цѣлостью или въ отрывкахъ, эти 112—171 листы упомянутой рукописи?

Въ изданіи Туманскаго, V, стр. 230 — 288 влѣчательно, находится безъ всякаго предисловія издателя и указанія, чья это статья, разказъ подъ заглавіемъ: „Наказаніе князю Хованскому и слѣдствія онаго въ Москвѣ даже до 8-го числа октября, 1682 года“. Еще Погодинъ замѣтилъ ⁵⁾, руководствуясь текстомъ Устрялова, что это есть часть записокъ Медвѣдева. Дѣйствительно, свѣряя разказъ Устрялова съ разбираемою статью, находимъ несомнѣнное родство, но не столь впрочемъ близкое, какъ въ случаѣ выше обозначенномъ (о событіяхъ 23-го—26-го мая): такой дословной изъ фразы въ фразу передачи здѣсь нѣтъ, что объясняется характеромъ даннаго отрывка: онъ почти весь состоитъ изъ выписки грамотъ, рѣчей, письменныхъ распоряженій, съ неизбѣжными, по духу того времени, повтореніями; кромѣ того, Устряловъ вводилъ въ разказъ данныя и изъ другихъ источниковъ: Аетовъ Археогр. Экспедиціи и проч. ⁶⁾. Помимо этого

¹⁾ Устряловъ, I, 83, примѣч. 12; сравн. стр. 271.

²⁾ Ibidem, I, 97, примѣч. 59.

³⁾ I, 83—97.

⁴⁾ Семнадцать первыхъ лѣтъ, стр. 22 (втор. пагин.).

⁵⁾ Ibidem, примѣч. 83.

⁶⁾ См. примѣчанія Устрялова къ стр. 83—95.

принадлежность текста Туманскаго, V, 230—288, въ запискѣ Медвѣдева доказывается еще слѣдующимъ: Устряловъ свидѣтельствуе¹⁾, что на стр. 122 Академическаго списка, описывая мятежъ стрѣльцовъ, узнавшихъ про казнь Хованскихъ, авторъ добавляетъ: „все убо сіе видѣся во очію нашею“. Это же выраженіе приводитъ онъ и въ другомъ мѣстѣ²⁾. Но та же самая фраза, изъ слова въ слово, находится и у Туманскаго, V, 250. Сопоставляя мѣста предшествующія этому выраженію и слѣдующія за нимъ, какъ у Устрялова, такъ и у Туманскаго, видимъ, что они соотвѣтствуютъ одно другому, и значить, указанная словъ стоятъ тамъ, гдѣ имъ слѣдуетъ быть³⁾.

III.

Кромѣ указанныхъ мѣстъ, можно найти у Туманскаго еще новыя страницы, принадлежащія все тому же Медвѣдеву. Туманскій въ ч. VI, стр. 176—179 включительно, помѣстилъ статейку подъ заглавіемъ: „О разломаніи столба въ честь стрѣльцамъ поставленнаго“; она начинается предварительнымъ замѣчаніемъ, что „октомвриа въ 28 день“ стрѣльцы просили государей столбъ „сломати“ и „подали заручныя челобитныя... писанныя сяце:“.... Языкъ, очевидно, не Туманскаго, а болѣе старинный. За этою замѣткою идетъ челобитная стрѣльцовъ, дословно напечатанная и въ Актахъ Археограф. Экспедиціи, IV, № 278, стр. 391—392. Въ концѣ статейки, непосредственно вслѣдъ за челобитною, авторъ опять какъ бы отъ себя говоритъ, что „по тому ихъ челобитью... велѣно той столпъ сломати. Ноемвриа въ 2 день послалъ.... Головинъ.... Ермилова съ стрѣльцы, и тотъ столпъ сломалъ, бутъ выломалъ, да свай и кирпичъ весь.... свезенъ, а листы жестяные... сожены“ (стр. 179).

Между тѣмъ Устряловъ⁴⁾, передавая эти же событія („2 ноября

¹⁾ I, LIII, прим. 49.

²⁾ Устряловъ, I, 91, прим. 33.

³⁾ Смысла Погодина, разказавшаго (въ текстѣ стр. 88—98) казнь Хованскаго и послѣдующія волненія, соотвѣтствующія листамъ 112—171 Устряловскаго списка въ примѣч. 88 на „Медвѣдевъ у Туманскаго, VI, 214—255“ — простой недосмотръ. Надо сказать: „Медвѣдевъ у Туманскаго, V, 230—288“, да еще развѣ прибавить: „Устряловъ, I, 95—97“, ибо событія послѣ 8-го октября, разказанныя въ текстѣ Погодина, не заключаются у Тум., V, 230—288. Что Погодинъ бралъ у Туманскаго, V, 230—288, см. его стр. 93, о размыслѣ „Увѣта“, объ этомъ упоминаетъ Туманскій, V, 255, но молчитъ Устряловъ.

⁴⁾ I, 96.

стрѣльцы Ермолаева полка... предали огню... листы... столбъ разломали... разметавъ самый бутъ“), ссылается на Медвѣдева, листъ 159. Въ Актахъ же Археограф. Экспедиціи упомянутая челобитная 28-го октября, какъ тамъ сказано, взята изъ рукописи о стрѣльцкомъ бунтѣ, принадлежащей Академіи Наукъ, листъ 158—159.

Такимъ образомъ, какимъ бы спискомъ Туманскій ни пользовался, но, печатая разказъ о сломаніи столба, онъ, очевидно, воспроизводилъ не свои слова, а Медвѣдева.

Выходя изъ вышеизложеннаго, можно настаивать на томъ, что и двѣ статейки Туманскаго: „Статьи для стрѣльцовъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Таковы статьи присланы изъ похода и даны стрѣльцомъ“¹⁾ и „Статьи для стрѣльцовъ октября 1682 года“²⁾, составляющія не разорванныя части одного цѣлаго и напечатанныя вполнѣ въ Актахъ Археограф. Экспедиціи, IV, подъ № 266³⁾, тоже входили въ составъ записокъ Медвѣдева. Издатели Актовъ Экспедиціи замѣтили, что напечатанная ими грамота взята изъ той же рукописи о стрѣльцкомъ бунтѣ, лист. 137 об.—139, 139 об.—147 об., а Устряловъ, перечисляя у себя⁴⁾ содержаніе этого документа, такъ выражается про находящіяся въ ней статьи: „указныя статьи у Медвѣдева листъ 145 и въ Акт. Арх. Эксп., IV, № 266“, то-есть, подобно предъидущему случаю, ссылка Устрялова разъясняетъ намъ источникъ, откуда черпалъ Туманскій.

Что сказать о „Епиistolіи патріарха октября 10 дня 1682“ и объ отвѣтной „Грамотѣ отъ государей къ патріарху отъ 13-го октября 1682 г.“⁵⁾ Обѣ онѣ подъ однимъ № 97 напечатаны въ Актахъ Историческихъ, т. V, но у Туманскаго, хотя и напечатаны одна вслѣдъ за другою, но раздѣлены чрезвычайно характерною замѣткою, суть коей такова⁶⁾: Вотъ письмо патріарха; 9-го октября былъ молебенъ, патріархъ уговаривалъ (и успѣшно) стрѣльцовъ покориться,

¹⁾ VI, 158—170.

²⁾ VI, 170—176.

³⁾ Но не съ начала, а съ пункта II и до конца (стр. 381,—387.).

⁴⁾ I, 94.

⁵⁾ Туманскій, VI, 180—193 вкл.

⁶⁾ Стр. 186—188.

объщая свое заступничество; 11-го октября онъ послалъ игумена Ефрема (о немъ идетъ рѣчь въ грамотахъ), явилась надежда на умиротвореніе; „зѣло бо нужно, осенняя постиже, дожди, воздушные мятежи, слота и грязи вельми обѣдоша...“; надежда не обманула: на письмо патріарха „писана... слѣдующая подъ симъ грамота“. И дальше, дѣйствительно, она и напечатана.

Соображая, даже по одному изданію Сахарова, что всѣ записки Медвѣдева переполнены официальными документами, что въ данномъ случаѣ языкъ этой вставки Медвѣдевскій,—придется и текстъ Туманскаго, VI, 180—193, включить въ число разорванныхъ кусковъ Сильвестровыхъ записокъ. Не забудемъ, что Епистолиа патріарха находится и въ Академической рукописи, листъ 149 об.—150, и напечатана оттуда въ Актахъ Археогр. Экспедиціи, IV. № 267, хотя и съ большими пропусками ¹⁾.

Статья Туманскаго, VI, 200—214, подъ заглавіемъ: „Возвращеніе государей царей въ Москву и простибельная грамота стрѣльцамъ“ есть на этотъ разъ неоспоримо другой кусокъ изъ занимающихъ насъ записокъ. И вотъ почему. Она начинается разказомъ—все такого же стариннаго слога—о томъ какъ 6 воемврѣя вся царская семья изъ походу въ Москву впидоша мирно. На дворѣ царскаго величества стояли вооруженные защитники. Начальникомъ стрѣлецкаго приказа назначенъ окольничій В. А. Змѣевъ. Тогда обратились стрѣльцы съ просьбою дать имъ жалованную грамоту, „дабы ихъ никто... не укоряли... И по ихъ челобитью... повелѣли... дати... грамоту... сицеву“, и затѣмъ идетъ самая грамота, напечатанная въ Актахъ Арх. Эксп., IV, № 271.

Откуда же это все взято?

Устряловъ, сообщая о возвращеніи въ Москву, о кремлевскомъ караулѣ и о назначеніи Змѣева, ссылается на Медвѣдева, листъ 159 и листъ 159 обор. Акты же Археогр. Экспедиціи говорятъ, что грамоту № 271 они заимствовали изъ Академической рукописи о стрѣльцкомъ бунтѣ лл. 159 об.—165. Очевидно, страницы Актвъ суть продолженіе страницъ Устрялова, что такъ и есть у Туманскаго, VI, 200—214.

¹⁾ Акты Арх. Эксп., IV, стр. 389.

Послѣ этого можно и „Указъ его царскаго величества о стрѣльцахъ отъ 25-го октября 1682 г.“, напечатанный у Туманскаго, VI, 194—200, признать за новый обломокъ Медвѣдевскаго труда. Онъ напечатанъ въ видѣ двухъ отдѣльныхъ актовъ № 268 и № 269 въ Акт. Арх. Эксп., IV ¹⁾; у Туманскаго эти акты раздѣлены такою вставочною фразою: „Да того жъ числа по ихъ же великихъ государей указу сказанъ отъ великихъ государей указъ боярскимъ людемъ таковъ“ ²⁾. Хотя въ этой фразѣ нѣтъ ничего характернаго, Медвѣдевскаго, но во всякомъ случаѣ такіе обороты, какъ „да того жъ числа“, „по указу сказанъ... указъ“, суть принадлежность XVII, а не конца XVIII вѣка ³⁾.

Изъ всего сказаннаго мы можемъ сдѣлать такой выводъ. То, что издатели Актвъ Археографической Экспедиціи называютъ „Академическою рукописью о стрѣлцкомъ бунтѣ“, и есть записки Медвѣдева, состоящія въ сущности изъ массы документовъ, перемѣшанныхъ вставочными объясненіями. Выбрасывая послѣднія, издатели печатали первые. Но если это такъ, то тамъ, гдѣ встрѣчаются указанія на „рукопись о бунтѣ“, мы въ правѣ видѣть и продолженіе той части записокъ, что издана Сахаровымъ.

Такъ, тѣ же Акты подъ № 273 печатаютъ указъ ⁴⁾ стрѣльцамъ бунтовавшаго полка Бохина; Устряловъ ⁵⁾ прибавляетъ, что этотъ бунтъ былъ подавленъ Шакловитымъ, и ссылается на Медвѣдева, листъ 166. Другой указъ въ Актахъ подъ № 274, дарующій прощеніе этимъ стрѣльцамъ, взятъ съ листовъ 170—171 ⁶⁾. И эти оба акта №№ 273 и 274 находятся у Туманскаго, VI, 216—226, съ вставочною объяснительною замѣткой и по содержанію съ такимъ же, какъ и у Устрялова, введеніемъ къ первому указу ⁷⁾; очевидно, и это Медвѣдевъ.

¹⁾ Взятыхъ, какъ сказано здѣсь, изъ той же рукописи, листъ 154 об.—157 а 157.

²⁾ Стр. 198.

³⁾ Особенно, если признать вѣстѣ съ Лонгиновымъ, что на литературномъ языкѣ Туманскаго отзывался складъ малороссійской рѣчи (*Русск. Стар.* 1873 г., VIII, 334).

⁴⁾ Взятый, какъ тамъ сказано, изъ упомянутой рукописи, лл. 166—169 об.

⁵⁾ I, 97.

⁶⁾ Значить, на 169 об. кончилось содержаніе указа № 273, а съ 170 началось содержаніе № 274.

⁷⁾ Стр. 214—216.

То же готовы мы сказать и о докладной выпискѣ, помѣщенной въ № 280 Актовъ ¹⁾; она тождественна съ Туманскимъ, VI, 227—249, гдѣ ей предшествуетъ (стр. 226) коротенькое замѣчаніе, въ свою очередь непосредственно слѣдующее за актомъ, напечатаннымъ въ Акт. Арх. Эксп. подъ № 274. Становится болѣе чѣмъ несомнѣннымъ, что Туманскій печаталъ свои статьи по Академическому списку, по „Рукописи о стрѣльцкомъ бунтѣ“.

Но Акты листомъ 182-мъ и оканчиваютъ свои выдержки изъ рукописи. А Туманскій на стр. 249—255 шестаго тома печатаетъ еще два документа (грамота въ Сѣвскъ и „статья“ для сѣвскаго воеводы) съ такими же вставочными объясненіями; эти документа по слогу такого же характера и по содержанію относятся все къ тому же стрѣльцкому движенію. Если признать, что эти два документа идутъ изъ того же источника, и что Туманскій болѣе нигдѣ имъ не пользовался, то можно думать, что рукопись заключала въ себѣ немного болѣе 182 листовъ.

IV.

Къ такимъ выводамъ пришли мы послѣ сличенія печатныхъ списковъ Медвѣдевскихъ записокъ между собою и съ IV-мъ томомъ Актовъ Археографической Экспедиціи, равно какъ и съ „Исторіей“ Устрялова. Оставалось провѣрить себя посредствомъ Академической рукописи. Самый бѣглый просмотръ ея сразу же убѣдилъ насъ въ справедливости сдѣланныхъ предположеній. Упомянутая рукопись хранится подъ № 46 въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ и представляетъ собою плотный переплетенный томъ in folio. Если не считать первыхъ двухъ заглавныхъ и слѣдующихъ за ними десяти листовъ оглавленія ²⁾, то рукопись содержитъ въ себѣ 226 листовъ.

¹⁾ Взята съ листовъ 171—182 об.

²⁾ Здѣсь вверху листа I оглавленія приписано: „Съ 95 Нумера (рукопись разбита и въ оглавленіи, и въ текстѣ на NN. № 95 соответствуетъ началу листа 65. *Е. Шм.*) эта рукопись заключаетъ Записки Сильвестра Медвѣдева. А кому принадлежать первые 95 нумеровъ, съ которыми онъ соединены, нужно изслѣдовать. М. Погодинъ. 3-го іюня 1875“. Книга Погодина „Семинадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго“ вышла въ свѣтъ не позже мая 1875 года, такъ какъ *Вѣстникъ Европы*, всегда выходящій въ первые числа каждаго мѣсяца, еще въ июньской книжкѣ за 1875 г. на обложкѣ далъ маленькій отзывъ объ этомъ трудѣ. Можно ли на основаніи этого сдѣлать выводъ, что Погодинъ читалъ рукопись уже послѣ выхода своей книги? „3-го іюня“

изъ нихъ послѣдніе, начиная съ 186 обор., пусты (листы 221 — 226 шиты переилетчикомъ вслѣдъ за листомъ 187-мъ). Вторая половина этой рукописи, начиная съ третьей строки 65 листа¹⁾, и составляетъ безспорно текстъ записокъ Медвѣдева, какъ его по частямъ или полностью понимали Туманскій, Сахаровъ и Устряловъ. Всѣ эти листы отъ 65 до 186 за самыми небольшими исключеніями напечатаны у Сахарова и въ указанныхъ мѣстахъ Туманскаго; отсюда же брали свои документы издатели Актовъ Арх. Экспедиціи, помѣстивъ ихъ въ IV томѣ подѣ №№ 254, 255, 258, 260 — 271, 273, 274, 280. Теперь остается несомнѣннымъ, что въ рукахъ Сахарова былъ неполный экземпляръ записокъ Медвѣдева; что археографическая коммиссія выбирала изъ этихъ листовъ грамоты и указы, печатая ихъ дословно и выкидывая фразы и куски, составлявшіе собственно разказъ Медвѣдева; и наконецъ, что Туманскій (имѣлъ ли онъ въ рукахъ этотъ, академическій, экземпляръ или другой, тождественный ему, все равно) съ точки зрѣнія вышнѣшнихъ научныхъ требованій оказался совершенно не подходящимъ издателемъ: хотя онъ перепечаталъ въ своемъ „Собраніи“ почти всѣ эти 65—186 листы, но не въ томъ порядкѣ, какъ они находились въ рукописи, и безбожно разорвавъ ихъ на части; нѣкоторые изъ нихъ снабдилъ своими примѣчаніями, съ указаніемъ, откуда заимствовалъ свой матеріалъ, другіе изданы имъ, какъ сочиненія безымяннаго автора, и въ этомъ случаѣ слова Медвѣдева могутъ быть приняты одинаково какъ за слова Туманскаго, такъ и всякаго другаго, доставившаго свою статью въ изданіе. Кромѣ всего этого, не забудемъ, что всѣмъ такимъ разорваннымъ кускамъ даны оглавленія, произвольно составленныя самимъ Туманскимъ²⁾. Наконецъ, внимательное сличеніе ссылокъ Устрялова на рукописныя записки Медвѣдева съ рукописью № 46 раскрываетъ, что нумерація листовъ, приводимая историкомъ, вполне совпадаетъ съ пагинаціей настоящаго документа. Впрочемъ, этого и надобно было ожидать, въ виду категорическаго заявленія

могло означать и день, когда Погодинъ, изучивъ рукопись, возвращалъ ее по принадлежности. Но если даже и допустить это, то все же можно положительно утверждать, что знакомство съ рукописью не связалось ни на одной строкѣ его изслѣдованія.

1) Отъ словъ: „первое же к народному возмущенію бысть возбужденіе того 190 гѣта в зимнѣ время“. Сравни. начальныя строки у Сахарова.

2) Хотя выраженія для нихъ онъ и бралъ изъ самаго текста. Ср. напримѣръ, „Епистолю“.

историка, что ссылки свои онъ дѣлалъ „на рукописи Академіи Наукъ“ ¹⁾. Очевидно, содержаніе списковъ Академическаго и кн. Оболенскаго весьма близки между собою ²⁾.

Отмѣтимъ же теперь, что изъ этихъ 65 — 186 листовъ напечатано, что нѣтъ, и въ чемъ состоитъ содержаніе не изданныхъ листовъ. Разобьемъ для этого рукопись на нѣсколько отдѣловъ и прослѣдимъ ихъ послѣдовательно одинъ за другимъ такъ, чтобы каждый слѣдующій былъ непосредственнымъ продолженіемъ предыдущаго. Такимъ образомъ, не пропуская ни одной строки, мы ознакомимся съ содержаніемъ всей рукописи. Предупреждаемъ, что въ настоящемъ случаѣ строго придерживаться ореографіи подлинника мы не нашли нужнымъ: она не представляетъ никакихъ особенностей; ея отличія скорѣе обыкновенныя ошибки плохаго грамотѣя, чѣмъ своеобразность правописанія.

1) Лист. 65—79 обор. начиная словами: „первое же къ народному возмущенію бысть возбужденіе того 190 лѣта“ и кончая словами: „тѣлеса яко купы гнойнаго сметія тамо лежаху, и кто сей или иный познати было невозможно“ — напечатаны у Сахарова, стр. 1 — 17₂ (и у Тум., VI, 54 — 84). Это отрывокъ, который мы назвали „Майскими днями“. Часть его, а именно указъ Семену Грибоѣдову (Сах., 8₁ — 10₁), напечатана въ Акт. Арх. Эксп., IV, № 254.

2) Лист. 79 обор.—83 обор. начиная словами: „маия же мѣсяца въ 23 день собравшеса вси выборные стрѣльцы“ и кончая словами: „да имъ же сказано, чтобъ они были готовы къ рукѣ по два жъ полка въ день“ — напечатаны у Тум., V, 203 — 212 (начинаясь и кончаясь у него тѣми же выраженіями).

3) Лист. 83 обор.—85 — начиная словами: „по семъ якоже прежде солдаты и стрѣльцы усовѣтоваше“ и кончая словами: „которая грамота въ семъ ихъ челобитьи является здѣ:“ — не напечатано. Содержаніе этого отрывка таково: „по семъ якоже прежде солдаты и стрѣльцы усовѣтоваше о прошеніи правленія росискаго государства государыни царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ тако и сотворили, а какъ то бысть и чесо ради, о томъ изъясляетъ писаніе въ розрядѣ

¹⁾ Устряловъ, I, 271.

²⁾ Не даромъ и Устряловъ (I, стр. LIII, прим. 49) признаетъ ихъ „сходство“.

въ записной того года книгѣ сице: „.... Далѣе и идетъ это „писаніе“. Въ рукописи оно занимаетъ послѣднюю строку листа 83 обор. и обѣ стороны листа 84-го; полиѣ напечатано въ Полн. Собр. Зак., II, № 920, подъ именемъ указа о совокупномъ восшествіи на престолъ Іоанна и Петра и принятіи Софіею правленія. Съ первыхъ же строкъ листа 85-го идутъ слѣдующія слова: „потомъ же всѣ служивые люди присовокупили же къ себѣ въ челобитье, многіе чины били челомъ великимъ государемъ и подали челобитную глупости полную, будто они бояръ побили за домъ пресвятыя Богородицы и за многія ихъ причины и что на знакъ того побіенія поставить на Красной площади у лобнаго мѣста каменной столпъ и, надписавъ побіенныхъ вины ихъ, стрѣльцовъ радѣние будущимъ родомъ въ память написать. И то имъ ради ихъ сей въ то время дерзости все позволено. Даваны же имъ противъ ихъ челобитья во всѣ полки государевы жалованныя печатныя грамоты, утишая ихъ свирѣпство и дерзость, которая грамота въ семъ ихъ челобитья является здѣ“.

4) Лист. 85—91 обор. до конца начиная словами: „Божіею милостію мы, великіе государи, цари и великіе князи“ и кончая словами: „на томъ столпѣ тѣ дски со всѣхъ сторонъ прибили“—напечатаны у Сахар., 33₁—41₁ (начинаясь и кончаясь тѣми же выраженіями); а также у Тум., VI, 119—133 (подъ заглавіемъ „Грамота“); сверхъ того, кромѣ послѣднихъ строкъ ¹⁾ въ Акт. Арх. Эксп., IV, № 255, половина 2-я.

5) Лист. 92—105 обор. начиная словами: „въ то же время видаше стрѣleckую дерзость во всемъ и смущеніе въ государствѣ, врази святыя церкви раскольники, нарицаемые капитоны“ и кончая словами: „въ Коломенской и на Воробьевой горѣ пребываніе имѣть изволиша“—напечатано у Сахар. 17₂—33₁ ²⁾ и у Тум., VI, 135—158, 111—117.

6) Лист. 105 обор. — 106. „Того же 190-го лѣта іюня въ 25-й день въ недѣлю, благословеніемъ царя небснаго избранпія прежде благочестивые цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ Петръ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы во

¹⁾ Ихъ можно читать у Сахарова, 41₁: „И потому указу..... со всѣхъ сторонъ прибили“.

²⁾ Отъ словъ: „7190 года видаше стрѣleckую дерзость“ и кончал: „пребываніе имѣть изволиша“—что мы назвали „Движеніемъ раскольниковъ“ и первой половиной „Іюльскихъ и Августовскихъ насилій стрѣльцовъ“.

святѣй соборнѣй величѣй церкви Успенія пресвятыя Богородицы въ царствующемъ градѣ Москвѣ по древле преданному чину царскими вѣнцы на московское государство купно вѣнчашася. Чинъ же вѣнчанія и божественную литургію въ той день сотвори святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскія и всеа Россіи. На литургіи же помаза ихъ миромъ святымъ предъ олтаремъ. Егда же причастшася вси священнослужители, введены быша оба цари во святыи олтарь и причасти ихъ святыхъ пречистыхъ и животворящихъ тайнъ чинно же зѣло. Въ то время идоша царскаго величества бояре, окольничіе и думные люди и весь сиклитъ и многое множество служилыхъ и всякихъ людей и несоша на ихъ царское вѣнчаніе всякое лѣпотственное царскому величеству украшеніе въ соборную церковь дражайшимъ вещемъ. Имъ же благочестивѣйшимъ царемъ по совершеніи божественнаго священнослуженія весь народъ весело возгласиша многая гѣта царемъ нашимъ и да живутъ благочестивѣйшіи православнии царне въ божественной благодати во вѣки мирно и счастливо и радующеса. Въ той день людие благодариша Бога величаше же и пренепорочную Богоматерь восхваляюще и всѣхъ святыхъ божіихъ угодниковъ“ — не напечатано.

7) Лист. 106—112 обор. начиная словами: „идушу убо концу 7190 году августа мѣсяца по праздницѣхъ всѣхъ“ и кончая: „въ Саввинѣ монастырѣ Сторожевскаго, лѣта 7191 года Семтеврїа въ день“ напечатано у Сахар., 41₁—48₂¹⁾ и у Тум., VI, 97—111.—Этотъ отрывокъ почти весь состоитъ изъ двухъ документовъ: извѣта на Хованскаго и грамоты, созывающей ратные полки подъ Троицкіи монастырь; оба они напечатаны въ Акт. Арх. Эксп., IV, №№ 258, 262.

8) Лист. 112 об.—139 об. начиная словами: „видящїи же благочестивые самодержцы“ и кончая словами: „и въ полкахъ своихъ всѣмъ прочитали“—напечатано у Тум., V, 230—288 вѣлчително, въ видѣ самостоятельнаго разказа подъ заглавіемъ: „Наказаніе князю Хованскому и слѣдствїа онаго въ Москвѣ даже до 8-го числа октября 1682 года“. Большая часть этого отрывка, а именно мѣста, заключающїя разныя грамоты, письма и челобитныя, соотвѣтствующїя стр. 231—240, 255—258, 265—266, 271—277, 277—279, 280—283,

¹⁾ Отъ словъ: „идушу къ концу 7190 году августа мѣсяца“ и вплоть до конца изданныхъ Сахаровымъ записокъ; это такъ - названное нами: „Дѣло Хованскаго“.

284—287, помѣщены въ Собр. Гос. Грам. Догов., IV, № 152 и Акт. Арх. Эксп., IV, №№ 260, 261, 263, 264, 265 и первая половина № 266 ¹⁾).

9) Лист, 139 об.: „Таковы статьи присланы изъ похода и даны стрѣльцомъ“ — не напечатано.

10) Лист. 139 об.—147 об.: начиная словами: „въ прошломъ во 190-мъ году въ маѣ мѣсяцѣ“ и кончая словами: „отнюдь не мыслилъ никакимъ образомъ“ — напечатано у Тум., VI, 158—176 (начинаясь и оканчиваясь тѣми же выраженіями) въ видѣ двухъ самостоятельныхъ статей съ особыми оглавленіями (на стр. 158 и 170), которыхъ, конечно, въ рукописи нѣтъ. — Весь этотъ отрывокъ цѣликомъ напечатанъ въ Акт. Арх. Эксп., IV № 226, 2-я половина.

11) Лист. 147 об. „и о всемъ томъ, что учинилося на Москвѣ къ великимъ государемъ въ Троицкой монастырь святѣйшій патріархъ писалъ епистолю, съ нею же посла Воздвиженскаго монастыря игумена Ефрема, октовріа въ 10-й день, кая епистолю здѣ приложена:“ — не напечатано.

12) Лист. 147 об.—153: начиная словами: „благочестивѣйшимъ великимъ государемъ царемъ“ и кончая словами: „данъ въ пречестной... ..лаврѣ... дня въ 14 день“ — напечатано у Тум., VI, 180—193 въ видѣ двухъ статей („Епистолю патріарха“ и „Грамота государей патріарху“), между которыми помѣщены еще два отрывка, отдѣленные тремя горизонтальными линіями. Заголовки и линіи Туманскій прибавилъ отъ себя; но порядокъ изложенія сохраненъ имъ въ предѣлахъ 180—193 страницъ не нарушеннымъ. „Епистолю“ ²⁾, сверхъ сего, напечатана (почему-то съ пропусками) въ Акт. Арх. Эксп., IV, № 267, а „Грамота государей“ ³⁾ — въ Актахъ Историческихъ, V, № 97, половина 2-я.

13) Лист. 153 об.—154 об.: „По семь милосердіемъ неизреченныхъ щедротъ Бога и Спаса нашего Иисуса Христа отъѣвностію времени отъѣвнишася и сердца человѣческая и поидоша вси безъ всякаго прекословіа во мракооблачномъ аерномъ и мразливые зимы движенія тихолѣтія не бысть уже къ тому ни у кого безчиннаго дерзновенія чудеснаго, ниже вредотворивыхъ страховъ, ниже суетныхъ и

¹⁾ Помѣщенное въ Собр. Гос. Грам. Догов. не помѣщено въ Акт. Арх. Эксп., вѣроятно, чтобы не повторяться.

²⁾ Рукопись № 46, лист. 147 об.—150; Тум., 180—186.

³⁾ Рукопись № 46, лист. 151—153; Тум., 188—193 включительно.

праздныхъ словесъ, но яко же и прежде къ братолюбію и правдо-творенію тщаливы и покою миротворимому желательни быша.

Отъ чудесъ творящаго вся всетворцу нашего Бога долженствуетъ всякому уму, имущему присмотрѣться, како своимъ несказаннымъ промысломъ противно суетнаго словеснаго мудрованія человѣческія мудрости и временогадателей сотворяетъ, да никако же на тое надѣ-ющіся мравовѣтрія прелести гадательныя утверждаются, но не-престанно чистотою сердца и всякими непорочными и безпретяко-венными нравы житейство свое видяще, да возвождаютъ очеса своя въ горы ко власноимѣтелю Богу и отъ него за благотвореніе неу-сумнительно да надѣются здѣ благовременствъ многихъ и въ небе-сѣхъ неисповѣдимое мздовоздаятельство пріяти.

Ибо егда воздушная мира сего ясность по прошествіи зимнаго тяжелоносія и мразливыхъ вѣтровъ и смущенныхъ облаковъ и лѣтняя тихость не ступаша, тогда за многогнѣвное человѣческое грѣхованіе въ сердцахъ человѣческихъ и въ жительствѣ христіанъ православ-ныхъ зима зѣло бѣдотворивая и грѣхи къ грѣхамъ прилагаемы воз-ста яже ради прелютыя облака унынія и смущенныя во умномъ блю-стилицѣ смислы и произносныя блядословія, и буря мятелей, и от-чаянія, и страхованіе презрѣльно возстали.

Егда же времяне зима миротвориваго круга наступоваше и дале-чайшаго ради солнца отступленія воздухъ мраки и матежи исполня-шеса, абіе тогда сердца человѣческая преестественною Божіею силою нечаянно человѣчскимъ мнительствомъ въ любовь, братолюбство и единомудріе солнца праведнаго лучами просвѣтишася, злобныя мраки и вѣтротлѣвныя дерзости погибоша. Все единомудрствовати въ дер-жавѣ благочестивѣйшихъ православныхъ монарховъ устрошася, за что всѣхъ творцу нашему и владычицѣ отъ всѣхъ человѣковъ отъ всѣхъ дѣлъ его божественныхъ лѣпотное благодареніе, и непре-станное отъ умныхъ органовъ хваленіе и аллилуія да поется во вѣки.

Сего ради великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Але-ксѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы, и сестра ихъ благородная государыня царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, воинство собравшеся ихъ царскаго вели-чества повеленіемъ разсмотрѣвше и яко на ихъ царское повеленіе всякихъ чиновъ люди къ нимъ государемъ въ походъ охранити ихъ царскую державу со тщаніемъ вооружившеся пристойнымъ чиновнымъ своимъ оружіемъ придоша и до ихъ царскаго указу аще и велія нужда во времени томъ подъяша, пребыша похвальная словеса и

милостивые имъ изрекоша и послушливую ихъ и радѣтельную сію службу ихъ царское величество повелѣша въ памятные служебныя книги въ разрядномъ приказѣ написать, отпустиша многіе полен въ дома своя, при своей же царской державѣ оставиша воинства немного.

И октоврѣ въ 25 день указъ царскаго величества стольникомъ и разныхъ строевъ полковникомъ и страпчимъ и дворяномъ московскимъ и жильцомъ сказанъ въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ таковъ:—не напечатано.

14) Лист. 154 об.—157 об.: начиная словами: „стольники, и страпчїе, и дворяне московскїе, и жильцы“ и кончая словами: „быти въ наказанїе потому же безъ пощады“—напечатано у Тум., VI, 194—200 (начинаясь и кончаясь тѣми же выраженїями; подъ особымъ заглавіемъ). Закончивающїеся здѣсь два указа ¹⁾ напечатаны и въ Акт. Арх. Эксп., IV, №№ 268, 269.

15) Лист. 157 об.—159: начиная словами: „октоврѣ въ 28 день“ и кончая словами: „сожжены того же дня“—напечатаны у Тум. VI, 176—179 (начинаясь и кончаясь тѣми же выраженїями; подъ особымъ заглавіемъ). Бѣльшая часть этого отрывка (текстъ челобитной) напечатана въ Акт. Арх. Эксп., IV, № 270.

и 16) Лист. 159—183 начиная словами: „мѣсяца ноябрѣ въ 6 день“ и кончая словами: „въ Курскѣ шли однолично“—напечатаны у Тум., VI, 200—255 ²⁾. Бѣльшая часть этого отрывка, именно чтѣ у Туманскаго на стр. 202—214, 216—223, 224—226 и 227—249, находится также въ Акт. Арх. Эксп., IV, №№ 271, 273, 274, 280.

Словами „въ Курскѣ шли однолично“ оканчивается Академическая рукопись.

V.

Списки записокъ Медвѣдева упоминаются не однажды. Такъ, говоритъ о нихъ Татищевъ ³⁾, Геннади ⁴⁾, таковы списки Туманскаго,

¹⁾ Тум., VI, стр. 194—198 и 199—200.

²⁾ У котораго начало и конецъ въ такихъ же выраженїяхъ. Заголовки на стр. 200 („Возвращенїе... 1682 года“) и 214 („1682—1684. Выписка о стрѣльцахъ“) отсутствуютъ въ рукописи.

³⁾ Исторїя Россїи, I, стр. XIII.

⁴⁾ Записки русскихъ людей. Чтенїя Общ. Ист. Др. Р. 1861, ч. IV, стр. 65. 76.

вн. Оболенскаго, Академическій, Григоровича ¹⁾, Румянцовскаго музея № 2915 ²⁾ Сахарова и гр. Уварова № 257 ³⁾. Выше мы высказали соображенія, по которымъ Сахаровскій списокъ считаемъ возможнымъ отождествить съ спискомъ Туманскаго; а этотъ, если не былъ Академическимъ, то въ свою очередь весьма схожъ съ нимъ. Конечно, если предполагать, что издатель „Собранія разныхъ записокъ о жизни Петра Великаго“ печаталъ съ Академическаго, то мы натолкнемся у него на отступление отъ текста, не говоря уже объ ошибкахъ и искаженіяхъ, но они легко объясняются тогдашнимъ состояніемъ науки. Всюду, гдѣ въ Академической рукописи красная строка, такая же и у Туманскаго. Во всемъ изданіи можетъ быть указано не болѣе 5—6 мѣстъ, какъ исключеніе тому. Туманскій по-своему, на сколько умѣлъ и понималъ, добросовѣстно отнесся къ своей задачѣ. Такъ, напримѣръ, въ списокѣ стрѣлецкихъ полковниковъ, какъ въ рукописи (лист. 70), такъ и у него (VI, 66), имя каждого напечатано съ новой строки. Въ то время, какъ Сахаровъ ⁴⁾, поддѣлываясь подъ манеру своего времени, пишетъ „въ 7190 г.“, у Туманскаго въ этомъ мѣстѣ (VI, 67): „въ 190 г.“, подобно рукописи (лист. 70 об.). У Сахарова, 8₁, какъ мы видѣли выше, въ началѣ указовъ, разосланныхъ стрѣлецкимъ полковникамъ, стоитъ обращеніе: „Семень Грибоѣдовъ?“; у Туманскаго же (VI, 66): „Семень Грибоѣдовъ, или кто иной?“; то же и въ рукописи (лист. 70 об.) ⁵⁾. Такое выраженіе станетъ понятнымъ, если припомнимъ, что содержаніе указовъ было одинаково и разлилось только по обращеніямъ, смотря по тому, которому полковнику предназначалось.

Нерѣдко тамъ, гдѣ рукопись ставитъ союзъ и, Туманскій—а; рукопись: вамъ же бы, Туманскій: вамъ бы; или: „сентяврія (Туманскій, VI, 161) вмѣсто: „и сентября“ (рукопись, 141); „буть выломанъ“ (Туманскій, VI, 179) вмѣсто: „и весь буть выломалъ“ (рукопись, 159); „и въ 7191 лѣто“ (VI, 226) вмѣсто: „и въ то лѣто“ (рукопись, 171); „благодатію его ему же слава и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь“ (VI, 251) вмѣсто: „благодатію его ему же слава и нынѣ во вѣки. Аминь“ (рукопись, 183 об.); „и потому же“

¹⁾ Которымъ пользовался А. И. Маркевичъ; объ этомъ списокѣ см. ниже.

²⁾ Отчетъ Московск. Публичн. и Румянц. Музеевъ за 1883—85 гг. (М. 1886), стр. 23—25.

³⁾ О послѣднемъ см. ниже.

⁴⁾ Для примѣра см. 8₁.

⁵⁾ Только вмѣсто знака вопросительнаго (?) стоятъ двоеточіе (:).

(VI, 252, пунктъ 2-й) вмѣсто: „по ихъ же“ (рукопись, 184 об.).— Сравни также длинную фразу у Туманскаго, VI, 245: „Которые будутъ на Москвѣ и проч.“ съ соответствующимъ мѣстомъ въ рукописи 180 об.: „которые будутъ на Москвѣ и изъ тѣхъ буде не были въ большой шатости ихъ государской милости будутъ благодарные и станутъ строятся на всякое добро и свою братью тому обучать стануть (Съ новой строки). Которые тому и воснулись по какому случаю“ и прочее...

Кое-гдѣ ¹⁾ Туманскій дѣлаетъ отъ себя вставки ²⁾, кое-гдѣ исправляетъ видимо испорченный текстъ ³⁾; встрѣчаются восполненія текста ⁴⁾; искаженія, не измѣняющія смысла рѣчи ⁵⁾; но есть и прямыя ошибки, явная порча текста ⁶⁾.

¹⁾ Приведенные примѣры и тѣ, кои будутъ сдѣланы далѣе, разумѣется, не исчерпываютъ всѣхъ различій рукописи и Туманскаго.

²⁾ Такъ, V, 243, строка 4 снизу слово: *братіе*; VI, 188, строка 7, слово: *нужда* не находятся въ рукописи. Сравни. лист. 118 об., 151.

³⁾ „477“ (VI, 234) вм. „407“ (рк. 175); „530“ (VI, 253) вм. „521“ (рк., 184 об.).—Кромѣ того, мы встрѣтили одно исправленіе, послѣдовательно не проведенное до конца: на стр. 111 части VI Туманскій, подобно Сахарову, 30, пишетъ: „7190 года Іюля въ 12 и 13 день“, тогда какъ въ рукописи (л. 103) стоитъ: „іюня“; но о тѣхъ же событіяхъ далѣе Тум., VI, 112, и рк., 103 об., выражаются такъ: „Четвертованъ Іюня мѣсяца въ 14 день“, Сахаровъ же (30,) ставитъ: „Іюля“.

⁴⁾ „Іюля въ 3 день въ понедѣльникъ“ (Тум., VI, 137 и Сах., 19,); число 3 пропущено въ рукописи (л. 93).

⁵⁾ „Сіе глупыхъ мужиковъ буйство и невѣжество и нечинное стояніе“ (Тум. VI, 154 и Сах., 28), а въ рукописи (л. 101): „сіа безчинныя влчи глупыхъ мужиковъ буйство же и невѣжество и нечинное стояніе“.

⁶⁾ Тум., V, 206: „Мая въ 24 день“—надо: 23 (л. 81).

Тум., VI, 157: „онъ, Никита, восприялъ зло іюня мѣсяца въ день“—надо: *іюля* (л. 102 об.). Сравни. Сах., 29: „іюня въ 20 день“.

Тум., V, 262: „и въ 26 день“—надо: 27 (л. 128).

Тум., VI, 201: „и наложе ихъ“—надо: „около же ихъ“ (л. 159 об.).

Тум., VI, 229: „всякаго дурна“—надо: „дурна“ (л. 172 об.).

Тум., VI, 233, послѣдн. строка: „выпускъ“—надо: „выписку же“ (л. 175).

Тум., VI, 234 обозначаетъ пунктъ 7-й не тамъ, гдѣ бы слѣдовало: его надо поставить на стр. 235, передъ пятой строчкой сверху (ср. рукоп. 175 об.).

Тум., VI, 181: „и всяку чловѣку созданію любительницы суть“, а въ рув. (л. 148): „и всяку чловѣчю созданію любительны суть“.

Тум., VI, 188: „на сей святѣйшаго... подъ симъ грамата“, а въ рув.: (л. 151) совсѣмъ иначе: „противу же писанія вѣствовательнаго святѣйшаго патріарха великихъ государей бысть написаніе таковое“.

Замѣтимъ еще, что въ ч. VI, стр. 254, Туманскій сдѣлалъ два пропуска: „съ начальными людьми въ Курскѣ“ ¹⁾ и „жалованья по рублю человеку“ ²⁾; на строкѣ же 12 слово того поставлено лишнее. На той же страницѣ 254 въ разныхъ мѣстахъ точки, которыя однако въ нашей рукописи замѣнены словами ³⁾: 1) что „имъ быти“ въ Курску; 2) воинскихъ „людей“ татарь; 3) войны „въ Крымѣ пройдутъ“ для того; 4) отвороту „на государскіе“ украинне города. Такой же пропускъ и на страницѣ 251 (ч. VI), третья строка, что въ рукописи (л. 183 об.) соответствуетъ словамъ: „и дѣло“.

Эти точки всего скорѣе могли бы противорѣчить сдѣланному предположенію, что въ рукахъ Туманскаго находился академическій экземпляръ записокъ Медвѣдева, такъ какъ отмѣченныя слова отнюдь не показались намъ неразборчиво написанными, но можетъ быть, переписчикъ, съ котораго печаталъ издатель „Собранія“, плохо записалъ, а Туманскій не разобралъ его руку и выставилъ эти точки. Возраженіемъ скорѣе могло бы служить слѣдующее мѣсто. У Туманскаго, VI, 193, сказано: „Данъ въ пречестной... лаврѣ, въ лѣто... 1682 октомвриа 13 дня. Подана въ 14 день“; а въ рукописи (л. 153): „данъ въ пречестной пребезначальныя Троицы Лаврѣ въ лѣто по воплощеніи единороднаго Божія Слова 1682 октовриа дня 14 день“; въ упомянутой же рукописи гр. Уварова, № 257, лист. 198, это мѣсто передано совершенно согласно съ Туманскимъ.

VI.

Рукопись Академіи Наукъ № 46 представляетъ собою сборникъ неполныхъ свѣдѣній по русской исторіи XVII вѣка ⁴⁾. Начинаясь исторіей освобожденія Москвы отъ поляковъ кн. Пожарскимъ и избраніемъ на царство Михаила Феодоровича, она подробно слѣдитъ за первыми годами Михайлова царствованія (войны съ Польшей и Швеціей), вкратцѣ отмѣчаетъ пѣкоторые событія 20-хъ годовъ и рѣзко обрываетъ на 1629 годѣ ⁵⁾. Далѣе идетъ, безъ какихъ-либо

¹⁾ Строка 8.

²⁾ Строка 10. Срав. рук. 185 об. Напечатаннаго разрядной вѣтъ у Туманскаго.

³⁾ Разрядной и въ ковычкахъ я ставлю то, чего вѣтъ у Туманскаго.

⁴⁾ Кажется, въ составъ такого же сборника входилъ и списокъ кн. Оболенскаго. Сравн. Новый лѣтописецъ. М. 1853, предисловіе, стр. III.

⁵⁾ Листы 1—49.

предварительныхъ объясненій, точно естественное продолженіе, разказъ о послѣднихъ двухъ годахъ царствованія Ѳедора Алексѣевича: миръ съ турками 1681 года, обращеніе инородцевъ въ христіанство, подробный разказъ о засѣданіяхъ по вопросу о мѣстничествѣ ¹⁾, возвращеніе патріарха Никона изъ заточенія и торжественное погребеніе его, указъ о замѣнѣ охобней и объ нарядахъ кафтанами для придворныхъ чиновъ, не состоявшійся проектъ учрежденія 12 митрополій и 70 епископій и, вѣроятно, по поводу этого перечень наличнаго состава русскихъ іерарховъ съ послѣдними въ немъ перемѣнами ²⁾. Вслѣдъ за этимъ разказъ непосредственно останавливается на волненіяхъ стрѣльцовъ и вдается по поводу ихъ въ общія разсужденія ³⁾; и только уже послѣ нихъ идутъ выше разобранные листы ⁴⁾.

Не имѣя возможности получить списокъ Оболенскаго, мы могли сличить Академическую рукопись только съ спискомъ Григоровича и гр. Уварова ⁵⁾. Строевъ, описывая послѣдній, то-есть, Уваровскій, такъ выразился о немъ ⁶⁾: это исторія стрѣлецкихъ бунтовъ, „очень любопытная, со включеніемъ грамотъ, указовъ и другихъ документовъ того времени, частію еще не изданныхъ. Собиратель неизвѣстенъ“. Обѣ эти рукописи, Уваровская № 257 и Академическая № 46, на столько близки между собою, отъ начала до конца, что или списывались съ одного и того же списка, или одна служила оригиналомъ для другой. Первая только ставитъ славянскія цифры, а вторая—арабскія. Даже тотъ пропускъ, который былъ нами выше отмѣченъ ⁷⁾, оказывается и въ Уваровской ⁸⁾. Мы нашли только два

¹⁾ Большая часть этого куска (о мѣстничествѣ) напечатана въ Собр. Гос. Грам. и Догов., IV. № 130. Переписчикъ Академической рукописи былъ впрочемъ такъ небреженъ, что на листѣ 56 сдѣлалъ громадный пропускъ. См. его въ Собр. Гос. Грам. и Догов. отъ словъ: „возгласи сице“ (на послѣдней строкѣ стр. 400) и кончая словами: „гдѣ кто былъ по воли государской въ нижнихъ чинахъ, или“ (стр. 403, столбецъ 2-й).

²⁾ Листы 49—62 об.

³⁾ Съ послѣднихъ строкъ листа 62 об. и до первыхъ строкъ листа 65.

⁴⁾ Лист. 65—186.

⁵⁾ № 257; по каталогу Царскаго № 164.

⁶⁾ Рукопись Царскаго. М. 1848, стр. 105.

⁷⁾ Сравни. Собр. Гос. Грам. и Догов., IV, 400—403.

⁸⁾ Увар. л. 62. Анад. л. 56.

отличія: одно изъ нихъ также указано ¹⁾; другое—разница въ цифровыхъ данныхъ: перечисляя составъ стрѣльцкихъ полковъ, Академическая (л. 175) насчитываетъ 407 человекъ ²⁾, Уваровская же (л. 228 об.) сообщаетъ правильную цифру. Такъ какъ число 477 по славянски въ Уваровской обозначено чрезъ Ѹ03, то не могъ ли академическій писецъ, списывая съ Уваровскаго списка по торопливости букву 0 принять за ноль (0)? Допуская это, мы тѣмъ самымъ показываемъ, какую изъ рукописей готовы счесть наиболѣе древнею. И въ томъ случаѣ, гдѣ Академическая (л. 153) могла представлять сокращеніе (13-го октября) изъ Уваровской ³⁾, можно искать подтвержденіе тому, что Уваровская древнѣе. Впрочемъ эти факты слишкомъ ничтожны, чтобы можно было позволить себѣ строить на нихъ что-либо положительное. Почеркъ обѣихъ рукописей не старыи и едва ли ранѣе половины XVIII вѣка.

Не извѣстно, чѣмъ руководился Татищевъ ⁴⁾, приписывая Медвѣдеву описаніе стрѣлецкаго бунта; съ тѣхъ поръ это указаніе такъ и принималось на вѣру. Между тѣмъ только въ послѣднее время стали появляться несомнѣнныя доказательства этого заявленія. Устряловъ первый сообщилъ, что изъ розыскаго дѣла о Шакловитомъ видно, что Сильвестръ Медвѣдевъ составилъ лѣтописную книгу о правленіи царевны Софіи съ 7190 года; „намъ же“, прибавляетъ онъ,—„извѣстна рукопись подъ заглавіемъ „Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 91 и 92, въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ“ (вѣроятно, списокъ Оболенскаго) ⁵⁾. Впрочемъ, онъ не привелъ ни подлинныхъ словъ розыскаго дѣла, ни указаній, почему „Созерцаніе“ считаетъ онъ непременно произведеніемъ Медвѣдева. Также голословно утверждалъ это произведеніе принадлежащимъ Медвѣдеву и Соловьевъ ⁶⁾. Только Аристовъ въ приложеніяхъ къ своему труду впервые познакомилъ съ текстомъ розыскаго дѣла. Оказывается, что это было показаніе самого Медвѣдева: „а съ Ѳедкою-де Шакловитымъ говаривалъ (Медвѣдевъ). И была у нихъ написана книга лѣтописная: начата съ

¹⁾ Время составленія грамотъ: 13-го или 14-го октября. Увар., л. 198. Акад., л. 153.

²⁾ Ошибочно вмѣсто 477. Сравни. *Тум.*, VI, 234. Въ спискѣ Григоров. (л. 201): 477.

³⁾ Гдѣ упомянуты оба числа: 13 и 14. Сравни. лист. 198.

⁴⁾ I, стр. XIII.

⁵⁾ I, стр. LIII.

⁶⁾ XIII, изданіе 3-е, стр. 372, прим. 233.

девяностого году, съ правленія великія государыни, и что было съ того году. И та де книга у него Сенки въ полатѣ; а писана та книга съ писма Каріонова, а чернилъ тое книгу онъ Сенка, а переписывалъ, для чисту, Ивашко¹⁾. За Аристовымъ Погодинъ²⁾, разбирая дѣло Шакловитаго, нашель варіантъ этого извѣстія³⁾. Наконецъ, въ послѣднее время изданіе „Розыскныхъ дѣлъ о Ѳ. Шакловитомъ“ окончательно подтвердило это показаніе.

Такимъ образомъ, оба сборника, Академическій и Уваровскій, оказываются составными изъ разныхъ произведеній; можетъ быть, въ XVIII вѣкѣ какой-нибудь любитель собралъ въ одно нѣсколько литературно-историческихъ произведеній и въ концѣ ихъ, по времени, поставилъ произведеніе Медвѣдева. Какими глазами смотрѣли современники на этотъ сборникъ, видно изъ современной надписи на задкѣ Академической рукописи: „Исторія Россійскаа по 192 годъ“.

Но гдѣ же отыскивать на этихъ страницахъ начало записокъ Медвѣдева? Устряловъ говоритъ, что въ Академическомъ нѣтъ ни заглавія, ни предисловія⁴⁾. Первое безспорно; относительно же втораго замѣтимъ, что содержаніе страницъ, непосредственно слѣдующихъ за перечисленіемъ іерарховъ, то-есть, съ послѣднихъ строкъ л. 62 обор. и до первыхъ строкъ листа 65-го, безъ всякаго насилія можетъ быть органически связано съ записками Медвѣдева.

Въ обширномъ оглавленіи Академическая рукопись, обозначивъ подъ № 93 проектъ учрежденія митрополій и епископій⁵⁾, передаетъ содержаніе интересующихъ насъ листовъ такимъ образомъ:

№ 94. „Во 190 году во время зимнее начаша люди зѣло ради неправдъ и нестерпимыхъ обидъ стужати“.

№ 95. „Первое же бысть возмущеніе къ народу Богданова полку Пыжова отъ стрѣльцовъ“.

Оба нумера по содержанію органически связаны одинъ съ дру-

¹⁾ *Аристовъ*, Московскія смуты въ правленіе цар. Соѳіи. Приложенія, Текстъ приведенъ нами по Розыскнымъ дѣламъ о Ѳ. Шакловитомъ, I, 630, гдѣ отлечія, впрочемъ, только въ знакахъ препинанія.

²⁾ Семнадцать первыхъ лѣтъ, стр. 22 второй пагинаціи.

³⁾ Вѣроятно то, что находится въ Розыскныхъ дѣлахъ о Ѳ. Шакловитомъ, I, 677.

⁴⁾ I, стр. LIII.

⁵⁾ „О бытій въ російскомъ царствѣ архіерейскихъ престоловъ подъ патриаршимъ престоломъ чиномъ предсѣданія и числомъ“.

гимъ; между тѣмъ второй говоритъ о тѣхъ событіяхъ, которыми начинается изданіе Сахарова. Такимъ образомъ выводъ, къ какому мы приходимъ, таковъ: по списку Академіи Наукъ записки Медвѣдева начинаются съ 3-й строки снизу листа 62 обор. и продолжаются безъ перерыва до самаго конца рукописи ¹⁾.

Выписываемъ содержаніе этихъ начальныхъ страницъ, ни разу еще не появлявшихся въ печати.

Того же 7190 лѣта во время зимнее начаша люди зѣло ради неправдъ и нестерпимыхъ обидъ стужати и другъ на друга глаголати, яко толь неправду дѣветъ, иныи на другаго, наипаче же на временниковъ и великихъ судей и начальныхъ людей, яко мздоимательствомъ очи себѣ послѣпили и тогда всюду отъ обидъ и въ неполученіи праведныхъ дѣлъ словеса происходили.

И иныи же ближніи предстатели точію вымышляли и мнимое разумно сами, а немногихъ людей совѣтомъ презирая искусныхъ и въ старости сущихъ людей, совѣты же великія новыя дѣла въ государствѣ и чины въ даяніи чести и суды во гражданствѣ покусились вводить иноземскимъ обычаемъ подражающе, забывше писаннаго, яко во мнозе совѣте спасеніе бываетъ, и презрѣвше не отъ коего мужа мудра на вопрошеніе великаго и мудраго царя и великаго князя Алексѣя Михайловича во 173 году о хотящихъ быти во гражданствѣ, отвѣтъ: яко во гражданствѣ имуть быти тайная скипетровъ похищенія смерти, яко естественныя тако напрасныя людей велможныхъ и имже послѣдуютъ великія молвы и смущенія и различная постановленія уряду гражданскаго.

Ненавистная и въ понось и укоризну висящая законоположенія добрыхъ обычаевъ смущенія и мерзскихъ прозаябенія, и для того великія будутъ сеймы многонародныя, да нѣкое злое опредѣленное отутуду выскочить къ симъ вельможамъ пагубно будетъ.

Вопрошеніе было у мудрыхъ сичево: которымъ дѣломъ смута и мятежи въ государствѣ дѣлаются?

Ему же отвѣтствованіе.

Егда честные люди и въ государствѣ заслуженные отъ чиновъ великихъ и честныхъ откиенные, а мелкіе люди бывають во оныи чины возведенные.

---

¹⁾ По списку Уварова соответствующіе листы будутъ: съ первой строки листа 72 по конецъ рукописи, въ которой всего листовъ—244 (листы 245—285 содержать въ себѣ записки Матвѣева).

Во утверженіе же сему нѣкоторый философъ изрече добраго конца въ царствѣ ономъ, егда обычаи иностранныя въ государствѣ бывають и права измѣniająть.

Ликургусъ же лацедемонскій законодавецъ къ постановленію государства увидѣвъ, како бы оно могло въ тишинѣ стояти, такой законъ между иными постановилъ, чтобы дума или совѣтъ государства лацедемонскаго людямъ отъ иноземцовъ не пріимати и то не для того дѣлалъ, что и иноземцовъ чести унимати или что бы ихъ ненавидѣти, но для ихъ иноземцовъ по своей странѣ во всемъ совѣта во обычаяхъ и дѣлахъ онаго государства не была бы премѣна, къ сему же ниіи согласоваша болши того надобно беречи, чтобы изъ обычаявъ иноземскихъ проторей или избытковъ въ житіи челоувѣкомъ, сирѣчь во излишествахъ, во яствахъ и въ платьѣ не происходило. Аще бо какое дѣло новое скоро въ государствѣ видеть, затѣмъ послѣдуютъ великія злобы.

По описанію же мудрыхъ проторь и избытокъ наречено есть отцомъ бѣдности и убожества, яко онше явне показа цесарь римскій Тиверій: думному своему сенатору Атилѣ, егда которой Атила для своего простора, то-есть, пространнаго житія и избытка великаго во убожество великое пришедеъ, всегда плакаше, воспоминаая достатки свои, и рече къ нему Тиверій цесарь: уже истерявши свое богатство плачеши во время, ниже онаго не побереглъ еси; тѣмъ же виждь, яко за таковымъ проторомъ послѣдуетъ хотѣніе чужаго имѣнія, потерявши свое.

А когда оное хотѣніе преступится до чужихъ животовъ, тогда едино мышленіе и любви между житейскими людьми не будетъ и затѣмъ дѣломъ смущеніе и мятежъ приходитъ въ царствѣ, а послѣ раззореніе царствъ; егда же всякія добродѣтели исполняются людие и бреженіе во всемъ по благопреданнымъ законнымъ стезямъ шествующе имѣють, абіе сладко тогда и честно государство сотворяють.

Удобно убо слава государства онаго погибаетъ, идѣже владѣтъ злоба, неправда, и хитрость въ лукавствѣ; того ради всякіе власти всякихъ государствъ зѣло должны суть беречи крѣпце, еже бы цѣлость государства своего содержать могли и себѣ безсмертную славу на вѣки оставили.

Благочестивый же великій государь царь Феодоръ Алексѣевичъ сомодержецъ, зѣло того желая дабы всюду въ его государствѣ всякая правда была, но присная ему великому государю скорбь тому препятіе творила.

Но егда Господь Богъ хоцетъ кую страну чѣмъ и коюю гнѣва своего казнію наказати, тогда первѣе отъемлетъ мудрыхъ правителей и сострадателей челоувѣковъ благихъ, яко же божественный Исаия пророкъ челоувѣкомъ ко иудѣомъ сице провѣща: се владыка Господь Саваоѣ отъиметъ отъ иудей и отъ Іерусалима крѣпкаго и крѣпкую силу хлѣба, и силу водъ исполина, и крѣпка, и челоувѣка ратника, и судію, и пророка, и смотрелива, и старца, и пятьдесятника, и дивна совѣтника, и премудра художника, и разумна послушника, и поставлю юноши князи ихъ и ругатели; обладаютъ ими и падуть людіе челоувѣкъ къ челоувѣку и ближнему своему.

Обратится отрокъ отъ старца и безчестный о честнемъ, также и всіе наше время: благоволи Богъ крѣпкаго нашего самодержца и благохотнаго всѣмъ челоувѣкомъ и милостиваго царя гнѣваяся на люди отнати, который бы ради своего мудраго разсмотрительства и великаго милосердія, аще бы не бы его болѣзнь постигла, народное бѣдство всячески бы возмогъ упокоити, уже бо въ царствующемъ градѣ, гнѣвъ Божій отъ налоговъ начальническихъ и неправедныхъ судовъ возгаратися нача и мысли у людей такжеде начаша развращатися“.

Установивъ фактъ принадлежности Медвѣдеву листовъ 62 обор.—186 Академической рукописи, въ виду спутанности, неполноты и обрывочности напечатанныхъ изъ нихъ мѣстъ, предложимъ порядокъ пользованія печатнымъ текстомъ.

1. Не напечатанный отрывокъ съ листа 62 об. (послед. строки) до начала листа 65 (приведенъ выше).
2. Сахарова, 1₁—17, или Тум., VI, 54—84. Частью Акты Арх. Эксп., IV, № 254.
3. Тум., V, 203—212.
4. Не напечатанный отрывокъ съ листовъ 83 об. — 85 (приведенъ выше, глава 4, пунктъ 3). Сравни. Полн. Собр. Зак., № 920.
5. Сахар., 33₁—41, или Тум., VI, 119—133, или (кромя последнихъ строкъ) Акт. Арх. Эксп., VI, № 255, пол. 2-я.
6. Сахар., 17₂—33₁, или Тум., VI, 135—158; 111—117.
7. Не напечатанный отрывокъ, листъ 105—106 (приведенъ выше, глава 4, пунктъ 6).
8. Сахар., 41₁—48, или Тум., VI, 97—111. Заключаются здѣсь грамоты находятся, сверхъ того, въ Акт. Арх. Эксп., IV, №№ 258, 262.
9. Тум., V, 230—288. Грамоты этого отрывка въ Собр. Государ.

Грам. и Догов., № 152, и въ Акт. Арх. Эксп., IV, №№ 260, 261, 263—265 и 1-я половина № 266.

10. Не напечатанная строка листа 139 обор. (приведена выше, глава 4, пунктъ 9).

11. Тум., VI, 158—176, или Акт. Арх. Эксп., IV, 266, 2-я половина.

12. Не напечатанный отрывокъ, листъ 147 обор. (приведенъ выше глава 4, пунктъ 11).

13. Тум., VI, 180—193. Двѣ грамоты этого отрывка напечатаны въ Акт. Арх. Эксп., № 267 и Акт. Истор., V, № 97, половина 2-я (въ Актахъ съ пропусками, коиъ нѣтъ у Туманскаго).

14. Не напечатанный отрывокъ, листъ 153 обор. — 154 обор. (см. выше глава 4, пунктъ 13).

15. Тум., VI, 194—200. Почти все есть и въ Акт. Арх. Эксп., IV, №№ 268, 269.

16. Тум. VI, 176—179. Бóльшая часть есть и въ Акт. Арх. Эксп., IV, № 270.

17. Тум., VI, 200—255. Бóльшая часть есть и въ Акт. Арх. Эксп., IV, №№ 271, 273, 274, 280).

VII.

Дальнѣйшее изученіе записокъ Медвѣдева стало возможнымъ для насъ при посредствѣ рукописнаго сборника, принадлежащаго библиотекѣ Новороссійскаго университета за № 53¹⁾, изъ коллекціи рукописей покойнаго профессора Н. И. Григоровича. Сборникъ этотъ довольно разнообразнаго содержанія²⁾; но, не говоря про исключительно историческій характеръ статей, первыя изъ нихъ, по видимому, имѣли въ виду дать цѣльную и связную исторію Россіи во всея ея объемѣ, начиная отъ основанія Русскаго государства вплоть до конца XVII вѣка. Статья первая—„Лѣтописецъ вкратце о російской земли“—есть въ сущности исторія Руси съ IX вѣка до конца XV (Русь Кіевская до половины XII столѣтія, Батыево нашествіе и Русь Московская), обрывающаяся на серединѣ княженія Ивана III. Статья вторая—„О еретицехъ Новгородскихъ, откуда явишася и в кое время“—сообщаетъ не только свѣдѣнія о ереси жидовствующихъ и дѣятель-

¹⁾ По фундаментальному каталогу № 19353.

²⁾ Оно указано у *Маркевича*, О мѣстничествѣ. Часть I, стр. 35—36.

ности архіепископа Геннадія, но также даетъ краткій обзоръ политическихъ событій съ конца XV вѣка до воцаренія Бориса Годунова. Слѣдующія статьи:— „О роstrиге и о смерти царя Бориса“, „О поставленіи Гермогена патріарха“, и „О постриженіи царя Василя“, очень краткія и по содержанию соотвѣтствуютъ заголовкамъ. Статья шестая: „О плененіи царя Василя и о смерти его и о разореніи города Москвы“ обзрѣваетъ событія (также весьма кратко и неполно) съ 1610 по 1650 годъ. Вслѣдъ за этимъ идетъ „Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 191 и 92 в нихже что содеяся во гражданстве“ (лист. 49—210 об.).

На этотъ разъ мы, очевидно, имѣемъ полный текстъ записокъ Медвѣдева, и здѣсь онъ предстаетъ передъ нами совсѣмъ въ новомъ, неожиданномъ видѣ. Оказывается, что все, что въ спискѣ Академическомъ содержится на листахъ 49 — 62 об., то-есть, событія послѣднихъ лѣтъ царствованія Θεодора Алексѣевича, входитъ въ составъ „Созерцанія“. Медвѣдевъ, такимъ образомъ, приступая къ описанію стрѣльцкаго бунта, считалъ необходимымъ предпослать ему обширное вступленіе, обзрѣтъ событія, непосредственно ему предшествовавшія; а такъ какъ въ этомъ вступленіи всего больше говорится объ уничтоженіи мѣстничества и о работахъ по этому вопросу князя В. В. Голицына, то, можетъ быть, не будетъ ошибкою допустить, что, ставя себѣ цѣлью сочиненіемъ своимъ облѣить царевну Софью, онъ не преминулъ подчеркнуть заслуги и ея фаворита.

„Созерцаніе“ на первыхъ своихъ листахъ ¹⁾ содержитъ въ себѣ, какъ это указалъ г. Маркевичъ ²⁾, краткую исторію ветхаго завѣта до распаденья царства Іудейскаго, въ перемежку съ разсужденіями въ духѣ XVII вѣка. Авторъ съ особымъ тщаніемъ отмѣчаетъ случаи, когда оправдывалась польза знанія событій истекшихъ временъ. „Писаніе“, по мнѣнію автора, всегда сохранить въ памяти потомства добрыя дѣянія и предостережетъ отъ дурныхъ.

„И мощно“—такъ заканчиваетъ Медвѣдевъ свои вступительныя разсужденія—„о вышписанныхъ подобіяхъ всякому уразумѣти, како люди велицы за добрыя дѣла похвалишися за неразмысленныя и неправо сотворенная чрезъ писаніе все извѣстися. Сего ради и азъ видѣхъ во дни моя при мнѣ бывшая дѣла во граждан-

¹⁾ Рукопись Григоровича, листы 49—58.

²⁾ О мѣстничествѣ, часть I, стр. 36.

ствѣ, человѣческихъ же впродъ ради веденія не токмо себѣ, но инымъ восхотѣ писаніемъ оставити вѣжество, ибо мнози о тѣхъ дѣлѣхъ глаголють и соперство между себе творять, обаче нини отнюдь истинствовати (въ маломъ времени отсутствующе) не могутъ, понеже написано“ (л. 58).

Съ конца листа 58 по 78 об. списокъ Григоровича вкратцѣ отмѣчаетъ заключеніе Бахчисарайскаго мира, обращеніе въ христіанство внородцевъ, подробно разказываетъ уничтоженіе мѣстничества (лл. 58 об.—75) ¹⁾ и, наконецъ, говоритъ о возвращеніи Никона изъ ссылки, объ указѣ объ одеждѣ и о проевтѣ учрежденія новыхъ митрополій и епископій. Съ листа 78 об. до конца — то же, чтѣ въ спискѣ Академическомъ съ листа 62 об. до конца рукописи. Сравненіе обоихъ этихъ списковъ приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: Будучи въ общемъ вполне сходенъ съ Академическимъ, списокъ Григоровичевскій полнѣе его, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя вставки, которыхъ лишень первый. Таковы такъ названныя „стихи“ въ различныхъ мѣстахъ, прерывающіе теченіе разказа.

Вотъ для примѣра нѣкоторые изъ нихъ:

1. Сотворшихъ зло бѣдство постигаеть и здѣ мучимыхъ смерть
зла посекаетъ,

Беззаконныхъ мука и смерть неугодна Богу и людямъ такова
есть злобна.

Простимъ же людямъ ни въ чемъ поцущати, яко не могутъ
право рассуждати.

Не знаютъ владыкъ и самого Бога, въ безумствѣ своемъ обидѣ
творять многа.

Въ немъ же кто призванъ, въ томъ да пребываетъ, апостолъ
бо святъ се завѣщаетъ.

Тѣмъ разуменъ всякъ христіанску вѣру жизни сей стяжи во
всемъ свою мѣру ²⁾.

2. О нестройство и мятежь, не приходи къ людямъ, да бѣдъ и
страховъ вашихъ удобно избудемъ ³⁾.

Сверхъ того, въ спискѣ Григоровича попадаются не однажды вы-

¹⁾ Разказъ о мѣстничествѣ приведенъ у *Марковича*, О мѣстничествѣ. Ч. I, стр. 36—39.

²⁾ Листъ 121 об. По Сахаровскому изданію, стихи эти помѣщены передъ словами „7190 года іюля....“ (*Сахар.*, 30₁).

³⁾ Листъ 122. Передъ словами: „Но Господь Богъ“ (*Сахар.*, 30₂).—Срavn. листъ 122 об., 140 об.

раженія, въ которыхъ сочувствіе къ царевнѣ Софьѣ проявляется гораздо ярче и опредѣленнѣе. Въ то время, какъ списокъ Академической доводится называть Софью просто царевной ¹⁾, въ списокъ Григоровича стоитъ: „Благовѣрная великая государыня царевна Софія Алексѣевна, благодатію Духа Святаго, упрямудренная“ ²⁾,—и такихъ мѣстъ сравнительно не мало.

Помимо упомянутыхъ „стиховъ“ и панегирическихъ эпитетовъ, въ списокъ Новороссійскаго университета довольно много вставокъ, дополняющихъ изложеніе того или другаго событія ³⁾. Принимая во вниманіе, что списокъ кн. Оболенскаго тождественъ съ Академическимъ, приходится думать, что списокъ Григоровича самый полный, и что теперь больше, чѣмъ когда-либо, можно утверждать, что представленія о запискахъ Медвѣдева въ нашей литературѣ были доселѣ неполны и не ясны.

Постараемся теперь подвести итоги всему сказанному.

1) Хотя же представленіе о запискахъ Медвѣдева значительно суживаетъ объемъ напечатаннаго матеріала.

2) Для ученыхъ работъ рукописнымъ текстомъ записокъ Медвѣдева до сихъ поръ пользовались Устряловъ, Соловьевъ, г. Маркевичъ и Погодинъ. Но знакомство съ рукописью не освободило ихъ отъ сей-часъ намѣченнаго ложнаго представленія ⁴⁾.

3) Очень многое изъ записокъ Медвѣдева, но въ высшей степени беспорядочно, напечатано въ изданіи Туманскаго, части V и VI.

4) Не напечатаннаго, считая по рукописи Академіи Наукъ,—всего 17½ листовъ in folio; число это увеличится еще на 9½ листовъ, если прибавить изъ списка Григоровича недостающее въ Академическомъ вступленіе.

5) Изданіе Сахарова даетъ всего лишь нѣсколько отрывковъ записокъ Медвѣдева.

6) Сахаровъ безъ ущерба для дѣла—по содержанію—можетъ быть

¹⁾ Сравни. *Сахар.*, 21: «Царевна же Софія Ал—на уразумѣвше».

²⁾ Лист. 113 об.

³⁾ Считаемъ умѣстнымъ оговориться, что напечатанный выше отрывокъ изъ текста записокъ, по списку Академическому лист. 62 об. — 65, проверенъ, по рукописи Григоровича. Также поступили мы и по отношенію отрывка приведеннаго нами въ главѣ 4, пунктъ 13-й.

⁴⁾ Если этого нельзя прямо сказать объ А. И. Маркевичѣ, то и не видно, чтобъ онъ не держался ходячаго воззрѣнія.

замѣненъ и Туманскимъ. Его преимущество предъ послѣднимъ— большая правильность въ порядкѣ распредѣленія отрывковъ.

7) Ошибочно поэтому представлять себѣ, какъ это до сихъ поръ нѣкоторые дѣлали, что между текстомъ Сахарова и соотвѣтствующими мѣстами Туманскаго есть разница въ содержаніи.

8) Списки князя Оболенскаго и Академическій весьма сходны между собою.

9) Списки Академическій и Уваровскій также чрезвычайно близки другъ къ другу.

10) Туманскій издавалъ, если не по Академическому списку, то по очень близкому къ нему. Его отступленія отъ рукописи № 46 суть скорѣе невольныя ошибки по невѣжеству, чѣмъ результатъ различія въ текстѣ.

11) Ходячее представленіе о запискахъ Медвѣдева значительно суживаетъ ихъ дѣйствительный объемъ.

12) Списокъ Григоровича долженъ быть признанъ самымъ полнымъ ¹⁾.

13) Записки Медвѣдева, по крайней мѣрѣ въ спискахъ Академическомъ, Григоровича, Уваровскомъ и, можетъ быть, князя Оболенскаго, составляютъ часть литературно-историческаго сборника.

14) Голословно высказанное мнѣніе о Медвѣдевѣ, какъ авторѣ записокъ, не можетъ подлежать сомнѣнію.

Выводъ изъ всего сказаннаго напрашивается самъ собою. Лишній разъ видимъ мы печальное доказательство того, какъ нерѣдко наши научныя изысканія зависятъ отъ случайностей. Настоящимъ текстомъ записокъ Медвѣдева пользовались только Устряловъ и Соловьевъ; а между тѣмъ чрезъ сколько рукъ прошелъ и продолжаетъ обходить искаженный текстъ ихъ, одинъ изъ драгоценныхъ источниковъ для исторіи царствованія Петра Великаго! Сколько вслѣдствіе того неполноты въ работахъ! Сколько, можетъ быть, лишней работы, посвященной тому или другому домыслу! Ученое изданіе записокъ Медвѣдева, да еще вмѣстѣ съ записками его литературнаго антагониста, Матвѣева, рано или поздно должно быть подарено русской исторической наукѣ.

Е. Шмурло.

¹⁾ Если только таковымъ не окажется Румянцовскій, котораго мы не видали.
часть ССЛXII, отд. 2.

АМФИЛОХЪ—EVALACH.

Эпизодъ Grand St.-Grald въ славянскомъ апокрифѣ.

Посвящается Р. О. Ланге.

I.

Въ „Обзорѣ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ“ (Кіевъ. 1877) проф. Калужняцкій (стр. 26—28) напечаталъ по сборнику Львовскаго Свято-Онуфріевскаго монастыря № XVIII (стр. 993—998) „Сказаніе Анфілога цара ѡ святѣй гѣтургіи“. Вотъ его содержаніе:

„Бысть Анфілогъ ѡтъ царскаго рода, дрѣжаще въ та гѣта поганымъ срациномъ. И поихавшъ же Анфілогу (къ брату своему) въ Іероусалимъ градъ, и видѣ црѣковь. И внѣйде же Анфілогъ въ святилище Божіе не тѣкмо самъ, нѣ и велблоуды велаше оувести, велблоуды же падше измроша въси. Анфілогъ же рече: Хощѣ видѣти поганскую вѣроу и службѣ ихъ. И вѣшедъ на полятоу, нача смотрити ѡпасно, идеже съврѣшается сватаа слоужба. И видѣ попа пристоупающа къ святѣй трапезѣ. И просвѣтиса лице его (то-есть, попа), ѣко слѣнце, а ризы его ѣко шгнѣ, кѣгда приступи къ сватому жрѣтовнику. И не показа Богъ поганому просфоруы, нѣ показа ему дѣтнщѣ образъ свой. И множество аггелъ стоаще ѡкрѣсть съ оружіемъ. И нача попъ заклати дѣтище, и абіе истече крѣвь и вода. По искончаніи же того, егда рече попъ: Благослови, владыко! въ тѣй часъ ста црѣковь ледана, а ѡлтарь шгнень. А егда рече попъ: Пресватуж, чистуж, въ тѣй часъ пристоупиша множество аггелъ, подемше рѣцѣ за весь миръ христіанскый, молащеса Богу. Егда же Іерей

начнетъ глаголати: Богъ сватый на сватыхъ почиваа, тогда множество аггелъ подимоуть апостога, и речеть Михаилъ: Вънѣмъ! а Гавриилъ речеть: Миръ всѣмъ! И начнетъ чѣсти попь еваггелие, и въ то время трисѣтъ аггелъ възимають съ похвалою слова та, несутъ на небо. Тогда глаголетъ попь: **И**ко милостивъ человекѡлюбець Богъ еси—тогда вышедъ изъ штара аггелъ, нося стькланицю плъноу мира, знаменаеть предстоащаа люди. Егда попь начнетъ глаголати: шгашенїи изыйдѣте—тогда аггели, събравше грѣшники, ведоуть вонь ис прѣкве, а праведники шставлѣжть. Егда же речеть попь: **и**ко подь дрѣжавою твою—тогда исънїйдоуть аггели божїи, свѣтли, дрѣжаще въ рѣкахъ шрѣжаа шгнїнаа, а друзїи тьмнїи аггели, обшѣтающе Іереа сѣтми, хотаще прѣльстити его. И не възмогша дойти дверїи шлтара, срѣтають бо ихъ божїи аггели, имаще шрѣжаа пламеннаа, и шженоут тьмныа аггелы прочь. Тогда възне-соутса множество аггелъ, поще: Сватъ, сватъ, сватъ господь, и въземше прѣсватаа, ставать на сватѣй трапезѣ. И глаголетъ попь: благословите сватїи аггели. **О**ни же глаголють: Многа гѣта, чѣстнїи штче, доухъ сватый наидеть на та, и сила вышнаго шсѣнїть та. Тогда сънїйдетъ доухъ сватый и шпочнеть **и**ко голоубъ на прѣдлежащихъ дарѣхъ. По искончанїи глаголетъ попь: миръ всѣмъ, и дїаконъ: възлюбимъ другъ друга. Тогда Христось прїйдетъ и **ш**и. апостоли и цѣлоужть сватож трапезоу и слоужащаа. И глаголетъ дїаконъ: шбразоуж сватоу тройцѣ, дверѣ дверѣ премждростїж, станѣмъ добрѣ, станѣмъ съ страхомъ. Тогда сънїйдетъ доухъ сватый на Іереа и покрыеть его. И речеть попь: Вънѣмъ сватое възношенїе. Тогда възметса агнець божїй, станеть на воздоусѣхъ, и сънїйдета два хероувими и станета окрестъ трапезы. И речеть попь: Побѣдноуж пѣснь поще—възмоутса хероувими закрываща лица своа штъ неприкосновеннїа славы и поще: Сватъ, сватъ, сватъ Господь. Тогда шткрыетса **ш** небесь, и прїйдетъ самъ Господь съ высоты. И глаголетъ попь: Прїимѣте и гадите, се есть тѣло мое, ломимое за вы и за многы. Тогда исплнїтса храмъ разоума, и аггели, разсмотрѣвше тайноу, глаголжть: аминь. Тогда приложитса хлѣбъ до половины. И възглаголетъ попь: Пїйте штъ неа, се есть кръвь моя новаго завѣта, да въси исплнѣтса разоума, да разоумѣжть, **и**ко велика и страшна сила господна. Тогда аггели възимажть грѣхы штъ человекѣ и шгнень съжигоужть. Егда речеть дїаконъ: главы ваша господеви приклоните, а попь глаголетъ молитвоу: Боже сватый, живый въ вышнихъ—тогда изыйдетъ аггелъ

изъ шгара и начеть въскладати вѣнца на предстоаща люди съ страхомъ на молитвѣ. Скончавъ же погъ сватѣж литургіѣ, принесе емоу (то-есть, царю Амфилогу) просфоуроу и рече: Възми царю! И рече емоу царь: Видѣхъ та, окаане, чимъ еси слоужилъ, яко дѣтище еси зарѣзалъ. Онъ же рече: Нѣсть, царю, еже ты глаголеши; еже ти есмь принеслъ, тѣмъ есмь слоужилъ. Рече же Амфилогъ: Азъ видѣхъ та, яко дѣтище зарѣзалъ еси. Рече же къ немуо іерей: Таковаго чюда никтоже не видѣ, ни сватый штець Василіѣ, ни Григорій, еже ты, царю, видѣлъ. Рече емоу царь: штче, крести ма въшь, еже еси емоу слоужилъ. Рече емоу іерей: Не смѣѣ, царю, нж пойдѣва къ патріархоу. шнъ же иде, патріархъ же крести его во има шца и сына и сватаго доуха и постриже его въ исхымоу. Онъ же рече емоу: штче, чимъ спасти доушоу? Рече патріархъ: Иди къ братоу своему. Онъ же послоушавъ его и въсѣдъ на осель и поеха въ срапиньскоую землѣ къ братоу своему именомъ Кликанцоу. Они же не познахоу его, нж повѣдаахоу цареви Кликанцоу мна, яко поржгоу дѣеть. Онъ же сънемъ клобоукъ рече: Азъ есмь братъ твой; нж веси ли, брате, яко погыбль еси въ вѣрѣ сей? И рече ему Кликанецъ: Кто та прѣлъстилъ, брате, какоуж шдеждѣ имѣеши на себѣ? Онъ же повѣда емоу елико бывшее чюдо. Ономоу же вѣровавшоу Христоу, рече емоу: Кръсти ма, брате, еже ш Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. И пойдоша шба, начаста проповѣдати ш вѣрѣ и ш законѣ и ш бываемѣ чюдѣ Христовѣ. И сего ради поганіи Срапини вѣсташа на нихъ и побииша ихъ, ненавидаше закона Христова. И сего ради цари и князи кланяются моцемъ ихъ, и мы вѣрній почитаемъ памать ихъ“.

Проф. Калужняцкій (стр. 25, см. стр. 78, прим. 87) усматриваетъ слѣды сказанія объ Амфилогѣ въ посланіи Ростовскаго архіепископа Вассіана II (+1515) къ Николаю Шембергу. Происхождение этого апокрифа инѣ неизвѣстно, говоритъ проф. Сумцовъ¹⁾: можетъ быть, апокрифическое сказаніе о царѣ Амфилогѣ возникло подъ вліяніемъ

¹⁾ *Сумцовъ*, Очерки исторіи южно-русскаихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсень, *Кіевск. Старина* 1887 г., сентябрь, стр. 51, слѣд.; 53, 54; слѣд. *ibid.* ноябрь, стр. 454—По поводу разобранной въ послѣднемъ №, стр. 433—434, „исторіи о женѣ Майдонѣ“ (изд. *Макушевскімъ* въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1881 г., т. IX, стр. 96—97, и *Калитовскимъ*, *Материалы до русской литературы апокрифичной*, Львовъ. 1884, стр. 35 и слѣд.) замѣчу, что источники ея (и слѣдующихъ затѣмъ повѣстей у *Калитовскаго*) указаны были мною въ моихъ *Опытахъ по исторіи развитія христ. легенды*, I, 2, стр. 68 и слѣд.

сборника патриарха Фотія „Амфилохін“, заключающаго въ себѣ разсужденія о разныхъ предметахъ вѣры и получившаго названіе отъ имени лица, къ которому разсужденія были адресованы. Въ южно-русскихъ литературныхъ памятникахъ XVII вѣка находятся отрывки изъ сказанія Амфилога въ „Небѣ Новомъ“ Галатовскаго 1662 г.: разказъ, повторенный и въ „Мессіѣ правдивомъ“, объ арабскомъ царѣ Амфилогѣ, видѣвшемъ въ церкви, какъ священникъ въ таинствѣ евхаристіи закололъ Иисуса въ видѣ младенца ¹⁾. Въ южной Руси, прибавляетъ проф. Сумцовъ,—было, по видимому, извѣстно въ старину еще и другое апокрифическое сказаніе о литургіи, упоминаемое въ индексѣ отреченныхъ книгъ въ рукописномъ сборникѣ Львовскаго Свято-Онуфріевскаго монастыря, именно въ „Статѣхъ о службѣ Таинъ Христовыхъ“, гдѣ говорится, что „если опоздають священники съ жертвоприношеніемъ, то ангели пона кленжтъ, рекше: Врата небеснаа затвораютса“ (см. Калужняцкій I. с., 24) ²⁾.

Легендой, сходною съ сообщенною, пользовался авторъ Большаго Граля ³⁾, столь богатаго апокрифическими подробностями: поло-

²⁾ Слѣдующая выписка доставлена мнѣ г. Хр. Лопаревымъ. „Амфилогъ царь Сарацинскій поганинъ въ Іерусалимъ пришолъ до церкви на службу божую, и въ той часъ видѣлъ Христа яко дитятко малое, которое священникъ на олтартъ зарѣзалъ, для того поставилъ сторожу около того священника, жебы не утекъ. Гды мовилъ священникъ: Пресвятую, чистую и преблагословенную славную Владычицу нашу Богородицу и прочее, въ той часъ пришло множество аггеловъ, которыя поднесши руки за вѣсѣть міръ христіанскій молилися Богу; а гды мовилъ священникъ: Изряднѣ о пресвятой, чистой, преблагословенной, славной Владычици нашей Богородици и присно Дѣвѣ Маріи,—на той часъ душамъ въ тѣхъ будучимъ двери отворилися. По службѣ Божой священникъ царици привнесъ просоору, мовилъ ему царь: Видѣлемъ тебе нещасливый чѣловѣче, жесть дитя зарѣзалъ и тымъ еси служилъ. Отказалъ священникъ: Тогого чуда ни святые отцы Василій и Григорій не видѣли, яко ты, царю, видѣлъ. Почувши тое царь въ Христа увѣрилъ и окрещенный отъ патриарха іерусалимскаго и въ схуму облеченый потомъ вѣхалъ въ землю сарацинскую до брата своего, на имя Кланцанца, и того до Христа наверхъ и окрестилъ, которые оба два почали Христа проповѣдати; для того сарацини погане ихъ позабыли (Небо Новое з новыми звездами сотворенное, соч. Іоанниина Галатовскаго. Львовъ, 1665 г., л. 52—об.—53 об.).

³⁾ См. *Тихонравова*, Пам. отреч. русск. лит., I, стр. VII, № 69 (Соловецкій индексъ); *Средьковъ*, Ист. српскаго народа, I, стр. 459, прим. (изъ сборника Пештской патриархіи).

⁴⁾ *Le Saint Graal*, ed. *Nucher*. т. II, стр. 127 слѣд., 128, 131, 156, 160, 166 слѣд., 173 слѣд., 192 слѣд. Сл. тотъ же эпизодъ, но иначе приуроченный, въ *Queste del Saint Graal*.

женіе то же, лишь нѣкоторыя черты переставлены. Іосифъ Аримаейскій и его шестьдесятъ-пять спутниковъ вышли изъ Іерусалима и на одиннадцатый день прибыли à une citet qui avoit non Sarras. Si estoit entre Babiloine et Salemandre (vas. Salavandre); de cele citet issirent premièrement Sarrasin, названные такъ не отъ Сарры, жены Авраамовой, а по городу. Тамъ царилъ въ то время Evalach (или Hevalach) li Mesconnéus ¹⁾, отвѣчающій сарацинскому царю Амфилогу; можетъ быть, и имя Эвалаховой жены, Sarracinte, не что иное, какъ сарацинка. Іосифъ говоритъ ему о Богѣ христіанъ, Господь приготовляетъ его видѣніями къ принатію вѣры, а Іосифу вѣщаетъ, что на слѣдующій день Эвалахъ пошлетъ за нимъ, дабы онъ истолковалъ видѣніе имъ; et si verrés un nouvel établissement que jou ne vous ai pas encore dounet. Car jou sakerrai ton fil Joseph et le ferai si haut menistre comme pourvoire. Car jou li baillerai ma car et mon sanc en garde. Господь посвящаетъ Joseph'e въ епископы, папсты ремъ и духовнымъ стражемъ душъ, и затѣмъ велитъ ему совершить таинство евхаристіи: Or vien avant, si feras le sacrement de ma char et de mon sanc, si que tous mes peules le verra apiertement. Atant enmena nostres sires Joseph'e jusques à l'arche, si que tos li peules le vit entrer dedens. Et si virent tout que ele crut tant et eslargi, que il estoient tout largement dedens. Et véolent les angles venir et aler par devant l'uis. Lalens fist Joseph'e le premier sacrement qui onques fust fais à celui peule, mais il eut molt tost acompli, kar il ne dist que celes paroles seulement, qant Ihésu-Cris dist à ses dessiples à la chaine: „Venés, si mangiés et chou est li mien cors qui pour vous et pour maintes autres gens sera livrés à martire et à torment". Et autressi leur dist del vin: „Tenés et si bevés tout. Car chou est li sanc de ma nouvele loy, li miens meismes, ki pour vous sera esbandus en remision des péchiés". Ceste parole dist Joseph'e sour le pain que il trouva appareilliet sous la planète del kalisse [et sour le vin qui el calise estoit]: si devint tantost li pains chars et li vins sans. Et lors vit Joseph'e tot apiertement ke il tenoit entre ses deux mains un cors autressi comme d'un enfant. Et kant il le vit ainsi, si en fu moult durement esbahis, si que il ne savoit sos chiel que il péust

¹⁾ У Manessier, продолжателя Chrestien'a de Troies: Evelac (въ Sarras); его братъ Salafrés; у другого продолжателя, Gerbert: Evelac (въ Sarras), его братъ Séraph; врагъ Tholomes (царичій въ Сиріи); то же въ La Queste del Saint Graal.

faire, anseois s'estut tous cois et coumencha moult angoisseusement à soupirer et à plourer pour la grant paour que il avoit. Lors li dist nos-
 tres sires: „Il te couvient desmenbrer ce que tu tiens, si que il y ait
 trois pièches“. Josephe li respondi et dist: „Ha, sire, aies merchit de
 vostre sierf, quar mes cuers ne pourroit souffrir que jou dépiéchaïse
 si biele figure“. Et nostres sires li dist: „Se tu ne fais mes couman-
 demens, tu n'auras point de part en mon hyretage“. Lors prist
 Josephes le cors; si mist la tieste à une part et desevra del bu autressi
 légèrement comme si la cars de l'enfant fust toute quite en tel ma-
 niere que on quite char, quant on l'oublie sour le fu; après fist deux
 parties del remanant à moult grant paour.—Ensi com il coumencha
 à faire les parties, si caïrent tout li angle, qui latens estoient devant
 l'autel, à tière; si furent tous à genous tant que nostres sires parla
 et dist à Josephe: „Quel cose atens tu? Rechois chou qui est devant
 toi et si l'use, car chou est tes sauvement“. Et qant Josephe l'oi, si
 se mist à genoullons et bati son pis et cria mierchit, em plourant de
 tous ses péchiés. Et qant il fut redréchiés, si ne vit devant lui sous
 la platine que une pièche en samblanche de pain. Et li le prist, si le
 leva en haut, et qant il éut rendut grasses à son créatour, si ouvri la
 bouce et vaut metre dedens. Et il resgarda, si vit que chou restoit
 un cors trestous entiers; si ne pot: ains sentoit que si on le me-
 toit dedens la bouche, anseois que il le péust clorre. Et qant il l'éut
 usé, si li fu avis que toutes les doucors et toutes les somatumes que
 on péust noumer de langhe li fuissent dedens le cors entré. Après re-
 chut une partie del saint boire sacré qui estoit el calisse, et qant il
 éut chou fait, vit que uns angles prist la platine et le kalisse, si les
 mist aus deus en la sainte esquièle l'un sour l'autre, et sour chele
 platine si vit pluisors pièces en la semblance de pain. Et qant li angles
 éut prise l'esquièle, si vint uns autres, si leva la platine en haut et
 chou qui estoit sus avoec; si l'emportoit entre ses deux mains hors
 de l'arche. Et li tiers angle prist le galisse, si l'emporta en tel ma-
 nière après chelui, et chil qui portoit la sainte esquièle fu tous daa-
 rains. Когда всѣ они вышли изъ скинии (архе), раздался голосъ съ
 неба, поучавшій, что только дѣйствительно вѣрующіе приобщаются
 къ таинству евхаристіи во спасеніе души. Ангелъ причащаетъ Іосифа
 и всѣхъ присутствующихъ, а Господь открываетъ Іосифу и его сыну,
 что настала часъ, когда Эвалахъ обратится къ Нему отъ служенія
 идоламъ: онъ вскорѣ пошлетъ за Іосифомъ и попроситъ истолковать ему
 значеніе бывшихъ ему таинственственныхъ видѣній. Слѣдуетъ раз-

казъ о томъ и нападеніе Египетскаго царя Tholomer (Птолема), отраженнаго Эвалахомъ помощью христіанскаго Бога. Эвалахъ и братъ его жены, Ségarhe, крестятся.

II.

Славянскій апокрифъ и эпизодъ Большаго Граля восходятъ, очевидно, къ одному источнику. Авторъ послѣдняго расположилъ его мотивы по-своему, выставивъ на первый планъ Іосифа, отождествивъ таинство евхаристіи съ культомъ Граля. Основная легенда не могла ли имѣть мѣстомъ дѣйствія область Navila: "Еоулатъ, Евилотскую землю нашей космографіи ¹⁾, крайній пунктъ, до котораго по Быт. I 25, 18, доходили поселенія измаильтянъ, страну, обтекаемую рѣкою Пизономъ, богатую золотомъ, бделліемъ и драгоценными камнями (Быт., 2, 11)? Отдаленность мѣстности сдѣлала представленіе о ней смутнымъ и фантастичнымъ; въ IX вѣкѣ Eldad ben Mahli могъ помѣстить въ Kusch и Navila четыре изъ исчезнувшихъ израильскихъ колѣнъ. Navila'у локализируютъ въ юго-восточной (у Персидскаго залива) либо въ юго-западной Аравіи, въ Іеменѣ ²⁾. Около 500 года цари Іемена, возводившіе свой родъ къ Nimjag'у и библейскому Kachtan'у-Ioktan'у, приняли іудейство; нѣсколько позже объявляется на той же почвѣ и христіанство: въ 523 году іеменскій царь Dhu-Nowas ополчился противъ христіанъ города Nağagan, при чемъ 340 человекъ, и въ числѣ ихъ властитель города, Harith ben Kaleb (Ареа), погибли мученическою смертію. Это навлекло на Dhu-Nowas'a нашествіе христіанскаго негуша Ээіюпиа, Elesboa (или Atzbeha); пораженный въ битвѣ Dhu-Nowas винулся верхомъ на конѣ въ море ³⁾.

При нашей гипотезѣ легенда объ Амфилохѣ—Невалаш'ѣ, къ объясненію которой потребовались сообщенные тотчасъ факты, могла быть въ основѣ разказомъ о распространеніи христіанства изъ Іеруса-

¹⁾ „Земля, глаголемая Евилотская на востоцѣхъ въ части Симовѣ во Азіи, пространна и велика“.

²⁾ С. *Richm*, Handwörterbuch des biblischen Alterthums a. v. Navila; сл. ib., Eden., §§ 3, 4; *Graetz*, Gesch. der Juden. V, стр. 288 и 524; Изъ исторіи романа и повѣсти, I, стр. 291—2; *Маршолитъ*, Три еврейскихъ путешественника XI и XII в. С.-Пб. 1881, стр. 9, 11—13, 24.

³⁾ *Graetz* l. c. стр. 91 слѣд.; сл. ib., стр. 442 слѣд., Note 10. Сл. AASS. 24 Oct. X, p. 721—760: Martyrium S. Arethae et Ruae et sociorum 4250 Negranae in Arabia c. 523, auctore анонимо.

лима въ области діаспоры: какой-то іудейско-арабскій (сарацинскій) властитель Іемена — Navila: Nevalach — 'Αμφίλοχος обратился, будто бы, въ христіанство, пораженный, при совершеніи іереемъ литургіи, чудеснымъ видѣніемъ, развивавшимъ символическій образъ, издавна знакомый христіанской иконографіи: младенца, стоящаго въ чашѣ или на гости. Славянскій апокрифъ не знаетъ имени іерея и дѣйствіе оставляетъ на востокъ; въ Grand St. Graal анонимному іерею отвѣчаетъ Іосифъ Аримаѳейскій, и дѣйствіе переносится далѣе съ востока на западъ, въ Британнію: туда идетъ Іосифъ, за нимъ и Nevalach съ братомъ. Одинъ изъ поводовъ къ такому перенесенію, богатому романическими послѣдствіями, могъ быть чисто внѣшнимъ: выйдя изъ Іерусалима Іосифъ отправляется въ Виѳанію, Béthanie, гдѣ въ лѣсу Господь открывается ему ¹⁾; списки колеблются между Béthanie и Bretagne; ближайшій путь идетъ въ Saggas, сарацинскую землю, но позднѣйшее приуроченіе Іосифа къ Британніи могло быть отчасти обусловлено указаннымъ смѣшеніемъ: Bethania съ Britannia. Такъ въ русскихъ, галицкихъ и польскихъ спискахъ „Сна Богородицы“ ²⁾ дѣйствіе происходитъ въ Британской землѣ, но на горѣ Оливной, „на горѣ Оливной въ Британѣ“, или просто „въ Битанѣ“, то-есть, очевидно, въ Виѳаніи, лежащей за этою горою въ ³⁾/₄ часахъ отъ Іерусалима по дорогѣ къ Іерихону.

Сообщенное нами сказаніе встрѣчается въ славянской и греческой письменности еще и въ другомъ видѣ, съ другимъ именемъ и болѣе опредѣленнымъ приуроченіемъ, но дѣйствующимъ лицомъ по прежнему является сарацинскій царевичъ. Слѣдующій текстъ, извѣстный по печатному прологу подъ 26-мъ ноября, я привожу изъ Макарьевской Четъ-Миней по Софійскому списку № 1319, л. 719 л.—об. (=Успенскій спис. № 176, л. 1554 об.—1555) ³⁾.

„Повѣдаше Оуласъ въ Диѳсполѣи градѣ створившееса чюдо. Приде братучадѣ срациньскаго цѣа Нунерміа нѣккіи врудиемъ и видѣвъ цѣрквь стго Гешургіа шбита в неи и вельблуды въ цѣрквь впусти, не послуша възбранающѣи ему поповъ кѣртіаньскихъ; вельблуды же всѣ изъмоша. Наченшу же ему стую литоургію (нап.

¹⁾ *Hucher*, II, 123—124.

²⁾ Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II, III, стр. 347, 350; сл. *Е. Kaluzniacki* въ *Arch. f. slav. Philol.* XI, стр. 630.

³⁾ Варіанты пролога въ тѣхъ же Минеехъ: Сое. л. 721 лиц. об., Усп. л. 1557 об.—1558. Этими указаніями, равно какъ и сообщаемымъ текстомъ, я обязанъ любезности Хр. М. Дюпарева.

литургію) видѣ Аравитъ яко попъ закла дѣтищъ и источи кровь, а тѣло на блуди раздроби, и по скончаніи всѣ просвѣтерѣ пиша кровь, а маса ѣша, срачининъ же гарости и гнѣва исполнивса. По скончаніи же литургія привесе ему попъ проскуру и рече: Прими, гїи, смѣ бо служимъ Господеви Богу нашему. Оtvѣщавъ же срачининъ рече: Укаїне, сими ли служиши? Дѣтищъ закла, а тѣло его на блуди раздроби а того извѣсть. Прозвѣтеръ же поклониса, начать ему глаголати: Великъ еси ты мужъ, господине мой, яко Богъ ѡкры тебѣ таяну, еже азъ не видѣхъ, тожмо велиціи и стїи видѣша, Василии и Григоріи, Іваннѣ Златоустыи. Вопросы же его ш всемъ срачининъ еже видѣ, и оувѣдавъ штъ попа приде въ страхъ Божїи и оtvѣржеса срачининскыя вѣры и иде въ Іерусалимъ и крѣтиса штъ патриарха и посланъ бѣ во Синайскую гору и бысть мнихъ, желаше же мучитиса по Христѣ. По трехъ же лѣтехъ иде паки въ Диосполь и пришедъ въ црѣвъ сватаго Георгїа повѣдаса прежнеѣ іерею, хота мучитиса за Христа; шнъ же посла и в Сурию стрывеи (нап. строеви) своему, срачининскому цареву, рекъ: Предъ нимъ исповѣжь Іисуса Христа сына Божїя суца. Пришедъ же въ градъ, в немже бѣ стрыи его црѣтуйай, и вшедъ на столпъ нача звати срачины; онѣмъ же съшедшимса рече имъ: Что ми хочете дати да повѣмъ вамъ, кдѣ есть братъ царевъ? Шнѣ же поимше ведоша и к царю. И рече царь: Аще во истину повѣдаеши, много Злата и сребра дамъ ти. Чернецъ же рече: Азъ есмь, но крѣщенъ быхъ и вѣрую въ Отца и Сына и Святаго Духа, а срачининскую вѣру проклиная и Іаго пророка Махмета (рпк. Махнета). Царь же рече: Что ти бысть, оканне, яко остави свое богатство и двбрую вѣру срачининскую и скверную власаницу въздѣвъ на са проходиши? Чернецъ же рече: Сїю власаницу паче богатства люблю, а Мехмета проклиная. Царь же повелѣ изгнати его вонъ; рекоше же князи: Не можемъ его жива видѣти прокленшаго вѣру нашу и Махмета похуливша. И изведше (рпк.—а) изъ града побиша и каменіемъ, и тако предасть въ рудѣ Божїи духъ свои“.

Профессоръ Васильевскій указалъ мнѣ, что источникомъ приведеннаго сказанія была легенда, приписанная Григорію Декаполиту († ок. 820 г.), напечатанная впервые въ Римѣ въ 1642 г., затѣмъ въ приложеніи къ Acta Sanctorum, Aprilis III, подъ 23-мъ апрѣля, стр. XXXV—VII. Начало такое: ὁ στρατηγὸς Νικόλαος, ὁ λεγόμενος Ἰουλαῖς, διηγῆσατό μοι, ὅτι ἐν τῇ ἰδίᾳ πόλει, ἣν καλοῦσιν οἱ Σαρακηνοὶ τῇ ἰδίᾳ διαλέκτῳ Ἄμπελον, ἀπέσταλεν ὁ Ἀμπερομνῆς Συρίας τὸν

ἴδιον ἀνεψιὸν πρὸς τὸ διοικῆσαι δουλείας τινὰς εἰς τὸ εἰρημένον κάστρον. Ἔστι δὲ ἐκεῖ ναὸς μέγας καὶ ἀρχαῖος καὶ θαυμαστός τοῦ ἁγίου καὶ πανενδόξου Μάρτορος Γεωργίου. Содержание рѣзкаго то же, но изложение пространнѣе; сарацина, пожелавшаго креститься, іерей отсылаетъ на Синай: κακεῖ ἐστὶν ὁ Ἀρχιερεὺς, αὐτὸς σε βαπτίσει; явившись позднѣе въ сарацинскую землю, новообращенный христіанинъ заявляетъ о себѣ: Ἐγὼ εἰμι ὁ ἀνεψιὸς τοῦ Ἀμερουμνῆ, ὃ ποτε φυγὼν καὶ ἄδελγος ἐγενόμην, νῦν βούλομαι θεάσαι τὸν ἐμὸν ἀνεψιὸν καὶ εἰπεῖν τι αὐτῷ. Сарацины выводятъ его за городъ, κακεῖ ἐλιθοβόλισαν αὐτὸν τὸν ὁσιώτατον μοναχὸν ὀνόματι Παχούμιον.

Ἀμερουμνῆς=Нинермій оказывается титуломъ; Діосполь славянскаго сказанія могъ подставиться по памяти о городѣ, издавна славномъ храмомъ св. Георгія, вмѣсто малонизвѣстнаго Ἀμπελος. Первый издатель греческой легенды говоритъ in Thebaide (?), paulo antequam Gregorius Decapolita floreret a Saracenis occupata, existere etiam nunc oppidum, el Carme dictum (quod Ἀμπέλος Græce, Latine Vinea redderetur) et ostentans ingentes ruinas templi monasterique, quod filio, monasticum habitum suscipiente, quondam aliquis toparcha construxit et quod sub Saracenis inviolatum superiori seculo Turcae destruxere. Ноc templum S. Georgii fuit (AASS. I. c. стр. 145 а). Определить въ точности положеніе этого города, съ древнимъ въ немъ храмомъ св. Георгія, я не умѣю. Плиній (5, 16) знаетъ городъ Амрелоесса въ Декаполѣ, но не исаврійскомъ, гдѣ родился Григорій Декаполитъ, а сирійскомъ, къ которому древняя надпись позволяетъ отнести и Abila, нынѣ Abil., на востокъ отъ Гадары, на югъ отъ Негомах'а. Исслѣдователи считаютъ его отличнымъ отъ Abel Keramim, лежавшимъ по ту сторону Іордана, въ 6 или 7 миляхъ отъ Rabbath—Ammon'а. Abel Keramim означаетъ: виноградный доль ')—Ἀμπελος? Abila, еслибы оно удержалось въ этой связи, внесло бы и новый моментъ въ наше объясненіе: Амфилохъ—Невалаш: Navila.

И въ чудѣ Григорія, какъ и въ сказаніи объ Амфилохѣ, іерей не названъ, и это позволяетъ заключить, что въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ Grand St. Gtaal имя Іосифа можетъ быть позднее, не принадлежащее древней традиціи. Чудо евхаристіи невольно применило къ имени Іосифа Аримаѳейскаго, къ его чудодѣйственной чашѣ; это имя и могло быть внесено на мѣсто болѣе древняго имени, либо и анонима. Въ связи съ вариантомъ французскаго романа, гдѣ таинство видятъ

') *Rishm*, I. c. a. v. Abel, Abilene, Dekapolis.

не Nevalach, а Joseph, напомяну на всякій случай объ Іосифѣ комитѣ Епифанія ¹⁾, именитомъ еврей, жившемъ при Константинѣ Великомъ. Онъ былъ изъ числа патриаршихъ совѣтниковъ: εἰσὶ δὲ οὗτοι μετὰ τὸν πατριάρχην ἀπόστολοι καλούμενοι. Въ предсмертной болѣзни патриархъ Ἑλλάλ тайно принялъ крещеніе изъ рукъ христіанскаго епископа, и какъ Joseph вѣ старо-французскомъ романѣ видитъ чудо евхаристіи, такъ Іосифъ наблюдаетъ сквозь щель совершавшійся надъ больнымъ обрядъ крещенія. Видѣнное имъ таинство (διὰ τῶν γενομένων μυστικῶν) смущаетъ его; чтеніе христіанскихъ книгъ (Евангелія отъ Іоанна въ еврейскомъ переводѣ, Дѣяній Апостольскихъ и (τὸ κατὰ Ματθαῖον ἑβραϊκὸν φυτόν), найденныхъ имъ въ патриаршей ризницѣ, куда онъ тайно проникъ, ставитъ передъ нимъ вопросъ: стать ему или нѣтъ христіаниномъ? Онъ долго не рѣшается, хотя Господь нѣсколько разъ выискалъ его въ чудесахъ и сновидѣніи: ἐγὼ εἶμι Ἰησοῦς, ὃν οἱ σοὶ γονεῖς ἐσταύρωσαν. ἀλλὰ πίστις σοε εἰς ἐμέ“. Евреи застали его за чтеніемъ Евангелія, подвергаютъ истязаніямъ, бросаютъ въ Киднѣ; обратившись въ христіанство, получивъ титулъ комита отъ Константина Великаго, онъ выпросилъ у него разрѣшеніе строить христіанскіе храмы по всей іудейской землѣ: въ Тиверіадѣ, Діокесареѣ, Назаретѣ, Капернаумѣ.—Эта дѣятельность пропагандиста могла быть обобщена и перенесена въ легендѣ на его современника: Іосифа изъ Аримаѳеи.

Замѣтимъ, что, начиная разказъ объ Іосифѣ комитѣ, Епифаній дѣлаетъ оговорку: это не „ὁ συγγραφεὺς καὶ ἱστοριογράφος καὶ παλαιὸς ἐκείνος“. Ту же оговорку дѣлаетъ авторъ Grand St. Graal по поводу Іосифа Аримаѳейскаго: Et sachiez que ce ne fuit pais cil Joseph que li escripture trait si sovent à tesmoing, ansois fuit uns autres qui ne fuit mies moins letrels de celui (Hucher, l. c. II стр. 48—49, прим. 2). Тамъ и здѣсь надо было отдѣлать Іосифа комита или Аримаѳейскаго отъ Іосифа Флавія.

Можетъ быть, не лишнимъ было напомнить нѣсколько христіанско-легендарныхъ мотивовъ романа о Св. Гралѣ въ виду новой попытки Nutt'a ²⁾ тѣснѣе пристроить его начала къ кельтской сагѣ и повѣрь-

¹⁾ Eriphanii adversus haereses lib. I. haer., XXX, § IV слѣд. у Migne, Patrol. gr. t. XLI, стр. 410 слѣд.

²⁾ Alfred Nutt. Studies on the legend of the Holy Grail with especial reference to the hypothesis of its celtic origin. London, 1888.

ямъ. По его мнѣнію (стр. 217) „it is the christian transformation of the old Celtic myths and folk-tales which gave them their wide vogue in the Middle Ages, which endowed the theme with such fascination for the preachers and philosophers who used it as a vehicle for their teaching and which has endeared it to all lovers of mystic symbolism. Еще яснѣе общее заключеніе на стр. 227: The history of the Legend of the Holy Grail is, thus, the history of the gradual transformation of old Celtic folk-tales into a poem charged with christian symbolism and mysticism. Никто не отрицаетъ кельтскаго и христіанскаго моментовъ въ развитіи представленій о св. Гралѣ, но вопросъ въ томъ, какой изъ нихъ былъ вчинающимъ и на чьей сторонѣ продуктивность ограничилась усвоеніемъ. Кельтскій мифъ о чудодѣйственной чашѣ (Nutt, l. c. 184 слѣд.) могъ идти на встрѣчу апокрифическимъ легендамъ, зародившимся на почвѣ христіанства и поддержаннымъ сходными преданіями востока, напримѣръ, буддійскими. Именно въ этомъ направленіи книга Nutt'a встрѣтила замѣтку Bendall'я (Athenaeum, № 3178), которую мы дополнимъ нѣсколькими фактами. „Чаша буддійскаго первоучителя считалась великою святынею въ продолженіе долгаго времени. О ней говорятъ оба извѣстныхъ китайскихъ путешественника, то-есть, Фасянъ и Сюань-цзанъ. Первый видѣлъ ее въ Пешауерѣ, второй разсказываетъ, что въ его время она находилась въ Персіи... О странствіяхъ буддійскаго Граля сохранились легенды, которыя передаются отчасти Фасяномъ, отчасти извѣстны изъ другихъ источниковъ. Чаша эта была небеснаго происхожденія, и въ ней заключается чудотворная сила: она была неистощима¹⁾. Особый праздникъ чаши описывается въ Rasavāhīnī, въ отрывкѣ, переводомъ котораго я обязанъ профессору Минаеву: „Въ Джамбудвипѣ былъ когда-то прекрасный городъ Девапутта; въ то время жители его очень часто чтили чашу Господа (Будды): взявъ ее, совершали разнообразныя почитанія и устраивали процессіи, и этотъ праздникъ звался праздникомъ чаши. Въ то время царь Девапутты, взявъ колесницу, украшенную всякими драгоценностями, запрягши въ нее четыре бѣлыхъ коня, обѣзженныхъ учеными конюхами, поставивъ на нее теремецъ, 80 локтей въ вышину, изукрашенный семью драгоценностями, помѣстивъ въ немъ каменную чашу, обдѣланную сѣткою изъ жемчуговъ и драгоценно-

¹⁾ И. П. Минаевъ. Буддизмъ. Исслѣдованія и матеріалы, т. I, вып. I, стр. 126.

стей и украсивъ городъ..., обойдя его, въ срединѣ, въ прекрасномъ павильонѣ, поставилъ свѣтлыя чаши и дѣлалъ на седьмой день великій праздникъ".

Новый подъемъ въ изученіи кельтскихъ языковъ и литературъ несомнѣнно прольетъ много свѣта на исторію легенды о св. Гралѣ; но надо пожелать для той же цѣли и новаго пересмотра въ области христіанскихъ, легендарныхъ и апокрифическихъ преданій. Подождемъ встрѣчныхъ результатовъ.

Александръ Веселовскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова*. Книга II. С.-Пб. 1889.

Исторія русской журналистики въ XIX вѣкѣ—одинъ изъ самыхъ темныхъ и малоизслѣлованныхъ вопросовъ въ исторіи русскаго умственнаго развитія. Мы не можемъ не пожалѣть объ этомъ, какъ бы мы ни смотрѣли на развитіе журнализма: повторимъ ли мы съ княземъ Вяземскимъ:

Дай Богъ намъ болѣе журналовъ,
Плодить читателей они:
Гдѣ есть потребности на чтенье
Въ чести тамъ грамота, перо;
Гдѣ грамота—тамъ просвѣщенье,
Гдѣ просвѣщенье—тамъ добро

будемъ ли мы собогѣзновать о томъ, что журналъ убилъ книгу, что поверхностное знаніе замѣнило собою основательную ученость. Въ томъ и въ другомъ случаѣ мы должны признать фактъ значенія журналистики и приглядѣться къ послѣдствіямъ этого факта.

Кому не извѣстно, что съ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія по сей день журналы, а впоследствии времени и газеты, служатъ для многихъ единственнымъ или почтиединственнымъ средствомъ ознакомленія и съ прошедшимъ, и съ настоящимъ, и съ человѣкомъ, и съ природою. Журналъ все болѣе и болѣе захватываетъ въ себя и изысканія произведенія, и популярно-ученыя сочиненія. Сверхъ того, онъ даетъ готовые сужденія о движеніи умственной и общественной жизни. Вотъ почему въ наше время журналъ служитъ средствомъ узнать теченіе умственной жизни, которое хотя и не вполне, хотя и съ ущербами все-таки отражается въ текущей журналистикѣ. Въ

виду важности исторіи журнализма въ Россіи, гдѣ болѣе чѣмъ въ какой-нибудь странѣ журналъ заслонилъ собою книгу, нельзя не пожалѣть о томъ, что у насъ нѣтъ еще ни полной исторіи журналистики за XIX вѣкъ, ни такого библиографическаго обзорѣнія содержанія журналовъ, какое представляетъ за XVIII вѣкъ извѣстный трудъ А. Н. Неустроева. Даже число отдѣльныхъ монографій и матеріаловъ для исторіи журналистики еще довольно незначительно ¹⁾. Лежащій передъ нами второй томъ сочиненія Н. П. Барсукова заключаетъ въ себѣ исторію возникновенія и продолженія Московскаго Вѣстника. Такъ какъ онъ кончается 1829 годомъ, то не разказаннымъ остается только одинъ годъ существованія этого журнала.

Двадцатые года являются началомъ самаго оживленнаго періода въ исторіи русской литературы. Если гроза 1825 года вырвала изъ среды ея нѣсколькихъ дѣятелей, то остался Пушкинъ, а около него группируется молодое поколѣніе, которое если отошло отъ злобы дня, то отошло въ область высшихъ вопросовъ души человѣческой, вопросовъ эстетическихъ и историческихъ, оживленныхъ свѣтомъ философской мысли. Для общественной дѣятельности общество русское было незрѣло, что доказываютъ ясно сами дѣятели 1825 года. Много внутренней работы предстояло и предстоитъ дѣятелямъ русской мысли и надъ самими собою, и въ средѣ общества, гдѣ имъ суждено дѣйствовать. Время съ половины двадцатыхъ годовъ до 1848 г. является такою предварительною школой. Печальный перерывъ, послѣдовавшій за 1848 годомъ, горько отразился въ шатаніи умовъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, на что, конечно, имѣло нѣкоторое вліяніе и отклоненіе иныхъ изъ вождей общественнаго мнѣнія въ концѣ сороковыхъ годовъ. Впрочемъ, здѣсь не мѣсто говорить о послѣднихъ дняхъ этой свѣтлой зари русскаго умственнаго развитія. Мы стоимъ у ея порога. Вотъ картина оживленной умственной жизни той эпохи, которую рисуетъ Погодинъ: „Всякій день слышалось о чемъ-нибудь новомъ: Языковъ присылалъ изъ Дерпта свои вдохновенные стихи, славившіе любовь, поэзію, молодость, вино; Денисъ Давыдовъ съ Кавказа; Баратынскій выдавалъ свои поэмы; „Горе отъ ума“ Грибоедова только что начало распространяться. Пушкинъ прочелъ „Пророка“ (который послѣ „Бориса“ имѣлъ наибольшее дѣйствіе) и познакомилъ

¹⁾ Помѣщенная когда-то въ *Литературной Библиотекѣ* исторія журналовъ весьма поверхностна. Очерки А. П. Пятковского въ книгѣ „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“ неполны и отрывочны.

насъ съ слѣдующими главами „Онѣгина“, котораго до тѣхъ поръ напечатана была только первая глава; между тѣмъ на сценѣ представлялись водевили Писарева съ острыми его куплетами и музыкою Верстовскаго. Шаховской ставилъ свои комедіи вмѣстѣ съ Кокоскинымъ. Щепкинъ работалъ надъ Мольеромъ, и Аксаковъ, тогда еще не старикъ, переводилъ ему „Скупаго“. Загоскинъ писалъ „Юрія Милославскаго“. Дмитріевъ выступилъ на поприще съ своими переводами изъ Шиллера и Гете. Всѣ они составляли особый отъ нашего прихоть, который вскорѣ соединился съ нами, или вѣрнѣе, къ которому мы съ Шевыревымъ присоединились, потому что всѣ наши товарищи, оставаясь въ постоянныхъ, впрочемъ, сношеніяхъ съ нами, отправились въ Петербургъ. Оппозиція Полеваго въ Телеграфѣ, союзъ его съ Сѣвѣрною Пчелою Булгарина, желчныя выходы Каченовскаго, къ которому явился вскорѣ на помощь Надеждинъ, давали новую пищу. А тамъ еще Дельвигъ съ Сѣвѣрными Цвѣтами, Жуковский съ новыми балладами, Крыловъ съ баснями, которыхъ выходило по одной, по двѣ въ годъ, Гнѣдичъ съ Илиадою, Рачъ съ Тассомъ, Павловъ съ лекціями о натуральной философіи, гремѣвшими въ университетѣ, Давыдовъ съ философскими статьями. Вечера живые и веселые слѣдовали одинъ за другимъ: у Елагиныхъ, у Кирѣевскихъ за Красными воротами, у Веневитиновыхъ, у меня, у Соболевскаго на Собачей площадкѣ, у княгини Волконской на Тверской. Въ Мицкевичѣ открылся даръ импровизаціи. Приѣхалъ Глинка, товарищъ Соболевскаго и Льва Пушкина, связанный болѣе другихъ съ Мельгуновымъ, и присоединилась музыка“ (Н. П. Барсуковъ, стр. 69). Въ такое-то время задуманъ былъ и начатъ Московскій Вѣстникъ, журналъ съ серьезными философскими, эстетическими и историческими замыслами. Московскій Вѣстникъ былъ не первымъ журналомъ съ философскимъ характеромъ въ русской литературѣ. Еще прежде князь Одоевскій и Кюхельбекеръ издавали Мнемозину, журналъ мало читаемый тогда и совершенно забытый теперь, воспоминанія о которомъ лишь изрѣдка встрѣчаются у нашихъ критиковъ, но который, тѣмъ не менѣе, очень любопытенъ, какъ знаменіе времени и свидѣтельство о томъ, что существовалъ кружокъ людей, занятыхъ высшими умственными интересами. Журналы Карамзина не могутъ считаться предшественниками такихъ журналовъ. Карамзинъ, какъ журналистъ, употребилъ свой великій талантъ и свое обширное образованіе на изданіе журналовъ, предназначенныхъ для большинства читающей публики. Большинство это оказалось незначитель-

часть ослхн, отд. 2.

нимъ, и у Московскаго Журнала было только 500 subscribers. Слѣдственно, во время Карамзина нечего было и думать о журналѣ, который удовлетворялъ бы не только большинство. Вотъ почему Московскій Вѣстникъ не былъ продолжателемъ журнальной дѣятельности Карамзина. Карамзина продолжалъ съ большимъ успѣхомъ, хотя и съ менѣе серьезнымъ образованіемъ и гораздо меньшимъ талантомъ, Полевой. Московскій Телеграфъ привлекъ съ собою значительное по времени число читателей и вредилъ успѣху другихъ журналовъ. Разнообразіе журнала Полеваго удовлетворяло всѣ вкусы, а поверхностность его свѣдѣній была замѣтна весьма для немногихъ. Другихъ журналовъ того времени можно почти и не считать. Въ Москвѣ чухъ Вѣстникъ Европы, еще не оживленный Надоумкою; въ Петербургѣ процвѣтали журналы Греча и Булгарина, журналы очень скучные, изрѣдка помѣщавшіе сколько-нибудь любопытныя статьи, и издавались Отечественныя Записки, дававшія любопытныя для специалистовъ матеріалы. Вотъ самые видные журналы той эпохи. Блестящій критикъ романтической школы, недавно оживлявшій Полярную Звѣзду, исчезъ съ горизонта литературнаго и еще не появлялся на немъ подъ именемъ Марлинскаго. Другой блестящій критикъ, князь П. А. Вяземскій весь принадлежалъ Телеграфу; П. А. Плетневъ тогда еще былъ мало извѣстенъ, впрочемъ его умѣренно умныя и умѣренно даровитыя статьи никогда не производили большого впечатлѣнія. Вотъ въ общихъ чертахъ положеніе русской журналистики передъ появленіемъ Московскаго Вѣстника.

Еще въ 1824 году въ кружкѣ, собиравшемся у Раича, зародилась мысль о журналѣ. Съ пріѣздомъ въ Москву Пушкина, тоже думавшаго о журналѣ, и весьма неохотно участвовавшаго въ Телеграфѣ, мысль эта наконецъ стала получать осуществленіе. Журналъ основанъ былъ цѣлою компаніей. У Н. П. Барсукова мы находимъ слѣдующія любопытныя условія, при которыхъ предполагалось издавать Московскій Вѣстникъ. „Я (то-есть, Погодинъ), нижеподписавшійся, принимая на себя редакцію журнала, обязуюсь: 1) помѣщать статьи съ одобренія главныхъ сотрудниковъ: Шевырева, Титова, Веневитинова, Рожалина, Мальцова и Соболевскаго по большинству голосовъ; 2) платить съ проданныхъ тысячи двухсотъ экземпляровъ десять тысячъ А. С. Пушкину¹⁾; 3) платить означеннымъ сотрудникамъ

¹⁾ Этотъ пунктъ для насъ не совсемъ ясенъ. Деньги здѣсь считаются на ассигнаціи.

по сто рублей за листъ сочиненія и по пятидесяти за листъ перевода; 4) выписывать книгъ и журналовъ на четыре тысячи рублей съ общаго согласія означенныхъ сотрудниковъ; 5) платить за печатаніе и прочія издержки журнала: 5) всѣ остальные деньги предоставляются редактору за редакцію и прочія издержки. Если подписчиковъ будетъ менѣе 1200, то плата раскладывается пропорціонально. Помощникомъ редактора назначается Рожалинъ съ жалованьемъ шести сотъ рублей. Онъ долженъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи продажу журнала. Деньги же имѣютъ быть доставляемы отъ книгопродавца къ редактору. Матеріалы для журнала должны храниться у редактора. Если подписчиковъ будетъ болѣе 1200, то плата главнымъ сотрудникамъ увеличивается пропорціонально, полагая редактору прибавки на шесть тысячъ. Остальная же сумма предоставляется на разныя общепользныя предпріятія, по усмотрѣнію редакціи. Этотъ ultimatumъ подписалъ: М. Погодинъ. Согласіе съ изложеннымъ въ немъ подтвердили своею подписью: Д. Веневитиновъ, Н. Рожалинъ, и С. Соболевскій“ (стр. 46—47).

Первымъ соредакторомъ Погодина былъ Рожалинъ, лицо, къ сожалѣнію, мало извѣстное, но о которомъ вотъ что говоритъ біографъ друга его Веневитинова, А. П. Пятковскій: „Умный труженикъ, знатокъ нѣмецкой и древне-классической литературы и партизанъ новаго, болѣе жизненнаго направленія въ искусствѣ, Рожалинъ скоро сталъ необходимъ для поэта, который, конечно, быстро сравнивался съ нимъ въ умственномъ развитіи. Природные инстинкты Веневитинова, отвлекавшіе его отъ застоя въ литературѣ и ложно-классическихъ авторитетовъ, были закрѣплены тщательнымъ изученіемъ Шекспира, на котораго Рожалинъ настойчиво указалъ ему. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ отъ Рожалина только кропотливые переводы изъ нѣмецкихъ писателей; но при всемъ усердномъ труженничествѣ, составлявшемъ отличительную черту этого характера, онъ не былъ лишенъ и того поэтического отбѣнка, который привлекалъ къ нему Веневитинова“ („Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“, 2-е изд., стр. 318). Свидѣтельству этому можно довѣрять потому, что авторъ свѣдѣнія свои извлекалъ не только изъ бумагъ Веневитинова, но и изъ показаній близкихъ его родственниковъ. Погодинъ мало довѣрялъ Рожалину: „Я не чувствую“, говоритъ онъ въ дневникѣ своемъ, — „сердечной довѣренности къ Рожалину, а умственную. Ему даже пріятно будетъ, кажется, если надо мной посмѣется кто-нибудь; онъ рѣшительно не заступится, какъ Дми-

трій Венеитиновъ. Можетъ быть, я оскорбилъ его такимъ подозрѣніемъ. Дай Богъ“ (Барсуковъ, стр. 79). Еще въ 1827 году Погодинъ разошелся съ Рожалинымъ, и по требованію главныхъ сотрудниковъ, соредакторомъ сдѣлался Шевыревъ, который и продолжалъ работать въ журналъ до своего отъѣзда въ Италію въ 1829 году. Шевырева мы знаемъ больше, чѣмъ Рожалина; живы еще многіе и слушавшіе его лекціи, и знавшіе его лично. Многочисленные труды Шевырева въ рукахъ у всѣхъ, занимающихся русскою литературою: тѣмъ не менѣе полного и правильнаго сужденія о Шевыревѣ до сихъ поръ еще не произнесено. До сихъ поръ еще помнится насмѣшливое отношеніе къ нему Бѣлинскаго и другихъ, а можетъ быть даже ѣдкая шутка Некрасовскаго альманаха „Первое Апрѣля“. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нѣкоторыя стороны характера Шевырева подавали поводъ къ насмѣшкѣ и, можетъ быть, даже къ нерасположенію къ нему. Онъ былъ черезъ-чуръ цвѣтистъ въ своихъ лекціяхъ, рѣшался иногда описывать въ газетахъ великосвѣтскіе балы; такъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1847 (а можетъ быть, и 1846 года) описывалъ онъ балъ у Римскаго Корсакова въ „железномъ, какъ въ народѣ, называютъ домѣ“¹⁾. Страсть Шевырева къ великосвѣтскости у одного изъ студентовъ сороковыхъ годовъ вызвала ѣдкую сатиру, въ которой авторъ такъ обращается къ Шевыреву:

Не ты ли желтыя перчатки
Принесъ на кафедру съ собой?

Эстетическое чувство нерѣдко покидало Шевырева. Онъ въ Московскомъ Наблюдателѣ превозносилъ Бенедиктова и въ Москвитянинѣ совершенно не понялъ Лермонтова. Болѣзненно раздражительное самолюбіе Шевырева создало ему много враговъ и въ литературѣ, и въ университетѣ. Но не одни эти обстоятельства были причиною дурной репутаціи Шевырева: ревностный, хотя и не всегда разумный, патріотъ и человекъ глубоко религіозный, Шевыревъ усердно восхвалялъ древнюю Русь въ противоположность новой. Въ наше время эта сторона дѣятельности Шевырева возбудила бы большее сочувствіе, а увлеченія его и цвѣтистость изложенія ушли бы на второй планъ. Но не такъ было въ сороковыхъ годахъ. Большинство людей того времени осудило Шевырева, а послѣдующее поколѣніе не пересмотрѣло этого строгаго приговора. А между тѣмъ русской

¹⁾ Домъ Корсакова на Страстномъ бульварѣ, гдѣ нынѣ школа живописи, окрашенъ въ краску желзнаго цвѣта.

наукѣ есть за что вспомнить Шевырева и за что помянуть его добромъ. Въ Московскомъ Вѣстникѣ Шевыревъ помѣстилъ разборъ „Елены“ Гетевской, появившейся тогда отдѣльно. Разборы этого произведенія тогда же были сдѣланы французомъ Амперомъ и великимъ Карлейлемъ. Вотъ что писалъ Гете по этому поводу: „Шотландецъ стремится проникнуть въ произведеніе, французъ понять его, русскій себя присвоить. Такимъ образомъ, гг. Карлейль, Амперъ, и Шевыревъ вполнѣ представили, не сговорившись, всѣ категоріи возможнаго участія въ произведеніи искусства или природы“ (Барсуковъ, стр. 180) ¹⁾. Въ тридцатыхъ годахъ, возвратясь изъ Италіи, Шевыревъ помѣстилъ въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета (въ 1833 году) очень хорошую статью о Данте. Въ то же время онъ издалъ прекрасную диссертацию на степень доктора: „Теорія изящнаго въ историческомъ развитіи“, гдѣ изложены всѣ главныя эстетическія теоріи, начиная отъ грековъ, до новѣйшихъ временъ. Книга эта до сихъ поръ сохраняетъ свою цѣну. „Исторія русской словесности“ Шевырева еще и нынѣ должна быть изучаема специалистами этого предмета. Масса рукописнаго матеріала впервые здѣсь принята во вниманіе историкомъ и положена въ основаніе стройнаго цѣлостнаго изложенія. Лекціи Шевырева по исторіи русской и всеобщей литературы всегда были полны содержаніемъ, не смотря на риторическую одежду. Шевыревъ, едва ли не первый изъ русскихъ профессоровъ внесъ въ свое преподаваніе исторію русскаго языка, хотя и въ краткомъ видѣ. Лично Шевыревъ тамъ, гдѣ не задѣто было его самолюбіе, былъ человекомъ благосклоннымъ; таковъ онъ былъ въ отношеніи къ студентамъ, которыхъ, въ качествѣ декана, нерѣдко защищалъ и поддержи-

---

¹⁾ Въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828 г. помѣщено было письмо Гете къ Борхарду, въ которомъ говорится, что хотя онъ уже зналъ по переводамъ русскихъ повтовъ, что эстетическое образованіе стоитъ въ Россіи высоко, „но, не смотря на то, для меня все еще было неожиданнымъ встрѣтить въ отношеніи ко мнѣ, на отдаленномъ Востокѣ, чувства столь же нѣжныя, сколько глубокія, коиъ милѣе и привлекательнѣе врядъ ли мы можемъ найти на нашемъ Западѣ, уже многія столѣтія идущемъ къ образованію. Разрѣшеніе проблемы или, точнѣе сказать, узла проблемъ, предложенныхъ въ моей Еленѣ, разрѣшеніе столь же удовлетворительное, проникательное, сколько простосердечное—не могло не удивить меня, хотя я и привыкъ уже испытывать, что нельзя по прошедшему времени судить о быстротѣ успѣховъ новѣйшаго“ (*Моск. Вѣстникъ*, часть IX, стр. 320—330).

валъ. Вообще безпристрастная біографія и оцѣнка Шевырева были бы очень цѣннымъ вкладомъ въ исторію русской литературы.

Душой Московскаго Вѣстника въ первое время его существованія былъ Д. В. Веневитиновъ, лучшимъ памятникомъ котораго служили слѣдующія слова Погодина, напечатанныя въ его газетѣ Русскій въ 1867 году, то-есть, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ смерти Веневитинова. „Дмитрій Веневитиновъ былъ любимцемъ, сокровищемъ всего нашего кружка. Всѣ мы любили его горячо. Точно такъ предшествовавшее поколѣніе, поколѣніе Жуковскаго, относилось къ Андрею Тургеневу, а слѣдующее, забредшее на другую дорогу, къ Николаю Станкевичу. Въ Карамзинскомъ кружкѣ это мѣсто занималъ Петровъ. И всѣ четыре поколѣнія лишились безвременно своихъ представителей, какъ будто принося искупительныя жертвы. Двадцать пять лѣтъ собирались мы, остальные, въ этотъ роковой день, 15-го марта въ Симоновъ монастырь, служили панихиду, и потомъ обѣдали вмѣстѣ, оставляя одинъ приборъ для отбывшаго друга“ (Барсуковъ, стр. 92). Самое направленіе журнала дано было ему Веневитиновымъ, что ясно видно изъ статьи, печатающейся въ его сочиненіяхъ подъ названіемъ „Нѣсколько мыслей въ планъ журнала“. Въ статьѣ этой Веневитиновъ, указавъ сперва на слабое развитіе нашей литературы и на шаткость господствующихъ въ ней понятій, затѣмъ говоритъ: „Надобно бы совершенно остановить нынѣшній ходъ Русской словесности, и заставить ее болѣе думать, нежели производить. Нельзя скрыть отъ себя трудности такого предпріятія. Оно требуетъ тѣмъ болѣе твердости въ исполненіи, что отъ самой Россіи не должно ожидать никакого участія; но трудность можетъ ли остановить сильное намѣреніе, основанное на правилахъ вѣрныхъ и устремленное къ истинѣ? Для сей цѣли надлежало бы нѣкоторымъ образомъ устранить Россію отъ нынѣшняго движенія другихъ народовъ, закрыть отъ взоровъ ея всѣ маловажныя происшествія въ литературномъ мірѣ, бесполезно развлекающія ея вниманіе, и опираясь на твердыя начала философіи представить ей полную картину развитія ума человѣческаго, картину, въ которой она видѣла бы свое собственное предназначеніе. Сей цѣли, кажется, вполне бы удовлетворило такое сочиненіе, въ коемъ разнообразіе предметовъ не мѣшало бы единству цѣлаго и представляло бы различныя примѣненія одной постоянной системы. Такое сочиненіе будетъ журналъ, и его вообще можно будетъ раздѣлять на двѣ части: одна должна представлять теоретическія изслѣдованія самаго ума и свой-

ства его; другую можно будетъ посвятить примѣненію сихъ же изслѣдованій къ исторіи наукъ и искусствъ... Философія и примѣненіе оной ко всѣмъ эпохамъ наукъ и искусствъ — вотъ предметы, заслуживающіе особенное наше вниманіе, предметы тѣмъ болѣе необходимыя для Россіи, что она еще нуждается въ твердомъ основаніи изящныхъ наукъ, и найдетъ сіе основаніе, сей залогъ своей самобытности и слѣдственно своей нравственной свободы въ литературѣ, въ одной философіи, которая заставитъ ее развить свои силы и образовать систему мышленія" (изд. 1829—1834 гг., ч. II, стр. 29—31).

Московскій Вѣстникъ, на сколько было возможно при тогдашнемъ умственномъ развитіи и при наличныхъ силахъ, является осуществленіемъ этого завѣта Веневитинова. Статьи общаго философскаго и эстетическаго содержанія занимаютъ въ немъ видное мѣсто; сотрудники его переводятъ статьи эстетическія и историческія изъ Аста, Фихте, братьевъ Шлегелей, изъ Шеллингова журнала, изъ Гете, Герена, Гердера и Киве и т. д. Сами они пишутъ статьи въ томъ же направленіи. Такъ, Шевыревъ пишетъ „Разговоръ о возможности найти единый законъ для изящнаго“, Погодинъ — свои „Афоризмы“, въ которыхъ есть и парадоксъ, и молодая незрѣлость мысли, но въ которыхъ замѣтно пробивается оригинальность, и видны слѣды значительной начитанности и привычки къ размышленію: Погодинъ въ то время еще не боялся общихъ выводовъ. Въ Московскомъ же Вѣстникѣ помѣстилъ онъ свои любопытныя „Мысли какъ писать исторію и географію“. Въ критическомъ отдѣлѣ мы встрѣчаемся не только съ желаніемъ слѣдить за текущею русскою и иностранною литературой, но и съ замѣчательными сужденіями о произведеніяхъ изящнаго искусства. Кромѣ указанной статьи Шевырева объ „Еленѣ“, нельзя не упомянуть о статьѣ Кирѣевскаго „Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина“, до сихъ поръ не утратившей своего значенія ¹⁾. Благодаря участию Кеппена, Погодинъ вносилъ въ Московскій Вѣстникъ свѣдѣнія о славянскихъ народахъ. Роль Кеппена въ развитіи славяновѣдѣнія въ Россіи только недавно достойно оцѣнена въ замѣчательной книгѣ А. А. Кочубинскаго „Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ графъ Руманцовъ“.

¹⁾ Статья эта была подписана—9—11, но значеніе этой подписи было раскрыто въ одной изъ послѣдующихъ книжекъ *Моск. Вѣстника*. Статья эта вошла впоследствии въ изданіе сочиненій И. В. Кирѣевскаго.

Скажемъ встать, что почтенный авторъ этой книги едва ли не слишкомъ уже строгъ къ Погодину. Въ особенности усердно слѣдилъ Московскій Вѣстникъ за книгами по русской исторіи. Статьи эти писаны по большей части самимъ Погодинымъ, и инныя поражаютъ рѣзкостью тона, напримѣръ, статья объ „Исторіи русскаго народа“ Полеваго. Повѣствовательный отдѣлъ былъ довольно бѣденъ, но и въ немъ помѣщались не лишеныя достоинства повѣсти самого Погодина, а главное переводы замѣчательныхъ иностранныхъ произведеній, напримѣръ, Шатобриана. Одна изъ переводныхъ повѣстей (переводъ сдѣланъ В. П. Титовымъ) вызвала не лишнее справедливости замѣчаніе Пушкина: „Ваша индѣйская сказка „Переправа“ въ европейскомъ журналѣ обратитъ общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености; у насъ тутъ видятъ просто повѣсть и находятъ ее глупою. Чувствуете разницу?“ (письмо отъ 31-го августа 1827 г.). Въ томъ же письмѣ встрѣчаемся съ любопытнымъ замѣчаніемъ Пушкина: „За одну статью Вяземскаго въ Телеграфѣ отдамъ три дѣльныхъ статьи Московскаго Вѣстника. Его критика, положимъ, несправедлива, но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія рѣзко оригинальны: онъ мыслить, сердить и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста“.

Стихотворный отдѣлъ Московскаго Вѣстника блисталъ именами выдающихся поэтовъ той эпохи: на страницахъ его мы встрѣчаемъ стихотворенія Пушкина, Баратынскаго, Языкова, Давыдова; въ Московскомъ Вѣстникѣ читатели, едва ли не впервые, начинаютъ знакомиться съ поэтическимъ талантомъ Хомякова ¹⁾. Теперь

---

¹⁾ Н. П. Барсуковъ, сообщающій попутно много свѣдѣній о людяхъ, съ которыми Погодинъ былъ въ сношеніяхъ, приводитъ слѣдующее любопытное свидѣтельство графа Остенъ-Сакена о юношѣ Хомяковѣ: „Въ физическомъ, нравственномъ и духовномъ воспитаніи Хомяковъ былъ едва ли не единица. Образованіе его было поразительно превосходно, и я во всю жизнь не встрѣчалъ ничего подобнаго въ юношескомъ возрастѣ. Какое возвышенное направленіе имѣла его поэзія! Онъ не увлекся направленіемъ въка къ поэзіи чувственной. У него все нравственно, духовно, возвышенно... Обладалъ силою воли, не какъ юноша, но какъ мужъ, искушенный опытомъ. Строго исполнялъ всѣ посты по уставу Православной Церкви, и въ праздничные и воскресные дни посѣщалъ всѣ богослуженія. Въ то время было уже значительное число вольнодумцевъ, денетовъ, и многіе глумились надъ исполненіемъ уставовъ Церкви, утверждая, что они установлены для черни. Но Хомяковъ внашалъ къ себѣ такую любовь и уваженіе, что никто не позволялъ себѣ коснуться его вѣрованій“ (стр. 29).

мы можемъ считать Московскій Вѣстникъ журналомъ очень хорошимъ, но для тогдашней публики, пользуясь сравненіемъ Гамлета, мы должны сказать: „онъ былъ слишкомъ деликатнымъ блюдомъ“. Сами друзья Погодина указывали ему на несоотвѣтствіе журнала съ требованіями и вкусами публики. Мы уже видѣли письмо, въ этомъ смыслѣ, Пушкина; еще рѣзче, въ томъ же духѣ приводимыя у Н. П. Барсукова обличительныя письма В. П. Титова. Дѣйствительно, тогдашней публикѣ (а можетъ быть, и не одной тогдашней) многія статьи Московскаго Вѣстника казались не только сухими, но даже совсѣмъ непонятными. Такъ, въ нѣсколькихъ книжкахъ Московскаго Вѣстника 1830 года тамъ помѣщалась замѣчательно остроумная статья „Взглядъ на кабинетъ изъ журналовъ“, въ которой журналы сравниваются съ европейскими державами и извѣстными историческими лицами (Полевой съ Дмитріемъ Самозванцемъ). Статья эта, писанная, по преданію, Погодинымъ (слышано отъ Грановскаго ¹⁾) требуетъ для пониманія своего обширныхъ историческихъ свѣдѣній, какихъ никогда нельзя предполагать въ большинствѣ читающихъ. Самое сильное негодованіе противъ Московскаго Вѣстника и въ публикѣ, и въ литературныхъ кругахъ возбудило помѣщеніе замѣчаній Арцыбышева по „Исторіи Государства Россійскаго“. Почтенный труженикъ Арцыбышевъ посвятилъ тридцать лѣтъ на сводъ лѣтописныхъ извѣстій не для того, какъ думаютъ нынѣ нѣкоторые, чтобы доказать недостоверность лѣтописей, а для того чтобы утвердить русскую исторію на прочныхъ фактическихъ основаніяхъ. Сводъ этотъ, не смотря на изданіе послѣ него лѣтописей и другихъ источниковъ, до сихъ поръ не потерялъ своей цѣны, и С. М. Соловьевъ въ первое время своей профессорской дѣятельности, отправляясь на лекціи, неизмѣнно просматривалъ соотвѣтствующія страницы Арцыбышева. Не смотря, впрочемъ, на наше глубокое уваженіе къ памяти этого замѣчательнаго работника, мы должны признаться, что онъ лишенъ былъ и художественнаго чутья, и литературнаго такта. Рѣзкость тона, неясное пониманіе чужихъ мыслей, не допускающее возраженій самолюбіе были его прирожденными чертами, еще усиленными житьемъ въ захолустномъ городѣ. Замѣчанія на „Исторію Государства Россійскаго“ написаны въ тонѣ рѣзкомъ, чуждомъ всякаго пониманія литературнаго и общественнаго приличія.

¹⁾ Надѣмся, что Н. П. Барсуковъ въ слѣдующемъ томѣ подтвердитъ или опровергнетъ это преданіе.

Часто они несправедливы, еще чаще мелки, тѣмъ не менѣе занимающійся русскою исторіей найдетъ въ нихъ не мало вѣрнаго и стоящаго вниманія. Погодинъ, самъ далеко не отличавшійся изяществомъ тона, далеко не раздѣлявшій въ ту пору безусловнаго поклоненія Карамзину, постоянно стоявшій за свободу научной полемики, напечаталъ эти замѣчанія ¹⁾. Н. П. Барсуковъ считаетъ статью Арцыбашева, какъ и статьи Надеждина о Пушкинѣ, какимъ-то посягательствомъ на народную славу. Съ такою точкой зрѣнія мы никакъ согласиться не можемъ. Посягательство предполагаетъ злонамѣренность, а въ двухъ данныхъ случаяхъ мы видимъ только отсутствіе литературнаго вкуса и ложную теорію. Въ такихъ случаяхъ литературная полемика—самое лучшее средство противодѣйствія. Не такъ взглянули на это дѣло современники, въ особенности друзья Карамзина. Помѣщеніе этихъ замѣчаній имѣло, какъ мы видимъ изъ книги Н. П. Барсукова, печальныя послѣдствія для Погодина: благодаря негодованію приверженцевъ Карамзина, онъ не получилъ мѣста адъюнкта Академіи Наукъ, на которое такъ разчитывалъ, что даже заявлялъ объ этомъ печатно въ Московскомъ Вѣстникѣ ²⁾.

Погодинъ въ тѣ годы былъ не только журналистомъ, но и преподавателемъ университетскимъ. Съ 1825 года онъ преподавалъ всеобщую исторію студентамъ перваго курса, а въ 1829 ему порученъ былъ курсъ новой и русской исторіи на этико-политическомъ отдѣленіи (юридическій факультетъ). Свои историко-философскія воззрѣнія Погодинъ выразилъ въ „Историческихъ афоризмахъ“, печатавшихся въ Московскомъ Вѣстникѣ. Слѣдующія выписки изъ этихъ афоризмовъ познакомятъ насъ съ характеромъ его воззрѣній: „Исторія“, говоритъ Погодинъ,—„должна изъ всего рода человѣческаго сотворить одну единицу, одного человѣка, и представить біографію сего человѣка. Многочисленные народы, жившіе и дѣйствовавшіе въ продолженіе тысячелѣтій, доставятъ въ сію біографію, можетъ быть, по одной чертѣ“ (Московскій Вѣстникъ 1827 г., т. I, стр. 109). „Родъ человѣческій идетъ діагональю. Есть люди на свѣтѣ, которые

¹⁾ Да и позднѣе Погодинъ принималъ историческое, а не безусловное значеніе „Исторія Государства Россійскаго“.

²⁾ Къ сожалѣнію, когда я писалъ свой некрологъ Погодина, мнѣ не извѣстно было, что еще въ *Москвитянинѣ* Погодинъ помѣстилъ воспоминаніе объ этомъ случаѣ, согласное съ тѣмъ, что говоритъ Н. П. Барсуковъ. Еслибъ я это зналъ, то не повторилъ бы ложнаго преданія, будто вступленію Погодина въ Академію воспрепятствовало смѣшеніе его съ Полевымъ.

стоятъ на верхней точкѣ сей діагонали (человѣческаго образованія), которые суть соль земли;—но сколько такихъ, до коихъ свѣтъ просвѣщенія еще не доходилъ, какъ до насъ свѣтъ иной звѣзды, надъ млечнымъ путемъ находящейся! И всѣ точки сей діагонали, всѣ ступени на сей лѣстницѣ заняты.—Точно то же должно сказать и о народахъ, государствахъ. Исторія беретъ каждое изъ нихъ съ первой его ступени и доводитъ до той, на коей оно состоитъ теперь, показывая вмѣстѣ и взаимное ихъ вліяніе:—какъ сія электрическая сила пробѣгаетъ черезъ всѣ кольца длинной цѣпи и сообщаетъ удары крайямъ“.— „Есть одинъ законъ, по коему образуется человѣчество,— но въ каждомъ народѣ ходъ сего образованія измѣняется вслѣдствіе разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и дѣло частнаго историка показать, какимъ образомъ и при какихъ причинахъ происходитъ сіе измѣненіе, какъ отражается въ частныхъ явленіяхъ общій законъ и проч.“ (тамъ же, стр. 110) „Не надобно привязываться къ именамъ собственнымъ. Иначе, необходимо, исторія всякаго предмета прерывается. Надобно забыть въ семъ отношеніи грековъ, персовъ, индѣйцевъ, а смотрѣть на одинъ предметъ свой: на образованность ли, на искусства ли и т. п. Персы, греки, индѣйцы должны быть въ глазахъ нашихъ разными формами, въ коихъ послѣдовательно проявлялась разсматриваемая нами идея. Такимъ образомъ откроется положительно то, что теперь только предугадывается: вездѣ наблюдается одинъ законъ“ (тамъ же стр. 111—112).— „Время настоящее есть плодъ прошедшаго и сѣмя будущаго. Другими словами, въ исторіи идетъ геометрическая прогрессія. Когда историки найдутъ среднее пропорціональное число, то будутъ предвѣщать и будущее, какъ они прорекаютъ прошедшее“ (тамъ же, стр. 114).— „Человѣкъ и природа сначала бывають связаны узами неразрывными и имѣютъ одну общую исторію (точно какъ въ младенцѣ бываетъ не возможно различить явственно тѣло отъ души), и человѣкъ долго остается рабомъ земли, имъ обитаемой, и зависитъ отъ нея. Здѣсь должно искать преимущественно источниковъ различія въ древнихъ языческихъ религіяхъ, образахъ правленія и проч.—(Отсюда ясно понять можно и отношеніе географіи и вообще естественной исторіи къ исторіи). Чѣмъ болѣе человѣкъ образовывается, тѣмъ болѣе духовная часть его совершенствуется, тѣмъ болѣе выходитъ онъ изъ-подъ власти природы вещественной и изъ раба ея дѣлается властелиномъ. Такъ душа младенческая безусловно повинуется тѣлу, а мужъ можетъ управлять и страстями“ (Московскій Вѣстникъ 1829 г., т. VI,

стр. 508—509). Откровенный взгляд Погодина въ то время на движеніе русской исторіи высказывается въ слѣдующей замѣткѣ его дневника: „Я давно уже раздѣлилъ руссійскую исторію на два періода. Первый феодализмъ съ Рюрика, второй деспотизмъ съ Іоанна III. — Третьему сѣмья положено 14-мъ декабря. Первое европейское явленіе Россіи было въ 1812 году. Дотошъ дѣйствія ея были частныя. Іоаннъ III утвердилъ самодержавіе, а первый прочный шагъ къ нему сдѣланъ за 150 лѣтъ до него Іоанномъ Калитою въ Москвѣ, а Калита сдѣлалъ сей шагъ только при помощи монголовъ, а монголы могли пособить ему только по покореніи Россіи, а Россія покорена (отчасти) отъ раздѣленія на удѣлы, и такъ изъ самаго феодализма черезъ многіе процессы родился деспотизмъ. Къ новой перемѣнѣ шагъ сдѣланъ 14-мъ декабря, и сіе 14-е декабря къ будущему относится какъ Іоаннъ Калита къ Іоанну III“ (Барсуковъ, т. II, стр. 18).

Ясно, что не изъ этихъ мыслей развился будущій Погодинъ, и что мысли эти явились у него подъ вліяніемъ недавнихъ еще умственныхъ теченій и катастрофы, которою они разрѣшились. Изъ нашего обзора Московскаго Вѣстника и сдѣланныхъ нами выписокъ изъ „Афоризмовъ“ видно, что мысль Погодина въ то время направлена была къ общеполитическимъ и научнымъ вопросамъ, а не къ политическимъ. Мы мало знаемъ о профессорской дѣятельности Погодина въ эти первые годы. Біографъ его говоритъ слѣдующее: „Кипучая дѣятельность Погодина на поприщѣ журнальномъ мало удѣляла ему до сихъ поръ времени для дѣятельности университетской. Вообще въ это время онъ былъ слишкомъ развлеченъ житейскими попеченіями, въ чемъ самъ откровенно сознавался, а потому онъ и стремился въ деревенское уединеніе, чтобы тамъ достойнымъ образомъ приготовить себя къ высокому служенію на кафедрѣ московскаго университета“ (Барсуковъ, т. II, стр. 402). Самъ Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Отсѣлъ три вечера въ недѣлю на приготовленіе къ лекціямъ русской исторіи“ (тамъ же). Слѣдовательно, мнѣніе біографа требуетъ нѣкотораго ограниченія. Изъ письма Погодина къ Шевыреву мы отчасти узнаемъ содержаніе его тогдашняго курса. Вотъ что онъ пишетъ: „Теперь устраиваю замѣчанія на 1-й томъ „Исторіи“ Карамзина. За ними послѣдуетъ поверхностное описаніе исторіи для шестнадцати-лѣтняго молодого человѣка, которое уже написано у меня, но вылеживается. Это были первыя лекціи, коими я началъ нынѣ курсъ въ университетѣ. Я читаю теперь тамъ руссійскую исторію преимущественно въ кри-

тическомъ отношеніи, и излагаю всѣ изысканія до перваго періода, всѣ мнѣнія въ подробностяхъ (Барсуковъ, т. II, стр. 402—403). Изъ рецензій Погодина видно также, что онъ въ это время не мало занимался разными вопросами русской исторіи. Конечно, изъ сочиненія Н. П. Барсукова видно, что подвижная натура Погодина выводила его изъ уединенной кабинетной жизни. Мы видимъ его то на сборищахъ пріятелей, то проводящимъ почти цѣлые дни за картами (у Аксаковыхъ), то предающимся мечтаніямъ, порождаемымъ его платоническою любовью къ княжнѣ Трубецкой. Изъ разказа біографа мы узнаемъ, что повѣсть „Адель“, написанная еще въ 1827 году и напечатанная уже въ 1830 году (Московскій Вѣстникъ, т. V), заключаетъ въ себѣ автобіографическій интересъ. Въ ней Погодинъ подъ вымышленными именами излагаетъ свои мечтанія о томъ, какъ, женившись на княжнѣ Трубецкой, поселился бы онъ въ деревнѣ, окружилъ бы себя предметами искусства и предался бы занятіямъ литературой и наукой. Конечно, самое содержаніе повѣсти иное, чѣмъ въ дѣйствительности,—для насъ важны только мечтанія. Одно время Погодинъ думалъ, что княжна можетъ быть счастлива съ Веневитиновымъ, мысленно уступалъ ему ее и наивно записывалъ въ своемъ дневникѣ всѣ свои мечтанія. Однажды, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, я уже указывалъ на странное смѣшеніе въ характерѣ Погодина мечтателя съ практическимъ человѣкомъ. Этимъ смѣшеніемъ, по моему мнѣнію, многое объясняется въ очень сложномъ характерѣ Погодина.

Въ заключеніе, не можемъ не поблагодарить Н. П. Барсукова за сообщаемый имъ обильный матеріалъ для исторіи умственнаго развитія русскаго въ двадцатыхъ годахъ. Н. П. Барсукову какъ будто жаль иногда не подѣлиться съ публикою имѣющимся у него матеріаломъ, хотя бы матеріалъ этотъ не имѣлъ никакого значенія, или имѣлъ весьма мало значенія для біографіи Погодина. Такъ, на примѣръ, онъ сообщаетъ подробныя свѣдѣнія объ юбилеѣ Лодера, который къ Погодину имѣлъ только то отношеніе, что описанъ въ Московскомъ Вѣстникѣ, о засѣданіи Академіи Наукъ по случаю столѣтняго юбилея, на которомъ Погодинъ не присутствовалъ, но на которомъ онъ выбранъ былъ въ члены-корреспонденты, переписываетъ разказъ Аксакова о пріѣздѣ его въ Москву, разказъ, правда, прелестный, но къ Погодину не относящійся; сообщаетъ свѣдѣнія о предкахъ Арцыбышева, нисколько не характеризующія дѣятельность этого ученаго. Иногда для объясненія сообщенія свѣдѣній посторон-

нихъ, авторъ прибѣгаетъ къ искусственнымъ переходамъ: такъ, подробно разказывая столкновение Каченовскаго съ С. Н. Глинкой (стр. 264—276), въ которомъ участія Погодина не видно, онъ дѣлаетъ слѣдующее вступленіе. „Вмѣсто эпилога къ описанной нами полемикѣ Арцыбышева и союзника его Погодина, предметомъ которой была „Исторія Государства Россійскаго“ Карамзина, мы сдѣлаемъ нѣкоторое отступленіе, въ которомъ представимъ, что гг. критики, прикрываясь высшими интересами науки и весьма нецеремонно относясь къ особѣ и творенію Карамзина, презрительно называя людей, возмущавшихся ихъ грубостью, слѣпными поклонниками, прихожанами, свѣтскими невѣжами, что эти критики были весьма щекотливы къ своей собственной особѣ“. Надѣмся, что въ слѣдующихъ томахъ авторъ послѣдуетъ совѣту Пушкина и будетъ свое изложеніе „отъ отступленій очищать“.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

HANDBÜCHER DER ALTEN GESCHICHTE: Aegyptische Geschichte von *A. Wiedemann*.—Babylonisch-Assyrische Geschichte von *P. Tiele*.—Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaironeia von *Georg Busolt*. Gotha. 1888.

Въ апрѣльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1887 годъ, разбирая новыя исторіи Греціи—Бузольта и Гольма, мы сказали вообще нѣсколько словъ о достоинствахъ серіи руководствъ по древней исторіи, издаваемой Пертесомъ въ Готѣ. Въ настоящее время предъ нами лежатъ три новыхъ тома этой серіи, и если мы снова хотимъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы рекомендовать эти книги нашимъ учащимъ и учащимся, то къ этому насъ побуждаетъ столько же достоинство новыхъ выпусковъ этихъ пособій, сколько и то обстоятельство, что, въ русской литературѣ до сихъ поръ нѣтъ подобныхъ полезныхъ изданій, и нѣтъ надежды на скорое появленіе таковыхъ. Введеніе новаго университетскаго устава, новыхъ экзаменаціонныхъ программъ и экзаменаціонныхъ комиссій создало спросъ на университетскія руководства, и на книжномъ рынкѣ появляются работы, отчасти только предназначенныя удовлетворенію этой потребности, отчасти же дѣйствительно пригодныя для этой цѣли. Упомянемъ, на примѣръ, о лекціяхъ покойныхъ русскихъ профессоровъ: Аландскаго (по исторіи Греціи), Петрова (по средней и новой исторіи), о вновь изданныхъ лекціяхъ по римской литера-

туръ г. Модестова, по исторіи русскаго языка г. Соболевскаго, о греческихъ государственныхъ древностяхъ г. Латышева и т. д. Съ другой стороны, г. Андреевъ своимъ переводомъ 2-го изданія Всеобщей исторіи Георга Вебера думалъ идти на встрѣчу — ощущаемой потребности имѣть общедоступное изложеніе хода всемірной исторіи, какъ для образованной публики вообще, такъ и для учащихся. Но трудно ожидать, чтобъ у насъ нашелся издатель для такого рода книгъ, какъ упомянутыя пособія по древней исторіи Пертеса. А до тѣхъ поръ нашимъ учащимся придется пользоваться иностранными изданіями, такъ какъ безъ нихъ совершенно не возможна плодотворная самостоятельная работа студентовъ, особенно по отдѣламъ, которые пока не преподаются въ нашихъ университетахъ, какъ напримѣръ, исторія востока, не имѣющая у насъ пока представителей, и потому или не преподаваемая вовсе, или преподаваемая только въ видѣ общаго введенія, или въ видѣ курса археологіи искусства древняго востока.

Общую цѣль названныхъ пособій мы уже имѣли случай указать, да она и безъ того ясна для всякаго. Авторы должны ознакомить читателей съ количествомъ и качествомъ выдающихся монументальныхъ и писанныхъ источниковъ, съ исторіей критической обработки ихъ и съ предшествовавшими попытками представить полную картину исторической жизни народа; затѣмъ на основаніи источниковъ и при помощи трудовъ своихъ предшественниковъ представить собственное изложеніе, краткое, но охватывающее всѣ стороны жизни, политической и культурной, хотя и съ предпочтеніемъ первой. Не всѣ учащіеся и учителя смогутъ самостоятельно изучать даже немногіе отдѣлы исторіи всѣхъ народовъ; но было бы желательно, чтобы всякій имѣлъ приблизительное представленіе о томъ, въ какомъ положеніи находится научная обработка исторіи главныхъ культурныхъ народовъ древности, и какіе результаты добыла наука. Это и есть приблизительно то, что даютъ эти пособія.

Исторію древняго Египта обработалъ А. Видеманнъ, профессоръ въ Боннѣ, уже извѣстный пространною обработкой части этой исторіи. Для настоящаго изданія онъ имѣлъ возможность ознакомиться ближе со всѣми главными музеями и изданіями, а такъ какъ самъ онъ принимаетъ очень живое участіе въ истолкованіи источниковъ и въ разработкѣ детальныхъ вопросовъ, то нужно предположить, что онъ дѣйствительно вполне ориентированъ въ своей области. Не будучи въ состояніи судить о научномъ достоинствѣ труда, мы можемъ сослаться

на отзывъ спеціалиста (проф. Эрмана въ Берлинѣ). Удобства же, на которыя можемъ указать и мы, большею частью внѣшнія, именно необычайная ясность, точность, краткость, но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточная живость разказа, прекрасная характеристика религіозной жизни и вѣровавій египтянъ, языкъ простой, но точный. Отдѣлъ объ источникахъ занимаетъ значительное мѣсто; изложеніе и здѣсь таково, что чтеніе совершенно не утомляетъ, такъ какъ дается не простой перечень, а дѣйствительная характеристика. Если опредѣленный объемъ книги и не позволилъ автору спеціально остановиться на каждой сторонѣ культурной жизни египтянъ, то онъ дѣлаетъ это все же на столько, на сколько оно необходимо для того, чтобы факты политической исторіи не казались намъ мертвыми. Исторія востока по необходимости всегда будетъ преимущественно культурною исторіей,—этого не долженъ забывать ни одинъ историкъ востока. Очень недавно проф. Видеманнъ издалъ дополненіе къ своимъ двумъ томамъ египетской исторіи. Египтологія—наука новая, и сводить въ одно результаты научной обработки предмета, въ чемъ именно и состоитъ задача пособія, есть задача столько же трудная сколько неблагодарная. Одна надпись можетъ тутъ заставить иногда не только сдѣлать незначительную фактическую поправку, но и перемѣнить взглядъ на цѣлую группу явленій. Поэтому такому пособию скорѣе, чѣмъ всякому другому научному труду, грозитъ опасность устарѣть. Для устраненія этого недостатка проф. Видеманнъ и издалъ этотъ третій выпускъ (въ 78 стр.), въ которомъ онъ, на основаніи новаго богатаго матеріала, пополняетъ первые томы, одновременно внося и новыя или пропущенныя въ первыхъ частяхъ библиографическія данныя, для того, чтобы его книга, дѣйствительно, могла считаться полнымъ пособіемъ. Остачавливаться подробнѣе на поправкахъ и дополненіяхъ автора, почти къ каждой страницѣ его труда, разумѣется, нѣтъ необходимости. Но стоитъ только бросить одинъ взглядъ на этотъ дополнительный выпускъ, чтобы увидѣть, какъ громадна въ настоящее время литература по всѣмъ отдѣламъ египтологіи, и по справедливости оцѣнить достоинство такихъ трудовъ, какъ исторія Египта Видеманна, всеобщая исторія древности (т. I. Исторія древняго востока) Эд. Мейера и т. д.

То же самое, что было сказано объ исторіи Египта, можно сказать объ исторіи Ассиріи и Вавилона, имѣющей своимъ авторомъ лейденскаго профессора Тиле. Вообще собраніе Пертеса стоитъ выше собранія исторій Онкена, среди которыхъ, по общему признанію, есть

настоящіе перлы исторической науки, между тѣмъ какъ другія не стоятъ и бумаги, на которой напечатаны. Еще первый томъ труда проф. Тиле во всей ученой нѣмецкой критикѣ встрѣтилъ весьма сочувственный приѣмъ. Въ настоящее время вышелъ второй томъ, не менѣе заслуживающій того. Онъ занимаетъ эпоху отъ вступленія на престолъ Сеннахерима до завоеванія Вавилона Киромъ, то-есть, второй ассирійскій и второй вавилонскій или ново-халдейскій періодъ; разказъ о событіяхъ каждаго періода занимаетъ приблизительно по 100 страницъ. Когда читаешь исторію немногихъ царствованій этихъ двухъ періодовъ, то становится яснымъ, какъ безконечно много дало недолговременное еще изученіе клинообразныхъ надписей. Въмѣсто отрывочныхъ свѣдѣній, почерпаемыхъ у Геродота, Бероза и изъ книгъ пророковъ, теперь ассиріологъ можетъ дать намъ не только полный, безъ значительныхъ пробѣловъ, разказъ, но и представить на основаніи многочисленныхъ данныхъ живыя характеристики лицъ и иногда даже характеристику вѣшняго вида если, какъ отъ Навуходоносора, сохранились ихъ изображенія.

Разказъ свой Тиле во 2-мъ томѣ начинаетъ съ эпохи, сравнительно болѣе интересной и болѣе извѣстной, именно съ царя Сеннахерима (704—681 гг.), ведшаго цѣлый рядъ войнъ противъ Халдеи, арамейскихъ племенъ, противъ союза западныхъ народовъ подъ главенствомъ Египта, въ числѣ которыхъ былъ и Іезекія, царь Іудеи, и т. д. Относительно похода противъ послѣдняго Тиле сопоставляетъ ассирійское преданіе съ библейскимъ и съ разказомъ Геродота. Безчисленныя войны и возстанія не помѣшали Сеннахериму заняться возстановленіемъ и украшеніемъ Ниневіи; Тиле довольно подробно останавливается и на описаніи этихъ построекъ и сооружений. Характеристика Сеннахерима, какъ и остальныхъ царей этой эпохи, чрезвычайно живая. Дѣйствующія лица ассирійско-вавилонской исторіи уже не представляются намъ безразличною группой людей, — тутъ вполне возможна индивидуализація. Въ концѣ каждой главы прибавлены аналекты, заключающія въ себѣ критическій обзоръ источниковъ относительно всякаго отдѣльнаго, важнаго событія царствованія и разборъ всѣхъ данныхъ, могущихъ служить къ опредѣленію хронологіи. Между источниками первое мѣсто занимаютъ надписи (изданныя для этой эпохи Г. Смитомъ), затѣмъ фрагменты Бероза и Абидена. Менандръ Тирскій, Геродотъ и ветхій завѣтъ.

Историческая критика извѣстій ветхаго завѣта, составляющая предметъ ревностныхъ занятій у нѣмцевъ и англичанъ, дала весьма часть сс. XII отд. 2.

важные результаты, и труды въ родѣ Вельгаузена и Блэка („Введеніе въ ветхій завѣтъ“), конечно, служатъ важнымъ пособіемъ для историковъ древняго востока.

Царствованіе Эзарадана (681—669 гг.) также наполнено многочисленными войнами, но и этотъ царь все-таки продолжалъ украшеніе Ниневіи, воздвигнувъ себѣ большой дворецъ, для котораго подчиненные народы доставляли ему матеріалъ. Онъ же построилъ храмы въ Ассурѣ и возстановилъ городъ Вавилонъ около 678 года. Обо всемъ этомъ авторъ говоритъ кратко, но интересно. Царствованію Ассурбанипала посвящено цѣлыя четыре главы, изъ которыхъ особенно интересна послѣдняя. Въ ней разказывается о постройкахъ царя и о его библиотекѣ, которая сохранилась до нашего времени. Между произведеніями этой библиотеки не послѣднее мѣсто занимаютъ разказы самаго Ассурбанипала, отличающіеся богатствомъ языка. Впрочемъ, онъ былъ не первый собиратель библиотекъ, и по мнѣнію ученыхъ ассириологовъ предстоитъ еще большое обогащеніе отъ подобныхъ находокъ. Тиле подробно разбираетъ вопросъ о томъ, какъ могло возникнуть несправедливое преданіе относительно извѣженности Ассурбанипала (Сардананала). Въ связи съ исторіей послѣднихъ ассирійскихъ царей посвящены маленькія статьи первоначальной исторіи Мидіи, а также киммерійцамъ и скиамъ.

Особенно интересны главы, касающіяся эпохи Навуходоносора; изъ нихъ первая занимается войнами противъ Египта, Іудеи и Финикіи, а вторая имѣетъ своимъ предметомъ мирную дѣятельность царя: его храмы въ Вавилонѣ и Борзиннѣ, новыя укрѣпленія въ Вавилонѣ и Борзиннѣ, его новый дворецъ. Третья глава даетъ живую и теплую характеристику Навуходоносора, въ которомъ Тиле видитъ „одного изъ величайшихъ царей древности; на его аристократическомъ лицѣ выражались рѣшительность и непреклонная сила воли. Онъ не былъ мягокъ и гуманенъ въ современномъ смыслѣ слова, но онъ и не находилъ удовольствія въ такой суровости, каковую часто примѣняли другіе ассирійскіе цари. Его надписи не свидѣтельствуютъ о надменности и самовосхваденіи. Искренняя набожность сказывается во всѣхъ ихъ. Его молитвы такъ чисты и возвышенны и свидѣлствуютъ о такомъ глубокомъ и искреннемъ религіозномъ чувствѣ, что набожный израильтянинъ могъ бы произнести ихъ, замѣнивъ имена Марудука и Вавилона именемъ своего бога и Іерусалима. Навуходоносоръ послѣднее великое историческое лицо этой эпохи. Онъ мужественъ и набоженъ, рѣшителенъ и великодушенъ, онъ настоящій

король; ему изъ предшественниковъ равны немногіе, изъ послѣдующихъ правителей Вавилона только Дарій, сынъ Гистаспа; его превосходить изъ предшественниковъ только Саргонъ II; изъ послѣдующихъ только Киръ“.

Но тѣмъ незначительнѣе были ближайшіе наслѣдники Навуходоносора, и это было причиною того, что Вавилонъ былъ взятъ Киромъ, царемъ персидскимъ. Этимъ событіемъ и заканчивается разказъ Тиле. Но за политической исторіей Ассиріи и Вавилоніи авторъ посвящаетъ еще 125 страницъ ассиро-вавилонскимъ древностямъ. Определить древность ассирійской культуры авторъ не берется, также какъ не считаетъ возможнымъ съ точностью разграничить, на сколько эта культура самостоятельна, и на сколько въ ней заимствованнаго изъ древнѣйшей культуры древнихъ халдеянъ—несомитовъ. Во всякомъ случаѣ фактъ, что культура распространилась отъ берега Персидскаго залива къ сѣверу, подтверждаемый и преданіями, и локализацией древнѣйшихъ мѣстовъ въ прибрежныхъ мѣстахъ, почти не можетъ подлежать сомнѣнію. На югѣ же находились древнѣйшія государства; югу принадлежатъ могущественнѣйшія божества, съ юга произошелъ, быть можетъ, даже господствующій въ Вавилонѣ классъ, бывший тамъ представителемъ высшаго образованія. Слѣдуетъ ли считать ассирійскую культуру самою древнею, какъ думаетъ Гоммель, на этотъ вопросъ Тиле не отвѣчаетъ, хотя не считаетъ этого невозможнымъ. Правленіе было въ Ассиріи и Вавилоніи монархическое, съ религиознымъ (теократическимъ) характеромъ. Что монархіи предшествовалъ аристократическій образъ правленія, не можетъ быть доказано. Что цари обоготворялись здѣсь, какъ въ Египтѣ, авторъ оспариваетъ. Ассирійская монархія произошла изъ сліянія нѣсколькихъ мелкихъ государствъ, изъ коихъ нѣкоторыя и послѣ объединенія сохранили свободу, платя Ассиріи дань, а въ другихъ управляли намѣстники. Хотя ассирійскіе и вавилонскіе цари вообще пользовались неограниченною властью, они все-таки совѣщались съ выдающимися сановниками, а также съ учеными и жрецами. Вопросъ о придворныхъ чинахъ авторъ разбираетъ довольно подробно, сводя часто неясныя или даже противорѣчивыя данныя. Наслѣдственности чиновъ онъ не признаетъ. На ряду съ вопросомъ объ администраціи разбирается вопросъ объ организаціи войска. Что касается законовъ, то къ сожалѣнію, изъ нихъ ничего не сохранилось. Для характеристики нравовъ царей, двора и народа не сохранилось достаточно данныхъ. Прекрасенъ отдѣлъ о религіи ассирянъ и вавилонянъ. Здѣсь же дѣлается

нѣсколько общихъ замѣчаній объ устройствѣ храмовъ и характеризуются остатки преданій и эпическихъ повѣствованій. Авторъ полагаетъ, что у вавилонянъ существовала развитая догматика, хотя изученіе источниковъ еще недостаточно подвинулось впередъ, чтобы можно было характеризовать ее въ деталяхъ. Сомнѣнія не можетъ быть относительно существованія вѣры въ безсмертіе души. Такъ какъ религія проникала во всѣ сферы жизни, люди не только должны были желать, но и считать возможнымъ узнать волю боговъ и будущее, такъ что у нихъ существовалъ цѣлый рядъ оракуловъ, а жрецы съ особеннымъ рвеніемъ занимались астрологіей. Въ отдѣлѣ о литературѣ и науцѣ заключаются интересныя экскурсіи о происхожденіи азбуки, объ исторіи клинообразнаго письма и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ у Тиле короткій разборъ мифическихъ и космогоническихъ разказовъ, историческихъ записей, гимновъ и другихъ стихотвореній, пословицъ, басенъ и т. д. На вопросъ о времени происхожденія этой литературы отвѣта еще не можетъ быть; что же касается ея значенія, то она не заслуживаетъ „*ni set excès d'honneur, ni cette indignité*“. „Если такъ-называемая халдейская книга Исхода дѣйствительно есть часть большаго цѣльнаго сочиненія, то она содержитъ въ себѣ космогонію и теогонію, весьма важную для познанія развитія религіозной мысли и сравнительной исторіи религіи; но ставить ее на ряду съ поэмами Гезіода просто непростительно. И эпическія повѣствованія ассиріянъ въ литературномъ отношеніи не выдерживаютъ сравненія не только съ *Иліадой* или *Одиссеей*, *Магабгаратой* или *Рамаяной*, и того еще менѣе съ *Ригведой*, ни даже со столь возвышенными въ своей простотѣ и столь человѣчными разказами евреевъ о судьбахъ своихъ патріарховъ. Только лирика приближается по значенію къ подобнымъ же произведеніямъ другихъ литературъ“. Впрочемъ, отъ этой литературы остались слишкомъ небольшіе отрывки, и для полнаго уразумѣнія ея слишкомъ еще мало сдѣлано. Во всякомъ случаѣ можно сказать съ вѣроятностью, что ассиріане почти исключительно переписывали произведенія вавилонянъ, что, впрочемъ, не даетъ еще права отказать имъ совершенно въ оригинальности. Они стояли къ вавилонянамъ, вѣроятно, приблизительно въ такомъ же отношеніи, какъ римляне къ грекамъ, то-есть, были учениками, далеко отставшими отъ учителей. То же можно сказать и относительно науки. Значительнаго развитія изъ наукъ достигли астрономія и математика; но всѣ научныя изысканія имѣли чисто практическое значеніе и фантазія въ нихъ играла такую же роль, какъ точныя наблюденія.

Болѣ выдающееся положеніе ассиріане и вавилоняне занимаютъ по искусству, въ которомъ они много дали своеобразнаго и оригинальнаго. Къ счастью, изъ произведеній искусства очень много и сохранилось, и эта отрасль весьма обработана. Прекрасное изложеніе даетъ извѣстное сочиненіе Перро и Шипье (*Histoire de l'art*, t. II), котораго и придерживается Тиле по существу. Признавая, что египетское искусство имѣло сильное вліяніе на ассиро-вавилонское, Тиле однако не признаетъ, что послѣднее имѣетъ египетское происхожденіе, а думаетъ, что оно коренится въ древне-халдейскомъ искусствѣ, достигшемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже такого совершенства, что всѣ дальнѣйшія эпохи кажутся эпохами упадка. Причину этого Тиле видитъ въ расовомъ различіи, такъ какъ семиты, занимая въ общемъ выдающееся положеніе въ исторіи культуры и будучи народомъ очень даровитымъ, однако не создали въ архитектурѣ и скульптурѣ ничего выдающагося самостоятельно. Ихъ значеніе состоитъ въ сохраненіи древнихъ традицій, которыя переняли персы и греки, и лишь у нихъ послѣднихъ началось самостоятельное высшее развитіе искусства. Но между семитами ассиріане и вавилоняне все-таки занимаютъ первое мѣсто. Характеристикой отдѣльныхъ вѣтвей искусства и практической дѣятельности ассиро-вавилонянъ и разборомъ вопроса о вліяніи ихъ на другіе народы Тиле заканчиваетъ свою книгу. „Народъ, который не только въ политической исторіи игралъ такую выдающуюся роль“, говоритъ онъ, — „но и на ходъ развитія культуры имѣлъ такое значительное вліяніе, заслуживаетъ общаго и лучшаго знакомства, чѣмъ какаго онъ удостоивался до сихъ поръ, и къ нему не слѣдуетъ относиться такъ свысока презрительно, какъ это дѣлали иногда даже великіе историки. Я старался привести свою лепту для справедливѣйшей оцѣнки его. Моя цѣль состояла въ томъ, чтобы по самымъ источникамъ, на сколько они доступны въ настоящее время, нарисовать картину этого народа и его исторіи, но въ этой характеристикѣ не дать больше мѣста фантазій, чѣмъ это необходимо для того, чтобы изъ достовѣрныхъ и въ научномъ отношеніи важныхъ данныхъ составить хоть нѣсколько связанное цѣлое. Пробѣлы, которые я, не смотря на то, долженъ былъ оставить во многихъ мѣстахъ, будутъ пополнены, можетъ быть, позднѣйшими открытіями. Въ исторіи древнѣйшихъ періодовъ, конечно, не менѣе другихъ интересныхъ, я принципиально былъ весьма остороженъ. Многое, чтò другими считается уже достовѣрнымъ, совершенно не упомянуто мною, такъ какъ кажется мнѣ недостаточно обоснованнымъ для того, чтобы

пользоваться имъ въ курсѣ исторіи, хотя между этими гипотезами есть многія, которыя и мнѣ кажутся не невѣроятными. Если поэтому мою исторію древнѣйшаго періода называли иногда недостаточною, то я противъ этого не возражаю, но прибавляю, что она составлена такъ преднамѣренно, такъ какъ по моему мнѣнію источники для того періода еще недостаточны. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ, что постоянно продолжаемыя, строго методическія изысканія какъ о первыхъ временахъ, такъ и о позднѣйшихъ вѣкахъ этой исторіи, прольютъ все больше свѣта и дадутъ намъ возможность поправить ошибки и пополнить пробѣлы“.

Обработка исторіи римской республики возложена издателемъ на вюрцбургскаго профессора Урлихса, но эти части еще не вышли. За то окончены уже два тома исторіи Римской имперіи Герм. Шиллера. Первый томъ этой исторіи, появившійся двумя отдѣленіями въ двухъ выпускахъ, уже былъ рассмотрѣнъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія профессоромъ Виноградовымъ.

Исторія Греціи появилась въ изданіи Пертеса въ обработкѣ профессора Бузольта. О первомъ томѣ мы говорили на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Затѣмъ вышелъ второй томъ, разказывающій исторію персидскихъ войнъ и дальнѣйшую исторію Аттики. По внѣшней своей формѣ новый томъ отличается отъ перваго только тѣмъ, что для большей ясности и наглядности проведено болѣе подробное дѣленіе, такъ что каждый параграфъ дѣлится здѣсь еще на отдѣлы. Что касается содержанія, то вообще сокращенъ матеріалъ, касающійся древностей. Въ примѣчаніяхъ болѣе мѣста занимаютъ вопросы по критикѣ источниковъ, такъ какъ приходится излагать не по однимъ первичнымъ авторамъ, а потому необходимо указать, на сколько Плутархъ и другіе авторы пользовались сочиненіями современниковъ; особенно подробно говорится на надлежащемъ мѣстѣ о Геродотѣ и Эфорѣ.

Къ результатамъ новѣйшихъ изслѣдованій источниковъ, особенно Ад. Шмидта, Бузольтъ относится въ общемъ скептически. Передъ каждою главой и въ этомъ томѣ дается общій обзоръ источниковъ и литературы. Въ изложеніи фактовъ политической исторіи Бузольтъ старался быть возможно подробнымъ, думая сократить изложение исторіи IV вѣка, для чего имѣется прекрасное пособие въ трудѣ Шефера: „Демосеенъ и его время“.

Останавливаться подробнѣе на изложеніи отдѣльных періодовъ и разборѣ отдѣльных вопросовъ нѣтъ надобности. Какъ въ первомъ

томъ, такъ и здѣсь, Бузольтъ при случаѣ останавливается на разныхъ специальныхъ вопросахъ. Такъ, въ самомъ началѣ ему приходится говорить о податной и монетной системѣ въ Персіи; здѣсь же въ связи съ исторіей возстанія іоническихъ городовъ дается характеристика ученія іоническихъ философовъ, по случаю разказа о борьбѣ грековъ съ кароагенянами — характеристика Пивагора, Ксенофана и Парменида, поэта Симонида, Эпихарма, Эмпедокла, монетной системы въ греческихъ колоніяхъ и т. д. Что касается разказа объ историческихъ событіяхъ, наприимѣръ, о персидскихъ войнахъ или о періодѣ Перикла, то можно бы требовать нѣсколько большей живости и отъ пособія для учащихся. Отъ этого разказа, конечно, выигралъ бы больше, чѣмъ отъ излишней подробности. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о характеристикѣ такихъ дѣятелей, какъThemistocles и Aristides. Но не станемъ перечислять ни преимуществъ книги, ни ея недостатковъ. Достаточно, что ее можно назвать вполнѣ удовлетворяющею своему назначенію.

А. Нейфельдъ.

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга V. М. 1888.

Положеніе историка, какъ изслѣдователя, невыгодно отличается отъ положенія естествоиспытателя между прочимъ тѣмъ, что предметомъ его изслѣдованій служатъ явленія динамическаго характера, а область его работъ ограничена размѣрами, сохранившагося до его дней матеріала. Это обстоятельство въ свою очередь ведетъ къ двумъ печальнымъ для него послѣдствіямъ: съ одной стороны, ему приходится иногда наблюдать весьма сложныя явленія по единичнымъ случаямъ, и на основаніи какого-нибудь одного, ему извѣстнаго, факта опредѣлять нормы развитія явленія; съ другой, въ виду случайности границъ находящагося въ его распоряженіи матеріала — постоянно опасаться неполноты, а слѣдовательно, и неустойчивости своихъ заключеній. Поэтому всякая попытка сохранить историческій матеріалъ отъ всепожирающаго времени представляется историкъ въ высшей степени цѣнною, а исторія такихъ попытокъ имѣетъ для него особаго рода специальный и субъективный интересъ. Но если онъ отрѣшится отъ субъективной точки зрѣнія и перейдетъ на болѣе объективную почву, то вглядываясь въ исторію такихъ попытокъ,

онъ прежде долженъ будетъ обратить вниманіе на образованіе и развитіе того учрежденія, которому поручено было собраніе, храненіе и отчасти классификація историческаго матеріала; въ большей или меньшей степени вниманія правительства къ такого рода задачамъ ему не трудно будетъ замѣтить нѣкоторое отраженіе политическаго самосознанія, болѣе или менѣе яснаго пониманія правительствомъ тѣхъ неразрывныхъ узъ, которыми настоящая его дѣятельность связана съ далекимъ прошлымъ; наконецъ, въ отношеніяхъ самого общества къ такому учрежденію и его сокровищамъ, въ характерѣ тѣхъ справокъ, и научныхъ занятій, которыя будутъ въ немъ производиться, ему отчасти возможно будетъ обнаружить слѣды общественныхъ интересовъ даннаго времени.

На всѣ эти вопросы, по скольку они касаются нашей отечественной исторіи, мы встрѣтимъ болѣе или менѣе удовлетворительный и полный отвѣтъ въ недавно появившейся пятой книгѣ описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, книгѣ, главное содержаніе которой составляютъ изслѣдованія гг. Гоздаво-Голомбѣевскаго, Ардашева и Шимка по исторіи разряднаго, вотчиннаго архивовъ и архива старыхъ дѣлъ. Работы эти однако, посвящены вопросамъ, которые отчасти и ранѣе затронуты были въ нашей литературѣ. Еще въ концѣ 30-хъ годовъ появились краткія историческія свѣдѣнія объ архивѣ вотчиннаго департамента, напечатанныя при вѣдомости о хранящихся въ немъ дѣлахъ ¹⁾; въ 40-хъ годахъ труды П. И. Иванова дали возможность хотя бы въ общихъ чертахъ ознакомиться съ исторіей и содержаніемъ архивовъ разряднаго и старыхъ дѣлъ ²⁾, а „Обозрѣніе учреждений, коихъ документы поступили въ архивъ юстиціи“, помѣщенное въ первой книгѣ описанія его бумагъ ³⁾ прибавило новыя свѣдѣнія къ уже ранѣе извѣстнымъ. Всѣ эти работы представляются, однако, лишь краткими очерками въ сравненіи съ тѣми объемистыми изслѣдованіями, какія по тѣмъ же вопросамъ появляются въ настоящее время въ пятой книгѣ описанія архива. Подробнѣйшія свѣдѣнія объ образованіи ар-

¹⁾ Описаніе первой степени архива. вотчиннаго департамента. М. 1839, стр. 3—7. Изданіе это представляетъ не описаніе, а только вѣдомость дѣламъ, хранящимся въ архивѣ.

²⁾ П. Ивановъ. Описаніе государственнаго Разряднаго архива. М. 1842 и Описаніе государственнаго архива старыхъ дѣлъ М. 1850.

³⁾ Описаніе архива Министерства Юстиціи, т. I. М. 1869, стр. XIII—XXXVIII.

живовъ разряднаго, вотчиннаго и старыхъ дѣлъ, объ ихъ управленіи, и помѣщеніяхъ, о храненіи въ нихъ, разборкѣ и описаніи дѣлъ, наконецъ—о справкахъ, которыя ими выдавались до 1812 года вмѣстѣ съ любопытными приложеніями,—вотъ тѣ вопросы, разработкѣ которыхъ посвящены сочиненія гг. Гоздаво-Голомбѣвскаго, Ардашева и Шимва.

Образованіе архива старыхъ дѣлъ представляется намъ довольно яснымъ, благодаря сохранившимся, сравнительно недавнимъ, документамъ объ его открытіи въ 1783 году и о приѣмѣ поступавшихъ въ него дѣлъ. Но вопросъ о происхожденіи архивовъ разряднаго и вотчиннаго разрѣшается не такъ легко. Г. Гоздаво-Голомбѣвскій признаетъ существованіе архива при разрядѣ еще до пожара 1626 года, ибо говоритъ, что „большой московскій пожаръ 3-го мая уничтожилъ древнѣйшую часть архива приказа“ (стр. 2); однако, „самостоятельное“ существованіе разряднаго архива, по его мнѣнію, началось не ранѣе 1711 года, то-есть, времени упраздненія разряда (стр. 1). Между тѣмъ нѣсколько ниже (стр. 25) авторъ доказываетъ, что разрядный архивъ „до окончательнаго переселенія сената въ С.-Петербургъ“, то-есть, во всякомъ случаѣ до 24-го ноября 1713 года“, по прежнему находился въ зависимости отъ разряднаго стола“, которому, какъ извѣстно, велѣно было быть по указу отъ 22-го февраля 1711 года въ канцеляріи при правительствующемъ Сенатѣ вмѣсто разряднаго приказа. Отношенія разряднаго архива къ разрядному столу или канцеляріи послѣ 1713 года до передачи разрядныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе герольдмейстера въ 1722 году также остаются неясными. Дьякъ Иванъ Улановъ, состоявшій у „описи разрядныхъ дѣлъ“ до 4-го января 1719 года (стр. 27), былъ, по словамъ г. Гоздаво-Голомбѣвскаго (стр. 29), „все-таки болѣе или менѣе самостоятельнымъ начальникомъ“, такъ какъ по его смерти въ 1719 году“ разрядныя дѣла и приведеніе ихъ въ порядокъ были переданы въ непосредственное завѣдываніе дьяка Гавріила Окунькова, который состоялъ въ канцеляріи сената правленія съ начала того же года.

Въ болѣе опредѣленныхъ чертахъ представляется авторомъ дальнѣйшая судьба архива; съ 1722 по 1763 годъ онъ находился въ завѣдываніи герольдмейстера и учрежденныхъ при немъ конторъ и канцелярій, послѣ присоединенія на короткое время къ первому и шестому департаментамъ сената, слился съ Московскимъ сенатскимъ архивомъ (чему начало положено было еще въ 1735 году, когда оба

архива поручены были вѣдѣнію одного секретаря) и получилъ новыя штаты по указу отъ 15-го декабря того же 1763 года.

Въ своей исторіи вотчиннаго архива г. Ардашевъ также попытался рѣшить вопросъ о времени образованія архива при помѣстномъ приказѣ. По его мнѣнію, названія архива въ XVII ст. еще не было" (стр. 166), „хотя самый архивъ помѣстнаго приказа сложился задолго до XVIII столѣтія и успѣлъ уже не мало времени существовать; что начало его надо искать несомнѣнно въ XVII столѣтіи" (стр. 168). „Всѣ наши свѣдѣнія о томъ времени", продолжаетъ авторъ,—„ограничиваются только тѣмъ, что къ 1626 году въ помѣстномъ приказѣ были дѣла и указы, что въ 1626 году они всѣ сгорѣли. Больше ничего не извѣстно. На этомъ и надо остановиться, не восходя далѣе" (стр. 168). Но на этомъ, однако, нельзя остановиться по той причинѣ, что есть и болѣе точныя указанія на состояніе дѣлъ Помѣстнаго приказа послѣ пожара 3-го мая. „А вынесены дѣла, которыя были у подъячихъ въ ящикахъ и помѣстныхъ дачъ отпуски въ столпигѣхъ... изъ помѣстнаго приказа взяты къ бояромъ въ розныя приказы", читаемъ мы въ извѣстномъ докладѣ отъ 26-го мая послѣ пожара 1626 года ¹⁾.

Писцовыя книги (и имъ подобныя), какъ справедливо полагаетъ г. Ардашевъ (стр. 170), должны были послужить основаніемъ образованія помѣстнаго архива, хранились особо и даже составили отдѣленіе, извѣстное впоследствии подъ названіемъ „подлинной архивы". Автора, однако, смущаетъ пожаръ 1626 года. „Другой вопросъ", пишетъ онъ (стр. 171),—„какъ и когда онѣ (то-есть, книги) очутились въ помѣстномъ приказѣ, какъ онѣ уцѣлѣли въ 1626 году отъ пожара, если находились тамъ, или ихъ тогда не было еще въ помѣстномъ приказѣ. Здѣсь можно ограничиться только предположеніемъ, что онѣ были по городамъ, по воеводствамъ (?); но рѣшать этого вопроса нельзя за неимѣніемъ данныхъ" (стр. 171). Предположеніе автора о томъ, что писцовыхъ и имъ подобныхъ книгъ не было въ помѣстномъ приказѣ во время пожара 1626 г. прямо противорѣчитъ свидѣтельству вышеупомянутаго доклада, въ которомъ сказано, что писцовыя, дозорныя и отдѣльныя книги сгорѣли въ помѣстномъ приказѣ ²⁾. Всѣ ли онѣ сгорѣли или нѣтъ, во всякомъ случаѣ недостаю-

¹⁾ Указная книга Помѣстнаго приказа ст. I, въ Христоматіи по исторіи Русскаго права. М. Владимирскаго-Буданова, вып. III (изд. 1-е), стр. 202.

²⁾ Ibidem, стр. 202.

щѣ экземпляры отчасти могли быть, и дѣйствительно были пополнены благодаря возможности подыскать соотвѣтствующіе имъ списки или черновыя, хранившіеся не въ помѣстномъ приказѣ. Такъ, извѣстно, что писцы получали списки съ находившихся въ помѣстномъ приказѣ прежнихъ книгъ для приправки, то-есть, частью для руководства, „для вѣдома имяны селъ и деревень“, частью и для исправленія и пополненія новымъ описаніемъ этихъ книгъ, списки, которыхъ по окончаніи переписи не возвращали назадъ въ приказъ, во всякомъ случаѣ не успѣли возвратить до пожара 1626 года ¹⁾. Писцы хранили у себя также „черные книги“, ибо подавали въ приказъ однѣ бѣловыя. Этими черновыми помѣстный приказъ также воспользовался послѣ пожара ²⁾. Списки съ писцовыхъ книгъ оставались писцами или выдавались впослѣдствіи не только воеводамъ въ сѣзжіа избы, но бывали и у водостныхъ цѣловальниковъ, и также были взяты въ Москву, когда сгорѣли ихъ подлинники, лежавшіе въ помѣстномъ приказѣ ³⁾. Наконецъ, г. Ардашевъ упустилъ изъ виду, что писцовыя книги хранились еще и въ областныхъ частяхъ, напримѣръ, Устюжской, Костромской, Новгородской, гдѣ и могли уцѣлѣть отъ пожара ⁴⁾.

Помѣстный архивъ состоялъ при приказѣ до времени упраздненія послѣдняго. Приказъ, переименованный указомъ 2-го февраля 1720 г. „по звычайному европскому повсюду званію чинному“ канцеляріей вотчинныхъ дѣлъ, послѣ недолговременной зависимости (съ 1719 г.) отъ юстицъ-коллегіи, 18-го января 1721 года получилъ самостоятельное значеніе подъ наименованіемъ вотчинной коллегіи, при которой оставался и самый архивъ до 1763 года. Съ этого времени

¹⁾ Ibidem, стр. 204. Въ писцовыхъ книгахъ встрѣчаемъ довольно часто ссылки и сравненія, которыя дѣлаютъ писцы съ книгами предшествующаго описанія, данными имъ для приправки. См., напримѣръ, Писцов. кн. Воротыискаго уѣзда. 7134—7135 г. въ Имп. Публ. Библ. F IV, 389 и Древлехран. М. Погодина, № 1530 л. послѣдній. Писц. кн. г. Муромъ. 7144 г. тамъ же. Q IV, 231, л. 147. А. Э., т. IV, № 14.

²⁾ Указная книга Помѣстнаго приказа, ст. I въ Христоматіи *М. Владимірскаго-Буданова*, вып. III, стр. 203.

³⁾ Ibidem, стр. 212—213. „А въ города для писцовыхъ и дозорныхъ и платжныхъ книгъ и государевыхъ грамотъ и отдѣльныхъ и отказныхъ книгъ указали (царь и патріархъ) послать свои государевы грамоты... и взять ихъ въ Москву а „въ городахъ оставить противни“. Оброчныя книги Вятскаго уѣзда 7137 года, въ Имп. Публ. Библ., Q IV, 257, л. 144 и др.

⁴⁾ А. И., т. IV, №№ 24, 188, 189. Доп. къ А. И., т. VI, № 14. А. о. до Ю. Б., т. III, № 315.

онъ получилъ свои штаты, а въ 1786 году сталъ самостоятельнымъ учрежденіемъ и извѣстенъ подъ названіемъ „государственнаго архива прежнихъ вотчинныхъ дѣлъ“ (стр. 156—173).

Таковы главнѣйшіе выводы гг. Гоздаво-Голомбѣвскаго, Ардашева и Шимка о происхожденіи и образованіи тѣхъ важнѣйшихъ древлехранилищъ, изъ которыхъ съ теченіемъ времени сложился архивъ министерства юстиціи. Постепенно приобрѣтая самостоятельное значеніе, они вмѣстѣ съ тѣмъ пополнялись новыми поступлениями разныхъ бумагъ изъ упраздняемыхъ учреждений. На основаніи большаго частью не изданнаго матеріала г. Гоздаво-Голомбѣвскій показываетъ намъ, какимъ образомъ разрядный архивъ сложился изъ присоединенія къ дѣламъ разряднаго приказа — дѣлъ Малороссійскаго и Сибирскаго приказовъ, герольдмейстерской и печатной конторъ, дѣлъ по Молдавіи, Валахіи и „съ извѣстнымъ титуломъ“ (то-есть, всѣхъ бумагъ, въ которыхъ упоминается Іоаннъ Антоновичъ, какъ императоръ) и, наконецъ, сенатскаго архива (стр. 13—24). Г. Ардашевъ слѣдитъ за поступленіемъ въ Вотчинный архивъ дѣлъ изъ архивовъ: разряднаго и иностранной коллегіи, изъ Казанскаго комиссарства и Казанской губернской канцеляріи, Сибирскаго приказа, дворцовой канцеляріи и конторы, Преображенскаго, пушкарскаго и патріаршаго приказа, Троице-Сергіевской лавры, синодальной экономической канцеляріи, ямской канцеляріи и конторы; Петербургской губернской канцеляріи (стр. 206—212); наконецъ гг. Шимко и Гоздаво-Голомбѣвскій даютъ столь же подробныя свѣдѣнія объ образованіи архива старыхъ дѣлъ изъ бумагъ ямской и бергъ-конторъ, дѣлъ предохранительной отъ моровой язвы комиссіи, статсъ-конторы, канцеляріи Конфискаціи, главной соляной конторы, коллегіи экономіи, полицеймейстерской канцеляріи, комиссіи о воеводахъ дмитровскомъ Жеребцовъ и пензенскомъ Жуковъ, суднаго приказа, юстиць-коллегіи, экспедиціи по винокуренымъ заводамъ, главнаго магистрата, Московскаго городского магистрата, департамента комиссіи строеній Москвы и С.-Петербурга, Московской губернской канцеляріи, розыскной и Московской монетной экспедиціи, тайной канцеляріи и дѣлъ Преображенскаго приказа; наконецъ, дѣлъ милиціи, камеръ- и ревизіонъ-коллегій (стр. 506—445). Авторы, какъ видно, располагаютъ всѣ эти поступленія въ хронологическомъ порядкѣ; удобнѣе, можетъ быть, было бы придержи-ваться хотя бы внѣшней системы и разсматривать ихъ по группамъ однородныхъ учреждений, приказамъ, коллегіямъ, конторамъ, канцеляріямъ и т. д., дѣла которыхъ поступали въ архивъ, что пытался

сдѣлать одинъ изъ болѣе раннихъ изслѣдователей вопроса ¹⁾. Не имѣло бы также при описаніи образованія архива старыхъ дѣлъ обратить вниманіе на поступленіе въ него дѣлъ изъ патриаршихъ приказовъ. Правда, они непосредственно въ архивъ не поступали, а еще раньше присоединены къ учрежденіямъ, бумаги которыхъ вслѣдъ затѣмъ переданы въ архивъ старыхъ дѣлъ. Такъ, дѣла патриаршаго разряда (за исключеніемъ дѣлъ, касающихся патриаршихъ помѣстій и вотчинъ, поступившихъ въ вотчинный архивъ) въ 1700 году перешли въ судный приказъ, дѣла дворцоваго и казеннаго патриаршихъ приказовъ въ 1738 году переданы въ коллегію экономин, и вмѣстѣ съ дѣлами суднаго приказа и коллегіи экономин затѣмъ сданы въ архивъ старыхъ дѣлъ ²⁾. Тѣмъ не менѣе въ виду ихъ историческаго значенія необходимо было бы указать, какимъ образомъ дѣла патриаршихъ приказовъ перешли въ этотъ архивъ.

Обстоятельное описаніе поступленій разныхъ бумагъ въ архивы смѣняется въ исторіи архивовъ гг. Гоздаво-Голомбѣвскаго, Ардашева и Шимка столь же обстоятельнымъ изложеніемъ ихъ управленія, помѣщенія, храненія, разборки и описанія въ нихъ дѣлъ. Мы не можемъ слѣдить здѣсь шагъ за шагомъ за тою массою фактовъ, которые приводятся авторами по всѣмъ этимъ вопросамъ и доселѣ оставались болѣе частью неизвѣстными. Нѣкоторые вопросы, изложены, можетъ быть, даже слишкомъ подробно, какъ на примѣръ, мелкія свѣдѣнія о заготовленіи разныхъ сундуковъ, шкаповъ, переплетовъ; но другимъ, напротивъ, желательно было бы имѣть болѣе указавій. Быть архивскихъ чиновниковъ, на примѣръ, представляетъ за это время много характерныхъ чертъ, о чемъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, приведеннымъ въ пятой книгѣ описанія. Типическимъ является въ этомъ отношеніи хотя бы слѣдующій разказъ. Въ 1788 году января 5-го дня второй членъ ассессоръ архива старыхъ дѣлъ Соймоновъ объявилъ присутствію архива, что „пришедъ въ архивъ, нашелъ дневальнаго канцеляриста Степана Бѣльскаго безъ всякаго чувствія пьянаго и шумящаго и неоднократно мною уговариванъ былъ, чтобы отъ того воздержался, точю недовольно ослушался моего приказа, но и азартнымъ образомъ на меня непристойно кричалъ и я, вышедъ изъ границъ, хотѣлъ наказать его палками, но и въ томъ воспротивился. Сіе оставя, приказалъ его

¹⁾ П. Ивановъ. Описаніе Государственнаго Архива Старыхъ дѣлъ. М. 1850.

²⁾ П. Ивановъ. *Op. cit.*, стр. 6, 7, 10, 14, 18.

караульнымъ вахмистру и солдатамъ запереть въ особую палату, чтобы опомнился, но и въ томъ учинился ослушень и я, уже нѣтъ штатскій чинъ, отъ такой пьяной твари несу обиду, въ чемъ и испрашиваю революціи“ (стр. 465—466).

Храненіе дѣлъ въ архивахъ XVIII вѣка мало обращало на себя вниманіе правительства, а служащіе въ архивѣ также не особенно о немъ заботились. Разрядный архивъ помѣщался одно время въ зданіи, камень котораго „во многихъ мѣстахъ облопался, а мѣстами осѣлъ и между онаго камня, по швамъ, трава поросла“ (стр. 60). Вотчинный архивъ изъ Москвы переведенъ былъ на время въ Петербургъ въ Петропавловскія казармы, гдѣ сверху отъ дождей „текло великою течью“, а снизу дѣла подмачивались отъ наводненій „отъ приключившейся воды“ (стр. 292—294), а въ Москвѣ расположенъ былъ въ помѣщеніи, гдѣ недоставало 52 стеколъ, и сверху на голову канцеляристамъ падали и „сыпались мелкіе куски“ (стр. 300). При осмотрѣ архива старыхъ дѣлъ въ 1808 году министръ юстиціи вн. Лопухинъ удивленъ былъ множествомъ испортившихся дѣлъ, хотя еще въ 1790 году архивъ подалъ заявленіе въ сенатъ о томъ, что дѣла архива въ виду неудовлетворительности его помѣщенія въ короткое время могутъ изоглѣть (стр. 458, 453). Неудовлетворительность помѣщеній, накопленіе дѣлъ и перемѣщенія учрежденій нерѣдко вызывали и перевозку архивовъ, при чемъ, разумѣется терялось или портилось множество документовъ. Наконецъ, служащіе въ архивахъ иногда складывали дѣла въ кучи въ погребахъ или кладовыхъ; на этомъ и останавливались ихъ попеченія. Такъ было въ архивѣ старыхъ дѣлъ (стр. 458).

Разборка дѣлъ и ихъ описаніе по крайней мѣрѣ до 60-хъ годовъ XVIII вѣка также велись крайне небрежно. Производились они довольно быстро, но дѣла не приводились въ строго хронологическій порядокъ, вновь найденныя прибавлялись въ концы, а иногда одна и та же книга описывалась нѣсколько разъ подъ разными нумерами, отчего происходила невѣрность въ счисленіи общаго количества книгъ“ (стр. 69). Содержаніе столбцовъ, особенно при разнообразномъ ихъ составѣ, большею частью не описывалось; „сообщалось только содержаніе перваго столбца, прибавляя затѣмъ почти при каждомъ „и о прочемъ, о чемъ значить въ томъ столпу“ или „а болѣе сего разобратъ никакъ невозможно, понеже весь сгнилъ“ (стр. 77). Бывали канцеляристы, которые не боялись труда и доводили свою старательность до того, что описывали каждый отдѣль-

ный листъ всякаго дѣла „особою матеріей и статьей“ (стр. 81). Не трудно догадаться, на сколько пригодны были такого рода описи.

Всѣ эти свѣдѣнія, которыя мы находимъ въ статьѣ г. Гоздаво-Голомбѣвскаго о разрядномъ архивѣ, заставляютъ нѣсколько усумниться въ достоинствѣ описей XVIII вѣка. Поэтому крайне желательными были бы точныя указанія на тѣ изъ этихъ описей, которыя еще пригодны въ настоящее время, чего однако ни въ текстѣ, ни въ приложеніяхъ къ сочиненіямъ гг. Гоздаво-Голомбѣвскаго, Ардашева и Шимка мы, къ сожалѣнію, не находимъ.

Исторія архивовъ разряднаго, вотчиннаго и старыхъ дѣлъ заканчивается изложеніемъ тѣхъ справокъ, какія выдавались архивами, и тѣхъ научныхъ занятій, которыя въ нихъ производились до 1812 года. Изъ официальныхъ справокъ любопытна справка, выданная „коммисіи для изысканія средствъ къ уменьшенію подушнаго сбора и разсмотрѣнія нуждъ всѣхъ городовъ и земель“ въ 1727 году (стр. 345—347) изъ вотчиннаго архива; интересенъ также самый фактъ обращенія за справками въ разрядной архивъ коммисіи по составленію новаго уложенія 1737 и 1767 года (стр. 106). Частнымъ лицамъ обыкновенно нужны были справки по вопросамъ генеалогическимъ или для подтвержденія своихъ правъ на разныя недвижныя имущества. Между ними попадаются иногда довольно характерныя. Такъ, при возведеніи Шуваловыхъ въ графское достоинство въ 1746 г. требовалась изъ разряднаго архива ихъ родословная, которой однако не нашлось, несмотря на утвержденіе, что „фамилія ихъ произошла изъ Польши“ и „написана во второмъ столпѣ съ знатными фамиліями въ разрядѣ“.

Лицъ, посѣщавшихъ архивы съ цѣлью научныхъ занятій, было весьма немного. Въ разрядномъ занимались или наводили справки В. Татищевъ и Л. Максимовичъ, въ архивѣ старыхъ дѣлъ — тотъ же Л. Максимовичъ и В. Берхъ (стр. 90 прим. и 493).

Мы не разъ указывали на то, что сочиненія гг. Гоздаво-Голомбѣвскаго, Ардашева и Шимка написаны по общей для всѣхъ трехъ программѣ (предисл. стр. III). Не всѣ изслѣдователи однако поняли ее одинаково: г. Ардашевъ не удовольствовался исторіей вотчиннаго архива: онъ изложилъ ее въ связи съ исторіей помѣстнаго приказа, какъ учрежденія, древлехранилище котораго послужило основаніемъ дальнѣйшаго образованія архива. По мнѣнію г. Ардашева, „напрасно искать особаго законодательнаго постановленія о началѣ учрежденія, которое возникло постепенно изъ распоряженій при дворѣ Москов-

скаго великаго князя, а потомъ царя дѣлами по раздачѣ земель въ помѣстья и вотчины и по управленію ими" (стр. 154). Что здѣсь разумѣеть г. Ардашевъ подѣ „управленіемъ земель“, и какія это были земли,—остается не разъясненнымъ. Судя по позднѣйшимъ даннымъ, помѣстный приказъ подраздѣлялся на столы Московскій, Псковскій, Рязанскій и Владимірскій. Г. Ардашевъ однако считаетъ „начало ихъ, очевидно, связаннымъ съ началомъ помѣстнаго приказа“ (стр. 231), хотя, очевидность эта на нашъ взглядъ требуетъ еще доказательствъ. Вообще время происхожденія помѣстнаго приказа и его вѣдомства до уложенія авторъ не считаетъ возможнымъ возстановить уже потому, что пожаръ 1626 года истребилъ много дѣлъ и не имѣется „подѣ руками указной книги 1626—1649, отосланной князю Вяземскому“ (стр. 153). Но указная книга помѣстнаго приказа именно этихъ годовъ была напечатана еще въ 1842 году ¹⁾.

Опуская нѣсколько второстепенныхъ неточныхъ положеній г. Ардашева, мы не можемъ не остановиться на вопросѣ объ описаніи и размежеваніи земель, какъ одной изъ главныхъ сторонъ вѣдомства помѣстнаго приказа. Мы считаемъ опискою утвержденіе автора, что „начало такихъ описаній восходитъ къ XVI столѣтію“ (стр. 155); ибо ему, конечно, извѣстны указанія о существованіи описаній въ XIV и XV вѣкахъ ²⁾ и частью изданные подлинники отъ конца того же вѣка“. „Въ широкихъ размѣрахъ“, однако, описанія стали производиться лишь съ XVII столѣтія, „въ теченіе коего“, по мнѣнію г. Ардашева, „два раза предпринималось описаніе и межеваніе земель: первое при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ... второе—при Алексѣѣ Михайловичѣ въ восьмидесятыхъ годахъ XVII столѣтія (??), о чемъ было издано и при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и его преемникахъ нѣсколько указовъ и писцовыхъ наказовъ въ 1681, 1683, 1684 и 1686 годахъ“ (стр. 176). Последніе составлялись уже при царѣ Алексѣѣ (стр. 155). При этомъ дѣло описанія и размежеванія земель „шло въ XVII столѣтіи и началѣ XVIII столѣтія безъ всякаго измѣненія“ (стр. 177—178). Съ этими положеніями нельзя вполне согласиться. Описаній сдѣлано было не два, а четыре, въ 20-хъ, 40-хъ, 70-хъ и 80-хъ годахъ XVII вѣка, а межеваніе предпринято было при первомъ и последнемъ изъ нихъ. Писцовыя наказы выдавались не только въ 80-хъ годахъ, но даны до-

¹⁾ *Русскій Вѣстникъ* 1842 г., №№ 11, 12.

²⁾ *П. Ивановъ*. Обзорніе писцовыхъ книгъ. М. 1840, стр. 2. С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 86, 95.

зорщикамъ и писцамъ еще въ 20-хъ годахъ ¹⁾. Наконецъ, дѣло описанія въ XVII вѣкѣ шло не безъ измѣненій. Даже поверхностное сравненіе писцовыхъ книгъ 20-хъ годовъ и переписныхъ книгъ 40-хъ и 70-хъ годовъ велеть къ заключенію, что между ними существовало не только формальное, но и принципиальное различіе. Всѣ эти недочеты, впрочемъ, отчасти выкупаются тѣми любопытными свѣдѣніями, какія г. Ардашевъ сообщаетъ о городахъ, вѣдавшихся помѣстными и вотчинными дѣлами въ помѣстномъ и другихъ приказахъ (хотя эти свѣдѣнія и нельзя относить ко всему XVII вѣку), а также выводами автора о составѣ вотчиннаго архива, сложившагося изъ дѣлъ бывшаго помѣстнаго приказа, подраздѣляемыхъ имъ на четыре группы: писцовыхъ и имъ подобныхъ книгъ (подлинной архивы), не спорныхъ дѣлъ, спорныхъ челобитчиковыхъ дѣлъ и записныхъ книгъ (стр. 178—192).

Высказанныя нами замѣчанія, нисколько не умаляютъ тѣхъ достоинствъ, какими во многихъ отношеніяхъ отличаются работы гг. Гоздаво-Голомбѣевскаго, Ардашева и Шимка. Составленные на основаніи большею частью не изданнаго матеріала, онѣ сообщаютъ много полезныхъ свѣдѣній по части архивнаго дѣла въ XVIII вѣкѣ и иногда даютъ любопытныя указанія по исторіи старинной русской администраціи. Не мало цѣны имѣютъ въ этомъ отношеніи приложенія. Изъ приложеній къ труду г. Гоздаво-Голомбѣевскаго встрѣчаемъ, на примѣръ, любопытную перепись дѣламъ, вынесеннымъ изъ разряда во время пожара 3-го мая 1626 года (стр. 106—112); не мѣшаетъ замѣтить однако, что эта перепись, извѣстная ранѣе въ двухъ отрывкахъ ²⁾, недавно (а можетъ быть, и одновременно съ появленіемъ пятой книги Описанія) напечатана была въ полномъ видѣ ³⁾. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе справка о количествѣ судей и дьяковъ, засѣдавшихъ въ приказахъ, составленная по записнымъ книгамъ (стр. 127—130), которыя въ настоящее время издаются археографическою комиссіей ⁴⁾, и вѣдомость объ окладахъ помѣстныхъ и денежныхъ, выдававшихся въ XVII вѣкѣ разныхъ чиновъ людямъ, „учиненная по справкѣ“ съ боярскими книгами и жилецкими

¹⁾ С. Г. Г. и Д., т. III, № 47. Упомянутыя о наказахъ писцамъ часто встречаемъ въ подлинныхъ писцовыхъ книгахъ.

²⁾ Древн. Рос. Вивл., ч. XVI, стр. 410—420. Русск. Историч. Сборн., т. II., стр. XVI—XXII.

³⁾ Н. Лихачевъ, Разрядные дьяки XVI вѣка 1888. Прилож., стр. 31—72.

⁴⁾ Рус. Истор. Вивл. т. IX, X и XI.

и городовыхъ дворянъ списками (стр. 132—138). Вѣдомость эта въ значительной мѣрѣ напоминаетъ намъ таблицу окладовъ служилыхъ людей, составленную П. И. Ивановымъ ¹⁾. Прямое отношеніе къ исторіи центральныхъ учреждений въ Московскомъ государствѣ имѣетъ и „реестръ, какіе именно прежде были въ Москвѣ приказы, о коихъ значится въ разрядномъ архивѣ по записнымъ книгамъ“ (стр. 142—149). Свѣдѣнія, сообщаемыя въ этомъ реестрѣ о 74-хъ учрежденіяхъ, частью извѣстны, частью же являются новостью ²⁾.

Къ труду г. Ардашева также присоединены любопытныя приложенія, каковы списокъ городовъ, вѣдавшихся въ помѣстномъ и Сибирскомъ приказахъ, приказѣ посольскомъ и княжества Смоленскаго, большаго дворца и разрядѣ (стр. 362—364) и списокъ старыхъ писцовыхъ книгъ помѣстнаго приказа 1717 года (стр. 364—386). Книги, описанныя въ этомъ реестрѣ при перевозкѣ архива помѣстнаго приказа изъ Москвы въ Петербургъ (стр. 306), сохранились послѣ кремлевскаго пожара 1737 года и по настоящее время въ большинствѣ хранятся въ архивѣ министерства юстиціи ³⁾.

Трудами гг. Гоздаво-Голомбѣевскаго, Ардашева и Шимка не исчерпывается богатое содержаніе пятой книги описанія архива министерства юстиціи. Второй ея отдѣлъ занятъ „обозрѣніями и описаніями“ дѣлъ генеральнаго двора, ближней канцеляріи при Петрѣ

¹⁾ П. Ивановъ. Опытъ историческаго изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи. М. 1846. Приложение.

²⁾ Сравненіе „реестра“ съ статьей о старинныхъ приказахъ показываетъ, что и тамъ, и здѣсь есть однородныя свѣдѣнія, изложенныя иногда въ разномъ порядкѣ. Ср., напримѣръ, статью 6-ю о ямскомъ приказѣ съ Древн. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 401 и 417. Въ другихъ случаяхъ „реестръ“ даетъ менѣ полныя извѣстія (ср., напримѣръ, ст. 21, о Костромской четѣ съ Древн. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 327 и 401 и др.) или пополняетъ и исправляетъ доселѣ извѣстныя. Такъ, приказъ ствольныхъ дѣлъ въ Древн. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 849, упоминается съ 7167 года по 7177, по „реестру“ съ 7164 по 7168 (онъ извѣстенъ и ранѣе; напримѣръ, въ 7163 году, см. Доп. къ А. И., т. V, № 62). Приказъ денежнаго дѣла значится въ Древн. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 304 съ 7171 г., по реестру—въ 7171 г. и т. д.

³⁾ По Московскому узду, напримѣръ, въ спискѣ 1717 года значится 13 книгъ: изъ нихъ, по видимому, книги Федора Уварова 135—136 года нѣтъ теперь въ архивѣ (ср. Описаніе Архива министерства юстиціи, т. I, Писц. кн., №№ 1294—1629). Но за то въ настоящее время тамъ же по Московскому узду хранятся до 325 №№. По Ростовскому узду упомянуты книги доворныя Я. Мещерянова и С. Сабурова 7079, которой тоже въ современномъ описаніи архива не встрѣчаемъ; но вмѣсто трехъ упоминаемыхъ въ спискѣ, по Описанію насчитываютъ до 28 (№№ 2108—2136) и т. д.

Великомъ и расправной палаты при сенатѣ, составленными гг. Востокowymi, Токаревыми и Голубевыми. Въ статьѣ г. Востокова (Отд. III, стр. 1—41) весьма отчетливо представлена исторія Генеральнаго двора, какъ мѣста собранія боярской думы, помѣщенія Преображенскаго приказа, комиссія по сбору даточныхъ людей, открытой 17-го ноября 1699 г. и закрытой черезъ два года съ небольшимъ, въ февралѣ (18-го) 1702 года, наконецъ иногда какъ мѣстопробыванія совѣта министровъ (когда въ немъ присутствовалъ самъ государь), и „вышняго государственнаго суда“ въ 1718 и 1723 годахъ. Изъ всѣхъ этихъ временныхъ учреждений лишь комиссія по сбору даточныхъ людей получила наименованіе „генеральнаго двора“ по ея мѣстонахожденію. Въ кругъ ея вѣдѣнія входили: 1) наборъ солдатъ, который состоялъ въ приѣмъ сказокъ и даточныхъ, челобитень со стороны лицъ, поставлявшихъ даточныхъ людей или самихъ даточныхъ, и отписокъ по тѣмъ же вопросамъ отъ городскихъ воеводъ, наборъ вольницы въ солдаты, наборъ драгунъ и „малыхъ ребятъ“; 2) военно-административныя мѣры, то-есть, расквартированіе даточныхъ и вольницы, ихъ продовольствіе и экипировка, входившія въ число обязанностей помѣщиковъ; затѣмъ вооруженіе и снабженіе боевыми запасами, обученіе ихъ ратному строю и сформированіе изъ нихъ полковъ; 3) судебная дѣятельность, вызываемая общими преступленіями въ кражѣ, грабежахъ, бояхъ, увѣчи, безчестьи, колдовствѣ и преступленіями спеціальными въ неправильной запискѣ въ солдаты, нарушеніяхъ военной дисциплины и побѣгахъ со службы; наконецъ; 4) финансовая дѣятельность, которая сводилась, съ одной стороны, ко взиманію денегъ за даточныхъ людей съ недостаточнаго количества подлежащихъ этой повинности дворовъ, съ „перехожихъ“ или пользовавшихся особыми привилегіями землевладѣльцевъ, производству рублеваго сбора и приему случайныхъ поступленій, а съ другой—къ выдачѣ жалованья, кормовыхъ, подъемныхъ и прогонныхъ денегъ разнымъ чинамъ, также наградъ и къ случайнымъ расходамъ. Такимъ образомъ, не только новизна матеріала, но и ясная его классификація въ связи съ опредѣленностью выводовъ, придають не мало цѣны статьѣ г. Востокова.

Г. Токаревъ даетъ намъ очеркъ дѣятельности ближней канцеляріи и опись ея документовъ (Отд. II, стр. 43 — 101). Авторъ сълоненъ признать достовѣрность извѣстія Плейера о томъ, что совѣтъ министровъ при Петрѣ есть новое учрежденіе (стр. 46, 64, прим. 3), и такимъ образомъ едва ли на достаточныхъ осно-

ваніяхъ отклоняется отъ болѣе вѣроятнаго мнѣнія, по которому этотъ совѣтъ есть прежняя дума въ измѣненномъ видѣ ¹⁾. Ближняя канцелярія, въ которой болшею частью собирался этотъ совѣтъ въ отсутствіе государя, была „непосредственною преемницей боярской думы, представляя собою какъ бы промежуточное звено между этою послѣднею и сенатомъ“ (стр. 50), и „дѣйствовала уже вдали отъ государя, но по его начертаніямъ и руководству“ (стр. 75). Все это, однако, не даетъ намъ яснаго понятія о ближней канцеляріи которую, можетъ быть, точнѣе слѣдовало бы опредѣлять, какъ личную канцелярію государя. Отсюда и вытекало различіе между совѣтомъ министровъ и ближнею канцеляріей, несмотря на возможность смѣшенія съ послѣднею думскою канцеляріей, различіе, благодаря которому при перерожденіи совѣта министровъ съ думскою канцеляріей въ сенатъ съ его канцеляріей, ближняя канцелярія осталась при прежнемъ своемъ значеніи, а съ теченіемъ времени, какъ указываетъ г. Токаревъ, въ 1717 или 1718 году преобразовалась въ ревизіонъ-коллегію (стр. 74). Намъ кажется, что г. Токаревъ недостаточно ясно отъбънилъ это различіе совѣта министровъ отъ ближней канцеляріи, а потому и значеніе послѣдней опредѣляетъ не вполне точно. Что ближняя канцелярія, говоритъ г. Токаревъ, — „стояла во главѣ всей административной системы и что всѣ прочія учрежденія были ей подчинены, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія“ (стр. 52). Приказы обращались къ ближней канцеляріи „вопервыхъ, тогда, когда приказъ самъ затруднялся рѣшить какой-либо вопросъ, потому ли, что не находилъ подходящаго прецедента или же потому, что дѣло прямо превышало его компетенцію; во вторыхъ, когда по какому-либо вопросу ему приходилось сталкиваться съ другимъ приказомъ и третьихъ, когда дѣло касалось сразу нѣсколькихъ приказовъ“ (стр. 53). Рѣшаемся предположить, что такого рода вопросы не столько входили въ компетенцію ближней канцеляріи, въ вышеуказанномъ узкомъ значеніи этого термина, сколько подлежали компетенціи совѣта министровъ, собиравшагося въ этой канцеляріи. Примѣры, приводимые г. Токаревымъ, не противорѣчатъ, а скорѣе подтверждаютъ такого рода предположеніе (стр. 53—55). Напротивъ, финансовый контроль, надзоръ за рекрутскими наборами, составленіе списковъ служилыхъ людей, наблюденіе за тѣмъ, чтобы никто не укрывался отъ службы, заботы о предупрежденіи побѣговъ солдатъ и

¹⁾ В. Ключевскій. Боярская дума, 2-е изд., стр. 430—435.

рекрутъ (стр. 69) и полиція (стр. 73), все это естественно входило въ кругъ вѣдѣнія ближней канцеляріи, какъ личной канцеляріи государя, контролировавшей управленіе. Г. Токаревъ, кромѣ вышеуказанной дѣятельности, приписываетъ ближней канцеляріи и судебныя функціи (стр. 72). Приводимыя имъ доказательства, однако, не убѣдительны. Случай наказанія ближнею канцеляріей какого-то доносчика за ложный доносъ на солевара Строгонова намъ неизвѣстенъ въ подробностяхъ, да и можетъ быть исключеніемъ. Изъ остальныхъ двухъ случаевъ, указываемыхъ авторомъ, одинъ — дѣло о государственной измѣнѣ или объ отлагательствѣ нѣсколькихъ сибиряковъ въ 1711 году, по признанію самого автора, „не былъ разслѣдованъ въ ближней канцеляріи“ (стр. 72), а другой — слѣдственное дѣло о злоупотребленіяхъ гостя Чирьева по финансовой части—въ сущности ограничился не судомъ, а розыскомъ, что естественно связано было въ то время съ финансовымъ контролемъ.

Вторая глава труда г. Токарева посвящена описанію приговоровъ ближней канцеляріи, состоявшихся въ 1707—1709 годахъ (стр. 75—101), и даетъ много новаго матеріала для характеристики этого учрежденія за это время.

На послѣднихъ страницахъ втораго отдѣла пятой книги описанія архива (стр. 103—148) помѣщена статья г. Голубева о расправной палатѣ при сенатѣ. Коммиссія при думѣ для вѣдѣнія расправныхъ дѣлъ еще упоминается, въ 1674 году, но стала непрерывно дѣйствующимъ учрежденіемъ, можетъ быть, съ 1681 года (стр. 104—105): мнѣніе уже ранѣе высказанное въ нашей литературѣ¹⁾. Докладки г. Голубева о существованіи расправной палаты и послѣ указовъ 1694 и 1700 годовъ не лишены нѣкотораго вѣроятія, хотя не вся его аргументація кажется намъ одинаково справедливою. Такъ авторъ полагаетъ, что еслибы расправная палата была уничтожена въ 1694 году, то „до 1700 года успѣло бы, безъ сомнѣнія, исчезнуть и самое ея имя“ (стр. 107). При толкованіи указа 1694 года г. Голубевъ придаетъ, можетъ быть, слишкомъ большое значеніе выраженію „сидѣть боярамъ всѣмъ въ передней палатѣ“, упуская изъ виду возможность казуистичности самаго распоряженія, и словамъ: „а которыхъ дѣлъ имъ боярамъ и думнымъ людямъ зачѣмъ безъ ихъ великихъ государей именнаго указа вершить будетъ не мочно и по тѣмъ дѣламъ докладывать себя великихъ государей“,—

¹⁾ В. Ключевскій. *Op. cit.* (2-е изд.), стр. 426.

словамъ, которыя, по мнѣнію автора, указываютъ (если принимать ихъ по отношенію ко всей думѣ) на отсутствіе законодательной инициативы думы (стр. 109). Авторъ предполагаетъ даже существованіе какой-то „малой думы, гдѣ не было, какъ прежде, высшаго боярина и его товарищей, а всѣ бояре и думные люди судили вмѣстѣ съ равными правами голоса“ (стр. 109), хотя такое предположеніе ничѣмъ не оправдывается. Расправная палата была высшимъ судебнымъ учрежденіемъ, но служила иногда и первою инстанціей, какъ это нерѣдко бывало и съ другими учрежденіями; затѣмъ она подчинена сенату, хотя и имѣла свою канцелярію по расправнымъ дѣламъ (стр. 112); въ 1718 году она перешла подъ управленіе юстицъ-коллегіи, а въ 1719 году переименована была въ Петербургскій надворный судъ (стр. 114). Остальная наибольшая часть статьи г. Голубева (стр. 117—148) занята описью 161-го приговора расправной палаты за 1712 и 1713 годъ; состоявшихся большею частью по спорнымъ искамъ о поземельномъ владѣніи, о бѣглыхъ крестьянахъ, о переводѣ и проч. крестьянъ, о заемныхъ кабалахъ, также по довольно любопытнымъ дѣламъ о финансовыхъ и мірскихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ.

Пятая книга описанія заканчивается приложеніемъ дополнительной описи писцовымъ, переписнымъ и межевымъ книгамъ, и описанія печатей, хранящихся въ архивѣ (стр. 149—156).

На основаніи вышеприведеннаго поверхностнаго обзора не трудно прійти къ заключенію, на сколько богата разнообразнымъ содержаніемъ пятая книга описанія московскаго архива министерства юстиціи. Труды гг. Гоздаво-Голомбѣевскаго, Ардашева, Шимка, Востокова, Токарева и Голубева даютъ много новаго и поэтому являются цѣннымъ вкладомъ въ нашу ученую литературу. Не можемъ, однако, въ заключеніе не выразить надежды, что за изслѣдованіями о исторіи архива и за обзорѣніями тѣхъ учреждений, дѣла которыхъ въ немъ хранятся, появляться и точныя описанія архивныхъ дѣлъ.

А. Лаппо-Даннлевскій.

РУССКІЯ ДРЕВНОСТИ ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ ИСКУССТВА, издаваемые графомъ *И. Толстымъ* и *Н. Кондаковымъ*. Выпускъ 1. Классическія древности южной Россіи. Съ 145 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1889.

Много сдѣлано у насъ для русской археологіи: давно уже начаты раскопки; археологическая коммиссія постоянно издаетъ цѣлые томы своихъ отчетовъ о раскопкахъ; нѣсколько археологическихъ обществъ уже многіе годы работаютъ на пользу науки; періодически повторяются археологическіе съѣзды, заведенные энергическою дѣятельностью незабвеннаго графа А. С. Уварова: основывается въ Москвѣ историческій музей, накаплиется масса матеріала, такая масса, что даже люди, слѣдящіе за этою отраслю званій, интересующіеся ею, не могутъ ни всего запомнить, ни тѣмъ менѣе всего оцѣнить. Большинство же читающей публики даже не подозреваетъ того, какія сокровища уже теперь открыты для русской науки. Лишь немногія сочиненія вводятъ желающихъ въ изученіе русскихъ древностей.

Къ тому же нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій написаны уже очень давно и касаются преимущественно крымскихъ древностей. Болѣе новыми являются только два сочиненія: „Каменный вѣкъ“ графа Уварова, къ сожалѣнію, представляющій только пропилеи къ зданію русской археологіи и „Очеркъ русской исторіи въ памятникахъ быта“ П. Н. Полеваго. Эта книга есть первый опытъ ознакомленія широкой публики съ русскими древностями, и къ тому же и эта книга очень мало распространена. Не отвергая достоинствъ популярнаго изложенія П. Н. Полеваго, мы не можемъ не замѣтить, что у автора этого памятника играютъ служебную роль. Они являются для объясненія быта, а самъ П. Н. Полевой не археологъ, слѣдственно, строго научнаго отношенія къ предмету читатель и не долженъ искать въ его книгѣ, которая главнымъ образомъ представляетъ выводъ, популярно изложенный, изъ того, что сдѣлано учеными. Въ виду такого положенія дѣлъ мы не можемъ не привѣтствовать появленія той книги, заглавіе которой выписано выше. Авторы этой книги — люди очень извѣстные въ средѣ русскихъ ученыхъ: Н. П. Кондаковъ давно уже съ честью занимаетъ кафедру исторіи искусствъ прежде въ Одесскомъ, а теперь въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Его многостороннія познанія, осторожное критическое отношеніе къ дѣлу извѣстны всѣмъ людямъ, сколько-нибудь соприкасающимся съ археологіей. Много лѣтъ посвятилъ онъ изученію

искусства на мѣстахъ—въ Италиі, въ Греціи, въ Царьградѣ и на полуостровѣ Синайскомъ. Его сочиненіе о византійскомъ искусствѣ, недавно появившееся въ французскомъ, дополненномъ имъ же переводѣ, усилило еще ту извѣстность, которую онъ имѣлъ между европейскими археологами, извѣстность, основанную на его статьяхъ во французскихъ и италіанскихъ археологическихъ журналахъ. Другой авторъ книги, гр. И. И. Толстой, еще не давно началъ свою ученую дѣятельность трудами по древне-русской нумизматикѣ, которые сразу доставили ему почетное мѣсто въ ряду русскихъ археологовъ.

Понятно, что одно имя такихъ лицъ, принявшихъ за подобный трудъ, должно было возбудить большія надежды во всѣхъ интересующихся русскою археологіей. При первомъ извѣстии о появленіи этой книги нельзя было не сказать про себя: русская публика получить въ этой книгѣ, когда она будетъ окончена, ясное понятіе о древностяхъ своей земли. Начинающіе заниматься найдутъ въ ней надежную опору для продолженія своихъ занятій, люди же давно занимающіеся—повѣрку своихъ взглядовъ и средства для пополненія своихъ знаній. Первый взглядъ на изящно изданную книгу съ прекрасными рисунками, стоящую неслыханно дешево (1 р.), еще усиливаетъ пріятныя надежды, чтеніе же книги обращаетъ ихъ въ живую дѣйствительность. Авторы „Русскихъ древностей“ имѣютъ въ виду представить историческое обзорѣніе памятниковъ искусства въ ихъ послѣдовательности. Они не думаютъ быть объяснять памятниками, а на оборотъ памятники объясняютъ бытомъ. Только изъ такого критическаго изученія самихъ памятниковъ можетъ оказаться важность археологіи для исторіи народа вообще. Общій взглядъ составителей книги сказался въ интересномъ предисловіи, выписки изъ котораго покажутъ читателю ширину этого взгляда: „Въ теченіе двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ много племенъ и народностей жило и основалось на памяти исторіи въ предѣлахъ нашего отечества. И чѣмъ разнороднѣе былъ самый племенной составъ, чѣмъ продолжительнѣе время претворенія его въ одно государство съ единымъ народомъ, тѣмъ обильнѣе былъ вкладъ въ общую сокровищницу русской древности. Въ нее вносилъ свою лепту и огреченный скифъ, и корсунскій мастеръ, и генуэзскій торговецъ въ Крыму, и нѣмчинъ въ Москвѣ. Эту сокровищницу пополняли и арабскіе караваны, везшіе товаръ волжскимъ болгарамъ и языческой Руси, и набѣги русовъ на Византію, и домовитое хозяйство великихъ собирателей земли Русской... Древности Россіи представляютъ единое цѣлое потому,

что въ нихъ исторически сложилось народное искусство, которое, не достигая личнаго творчества, живетъ преданіемъ и, связывая разноплеменные формы быта земледѣльческаго и кочеваго, городского и сельскаго, раскрываетъ предъ нами общую непрестанную преемственность. Народное искусство живетъ усвоеніемъ и переработкою художественнаго стиля, котораго происхождение прослѣживается до его источниковъ.... Наслѣдіе многихъ вѣковъ, усвоенное русскимъ народомъ, стало его художественнымъ преданіемъ и послѣдовательно образовало древне-русское искусство. Русское искусство было и осталось искусствомъ народнымъ, сложившись въ оригинальный историческій типъ, закрѣпленный народнымъ орнаментомъ, и остается до нынѣ жизненнымъ, во множествѣ мѣстныхъ художественныхъ производствъ, сложившихся еще въ древности. Представить историческое образованіе и развитіе древне-русскаго искусства, въ точныхъ спискахъ съ художественныхъ памятниковъ русской древности и старины — такова основная задача настоящаго изданія; необходимымъ дополненіемъ снимковъ служить объяснительный текстъ*.

Лежащій передъ нами первый выпускъ посвященъ древностямъ греческихъ колоній на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Онъ начинается краткимъ очеркомъ торговли грековъ съ сѣверными странами, при чемъ припоминаются и финиціане, основанія греческихъ колоній и исторія Босфорскаго царства. Изъ памятниковъ въ настоящемъ выпускѣ описываются главнымъ образомъ босфорскіе, то-есть, и Керчь, и Тамань, Ольвія же является мимоходомъ, а Херсонесъ, вѣроятно, оставленъ до одного изъ слѣдующихъ выпусковъ, такъ какъ памятники его принадлежать преимущественно къ христіанской эпохѣ. Памятники, представляемые этимъ изданіемъ, извлечены изъ катакомбъ и могилъ. Вотъ почему описанію ихъ предшествуетъ описаніе древнихъ могилъ, кургановъ, катакомбъ, при чемъ, впрочемъ, знаменитыя фрески, изображающія разныя народности и нѣкогда описанныя В. В. Стасовымъ, найдутъ себѣ мѣсто въ слѣдующемъ выпускѣ, который будетъ посвященъ скивамъ и сарматамъ. Многими рисунками, изображающими внутренній и внѣшній видъ усыпальницъ въ Керчи и въ Херсонесѣ, авторы наглядно поясняютъ свой разказъ, точно также какъ свою краткую исторію колоній поясняютъ они изображеніями монетъ. Описавъ внѣшность могилъ, авторы переходятъ къ находимымъ въ нихъ предметамъ, отдѣляя предметы собственно погребальныя отъ предметовъ житейскаго обихода, находимыхъ въ катакомбахъ.

Передъ нами проходитъ рядъ описаній и изображеній саркофаговъ, погребальныхъ вѣнковъ, шлемовъ, въ которыхъ хоронили воиновъ, разныхъ амулетовъ (если можно такъ выразиться), а также другихъ предметовъ, составляющихъ одежду покойника: серегъ, ожерелій, ушныхъ подвѣсокъ, браслетовъ и шейныхъ гривень. Въ числѣ предметовъ, составлявшихъ одежду покойника, очень любопытна золотая маска. Такія маски находимы были въ разныхъ мѣстахъ. Маски эти, какъ извѣстно, вызвали полемику въ ученой литературѣ: Шлиманъ считалъ ихъ произведеніемъ греческаго архаическаго искусства, Стефани приписывалъ ихъ варварамъ, ворвавшимся въ Грецію изъ южной Россіи. Кромѣ одежды, отъ которыхъ сохранились даже мѣстами куски матерій, въ могилахъ найдено много предметовъ домашняго быта, сосудовъ глиняныхъ и серебряныхъ, изъ которыхъ нынѣ поражаютъ изяществомъ сохранившихся на нихъ рисунковъ. Таковъ, на примѣръ, рисунокъ на стр. 72, изображающій Деметру съ Вакхомъ, Геракломъ, Персефой и Афродитой, или рисунокъ съ крыши другаго сосуда (стр. 74), изображающій подробности туалета греческихъ женщинъ. Для исторіи искусства очень важно изображеніе на стр. 75, представляющее споръ Аены съ Посейдономъ, частью рельефное, частью живописное и, къ сожалѣнію, не вполне сохранившееся. Изображеніе это тѣмъ важно, что центральная группа его составляетъ копію съ западнаго фронтона аенскаго Партелона. Вырытыя изъ могилъ терракотовыя фигуры, иногда серьезныя, а иногда комическія, тоже нашли свое мѣсто въ описаніи нашихъ авторовъ. Выпускъ заключается исторіей раскопокъ въ южной Россіи.

Мы только слегка коснулись богатаго содержанія этой книги, небольшой по виду, но обильной внутреннимъ содержаніемъ, ибо—мы вполне убѣждены въ томъ—книга эта будетъ въ рукахъ у всѣхъ, сколько-нибудь интересующихся русскою стариною. Пожелаемъ въ заключеніе, чтобы книга эта была благополучно доведена до окончанія, и чтобы она послужила основой подробной, ученой, критической обработкѣ русскихъ древностей, на что есть много силъ и способовъ и у самихъ авторовъ, и на что они могутъ найти достойныхъ и способныхъ сподвижниковъ. Въ этой же книгѣ, судя по первому ея выпуску, мы надѣемся видѣть общедоступный обзоръ всего предмета и программу для дальнѣйшей его ученой обработки.

И. Бестужевъ-Рюминъ.

Историческій очеркъ развитія элементарной школы въ біографіяхъ замѣчательнѣйшихъ педагоговъ и по уставамъ правительствъ. А. Бѣлявскаго. Глуховъ. 1887.

Авторъ этой книги не имѣлъ въ виду, при составленіи своего „Очерка развитія элементарной школы“, написать полную исторію педагогики, а желалъ лишь дать читателямъ свѣдѣнія о самыхъ крупныхъ лицахъ и событіяхъ, характеризующихъ историческое развитіе народныхъ училищъ. Поэтому мы находимъ у него немного біографій педагоговъ, но главнѣйшія изъ нихъ достаточно подробны. Это слѣдуетъ отнести къ достоинствамъ книги, такъ какъ для нашихъ народныхъ учителей многія подробности, встрѣчающіяся въ переводныхъ исторіяхъ педагогики, совершенно излишни, а съ мыслями нѣкоторыхъ педагоговъ имъ очень важно познакомиться. Вторымъ достоинствомъ разбираемой книги слѣдуетъ считать то, что почти половина ея посвящена историческому развитію народныхъ школъ въ Россіи, между тѣмъ какъ въ другихъ существующихъ на русскомъ языкѣ исторіяхъ педагогики о русскихъ школахъ говорится очень мало.

Содержаніе книжки г. Бѣлявскаго состоитъ въ главныхъ чертахъ въ слѣдующемъ: Вліяніе христіанства на народное образованіе, монастырскія и другія средневѣковыя школы (1 до 8 стр.). Реформація. Значеніе Лютера. Беконъ Веруламскій (8 до 11 стр.). Амось Коменскій (котораго почему-то г. Бѣлявскій называетъ латинизированнымъ именемъ: Коменій). Франке и его воспитательныя заведенія (11—17 стр.). Руссо (17—22 стр.). Базедовъ (22—30 стр.). Песталоцци (30—36 стр.). Школы послѣ Песталоцци, Дистервегъ, Гербартъ, Фребель и др. (36—55 стр.). Статистическія данныя о прусскихъ народныхъ школахъ (55 стр.). Русскія школы до Петра Великаго и при Петрѣ (56—59 стр.). Школы въ царствованіе Екатерины II. Янковичъ де-Мириэво (59—69 стр.). Школы въ царствованіе Александра I и Николая I (69—76). Школы въ царствованіе Александра II. Положенія о народныхъ училищахъ 1864 и 1874 гг., учительскія семинаріи, городскія училища, Ушинскій, Пироговъ, Паульсонъ, баронъ Корфъ (75—99 стр.), и наконецъ, заключеніе, гдѣ авторъ высказываетъ свой взглядъ на народное образованіе въ Россіи (99—102 стр.). Изъ этого перечня видно, что книгу г. Бѣлявскаго нельзя упрекнуть въ излишество сообщаемыхъ свѣдѣній; скорѣе на оборотъ, можно указать на нѣкоторые пробѣлы, о чемъ будетъ сказано ниже.

Главныя мысли и тенденціи автора при изложеніи историческихъ событій и мнѣній различныхъ педагоговъ, въ общихъ чертахъ, вполне благородны и имѣютъ цѣлю внушить читателямъ благородное стремленіе къ самоусовершенствованію и любовь къ трудному дѣлу обученія въ народныхъ школахъ. О значеніи религіи при народномъ образованіи говорится вездѣ, гдѣ это необходимо.

Считаемъ однако полезнымъ обратить вниманіе и на слабыя стороны книги г. Бѣлявскаго.

1) Говоря о вліяніи христіанства на народное образованіе, авторъ совершенно вѣрно указываетъ на принципъ равенства всѣхъ людей передъ Богомъ, который былъ введенъ христіанскимъ вѣроученіемъ и, безъ сомнѣнія, много способствовалъ разъясненію истиннаго понятія о воспитаніи. Но слѣдовало бы болѣе подробно изложить и другія стороны вліянія ученія Иисуса Христа на воспитаніе. Слѣдовало прежде всего обратить вниманіе на то, что только христіанское ученіе разъяснило людямъ понятіе о бессмертной душѣ человѣка, для спасенія которой Сынъ Божій низошелъ на землю; что поэтому и люди должны смотрѣть на эту душу, какъ на существо священное, которому нужно дать всѣ средства для ея развитія и достиженія Богомъ положеннаго для этой души совершенства. Изъ этого основнаго положенія вытекаетъ обязательное обученіе дѣтей родителями и духовными лицами, которымъ поручено заботиться о религіозномъ развитіи своихъ прихожанъ; кто этого не дѣлаетъ, тотъ, по христіанскому закону, грѣшникъ. Вышесказанное подтверждается словами Спасителя апостоламъ: „Шедше научите вся языки“ и многими текстами изъ посланій апостоловъ, которые ставили своимъ ученикамъ въ обязанность обучать прихожанъ закону Божію. Такимъ образомъ Спаситель очень возвысилъ званіе учителя, Самъ Себя именовалъ такъ и оставилъ намъ высокій идеалъ учителя. Затѣмъ, для русскихъ народныхъ учителей можно бы, пожалуй, нѣсколько сократить свѣдѣнія о западныхъ монастырскихъ школахъ, но привести мнѣнія отцовъ церкви о воспитаніи и обученіи, на примѣръ, св. Василія Великаго, который разъяснилъ, что христіане не должны чуждаться изученія древнихъ писателей, и св. Іоанна Златоуста, у котораго такъ много прекрасныхъ мѣстъ о воспитаніи, особенно семейномъ.

2) Когда г. Бѣлявскій говоритъ о реформаціи, то совершенно вѣрно замѣчаетъ, что Лютеръ положилъ начало народнымъ школамъ въ Германіи, но не объясняетъ, какимъ образомъ онъ это сдѣлалъ; а нужно было бы упомянуть о томъ, что онъ отъ каждаго пастора по-

требовалъ учрежденія школы въ его приходѣ и облегчилъ имъ этотъ трудъ, составивъ краткій катехизисъ и азбуку.

3) Въ статьѣ объ Амосѣ Коменскомъ есть небольшія неточности, напримѣръ, не сказано, что онъ былъ чехъ; затѣмъ говорится, что онъ изъ отечества удалился въ Богемію, между тѣмъ какъ онъ и жилъ въ Богеміи. Кромѣ того, авторъ совершенно напрасно переводитъ *schola vernacula*—нѣмецкою школой; *vernacula*—значить „отечественная, родная“, и конечно, чехъ Коменскій никогда не понималъ эту школу въ исключительномъ смыслѣ нѣмецкой школы.

4) Говоря о піетизмѣ Франке, слѣдовало бы разъяснить, въ чемъ состояло это ученіе, и кого слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ правобѣрныхъ лютеранъ; но такъ какъ это довольно трудно, то и терминъ піетистъ можно было пропустить.

5) Въ статьѣ о Руссо можно было бы пропустить цитату о состояніи Франціи въ XVII—XVIII вв. (стр. 22): она для учебника не совсѣмъ удобна. Вотъ эта цитата: „Неограниченная королевская власть дѣлала знатнаго и бѣдняка орудіями правительственнаго произвола; господство невѣжественнаго и безнравственнаго духовенства, упадокъ брачной жизни, разрушительный порядокъ, при которомъ трудолюбивые граждане были въ подчиненіи у лѣниваго распутнаго дворянства—вотъ каково было состояніе Франціи. Государственные доходы тратились на любовницъ, придворныхъ и придворныя празднества, въ то время какъ въ странѣ народъ изнемогалъ отъ нищеты; фонтаны и дворцы поглощали милліоны въ то время, когда не было во всей Франціи трехъ порядочныхъ дорогъ“. На стр. 23 авторъ говоритъ, что сочиненіе Руссо „О причинѣ неравенства между людьми“ имѣло тѣсную связь съ „Эмилемъ“. Это не совсѣмъ вѣрно: съ „Эмилемъ“ имѣло больше связи первое сочиненіе Руссо „Содѣйствовали ли науки и искусства улучшенію нравовъ?“, а второе есть какъ бы предисловіе къ „*Contrat social*“. Вообще слѣдуетъ сказать, что статья о Руссо составлена не совсѣмъ безпристрастно: Руссо дѣйствительно имѣлъ большое вліяніе на измѣненіе понятій о воспитаніи въ современномъ ему обществѣ, но въ статьѣ указаны больше хорошія стороны этого вліянія, и мало говорится о парадоксальности его мыслей о воспитаніи. Необходимо было указать, что Руссо дѣлалъ совершенно невѣрные выводы изъ своего основнаго положенія: „Все прекрасно, что выходитъ изъ рукъ Создателя, и все портится въ рукахъ человѣка“; именно, онъ дошелъ до отрицанія необходимости повинненія родителямъ и воспитателямъ, долга

относительно ближнихъ и многихъ другихъ необходимыхъ условій воспитанія дѣтей, забывая, что и человѣкъ есть Божье созданіе, и что поэтому нельзя его противопоставлять остальной природѣ. Такъ какъ „Эмиль“ переведенъ на русскій языкъ и можетъ быть прочитанъ учителями, то было бы очень важно разъяснить имъ истинный взглядъ разумныхъ людей на его парадоксы.

6) Статя о Базедовѣ слишкомъ обширна для краткаго обзора исторіи народной школы, тѣмъ болѣе, что вліяніе этого педагога на народное образованіе лишь косвенное. На стр. 31 приведено нѣсколько строкъ изъ чрезвычайно интересной въ историческомъ отношеніи характеристики Базедова знаменитымъ Гете, но приведенныя строки вовсе не передаютъ мысли автора; нужно было или напечатать гораздо болѣшій отрывокъ, или вовсе опустить это мѣсто. Къ чему читателямъ знать, что Базедовъ объявилъ себя отъявленнымъ врагомъ Троичности, то-есть, не вѣрилъ въ св. Троицу? Въ педагогическихъ своихъ сочиненіяхъ онъ этого не говоритъ, и Гете приводитъ это мнѣніе на ряду съ другими, чтобы характеризовать Базедова, какъ человѣка склоннаго къ отрицанію и парадоксамъ.

7) Во всемъ отдѣлѣ исторіи воспитанія до Песталоцци замѣчаются два пробѣла, именно ничего не сказано о іезуитскихъ школахъ и о Ж.-В. Лассалѣ, основателѣ братства христіанскихъ школъ во Франціи. Видно, что г. Бѣлявскій главнымъ образомъ пользовался нѣмецкими, лютеранскими книгами по исторіи педагогики, во которыхъ мало говорится о іезуитахъ и народномъ образованіи въ Франціи. Между тѣмъ лучше бы пропустить статью о Беконѣ, значеніе котораго въ исторіи культуры трудно объяснить народнымъ учителямъ, а сказать нѣсколько словъ о іезуитскихъ школахъ: это въ извѣстномъ отношеніи были очень хорошія учебныя заведенія, а для насъ, русскихъ, особенно интересны, такъ какъ, во первыхъ, іезуитскимъ школамъ слѣдуетъ приписать главное вліяніе въ ополченіи нѣкоторой части Западной Руси, и во вторыхъ, потому, что учебная часть въ іезуитскихъ школахъ въ значительной степени примѣнялась и въ православныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, особенно на юго-западѣ Россіи; вѣдь іезуитское дѣленіе классовъ на грамматику, реторику и богословіе держалось въ русскихъ духовныхъ семинаріяхъ чуть не до половины нынѣшняго столѣтія. Что касается до Лассала, то какъ нѣмцы, такъ и французы, слѣдующіе нынѣ господствующему тамъ направленію, относятся къ нему далеко не безпристрастно. Несомнѣнно, что этотъ дѣятель былъ истиннымъ основателемъ народнаго образованія во

Франціи и даже въ Бельгіи. До самаго послѣдняго времени большинство населенія посылало своихъ дѣтей учиться въ школы, основанныя братствомъ христіанскаго обученія или другими духовными братствами, учрежденными по образцу перваго. Оба эти факта изъ исторіи воспитанія заслуживали вниманія.

Статьи о русской школѣ (со стр. 56) написаны довольно удовлетворительно. Авторъ съ особенною подробностью говоритъ о дѣятельности Янковича де-Мириево и школьномъ уставѣ Екатерины II, что слѣдуетъ одобрить, такъ какъ это былъ важный шагъ въ улучшеніи школьнаго дѣла у насъ въ Россіи. Нельзя не согласиться съ г. Бѣлавскимъ и въ томъ, что реформа, задуманная великою императрицею, была не совсѣмъ удачна, потому что въ Россіи духовенство было почти совсѣмъ устранено отъ вліянія на народное образованіе, между тѣмъ какъ въ Австріи, съ которой былъ скопированъ Екатерининскій уставъ, духовенству была поручена вся эта реформа. Но нужно было однако привести въ оправданіе тотъ фактъ, что въ Австріи и до реформы католическое духовное начальство требовало отъ приходскихъ священниковъ, чтобъ они обучали дѣтей прихожанъ грамотности и главнымъ истинамъ вѣры, такъ что Фельбигеръ только улучшилъ уже существующее положеніе школьнаго дѣла; въ Россіи же ничего подобнаго отъ приходскихъ священниковъ въ то время не требовалось. Въ современной исторіи школьнаго дѣла г. Бѣлавскій, безъ критики, излагаетъ очень кратко положенія о народныхъ школахъ 1864 и 1874 гг., положеніе о городскихъ училищахъ и другія законоположенія послѣднихъ лѣтъ. Послѣ этого авторъ помѣщаетъ довольно подробную статью объ Ушинскомъ и краткія замѣтки о Пироговѣ, Паульсонѣ и баронѣ Корфѣ. Статья объ Ушинскомъ составлена хорошо, и выдержки изъ статей этого писателя выбраны удачно. Статьи о другихъ педагогахъ очень коротки и могли бы быть опущены безъ большаго ущерба. Лучше бы въ концѣ привести обзоръ главныхъ учебниковъ и педагогическихъ сочиненій русскихъ авторовъ, чѣмъ приводить біографіи отдѣльныхъ лицъ; но конечно, это было бы значительное расширеніе программы курса.

Къ сожалѣнію, и въ отдѣлѣ о русской школѣ встрѣчаются неточности. Такъ, на примѣръ: 1) на стр. 78 читаемъ: „Въ 1874 г. явилось новое положеніе о народныхъ школахъ, по которому число инспекторовъ увеличено отъ 2 до 5 на каждую губернію“; между тѣмъ въ положеніи этомъ нигдѣ не упоминается о числѣ инспекторовъ; въ мнѣніи же государственнаго совѣта, при которомъ проектъ

положенія поднесенъ къ Высочайшему утвержденію, число ихъ ограничено двумя; 2) перечисляя далѣе членовъ училищныхъ совѣтовъ губернскаго и уѣзднаго, г. Бѣлявскій пропускаетъ членовъ отъ министерства народнаго просвѣщенія и отъ города; 3) стр. 79: „И земство, и правительство съ 1866 г. начали открывать учительскія семинаріи“; Молодечненская семинарія открыта въ 1864 году; 4) на стр. 84 сказано, будто въ городскихъ училищахъ, по положенію 31-го мая 1872 г., „должны приготовляться ученики къ поступленію въ среднія учебныя заведенія“; это не вѣрно, и самъ г. Бѣлявскій, очевидно, усомнился въ правильности имъ сказаннаго, поставивъ послѣ приведенныхъ словъ вопросительный знакъ (?), что нѣсколько странно; 5) стр. 83: „Программа духовныхъ семинарій и училищъ значительно сближена съ программой гимназій, такъ что высшія заведенія получаютъ большой контингентъ слушателей изъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій“; въ книгѣ, изданной въ 1887 г., можно было бы упомянуть объ этомъ только какъ о прошломъ, уже измѣненномъ; 6) на стр. 96 читаемъ: „Собственно для народныхъ школъ Ушинскій написалъ „Родное слово“; это совершенно не вѣрно, и внимательное чтеніе составленнаго Ушинскимъ „Руководства для учащихся“ по означенной книгѣ должно было бы предостеречь г. Бѣлявскаго отъ такого заблужденія: изъ этого „Руководства“ ясно видно, какихъ дѣтей имѣлъ въ виду покойный авторъ; узнавъ, что „Родное слово“ проникаетъ и въ сельскія школы, Ушинскій писалъ въ одномъ письмѣ: „Написать книгу для народной школы составляетъ уже давно мою любимую мечту; но кажется, ей и суждено остаться мечтою. Прежде мнѣ необходимо кончить „Антропологию“, и потомъ только я сколько-нибудь примѣню „Родное слово“ къ потребностямъ сельской школы“ (Русскіе педагогическіе дѣятели М. 1887. стр. 57); преждевременная кончина помѣшала Ушинскому исполнить это намѣреніе; такимъ образомъ, „Родное слово“ не только не написано „собственно для народныхъ школъ“, какъ утверждаетъ г. Бѣлявскій, а, по убѣжденію самого Ушинскаго, даже „нисколько не примѣнено“ къ нимъ; 7) на стр. 87 сказано, что „Дѣтскій міръ“ былъ „плодомъ пятилѣтняго пребыванія Ушинскаго за границей“, тогда какъ и 1-е и 2-е изданія этой книги вышли ранѣе его отъѣзда за границу; 8) на стр. 99 упоминается о „С.-Петербургской учительской семинаріи, находящейся подъ управленіемъ Паульсона“. Здѣсь все не вѣрно: такой учительской семинаріи нѣтъ, и г. Паульсонъ нивакою семинаріей не управляетъ и не управлялъ.

Въ „заключеніи“ своемъ авторъ главнымъ образомъ настаиваетъ на томъ, что курсъ русскихъ начальныхъ школъ слѣдуетъ продолжать до шести лѣтъ и сдѣлать его обязательнымъ. Говоря на послѣднихъ строкахъ своей книги о церковно-приходскихъ школахъ, онъ также дѣлаетъ имъ упрекъ въ краткости курса и указываетъ на то, что хорошее знакомство съ церковно-славянскимъ языкомъ еще труднѣе, чѣмъ съ русскимъ. Кажется, что это мнѣніе основано на недоразумѣніи, именно—г. Бѣлявскій смѣшиваетъ филологическое изученіе языка съ пониманіемъ его въ томъ размѣрѣ, какой нуженъ для усвоенія смысла Священнаго Писанія и молитвъ.

Ко всему сказанному нельзя не прибавить, что книга г. Бѣлявскаго напечатана очень плохо и со многими опечатками.

И. С. И.

Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Составилъ Д. А. Ровинскій. 4 тома. С.-Пб. 1889.

Новое только что выпущенное въ свѣтъ изданіе Д. А. Ровинскаго есть одно изъ самыхъ капитальныхъ его изданій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одно изъ замѣчательнѣйшихъ изданій всей вообще русской учено-художественной литературы. Въ ряду трудовъ самого автора оно достойно продолжаетъ такія сложныя и обширныя его изданія послѣднихъ лѣтъ, каковы: „Русскія народныя картинки“, 1881 г., пять томовъ текста съ огромнымъ атласомъ in-folio, содержащимъ въ себѣ болѣе 500 картинокъ, какъ „Достоверные портреты Московскихъ государей Ивана III, Василія Ивановича и Ивана IV Грознаго, и посольства ихъ времени“, 1882 г., одинъ томъ въ большой листъ, съ 47 рисунками, какъ книга: „Николай Ивановичъ Уткинъ, его жизнь и произведенія“, 1884 г., съ атласомъ въ огромный листъ, съ 33 гравюрами, какъ „Виды Соловецкаго монастыря“, отпечатанные съ древнихъ досокъ, хранящихся въ тамошней ризницѣ (51 доска въ большой листъ), 1884 г., наконецъ, какъ „Матеріалы для русской иконографіи“, 1884—1888 гг., 6 томовъ in-folio, съ 240 рисунками. Даже въ количественномъ отношеніи эта масса собраннаго, исследованнаго и изданнаго матеріала не можетъ не поражать людей, занимающихся исторіей русскаго стараго и новаго искусства; что же касается содержанія, то нельзя достаточно удивиться на ту энергію, на тотъ громадный трудъ, на то глубокое знаніе, которые были употреблены на то, чтобъ издать въ изумительной полнотѣ и съ истиннымъ художественнымъ знаніемъ

все то, что мы встречаемъ въ этихъ многочисленныхъ фоліантахъ. Новое изданіе еще разъ представляетъ доказательства тѣхъ самыхъ качествъ, которыя дѣлаютъ исчисленныя выше изданія дорогимъ достояніемъ нашей художественно-исторической литературы.

„Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“ не есть изданіе задуманное и начатое лишь въ послѣдніе годы. Основаніемъ ему служитъ прежнее сочиненіе того же автора, появившееся въ свѣтъ въ 1872 году и носившее заглавіе: „Словарь гравированныхъ русскихъ портретовъ“. Но то была книжка въ 8-ку средней величины, заключавшая въ себѣ лишь LVI страницъ „Предисловія“ и „Введенія“ и затѣмъ 236 страницъ самаго „Словара“. „Главная цѣль Словара“, говоритъ нынче самъ авторъ, — „состояла въ томъ, чтобъ возбудить въ нашихъ собирателяхъ охоту къ русскимъ гравюрамъ и сохранить эти послѣднія отъ конечной гибели... Но теперь обстоятельства значительно измѣнились. „Возбуждать“ къ собиранію специально русскихъ гравюръ уже не предстоитъ болѣе надобности. У насъ теперь на лицо есть уже много лицъ, любящихъ и цѣнящихъ русскія гравюры, составляющихъ изъ нихъ коллекціи. Цѣны на русскія гравюры вездѣ сильно поднялись за послѣднія лѣтъ 15, и благодаря этому, заграничные торговцы сильно занялись гравюрами русскими или на русскіе сюжеты. Они стали розыскивать ихъ у антикваровъ, выдирать изъ книгъ и собирать вмѣстѣ. Теперь у каждаго изъ главныхъ торговцевъ гравюрами въ Берлинѣ, Амстердамѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, Лондонѣ и Парижѣ можно найти особую папку „Rossica“, а въ ней подчасъ рѣдкія и цѣнныя вещи“... Вмѣстѣ съ разростаніемъ русскаго гравированнаго и портретнаго матеріала, выросла цѣлая литература изслѣдованій объ этомъ матеріалѣ. „Съ накопленіемъ такого значительнаго количества новыхъ свѣдѣній“, говоритъ Д. А. Ровинскій, — „потребность въ новомъ словарѣ, болѣе полномъ и подробномъ, становилась съ каждымъ днемъ ощутительнѣе. Издаваемый нынѣ „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“ долженъ до нѣкоторой степени удовлетворить этой потребности“.

Онъ, дѣйствительно, и удовлетворилъ ей. Объемъ его обширнѣе прежняго гораздо болѣе, чѣмъ въ четверо. Первые три тома заняты собственно самимъ словаремъ, четвертый же состоитъ изъ цѣлаго ряда изслѣдованій, чрезвычайно важныхъ по своему историческому содержанію. Они слѣдующія: 1) перечисленіе книгъ и изданій съ русскими портретами; 2) перечисленіе всѣхъ извѣстныхъ Д. А. Ро-

винскому частныхъ и общественныхъ собраній русскихъ портретовъ съ обозначеніемъ самыхъ замѣчательныхъ въ нихъ экземпляровъ; 3) матеріалы для исторіи портретнаго дѣла въ Россіи до 1700 года: здѣсь являются, въ хронологическомъ порядкѣ, свѣдѣнія о портретахъ, какъ принесенныхъ въ Россію, такъ и исполненныхъ въ нашемъ отечествѣ, и не только гравированныхъ, но и живописныхъ; 4) изслѣдованіе о томъ, откуда заимствованы изображенія русскихъ князей и царей отъ Рюрика до Ивана IV; 5) перечисленіе живописныхъ русскихъ портретовъ, сохранившихся до настоящаго времени; 6) замѣтки о русскихъ портретахъ, писанныхъ на эмали и на кости; 7) выборка нашихъ цензурныхъ правилъ, относящихся до гравированныхъ портретовъ; 8) перечисленіе сохранившихся мѣдныхъ досокъ, гравированныхъ въ прежнее и новое время, съ которыхъ любители могутъ получать отпечатки. Но даже и всѣмъ этимъ авторъ еще не ограничился. Въ добавокъ ко всей этой массѣ важныхъ изслѣдованій онъ прибавилъ еще „Заключеніе“, которое содержитъ въ себѣ еще новую массу свѣдѣній объ особенно важныхъ въ историческомъ, біографическомъ, анекдотическомъ или художественномъ отношеніи русскихъ портретахъ, а также о собирателяхъ всѣхъ вообще русскихъ портретовъ.

Но что придаетъ особенное значеніе, характеръ и важность настоящему изданію, это—цѣлая коллекція фототипическихъ снимковъ съ важнѣйшихъ портретовъ, исчисленныхъ, описанныхъ и изслѣдованныхъ въ первыхъ трехъ томахъ новаго труда Д. А. Ровинскаго. Эти снимки приложены не при всѣхъ экземплярахъ, а только при 300 экземплярахъ изданія. Оно и понятно: фототипія не можетъ давать значительнаго количества исправныхъ, а тѣмъ менѣе вполне художественныхъ оттисковъ; притомъ же, изданіе, назначенное быть справочною книгой и имѣть значительное распространеніе, не должно быть дорого. Но тѣ 300 экземпляровъ, которые снабжены фототипіями, отличаются великою тщательностью и изяществомъ оттисковъ и являются драгоцѣнною галлереей русской исторической жизни. Передаваемый русскимъ (да и иностраннымъ) изслѣдователямъ новый драгоцѣнный матеріалъ—рѣшительно безцѣненъ.

Книга Д. А. Ровинскаго требуетъ подробнаго изученія и разбора, и они, конечно, могутъ только увеличить ея высокое значеніе, ясно чувствуемое даже при самомъ общемъ обзорѣ, и крупную историческую заслугу ея неутомимаго автора.

В. Стасовъ.

Замѣтка для профессора В. В. Качановскаго.

Во второмъ выпускѣ „Вѣстника Славянства“ (Казань. 1888), издаваемого бывшимъ приватъ-доцентомъ Казанскаго университета, нынѣ профессоромъ Нѣжинскаго историко-филологическаго института В. В. Качановскимъ, помѣщено пространное возраженіе его на критическую статью покойнаго профессора Варшавскаго университета В. В. Макушева о сочиненіи возражателя: „Неизданный дубровницкій поэтъ А.-М. Глегевичъ“ (С.-Пб. 1882), напечатанную въ майской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1883 годъ. Полемизируя противъ В. В. Макушева, г. Качановскій неоднократно заявляетъ (на стр. 84, 94, 106, 107 и 110), что статья варшавскаго профессора, скончавшагося 2-го марта 1883 года, подверглась въ редакціи журнала, послѣ смерти критика, дополненіямъ и „безтолковымъ вставкамъ, отъ чего самый тонъ ея измѣнился“. Вставки и дополненія эти приписываются г. Качановскимъ (см. стр. 106 и 107 его антикритики) профессору С.-Петербургскаго университета В. И. Ламанскому и мнѣ, редактору Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Оставляя въ сторонѣ грубый и неприличный тонъ замѣчаній г. Качановскаго и догадки его о причинахъ появленія предполагаемыхъ имъ вставокъ, считаю нужнымъ на все сказанное имъ о В. И. Ламанскомъ и обо мнѣ объяснить слѣдующее:

Вышеупомянутая критическая статья В. В. Макушева была доставлена имъ въ редакцію въ концѣ января 1883 года и тогда же сдана была въ наборъ, такъ что авторъ статьи имѣлъ еще возможность прочесть ея корректуру, посланную ему въ февралѣ 1883 года, при чемъ прибавилъ въ корректурѣ три подстрочныя ссылки, въ одномъ мѣстѣ сдѣлалъ стилистическую поправку, а въ другомъ вычеркнулъ одну строку. За симъ, по кончинѣ В. В. Макушева, статья его не подвергалась въ редакціи никакимъ дополненіямъ посторонней руки и была напечатана согласно съ его рукописью и исправленною имъ корректурой. Въ настоящее время рукопись этой статьи В. В. Макушева, вся писанная его рукой, передана мною въ рукописное отдѣленіе Императорской Публичной Библиотеки, гдѣ всякій желающій можетъ видѣть ее и, сличивъ ее съ печатнымъ текстомъ статьи, убѣдиться, что, кромѣ вышеначисленныхъ авторскихъ измѣненій въ корректурѣ, этотъ печатный текстъ (въ томъ числѣ и тѣ части

статьи, въ которыхъ г. Качановскій въ особенности предполагаетъ вставки посторонней руки) вполне сходенъ съ автографомъ В. В. Макушева. Слѣдовательно, заявленіе г. Качановскаго относительно В. И. Ламанскаго и меня сдѣлано имъ безъ всякихъ основаній.

Категорическій смыслъ моего настоящаго объясненія возлагаетъ на г. Качановскаго нравственную обязанность перепечатать его въ ближайшемъ выпускѣ издаваемаго имъ „Вѣстника Славянства“.

Редакторъ.

Книжныя новости.

Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. *Н. П. Семенова*. Т. I. Первый періодъ занятій. Изданіе *М. Е. Комарова*. С.-Пб. — По исторіи освобожденія крестьянъ издано уже не мало матеріаловъ. Важнѣйшій изъ источниковъ—„Матеріалы редакціонныхъ комиссій“ и „Приложенія“ къ нимъ—представляетъ подробную лѣтопись занятій комиссій, на которыя возложено было составленіе проекта положенія объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Но какъ ни обилеенъ этотъ источникъ, въ немъ часто нельзя найти достаточно обстоятельныхъ свѣдѣній ни о мотивахъ, которыми руководились комиссіи, принимая ту или другую статью проекта, ни о возраженіяхъ и отдѣльныхъ мнѣніяхъ членовъ. Вообще эти „Матеріалы“ не даютъ полнаго представленія о внутреннемъ процессѣ и о внѣшней обстановкѣ работъ комиссій. Названный трудъ Н. П. Семенова въ значительной степени восполняетъ этотъ существенный пробѣлъ. Въ основаніе его положены записки, которыя велъ составитель книги, бывший членомъ комиссій, во время самыхъ засѣданій ихъ по порученію предсѣдателя Я. И. Ростовцова. Изъ засѣданія въ засѣданіе г. Семеновъ передаетъ словами самихъ членовъ пренія, происходившія въ общахъ присутствіяхъ комиссій, не выпуская ни случайныхъ замѣчаній, ни даже остротъ, сорвавшихся съ языка во время преній. Впослѣдствіи мы подробнѣе изложимъ содержаніе этого интереснаго труда, а теперь выразимъ лишь, подобно автору, желаніе, чтобы и другіе, еще находящіеся въ живыхъ, члены комиссій послѣдовали прекрасному примѣру г. Семенова и издали бы для общаго пользованія свои записки или воспоминанія о достопамятной законодательной работѣ, легкой въ основу важнѣйшей реформы минувшаго царствованія.

Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. *В. И. Семевскаго*. Два тома. С.-Пб. 1888.—Первый томъ изслѣдованія г. Семевскаго посвященъ разработкѣ крестьянскаго вопроса XVIII и первой четверти XIX вв., а во второмъ—изложены судьбы этого вопроса въ царствованіе императора Николая I. Первая мысль объ освобожденіи крестьянъ была высказана въ концѣ XVII вѣка. Начиная съ этого времени, авторъ внимательно слѣдитъ за распространеніемъ и внутреннимъ развитіемъ освободительной идеи въ правительственныхъ сферахъ, обществахъ и литературѣ, вплоть до вступленія на престолъ императора Александръ

Николаевича. Обстоятельный труд г. Семевского представляет сводъ всѣхъ обнародованныхъ матеріаловъ, а частью мнѣній по указанному вопросу, извлеченныхъ авторомъ впервые изъ архивовъ. Впослѣдствіи будетъ сказано о немъ подробнѣе.

Матеріалы по археологіи Кавказа, собранные экспедиціями Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на Высочайше дарованныя средства. Выпускъ I. Подъ редакціей графини *Уваровой*. М. 1888.—Богатыя памятниками древности Кавказъ и, не смотря на то, что множество изъ нихъ погибло въ сравнительно даже недавнее время, представляетъ массу разнообразнѣйшихъ остатковъ, интересныхъ и даже имѣющихъ первостепенную важность для археолога, антрополога, классика, византиниста, ориенталиста. До послѣдняго времени древностями Кавказа занимались только дилеттанты, и то мимоходомъ. Специальное же вниманіе было обращено на нихъ не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ и значительно возбуждено состоявшимся въ 1881 году въ Тифлисѣ пятимъ археологическимъ съездомъ. Еще за два года до него, незабвенный въ лѣтописяхъ русской археологіи графъ А. С. Уваровъ, въ званіи председателя подготовительнаго комитета съезда, организовалъ дѣльный рядъ систематическихъ рэкѣнокъ въ различныхъ мѣстностяхъ Кавказскаго края, предпринялъ лично нѣсколько поѣздокъ на Кавказъ и приобрѣлъ значительныя коллекціи древностей. Его неустанной дѣятельности археологія Кавказа обязана тѣмъ интересомъ, который она возбудила, какъ въ мѣстныхъ, такъ и въ другихъ ученыхъ, и Тифлисскій съездъ во очію показалъ, чего можетъ ждать археологическая наука отъ систематическаго изслѣдованія древностей этого края. Императорское Московское Археологическое Общество и послѣ съезда интересовалось кавказскими древностями и продолжало систематическое ихъ изслѣдованіе. Признавая важное значеніе за доисторическими памятниками, оно обратило еще большее вниманіе на памятники историческіе, и въ особенности на тѣ, которые относятся къ древнехристіанской эпохѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ Общество пришло къ мысли, что было бы желательно и полезно для дѣла связать изслѣдованіе памятниковъ Кавказа съ изслѣдованіемъ такъ-называемыхъ чудскихъ древностей восточной Россіи. Государю Императору благоугодно было даровать сумму на предположенную Московскимъ Обществомъ задачу, и оно получило, между прочимъ, возможность организовать рядъ экспедицій на Кавказъ для собранія матеріаловъ, какъ по христіанскимъ и первобытнымъ памятникамъ, такъ и по доисторической археологіи восточныхъ губерній. Отчеты объ этихъ экспедиціяхъ были своевременно изготвлены, и настоящимъ изданіемъ открывается ихъ публикація во всеобщее свѣдѣніе. Первый выпускъ содержитъ въ себѣ археологическія экскурсіи В. Θ. Миллера въ Терской области, исполненныя имъ въ 1886 г. Экскурсіи эти были предприняты въ горную Чечню, въ часть Осетіи и въ горныя мѣстности Кабарды. Имя профессора В. Θ. Миллера, знатока Осетіи и осетинъ, служатъ достаточнымъ ручательствомъ тому, что экскурсіи были произведены съ знаніемъ дѣла, и хотя онѣ не дали особенно выдающихся результатовъ, тѣмъ не менѣе собрали не мало любопытныхъ данныхъ, иллюстрирующихъ древности этой почти совершенно неизвѣданной области. Остается желать, чтобы за первымъ выпускомъ послѣдовали въ близкомъ будущемъ и другіе, и чтобы Московское Общество имѣло возможность ознакомить ученый міръ съ столь важными въ археологическомъ отношеніи

краемъ, какимъ представляется Кавказъ. Книга издана роскошно и иллюстрирована множествомъ рисунковъ, какъ въ текстѣ, такъ и отдѣльно.

А. А. Титовъ. Житіе и подвиги преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ. (По рукописи XVII вѣка). Изданіе *И. А. Вахрамѣева*. М.—Неутомимый описатель и изслѣдователь отечественной старины *А. А. Титовъ* представляетъ въ разсматриваемой брошюрѣ подробное описаніе одного замѣчательнаго рукоицснаго памятника, принадлежащаго *И. А. Вахрамѣеву*, съ рѣдкимъ по своему составу книгохранилищемъ котораго тотъ же г. Титовъ ознакомилъ читающую публику въ трудѣ: „Описаніе славянскихъ и русскихъ рукописей *И. А. Вахрамѣева*“ (М. 1887). Отчетъ о послѣднемъ былъ своевременно помѣщенъ на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія; въ трудѣ этомъ описано и житіе св. Зосимы и Савватія, но описано, согласно плану книги, довольно кратко. Нынѣ г. Титовъ даетъ подробное описаніе рукописи, которая вполне того заслуживаетъ, такъ какъ по изяществу исполненія украшающихъ ее заставокъ и рисунковъ принадлежитъ къ рѣдкимъ памятникамъ старинной миниатюрной живописи. Житіе составлено ученикомъ св. Зосимы Досеимомъ по порученію Новгородскаго архіепископа Геннадія и получило литературную форму подъ перомъ митрополита Спиридона. Затѣмъ, къ этой первоначальной редакціи житія, начала XVI вѣка, стали присоединяться многочисленныя прибавленія, содержащія въ себѣ описаніе чудесъ, источаемыхъ преподобными. Самое житіе дошло до насъ во множествѣ списковъ, но ни одинъ не можетъ сравниться по богатству и разнообразію иллюстрацій съ рукописью г. Вахрамѣева. Въ ней 234 рисунка, наглядно воспроизводящихъ содержаніе текста. Въ нихъ мы видимъ стремленіе рисовальщика иллюстрировать все содержаніе житія, усматриваемъ его желаніе изобразить въ соответствующей картинѣ каждую деталь каждаго представляемаго житіемъ событія. Иллюстраторъ обладалъ значительно развитымъ воображеніемъ, вслѣдствіе чего въ рисункахъ его замѣчается разнообразіе въ обстановкѣ и положеніи дѣйствующихъ лицъ, и имѣлъ даръ наблюдательности, придающей его рисункамъ значительный интересъ историко-археологическій. Въ трудѣ своемъ г. Титовъ описываетъ каждый рисунокъ на столько обстоятельно, что его описаніе можетъ дать опредѣленное понятіе о его композиціи. Брошюра издана не только опрятно, но и изящно, и два fac-simile даютъ наглядное понятіе объ иллюстрировкѣ рукописи.

Историческій каталогъ С.-Петербургскаго артиллерійскаго музея. Ч. III. Составилъ завѣдующій музеемъ *Н. Е. Бранденбургъ*. С.-Пб.—Настоящимъ выпускомъ приводится къ окончанію почтенный трудъ г. Бранденбурга по систематическому описанію С.-Петербургскаго артиллерійскаго музея, первый томъ котораго удостоенъ былъ большою серебряною медалю Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Остается еще второй выпускъ втораго тома, который, надѣмся, не замедлитъ появленіемъ. Въ третьемъ томѣ каталога помѣщено описаніе иностраннаго отдѣла музея, который заключаетъ въ себѣ не мало памятниковъ, имѣющихъ первостепенную важность. Отдѣлъ этотъ составился, за весьма немногими исключеніями, изъ ряда военныхъ трофеевъ, взятыхъ частью на поляхъ битвъ, частью же въ покоренныхъ русскими оружіемъ городахъ и крѣпостяхъ. Главное богатство отдѣла составляетъ коллекція хранящихся въ немъ знаменъ и пушекъ, различныхъ временъ и національностей, и въ составѣ этихъ предме-

товъ имѣется не мало экземпляровъ въ своемъ родѣ единственныхъ. Сверхъ того, въ музеѣ хранится не мало и другихъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ военному дѣлу. Они распределены составителемъ описанія по слѣдующимъ категориямъ: I) артиллерійскія орудія, II) русское огнестрѣльное оружіе, III) холодное оружіе, IV) предохранительное вооруженіе, V) знамена, значки и штандарты, VI) предметы обмундированія и снаряженія войскъ и VII) предметы интереса общенсторическаго. Описанія отдѣльныхъ предметовъ исполнены съ рѣдкою тщательностью и—что особенно важно—иллюстрируются прекрасно исполненными рисунками. Для удобства пользованія приложенъ подробный указатель, въ которомъ предметы сведены въ общую классификацію по государствамъ, съ обозначеніемъ соотвѣствующихъ нумеровъ, подъ которыми предметы эти значатся въ текстѣ каталога. Въ концѣ книги помѣщенъ указатель собственныхъ именъ. Трудъ г. Бранденбурга имѣетъ интересъ не для однихъ специалистовъ: въ немъ найдеть не мало поучительныхъ данныхъ и историкъ, и археологъ; не безъ пользы заглянетъ въ него и всякій образованный человѣкъ.

Историческое изслѣдованіе о коннозаводскомъ дѣлѣ въ Россіи. *Н. Зезюлинскаго*. Выпускъ I. С.-Пб.—„Не смотря на экономическое, политическое и вообще государственное значеніе коннозаводства для нашего отечества“, говоритъ г. Зезюлинскій,—„исторія возникновенія и дальнѣйшаго развитія этой отрасли (государственнаго хозяйства) въ Россіи до сихъ поръ остается совершенно не разработанною“. Получивъ отъ управленія государственнымъ коннозаводствомъ порученіе составить по документамъ историческое изслѣдованіе по этому вопросу, авторъ не нашелъ въ литературѣ никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ работъ, и ему пришлось пересмотрѣть множество рукописныхъ документовъ, въ которыхъ относящимися къ его предмету оказывалось иногда всего двѣ-три строки. Не мудрено поэтому, что авторъ не могъ разработать вопросъ всесторонне, но ему удалось установить слѣдующія два существенныя положенія: 1) коннозаводство несомнѣнно существовало до Петра Великаго, только не въ видѣ государственнаго учрежденія, а исключительно государева; 2) коннозаводство государево (частное) было зародышемъ коннозаводства государственнаго, такъ что это послѣднее имѣетъ въ первомъ свой историческій корень. Послѣднее мнѣніе, впрочемъ, можетъ быть еще оспариваемо, такъ какъ возможно предположеніе, что государственное коннозаводство организовалось у насъ подъ влияніемъ западныхъ образцовъ; но первое положеніе доказано авторомъ цѣлымъ рядомъ документальныхъ свидѣтельствъ. До XVII вѣка, точнѣе—до воцаренія Михаила Феодоровича, у насъ было лишь коневодство, существованіе же коннозаводства представляется автору мало вѣроятнымъ; но оно несомнѣнно уже было въ XVII вѣкѣ, когда и въ столицѣ, и въ провинціяхъ существовали государевы конюшни и цѣлый разрядъ служилыхъ людей, вѣдавшихъ государево коннозаводство. Съ особымъ вниманіемъ авторъ останавливается на происхожденіи, правахъ, обязанностяхъ и экономическомъ положеніи этихъ служилыхъ людей—конюховъ и конюшихъ, при чемъ доказываетъ несостоятельность мнѣній о нихъ гг. Трачевскаго и Сергѣевича, даетъ перечень конюшихъ и очерчиваетъ ихъ участіе въ дворскихъ церемоніяхъ. Въ концѣ книги приложено нѣсколько архивныхъ документовъ, указана литература вопроса и объяснены нѣкоторыя спеціальныя выраженія источниковъ. Въ предисловіи сочиненія, которыми пользовался авторъ, мы, къ удивленію, не нашли из-

вѣстной книги Аристова „О Промышленности въ древней Руси“. Не видно также, чтобъ автору были извѣстны иностранныя работы по исторіи лошади, именно: Чапскаго (Szarski), Гена (*Hehn*, *Die Hausthiere*) и пр.

Кругосвѣтнымъ путемъ изъ Москвы на Амуръ и по Сибири. *А. И. Розова*. Москва.—Авторъ, совершившій въ 1887—1888 годахъ. путешествіе изъ Одессы во Владивостокъ и оттуда чрезъ Сибирь въ Москву, не ограничивается записями однихъ случайныхъ впечатлѣній, но иногда сообщаетъ о результатахъ предпринимавшихся имъ экспедицій для изслѣдованія той или другой мѣстности. Такъ онъ на мѣстѣ и, кажется, впервые изслѣдовалъ перерожденіе ржи и вліяніе вреднаго переродившагося хлѣбнаго зерна, „пьянаго хлѣба“, на переселенцевъ въ Уссурийскомъ краѣ; затѣмъ особенно подробно онъ останавливается на состояніи сельскаго хозяйства и переселенческаго дѣла въ Сибири. Въ книгѣ вообще находимъ не мало новаго. Изложеніе удовлетворительно.

Григ. Павлуцкій. Древне-греческія росписныя вазы. Киевъ.—Брошюра г. Павлуцкаго вызвана трудами Дюмона, Райе и Коллиньона о произведеніяхъ греческой керамики. Въ ней авторъ задался цѣлью ознакомить русскихъ читателей съ результатами изслѣдованій о древнѣйшихъ греческихъ вазахъ, сдѣланныхъ этими учеными, и представляющихъ богатый вкладъ въ науку классической археологіи. Извѣстно, что покойный Дюмонъ поставилъ себѣ задачу изслѣдовать росписные сосуды классической эпохи, происходящіе какъ изъ собственной Греціи, такъ и изъ Италіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ въ виду коснуться и нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ исторіи и выяснитъ торговыя отношенія, существовавшія съ древнѣйшихъ временъ между народами, населявшими берега Средиземнаго моря. Съ теченіемъ времени онъ измѣнилъ свою первоначальную задачу и занялся изученіемъ самыхъ древнихъ произведеній греческой керамики. Его работу, оставшуюся не оконченною, дополняетъ трудъ Райе и Коллиньона, представляющій историческій ходъ и характеристику керамическаго искусства въ Греціи съ самаго его возникновенія до позднѣйшаго состоянія. Оба сочиненія обладаютъ неоспоримыми научными достоинствами, и ознакомить съ ними русскихъ читателей представляется дѣломъ не безынтереснымъ. Свою задачу г. Павлуцкій исполнилъ съ умѣніемъ и въ послѣдовательномъ и обстоятельномъ разказѣ знакомитъ насъ съ древнѣйшими, доисторическимъ періодомъ греческой керамики, извѣстнымъ намъ по вазамъ Гиссарлика, Санторина и Микенъ, затѣмъ переходитъ къ геометрической орнаментации, рассматриваетъ восточное вліяніе на сосудахъ Кипра, Родоса и Мелоса и такъ-называемыхъ керинескихъ, подробно описываетъ керамическія издѣлія Аѣны въ VI вѣкѣ и т. д. Обзоръ его написанъ живо и читается съ интересомъ.

Очеркъ средневѣковой нѣмецкой эпической поэзіи и литературная судьба пѣсни о Нивалунгахъ. *И. Сазоновича*. Варшава.—Брошюра г. Сазоновича, представляющая отгискъ изъ Варшавскихъ университетскихъ извѣстій, заключаетъ въ себѣ двѣ статьи, предназначенныя не для узкаго кружка спеціалистовъ, а для университетскаго юношества и для всякаго образованнаго читателя, интересующагося историко-литературными вопросами. Первая изъ нихъ представляетъ очеркъ средневѣковой нѣмецкой эпической поэзіи; здѣсь, послѣ общаго введенія, въ которомъ разъясняются термины: пѣть и сказывать, указывается на сту-

пени перехода перваго приѣма во второй, и на значеніе пѣвца въ народѣ; затѣмъ авторъ переходитъ къ особенностямъ древнѣйшей нѣмецкой эпической поэзіи въ сферѣ стихосложенія и къ исторіи эпоса національнаго, съ одной стороны, и придворнаго — съ другой. Вслѣдъ за симъ авторъ излагаетъ вкратцѣ объемъ нѣмецкой эпической поэзіи, останавливаясь на передачѣ содержанія пѣсни о Нибелунгахъ и на перечисленіи другихъ памятниковъ національнаго нѣмецкаго эпоса, нашедшаго себѣ распространеніе и передѣлку на скандинавскомъ сѣверѣ. Въ заключеніе, вкратцѣ обзрѣвается рыцарская литература отъ конца XII до первой половины XIV столѣтія. Вторая статья посвящена любознательному вопросу о литературной судьбѣ пѣсни о Нибелунгахъ: послѣ перечисленія свидѣній, указывающихъ на судьбу этой пѣсни до XVIII вѣка, авторъ съ особенною подробностью останавливается на открытіи въ 1755 году рукописи въ Гогенъ-Эмсѣ врачомъ Оберейтомъ и на первомъ (не полномъ) изданіи Бодмера. Указавъ на занятія этимъ памятникомъ Хр. Миллера и фонъ-дербъ-Гагена, г. Сазоновичъ, какъ и естественно, съ большею подробностью говоритъ о работахъ надъ рукописнымъ текстомъ и его изданіемъ К. Лахмана, Гольцмана и Барча. Двѣ послѣднія главы посвящены исторической и мѣологической части сказаній о Нибелунгахъ. Книжка читается легко и, какъ составленный съ знаніемъ дѣла сводъ мѣтній ученыхъ по разбираемымъ въ ней вопросамъ, окажетъ пользу читателямъ, желающимъ быть введенными въ изученіе древне-нѣмецкой эпической поэзіи.

— Въ теченіе марта мѣсяца въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили слѣдующія новыя изданія:

Стихи на страсти Господни или стихи страстные, сочиненные св. *Димитріемъ* митрополитомъ Ростовскимъ. Сообщены преосвященнымъ *Амфилозіемъ*, епископомъ Угличскимъ, викаріемъ Ярославской епархіи. Ярославль. Съ приложеніемъ фотолитографическаго снимка и автографа св. Димитрія.

Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя, его составъ и происхожденіи. *А. Михайлова*. С.-Пб.—Отдѣльный оттискъ изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за текущій годъ.

Е. Замысловскій. Сношенія Россіи съ Швеціей и Даніей въ царствованіи Овдора Алексѣевича. М.—Отдѣльный оттискъ изъ Русскаго Вѣстника за текущій годъ.

Е. С. Филлимоновъ. Румянцовская генеральная опись Суражскаго уѣзда 1767 года. Изданіе автора. Вятка.

Графъ Дмитрій Николаевичъ Шереметевъ. С.-Пб.

Татьяна Васильевна Шлыкова. 1773—1763. С.-Пб.—Обѣ эти брошюры написаны гр. С. Д. Шереметевымъ.

Биографія. (Собралъ и дополнилъ *А. Θ. Семивановъ*). Пенза.—Оттискъ изъ Памятной книжки Пензенской губерніи, брошюра эта содержитъ въ себѣ краткія біографіи слѣдующихъ лицъ, родившихся въ Пензенской губерніи: П. Н. Арапова, А. Н. Бекетова, Н. Н. Бекетова, Θ. И. Буслаева, В. Я. Бузыгина, М. А. Викторовой, Ф. Ф. Вигеля, И. П. Гвоздева, Н. А. Демчинскаго, М. Н. Загоскина, В. А. Инсарскаго, В. О. Ключевскаго, П. Т. Морозова, Н. П. Огарева, А. П. Орлова, В. М. и Д. М. Перевощиныхъ, А. С. Размадзе, М. Н.

Струйской, Н. С. Таганцева, А. А. Татаринова, Н. И. Хлѣбникова и Ѳ. И. Чумакова.

Библиотѣка греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ. III. М. Туллий Цицеронъ. В. I. Рѣчи противъ Катилины. Перевелъ съ латинскаго В. Алексеевъ, съ введеніемъ и примѣчаніями. С.-Пб. 1888.

Сатиры Персія. А. А. Фета. С.-Пб.—Оттискъ изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за текущій годъ.

Краткая исторія философіи. Составлена примѣнительно къ новой программѣ для преподаванія философіи въ духовныхъ семинаріяхъ. М. Е. Соколова. Симбирскъ.

Диктантъ для начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищъ. Курсъ I и II года. Составила учительница Ѳ. Е. Скорцова. Изданіе А. А. Карцева. М.

Приложеніе алгебры къ геометріи. Для среднихъ учебныхъ заведеній составилъ Я. Блюмбергъ. 4-е изданіе. С.-Пб.

Отчетъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей съ 14-го ноября 1887 г. по 14-е ноября 1888 г. Одесса.

Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. IV, вып. I. Новая серія. С.-Пб.—Содержаніе: 1) Неизданныя надписи острова Хиоса, сообщенныя г. Попандоуло-Керамевсомъ (съ табл.)—д. чл. В. В. Латышева; 2) О монетахъ сивесскихъ царей съ именемъ города Ольвіи (съ табл.)—д. чл. А. В. Оршеникова; 3) Древній храмъ св. Богородицы въ г. Владимірѣ Волинскомъ—А. В. Лонникова; 4) Три влада русскихъ денегъ XV и начала XVI вѣка (съ табл.)—д. чл. гр. И. И. Толстаго; 5) Византійскія мозаики двухъ сицилійскихъ церквей XII вѣка (съ 4 табл.)—А. Н. Шукарева; 6) Филолого-археологическая замѣтка по топографіи греческаго Царяграда—д. чл. Г. С. Дестуниса; сверхъ того, протоколы Общества за май—октябрь 1888 г. и археологическія замѣтки.

Записки Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, Т. III, вып. 3. С.-Пб.—Содержаніе: 1) Новый Българскій кладъ 1887 года.—А. Лихачева; 2) Николай Спавари до пріѣзда въ Россію—П. Сырку; 3) Списокъ персидскимъ, турецко-татарскимъ и арабскимъ рукописямъ бібліотеки С.-Петербургскаго университета (окончаніе)—бар. В. Розена; 4) „Мудрость Балавара“, грузинская версія душеполезной исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ—Н. Марра; сверхъ того, мелкія замѣтки и извѣстія, критика и бібліографія.

Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Изд. подъ редакціей А. В. Оршеникова. Т. XII, вып. 2, съ 7 фотогипсами и рисунками въ текстѣ. М.—Содержаніе: 1) С. I. Домовъ. Русскій переводъ латинскаго описанія Іерусалима; 2) М. А. Веневитиновъ. Уваровскіе списки Данилова хожденія; 3) Н. Ячукъ. А. К. Киркоръ (некрологъ); 4) гр. А. С. Уваровъ. Древняя мраморная ваза изъ собранія гр. А. С. Уварова; 5) В. Н. Ястребовъ. Погребальныя обычаи въ древнихъ могиллахъ бассейна рѣки Ингула; 6) В. Ѳ. Миллеръ. Археологическія развѣдки въ Алуштѣ и ея окрестностяхъ; сверхъ того, протоколы Общества за 1886—1887 гг.

КЪ ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНІИ ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ.

Помѣщая нашу замѣтку, мы желали бы обратить вниманіе на нѣкоторыя слабыя стороны въ преподаваніи греческаго языка въ гимназіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указать на тѣ мѣры, которыя, по нашему мнѣнію, могли бы скорѣе привести къ цѣли.

Начнемъ съ общихъ замѣчаній.

Кратчайшій путь, говорятъ, самый лучшій. Такъ и тотъ методъ преподаванія языка—самый лучшій, который скорѣе всего ведетъ къ цѣли. По отношенію къ древнимъ языкамъ тотъ методъ будетъ лучше, который ведетъ скорѣе всего къ главной цѣли, то-есть, къ чтенію образцовыхъ произведеній древней литературы или, точнѣе сказать, къ тѣмъ упражненіямъ слова и мысли, которыя тѣсно связаны съ этимъ чтеніемъ. Самыя программы и инструкціи показываютъ, что главная задача классическаго образованія заключается именно въ возможно большемъ занятіи классическими авторами. И въ самомъ дѣлѣ, самое понятіе о классическомъ образованіи неразрывно связано съ изученіемъ образцовыхъ произведеній классической литературы и внѣ этого изученія немыслимо. Все, что только хорошаго получаетъ учащійся отъ занятія древними языками, кроется въ авторахъ и ни въ чемъ другомъ. Только чтеніе авторовъ, разумѣется, если оно толково ведется, можетъ приучить учащагося къ акрибіи или точности въ выраженіи мысли, можетъ дать ему понятіе о художественной сторонѣ изложенія и такимъ образомъ развить его эстетическій вкусъ; наконецъ, только этимъ чтеніемъ учащійся можетъ непосредственно быть введенъ въ древній міръ и непосредственно познакомиться съ тѣми произведеніями классической литературы,

часть сслхш, отд. 3.

которыя имѣли не малое вліяніе на европейское образованіе вообще и на развитіе европейскыхъ литературъ въ особенности.

Но для того, чтобы приступить къ чтенію авторовъ, необходимо предварительно подготовить учащагося. Правда! Но этотъ предварительный курсъ долженъ быть какъ можно короче и не затягиваться дольше необходимаго.

Сравнивая программы и учебники, приложенные къ требованіямъ программъ, мы не можемъ не замѣтить, что предварительный курсъ грамматики древнихъ языковъ длится нынѣ дольше необходимаго и при томъ длится безъ пользы для учащихся. Виноваты въ этомъ отчасти погоня за такъ-называемымъ систематическимъ преподаваніемъ грамматики, а больше тотъ способъ, которымъ стараются утвердить въ учащихся правила грамматическія. Въ этимологіи и синтаксисѣ проходятся особо такія статьи, которыя мало имѣютъ значенія для подготовительнаго курса (напримѣръ, о числительныхъ, о словообразованіи и словосложеніи и т. п.). Затѣмъ употребляется болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, времени на утвержденіе каждой проходимой статьи по грамматикѣ съ помощью перевода фразъ, составленныхъ ad hoc. Оттого въ результатѣ выходитъ, что не скоро можно добраться до надлежащаго чтенія авторовъ и, добравшись до авторовъ, не много приходится прочесть ихъ, особенно когда тѣ же упражненія въ переводѣ съ русскаго на древній языкъ длятся не въ мѣру и дальше, когда положено уже читать авторовъ. Не говоря уже о томъ, что подобныя упражненія могутъ набить оскомину въ учащихся, они, кромѣ того, мало соотвѣтствуютъ цѣли, то-есть, мало готовятъ ученика къ чтенію авторовъ и вообще къ пониманію языка древняго. Коротенькія фразы, составленныя для упражненія въ грамматикѣ, никогда не дадутъ того запаса словъ и выраженій, который необходимъ для чтенія хотя бы легчайшаго автора, а главное—никогда не будутъ въ состояніи подготовить учащагося къ пониманію связной рѣчи. Всякій филологъ знаетъ, что, какъ бы обширно ни былъ пройденъ курсъ грамматическій, все же при чтеніи авторовъ приходится много доучивать, а иногда и переучивать по грамматикѣ. Поэтому въ предварительномъ грамматическомъ курсѣ слѣдуетъ дать только то, безъ чего нельзя приступить къ чтенію авторовъ, притомъ въ такомъ порядкѣ, который скорѣе всего ведетъ къ цѣли. Изъ этимологіи самыя важныя части суть формы измѣняемыхъ словъ, склоненія и спряженія, изъ синтаксиса — тѣ части, въ которыхъ древніе языки расходятся съ русскимъ.

Примѣняя эти общія замѣчанія къ греческому языку, мы полагаемъ, что предварительный курсъ грамматики, который теперь растянуть на четыре года, можетъ быть пройденъ въ три года: этимологія въ два года (въ III и IV классѣ), синтаксисъ въ одинъ годъ (въ V классѣ). Собственно теперь курсъ третьяго года или пятаго класса представляетъ нѣчто странное по своему составу. Въ немъ предлагается пройти ученіе о словообразованіи и словосложеніи и пополнить этимологію пропущенными прежде подробностями и въ то же время назначается читать Анабазисъ Ксенофонта и Одиссею. О синтаксисѣ ни помину! Спрашивается, однако, какимъ образомъ ученикъ можетъ читать хотя бы Анабазисъ Ксенофонта безъ знанія главнѣйшихъ особенностей греческаго синтаксиса. Въмѣсто того, чтобы пополнять этимологію пропущенными подробностями (терминъ слишкомъ растяжимый!) и проходить особо о словообразованіи и словосложеніи (что для предварительнаго курса совершенно излишне), полезнѣе было бы пройти въ этомъ классѣ синтаксисъ. — Затѣмъ, что касается до преподаванія этимологіи, то прежде всего слѣдуетъ отказаться отъ того способа, по которому требуется, чтобы начинающій съ первыхъ же уроковъ пользовался сообщаемымъ ему матеріаломъ для выраженія мыслей, то-есть, могъ бы составлять фразы на древнемъ языкѣ или перевести русскую фразу на древній языкъ. Подобное требованіе къ учащимся, едва умѣющимъ разбирать греческія буквы, во первыхъ, слишкомъ преждевременно, а затѣмъ оно напрасно затягиваетъ дѣло безъ всякой пользы. Возрастъ и развитіе учениковъ третьяго класса не таковы, чтобы имъ нужно было предлагать грамматическій матеріалъ въ гомеопатическихъ дозахъ, равнравляя его обильною водицей жидкихъ упражненій. Въмѣсто того, чтобы засиживаться на составленіи и переводѣ фразъ на первое склоненіе, затѣмъ на второе и т. д., дѣло можно было бы повести скорѣе, не рискуя нисколько получить результаты худшіе тѣхъ, которые нынѣ получаютъ. По нашему мнѣнію, слѣдовало бы сначала пройти склоненія и спряженія (разумѣется, въ парадигмахъ), а затѣмъ уже можно было бы приступить къ переводу фразъ съ греческаго на русскій и обратно, представляющія упражненія на выученныя формы склоненія и спряженія. Конечно, на первый разъ слѣдовало бы ограничиться по третьему склоненію однимъ или двумя парадигмами, представляющими наименьшее измѣненіе звуковъ (какъ напримѣръ, *θήρ, ἰχθύς, οὐς* и т. п.), а по спряженію пройти только одинъ парадигмъ правильнаго неслитнаго глагола (напримѣръ, *λόω*).

Остальные же разряды словъ третьяго склоненія можно было бы пройти послѣ того, какъ учащіеся усвоили бы твердо спряженіе правильныхъ неслитныхъ глаголовъ (хотя бы въ дѣйствительномъ залогѣ). Затѣмъ уже можно было бы продолжать спряженіе остальныхъ разрядовъ глаголовъ и, пожалуй, ради облегченія фразеологии, сообщить имъ формы глагола *εἶμι* въ изъявительномъ наклоненіи, не дожидаясь того времени, когда ученикъ будетъ проходить глаголы на *μ*. При такомъ, примѣрно, способѣ прохожденія грамматическаго матеріала ученику не придется засиживаться на сравнительно легкихъ статьяхъ (напримѣръ, первомъ и второмъ склоненіи и т. п.) и время будетъ выгадано для болѣе трудныхъ статей этимологін, такъ что уже въ третьемъ классѣ можетъ быть пройдена часть того, что теперь скучивается въ четвертомъ классѣ. А главное, самыя упражненія получаютъ характеръ болѣе содержательный, такъ какъ для ученика, знающаго первыя два склоненія и хотя бы одинъ парадигмъ третьяго склоненія и одинъ парадигмъ глагола, легче будетъ подобрать болѣе разнообразныя и осмысленныя фразы, чѣмъ это возможно теперь, когда упражненія дѣлаются съ перваго же склоненія безъ помощи глагола или же съ помощью отрывочныхъ формъ глагольныхъ, въ родѣ *εἶσι* и т. п.

При такомъ способѣ прохожденія грамматическаго курса получится, кромѣ того, скорѣе возможность приступить къ чтенію статей по хрестоматіи въ IV-мъ классѣ и къ чтенію авторовъ въ VI-мъ классѣ (то-есть, цѣльныхъ произведеній одного автора или же цѣльныхъ отрывковъ изъ одного автора, напримѣръ, пѣсенъ Гомера, отдѣльныхъ книгъ исторіи Геродота и т. п.). Конечно, теперь чтеніе авторовъ начинается уже съ V-го класса. Но въ V-мъ классѣ такое чтеніе является преждевременнымъ, такъ какъ учащійся не только не въ состояніи будетъ прочесть автора въ достаточной мѣрѣ, но, что существеннѣе, безъ знанія синтаксиса не въ состояніи разобрать текстъ автора и приготовить переводъ его самостоятельно (безъ подстрочниковъ, *praeparationes* и тому подобныхъ антидидактическихъ помочей). Въ VI-мъ же классѣ, вслѣдствіе нынѣшняго устройства преподаванія, надлежащее чтеніе авторовъ представляется только на половину возможнымъ, особенно въ первое полугодіе, когда начинается только прохожденіе синтаксиса. Съ перенесеніемъ же синтаксиса въ V-й классъ дана будетъ возможность подготовить учащихся полянѣ къ такому чтенію авторовъ, какъ требуется гимназическими планами.

Кстати замѣтимъ, что въ пятомъ классѣ, вмѣсто того чтобы читать прозведеніе одного какого-нибудь автора, полезнѣе было бы читать статьи по хрестоматіи, такъ какъ хрестоматія даетъ возможность устроить чтеніе согласно съ дидактическими цѣлями. Въ хрестоматіи можно подобрать и расположить статьи изъ разныхъ авторовъ въ томъ порядкѣ, который болѣе соответствовалъ бы проходимоу курсу или познаніямъ учениковъ. Кромѣ того, чтеніе по хрестоматіи можетъ дать ученику большій запасъ словъ и оборотовъ, чѣмъ чтеніе одного Анабазиса. Наконецъ, согласно съ дидактическими цѣлями, можно было бы въ хрестоматіи или упростить текстъ или же снабдить его краткими поясненіями такихъ формъ этимологическихъ и синтаксическихъ, которыя не встрѣчались въ пройденномъ курсѣ. Само собою разумѣется, что въ эту хрестоматію могли бы войти и отрывки изъ Анабазиса, и отрывокъ изъ Одиссеи, который могъ бы служить какъ бы введеніемъ къ чтенію Гомера и парадигмомъ гомеровскаго языка.

Что же касается до чтенія авторовъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то прежде всего замѣтимъ, что выборъ въ этомъ отношеніи предоставляется изрядный. Жаль только, что многіе изъ нихъ вовсе не читаются. Такъ въ шестомъ классѣ, гдѣ, кстати сказать, слишкомъ много скучево разнообразныхъ авторовъ (цѣлыхъ 6), предоставляется на выборъ, исключая Гомера, читать Ксенофонта, или Исократы, или Арріана, или Лукіана, или Плутарха; въ восьмомъ классѣ Демосоева или Фукидида, Еврипида или Софокла и Платона.

Сколько намъ извѣстно, Исократъ, Арріанъ, Плутархъ и Еврипидъ совсѣмъ не читаются, а, если въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ читается Лукіанъ, то въ замѣнъ и въ ущербъ Ксенофону. Не ратуя нисколько за многообразность чтенія и менѣе всего за чтеніе позднѣйшихъ писателей, какъ, напримѣръ, Арріана и Лукіана (мѣсто которыхъ въ хрестоматіи), мы не можемъ не пожалѣть, что не читаются такіе авторы, какъ Еврипидъ и Фукидидъ. Не читаются они, конечно, по недостатку времени.

Для того чтобы выгадать время для чтенія авторовъ, хотя бы только самыхъ образцовыхъ, и для того чтобы въ самомъ дѣлѣ сосредоточить занятіе учениковъ высшихъ классовъ на главной и наиболѣе полезной работѣ по древнимъ языкамъ, для этого необходимо въ седьмомъ и восьмомъ классѣ исключить изъ программъ всякіе устные и письменные переводы съ русскаго языка на греческій.

Вотъ уже болѣе десяти лѣтъ, какъ мнѣ приходится испытывать учениковъ, окончившихъ курсъ гимназіи, или при поступленіи ихъ въ историко-филологическій институтъ, или тотчасъ же послѣ поступления, въ переводѣ съ русскаго языка на греческій, и я могу сказать только одно, что тѣ переводы, какіе мнѣ приходилось видѣть, за рѣдкими исключеніями, были крайне посредственны. Не говоря уже о складѣ языка, большинство изъ нихъ представляло грубыя ошибки въ этимологіи и обыкновенныхъ правилахъ синтаксиса. Замѣчу, что темы предлагались мною легкія, повѣствовательнаго содержания, съ назначеніемъ труднѣйшихъ словъ или выраженій, а иногда и статьи изъ Фарвика съ предоставленіемъ права пользоваться словарчикомъ, помѣщеннымъ въ этомъ учебникѣ. Спрашивается, стоило ли и стоитъ ли и дальше еще хлопотать о подобныхъ жалкихъ результатахъ по греческому языку? И не лучше ли то время, которое теперь употребляется въ седьмомъ и восьмомъ классѣ на переводы устные и письменные съ русскаго языка на греческій, посвятить всецѣло на чтеніе авторовъ, которое несравненно болѣе посодѣйствуетъ развитію ихъ слова и ума и въ то же время скорѣе научитъ ихъ понимать греческія книги. Переводы же съ русскаго языка на греческій должны, по моему мнѣнію, служить только дидактическимъ средствомъ для утвержденія правилъ грамматики и въ смыслѣ средства они пригодны только для предварительнаго курса, то-есть, для III, IV и V класса; пожалуй, они могутъ быть продолжены и въ VI классѣ для пополненія синтаксическихъ знаній. Но во всякомъ случаѣ они не должны быть цѣлью, въ которой волей-неволей направляются усилія какъ учащихся, такъ и учащихся. Я говорю волей-неволей, потому что, хотя чтеніе авторовъ и считается главнымъ занятіемъ по гимназическимъ планамъ, но по тѣмъ же планамъ переводы съ русскаго на греческій стоятъ во главѣ окончательныхъ испытаній и по нимъ оцѣнивается правоспособность ученика на полученіе аттестата зрѣлости и вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣятельность самихъ преподавателей. Отчеты объ этихъ работахъ печатаются въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ одобреніемъ или неодобреніемъ подлежащихъ гимназій. Ясно, — на что обращается особенное вниманіе, то и дѣлается предметомъ особенныхъ усилій, какъ со стороны учащихся, такъ и со стороны учащихся. Въ результатѣ выходитъ, что и навъка въ передачѣ даже легкыхъ, такъ сказать прожеванныхъ, статей съ русскаго языка на греческій не приобрѣтается, и авторы не прочитываются въ той мѣрѣ,

какъ это желательно, и съ тою сосредоточностью, какая необходима въ этомъ дѣлѣ. Не забудемъ, что въ нашихъ гимназіяхъ учать, кромѣ отечественнаго языка, тремъ чужимъ языкамъ: двумъ древнимъ и одному новѣйшему (обязательно). Вмѣсто того, чтобы научать ихъ писать посредственно на всѣхъ этихъ языкахъ, не исключая подъ-часъ и отечественнаго, не лучше ли научить хорошо писать на отечественномъ и на одномъ какомъ-либо изъ чужихъ языковъ.

Ущербъ для дѣла отъ предлагаемаго нами устраненія письменныхъ и устныхъ переводовъ съ русскаго языка на греческій въ высшихъ классахъ не будетъ никакого. Въ смыслѣ средства для развитія эти упражненія слишкомъ ничтожны. Практическаго значенія навыкъ передавать легкія статьи русскія на греческій языкъ никакого не имѣетъ, ни даже для будущаго филолога-классика ¹⁾. Наконецъ, эти упражненія не научатъ насъ понимать греческихъ авторовъ. Научиться этому пониманію можно только посредствомъ прилежнаго чтенія самихъ же авторовъ. *Nic Rhodus est, hic salta!*

Но могутъ намъ сказать: какъ же устроить контроль (дѣйствительный, такъ-сказать, документальный) надъ успѣхами учащихся по греческому языку?—Контроль этотъ, по нашему мнѣнію, можно было бы устроить иначе, притомъ съ большею пользою для дѣла. Такъ, напримѣръ, можно было бы предложить на окончательномъ испытаніи по греческому языку перевести письменно на русскій языкъ такія-то главы изъ греческаго прозаика или такіе-то стихи изъ греческаго поэта, читанныхъ въ теченіи гимназическаго курса. Кромѣ перевода, можно было бы требовать и объясненій, какъ по языку, такъ и по содержанію. Сообщеніе назначенныхъ для перевода мѣстъ изъ авторовъ, могло бы быть обставлено тѣми же предосторожностями, какія практикуются теперь при сообщеніи русскихъ темъ для перевода на греческій. Подобнаго рода испытаніе скорѣе покажетъ, въ какой мѣрѣ усвоилъ себѣ учащійся знаніе греческаго языка или пониманіе греческихъ авторовъ, а также, въ какой мѣрѣ классическая школа отразилась и на собственномъ его изложеніи.

¹⁾ Для будущаго филолога важнѣе, конечно, понавыкнуть въ чтеніи греческихъ книгъ, чѣмъ въ передачѣ русскихъ фразъ на греческій языкъ; поэтому пробаденіе въ университетскомъ курсѣ подобныхъ упражненій въ переводѣ съ русскаго на греческій будетъ только напрасно отвлекать силы учащихся отъ болѣе серьезныхъ и содержательныхъ занятій по греческой филологіи.

Въ гимназіи, гдѣ преподается нѣсколько языковъ, всякій изъ нихъ долженъ имѣть какую-нибудь особую цѣль, что-нибудь свое. Объ отечественномъ языкѣ говорить излишне. Его развитіе долженъ преслѣдовать не только учитель русскаго языка и словесности, но и всѣ преподаватели. Изученіе новѣйшихъ языковъ имѣетъ чисто практическую цѣль. Древніе же языки изучаются болѣе παιδείας ἕνεκα, ради образованія, и никакихъ практическихъ цѣлей не преслѣдуютъ. Поэтому и преподаваніе всѣхъ этихъ языковъ не слѣдуетъ вести по одному шаблону, который, повторяясь часто, можетъ наконецъ, потерять свою образовательную силу. Особенно же при преподаваніи древнихъ языковъ слѣдуетъ отбросить все лишнее и побочное, чтобы тѣмъ съ большимъ успѣхомъ достигнуть главной и существенной задачи.

А. Вейсманъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Исторія древняго міра. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ магистръ русской исторіи *Н. Тумасовъ*. С.-Пб. 1888.

Относительная бѣдность нашей учебной литературы по исторіи заставляетъ съ чувствомъ живѣйшей радости встрѣчать каждый новый трудъ, который могъ бы пополнить недостатокъ хорошихъ руководствъ и пособій по этому предмету; тѣмъ не пріятнѣе бываетъ разочарованіе, если вновь появившаяся книга оказывается имѣющею такіе недостатки, которые заставляютъ пожалѣть о затраченныхъ составителемъ ея силахъ и издержкахъ по изданію. Къ числу такихъ книгъ слѣдуетъ отнести и эту, заглавіе которой приведено выше. Не смотря на заявленіе почтеннаго составителя ея, что онъ „надъ изготовленіемъ своего труда работалъ съ полною добросовѣстностью“, въ доказательство чего онъ приводитъ длинный перечень тѣхъ „произведеній классическихкихъ писателей Греціи и Рима“, которыя легли „въ основу его труда“, и тѣхъ „трудовъ западно-европейскихъ ученыхъ“, которые „служили ему пособіемъ и принесли неоцѣненную услугу при изложеніи сомнительныхъ или запутанныхъ вопросовъ древней исторіи“ (предисл., стр. 3—5),—обиліе въ его книгѣ ошибокъ и неточностей, встрѣчающіеся мѣстами неправильныя относительно языка обороты, многочисленность типографскихъ ошибокъ заставляютъ насъ рѣшительно возстать противъ притязанія автора, чтобъ его учебникъ древней исторіи могъ служить руководствомъ учащейся молодежи нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

---

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Книга г. Тумасова содержитъ въ себѣ на 310 страницахъ (за исключеніемъ первыхъ 10 страницъ, занятыхъ предисловіемъ и введеніемъ) исторію 1) Востока (египтяне, финикиане, ассирияне и вавилоняне, индусы, мидяне и персы), 2) Греціи съ Македоніей и 3) Рима (до паденія Западной Римской имперіи). Книга, очевидно, предназначена для употребленія въ тѣхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ проходитъ систематическій курсъ древней исторіи; объ этомъ свидѣтельствуемъ какъ объ объемъ книги, такъ и ея содержаніе. Въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, по учебному плану 1877 г., для этого курса назначенъ V классъ и частью (для повторенія и дополненій) VIII классъ. Мы не знаемъ, для какого изъ этихъ классовъ авторъ назначаетъ свой учебникъ; но изъ нѣкоторыхъ словъ автора (предисл., стр. 5) можно заключить, что книга его должна служить учебникомъ въ томъ классѣ, гдѣ систематическій курсъ древней исторіи проходитъ въ первый разъ, то-есть, въ V классѣ, — а въ такомъ случаѣ изъ книги г. Тумасова придется исключить первыя 60 страницъ, посвященныхъ обзорѣнію исторіи древняго востока, которая не входитъ въ курсъ этого класса. Конечно, присутствіе этого отдѣла въ учебникѣ, предназначенномъ для V класса, можетъ быть признано только желательнымъ, въ виду краткости тѣхъ свѣдѣній, какія сообщаются ученикамъ о народахъ древняго востока въ III классѣ, въ эпизодическомъ курсѣ; но при невозможности, за недостаткомъ времени, проходить этотъ отдѣлъ въ классѣ подъ руководствомъ учителя, онъ долженъ быть изложенъ такъ, чтобы ученики могли его легко понимать сами, путемъ самостоятельнаго чтенія, и слѣдовательно, по преимуществу онъ долженъ быть посвященъ описанію бытовой стороны жизни древнихъ восточныхъ народовъ, сохранившихъ послѣ нихъ памятниковъ и т. под. Въ книгѣ г. Тумасова, правда, мы находимъ все это, но мы сомнѣваемся, чтобы этотъ отдѣлъ, въ изложеніи нашего автора, могъ быть понятенъ ученикамъ безъ надлежащихъ разъясненій, а въ такомъ случаѣ мы не можемъ признать умѣстности его въ книгѣ, предназначенной быть учебникомъ для учениковъ V класса: въ такомъ видѣ, въ какомъ этотъ отдѣлъ изложенъ въ книгѣ г. Тумасова, онъ безъ нужды увеличиваетъ объемъ книги и, слѣдовательно, дѣлаетъ ее болѣе дорогою по цѣнѣ.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію самой книги.

За предисловіемъ, въ которомъ авторъ перечисляетъ сочиненія древнихъ и новыхъ писателей, служившія ему пособіемъ при состав-

лении его учебника, и руководившія имъ педагогическія соображенія, слѣдуетъ введеніе. Здѣсь авторъ, говоря о раздѣленіи рода человѣческаго по наружному виду, приводитъ нынѣ уже колебленное въ наукѣ Блюменбахово дѣленіе на пять расъ, и затѣмъ, перечисляя отдѣльные народы древняго міра, принадлежащіе къ кавказской расѣ, къ арійской или индо-европейской группѣ относить только „персовъ, индусовъ, грековъ и римлянъ“, не упоминая ни о кельтахъ, ни о германцахъ, между тѣмъ какъ дальше, при изложеніи исторіи Рима, ему приходится говорить и о тѣхъ, и о другихъ ¹⁾. Точно также относить къ семитамъ только „евреевъ, арабовъ и финикиянъ“, какъ это дѣлаетъ авторъ, не представляется основательнымъ, въ виду несомнѣнно семитическаго происхожденія древняго населенія тигро-евфратской равнины. Правда, далѣе мы читаемъ такія слова: „Туранская вѣтвь монгольской расы въ смѣшеніи съ арійцами и семитами образовала въ древности государства: Мидійское, Ассиро-Вавилонское и Египетское, населеніе которыхъ, извѣстное въ исторіи подъ именемъ мидянъ, ассириянъ, вавилонянъ и египтянъ, составляетъ отдѣльныя народныя группы“ (стр. 10); но изъ этихъ словъ трудно вывести определенное представленіе объ этнографіи упоминаемыхъ странъ древняго міра. Если и можно еще (и то съ крайнею осторожностью, въ виду недостаточной разработки этого вопроса въ наукѣ) говорить о туранскомъ элементѣ въ Ассиро-Вавилоніи и Мидіи, то видѣть его присутствіе въ древнемъ Египтѣ нѣтъ никакихъ основаній; точно также мы рѣшительно отвергаемъ мнѣніе автора объ участіи „арійцевъ“ въ созданіи древней египетской народности. Вообще вопросъ объ этнографіи древняго міра принадлежитъ къ числу самыхъ неудачныхъ мѣстъ въ книгѣ г. Тумасова.

На страницахъ, посвященныхъ обзорѣ исторіи и культуры отдѣльных народовъ древняго Востока, обрацаютъ на себя вниманіе слѣдующія ошибки и неточности:

Стр. 11: „Объ цѣпи (горъ, между которыми заключена долина р. Нила) не богаты растительностью, но за то изобилуютъ благо-

¹⁾ А если слова автора объ этомъ („По особенностямъ языка кавказская раса распадается...) надобно понимать въ смыслѣ дѣленія кавказской расы вообще, а не только по отношенію къ народамъ древняго міра, то оказываются опущенными и славяне, и литовцы.

родными камнями, которые служили богатымъ матеріаломъ для величественныхъ египетскихъ построекъ“. Сопоставивъ эти слова съ тѣми, которыя находимъ на слѣдующей страницѣ: „Они (египетскія сооруженія) воздвигались изъ гранита и мрамора, которыми изобиловали ихъ горныя цѣпи“, мы должны сказать, что авторъ „благородными камнями“ считаетъ „гранитъ и мраморъ“, что болѣе чѣмъ сомнительно.

Стр. 12: „Разливъ Нила продолжается іюнь, іюль и августъ; въ октябрѣ обыкновенно происходитъ обработка полей“. Разлитія Нила начинаются не ранѣе половины іюня и продолжаются до половины сентября, а обработка полей происходитъ не на всемъ пространствѣ Египта въ одно время, а по мѣрѣ спаденія воды, раньше въ Верхнемъ, позже въ Нижнемъ Египтѣ.

Ibid.: „Древнія египетскія лѣтописи свидѣтельствуютъ, что резиденція Египетскихъ царей первоначально находилась въ городѣ Оисъ (на полградуса сѣвернѣе Оивъ), подлѣ Нила; но какіе цари царствовали въ немъ, не извѣстно“. Говорить о „царяхъ“ Египетскихъ до Менеса, а тѣмъ болѣе о какомъ бы то ни было городѣ, какъ ихъ „резиденціи“, нѣтъ никакихъ основаній; можно только, на основаніи свидѣтельства Манеона, сказать, что въ до-Менесовскую эпоху Египетъ представлялъ группу патриархальныхъ общинъ, управляемыхъ патриархами-жрецами (періодъ еоократіи).

Стр. 13. Въ числѣ царей 4-й династіи, которымъ „принадлежитъ сооруженіе самыхъ высокихъ и обширныхъ пирамидъ долины Гизехъ“, авторъ называетъ неизвѣстнаго намъ „Нумхуфу“, хотя далѣе, говоря о пирамидахъ, о немъ уже не упоминаетъ („самыя величавыя изъ нихъ носятъ названіе пирамидъ Хуфу, Хафра и Менкеры“, стр. 20). Такимъ образомъ самъ г. Тумасовъ нарушаетъ выставленное имъ „основное педагогическое правило“: „какъ можно меньше голыхъ именъ и чиселъ и какъ можно больше живыхъ дѣятелей и событій“ (предисл., стр. 5). Подобныхъ отступленій нашего автора отъ этого правила не мало и на дальнѣйшихъ страницахъ его книги.

Ibid. О знаменитомъ царѣ XII династіи Аменемхѣ III сказано только, что онъ „воздвигъ знаменитый лабиринтъ“; а о томъ, что ему же принадлежитъ и устройство Меридова озера, этого, по сираведливости, чуда древняго Египта, не упомянуто вовсе.

Ibid.: „По смерти Аменемхи Египетъ постигло большое горе. На него напало прибывшее изъ Азіи пастушеское племя гиксовъ“. Между

смертью Аменемхи III и нашествіемъ гиксовъ протекло не одно столѣтіе, и въ этотъ промежутокъ времени царствовали XIII и XIV династій, изъ которыхъ послѣдняя возвысилась еще при первой: первые цари XIV династіи царствовали въ Нижнемъ Египтѣ одновременно съ послѣдними царями XIII династіи.

Ibid. Утверждать, что египтяне „терпѣливо переносили ненавистное иго (гиксовъ)“, нѣтъ основанія. Борьба за независимость была, безъ сомнѣнія, продолжительна и кровопролитна: она окончилась только при царѣ Ахмесѣ (Амазисѣ), который былъ третьимъ царемъ, воевавшимъ съ гиксами передъ ихъ изгнаніемъ изъ Египта.

Ibid. Тутмосизъ III (Тутмесъ III) не былъ „первымъ царемъ изъ XVIII династіи“, какъ утверждаетъ авторъ.

Стр. 14. Исходъ евреевъ изъ Египта авторъ относитъ къ половинѣ XIV в. до Р. Хр.; но въ такомъ случаѣ это событіе должно быть отнесено къ царствованію Рамзеса II, котораго авторъ помѣщаетъ между 1394 и 1328 гг. (стр. 13),—тогда какъ выселеніе евреевъ произошло уже послѣ смерти этого царя, при его преемникѣ (Меренпта).

Ibid. Говоря о Псамметихѣ, авторъ, между прочимъ, утверждаетъ, что онъ „отвелъ грекамъ для поселенія земли въ устьѣ Нила“ и „поручилъ имъ воспитаніе египетскихъ дѣтей“. Относительно послѣднихъ словъ автора мы можемъ указать только на сообщеніе Діодора Сицилійскаго, что онъ „до того любилъ Грецію, что научилъ дѣтей своихъ языку этой страны“; что же касается того, будто Псамметихъ „отвелъ грекамъ для поселенія земли въ устьѣ Нила“, то и это сообщеніе автора не вѣрно, такъ какъ первое (и вмѣстѣ единственное) поселеніе грековъ въ Египтѣ былъ г. Навкратисъ (Ναύκρατις), основанный жителями Милета почти 100 лѣтъ позже Псамметиха, при царѣ Амазисѣ, въ половинѣ VI вѣка.

Ibid. Возмущеніе египетскаго войска, окончившееся воцареніемъ Амазиса, произошло при царѣ Априсѣ; нѣтъ поэтому нужды говорить объ этомъ событіи такими словами: „Правленіе его сына Псамиса и внука Априса, озваменовалось бунтомъ военнаго сословія“ и т. д.

Ibid. О царѣ Амазисѣ сказано только, что онъ „старался водворить въ странѣ порядокъ и правосудіе“; ни слова не говорится о его отношеніяхъ къ грекамъ, которые, какъ замѣчено выше, при немъ завели свое первое поселеніе въ Египтѣ.

Стр. 17: „О семейномъ и общественномъ положеніи египетской женщины даютъ намъ понятіе греческіе писатели и живописно-скульптурныя изображенія египетскихъ памятниковъ. Изъ нихъ узнаемъ,

что за исключеніемъ гарема, который содержали цари и знатные вельможи, всѣ женщины пользовались одинаковыми съ мужчинами правами“. Впервыхъ, въ Египтѣ семейная жизнь основывалась на началѣ моногаміи, нарушение которой представляло лишь явленіе исключительное и не частое,—о чемъ нельзя заключить изъ словъ автора о „гаремахъ, которые содержали цари и знатные вельможи“; вовторыхъ, врядъ ли можно допустить, что „всѣ женщины пользовались одинаковыми съ мужчинами правами“.

Стр. 18: „Они (египетскіе мастера) могли воздвигать щегольскія многоэтажныя зданія“. Все, что извѣстно объ архитектурѣ древнихъ египтянъ, не даетъ права утверждать, что дома ихъ были „многоэтажныя“.

Ibid.: „Торговля египтянъ простиралась далеко во внутрь Азіи и Африки: кромѣ грековъ и народовъ перекней Азіи они вели дѣятельную торговую связь съ обитателями отдаленной Индіи и съ тѣми негрскими племенами, которыя обитали въ области р. Нигеръ“. Остается не выясненнымъ вопросъ: сами ли египтяне производили такую обширную торговлю, или только принимали привозимые имъ изъ этихъ странъ товары; первое, при извѣстной отчужденности египтянъ и ихъ національной нетерпимости, представляется мало вѣроятнымъ (по крайней мѣрѣ, относительно древнѣйшаго періода ихъ жизни).

Ibid.: „Время, свободное отъ труда, египтяне проводили въ различнаго рода развлеченіяхъ, при чемъ дѣти забавлялись иначе, чѣмъ взрослые и старики, богатые иначе, чѣмъ бѣдные“. Безсодержательность этой фразы понятна безъ комментариевъ.

Стр. 20—21. Описаніе египетскихъ храмовъ не даетъ яснаго представленія о томъ, какъ были устроены эти замѣчательные памятники древне-египетской архитектуры; а описаніе „сфинксовъ“ сдѣлано и совсѣмъ невѣрно („каменные изваянія чудовищныхъ животныхъ, представлявшихъ льва съ бараньею головою“).

Стр. 21. Говоря объ извѣстномъ „колоссѣ Мемнона“, авторъ совершенно неправильно считаетъ его остаткомъ храма, высѣченнаго въ скалѣ. Въ той части Египта, гдѣ до сихъ поръ возвышается эта колоссальная статуя одного изъ царей 18-й династіи (Аменго-тепа или Аменофиса III), храмы возводились на поверхности земли, а не высѣвались въ скалахъ.

Стр. 22—24. Изложеніе религіи древнихъ египтянъ страдаетъ неясностью, хотя и изобилуетъ множествомъ (10) именъ различныхъ божествъ съ указаніемъ на то, какъ они изображены на египетскихъ

памятникахъ. Такъ, наиримѣръ, совершенно не выясненъ культъ животныхыхъ, изъ которыхъ упомянуть только одинъ Аписъ.

Стр. 25: „Финикию называлась страна, прилегавшая къ восточнымъ берегамъ Средиземнаго моря и простиравшаяся отъ рѣки Элевтероса на сѣверѣ до горы Карамеля на югѣ“. Неоднократное повтореніе слова „Карамель“ и въ текстѣ, и на одной изъ приложенийъ къ книгѣ картъ не даетъ мѣста предположенію, что здѣсь топографская ошибка: южнымъ предѣломъ Финикии считается г. Кармель (*Car melus mons, Κάρμηλος*).

Стр. 29: „Второе, тоже очень важное изобрѣтеніе ихъ (финикиянъ) есть стекло“. Сколько извѣстно, изобрѣтеніе стекла было дѣломъ египтянъ, а финикиянамъ принадлежало только усовершенствованіе способа его приготовленія и обработки.

Стр. 30. Въ перечисленіи колоній финикиянъ одни названія переданы въ современномъ ихъ видѣ (Кальяри въ Сардиніи, Картагена, Малага въ Испаніи), другія—въ древней ихъ формѣ; притомъ Картагена (такъ нынѣ называется Новый Каррагенъ), основанная въ 227 году до Р. Х., была колоніей не самихъ финикиянъ, а каррагенянъ.

Ibid. Утверждая (не извѣстно, на какомъ основаніи), что финикияне ѣздили къ берегамъ Балтійскаго моря за янтаремъ, авторъ совсѣмъ не говоритъ о посѣщеніи ими береговъ Англии (олово) и объ ихъ поѣздкѣ вокругъ Африки, совершенной по приказанію египетскаго царя Нехао. Вообще торгово-промышленная дѣятельность финикиянъ недостаточно выяснена.

Стр. 32: „Древнѣйшая исторія этихъ странъ (Ассиріи и Вавилоніи) неизвѣстна“, говоритъ авторъ и далѣе передаетъ вкратцѣ „мѣстные преданія, собранныя жрецомъ Берозомъ“. Этотъ пересказъ „мѣстныхъ преданій“, сводящійся къ хронологическому перечисленію послѣдовательныхъ перемѣнъ въ Вавилоніи до покоренія ея Ассирією, по нашему мнѣнію, въ учебникѣ рѣшительно неумѣстенъ. То же слѣдуетъ сказать и о томъ, что говорится на слѣдующей страницѣ о первоначальной судьбѣ Ассиріи, гдѣ читаемъ рядъ именъ царей, даже безъ указанія ихъ дѣяній.

Стр. 35 и слѣд. Имя извѣстнаго Вавилонскаго царя Навуходоносора авторъ, не извѣстно на какомъ основаніи, передаетъ въ формѣ: „Навуходоросоръ“ (по памятникамъ имя этого царя читается такъ: Набу-Кудур-Уссуръ).

Переходя къ исторіи древней Греціи, мы прежде всего встрѣ-

чаемся съ слѣдующею особенностью: вопреки общепринятому правилу, авторъ разбираемой нами книги не сообщаетъ въ географическомъ очеркѣ страны (стр. 62—63) названій отдѣльныхъ областей съ ихъ городами, горъ, рѣкъ и пр., а ограничивается только общимъ указаніемъ географическихъ особенностей греческаго материка. Въ объясненіе этого отступленія отъ общепринятаго изложенія, авторъ въ предисловіи говоритъ, что это „сдѣлано съ цѣлью облегчить память учащихся (стр. 7). Мы не считаемъ такое нововведеніе полезнымъ для дѣла: приложенная къ его книгѣ карта Греціи не имѣетъ всѣхъ географическихъ названій, встрѣчающихся въ текстѣ учебника; да и притомъ, необходимость для ученика каждый разъ при встрѣчѣ съ новымъ названіемъ отыскивать его на картѣ можетъ только безъ нужды задерживать приготовленіе урока, и кое-какія имена могутъ остаться и не отысканными на картѣ. Мы не стоимъ за подробный переченьъ всѣхъ географическихъ названій, которыя могутъ встрѣтиться ученику при изученіи исторіи Греціи; но считаемъ необходимымъ, чтобъ ученикъ, прежде изученія исторіи Греціи, получилъ общее представленіе о странѣ, ея раздѣленіи на области съ указаніемъ главныхъ городовъ, рѣкъ, горъ и т. п. То же самое замѣчаніе дѣлаемъ заранѣе относительно географическаго очерка древней Италіи, помѣщеннаго на стр. 170—172, подъ заглавіемъ: „Природа Италіи“.

Стр. 65. Упомянувъ о раздѣленіи эллиновъ на племена, авторъ не приводитъ ихъ первоначальнаго размѣщенія, безъ чего не совсѣмъ понятно послѣдовавшее затѣмъ передвиженіе греческихъ племенъ.

Стр. 85: „Въ составъ ея (Дельфійской амфиктіоніи) входило двѣнадцать сосѣднихъ городовъ“. Дельфійская амфиктіонія, образовавшаяся еще въ до-историческія времена Греціи, была союзомъ двѣнадцати отдѣльныхъ племенъ греческихъ, жившихъ въ то время въ Фессаліи и по сосѣдству съ этою областью (ѳессалійцы, бэотійцы, дорійцы, іонійцы, перрѣбы, магнеты, локрійцы, фтіоты, малійцы, фокейцы, долопы, эніаны), и это число участниковъ союза оставалось неизмѣннымъ и въ послѣдующее историческое время Греціи, не смотря на то, что отдѣльныя союзныя племена въ послѣдствіи распались на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ. Въ виду этого, правильнѣе было бы сказать, что въ составъ амфиктіоніи входило двѣнадцать сосѣднихъ племенъ“, а не „городовъ“.

Стр. 85: „Имя его (побѣдителя на олимпійскихъ играхъ) записывалось на стѣнѣ храма, а самого его вѣнчали лавровымъ вѣнкомъ“.

Не „лавровый вѣнокъ“, а вѣнокъ изъ вѣтвей священной оливы (маслины) увѣнчивалъ побѣдителей на олимпійскихъ играхъ. Та же ошибка, вѣроятно, подала автору поводъ назвать этихъ побѣдителей „лавреатами“. Нѣсколько дальше, авторъ дѣлаетъ совершенно непонятное сообщеніе, что „побѣдитель на играхъ давалъ своему городу право на „гегемонію“ (то-есть, первенство)“.

Стр. 88: „На томъ же (западномъ) берегу (Малой Азіи) ахайцами основаны были: Митилена и Кумы“. Впервые, Митилена находилась на восточномъ берегу о. Лесбоса, а не на западномъ берегу Малой Азіи; вторыхъ, Кумы — неправильное названіе греческаго города, находившагося на западномъ берегу Малой Азіи: его названіе — Кима (Κύμη); третьихъ, утверждать, что основателями этихъ городовъ были „ахайцы“ (читай: ахейцы), не возможно: та часть Малоазійскаго берега, гдѣ находился г. Кима и островъ Лесбосъ, были заселены выходцами, принадлежавшими къ эоійскому племени, и составляли такъ-называемую Эоію (Αἰολίς). Впрочемъ, самъ авторъ, очевидно, не особенно стоитъ за свое утвержденіе, что основателями Кимы были ахейцы: нѣсколько ниже, говоря объ основаніи въ Италіи г. Кумы, онъ прибавляетъ въ скобкахъ такое замѣчаніе: „основаны эоійцами изъ малоазійскихъ Кумъ“.

Ibid.: „Этоліицы (что значить „смѣсь народовъ“) утвердились въ сѣверо-западномъ углу Малой Азіи“. Этоліицкихъ колоній въ Малой Азіи мы не знаемъ и не понимаемъ, какой смыслъ имѣютъ слова, поставленныя въ скобкахъ.

Ibid.: „Въ Сициліи — жители Халкиды (на Эвбеѣ) Мессану (основали)“. Такъ сталъ называться этотъ городъ только съ начала V вѣка до Р. Х., а раньше онъ назывался Занкла; а основателями его были не одни жители Халкиды, но и выходцы изъ малоаз. Кимы. Вообще, изложеніе греческой колонизаціи нельзя признать удовлетворительнымъ: не говоря уже объ указанныхъ ошибкахъ, перечень колоній сдѣланъ какъ-то случайно, безъ всякой системы, безъ раздѣленія ихъ на восточныя и западныя, въ перемежку. Кромѣ того, причины греческой колонизаціи объяснены недостаточно: изъ того, что авторъ говоритъ объ этомъ (на стр. 87), можно вывести только то заключеніе, что причиною выселенія грековъ изъ ихъ родины были передвиженія греческихъ племенъ, завершившіяся вторженіемъ доянъ въ Пелопонесъ.

Стр. 90: „Прежде всего онъ (Ликуръ) посѣтилъ Критъ, гдѣ царь часть сслѣд., отд. 3.

ствовавъ мудрый царь Миносъ". Миносъ принадлежитъ къ временамъ мифическимъ и не могъ быть современникомъ Ликурга.

Стр. 91. Переводъ слова „гелоты“ (εἰλωτες, ἔλωτες) словомъ „рабы“ не правиленъ.

Стр. 92. Группы, на которыя подраздѣлялись спартанскіе мальчики въ періодъ своего воспитанія, назывались βόαι, которыя дѣлились на ἵλας; а словомъ ἀγέλαι (а не „агеллы“, какъ читаемъ у автора) назывались товарищества юношей, достигшихъ 17-ти-лѣтняго возраста.

Ibid. Производство названія „гимнастика“ отъ слова „гимнъ“ (по греч. ὕμνος) противно всякимъ законамъ этимологiи.

Ibid. Члены застольныхъ товариществъ назывались σόσηνοι, а не „сисситы“, какъ утверждаетъ авторъ.

Стр. 93. Приводя извѣстный анекдотъ относительно черной похлебки спартанцевъ, авторъ приписываетъ желаніе испробовать ее „Сиракузскому тирану Діонисію“; но, на сколько извѣстно, то былъ какой-то царь въ Малой Азiи.

Стр. 94. Время первой мессенской войны показано невѣрно („730—711“).

Стр. 95. Учрежденіе такъ-называемой „криптіи“ (κρυπτεία) не имѣло никакого прямого отношенія къ мессенскимъ войнамъ, какъ можно заключить изъ словъ автора: „Упорное сопротивленіе мессенцевъ и готовность ихъ къ новому возстанію вѣнудили спартанскую герусію принять противъ нихъ предупредительную мѣру, называвшуюся криптіею“.

Стр. 97. Объясненіе слова „тираннъ“ нельзя считать удовлетворительнымъ: „такъ назывался у грековъ правитель (единодержавный) города“. Вообще на это важное явленіе греческой жизни въ VII—VI вв. не обращено въ книгѣ должнаго вниманія.

Стр. 98: „Солонъ происходилъ изъ знатной фамиліи, возводившей свою родословную до Кодра, а чрезъ него до Тезея“. Царь Кодръ не былъ потомкомъ Тезея, а былъ сынъ Меланеа, потомка одного изъ героевъ Троянской войны (Нестора); Меланеъ выселился въ Аттику при царѣ Тиметѣ (Θιμοίτης) и, одержавъ верхъ въ единоборствѣ съ вождемъ вторгшихся въ Аттику беотійцевъ, Ксанеомъ, сдѣлался царемъ Аттики.

Стр. 99. Война съ жителями г. Криссы возникла не по той причинѣ, какая указана авторомъ: „жители города Криссы (въ Фокидѣ)

овладѣли сокровищами дельфійскаго оракула"; они обижали богомольцевъ, отовсюду стекавшихся въ Дельфы.

Ibid. Солонъ былъ избранъ арконтомъ-эпонимомъ въ 594, а не въ 598 г., какъ сказано у автора.

Ibid.: „Цѣлый рядъ узаконеній, изданныхъ съ той поры Солономъ, начинается „сисактеей“, то-есть, уничтоженіемъ долговъ“. Слово *σεισάκτηα* въ переводѣ означаетъ „снятіе тяжести“, а не „уничтоженіе долговъ“ (то будетъ *ὑρασὶν ἀποκοπή*); она состояла въ измѣненіи цѣнности обращавшейся въ Атикѣ монеты и въ запрещеніи обращать въ рабство аѳинскихъ гражданъ за долги частнымъ лицамъ (за государствомъ это право было оставлено); что въ составъ этой мѣры входило „прощеніе долга государственнымъ должникамъ“, какъ говоритъ авторъ на стр. 100, мы не знаемъ: освобождены были отъ долговъ только тѣ лица, которыя, вслѣдствіе своей несостоятельности, сдѣлались рабами своихъ кредиторовъ или, въ качествѣ рабовъ, были проданы въ чужіе края. Точно также не извѣстно намъ происхожденіе и слѣдующаго сообщенія автора: „для огражденія мелкихъ землевладѣльцевъ отъ разоренія, установленъ высшій и низшій размѣръ поземельной собственности“ (стр. 100).

Стр. 100. Сомнительнымъ представляется намъ сообщеніе автора о томъ, что дѣленіе на 4 филы въ Аѳинахъ было дѣленіемъ однихъ только „эвпатридовъ“, и притомъ дѣленіемъ „по мѣсту жительства“. То же самое повторяетъ авторъ и дальше, на стр. 107, но здѣсь онъ называетъ эти филы „родовыми“ и противопоставляетъ этому дѣленію „новое, земское“ дѣленіе на 10 филъ, введенное Клисѳеномъ. Дѣленіе на 4 филы, издревле существовавшее у іонянъ, могло быть мѣстнымъ только во времена первоначальнаго поселенія ихъ въ Атикѣ; съ теченіемъ времени эти мѣстно-родовыя филы измѣнили свое значеніе, и въ историческія времена различіе между ними покоилось на религіозномъ началѣ, которое и было причиною того, что иностранные поселенцы (такъ-называемые *μέτοικοι*) занимали положеніе, отдѣльное отъ гражданъ, находясь внѣ филъ.

Ibid. Представитель филы назывался не „филархъ“, а *φύλοβασιλεύς*.

Стр. 100—101: „Деміурги и геоморы также раздѣлялись по мѣсту жительства“ (на діакріевъ, паралиевъ и педіевъ). Это раздѣленіе жителей Атики обвиняло собою не однихъ деміурговъ и геоморовъ, но и эвпатридовъ; послѣдніе и составляли по преимуществу партію педіевъ.

Стр. 101. Не понимаемъ, что могутъ означать слѣдующія слова автора, помѣщенные въ мелко́мъ шрифтѣ: „пентакозіомедимны должны были на свой счетъ соорудить и содержать военный флотъ“ („навкратіи и навархіи“). Навкратіи (ναυκρατίαι) существовали въ Аѣнахъ еще до Солона; ихъ было 48 (по 12 въ каждой филѣ); такъ назывались административныя подраздѣленія филъ, при чемъ каждая навкратіи должна была выставять ежегодно по одному кораблю и по два всадника. Какой смыслъ придаетъ этому слову нашъ авторъ, мы не знаемъ; а слово „навархіи“ поставлено совсѣмъ не кстаті: словомъ ναύαρχοι назывались въ Аѣнахъ главнокомандующіе надъ флотомъ, и то только въ позднѣйшее время. Точно также непонятны и слѣдующія слова автора: „Гиппеей служили въ конницѣ и содержали конныхъ оруженосцевъ (по одному на каждого)“.

Стр. 102. Въ народномъ собраніи въ Аѣнахъ могли участвовать граждане съ 20-ти лѣтъ, а въ книгѣ сказано, что они должны были имѣть „не менѣе 21 года“. Также странно увѣреніе автора, что народное собраніе въ Аѣнахъ состояло „изъ взрослыхъ гражданъ первыхъ трехъ классовъ“, тогда какъ этимъ правомъ присутствовать въ народномъ собраніи пользовались граждане всѣхъ четырехъ классовъ.

Ibid. Называя членовъ совѣта 400 „сенаторами“, авторъ не указываетъ возраста, который давалъ право на избраніе въ эту должность.

Стр. 103: „Во время отправленія обязанности они назывались притавами, а мѣсто ихъ собранія—пританаей“. Пританіей (πρωτανεία) называлось не мѣсто засѣданія (оно носило названіе θόλος или πρωτανείον), а правящая въ данное время часть совѣта (φυλή πρωτανείουσα).

Ibid. Называя Ареопагъ „глазомъ закона“ (или, по Плутарху, „стражемъ законовъ“, φύλαξ τῶν νόμων), авторъ не упоминаетъ о политической роли этого верховнаго судилища относительно экклесіи, хотя дальше, въ статьѣ о Периклѣ, и говоритъ о лишеніи Ареопага политическаго его значенія (стр. 123).

Стр. 103. Говоря о геліэѣ, авторъ упоминаетъ о какихъ-то „тѣлесныхъ наказаніяхъ“, существовавшихъ въ Аѣнахъ. Сколько извѣстно, наказанія въ Аѣнахъ практиковались слѣдующія: смерть, изгнаніе, лишеніе гражданскихъ правъ (ἀτιμία), тюремное заключеніе, рабство, конфискація имущества и денежный штрафъ; о тѣлесныхъ наказаніяхъ намъ ничего не извѣстно.

Стр. 104. Говоря о воспитаніи аѳинскихъ дѣтей по законамъ Солона, авторъ дѣлаетъ странное и непонятное опредѣленіе того, что называлось у грековъ „музыкою“. Оказывается, по его словамъ, что это — „наука, покровительствуемая одною изъ 9 музъ (жаль, что не сказано, какою!), какъ-то: пѣніе, грамматика, исторія и т. д.“.

Стр. 106. Въ разказѣ о событіи, которое послужило поводомъ къ уничтоженію въ Аѳинахъ тиранніи, Гармодій и Аристокитонъ названы „братьями“, а Леэна ихъ „сестрою“. Ни то, ни другое не вѣрно: Аристокитонъ былъ другъ Гармодія, а Леэна — любовница Аристокитова.

Стр. 107: „Кромѣ аѳинянь, онъ (Гиппій) вооружилъ противъ себя еще спартацевъ оскорбленіемъ ихъ народной гордости“ — довольно неопредѣленное объясненіе участія спартацевъ въ освобожденіи Аѳинянь отъ тиранна.

Ibid. Говоря о филлахъ, на которыя подраздѣлилъ жителей Атики Клизеенъ, авторъ ни слова не упоминаетъ о подраздѣленіи филъ на демы, которое имѣло весьма важное значеніе въ жизни Аѳинскаго государства.

Стр. 108: „Наконецъ и Ареопагъ былъ ослабленъ тѣмъ, что отъ него были отняты дѣла политическаго характера (какія?) и переданы въ вѣдѣніе присяжныхъ“. Увеличеніе значенія народнаго суда или такъ-называемой гелиэи состояло (при Клизеенѣ) въ томъ, что этотъ судъ сдѣланъ былъ апелляціонною инстанціей на всѣ рѣшенія архонтовъ-тесмотетовъ; а это не даетъ автору права говорить объ ослабленіи Ареопага, который, сколько намъ извѣстно, оставался съ прежнимъ значеніемъ, какое онъ получилъ при Солонѣ, до извѣстной реформы Перикла.

Стр. 110: „Не испугались только жители небольшого города Эретріи (на Эвбеѣ) да аѳиняне и послали возставшимъ 20 кораблей“. Такое число кораблей было послано только аѳинянами, а жители Эретріи послали 5 кораблей; такъ что въ общемъ помощь европейскихъ грековъ ихъ малоазіатскимъ собратьямъ, возставшимъ противъ персидскаго господства, выразилась въ отправленіи 25 кораблей.

Стр. 112: „За эту неудачу судъ гелиастовъ приговорилъ его (Мильтіада) къ уплатѣ огромнаго штрафа въ 50 талантовъ — и къ тюремному заключенію, въ которомъ онъ и умеръ“. Тюремное заключеніе было слѣдствіемъ того, что Мильтіадъ не могъ заплатить наложеннаго на него штрафа, а не входило въ приговоръ его судей, — чего никакъ нельзя заключить изъ вышеприведенныхъ словъ автора.

Стр. 113. Странное различіе дѣлаетъ авторъ между Аристидомъ иThemistocle: „Аристидъ, прозванный Справедливымъ, стоялъ за миръ, Themistocle — за войну“ (съ кѣмъ?).

Стр. 114: „Еще раньше онъ (Themistocle) соорудилъ (sic!) прекрасную гавань Пирей, которая могла вмѣстить весь задуманный флотъ“. Устройство этой новой гавани относится ко времени послѣ Платейской битвы, которая, какъ извѣстно, произошла въ 479 г. Да и самъ нашъ авторъ, говоря дальше о дѣятельности Themistocle послѣ этой битвы, говоритъ слѣдующее: „послѣ того Themistocle обнесъ Пирей высокою и толстою каменною стѣною — и разными льготами привлекъ въ эту гавань переселенцевъ“ (стр. 118).

Ibid. Не всѣ „древніе писатели“ говорятъ о томъ, что „Ксерксъ повелъ на Грецію 2 или даже 3 милліона людей“: Ктезій, напри-мѣръ, указываетъ гораздо меньшую численность персидскаго ополченія.

Стр. 114. Отрядъ царя Леонида при Thermopylae состоялъ не изъ 1000 человекъ, какъ сказано въ книгѣ, а изъ 7000, между ними было 300 спартіатовъ, 2100 человекъ изъ Средней Греціи, а остальные принадлежали къ пелопонесскимъ союзникамъ Спарты; изъ нихъ были отпущены Леонидомъ передъ послѣднимъ боемъ всѣ, за исключеніемъ спартіатовъ, 400 еиванцевъ, которыхъ Леонидъ удержалъ скорѣе въ качествѣ заложниковъ, и 700 аеспійцевъ.

Стр. 117. „Аѣныне обратились съ воззваніемъ къ своимъ союзникамъ и на зовъ ихъ прибыли 39,000 тяжело вооруженныхъ воиновъ“. Изъ этихъ словъ трудно понять, сколько войска было у грековъ въ битвѣ при Платей: вѣдь съ легко вооруженными число всѣхъ греческихъ воиновъ превышало 100,000. Тутъ же Павзаній, предводитель греческаго ополченія, неправильно названъ „царемъ Спартанскимъ“: онъ былъ только опекуномъ малолѣтнаго сына царя Леонида, Плейстарха.

Стр. 118. „При раздачѣ наградъ героямъ Саламина они (спартавцы) настояли на присужденіи первой награды Эгинѣ, а второй — себѣ“. Это не вѣрно: вторая награда присуждена была Themistocle.

Стр. 120: „Слѣдствіемъ пущенной сплетни было удаление Themistocle посредствомъ ostracism“. Themistocle, какъ извѣстно, подвергся ostracismу за нѣсколько лѣтъ раньше смерти Павзанія, и обвиненіе его спартавцами въ соучастіи съ Павзаніемъ было сдѣлано въ Аѣнахъ заочно.

Стр. 123. „При осуществленіи ея (своей внутренней политики)

онъ (Периклъ) встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны вождей аристократической партіи, коими были сперва Кимонъ, а послѣ его смерти знаменитѣйшій изъ греческихъ историковъ Фукидидъ“. Странная и совсѣмъ непонятная ошибка автора, указавшаго въ числѣ сочиненій, которыя „легли въ основу его труда“, между прочимъ Пелопонесскую войну Фукидида. Фукидидъ бывшій политическимъ противникомъ Перикла, и историкъ Фукидидъ были два разные лица: первый былъ сынъ Милезія, а второй — сынъ Олора! Та же ошибка повторяется и дальше, гдѣ авторъ говоритъ объ историкѣ Фукидидѣ (стр. 161).

Стр. 124: „Дикастерія есть ничто иное, какъ народный судъ“. Дикастеріями (δικαστήρια) назывались подраздѣленія такъ-называемой геліаи, о которой авторъ говорилъ и на стр. 103, и на стр. 107. При Периклѣ этотъ судъ, начало котораго восходитъ ко временамъ Солона, получилъ окончательную и правильную организацію. Слова же нашего автора объ этомъ вопросѣ даютъ поводъ думать объ учрежденіи Перикломъ какого-то новаго суда.

Ibid.: „За посѣщеніе народнаго собранія также назначена была опредѣленная плата“. Это сообщеніе автора не вѣрно: Ἐκκλησιαστικόν былъ установленъ послѣ Перикла.

Ibid. Едва ли справедливо называть Пропилеи „тріумфальными воротами, соединявшими верхній городъ (акрополь) съ нижнимъ (апополемъ)“, какъ дѣлаетъ это нашъ авторъ, повторяющій такое опредѣленіе и дальше, на стр. 158.

Стр. 125: „Чтобы остановить ихъ (аеинянъ) успѣхи, спартанцы возбудили возстаніе въ Беотіи и Фокидѣ, ободряли возставшихъ жителей Эвбеи, Эгины, Самоса и Византіи; но все напрасно: благодаря военному таланту Перикла, аеиняне почти вездѣ одержали верхъ“. Если и можно говорить объ успѣхахъ аеинянъ, то только до битвы при Коронѣ (447 г.); здѣсь они были разбиты, утратили сдѣланныя ими въ Греціи завоеванія и по такъ-называемому Периклову миру (445 г.) должны были отказаться отъ своего стремленія къ господству на сушѣ.

Стр. 126: „Предложеніе (о перенесеніи союзной казны въ Аеины) было принято, вслѣдствіе чего союзники превратились въ данниковъ, которыхъ аеиняне обязывались защищать“. Однимъ этимъ врадѣ ли можно объяснить происшедшую въ отношеніяхъ между аеинянами и ихъ союзниками перемену.

Стр. 127: „Тогда спартанскій флотъ подъ начальствомъ дарови-

таго полководца Бразидъ занялъ остр. Сфактерію“. Бразидъ, правда, участвовалъ въ попыткѣ спартанцевъ овладѣть Пилосомъ послѣ утвержденія тамъ аѳинянъ, но онъ не былъ „начальникомъ“ спартанскаго флота, посланнаго для этой цѣли.

Стр. 129. „Но еще раньше (отплытія сицилійской экспедиціи) кто-то въ одну ночь перебилъ статуи Гермеса, покровителя города“. Вопервыхъ, низвергнуты были не „статуи Гермеса“, а такъ-называемые „гермы“ (Ἑρμαί, Негмае), то-есть, столбы съ изображеніемъ одной головы этого бога; вовторыхъ, не Гермесъ, а Аѳина-Паллада, какъ извѣстно, считалась покровительницею Аѳинъ.

Стр. 130: „Его (Алкивиада) замѣнилъ Кононъ, которому удалось одержать надъ спартанцами блестящую побѣду при Аргинусскихъ островахъ, но за то въ слѣдующей битвѣ (при Эгосъ-Потамосѣ) онъ былъ разбитъ окончательно“. Кононъ былъ однимъ изъ начальниковъ аѳинскаго флота послѣ вторичнаго удаленія Алкивиада; но называть его главнокомандующимъ флота, какимъ былъ Алкивиадъ, и приписывать ему лично послѣдующія удачи и неудачи аѳинянъ нѣтъ никакого основанія.

Ibid.: „Агезилай настигъ Тиссаферна при Сердесѣ и разбилъ его; потомъ онъ двинулся противъ другаго сатрапа (Фарнибаза)“. Здѣсь двѣ ошибки въ именахъ: „Сердесъ“ вмѣсто Сарды и „Фарнибазъ“ вмѣсто Фарнабазъ.

Ibid.: „Пользуясь удобною минутою, многіе греческіе города, въ томъ числѣ Ѳивы, Коринѳъ и Аргосъ, возстали противъ спартанской гегемоніи“. Почему въ числѣ этихъ городовъ не названы Аѳины, не понятно, хотя дальше самъ авторъ говоритъ о побѣдѣ Конона, аѳинскаго вождя, при г. Книдѣ.

Стр. 135: „Вскорѣ послѣ Анталкидова мира (условія котораго, замѣтимъ кстати, переданы не совсѣмъ точно) два греческіе города, находившіеся на берегу Ѳракіи, призвали къ себѣ спартанцевъ на помощь противъ г. Олинеа“. Эти два города были Аканѳъ и Аполлонія, но оба они находились не во Ѳракіи, а на полуостровѣ Халкидидѣ.

Стр. 136. Разказъ объ избіеніи ѳиванскихъ олигарховъ переданъ несовсѣмъ точно.

Ibid.: „Когда вѣсть объ этомъ (удаленіи спартанскаго гарнизона изъ Кадмеи) пришла въ Спарту, то спартанцы немедленно отправили въ Ѳивы войско подъ начальствомъ царя Клеомброта. Сраженіе произошло при Левктрахъ“. Слово „немедленно“ здѣсь неумѣстно:

освобождение Эивъ произошло въ 379 году, а битва при Левтрахъ въ 371 году.

Ibid.: „Эпаминондъ и Пелопидъ послѣ битвы при Левтрахъ двинулись въ Пелопонесъ, возбудили противъ Спарты аркадянъ и мессенцевъ и, разоривъ Лаконію, дошли до самой Спарты“. Послѣдствіемъ битвы при Левтрахъ и появленія эиванцевъ въ Пелопонесѣ были важныя политическія перемѣны въ состояніи этой части Греціи (освобождение Мессеніи, соединеніе Аркадіи), о которыхъ трудно догадаться на основаніи приведенныхъ словъ автора.

Стр. 137: „Рѣшивъ ихъ (Македонскаго царя Александра и брата его Птолемея) споръ, онъ (Пелопидъ) для крѣпости договора отослалъ въ Эивы въ видѣ заложниковъ 300 знатнѣйшихъ юношей, между которыми находился и будущій царь Македоніи Филиппъ II“. Здѣсь ошибка въ числѣ заложниковъ: не 300, а 30 ихъ было отправлено Пелопидомъ въ Эивы.

Стр. 137. Обстоятельства, при которыхъ Эпаминондъ совершилъ свой послѣдній походъ въ Пелопонесъ, изложены авторомъ крайне поверхностно и невѣрно. Отпаденіе нѣкоторыхъ прежнихъ союзниковъ въ Пелопонесѣ (ахейцевъ, элейцевъ и части аркадцевъ), которые перешли на сторону Спарты, союза съ которою искали также афиняне, опасавшіеся быстрого возвышенія Эивъ, — вотъ обстоятельства, вызвавшія четвертый походъ Эпаминонда, разрѣшившійся битвою при Мантиней.

Стр. 139: „Вслѣдъ затѣмъ (то-есть, послѣ завоеванія Амфиполиса) Филиппъ овладѣлъ Олинеомъ и золотыми рудниками сосѣднихъ горъ“. Здѣсь, во первыхъ, сблизены событія, между которыми прошло цѣлыхъ 10 лѣтъ: Амфиполисъ былъ завоеванъ Филиппомъ въ 357 г., а Олинеъ въ 348 г.; во вторыхъ, „золотныя рудники“, о которыхъ идетъ рѣчь, находились въ г. Пангей, которую называть „сосѣднею“ съ Олинеомъ нѣтъ никакого основанія: Олинеъ находился на полуостровѣ Халкидикѣ, а гора Пангей—къ Востоку отъ р. Стримона, близъ г. Кренидъ, переименованнаго Филиппомъ въ г. Филиппы.

Стр. 140: „Въ награду за эту побѣду (надъ Ономархомъ въ Тессалии), Амфиктіонія включила Филиппа въ число своихъ членовъ и поручила ему привести въ исполненіе свой приговоръ надъ фокидцами“. Это сообщеніе нашего автора не вѣрно: включеніе Филиппа въ число членовъ амфиктіонова союза состоялось въ 346 г., уже послѣ окончательнаго усмиренія фокидцевъ, а по словамъ нашего

автора, выходитъ, что это случилось раньше, а за окончаніе священной войны онъ будто бы „получилъ первое мѣсто въ амфікціоніи“.

Ibid.: „Рѣчи его (Демосѳена) называются филиппиками, потому что направлены противъ Филиппа II и раскрываютъ сокровенные помыслы его“. Не всѣ рѣчи Демосѳена называются такъ; самъ авторъ на стр. 148 упоминаетъ о рѣчи Демосѳена „о вѣнцѣ“; а по поводу войны Филиппа съ г. Олинеомъ Демосѳенъ произнесъ свои знаменитыя „Олиневскія рѣчи“, числомъ три.

Стр. 141: „Жители фокидскаго города Амфиссы присвоили себѣ поле Дельфійскаго оракула“. Г. Амфисса находился въ Локридѣ (южной), а не въ Фокидѣ.

Стр. 143: „Персидское царство, не смотря на военныя дарованія своего царя Дарія Кодомана, было раздираемо придворными смутами“ и т. д. Никто, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не признавалъ „военныхъ дарованій“ у послѣдняго Персидскаго царя, хотя качества его, какъ государя благоразумнаго, достойнаго лучшей участи, несомнѣнны.

Ibid.: „Высадившись на берегъ Малой Азіи, онъ (Александръ) подошелъ къ развалинамъ Трои и, принеся жертву Аѳинѣ, поклонился праху Пріама и героевъ, падшимъ (sic!) подъ стѣнами этого города, при чемъ, украсивъ могилу Ахиллеса цвѣтами, воскликнулъ“ и т. д. О какой „жертвѣ Аѳинѣ“ говоритъ авторъ, мы не знаемъ, равно какъ и о томъ, что Александръ „поклонился праху Пріама“.

Ibid.: „Разсѣвши его (Гордіевъ узелъ), онъ подступилъ къ Иссу“. Между этими событіями прошло времени не мало: битва при Иссу произошла въ ноябрѣ 333 г., а изъ Гордіума Александръ вышелъ весною того же года и прошелъ до Иссы цѣлый рядъ лежавшихъ по пути областей (Фригія, Пафлагонія, Каппадокія, Виликія).

Стр. 145. Г. Арбела (Ἄρβηλος, Arbela) находился не въ Месопотаміи, какъ сказано въ книгѣ, а въ Ассиріи, къ востоку отъ р. Тигра.

Стр. 146: „Переправившись черезъ Индъ, онъ (Александръ) вступилъ во владѣнія могущественнаго царя Пора“. Это не вѣрно: царство Пора лежало дальше къ востоку, за р. Гидаспомъ, а между этою рѣкою и лѣвымъ берегомъ Инда находились владѣнія царя Таксила, который покорился Александру безъ битвы.

Ibid. Въ войскѣ царя Пора было не 300, какъ утверждаетъ авторъ, а 200 боевыхъ слоновъ.

Ibid.: „Но предъ отступленіемъ онъ (Александръ) соорудилъ на

берегу Инда 12 похожихъ на башни жертвенниковъ“. Крайнимъ предѣломъ индійскаго похода Александра была р. Гифазисъ, на берегу которой (а не на берегу Инда) и были воздвигнуты упоминаемые авторомъ жертвенники.

Стр. 148: „Такъ какъ Александръ не оставилъ послѣ себя прямого наслѣдника престола, то начальникъ гвардіи Пердикка собралъ полководцевъ для рѣшенія вопроса о томъ, кому править государствомъ. На этомъ собраніи рѣшено было избрать временнаго правителя; но при избраніи его произошла кровавая схватка, начавшая собою длинный рядъ междоусобныхъ войнъ, продолжавшихся болѣе 40 лѣтъ и вончившихся распаденіемъ Александровой монархіи на отдѣльныя части“. Вотъ что считаетъ нашъ авторъ достаточнымъ сказать о судьбѣ монархіи Александра Великаго послѣ его смерти! При этомъ онъ дѣлаетъ ошибочное заявленіе, будто Александръ остался безъ законнаго наслѣдника: супруга его, царица Роксана осталась послѣ смерти Александра беременною и вскорѣ родила сына, по имени Александра, который и былъ, вмѣстѣ съ своднымъ братомъ Александра, Филиппомъ-Арридеемъ, провозглашенъ царемъ. Другая ошибка заключается въ указаніи, будто междоусобныя войны по смерти Александра продолжались 40 лѣтъ и даже болѣе: окончательное распаденіе его монархіи совершилось послѣ битвы при Ипсѣ, которая произошла въ 301 г.; отъ смерти Александра до этого событія прошло всего 22 года!

Стр. 149. Попытка Гарпага, хранителя царской казны въ Экбатанѣ, который хотѣлъ склонить аеинянъ къ возстанію противъ македонскаго владычества, изложена такъ неясно, что врядъ ли ученики могутъ понять, какую роль въ этомъ дѣлѣ игралъ Демосеенъ: за что „привлекли его къ суду ареопага“, который присудилъ его къ уплатѣ большаго денежнаго штрафа?

Ibid.: „Демосеенъ удалился на о. Калабрію (подлѣ Арголиды) и тамъ принялъ ядъ“. Островъ этотъ назывался „Калаврія“ (*Καλαύρια*); та же ошибка повторяется и на приложенной къ книгѣ картѣ Греціи.

Стр. 150—152. То, что сообщаетъ авторъ на этихъ страницахъ о судьбѣ Греціи послѣ Ламійской войны и о другихъ частяхъ распавшейся Македонской монархіи (Македоніи, Сири, Египта), настолько неудовлетворительно и въ общемъ, и въ частности, что перечисленіе всѣхъ недостатковъ заняло бы слишкомъ много времени и мѣста. Укажемъ только одно странное и рѣшительно непонятное сообщеніе нашего автора: „Союзъ этольскихъ городовъ,

призвавъ македонянь, заставилъ Арата оставить мысль объ освобожденіи Пелопонеза отъ македонянь“ (стр. 150).

Перейдемъ теперь къ исторіи Рима.

Стр. 173. Говоря о раздѣленіи италиковъ (или, какъ сказано въ книгѣ, „италіотовъ“) на двѣ большія вѣтви, авторъ одну называетъ „латинскою“, а другую „сабельскою“, и къ послѣдней относитъ „умбровъ, вольсковъ, самнитянь, сабинянь“ и проч. Правильнѣе было бы назвать эту вторую группу италійскаго племени „умбро-сабельскою“ и не относить къ ней вольсковъ, которые принадлежали къ третьей группѣ этого племени (опики или оски), вмѣстѣ съ апулами, аврунками, эквами.

Стр. 174. Обычай „священной весны“ (veg sacrum) у сабинянь объясненъ не совсѣмъ точно: „Всѣ въ извѣстномъ году родившіеся люди чрезъ 20 лѣтъ должны были выселиться изъ данной мѣстности въ другую со всѣми народившимися въ послѣдній годъ животными“.

Стр. 177: „Такъ онъ (Ромуль) раздѣлилъ жителей на патриціевъ и плебеевъ“. Такое дѣленіе жителей Рима относится къ болѣе поздней эпохѣ, такъ какъ классъ плебеевъ образовался изъ переселившихся въ Римъ жителей покоренныхъ римлянами латинскихъ городскихъ общинъ.

Ibid.: „Ему (Ромулу) наследовалъ миролюбивый и набожный Нума Помпилій“. Подобное выраженіе („наследовалъ“), употребленное авторомъ нѣсколько разъ, рѣшительно не терпимо, когда идетъ рѣчь о Римскихъ царяхъ, которые не „наследовали“ своимъ предшественникамъ, а были ими самими назначаемы и затѣмъ подвергались избирательному акту въ комиціяхъ. На стр. 181 мы находимъ указаніе на такой порядокъ перехода царской власти въ древнемъ Римѣ, хотя и не совсѣмъ ясно выраженное.

Стр. 180: „А между тѣмъ на нихъ (на плебеяхъ) лежали повинности (военная и податная)“. Это сообщеніе автора не вѣрно: до реформы Сервія Туллія плебеи не несли военной службы.

Ibid.: „Не имѣя правъ, они (плебеи) должны были искать себѣ между патриціями покровителей. Эти покровители назывались патронами, то-есть, какъ бы отцами, покровительствуемые ими—клиентами (отъ cluere). Благодаря Сервію Туллію, они освободились отъ патроната“ и т. д. Въ этихъ словахъ мы видимъ непонятное смѣшеніе и отождествленіе плебеевъ съ клиентами, тогда какъ то были два совершенно различные класса населенія г. Рима: если и можно еще,

по сравненію, назвать плебеевъ кліентами, то только одного царя, а не отдѣльных патриціевъ.

Ibid. Въ изложеніи реформы Сервія Туллія не выяснено, какое имущество принималось въ основаніе раздѣленія гражданъ на классы, хотя и указанъ *minimum* ассовъ для каждаго класса.

Ibid. Съ переводомъ словъ: „*capite censi*“ согласиться не возможно: „*которыхъ единственное имущество—голова*“.

Стр. 181. Тотъ способъ избранія царя, какой указанъ авторомъ въ мелкомъ шрифтѣ, практиковался только въ томъ случаѣ, если царь умиралъ, не назначивъ себѣ преемника; въ противномъ случаѣ имѣла мѣсто только послѣдняя часть этого избирательнаго акта.

Ibid.: „Вновь набранные (!) сенаторы стали называться младшими и приписанными (*patres minorum gentium, patres conscripti*)“ . Выраженія: „приписанные“ и „*patres conscripti*“ здѣсь неумѣстны: они вошли въ употребленіе съ начала республиканскаго періода, когда сенатъ былъ пополненъ лицами плебейскаго происхожденія.

Стр. 184—185. Война Порсены съ Римомъ изложена не совсѣмъ вѣрно и врядъ ли она была предпринята имъ въ интересахъ Тарквинія Гордаго, какъ утверждаетъ нашъ авторъ:

Стр. 185: „Окончивъ борьбу съ Тарквиніемъ, римляне устроили у себя республику, во главѣ которой стояли: 1) сенатъ—и 2) два консула... Первыми консулами были Брутъ и Коллатинъ“ . Начало Римской республики и учрежденіе консульскаго достоинства совпадаетъ съ изгнаніемъ послѣдняго царя, а не съ окончаніемъ борьбы съ нимъ, какъ утверждаетъ нашъ авторъ, то-есть, къ 510 г., а не къ 496 г. до Р. Х.

Стр. 186: „Вдобавокъ онъ (плебей) обязанъ былъ вносить въ казну опредѣленную подать (*tributum*)“ . Подать платили и патриціи; она распредѣлялась по состоянію гражданъ, находясь въ зависимости отъ того класса, къ какому граждане принадлежали.

Стр. 187. Не извѣстно, на чемъ основаннымъ является утвержденіе автора, что въ числѣ уступокъ, сдѣланныхъ патриціями при возвращеніи плебеевъ въ Римъ, было, между прочимъ, „уничтожить долговныя обязательства“ и „надѣлать ихъ (плебеевъ) общественнымъ полемъ“ . Последнее, впрочемъ, относится къ области предположеній самого автора („по всей вѣроятности“).

Стр. 191: „Народные вожди изъ патриціевъ Луцій Валерій и Маркъ Горацій поставили непремѣннымъ условіемъ примиренія уничтоженіе децемвирата и возобновленіе консульской и трибунской

власти“. Два названные патриція были представителями умѣренной партіи въ сенатѣ, которая не одобряла своеволій децемвировъ, и явились примирителями между патриціями и плебеями; названіе ихъ „народными вождями изъ патрициевъ“ можетъ подать поводъ къ ошибочному представленію ихъ роли.

Ibid.: „Въ народные трибуны были избраны отецъ и ~~зять~~ пострадавшей Виргиліи“. Такой оборотъ фразы даетъ право думать, что и въ это время народныхъ трибуновъ было всего два, тогда какъ въ это время число ихъ уже увеличилось до десяти.

Стр. 193. Несчастная для римлянъ битва съ галлами произошла не при р. Авіо, какъ сказано въ книгѣ, а при другомъ притоцѣ Тибра, р. Алліи (Allia, откуда dies Alliensis). Та же ошибка повторена на стр. 194: „На третій день послѣ битвы при Авіо“...

Стр. 194: „Нашлось только 1000 человекъ, способныхъ защищать Капитолій и вотъ подъ начальствомъ Манлія Торквата—они отправляются къ своему посту“. Маркъ Манлій, защитникъ Капитолія, имѣлъ прозвище не Торкватъ, а Capitolinus, которое—замѣтимъ встать—принадлежало ему не по той причинѣ, какую ниже указываетъ нашъ авторъ (стр. 195—196). Точно также не знаемъ, откуда взято извѣстіе автора, что Камиллъ былъ прозванъ „Капитолійскимъ“; онъ былъ удостоенъ почетнаго прозвища pater patriae.

Стр. 209 (въ мелкомъ шрифтѣ). Право завѣщанія называлось jus testamenti (а не testamentis).

Стр. 212: „Мамертинцы (послѣ того, какъ они были разбиты Герономъ) перешли въ Италію, ища защиты и покровительства у римлянъ“. Это невѣрное сообщеніе автора находится въ противорѣчій съ тѣмъ, что сказано дальше у него же: когда римляне послали къ нимъ на помощь войско, оно „переправилось въ Сицилію, заняло Мессану и вытѣснило изъ нея какъ мамертинцевъ, такъ и карагенянъ“.

Стр. 214. Имя консула, окончившаго первую Пуническую войну, было Кай Лутаций Катулъ (Catulus); а не „Катуллъ“.

Ibid.: (Римскій флотъ) „не только разсыялъ разбойниковъ (на Адриатическомъ морѣ), но еще овладѣлъ значительною частью Иллиріи“. Желательно было бы получить отъ нашего автора болѣе точное указаніе, какая это была „значительная часть Иллиріи“, доставшаяся римлянамъ.

Стр. 219: „Ни разу доселѣ не побѣжденный герой (Ганнибалъ палъ теперь (послѣ извѣстія о гибели его брата Газдрубала) духомъ

и долженъ былъ отплыть въ Карфагенъ*. Это не совсѣмъ точно: до отплытія въ Африку Ганнибалъ пробылъ въ Италиі (южной) еще пять лѣтъ (207—202 г.).

Стр. 220: „Во время второй Пунической войны онъ (Македонскій царь Филиппъ III) оказалъ тайную поддержку Ганнибалу, такъ онъ готовъ былъ пристать къ союзу съ Антиокомъ“. Впрочемъ, во время войны римлянъ съ Ганнибаломъ Филиппъ былъ занятъ войною съ Этольскимъ союзомъ и потому не могъ оказать помощи Ганнибалу; восторыхъ, во время войны римлянъ съ Антиокомъ Филиппъ былъ на сторонѣ римлянъ, отдавъ въ ихъ распоряженіе свои войска. Въ виду этого какъ то, такъ и другое утвержденіе автора не можетъ быть названо основательнымъ. Вообще отношенія римлянъ къ Македоніи при царѣ Филиппѣ не выяснены, какъ слѣдовало бы; даже ни слова не сказано о важной по своимъ послѣдствіямъ для Греціи битвѣ при Киновефалахъ.

Стр. 221: „Персей (сынъ Филиппа III) достигъ престола посредствомъ братоубійства“. Смерть Димитрія, сына Филиппа, не можетъ быть поставлена въ вину одному Персею: въ ней принималъ участіе и отецъ ихъ обихъ.

Ibid.: „Вскорѣ потомъ по его же секретному порученію былъ предательски убитъ союзникъ римлянъ, Пергамскій царь Эвменъ. За это римляне объявили ему войну“. Здѣсь мы читаемъ что-то невѣроятное: царь Эвменъ умеръ въ 159 г., а Персей сдѣлался царемъ, по смерти своего отца, 20 лѣтъ раньше (въ 179 г.); по всей вѣроятности, авторъ имѣлъ въ виду не удавшееся покушеніе на жизнь Эвмена, сдѣланное на обратномъ пути его изъ Рима близъ Дельфы, которое было поставлено римлянами въ вину Персею и послужило предлогомъ къ войнѣ.

Ibid.: „Еще во время Филиппа III Греція отпала отъ Македоніи и на истмійскихъ играхъ провозгласила надъ собою покровительство Рима“. Какъ совершилось это отпаденіе Греціи, авторъ не говоритъ, да и мудро не понять это событіе, когда авторъ, какъ замѣчено выше, ни слова не говоритъ о войнѣ римлянъ съ Филиппомъ III.

Стр. 226. Неслыханная латинская форма для обозначенія оптиматовъ: *optimati!*

Стр. 231. Въ числѣ обвинителей Тиберія Гракха названъ непонятный Лускъ (?)

Стр. 234. Югурта называется сыномъ Миципы на ряду съ Адгербаломъ и Гемпсаломъ.

На этомъ мы, конечно, можемъ и остановиться. Скажемъ только, что и дальнѣйшее изложеніе изобилуетъ подобными же неточностями, ошибками, даже странностями.

Методы рѣшеній ариметическихъ задачъ съ приложеніемъ 65 типичныхъ задачъ. Составилъ *И. Александровъ*, преподаватель Тамбовской гимназіи. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 2-е пересмотрѣнное и дополненное. Цѣна 30 коп., съ пересылкой 35 коп. Страницъ II+32. Кіевъ. 1887.

Названная книга небольшая брошюра, содержащая въ себѣ много различныхъ недостатковъ; не смотря на это, она заслуживаетъ полнаго вниманія и подробнаго разбора, такъ какъ предметъ ея относится до весьма важнаго и остраго вопроса въ дѣлѣ преподаванія ариметики. Настоятельная потребность въ книгѣ такого содержанія видна, на примѣръ, изъ того факта, что рассматриваемое изданіе уже второе, а первое, вышедшее только въ прошломъ году, распродано.

Нельзя не признать полезности и цѣлесообразности идеи автора „перечислить чисто ариметическіе способы рѣшенія задачъ“ и основать различіе этихъ способовъ, а слѣдовательно, и классификацію задачъ, не на томъ, говорится ли въ задачѣ о процентахъ или бассейнахъ, курьерахъ и т. п., а исключительно лишь на сущности метода рѣшенія, на тѣхъ умозаключеніяхъ, посредствомъ которыхъ получается искомый результатъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не сказать, что ариметическіе способы рѣшеній весьма не многосложны и число существенно различныхъ крайне ограничено; при правильной классификаціи, хотя бы и болѣе подробной чѣмъ въ рассматриваемой брошюрѣ, число ихъ окажется меньшимъ даже тѣхъ двѣнадцати методовъ, которые указаны авторомъ брошюры. Нельзя же причислять къ научнымъ методамъ того разнообразія въ деталяхъ рѣшенія задачъ, которое присуще всякому человѣческому мышленію, зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей субъекта, не можетъ и не должно подлежать регламентаціи.

Авторъ подраздѣляетъ слѣдующимъ образомъ методы рѣшенія ариметическихъ задачъ:

I. Методъ приведенія къ единицѣ. „Если нужно узнать что-нибудь (?) относительно нѣсколькихъ предметовъ (?), то надо узнать требуемое (?) относительно одного предмета, а потомъ съ полученнымъ результатомъ сдѣлать соотвѣтственныя измѣненія (умноженіе или дѣленіе)“. — Затѣмъ говорится, что методъ этотъ имѣетъ

мѣсто лишь въ тѣхъ задачахъ, „условія которыхъ содержатъ только одни пропорціональныя количества“; слѣдовательно, авторъ чрезвычайно ограничиваетъ сферу примѣненія метода и какъ бы устраняетъ всякую комбинацію съ какими-либо дополнительными приемами или другими методами.

На первой страницѣ, а затѣмъ и во многихъ другихъ мѣстахъ книги, встрѣчаемъ такого рода равенства:

$$12 : 12 = 1 \text{ фунтъ, } 1.7 = 7 \text{ фунт.}$$

Въ подстрочномъ примѣчаніи относительно этихъ равенствъ авторъ говоритъ, что они „по виду несправедливы, такъ какъ первая часть отвлеченная, а вторая именованная, но я думаю, что они не могутъ подать повода къ недоразумѣнію“. Но равенства эти все-таки неправильныя, и непонятно, зачѣмъ потребовалась автору такая неправильность, которую можно было безъ всякаго затрудненія избѣжать; если онъ это слѣлалъ съ цѣлью ввести въ учебную практику подобное неправильное или небрежное письмо равенствъ, то, конечно, такая цѣль не можетъ быть одобрена.

II. Методъ обратнаго приведенія къ единицѣ. Этому методу, въ которомъ даже не было надобности, дано опредѣленіе, не отличающееся ясностью и свидѣтельствующее о недостаточной выработанности слога автора, а именно сказано такъ: „До сихъ поръ мы приводили къ единицѣ одно изъ данныхъ, не соотвѣтствующихъ неизвѣстному; но можно привести къ единицѣ данное, соотвѣтствующее неизвѣстному; тогда останется сравнить вновь полученное данное съ требуемымъ даннымъ (?) — результатъ сравненія укажетъ неизвѣстное (?)“. Затѣмъ, обстоятельно и весьма кстати, показано, какимъ преобразованиемъ данныхъ задача на сложное тройное правило сводится на простое тройное правило; нельзя только согласиться съ предполагаемою авторомъ необходимостью такого сведенія.

Въ подстрочномъ примѣчаніи приведенъ примѣръ этого преобразования на задачѣ: „50 человѣкъ, работая ежедневно по 8 часовъ, выручили за 6 дней 900 рублей; во сколько дней 20 человѣкъ выручатъ 400 рублей, работая по 10 часовъ въ день?“ и сказано, будто задача принимаетъ послѣ преобразования такую форму: „Работникъ за 6 дней работы получаетъ $2\frac{1}{4}$ рубля, за сколько дней онъ получитъ 2 рубля?“ Но это не вѣрно: такая плата была бы въ 8 разъ менѣе указываемой данными задачи.

Рѣшеніе всѣхъ четырехъ задачъ, приведенныхъ какъ примѣръ

метода обратнаго приведенія къ единицѣ, которое было бы весьма просто и быстро по общепринятому способу приведенія къ единицѣ, только усложняется и затемняется предлагаемымъ авторомъ видоизмѣненіемъ метода. Напримѣръ, послѣдняя изъ этихъ четырехъ задачъ (№ 8): „На постройку стѣны употреблено кирпича на 630 рублей; сколько стоитъ кирпичъ для постройки другой стѣны, если длина, ширина и высота первой стѣны относятся къ длинѣ, ширинѣ и вышинѣ второй стѣны, какъ 3 : 5, 6 : 7 и 7 : 9?“—рѣшена такъ: „Возьмемъ измѣренія 1-й стѣны произвольно—пусть они будутъ 3 саж., 6 саж. и 7 саж.; тогда измѣренія второй стѣны будутъ: 5 саж., 7 саж. и 9 саж. Объемъ 1-й стѣны будетъ $3 \times 6 \times 7$ куб. саж., а 2-й— $5 \times 7 \times 9$ куб. саж. Тогда получится слѣдующая задача: $3 \times 6 \times 7$ куб. саж. кирпича стоятъ 630 р.; сколько стоятъ $5 \times 7 \times 9$ куб. саж. кирпича? На 1 рубль можно купить $\frac{3 \times 6 \times 7}{630}$ куб. саж. кирпича; слѣд. $5 \times 7 \times 9$ куб. саж. стоятъ не 1 рубль, а столько рублей, сколько разъ $\frac{3 \times 6 \times 7}{360}$ куб. саж. содержатся въ $5 \times 7 \times 9$ куб. саж., то-есть, $5 \times 7 \times 9 : \frac{3 \times 6 \times 7}{360} = 1575$ рублей“. Не проще ли было рѣшить эту задачу тѣмъ соображеніемъ, что объемъ второй стѣны болѣе объема первой во столько разъ, во сколько $5 \times 7 \times 9$ болѣе $3 \times 6 \times 7$, и слѣдовательно, во столько же разъ должна быть увеличена стоимость кирпичей?

III. Методъ отношеній. Ему дано слѣдующее неудобопонятное опредѣленіе: „Для того, чтобъ узнать искомое можно иногда сдѣлать такъ: сначала узнать, во сколько разъ искомое больше или меньше одного изъ данныхъ, а потомъ это данное соотвѣтственнымъ образомъ измѣнить. Общая идея этого способа состоятъ въ томъ, чтобы неизвѣстное стало къ одному изъ данныхъ въ такую же зависимость, въ какой находится второе изъ измѣненныхъ данныхъ къ третьему измѣненному данному; если послѣ этого первое данное равно третьему, то неизвѣстное равно второму данному“. Приведенные въ книгѣ два примѣра для разъясненія этого метода свидѣтельствуютъ, вопреки желанію автора, о бесполезности устанавливать такой способъ рѣшенія ариметическихъ задачъ. Напримѣръ, задача № 10: „На 10 печей въ теченіи 18 дней отпускается 8 саж. 18 вершковыхъ осяновыхъ дровъ; сколько надо отпустить 12 вершковыхъ березовыхъ дровъ на 15 печей въ продолженіе 24 дней, если 2 сажени березовыхъ дровъ даютъ тепла столь-

ко же, сколько 3 саж. одноѣрныхъ сосновыхъ дровъ? — рѣшена слѣдующимъ образомъ: „Такъ какъ во 2 случаѣ печей больше въ $\frac{15}{10}$ раза и дней больше въ $\frac{24}{18}$ раза, то и дровъ надо больше въ $\frac{15}{10} \times \frac{24}{18}$ раза, то есть, $8 \times \frac{15}{10} \times \frac{24}{18}$ саж. Далѣе, такъ какъ во 2 случаѣ дрова даютъ тепла въ $\frac{3}{2}$ раза болѣе, то ихъ нужно менѣе $8 \times \frac{15}{10} \times \frac{24}{18}$ саж. въ $\frac{3}{2}$ раза, то-есть, $\frac{8 \times 15 \times 24 \times 2}{10 \times 18 \times 3}$ саж. Наконецъ, березовыя дрова короче осиновыхъ въ $\frac{18}{12}$ раза, поэтому березовыхъ дровъ нужно брать въ $\frac{3}{2}$ раза болѣе, то-есть, $\frac{8 \times 15 \times 24 \times 2 \times 3}{10 \times 18 \times 3 \times 2} = 16$ саж.“ — Затѣмъ прибавлено такое замѣчаніе: „Предварительнаго преобразованія данныхъ здѣсь не было сдѣлано, чтобы не пользоваться другими методами. Впрочемъ, и примѣръ намѣренно выбранъ такъ, что сразу свести задачу на простое тройное правило трудно и можно только методами I, II и III вмѣстѣ“. Между тѣмъ сведеніе, о которомъ говоритъ авторъ, вовсе не необходимо, а самый простой и естественный способъ рѣшенія задачи былъ бы такой: Осиновыхъ дровъ отпускается на каждую печь по $\frac{8}{10 \times 18}$ саж. въ сутки, березовыя въ $1\frac{1}{2}$ раза короче осиновыхъ, но за то они даютъ тепла въ $\frac{1}{2}$ раза болѣе одноѣрныхъ съ ними осиновыхъ, а потому, отъ замѣны однихъ дровъ другими количество ежедневно расходуемыхъ на каждую печь не измѣнится, слѣдовательно для 15 печей на 24 дня березовыхъ дровъ надо отпустить $\frac{8 \times 15 \times 24}{10 \times 18}$ саж.

IV. Методы исключенія неизвѣстнаго. Этихъ методовъ указано четыре: 1) сложеніе равныхъ или умноженныхъ неравныхъ, 2) вычитанія равныхъ или умноженныхъ неравныхъ, 3) подстановки и 4) уравниванія неизвѣстныхъ. Въ подстрочномъ примѣчаніи говорится: „Полагаютъ, что эти приемы представляютъ замаскированное рѣшеніе уравненій. Противъ этого можно указать два довода. Вопервыхъ, эти приемы употребляются во всѣхъ частяхъ математики и потому не представляютъ специальныхъ приемовъ алгебры. Вовторыхъ, эти приемы практикуются лицами вовсе не знающими алгебры, такъ что вышеуказанное мнѣніе основано на непривычкѣ употреблять приемы исключенія неизвѣстныхъ въ ариметикѣ — напротивъ того ихъ слишкомъ привыкли употреблять въ алгебрѣ“. Съ мнѣніемъ этимъ можно было бы до нѣкоторой степени согласиться, еслибъ авторъ подразумѣвалъ дѣйствительно арием-

тическіе способы исключенія неизвѣстнаго; но изъ приведенныхъ въ книгѣ примѣровъ этого не видно, или по крайней мѣрѣ имъ не сдѣлано даже попытки разъяснить различіе между алгебраическимъ и ариѳметическимъ способами рѣшать задачи, что, къ сожалѣнію упускается изъ виду даже нѣкоторыми изъ авторитетныхъ авторовъ. Алгебра имѣетъ свой особый языкъ—краткій, символическій; алгебраическій методъ—формальный: формулы и преобразованія формулъ замѣняютъ длинный рядъ разсужденій и—по большей части такихъ, что выраженные не алгебраическимъ, а обыкновеннымъ языкомъ, разсужденія эти не могли бы быть объаты умомъ уже вслѣдствіе одной своей сложности или количества заключающихся въ нихъ силлогизмовъ. Если же разсужденія ведутся обыкновеннымъ, не алгебраическимъ языкомъ, то методъ будетъ ариѳметическій, хотя бы даже при этомъ употреблялись буквы вмѣсто чиселъ. Упражнять въ ариѳметическомъ методѣ рѣшенія задачъ тѣхъ учениковъ, которые изучаютъ или будутъ изучать алгебру, полезно главнымъ образомъ потому, что навыкъ въ этомъ методѣ приучитъ ихъ не злоупотреблять алгеброю, а пользоваться ею только тамъ, гдѣ она дѣйствительно необходима, то-есть, когда сущность изслѣдуемаго вопроса или его сложность дѣлаютъ непримѣнимыми къ нему или крайне неудобными методы ариѳметическіе или геометрическіе.

Если задачу № 11: „Игрокъ ставилъ на карту одинъ изъ двухъ опредѣленныхъ кушей; въ первую талію ему дали 8 первыхъ кушей и убили 5 вторыхъ кушей; во вторую талію ему дали 9 первыхъ кушей и 2 вторыхъ куша. По сколько ставилъ игрокъ на карту, если въ первую талію онъ выигралъ 65 рублей, а во вторую 96 рублей“—рѣшать такъ, что будутъ написаны или подразумѣваемы уравненія и будетъ сказано: „умноживъ первую талію на 2, а вторую на 5, и сдѣлавъ сложеніе, найдемъ, что 61 кушъ перваго рода составляетъ $65 \cdot 2 + 96 \cdot 5 = 610$ рублей; поэтому...“, то методъ будетъ сокращенный и формальный, слѣдовательно алгебраическій; а такъ именно рѣшаетъ эту задачу авторъ. Для ариѳметическаго рѣшенія по упомянутому способу надлежало бы, во первыхъ, указать, что если въ первую талію было проиграно столько же кушей втораго рода, сколько ихъ выиграно во вторую, то они не имѣли бы вліянія на окончательный итогъ выигрыша, и весь расчетъ свелся бы на число выигранныхъ кушей перваго рода; затѣмъ слѣдовало бы обратить вниманіе учениковъ на то, что именно такъ бы и было, если бы пер-

вая талія съ тѣмъ же счастьемъ повторилась 2 раза, а вторая 5 разъ, и т. д. Быть можетъ, авторъ и подразумѣвалъ подобный способъ; но нельзя подразумѣвать, а не высказывать того, что составляетъ главную сущность метода и должно быть поставлено на первый планъ.

Способъ уравниванія неизвѣстныхъ не достаточно разъясненъ, и не видно, почему онъ такъ названъ. Притомъ задача № 18, служащая для объясненія этого способа, рѣшена такъ, что не знающіе уравненій едва ли угадаютъ, какъ имъ пользоваться тѣмъ же методомъ при рѣшеніи другихъ подобныхъ задачъ. Задачѣ этой — „Въ одномъ закромѣ 208 мѣръ ржи, въ другомъ 10 мѣръ; сколько разъ надо всыпать въ каждый закромъ по 7 мѣръ, чтобы въ первомъ стало въ 4 раза больше, чѣмъ во второмъ?“ — авторъ даетъ такое рѣшеніе: „Уравняемъ число мѣръ въ обоихъ закромахъ. Для этого сначала надо всыпать во 2-й закромъ 30 мѣръ; потомъ надо ссыпать каждый разъ въ 1-й закромъ по 7 мѣръ, въ то время, какъ во второй закромъ ссыпается 28 мѣръ. Другими словами всыпавъ 30 мѣръ во 2-й закромъ, можно 1-й закромъ оставить въ покоѣ, а во второй закромъ ссыпать каждый разъ по 21 мѣръ. Такимъ образомъ, всыпая каждый разъ по 21 мѣръ, мы насыпемъ въ него $208 - 40 = 168$ мѣръ; очевидно, искомое равно $168 : 21 = 8$ разъ“. Методъ рѣшенія этой задачи былъ бы вполне ясенъ для учениковъ, еслибы обратили ихъ вниманіе на то обстоятельство, что задача была бы легко разрѣшима, еслибы ее можно было видоизмѣнить такъ, чтобы послѣ искомага числа всыпаній получилось равенство числа мѣръ въ данныхъ закромахъ; въ данномъ случаѣ, то-есть, при двухъ закромахъ, содержащихъ въ себѣ по неравному числу мѣръ, такое равенство недостижимо всыпаніемъ въ себѣ по равному числу мѣръ въ каждый, но если предположить, что закромовъ было не 2, а 5, изъ которыхъ въ первомъ 208 мѣръ, а въ каждомъ изъ остальныхъ четырехъ по 10 мѣръ, и спрашивалось бы: сколько разъ надо всыпать въ каждый по 7 мѣръ, чтобы въ первомъ было столько же, сколько въ совокупности остальныхъ четырехъ? то рѣшеніе этой задачи служило бы въ то же время и рѣшеніемъ заданной. Тогда было бы очевидно, что съ каждымъ всыпаніемъ разность между числомъ мѣръ въ первомъ закромѣ и числомъ ихъ въ совокупности остальныхъ четырехъ уменьшается на 21, а потому всыпать надо столько разъ, сколько 21 содержится въ первоначальной разности, которая была $208 - 40$.—Сколько бы ни казалось, съ перваго взгляда, незначительнымъ различіе между рѣше-

ніемъ автора и сейчасъ указаннымъ, оно весьма существенно какъ въ учебномъ отношеніи, такъ и съ философской точки зрѣнія: рѣшеніе автора ведется такимъ путемъ, какъ еслибы рѣшающій имѣлъ предъ глазами уравненіе; слѣдовательно, оно не примѣнимо для не знающихъ уравненій; послѣднее же рѣшеніе ведется путемъ разсужденій ординарныхъ, который равно доступенъ и знающимъ, и не знающимъ алгебры.

Быль бы слишкомъ длиненъ разборъ съ такою же подробностью остальныхъ методовъ, которымъ авторъ даетъ такія названія: V, методъ метатезиса, VI — перемѣщенія или перестановки данныхъ, VII — пропорціональнаго дѣленія, VIII — подобія, IX — нахожденія частей неизвѣстныхъ, X — излишка и недостатка сравнительно со среднимъ требусмымъ, XI — остатковъ и XII — двойныхъ гипотезъ; поэтому ограничусь лишь краткими замѣчаніями относительно нѣкоторыхъ изъ этихъ методовъ.

Для тѣхъ задачъ, результаты алгебраическаго рѣшенія которыхъ выразились бы одною изъ трехъ формулъ:

$$x = c, \quad \frac{b}{b_1}, \quad x = \frac{b-b_1}{a-a_1}, \quad x = \frac{dc_1-d_1c}{d-d_1},$$

извлекаемыхъ изъ системы равенствъ:

$$ax = b, \quad ac = b_1, \quad ac_1 = b_2, \quad b - b_1 = d, \quad b - b_2 = d_1,$$

авторъ предлагаетъ руководствоваться методами: подобія (1-я форм.), остатковъ (2-я форм.) и двойныхъ гипотезъ (3-я формула). Послѣдній, то-есть, методъ двойныхъ гипотезъ есть вышедшій изъ употребленія лѣтъ 60 тому назадъ старинный методъ, называвшійся фальшивымъ правиломъ или правиломъ двухъ ложныхъ положеній. Для знающихъ алгебру методы эти могутъ представлять нѣкоторый интересъ, но въ учебномъ дѣлѣ имѣетъ сколько-нибудь важное значеніе только одинъ изъ этихъ методовъ (методъ остатковъ), а два остальные (методъ подобія и методъ двойныхъ гипотезъ) могутъ быть исключены, безъ всякаго ущерба. Въ подтвержденіе этого, достаточно обратить вниманіе на слѣдующій фактъ:

Методъ подобія заключается въ томъ, что вмѣсто искомаго числа берутъ произвольное и поступаютъ съ нимъ такъ, какъ при повѣркѣ рѣшенія, то-есть, испытываютъ, не удовлетворяетъ ли это число условіямъ задачи; если оно не удовлетворяетъ, что вообще и должно случиться, то его увеличиваютъ или уменьшаютъ во столько разъ, сколько слѣдуетъ на основаніи указаній повѣрки, и въ результатѣ

получаютъ искомое число. При рѣшеніи каждой изъ тѣхъ пяти задачъ, которыя приведены авторомъ для объясненія метода подобія, этотъ методъ оказывается излишнимъ, ибо задачи могли быть рѣшены безъ его помощи съ неменьшимъ удобствомъ и почти не измѣняя порядка дѣйствій. Напримѣръ, задача № 29, которую авторъ рѣшаетъ, исходя изъ предположенія, что одна изъ трехъ, указанныхъ въ заданіи, частей первоначальнаго капитала равна 100 рублямъ, могла быть рѣшена безъ этого предположенія, простымъ вычисленіемъ барыша на каждый рубль первоначальнаго капитала, а слѣдовательно—и той суммы, въ какую обратился бы этотъ рубль по истеченіи указаннаго въ заданіи срока; тогда задача была бы сведена на опредѣленіе цѣлаго по извѣстной его части; порядокъ дѣйствій измѣнился бы весьма мало, и рѣшеніе ничего не утратило бы ни въ простотѣ, ни въ ясности.—Очевидно также, что задача № 30, рѣшеніе которой авторъ основываетъ на предположенія, что объемъ одного куска золота былъ равенъ 1 куб. дюйму, можетъ быть рѣшена тѣмъ же порядкомъ безъ этого предположенія, а именно—непосредственнымъ вычисленіемъ объема кубическаго дюйма перваго куска и т. д. То же самое можно сказать и объ остальныхъ трехъ задачахъ, рѣшенныхъ авторомъ по методу подобія.

Относительно задачъ № 29 и № 30, о которыхъ было сейчасъ сказано, нельзя не замѣтить еще слѣдующаго: Въ рѣшеніи первой изъ этихъ задачъ авторъ сдѣлалъ грубый промахъ и получилъ одно рѣшеніе, тогда какъ задача неопредѣленная; она содержитъ двѣ неизвѣстныя, ибо, кромѣ неизвѣстнаго первоначальнаго капитала, не опредѣлено, на какіе сроки были отданы части этого капитала, а сказано только, что отношеніе между этими сроками было равно отношенію чиселъ 6, 12 и 11. Искомый капиталъ долженъ выразиться формулою: $\frac{7880 \times 80}{80 + 11t}$, гдѣ t изображаетъ отношеніе упомянутыхъ сроковъ къ числамъ 6, 12 и 11. Авторъ не обратилъ вниманія на это обстоятельство, не упомянулъ о немъ и рѣшилъ задачу такъ, какъ еслибы t было = 1.

Данныя въ задачѣ № 30 не выдерживаютъ критики: сказано, что плотность золота = 20, плотность серебра = 12. тогда какъ въ дѣйствительности первая не превышаетъ $19\frac{1}{2}$, а вторая почти $10\frac{1}{2}$; притомъ, лигатурою для золота служить не серебро, а мѣдь.

Относительно метода двойныхъ гипотезъ, то-есть, фальшиваго правила, авторъ говоритъ въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 30:

„Замѣчательно, что Магницкій ничего не объясняетъ, а прямо показываетъ механическое примѣненіе этого метода къ задачамъ“. Это не только не замѣчательно, а иначе и быть не могло, во первыхъ, потому, что тогда вообще обученіе велось путемъ механическимъ, и вторыхъ, если нельзя дать надлежащаго доказательства, то лучше не давать никакого, а доказательство фальшиваго правила не знающимъ алгебры дѣло весьма не легкое и затруднило бы учителей, а еще болѣе—учениковъ. Замѣчательно, что авторъ разсматриваемой книги самъ не даетъ надлежащаго доказательства этому, исключенному изъ науки методу, который онъ хочетъ возстановить. Хотя въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 29 онъ приводитъ формулы, изъ которыхъ знающій алгебру не затруднится вывести формулу фальшиваго правила, но для знающаго алгебру это подстрочное примѣчаніе бесполезно, такъ какъ онъ и безъ того сумѣлъ бы доказать упомянутую формулу. Доказательство требовалось для учениковъ, не знающихъ алгебраическихъ формулъ, а такого доказательства авторъ не даетъ, ибо нельзя же считать доказательствомъ напечатанное въ текстѣ на страницахъ 28—30, гдѣ почти каждая строка требуетъ не только доказательства, но и комментарія.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, разсматриваемая книга имѣетъ несомнѣнные достоинства. Она не только не компилія, но вполне самостоятельный трудъ. Нельзя упускать изъ виду и того обстоятельства, что было бы несправедливо требовать безукоризненнаго исполненія отъ первой попытки въ такомъ трудномъ и важномъ учебномъ дѣлѣ, какъ установленіе рациональныхъ методовъ рѣшенія ариметическихъ задачъ. По всей вѣроятности, авторъ не остановится на этой первой попыткѣ, а улучшить предпринятую имъ работу. Было бы весьма желательно, чтобы при этихъ улучшеніяхъ, то есть, для будущихъ изданій, авторъ принялъ въ соображеніе слѣдующее:

1) Различныя видоизмѣненія способовъ рѣшенія ариметическихъ задачъ должны быть предоставлены самимъ ученикамъ. Полезно указать имъ на нѣкоторыя изъ такихъ возможныхъ и заслуживающихъ вниманія видоизмѣненій, но не возводить эти видоизмѣненія въ научные методы; ихъ мѣсто, такъ сказать, не въ текстѣ учебной книги, а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Число научныхъ методовъ должно быть ограничено лишь дѣйствительно необходимыми.

2) Каждый изъ методовъ долженъ быть вполне объясненъ, по

возможности просто и ясно для учениковъ. Объясненія и въ особенности примѣры на типическихъ задачахъ, должны быть таковы, чтобы они указывали ученику не знающему алгебры не механическое, а сознательное пользованіе даннымъ методомъ, не предполагали бы уравненія передъ глазами рѣшающаго задачу, а давали бы возможность дойти до искомаго результата путемъ простыхъ, не алгебраическихъ, соображеній и разсужденій.

3) Чтобы достигнуть упомянутой ясности и полноты объясненій, при сохраненіи надлежащей краткости рѣчи, необходима тщательная редакция не только содержанія, но и формы, то-есть, слога.

Элементарная алгебра. Курсъ систематическій въ 2-хъ частяхъ *Н. Н. Маракуева*, преподавателя математики. Часть I. Москва. 1887. Часть II. Москва. 1888. Стр. III+454+506+II. Цѣна 4 руб.

Названная книга содержитъ въ себѣ нѣкоторыя, довольно грубыя. промахи, тѣмъ не менѣе она должна быть при числена къ разряду замѣчательнѣйшихъ трактатовъ по алгебрѣ: она удовлетворитъ всѣмъ главнѣйшимъ научнымъ требованіямъ и въ ней съ большимъ искусствомъ изложено почти все, что только можетъ быть включено въ элементарную часть алгебры, такъ что, по всей вѣроятности, она будетъ имѣть не малое вліяніе на подъемъ уровня преподаванія этой науки въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Алгебра *Н. Н. Маракуева* состоитъ изъ шести отдѣловъ, содержащихъ въ себѣ 52 главы. Первые два отдѣла—„алгебраическое исчисленіе“ и „уравненія и неравенства первой степени“—составляютъ первую часть, а остальные четыре—вторую.

Первая глава („предварительныя понятія и опредѣленія“) принадлежитъ къ наименѣе удачнымъ. Авторъ, желая объяснить выгоды алгебраическаго знакоположенія, рѣшаетъ задачу: „найти два числа, которыхъ сумма 138, а разность 24“ и говоритъ, что ариметическій путь рѣшенія будетъ такой: „Такъ какъ разность искомымъ чиселъ, по условію, равна 24; то большее число равно меньшему, сложенному съ 24; поэтому сумма двухъ искомымъ чиселъ состоитъ изъ меньшаго числа, сложеннаго съ меньшимъ и съ 24, или“...

Едва ли можно признать такой способъ рѣшенія ариметическимъ: такимъ именно путемъ, съ помощью алгебры, составляются и рѣшаются уравненія, а особенность даннаго случая единственно

лишь та, что уравненія не написаны, а удерживаются въ памяти, и задача, вслѣдствіе крайней ея простоты, рѣшается устно, но путемъ чисто алгебраическимъ. Ариметическій методъ рѣшенія, то-есть, тотъ, которымъ въ большинствѣ случаевъ рѣшали бы эти задачи не знающіе алгебры, былъ бы слѣдующій: Еслибъ искомыя числа были равны между собою, то каждое изъ нихъ равнялось-бы половинѣ данной суммы; но такъ какъ они не равны, то одно должно быть болѣе полу-суммы, а другое на столько же ея менѣе и этотъ избытокъ перваго надъ полу-суммою и такой же недостатокъ втораго должны составить въ совокупности число, равное данной разности, слѣдовательно, и такъ далѣе.

Эта или подобныя ей задачи и столь же неудачный ихъ анализъ встрѣчаются и въ другихъ образцовыхъ учебникахъ алгебры; такое обстоятельство доказываетъ неумѣстность разъясненія выгодъ алгебраическаго знакоположенія и алгебраическихъ методовъ на простѣйшихъ задачахъ. Примѣненіе алгебры къ рѣшенію столь простыхъ задачъ не доставляетъ никакихъ выгодъ, и, слѣдовательно, подобныя примѣры не достигаютъ цѣли и ничего не разъясняютъ: задачи же сложныя, дѣйствительно нуждающіяся въ примѣненіи алгебры, не удобны въ началѣ изложенія новой науки.

Авторъ даетъ алгебрѣ такое опредѣленіе: „наука занимающаяся обобщеніемъ вопросовъ о числахъ и способовъ ихъ рѣшенія“. Это опредѣленіе не выдерживаетъ критики во многихъ отношеніяхъ — потому, на примѣръ, что оно не устанавливаетъ никакого различія между алгеброй и всѣми дальнѣйшими отдѣлами чистой математики. Слѣдуетъ, однако, замѣтить о крайней трудности опредѣленія алгебры на первыхъ ея страницахъ; вслѣдствіе чего и другія различныя ея опредѣленія, въ учебникахъ, также не безупречны.

Авторъ употребляетъ названіе „корень n -го порядка изъ a^n “, вмѣсто обычнаго термина — корень n -ой степени изъ a . Въ этомъ измѣненіи утвердившейся у насъ издавна терминологія не предстояло надобности, а потому оно не можетъ быть одобрено.

Опредѣленіе одночлена неудачно, а именно сказано (стр. 10): „Одночленомъ называется такое выраженіе, въ которомъ буквы не соединены знакомъ $+$ и $-$ “. Но развѣ $\frac{a+b}{c-d}$ и тому подобныя не одночлены?

Особенность главы II („положительныя и отрицательныя количества“) состоитъ въ томъ, что понятие о положительныхъ и отрицательныхъ величинахъ выводится изъ идеи о направленіи, а именно сказано (стр. 13): „Существенная разница между этими науками“—то-есть, ариметикою и алгеброю—„состоитъ въ томъ, что въ разсмотрѣніе величинъ алгебра вводитъ идею о направленіи, совершенно чуждую ариметикѣ“. Затѣмъ, послѣ подробнаго разъясненія между положительными и отрицательными количествами, говорится (на стр. 17 и 18): „Количество, состоящее изъ двухъ элементовъ, 1) изъ численной величины, которая можетъ быть цѣлая или дробная“—почему же только цѣлая или дробная?—„и 2) знака $+$ или $-$, указывающаго направленіе величины, и называется собственно алгебраическимъ количествомъ... Если въ количествѣ отбросить знакъ, то получится арифметическое число, которое называется абсолютной величиной или числовымъ значеніемъ количества“. Въ обычной практикѣ имѣется нѣсколько теорій отрицательныхъ величинъ, изъ которыхъ каждая теорія имѣетъ или имѣла своихъ защитниковъ между авторитетнѣйшими учеными; притомъ, при оцѣнкѣ той или другой теоріи надо принимать въ соображеніе, кромѣ научныхъ условій, педагогическія и разныя другія требованія. Въ данномъ случаѣ, то-есть, въ разсматриваемой книгѣ, авторъ, по существу своихъ воззрѣній, не могъ избрать другой исходной точки, кромѣ идеи о направленіи, для изложенія понятія объ отрицательныхъ величинахъ, такъ какъ онъ говоритъ въ „Предисловіи“, что одною изъ главныхъ причинъ появленія его курса было желаніе „дать руководство, стоящее на уровнѣ современныхъ воззрѣній на количество опирающихся на ислѣдованія Гамильтона“. Вслѣдствіе всего этого, было бы неумѣстно говорить здѣсь о достоинствахъ или недостаткахъ избраннаго имъ метода, достаточно ограничиться сужденіемъ лишь о томъ, удачно ли онъ воспользовался этимъ методомъ.

Авторъ, вмѣсто термина „алгебраическое количество“, употребляетъ иногда терминъ „противоположная величина“ на томъ основаніи, что алгебраическое количество можетъ имѣть то или другое изъ двухъ противоположныхъ направленій; такая терминологія, вслѣдствіе обычнаго въ нашемъ языкѣ значенія слова „противоположный“, можетъ затруднять пониманіе текста книги (какъ, напримѣръ, въ параграфѣ 14, стр. 21).

Въ слѣдующихъ трехъ главахъ изложены четыре начальныя дѣй-

ствія (сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе). О подробности изложекія можно судить по ихъ объему, превышающему 57 страницъ (отъ 20-й до 77-й). Особенность этихъ главъ та, что (какъ связано въ „Предисловіи“) выводу правилъ для алгебраическихъ дѣйствій предшествуетъ предварительное изученіе свойствъ суммы и разности, а затѣмъ и произведенія; притомъ авторъ обращаетъ особенное вниманіе на законы сочетательный и перемѣстительный и доказываетъ, напримѣръ, путемъ графическимъ, такіа теоремы: „1) придать къ данному количеству послѣдовательно нѣсколько другихъ — все равно, что придать ихъ сумму“; „2) сумма не перемѣнится отъ перемѣны порядка слагаемыхъ“ и такъ далѣе. Для уясненія полноты доказательствъ достаточно сказать, что теорема 2-я, напримѣръ, распадается на пять теоремъ; сперва 1) доказывается равенство $a + b = b + a$ для случая a и b положительныхъ, затѣмъ то же равенство для случая a и b съ разными знаками, а потомъ для a и b отрицательныхъ; 2) доказывается равенство $a + b + c = a + c + b$; 3) затѣмъ доказывается, что при сколькихъ угодно слагаемыхъ можно измѣнить порядокъ двухъ послѣднихъ; 4) далѣе—что во всякой суммѣ можно перемѣнить мѣста двухъ послѣдовательныхъ слагаемыхъ и, наконецъ, 5) что можно измѣнить какъ угодно мѣста слагаемыхъ въ суммѣ. Правило знаковъ при умноженіи выведено изъ опредѣленія этого дѣйствія „умножить одно количество на другое значить—изъ множимаго составить новое количество такъ, какъ множитель составленъ изъ положительной единицы“; но, при этомъ, приведены и нѣкоторыя другія доказательства (Эйлера и Крампа) съ указаніемъ ихъ несостоятельности.

Всѣ доказательства автора отличаются крайнею строгостью, не смотря на то, что относительно графическихъ приемовъ можно сдѣлать слѣдующее возраженіе, по видимому весьма вѣское: не всѣ величины могутъ имѣть и положительныя, и отрицательныя значенія, такъ какъ не всѣ могутъ переходить черезъ нуль, слѣдовательно, къ нимъ не должны быть примѣняемы графическія ихъ представленія. Но дѣло въ томъ, что такое возраженіе будетъ относиться уже не до графическихъ доказательствъ, а до самой теоріи противоположныхъ единицъ (въ этомъ, такъ сказать, суммируются всѣ выгоды и недостатки этой теоріи); алгебра, основаная на идеи о направленіи величинъ, тѣмъ самымъ дѣлается полноправною въ употребленіи графическихъ доказательствъ: для ея общихъ выводовъ уже безразлично, что въ тѣхъ или другихъ частныхъ случаяхъ нѣкоторыя изъ вели-

чинъ не могутъ быть положительными или отрицательными, то-есть, что одно изъ двухъ противоположныхъ направленийъ дѣлается для этихъ величинъ, такъ сказать, мнимымъ.

По поводу подробности доказательствъ слѣдуетъ замѣтить, что лаконизмъ алгебра Н. Н. Маракуева не отличается, и было бы желательно, чтобы въ будущихъ ея изданіяхъ авторъ слѣдовалъ въ этомъ отношеніи такимъ образцамъ какъ, напримѣръ, краткій учебникъ І. И. Сомова или полный курсъ алгебры Ж. Бертрана. Въ особенности подлежатъ сокращенію первыя пять главъ, такъ какъ въ нихъ аналогическія сужденія повторяются, во всей полнотѣ, по нѣскольку разъ. Нельзя, однако, не принять въ соображеніе слѣдующее: 1) „Въ Предисловіи“ сказано: „Что касается изложенія, то въ первыхъ главахъ доказательства изложены съ надлежащею полнотою, въ виду того, что книга назначается не для однихъ учениковъ, занимающихся подъ руководствомъ учителя, но и для самостоятельнаго чтенія. Затѣмъ, постепенно, изложеніе принимаетъ сжатый характеръ“. 2) Авторъ, очевидно, стремится къ тому, чтобы теорія противоположныхъ единицъ, а также теоремы о законахъ сочетательномъ и перемѣстительномъ получили право гражданства въ учебной практикѣ; весьма естественно, что, руководствуясь такими цѣлями, онъ старался, для избѣжанія какихъ-либо недоразумѣній не оставлять ничего не досказаннымъ или выраженнымъ въ сокращенной формѣ.

Слѣдующія затѣмъ пять главъ (VI, VII, VIII, IX, X) содержатъ въ себѣ: 1) разложеніе алгебраическихъ выраженій на множители; 2) умноженіе и дѣленіе многочленовъ съ буквенными коэффициентами (слѣдовало бы сказать „съ многочисленными коэффициентами“); 3) признаки дѣлимости на биномы вида $x \pm a$ и законъ составленія частнаго и остатка отъ такого дѣленія; 4) основанія способа неопредѣленныхъ коэффициентовъ (то-есть, слѣдующія двѣ теоремы: „чтобы цѣлый относительно x полиномъ тождественно равнялся нулю, необходимо и достаточно, чтобы всѣ коэффициенты его равнялись нулю“; „если два цѣлые относительно x полинома остаются равными при всякомъ значеніи x , то они тождественны“) и различныя приложенія предыдущихъ теоремъ (въ томъ числѣ въкоторыя признаки дѣлимости на квадратныя трехчлены и т. п.); 5) общій наибольшій дѣлитель и наименьшее кратное алгебраическихъ выраженій; 6) алгебраическія дроби, и 7) возвышеніе въ степень. Особеннаго вниманія

заслуживаютъ теоремы, помѣщенные какъ въ этихъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ дальнѣйшихъ главахъ, относящихся до разложенія полиномовъ на множители. Теоретическое изложеніе въ разсматриваемой книгѣ этого важнаго вопроса алгебры заслуживаетъ быть названнымъ образцовымъ, подобно тому какъ практическія указанія и примѣры, помѣщенные въ сборникѣ алгебраическихъ задачъ Н. А. Шапошникова, могутъ служить образцами для практическихъ упражненій въ этой разложимости; но притомъ, помѣщенные въ разсматриваемой алгебрѣ задачи для такихъ упражненій (какъ и вообще всѣ задачи, имѣющіяся въ концѣ почти каждой главы этой книги) по своему качеству и разнообразію не уступаютъ помѣщеннымъ въ сборникѣ Н. А. Шапошникова, а по своей многочисленности едва ли даже не превышаютъ обиліе этихъ послѣднихъ.

Въ главѣ XI, содержащей въ себѣ основныя понятія объ извлеченіи корня, заслуживаетъ вниманія слѣдующее замѣчаніе (на стр. 141): „Относительно двойного знака необходимо замѣтить, что его слѣдуетъ ставить только тогда, когда происхожденіе подкореннаго количества остается неизвѣстнымъ. Напримѣръ, $a^2 - 2ab + b^2$, можетъ явиться какъ результатъ возвышенія въ квадратъ или разности $a - b$ или $b - a$, такъ что $\sqrt{a^2 - 2ab + b^2} = \pm (a - b)$. Но если требуется извлечь квадратный корень изъ $(a - b^2)$, то не должно полагать $\sqrt{(a - b)^2} = \pm (a - b)$, но приписать ему только одно значеніе $a - b$. Точно также $\sqrt{(+a)^2} =$ только $+$ a , а $\sqrt{(-a)^2}$ только $- a$. Замѣчаніе это обыкновенно опускается составителями учебниковъ, и тѣмъ самымъ дается поводъ ученикамъ къ разнымъ недоразумѣніямъ и нелѣпнымъ выводамъ.

Въ главѣ XII, имѣющей своимъ предметомъ извлеченіе квадратнаго корня изъ чиселъ и многочленовъ, сдѣланъ непростительный промахъ. Въ подстрочномъ примѣчаніи къ стр. 156 сказано относительно равенства $a = \frac{a'b}{b'}$: „Такъ какъ a число цѣлое, то $a'b$ должно дѣлиться на b' , но a' не дѣлится на b' , слѣдовательно b должно дѣлиться на b'^4 . За исключеніемъ этого грубаго недосмотра и растянутости изложенія нѣкоторыхъ параграфовъ, глава эта не оставляетъ желать ничего лучшаго по строгости, ясности и полнотѣ изложенія.

Въ XIII главѣ подробно объяснены способы извлеченія кубическаго корня изъ чиселъ и многочленовъ. Въ XIV главѣ, имѣющей своимъ

предметомъ ирраціональныхъ числа, изложены, между прочимъ, теоремы, относящіяся до теоріи предѣловъ и дѣйствій надъ несоизмѣримыми числами. Въ главѣ XV — „объ ирраціональныхъ выраженіяхъ“ — сдѣланъ грубый промахъ, а именно сказано (стр. 209):

„Уничтоженіе ирраціональности въ знаменателѣ дроби возможно далеко не всегда, а лишь въ исключительныхъ случаяхъ“.

Ошибку эту нельзя отнести къ разряду такъ-называемыхъ оговорокъ, то-есть, нельзя предположить, что авторъ имѣлъ въ виду не невозможность, а только затруднительность уничтоженія ирраціональностей въ знаменателѣ въ большинствѣ случаевъ: во-первыхъ, на слѣдующей же страницѣ доказана возможность уничтоженія ирраціональностей въ знаменателѣ, какое бы ни было ихъ число, если всѣ они квадратныя; во-вторыхъ, та же ошибка повторена въ еще болѣе грубомъ видѣ въ главѣ XXXVI (о чемъ и будетъ сказано далѣе). Упомянутый промахъ тѣмъ рѣзче бросается въ глаза, что во всемъ остальномъ глава XV не уступаетъ предыдущимъ и выдерживаетъ строгую критику по ясности изложенія, а въ особенности по разнообразію и удачному выбору примѣровъ.

Глава XVI содержитъ въ себѣ сравнительно краткое, но достаточно полное изложеніе понятія о дробныхъ и отрицательныхъ показателяхъ и правилъ дѣйствій надъ ними. Глава XVII имѣетъ предметомъ разъясненія формъ и раскрытіе неопредѣленностей:

$$\frac{0}{m}, \frac{m}{0}, \frac{\infty}{m}, \frac{m}{\infty}, \frac{0}{0}, 0 \times \infty, \frac{\infty}{\infty}, \infty - \infty.$$

По строгой точности и полнотѣ анализа она заслуживаетъ особеннаго вниманія. Достаточно, на примѣръ, указать на теорему (стр. 234): „Когда алгебраическая дробь, которой числитель и знаменатель суть цѣлыя раціональные относительно x полиномы, принимаетъ при нѣкоторомъ частномъ значеніи x неопредѣленную форму $\frac{0}{0}$ — эта неопредѣленность только кажущаяся, на самомъ же дѣлѣ дробь имѣетъ совершенно опредѣленную величину“; или на указаніе (стр. 237), что если отношеніе между двумя количествами постоянное, на примѣръ, $\frac{a-2}{a-2}$ равно единицѣ, то оно будетъ сохранять постоянную величину (единицу) при всякомъ значеніи переменнаго, а слѣдовательно, и при предѣлѣ, то-есть, при $a = 2$.

Съ главы XVIII начинается второй отдѣлъ книги. Изъ вышесказаннаго видно, что первый отдѣлъ содержитъ въ себѣ достаточное количество весьма цѣннаго матеріала, и что нѣкоторыя главы могутъ быть даже названы образцовыми; но если сравнить его съ остальными отдѣлами, то окажется, что они значительно превосходятъ его своими качествами, и вообще объ этой алгебрѣ можно сказать, что достоинство труда Н. Н. Маракуева прогрессивно возрастаетъ почти съ каждою главою. Между особенностями остальныхъ отдѣловъ есть не малое число весьма важныхъ и рѣдко встрѣчающихся въ учебникахъ алгебры, слѣдовательно, заслуживающихъ подробнаго разбора; но многочисленность ихъ затрудняетъ выполнение этого. Потому необходимо ограничиться краткимъ обзоромъ содержанія остальныхъ отдѣловъ и указаніемъ, лишь въ видѣ примѣровъ, на нѣкоторыя изъ главныхъ особенностей, не пропуская притомъ ни одного изъ сколько-нибудь важныхъ замѣченныхъ недостатковъ.

Второй отдѣлъ, состоящій изъ 10 главъ (XVIII — XXVII), имѣетъ своимъ предметомъ уравненія и неравенства первой степени, со включеніемъ и неопредѣленнаго анализа первой степени. Особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія статьи:

1) Исслѣдованіе результата умноженія уравненія $A - B = 0$ на множителя M , когда этотъ множитель содержитъ неизвѣстное x , входящее въ данное уравненіе. Исслѣдованіе это произведено съ замѣчательною тщательностью и подраздѣлено на три случая (когда $A - B$ и M цѣлыя относительно x , когда $A - B$ цѣлое и M дробное, когда $A - B$ дробное и M цѣлое). Не смотря однако на строгую точность изслѣдованія, въ немъ есть одно невѣрное замѣчаніе (стр. 256): „чтобы произведеніе равнялось нулю, нужно, чтобы одинъ изъ множителей равнялся нулю, а ни одинъ изъ остальныхъ не обращался при этомъ въ безконечность“. Это, безъ сомнѣнія, случайный недосмотръ, такъ какъ изъ сказаннаго авторомъ въ предыдущей главѣ (§ 258, стр. 238) уже извѣстно, что упомянутое условіе достаточно, но не необходимо для равенства произведенія нулю, ибо $0 \times \infty$ можетъ быть также нулемъ.

2) Начала, на которыхъ основаны преобразованія уравненія и методы рѣшенія системы уравненій, изложены съ большою основательностью и строгостью; указано, когда тотъ или другой методъ рѣшенія системы уравненій слѣдуетъ предпочесть остальнымъ, и удачно объяснены главнѣйшіе случаи упрощенія рѣшеній; правила состав-

ленія уравненій со многими неизвѣстными весьма отчетливо пояснены достаточнымъ числомъ примѣровъ.

3) Глава XXIV (о неравенствахъ первой степени) изложена съ полнотою, не встрѣчающеюся въ другихъ учебникахъ, а именно она имѣетъ такое содержаніе: опредѣленія и общія начала; начала, относящіяся къ совмѣстнымъ неравенствамъ; провѣрка заданныхъ неравенствъ (методъ возвышенія въ степень; методъ разложенія на множителей; методъ превращенія полинома въ сумму квадратовъ; неравенства симметричныя относительно данныхъ буквъ; методъ заключенія отъ n къ $n+1$ и на оборотъ; доказательства нѣкоторыхъ замѣчательныхъ неравенствъ); рѣшеніе неравенства первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ; рѣшеніе системы неравенствъ первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ; рѣшеніе системы неравенствъ первой степени съ нѣсколькими неизвѣстными (методъ сравненія неизвѣстныхъ и методъ уравненія коэффициентовъ); задачи.

4) Исслѣдованія уравненій первой степени (главы XXV и XXVI) крайне поучительны; каждое изъ нихъ представляетъ замѣчательный примѣръ полноты исслѣдованія. Каждый примѣръ рассмотрѣнъ, такъ-сказать, всесторонне; извлечено и объяснено все, что только можно было изъ него вывести или сказать по его поводу. Примѣрамъ исслѣдованія общихъ вопросовъ, то-есть, когда данныя выражены буквами, предпосланы указанія, относящіяся до рѣшеній положительныхъ и отрицательныхъ, нулевыхъ, безконечныхъ и неопредѣленныхъ; пояснено, что численныя рѣшенія, хотя бы даже положительныя, удовлетворяющія данному уравненію, не всегда удовлетворяютъ задачѣ, которой это уравненіе соответствовало. Подробно исслѣдовано 8 задачъ, относящихся до одного уравненія съ однимъ неизвѣстнымъ, и 4, относящіяся до двухъ уравненій съ двумя неизвѣстными.

Третій отдѣлъ (уравненія и неравенства второй и высшихъ степеней) состоитъ изъ 14 главъ (XXVIII—XLI); это самый обширный отдѣлъ какъ по объему (онъ занимаетъ 344 страницы), такъ еще болѣе по многопредметности и обилію матеріала. Нѣкоторыя его части, напримѣръ, все, относящееся до maximum'a и minimum'a, представляютъ какъ бы монографію или полный сводъ всѣхъ элементарныхъ способовъ исслѣдованія даннаго вопроса. Понятно, что при такомъ всестороннемъ анализѣ вопросовъ, автору нельзя было ограничиться одними алгебраическими методами, а потому онъ весьма часто поль-

зуются графическими методами—построеніемъ кривой, ордината которой изображаетъ изслѣдуемую функцію; нельзя не сказать при этомъ, что всѣ его изслѣдованія по методу графическому столь же просты, ясны, тщательны и вообще удачны, какъ и по методу алгебраическому. Замѣчательна, между прочимъ, не только многочисленность указанныхъ авторомъ способовъ рѣшенія и изслѣдованія задачъ, но и многочисленность примѣровъ примѣненія этихъ способовъ; достаточно сказать, что въ главѣ XL, имѣющей своимъ заглавіемъ „образцы изслѣдованія вопросовъ второй степени“, рѣшено и изслѣдовано 23 задачи, а затѣмъ предложено для самостоятельныхъ упражненій 160 задачъ; о полнотѣ этихъ изслѣдованій можно судить, во-первыхъ, по тому, что они занимаютъ около 80 страницъ (196—275) мелкаго шрифта и, во-вторыхъ, потому, что нѣкоторыя задачи рѣшены и изслѣдованы многими способами (напримѣръ, задача Папуса: Дана точка A на биссектрисѣ прямого угла, составляемаго линиями XX' и YY' , провести чрезъ эту точку прямую линію такъ, чтобы отрѣзокъ ея въ одномъ изъ четырехъ угловъ имѣлъ данную длину p —рѣшена семью различными способами, и, сверхъ того, въ заключеніе данъ восьмой, чисто геометрической).

Нельзя не обратить вниманія на главу XXIX (стр. 11—22), имѣющую своимъ содержаніемъ геометрическое представленіе мнимыхъ величинъ и обобщеніе основныхъ алгебраическихъ законовъ. Въ ней указанъ графическій способъ полученія результатовъ алгебраическихъ дѣйствій надъ комплексами вида ra гдѣ r изображаетъ модуль, α —аргументъ мнимаго выраженія $a + bi$, и въ заключеніе дано такое опредѣленіе алгебры: „это есть наука, занимающаяся изученіемъ дѣйствій надъ плоскими помодами и рѣшеніемъ всякихъ задачъ, относящихся къ этимъ величинамъ“.

Многопредметность содержанія третьяго отдѣла дѣлаетъ затруднительнымъ даже краткое ознакомленіе съ его содержаніемъ и главнѣйшими особенностями; по своимъ качествамъ отдѣлъ этотъ не только не уступаетъ предыдущему, но даже превосходитъ его—или, можетъ быть, это превосходство только кажущееся вслѣдствіе несравненно большаго разнообразія и интереса вопросовъ второй и высшихъ степеней, сравнительно съ уравненіями и неравенствами первой степени.

Но въ этомъ же отдѣлѣ, въ главѣ XXXVI замѣчается грубая ошибка, а именно говорится (стр. 130), что для освобожденія ирраціональ-

наго уравненія отъ радикаловъ „нужно изолировать радикалъ, и затѣмъ возвести уравненіе въ степень, изображаемую показателемъ изолированнаго корня; и это дѣйствіе повторяютъ столько разъ, сколько нужно для уничтоженія всѣхъ радикаловъ“; затѣмъ (на слѣдующей страницѣ): „когда число радикаловъ больше трехъ, то освобожденіе отъ нихъ уравненія, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, вообще не возможно“. Трудно понять, какимъ образомъ авторъ могъ не сообразить, что указанный имъ способъ уничтоженія радикаловъ пригоденъ вообще только тогда, когда всѣ радикалы суть корни второй степени, а въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь объ ирраціональностяхъ какой бы то ни были степени; притомъ, даже и при исключительно лишь квадратныхъ радикалахъ не имѣетъ мѣста замѣчаніе о невозможности освободиться болѣе чѣмъ отъ трехъ радикаловъ. Сопоставивъ эту ошибку съ указанною выше, относившеюся до уничтоженія ирраціональностей въ знаменателѣ дроби, нельзя не придти къ заключенію, что автору неизвѣстна слѣдующая теорема: „Если многочленъ M содержитъ различныя степени радикала $\sqrt[n]{b}$, то-есть,

$$M = a_1 + a_2 \sqrt[n]{b} + a_3 \sqrt[n]{b^2} + \dots + a_n \sqrt[n]{b^{n-1}},$$

гдѣ $a_1, a_2, a_3, \dots, a_n$ не содержатъ въ себѣ радикала $\sqrt[n]{b}$, но могутъ содержать другія ирраціональности, то для одновременнаго уничтоженія радикаловъ $\sqrt[n]{b}, \sqrt[n]{b^2}, \sqrt[n]{b^{n-1}}$ надо умножить M на многочленъ X , имѣющій такой видъ:

$$X = x_1 + x_2 \sqrt[n]{b} + x_3 \sqrt[n]{b^2} + \dots + x_n \sqrt[n]{b^{n-1}},$$

и опредѣлить неизвѣстные коэффициенты $x_1, x_2, x_3, \dots, x_n$ изъ уравненій, выражающихъ, что произведеніе MX не содержитъ упомянутыхъ ирраціональностей; притомъ, такъ какъ число неизвѣстныхъ коэффициентовъ однимъ болѣе числа уравненій, то для полученія наивыгоднѣйшаго рѣшенія можно ввести условіе, чтобъ одинъ изъ искомымъ коэффициентовъ, напримѣръ, x_n равнялся опредѣлителю уравненій, выражающихъ зависимость остальныхъ отъ x_n и данныхъ $a_1, a_2, \dots, a_n$. Если бы авторъ имѣлъ въ виду эту теорему, то, безъ сомнѣнія, не сдѣлалъ бы ни одного изъ сейчасъ сказанныхъ промаховъ.

Такъ какъ разборъ трехъ отдѣловъ достаточно знакомить съ качествами алгебры Н. Н. Маракуева, то можно уже не говорить о со-

держаніи и качествахъ остальныхъ трехъ отдѣловъ (анализъ соединеній и его приложения, теорія рядовъ и логарифмовъ, непрерывныя дроби), которые также выдерживаютъ строгую критику и представляютъ не мало особенностей, заслуживающихъ полнаго вниманія и отчасти указанныхъ авторомъ въ своемъ предисловіи.

Оцѣнка книги была бы, однако, неполная, если не добавить еще слѣдующаго. Число задачъ рѣшенныхъ и изслѣдованныхъ значительно болѣе 100, а предложенныхъ для рѣшенія ученикамъ (безъ указанія отвѣтовъ) около 2300. О полнотѣ и другихъ качествахъ изслѣдованныхъ задачъ можно судить по сказанному выше; но значительная доля какъ рѣшенныхъ, такъ и предложенныхъ задачъ, обладаютъ еще другими, такъ-сказать, спеціальными достоинствами: одні изъ нихъ имѣли значеніе въ исторіи алгебры; другія представляютъ интересъ, какъ удачно выбранныя изъ геометріи, физики, астрономіи и другихъ отраслей знанія. Историческія свѣдѣнія, помѣщенные въ примѣчаніяхъ къ разнымъ главамъ книги, хотя и отрывочны, но не лишены интереса для любознательнаго читателя.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОНИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1887 И 1888 ГОДАХЪ.

28-го февраля текущаго года, въ 9 часовъ вечера, происходило въ Аничковомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государа Императора, при участіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Владимира Александровича, годичное общее собраніе Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

По открытіи засѣданія, предсѣдатель Общества А. А. Половцовъ прочелъ отчетъ о его дѣятельности въ 1887 и 1888 годахъ, слѣдующаго содержанія:

„Ваше Императорское Величество,
„Ваши Императорскія Высочества,
„милостивые государи.

„Со два послѣдняго здѣсь, подъ Августѣйшимъ Его Императорскаго Величества предсѣдательствомъ, собранія, Общество наше продолжало по прежнему изданіе своего Сборника.

„Два тома осуществили первую часть задачи, указанной намъ еще въ 1876 году, Почетнымъ нашимъ Предсѣдателемъ. При обсужденіи предположеній о составленіи по возможности полнаго отечественнаго біографическаго словаря, польза такого изданія единодушно была признана Обществомъ, но въ виду чрезвычайныхъ трудностей, возникавшихъ при осуществленіи этого обширнаго труда,

часть сслѣдкі, отд. 4.

1

совѣтъ находилъ полезнымъ напечатать предварительно списокъ именъ, долженствующихъ служить основаніемъ для изданія вслѣдъ затѣмъ біографическаго словаря.

„Списокъ этотъ, включающій 52.600 именъ, помѣщенъ въ 60-мъ и 62-мъ томахъ Сборника. Это лишь первый шагъ къ достиженію преслѣдуемой Обществомъ цѣли, но шагъ этотъ, смѣю думать, значительно подвинулъ дѣло. Собранный при составленіи списка матеріалъ во многомъ облегчитъ написаніе самыхъ біографій тѣхъ лицъ, имена коихъ будутъ признаны заслуживающими переноса на страницы біографическаго словаря. Конечно, біографіи эти могутъ быть написаны только при участіи писателей, посвятившихъ свои труды той или другой эпохѣ нашей отечественной исторіи; конечно, предстоитъ еще много затрудненій, преодоленіе коихъ возможно только при сочувствіи людей, принимающихъ къ сердцу успѣхи отечественной исторіи, иными словами — людей, сознательно, осмысленно любящихъ отечество и неравнодушныхъ къ судьбамъ его; но въ такихъ людяхъ на Руси никогда недостатка не было, и число ихъ нынѣ растетъ ежедневно, по мѣрѣ того, какъ растутъ успѣхи отечественной исторіи, покровительствуемой мощною десницею Державнаго нашего Вождя.

„Въ твердомъ упованіи на такую сочувственную помощь русскаго общества, совѣтъ нашъ обратился къ возможно большому числу извѣстныхъ своею ученою и литературною дѣятельностію лицъ, прося указать недостатки издавнаго нынѣ списка, а также наилучшіе способы къ довершенію всего предпріятія.

„61-й томъ Сборника продолжаетъ печатаніе дипломатической переписки англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ октября 1711 по конецъ 1719 года. Сюда вошли донесенія посланника Чарльса Витворта статсъ-секретарю Сентъ-Джону; затѣмъ инструкція, данная Дж. Мэкензи при назначеніи его резидентомъ при царскомъ дворѣ, и донесенія Мэкензи статсъ-секретарю Бромлею; инструкція адмиралу Джону Норрису при отправленіи его чрезвычайнымъ и полномочнымъ посланникомъ къ русскому двору и донесенія его лорду Сондерлэнду, изъ которыхъ особенно любопытны донесенія, относящіяся до пребыванія Петра Великаго въ Амстердамѣ и до впечатлѣнія, произведеннаго государемъ на Норриса бесѣдою съ нимъ. Въ 1718 году англійскимъ резидентомъ къ царскому двору назначенъ и снабженъ инструкціей Джемсъ Джефферисъ. Между множествомъ его донесеній своему правительству особаго вниманія заслу-

живають донесенія объ Аландскихъ переговорахъ, о торговомъ договорѣ съ Англiей и о работахъ по устройству Ладожскаго канала. Во всѣхъ этихъ донесенiяхъ, иностранныхъ и не могущихъ быть заподозрѣнными въ пристрастiи очевидцевъ, ярко выступаетъ свѣтлая и сильная личность великаго царя.

„63-й томъ, изданный подъ редакцiей члена Общества Н. О. Дубровина, служить продолженiемъ 55-го и 56-го томовъ и заключаетъ въ себѣ протоколы, журналы и указы верховнаго тайнаго совѣта, съ января по июль 1727 года. Съ каждымъ днемъ дѣятельность верховнаго тайнаго совѣта расширяется; протоколы его обнимають совокупность главнѣйшихъ интересовъ государственной и народной жизни, и съ этой точки зрѣнiя печатаемые Н. О. Дубровиннымъ документы представляютъ новый и важный матеріалъ для изслѣдованiя этого доселѣ мало извѣстнаго времени.

„64-й томъ заключаетъ въ себѣ документы, относящiеся къ царствованiю императрицы Екатерины I, печатанiе коихъ началось въ 58-мъ томѣ. Сюда вошли донесенiя французскаго министра Кампредона и повѣреннаго въ дѣлахъ Маньяна за 1726 и 1727 годы. Документы сообщены изъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и изданы подъ редакцiей секретаря Общества Г. О. Штендмана. Относясь главнымъ образомъ къ внѣшней политикѣ, донесенiя эти тѣмъ не менѣе дополняютъ совокупность картины положенiя дѣлъ въ мало изслѣдованное доселѣ царствованiе императрицы Екатерины I.

„65-й томъ, изданный подъ редакцiей члена общества Н. О. Мартеуса, содержитъ въ себѣ дипломатическіе акты, относящiеся до Тешенскаго конгресса. На этомъ конгрессѣ князь Н. В. Рѣпинъ съ большимъ достоинствомъ и замѣчательнымъ талантомъ исполнилъ возложенное на него императрицею Екатериною II трудное порученiе умиротворить Германiю. Война за баварское наслѣдство уже возгорѣлась между Австріей и Пруссiей; съѣхавшіеся въ Тешенѣ представители: Россiи—князь Рѣпинъ и Франціи—маркизь Бретель, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, достигли подписанiя трактата между германскими государствами. Тешенскiй конгрессъ представляетъ блистательную страницу въ лѣтописяхъ дипломатiи, успѣвшей, не смотря на важность затронутыхъ интересовъ, предотвратить кровопролитiе путемъ мирныхъ переговоровъ. Торжествующимъ дипломатомъ на этотъ разъ является увѣнчанный лаврами русскiй въ

душѣ полковонецъ. Сообщеніемъ этихъ фамилныхъ бумагъ мы обязаны его правнуку, князю Н. В. Рѣпинну.

66-й томъ содержитъ въ себѣ продолженіе донесеній англійскихъ дипломатическихъ агентовъ съ 1728 по 1732 г. и притомъ относящихся преимущественно къ торговымъ между Россіей и Англіей интересамъ. Съ 1719 года, вслѣдствіе неудовольствія Петра Великаго на недоброжелательное вмѣшательство Англій въ наши сношенія съ сѣверными державами, наступило между нашимъ и великобританскимъ правительствами охлажденіе, сопровождавшееся отозваніемъ дипломатическихъ агентовъ. Въ 1728 г. дипломатическія отношенія возобновляются сначала чрезъ консуловъ, а впослѣдствіи чрезъ резидентовъ, но имѣютъ въ началѣ почти исключительно торговый характеръ.

67-й томъ, изданный подъ редакціей члена Общества барона Ө. А. Вюлера и при содѣйствіи магистра В. А. Уляницкаго, служитъ продолженіемъ 48-го, 51-го и 57-го томовъ Сборника. Въ этомъ томѣ, какъ и въ предыдущихъ трехъ томахъ политической переписки императрицы Екатерины II, помѣщены рескрипты и письма императрицы по вѣшнимъ дѣламъ, Высочайше апробованные доклады коллегій иностранныхъ дѣлъ и депеши пословъ и посланниковъ съ резолюціями императрицы Екатерины II съ 1766 по 1768 годъ.

68-й томъ заключаетъ въ себѣ продолженіе изданія наказовъ отъ дворянъ, данныхъ депутатамъ въ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Изданіе дворянскихъ наказовъ начато еще покойнымъ Д. В. Полѣновымъ. Въ напечатанныхъ подъ его редакціей первыхъ двухъ томахъ историческихъ свѣдѣній объ Екатерининской комиссіи (томы 4-й и 8-й Сборника) помѣщены указы отъ дворянъ Московской губерніи, а въ третьемъ (томъ 14-й) указы дворянъ С.-Петербургской, Новгородской, Смоленской и Архангельской губерній. Въ настоящемъ томѣ напечатаны дворянскіе указы отъ губерній Казанской, Эстляндской, Лифляндской, Выборгской, Нижегородской, Малороссійской, Слободско-Украинской, Воронежской и Бѣлгородской. Дворянскіе указы двухъ послѣднихъ губерній—Оренбургской и Новгородской, появятся вмѣстѣ съ указами отъ городовъ. Дворянскіе указы заключаютъ въ себѣ весьма важный матеріалъ для изученія быта Россіи въ половинѣ прошлаго столѣтія. Дворяне не только высказываютъ пожеланія свои, относящіяся къ будущему, но и дѣлаютъ указанія на недостатки современнаго положенія вещей. Это самая интересная сторона издаваемыхъ нынѣ памятниковъ. Она

знакомить насъ съ малоизвѣстною намъ судебною и правительственною практикою своего времени и тѣмъ существенно пополняетъ наши свѣдѣнія, почерпаемая изъ указовъ. Настоящій томъ изданъ членомъ Общества, профессоромъ В. И. Сергѣевичемъ.

„69-й томъ служить продолженіемъ изданія бумагъ верховнаго тайнаго совѣта и заключаетъ журналы и протоколы совѣта съ 1-го іюля по конецъ декабря 1727 года. Первоначально, по предположенію Н. Θ. Дубровина, такихъ томовъ предполагалось издать восемь, но оказавшееся въ сенатскомъ архивѣ обиліе матеріаловъ заставляетъ предполагать, что бумаги верховнаго тайнаго совѣта наполняютъ 9 или даже, можетъ быть, и 10 томовъ.

„Одновременно съ изданіемъ памятниконъ дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымскою и Нагайскою ордами членъ Общества Г. Θ. Карповъ приступилъ къ печатанію документовъ, относящихся до сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, начало которыхъ было издано въ 35-мъ (1487—1532 гг.) и 59-мъ (1533—1560 гг.) томахъ Сборника и доведено до 1569 года. Матеріаломъ для настоящаго тома служатъ также посольскія книги и дѣла: а) изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ и б) изъ литовской метрики. Всего напечатано около 40 листовъ.

„Сообщеніе документовъ изъ иностранныхъ архивовъ продолжалось и въ отчетные годы. Изъ парижскаго архива доставлены документы, относящіеся до переписки короля Людовика XV съ своими тайными дипломатическими агентами, которые представляли ему свои донесенія, одновременно съ донесеніями официальныхъ представителей Франціи при иностранныхъ дворахъ, а именно донесенія консула (и вмѣстѣ съ тѣмъ тайнаго дипломатическаго агента при петербургскомъ дворѣ) Россиньоля, за 1765—1770 гг., и отвѣтныя предписанія короля, доставляемая Россиньолю частію непосредственно отъ короля, а частію чрезъ посредство тайныхъ его агентовъ Терсье и графа Брольи. Изъ парижскаго же архива доставлены официальные предписанія французскаго министерства своимъ посланникамъ при русскомъ дворѣ, съ 1765 по 1791 г., то-есть, до момента совершеннаго прекращенія дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціею. Изъ берлинскаго архива, благодаря содѣйствію канцлера князя Бисмарка и сына его графа Бисмарка, сообщены донесенія графа Сольмса за 1774 г. и отвѣты на нихъ, писанные королемъ и, по его повелѣнію, Финкенштейномъ и Герцберггомъ.

„Въ теченіе 1888 года Общество лишилось двухъ своихъ чле-

новъ. 29-го іюня скончался князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, а 6-го декабря баронъ Александръ Генриховичъ Жомини.

„Имя князя Вяземскаго особенно драгоцѣнно для нашего Общества: учредитель и первый нашъ предсѣдатель, князь Петръ Андреевичъ, на первыхъ же порахъ привлекъ къ занятіямъ своего сына Павла Петровича. Еще во 2-мъ томѣ нашего Сборника былъ помѣщенъ обширный трудъ его, объяснившій и комментировавшій депешу посланника Мальтійскаго ордена въ С.-Петербургѣ графа Литты. Впослѣдствіи князь Павелъ Петровичъ, сдѣлавшись предсѣдателемъ основаннаго имъ Общества любителей древней письменности, посвятилъ почти исключительно труды свои предсѣдательствуемому имъ учрежденію; но тѣмъ не менѣе, сохранивъ до конца дней полную отзывчивость ко всему, что касалось прошедшаго Россіи, князь Вяземскій не переставалъ принимать живое участіе въ судьбахъ и собраніяхъ нашего Общества. Нѣтъ сомнѣнія, что большинству присутствующихъ памятно сдѣланное имъ въ этой же комнатѣ сообщеніе о хранившейся въ семейномъ его архивѣ перепискѣ князя Козловскаго. Цитую мѣста изъ этой переписки, приводя воспоминанія современниковъ, описывая собранія при дворѣ императора Николая Павловича, на которыя, послѣ долгихъ лѣтъ, появился состарившійся въ Италіи и Франціи князь Козловскій, князь Павелъ Петровичъ ознакомилъ насъ съ одною изъ даровитыхъ русскихъ личностей, оставшихся глубоко русскою, не смотря на жизнь за границею, одною изъ личностей, привлекающихъ современниковъ силою талантовъ и возвышенностью стремленій. Говоря о князѣ Козловскомъ, о тонкости смѣтливаго его ума и наблюдательности, о прелести умственнаго съ нимъ общенія, князь Вяземскій, вѣроятно, самъ того не замѣчая, въ этотъ день останавливался на свойственныхъ ему самому и привлекательныхъ всѣмъ намъ чертахъ. Сопоставляя облики этихъ двухъ даровитыхъ соотечественниковъ нашихъ, наслаждаясь щедротами этихъ умственныхъ богачей, невольно приходитъ мысль, что Богомъ данныя имъ дарованія могли бы оставить послѣ себя болѣе глубокіе и благіе слѣды въ жизни другихъ людей. Въ этомъ отношеніи князь Вяземскій, конечно, превзошелъ привлекавшую его личность князя Козловскаго. Среди по неволѣ разсѣянной, международной, великосвѣтской, офиціально-веселой жизни, онъ не покидалъ научныхъ занятій. Полвѣка, отдѣляющіе князя Вяземскаго отъ князя Козловскаго, не прошли безрезультатными ни для всего русскаго общества, ни для отдѣльныхъ его членовъ. Талантливыя натуры, какъ князь

Вяземскій, среди общаго преуслѣянiя, будутъ давать съ каждымъ днемъ болѣе обильные плоды.

„Баронъ Александръ Генриховичъ Жюмини продолжительною, безупречною, неизмѣнно трудовою служебною своею карьерою на дипломатическомъ поприщѣ приобрѣлъ столь громкую извѣстность, что я могу сказать лишь краткое слово о его участіи въ дѣлахъ нашего Общества. Баронъ Жюмини принадлежалъ къ числу его учредителей и нерѣдко сообщалъ интересные документы изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ; не смотря на усиленныя свои занятія, онъ внимательно слѣдилъ за нашими изданіями и неизмѣнно готовъ быть на дѣлѣ доказать свое искреннее желаніе помочь осуществленію всякаго полезнаго историческаго труда. Такіе люди рѣдки, и близко знавшіе ихъ навсегда сохраняютъ о нихъ признательную и благоговѣйную память.

„Представивъ бѣглый перечень скромныхъ трудовъ нашихъ, вспоминая предъ вами горестно понесенныя нами утраты, пріемлю смѣлость выразить надежду, что и въ будущемъ Общество наше, благодаря Высокому покровительству, ему оказываемому, не перестанетъ успѣшно трудиться на пользу отечественной исторіи“.

По окончаніи чтенія отчета, нѣкоторыми членами Общества были прочитаны изготовленные ими для біографическаго словаря опыты біографій, а именно: Д. Ѳ. Кобеко—о генераль-прокурорѣ, князѣ Александрѣ Алексѣевичѣ Вяземскомъ (въ должности генераль-прокурора былъ 29 лѣтъ); Н. Ѳ. Дубровинимъ—о князѣ Петрѣ Ивановичѣ Багратіонѣ († 12-го сентября 1812 г.); Я. К. Гротомъ—объ исторіографѣ Николаѣ Михайловичѣ Карамзинѣ.

Въ заключеніе, на основаніи 29, 31 и 44 §§ устава Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, приступлено было къ переизбранію должностныхъ лицъ Общества, окончившихъ сроки служенія, причемъ единогласно выбраны: въ должность предсѣдателя—А. А. Половцовъ, вице-предсѣдателя—А. Ѳ. Бычковъ, секретаря—Г. Ѳ. Штендманъ и казначея—Е. М. Феофтистовъ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ХАРЬКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1887 ГОДУ.

Въ Харьковскомъ университетѣ состояло въ 1887 году слѣдующее число преподавателей: по историко-филологическому факультету: ординарныхъ профессоровъ 6, экстраординарныхъ 3, временно-исправляющихъ обязанности профессора 4, привать-доцентовъ 5, лекторовъ 3, всего 21; по физико-математическому—ординарныхъ профессоровъ 13, экстраординарныхъ 3, временно-исполняющихъ обязанности профессора 1, привать-доцентовъ 5, всего 22; по юридическому—ординарныхъ профессоровъ 9, экстраординарныхъ 3, привать-доцентовъ 1; по медицинскому—ординарныхъ профессоровъ 14, экстраординарныхъ 10, привать-доцентовъ 14, прозекторовъ 4, всего 42. Сверхъ того, при университетѣ состоитъ профессоръ православнаго богословія, онъ же настоятель университетской церкви. Такимъ образомъ общее число преподавателей, всѣхъ категорій на всѣхъ факультетахъ было: 1 профессоръ богословія, ординарныхъ профессоровъ 42, экстраординарныхъ 19, временно-исполняющихъ обязанности профессора 5, привать-доцентовъ 25, лекторовъ 3, прозекторовъ 4; итого было 99 преподавателей. Для приготовленія къ профессорской дѣятельности состоятъ при университетѣ 5 лицъ: по историко-филологическому и медицинскому факультетамъ по одному, по физико-математическому—трое.

Въ теченіе года факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій 14, физико-математическій 26, юридическій 18, медицинскій 19. Къ текущимъ занятіямъ факультетскихъ собраній относилось на первомъ планѣ наблюденіе надъ правильнымъ ходомъ какъ теоретическаго, такъ и практическаго преподаванія и надъ заня-

тіями студенто́въ. Практическія занятія студенто́въ состояли въ слѣдующемъ: на историко-филологическомъ факультетѣ: а) по философіи—въ чтеніи діалоговъ Платона, съ переводомъ на русскій языкъ и философскимъ объясненіемъ содержанія; б) по сравнительному языкознанію реферировались и были разобраны сочиненія Сиверса, Соссюра, Лескина, Крушевскаго, Пауля; кромѣ того, студенты упражнялись въ фонетическомъ переложеніи съ старо-славянскаго на греческій, латинскій и санскритскій отдѣльныхъ словъ и формъ параллельно съ курсомъ чтеній; в) по санскритскому языку—въ чтеніи и объясненіи „Гитопадеші“; г) по классической филологіи студенты, раздѣленные на четыре группы съ двумя руководителями въ каждой, однимъ по римской словесности, а другимъ по греческой, переводили и объясняли сочиненія древнихъ авторовъ по опредѣленной очереди, при чемъ отъ референтовъ требовалось всестороннее изученіе своего отрывка и приготовленіе достаточнаго матеріала какъ для поддержанія своихъ мнѣній, такъ и для критическаго разбора возможныхъ возраженій со стороны оппонентовъ; результаты представлялись письменно съ переводомъ на русскій языкъ и съ объясненіями отчасти на русскомъ, отчасти на латинскомъ языкахъ; подаваемые письменные переводы съ русскаго на латинскій и греческій и съ латинскаго на греческій, равно какъ и самостоятельныя сочиненія на русскомъ и латинскомъ языкахъ, разсматривались руководителями на дому и возвращались авторамъ съ надлежащими замѣчаніями и поправками; д) по русскому языку практическія занятія состояли въ чтеніи и грамматическомъ разборѣ образцовъ стариннаго русскаго языка; по исторіи русской литературы студентами были прочитаны, по указанію профессора, нѣсколько крупныхъ изслѣдованій, касающихся древней русской литературы и частью словесно, частью письменно изложено ихъ содержаніе; е) по каедрѣ славянскихъ нарѣчій практическія занятія (у профессора Дринова) состояли въ чтеніи и разборѣ образцовъ западно-славянскихъ нарѣчій въ одномъ семестрѣ и памятниковъ юсоваго письма въ другомъ, а профессоръ Безсоновъ велъ занятія по сербскому и польскому языкамъ, состоявшія въ чтеніи поэтовъ и прозы, и кромѣ того, на лекціяхъ, посвященныхъ миеологіи и славянскому народописанію, упражнял студенто́въ въ чтеніи и переводѣ соотвѣтственныхъ извлеченій изъ главнѣйшихъ памятниковъ; ж) по всеобщей исторіи для практическихъ упражненій назначались латинскіе памятники средневѣковой исторіи съ переводомъ на русскій языкъ и примѣненіемъ къ нимъ исторической критики;

з) по русской исторіи занятія велись въ двухъ группахъ: съ одною группою профессоръ занимался специальнымъ разборомъ важнѣйшихъ иностранныхъ извѣстій, относящихся къ древнему и московскому періоду нашей исторіи, а съ другою группою, состоявшею исключительно изъ оканчивающихъ курсъ университета, занятія имѣли педагогическій характеръ: студентами читались въ аудиторіи пригнѣрныя пробныя уроки на темы, заданныя профессоромъ, примѣнительно къ гимназическимъ требованіямъ; сверхъ того, студенты упражнялись въ чтеніи и разборѣ историческихъ памятниковъ, относящихся къ XVII и XVIII вѣкамъ, и въ письменныхъ сочиненіяхъ на темы изъ отечественной исторіи; и) по исторіи церкви происходило объяснительное чтеніе перваго обличительнаго слова Григорія Богослова на императора Юліана и бесѣды Василя Великаго къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями. На физико-математическомъ факультетѣ практическія занятія состояли: по математикѣ—въ рѣшеніи задачъ, по механикѣ—въ рѣшеніи задачъ по аналитической механикѣ, по астрономіи—въ рѣшеніи задачъ по сферической тригонометріи и астрономіи и въ ознакомленіи съ астрономическими инструментами и способами ихъ употребленія, по физикѣ—въ ознакомленіи съ физическими приборами и опредѣленіи различныхъ физическихъ постоянныхъ величинъ, по физической географіи—въ черченіи физико-географическихъ и метеорологическихъ картъ, въ ознакомленіи съ устройствомъ и употребленіемъ метеорологическихъ инструментовъ, въ вычисленіи площадей и объемовъ разныхъ частей суши и моря; по химіи—въ анализѣ качественномъ и въ приготовленіи органическихъ соединеній; по геологіи—въ опредѣленіи ископаемыхъ животныхъ и растений, а также въ опредѣленіи горныхъ породъ, по минералогіи—въ опредѣленіи минераловъ и ихъ кристаллическихъ формъ, по ботаникѣ—въ изученіи микроскопическаго строенія органовъ сѣмянныхъ растений и въ изученіи строенія и развитія споровыхъ растений, по зоологіи—въ ознакомленіи съ морфологическими особенностями животныхъ и упражненіяхъ въ ихъ опредѣленіи, по анатоміи челоуѣка—въ ознакомленіи съ методами препарированія и въ демонстраціяхъ препаратовъ анатомическаго музея, по сравнительной анатоміи—въ секціи животныхъ, по технической химіи—въ изслѣдованіи различныхъ продуктовъ органическаго и неорганическаго происхожденія и въ приготовленіи нѣкоторыхъ препаратовъ, по агрономіи—въ химическомъ анализѣ кормовыхъ травъ и животныхъ продуктовъ. На

юридическомъ факультетѣ: а) по исторіи римскаго права — въ собраніи матеріала для изложенія студентами послѣдовательнаго развитія учрежденій публичнаго и частнаго права; сверхъ того, быть сдѣланъ и записанъ переводъ главнѣйшихъ статей текста закона XII таблицъ; по системѣ римскаго права — въ объяснительномъ чтеніи и переводѣ институцій Гая и императора Юстиніана въ связи съ соотвѣтствующими важнѣйшими фрагментами Пандектъ, Кодекса и Новеллъ; б) по гражданскому и торговому праву — въ разсмотрѣніи и критическомъ анализѣ рѣшенныхъ русскими гражданскими судами процессовъ, въ разсмотрѣніи отдѣльныхъ юридическихъ случаевъ (Rechtsfälle) и въ толкованіи статей свода законовъ гражданскихъ, устава гражданского судопроизводства и устава торговаго; в) по уголовному праву — въ толкованіи законовъ, въ обсужденіи рефератовъ по разнымъ вопросамъ науки, въ анализѣ теоретическихъ опредѣленій уголовного права; главнымъ образомъ имѣлось въ виду поставить студента въ непосредственное отношеніе къ положительному законодательству и научить его методу правильнаго пользованія законодательнымъ матеріаломъ; г) по исторіи русскаго права — въ чтеніи и толкованіи слѣдующихъ памятниковъ древне-русскаго права: договоровъ съ греками, Русской Правды, договоровъ съ нѣмцами, церковныхъ уставовъ Владиміра Святаго и Ярослава, Псковской и Новгородскихъ судныхъ грамотъ; д) по государственному праву — въ чтеніи и обсужденіи рефератовъ на различныя темы; е) по международному праву — въ чтеніи и комментированіи текстовъ трактатовъ: Вѣнскаго (1815 г.), Парижскаго (1856 г.) и Берлинскаго (1878 г.), равно какъ въ изложеніи студентами и профессоромъ различныхъ спорныхъ случаевъ (столкновеній) изъ области дипломатіи, консульскаго права, въ особенности же частнаго (уголовнаго и гражданскаго) международнаго права, и въ комментированіи ихъ студентами подъ руководствомъ профессора; ж) по полицейскому праву — въ конферсаторіяхъ; з) по финансовому праву — въ обсужденіи рефератовъ какъ на теоретическія темы, такъ и по вопросамъ русскаго финансоваго законодательства и въ толкованіи законовъ о налогахъ и сборахъ; и) по церковному праву — въ чтеніи и комментированіи правилъ свв. апостолъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и свв. отецъ, при объясненіи состава второй части Кормчей книги читаны и объяснены важнѣйшія части, особенно относящіяся къ брачному праву, при изложеніи исторіи церковнаго права читаны и были объясняемы уставы князей Владиміра и Ярослава, главнѣйшіе памятники, издан-

ние Павловымъ въ VI томѣ Русской Исторической Библіотеки, ханскіе ярлыки, нѣкоторыя статьи Стоглавника и нѣкоторыя постановленія собора 1667 года; и) по политической экономіи—въ чтеніи и объясненіи сочиненія Адама Смита—изслѣдованіе о природѣ и причинѣ богатствъ народовъ; к) по статистикѣ — въ черченіи картъ, на которыхъ по графическому способу изображались статистическіе факты а также въ разсмотрѣніи и критической оцѣнкѣ составленія „обзоровъ внѣшней торговли Россіи“; л) по исторіи философіи права — въ разборѣ письменныхъ работъ студентовъ и въ устныхъ конферсаторіяхъ по вопросамъ пройденнаго курса. На медицинскомъ факультетѣ практическія занятія студентовъ производились обычнымъ порядкомъ въ клиникахъ и въ другихъ соотвѣтственныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.

Для поощренія студентовъ къ учебнымъ занятіямъ, факультетами предложены были слѣдующія задачи: историко-филологическимъ факультетомъ—„Легенда объ Энеѣ и водвореніи его въ Лаціумъ“, „Сицилійская экспедиція аэинявъ въ Пелопонесскую войну“ и „Народная этимологія примѣнительно къ русскому языку“; физико-математическимъ—„Приложеніе теоріи послѣдняго множителя Якоби къ интегрированію дифференціальныхъ уравненій динамики“, „Изложить теорію свѣтораспѣянія, принимая во вниманіе и явленіе аномальнаго свѣтораспѣянія“ и „Изслѣдованіе по вопросу о біологическомъ значеніи минеральныхъ солей въ водной средѣ для живущихъ тамъ животныхъ организмовъ“; юридическимъ—„Правовыя основанія и цѣль уголовного наказанія по ученію Ансельма Фейербаха“ и „Германскіе законы о страхованіи рабочихъ“; медицинскимъ—„Біологическое (бактеріоскопическое) изслѣдованіе водопроводной, рѣчной и колодезной воды въ г. Харьковѣ“, „Санитарно-статистическая разработка данныхъ о дифтеритѣ въ Харьковѣ, въ связи съ метеорологическими, топографическими и т. п. условіями“, „Морфологическія измѣненія мяса при лежаніи въ связи съ его происхожденіемъ, кухонною обработкой, дѣйствіемъ пищеварительныхъ ферментовъ и нѣкоторыхъ консервирующихъ средствъ“, „Изслѣдованіе поля зрѣнія у душевныхъ и нервныхъ больныхъ“, „Психо-физическая реакція у душевныхъ и нервныхъ больныхъ“, „Строеніе стѣнокъ фаллопиевой трубы у человѣка и нѣкоторыхъ другихъ млекопитающихъ“, „Процессъ ороговѣнія эпителиевъ съ морфологической точки зрѣнія“, „О главныхъ продуктахъ распаденія бѣлковъ подъ вліяніемъ трипсина“, „Вліяніе свѣта, магнитныхъ и электрическихъ на-

пряженій на дѣятельность нѣкоторыхъ ферментовъ животнаго организма“, „Сравнительное количества мѣовина и мѣостромнина въ мышцахъ животныхъ въ нѣкоторыхъ физиологическихъ и патологическихъ состояніяхъ“ и „Значеніе грануляціонной поверхности ранъ по отношенію къ инфекціоннымъ болѣзнямъ“. При юридическомъ факультетѣ существуютъ особныя преміи имени Заруднаго и Каченовскаго, выдаваемыя изъ пожертвованныхъ капиталовъ. Для соисканія этихъ премій факультетомъ были назначены слѣдующія темы: „О приданомъ по русскому праву“, „Карательная система въ уголовномъ правѣ римлянъ отъ закона XII таблицъ до Юстиніана“ и „Критическая оцѣнка постановленій морской Парижской деклараціи 1856 года“. За представленныя на заданныя темы сочиненія присуждены: 8 золотыхъ медалей, 4 серебряныхъ и 3 почетныхъ отзыва, а одинъ изъ студентовъ VII семестра юридическаго факультета награжденъ премією Заруднаго.

На основаніи существующихъ постановленій въ теченіе года удостоено ученыхъ степеней и званій: а) степени доктора медицины—3, б) степени магистра—3 (по одному на факультетахъ историко-филологическомъ, физико-математическомъ и медицинскомъ), в) степени кандидата—98 (историко-филологическаго факультета—18, физико-математическаго—35, юридическаго—45; г) званія дѣйствительнаго студента—29 (физико-математическаго факультета—7, юридическаго—22). Медицинскихъ степеней и званій удостоено: лѣкаря съ отличіемъ—18, лѣкаря—94, уѣзднаго врача—112, дантиста—5, провизора—14, аптекарскаго помощника—54, повивальной бабки—37.

Къ 1-му января 1887 года въ Харьковскомъ университетѣ состояло 1.520 студентовъ; въ теченіе 1887 года вновь поступило 239 (изъ гимназій 198, изъ другихъ учебныхъ заведеній 41), въ теченіе года выбыло 429 (за окончаніемъ курса 239, до окончанія курса 190). до окончанія курса выбыли: 41—по невзвосу платы, 97—по прошенію и другимъ причинамъ, 5—за смертью, и 47—по постановленію университетскаго правленія. За симъ къ 1888 году оставалось на лицо 1.330. Постороннихъ слушателей было: къ 1-му января 1887 года 58; къ началу 1888 года—37. Состоявшіе къ 1-му января 1888 года 1.330 студентовъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: на историко-филологическомъ факультетѣ—77, на физико-математическомъ—175 (отдѣленіе физико-математическихъ наукъ 133, отдѣленіе естественныхъ наукъ 42); на юридическомъ—295, на медицинскомъ—783; б) по вѣроисповѣданіямъ: православ-

ныхъ 800, армяно-григоріанъ 51, римско-католиковъ 91, лютеранъ 22, менонитовъ 3, евреевъ 355, караимовъ 6, магометанъ 2; в) по сословіямъ: сыновей дворянъ и чиновниковъ 517, духовнаго званія 92, почетныхъ гражданъ и купцовъ 184, мѣщанъ и разночинцевъ 439, крестьянъ 43, казаковъ 39, иностранцевъ 16; г) по предварительному образованію всѣ—гимназисты; д) по учебнымъ округамъ, въ районѣ которыхъ находятся заведенія предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго—4, Московскаго—16, Казанскаго—9, Сибирскаго—6, Оренбургскаго—1, Харьковскаго—564, Одесскаго—298, Кіевскаго—183, Виленскаго—102, Варшавскаго—12, Дерптскаго—12, Кавказскаго—123.—Въ теченіе года стипендіями воспользовались 182 студента на общую сумму 45.614 руб. 31 к., въ томъ числѣ, изъ средствъ государственнаго казначейства 17.606 руб. 52 коп., изъ процентовъ съ капиталовъ, пожертвованныхъ частными лицами 14.117 руб. 79 коп., изъ суммъ Войска Донскаго 13.890 руб. Размѣръ стипендій былъ: отъ 100 до 420 рубъ влѣбительно. Единовременныя денежныя пособія выданы были 84 студентамъ въ количествѣ 2.659 руб. 63 коп. Изъ общаго числа студентовъ освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій: въ первой половинѣ года—239 (17,9%), во второй—156 (11,6%), всего 395 студентовъ.

Денежныя средства университета находились въ слѣдующемъ положеніи. Штатныя суммы: отъ 1886 года оставалось 46.759 руб. 42 коп., въ 1887 году отпущено изъ суммъ государственнаго казначейства на содержаніе университета 393.468 руб. 23 коп., въ теченіе года израсходовано 387.180 руб. 19 коп., къ 1-му января 1888 года имѣлось въ остаткѣ 53.047 руб. 46 коп. Спеціальныя средства: а) сбора за слушаніе лекцій отъ студентовъ, постороннихъ слушателей и ученицъ повивальнаго искусства и за аренду земли: остатка отъ 1886 года было 23.360 руб. 46 коп., въ 1887 году поступило 22.266 руб. 99 коп., израсходовано 24.271 руб. 19 коп., къ 1888 году осталось 21.356 руб. 56 коп., б) пожертвованныхъ капиталовъ: къ 1-му января 1887 года имѣлось на лицо 382.580 руб. 59 коп., въ теченіе года поступило 43.850 руб. 51 коп., израсходовано 17.542 руб. 23 коп., затѣмъ къ 1-му января 1888 года въ остаткѣ имѣлось 408.888 руб. 87 коп.

Состояніе клиникъ Харьковскаго университета и движеніе больныхъ въ оныхъ за 1887 годъ представляются въ слѣдующемъ видѣ: Терапевтическая факультетская клиника (25 кроватей)—оставалось на излѣченіи отъ 1886 года 8, въ теченіе 1887 года посту-

пило 121, выздоровѣло или вышло 117, умерло 10, оставалось на излѣченіи въ 1888 году 2, больныхъ, приходившихъ за совѣтами, было 739. Клиническій матеріалъ служилъ прежде всего для демонстрированія студентамъ существенныхъ симптомовъ данныхъ болѣзненныхъ формъ, причемъ студенты упражнялись въ перкуссіи, аускультации, въ изслѣдованіи пульса, въ химическомъ и микроскопическомъ изслѣдованіи мокроты, мочи, рвоты и экскрементовъ. Въ клиникѣ производились изслѣдованія надъ *Zinci hydrocyanici sine ferro* при порокахъ сердца и нервныхъ разстройствъ его, продолжались наблюденія надъ дѣйствіемъ кокаина при *angina pectoris* и *neuralgia intercostalis* и надъ дѣйствіемъ кислорода при нервныхъ заболѣваніяхъ съ повышенными рефлексіями. Кромѣ того, въ клиникѣ произведены были тремя ординаторами спеціальныя изслѣдованія, напечатанныя въ одномъ изъ медицинскихъ періодическихъ изданій. Хирургическая факультетская клиника (25 кроватей)—отъ 1886 года больныхъ оставалось 23, въ 1887 году вновь поступило 204, выздоровѣло и вышло 185, умерло 19, къ 1888 году оставалось 23, приходило за совѣтами 3992 больныхъ. Въ теченіе года произведено много интересныхъ операцій, какъ по сложности діагноза, такъ и по тѣмъ хирургическимъ приемамъ, которые были предпринимаемы. Стационарнымъ больнымъ совершено было 182 операціи, амбулаторнымъ—2066. Офтальмологическая (25 кроватей)—къ началу 1887 года оставалось 22, въ теченіе года поступило 456, выздоровѣло и вышло 455, къ 1888 году находилось на излѣченіи 23, за совѣтами приходило 4650 больныхъ съ 7998-ю болѣзнями глазъ. Большихъ операцій произведено было: на амбулаторныхъ больныхъ 107, на стационарныхъ—475; кромѣ того, амбулаторно производились многочисленныя мелкія операціи; поликлинически было произведено 47 операцій. Кромѣ студентовъ, клинику посѣщали, для болѣе спеціальнаго ознакомленія съ глазами болѣзнями, 5 военныхъ и 2 вольнопрактическихъ врачей. Акушерская и женскихъ болѣзней (25 кроватей)—отъ 1886 года оставалось 19 больныхъ, въ 1887 году вновь поступило 268, выздоровѣло и вышло 258, умерло 9, къ началу 1888 года на излѣченіи оставалось 20, явившихся за совѣтами было 554. Изъ числа 287 стационарныхъ больныхъ было: поступившихъ съ женскими болѣзнями—109, беременныхъ—159, изъ амбулаторныхъ: больныхъ женскими болѣзнями—456, беременныхъ—98; кормилицъ осмотрѣно 78. Изъ числа стационарныхъ больныхъ полное выздоровленіе получили 67 (54,3⁰), изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія 10, у кото-

рыхъ съ полнымъ успѣхомъ произведена оваріотомія; изъ остальныхъ больныхъ получили значительное облегченіе 22 (17,7%) и выписались изъ клиники безъ замѣтнаго улучшенія болѣзненныхъ припадковъ—17 (13,7%). Всѣхъ операций въ клиникѣ произведено было: въ гинекологическомъ отдѣленіи—103, въ акушерскомъ—79. Среднее число дней пребыванія одной больной въ клиникѣ равнялось 31,8 дней, родильницы—11,27 днямъ. Смертность больныхъ была равна 4,03%, родильницъ—2,4%. Госпитальная терапевтическая клиника (34 кровати)—въ теченіе года лѣчилось 487 больныхъ; изъ нихъ выздоровѣло и выбыло 422, умерло 55 (11,29%), къ 1888 году на излѣченіи оставалось 10. По роду болѣзней больные распределялись слѣдующимъ образомъ: острия инфекціонныя болѣзни—124, болѣзни дыхательнаго аппарата—102, болѣзни органовъ кровообращенія—39, болѣзни пищеварительнаго аппарата—78, болѣзни почекъ—21, наложныхъ болѣзней—31, болѣзней крови—6, отравленій—9, ревматическихъ болѣзней—40, хирургическихъ больныхъ—2. Госпитальная хирургическая клиника (27 кроватей)—въ теченіе года лѣчилось 418 больныхъ, изъ нихъ выздоровѣло и выбыло 387, умерло 16 (3,8%), на излѣченіи осталось къ 1888 году 15. На стационарныхъ больныхъ были произведены 302 болѣе или менѣе важныхъ операций, гипсовыхъ повязокъ наложено—79, амбулаторнымъ больнымъ было вскрыто болѣе 200 нарывовъ на различныхъ частяхъ тѣла, наложено множество швовъ при порѣзанныхъ и разорванныхъ ранахъ, удалено болѣе 30 каріозныхъ зубовъ. При лѣченіи раненій какъ случайныхъ, такъ и операціонныхъ, былъ постоянно примѣняемъ антисептической методъ, выработанный практикою послѣдняго времени.

При Харьковскомъ университетѣ состоятъ четыре ученыхъ Общества: а) испытателей природы, б) опытныхъ наукъ, в) историко-филологическое и г) математическое. Составъ и дѣятельность этихъ учрежденій въ 1887 году представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Общество испытателей природы имѣло 9 почетныхъ, 46 дѣйствительныхъ членовъ и 56 членовъ сотрудниковъ. Администрацію Общества составляли: предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя и секретарь. Въ теченіе года общество имѣло пять общихъ собраній членовъ, а распорядительный комитетъ—17 засѣданій. Въ засѣданіяхъ общаго собранія членовъ прочитаны были слѣдующія статьи: А. В. Высоцкаго—„Mastigophora и Rhizopoda, найденныя въ Вейсовомъ и въ Сѣпномъ озерахъ“; М. А. Алексенко—„Очеркъ водорослей Chlo-

gosrogeae окрестностей города Харькова", П. П. Пятницкаго—предварительное сообщеніе о буромъ углѣ близъ Люботина, Волковскаго уѣзда; И. Ф. Леваковскаго—„Вліяніе геологическихъ условій на направление и свойства дорогъ въ Россіи" и „Распределеніе водъ въ Россіи, причины его и слѣдствія"; П. В. Иванова—списокъ прямокрылыхъ (*Orthoptera*) окрестностей города Купянска, съ таблицами для различенія семействъ, родовъ и видовъ этихъ насѣкомыхъ; В. Я. Ярошевскаго—„Къ свѣдѣніямъ о фаунѣ *Tenthredinidae* Харьковской губерніи" и „Перечень *Crysididae*, водящихся въ Харьковской губерніи", П. П. Дмитриева—предварительный отчетъ объ экскурсіи для изслѣдованія насѣкомыхъ, встрѣчающихся на солончакахъ окрестностей города Славянска. Изъ числа поименованныхъ статей шесть войдутъ въ составъ издаваемыхъ обществомъ Трудовъ. Въ 1887 году отпечатанъ XX томъ этого изданія, въ которомъ помѣщены, отдѣльными въ нему приложеніями, двѣ статьи К. С. Гарницкаго: „Замѣтка объ употребленіи въ народномъ быту нѣкоторыхъ дико-ростущихъ и воздѣлываемыхъ растений украинской флоры" и „Списокъ русскихъ и инородческихъ названій растений"; вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено къ печатанію XXI тома Трудовъ. Въ пособіе на ученые изслѣдованія общество выдало четыремъ своимъ членамъ 800 рублей. Общество находилось въ сношеніяхъ съ 81 иностранными и русскими обществами, которымъ высылало свои изданія; въ обмѣнъ, а отчасти и въ даръ, оно получило 171 названіе книгъ, брошюръ и журналовъ, приобрѣло за 300 рублей коллекцію мѣстныхъ перепончатокрылыхъ (*Hemiptera*) и получило въ даръ отъ частныхъ лицъ небольшую коллекцію кобылокъ (*Cicadina*) и гербарій Астраханской.

Общество опытныхъ наукъ. Оно состоитъ изъ двухъ секцій: а) физико-химической и б) медицинской. Физико-химическая секція имѣла 66 членовъ; администрація ея состояла изъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя, четырехъ секретарей, казначея и бібліотекаря. На бывшихъ въ теченіе года шести засѣданіяхъ членами сдѣланы слѣдующіе сообщенія и рефераты: Н. Н. Бекетовымъ—а) „Къ вопросу о теплотѣ замѣщенія однихъ элементовъ другими", б) „О химическомъ сродствѣ", „О нѣкоторыхъ свойствахъ металлическаго рубидія"; Д. А. Давыдовымъ—„О метиститивѣ"; И. П. Осиповымъ—а) „Объ отношеніи дибромъ-янтарной кислоты и ея натровой соли къ сѣрнистымъ соединеніямъ фосфора", б) „Къ исторіи эфирныхъ производныхъ фумаровой и малеиновой кислотъ", в) „Къ исторіи анило- и аналитодпроизводныхъ кислотъ фумаровой и малеиновой", г) по вопросу

объ изомеріи этихъ кислотъ; Н. Д. Пальчиковымъ—а) „О термоста-тѣ“; б) „О воздушномъ барометрѣ“; И. М. Пономаревымъ—„Къ вопросу о строеніи циановой кислоты“; Н. А. Чернаемъ—„О расширеніи растворовъ солей отъ теплоты“; Н. М. Флавицкимъ—„Ученіе фонъ-деръ-Ваальса о непрерывности газообразнаго и жидкаго состояній“; А. Г. Эренбургомъ—„Примѣненіе электролиза въ аналитической химіи“; Медицинская секція имѣла 50 членовъ; администрацію составляли: предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя, три секретаря и кассиръ. Въ теченіе года происходило шесть засѣданій, на которыхъ сдѣлано 14 сообщеній.

Историко-филологическое общество.. Число членовъ было: 34 городскихъ и 6 иногородныхъ. Администрація общества состояла изъ предсѣдателя и секретаря. Въ теченіе года было 7 засѣданій, на которыхъ прочитаны были слѣдующіе рефераты: Н. Ф. Сумцова—„Къ исторіи раскольнической литературы“; А. Л. Шиманова—„Къ исторіи нравовъ слободско-украинскаго общества XVIII столѣтія“; Д. И. Багалѣя—„Объ архивныхъ матеріалахъ, относящихся къ исторіи заселенія Харьковской губерніи“; П. С. Ефименка—„О В. Н. Каразинѣ и о запискахъ Ярославскаго“; А. А. Потемби—„О множественномъ числѣ“; В. П. Бузескула—„О Периклѣ. Критическій разборъ сочиненія Дункера о Периклѣ“. Одно изъ засѣданій Общества посвящено было обсужденію составленной академикомъ И. В. Ягичемъ программы для составленія историческаго словаря русскаго языка. При Обществѣ состоитъ историческій архивъ, составившійся изъ дѣлъ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ Черниговской и Харьковской губерній.

Математическое общество имѣло въ 1887 году 39 членовъ. Администрацію составляли: предсѣдатель, два товарища предсѣдателя и секретарь. На бывшихъ въ теченіе года шести засѣданіяхъ сдѣлано 17 сообщеній, относящихся къ чистой и прикладной математикѣ. Сочиненія эти были напечатаны и вышли въ свѣтъ въ видѣ двухъ выпусковъ. Засѣданія общества, кромѣ его членовъ, посѣщались студентами высшихъ курсовъ физико-математическаго факультета и молодыми людьми, окончившими университетскій курсъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, общество въ 1887 году имѣло сношенія съ другими учеными обществами, какъ русскими, такъ и иностранными.

С. К. СМІРНОВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

16-го минувшаго февраля скончался бывшій ректоръ и профессоръ Московской духовной академіи, протоіерей Сергій Константиновичъ Смирновъ, сорокъ-два года прослужившій при академіи и лишь два съ половиною года тому назадъ оставившій свою академическую службу.

Покойный Сергій Константиновичъ родился въ Москвѣ 5-го сентября 1818 года. По окончаніи курса наукъ въ Московской духовной академіи въ 1844 году онъ, какъ одинъ изъ ея лучшихъ воспитанниковъ, былъ оставленъ при ней въ званіи бакалавра по классу русской гражданской исторіи и греческаго языка. Въ слѣдующемъ 1845 году онъ былъ возведенъ въ степень магистра за свое курсовое сочиненіе: „Предъизображеніе Господа нашего Іисуса Христа и церкви Его въ Ветхомъ Завѣтѣ“. Въ 1854 году С. К. Смирновъ былъ опредѣленъ секретаремъ комитета по изданію Твореній свв. отцевъ, а въ слѣдующемъ 1855 на него было возложено преподаваніе исторіи русскаго раскола и полемики противъ него въ миссіонерскомъ отдѣленіи. Всѣ эти обязанности онъ исполнялъ до преобразованія академіи въ 1870 году, когда, согласно уставу 1869 года, изъ нѣсколькихъ предметовъ преподаванія онъ долженъ былъ избрать одинъ: онъ избралъ греческій языкъ съ его словесностью, оставаясь до 1871 года и секретаремъ редакціоннаго комитета; другіе же предметы, которые онъ прежде преподавалъ, на основаніи того же устава, стали предметами особыхъ кафедръ. Въ томъ же 1870 году онъ былъ избранъ инспекторомъ академіи. Еще въ 1857 году С. К. Смирновъ получилъ званіе экстраординарнаго, а въ 1859 году

ординарнаго профессора по прежнему уставу. Въ 1873 году С. К. Смирновъ защитилъ на степень доктора диссертацию: „Филологическія замѣчанія о языкѣ новозавѣтномъ въ сличеніи съ классическимъ при чтеніи посланія апостола Павла къ Ефесеямъ“. Въ 1874 году оставилъ штатную службу при академіи Е. В. Амфитеатровъ, и на его мѣсто былъ избранъ С. К. Смирновъ въ помощники ректора по церковно-практическому отдѣленію. Въ 1878 году на 60-мъ году своей жизни, онъ былъ назначенъ святѣйшимъ синодомъ ректоромъ Московской духовной академіи, принялъ священство, съ возведеніемъ его, согласно уставу, въ санъ протоіерея, а вмѣстѣ съ тѣмъ вступилъ въ должность предсѣдателя совѣта и правленія академіи, равно какъ и предсѣдателя комитета по возобновленному въ 1879 году, послѣ семилѣтняго перерыва, изданію Твореній св. отцевъ, оставаясь въ то же время профессоромъ по каедрѣ греческаго языка и словесности, а также продолжая исправлять должность и помощника ректора по церковно-практическому отдѣленію. Въ 1886 году онъ былъ уволенъ по прошенію отъ должности ректора академіи.

Учено-литературная дѣятельность С. К. Смирнова, начавшаяся съ 1843 года, когда онъ былъ еще на студенческой скамьѣ, прекратилась лишь съ его кончиною. Больше всего онъ потрудился въ области русской церковной и гражданской исторіи. Сюда относятся: „Историческое описаніе Саввина-Сторожевскаго монастыря“ (М. 1846), „Церковно-историческій мѣсяцесловъ Троицкой лавры“ (М. 1850), „Историческое описаніе Махрищскаго монастыря“ (М. 1851), „Биографія князя Д. М. Пожарскаго“ (М. 1852) и многія другія сочиненія. Но самыми капитальными трудами его въ этой области являются слѣдующіе: „Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи“ (М. 1855); „Исторія Троицкой-лаврской семинаріи. М. 1867 и „Исторія Московской духовной академіи до ея преобразованія“ (1814 — 1870 гг.). (М. 1879). Эти труды его, доставившіе автору званіе члена-корреспондента Академіи Наукъ обнимаютъ собою цѣлый двухсотлѣтній періодъ духовнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ.

Весьма любопытныя черты къ характеристикѣ личности покойнаго находятся въ слѣдующихъ словахъ его некролога, помѣщеннаго въ Московскихъ Вѣдомостяхъ:

„Онъ одинъ изъ первыхъ по времени воспитанниковъ Московской академіи и въ качествѣ профессора, и какъ инспекторъ и ректоръ, былъ всегда ревностнымъ хранителемъ и поборникомъ завѣтовъ и

традицій своей *almae matris*. Отличать, воспитывать и поддерживать таланты—вотъ что, между прочимъ, было завѣщано дальнѣйшимъ поколѣніямъ дорогами и приснопамятными первоначальниками Московской академіи. И при Сергіи Константиновичѣ никогда и ни одинъ изъ талантливыхъ студентовъ не былъ забытъ и оставленъ имъ безъ особеннаго, можно сказать, почти отеческаго попеченія. Онъ охотно прощалъ таковымъ даже нѣкоторыя уклоненія отъ студенческой дисциплины; но одного только требовалъ, и требовалъ настойчиво, чтобъ они не зарывали въ землю, а возгрѣвали Богомъ данный имъ талантъ... И съ какою радостью онъ затѣмъ слѣдилъ за развитіемъ и разцвѣтомъ этого таланта!... „Внѣшне суровый и важный, онъ въ то же время отличался особенною сердечною теплотой и отзывчивостью къ нуждамъ студентовъ. Повторяемъ, цѣлыя поколѣнія прошли и воспитались при немъ; но едва ли погрѣшимъ, если скажемъ, что ни одинъ изъ воспитанниковъ покойнаго не сохранилъ въ душѣ ничего, кромѣ благодарной памяти о немъ.... Отзывчивость къ нуждамъ студентовъ съ особенною яркостью выразилась въ томъ, что онъ былъ однимъ изъ инициаторовъ учрежденія братства преподобнаго Сергія, цѣль котораго именно вспомошествованіе нуждающимся студентамъ Московской академіи. И при Сергіи Константиновичѣ это братство было въ полномъ процвѣтаніи. Достаточно сказать, что на его средства воспитывалось въ то время едва ли не больше половины всѣхъ студентовъ, такъ какъ число всѣхъ вообще студентовъ значительно превышало количество тѣхъ, которые имѣли право на казенное содержаніе. И при этомъ, хотя пособія студентамъ раздавались щедрою рукой, средства братства не только не оскудѣвали, но и приумножились“...

ЭМПЕДОКЛЬ ¹⁾.

Источники, знакомящие насъ съ философiей Эмпедокла.

Сохранившихся отрывковъ изъ сочиненiй Эмпедокла не достаточно для того, чтобы получить полное представленiе о его системѣ; но мы имѣемъ возможность пополнить наши свѣдѣнiя изъ различныхъ источниковъ. Источники эти могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: 1) случайно трактующiе объ Эмпедоклѣ и 2) специально посвященные исторiи философiи, а слѣдовательно, и Эмпедоклу. Къ первой группѣ мы должны отнести писателей-философовъ, излагающихъ свое ученiе, но почему-либо упоминающихъ объ Эмпедоклѣ; ко второй группѣ слѣдуетъ отнести авторовъ, трактующихъ специально объ исторiи философiи и исторiи наукъ. Къ первой группѣ мы относимъ Платона, Аристотеля, Лукреція и др., ко второй — всѣхъ такъ называемыхъ греческихъ доксографовъ.

Сочиненiя Платона при нѣкоторой осторожности могутъ быть разсматриваемы какъ источникъ историческихъ свѣдѣнiй; такъ, изъ нихъ несомнѣнно можно извлечь свѣдѣнiя о Сократической и софистической философiи. Эмпедокль упоминается у него нѣсколько разъ. Однако, гораздо больше свѣдѣнiй относительно исторiи перваго перiода греческой философiи доставляетъ намъ Аристотель, благодаря своей методѣ изслѣдованiя. Аристотель, прежде чѣмъ догматически изслѣдовать вопросъ, излагаетъ мнѣнiя своихъ предшественниковъ. Эти историческiя замѣчанiя чрезвычайно цѣнны. Правда, Аристотеля старались заподозрить въ томъ, что онъ искажаетъ системы предшественниковъ, передаетъ ихъ неточно,—но обвиненiе это совершенно не-

---

¹⁾ *Продолженiе.* См. мартовскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущiй годъ.

основательно; теперь установился взглядъ, по всей вѣроятности, правильный, что Аристотель есть вѣрнѣйшій путеводитель въ лабиринтѣ мнѣній древнихъ философовъ. Сначала однако скажемъ о доксографѣхъ, а потомъ уже обратимся къ Платону и Аристотелю и другимъ.

Въ Аристотелѣ греческая мысль достигла своего апогея. Нѣкоторые изслѣдователи (напримѣръ, Дюрингъ) видятъ, правда, въ Платонѣ и Аристотелѣ уже упадокъ греческой мысли, а апогей въ досократовскомъ періодѣ. Но врядъ ли это справедливо, хотя основныя категоріи міропониманія и были найдены въ V вѣкѣ, почему этотъ вѣкъ и можно считать наиболѣе творческимъ. Категоріи были найдены, но оставалось еще запомнить ихъ, развить и критически обосновать; это было сдѣлано во второмъ, сократическомъ періодѣ—Платономъ и Аристотелемъ. За то послѣ Аристотеля греческая мысль потеряла свою силу, и въ будущемъ ей ничего не предстояло; она обратилась къ прошедшему. Непосредственные ученики Аристотеля, Теофрастъ и Евдемъ, въ догматическомъ ученіи строго придерживались своего учителя, но обратились за то къ исторіи наукъ. Теофраста должно считать первымъ доксографомъ. Онъ собралъ отрывочныя историческія замѣчанія своего учителя во-едино, систематизировалъ ихъ и снабдилъ изложеніе философскихъ ученій критическими замѣчаніями въ духѣ Аристотелевской философіи. Онъ былъ такимъ образомъ первымъ, вступившимъ на тотъ путь, по которому человѣческая мысль шла до эпохи возрожденія: путь комментаріевъ, энциклопедій, сборниковъ мнѣній, сокращеній (*epitome*) и т. д., которые представляютъ собою вѣрный признакъ упадка мысли. Такихъ сборниковъ дошло до насъ много; нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ древнему (но не классическому) міру, другіе — христіанской эпохѣ ¹⁾. Не легко разобратъ въ этихъ сборникахъ, но благодаря критическимъ трудамъ филологовъ въ родѣ Дильса, Узенера и др., мы себѣ можемъ теперь составить о нихъ довольно ясное представленіе и опредѣлить ихъ значеніе. Особенно важно въ этомъ отношеніи критическое изданіе текстовъ, сдѣланное Дильсомъ (*H. Diels, Doxographi Graeci. Berolini. 1879*). Излагаемое нами далѣе основывается на этомъ изданіи ²⁾.

Теофрастъ написалъ два сочиненія:—одно *φυσικῶν δοξῶν*, состоящее изъ 18-ти книгъ; другое, заглавіе коего называютъ различно, состояло

¹⁾ Напримѣръ, *Etymologicon* Исидора Испанскаго, разныя *Specula*, разныя *Summa* и т. д.

²⁾ Краткое изложеніе результатовъ Дильса можно прочесть въ любопытной книгѣ *P. Tannery. Pour l'histoire de la science hellène. Paris. 1887*.

изъ 16-ти книгъ; оба названія приводятъ Присцианъ въ введеніи къ вопросамъ Хозроя, говоря: „Theophrastus item plurimas occasiones sermone dignas praestitit his quae quaesita sunt ex naturali historia et naturali auditu“. До написанія этихъ сочиненій Теофрастъ въ отдѣльныхъ трактатахъ излагалъ ученія различныхъ философовъ, какъ-то Анаксагора, Анаксимена, Діогена, Эмпедокла, Платона и особенно Демокрита; но изъ всѣхъ этихъ сочиненій сохранился только отрывокъ объ Анаксагорѣ. Изъ названныхъ же двухъ большихъ сочиненій сохранились лишь незначительные отрывки у разныхъ авторовъ. Двѣсь свель эти отрывки (ст. 475 по 527). Изъ нихъ одинъ большой касается ощущеній (съ 499 по 587 ст.) онъ очень важенъ; другіе встрѣчаются по преимуществу у Симплиція, который, вѣроятно, заимствовалъ ихъ у Александра Афродизійскаго, частью же у Галена, Александра, Діогена Лаэртійскаго, Прокла, Аэція, Плутарха, и въ книгѣ (Филона) περί ἀφθαρσίας κόσμου.

Сочиненіями Теофраста пользовались въ различные времена съ различною цѣлью. Ихъ, напримѣръ, сокращали, передѣлывали, а въ позднѣйшее время пополняли мнѣніями философовъ, жившихъ послѣ него. Въ подобнымъ передѣлкамъ слѣдуетъ отнести отрывокъ, сохраненный Евсевіемъ въ его Ргаер. Evang. I, 7, ложно приписанный Плутарху.... Ἐγὼ σοὶ τὰς πρὸς ἀρχῶν δόξας καὶ τὰς πρὸς ἀλλήλους διατάσεις καὶ διαφωνίας, ἐκ στοχασμῶν, ἀλλ' οὐκ ἀπὸ καταλήψεως ὀρηθηθείσας ἀπὸ τῶν Πλουτάρχου Στροματέων ἐπὶ τοῦ παρόντος ἐκθήσομαι,—написанные около 150 л. послѣ Р. X. Далѣе сюда же относятся философούμενα, приписанныя Оригену, а нынѣ приписываемыя Ипполиту, которыя составляютъ первую часть сочиненія *Refutatio omnium haeresium*, написаннаго около 250 года послѣ Р. X. Авторъ философούμενα пользовался плохимъ сборникомъ біографій философовъ (такихъ сборниковъ біографій было въ то время много), а также доксографомъ, который непосредственно черпалъ изъ Теофраста. Точно то же слѣдуетъ сказать о Цицероновомъ *Academicorum primum liber, qui inscribitur Lucullus* § 37, 117, отрывкѣ, касающемся греческой философіи и, очевидно, переведенномъ съ греческаго. Цицеронъ въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ широко пользовался заимствованіями изъ Антиоха, Клитомаха, можетъ быть, Филона, изъ эпикурейскихъ писателей и стоиковъ (Панеція и его ученика Посидонія). Во второмъ вѣкѣ до Р. X. Клитомахъ со скептической цѣлью сдѣлалъ сокращенія изъ Теофраста, которыми и пользовался Цицеронъ, подобно тому какъ въ сочиненіи *De natura deorum* онъ пользовался эпикурейцемъ Филодемомъ.

Очень важно сочиненіе Диогена Лаэртійскаго: De vitis, dogmatibus et arorphthegmatis eorum qui in philosophia claruerunt, составленное въ III вѣкѣ по Р. Х. О его источникахъ Дильсъ (ср. 168), говоритъ слѣдующее: Invenimus in Laertii de physicis philosophis capitibus binos scriptores compilatos perinde atque in Hippolyti Philosophumenis. uterque ex Theophrasti thesauro hausit, sed hic primoribus labris res insignes etiam aliunde arcessivit, ille physica tantum sed compositius et prolixius ex unis Opinionibus excerptis. priorem fontem Laertius coniunctum cum vitis invenisse et transtulisse videtur, alterum laudabili consilio tamquam supplementum addidisse. Laertiana autem est inventio, ut eadem κεφαλαϊωδῶς et κατὰ μέρος perspicuitatis gratia exponere sese simulet. scilicet hoc est quod ait Hieronymus ex necessitate virtutem facere.... О Диогенѣ, какъ писателѣ, высказался недавно Узенеръ въ своемъ Epicurea, praefatio, XXII, говоря, что онъ не scripsit sed scribenda librariis commisit.

Наконецъ, здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще о перипатетикѣ Аэціѣ, авторѣ, который до появленія книги Дильса былъ извѣстенъ лишь по имени. Аэція пользовался доксографомъ, писавшимъ въ I столѣтїи до Р. Х., которымъ пользовались также Цицеронъ, Варронъ и Энезидемъ, доксографомъ, который непосредственно черпалъ изъ Теофраста. Дильсъ для большей очевидности печатаетъ параллельно въ пяти столбцахъ фрагменты Теофраста и рядомъ съ ними соответственныя мѣста изъ Ипполита, Плутархова Стромата (изъ Евсевія) Диогена и Аэція. Въ вышеприведенныхъ авторахъ мы имѣемъ дѣло съ писателями, черпавшими непосредственно изъ Теофраста или же изъ его ближайшихъ преемниковъ; къ нимъ слѣдуетъ прибавить еще и нѣкоторыхъ римскихъ христіанскихъ писателей—Теодорета, Иринея, Арнобія, блаженнаго Августина, и др.

Подобно тому какъ Теофрастъ послужилъ источникомъ для Аэція, точно также этотъ послѣдній послужилъ источникомъ для различныхъ писателей. Такъ сочиненіе περί τῶν ἀρεσχόντων τοῖς φιλοσόφοις, печатаемое въ Плутарховыхъ Moralіа, хотя и не принадлежитъ ему, а также выписки (эклоги) Стобея, первыя книги, очевидно, представляютъ собой выписки изъ Аэція. Первое сочиненіе принадлежитъ, вѣроятно, II вѣку послѣ Р. Х., ибо имъ пользовался Аѳиногоръ, и вѣроятно, позднѣе Евсевія, Теодорита, Галена и др., такъ какъ они не знаютъ о его существованіи, а сочиненіе Стобея принадлежитъ V вѣку. Дильсъ сравниваетъ тексты псевдо-Плутарха и Стобея, при чемъ оказывается, что многія мѣста у нихъ дословно тождественны, но въ большинствѣ слу-

чаевъ Плутархъ полнѣе; есть однако мѣста, встрѣчаемыя у Стобея, которыхъ нѣтъ у Плутарха, все это показываетъ, что оба они выписывали изъ одного и того же источника, который пополняли другими источниками, или сокращали, смотря по надобности. Источникъ, которымъ пользовались Стобей и псевдо-Плутархъ,—Азцій; имъ пользовался также, и называетъ его своимъ источникомъ Θεοδορίτης; специальный же источникъ Стобея—Арій Дидимъ (Arius Didymus), учитель императора Августа, эклектикъ, авторъ сочиненій о Богѣ и мірѣ по ученію стоиковъ, авторъ книги о психологій стоиковъ, ученія объ идеалѣ Платона, и многихъ другихъ, которыя всѣ, можетъ быть, составляютъ часть одного цѣлаго ¹⁾. Этими же Аріемъ пользовался и Евсевій въ своей *praeparatio evangelica*.

Въ книгѣ Дильса мы находимъ еще двухъ доксографовъ—Галена (его сочиненіе: *περί φιλοσόφου ιστορίας*) и Гермія (*διασωρμός τῶν ἔξω φιλοσόφων*). Сочиненіе Галена предназначено было для чтенія учениковъ и относилось къ тому роду литературы, которую греки называли *ὀπορνήματα σχολικά*; источникъ его двойной: объ одномъ Дильсъ говоритъ слѣдующее: *Quisquis auctor fuit illius compendii, stoicam disciplinam vel certe artem amplexus est, qua virtute Sexto potissimum acceptus fuisse videtur stoicorum perpetuo obstrigillatori . . . ergo inter Senecae et Antoninorum aetatem, si quid definire licet, ponendus est; hic igitur liber Galeno ad manum fuit ad cc, 3 — 20, idem ad cc. 22 a 23 quod Sexti similitudo probat. neque dubito quin indidem c. 24 non vulgaris de anima lucubratio fluxerit Stoico colore penitus tincta. ad hanc opinionem non leve momentum affert, quod Tertullianus apolog. 47 capita de dei natura, vi, sede, tum de mundo nato innatove denique de animae statu ea ratione percenset, ut eum eodem compendio usum esse verisimile sit (стр. 251—252)*. Этими же источникомъ пользовался и Климентъ Александрійскій. Другой источникъ Галена — Плутарховы *Placita*. Тѣ же самыя *Placita* служили источникомъ и для сочиненія Гермія, которое представляетъ собою характерное нападеніе христіанина на греческую философію.

Теперь мы представимъ въ переводѣ всѣ мѣста, касающіяся Эмпедокла, находящіяся въ доксографахъ, пользуясь текстомъ Дильса. Если мѣсто, переведенное нами, находится у Стобея, то мы отмѣчаемъ это скобками (Stob.), мѣста, гдѣ такого указанія нѣтъ, переведены изъ Плутарха.

¹⁾ Zeller, IIIe, 614—615.

Aetius (Plut.), I—3.

Эмпедоклѣ, сынѣ Метона, изъ Агригента, допускаетъ четыре элемента: огонь, воздухъ, вода, земля и двѣ первичныя силы: любовь и ненависть, изъ которыхъ одна соединяющая, другая раздѣляющая. Онъ говоритъ:

τέσσαρα τῶν πάντων ῥιζώματα πρῶτον ἄκουε.
 Ζεὺς ἀρχῆς Ἦρη τε φερέσβιος ἠδ' Ἄιδωνεύς,
 Νῆστις θ' ἢ δακρύοις τέγγει κροῦνωμα βρότειον.

Зевесомъ онъ называетъ кипѣніе и эфиръ, Герою—животворящій воздухъ, Аидонеемъ—землю, Нестисъ и человѣческой источникъ обозначаютъ сѣмя и воду. — Ib. 5. По Эмпедоклу: Міръ представляетъ единое, но это не есть вселенная, онъ только небольшая часть, остальное есть недѣятельная матерія. — 13. Эмпедоклѣ признаетъ, равнѣ четырехъ элементовъ, мельчайшія частицы, представляющія какъ бы гомеомерическіе элементы; предшествующіе элементамъ. — 15. Цвѣтъ есть то, чтѣ прилаживается къ порамъ зрѣнія [Stob.: Ихъ четыре, подобно какъ есть четыре элемента, бѣлый, чернѣй, краснѣй, зеленожелтѣй (охровнѣй).] I—17. (Stob.) Эмпедоклѣ и Ксенократъ представляютъ элементы составленными изъ частицъ еще меньшихъ, которыя суть какъ бы мельчайшія величины и какъ бы элементы элементовъ. 18. по Эмпедоклу: во вселенной нѣтъ пустоты и излишка. — (Stob.) Ib. 24. Эмпедоклѣ, Анаксагорѣ, Демокритѣ, Эпикурѣ и всѣ тѣ, которые образуютъ міръ соединеніемъ мельчайшихъ частицъ, вводятъ соединеніе и раздѣленіе, но не допускаютъ, въ точномъ значеніи, возникновенія и уничтоженія, ибо имъ нѣтъ мѣста при качественномъ измѣненіи, а лишь при количественномъ соединеніи. — 26. По Эмпедоклу сущность необходимости есть причина, приводящая въ дѣйствіе принципы и элементы. — 30. Нѣтъ рожденія чего-либо, но соединеніе и раздѣленіе элементовъ; онъ пишетъ въ первой книгѣ физики (стих. 98 — 101):

ἄλλο δὲ τοι ἔρεω, φύσις οὐδενός ἐστιν ἀπάντων
 θνητῶν, οὐδέ τις οὐλομένου θανάτου τλαστοῦ,
 ἀλλὰ μόνον μίξις τε διάλλαξις τε μίγέντων
 ἐστί, φύσις δὲ βροτοῖς ὀνομάζεται ἀνθρώποισιν.

Аэціѣ, II — 1 (Stob.). Міръ одинъ. — Круговой путь солнца составляетъ границу міра. — Ib. 4 (Stob.). Міръ (рождается) и разрушается въ зависимости отъ преобладанія ненависти или любви. 6. По Эмпедоклу: Первымъ выдѣлился эфиръ, за нимъ огонь, по-

томъ земля, изъ которой подъ сильнымъ давленіемъ вихря начала бить ключемъ вода; вода, испаряясь, образовала воздухъ. Небо образовалось изъ эфира, солнце произошло отъ огня, земля окружена другими элементами. — 7. Эмпедоклъ говорилъ, что мѣста элементовъ не всегда постоянны и опредѣленны, но что они взаимно обмѣниваются. — 8. Вслѣдствіе того, что воздухъ поддавался стремленію солнца, полярный полюсъ перемѣстился, сѣверная сторона была поднята, а южная опущена, и вслѣдствіе того вся вселенная [оказалась наклоненною]. — 10. Правая сторона вселенной находится въ лѣтнемъ тропикѣ, лѣвая—въ зимнемъ. — 11. Небо твердо и образовано сгущеніемъ воздуха подобно стеклу, находящемуся надъ огнемъ; оно заключаетъ въ себѣ огненное и воздушное въ обоихъ полушаріяхъ. — 13. По Эмпедоклу, звѣзды состоятъ изъ огня и происходятъ изъ „огненного“, которое воздухъ охватилъ собою; оно выдѣлилось изъ него во время первоначальнаго раздѣленія. — неподвижныя звѣзды прикрѣплены къ хрустальному своду; планеты свободны. — 20. По Эмпедоклу, есть два солнца: одно—первообразъ, огонь, наполняющій постоянно другое полушаріе вселенной и отражающійся на вершинѣ этого полушарія; другое, видимое солнце, есть отраженіе въ другомъ полушаріи, наполненное воздухомъ смѣшаннымъ съ огнемъ; оно образовалось отраженіемъ шарообразной земли отъ хрустальнаго свода и уносится движеніемъ огненного. Короче говоря, солнце есть отраженіе огня, окружающаго землю. — 21 (Stob.). Какъ отраженіе, солнце равно землѣ. — 23 (Stob.). По Эмпедоклу, возвращеніе солнца къ тропическимъ кругамъ происходитъ отъ того, что сфера, окружающая его, мѣшаетъ ему двигаться всегда по прямой линіи. — 24 (Stob.). Затмѣніе бываетъ, когда луна проходитъ подъ нимъ (солнцемъ). — 28 (Stob.). Луна есть сгущенный воздухъ, аналогичный облаку и уплотненный огнемъ, такъ какъ онъ смѣшанъ. — 27 (Stob.). Она имѣетъ форму диска. — 28. Она освѣщена солнцемъ. — 31 (по Эмпедоклу). Она вдвое удаленнѣе отъ солнца чѣмъ земля ¹⁾. — (Stob.). Высота отъ земли до неба, или поднятіе отъ насъ, больше размѣра въ ширину, такъ какъ небо болѣе раздвинуто въ этомъ направленіи, и вселенная имѣетъ форму на подобіе яйца.

Азцій. III — 3 (Stob.). По Эмпедоклу, громъ — паденіе свѣта на тучу; выгоняется сопротивляющійся воздухъ, истребленіе и уничто-

¹⁾ То же Galeni Hist. phil., pag. 70.

женіе коего производитъ громъ, а молнія отъ свѣта; молнія есть напряженіе свѣта.

8. По Эмпедоклу и стойкамъ ¹⁾: Зима происходитъ вслѣдствіе преобладанія воздуха, стремящагося расшириться и достигнуть высшихъ частей, лѣто же напротивъ соотвѣтствуетъ преобладанію огня, стремящагося достигнуть низшихъ частей.—16. По Эмпедоклу, море есть испарина земли, нагрѣтой солнцемъ, (оно соленое) по причинѣ сильнаго нагрѣванія (это же vide Alexand. in meteor. 9 a). 5. Правящее (ἡγούμενον) принадлежитъ составу крови.—Парменидъ и Эмпедоклъ и Демокритъ считали умъ и душу тожествомъ. 9. Чувство обманчиво. Ощущенія возникаютъ благодаря симметріи поръ относительно каждаго ощущаемаго объекта. Удовольствіе доставляется подобному подобнымъ, прибавленіемъ недостающаго, такъ что у недостающаго есть стремленіе къ подобному. Страданіе есть дѣйствіе противоположное, потому что существуетъ взаимное удаленіе всего, что разнится между собою по составу или по способу соединенія элементовъ.—(Stob.) 13. У Эмпедокла находятся отрывки, которые могутъ служить одни для объясненія зрѣнія посредствомъ лучей, другіе посредствомъ изображеній; послѣдніе болѣе значительные, потому что онъ допускаетъ истеченіе.—14. По Эмпедоклу, изображенія въ зеркалахъ производятся истеченіями, задерживаемыми останавливающимися на нихъ поверхности, и которые отбрасываются назадъ огненнымъ элементомъ, который видѣляется изъ зеркала, и токи котораго увлекаютъ ихъ вмѣстѣ съ воздухомъ, который они встрѣчаютъ.—15. Слухъ производится ударомъ дуновенія хрящъ, который онъ (Эмпедоклъ) предполагаетъ висящимъ во внутренности уха, на подобіе языка колокольчика.—16. Запахи входятъ при вдыхательныхъ движеніяхъ легкихъ, почему и не чувствуютъ ихъ, когда вдыханіе тяжелое и затруднительное, какъ при насморкѣ.—22. Первое вдыханіе животнаго имѣетъ мѣсто, когда вытечетъ жидкость, омывающая новорожденныхъ и внѣшній воздухъ войдетъ въ пустоту по открытымъ каналамъ; затѣмъ внутренняя теплота, стремящаяся выйдти наружу, выталкиваетъ воздухъ, и получается выдыханіе; оно уступаетъ давленію воздуха и позволяетъ ему войдти: происходитъ новое вдыханіе. Наконецъ, при нормальномъ состояніи, кровь, направляющаяся къ поверхности тѣла, выгоняетъ своимъ скопленіемъ воздухъ, который выходитъ черезъ ноздри—происходитъ выдыханіе, потомъ входитъ, происходитъ вдыханіе,—чтобы попол-

¹⁾ Также Galeni Histor. phil.

нить пустоту, образованную кровью, когда она возвращается назад. Онъ сравниваетъ съ водяными часами.

Аэпій, V—7. Мужчина или женщина рождаются въ зависимости отъ теплоты или холода; онъ разсказываетъ, что первые мужчины родились по большей части изъ земли на востокѣ и на югѣ, женщины на сѣверѣ.—8. По Эмпедоклу, чудовища происходятъ отъ избытка или недостатка сѣмени, или отъ измѣненія въ его движеніи, или отъ дѣленія его на многія части, или оттого что оно измѣняетъ путь. Такимъ образомъ онъ, по вилмому, предвидѣлъ всѣ возможныя причины.—9. Близнецы и тройни происходятъ отъ избытка и отъ дѣленія сѣмени.—11. Сходство дѣтей съ родителями происходитъ отъ господства сѣмени одного изъ родителей, несходство обязано разсѣиванію теплоты сѣмени.—12. Образованіе зародыша подчиняется во время беременности воображенію женщины; часто онѣ воспаляются любовью къ статуямъ или картинамъ и имѣютъ дѣтей похожихъ на эти предметы.—14. Мулы бесплодны вслѣдствіе малости, узкости и низкаго положенія матки, которая расположена узкимъ отверстіемъ криво, на сторону, такъ что сѣмя не можетъ въ нее прямо проникнуть и, даже безъ этого, не могло бы почти въ нее войти. 15. Зародышъ живъ, но не дышетъ въ утробѣ матери. Первое вдыханіе животнаго совершается послѣ освобожденія новорожденнаго отъ жидкости, когда виѣшній воздухъ находитъ себѣ доступъ.—18. Когда родъ человѣческой произошелъ изъ земли, движеніе солнца было такъ медленно, что день длился столько же, какъ и десятимѣсячная беременность; впоследствии день сталъ продолжаться только 7 мѣсяцевъ; вотъ почему есть рожденія десяти и семи мѣсяцевъ, такъ какъ природа озаботилась тогда, чтобы зародыши являлись въ срокъ одного дня или одной ночи.—19. Первые животныя и первые растенія совсѣмъ не родились цѣлыми, но отдѣльными частями, не могущими быть прилаженными; воторыхъ произошли собранія частей какъ въ картинахъ фантазій; вретыхъ появились цѣльныя тѣла; вчетвертыхъ, вмѣсто того, чтобы происходить изъ элементовъ, каковы земля и вода, они родились другъ отъ друга съ одной стороны, потому что пища была въ избыткѣ, съ другой стороны—потому что красота самое возбуждала желаніе полового сближенія. Роды животныхъ различались по своимъ особеннымъ температурамъ, которые ихъ побудили, однихъ жить въ водѣ, другихъ дышать воздухомъ, чтобы обладать большимъ количествомъ огненнаго вещества; самыя тяжелыя остались на землѣ.—21. У людей раз-

личіе членовъ начинается на 36-й день, части окончательную форму приобрѣтаютъ на 49-й.—22. По Эмпедоклу, тѣла образуются по характеру четырехъ элементовъ въ равныхъ пропорціяхъ, нервы изъ огня и земли въ соединеніи съ двумя частями воды, ногти животныхъ образуются изъ нервовъ, которые охлаждаются на поверхности въ соприкосновеніи съ воздухомъ, кости образовались по характеру двухъ частей воды, двухъ земли и четырехъ—огня. Потъ и слезы происходятъ изъ крови, которую теплота дѣлаетъ болѣе текучей.—24. Сонъ соотвѣтствуетъ неполному охлажденію теплоты крови, смерть полному охлажденію.—25. Смерть происходитъ отъ раздѣленія огненного и (земнаго), соединеніе которыхъ даетъ человѣка; такъ что она обща тѣлу и душѣ; сонъ есть также отдѣленіе огненного.—26. По Эмпедоклу, деревья возросли изъ земли ранѣе животныхъ, прежде чѣмъ вышло солнце и стали различаться и день и ночь. Они представляютъ помы мужской и женскій, смотря по пропорціи смѣсей, изъ которыхъ они составлены; они возносятся въ воздухъ и растутъ благодаря теплотѣ земли, части которой они суть подобно тому, какъ зародышъ есть часть матки въ утробѣ своей матери. Плоды представляютъ излишекъ воды и огня въ растеніяхъ; деревья, содержащія менѣе воды, теряютъ листья вслѣдствіе лѣтнаго испаренія; тѣ, которыя имѣютъ ее въ избыткѣ, остаются зелеными, какъ лавры, оливковыя деревья, пальмы. Различія вкуса происходили отъ разнообразія состава питающей почвы, изъ которой растенія извлекаютъ различныхъ гомеомеровъ; такъ для виноградниковъ не различіе растенія, а различіе почвы дѣлаетъ вино хорошимъ.—27. Животныя питаются присоединеніемъ того, что къ нимъ подходитъ, и возрастаютъ благодаря присутствію теплоты; они уменьшаются и истрачиваются при недостаткѣ того или другаго. Люди настоящаго времени по сравненію съ первыми кажутся дѣтьми.—28. Желанія являются у животныхъ вслѣдствіе недостатка элементовъ, которые бы ихъ пополнили; наслажденія происходятъ отъ соединенія подобныхъ и однородныхъ вещей....

Theophr. De sensu et sensibilibus (изъ Симплиція).

II. Эмпедоклъ относительно всего полагаетъ подобнымъ же образомъ (какъ Платонъ) и утверждаетъ, что ощущеніе образуется путемъ приспособленія къ каждому изъ (органовъ) ощущеній; поэтому-то они и не могутъ замѣщать другъ друга, ибо случается, что одни поры шире, чѣмъ ощущаемое, другія же уже, такъ что иной разъ могутъ

твердо схватить ощущаемое, другой разъ оно вовсе не можетъ войти. Онъ пытается также объяснить зрѣніе, въ чемъ оно состоитъ; онъ говоритъ, что внутри (глаза) находится огонь, а вокругъ него земля и воздухъ, чрезъ которые онъ (огонь) легко можетъ пройти, подобно свѣту въ фонарѣ: поры же огня и воды расположены попеременно; изъ нихъ порами огня познается бѣлый цвѣтъ, а порами воды черный, такъ какъ въ каждому приспособлено свое. Цвѣта же несутся къ зрѣнію истечениями. (Глазъ) не у всѣхъ одинаковымъ образомъ образованъ изъ противоположныхъ, но у нѣкоторыхъ огонь находится въ серединѣ, у другихъ снаружи, почему нѣкоторыя животныя днемъ, а другія ночью имѣютъ болѣе острое зрѣніе; тѣ, у которыхъ меньше огня, (лучше видятъ) днемъ, у нихъ внутренній огонь уравновѣшивается внѣшнимъ; тѣ животныя, у которыхъ напротивъ (огня больше), ночью (лучше видятъ), ибо и здѣсь недостающее ими заполняется. То и другое бываетъ въ противоположныхъ случаяхъ: тупое зрѣніе и у тѣхъ, у которыхъ излишекъ огня; если въ теченіе дня поры наполнятся и будутъ заняты увеличившимся количествомъ воды. И съ тѣми, которыхъ излишекъ воды, бываетъ то же самое ночью, если мѣсто огня займется водою на столько, что въ первомъ случаѣ вода вытѣснится внѣшнимъ свѣтомъ, а во второмъ огонь вытѣсненъ будетъ воздухомъ; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ лѣчебнымъ средствомъ является противоположное; лучше всего смѣшанное и превосходящее зрѣніе то, которое состоитъ изъ обоихъ (огня и воды) въ равныхъ частяхъ. Вотъ это приблизительно онъ говоритъ о зрѣніи. Ощущеніе слуха возникаетъ изъ внѣшнихъ звуковъ, ибо когда голосъ произвелъ движеніе, тогда внутри имѣется [звукъ], какъ будто бы внутри находится колокольчикъ; слухъ онъ называетъ мясистой вѣтвью (*σάρκον ἄρον*). Будучи двигаемъ онъ толкаетъ воздухъ на твердыя части, отчего происходитъ звукъ. Обоняніе возникаетъ вдыханіемъ, почему тѣ сильнѣе всего обоняютъ, которые быстрѣе всего дышатъ. Сильнѣйшій запахъ происходитъ отъ нѣжныхъ и легкихъ тѣлъ. Относительно вкуса и осязанія онъ не опредѣляетъ—ни какимъ образомъ, ни вслѣдствіе какихъ причинъ возникаетъ ощущеніе, если не считать того, (что онъ говоритъ) о всѣхъ ощущеніяхъ вообще, что они возникаютъ изъ проникновенія въ поры. Подобнымъ же образомъ онъ говоритъ и о знаніи и о невѣжествѣ; знаніе возникаетъ изъ подобныхъ, незнаніе—изъ неподобныхъ, такъ что мышленіе есть или то же самое или нѣчто похожее на ощущеніе; перечисливъ, какимъ образомъ каждое познается каждымъ, онъ въ концѣ прибав-

ляютъ, что изъ нихъ „все создано приспособленнымъ, и ими мыслятъ, наслаждаются и страдаютъ“. Поэтому-то болѣе всего мыслятъ кровью, ибо въ ней частицы стихій болѣе всего перемѣшаны. Тѣ, у которыхъ всѣ элементы перемѣшаны, въ подобныхъ и равныхъ частяхъ, у которыхъ они не раздѣлены большими промежутками и по величинѣ они ни слишкомъ малы, ни слишкомъ велики; эти-то и суть самыя умныя, и ощущенія у нихъ самыя острыя, и по порядку тѣ, которые ближе всего къ нимъ; самыя же глупыя—тѣ, у которыхъ [все это] на оборотъ; въ комъ же элементы легки и рѣдко расположены, тѣ тупы и медлительны; тѣ же, [у кого элементы] густо расположены и раздѣлены на мельчайшія части, тѣ впечатлительны, за многое хватаются, но мало что доводятъ до конца, благодаря быстротѣ движенія крови. Тѣ же, у которыхъ среднее [правильное] смѣшеніе встрѣчается лишь въ одной части, тѣ этою частью мудры,—поэтому-то одни хорошіе риторы, другіе техники, ибо у однихъ [среднее смѣшеніе] находится въ рукахъ, а у другихъ въ гортани. Точно также и относительно другихъ способностей.

За этимъ слѣдуетъ весьма любопытная критика Эмпедокловой теоріи; въ критикѣ явно обнаруживается точка зрѣнія Аристотеля:

Итакъ, вотъ какъ представляется Эмпедоклу возникновеніе ощущенія и мысленія. Но его теорія затруднительна: во первыхъ, чѣмъ по отношенію къ ощущеніямъ различаются одушевленные существа отъ остальныхъ, ибо вѣдь и къ порамъ неодушевленнымъ есть приспособленіе, ибо онъ вообще всякое смѣшеніе дѣлаетъ путемъ симметріи поръ, поэтому-то масло и вода не смѣшиваются, а остальные жидкости, которыхъ особыя соединенія перечисляетъ, на оборотъ. Итакъ, все должно ощущать, и смѣшеніе, ощущеніе и ростъ одно и то же, и все это совершается симметрией поръ, если только онъ не укажетъ какой-либо разницы. Далѣе, почему у одушевленныхъ огонь, находящійся внутри животнаго, станетъ болѣе ощущать, чѣмъ внѣшній, если они приспособлены другъ къ другу. Вѣдь симметрія и подобіе на лицо. Но необходимо должна быть разница, если одинъ (огонь) не можетъ заполнить поры, что можетъ сдѣлать другой, входящій извнѣ. Итакъ, еслибъ тожество было полнымъ и безусловнымъ, то ощущенія не могло бы быть. Наконецъ, наполнены ли поры или пусты? Если пусты, то онъ противорѣчитъ себѣ, ибо онъ вообще отрицаетъ пустоту,—если же полны, то животныя постоянно ощущали бы, ибо ясно изъ его словъ, что подобное приспособлялось бы. И въ такомъ случаѣ затрудненіе продолжало бы существовать, еслибы

было возможно, что „гетерогены“ (ἑτερογενῆ) имѣли бы такую величину, они могли приспособляться, и даже еслибы, какъ онъ говорить, слѣдовало, что глаза, которыхъ смѣшеніе менѣе симметрично, дурно видятъ то вслѣдствіе заполнения поръ огнемъ, то вслѣдствіе заполнения ихъ воздухомъ, ибо если существуетъ симметрія, и если поры заполнены элементами неродственными, то какимъ образомъ и куда во время ощущенія эти (элементы) удалятся? Вѣдь нужно же объяснить эту перемѣну. Итакъ, отовсюду затрудненія, нужно или допустить пустоту, или же—что животныя постоянно ощущаютъ все, или же допустить приспособленіе разнородныхъ элементовъ, которыя не производятъ ощущенія и не имѣютъ особаго перемѣщенія. Далѣе, если нѣтъ приспособленія подобнаго, а только прикосновеніе, то слѣдуетъ, что ощущеніе возникнетъ, ибо онъ объясняетъ познаніе двумя путями, подобіемъ и прикосновеніемъ, почему онъ и говоритъ о приспособленіяхъ, но въ такомъ случаѣ, если меньшее прикасается къ большому, должно произойти ощущеніе. Съ другой стороны, по его словамъ, вообще говоря, онъ отрицаетъ подобіе и довольствуется одною симметрией, поэтому-то онъ говоритъ, что нѣтъ обоюднаго ощущенія, ибо поры не симметричны; онъ не дѣлаетъ различія въ томъ, что истеченіе бываетъ подобнымъ или различнымъ. Итакъ, нужно заключить, или что ощущеніе не происходитъ отъ подобнаго, или же что отсутствіе ощущенія не зависитъ отъ нѣкоторой симметричности, и что [не] необходимо, чтобы ощущеніе и ощущаемое были бы однородны. Но и относительно наслажденія и страданія онъ не говоритъ хорошо, когда первое связываетъ съ подобнымъ, а второе съ различнымъ, ибо они враждебны, онъ говоритъ:

πλεῖστον ἀπ' ἀλλήλων διέχουσι ἄμικτα γέννη τε χράσει (τε) καὶ εἶδεον ἐκμάχτοισιν

Итакъ, наслажденіе и страданіе суть нѣкоторыя ощущенія или соединены съ ощущеніемъ, слѣдовательно, и они не всегда будутъ вызваны подобнымъ. Съ другой стороны, если родственные элементы по преимуществу вызываютъ наслажденіе въ соприкосновеніи, какъ онъ говоритъ, то соединяемые въ одно (σύμφορα) болѣе всего наслаждались бы и ощущались бы, такъ какъ онъ ощущеніе и наслажденіе отождествляетъ. Однако часто, ощущая, мы испытываемъ страданіе вслѣдствіе того же самаго ощущенія, а по Анаксагору, это всегда такъ, ибо нѣтъ ощущенія безъ страданія. Далѣе: въ частности случается, что знаніе не всегда возникаетъ изъ подобія, ибо если зрѣніе состоитъ изъ огня и противоположнаго, то бѣлое и черное мы

могли бы познать подобіемъ, но какимъ образомъ познаемъ мы бурое и остальные смѣшанные цвѣта? Ни порами огня, ни порами воды, ни другими общими этимъ двумъ; и тѣмъ не менѣе мы эти цвѣта видимъ не хуже простыхъ. Нельзя также говорить онъ о томъ, почему нѣкоторыя животныя ночью лучше видятъ, чѣмъ днемъ, ибо меньшій огонь разсѣвается большимъ, почему мы не можемъ смотрѣть на солнце и вообще на чистый огонь. Поэтому животныя, которымъ недостаетъ огня, должны хуже видѣть днемъ или если подобное увеличиваетъ (силу), какъ онъ говоритъ, въ то время, какъ противоположное мѣшаетъ и уничтожаетъ, то необходимо всегда,—больше или меньше ли имѣешь свѣта,—лучше видѣть днемъ, свѣтъ, а ночью темноту. Теперь же всѣ лучше видятъ все днемъ, за исключеніемъ немногихъ животныхъ, и вѣроятно, что ихъ собственный огонь имѣетъ для этого достаточно силы, подобно тому, какъ нѣкоторыя поверхности ночью болѣе свѣтятъ. Далѣе у тѣхъ, у кого смѣшеніе равномѣрное, элементы необходимо должны увеличивать другъ друга, такъ что если избытокъ одного мѣшаетъ видѣть другое, то все же по отношенію ко всему осталось бы приблизительно одинаковое расположеніе. Но трудно исчислить всѣ затрудненія въ зрѣніи. Что касается другихъ ощущеній, то какимъ образомъ мы станемъ ощущать подобнымъ,—ибо подобное неопредѣленно. Мы не слышимъ шума шумомъ, ни запаха запахомъ, ни вообще однородное однороднымъ, но скорѣе, такъ сказать, противоположнымъ. Вообще пужно, чтобъ органъ ощущенія не былъ занятъ; если въ ухахъ у насъ шумъ, вкусъ во рту, запахъ въ носу, то всѣ эти органы становятся менѣе воспримчивыми, и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе они заняты подобнымъ.—развѣ только кто-нибудь укажетъ разницу.

Что касается истеченій, то хотя они и не въ достаточной мѣрѣ разъяснены, но въ извѣстной мѣрѣ ихъ можно принять для нѣкоторыхъ ощущеній, за исключеніемъ вкуса и осязанія: какимъ образомъ истеченіемъ или приспособленіемъ въ порамъ мы станемъ ощущать тяжелое и легкое. Изъ элементовъ только одинъ огонь даетъ истеченія, другіе же нѣтъ. Далѣе если уменьшеніе слѣдуетъ за истеченіемъ, что онъ приводитъ какъ яснѣйшее доказательство, что запахи суть истеченія, то предметы, имѣющіе сильнѣйшій запахъ, должны бы скорѣе всего уничтожаться. Мы же теперь видимъ противное, ибо самыя пахучія части растений и другихъ предметовъ самыя долговѣчныя. Выходитъ, что „въ царствѣ любви“ или вовсе не будетъ ощущеній, или же болѣе слабыя, ибо соединеніе мѣшало бы истече-

нiю. Если онъ слухъ объясняетъ внутренними шумами, но нелѣпо считать за объясненiе сравненiе внутренняго шума съ колокольчикомъ. Если мы этимъ колокольчикомъ слышимъ шумъ извнѣ, то какимъ образомъ слышимъ мы шумъ самого колокольчика? Это остается разяснить. О запахахъ онъ говоритъ тоже странное; вопервыхъ, онъ не указываетъ общей причины, ибо вѣдь существуютъ животныя которыя ощущаютъ запахъ, но не дышать; далѣе нелѣпо утверждать, что тѣ лучше ощущаютъ запахъ, которые чаще дышать, ибо если органъ не здоровъ или не открытъ, то какую пользу для ощущенiя (принесло бы дыханiе); часто случается быть слабымъ и тѣмъ не менѣе ощущать запахъ. Приходилось бы при отдышкѣ, во время работы и сна лучше ощущать запахи, такъ какъ болѣе всего втяги-вается воздухъ; мы же видимъ противоположное.

Дыханiе само по себѣ не есть причина запаха, но лишь случайно, это доказывается примѣромъ другихъ животныхъ и указанными состоянiями. Онъ же его считаетъ причиной самой по себѣ, когда онъ въ концѣ вновь повторяетъ сказанное:

ᾧδε μὲν οὖν πνοῆς τε λελόγχασι πάντα καὶ ὀσμῶν.

Не вѣрно также, что лучше всего ощущается запахъ легкихъ предметовъ, необходимо, чтобы они имѣли еще и запахъ, вѣдь огонь и воздухъ самые легкiе элементы, но ощущенiя запаха не производятъ.

Точно также затрудненiя возникаютъ и по отношенiю къ мысли, ибо онъ ее отождествляетъ съ ощущенiемъ; въ такомъ случаѣ все участвовало бы въ мышленiи. Но какимъ образомъ мышленiе можетъ возникнуть и путемъ измѣненiя, и путемъ подобiя? Ибо подобное вѣдь не измѣняется же подобнымъ. Приписывать мышленiе крови совершенно нелѣпо, ибо многiя животныя не имѣютъ крови, а у имѣющихъ кровь, органы ощущенiя могутъ имѣть менѣе другихъ частей тѣла крови. Наконецъ, слѣдовало бы, что и кости, и волосы ощущаютъ, ибо и они состоятъ изъ всѣхъ элементовъ. Но онъ смѣшиваетъ, съ одной стороны, мысль, ощущенiе, наслажденiе, а съ другой—страданiе и незванiе, ибо и то, и другое производится неподобнымъ; необходимо, чтобы страданiе вытекало изъ незнанiя, а наслажденiе—изъ мышленiя.

Нелѣпо также полагать что (душевные способности) происходятъ изъ крови частей тѣла, какъ будто бы языкъ причина краснорѣчiя, а руки—причина ловкости строителя, какъ будто бы это не инструменты. Лучше бы приписать причину формъ, чѣмъ смѣшенiю крови,

которое чуждо разуму. Это можно бы доказать на многих животных.

Итакъ, кажется, что Эмпедоклѣ часто ошибался.

Θεοφραστῆς, fr. 3 (Simplific. in physic., 6, 4—18).

Изъ тѣхъ, которые допускаютъ множественность принциповъ, одни предполагаютъ ихъ въ конечномъ числѣ, другіе въ безконечномъ. Въ числѣ первыхъ, иные предполагаютъ, что ихъ два, какъ Парменидъ, слѣдуя общему мнѣнію, именно огонь и земля (или вѣрнѣе свѣтъ и тьма), или какъ стоики, именно богъ и матерія; богъ впрочемъ не рассматривается ими какъ элементъ, но какъ дѣятельное начало, а матерія какъ пассивное; другіе допускаютъ три, какъ Аристотель, матерію и противоположныя ей принципы, иные четыре, какъ Эмпедоклѣ изъ Агригента, который жилъ немного спустя послѣ Анаксагора и соперничалъ съ Парменидомъ, будучи родственнымъ ему, но еще болѣе съ пифагорейцемъ. Онъ принимаетъ четыре тѣлесные элемента: огонь, воздухъ, воду и землю, считая ихъ вѣчными, допуская въ то же время, что соединеніе и распаденіе измѣняетъ и ихъ большее или меньшее количество; но кромѣ того, ради движенія, онъ имѣетъ два преимущественныхъ принципа, Любовь и Ненависть, потому что элементы подвержены попеременному движенію, соединенію Любовью, и разединенію Ненавистью. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, имѣется шесть принциповъ, потому что въ иномъ мѣстѣ онъ приписываетъ Любви и Ненависти дѣйствующую силу

ἄλλοτε μὲν φιλότῃτι συνερχόμεν' εἰς ἓν ἅπαντα
ἄλλοτε δ' αὖ δίχα πάντα φορέύμενα νείκεος ἔχθει.

въ другомъ, онъ ихъ ставитъ въ ряду тѣхъ четырехъ

τοτέ δ' αὖ διέφθον πλεόν' ἐξ ἑνός εἶναι
πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ γαῖα καὶ ἡέρος ἄπλετον ὕψος
νεῖκος τ' οὐλόμενον δίχα τῶν ἀτάλαντον ἕκαστον
καὶ φιλότῃς ἐν τοῖσιν ἴση μῆκος τε πλάτος τε.

Philosophum., 3—(1) Эмпедоклѣ, явившійся послѣ нихъ (то-есть, пифагорейцевъ), много говорилъ также о природѣ демоновъ, которыхъ онъ предполагаетъ въ большомъ числѣ и занятыхъ управленіемъ того, чтò происходитъ на землѣ. Онъ рассматриваетъ, какъ принципъ вселенной — Любовь и Ненависть и разумный огонь единства, бога: слѣдуя ему, все образовалось изъ огня, все превратится въ огонь, чтò и стоиками, ожидающими сожженія, почитается за

догматъ (2). Онъ увѣреннѣе всѣхъ утверждаетъ метемпсихозу (*μετεμψυχώσεως*), говоря:

ἦτοι μὲν γὰρ ἐγὼ γανόμενῃ κοῦρός τε κόρη τε
θαύμος τ' οἰωνός τε καὶ ἐξ ἄλλος ἔμπορος ἰχθύος. (3).

Такъ онъ утверждаетъ, что всѣ души переходятъ во всѣ тѣла животныхъ. Его учитель, Пивагоръ, говорилъ, что во время осады Трои онъ былъ Ефорбомъ, и утверждалъ, что узналъ свой щитъ. Этого достаточно объ Эмпедоклѣ.

Euseb. Praep. Evang. I. 8. (10) (Plut. Strom.).

Эмпедоклъ изъ Агригента допускаетъ четыре элемента: огонь, воду, эфиръ и землю, съ ихъ причинами, любовью и ненавистью. Изъ первичнаго соединенія элементовъ выдѣлился прежде всего воздухъ, который вокругъ распространился; послѣ воздуха выдѣлился огонь, который, не найдя мѣста наверху, потекъ подъ сгущеніемъ, образованнымъ воздухомъ. Вокругъ земли есть два полушарія, которыя движутся кругообразно: одно состоитъ всецѣло изъ огня, другое смѣшано изъ воздуха и небольшого количества огня; это, какъ онъ думалъ, производитъ ночь. Начало движенія произошло отъ разрыва равновѣсія, вслѣдствіе соединенія огня. Солнце по природѣ не есть огонь, но отраженіе огня, подобное тому, которое бываетъ на водѣ. Луна образовалась изъ воздуха, увлеченнаго огнемъ; этотъ воздухъ сгустился подобно граду; свѣтъ этого свѣтила происходитъ отъ солнца. Правящее начало (*ἡγεμονικόν*) принадлежитъ не головѣ, не груди, а крови; потому люди обладаютъ различными превосходствами, смотря по тому, въ какимъ частямъ тѣла въ наибольшемъ количествѣ притекаетъ кровь.

Eriphanii Adv. Haeres. III, 19.

Эмпедоклъ, сынъ Метона изъ Агригента, ввелъ четыре первичные элемента: огонь, земля, вода, воздухъ, и говорилъ, что сначала между элементами была ненависть, потому что они, въ началѣ, были раздѣлены, но теперь они соединены, по его словамъ, взаимною любовью. Итакъ, онъ признаетъ два принципа силы, ненависть и любовь, одинъ притягательный, другой отталкивающий.

Hermias, Irris. gent.

Передъ нами поднимается взволнованный Эмпедоклъ съ вершины Этны, онъ громко кричитъ: принципы вселенной суть ненависть и

любовь; одна соединяетъ, другая разлучаетъ; борьба ихъ производитъ всѣ вещи. Я ихъ опредѣляю какъ сходныя и несходныя, безконечныя и ограниченныя, вѣчныя и будущія. Хорошо, Эмпедокль, я послѣдую за тобою и въ огненный кратеръ.

Cicero. (De nat. deor. I, 12).

Эмпедокль сдѣлалъ много ошибокъ, но наиболѣе постыдно онъ обманулся относительно боговъ, потому что четыре элемента, изъ которыхъ онъ составляетъ всѣ вещи, божественны въ его глазахъ, тогда какъ онѣ, очевидно, подчинены какъ происхожденію, такъ уничтоженію, и совершенно нечувствительны.

Теперь мы обратимся къ той группѣ источниковъ, которые лишь случайно касаются Эмпедокла и не систематизируютъ его мнѣній. Начнемъ съ Платона.

Платонъ не богатъ свѣдѣніями о древнѣйшемъ періодѣ философіи; его главная цѣль состоитъ въ догматическомъ обоснованіи своего идеалистическаго міровоззрѣнія; критико-догматическое развитие этого міровоззрѣнія Платонъ вкладываетъ въ уста своего учителя и только въ рѣдкихъ случаяхъ обращается къ древнимъ ученіямъ „физиологовъ“, да и въ этомъ случаѣ онъ не старается о томъ, чтобы точно и подробно изложить мысли своихъ предшественниковъ, а коротко излагаетъ лишь сущность ихъ ученія. Только къ софистамъ отношеніе Платона нѣсколько иное; такъ какъ духъ ихъ ученія (скептической, относительной) прямо противоположенъ догматической и абсолютной точкѣ зрѣнія Платона, то въ борьбѣ съ ними Платонъ естественно долженъ былъ видѣть одну изъ преимущественныхъ цѣлей своей жизни, и потому-то онъ можетъ служить источникомъ при изученіи софистики.

Что касается собственно Эмпедокла, Платонъ не могъ ему почувствовать; Эмпедокль далеко уступалъ по глубинѣ элеатской и Гераклитовой философіи, основныя категоріи коихъ имѣли не только физическое, но и метафизическое, философское значеніе, почему и играли роль въ развитіи самого Платона. Стоитъ припомнить мѣсто изъ Фѣдона, § 96, въ которомъ Платонъ говоритъ о предшественникахъ Анаксагора и косвенно упоминаетъ объ Эмпедоклѣ:

„Находясь еще въ молодости, я удивительно какъ жаденъ былъ до той мудрости, которую называютъ исторіей природы: мнѣ представлялось дѣломъ блистательнымъ знать причину всякой вещи, отъ

чего каждое рождается, отъ чего погибаетъ и отъ чего существуетъ. Часто волновался я недоумѣніемъ, изслѣдуя, вопервыхъ, то, въ самомъ ли дѣлѣ иные справедливо утверждаютъ, что когда холодное и теплое предаются нѣкоторому гніенію, тогда получаютъ образованія животныя, и чѣмъ мы мыслимъ—кровію ли, воздухомъ, огнемъ; или же это мозгъ даетъ намъ чувства и слуха, и зрѣнія, и обонянія, изъ которыхъ происходятъ память и мнѣніе, а изъ памяти и мнѣнія, доведеннаго до постоянства, рождается знаніе? Замѣчая опять, что все это подлежитъ разрушенію, и видя измѣняемость неба и земли, я наконецъ показался самъ себѣ столь неспособнымъ для подобныхъ изысканій, что изъ рукъ вонъ. И вотъ тебѣ достаточный признакъ: прежде я кое-что ясно-таки зналъ, какъ и мнѣ самому казалось, и другимъ; а послѣ, черезъ свои изслѣдованія дошелъ до такой слѣпоты, что даже разучился знать вещи, дотогѣ мнѣ извѣстныя. Не говоря о множествѣ ихъ, я укажу только на одну: отчего человѣкъ раслетѣть? Передъ тѣмъ временемъ я считалъ очевиднымъ для всякаго, что это бываетъ отъ нищи и питья, когда, то-есть, черезъ пищу, плоть прибавляется къ плоти, кости къ костямъ и такимъ же образомъ все прочее, чтò съ чѣмъ сродно; тогда небольшая тяжесть становится уже большею, а слѣдовательно, изъ малорослаго человѣка образуется великорослый. Такъ думалъ я прежде, и какъ тебѣ кажется, не ладно ли?—Мнѣ кажется ладно, отвѣтилъ Кевить.—Смотри-ка и на это еще. По моему мнѣнію, достаточно правильнымъ казалось мнѣ, что когда великорослый человѣкъ станетъ возлѣ малорослаго, тогда бываетъ выше его цѣлою головою, равно какъ и конь выше коня. А и того яснѣе, что десять болѣе восьми, ибо прибавилось два, и два локтя болѣе одного, потому что превышаютъ его половиною.—Да теперь-то, спросилъ Кевить, какъ ты думаешь объ этомъ?—Теперь, клянусь Зевсомъ, я далекъ отъ мысли, что причины этихъ вещей мнѣ извѣстны; теперь я даже не могу увѣриться въ томъ, какимъ образомъ бываетъ, что когда кто приложитъ единицу къ единицѣ, то или единица, къ которой приложено, превратится въ два, или приложенная и та, къ которой приложено, черезъ приложеніе одной къ другой, сдѣлались двумя. Для меня удивительно вотъ чтò: доколѣ каждая изъ единицъ существовала отдѣльно, каждая была единицею, тогда онѣ не были двумя; но когда сблизились между собою, то вдругъ сближеніе ихъ стало причиною, чтобы сдѣлаться имъ двумя. Не понимаю также и того, какимъ образомъ, если кто разсѣкъ одно, самое разсѣченіе послужило

причиною бытія двухъ. Вѣдь причина двухъ здѣсь противоположна причинѣ двухъ тамъ: тамъ стало два отъ взаимнаго сближенія и сложенія одного съ другимъ, а здѣсь произошло два отъ раздѣленія и удаленія одного отъ другаго... Однимъ словомъ, не могу понять вообще, какъ что-нибудь этимъ путемъ рождается, исчезаетъ или существуетъ..“

Въ другомъ діалогѣ, въ *Тезетѣ*, Эмпедоклѣ упоминается на ряду съ Протагоромъ и Гераклитомъ; у Эмпедокла-де, какъ эклектика, встрѣчаются мысли, напоминающія и Протагора, и Гераклита. Но истинное мнѣніе Платона объ Эмпедоклѣ мы узнаемъ изъ *Софиста*, § 242, гдѣ ясно слышится иронія, которая, пожалуй, относится ко всѣмъ физиологамъ, но упрекъ въ эклектизмѣ и несамостоятельности относится специально уже къ Эмпедоклу.

Софистъ, 242:

„Легко, мнѣ кажется, обшелся съ дѣломъ Парменидъ, да и всякій, кто когда-либо стремился къ сужденію, чтобы опредѣлить существующее, каково оно въ своемъ количествѣ и качествѣ.

„Т. Какимъ образомъ?

„Иностр. Мнѣ представляется, что намъ, будто дѣтямъ, разказываютъ какую-то басню, когда одинъ говоритъ о трехъ существахъ, которые иногда какимъ-то образомъ бывають во враждѣ между собою, а потомъ приходятъ въ содружество, взаимно сочетаются, раждають и своимъ порожденіямъ доставляють пищу; другой указываетъ двѣ сущности—влажную и сухую или теплую и холодную, которыя приводитъ въ сожительство и супружество. Потомъ, наше элейское поколѣніе, начиная съ Ксенофана, да еще и прежде, развиваетъ ту басню, что такъ-называемое все есть одно. А іонійскія и нѣкоторыя сицилійскія музы впослѣдствіи еоплились въ томъ, что гораздо безопаснѣе сплетать то и другое и говорить, что существующее есть многое, и одно связуется враждой и дружбой: потому что разногласящее всегда соглашается, говорятъ напряженнѣйшія изъ музы. Тѣ же, которыя понѣжнѣ смягчаютъ мысль, будто это всегда такъ, и преемственно признають все либо за одно, сдруженное Афродитю, либо за многое, борющееся само съ собою подъ вліяніемъ какой-то вражды. Все это вѣрно ли кто изъ нихъ говорилъ, или не вѣрно—трудно рѣшить, и грѣшно укорять въ томъ столь высокославимыхъ древнихъ мужей, а лучше полагать безъ ненависти вотъ что.

„Т. Что такое?

„Иностр. Насъ, толпу, они слишкомъ презирали и унижали, ибо

каждый изъ нихъ раскрывалъ свое, не заботясь о томъ, въ состоянн ли мы будемъ слѣдовать за ними или отстанемъ.

„Т. Какъ ты говоришь?

„Иностр. Когда кто изъ нихъ произноситъ свое мнѣнн, что есть, было или бываетъ либо многое, либо одно, либо два, что теплое опять растворяется холоднымъ, и предполагаетъ какія-нибудь инныя раздѣленн и соединенн, — изъ всего этого, разказываемаго ими, что, ради боговъ, всякій разъ понимаешь ты Фезтетъ? Вѣдь я-то, когда былъ молодъ, и когда кто, бывало, говорилъ про не существующее, о которомъ теперь недоумѣваю, думалъ, что понимаю все до точности; а въ настоящее время, видишь, относительно этого мы въ недоумѣнн“.

Обратимся теперь къ Аристотелю. Онъ неоднократно говоритъ объ Эмпедоклѣ. Нѣкоторыя его замѣчанн, но не всѣ, собралъ Эмингеръ¹⁾ въ своей книгѣ: *Die vorsokratischen Philosophen nach den Berichten des Aristoteles* (Würzburg. 1878). Съ тѣхъ поръ, какъ Боница составилъ указатель къ Беккерову изданн, пользованн сочиненнми Аристотеля значительно облегчено.

Замѣчанн Аристотеля мы предварительно можемъ раздѣлить на двѣ группы: одни касаются личности философа, другн—его ученн. Аристотель называетъ Эмпедокла агригентинцемъ (*decoelo*), упоминаетъ, что онъ по годамъ моложе, а по литературной дѣятельности (*τοῖς δ'ἔργοις*) старше Анаксагора (*Met.* I, 3), что онъ умеръ 60 лѣтъ (свѣдѣнн у Дюгена Лаертнйскаго). Аристотель причисляетъ Эмпедокла къ физиологамъ, то-есть, къ древнейшимъ философамъ, интересовавшимся вопросами о происхожденн и сущности мнра (*Poet.* с. I, 11). По характеру онъ былъ меланхоликъ (*Probl.* XXX, 1). Изъ сочиненнй Эмпедокла Аристотелемъ упоминаются два: *κοσμοποιῖα* (въ *Физикѣ* II, 4) и *φοσικῆ* (въ *Метеорологн* IV, 4), вѣроятно, части одной и той же поэмы. Сочиненн эти были въ Грецн очень популярны, ибо въ *Этикѣ*, VII, 3, говорится, что изреченн Эмпедокла у всѣхъ на устахъ, а въ *Met.* I, 4, Аристотель отсылаетъ читателя къ сочиненнямъ Эмпедокла, какъ къ чему-то общезвѣстному и легко доступному. Сопоставляя Эмпедокла съ Гомеромъ, Аристотель находитъ, что у нихъ нѣтъ ничего общаго, кромѣ поэтической формы, метра, ибо Эмпедоклъ—физиологъ, а не поэтъ (*Poet.* с.

¹⁾ Кромѣ Эмингера и Боница, указанн можно найдти въ статьѣ *Стеффенса*: *Welcher Gewinn für die Kenntniss d. Geschichte der griechischen Philosophie von Thales bis Platon lässt sich aus d. Schriften d. Aristoteles schöpfen. Zeitschrift f. Philos. u. Kritik*, 76 и 77 тт. 1875—1876.

I, 11); но въ другомъ мѣстѣ (Meteor. II, 3, 357) онъ называетъ его болѣе поэтомъ, чѣмъ физиологомъ, и говоритъ, что у него нелѣпныя мнѣнія. Иногда Аристотель насмѣхается надъ Эмпедокломъ, называя его рѣчь дѣтскими лепетомъ (Met. I, 4, 983) и упрекая его въ болтливости и нелѣпности (Rhet. III, 5); онъ сравниваетъ его съ неискуснымъ бойцомъ, который иногда наноситъ хорошіе удары случайно, а не по правиламъ искусства (Met. I, 4, 985). Наконецъ упомянемъ, что Аристотель считаетъ Эмпедокла творцемъ риторики, подобно тому, какъ Зенонъ считаетъ творцомъ діалектики (изъ Секста Эмпир. adv. Mathem. VII, § 6).

Теперь обратимся ко второй группѣ свѣдѣній, касающихся ученія Эмпедокла. Центръ Эмпедоклова ученія составляетъ понятіе о бытіи, которое должно быть мыслимо существующимъ, а небытіе—не существующимъ. Эта общая съ элеатами мысль получаетъ у Эмпедокла иную обрисовку; вмѣсто единого бытія Эмпедоклъ принимаетъ четыре элемента, изъ которыхъ и образуется міръ. Каждый элементъ имѣлъ своего хриѳъ, говоритъ Аристотель,—за исключеніемъ земли (Met. I, 8, 989, de anima I, 2, 405), потому что ея части слишкомъ грубы и неподвижны. Эмпедоклъ къ тремъ извѣстнымъ элементамъ прибавилъ четвертый, землю (Met. I, 4, 985); но онъ ими пользуется не какъ четырьмя, а какъ двумя элементами (Met. I, 4, 985 ниже), противопоставляя огонь тремъ остальнымъ (De coelo III, 3, 302). Они находятся въ мірѣ въ равныхъ количествахъ (De gener. et corrup. II, 6, 333), но количественно они неограничены. Изъ вышеприведенной основной мысли явствуетъ, что нѣтъ уничтоженія и возникновенія, а все возникаетъ лишь изъ смѣшенія и соединенія элементовъ, изъ раздѣленія и разъединенія (passim). Но вѣчность принадлежитъ лишь элементамъ, а не конечнымъ предметамъ, которые преходящи (Met. II, 4, 1000); элементы не переходятъ одинъ въ другой¹⁾, (De gener. I, 1, 315). Уничтоженіе потому не возможно, что нѣтъ пустоты. Приводя стихи Эмпедокла, въ которыхъ говорится, что нѣтъ возникновенія (φύσις), а есть только соединеніе и разъединеніе,—стихи эти приводятся Аристотелемъ въ трехъ сочиненіяхъ,—онъ замѣчаетъ Met. V, 4, 1015: „слово φύσις употребляется въ смыслѣ сущности предметовъ (ὅσα φύσει ὄντων), какъ напримѣръ, когда говорятъ, что φύσις есть первоначальная организація (σύνθεσις), какъ Эмпедоклъ и пр..“

¹⁾ Следовательно, нужно предположить, что элементы находятся одновременно одинъ въ другомъ, такъ что измѣненіе есть только выдѣленіе (Met. I, 8, 989. De coelo, III, 7).

Это мѣсто вызвало со стороны Швеплера, Боница, Карстена и Мудлаха упреки въ томъ, что Аристотель невѣрно толкуеть Эмпедокла. И дѣйствительно, φύσις (становленіе, природа) никонимъ образомъ не можетъ здѣсь значить οὐσία τῶν ὄντων. Эмпедоклъ дѣлаеть различіе между возникновеніемъ и становленіемъ: для принимавшихъ лишь одинъ элементъ становленіе и есть измѣненіе этого элемента; если принять нѣсколько элементовъ, то хотя въ полномъ смыслѣ слова не будетъ становленія, но измѣненіе можетъ быть объяснено смѣшеніемъ въ различныхъ пропорціяхъ элементовъ (Met. 4, 4, 1014; De gener. 1, 1, 314). Но благодаря тому, что элементы качественно неизмѣнны, становленіе все же будетъ только внѣшнее. Аристотель хорошо называетъ это противорѣчіе.

Соединеніе и разъединеніе элементовъ совершается въ силу любви и ненависти. Въ признаніи этихъ силъ Аристотель видитъ заслугу Эмпедокла (Met. I, 4, 989), а причина признанія заключается частью въ аналогіи съ человѣкомъ (Phys. VIII, 1, 252), частью въ необходимости объяснить противоположность добра и зла (Met. I, 6, 988). Аристотель самъ признаеть, что не совсѣмъ точно налагаетъ Эмпедокла, а дѣлаеть заключеніе изъ его принциповъ; космологическіе принципы приобрѣтають нравственный оттѣнокъ, почему сама система Эмпедокла получаетъ характеръ, ей несвойственный: „Если кто станеть дѣлать правильные выводы и не будетъ слѣдовать лепету Эмпедокла, тотъ найдетъ, что любовь есть причина блага, а ненависть—причина зла“... Однако, у Эмпедокла вѣдь и ненависть иногда родить, а любовь иногда губить, ибо все возникло путемъ ненависти, такъ какъ безъ нея было бы безразличіе единства (Met. II, 4, 1000); съ другой стороны, и любовь иногда губить, разъединяя уже существующее. Неопредѣленность, содержащаяся въ понятіяхъ любви и ненависти, являющихся то принципами движенія, то матеріальными принципами на ряду съ четырьмя элементами, конечно, не ускользнула отъ Аристотеля (ср. Met. XI, 10, 1075; II, 1996). Въ De gener. et. corr. I, 1, Аристотель говоритъ: „Эмпедоклъ называетъ четыре матеріальные элемента, а вмѣстѣ съ движущими—шесть“. Мы должны заключить, что разница между матеріей и силой, между тѣломъ и духомъ не была еще вполне ясна Эмпедоклу, но онъ какъ бы инстинктивно стремился уже къ этому различію. Подобно тому, какъ духовныя силы, любовь и ненависть, являются на ряду съ матеріальными, такъ на оборотъ, матеріальныя являются съ признаками духовнаго, напри-

мѣръ, элементамъ приписываются познание, разумность, жизнь (De anim. I, 5). Онъ называетъ элементы божествомъ.

Итакъ, понятія объ элементахъ и о силѣ у Эмпедокла еще довольно неопредѣленныя. Ихъ и недостаточно для него; онъ въ своихъ объясненіяхъ прибѣгаетъ еще къ постороннимъ понятіямъ, напримѣръ, къ необходимости. „Естественно и необходимо по Эмпедоклу, чтобы существующее измѣнялось, причины же необходимости онъ не указываетъ“ (Phys. VIII, 1, 252). Точно также ему приходится прибѣгать и къ случаю („зѣирь не всегда несся вверхъ, но какъ случится“), и къ понятію божества, которому Аристотель дѣлаетъ упрекъ, что оно глупѣе остальнаго существующаго, ибо въ немъ нѣтъ ненависти, а подобное познается подобнымъ, слѣдовательно, Богъ не можетъ познавать ненависть (Met. II, 4, 1000).

Начало мірообразования—сфера, которую Аристотель называетъ смѣшеніемъ или единствомъ; изъ этого единства, блаженнаго божества исключена ненависть (Met. II, 4, 1000), но она соприкасается съ сферою, почему и можетъ вліять на нее; отсюда раздѣленіе элементовъ; но любовь вновь стремится соединить раздѣленное. Такимъ образомъ мы имѣемъ двойное мірообразование и двойную систему міра; одну—образовавшуюся подъ вліяніемъ ненависти, другую—подъ вліяніемъ любви (De gener. et corr. II, 6. 334 и De coelo 2, 300). Въ промежутокъ времени между двумя мірообразованиями нѣтъ движенія, наступаетъ покой (Physic. VIII, 1, 250). Это совершается періодически. при чемъ въ равные промежутки времени одно мірообразование смѣняется другимъ, а между двумя мірообразованиями—время покоя (De coelo I, 10, 273; Phys. I, 4, 187; ib., VIII, 1, 250). Такимъ образомъ, возвращаясь къ ранѣе сказанному, ненависть есть такой же принципъ происхожденія, какъ и любовь, то-есть, опять слѣдуетъ отмѣтить неясность въ описаніи функцій двухъ силъ.

Соединеніе и разъединеніе (μίξις и διάλλαξις) элементовъ совершается въ различной пропорціи, чѣмъ и объясняется происхожденіе конечныхъ предметовъ; такимъ же путемъ возникаютъ и организмы—не изъ плана, предшествующаго образованію, а изъ случайнаго соединенія частицъ, произведенія любви. Многое нецѣлесообразное погибло, а то, что оказалось пригоднымъ, то удержалось: „такъ спинной хребетъ при вращеніи сломался, и это оказалось цѣлесообразнымъ и удержалось“ (De part. an. I, 1, 540); такимъ образомъ теперь существующее не есть совершенно случайное соединеніе и образовано, про-

порцій“; въ этомъ заключается „разумность смѣшенія“, которую Эмпедокль долженъ былъ придать природѣ (De part. an. I, 1, 642; Met. 1, 10). Аристотель находитъ, что соединеніемъ и разъединеніемъ, пожалуй, можно объяснить (De gen. et corr. II, 7, 334), изъ чего что слагается, какъ напримѣръ, кирпичи изъ стѣны, но нельзя объяснить возникновенія костей, мяса и т. д. изъ элементовъ; вѣдь соединеніе можетъ только сопоставлять элементы матеріи. Иначе говоря, это возраженіе Аристотеля содержитъ въ себѣ отрицаніе возможности перехода механическаго въ органическое, не принимая какого-либо высшаго принципа, кромѣ указываемыхъ Эмпедокломъ $\mu\acute{\iota}\xi\varsigma$ и $\delta\acute{\iota}\alpha\lambda\lambda\alpha\iota\varsigma$. Впрочемъ, не совершенно случайно, не безпринципно образуется цѣлесообразное; здѣсь, какъ и въ теоріи познанія, дѣйствуетъ подобіе (De gener. et corr. II, 6, 333),—подобное стремится къ подобному: это же мы замѣчаемъ и на похожихъ людяхъ, которые поэтому заключаютъ дружбу между собою (Ethic. N. VIII, 2, 1155). Взаимодѣйствіе Эмпедокль объясняетъ истеченіями, идущими изъ поръ; эти поры не представляютъ собою пустаго пространства, ибо Эмпедокль отрицаетъ пустоту (De coelo IV, 2, 309). Аристотель дѣлаетъ упрекъ Эмпедоклу въ томъ, что онъ не пользовался конечною цѣлью (De resp. 2, 473), напримѣръ, не указалъ цѣли дыханія и не объяснилъ или неясно объяснилъ, почему рыбы живутъ въ водѣ. Дыханіе Эмпедокль объясняетъ порами. Но онъ не высказался относительно того, всѣ ли животныя дышатъ. Въ De respiratione Аристотель даетъ отрывокъ изъ Эмпедокла, касающійся дыханія, и объясненіе его. Тѣло имѣетъ каналы съ отверстиями, обращенные внаружу; эти отверстия меньше, чѣмъ частички крови, но больше, чѣмъ частички воздуха. Эти каналы не совершенно наполнены кровью, и такъ какъ крови свойственно попеременно двигаться вверхъ и внизъ, то воздухъ, при движеніи крови внизъ, проникаетъ въ каналы: это соотвѣтствуетъ вдыханію; при подъемѣ крови воздухъ выталкивается (выдыханіе). Въ сочиненіи περὶ ζώων γενέσεως Аристотель разбираетъ нѣкоторыя физиологическія понятія Эмпедокла; въ I, 41, онъ говоритъ о рожденіи и разбираетъ теорію утверждающихъ, что сѣмя происходитъ отъ всѣхъ частей тѣла; критикуя эту теорію, Аристотель уподобляетъ ее утвержденіямъ Эмпедокла, говорившаго, что въ самкѣ и самцѣ находятся одинаковыя части отъ рожденнаго ихъ; если такъ, то почему самка одна не могла бы родить, если сѣмя происходитъ изъ всего тѣла, и у нея есть органъ, приспособленный къ воспріятію сѣмени;

но кажется, что сѣмя не происходитъ изъ всего тѣла, или же не однѣ и тѣ же части отъ обоихъ родителей, какъ думаетъ Эмпедоклъ, почему части и нуждаются въ соединеніи. Но и это не возможно. Точно также не возможно то, чтобы взрослые части тѣла жили самостоятельно и потомъ соединялись бы: ибо онѣ не могутъ существовать безъ души или нѣкоторой жизни, и т. д. Критикуя Эмпедокла, Аристотель попутно хвалитъ Анаксагора. Сопоставленіе почекъ деревьевъ съ сѣменемъ Аристотель хвалитъ (*ibid.*, I, 100). Въ томъ же сочиненіи, II, 125 — 127, говорится объ Эмпедокловой теоріи бесплодности муловъ; сложной теоріи Эмпедокла Аристотель дѣлаетъ упрекъ — οὐχ ἔλω; ἐκ γυνώριμων ποιοῦμενος τὰς ἀρχάς, то-есть, что онъ объясняетъ *ignotum per ignotius*. Въ четвертой книгѣ Аристотель говоритъ о причинѣ различія половъ, и въ какой моментъ это различіе опредѣляется. Эмпедоклъ думаетъ, что причина въ маткѣ: сѣмя, попадающее въ теплую матку, производитъ мужское, а въ холодную — женское существо, а причина теплоты или холода зависитъ отъ того, когда были регулы; чѣмъ больше времени прошло послѣ нихъ, тѣмъ холоднѣе матка. Эта теорія кажется Аристотелю ложною, онъ въ ней видитъ противорѣчія (IV, 51). Тутъ же упоминается мнѣніе Эмпедокла, что молоко есть испорченная кровь (μῆνος ἐν οὐδοῖσιν δεκάτη πρὸν ἔπλετο λευκόν); мнѣніе это Аристотель исправляетъ, ибо молоко есть сваренная кровь, πεπεμαίνον αἷμα. Въ V-й книгѣ Аристотель, замѣтивъ, что у всѣхъ новорожденныхъ голубые глаза, спрашиваетъ о причинѣ измѣненія цвѣта глазъ и о причинѣ различія цвѣта глазъ. Эмпедоклъ принимаетъ, что голубые глаза огненны, черные глаза содержатъ въ себѣ болѣе воды, чѣмъ огня; поэтому голубые глаза днемъ видятъ неясно отъ недостатка воды, другіе же — ночью, по недостатку огня. Мнѣніе невѣрное по Аристотелю, V, 14.

Намъ остается указать, какъ Аристотель излагаетъ мнѣнія Эмпедокла, касающіяся теоріи познанія. Замѣтимъ, что все существенное мы имѣемъ уже въ отрывкѣ Теофраста, который приведенъ нами нѣсколько раньше.

Общій принципъ теоріи познанія Эмпедокла состоитъ въ томъ, что подобное познается подобнымъ; это касается не только ощущеній, но и мышленія. Ошибки напротивъ могли бы возникать изъ соединенія неподобнаго (если мы можемъ отнести къ Эмпедоклу мѣсто въ *De anima*, III, 3, 427). Душа, слѣдовательно, должна состоять изъ всѣхъ элементовъ (*De anima*, I, 2, 404), изъ которыхъ

каждый представляет собою душу и познает¹⁾. Аристотель замѣчаетъ (*Met.* III, 5, 1009), что мышленіе измѣняется съ измѣненіемъ тѣлеснаго состоянія ($\xi\tau\iota\varsigma$), а въ *De anima* говоритъ, что, по Эмпедоклу, мышленіе и воспріятіе — одно и то же (изъ приведенной Аристотелемъ цитаты это однако вовсе не слѣдуетъ). Подробнѣе Аристотель говоритъ о теоріи зрѣнія. Въ зрачкѣ глаза находится огонь; это видно изъ слѣдующаго: если закрыть и прижать глазъ, то появится огонь (*De sensu* 2, 437). Глазъ покрытъ нѣсколькими оболочками, почему Эмпедокль и сравниваетъ его съ фонаремъ (*De sensu*, 2, 487). Иногда мы видимъ потому, что свѣтъ выходитъ изъ глаза, иногда же — потому, что отъ предметовъ идутъ истеченія, попадая въ глазъ. Свѣтъ, исходящій отъ солнца, нуждается во времени, чтобы достигнуть насъ (*De sensu*, 6, 446). Подобными истеченіями, попадающими въ насъ, Эмпедокль объясняетъ всѣ ощущенія (*De gener.* V, 8, 328) и цвѣта. Изъ другихъ ощущеній Эмпедокль останавливается на обоняній; осязаніе образуется путемъ $\chi\omicron\rho\omicron\varsigma$, которыя имѣются и въ водѣ, но не замѣтны вслѣдствіе своихъ малыхъ размѣровъ, почему вода и не имѣетъ вкуса. Обоняніе такимъ образомъ объясняется водой (*De sensu*, 4, 441, а 3, 4).

Аристотель есть наиболѣе важный источникъ изъ разсматриваемой группы писателей, свидѣтельствующихъ объ ученіи Эмпедокла. Теперь упомянемъ еще о нѣкоторыхъ другихъ писателяхъ — Секстѣ Эмпирикѣ, Лукреціи Карѣ и др.

Секстъ Эмпирикъ довольно часто говоритъ объ Эмпедоклѣ. Сексту мы обязаны тѣмъ, что сохранились нѣкоторые крупные отрывки изъ Эмпедокла, и тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ получаютъ надлежащій смыслъ. Напримѣръ, въ *Adversus Gram.* I, 13, 302—303, Секстъ приводитъ отрывокъ изъ „Очищеній“, гдѣ Эмпедокль называетъ себя богомъ. Секстъ замѣчаетъ, что грамматикъ, неопытный въ философіи, заключилъ бы изъ этого мѣста о надменности Эмпедокла и объ его презрѣніи къ людямъ, но всякій мало-мальски знакомый съ философіей знаетъ, что этого нельзя приписать такому человѣку, каковымъ былъ Эмпедокль. Кто знакомъ съ физикой, тотъ пойметъ, что принципъ *similia similibus cognosci* ($\tau\omicron\iota\varsigma \omicron\mu\omicron\iota\omicron\varsigma \tau\grave{\alpha} \omicron\mu\omicron\iota\alpha \gamma\upsilon\omega\omega\sigma\kappa\epsilon\tau\alpha\iota$) принадлежитъ пифагорейцамъ, высказанъ Платономъ, но гораздо ранѣе

¹⁾ Нѣкоторые сомнѣваются, правильно ли толкуетъ Аристотель Эмпедокла, и не состоитъ ли душа, по мнѣнію послѣдняго, изъ взаимодействія элементовъ, не принимая отдѣльной души внѣ ея функціи.

его самимъ Эмпедокломъ: γαίη μὲν γὰρ γαῖαν ὀλόπαρεν и т. д.), и что этимъ именно и слѣдуетъ объяснять первое; Эмпедоклъ потому называетъ себя богомъ, что онъ одинъ сохранилъ чистымъ отъ золь (καχίας) свой разумъ, поэтому-то онъ и можетъ познать Бога, находящагося внѣ его,—богомъ, заключеннымъ въ немъ самомъ. Секстъ Эмпирикъ еще разъ упоминаетъ о стихахъ: γαίη μὲν γὰρ γαῖαν ὀλόπαρεν (*Adversus logicos*, lib. VII, 120—125), въ связи съ Платоновою теоріею познанія. Эмпедоклъ признаетъ шесть принциповъ и, слѣдовательно, шесть критеріевъ истины, на основаніи *similia similibus*. Другіе утверждали, что, по Эмпедоклу, не ощущенія суть критеріи, а истинный разумъ ¹⁾ (ὀρθὸς λόγος); истинный же разумъ считали частью божественной природы, частью людской; первый не можетъ быть передаваемъ, второй же можетъ. Что Эмпедоклъ не признавалъ въ ощущеніи критерій, это слѣдуетъ изъ стиховъ *σταῖνοποι μὲν γὰρ παλάμαι* и пр. Изъ другихъ стиховъ, начинающихся словами: *οὐ οὖν ἐπεὶ ᾧ δ' ἐλάσθης*, ясно, что истина не можетъ быть схвачена вполне, а лишь на столько, на сколько хватаетъ человѣческаго разума. Въ другомъ мѣстѣ (*Adversus log.* VIII, 286) мнѣніе Эмпедокла— „еще болѣе удивительное“, — что все обладаетъ разумомъ, противопологается мнѣнію Гераклита, что человѣкъ не одаренъ разумомъ, а одарено имъ лишь то, что окружаетъ человѣка (объ этомъ см. также *Aristot. De plantis* lib. I, стр. I). Въ сочиненіи противъ физиковъ (книга IX, 10) Секстъ говоритъ о любви, какъ причинѣ соединенія, и о ненависти, какъ причинѣ разъединенія; но въ этомъ нѣтъ ничего для насъ новаго, если не считать сопоставленія Эмпедокла съ Парменидомъ, который тоже считаетъ любовь принципомъ. Въ той же книгѣ противъ физиковъ (64) Эмпедоклъ упоминается на ряду съ другими философами по поводу ученія о Богѣ; понятіе о Богѣ всегда было и во вѣки останется (ib. IX, 127). Эмпедоклъ вмѣстѣ съ Пиеагоромъ и

¹⁾ Такъ Цицеронъ въ *Acad. prior. lib. II, 5, 13* (Lucullus) говоритъ: *Similiter vos cum perturbare, ut illi rempublicam, sic (vos) philosophiam bene iam constitutam velitis Empedoclem, Anaxagoram Democritum, Parmenidem, Xenophanem Platonem etiam, et Socratem profertis. Sed neque Saturnius (ut nostrum inimicum potissimum nomen) simile quidquam habuit veterum illorum, nec Arceasilae calumnia conferenda est cum Democriti verecundia. Et tamen isti physici raro admodum, cum haerent aliquo loco, exclamant, quasi mente incitati; Empedocles quidem, ut interdum mihi furere videatur: abstrusa esse omnia nihil nos sentire, nihil cernere: nihil omnino quale sit posse reperire. Maiorem autem partem mihi quidem omnes isti videntur nimis etiam quaedam affirmare, plusque profiteri esse scire, quam sciant. Тамъ же Cic. Acad. pr. II, 23, 74.*

многими изъ италійскихъ философовъ утверждаетъ, что есть нѣкоторая связь людей не только съ богами, но и съ неразумными животными, ибо одинъ духъ (*πνεῦμα*), подобно душѣ, проникаетъ весь міръ и роднитъ насъ съ животными потому убивая ихъ и пожирая ихъ мясо, мы совершаемъ преступленіе, нечестіе, какъ будто мы убивали родственниковъ, — почему Эмпедокль и совѣтуетъ воздерживаться отъ мяса. Въ X-й книгѣ противъ физиковъ (45) говорится о движеніи; относительно движенія могутъ существовать три возрѣнія: или движеніе есть, или его нѣтъ, или же одно не болѣе, чѣмъ другое. Эмпедокль вмѣстѣ съ другими принадлежитъ къ защитникамъ движенія. Наконецъ, упоминаемъ еще о пятой главѣ X-й книги, трактующей о происхожденіи и смерти. Здѣсь объ Эмпедоклѣ говорится, что онъ признаетъ четыре принципа матеріальныхъ (*ὄλκας*) и два дѣятельныхъ (*δύο δὲ τὰς δραστηρίους*).

Вообще о Секстѣ слѣдуетъ сказать, что онъ приводитъ Эмпедокла ради своихъ цѣлей, и потому онъ важенъ болѣе тѣмъ, что сохранилъ нѣсколько отрывковъ Эмпедокла, чѣмъ по разъясненіямъ его философіи.

Съ большимъ уваженіемъ объ Эмпедоклѣ говоритъ Лукрецій въ I-й книгѣ *De rerum natura*, ст. 716 и слѣд.

*Quorum Aegaeus cum primis Empedocles est,
Insula quem triquetris terrarum gessit in oris,*

*Quae cum magna modis multis miranda videtur
Gentibus humanis regio, visendaque fertur
rebus opima bonis, multa munita virum vi
nil tamen hoc habuisse viro praeclarius in se
nec sanctum magis, et mirum carumque videtur.
Carmina quin etiam divini pectoris eius
vociferantur et exponunt praeclare reperta;
ut vix humana videatur stirpe creatus.*

Этотъ перечень главнѣйшихъ источниковъ мы заключимъ упоминаніемъ о Діогенѣ Лаэртійскомъ и о Плотинѣ.

Діогенъ даетъ много біографическихъ свѣдѣній и весьма краткое изложеніе мнѣній Эмпедокла. По его свидѣтельству, Эмпедокль говоритъ объ элементахъ, что они, будучи подвержены вѣчному измѣненію, сами нетлѣнны, и что міровой порядокъ вѣченъ... Онъ полагалъ, что солнце—огненная масса и гораздо больше луны; что луна по своей формѣ напоминаетъ дискъ, что небо подобно кристаллу, и что душа принимаетъ различныя формы животныхъ и растений... Діогенъ упоминаетъ еще, что Эмпедокль писалъ трагедіи, смѣшивая его съ другимъ.

Плотинъ рѣдко упоминаетъ Эмпедокла и довольно отдаленно цитируетъ его. Въ Епп. V, 9, онъ говоритъ о принципахъ Эмпедокла, и противопоставляетъ его четыре матеріальные принципа двумъ динамическимъ нетѣлеснымъ (*ἀσώρατοι*), любви и ненависти. Это свидѣтельство въ виду противорѣчія съ другими источниками должно быть отвергнуто; Плотинъ приписываетъ Эмпедоклу то, чего онъ не говорилъ. Въ 1-й главѣ той же Эннеады говорится о происхожденіи душъ, о томъ, что души за грѣхи попадаютъ въ тѣло, а слова Эмпедокла о пещерѣ (*τὸ ἄντρον*) толкуются Платиномъ такъ, что здѣсь есть намекъ на переходъ, на стремленіе къ сверхчувственному міру (*τὸ νοητόν*). Въ Еппеад. II, кн. 4, § 7, говорится, что мнѣніе Эмпедокла объ элементахъ противорѣчитъ движенію.

Въ заключеніе замѣтимъ, что Овидій, въ своихъ *Метаморфозахъ*, книга XV, ст. 75 и слѣд., излагаетъ въ сущности систему Эмпедокла, хотя и говоритъ о Пиеагорѣ. Даже поэтическіе образы и сравненія Овидія часто напоминаютъ выраженія Эмпедокла; но самую характерную черту Пиеагоровой системы — ученіе о числѣ — Овидій вовсе не приводитъ.

Философія Эмпедокла.

Изъ приведенныхъ отрывковъ и извлеченій, касающихся Эмпедокла, мы можемъ составить себѣ довольно полное представленіе о его философіи. Со времени Гегеля въ исторіи философіи установился тотъ взглядъ относительно Эмпедокла, что „его философія не представляетъ большого интереса“, и что „многаго изъ нея слѣдовать нельзя“¹⁾. Были впрочемъ и попытки реабилитаціи нашего философа (одна изъ нихъ принадлежитъ Гладішу²⁾), ставящему Эмпедокла въ связь съ Египтомъ); но онѣ

¹⁾ *Hegel. Geschichte d. Philosophie* 1840, стр. 337.

²⁾ Несвоевременно было бы опровергать мысль Гладіша, о томъ, что пять направлений греческой философіи перваго періода стоятъ подъ вліяніемъ пяти различныхъ культурныхъ типовъ востока. Однако мысль о вліяніи востока на Грецію кажется намъ весьма вѣроятною, и аргументація Шредера въ „*Пиеагоръ и Индійцахъ*“ вполне убѣдительною. Гладішъ называетъ Эмпедокла „несомнѣнно гениальнѣйшимъ“ (*unleugbar geistreichsten*) изъ философовъ до-Платоновскаго періода. Изъ цѣлаго ряда сопоставленій Гладішъ выводитъ тождественность древнихъ египетскихъ ученій (напримѣръ, Манеона) съ ученіемъ Эмпедокла; не только общія принципы (напримѣръ, ученіе объ элементахъ) оказываются тождественными, но и частныя космологическія положенія. Хотя аналогія и не есть доказательство, но цѣлый рядъ аналогій покажется всякому доказательствомъ, коимъ пренебрегать

должны быть признаны тщетными. Эмпедоклово учение интересно только, какъ эклектизмъ, на которомъ отразились всѣ направленія древнѣйшаго періода греческой философіи: Эмпедокла называютъ ученикомъ Пифагора, Парменида, Анаксагора, и несомнѣнно, можно указать мысли названныхъ философовъ въ его теоріи.

Вліяніе Пифагора признаетъ самъ Эмпедоклъ, говоря:

Ст. 427. Между ними былъ человекъ необычайнаго знанія,
Который приобрѣлъ величайшія богатства
И обладалъ самыми разнообразными мудрыми искусствами.

не слѣдуетъ. Тѣмъ не менѣе, вся аргументація Гладша, не смотря на большой интересъ и остроуміе, должна быть признана неудачною, и вотъ почему: объ египетскихъ ученіяхъ онъ судитъ по греческимъ источникамъ, а кто намъ можетъ поручиться въ томъ, что греки не понимали по *своему* египетскую мифологію и космологію? Скорѣе слѣдуетъ допустить, что египетскія воззрѣнія видоизмѣнились въ устахъ грековъ, чѣмъ на оборотъ. Это апріорное соображеніе можетъ быть подтверждено и тѣмъ, что говорятъ египтологи. Возьмемъ лишь одинъ пунктъ: со словъ Геродота (II, 123) египтянамъ приписываютъ ученіе о переселеніи душъ: „*египтяне*“, говоритъ онъ, — „были первыми, которые учили, что душа человека безсмертна, и что она, по изчезновеніи тѣла, переходитъ въ другое вновь возникающее существо; послѣ того, какъ она прошла черезъ всѣ животныя, живущія на землѣ, въ водѣ и въ воздухѣ, она вновь входитъ въ только что созданнаго человека. И это переселеніе совершается душою въ 3000-лѣтній періодъ“. Оказывается однако, не смотря на заявленіе Геродота, что переселеніе душъ вовсе не было египетскимъ ученіемъ, по крайней мѣрѣ ни въ одномъ известномъ памятникѣ о немъ не говорится. Въ подтвержденіе привожу изъ книги *Le Page Rouff: On the origin and growth of religions... of ancient Egypt*“, 2-е изд., 1884, ст. 182—183 слѣдующее:

„The subject has often been misunderstood through a confusion between Egyptian notions and either Pythagoreans or Hindu notions. The Pythagoreans held the notion of metempsychosis, and the legendary history of their founder represented him as having travelled in the East, and as having been initiated by Egyptian priests into their mysteries. The pythagorean doctrines about the destinies of the human soul have, in consequence of this unauthenticated history, been transferred to the Egyptians, even by scholars who might have known better. There is really no convection, either doctrinally or historically, between the two systems. Nothing in the Pythagorean system is foreign to previously existing Hellenic modes of thought, or wich requires in any way to be accounted for by foreign influence, and its metempsychosis is essentially based upon the notions of expiation and purification. Men were supposed to be punished in various forms of a renewed life upon earth, for sins, committed in a previous state of existence. *There is not a trace of any such conception to be found in any Egyptian text, wich has yet been brought lo light.* The only transformations after death depend, we are expressly told, simply on the pleasure of the deceased or of his genius“.

Къ чему бы онъ ни стремился своимъ умомъ,
Онъ легко отрывалъ каждую существующую вещь
И дѣлалъ работу десяти людей—двадцати поколѣній.

Не смотря на такую оцѣнку Пифагора, нужно сказать, что слѣдовъ пифагорейскаго ученія у Эмпедокла менѣе, чѣмъ можно было бы ожидать. Ученіе о переселеніи душъ, по всей вѣроятности, взято имъ у Пифагора, но оно не составляетъ кореннаго положенія системы и могло быть заимствовано, какъ замѣчаетъ Целлеръ, изъ орфическихъ пѣсенъ (Целлеръ, I⁴, 428). Однако нѣкоторыя частныя ученія указываютъ на прямое заимствованіе; такъ Эмпедоклъ вмѣстѣ съ пифагорейцами считаетъ солнце и луну хрустальными, или совѣтуетъ воздерживаться отъ бобовъ (стихъ 450) или отъ употребленія въ пищу животныхъ ¹⁾ (стт. 440 и слѣд.). Вообще говоря, религіозныя и этическія представленія Эмпедокла имѣютъ наибольшее сходство съ пифагорейскими воззрѣніями, но они не стоятъ въ прямой связи съ его главнымъ ученіемъ. Недавно было указано Керномъ (Archiv f. Geschichte d. Philosophie, т. I, 498—508) на необычайное сходство нѣкоторыхъ ученій и даже выраженій въ пѣсняхъ Эмпедокла съ пѣснями орфиковъ; весьма возможно, что орфическія пѣсни послужили источникомъ, какъ для Пифагора, такъ и для Эмпедокла, и въ такомъ случаѣ пришлось бы признать, что Пифагоръ, только какъ личность, былъ первообразомъ Эмпедоклу, и что послѣдній старался подражать ему въ манерахъ, дѣятельности и т. д.

Несомнѣнно вліяніе элеатовъ и Гераклита на нашего философа: онъ желалъ быть посредникомъ между этими двумя противоположными ученіями. Вмѣстѣ съ Парменидомъ нашъ философъ полагаетъ, что только бытіе существуетъ, а небытія нѣтъ; подъ небытіемъ разумѣется пустое пространство. Считая пространство за объектъ или объективную форму, философы вплоть до Канта принуждены были выбирать изъ двухъ возможныхъ рѣшеній одно: или признавать пустое пространство за реальность, подобно атомистамъ, или же отрицать пустоту, подобно элеатамъ (и Декарту); и то, и другое заключало въ себѣ неразрѣшимыя апоріи, пока гениальное ученіе Канта о трансцендентальной идеальности и эмпирической реальности пространства хоть

¹⁾ Хотя Аристоксенъ, дающій свѣдѣнія о Пифагорѣ, отрицаетъ запрещеніе имъ мясной пищи и говоритъ, что Пифагоръ, напротивъ, особенно любилъ свинину и баранину; точно также Аристоксенъ отрицаетъ и запрещеніе бобовъ у пифагорейцевъ. См. Anl. Gell. Noctes Att. IV.

по смерти своего супруга, отъ котораго право на изданіе перешло къ ней, по духовному завѣщанію, утвержденному Самарскимъ Окружнымъ Судомъ (Указ. по дѣл. печати 1876 г., стр. 375).

Фохтъ, Александра Васильевна, рожденная Петровская. — Богъ — заступникъ сиротъ, истинное происшествіе, въ Странникѣ 1869 г., № 6 (автобіографія).

Фохтъ, Надежда. — Воспитаніе пансіонерки, въ журналѣ Гувернантка 1862 г., № 6.

Фрейтагъ, Марія-Франциска-Регина, рожд. Пфундгеллеръ, изъ семейства французскихъ гугенотовъ, род. 1754 в., † 1837 г., въ С.-Пб.; родная бабка, по матери, В. И. Даля; дочь эконома Сухопутнаго шляхетнаго корпуса. — 1) Охотники, изображеніе сельскихъ нравовъ, въ 5-ти дѣйств., соч. господина Иффланда, пер. съ нѣм. С.-Пб. 1802 8^о; 2) Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ, комедія въ 5-ти дѣйств., соч. господина Гинтера, перевела съ нѣм. коллежская ассессорша М. Ф. въ 1797 году. С.-Пб. 1802, 12^о; 3) Великодушная женщина, ориг. драма въ 5 д. (Записки современника. С.-Пб. 1859, стр. 319).

О ней: а) Литературныя свѣдѣнія М. Макарова, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 31, № 27; б) настоящія свѣдѣнія, по просьбѣ нашей, были просмотрѣны покойнымъ В. И. Далемъ, въ 1871 г.; в) объ отцѣ ея, см. въ Запискахъ гр. Бобринскаго (Русск. Архивъ 1877 г., ч. 3, стр. 116) и въ замѣткѣ Л. В. Даля, *ibid.*, стр. 337; е) Руссовъ, 44.

Фрибесъ, Евгенія. — 1) Азбука и постепенное чтеніе. Сто картинъ въ текстѣ съ рисунковъ художника Богданова, гравироваль Конденъ. С.-Пб. 1869, 8^о; 2) По вопросамъ: о воспитаніи дѣтей, научномъ обученіи, женскомъ трудѣ, бракѣ и объ отношеніи къ падшимъ женщинамъ, и т. д. С.-Пб. 1877, 8^о.

Отзывъ (Н. Лѣскова), въ Церковно-Общ. Вѣстникѣ 1878 года, № 19, стр. 4—5.

Фролова-Багрѣва, Елизавета Михайловна, род. 5-го сентября 1799 года въ С.-Пб., † 23-го марта (4-го апрѣля) 1857 г., въ Вѣнѣ; дочь графа Михаила Михайловича Сперанскаго (род. 1-го января 1772 г., † 11-го февраля 1839 г., въ С.-Пб.), отъ брака съ англичанкою Стивенсъ, супруга дѣйст. тайн. совѣтника, и сенатора Александра Алексѣевича Фролова-Багрѣва. — 1) Калейдоскопъ, переводъ, въ рукописи (см. Русскій Архивъ 1868 г., ст. 1177); 2) пѣсни, между которыми пьеса — „Егеръ“ (*ibid.*, ст. 1704); 3) Объ Исландіи (*ibid.*, ст. 1758); 4) „Къ мечтѣ“ (*ibid.*, ст. 1773); 5) Разсужденіе на слова: „Придите ко мнѣ вси труждающіися обремененніи и Азъ упокою васъ“ (*ibid.*, ст. 1726); 6) Переводъ изъ книги г-жи Ламберъ, о воспитаніи (*ibid.*, ст. 1717 и

1721); 7) Стихи на Великопольское привидѣніе (ibid., ст. 1131); 8) Стихи „Къ надеждѣ“ (ibid., ст. 1130); 9) Переводъ пѣсни: „Тѣнь друга вѣтается“, изъ романа Вальтеръ-Скотта: Дѣва озера (ibid., ст. 1108); 10) Чтеніе для малѣйшихъ дѣтей. С.-Пб. 1828. Часть этой книги позднѣе переведена ею на нѣмецкій языкъ и издана въ Вѣнѣ: Das Buch der Kleinen. Wien. 1855 и на французскій: Le livre des petits. Vienne. 1855 (Ghénady: Les écrivains franco-russes. Dresde. 1874, pg. 15); 11) Un mariage pendant un cotillon, рукопись, 1829 г.; 12) повѣсть, въ Современникѣ (Пушкина); указано въ книгѣ о ней V. Duret: Un portrait russe. Leipzig. 1867; 13) Le livre d'une femme, писано въ 1845—1857 гг.; напечатано въ приложеніи къ книгѣ Duret, стр. 349—508; 14) Хѣнія Damianowna, въ Revue des deux Mondes 1852, août: это отрывокъ изъ повѣсти: „Ночь на Голгофѣ“; отдѣльно (Хѣнія ou les deux rêves) вмѣстѣ съ Le starowère et sa fille. Leipzig et Bruxelles. 1857; 15) Méditations chrétiennes. Vienne. 1853; 16) Les pélerins russes à Jérusalem. Bruxelles et Leipzig, 2 vol. 1854; 2-е изд., ibid. 1857 (тотъ же текстъ съ новою обложкою и предисловіемъ St.-Beuve'a).

Рецензія ориенталиста Fallmeyerá, въ Gazette d'Augsbourg 1858, du 29 janvier. Кромѣ обширнаго предисловія, здѣсь помѣщены „Богомольцы“ и двѣ повѣсти: „Ночь на Голгофѣ“ и „Аеонскій монахъ“.

17) Lettres sur Kleff, 1854 г., рукопись. 18) Souvenirs d'un voyage en Orient, 1854 г., рукопись; 19) La couronne de Hongrie 1854 г., рукопись; 20) Ein Kosaken—Czar, Drama mit einem Vorspiel und in 5 Acten. Prag. 1855, 8°; 21) Les dernières heures de sa Majesté l'Empereur Nicolas. Méditations par l'auteur des „Pélerins russes à Jérusalem“. Leipzig. 1885; 22) La vieille et son corbeau; писано въ 1855 г. и напечатано вмѣстѣ съ Iréne (1857 г.), см. ниже § 31. Были нѣмецкіе переводы въ австрійскихъ газетахъ. 23) Die Ueberspannten, комедія, рукопись, 1855—1856 гг.; 24) Der verliebte Greis, комедія, рукопись, 1855—1856 гг.; 25) Tischrücken, комедія, рукопись, 1855—1856 гг.; 26) Esquisses de moeurs russes. Le starowère et sa fille, roman, въ Revue des deux mondes 1856 г.; были нѣмецкіе переводы въ австрійскихъ газетахъ. Вышло отдѣльно вмѣстѣ съ Хѣнія Damianowna, ou les deux rêves. Leipzig et Bruxelles. 1857, 32°; 27) Der erste Romanof, трагедія, въ рукописи, около 2800 стиховъ; 28) Esquisses de moeurs russes. Une famille toungouse. Bruxelles et Leipzig. 1857, 2 vol.; 29) La vie de château en Ukraine, roman. Bruxelles et Leipzig (1857), 12°; контрфакція: Bruxelles,

Bohné, 1861; 30) *Les Iles de la Néva à St.-Pétersbourg* (oeuvre posthume). Bruxelles et Leipzig. 1858, съ біографическимъ очеркомъ автора; 31) *Irène ou les bienfaits de l'éducation*, roman. Bruxelles et Leipzig. 1857, 12°; приложено: *La vieille et son corbeau* (см. выше, § 22); 32) Стихи ея А. П. Глинкѣ, напечатаны (при некрологѣ ея) въ Сѣв. Пчелѣ 1857 г., № 96.

О ней: а) Victor Duret: *Un portrait russe, l'oeuvre et „Le livre d'une femme“*, de M-me Bagréeff-Spéranski. Leipzig. 1867 (подробныя біографическія и бібліографическія свѣдѣнія); б) Е. М. Фролова-Багрѣева, рожд. гр. Сперанская, ст. Б. Федорова, въ Сѣв. Пчелѣ 1857 г., № 96; в) некрологъ, въ Библиограф. Запискахъ 1868 г., № 12; г) Русск. Архивъ 1868 г., ст. 328—329; д) Лонгиновъ, въ Русск. Архивѣ 1865 г., ст. 1515; е) много свѣдѣній о ней въ изслѣдованіи гр. М. А. Корфа: *Жизнь графа Сперанскаго*. С.-Пб. 1861; ж) статья о ней въ *Journal des Débats* 1870 г., septembre; з) письма къ ней отца, въ Русск. Архивѣ 1868 г.; и) *Настольный Словарь*, Толя, 1, 195; i) *Мордовцевъ: Русскія женщины новаго времени*. С.-Пб. 1774.

Фунсъ, Александра Андреевна, рожд. Апектина, родная племянница казанскаго поэта Г. П. Каменева, съ 1831 года супруга профессора Казанскаго университета Карла Θεодоровича Фукса; † 4-го февраля 1853 г.—1) Стихотворенія. Казань. 1834, 8°; 2) Повѣдка въ Казань и Чебоксары. Казань. 1834.

Рец. Кн. Шаликова, въ Моск. Вѣдомостяхъ 1834 г., стр. 3421.

3) Основаніе города Казани, повѣсть въ стихахъ, взятая изъ татарскихъ преданій. Казань. 1836, 12°.

Рец. а) Сѣв. Пчела 1837 г., № 156; б) Библ. для Чтенія, т. 22. Оригиналъ рукописи этой повѣсти принесенъ въ 1860 г. въ даръ Имп. Публ. Библиотекѣ, казанскимъ книгопродавцемъ Мясниковымъ (см. Отчетъ за 1860 г., стр. 60—61).

4) Черная коса, въ Библ. для Чтенія 1838 г., т. 28; 5) Она похудѣла, комедія-водевиль въ 1-мъ д. Казань. 1837, 8°; посвящено Эрасту Петровичу Перцову.

Рец. Библ. для Чтенія 1858 г., т. 26, отд. 6.

6) Царевна-Несмѣяна, народная русская сказка, переложенная въ стихахъ для 10 лѣтняго читателя, Павла Александровича Жмакина (посвящена ему-же). Казань. 1838, 8°.

Рец. а) Библ. для Чтенія 1839 г., т. 33, отд. 6; б) Сынъ Отечества 1838 г., т. 7, отд. 4.

7) Записки о чувашахъ и черемисахъ Казанской губерніи. Казань. 1840, 8°.

Рец. а) Библ. для Чтенія 1840 г., т. 43, отд. 5 и 1841 г., т. 48 и 49; б) Журн. Мин. Народ. Просвѣщенія 1841 г., ч. 29, отд. 6; в) Литер. Газета 1840 г., № 93; г) Огеч. Записки 1840 г., № 10, отд. 6; д) Сынъ Отечества 1840 г., т. 6, отд. 8; 1852 г., т. 7, отд. 6.

8) Княжна Хабиба, повѣсть въ стихахъ, взятая изъ татарскихъ преданій. Казань. 1841, 8°.

Рец. а) Сѣв. Пчела 1842 г., № 18; б) Библи. для Чтенія 1841 г., т. 49, отд. 6.

9) Казанскіе татары, въ статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Казань. 1844.

Рец. а) Отеч. Записки 1844 г., т. 35, № 8, отд. 6; б) Современникъ 1844 г., томъ 36.

10) Поѣздка къ Вотьякамъ (Казан. Губ. Вѣдомости 1844 г.); 11) Воспоминаніе о Пушкинѣ, въ Казанск. Губ. Вѣдомостяхъ 1844 г., № 2, и особю брошюрою (съ письмами Пушкина); 12) стихотворенія ея печатались въ журналѣ Заволжскій Муравей 1832—1834 гг.; 13) Зюлима или Пугачевъ въ Казани, романъ (рукопись). О немъ см. Казанск. Губ. Вѣдомости 1843 г., № 44.

О ней: а) Геннади, въ добавочномъ томѣ къ изд. соч. Пушкина, Исакова. С.-Пб. 1859, стр. 161; б) Некрологъ, въ Казанск. Губ. Вѣдомостяхъ 1853 г., № 8; в) въ ст. М. Θ. Де-Пуле: Н. И. Второвъ, въ Русск. Архивѣ 1877 г., № 7, стр. 346; г) стихотвореніе ей Языкова, II, 54; д) Де-Пуле. Отецъ и сынъ (Рус. Вѣстникъ 1875 г., № 8, стр. 619—621; е) Отзывъ о ней Пушкина и письма къ ней см. въ VII т. Сочиненій, изд. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ; ж) К. Θ. Фуксъ и его время, ст. Пономарева и Лаврскаго, въ Казанскомъ литер. сборникѣ 1878 г.; з) П. Васильевъ. Балендарь-указатель г. Казани. Казань. 1881.

Х—а, А. — 1) Отчаянная, въ Журналѣ для милыхъ 1804 г., ч. 1
2) Быль, стихотв., idid.

Хамаръ-Дабановъ, Е.—псевдонимъ Е. А. Лачиновой (см. это имя).

Харитоновъ, Авдотья, дѣвица.—Шарлотта или утѣшенный старикъ. М. 1803, 8°.

О ней: а) Макаровъ, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 31; б) Руссовъ, стр. 44.

Х—ва А.—Размышленія предъ Святымъ Причащеніемъ. С.-Пб. 1850, 16°.

Рец. а) Москвитянинъ 1850 г., № 18, кн. 2; б) Сѣв. Пчела 1850 г., № 290.

Х—ва, Александра.—1) Письма къ русскимъ женщинамъ, Журналъ для воспитанія 1857 г., т. 1, №№ 1 и 3; 1859 г., т. VII и 1860 г., № 1 и 2; 2) Институтъ для монахъ дѣвочекъ, тамъ же, 1861 г., № 1 (объ этой статьѣ см. Р. Рѣчь 1861 г., стр. 191—192).

Хвалынская, Марѳа (псевдонимъ?)—1) Свѣжепросольныя огурцы въ 18 часовъ времени, въ журналѣ Русская Хозяйка 1861 г., № 11; 2) Постоянная сотрудница этого журнала.

Хвостова, Александра Петровна, рожд. Хераскова, дочь статск. совѣтн. Петра Матвѣевича и Елизаветы Петровны, рожд. гра-

фини Девієрь, супруга дѣйств. статск. сов. Дмитрія Семеновича Хвостова; ова родилась 1767 г., † въ Кіевѣ 1853 г.—1) Огрызки. Каминъ и Ручеекъ. С.-Пб. 1796, 24° (напечатала 2400 экз., разошедшихся почти въ теченіе одного года). Одинъ „Каминъ“ былъ прежде помѣщенъ въ Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени 1795 г., ч. 6, стр. 68—77 (см. Сѣверн. Пчела 1844 г., № 207, стр. 827 и Неустровъ, стр. 764).—Второе изданіе. С.-Пб. 1802, 8°. Третье изданіе. С.-Пб. 1833. Существуетъ французскій переводъ „Каминъ“ 1798 г. (см. Моск. Вѣдомости 1804 г., № 78 и 79). Объявленіе о послѣднемъ помѣщено въ *Moniteur du 13 novembre, 1821 г.*, и былъ озаглавленъ: *Aux Mânes de mon père, élogie par M****. Нѣмецкій переводъ: *Der Kamin oder die Phantastie einer Russin, ein russisches Original-Gedicht, übersetzt von M. Malfa. Moskau. Leipzig. 1805, 16°*. Посвященіе: *Dem Fräulein Nadeschda Kussownikow gewidmet*. Существуетъ еще французскій переводъ: *La cheminée, pièce fugitive, trad. de Tchékalefsky (S.-Pbg.)*. 1798, 12°. Третій переводъ М. 1809, 12°. Макаровъ въ Дамск. Журналѣ (1830 г., ч. 30, № 15) упоминаетъ еще объ англійскомъ переводѣ; 2) Совѣты души моея, твореніе христіанки, тоскующей по горнемъ своемъ отечествѣ, С.-Пб. 1816, 12°. Въ изданіи этомъ принималъ участіе А. Θ. Лабзинъ (см. Русск. Архивъ 1866 г., ст. 830); 3) Письма къ другу и завѣщаніе отца сыну, въ Сіонскомъ Вѣстникѣ А. Θ. Лабзина, по показанію, сообщенному мнѣ въ 1857 г. Ю. Н. Бартевнымъ; 4) Письма христіанки, тоскующей по горнемъ своемъ отечествѣ къ двумъ друзьямъ ея, мужу и женѣ. С.-Пб. 1815, 8°. Два изданія; 5) О тройственномъ пути, переводъ. М. 1787. По свѣдѣнію, переданному мнѣ покойнымъ Юріемъ Никитичемъ Бартевымъ, это переводъ А. П. Хвостовой, которой тогда было всего 20 лѣтъ.

О ней: а) Макаровъ, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 30, № 15; б) ея некрологъ, въ Моск. Вѣдомостяхъ 1853 г., № 129; в) *Biographie des hommes vivants*. Paris. 1817, pg. 182; г) *Biographie nouvelle des contemporains*, par Jay, Jouy, Arnaut, et Norvins. Paris. 1822, t. 4, pg. 412; д) *France Littéraire, Quéard'a* 1828, t. 2, pg. 201 (съ ошибками); е) ея русскій портретъ, съ лицомъ, обращеннымъ въ лѣво и надписью: Александра Петровна Хвостова, род. въ 1767 году; подпись:

Elle a par ses talents et ses moyens de plaire
Rectifié chez nous les deux nombres d'Homère:
J'en prendrai à témoin le beau berger Paris.
Grâces! Vous n'êtes plus trois seules à Cythère,
Et vous, Muses, vous voilà dix.

Par m-g le prince Alex. Bélosselsky (эж. въ Имп. Публ. Библиотекѣ). Другой портретъ, гравированный на стали, въ Парижѣ (Santerge pinx.), съ подписью:

A me voir, j'ai les traits d'une beauté divine,
Les yeux noirs et brillants, un teint vif et charmant;
Mais j'ai l'esprit formé d'une étoffe si fine.
Que j'en donne à garder au plus subtil amant.

На портретѣ не обозначено, что онъ изображаетъ Хвостову, а также неизвѣстенъ авторъ подписи (ср. у Ровинскаго: Словарь русск. гравир. портретовъ. С.-Пб. 1872); ж) Толль, Настольн. Словарь, 3, 922; з) отзывъ о ней князя П. А. Вяземскаго, въ Россійскомъ Родословномъ Сборникѣ, кн. П. В. Долгорукова. С.-Пб. 1841, ч. 2, стр. 15; и) Руссовъ, стр. 44; к) Вигель, Воспоминанія, М. 1866, ч. II, 231—234; III, 8, 9, 62, 155; VII, 6, 7; л) о ея портретахъ—А. Wassiltschikoff: Liste alphabétique de portraits russes. St.-Pbg. 1875, 1, 258—259; м) Геннади, Русскія книжныя рѣдкости. С.-Пб. 1872, стр. 103; н) его же: Списокъ русскихъ анон. книгъ. С.-Пб. 1874, стр. 29; о) Киевск. Старина 1882 г., т. I, стр. 166—167.

Хвостова, Екатерина Александровна, рожд. Сушкова, дочь Александра Васильевича и Анастасіи Павловны, рожд. княжны Долгоруковой; род. 18-го марта 1812 г. † 10-го октября 1868 г.; съ 1838 г. за Александромъ Василевичемъ Хвостовымъ (род. 1809 г. † 1861 г.), сестра писательницы Е. А. Лодыженской и двоюродная сестра писательницы Елены Андреевны Ганъ.—1) Воспоминанія о Лермонтовѣ (отрывокъ изъ „Записокъ“), въ Русск. Вѣстникѣ 1857 г., т. 11; 2) Воспоминанія, 1812—1841 г., въ Вѣстникѣ Европы 1869 г., № 8 и 9. Второе изданіе (редакція Русской Старины), подъ заглавіемъ: „Записки Е. А. Хвостовой“. С.-Пб. 1870, 8^о, съ значительными дополненіями и приложеніями.

Рец. а) С.-Пб. Вѣдомости 1869 г., № 217 и 245; б) Сѣв. Пчела 1869 г., № 42; в) Новое Время 1869 г., № 157; г) Голось 1869 г., № 281; д) Современная Лѣтопись 1869 г., № 46 и 1871 г., № 41 (ст. Надежды Фадѣевой); е) Вѣстн. Европы 1870 г., № 11; ж) Дѣло 1870 г., № 2; з) Новоросс. Вѣдомости 1869 г., № 35, 40, 67 и 68; и) Отеч. Записки 1871 г., № 1; i) С.-Пб. Вѣдомости 1870 г., № 301; к) Иллюстр. Газета 1871 г., № 12; л) Русск. Вѣстникъ 1872 г., № 2 (ст. Елизаветы Лодыженской); м) Русскій Міръ 1872 г., № 63 (ст. Петербургскаго Старожила, (Влад. Бурвашова), подъ загл.: Замѣтки о бѣлыхъ перчаткахъ и о пистолетѣ, заряженномъ клявкою. По поводу „Замѣчанія на Воспоминанія“).

3) Сообщила въ Русскій Архивъ Записки Василія Семеновича Хвостова (ibid. 1870 г., № 3).

Хвоцинская, Надежда Дмитріевна, род. 1825 г., въ Рязани; съ 1865 г. въ замужествѣ за докторомъ Зайончковскимъ; пишетъ подъ псевдонимомъ „В. Крестовскій“, который не слѣдуетъ смѣшивать съ В. В. Крестовскимъ, извѣстнымъ романистомъ, а также съ „Н. Крестов-

скимъ"—псевдонимомъ водевиллиста Н. Куликова.—1) Стихотворенія, въ Литературной Газетѣ 1847 г.; 2) Въ сумерки, Птичка, стихотворенія, въ Иллюстраціи 1847 г., № 46; 3) Анна Михайловна, повѣсть, въ Отеч. Запискахъ 1850 г., № 6; 4) Сельскій учитель, повѣсть, въ Отеч. Запискахъ 1850 г., т. 73; 5) Но кто-жь остался доволенъ, романъ въ 3 ч., въ Отеч. Запискахъ 1852 г. 6) Пять стихотвореній, въ Отеч. Запискахъ 1852 г., ч. 83. 7) Не могу я приняться за дѣло, стихотв., въ альманахѣ: Заздравный Фіалъ, 1852 г., стр. 7; 8) Деревенскій случай, повѣсть въ стихахъ, въ Пантеонѣ 1853 г. и отдѣльно.

Рец. а) С. Пчела 1853 г., № 281 (К. Полеваго); б) Современникъ 1854 г., т. 43, № 1, отд. 4; в) Пантеонъ 1854 г., № 7.

9) Испушеніе, повѣсть, въ Отеч. Запискахъ 1853 г., т. 85; 10) Нѣсколько лѣтнихъ дней, повѣсть, *ibid.*, т. 86; 11) Испытаніе, романъ, въ Отеч. Запискахъ 1854 г., №№ 3, 4 и 5; отдѣльно: С.-Пб. 1883, 8°. 12) Послѣднее дѣйствіе комедіи, романъ въ 3 ч., въ Отеч. Запискахъ 1856 г., №№ 4—5; 13) Свободное время, романъ, въ Отеч. Запискахъ 1856 г., №№ 11—12; 14) стихотворенія, въ Иллюстраціи 1858 и 1859 гг.; 15) Романы и повѣсти В. Крестовскаго, 8 томовъ. С.-Пб. 1859—1866.

Рец. а) Отеч. Записки 1859 г., № 6; б) С.-Пб. Вѣдомости 1859 г., № 33; в) Русское Слово 1859 г., № 4; г) Моск. Обзорніе 1859 г., № 2, отд. 3; д) Голосъ 1866 г., № 89.

16) Марино-Фальери, траг. Казимира Делавиня, пер. съ фр., въ 5 т. Сборника въ память А. О. Смирдина. С.-Пб. 1859; 17) Въ ожиданіи лучшаго, романъ, въ Русск. Вѣстникѣ, 1861 г., №№ 14—16; отдѣльно: М. 1861; С.-Пб. 1880, 8°.

Рец. а) Свѣточъ 1861 г., № 2, ст. А. Милюкова: Мертвыя души большаго свѣта; б) Моск. Вѣстникъ 1861 г., № 1, ст. Р. Крылова: Нравственное уродство; в) статья Е. Туръ, въ Русской Рѣчи 1861 г., № 12; г) Р. Слово 1861 г., № 3 (ст. В. Попова); д) Разсвѣтъ 1861 г., № 6.

18) Ванька-ключникъ, въ журналѣ Время 1861 г., № 3; 19) Баритонъ, повѣсть, въ Отеч. Запискахъ 1861 г. и отдѣльно: С.-Пб. 1879, 8°. 20) Пчельникъ (изъ забытыхъ тетрадей), въ Р. Словѣ 1862 г., № 3; 21) Ровоамъ, стих., въ Р. Словѣ 1862 г., № 5; 22) Недавнее, романъ въ 4 частяхъ, въ Отеч. Запискахъ 1865 г., №№ 1—7. Отдѣльно: С.-Пб. 1880, 8°. 23) Два памятные дни, повѣсть, въ Отеч. Запискахъ 1868 г., № 4. 24) Первая борьба, повѣсть, въ Отеч. Запискахъ 1869 г., №№ 8 и 9 и отдѣльно: С.-Пб. 1879, 8°.

Рец. а) С.-Пб. Вѣдомости 1869 г., № 230; б) Одесск. Вѣстникъ 1869 г., № 232; в) Новоросс. Телеграфъ 1869 г., № 215 и 219.

25) Джуліо, драматическая фантазія (Каталогъ театральныхъ

пьесъ Черенина. М. 1871, стр. 149). 26) Рѣшительный часть, сцеза (ibid., № 458). 27) Медея, трагедія Делла-Валле (ibid., № 312; Указ. по дѣл. печати 1873 г., стр. 58). 28) Большая Медвѣдница, романъ, въ Вѣстн. Европы 1870 г. и отдѣльно: С.-Пб. 1872. французскій переводъ, въ Journal de Saint-Pétersbourg 1871 г. С.-Пб. 1875, 8°; изд. 3-е. С.-Пб. 1883, 8°; 29) Вы улыбаются, Въ прощальный, смертный часть, Свой разумъ искусивъ не разъ, Солнце сегодня за тучей, Нѣтъ, я не назову обманомъ — стихотвореніе въ Отеч. Запискахъ 1873 г.; 30) Счастливые люди, повѣсть, въ Отеч. Запискахъ 1874 г., № 4.

Рец. а) Смызъ Отечества 1874 г., № 104; б) Гражданинъ 1874 г., № 9 (П. Павлова); в) С.-Пб. Вѣдомости 1874 г., № 114.

31) На вечерѣ (изъ записной книжки), въ Отеч. Запискахъ 1876 г., № 1. 32) Альбомъ, въ Вѣстн. Европы 1877 г., мартъ. Отдѣльно: С.-Пб. 1879, 8°. 33) Изъ записной книжки, въ Отеч. Запискахъ 1877 г., № 1. 34) Между друзьями, въ Отеч. Запискахъ 1877 г., № 10. 35) Некуда, романъ, въ Вѣстн. Европы 1878 г.

Рец. въ Journal de St.-Pétersbourg 1878 г., мартъ.

Тутъ же указавъ ея псевдонимъ. 36) Былое, романъ, въ Отеч. Запискахъ 1878 г., № 2 (ч. 1-я, но продолженія не было; см. письмо автора въ редакцію, ibid. № 5, въ Современномъ Обзорѣніи). 37) Встрѣча, романъ. С.-Пб. 1880, 8°. 38) Очерки и отрывки. С.-Пб. 1880, 8°. 39) Повѣсти, 4 тома. С.-Пб. 1880—84, 8°. 40) Провинція въ старые годы. С.-Пб. 1884, 8°. 41) Обязанности, романъ (Сѣверн. Вѣстникъ 1885 г., № 1; 1886 г., №№ 2, 4, 8, 12. Отдѣльно: С.-Пб. 1886, 8°; С.-Пб. 1888, 8°. 42) На память 1850 — 1884 (повѣсти). С.-Пб. 1885, 8°. 43) стихотворенія, въ Пантеонѣ и репертуарѣ русск. сцены 1850 г. 44) Бѣлокурные волосы, романъ С. Фарина. Пер. съ итальянскаго. С.-Пб. 1882, 8°. 45) Недда, рассказъ Д. Верга. Пер. съ итальянскаго (Вѣстн. Европы 1888 г., № 1); 46) Жить, какъ люди живутъ. Заброшенный дневникъ (ibid., 1888 г., № 5); 47) Книга для дѣтей. Дневникъ школьника, Эдмонда де-Амичисъ. Редакція перевода и предисловіе В. Крестовскаго (псевдонимъ). С.-Пб. 1889, 8°.

О ней: а) псевдонимъ ея указавъ Н. Шелгуновымъ (въ журналѣ Дѣло 1870 г., № 9), Межовымъ (Систем. каталогъ С.-Пб. 1869, стр. 789, 943), Толлемъ (Справ. Словарь, ч. 2); б) сообщила въ Русс. Архивъ 1870 г., № 6, ст. 1161—1166, рассказы П. П. Новосильцева; в) Отеч. Записки 1855 г., № 1 и 1859 г., № 6, стр. 102; г) Р. Бесѣда 1857 г., № 1 (К. Аксакова); д) С.-Пб. Вѣдомости 1859 г., № 33; е) Разсвѣтъ 1859 г., № 6, ст. Д. Писарева; ж) Иллюстрація 1859 г., № 7; з) Р. Листокъ 1862 г.; и) Библ. для Чтенія 1863 г.,

№ 2; и) К. К. Арсеньевъ.* Критическіе этюды по русской литературѣ, т. I. С.-Пб. 1888.

Хвоцинская, Софья Дмитріевна, сестра писательницы Надежды Дмитріевны Хвоцинской; род. 1828 г. † 5-го августа 1865 г., въ Рязани; писала иногда подъ псевдонимомъ Иванъ Весеневъ.— 1) Знакомые люди, въ Отечествен. Запискахъ, т. 91. 2) Наслѣдство тетушки, *ib.*, 1858 г., т. 117. 3) Простые смертные, очерки изъ провинціальной жизни, въ Отеч. Запискахъ 1858 г., т. 120. 4) Мудреный человѣкъ, повѣсть, въ Отеч. Запискахъ 1861 г., № 6—8. 5) Земныя радости и радости нашего переулка, въ Отеч. Запискахъ 1862 г., № 6. 6) Кое-что изъ нашихъ нравовъ, въ Отеч. Запискахъ 1862 г., № 9. 7) Маленькія бѣды, очеркъ настоящаго, Библіотека для чтенія 1865 г., № 3. 8) Переводъ сочиненія Дж. Ст. Милля: *On liberty* въ рукописи.

О ней: а) некрологъ, въ Календарѣ на 1867 г., стр. 95; б) Иллюстр. Газета 1865 г., № 32, стр. 111; в) Геннади, въ Р. Архивѣ 1867 г., ст. 979; г) по извѣстіямъ ея некрологовъ, была замѣчательною портретисткою и написала портретъ художника А. А. Иванова, бывшій на выставкѣ 1859 года; д) Настояльн. Словарь, Толля, дополненіе, ч. I. С.-Пб. 1875, стр. 171.

Хераснова Елизавета Васильевна, рожд. Неронова, супруга писателя М. М. Хераскова (род. 1733 г. † 26-го сентября 1807 г.), „Россійская Де-ла-Сюзъ“, по отзыву Новикова (Словарь. М. 1772, стр. 235). Умерла въ 1809 г.—1) Надпись къ портрету Е. Я. Державиной, въ Памятникъ Отечествен. Музъ, 1827 г., стр. 103. 2) Стансы: „Взирая на поля, на злачные дуга“, въ Аоніадахъ 1796 г. кн. 1, стр. 70 (перепечатано въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 30 № 21). 3) Потоицъ, по расположенію г. Геснера, въ Вечерахъ 1772 г., стр. 160. 4) Стансы: „Не долженъ человѣка“, въ Полезномъ Увеселеніи 1760 г., ч. 2, стр. 139. 5) Стансы: „Будь душа всегда спокойна“, *ibid.*, стр. 189. 6) Молитва: „Къ тебѣ, Творецъ“, *ib.*, стр. 193. 7) Сонетъ: „Къ чему желаешь ты“, *ib.* 1761 г., ч. 3, стр. 191. 8) Надежда, стихотвор., *ib.*, ч. 4, стр. 202. 9) Ей приписываютъ (по показанію Макарова) переводъ съ французскаго книги: Геройскій духъ и любовныя проклады Густава Вазы. С.-Пб. 1764, 8°; 10) Новая сельская библіотека или отборныя повѣсти, важныя и любопытныя, выбранныя изъ наилучшихъ древнихъ и нынѣшнихъ писателей. С.-Пб. 1779—1781 (Макаровъ, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 30, № 21).

О ней: а) *Gemälde v. St.-Petersbourg* 1774 г., 2-ter Theil; б) Лонгиновъ, Новиковъ и московскіе мартинисты. М. 1867, стр. 119 и 235; в) Галаховъ, Исторія русск. словесности. С.-Пб. 1868, ч. 2; г) *Leclerc, Histoire de la Russie moderne*. Paris. 1783, pg. 86; д) *Joh. Bernouilli's, Reisen etc.* Leipzig. 1780,

pg. 124; е) Новдковъ: Опытъ словаря, въ изданіи Ефремова. С.-Пб. 1867, стр. 114—115; ж) На смерть Е. В. Херасковой, В. Измайлова, Вѣстн. Европы 1809 г., № 21, стр. 28; з) то же, В. Л. Пушкина, *ibid.*, № 22, стр. 120; и) по отзыву *Essai sur la littérature russe*, помѣщала стихотворенія въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (Матеріалы, П. А. Ефремова, стр. 141); і) Дмитріевъ: Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869, стр. 29—30 и 79; к) Толль, Настольн. Словарь, 3, 922; л) Сочиненія Державина, изд. Я. К. Грота, 5, 308—309, 517—518, 549; 806—807; 819—820; 783—784; м) Мордовцевъ: Русскія женщины второй половины XVIII вѣка. С.-Пб. 1874, стр. 170—174; н) Макаровъ, въ Дамск.-Журналѣ 1830 г., ч. 29; о) Воспоминаніе о М. М. Херасковѣ, какъ о драмат. писателѣ, въ Репертуарѣ и Пантеонѣ 1845 г., т. 9, кн. 2, стр. 441—453; п) Руссовъ, 44—45; р) Отрывки изъ переписки А. П. Сумарокова (Отч. Записки 1858 г., февраль, кн. 2).

Херодинова, А.—Де-Прессансе: Роза, повѣсть для дѣтей, пер. съ фр. М. 1875, 8^о.

Хилкова, княгиня Елизавета Григорьевна, рожд. княжна Волконская, дочь князя Григорія Ивановича и кн. Екатерины Платоновны, р. Сумароковой, сестры писателя Панкратія Платоновича Сумарокова, супруга д. ст. совѣт. князя Дмитрія Александровича Хилкова.—

Воспоминанія объ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, въ Русск. Архивѣ 1873 г., ст. 1121.

Хитрово, Елизавета Михайловна, рожд. Кутузова (дочь кн. Михаила Ларионовича), род. 1783 г. † 2-го мая 1839 г.; въ первомъ бракѣ, за гр. Феодоромъ Ивановичемъ Тизенгаузеномъ († 1805).— Письмо къ Пушкину, Новое Время 1880 г., отъ 18-го іюля (изъ газеты Берегъ).

О ней: Полное собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго, т. VIII и IX.

Хозяйка.—Роцензія на книгу г-жи А. М. Домашній столъ (М. 1878), въ Моск. Вѣдомостяхъ 1878 г., № 301.

Хозяйка изъ Тамбова.—Сотрудница журнала Русская Хозяйка.

Хомутова, Анна Григорьевна (род. 1884 г. въ Москвѣ, † 1856 г.), дочь генералъ-лейтенанта Григорія Аполлоновича и Екатерины Михайловны рожд. Похвисневой.— Два отрывка изъ Записокъ ея о 1814 годѣ и объ А. С. Пушкинѣ, въ Р. Архивѣ 1867 г., № 7, съ послѣсловіемъ кн. П. А. Вяземскаго.

О ней: а) стихи ей Лермонтова, въ Русск. Архивѣ 1867 г., ст. 1051; б) Мордовцевъ: Русскія женщины XIX столѣтія. С.-Пб. 1874; в) стихи ей Козлова: Къ другу весны моей, послѣ долгой, долгой разлуки, въ Стихотвореніяхъ, изд. 1855 г., т. II, стр. 256—259; г) воспоминанія о ней Екатерины Розе, ея воспитавницы, въ Русск. Архивѣ 1867 г., ст. 1049—1052.

Хотяинцева, Екатерина.—Преступленіе, трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. Мюльнера, пер. съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1833. 8^о. Пред-

ставлено въ первый разъ на Александринскомъ театрѣ 26-го іюля 1833 года. Посвящено Павлу Ивановичу Хотяинцову.

Рец. въ Библ. для Чтенія 1834 г., т. 2, отд. VI.

Хохрякова.—Оленька, повѣсть, соч. Хохрякова; изд. Образцова и Хохряковой. С.-Пб. 1876, 12°.

Храповицкая, Марья Васильевна, въ замужествѣ Сушкова (см. это имя).

Хрипкина, Е.—Путевныя записки странницы. С.-Пб. 1860, 8°.

Христианна; см. Хвостова А. П.

Хрусталева, Софья К.—1) Колбасы, въ журналѣ Русская Хозяйка 1861 г. № 11; 2) Поддѣлка дерева для мебели, *ib.*; 3) Сыворотка фруктовая, *ib.*; 4) Постоянная сотрудница журнала Русская Хозяйка.

Царевская, Е. А.—1) Методика начальной ариметики, переводъ съ нѣмецкаго. Кіевъ. 1876, 8°; 2) Задачникъ начальной ариметики, А. Беме, перев. съ нѣмецкаго. Кіевъ. 1876, 8°; 3) Ночь, стихотвореніе. Посвящается бабушкѣ Александрѣ Куриловнѣ. Кіевъ. 1869, 8°.

Цвѣткова, Александра.—1) Радость Русскихъ при возвращеніи Ихъ Императорскихъ Высочествъ великихъ княгинь Маріи Николаевны и Маріи Павловны, стих., въ Маякѣ 1841 г., ч. 24; 2) 19-го мая 1841 г. (по случаю полученія брильянтовыхъ серегъ отъ государя императора), въ Москвитянинѣ 1842 г., № 4.

Цебрикова, Марья Константиновна.—1) Женщины американской революціи, въ Вѣстникѣ Европы 1870 г., іюль и августъ; 2) Герои молодой Германіи, *ibid.*, № 6, 7 и 8, по поводу романа Шпильгагена: „Одинъ въ полѣ не воинъ“ (Библиогр. замѣч. о статьѣ г-жи Цебриковой, въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1870 г. № 108); 3) Женскіе типы Шпильгагена, въ Отеч. Запискахъ 1869 г., іюнь и декабрь (о романѣ „Фонъ-Гогенштейнъ“).

Рец. въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ 1869 г., № 167.

4) Мишурный вѣкъ, романъ Морисъ-Туэйнъ и Чарльзъ Дэдлей-Уарнеръ. С.-Пб. 1874, 8°.

Рец. Русскій Миръ 1874 г., № 194.

5) Быль и вымыселъ, сборникъ рассказовъ для старшаго возраста. С.-Пб. 1876, 8°; 6) Записки гувернантки, повѣсть. С.-Пб. 1875, 8°; 7) Дѣтскіе рассказы, съ рисунками. С.-Пб. 1875, 8°; 8) Американки XVIII в. С.-Пб. 1871, 8° (безъ предварительной цензуры). Составлено по мемуарамъ м-съ Эллетъ.

Рец. а) Дѣло 1871 г., № 2; б) Вѣст. Европы 1871 г., № 2; в) Недѣля 1871 г., № 6; г) Русск. Лѣтопись 1871 г., № 6; д) С.-Пб. Вѣдомости 1871 г.,

№ 8; е) Дѣтскій Садъ 1871 г., № 2; ж) Педагогич. Листокъ при Дѣтск. Читеніи 1871 г., № 2; з) Отечеств. Записки 1871 г., № 12.

9) Предисловіе къ книгѣ: Подчиненность женщины, перев. подъ редакцію М. Вовчка, изд. 2-е. С.-Пб. 1870, 8°; 10) Разказы о погибшихъ дѣтяхъ, съ подписью Н. Р., 2 выпуска. С.-Пб. 1871—1874, 8°.

Рец. С.-Пб. Вѣдомости 1873 г., № 26.

11) Оливеръ Твистъ, романъ Чарльза Диккенса, перев. съ англ. С.-Пб. 1874, 8°.

Рец. С.-Пб. Вѣдомости 1874 г., № 2.

12) Эмиль XIX вѣка, Альфонса Эскироса, перев. съ французскаго подъ редакцію М. Цебриковой, съ приложеніемъ статьи: Теорія воспитанія, Спенсера. С.-Пб. 1871, 8°; изданіе 2-е. С.-Пб. 1874, 8°.

Рец. а) С.-Пб. Вѣдомости 1874 г., № 316; б) Недѣля 1875 г., № 7, стр. 258—265; в) Петерб. Листокъ 1874 г., № 246; г) Вѣстн. Европы 1871 г., № 5; д) Вирж. Вѣдомости 1870 г., № 309; е) Отеч. Записки 1871 г., № 5; ж) Бесѣда 1871 г., № 5; з) Дѣло 1871 г., № 7; и) Новости 1871 г., № 8.

13) Медицина и медики, Э. Литтре, перев. съ французскаго. С.-Пб. 1873, 8°.

Рец. а) С.-Пб. Вѣдомости 1873 г., № 134; б) Вѣстникъ Европы 1873 г., № 6; в) Голось 1873 г., № 190.

14) Лѣтописецъ темнаго царства. Рецензія на сочиненія Θ. М. Рѣшетникова (М. 1874), въ „Сборникѣ“ газеты Недѣль 1872 года, стр. 75—125.

15) Комическая драма „Ваалъ“. Рецензія на „Комедіи, драмы и трагедіи А. Писемскаго“, въ Недѣль 1873 г., №№ 41 и 42.

16) Гуманный защитникъ женскихъ правъ, въ Отечественныхъ Запискахъ, 1870 г., № 2, (по поводу романа А. Писемскаго: Люди сороковыхъ годовъ); 17) Англичанки-романистки, Отечеств. Записки 1871 г., №№ 8, 9, 11; 18) Псевдоновая героиня (о романѣ „Обрывъ“, Гончарова), въ Отечеств. Запискахъ 1870 г., т. 191; 19) Идеаль воспитанія XIX вѣка, въ Дѣтск. Садѣ 1871 г., № 3—5 (по поводу собственнаго перевода: „Эмиль XIX столѣтія“); 20) Изъ огня да въ полымя (критическая статья по поводу книги М. В. Авдѣева: Три повѣсти. С.-Пб. 1871), въ Вѣстн. Европы 1871 г., № 6; 21) Записки идеалистки между двумя революціями 1830—1848 гг. Мемуары женщины Германіи сороковыхъ годовъ. Перев. съ франц. С.-Пб. 1871, 8°; 22) Депутатъ города Парижа. Повѣсть изъ временъ второй имперіи, перев. съ англійскаго. С.-Пб. 1872, 8°.

Рец. а) Вѣстн. Европы 1872 г., № 11; б) Дѣло 1873 г., № 2; в) Новое Время 1872 г., № 149; г.) С.-Пб. Вѣдомости 1873 г., № 6.

23) Шелли, въ Отеч. Запискахъ 1873 г., №№ 1 и 5; 24) Послѣднее путешествіе Ливингстона по Африкѣ, перев. съ англійск., подъ ред. М. Цебриковой; изданіе А. Якоби. С.-Пб. 1876, 8°; 25) Духъ компромисса въ Англіи, въ Отечеств. Запискахъ 1875 г., № 9; 26) Патриція Кэмбаль, романъ, перев. С.-Пб. 1875, 8°; 27) Мередитъ, Джорджъ: Карьера Бьючэмпна, романъ, перев. съ англ. С.-Пб. 1876, 8°; 28) Семь братьевъ и сестра, Луизы Олькотъ; перев. съ англ. О. Бутеновой, подъ ред. М. Цебриковой. С.-Пб. 1876, 8°; 29) сотрудница Нового Времени 1877 г. (см. объявленіе въ Голосѣ 1876 г., № 315, отъ 14-го ноября); 30) Жоржъ Сандъ, въ Отечеств. Запискахъ 1877 г., №№ 6 и 7; 31) Баронъ Штейнъ, перев. съ франц., въ Живоп. Обзорѣніи 1880 г., ч. 1, стр. 266 и 275; 32) Литературные профили XIX вѣка, въ Отеч. Запискахъ 1877 г., № 10 и 12; 33) Мысль и трудъ, рассказы. С.-Пб. 1883, 8°; 34) Къ вопросу о любви и ея морали. С.-Пб. 1884, 8°; 35) Два романтизма во Франціи (Сѣверный Вѣстникъ 1886 года, №№ 11—12); 36) Наши бабушки (по поводу женскихъ характеровъ въ романѣ „Война и Миръ“ (Отеч. Записки 1868 г., № 6, съ подписью: Николаева); 37) Беллетристы-фотографы (ibid. 1873 г., № 12, безъ подписи); 38) Современная германская эпопея. Вальфридъ, романъ Ауэрбаха (ibid. 1874 г., № 10, безъ подписи); 39) Два мотива современной поэзіи. Poésies de L. Askermann. Poems of George Elliot (ibid. 1876 г., № 5, безъ подписи); 40) Зеленый островъ. Рассказъ о томъ, что такое деньги, торговля и трудъ. Изд. ред. журнала Воспитаніе и Обученіе. С.-Пб. 1878; 41) Первые три года жизни ребенка, Пэре-Бернара. Пер. съ франц. Съ прилож. ст. Бэна: „Воспитаніе, какъ наука“. С.-Пб. 1879; 42) Сказка про трехъ мужиковъ и бабу-вѣдунью. С.-Пб. 1879; 43) О компромиссѣ, Джона Морли. Пер. съ 2-го изданія, съ предисловіемъ и статьею „О духѣ компромисса въ Англіи. С.-Пб. 1881; 44) Историческіе рассказы. Изд. редакціи журнала „Воспитаніе и Обученіе“. С.-Пб. 1881; 45) Замѣтка референта журнала Воспитаніе и Обученіе (Дѣло 1881 г., № 6); 46) Народъ въ литературныхъ эскизахъ (ibid. 1882 г., №№ 1, 2, 8); 47) Высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ (ibid. 1882 г., № 4); 48) Исторія XIX вѣка, Мишле, 3 тома. С.-Пб. 1882—1884; 49) Датская литература (Дѣло 1883 г., № 10); 50) Поэтъ-мыслитель (Poésies de Sully-Prudhomme), въ Русск. Мыслѣхъ 1887 г., № 2; 51) Столѣтняя дѣтская книга (ibid. 1888 г., № 8); 52) Съ 1876 по

1880 г. принимала дѣятельное участіе, въ изданіи и редакціи педагогическаго журнала Дѣтскій Садъ, переименованный въ 1877 году въ Воспитаніе и Обученіе. Нѣкоторыя статьи помѣщены здѣсь безъ подписи или съ подписью: М. Артемьева; 53) Съ этою же подписью помѣщались разныя статьи въ журналѣ Женское Образование; 54) сотрудница Недѣли 1870—1875 гг., гдѣ встрѣчаются статьи критическія и литературныя безъ подписи и съ подписью: Н. Р.; 55) сотрудница Заграничнаго Вѣстника, Корша, журнала Слово 1881 г., Живописнаго Обзорнія 1882—1888 гг., Русскаго Богатства 1882—1888 гг., Нови и Педагогическаго Листка за 1883 г., Русскаго Курьера 1884 г. и Новостей за 1888 годъ, гдѣ печатались различные фельетоны; 56) Мольеръ, его жизнь и произведенія, этюдъ (Пантеонъ литературы 1888 г., № 6—8); 57) Очерки Ирландской жизни. Изъ записокъ В. Стюарта Тренча. Пер. съ англ. С.-Пб. 1873; 58) Потомокъ Тайроновъ, романъ Макъ-Карти.—Пуритане, хроника XVII вѣка, Джона Марша (Собраніе современныхъ англійскихъ беллетристовъ). С.-Пб. 1874; 59) Новая жизнь, романъ въ 3-хъ частяхъ, Бертольда Ауэрбаха. С.-Пб. 1876.

Ценина, Е. (въ сотрудничествѣ съ Э. Евронеусъ).—Желѣзныя дороги, пароходы, телеграфы и проч., рассказы для дѣтей. Перев. съ англ., съ 13 рисункъ. С.-Пб. 1864, 16^о.

Рец. а) Современникъ 1865 г., № 1. б) Русск. Пивальдъ 1835 г., № 12 в) Кн. Вѣстникъ 1864 г.

Циглеръ, Надежда Никандровна, воспитанница Патриотическаго института.—Переводы въ Лучахъ 1854 г.

Ц—ская, Е.—Что мѣшаетъ быть женщиной самостоятельной (по поводу романа Чернышевскаго: „Что дѣлать“), въ Библ. для Чтенія 1863 г., № 9.

Ч.—подпись Л. Я. Черкасовой (см. это имя).

Чалышова, княжна, въ замужествѣ Костромитинова, воспитанница Смольнаго монастыря.—Сцены степей оренбургскихъ, въ Лучахъ 1850 г., № 1.

Чашникова, Марья.—Сирота, стихотвор., въ Данскомъ Журналѣ 1829 г., ч. 28.

Ч—ва, Т—а. Письмо (литературнаго содержанія) полученное издателемъ Сына Отечества „отъ одной почтенной дамы“, въ Сынѣ Отечества 1819 г., ч. 52, стр. 286.

Чепелевская, Прасковья Ильинишна, † 7-го іюля 1881 года въ Москвѣ, учредительница женской Учительской семинаріи въ Москвѣ

предсѣдательница Александровскаго комитета общества Краснаго Креста.—1) Элементарный курсъ французскаго языка, уроки для чтенія и правописанія для низшихъ классовъ въ учебныхъ заведеніяхъ, на русск. и франц. языкахъ. С.-Пб. 1861, 8°; 2) Специальное ремесленное отдѣленіе при руководѣльной школѣ, на Софійской набережной. М. 1870. 8°.

Некрологъ, въ газетѣ Добро 1881 г., № 14—18.

Черкасова, Лидія Яковлевна, родилась 31-го іюля 1839 г., въ Нижнемъ-Новгородѣ, дочь Якова Мартыновича и Варвары Петровны Черкасовыхъ; подписывалась: Долинская и буквами Ч. и Л. Ч.—1) Маска, въ Развлеченіи 1859 г., іюль (подъ псевдонимомъ: Долинская). 2) Послѣдній вечеръ моего двадцатаго года (подписано Ч.). 3) Дѣвичникъ, въ Развлеченіи 1861 г. (подписано Ч.). 4) Элегія на кончину цесаревича Николая Александровича (въ рукописи). 5) Юристенвальст, Русскій Міръ 1862 г. 6) Игра природы, въ Развлеченіи 1862 г. 7) Скромная доля, повѣсть, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1869 г., декабрь. 8) Мальвина, въ Развлеченіи 1862 г. 9) Романъ на желѣзной дорогѣ, въ Развлеченіи 1868 г. (подписано Л. Ч.).

Черкасская, княгиня Екатерина Алексѣевна, супруга д. с. с. князя Владиміра Александровича (род. 1824 г. † 19-го февраля 1878 г., въ Санъ-Стефано).—1) Дѣтскія колыбельныя пѣсни и прибаутки, съ литографіями и нотами; посвящено русскимъ дѣтямъ. Страсбургъ-1869, 1870, 4°.

Рец. а) Москов. Вѣдомости 1870 г., № 40. б) Голось 1870 г., январь.

2) Принимаетъ участіе въ дѣятельности Общества для распространенія полезныхъ книгъ (въ Москвѣ).

Чернева. — Издала повѣсть Римской - Корсаковой (см. это имя): „Смѣлый и безразсудный, изъ воспоминаній юности о своемъ дѣтствѣ“. М. 1873, 12°.

Чернова, Л.—Очерки изъ исторіи женскаго воспитанія. Смольный институтъ, въ журналѣ Женское Образование 1878 г., № 8.

Чернохвостова, А.—Силуэты пятидесяти русскихъ литераторовъ и ихъ краткія біографіи. Составилъ В. Д. К. Изданіе А. Чернохвостовой. С.-Пб. 1877, 12°.

Чернышева, графиня Анна Родіоновна, рожд. Велель, р. 1743 г. † 8-го іюля 1830 г., въ Смоленскѣ; фрейлина (1762 г.) и статсъ-дама (1773 г.), супруга генераль-фельдмаршала графа Захара Григорьевича.—Сочинила стихотвореніе на собственное бракосочетаніе, помѣщенное въ Москов. Вѣдомостяхъ того же года, по показанію М. Н. Лонгинова, въ Русск. Архивѣ 1865 г., № 12, ст. 1520.

Чертнова, Елизавета Ивановна, рожд. графиня Чернышева-Бругликова, супруга генераль-адъютанта Григорія Ивановича Черткова. Состоить (съ 1876 г.) одною изъ учредительницъ Общества поощренія духовно-правственнаго чтенія, имѣющаго цѣлю не только перепечатку прежде напечатанныхъ полезныхъ книгъ, но и изданіе новыхъ (Указ. по дѣламъ печати 1876 г., № 24, отд. 1, стр. 16).

Чистянова, Софья А.—1) Татары, въ Семейн. Вечерахъ 1871 г., № 2; 2) сотрудница Семейныхъ Вечеровъ, подъ редакціею С. Кашпиревой. 3) Радость и горе, здѣсь и тамъ, по Вильдермуту. С.-Пб. 1869, 8°; изд. 2-е. С.-Пб. 1882, 8°. 4) На высотѣ, романъ Б. Ауэрбаха, перев. съ нѣмецкаго, въ 2 ч., С.-Пб. 1873, 8°. 5) Новая Зеландія и остальные острова Южнаго океана, Ф. Кристманъ и С. Оберлэндеръ, пер. съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1872—1875. 8°. Рец. Биржа 1872 г., № 139.

6) Исторія кусочка угля. С.-Пб. 1872, 8°. 7) Дѣти, рассказы для крошечныхъ дѣтей. С.-Пб. 1873, 4°. 8) Рассказы изъ жизни животныхъ. С.-Пб. 1875, 4°. 9) Исторія Петра Великаго, для юношества. Составлена по Голикову, Устрялову и Соловьеву. С.-Пб. 1875, 8°. 10) Сказка Бова Королевичъ. С.-Пб. 1880, 8°. 11) Сказка Василиса Прекрасная. С.-Пб. 1880, 8°. 12) Сказка Емеля-дурачекъ. С.-Пб. 1880, 8°. 13) Сказка Илья Муромецъ. С.-Пб. 1880, 8°. 14) Собраніе русскихъ народныхъ сказокъ. С.-Пб. 1880, 8°. 15) Лѣто. Новые повѣсти и рассказы, преимущественно изъ русскаго быта. С.-Пб. 1881, 8°. 16) Осень. Новые повѣсти и рассказы. С.-Пб. 1881, 8°. 17) Жизнь и приключенія Робинсона Крузо, Д. Дефо. Обработано для дѣтей. С.-Пб. 1882, 8°. 18) Рассказы изъ жизни животныхъ. С.-Пб. 1883, 8°.

Чувашинская, (псевдонимъ?), Дарья Галактионовна.—1) Ратафія изъ черной смородины, въ журналѣ Русская Хозяйка 1861 г., № 11. 2) Постоянная сотрудница журнала Русская Хозяйка.

Чурай, Маруся (Марья) Гордѣевна, род. 1628 г., въ Полтавѣ, † послѣ 1648 г., дочь урядника Полтавскаго полка, сожженнаго на кострѣ, въ Варшавѣ; была 1648 году тоже приговорена, къ смертной казни, но помилована „ради сладкихъ ея пѣсень“; импровизаторша малороссійскихъ пѣсень и одна изъ лучшихъ пѣвицъ своего времени на Украинѣ.—Ея пѣсни (положительно ей приписываемы): 1) „Віють вѣтры, віють буйны“... 2) „Грицю, Грицю, до работы! Въ Грици порваны чобѣты“... 3) „Засвистали возаченьки Въ походъ съ полуночи“... 4) „Котылыся возы съ горы, да въ до-

лині стали“... 5) „Сидить голубъ на берези, голубка на вишни“... 6) „Ой, не ходи, Грицю, на вечерниці: Бо на вечерницахъ дівки чаровниці“...

О ней: а) Подробная біографія, съ отрывками ея пѣсень, въ ст. В. Шляревскаго: Маруся Чурай, въ Пчелѣ 1877 г., № 45. 6) Маруся, малороссійская Сафо, рассказъ князя А. А. Шаховскаго, въ 1 т. сборника Сто русскихъ литераторовъ. С.-Пб. 1839. в) Соч. Бѣлинскаго, III, 61—62.

Чурмантѣва, княжна Вѣра.—Стихотворенія, въ Библ. для Чтенія начала 40-хъ годовъ.

Ш—, А., дѣвица.—Совѣты матери своей дочери, соч. госпожи маркизы де-Ламбергъ; новое изданіе, съ присовокупленіемъ историческаго предувѣдомленія о сочинительницѣ, замѣчаній г-жи Дюфренуа и изреченій Плутарха, Цицерона, и проч., пер. съ фр. С.-Пб. 1834, 12°.

Ш., Александра С.—1) Московскіе женихи и невѣсты, въ Москвитянинѣ 1856 г., кн. 3 и 4. 2) Моды, платья и наряды московскихъ дамъ, ib. 1856 г., кн. 2.

Ш., Софія.—Къ Россіи и сестрамъ милосердія, отправляющимся въ Крымъ, стихотв., въ Русск. Инвалидѣ, 1854 г., № 258.

Ш—а, Е—а.—Добродѣтельный человѣкъ послѣ смерти, въ Дамск. Журналѣ, 1827 г., ч. 19.

Шабалина, Варвара.—1) Къ жителямъ Уральскихъ горъ, стихи, въ Дамск. Журналѣ, 1827 г., ч. 20. 2) Романъ, ibid.

Шабанова, А., докторша, ординаторъ при Дѣтской больницѣ принца Ольденбургскаго, въ С.-Петербургѣ, у доктора Раухфуса (1878 г.).—1) Диссертация на ученую степень; 2) Безпомощное положеніе хронически больныхъ дѣтей бѣдныхъ родителей. С.-Пб. 1886, 8°.

Шалинова, княжна Александра Ивановна, сестра кн. П. И. Шаликова, издателя Дамскаго Журнала и Московскихъ Вѣдомостей.—1) Стихи Е. И. В. Александру Первому, Самодержцу Всероссійскому, на прибытіе въ Москву. М. 1801, 4°. 2) На отъѣздъ въ деревню М. Н. Х—ой, въ Пріятн. и полезн. препр. времени 1797 г., т. 15, стр. 237. 3) Надгробіе Д. А. Ш., ibid. 1798 г., т. 18, стр. 64. 4) На смерть Ф. П. В—ой, ibid., т. 20, стр. 319. 5) Пѣсня для Ф. В. К.: „Лишь только вступила“... въ Пріятн. и полезн. препр. времени 1798 г., ч. 17, стр. 302. 6) Альбомъ, пер. съ франц., въ Дамск. Журналѣ 1833 г., ч. 41, стр. 38—39. 7) Фортепяно, ibid., № 4, стр. 38—39. 8) Письмо къ редактору журнала Время, по поводу статьи (Е. Колбасина) о графѣ Д. И. Хвостовѣ: „Пѣвецъ Кубры“, въ журналѣ Время 1862 г., № 11.

О ней: а) Русск. Архивъ 1865 г., № 10; 6) Макаровъ, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 31, № 27.

Шаликова, княжна Наталья Петровна, дочь издателя Московских Вѣдомостей и Дамскаго Журнала, князя Петра Ивановича, писала подъ псевдонимомъ Е. Нарская (псевдонимъ указанъ, между прочимъ, въ Древней и Новой Россіи 1877 г., № 10, стр. 160).—

1) Первое знакомство со свѣтомъ, въ Современникѣ 1855 г., № 6. 2) Елена, разсказъ, тамъ же, № 10. 3) Все къ лучшему, тамъ же, № 12. 4) Семейныя сцены, въ Р. Вѣстникѣ 1856 г., т. 2. 5) Свободный выборъ, повѣсть, въ Русск. Вѣстникѣ 1858 г., №№ 17—18. 6) Двѣ сестры, романъ. М. 1858, 8°.

Рец. Современникъ 1858 г., т. 70, отд. 2.

7) Корреспонденція изъ Праги, въ Современ. Лѣтописи Русск. Вѣстника 1870 г., № 21. 8) Изъ-за куска хлѣба. Повѣсть изъ духовнаго быта. М. 1876, 16°.

О ней: а) Мордовцевъ: Русскія женщины второй половины XVIII столѣтія. С.-Пб. 1874. б) Отеч. Записки 1855 г., т. 101, отд. IV. в) Разсвѣтъ 1859 г., № 5, библиографія.

Шамбина, А. — Экономическая книга для молодыхъ и неопытныхъ хозяекъ. С.-Пб. 1860, 16°; изд. 2-е, исправл. и значительно дополненное. С.-Пб. 1868, 16°.

Шанина, О.—Гигіена и гимнастика голоса, его усовершенствованіе и восстановленіе, д-ра Дебъ; пер. съ фр. М. 1877, 8°.

Шапиро, Ольга. — 1) Одна изъ многихъ, романъ, въ Отеч. Запискахъ 1879 г., № 3 и 4; 2) Антиподы, ром. въ Отеч. Запискахъ 1880 г., №№ 8—10; 3) Сотрудница журнала Слово; 4) Повѣсти и разсказы. С.-Пб. 1889.

Шахова, Елизавета Никитишна, род. 30-го марта 1821 г., въ С.-Пб. Дочь флота капитанъ-лейтенанта Никиты Ивановича и Клеопатры Евстафьевны Шаховыхъ; въ 1845 г., пріяла иноческій чинъ въ Тверскомъ Рождственскомъ монастырѣ, съ именемъ Маріи.— 1) Опытъ въ стихахъ пятнадцатилѣтней дѣвицы Елисаветы Шаховой (писано въ 1836 г.). С.-Пб. 1837, 8°. Напечатано на иждивеніе Россійской Академіи, авторъ же удостоенъ отъ нея золотой медали.

Рец. а) Библ. для Чтенія, т. 25, отд. 6; б) Сѣв. Пчела 1837 г., № 214; в) Литер. Прибавл. къ Русск. Инвалиду 1838 г., № 1.

2) Стихотворенія Елисаветы Шаховой. С.-Пб. 1839, 8°. Издано Россійскою Академіею. Авторъ получилъ Высочайшіе подарки (бриліантовый фермуаръ и перстень, усыпанный бриліантами).

Рец. а) Библ. для Чтенія 1839 г., т. 37, отд. 6; б) Журн. Мнн. Нар. Просвѣщенія 1840 г., т. 25, отд. 6; в) Сынъ Отечества 1839 г., т. 11, отд. 4; г)

Сѣв. Пчела 1839 г., № 254; д) Соч. и переписка П. А. Плетнева, т. Ц. С.-Пб. 1885, стр. 286—287.

3) Повѣсти въ стихахъ. С.-Пб. 1842, 8°.

Ред. а) Библи. для Чтенія 1842 г., т. 52, отд. 6; б) Сѣв. Пчела 1842 г., № 124; в) Русск. Вѣстникъ 1842 г., т. 5 (ст. Н. Полевого); г) Соч. и переписка П. А. Плетнева, т. Ц. С.-Пб. 1885, стр. 339—340.

4) А—ѣ Л—ѣ Б—ъ, стихотвореніе, въ Сынѣ Отечества 1838 г., т. 3, стр. 103—104; 5) Покровителю, стихотвореніе, въ Современникѣ 1839 г., т. XV; 6) Женщина и балъ, стих., въ Современникѣ 1840 г., ч. 19; 7) Рѣшимость, стихотв., *ibid.*, ч. 17; 8) Мечтатель, стихотв., *ibid.*, ч. 20; 9) Три зари, стихотв., въ Сынѣ Отечества 1840 г., № 7; 10) Къ подругѣ, стихотв., въ Библи. для Чтенія 1839 г., т. 35, отд. 1; 11) Элегія на разлуку съ родиной, Одесск. Альманахъ на 1840 г.; 12) Галопадъ, стихотв., въ Современникѣ 1841 г., ч. 21; 13) Два сна, стихотв., *ibid.*, ч. 24; 14) Стансы, стихотв., *ibid.* 1842 г., ч. 26; 15) Двѣ прогулки въ Новодѣвичій монастырь, въ Сынѣ Отечества 1842 г., № 9; 16) Правый и неправый судъ, стих., въ Современникѣ 1843 г., ч. 29; 17) Двѣ думки, стих., въ Современникѣ, ч. 32; 18) Происхожденіе арфы, стих., *ibid.* 1844 г., ч. 34; 19) Имяниннику, стихотв., *ibid.*, ч. 34; 20) Мірянка и отшельница. С.-Пб. 1849, 16°.

Ред. а) Отеч. Записки 1849 г., т. 64, отд. 6; б) Современникъ 1849 г., т. 16. Цenzурою значительно сокращенъ былъ рукописный текстъ.

21) Бенедиктову, стихотв., въ Библи. для Чтенія 1839 г., т. 32, отд. 1; 22) Къ Линѣ, стихотв., въ Библи. для Чтенія, т. 28, отд. 1; 23) Мои утраты, *ibid.*; 24) Свѣтлая утренняя, стихотв., въ Странникѣ 1862 г., апрѣль; 25) Возраженіе Бенедиктову (на стихотвореніе его: „Обращеніе къ инокинѣ“, въ Странникѣ 1862 г., № 5), въ Странникѣ 1862 г., май; 26) Три вечера у свѣтской пріятельницы, въ Современникѣ 1842 г., т. 28; 27) Историческая записка о Тверскомъ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и его достопамятностяхъ. Составлено подъ руководствомъ настоятельницы монастыря, игуменьи Маріи, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, извлеченнымъ изъ актовъ того монастыря, въ цѣлости остающихся. Тверь. 1856, 8°; 28) Памятныя записки о жизни игуменьи Маріи, основательницы Спасо-Бородинскаго общежительнаго монастыря, въ мірѣ Маргариты Михайловны Тучковой, урожд. Нарышкиной, въ Странникѣ 1865 г., май, іюнь и отдѣльно; 29) Жизнь схигуменьи Ладожскаго монастыря, Евпраксія, въ Странникѣ 1860 г., мартъ и отдѣльно: С.-Пб. 1862, 8°.

30) Стихотворенія духовнаго содержанія, въ рукописи; 31) Переводъ

(1849 г.) изъ Исторіи христіанства, аббата Флери: Дѣянія семи вселенскихъ соборовъ, въ рукописи; 32) Записки о монастырской жизни, въ рукописи; 33) Юдифь, поэма по библейскому тексту, въ драмат. формѣ, въ стихахъ. М. 1877, 8°; 34) Сотрудница газеты Россія 1880 г. и Варшавскаго Дневника 1880—1881 г.

О ней: а) Первое заявленіе о ея талантѣ было сдѣлано Сенжовскимъ, въ Библ. для Чтенія 1831 г., апрѣль; б) Современникъ, т. 16, 17, 26; в) Толь, Настольн. Словарь, 3, 1029.

Шаховская, княжна А. Н.—Андерсенъ: Картинки въ разсказахъ, перев. С.-Пб. 1875, 12°.

Шаховская, Людмила, княжна.—1) Сивилла, волшебница Кумскаго грота. Историческій романъ, въ 3-хъ частяхъ. М. 1881 (см. Росс. Библиографія 1881 г., № 89; 2) Надъ бездною, истор. романъ эпохи Циперона. М. 1882, 8°; 3) Жребій брошень, истор. романъ эпохи Юлія Цезаря, 3 части. М. 1884, 8°; 4) Молодость цезаря Октавіана Августа, триумвира Римскаго, истор. романъ въ 3-хъ частяхъ. М. 1886, 8°; 5) Подъ властію Тиверія, истор. романъ въ 3-хъ частяхъ. М. 1887, 8°; 6) Смакгольмскія тайны, романъ въ 3-хъ частяхъ А. Бланке. Пер. съ шведскаго. М. 1885. 8°.

Шаховская, княжна Екатерина Александровна, по указанію Билевича (Моск. Гор. Листокъ 1847 г., № 171)—двоюродная племянница драматурга, князя Александра Александровича Шаховскаго.—1) Отрывокъ изъ повѣсти „Людмила“, въ Молвѣ 1832 г., № 32, подпись: К. Ш—вая. Издатель назвалъ эту пьесу первымъ опытомъ дарованія юной сочинительницы. 2) Къ М. Н. З(агоскину); подпись: К. К—а Ш—ская, *ibid.*, № 45. 3) Сновидѣніе. Фантасмагорія. М. 1833, 12°. Посвящено: моему отчизнѣ.

Рец. а) Молва 1833 г., № 117. б) Моск. Телеграфъ 1833 г., № 16.

О ней: Толь, Словарь, 3, 1029.

Ш—ая, к—на К—на (княжна Еватерина Шаховская?).—Старикъ и дѣти, или источникъ дружбы, перев. съ французскаго, въ Минервѣ, журналѣ россійской и иностранной словесности. 1807 г., ч. 5.

Ш—ва, Н—я, княжна.—1) Сотрудница Дамскаго Журнала; 2) Четыре возраста жизни человѣческой въ сравненіи съ четырьмя временами года, пер. съ французскаго, въ Дамск. Журн. 1830 г., ч. 32.

Швидковская, Евгенія Ивановна. См. Гречъ.

Шведова, Надежда. 1) Изъ физической географіи, разсказы для дѣтей, съ карт. Одесса. 1873, 8°; Одесса. 1878, 8°.

Рец. С.-Пб. Вѣд. 1873 г., № 143.

2) *Природа—мать народа. Разказы для дѣтей старшаго возраста.* Одесса. 1879, 8°.

Шелгунова, Людмила Петровна.—1) *Повѣсти и деревенскіе разказы Бертольда Ауэрбаха, пер. съ нѣм., 2 тома.* С.-Пб. 1872, 8°.

Ред. а) *Вѣстн. Европы* 1871 г.; № 7; б) С.-Пб. *Вѣдомости* 1871 г., № 195; в) *Отеч. Записки* 1871 г., № 8.

2) *Молотъ и наковальня, романъ въ 3-хъ частяхъ* Фр. Шпилльгагена, пер. съ нѣм. С.-Пб. 1871, 8°. 3) *Всемирная исторія* Ф. Шлоссера, перев. подъ ред. В. Зайцева; изд. Л. П. Шелгуновой. С.-Пб. 1863—1865, съ X тома. 4) *Чтеія о полезныхъ и вредныхъ животныхъ*, К. Фохта (ея изданіе). С.-Пб. 1865, 8°.

Ред. а) С.-Пб. *Вѣдомости* 1865 г., № 201; б) *Русск. Слово* 1865 г., № 4; в) *Русск. Инвалидъ* 1865 г., № 115; г) *Современникъ* 1865 г., № 4.

5) *Англичане на сѣверномъ полюсѣ. Приключенія капитана Гаттераса, Жюль Верна* (ея изданіе). С.-Пб. 2 части, 1866—1867, 8°.

6) *Жюль-Вернь: Отъ земли до луны 97 часовъ прямаго пути.* Пер. съ французскаго (ея изданіе). С.-Пб. 1866, 16°; изд. 2-е С.-Пб. 1870, 16°. 7) *Стихотворенія, въ журналъ Дѣло* 1866 г. 8) *Дешевый домашній столъ скоромный и постный.* С.-Пб. 1887, 8° (вмѣстѣ съ Е. Е. Михаелись).

Шереметева, Надежда Николаевна, рожд. Тютчева, родная сестра отца поэта; род. 26-го сентября 1775 г., † 11-го мая 1850 г., супруга гвардіи капитанъ-поручика Василя Петровича. Принадлежала къ литературному циклу писателей и поэтовъ 1840-хъ годовъ.

а) *Письма къ ней Жуковскаго* (Соч., изд. 1878 г., т. 6); б) *Гоголя* (Соч., изд. 1857 г., т. V и VI); в) *Библиограф. Записки* 1859 г., ст. 106—108.

Шестакова, Людмила Ивановна, рожд. Глинка, сестра композитора М. И. Глинка, род. 1816 г., супруга отставнаго поручика Василя Илларионовича Шестакова.—1) *Послѣдніе годы жизни и кончина М. И. Глинка, 1854—1857 г. въ Русск. Старинѣ* 1870 г., № 12; 2) *Издательница „Записокъ“ своего брата.* С.-Пб. 1870. 3) М. И. Глинка въ воспоминаніяхъ его сестры, Л. И. Шестаковой, въ *Русской Старинѣ* 1884 г., т. XLIV. Поправки, въ т. XLV, стр. 204.

а) *Дѣло Ф. Стелловскаго съ Л. Шестаковою о музыкальн. соч. М. И. Глинка, изложенное И. П. Баторовымъ*, С.-Пб. 1867. б) *Дѣло въ С.-Пб. Окр. Судѣ* 16-го мая (1867 г.) по иску купца 2 гильдіи Ф. Стелловскаго и жены поручика Шестаковой убытковъ по изданію послѣднею сочиненій М. Глинка, въ *Голосѣ* 1867 г., № 136; в) то же, *Гласный судъ* 1867 г., № 212; г) *Рѣшеніе С.-Пб. Суд. Палаты по дѣлу Стелловскаго съ Шестаковой*, въ *Судебн. Вѣстникѣ* 1868 г., № 47; д) пожертвовала альбомъ своего брата, съ разными рисунками и музыкальн. пьесами, въ 1870 г. Императорской Публ. Библіотекѣ (см. *Отчетъ за 1870 г.*, стр. 162—164).

Шидловская, Е. (псевдонимъ, какъ значитса и въ Указателѣ по дѣл. печати 1878 г., № 6, стр. 181, и прилож. къ № 13 и 14, стр. ХСVIII). — 1) Путешествіе въ Италію, въ Соч. Гете, изд. Гербеля. 2) Сочиненія и переводные труды, 4 тома. М. 1877, 8°.

Шиле, Аделаида.—1) Волга и ея значеніе для Россіи, чтеніе для народа. С.-Пб. 1876, 8°. 2) Новыя славныя доблести русскаго воинства. Походъ въ Хиву и ея покореніе. С.-Пб. 1874, 8°.

Шмикова, Олимпіада.—Къ душѣ моей (подраж. Шмидту), стих., въ Украинскомъ Журналѣ 1824 г., ч. 3.

Шишкина, Олимпіада Петровна (род. 1-го іюля 1791 г., † 11-го мая 1854 г.), фрейлина.—1) Князь Скопинъ-Шуйскій, или Россія въ началѣ XVII столѣтія, 4 ч. С.-Пб. 1835, 12°.

Рец. а) Русск. Инвалидъ 1836 г., № 22 (ст. Джуліани); б) Сѣв. Пчела 1835 г., № 278 (ст. П. Плетнева; въ его Сочиненіяхъ, изд. 1885 г., т. I, стр. 239—241; в) Библ. для Чтенія 1836 г., январь и 1836 г., ч. 2 (отзывъ Жуковскаго); г) Московск. Наблюдатель 1836 г., ч. 6 (ст. Шевырева); д) Маякъ 1842 г., т. 1, кн. 2 (статья А. Зражевской); е) Литер. Приб. къ Русск. Инвалиду 1836 г., № 24.—Нѣмецкій переводъ: Fürst Skopin-Schujski oder Russland zur Zeit des falschen Demetrius; aus dem russischen (Roman), 4 vol. Pesth und Leipzig. 1852, 8°.

2) Прокопій Ляпуновъ или междуцарствіе въ Россіи, 4 части. С.-Пб. 1845, 8°.

Рец. а) Маякъ 1845 г., т. 22. б) Русск. Инвалидъ 1845 г., № 61; в) Финск. Вѣстникъ 1845 г., т. 3, отд. 5. г) Отеч. Записки 1845 г., т. 39, отд. 6. г) Современникъ 1845 г., т. 38; д) Литерат. Газета 1845 г., № 15.

3) Замѣтки и воспоминанія русской путешественницы по Россіи, въ 1845 г., 2 части. С.-Пб. 1848, 8°. Посвящено императору Николаю Павловичу.

Рец. а) Библ. для Чтенія 1848 г., т. 88, отд. 6. б) Отеч. Записки 1848 г., т. 58, отд. 6; в) Современникъ 1848 г., № 6 и 7; г) Москвитиниъ 1849 г., № 1, кн. 1; д) С.-Пб. Вѣдомости 1848 г., № 108.

О ней: а) Сочин. Бѣлинскаго, X, 42; б) Сочиненія И. Карѣвскаго. М. 1861, т. 2, стр. 225. в) Записки И. П. Сахарова (Р. Архивъ 1873 г., № 6, стр. 964); г) Соч. К. Н. Батюшкова, изд. 1887 г., т. I.

Шмиттеръ, Марья Александровна, въ замужествѣ Боскэ (см. это имя).

Шмидтъ-Москвитинова, О. И.—1) Практическій курсъ упражненій по грамматикѣ, съ матеріаломъ изъ русской исторіи. Учебное пособіе для младшихъ классовъ. Годъ 1. С.-Пб. 1871, 8°. 2) Сказочный мірокъ. Сказки, преданія, побасѣнки, сказки въ лицахъ и т. п. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1883, 8°; 3) Русскіе богатыри. Главнѣйшія русскія былины въ пересказѣ для юношества, съ 8-ю хромолитогр.

рисункъ. Н. Н. Каразина. Изд. Девриена. С.-Пб. 1885, 4°; 4) Путешествіе доктора Гулливера въ страну лиллипутовъ и къ великанамъ; по Свифту, передѣлано для русскаго юношества. С.-Пб. 1885, 4°; 5) Ландышъ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Съ 8-ю рисун. Н. А. Богданова. С.-Пб. 1885, 8°; 6) Донъ-Кихотъ Ламанчскій, рыцарь печальнаго образа и рыцарь львовъ. Передѣлано по Сервантесу для русскаго юношества. С.-Пб. 1885, 4°; 7) Сказанія европейскихъ народовъ. Изд. Девриена. С.-Пб. 1885, 8°; 8) Чудесныя приключенія барона Мюнхгаузена, разсказанныя дѣдушкою своимъ внукамъ. Передѣлано для русскаго юношества. С.-Пб. 1886, 4°; 9) Афрайя, герой лапландцевъ. Разсказъ изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ въ прошломъ столѣтіи. Изъ романа Э. Мюгге, Отто Гофманъ. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1886, 8°.

Ш—на, А.—Пѣснь изгнаннаго Муррая, переводъ изъ *Chants populaires de l'Écosse*, par Walter Scott, въ Дамскомъ Журналѣ 1827 г., часть 17.

Шопенъ, Эмилиа.—Грузинка, мелодрама въ 5 дѣйствіяхъ, Маякъ 1840 г., т. 2.

Шпилевская, Наталья Степановна.—1) Описаніе войны между Россією и Швецією, въ Финляндіи, въ 1741—1743 годахъ. С.-Пб. 1859, 8°. Отдѣльные оттиски изъ Военнаго Журнала 1858 г.

Рец. а) Отеч. Записки, т. 123, № 3, отд. 3. б) Морской Сборникъ 1859 г., № 4 (ст. Зейделя); в) Журн. Минист. Народн. Просвѣщенія 1859 г., ч. 101, отд. 5 (ст. М. И. Семева).

2) Мечь и примиреніе, Веттерберга, перев. съ шведск., приложение къ Отеч. Запискамъ 1859 г., № 7, гдѣ предпослано нѣсколько словъ о Веттербергѣ и шведской литературѣ. 3) Очеркъ жизни и трудовъ шведскаго историка Густава Гейера, перев. съ шведск. С.-Пб. 1859, 8°. Отдѣльный оттискъ изъ Журнала Минист. Народн. Просвѣщенія 1859 г. 4) Ея переводы въ журналѣ Разсвѣтъ 1859 г., т. 1 и 2.

Штромбергъ, М. Р.—Права и обязанности женщины. Отвѣтъ на письмо Фанни Левальдъ: „За и противъ женщинъ“. С.-Пб. 1873, 12°.

Рец. Голосъ 1874 г., № 90.

Шубертъ, Фридерика-Луиза, супруга академика, ур. баронесса Кронгельмъ, р. 1763 г., † 20-го февраля 1819 г. (дата сообщена П. Н. Петровымъ).—Объ употребленіи въ пользу остатковъ, оставляемыхъ бесполезно, въ Трудахъ Вольн. Эконом. Общества 1801 г., ч. 53.

Шубинская, Клеопатра.—Позвольте—я отгадаю. Хорошенькій подарокъ тѣмъ женщинамъ, которыя пожелаютъ удовлетворять свое любопытство, угадывая прошедшее, настоящее и будущее. М. 1877, 8°.

Шульгина, Александра.—Двѣ матери. Повѣсть для дѣтей отъ десятилѣтняго возраста. С.-Пб. 1853, 8°.

Шульгина, Марья Константиновна, см. Пихно.

Шульгина, Н. А.—Общественная и домашняя жизнь животныхъ, сатирическіе очерки, съ рисунками. Переводъ Н. А. Шульгиной, подъ редакціей А. Н. Плещеева. С.-Пб. 1876, 4°.

Шульговская.—Почему и потому. Вопросы и отвѣты по наиболѣе важнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ. Для учащихся и учащихся въ школѣ и дома; составлено д-ромъ Отто Улэ. Переводъ подъ редакціей Шульговской. Изд. Трубниковой и Стасовой. С.-Пб. 1868, 8°.

Шумлянская, Глафира Петровна.—1) Колибри или мушка-птица (изъ Бюффона), въ Украинск. Вѣстникѣ 1816 г., № 1; 2) Зрѣлище прекрасной ночи въ пустыняхъ Новаго Свѣта (изъ Шатобриана), *ibid.*; 3) Изверженіе огнедышащей горы (изъ Ласепада), *ibid.*; 4) Ніагарскій водопадъ (изъ Шатобриана), *ibid.*; 5) Буря и змѣнная пещера въ Перу (изъ Мармонтеля), *ibid.*; 6) Соловей (изъ Бюффона), *ibid.*; 7) Умирающій лебедь (изъ Гердера), *ibid.*; 8) Гробница (изъ С.Пьера), *ibid.*; 9) Лебедь (изъ Бюффона), *ibid.*, ч. 2; 10) Розань, ревность къ наукамъ, *ibid.*; 11) Восхождение солнца, *ibid.*; 12) Павлинь, съ франц., *ibid.*; 13) Лѣса и жители сѣверныхъ странъ, *ibid.*; 14) Буря (изъ Бартелеми), *ibid.*, ч. 3; 15) Приятности дѣтскихъ лѣтъ, *ibid.*; 16) Лилія и роза, *ibid.*; 17) Мелезитонъ (изъ Фенелона), *ibid.*; 18) Миссисипи (изъ Шатобриана), *ibid.*; 19) Дружба (изъ Ласепада), *ibid.*, ч. 4; 20) Теорія зара (изъ Бальи), *ibid.*; 21) Воздушныя гробницы (изъ Шатобриана), *ibid.*; 22) Видъ египетскихъ пирамидъ, *ibid.*; 23) Развалины Пальмиры, *ibid.*; 24) Природа Южной Америки, *ibid.*; 25) Дружба, стихотв., съ франц., *ibid.*; 26) Малиновка, *ibid.* 1817 г., ч. 5; 27) Видъ страны Лаціума, въ то время, когда прибылъ туда Эней, съ франц., *ibid.*; 28) Потокъ Роны, съ франц., *ibid.*; 29) Геній путеводитель, *ibid.*, ч. 8 (последняя статья прислана переводчицей уже изъ Москвы, и редакторъ благодарилъ ее, что она не оставляетъ украшать журналъ своими переводами).

О ней: а) Руссовъ, стр. 46; б) Матеріалы, П. А. Ефремова. С.-Пб. 1867, стр. 213, въ Словарѣ харьковскихъ писателей, П. Кеплена.

Щ—ая, Марья Степановна.—Опытные совѣты старой птичницы для лѣченія дворовой птицы, въ разныхъ случаяхъ, въ журналѣ Русская Хозяйка 1861 г., № 11.

Щепина, Е. В.—1) Дѣтскія сказки, переложенныя въ стихи. М. 1873, 16°; 2) Легкое дѣтское чтеніе, въ стихахъ и прозѣ.

М. 1874, 8°; 3) Книжка для дѣтей, въ стихахъ и прозѣ съ карт. М. 1874, 8°; 4) Часы досуга, театр. пьесы для дѣтей старшаго возраста. М. 1874, 8°; 5) Катюшка, шутка, въ 1-мъ дѣйствии (Указ. по дѣл. печати 1875 г., стр. 145); 6) Лотерейный билетъ, водевилъ въ 2-хъ дѣйств. (ibid. 1875 г., стр. 145); 7) Обожжешься на молокъ, будешь дуть на воду, водевилъ въ 2-хъ д. (ibid., стр. 146); 8) Тетушка-сибирячка, комедія въ 1-мъ дѣйствии (ibid.); 9) Случай изъ обыденной жизни, комедія въ 5-ти дѣйств. (ibid.); 10) Въ подмосковной слободѣ (сцены изъ простаго быта), изданіе журнала Грамотѣй. М. 1876, 8°. Дозволено къ постановкѣ на сцену безусловно; 11) Съ чужого коня среди грязи долой, сцены изъ обыденной жизни, въ 2-хъ д. Изд. журнала Грамотѣй. М. 1876, 8°. Въ 1876 г. разрѣшено на сцену, безъ исключеній; 12) Сотрудница Кругозора, 1877 г.

Щепкина, А. В.—1) Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей, вып. I и II. М. 1874, 12°; изд. 2-е. М. 1882, 8°. 2) Дуныша-сиротка. М. 1886, 8°; 3) Вѣдьма. М. 1886, 8°; 4) Безъ Заботы. Разсказы изъ русскаго быта. М. 1886, 8°; 5) Стадо. Разсказы изъ русскаго быта. М. 1886, 8°; 6) На зарѣ. Очеркъ изъ быта временъ Елизаветы. Собраніе повѣстей и романовъ для юношества. Изд. Общества распротр. полезн. книгъ. М. 1886, 8°; 7) Помогай-бросайся. Разсказы изъ русскаго быта. М. 1887, 8°; 8) Мельница въ оврагѣ. Разсказъ изъ русскаго быта. М. 1887, 8°; 9) Маленькій садовникъ. Разсказы изъ русскаго быта. М. 1887, 8°; 10) Рыбаки. Разсказы изъ русскаго быта. М. 1887, 8°.

Щербинская, Ольга.—Чтеніе для дѣтей. С.-Пб. 1875, 12°.

Щербатова, княжна Екатерина Владиміровна, въ первомъ бракѣ за С. К. Черепановымъ, во второмъ бракѣ за Поповымъ, дочь князя Владиміра Ивановича и княжны Маріи Николаевны, рожд. княжны Голицыной, по матери, родная племянница канцлера князя Александра Николаевича Голицына.—1) Трудилась вмѣстѣ съ Магницкими и М. А. Шлиттеръ (см. эти имена) надъ переводами изъ Дюпати, Гервея и др.; 2) Отрывки, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 30, № 18 (письмо изъ Дюпати: Генуя); 3) Письмо LI, изъ Дюпати (по показанію Макарова, перевела всего 20 писемъ), пер. съ франц., въ Иппокренѣ 1799 г., ч. 3, стр. 286—287, за подписью, 20. 20. Щ., то-есть, К. К. Щ., и помѣтою: Село Утѣшеніе, на р. Истѣ; 4) Письмо LIV, переводъ съ франц., ibid., стран. 369; 5) Письмо LXVII, пер., ibid., стр. 372; 6) Трудолюбіе и образованіе (изъ Гервея), въ Приятн. и полезн. препр. времени 1798 г., ч. 18, стр. 41; 7) Въ

Римъ, съ франц., *ibid.*, стр. 257; 8) Бумага, перо и чернильница, перев. съ франц., *ibid.*, стр. 248; 9) Письмо LXXI, о Римѣ, *ibid.*, ч. 19, стр. 343; 10) Письмо LXXXIX, о Римѣ, *ibid.*, стр. 353; 11) Изъ Тиволи, *ibid.*, стр. 359; 12) Зефиръ и плодovитой садъ, восточная басня, перев., *ibid.*, стр. 249; 13) Возвращеніе отца, *ibid.*, 1798 г. ч. 20, стр. 106.

О ней: Макаровъ, въ Дамск. Журналѣ 1830 г., ч. 30, № 18.

Щиглева, Елена.—Панорама венгерскихъ равнинъ Фогеля, въ изданіи: Переводы лучшихъ иностранныхъ писателей 1871 г., № 2.

Щигровская, Глафира Михайловна, псевдонимъ С. П. Бурнашевой (см. это имя).

—ы—я, подпись Е. А. Авдѣевой (см. это имя) при книгѣ: Записки о Сибири (1837 г.)

Эземпларская, Е.—Замокъ Валькрезъ, перев. съ франц., въ Вѣдом. Моск. Городск. Полиціи 1856 г., № 263 и слѣд.

Эльгень, Элиза, дочь пастора; въ 1840 году, на 16-мъ году, выдержала экзаменъ въ петербургскомъ университетѣ на званіе домашней наставницы, что тогда было рѣдкостью.—Сотрудница Звѣздочки 1840-хъ годовъ.

Эльмитъ, Антуанета, подполковница:—1) Несчастная, въ Дамск. Журналѣ 1827 г., ч. 17; 2) Благотвореніе, *ibid.*

Энгельгардтъ, Анна Николаевна, рожд. Макарова, дочь лексикографа и знаменитаго гитариста, воспитанница Елисаветинскаго института, супруга доктора химіи Александра Николаевича Энгельгардта. 1) Сотрудница С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1882 г. 2) Переводы различныхъ романовъ, въ Вѣстникѣ Европы 1884—1889 гг. 3) Земледѣльческая химія Гофмана (подъ редакціей своего мужа). С.-Пб. 1868, 8^о; 4) Участвовала въ фельетонахъ Биржевыхъ Вѣдомостей, 1860-хъ годовъ; 5) Эмиль или воспитаніе, Руссо, въ Собраніи его сочиненій, изд. Тиблена. С.-Пб. 1866. 6) Сотрудница изданія „Иностранные беллетристы“. С.-Пб. 1870, въ которомъ перевела вмѣстѣ съ А. Степановою (см. это имя): Сентиментальное воспитаніе, Г. Флобера; 7) Редактировала въ Бирж. Вѣдомостяхъ 1870 и 1871 гг. отдѣлъ „Съ театра войны“, по англійскимъ источникамъ; 8) Редактировала въ Вѣстникѣ Европы 1870—1871 гг. „Иностранное Обзорѣніе“.

Энгельгардтъ Софья Владиміровна, рожд. Новосильцова, супруга дѣйств. ст. сов. Владиміра Егоровича Энгельгардта (род. 21-го мая 1808 г.), сына директора Царскосельскаго лицея (Русск. Род.

Книга, I, 347, сестра писательницы Елены Владимировны Новосильцевой; пишетъ подъ псевдонимомъ Ольга Н. — 1) Деревня, въ Отечественн. Запискахъ 1853 г., т. XC; 2) Утро вечера мудренѣе, въ Отеч. Запискахъ 1853 г., т. 91; 3) Суженаго конемъ не объѣдешь, въ Отечеств. Запискахъ 1854 г., № 2; 4) Не такъ живи какъ хочется, а такъ какъ Богъ велитъ, въ Современникѣ 1854 г., № 12; 5) На весь свѣтъ не угодишь, Отеч. Записки 1855 г., т. 98; 6) Умъ прійдетъ—пора пройдетъ, пословица, Отеч. Записки 1855 г., т. 104; 7) Конь и о четырехъ ногахъ спотыкается, въ Отеч. Запискахъ 1856 г., № 9, т. 108; 8) Старикъ, рассказъ, въ Библ. для Чтенія 1857 г., № 3; 9) Сила солому ломить, *ibid.* 1859 г., № 1; 10) Обочлись, повѣсть, Библ. для Чтенія 1860 г., № 1; 11) Княжны Тройденковы, Русскій Вѣстникъ 1860 г., № 3; 12) Письма изъ Парижа, въ Москв. Вѣдомостяхъ 1860 г., № 162, 180 и 199; 13) Скользкій шагъ, Русская Рѣчь 1861 г., №№ 83—89; 14) Лица, рассказъ, въ Эпохѣ 1864 г., № 8; 15) Не одного поля ягоды, повѣсть, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1868 г., № 8; 16) Не сошлись, повѣсть, въ Русск. Вѣстникѣ, т. 68, апрѣль; 17) На родинѣ, повѣсть, въ Русск. Вѣстникѣ 1870 г., № 8; 18) Н. Ф. Щербина, въ Зарѣ 1870, № 5.

Рец. С.-Пб. Вѣдомости 1870 г., № 159.

19) Такъ Богъ велѣлъ, повѣсть;

Рец. а) Одесскій Вѣстникъ 1872 г. №№ 251, 252 и 292; б) С.-Пб. Вѣд. 1872 г., № 275.

20) Красное яичко, изд. Общества распр. полезн. книгъ. М. 1873, 8°; 21) Рассказъ матери Маргариты, изд. того же Общества. М. 1873, 8°; 22) Коробейникъ, три рассказа, изд. того же Общества. М. 1874, 8°; 23) Софья Захаровна Алмазова. Некрологъ. М. 1875, 12°; 24) *Oeuvres de Pouchkine. Trad. du russe* (Борисъ Годуновъ. Скупой рыцарь. Моцартъ и Сальери. Египетскія ночи). Paris. 1875, 13°; 25) Быль сороковыхъ годовъ (Русск. Вѣстникъ 1884 г., № 12).

О ней: Мысли по поводу одной повѣсти Ольги Н., въ Разсвѣтъ 1862 г., № 3.

Зранова, Вѣра. — 1) Скрипка повѣшеннаго, сказка Эркмана-Шатриана. Переводы лучшихъ иностранн. писателей 1871 г., № 6; 2) Маленькая шалость, сказка Массе, *ibid.*, № 2.

Зранова, Надежда. — Поклонники Катерины, соч. Эркмана-Шатриана. Переводы лучшихъ иностранныхъ писателей 1871 г., № 2.

Эсбе, дѣвица, псевдонимъ Бурнашевой, Софьи Петровны (см. это имя).

Юнкъ, Надежда, вдова поручика Альфреда Августовича фонъ-

Ювка. Съ 1873 года по июль 1874 г. издавала въ г. Киевѣ газету Киевскій Телеграфъ, уступленную ею затѣмъ супругѣ дѣйств. статск. совѣтн. Авдотѣ Гогоцкой (Указ. по дѣламъ печати 1874 г., стр. 217).

Юргенсонъ, Марѳа Ивановна, рожд. Соцъ; писала подъ псевдонимомъ Тихановичъ. — Переводъ съ нѣмецк. книги: Характеристики изъ сравнительн. землеописанія и этнографіи, собранныя и приспособленныя для домашняго и школьнаго образованія, В. Пютца, двѣ части. М. 1861—1865, 8°.

Рец. а) Современникъ 1861 г., № 12; б) С.-Пб. Вѣдомости 1861 г., № 288; в) Русск. Слово 1864 г., № 2; г) Книжн. Вѣстникъ 1864 г., № 4; д) Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія 1868 г., № 4.

Юргенсонъ, Софья Ивановна, рожд. Соцъ. — Полемика съ Д. И. Завалишнымъ, по поводу „Общества Русскихъ Гувернантокъ“, въ Современной Лѣтописи Московск. Вѣдомостей 1866 г.

Юрьева, дѣвица, псевдонимъ Н. С. Кони (см. это ммя).

Юрьева, NN, г-жа. — Сотрудница Живописнаго Обзорнія на 1878—1879 гг.

Я—а, М. — Пѣсня на голосъ: Томны струны говорите, тише, тише подъ рукой, въ Журналѣ для милыхъ 1804 г., стр. 133.

..я..а. — Отвѣтъ, стихотвореніе, въ Молвъ 1832 г., № 5, стр. 17. Пѣса имѣетъ видимую связь съ стихами Н. Ф. Павлова: „Нѣтъ! ты не поняла поэта“, и стихами граф. Е. П. Ростопчиной: Отринутому поэту, относящимися къ тому же 1832 г. (см. Стихотворенія граф. Ростопчиной, изд. 1857 г., т. I, стр. 80—82).

Я—ва, Д. — Безсмертіе, стихотв., въ Библіот. для Чтенія 1836 г. томъ 16.

Яюби, Александра Н. — 1) Муравей, литературный сборникъ. С.-Пб. 1875, 8°.

Рец. а) Дѣло 1874 г., № 11; б) С.-Пб. Вѣдомости 1874 г., № 346; в) Дѣтскій Садъ 1875 г., № 1; г) Русскій Миръ 1874 г., № 347; д) Педагог. Листокъ 1875 г., № 1.

2) Нашимъ дѣтямъ. Иллюстрированный литературно-научный сборникъ. С.-Пб. 1873, 8°.

Рец. а) Библиотека дешевая и общедоступная 1873 г., № 4; б) Дѣло 1873 г., № 12; в) Дѣтскій Садъ 1873 г., № 4—5; г) Педагогич. Листокъ 1873 г., № 1; д) Петерб. Листокъ 1873 г., № 67; е) Русск. Миръ 1873 г., № 97; ж) С.-Пб. Вѣдомости 1873 г., № 93; з) Гражданинъ 1873 г., № 26 (рецензія Евг. Вѣлова); и) Семья и Школа, 1873 г., № 26 (рец. А. Брючичевой).

3) Между гарибальдійцами, изъ воспоминаній Русской, въ Недѣлѣ 1870 г.; 4) Воспомананія изъ жизни въ Римѣ, тамъ же; 5) Он

изданіе: Последнее путешествіе Ливингстона по Африкѣ, перев. съ англ. подъ ред. М. Цебриковой. С.-Пб. 1876.

Яковлева, П.—Домашнія животныя, съ хромол. картинами. Изд. ред. Киевскаго Народн. Календаря. Киевъ. 1878, 8°.

Яковлева, Ю.—Нечистый воздухъ, повѣсть, въ журналѣ Свѣтъ 1878, № 10.

Ярцова, Любовь Аникитишна, дочь главнаго директора Оренбургскихъ горныхъ заводовъ, Аникиты Сергѣевича (род. 1737, † 1819). и Надежды Александровны; род. 1794 г., † 11-го декабря 1876, въ С.-Пб. — 1) Новый Робинзонъ или швейцарское семейство, претерпѣвшее кораблекрушеніе, пер. съ франц. С.-Пб. 1833—1834, 12°, 3 части.

Рец. Библ. для чтенія 1834 г., т. 7.

2) Полезное чтеніе для дѣтей. С.-Пб. 1834—1836, 6 частей.

Рец. Ободовскаго (Шестое присужденіе Демидовскихъ наградъ), по которой Академія Наукъ назначила г-жѣ Ярцовой второстепенную премію въ 2,500 руб.

3) „Счастливое семейство, или полезное чтеніе для дѣтей. С.-Пб. 1854, 12°, изданіе 2-е.

Рец. а) Современникъ 1855 г., т. 49; б) Отеч. Записки 1855 г., т. 98.

4) Первый день свѣтлаго праздника. С.-Пб. 1836, 16°; 2-е изд., испр. С.-Пб. 1857, 16°. Вошло въ составъ „Зеленой Библіотеки“, изд. Вольфа.

Рец. а) Толль, въ книгѣ: Наша дѣтская литература. С.-Пб. 1862; б) Библ. для чтенія 1836 г., т. 16.

5) Прогулка съ дѣтьми по Киеву. С.-Пб. 1859, 8°.

Рец. Толля, въ книгѣ: Наша дѣтская литература. С.-Пб. 1862.

6) Въ каждомъ состояніи можно дѣлать добро; шесть повѣстей для юношества. С.-Пб. 1860, 16°.

Рец. а) Русск. Слово 1860 г., № 3; б) Книжн. Вѣстникъ 1860 г., № 1—4; в) Толль, въ книгѣ: Наша дѣтская литература. С.-Пб. 1862.

7) Мальчикъ и дѣвочка, сказка о диковинкахъ невиданныхъ и чудесахъ неслыханныхъ. С.-Пб. 1858, 16°.

Рец. Толля, въ книгѣ: Наша дѣтск. литература. С.-Пб. 1862.

8) Неистощимый кошелекъ, рассказъ для дѣтей. С.-Пб. 1861, 16°. Вошло въ составъ „Зеленой Библіотеки“, М. Вольфа. 9) Новый годъ, масляница и Рождество Христово, рассказы для дѣтей. С.-Пб. 1861, 16°. Вошло въ составъ „Зеленой Библіотеки“, изд. Вольфа. 10) Параша, дочь сельскаго священника (посвящено Е. В. королевѣ Виртембергской, Ольгѣ Николаевнѣ).

О ней: а) Чась Досуга 1859 г., т. II; б) Толь, въ книгѣ: Наша дѣтская литература. С.-Пб. 1862; в) некрологъ, въ Гражданинѣ 1877 г., № 4; г) то же, въ Древн. и Новой Россіи 1877 г., № 2; д) Толь, Настольн. Словарь, ч. 3, стр. 1166; е) Соч. Державина, изданія Я. К. Грота, т. 5, стр. VII; т. 7, стр. XI, т. 2, стр. 254—256.

Ярцова, Н.—Разсказы въ Семейныхъ Вечерахъ младшаго возраста: 1) Полѣсовщикъ 1864 г., № 9; 2) Чего съ дѣтьми не бываетъ, *ibid.*, № 11; 3) Морозъ, финская народная сказка, *ibid.*, № 12; 4) Стекло, *ibid.* Въ Семейныхъ Вечерахъ старшаго возраста: 5) Кладъ, *ibid.*, № 10; 6) Бабушкинъ чулокъ, *ibid.*, № 3; 7) Черномазые басурмане, *ibid.*, № 4; 8) Гаданье, *ibid.*, № 6.

Ясновидающая, псевдонимъ гр. Е. П. Растопчиной; см. это имя.

Омина, Марья.—На смерть Лизы, стихотв., въ Иппокренѣ 1799 г., ч. 1, стр. 191.

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ, ПИСАВШІЯ ТОЛЬКО НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

(Анонимъ). Стихотвореніе на французскомъ языкѣ, поднесенное императрицѣ Екатеринѣ II, въ день ея именинъ (напечатано у Mas-son: *Mémoires secrets*. Paris. 1802, 3, 460—461).

(Анонимъ). *La semaine d'Aimée; dialogues sur l'histoire, la géographie, l'histoire naturelle, etc. etc., recueillis par une maîtresse de pension. Première journée*. Kieff. 1859, 12°.

(Анонимъ). *Mémoires d'une biche russe, racontés par elle-même*. Paris. 1866, 18°. Два изданія. Pseudo-russicum?

(Анонимъ). Переводъ на англійскій языкъ рѣчи И. С. Аксакова о дѣйствіяхъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета, въ 1876 г.: *Condensed speech of Ivan Aksakoff...*, London. 1876, 2-е изданіе.

Рец. Гражданинѣ 1877 г., № 1 (см. 1876 г. № 38, приложение). Вѣроят-но, переводъ О. А. Кирѣевой.

***, княгиня Ольга.—*Effeillons la marguerite*. Paris. 1875, 18°.

А. В. — подпись А. С. Всеволожской (1801), въ замужествѣ княгини Голицыной (см. это имя).

Абамель, княжна Анна Давыдовна, дочь князя Давида Семеновича и княгини Марен Якимовны, рожд. Лазаревой; кавалерствен-ная дама, почетная попечительница женскихъ институтовъ вѣдомства императрицы Маріи. Скончалась 13-го февраля 1889 г., въ Петер-бургѣ, и погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Она была въ су-пружествѣ за казанскимъ губернаторомъ, потомъ сенаторомъ, Ирак-

ліемъ Абрамовичемъ Баратинскимъ († 1859 г.), братомъ поэта.—1) *Le moine, poème de Kosloff intitulé Чернецъ, traduit en prose* (Ghénady: *Les écrivains franco-russe. Dresde. 1864, pag. 1*). Moscou. 1831, 12°; 2) *Le talisman. Romance russe. Paroles...* (Пушкина) mises en musique par Titoff, traduite en français par m-lle la princesse Anne Abamélek; s. l. et a., 4°; 3) Переводы нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ стихотвореній (изъ Гейне, Мура, миссъ Проктеръ, Ф. Гимансъ, Ламотъ-Фуке, Луизы Штольбергъ, Гейбель и др.). Ваденъ-Ваденъ. 1876—1877, 16°, 42 стр.; 4) Вольный переводъ изъ Шиллера (*Resignation*). Печатано въ Карльсруэ, 1878 г., 16°, 4 стр. Обѣ брошюры печатаны въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ; 5) Перевела на англійскій языкъ, размѣромъ подлинника, нѣкоторыя произведенія Пушкина и Лермонтова (Стансы, Въ часы забавъ, Анчаръ, Вѣтка Палестины и др.).

О ней: а) Пушкинъ писалъ ей стихи (Соч. изд. Литер. фонда II, 142); б) Козловъ—тоже (изд. 1855 г., т. 2, стр. 206); в) Кн. П. А. Вяземскій—тоже (Соч. III, 176); г) упоминается въ свѣдѣніяхъ о фамиліи кн. Абамелекъ, въ Собраніи актовъ, относящихся къ обзорнію исторіи армянскаго народа. М. 1838, 3, 403; д) Лонгиновъ, Русскій Архивъ 1865 г., ст. 1510; е) некрологъ ея, въ Новомъ Времени 1889 г., № 4660.

Аносова, Т.—*Le démon, poème de Lermontoff, traduction en vers. Paris. 1860, 8°.*

Арапова, Софья Александровна, рожд. Казакова, супруга московскаго оберъ-полиціймейстера. — Путеводитель къ Троицкой Лаврѣ, на французскомъ языкѣ. М. 1876.

Баумгартенъ, Матильда.—*An unsern theuren Monarchen Alexander II. Während des Dankgebets in der russisch-griechischen Kirche in der Festung Novogeorgiewsk, am 6-ten April 1866. St.-Petersburg. 1866, 4°.*

Безобразова, Анна.—*Eugenio Oneghin. Romanzo russo in versi. Trad. in prosa italiana, dalla signora A(nna) B(esobrasoff). Nizza. 1858, 8°.*

Безобразова (Де-Губернатисъ), Софья Павловна; см. Де-Губернатисъ-Безобразова, Софья.

Берлинъ, Фанни Моисеевна, замужемъ за д. ст. сов. Ил. Игн. Кауфманомъ. Окончивъ педагогическіе курсы, поступила на службу по вѣдомству учрежденій императрицы Маріи; впоследствии уѣхала за границу и въ Бервскомъ университетѣ кончила курсъ юридическихъ наукъ, со степенью доктора правъ.—*Beitrag zur Conditionenlehre. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doctorwürde. Bern. 1878, 8°.*

Буханъ-Тельферъ, I. рожд. Муравьева, супруга автора сочиненія о Кавказѣ и русскомъ Востокѣ (Указ. по дѣл. печати 1876 г., стр. 349).—Russian romance, by Alexander Poushkin. London. 1874; 2-е изданіе. London. 1875, 18°.

Вельяшева, Софья. — *Aperçu de la maison Saposchkoff et de ses habitants. Essai dans le genre balzacien, par m-lle Sophie de Velyasheff, l'une des locataires de la dite maison.* Помѣщено въ *Journal d'une Solitaire*, Е. Д. Улыбышевой (см. это имя). М. 1853.

Волкова, Марья Аполлоновна (род. 26-го марта 1786 г., ум. въ Москвѣ, 28-го ноября 1859 г.); дочь д. т. с. Аполлона Андреевича и Маргариты Александровны, рожд. Кошелевой.—Письма (1812—1818 гг.) къ Варварѣ Александровнѣ (а не Ивановнѣ, какъ сказано въ Русск. Архивѣ и Вѣстн. Европы) Ланской, супругѣ тайн. сов. Дмитрія Сергѣевича Ланскаго, рожд. кн. Одоевской, скончавшейся въ Петербургѣ 11-го сентября 1845 г. Часть писемъ, относящихся къ 1812 году, напечатана въ Р. Архивѣ 1872 г., № 12; вполне же помѣщены въ В. Европы 1874 г., №№ 8, 9, 10, 12; 1875 г., №№ 1, 3, 8, подъ заглавіемъ: „Грибоѣдовская Москва въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. (sic) Ланской“. Переводъ съ французскаго принадлежитъ М. П. Свистуновой. По поводу этихъ писемъ см. статью кн. П. А. Вяземскаго: „Грибоѣдовская Москва“ (Полн. собраніе сочиненій, т. VII, стр. 374—382). Дополненіемъ къ письмамъ 1812—1813 гг. могутъ служить письма разныхъ лицъ изъ этой же эпохи къ М. А. Волковой, матери Марьи Аполлоновны (Р. Архивъ 1887 г., кн. I, стр. 186—193).

Всеволожская, Анна Сергѣевна (1800), въ замужествѣ княгиня Голицына (см. это имя).

Голицына, княгиня Аделаида-Амалия Самуиловна, рожд. гр. фонъ-Шметтау, дочь прусскаго фельдмаршала-лейтенанта, графа Самуила фонъ-Шметтау и графини Шметтау, рожд. фонъ-Руффертъ, супруга нашего посла въ Туринѣ, Парижѣ и Гагѣ, тайнаго совѣтн. князя Дмитрія Алексѣевича Голицына (род. 15-го мая 1734 г., † 23-го февраля 1803 г., въ Брауншвейгѣ); родилась 6-го (17) августа 1748 въ Берлинѣ, † 16-го (27) апрѣля 1806, въ Ангельмодде, въ Баваріи, гдѣ и скоронена; мать католическаго миссіонера въ Америкѣ, князя Дмитрія Дмитриевича Голицына († 1840); католичка, стоявшая во главѣ вліятельнаго клерикальнаго кружка въ Баваріи, къ которому одно время примыкали многіе даровитые люди Германіи.—1) *Aus dem Tagebuche der Fürstin Adelheid-Amalia von Gal-*

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ВТОРОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (19-го декабря 1888 года). Обь ограниченіи участія нехристіанъ въ завѣдываніи начальными народными училищами	3
2. (22-го декабря 1888 года). Обь учрежденіи при Повѣнецкомъ городскомъ училищѣ капитала для употребленія процентовъ съ онаго въ пользу бѣдныхъ учащихся въ училищѣ.	4
3. (16-го января 1889 года). О выбитіи медали въ память открытія Томскаго университета	—
4. (23-го декабря 1838 года). Обь учрежденіи при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ общества естествоиспытателей	23
5. (31-го января 1889 года). О расходѣ на содержаніе двухкласснаго училища въ городѣ Мервѣ и о служебныхъ правахъ преподавателей начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія въ Закаспійской области	29

Высочайшія награды	5
-------------------------------------	----------

Высочайшіе приказы.

(16-го января 1889 года)	10
(13-го февраля 1889 года).	30

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

СТРАН.

1. (7-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени потомственной почетной гражданки Маріи Алексѣвны Рахмановой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	11
2. (17-го ноября 1888 года). Положеніе о стипендіи имени профессора и академика Василя Павловича Висильева при С.-Петербургскомъ университетѣ	12
3. (26-го ноября 1888 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Николая Антоновича Кристофари при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ	—
4. (11-го декабря 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени „еврея Думашевскаго“ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ	13
5. (31-го декабря 1888 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Петра Ивановича Гогина при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ	14
6. (5-го января 1889 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Владиміра Александровича Казадаева при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ	15
7. (21-го января 1889 года). Положеніе о стипендіи имени генерала-адъютанта барона Андрея Николаевича Корфа	16
8. (16-го февраля 1889 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ ограниченіи участія нехристіанъ въ завѣдываніи начальными народными училищами	31
9. (22-го февраля 1889 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ испытаніяхъ студентовъ университетовъ въ особыхъ комиссіяхъ	—
10. (23-го февраля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Ивана Степановича Осипова при Якутской женской прогимназій	33
11. (28-го февраля 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ Имени Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Княженъ Ксеніи Александровны и Ольги Александровны при Жиздринской женской прогимназій	34
12. (15-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени дамъ Нарвскаго общества малой гильдіи, учреждаемой при Нарвскомъ городскомъ училищѣ	35
13. (15-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени жены профессора Кіевской духовной академіи Евгеніи Ковальницкой (урожденной Захарьевской) при Кіевской женской гимназій	—
14. (15-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника графа Константина Петровича Клейнмихела при дворянскомъ пансіонѣ-пріютѣ императора Александра II въ городѣ Курскѣ	36
15. (17-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Федора Алексѣевича Предтеченскаго при Воровежской мужской гимназій	37

ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СТРАН .

(10-го февраля 1889 года) 38

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Объ изданіи <i>И. Боровскаго</i> : „Общедоступная бібліотека русскихъ писателей“	17
О книгѣ: „Сочиненія Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Изданіе <i>Льва Поливанова</i> . Т. V“	—
О книгѣ: „Учебная русская историко-литературная хрестоматія. <i>Н. И. Баталина</i> “	—
О книжкѣ: „Т. Livii ab urbe condita. Съ объясненіями <i>И. Страхова</i> “	—
О книгѣ: „ <i>С. И. Шохоръ-Троцкій</i> . Опытъ методики арифметики для преподаванія математики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“	—
О книгѣ: „Основанія химіи. Составилъ <i>И. Вокій</i> , съ предисловіемъ <i>Н. Н. Бекетова</i> “	—
О книгѣ: „Популярныя лекціи о гальваническомъ токѣ и его примѣненіяхъ, съ прибавленіемъ лекціи о „вѣчномъ движеніи“. <i>Герн. Вебера</i> . Переводъ съ нѣмецкаго <i>Н. С. Дрентельна</i> “	18
О книгѣ: „Учебникъ космографіи. <i>О. К. Мирецкаго</i> и <i>А. Ф. Андрушкевича</i> “	—
О книгѣ: „Краткая грамматика нѣмецкаго языка. Составилъ <i>Фердинандъ Мей</i> . Этимологія. Изданіе 2-е“	—
О книгѣ: „Краткая грамматика нѣмецкаго языка. Составилъ <i>Фердинандъ Мей</i> . Ч. II. Синтаксисъ“	—
О книгѣ: „Гигіена голоса. Составилъ <i>М. Н. Глубоковскій</i> “	—
О книгѣ: „Иліада Гомера. Книги I—IV. Изданіе <i>Н. Кириллова</i> “	—
О книгѣ: „Греческая грамматика гимназическаго курса. <i>Э. Чернаго</i> . Часть I. Этимологія по учебнику <i>Э. Коха</i> и другимъ“	—
О книгахъ: 1) „Книга упражненій въ греческой этимологіи по руководству <i>П. Везенера</i> . Составилъ <i>Э. Черный</i> “; 2) „Сборникъ матеріаловъ для устнаго и письменнаго перевода съ русскаго языка на греческій. Составили <i>Э. Черный</i> и <i>Н. Баталинъ</i> “	19
О книгѣ: „Учебникъ общей географіи. <i>Г. С. Лыткина</i> “	—
О брошюрѣ: „Полный конспектъ латинскаго синтаксиса. Составилъ <i>П. В. Федоровскій</i> “	43
О книгѣ: „Римское государственное право. Сочиненіе <i>П. Виллемса</i> . Переводъ <i>П. Н. Бодянскаго</i> “	—
О книгѣ: „ <i>С. И. Шохоръ-Троцкій</i> . Учебникъ арифметики съ приложеніемъ дополнительныхъ статей“	—
О книгѣ: „ <i>С. И. Шохоръ-Троцкій</i> . Методическій сборникъ арифметическихъ задачъ“	—

- О книгѣ: „Краткій курсъ геометріи съ практическими примѣненіями. Составилъ *М. А. Страховъ*“ 44
- О книгѣ: „*Н. Кармевъ*. Паденіе Польши въ исторической литературѣ“ . . . . . —
- О первомъ выпускѣ „Альбома снимковъ съ картинъ Зимняго дворца, изображающихъ подвиги русскихъ войскъ. Изданіе генерала-лейтенанта *Зыкова*“ . . . . . —
- Объ изданіяхъ Общества любителей россійской словесности: 1) Евгений Овѣгинъ, романъ въ стихахъ *А. С. Пушкина*, подъ редакціей *Б. Якушкина*; 2) Борисъ Годуновъ. Сочиненіе *А. С. Пушкина*; 3) Полтава. Поэма *А. С. Пушкина*“ . . . . . —
- О книгѣ: „Пантеонъ литературы. Калевала. Финская народная эпopeя. Переводъ *Л. П. Бѣльскаго*“ . . . . . —
- О книгѣ: „*Н. А. Борисовъ*. Калевала. Финскія народныя быльницы“ . . . . . —
- Объ изданіи профессора Варшавскаго университета *А. Смирнова*: „Русскій филологическій Вѣстникъ за 1887 и 1888 годы“ . . . . . —
- Объ изданіи: „Альбомъ Московской Пушкинской выставки 1880 года. Второе изданіе Общества любителей россійской словесности, подъ редакціей *Льва Полванова*“ . . . . . —
- Объ атласѣ: „Географическіе чертежи Россіи. Составилъ *И. Н. Михайловъ*“ 45
- Объ изданіяхъ *Деріена*: 1) „Учебникъ частнаго растовіеводства. Составилъ *И. А. Стебутъ*“; 2) „Винодѣліе и погребное хозяйство. *А. Соломона*“; 3) „Общее животноводство. *Н. Р. Чирвинскаго*“; 4) Книги *П. Кулешова* подъ общимъ заглавіемъ: „Учебникъ частнаго животноводства и скотовраченія“: а) Выпускъ I. „Коневодство“; б) Выпускъ II. „Свиноводство“; в) Выпускъ III. „Овцеводство“ . . . . . —
- О книгахъ *Ө. И. Булаева*: 1) „Учебникъ русской грамматики“; 2) „Русская хрестоматія“ . . . . . —
- О брошюрѣ: „Сборникъ тригонометрическихъ задачъ. Составилъ *П. В. Преображенскій*“ 46
- Объ изданіи: „Собраніе трактатовъ и конвенцій. Составилъ *Ф. Мартенсъ*“ . . . . . —
- О книгѣ: „Кіевъ теперь и прежде. Составилъ *М. М. Захарченко*. Издасть *С. В. Кульженко*“ . . . . . —
- Объ изданіи: „Краткій учебникъ географіи. Составилъ *Ячмизъ*“ . . . . . —
- О книгѣ: „Учебникъ всеобщей географіи. Составилъ *Т. Будиновъ*“ 47
- О книгѣ: Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія. *Ио. Як. Акимѣева*“ . . . . . —
- О книгѣ: „Новый элементарный учебникъ французскаго языка. Составилъ *П. Мозеръ*. Ч. III“ . . . . . —
- О книгѣ: „Précis d'histoire de littérature française depuis les origines jusqu'à la révolution française, par *А. Natis*“ . . . . . —
- О книгѣ: „Біографіи и характеристивы изъ исторіи нѣмецкой литературы. Составилъ *Н. Струве*“ . . . . . —
- О книжкѣ: „Дѣтское чтеніе и игры. Педагогическій взглядъ. Составилъ *А. Словинскій*“ 48

О книгѣ: „С. Julii Caesaris Commentarii de bello gallico. Издавъ М. Блюсъ“	48
О книгѣ: „Греческая грамматика для гимназій. Составилъ О. Клеменчицъ“	—
О книгѣ: „Жизнь и удивительныя приключенія Робинсона Крузо, іоркскаго моряка. Сочиненіе Даміела Де-Фо. Переводъ съ англійскаго Петра Кончаловскаго“	—

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О „Картинахъ для начальнаго курса закона Божія. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильмина и торговаго дома Н. Фену и К°, по рисункамъ В. С. Крюкова“	19
О книгѣ: „С. И. Шохоръ-Троцкій. Сборникъ упражненій по арифметикѣ для учащихся“	20 ✓
О книгѣ: „Шотландскій Песталоцци. Составилъ Н. Арестевъ“	—
О книгѣ: „П. Ершовъ. Конекъ-горбунокъ. Русская сказка“	—
Офіціальныя извѣщенія	48 ✓
Открытіе училищъ	10 и 68

ОТДѢЛЪ НАУБЪ.

А. И. Введенскій. Критико-философскій анализъ массы и связь высшихъ законовъ матерій въ законѣ пропорціональности.	1 ✓
Н. Д. Чечулинъ. Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка (продолженіе).	45 и 241 ✓
П. В. Безобразовъ. Матеріалы для исторіи Византійской имперіи (продолженіе).	72
Н. Д. Батюшковъ. Связь экономическихъ явленій съ законами энергій (окончаніе)	92 и 269
А. В. Михайловъ. Въ вопросу о редакціяхъ Домостроя, его составъ и происхожденіи (окончаніе)	125
Е. Ф. Шмурло. О запискахъ Сильвестра Медвѣдова	241
А. Н. Веселовскій. Амфилохъ—Eupalach	370

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

И. А. Козеко. Н. П. Лизачевъ. Разрядные дьяки въ XVI вѣкѣ. С.-Пб. 1888	177
Н. И. Барфевъ. М. Винаверъ. Изслѣдованіе памятника польскаго обычнаго права XIII вѣка, написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ. Варшава. 1888	194
А. Г. Охе. Untersuchungen über den Substanzbegriff bei Leibnitz. 1888	200

А. С. Будиловичъ. Изъ записокъ по русской грамматикѣ. <i>А. Потебни</i> . Харьковъ. 1889	206
В. В. Язычество и иудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. <i>Т. Буткевича</i> . Харьковъ. 1888.	210
Е. А. Вѣловъ. Отвѣтъ моимъ критикамъ	215
В. В. Латышевъ. По поводу рецензій А. Н. Щукарева	225
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Жизнь и труды М. П. Цогодина. <i>Николая Барсукова</i> . Ч. II. С.-Пб. 1889.	383
А. Н. Нейфельдъ. <i>Handbücher der alten Geschichte</i> . Gotha. 1868.	398
А. С. Лаппо-Данилевскій. Описание документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. К. V. М. 1888.	407
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемые графомъ <i>И. Толстымъ</i> и <i>Н. Кондаковымъ</i> . С.-Пб. 1889.	423
К. С. И. Историческій очеркъ развитія элементарной школы въ біографіяхъ замѣчательнѣйшихъ педагоговъ и по уставамъ правительства. <i>А. Бяляскаю</i> . Глуховъ. 1887	427
В. В. Стасовъ. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. <i>Д. А. Ровинскаю</i> . С.-Пб. 1889.	433
— Забѣтка для профессора В. В. Качановскаго	436
Книжныя новости	233 и 437

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

А. Д. Вейсманъ. Къ вопросу о преподаваніи греческаго языка въ гимназіяхъ.	33
Наша учебная литература (разборъ 11 книгъ)	1 и 41

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Первое присужденіе премій Э. Э. Шуберта въ Императорской Академіи Наукъ	1
Императорское Русское Историческое Общество въ 1887 и 1888 годахъ.	13
Наши учебныя заведенія: Харьковскій университетъ въ 1887 году.	20
С. К. Смирновъ (<i>некрологъ</i>)	31

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Э. Л. Радловъ. Эмпедоклъ	97 и 1
А. А. Фетъ. Сатиры Персія.	101

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Князь Н. Н. Голицынъ. Библиографическій словарь русскихъ писательницъ (<i>продолженіе</i>).	225 и 257
---	-----------

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Конкурсъ на соисканіе Кирилло-Меѳодіевской преміи въ 1,500 и 500 руб.

Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества симъ объявляетъ, что въ торжественномъ собраніи гг. членовъ, состоявшемся 13-го мая 1886 г., по случаю исполнявшагося тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго, учрежденъ въ память славянскихъ первоучителей конкурсъ, съ двумя преміями, одною—въ 1,500 р. и другою—въ 500 р., за лучшія сочиненія, написанныя на слѣдующую тему:

Представить историческіе очерки образованія общихъ литературныхъ языковъ у древнихъ грековъ, италикъ, у новыхъ народовъ романскихъ (италіанскаго, французскаго, испанскаго) и германскихъ (англійскаго и нѣмецкаго) Изложить судьбы церковно-славянскаго языка у различныхъ народовъ славянскихъ до новѣйшаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка: у словаковъ, у поляковъ,—польскаго въ западной Руси: у малоруссовъ и бѣлоруссовъ,—сербскаго у хорватовъ. Прослѣдить, по возможности, со временъ Петра Великаго или Ломоносова до настоящихъ дней успѣхи русскаго языка у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словенцевъ, словаковъ, чеховъ, сербовъ-лужицанъ, поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ извѣстной системѣ разнообразныя появлявшіяся, начиная съ Крижанича до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, объ общемъ дипломатическомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ единствѣ. Въ заключеніе, опираясь на результатыхъ предыдущихъ изслѣдованій и на историческихъ аналогіяхъ древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ самъ поставить и рассмотреть вопросы: возможно ли и необходимо ли литературное единство народностей славянскихъ? При этомъ авторъ не долженъ упускать изъ виду существованіе въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англии, Германіи литературной мѣстной обработки отдѣльныхъ нарѣчій и поднарѣчій, даже говоровъ, не исчезнувшей и не прервавшейся съ утверженіемъ въ этихъ странахъ общихъ литературныхъ языковъ.

Прежній срокъ представленія сочиненій на вышеизложенную тему нынѣ продолженъ до 11-го мая 1890 года, при чемъ сочиненія должны быть доставлены въ совѣтъ Славянскаго общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра № 7) безъ означенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами въ одномъ изъ торжественныхъ общихъ собраній.

За лучшее сочинение будетъ выдано 1,500 р., за второе же по достоинству 500 р.

Сочинения могутъ быть написаны по русски, или на любомъ изъ славянскихъ нарѣчій, или даже на одномъ изъ извѣстнѣйшихъ западно-европейскихъ языковъ.

Если С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество признаетъ нужнымъ, по соглашенію съ авторомъ, издать въ свѣтъ (буде сочинение рукопись, а не печатная книга) премированное сочинение, то оно его печатаетъ только на русскомъ языкѣ, хотя бы оригиналъ былъ и не русскій.

При присужденіи преміи имѣются главнѣйше въ виду слѣдующія качества: точность, полнота и обработка сообщенныхъ фактовъ, ясность доводовъ и достоинство изложенія.

Конкурсъ на соисканіе преміи имени А. Θ. Гильфердинга въ 1,000 руб.

Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества снѣгъ объявляетъ, что на соисканіе преміи имени покойнаго А. Θ. Гильфердинга предлагается слѣдующая тема: Представить географическій и этнографическій очеркъ современной Македоніи, при чемъ, въ особенности, остановиться на характеристикѣ говоровъ ея славянскаго населенія; изложить, на основаніи источниковъ, историческія судьбы Македоніи съ VI—VII вѣка по XV вѣкъ; приложить указатель урочищъ и краткое описаніе сохранившихся въ нынѣшней Македоніи памятниковъ византійской и славянской старины за указанное время.

Сочиненія на эту тему должны быть доставлены въ совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, № 7), не позже 11-го мая 1890 года, безъ означенія имени автора, но съ девизомъ или эпитафией.

Означеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ долженъ быть прописанъ девизъ или эпитафия рукописи.

За сочинение, удовлетворяющее всѣмъ вышеназваннымъ требованіямъ, автору будетъ выдана полная премія—въ тысячу (1,000) рублей.

Эта премія можетъ быть раздѣлена на двѣ—въ 700 р. и 300 р.

Авторы сочиненій, не удовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ предлагаемаго конкурса, награждаются преміей въ уменьшенномъ размѣрѣ—въ 700 или въ 300 р., смотря по достоинствамъ сочиненія.

Сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ.

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество оставляетъ за собою право перваго изданія премированнаго сочиненія, съ предоставленіемъ въ распоряженіе автора отъ 300 до 400 экземпляровъ.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

LOAN DEPARTMENT

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

APR - 5 '75

REC'D LD

MAR 19 1973

MAR 18 1975 #7

REC'D AH/C SEP 18 1974

LIBRARY USE DEC 16 '86

LD21-35m-8,'72
(Q4189810)476-A-32

General Library
University of California
Berkeley

YD 22675

U. C. BERKELEY LIBRARIES

CD42150575

843061

STORAGE
ANNEX

L451
A4
v. 262

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

